ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Рәсәй фәндәр академияһы
Өфө ғилми үҙәге
Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты

Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

Башкортостан Республикаһы хөкүмәте
Башкортостан Республикаһы
Фәндәр академияһы

Правительство Республики Башкортостан
Академия наук
Республики Башкортостан

РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
ӨФӨ ҒИЛМИ ҮҘӘГЕ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТ
ИНСТИТУТЫ

БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ
ХӨКҮМӘТЕ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ
ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ

БАШҠОРТ ХАЛҠЫНЫҢ ТАРИХЫ

ЕТЕ ТОМДА

IV ТОМ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

ИСТОРИЯ **БАШКИРСКОГО НАРОДА**

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ IV

Санкт- Петербург
«НАУКА»
2011

УДК 94(470.57)
ББК 63.3(2 Рос. Баш)
И 90

Работа подготовлена и издана в рамках Гос(контракта) № 1 - ИБН «Подготовка и издание многотомной «Истории башкирского народа»»

Редакционная коллегия:

Рахматуллина З. Я., заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан, д. филос. н., председатель редакционной коллегии

Акманов И. Г., профессор Башкирского государственного университета, д. и. н.

Алексеев В. В., директор Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, академик РАН

Ананьич Б. В., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, академик РАН

Асфандияров А. З., профессор Башкирского государственного университета, к. и. н.

Аюпов М. А., вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ

Бахтизин Р. Н., президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ

Кульшарипов М. М., заведующий кафедрой Башкирского государственного университета, главный редактор (научный руководитель) издания, д. и. н.

Литвинский Б. А., главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, д. и. н.

Мажитов **Н.** А., академик АН РБ

Мустафин А. Г., ректор Башкирского государственного университета, академик АН РБ

Овсянников В. В., заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.

Петров Ю. А., директор Института российской истории Российской академии наук, д. и. н.

Попова И. Ф., директор Института восточных рукописей Российской академии наук, д. ф. н.

Псянчин А. В., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. г. н.

Пшеничнюк А. Х., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.

Сахаров А. Н., член-корреспондент РАН

Сулейманова Р. Н., заведующая отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. и. н.

Тишков В. А., директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, заместитель академика-секретаря ОИФН, академик РАН

Хисамитдинова Ф. Г., директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, заместитель главного редактора (научного руководителя) издания, д. ф. н.

Хисматуллин А. А., начальник Управления по делам архивов Республики Башкортостан

Чубарьян А. **О.,** директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН

Шаммазов А. **М.,** ректор Уфимского государственного нефтяного технического университета, академик АН РБ

Юсупов Р. М., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.

Яблонский Л. Т., заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, д. и. н.

Редакционная коллегия тома IV:

А. З. Асфандияров, Ю. М. Абсалямов, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова

Рецензенты:

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
В. А. Лабузов, доктор исторических наук, профессор
Оренбургского государственного педагогического университета
С. В. Белоусов, доктор исторических наук, профессор
Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского

ISBN 978-5-02-037008-1
ISBN 978-5-02-038276-3 (т. IV)

© Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том «Истории башкирского народа» посвящен истории башкир с конца XVIII в. до начала Русско-японской войны. Этот период примечателен двумя крупными явлениями, оказавшими влияние на последующую историю башкир: кантонной системой управления и развитием башкирского общества в социокультурном пространстве Российской империи пореформенного периода. Территориальные границы исследования охватывают все уезды Оренбургской губернии (впоследствии Оренбургской и Уфимской), некоторые уезды Саратовской, Пермской и Вятской губерний, а также Башкирского отдела Уральского казачьего войска — мест исконного проживания башкир.

Настоящее издание опирается на широкую источниковую базу, причем большое количество архивных документов вводится в научный оборот впервые. Авторами подвергнута всестороннему анализу имеющаяся на сегодняшний день литература по истории башкир XIX в., творчески использован научный потенциал, созданный предшествующими поколениями историков.

История башкир в XIX в. рассматривается в томе в рамках концепции интеграции Башкортостана в состав России, т. е. приспособления традиционных институтов башкирского общества к административной структуре Российского государства, включения башкир в социокультурные процессы, общие для всего пространства империи.

Кантонная система управления явилась оптимальной моделью интеграции башкир, реализуемой через вектор военной службы. Нахождение Башкортостана в составе России с момента добровольного вхождения долгое время имело военно-административный характер. Интеграционные процессы, протекавшие в XVII в. и основанные на договоренностях середины XVI в., в целом удовлетворяли и башкир, и русское правительство. Попытки правительства нарушить условия вхождения башкир неизбежно приводили к восстаниям, после которых правительство возвращалось к прежним договоренностям. В первой половине XVIII в. Российское государство, вступившее на путь модернизации и отказавшееся от прежней модели взаимоотношений, начало интенсивно включать Башкортостан в структуры империи, что привело к тяжелейшему политическому кризису, проявлением которого стали башкирские восстания. Особенно активно эти два явления - форсированная интеграция и башкирские восстания - развернулись с началом деятельности Оренбургской экспедиции. Лишь привлечение башкир к военной службе на пограничной линии и участию в походах российской армии, а также сотрудничество с национальной элитой позволили правительству преодолеть кризис и обеспечить продолжение интеграционных процессов. Важнейшую роль в этом сыграло введение кантонной системы управления.

Таким образом, путем проб и ошибок была выработана модель разрешения конфликта двух социально-политических традиций, культур — восточной и европейской, в основе которой лежал компромисс, связанный с сохранением некоторых привилегий для одной стороны при условии ее полной лояльности к институтам власти. В данную модель входил определенный набор действий правительства и местной администрации: перевод в военно-служилый статус местного населения, организация национального войска или отдельных частей, формирование местных элит, лояльных верховной власти, гибкая земельная и религиозная политика в крае. Основным механизмом этой модели была воинская служба.

Данная модель показала свою надежность и была впоследствии использована в той или иной форме на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Если для государства кантонная система выполняла в целом интегративную функцию, решала крупнейшую военно-политическую задачу защиты юго-восточной границы

империи, то для башкир она была сопряжена с рядом крупных явлений, связанных с трансформацией землевладения и землепользования, проникновением в башкирский социум светского образования, инкорпорированием башкирской элиты в дворянскую среду. Кантонная система имела двойственную природу. С одной стороны, она порабощала народ, лишала его деловой инициативы и активности, с другой — структурировала общество и, что самое главное, помогла сохранить башкирам этническое самосознание. Следует признать, что в исторически обозримом времени только в период кантонной системы все башкиры, независимо от того, в какой губернии они жили, получили общее управление и представляли себя как единое целое. Это способствовало консолидации башкирского народа, его развитию.

Отмена кантонной системы и наступившая затем эпоха Великих реформ принесли башкирам новые испытания, связанные с началом стремительной модернизации России. Здесь необходимо учитывать, что одновременно изменялись обе структуры — и сама Россия, и Башкортостан, поэтому процесс социокультурной интеграции проходил на фоне массового расхищения башкирских земель, разорения башкир, притока в край большого числа переселенцев, особенно в конце XIX — начале XX в.

Основная концепция предопределила структуру тома, включающую в себя два раздела. В первом рассматривается процесс интеграции башкир в административно-правовую структуру Российского государства, протекавший в рамках кантонной системы. Второй раздел освещает историю башкирского народа в социокультурном и политическом пространстве пореформенной России. Внутри каждого раздела анализируется динамика основных структур, характеризующих башкирский народ: положение башкир в имперском пространстве — правовом и военном, хозяйство башкир, башкирское общество, культура башкирского народа.

Территория, на которой жили башкиры в XIX в., в русскоязычных документах называлась «Башкирия». Сами башкиры называли ее «страна башкир» или «Башкортостан». В данном томе используются оба наименования («Башкирия» и «Башкортостан») как тождественные.

На солидном архивном материале рассмотрены процессы создания и трансформации кантонной системы в течение всего времени ее существования. Если к 40-м гг. XIX в. у оренбургских и уральских казаков кантонная система была заменена новыми положениями о службе, а Ставропольское калмыцкое войско вообще было упразднено, то у башкир местная администрация, наоборот, пыталась систему сохранить и модернизировать. Впервые в историографии предложена попытка рассмотреть взаимоотношения башкир и носителей верховной власти в крае — оренбургских военных губернаторов - через призму отношения губернаторов к башкирам и восприятия самими башкирами наместников царя. Отмена кантонной системы и упразднение войска, перевод башкир в разряд «сельских обывателей», постепенная унификация их правового статуса, участие в земской деятельности свидетельствовали о процессе интеграции, институализации башкир как части российского общества с сохранением некоторых региональных особенностей (вотчинное право на землю, конфессиональные).

В XIX в. башкиры, кроме пограничной службы, активно привлекались к участию в составе российской армии в войнах, поэтому этот аспект истории башкирского народа рассмотрен достаточно подробно. Авторским коллективом проделана большая работа по выявлению новых источников, связанных с военной службой башкир, при анализе которых особое внимание обращено на восприятие башкир-воинов русским военным командованием и «противоположной стороной», т. е. противником. В книге рассмотрен процесс создания Башкиро-мещерякского (с 1855 г. Башкирского) войска, проанализированы проекты его реформ. Военная служба башкир исследована в двух аспектах: с одной стороны, служба на Оренбургской пограничной линии и связанные с ней походы в степь, различные трудовые и денежные повинности; с другой — всестороннему анализу подвергнуто участие башкир в походах российской армии в первой половине XIX в.

Выдающимся вкладом башкирского народа в независимость России, одновременно героическим и трагическим, было активное участие в походах российской армии во время наполеоновских войн, когда о башкирах заговорила вся Европа, произошел их культурный контакт с европейцами. Если для Европы «северные амуры» стали символом Российского Востока, то для россиян — патриотами, по призыву царя принявшими участие во многих битвах и дошедшими вместе с российской армией до Парижа. По массовости участия в этих войнах башкиры были вторыми после донских казаков. В томе рассмотрена эволюция военной службы башкир на протяжении XIX в. от иррегулярного национального войска к службе по призыву властях российской армии.

Обстоятельно рассмотрены вопросы складывания земельного законодательства в отношении башкир, Генерального межевания башкирских земель, перевода полукочевой части башкир к оседлости и земледелию. Выявлены причины, приведшие к массовому расхищению башкирских земель в 70-е гг. XIX в., показан механизм этого процесса, его трагические последствия для башкирского народа. В томе исследованы процесс хозяйственного освоения края, начало аграрной модернизации и включение в нее башкир, вовлечение их в промышленное развитие и торговлю.

В книге большое внимание уделено состоянию башкирского общества как в период кантонной системы, так и в пореформенное время. На основе обобщения материалов ревизий подробно рассмотрена демография башкир, показаны ее особенности, выявлена динамика изменений и факторы, влиявшие на нее, проанализировано положение башкирской семьи, ее эволюция, а также начало интеграции башкирского народа в урбанистическую среду в конце XIX в.

Кантонная система структурировала башкирское общество, в нем сложилась вертикаль социальной лестницы, связанная с выделением чиновников (некоторые из них стали впоследствии дворянами). Этот процесс в исследовании подвергнут обстоятельному анализу. Изменения в социальной структуре, взаимоотношения башкир с припущенниками (тептярями и мишарями), башкиро-казахские связи, социальный протест рассмотрены с позиций достижений современной исторической науки на основе привлечения обширного фактического материала.

Впервые в историографии концептуально выделены два аспекта истории башкир, которые ранее оставались вне поля зрения исследователей. Это исламский фактор в жизни башкирского общества, его влияние на историю народа; при этом особое внимание уделено джадидизму как новому вектору культурно-социальной интеграции, давшей свои результаты в начале XX в. Кроме того, в исследовании на основе обращения к мемуарной и публицистической литературе предпринята попытка сформулировать основные элементы формирования и эволюции образа башкир у европейцев и русских интеллектуалов, показаны объективные и субъективные факторы, влиявшие на его трансформацию в течение века.

В томе обобщены результаты исследований жизни и деятельности башкирских просветителей, показан их вклад в развитие просвещения, литературы, башкирского языка. Освещая их жизненный путь и труды, авторы намеренно вышли за хронологические рамки исследования, поскольку некоторые просветители жили в начале XX в., и разрывать или отсекать их деятельность невозможно, иначе теряется цельность изложения.

Вопросы культуры башкирского народа и ее трансформации также являются объектом многостороннего изучения. Проанализированы яркие образцы фольклора, подвергнуто изучению развитие письменности и литературы, просвещения, башкирского литературного языка.

В последнее время, в связи с известным кризисом исторической науки, часто заявляется, что эпоха больших нарративов прошла, а историческая наука, с одной стороны, стремительно фрагментируется, с другой — уходит в детализацию прошлого. Не вступая в дискуссии, отметим, что редакционная коллегия и авторский коллектив осознают сложность написания такого текста, представляющего не только часть многотомного издания, но и сам по себе большой нарратив. Том

является трудом коллективным, ему присущи разные авторские позиции, часто спорные, в некоторых случаях противоречащие взглядам того или иного участника проекта. Но при всем возможном разнообразии оценок в основу текста неизменно положены принципы, разделяемые каждым членом авторского коллектива: научность, объективность, историзм. Все разделы тома опираются на обширную источниковую базу, концептуально продуманы и связаны между собой. В томе исследованы ключевые структуры, позволяющие дать научно обоснованные сведения об основных направлениях развития башкирского общества XIX в. Многие вторичные структуры и элементы остались не освещенными; вероятно, найдутся и неизученные вопросы истории башкирского народа в XIX в. Это — дело будущих поколений историков. В данном случае предпринята попытка подвести итоги изучения темы на начало второго десятилетия XXI в. и наметить основные направления дальнейших исследований. Насколько удачной оказалась эта работа, судить читателям.

ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ БАШКИР В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВУЮ СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. КАНТОННАЯ СИСТЕМА

БАШКИРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

Изучение истории башкирского народа в XIX в. можно условно разделить на несколько периодов. Дореволюционный, начавшийся в 10-е гг. XIX в., завершился практически в начале 20-х гг. XX в. В это время история башкир еще не стала предметом специального исследования, однако она в определенной мере представлена в этнографической и краеведческой литературе. Появились первые оценки кантонной системы, в пореформенное время в публицистике был поставлен вопрос о вымирании башкир.

С 20-х по конец 50-х гг. XX в. в изучении истории башкир XIX в. преобладал краеведческий подход, на который существенное влияние оказала марксистско-ленинская социология в духе «теории классовой борьбы», поэтому данный период можно условно назвать «периодом краеведения». В эти годы появились отдельные труды, посвященные истории башкир, но они сохраняли инерцию предыдущего этапа: носили краеведческий характер, история башкир в XIX в., особенно в кантонную эпоху, подавалась в духе прежней дореволюционной историографии, причем негативные оценки были усилены.

С конца 1950-х гг., т. е. с момента выхода второй части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР», по начало 1990-х гг. - период развития советской исторической науки под влиянием доктрины «научного марксизма-ленинизма», для которого характерен методологический диктат. Он осуществлялся в рамках структуры «Очерков», а сами работы страдали позитивистским подходом. Разумеется, позитивизм советской, особенно региональной, истории в то время — повсеместное явление, поскольку теоретические обобщения позволялись в трудах только столичных ученых. Это время можно условно назвать «периодом “Очерков”».

С начала 90-х гг. XX в. по настоящее время — период становления и развития российской исторической науки, когда, наряду с работами, написанными в прежней традиции, появились труды по истории башкир XIX в., претендующие на новые подходы, концептуально отличающиеся от марксистской парадигмы; стала разнообразнее тематика исследований.

Первые работы, в которых освещались те или иные аспекты темы, были опубликованы уже в первой половине XIX в. Это различные хозяйственные, топографические, этнографические и статистические описания губерний *[Попов,* 1811; 1813; *Жуковский,* 1832; *П.Р.,* 1832; *Замечания...* 1834; *Дебу,* 1837; *Небольсин,* 1850; 1852; 1854; *Черемшанский,* 1859; *Игнатович,* 1863; *Семенов-Тян-Шанский,* 1863; *Казанцев,* 1866]. В них сообщаются отдельные сведения о башкирах, их численности, расселении, занятиях; имеются некоторые интересные наблюдения о быте и традициях народа. Во второй половине XIX — начале XX в. издание такого рода нарративов продолжалось, заметно усилился крен в сторону этнографии и демографии *[Назаров,* 1863; 1890; *Народы...* 1877; *Уйфальви,* 1877; *Малахов,* 1887; *Юдин,* 1890; *Бергхольц,* 1893; *Аристов,* 1896; *Рыбаков,* 1897; *Зеленин,* 1908]. Особенно много появилось работ, написанных врачами *[Малиев,* 1876; *Литуновский,* 1878; *Арнольдов,* 1894; *Никольский,* 1899].

Выделился блок демографической литературы, в которой были приведены материалы о численности башкир по губерниям *[Небольсин,* 1850; *Кеппен,* 1857; *Риттих,* 1875; *Малиев,* 1876; *Гурвич,* 1880]. В монографии В.М.Черемшанского сообщались сведения о численности башкир на середину XIX в. по кантонам *[Черемшанский,* 1859]. В плане сравнительного анализа и выявления общего результата демографического развития всех башкир на протяжении XIX в. интересные сведения содержал труд Д.П. Никольского *[Никольский,* 1899].

Дореволюционная историография впервые затронула тему социального протеста и участия в нем башкир. Так, волнения 1834—1835 гг. рассмотрел И.С. Шукшинцев, в работе которого содержится богатый фактический материал. Причиной самих волнений автор видел лишь слухи, которые были неверно истолкованы населением Башкирии *[Шукшинцев,* 1903]. Хозяйство башкир в XIX в. в целом не изучалось, за исключением отдельных уездов *[Скалозубов,* 1893; *Калачев,* 1899].

В этот период появились работы, в которых была подвергнута критике кантонная система *[Алекторов,* 1883. С. 16; *Никольский,* 1899. С. 12; *Филоненко,* 1915. С. 72]. Авторы осуждали принудительный перевод к оседлости и земледелию, бесчинства и произвол кантонных начальников; указывали, что администрация не учитывала мнения самих башкир. А.Е.Алекторов считал, что деятельность попечителей не имела никакого положительного результата, наоборот, их попытки просвещения, навязывания «европейского лада» принесли «невероятный вред». По его мнению, кантонная система в целом была явлением отрицательным *[Алекторов,* 1883]. Он указал, что ошибочность быстрого перехода к оседлости, стремление европеизировать башкир связаны с непониманием самой природы жизни народа, что у них «другая жизнь, другие взгляды и земля другая, другие нравы, обычаи и другая религия».

Заслугой Д.П. Никольского было то, что в своем исследовании он смог дать аргументированный ответ на известный тезис Г.Успенского «о вымирании башкир»: «несмотря на все неблагоприятные условия, башкирский народ все же не вымирает» *[Никольский,* 1899]. В.И.Филоненко считал, что Башкирское войско не принесло никакой пользы, не оправдало возлагавшихся на него надежд *[Филоненко,* 1915. С. 65].

В дореволюционной историографии впервые начала формироваться тема участия башкир в наполеоновских войнах. Сразу после русско-прусско-французской войны 1806-1807 гг. и некоторое время спустя были опубликованы работы современников этих событий, в которых в той или иной степени описывалось участие башкир в войне. Офицер Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, впоследствии генерал-майор П.АЧуйкевич в 1810 г. опубликовал монографию, в которой подробно описал действия башкирской конницы. В основу этой книги был положен «Журнал», который автор вел, находясь в составе корпуса М.И.Платова *[Чуйкевич,* 1810]. Английский офицер, находившийся при русской армии, сэр Р.-Т.Вильсон также наблюдал башкир в бою 4 июня 1807 г., а в своей работе, вышедшей в том же году, отметил, что они «с большим эффектом атаковали отряды врага, захватив пленных» *[Wilson,* 1810. P. 40—41]. Другой участник событий, известный поэт-партизан Д.В.Давыдов, опубликовал свои воспоминания, в которых, красочно описав случай ранения французского подполковника башкирской стрелой в нос, в целом негативно оценил факт использования национальной конницы, имевшей средневековое оружие, против современной ему армии *[Давыдов*, 1839]. В официальной историографии участие башкир в бою с наполеоновской кавалерией под Тильзитом зафиксировал А. И. Михайловский-Данилевский *[Михайловский-Данилевский,* 1846. С. 343—344].

Касаясь зародившейся историографии участия башкир в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг., необходимо отметить, что в этот период, кроме эпизодических упоминаний, специальных работ не было *[Черемшанский,* 1859; *Казанцев,* 1866; *Боенский,* 1909; *Апухтин,* 1912, 1912а, 19126; *Поликарпов,* 1912; 1913; *Башкирия...* 1989]. Первая обобщающая работа М.Л. Юдиным была написана к столетнему юбилею войны и касалась участия в боевых действиях оренбургских казаков в большей степени, башкир и тептярей — в меньшей *[Юдин,* 1912].

В ряде работ, посвященных степным походам, особенно Хивинской экспедиции 1839-1840 гг., сообщалась информация об участии в них башкир, приводились сведения о численности войск, описывались отдельные эпизоды, указывались особенности вооружения и снаряжения *[Зыков,* 1862; *Голосов,* 1863; *Иванов,* 1873; *Иванин,* 1874; *Оренбургский...* 1887. № 25; *Захарьин,* 1901; *Севастьянов,* 1906; *Кривощеков,* 1914]. В работах П.Л.Юдина, посвященных пребыванию цесаревича Александра Николаевича и графа В.А.Перовского в крае, имелась интересная информация о Башкиро-мещерякском войске *[Юдин,* 1891; 1896; 1896а].

С завоеванием Туркестана многие участники событий, а также историки попытались отразить этот процесс в монографической литературе. В работах некоторых авторов имеется информация об участии башкир в военном освоении казахской степи в 30—50-е гг. XIX в. *[Галкин,* 1868; *Костенко,* 1871; *Макшеев,* 1890; *Терентьев,* 1906]. В юбилейном издании, посвященном столетию Военного министерства, прозвучала оценка места Башкиро-мещерякского войска в системе иррегулярных войск России *[Никольский, Чернощеков,* 1907].

Подводя итог изучению истории башкир XIX в., в дореволюционной историографии, необходимо отметить, что в ней появилась первая оценка кантонной системы - отрицательная. Работы писались в большей степени не профессиональными историками, а военными, чиновниками, врачами, краеведами. В этом была их слабость и одновременно ценность, поскольку они были информационно насыщенны. Тематика публикаций была свя-

зана в основном с военно-политической и хозяйственно-этнографической историей башкир.

С 20-х гг. по конец 50-х гг. XX в. были предприняты попытки написать специальные работы, посвященные истории башкирского народа, в том числе в XIX в. В это время появляются труды, посвященные истории Башкортостана *[Комиссаров,* 1926; *Чурко,* 1927]. Особых успехов в деле изучения башкир достигла этнографическая наука. Ее весомым результатом была публикация фундаментального труда С.И.Руденко о башкирах *[Руденко,* 1925].

В 1927 г. вышла монография М.Л.Муртазина об участии Башкирского войска в Гражданской войне *[Муртазин,* 2007]. Несмотря на название, работа на самом деле имела более широкую проблематику. Ее первый раздел был посвящен в целом прошлому башкирского народа. В третьей главе отдельным параграфом рассматривалась военная служба башкир. Муртазин относил организацию башкирского войска к концу XVIII в., отметив начало службы башкир в XVII в. Более подробно им была рассмотрена военная служба башкир в XIX в., включая введение кантонной системы управления, организацию войска, его вооружение и обмундирование. Касаясь периода наполеоновских войн, Муртазин указал на участие 20 башкирских полков в 1812-1813 гг. в боевых действиях армии и партизанских отрядов. Рассматривая вопрос о причинах крестьянских волнений в Башкортостане 1834 г., он считал, что башкиры подняли восстание против решения правительства о ликвидации башкирских полков и переводе башкир в разряд государственных крестьян. На самом же деле в волнениях, имевших иные причины, участвовали наряду с башкирами тептяри и удельные крестьяне. Далее, по мнению автора, шел медленный процесс уничтожения Башкирского войска. В 1855 г., как считал Муртазин, было упразднено мещерякское войско, поэтому оставшееся стало именоваться Башкирским, а в 1865 г. оно перестало существовать в целом. Автор показал участие башкир в степных походах, а также в Крымской войне, правда, полагая при этом, что в ней башкирские полки имели пятисотенный состав, в то время как они имели иной штат. Ничего не было сказано об участии башкир в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и русско-польской войне 1830-1831 гг., несении ими пограничной и карантинной службы на южных границах России. Источниками для написания данного параграфа Муртазину послужили опубликованные работы дореволюционных авторов. В целом, автором был дан краткий, но емкий материал, связанный с военной службой башкир.

В некоторых работах, написанных в этот период, повторялась вслед за Д.П.Никольским оценка кантонной системы как «мрачной эпохи в истории башкирского народа» *[Никольский,* 1899. С. 12]. Так, Фахрутдинов предполагал, что кантоны - это механизм реализации колониальной системы, М.Ф.Чурко считал, что они имели «отрицательное значение» для башкир, Ш.И.Типеев отождествлял кантонное управление с опричниной *[Фахрутдинов,* 1925; *Чурко,* 1927; *Рязанов,* 1928; *Шпицер,* 1929; *Типеев,* 1930].

В основном схема башкирской истории в публикациях того времени представлялась примерно следующей. Башкир завоевывает русское феодальное государство, начинается их жесткая эксплуатация, в ответ они поднимают восстания, которые жестоко подавляются. Оренбургская экспедиция устанавливает колониальную систему в крае, ее потрясают башкирские восстания как движения освободительные и Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева как движение классовое. Кантонная система окончательно завершает превращение Башкортостана в колонию. В это время наблюдается двойная эксплуатация башкир - собственными феодалами и самодержавно-крепостническим государством. Эксплуататорами являются царь, сановники, баи, муллы, заводчики, помещики, купцы. В пореформенный период Башкортостан становится объектом разграбления, но постепенно формируются условия для победы социалистической революции.

Под эту схему подгонялись факты, некоторые темы уже заявленные в прежней историографии, становились «неудобными». Такой темой стало участие башкир в Отечественной войне 1812 г.

В 1941 г. начавшаяся Великая Отечественная война вызвала необходимость обратиться к процессу формирования советского патриотизма, корни которого должны были подтверждаться фактами исторического прошлого. Поскольку тема Отечественной войны 1812 г. была созвучна текущим событиям, на нее и было направлено большое внимание историков. Так, в Саратове была издана брошюра П.Жибарева и Д.Эпштейна *[Жибарев, Эпштейн,* 1941]. Небольшая по объему работа на примере ополчения в эпоху наполеоновских войн показывала- героизм народа, его патриотический настрой. В ней имелись указания на участие башкир в походах 1812— 1814 гг.

Ярко выраженная востребованность темы войны с Наполеоном обусловила появление в свет брошюры Р. М. Раимова «Башкирский народ в Отечественной войне 1812года» *[Раимов,* 1943]. Несмотря на во многом слабую источниковую базу, а также некоторые неверные оценки характера действий башкирской конницы, работа Раимова сконцентрировала в себе практически весь накопленный исторической наукой материал об участии башкир в наполеоновских войнах. Ее автор использовал

разнообразный материал, включая фольклор, для более полного раскрытия темы. Дальнейшая потребность в работе с этой темой в рамках прививания патриотизма способствовала изданию А. Н. Усмановым сборника легенд и песен *[Усманов,* 1944]. Материалы этого сборника, как и брошюра Раимова, активно использовались партийными органами ВКП(б) и агитаторами в работе среди мобилизованных на фронт, а также в самой республике.

Интерес к воинским традициям башкирского народа, вызванный войной, не ограничился событиями 1812 г. Исследованию подверглись и иные сюжеты, связанные с военной историей башкир, а также башкирскими восстаниями. Особое место занимала личность сподвижника Е.И. Пугачева Салавата Юлаева. Обращение к истории средневековья имело свои особенности. Поскольку документальная источниковая база по этому периоду практически отсутствовала, то большое внимание уделялось фольклору, выступавшему в массовом сознании синонимом далекого прошлого с его героическими страницами. Появились литературные произведения, написанные по фольклорным мотивам (например, кубаир «Отечественная война» М.Бурангулова, драма «Кахым-туря» Б.Бикбая).

Аналогичной была историко-патриотическая работа, проводившаяся в соседней Татарской АССР. Здесь также имело место обращение к средневековому прошлому татарского народа, эпосу об Идегее. В связи с этим партийное руководство посчитало, что произошел отход ученых от принципов классовой борьбы в истории, наметилось отклонение от генеральной линии, проложенной «Кратким курсом истории ВКП(б)». Все это привело к активному вмешательству со стороны Центра, местному партийному руководству было сделано жесткое внушение за «ошибки» в деле политико-воспитательной работы. Этот процесс имел несколько этапов.

Вначале, на совещании советских историков в ЦК ВКП (б) в мае-июне 1944 г., было уделено внимание вопросам борьбы с так называемыми «националистическими ошибками нерусских народностей страны» *[Новые...* 1991. С. 188—205]. Затем, 9 августа 1944 г., ЦК ВКП(б) принял уже постановление, осуждающее татарскую республиканскую газету «Красная Татария» за «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому ВКП(б) предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии» *[Постановление...*1971. С. 113-120]. Следующей на очереди оказалась Башкирия. 27 января 1945 г. аналогичное постановление было принято по поводу работы, или точнее «бездействия» руководства Башкирской областной партийной организации, где тоже «обнаружились» серьезные идеологические просчеты. В постановлении говорилось: «В пьесе “Кахым-туря” извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины» *[Постановление...* 1985. С. 542]. Все эти формулировки были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (17 мая 1945 г.).

Последствия критики были тяжелыми. Начались гонения на ученых, сопровождаемые огульными обвинениями с последующими оргвыводами. Все это заставило историков и фольклористов впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а на деле привело к свертыванию попыток обращения к истории в целом и к военным традициям башкир в частности. Интерес к военной проблематике, в том числе, казалось бы, безобидной «теме 1812 года», был надолго отбит у местных историков.

Таким образом, «краеведческий» период историографии не был отмечен информативностью работ, опиравшихся в основном на прежний материал. Он выделяется социологизацией истории башкир, партийным вмешательством в процесс работы историков, в нем была поддержана сформированная в дореволюционной историографии негативная оценка кантонной системы, правда, без каких-либо серьезных доказательств.

В 1959 г. вышла вторая часть первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР». Стоит отметить, что появление этой фундаментальной для того времени работы, написанной московскими и уфимскими историками, было серьезным прорывом в исторической науке. В ней, опиравшейся на новую источниковую базу, была предпринята попытка концептуально, с позиций ленинизма осветить ход истории на Южном Урале. Необходимо признать, что первый том оказался наиболее удачным, и в какой-то мере в региональной историографии до сих пор сохраняется его влияние.

Концепция, предложенная в «Очерках», была крайне проста — она копировала периодизацию истории СССР, соответственно глава первая называлась «Башкирия в период разложения и кризиса феодального строя и роста капиталистических отношений», вторая — «Башкирия в период подготовки и проведения буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в.», третья — «Башкирия в пореформенный период», далее шла глава о культуре, и пятая имела простое название — «Башкирия в конце XIX — начале XX вв.», поскольку ничего существенного, с позиции редакции тома, в это время не произошло. Насколько неизменной была марксистско-ленинская парадигма представлений о периодизации

региональной истории, заданная «Очерками», можно увидеть по разделам «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.» [*История...* 1996]. XIX в. представлен тремя главами - «Экономика и социальные отношения в Башкортостане в первой половине XIX в. Участие народов края в Отечественной войне 1812 г.»; «Борьба народных масс Башкортостана против феодально-крепостнического гнета. Отражение дворянского этапа освободительного движения»; «Культура народов Башкортостана во второй половине XVI - первой половине XIX в.». В 2004 г. вышел в свет первый том «Истории Башкортостана с древнейших времен до наших дней» [*История...* 2004].
XIX в. в нем был представлен двумя главами — «Кризис системы: Башкортостан в первой половине XIX в.» и «Время Великих реформ: Башкортостан во второй половине XIX в.».

«Очерки» задали тон в изучении кантонной системы. Она была подвергнута детальному разбору в отдельной главе, причем ее название было красноречивым: «Кантонная система управления. Колониальная политика царизма в Башкирии в первой половине XIX в.». Общая оценка этого периода в истории башкир, представленная в «Очерках», была негативная: кантонную систему сравнивали с колониальной [*Очерки...* 1959. С. 32]. Однако в должной мере проявления колониальной политики в них не раскрывались, особенно на фоне сохранения у башкир вотчинного права на землю. Этот аспект темы до сих пор остается дискуссионным.

Соответствующий раздел в «Очерках по истории Башкирской АССР» был написан М.Д. Рабиновичем. Он же являлся автором параграфа «Участие народов Башкирии в Отечественной войне 1812 г. Боевая деятельность башкирского войска в первой половине XIX в.», где приведены новые цифры — 28 башкирских полков, отправленных на войну с Наполеоном [*Там же.* С. 67].

Здесь надо обратить внимание на то, что дореволюционная историография опиралась на цифру 20 *[Расписание...* 1831. С. 31—32; *Козин,* 1912. С. 22]. Серьезный знаток военной истории башкир И.В.Чернов, служивший в канцелярии Башкиро-мещерякского войска, ее подтверждал: «В памятный 1812 г. выставили 20 полков пятисотенного состава, дрались с французами под Бородином, Москвою, в разных местах заграницею и в числе других войск занимали Париж» *[Чернов,* 2007. С. 83]. М.Л.Юдин считал, что было сформировано 15 башкирских полков, учитывая при этом лишь отправленные с августа по октябрь 1812 г. *[Юдин,* 1912. С. 31]. И.М.Казанцев, в свою очередь, опираясь на императорский указ, считал, что было сформировано до 30 полков из башкир и мишарей *[Казанцев,* 1866. С. 18]. Подводила итог досоветской историографии «Военная энциклопедия», издававшаяся И.Д.Сытиным - 20 полков *[Военная...* 1911. С. 428]. В работах З.Валиди и М. Муртазина упоминаются 20 полков в 1812—1813 гг. *[Муртазин,* 2007. С. 42; *Валиди,* 2010. С. 176;]. В советской историографии Р.М.Раимов не усомнился в этой цифре и указал на 20 башкирских полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и последующем Заграничном походе *[Раимов,* 1943. С. 4].

После Рабиновича тезис о 28 башкирских полках в 1812-1814 гг. становится общим местом в региональной историографии *[История...* 1996. С. 392; *Асфандияров,* 1992. С. 20]. Некоторые авторы пытались уже без всяких объяснений увеличить эту цифру и довести ее до 29 *[Кутушев,* 2007. С. 7].

В то же время официальная советская историография оставила количество башкирских полков прежним - 20 *[Военный...* 1986. С. 70]. Эта же цифра приведена в первом томе «Советской военной энциклопедии» *[Советская...* 1990. С. 340]. В сборнике документов по истории народного Ополчения, изданном Академией наук СССР под редакцией Л.Г.Бескровного, приведена «Ведомость о состоянии войск ополчения III округа», датированная январем 1813 г., где в его составе указаны 8—20-й башкирские полки *[Народное...* 1962. С. 394-395]. Полков с номерами выше двадцати в документе нет.

Современная российская военная историческая, научно-справочная и энциклопедическая литература приводит то же самое количество башкирских полков в 1812—1814 гг. — 20 *[Военный...* 2001. С. 151; *Краснов, Дайнес,* 2002. С. 71; *Кузнецов,* 2008. С. 339]. Придерживаясь этой цифры, С.В.Шведов и В.П.Турусов в статье «Башкиро-мещерякское войско» в энциклопедии «Отечественная война 1812 года» пишут о 23 полках, откомандированных от войска в армию, точно указывая номера 1-20-го полков башкир и двух полков мишарей, не объясняя, откуда взялась цифра 23 *[Отечественная...* 2004. С. 53—54].

Соответствующая сноска «Очерков», обосновывающая цифру 28, указывает на документ, хранящийся в личном фонде И.В.Чернова *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1, Д. 19]. Это «Дело о преобразовании Башкиро-мещерякского казачьего войска», начатое 2 февраля 1818 г. и оконченное 13 ноября 1839 г. В нем собраны материалы, касающиеся планируемой оренбургским военным губернатором П. К.Эссеном реорганизации Башкиро-мещерякского войска. Башкиры направили жалобы царю, в которых заявляли о своем несогласии с проектом. Знакомство с материалами дела, на которое ссылается Рабинович, показывает, что в нем имеется прошение начальнику Главного штаба князю П.М.Волконскому поверенных 6-го кантона Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии есаула

Касныка Даутова, походного старшины Аюпа Мугаитмасова и хорунжего Зулкарная Буранбаева. Оно подписано 18 января 1820 г. В нем, действительно, в ряду перечисления прошлых служб башкир указываются 28 полков. В 1992 г. А.З.Асфандияров опубликовал обнаруженный им текст прошения П.М.Волконскому поверенного 9-го кантона Давлеткильды Давлетбакова, датированного 18 февраля 1820 г. [*Любезные...* 1992. С. 163—164; *ЦИАРБ.* Ф.И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 130-130 об]. Оно в основных положениях, в том числе и по цифре 28, совпадает с предыдущим прошением.

В данном случае совпадения текста и очередность отправки прошений, по нашему мнению, не случайны. Перед нами, несомненно, протестные прошения, своеобразная форма легального противодействия реформе войска. Оба прошения подписаны поверенными, т. е. лицами общественными, не относящимися к властям, как, например, кантонные начальники. Оба документа текстуально близки, возможно, переписывались с одного документа-основы. Цифра 28 известна только в этих, почти что идентичных документах. Как известно, по указу 1812 г., предполагалось формирование 30 полков. Зная об участии в войне двух мишарских полков, составители прошений, вероятно, исключили их из общего числа и получили, таким образом, 28 как предполагаемое количество башкирских полков. Не случайно они именуют себя поверенными Башкирского войска, в то время как оно называлось Башкиро-мещерякским, т. е. выступали от имени башкир. Идентичность текстов наводит на мысль о неоригинальности данных документов. Мы считаем, что этот источник требует дополнительной проверки. Однако стремление «исправить» дореволюционную историографию в 1959 г. привело к необоснованному завышению цифры башкирских полков, созданных в 1811—1812 гг. А позитивизм в историографии в виде отсутствия критики источника и признания достоверности любого архивного документа обусловил разночтения.

Как эти выводы затем пришлось «учитывать» последующим историкам, мы видим на примере работы А.Н.Усманова *[Усманов,* 1964]. Вначале он сообщает, что «в период Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии в 1813-1814 гг. было сформировано и отправлено на фронт 20 башкирских полков» *[Там же. С.* 57]. Но затем в конце своей книги к цифре 20 он добавляет два полка, не имевших номеров и сопровождавших подаренных башкирами правительству лошадей, что, в общем, имело свою логику. И далее, на основании документа, предложенного Рабиновичем, он сделал совершенно удивительный вывод о том, что, возможно, существовали еще 6 резервных, запасных полков, хотя таковых в армии в то время не было *[Там же.* С. 58].

Несмотря на проблему с общим числом полков, работа А. Н.Усманова для своего времени была фундаментальной. На долгие годы она стала классическим трудом по истории национальной конницы в наполеоновских войнах. В своей работе П.Е.Матвиевский дал высокую оценку башкирским воинам, указав на отсутствие случаев членовредительства среди них *[Матвиевский,* 1962].

В последующем историография 1812 г. приняла характер юбилейных публикаций. Если к юбилею 1962 г. вышли труды Матвиевского и Усманова, то к юбилею 1987 г. - статья А.З.Асфандиярова, а к 1992 г. — сборник «Любезные вы мои...» *[Асфандияров,* 1988; *Любезные...* 1992]. Следует отметить, что участие башкирского народа в Отечественной войне 1812 г. в этот период так и не стало темой планового научного исследования. В какой-то мере большей новизны в освещении темы достиг А.З.Асфандияров, дополнивший материал списками башкир-воинов 1812-1814 гг., выявленными в архивных документах.

История башкирского народа XIX в. в этот период историографии стала изучаться по разным направлениям. Кантонную систему, эволюцию политики правительства, проекты реформ Башкиро-мещерякского войска исследовал С.Н.Нигматуллин *[Нигматуллин,* 1959; 1968]. Но всесторонне ее рассмотрел на широкой источниковой базе А.З.Асфандияров *[Асфандияров,* 1968; 1969; 2006]. Он отошел от однозначно негативной оценки кантонной системы, считая, что наряду с отрицательными последствиями у нее были и положительные, в первую очередь, упразднение родовых пережитков, консолидация башкирского народа, начало светского образования. Его исследования касались различных проблем, связанных с трансформацией кантонной системы, планами реорганизации Башкиро-мещерякского войска, походами в степь, трудовыми и денежными повинностями башкир, социальной структурой башкирского общества того периода, биографий отдельных кантонных начальников. Итогом стала отдельная монография, в которой представлена целостная картина кантонного периода в Башкирии. В книге были аккумулированы все основные положения, опубликованные в работах 60—90-х гг. XX в. *[Асфандияров,* 2005]. Асфандияровым была развернута крупная исследовательская программа по изучению демографии башкир в XIX в. и башкирской семьи *[Асфандияров,* 1984а; 1989]. Эти исследования, основанные на обработке массовых источников, в ряде случаев подтвердили выводы, касающиеся обременительности кантонной системы для башкир. Например, Асфандияровым убедительно доказано, что регенерация на основе малой неразделенной семьи

большой напрямую связана с тяжестью фискального гнета и возросших повинностей башкир.

Кантонную систему изучал Р.З.Янгузин, солидаризировавшийся с выводами Асфандиярова в ее двойственной оценке [*Янгузин,* 1989; 1998]. Б.Х.Юлдашбаев также обратил внимание на тезис Асфандиярова о том, что кантонная система консолидировала башкирский народ [*Юлдашбаев*, 1972]. По его мнению, в последние десятилетия XIX в. «в жизнь башкирского народа... все более стали проникать новые социальные отношения, превращавшие их постепенно в буржуазную нацию» *[Там же.* С. 174—187]. Через экономические отношения Юлдашбаев перешел к социуму, показывая, каким образом башкирский народ в XIX — начале XX в. сложился в нацию. Обратив внимание на давнюю дискуссию в дореволюционной историографии о вымирании башкир, он отметил, что речь шла не столько о вымирании башкир, сколько об упадке скотоводства из-за массовой потери ими земель *[Там же.* С. 59—74]. Этот тезис подтверждал Р.Г.Кузеев, считавший, что полукочевое скотоводство именно на рубеже XIX — начала XX в. у башкир полностью исчезает *[Кузеев,* 1978. С. 33-112].

Активно изучался социальный протест. Вполне понятно, что обычные крестьянские волнения, в которых принимали участие и башкиры, как не подчинившиеся властям, так и подавлявшие крестьян, в духе историографии того времени рассматривались не иначе как «восстания 1835 г.», что, конечно, было неверно *[Нигматуллин,* 1975].

Большой массив работ этого этапа развития исторической науки был посвящен хозяйству башкир, поскольку изучение социально-экономических отношений, «базиса» феодализма, считалось приоритетным в советской историографии. Хозяйство башкир в XIX в. нашло отражение в работах местных историков и этнографов *[Кузеев,* 1968; *Янгузин,* 1968; 1973; 1989; *Усманов,* 1971; 1973; *Асфандияров,* 1974; *Бикбулатов, Мурзабулатов,* 1976; *Мурзабулатов,* 1979].

Отдельно выделялись темы развития земледелия и скотоводства, процесса перевода башкир к оседлости *[Кузеев,* 1968; *Янгузин,* 1968; 1969; 1973; 1979; 1989; *Усманов,* 1973; *Асфандияров,* 1974; 1984; *Бикбулатов, Мурзабулатов,* 1976]. Так, процесс перехода к оседлости и земледелию рассматривал Х.Ф.Усманов *[Усманов,* 1973]. Он выявил зоны поэтапного распространения земледельческого хозяйства и вскрыл причины упадка скотоводства.

Вопросам хозяйственного развития башкир в первой половине XIX в. была посвящена статья А.З.Асфандиярова, где автор выделил три хозяйственных района. На основе анализа архивных материалов ученый пришел к выводу о значительном насильственном сокращении скотоводства у башкир и вынужденном переходе их к оседлости и земледелию *[Асфандияров,* 1974].

Хозяйственному развитию башкир в XVIII—XX вв. была посвящена специальная работа Р.З.Янгузина *[Янгузин,* 1989. С. 183-185]. В ней автор рассматривал положение башкир по хозяйственным районам, положив в основу районирования принцип преобладающего типа хозяйства на той или иной территории. Он выделил три хозяйственных района, сложившиеся к концу XVIII — началу XX в.: 1) земледельческий — северная и основная часть северо-запада Башкортостана; 2) оседлый скотоводческо-земледельческий — территория, непосредственно граничащая с земледельческим районом; 3) скотоводческий со слабым развитием земледелия, который подразделяется на два подрайона: оседло-скотоводческий - территория к северо-западу, северу и северо-востоку и востоку от г. Уфы и полукочевой — Зауралье, юго-восток, юг, юго-запад, основная часть северо-востока и центра Башкортостана. В целом, рассматривая историю хозяйства башкир в XVIII—XIX вв., автор сделал вывод о том, что именно в этот период происходил переход от полукочевого скотоводства к оседлости и земледелию, что повлекло за собой перестройку всего уклада жизни башкир *[Там же]*.

Вопросы демографии башкир в XIX в. изучал Р. Г. Кузеев *[Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х. Ф.,* 1966; *Кузеев,* 1968а]. Рассматривая динамику численности башкирского населения в первой половине XIX в. на основе анализа архивных материалов и литературы, он обратил внимание на некоторые причины небывало высоких темпов количественного роста башкирского населения. Он связал этот процесс не только с достаточно высоким естественным приростом населения, но и с существовавшим в период кантонной системы управления особым статусом башкир, что делало привлекательным для лиц небашкирской национальности переход в так называемое «башкирское сословие» *[Кузеев,* 1968. С. 350; 1978]. А.З.Асфандияров, соглашаясь с тем, что в данный период действительно происходил процесс инфильтрации отдельных представителей пришлого населения в башкирскую сословную среду, однако, оговаривает, что ни о каких привилегиях речь тогда не шла, а переход осуществлялся чаще всего по указу правительства, то есть силовым путем *[Асфандияров,* 1997. С. 9].

Тем не менее исследователи соглашаются с тем фактом, что причины высоких темпов роста башкирского населения в период кантонной системы управления в Башкортостане объясняются не только естественным приростом. В пользу этого положения говорит тот факт, что после 1865 г. начался массовый отток лиц небашкирской национальности из «башкирского сословия» *[Там же]*.

Впервые на правовой статус башкирских земель обратила внимание Ф.А.Шакурова [*Шакурова,* 1988]. Горнозаводская промышленность в первой половине XIX в. и вовлечение в нее башкир изучались Р.З.Мударисовым *[Мударисов,* 1988]. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкортостане, механизм ее осуществления стали объектом изучения Б.С.Давлетбаева *[Давлетбаев,* 1984а]. Серьезных достижений добились этнологи, изучавшие историческую этнографию башкир, этнические процессы в крае *[Кузеев,* 1957; 1974; 1978; 1992; *Кузеев, Бикбулатов, Шитова,* 1962; *Кузеев, Моисеева, Бабенко,* 1987].

По второй половине XIX в. аграрная история башкир освещалась в ряде работ Х.Ф.Усманова, но наиболее глубокой по уровню обобщения и степени проработки источников была монография «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60—90-е гг. XIX в.» *[Усманов,* 1981]. Монография касалась сельского хозяйства Башкортостана в целом, поэтому отдельно выделить уровень вовлеченности в капиталистические отношения конкретно башкир было трудно, и такая задача историком не ставилась.

В целом, изучение истории башкир второй половины XIX в. натолкнулось на ряд трудностей. В первую очередь, это сложность работы с источниками, поскольку отделить непосредственно башкир от других тюрков-мусульман, входивших в число «сельских обывателей», было проблематично. Еще одна проблема была связана с несовпадением постулатов марксистско-ленинской теории с реальной картиной исторического прошлого, которую демонстрировали источники. Трудности, связанные с изучением вопросов истории хозяйства или демографии, возрастали в большей степени при изучении социальной истории. Господствующая в то время идеология считала вопросы изучения духовной культуры или ислама на территории Башкортостана неактуальными, по сути, они находились под запретом. Исследования духовной культуры ограничивались устным народным творчеством, которое изучалось фольклористами с использованием их инструментария, и творческим наследием той части башкирских просветителей, которая представляла «демократические» позиции. Поэтому изучение жизни и деятельности просветителей — одних из первых представителей зарождающейся национальной интеллигенции в это время сосредоточилось в основном в руках литературоведов и имело ограниченный тематически характер.

Таким образом, третий период в историографии, связанной с изучением истории башкирского народа XIX в., был достаточно плодотворным. Вышло значительное количество работ, начали формироваться основные направления в исследовательской практике — хозяйство, военная служба, демография, история кантонной системы. Появилась комплексная работа по истории кантонного управления, в которой была дана новая оценка этого периода, обращено внимание на положительные стороны этого явления. Общим недостатком работ этого периода были полное нежелание рассмотреть уже известный материал с иных позиций, а также устойчивая позитивистская позиция большинства авторов.

С начала 90-х гг. XX в. по настоящее время — это период становления и развития современной российской исторической науки. Необходимо отметить, что в последние годы вышел ряд обобщающих работ по истории края, которые по-прежнему находятся в русле марксистско-ленинских представлений о прошлом *[История...* 1996; 2004; 2007]. Значительных успехов в исследовании этого периода истории башкир достиг А.З.Асфандияров, выпустивший по истории кантонного управления фундаментальную монографию *[Асфандияров,* 2005]. Автор остался на позициях двоякой оценки кантонной системы: «Период кантоного управления стал решающим этапом в превращении Башкирии в бесправную колонию царской России <...> кантонная система имела и объективно прогрессивные результаты» *[Там же.* С. 209]. В качестве положительных явлений им было выделено ускорение процесса перехода полукочевой части башкир к оседлости и земледелию; постепенное упразднение родовых пережитков; консолидация башкирского народа; освоение русской культуры. Касаясь интеграционных процессов, А.З.Асфандияров отметил, что в первой половине XIX в. «были подготовлены все условия для сравнительно полной интеграции Башкирии в состав Российской империи» *[Там же.* С. 210]. На самом деле, кантонная система завершила интеграцию Башкортостана, поскольку в пореформенное время край и башкирский народ находились в едином правовом, фискальном, экономическом и социальном поле империи. Пережитки прошлого в виде сохранившееся де-факто вотчинное право башкир оказывало большое влияние на особенности земельных отношений в крае на протяжении всего XIX в.

В целом, с точкой зрения А.З.Асфандиярова соглашается большинство исследователей-историков. Однако философ Д.Ж. Валеев оценивал кантонную систему в духе предшествующей историографии - как «кромешную тьму» *[Валеев,* 2001. С. 109]. Юристы З.И. и А.З.Еникеевы в учебном пособии «История государства и права Башкортостана» считают, что кантонная система — это введение архаического института сословно-кастового государства в отношении башкир, которое «оказало глубоко деструктивное влияние на духовную

и материальную культуру башкир» [*Еникеев*, 2007. С. 182]. В русле таких представлений трудно объяснить, откуда появилась национальная интеллигенция в начале XX в., почему наблюдался демографический рост башкир в течение XIX в., в чем заключается «архаика» кантонной системы, ломавшей прежде всего родовые отношения и т. д. Кроме того, кантонная система до 40-х гг. XIX в. существовала у оренбургских и уральских казаков, ставропольских калмыков. Исследователи истории казачества не склонны рассматривать ее исключительно негативно.

А.З. Асфандияровым были опубликованы обобщающие работы по башкирской семье в первой половине XIX в., опиравшиеся на большой фактический материал [*Асфандияров*, 1997; 1998]. История башкирских аулов получила свое освещение в целом цикле монографий этого же автора, посвященных происхождению населенных пунктов Башкортостана [*Асфандияров*, 1990; 1994; 1995; *Асфандияров, Асфандиярова,* 2002].

Получила дальнейшее развитее тема участия башкир в наполеоновских войнах. Появились работы, отрицавшие достижения предыдущих периодов. Участие башкир, например, в войне 1806-1807 гг. приобрело искаженный вид. Так, В.Н.Шиканов считал, что непосредственно боя башкир с французами в 1807 г. не было *[Шиканов,* 2002. С. 282]. В. И.Лесин в научно-популярной книге о донских казаках, рассказывая об участии башкир в боях под Тильзитом, ограничился цитированием Чуйкевича и «Журнала военных действий императорской российской армии» *[Лесин,* 2007. С. 130; *Журнал...* 1807]. В.А.Кузнецов вообще усомнился в цифре 10 тыс. башкир, направленных в Пруссию, считая, что в 1807 г. была командирована всего тысяча человек. По его мнению, в источники, сообщающие о большем числе воинов, прокрались описки и путаница, совершенные канцелярскими служителями *[Кузнецов,* 2008. С. 338].

В работах Н.В.Подпрятова о национальных частях российской армии в XIX в. отмечалась широкая практика привлечения нерусских народов империи в ряды вооруженных сил через особые, национальные формирования *[Подпрятов,* 1997. С. 54; 2001. С. 31-33]. По его мнению, существовало два основных подхода к их созданию: либо «наследство» империи от других захваченных государств и территорий (Литва, Польша), либо создание постоянной милиции в национальных районах (Кавказ). Первый подход относился и к нерусским народам юго-востока России. Автор анализирует их участие в Отечественной войне 1812 г. Здесь им повторяется мнение советской историографии относительно численности башкирских полков (28). Касательно реального участия национальных частей, сформированных в Оренбургской губернии, он указывал, что из них только 3 полка принимали настоящее участие в боевых действиях, а остальные использовались в качестве охранных и вспомогательных подразделений, что на самом деле было не так. Но, по его мнению, даже эти второстепенные части в условиях войны играли чрезвычайно важную роль, т. к. они способствовали высвобождению русских соединений и объединений от выполнения менее важных задач для непосредственной борьбы с противником. Были опубликованы обзорные работы, опиравшиеся на прошлую историографию, труды популяризаторского характера *[Мамонов, Форстман,* 1991; *Воинская...* 2007].

Вышли работы, посвященные источниковедению темы. Так, текстологический анализ регионального переиздания мемуаров Д.В.Давыдова, получивших в свое время искаженный и цензурированный вид, а также анализ планов активного применения иррегулярной кавалерии в будущей войне с Наполеоном проведен в работах Р. Н.Рахимова *[Рахимов,* 20076. С. 98—107; 2008г. С. 184—187].

В складывающейся региональной историографии темы об Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813-1814 гг. появились труды, рассматривающие различные аспекты участия в них башкир. Прежде всего это работы Рахимова, опирающиеся на фонды РГВИА, РГАДА, ЦИАМ, местных архивов, на мемуарную литературу, в том числе и зарубежную *[Рахимов,* 2002; 2006; 2007в; 2008в; 2009а; 20096; 2010].

Началось обращение исследователей к военной истории башкир после 1814 г. Те башкиры, что служили в казачьих войсках (Уральском и Оренбургском), стали предметом изучения в монографиях А. И. Кортунова *[Коршунов,* 2009а; 20096; *Коршунов, Рахимов,* 2009]. Участие башкир в русско-польской войне 1830—1831 гг. нашло отражение в публикациях М.Х.Надергулова и Р.Н.Рахимова *[Надергулов,* 1995; 2008; 2009; *Рахимов,* 2007]. Поход башкирских полков на Балтийское побережье во время Крымской войны освещен в работе Рахимова *[Рахимов,* 20086].

Земельные отношения в крае в XIX в., политика правительства в отношении башкир, проведение Генерального межевания изучены А.И.Акмановым *[Акманов,* 2007]. Впервые появилось монографическое исследование процессов седентаризации башкир и распространения земледелия в XIX в. *[Шаяхметов,* 2005; 2008]. Хозяйство башкир на рубеже XIX-XX вв. нашло отражение в трудах М.И.Роднова *[Родное,* 2002]. Вовлечение башкир в горнодобывающую промышленность Южного Урала изучал Р.З. Мударисов *[Мударисов,* 2000]. Рассматривая вопрос проникновения капиталистических отношений в торговлю в Башкортостане во второй полови-

не XIX в., Д.П.Самородов отметил, что капиталистическая трансформация башкирского общества в этот период шла замедленными темпами [Самородов, 1999. С. 265].

Социальная структура башкирского общества, в том числе впервые башкирское дворянство, рассмотрены в трудах ряда авторов *[Янгузин,* 1997; *Асфандияров,* 2006а; *Ильясова,* 2006; 2010; *Шаяхметов,* 2009]. Кантонные начальники как национальная региональная элита представлены в монографии Л.Ф. Тагировой *[Тагирова,* 2011].

Социальный протест проанализирован Б.С.Давлетбаевым *[Давлетбаев,* 1992; 1994]. В своих работах, посвященных исследованию волнений 1835 г. в Башкортостане, автор, следуя сложившимся традициям, называет эти события восстанием, однако разница между ними существенная. Под восстанием в уголовном законодательстве России понималось явное выступление. против властей с намерением или воспрепятствовать обнародованию Высочайших указов, манифестов, законов или других постановлений и объявлений правительства, или же не допустить исполнения указов, или принудить власти к чему-либо. Для состава восстания требовались: совокупность многих лиц и активное сопротивление правительственным органам, осуществляющим власть. Этими признаками восстание отличалось от нарушения порядка толпой, или буйства. Если обратить внимание на события 1835 г., то очевидно, что отсутствует состав восстания: есть совокупность многих лиц, а вот активного сопротивления правительственным органам нет. Поэтому эти события необходимо классифицировать как волнения, т. е. нарушение порядка толпой. Неисследованными остались вопросы, почему эти волнения в официальной риторике стали именоваться восстанием и какие причины вызвали непомерно жестокое наказание участников волнений, проведенное В.А.Перовским? В этом ракурсе данное событие до сих пор не изучалось.

Получили свое дальнейшее развитие в исследованиях вопросы демографии и этнической культуры башкир *[Кулбахтин, Абсалямов,* 1994; *Бикбулатов,* 2002; *Бикбулатов, Юсупов, Шитова, Фатыхова,* 2002; *Томашевская,* 2002]. Этнологические исследования были представлены обобщающими работами *[Бикбулатов,* 2002; *Бикбулатов, Юсупов, Шитова, Фатыхова,* 2002]. Появилась работа, посвященная этнокультурным контактам башкир с казахами в XVIII - первой половине XIX в. *[Мирхайдарова,* 2011].

Современный период историографии примечателен появлением новых аспектов в изучении истории башкир в XIX в. Так, впервые началось профессиональное исследование истории ислама в Башкортостане. А.Б.Юнусова стала зачинателем темы, ею была предпринята попытка рассмотреть распространение ислама на Южном Урале *[Юнусова,* 1999]. Д.Д.Азаматовым исследована деятельность в XIX в. одной из структур ислама на территории Российской империи — Оренбургского магометанского духовного собрания *[Азаматов,* 1999].

Стали разрабатываться вопросы развития системы образования (светской, военной, духовной) в крае *[Фархшатов,* 1994]. Вовлечение в земскую деятельность, в том числе башкир, рассматривалось в монографии Г.Б.Азаматовой *[Азаматова,* 2005]. Судебно-административную реформу во второй половине XIX в. в Башкортостане и применительно к башкирам рассмотрел Ф.А.Ишкулов *[Ишкулов,* 1994].

Военное управление в Оренбургской губернии и подчинение башкир институтам власти проанализированы Н.Л.Семеновой *[Семенова,* 2000]. Биография и деятельность оренбургского военного губернатора В.А.Перовского стала объектом диссертационного изучения *[Акъюлов,* 2002]. Кроме того, с именем Перовского связаны оригинальные публикации документов — его отчета, писем, воспоминаний о нем *[Оренбургский...* 1999; *Гвоздикова,* 2010а].

Зарубежная историография, посвященная истории башкир в XIX в., представлена незначительным числом работ. Первой монографией была «История башкир» З. Валиди, написанная на основе лекций прочитанных в Стамбульском университете в 50-е гг. XX в., впоследствии переведенная на башкирский (1994,2005) и русский (2010) языки *[Валиди,* 2010]. Поэтому при анализе текста необходимо учитывать, что это был лекционный курс, а его автор — прежде всего специалистом по средневековым восточным текстам. Кроме того, автор не имел под рукой современную литературу и публикации документов, вышедших в Башкортостане в то время. Все это сказалось на его оценках фактов и событий истории башкир XIX в.

Американский исследователь Роберт Бауманн в своей работе 1987 г. военную службу нерусских народов рассмотрел на примере башкир *[Бауманн,* 1992. С. 117-136]. Он приходит к выводу, что «введение всеобщей воинской повинности и осуществление национальной политики усилили меры по разложению иррегулярных национальных отрядов в районах, попавших под контроль России, и полной интеграции инородцев в регулярную армию» *[Там же.* С. 138].

Известный немецкий историк, специалист по Российской империи Андреас Каппелер показал, что процесс интеграции проходил по пути привлечения башкирской элиты на военную службу в качестве конницы. Он отмечал, что «в отличие от нерусского населения Казанского ханства, башкиры еще и в XVIII, и в первой половине XIX в.

не были в социальном отношении интегрированы в состав Российского государства, а сохраняли свое особое положение» *[Каппелер,* 2000. С. 35—36].

Немецкий военный историк профессор Дитрих Байрау в статье «Империя и ее армия» также отметил интегративные процессы, протекавшие в России в XIX в. среди местных элит: «Части и соединения крымских татар и башкиров участвовали в боевых действиях на европейских военных театрах, часто под командованием своих же соплеменников <...> До середины XIX в. царская империя представляла собой конгломерат правящих комплексов под "крышей" самодержавия. Завоеванные или "присоединенные" территории утратили свой суверенитет или сменили свою государственную принадлежность, однако вмешательство в деятельность местных социальных структур на этих территориях, как правило, осуществлялось с большой осторожностью - что также было следствием "экстенсивной" практики власти. Во все возраставшем объеме — интенсивнее на западе и слабее на юго-востоке — происходила интеграция местных верхов в российскую дворянскую систему, образованную помещиками и привилегированными служащими» *[Байрау,* 1997. С. 21].

Кантонная система, вернее, ее интеграционное начало, стала предметом исследования в ряде работ Чарльза Стейнведела. В большой статье 2004 г., рассматривая изменения в характере башкирской обособленности в контексте Российской империи, он пришел к выводу, что кантонная система была введена в связи с тем, что изменились приоритеты государства в сторону укрепления оседлости кочевых башкир и защиты степных границ *[Стейнведел,* 2004. С. 490]. Далее, развивая этот тезис, он указывал, что «кантонная администрация способствовала появлению социальной и административной организации башкир, российское государство создало новую служилую башкирскую элиту», которая выступила в качестве посредника между государством и башкирами, а заключительный этап реформы «завершил переход от родовой к территориальной организации» *[Там же.* С. 482—483]. Он отмечает, что кантонная система разрушила башкирские племенные связи и усилила идентификацию башкир с военной службой. В эпоху Великих реформ, когда основным императивом государства стало стремление «вовлечь как можно больше царских подданных в общественную жизнь империи, государственная политика покончила с изоляцией башкир, приравняв простых башкир к крестьянам, а башкирскую элиту — к дворянству» *[Там же.* С. 499]. Его статья 2011 г. посвящена положению Башкирии в составе Российской империи. В ней он приходит к выводу, что кантонная система предоставила местным элитам «еще одну возможность подняться с помощью службы по ступеням иерархии» *[Стейнведел,* 2011. С. 69].

В работах военных историков приводятся сведения о башкирских полках в наполеоновскую эпоху, времени их формирования, численности, вооружении, тактике действий *[Spring,* 2002. P. 16-17; *Smith,* 2008. P. 186-187].

Таким образом, в работах историков последнего времени, как отечественных, так и зарубежных, уделяется возрастающее внимание истории башкир XIX в., но при этом ряд аспектов уже получил историографическую традицию (военная служба, кантонная система, земельные отношения, ислам), а ряд аспектов еще изучен слабо (социальные отношения, демография во второй половине XIX в., формирование национальной интеллигенции, повседневность).

ИСТОЧНИКИ

Научное изучение истории возможно только при опоре на исторические источники. Для XIX в. это в первую очередь письменные. Не стоит забывать о том, что к источнику необходимо относиться критически. Обычно историки подразделяют источники на законодательные, делопроизводственные, статистические, документы личного происхождения (письма, мемуары, дневники), периодическую печать. Большая часть документов по истории башкир XIX в. отложилась в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Самары, Казани, Перми, некоторые из них были опубликованы в течение XIX—XX вв. в различных сборниках. При работе с опубликованными источниками необходимо иметь в виду, что публикации могли иметь или имеют неполный характер, т. е. быть с купюрами (оговоренными или неоговоренными в тексте), а также то, что они подбирались либо тематически, либо хронологически. Подборка источников для публикации зависела от позиции автора-составителя, который в силу тех или иных пристрастий или доводов мог пропустить «неудобный» документ либо в силу субъективного мнения посчитать документ недостаточно информативным. Таким образом, корпус опубликованных источников ни в коей мере не может заменить источники архивные.

Изучая сохранившиеся письменные источники по истории башкир XIX в., можно отметить следующее. В целом, источниковая база имеет широкий характер, она представлена разными видами источников; соотношение источников, имеющих небашкирское происхождение (государственные, частные, составленные чиновниками, офицерами) и башкирское (написанные самими башкирами и выражающими их мнение), диспропорциональ-

но: огромен массив первых и ничтожно мало количество вторых; источники неравномерно освещают разные стороны жизни башкирского народа; имеющиеся массовые источники позволяют, применяя статистические методы обработки информации, выявить определенные тенденции; некоторые источники, особенно имеющие башкирское происхождение, написаны на тюрки (старотюркским языком); если источники периода кантонной системы сосредоточены в определенной мере компактно, то по истории башкир пореформенного времени они разбросаны по фондам различных структур нескольких губерний, отсутствует какой-либо единый фонд или архив, где была бы сосредоточена их большая часть.

Законодательные источники представлены именными и сенатскими указами, манифестами, положениями, рескриптами, мнениями Государственного совета, «высочайше утвержденными», а также рядом других документов, исходящих от верховной власти и определяющих местоположения башкирского народа в системе институтов Российского государства: административных, военных, судебных, фискальных, конфессиональных. Большая часть их опубликована в Полном собрании законов Российской империи и в Своде законов Российской империи. Полное собрание законов выходило в трех собраниях: первое охватывало акты, подписанные до 12 декабря 1825 г., второе — после 12 декабря 1825 до 28 февраля 1881 г., третье включало документы с 1 марта 1881 до конца 1913 г. Историю башкир XIX в. освещают документы, находящиеся частично в собраниях первом и третьем и полностью во втором. В них опубликован указ о введении кантонной системы управления, указы, «правила», связанные с ее изменениями, а также и «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г., Мнение Государственного совета «Об устройстве башкир, причисленных к Уральскому войску» от 3 мая 1865 г., Мнения Государственного совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» от 2 июля 1865 г., упраздняющие ее. В Полном собрании законов Российской империи опубликован ряд законодательных актов, связанных с землевладением и землепользованием башкир и их припущенников, разработкой полезных ископаемых на территории Башкиро-мещерякского войска, хозяйственной деятельностью башкир, введением у них военного судопроизводства, системой просвещения и здравоохранения. Некоторая часть законодательных документов, касающихся введения в Башкортостане кантонной системы, опубликована в «Архиве Государственного Совета» *[Архив...* 1869]. Известны сборники документов, в которых также были представлены публикации законодательных источников *[Расписание...* 1831; *Сборник...* 1899; *Народное...* 1962; *Навеки...* 2007].

При изучении законодательных источников необходимо иметь в виду, что их реализация не всегда была доведена до конца. Так, летом 1812 г. полковник Оренбургского казачьего войска В. А. Углецкий предложил сформировать от 10 до 30 новых полков из башкир и мишарей *[РГИА*. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 173. Л. 2—5 об.]. Этот план был принят, 8 августа император его утвердил, подписав соответствующий документ *[Полное...* I. Т. 40. № 201а]. Исходя из него, некоторые исследователи считали, что было сформировано 30 башкирских полков. Однако на самом деле таковых сформировали 20, поскольку людские резервы башкирского народа были полностью исчерпаны. Имеются случаи некорректной публикации законодательных актов, когда отбор и классификация документов производились произвольно *[Законы...* 1999].

Делопроизводственные источники представлены отчетами, ордерами, приказами, предписаниями, рапортами, отношениями, записками, формулярными списками, ведомостями, расписаниями, журналами, которые позволяют всесторонне изучить механизм функционирования кантонной системы управления, военную службу башкир, социальную структуру, хозяйство. Интересным источником являются разнообразные проекты реорганизации Башкиро-мещерякского войска, которые не были осуществлены, но демонстрируют изменения представлений военно-административной элиты империи в отношении башкир. Большая часть делопроизводственных документов находится в архивных собраниях, некоторые из них вошли в сборники документов. Публикации документов позволяют осветить те или иные аспекты истории башкирского народа XIX в. например, участие в наполеоновских войнах *[Журнал...* 1807; 1837а; *Сборник...* 1876; *Отечественная...* 1908; *Подробный...* 1912; *Донские...* 1954; *Народное...*1962; *Поход..А964\ Бородино...* 2004; *Навеки...*2007], землевладение и землепользование, хозяйственную деятельность *[Ведомости...* 1976; *Журналы...*1899; *Материалы...* 1960], частично осветить вопросы духовной культуры *[Циркуляр...* 1875; *Сборник...* 1894; 1902].

Отчеты губернаторов, отправляемые ежегодно в Военное министерство и т. д., дают общее описание состояния Башкиро-мещерякского войска и края, характеризуют административную, хозяйственную, военную деятельность, выделяют наиболее проблемные темы (например, остро стояли вопросы здравоохранения в войске в 40—50-е гг. XIX в.). Ордера, приказы, предписания, отношения наглядно показывают механизм осуществления управления различными структурами, внутреннее взаимодействие как военных, так и гражданских властей. Рапорты позволяют фиксировать

на определенное время численный состав башкирских полков, кантонов, команд, они показывают реальную убыль людей в бою, по болезни, в командировках, позволяют вести подсчеты.

Ценным источником являются формулярные списки офицеров и чиновников, фиксирующие на определенный момент прохождение военной или гражданской службы, показывающие ее изменения. Формулярные списки, опиравшиеся на документы, имеют большую степень достоверности. В Башкиро-мещерякском войске они начали регулярно составляться с 1834 г., т. е. с момента официального создания войска, и велись вплоть до его упразднения в 1863 г. Формулярные списки — источник, позволяющий сделать выводы не только о служебной карьере, но и о семейном положении, образовании, происхождении, правах собственности.

Все приведенные выше виды источников были официальными, т. е. созданы чиновниками, офицерами, представителями администрации, и имели небашкирское происхождение. Источники собственно башкирского происхождения представлены в основном жалобами башкир на кантонных начальников и низовую, башкирскую, администрацию (на наряд на службу вне очереди, произвол, оскорбления). При всем субъективизме их составителей и сложности проверки достоверности упоминаемых незаконных действий, данные документы позволяют увидеть внутренний мир башкирского общества, показывают его острые проблемы. Также известны прошения башкир, подписанные их поверенными, когда они выступали против предлагаемых проектов реформ войска, где перечислялись прежние службы башкир, что показывает осознанность действий просителей, выступающих от имени народа (кантона), и фиксацию ими, независимо от кантонного начальства, своего места в имперском пространстве.

Статистические источники сообщают сведения о демографии, хозяйстве, землевладении и землепользовании башкир в XIX в. *[Сборник...* 1868; *Сведения...* 1899; *Первая...* 1904; *Статистика...* 1905; *Крестьянское...* 1914; *Западные...* 2001; *Населенные...* 2002]. Кроме опубликованных источников, большое значение имеют архивные документы, особенно массовые, охватывавшие все башкирское население. Для первой половины XIX в. это в первую очередь материалы ревизий (переписей населения). Ревизская сказка содержит круг вопросов, изучаемых демографической статистикой: численность населения, его географическое размещение, состав по общественным группам, возрасту и полу, национальному и семейному состоянию, движение населения. Сведения по башкирам VI—X ревизий (1811, 1816, 1834, 1850, 1859 г.) хранятся в ЦИАРБ в фонде Оренбургской казенной палаты и частично в ГАОО (г. Оренбург).

Первичным учетным документом каждой ревизии являлась сказка, касающаяся одного лица или нескольких, составляющих семью. Отдельные ревизские сказки объединялись в сводные по каждому населенному пункту. Такая сказка (с 1850 г. на бланке, отпечатанном в типографии) состояла из восьми граф. Первые четыре относились к лицам мужского пола, следующие — женского. Заглавие сказки печаталось, остальное заполнялось прописью. Сверху листа указывались дата и название населенного пункта. Вносимые в ревизские сказки лица писались подворно. Каждый следующий двор отличался от предыдущего номером. В начале первой графы записывали номер двора, фамилию и имя главы семьи, ниже — всех остальных членов по отношению к главе семьи: сыновей, внуков, братьев. Жен писали напротив мужей, сестер — напротив братьев. Кроме родственников, во дворе иногда присутствовали так называемые «принятые во двор». Чаще всего это пожилые люди старше 70 лет и дети. Во второй графе содержались сведения о возрасте данного лица по последней ревизии. В третьей отмечались лица, выбывшие в период между ревизиями. При этом называлась причина: смерть, рекрутчина, ссылка, бегство, переезд с указанием даты и места нового проживания. В четвертую графу заносился возраст всех переписных душ, находившихся налицо в момент проведения ревизии. Итог лиц мужского и женского пола подводился в конце каждого листа и в конце сказки данной деревни или другого населенного пункта.

На основании сводных ревизских сказок по отдельному населенному пункту казенная палата составляла перечневые ведомости и отсылала их в Сенат и Департамент разных податей и сборов Министерства финансов. Последние обобщали поступившие перечневые ведомости в окладные книги общероссийского масштаба с указанием численности и состава охваченного ревизиями населения, размеров уплачиваемых ими податей. Собственно ревизские сказки в XIX в. составлялись грамотными людьми за плату, затем собранные ими данные три раза проверялись на аульном сходе, где вносились добавления и уточнения *[Асфандияров,* 1984. С. 156].

К статистическим источникам, как правило, причисляют и картографический материал. Этот вид источников дает наглядное представление о границах расселения башкир, административном делении, населенных пунктах на тот или иной период времени, изменении границ кантонов, башкирском землевладении, появлении новых населенных пунктов в связи с массовым переселением в Башкортостан крестьян из России.

Первые казаки в Берлине 20 февраля 1813 года. Ф. Югель. Акватина. 1813 г.

Большой объем информации дают документы личного происхождения (письма, мемуары, дневники). При работе с такими источниками необходимо иметь в виду, что они имеют ярко выраженный субъективный характер, поэтому к ним необходимо относиться критически. С другой стороны, они передают атмосферу того времени, рисуют яркие картины прошлого, позволяют узнать детали, а в некоторых случаях сообщают такую информацию, которая в других видах источников отсутствует. Из трудностей работы с этим видом источников необходимо выделить проблему перевода. Дело в том, что при публикации мемуаров иностранных авторов возникает проблема аутентичного перевода текста. Очень часто переводчики неоправданно модернизируют текст, что порой приводит к искажениям *[Рахимов,* 2005].

Сохранилось большое количество мемуаров офицеров российской армии — участников наполеоновских войн, в которых они в той или иной мере осветили участие в них башкирских полков, сражавшихся вместе *[Радожицкий,* 1835; *Давыдов,* 1839; *Оленин,* 1869; *Благовещенский,* 1991; *Петров,* 1991; *Паскевич,* 1995; *Бенкендорф,* 2001; *Отрощенко,* 2006]. Кроме того, известны мемуары английского генерала Р.-Т. Вильсона, находившегося при российской армии и хорошо знавшего башкир (по его просьбе они были в его конвое) *[Вильсон,* 1995]. Авторы-мемуаристы с уважением пишут о воинах-башкирах, рассматривают национальную конницу как неотъемлемый компонент российской армии, восхищаются мужеством и отвагой башкир, обращают внимание на присущий им патриотизм. Интересно, что опубликованные памятники эпистолярного жанра также подтверждают патриотические чувства башкир в 1812 г. *[К чести...* 1988].

Напротив, мемуары представителей противоборствующей стороны изобилуют описанием башкир как «орды дикарей», страшных людей, вооруженных «безопасным» оружием - луком и стрелами *[Combe,* 1896; *Французы...* 1912; *Роос,* 2003; *Марбо,* 2005]. Однако в этих же мемуарах описаны случаи серьезного поражения французов башкирскими стрелами, а действия башкир на поле боя не были отнюдь произвольными, подчинялись замыслам командования. Интересно, что некоторые авторы мемуаров оставили противоречивые свидетельства об одном и том же событии. Например, в двухдневном бою при Мире (1812 г.) польская кавалерия понесла серьезные потери от казаков, башкир и калмыков, причем потери последних были незначительны, и это документально подтверждено. В мемуарах одного польского офицера это событие примерно так и описывается *[Турно,* 2002]. Напротив, другой поляк, тоже участник сражения, описывает небывалую картину, показывающую якобы массовую гибель в бою башкир и калмыков и незначительные потери польских улан *[Колачковский,* 1912].

Необходимо отметить, что сохранились в высшей степени достоверные, документально подтвержденные мемуары, например, воспоминания французского офицера-военнопленного, увидевшего осенью 1812 г. башкирские полки на марше к армии. Они ценны тем, что автор, который сам был кавалеристом, подметил особенности в организации, обмундировании и вооружении башкирской конницы, увидел высокий боевой дух, спло-

ченность башкир, идущих на войну *[Ruppel,* 1912]. Мемуары другого военнопленного, жившего в Саратове, через который не могли проходить башкиры, направляясь на войну (они прошли в 1812 г. через Самару и Нижний Новгород), «описывают» якобы прохождение башкирских полков в 1813 г. через этот город *[Шенк,* 2004]. На самом деле речь в мемуарах идет лишь о воспроизведении разного рода мифов, имевших хождение во французской армии.

Нахождение российской армии в Европе во время Заграничного похода 1813—1814 гг. сопровождалось знакомством ее жителей с представителями разных народов, живших в Российской империи, в том числе и с башкирами. Сохранился большой массив мемуарной литературы, написанной немцами — современниками наполеоновских войн *[Ваике,* 1832; *Hussell,* 1954; *Эккерман,* 1986; *Daneil,* 1988]. Эти мемуары дают этнографическое описание башкир, показывают степень распространения различного рода слухов, страхов в Европе в связи с появлением в рядах российской армии представителей национальной конницы, в том числе и башкир. В конечном счете, авторы указывают на дружелюбие башкир, видят в них представителей Востока. Особое значение в этом ключе имеют воспоминания выдающегося немецкого мыслителя и поэта И.В.Гете о пребывании у него в гостях башкир, дарении ему лука со стрелами и посещении ими по его приглашению спектакля в театре.

Несение башкирами службы на Оренбургской пограничной линии, походы в степь, устройство Башкиро-мещерякского войска, участие в торжествах (военных смотрах) при посещении края представителями императорской семьи нашли отражение в ряде мемуаров, оставленных офицерами и чиновниками, служившими в крае *[Тарасов,* 1872; *Кокшаров,* 1890; *Записки...* 1903; *Чернов,* 1907; *Архив...1918; Бларамберг,* 1978; *Венчание...* 1999;].

Из источников мемуарного характера кантонной эпохи, созданных самими башкирами, на сегодняшний день известны всего два. Это рассказы башкира Джантюри, участника Заграничного похода 1813—1814 гг., записанные в 40-е гг. XIX в. В.В.Зефировым, и воспоминания башкира — участника похода в составе смешанного полка из оренбургских казаков и башкир на русско-турецкую войну 1828—1829 гг., а затем направленного на русско-польскую войну 1830—1831 гг. *[Башкирия...* 1989; *Надергулов,* 2008; 2009]. Они позволяют увидеть войну глазами ее рядовых участников, показывают тяготы и лишения похода, особенности тактики башкир, дополняют сведения об обмундировании и снаряжении.

Кроме письменных, существуют и другие типы источников. По истории башкирского народа XIX в. наиболее информативными можно считать этнографические (фольклор) и изобразительные источники.

Башкирский фольклор начал собираться и обрабатываться еще в XIX в. На сегодняшний день имеется солидная публикация фольклорных источников в многотомной серии «Башкирское народное творчество» *[Башкирское...* 1978; 1987]. Фольклористами предложена классификация жанров устного народного творчества, в ряде случаев выведены прототипы произведений, определены хронологические рамки создания фольклорных памятников. Фольклорный материал дополняет документальные источники. Иногда возможно перекрестное подтверждение достоверности фольклора архивными документами *[Асфандияров,* 1981].

Изобразительные источники в большей степени связаны с кантонной системой и наполеоновскими войнами. Это работы русских художников А. О. Орловского, А. Г. Венецианова, братьев Г. Г. и Н. Г. Чернецовых, А. Ф. Чернышева, В. Ф. Тимма *[Венецианов,* 1812; *Ацаркина,* 1971]. Башкиры изображены на многочисленных рисунках и гравюрах немецких художников Ф.Югеля, И.Каппи, И.Шадова, французских Ф.Дюбуа, Фроша, В.Адама, А.Бланшара, Бержере, Мартине, М.Ф.Дамам-Демартрэ, английского Р.Кер Портера *[Образ...* 2007]. Современная историческая наука с большим вниманием относится к междисциплинарному подходу. Длительное время работы художников - современников наполеоновских войн служили лишь оригинальными иллюстрациями, красивым дополнением к текстам. Сегодня все чаще признается, что они не только передают настрой и колорит эпохи, иллюстрируют конкретное событие, но в некоторых случаях играют роль самостоятельного, в определенной мере равного по информативности письменному источника.

Например, анализ раскрашенной гравюры немецких художников братьев Зур «Башкиры в разрушенных предместьях Гамбурга в 1814 году» (1814) позволил не только выявить ряд уникальных изображений (музицирование башкира на кубызе, полкового муллы), но и доказать, что в данном конкретном случае изображены башкиры 15-го Башкирского полка, отметить множество деталей вооружения, снаряжения и обмундирования, показывающих знакомство и восприятие башкирами европейской культуры *[Букреева, Рахимов,* 2011]. В своем рассказе башкир Джантюря сообщает о том, что в походе с ним была его жена *[Башкирия...* 1989]. Некоторые исследователи усомнились в этом факте, поскольку считали, что рассказчик выдумал сюжет с женой. Однако знакомство с акватиной немецкого художника Ф.Югеля «Первые казаки в Берлине 20 февраля 1813 г.», написанной в 1813 г. с реальных персонажей и привязанной

к действительно происшедшему событию, показывает, что на картине среди башкир и казаков имеется изображение женщины-башкирки. Следует признать, что при выработке методов критического изучения изобразительных источников, созданных непосредственно в момент происходящих событий, возможно извлечь из них значимую, достоверную информацию.

В конце XIX — начале XX в. одним из видов изобразительных источников становится фотография. Однако на сегодняшний день работ по ней нет, имеются лишь отрывочные публикации фотографий, сделанных в Башкортостане в 1909 г. С.М.Прокудиным-Горским. Этот вид изобразительных источников при условии разработки соответствующей методики работы с ним в перспективе может занять свое место в источниковедении.

Таким образом, комплекс письменных и других источников позволяет всесторонне изучить историю башкир XIX в., выявить ключевые события этого времени, показать динамику процессов, протекавших внутри башкирского общества, и степень влияния на него имперской администрации.

ИСТОЧНИКИ НА ТЮРКИ

Большую ценность имеют источники, составленные на тюрки (старотюркском языке). Одним из видов таких источников являются башкирские родословные, или шежере. Библиотеки и архивы Уфы, Казани и Петербурга, а также частные лица хранят (по разным подсчетам) от полутора до двух сотен документов, считающихся, с разной степенью вероятности, родословными башкир. К настоящему времени из их числа составлены два свода *[Башкирские...* I960; *Башкирские...* 2002]. Эти издания отличаются друг от друга многими особенностями, но общим для них является публикация башкирских родословных в переводе с тюрки на русский язык.

Возникновение шежере уходит своими корнями в древнюю и средневековую историю башкир. В XIX в. данный вид источника имел широкое бытование среди башкир, поскольку нес несколько важных функций: подтверждал земельные права башкир (при земельных спорах правительство признавало шежере в качестве неоспоримого документа собственности), давал башкирам всю полноту информации по семейно-брачным отношениям, играл роль своеобразного учебника истории, увязывая современников с прошлым каждого башкирского рода, т. е. способствовал идентификации башкирского народа. Поэтому в XIX в. переписывались, составлялись и фиксировались на бумаге те из шежере, которые оставались до этого времени в устной форме.

Свод «Башкирские шежере» имеет трехчастную композицию: транскрипция документа современным алфавитом башкирского языка, перевод документа на русский язык и его фотокопия (первой и третьей частей свод «Башкирские родословные» не имеет). Из двадцати пяти документов этого свода в «Башкирские родословные» были включены одиннадцать, в итоге в обоих сводах содержится сорок два перевода. В своде «Башкирские родословные», который существенно отличается от «Башкирских шежере», документы группируются в соответствии с территорией расселения башкир: юго-восточные, северо-восточные, юго-западные и северо-западные башкиры *[Кузеев,* 1974. С. 107—193, 194-298, 299-315, 316-374].

Многие документы данного свода сохранили не только собственно генеалогические сведения, но и фрагменты исторической памяти народа и картины его быта. С разной степенью точности и достоверности в них приводятся сведения о присоединении башкир к Российскому государству, о способах и обстоятельствах обретения башкирами прав на свои земли. -

Все публикуемые документы являются оригинальными произведениями тюркской письменности, за исключением переводов с русского языка *[Башкирские...* 2002. № 9, 10, 16]. Ценными во многих отношениях сведениями родословных являются содержащиеся в них этнонимы, топонимы и даты.

Характеристика документов с исторической точки зрения должна опираться в первую очередь на внешнюю критику. Следует отметить, что не всегда сообщаемые в шежере даты соответствуют действительности. Это видно, например, по дате воцарения Екатерины II, датам назначения и смерти муфтиев Оренбургского магометанского духовного собрания.

Цели составления родословных были разные. Так, у бурзянцев записано: «Из следующей грамоты становится известно по именам, кто из какого рода происходит. Сначала написаны имена ханов времен Чингиз-хана, а затем — имена биев после них, чтобы будущие дети смотрели по ней, кто от кого родился, <имена> своих предков знали бы и <смогли бы> написать их» *[Там же.* № 4]. М.Уметбаев, возведенный в потомственное дворянское достоинство по заслугам своего отца, с осуждением пишет о целях составителей продолженной им родословной: «Сие шеджере списано со старого шеджере, составленного в начале 1800 года. То старое шеджере, должно быть, приказал составить токский старшина Исенгул, сын Каипкула, который говорил: “Сим шеджере я исхлопочу признания в звании мирзы!”, — и, придя к нам, юмранам на Ак Идели, ходил по многим людям и собирал деньги. Не заплативших ему той порой он не

вписал в список, а заплативших — показал в списке. Так, меж семи сыновей Габбаса потомком мирзы он записал только Бердигула» [*Башкирские...* 2002. № 13]. Г.Кииков преследовал совершенно иную цель: «В старых шеджере, которые были у меня в руках, предков нашего рода башкир ирякте, насколько хватает моего разумения, я возвожу к разыскавшему Чингиз-хана и передавшего его матери Алангува-ханым Майкы-бию» *[Там же.* № 27].

В шежере присутствует перечисление родовых атрибутов. У юрматы: дерево — ива, птица - балабан, тамга — «вилы», опознавательный клич — «Ак тюбя!»; у кыпсаков: опознавательный клич «Туксаба!», дерево — вяз, птица — беркут, тамга — арабская буква «даль»; у минцев: дерево — береза, птица — ястреб, опознавательный клич «Алач!», тамга — «пара ребер» *[Там же.* № 3, 8, 15].

В родословных встречаются сведения о ясаке: у юрматынцев — куница; у бурзян — лиса, в документе о разделении земель - лошадь, куница, лиса, другой ясак и деньги, в другом документе — лиса; у минцев — куница и мед; у ирэктинцев — выдра, мед, куница, белка, деньги *[Там же.* № 2, 4, 9,10, 16, 26, 27].

В шежере даются сведения о владениях башкирских родов. У юрматынцев описаны границы земель каждой тюбы, названы аулы и аймаки; у бурзян названы аулы; у тамьянцев - волость и аулы. В документе о разделении земель указаны границы земель четырех родов; у айлинцев названы реки; у тырнаклинцев - аулы; у юмран-табынцев — реки и аулы; у минцев — аулы, волости; у булярцев — волость и аулы; у байларцев — волость и аулы, реки; у ирэктинцев - реки, уезды, губернии, аулы *[Там же.* 2002].

Во многих шежере повторяется описание того, как башкиры закрепили свои земли за родом. Например, в шежере юрматынцев говорится о том, как они пошли к Ивану Грозному, согласились платить ясак и получили свои земли *[Там же.* № 2]. Усергане, кыпсаки, бурзяне и тамьянцы были вызваны в Казань царем Иваном Васильевичем, названы подданными, получили землю, которую просили, согласились платить ясак *[Там же.* 2002. № 4]. Часть тамьянцев купила земли у башкир-вотчинников в Кыр-Еланской волости *[Там же.* № 5]. Тамьянцы, как и усергане и кыпсаки, были вызваны царем Иваном Васильевичем, просили дать землю. Изучение родословных позволяет обнаружить, в них по меньшей мере, три важнейшие темы: кровное родство, обозначение территории, право владения территорией.

В них в различной степи подробно говорится о кровном родстве по мужской линии (а иногда и свойстве — тогда появляется и женская линия), территории (иногда называются населенные места, иногда — волости или более обширные пространства) и праве владения территорией (принятие русского подданства, владенная память, грамота, крепь, запись в книгу, владенный указ, межевание земель и план, покупка и др.). Таким образом, шежере представляют собой многослойный, основательный и надежный источник по истории социального устройства коренных жителей Башкортостана — башкир.

Метрические книги среди мусульманского населения Российской империи были введены по указу Правительствующего сената от 21 сентября 1828 г. «О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому магометанскому духовному управлению». В соответствии с этим указом Оренбургскому магометанскому духовному собранию было поручено изготовление метрических книг и рассылка их подведомственным ему приходам.

Метрические книги - это пронумерованные, прошнурованные и скрепленные печатью Оренбургского магометанского духовного собрания тетради (книги), в которые указные муллы вносили сведения о родившихся, сочетавшихся браком, разведенных и умерших.

Метрические книги изготавливались на каждый календарный год и рассылались в приходы по два экземпляра. Указные имамы обязаны были заполнять их, строго соблюдая правила ведения, установленные Сенатом. По окончании года один экземпляр метрической книги через волостное правление направлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание, а второй экземпляр оставался в местной мечети.

По сведениям метрических книг велся статистический учет населения, выдавались выписки о возрасте призывников в воинское присутствие, справки о возрасте детей, принятых на учебу, по запросам училищ, гимназий и других учебных заведений, а также выписывались справки для судебных учреждений и канцелярий присутственных мест.

Оренбургское магометанское духовное собрание и местные власти устанавливали строгий контроль за ведением метрических книг, правильным и точным их заполнением. Они регулярно проверяли деятельность имамов. За нарушение правил заполнения и небрежное ведение метрических книг муллы привлекались к строгой ответственности — вплоть до снятия с должности.

Первоначально метрические книги состояли из трех разделов. В первом разделе, называвшемся «О родившихся», записывались имя ребенка, дата и место его рождения, имена родителей. С конца

70-х гг. XIX в. имена родителей стали записываться с отчествами, а с конца 80-х гг. - с фамилиями.

Во второй раздел метрической книги, называвшийся «О бракосочетавшихся», вносились такие данные, как дата бракосочетания, имя невесты, имя и отчество ее отца, возраст невесты, а также имя жениха, имя и отчество его отца, место жительства и возраст. По обычаям того времени, при заключении брака присутствовали представители невесты и жениха. Как правило, это были ближайшие родственники: отец, дед, в их отсутствии старший брат, а также свидетели согласия невесты, иногда и жениха. При этом как представители, так и свидетели расписывались в метрической книге. Имевшие образование писали «руку приложил», а неграмотные ставили свою тамгу. С открытия в 1886 г. земской школы в д. Белянка в метрических книгах все чаще стали появляться подписи на кириллице.

В этом разделе также отмечалась сумма калыма, оговоренного при заключении брака, и то, какая его часть выплачена. Указывалось, что оставшаяся часть калыма будет уплачена по первому требованию невесты. Условия договора скреплялись подписями или тамгами представителей невесты и жениха. В заключение указывалось имя, отчество и звание духовного лица, совершившего обряд бракосочетания, и ставилась его подпись. Следует отметить, что запись о бракосочетании, как правило, производилась в метрической книге той деревни, в которой проживала невеста.

С 1829 по 1880 гг. в этом же разделе записывались сведения о расторжении брака. Впоследствии эти сведения были выделены в особый раздел. Сведений о расторжении брака было мало, т. к. в те времена браки расторгались очень редко.

Последний раздел метрической книги назывался «Об умерших». Здесь фиксировались следующие данные: имя умершего, дата его смерти, имя отца с отчеством, возраст умершего, причина смерти и место погребения.

Следует отметить, что метрические книги позволяют четко определить сословное положение и национальность каждого человека. Во всех разделах перед именем человека указывалось его социальное положение или национальность - башкир, мишар, татарин, ясашный татарин, государственный крестьянин, мещанин, купец, дворянин и др. Если человек отбывал воинскую повинность, то перед его именем записывалось «запасный солдат», «бессрочный солдат», а если человек переселился из других мест, то указывался адрес прежнего местожительства.

Метрические книги велись с 1829 г. и до закрытия мечетей в 20-е гг. XX в. В 1918 г. вследствие отделения церкви от государства и образования органов записи актов гражданского состояния дела, связанные с регистрацией родившихся, сочетавшихся браком и умерших, перешли к ним. Однако население по традиции продолжало регистрироваться в мечетях. Тогда в 1924 г. был издан циркуляр Народного комиссариата внутренних дел СССР, которым устанавливалось, что регистрация актов гражданского состояния в духовных учреждениях является добровольным делом верующих, но эти документы не имеют юридической силы. Таким образом, метрические книги утратили свое правовое значение.

В настоящее время основной массив метрических книг находится в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан и архиве Управления записи актов гражданского состояния Республики Башкортостан, отдельные экземпляры за некоторые годы — в архивах сопредельных с Республикой Башкортостан субъектов Российской Федерации.

КАНТОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ КАНТОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Тема кантонной системы управления в Башкортостане вызывала интерес еще в XIX в. В «Очерках по истории Башкирской АССР» (1959) впервые сделана попытка показать суть кантонного управления. В обобщающих коллективных трудах по истории Башкортостанаподредакциями Х.Ф.Усманова и И.Г.Акманова достаточно подробно рассмотрено его содержание [*История*... 1996; *История*... 2004]. Сущность этого исторического феномена получила всестороннее изучение в монографии А.З.Асфандиярова *[Асфандияров,* 2005].

Постепенный перевод башкир из гражданского сословия в военное в течение второй половины XVIII в. привел к изменениям в управлении ими.

Мотивы и причины, которые вызвали к жизни новую систему управления башкирами под названием кантонной системы, имели глубокие исторические корни. В период пугачевщины, в которой башкирский народ принимал самое активное участие, обнаружились слабость и неоперативность местных административных органов царской власти. Не устранив коренных причин, вызвавших это народное движение, и не ограничиваясь репрессиями, правительство осуществило ряд превентивных мер против его возможного повторения. В этих целях в 1775 г. была проведена губернская реформа *[Полное*... I. Т. 20. № 14392]. В итоге более чем вдвое увеличилось число губерний, административных органов и чиновников, расширились права и обязанности. Тем самым усиливаются местные органы власти, установившие военно-полицейский режим в империи.

В конце XVIII в. правительство пришло к мысли о необходимости использования мусульманского духовенства в практической деятельности. Следует отметить, что политика по отношению к нему не оставалась неизменной. Если до последней четверти XVIII в. правительство всячески ограничивало деятельность служителей мусульманской религии, то в конце века оно сознательно поощряло их деятельность, привлекая на свою сторону преданных и испытанных верной службой царизму мусульман. Результатом изменения его политики по отношению к приверженцам ислама явилось учреждение в 1789 г. Оренбургского магометанского духовного собрания, разместившегося в центре Башкортостана — Уфе.

Следует отметить, что политика массовой насильственной христианизации башкир не имела успеха. В то же время башкир нельзя было считать и ревностными почитателями ислама. Вот почему правительство поставило задачу широкого распространения мусульманской религии среди башкир и, надо сказать, в этом достигло немалого успеха. Вместе с тем, учреждая Духовное собрание в Уфе, оно добивалось усиления своего влияния в Средней Азии и Казахстане.

Однако христианизация населения, хотя и эпизодически, продолжалась. Миссионеры никогда не прекращали свою деятельность среди башкирского населения. Она была формально приостановлена на некоторое время в связи с волнениями башкир, вызванными слухами о том, что их хотят окрестить. Миссионеры умело использовали и тяжесть военной службы башкир, которых за некоторые льготы обращали в христианство. Нанимая башкир в работники, представители православного духовенства заставляли их креститься. Такая политика усердно поддерживалась губернским начальством, ежегодно ассигновывавшим на это из «башкирского капитала» немалые суммы денег (3 тыс. руб.) *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13028. Л. 5]. В 1798 г. многие башкиры из тысячной команды во время службы на Сибирской линии приняли христианство и были причислены в Сибирское казачество *[Путинцев,* 1891. С. 80]. В 1830—1841 гг. во всех кантонах Башкиро-мещерякского войска было

обращено в христианскую веру около 300 башкир и мишарей с переводом их в крестьяне. Последние шли по найму в рекруты или становились мастеровыми на заводах, а некоторые записывались в казаки Оренбургского казачьего войска *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4299. Л. 54-58; Д. 5480. Л. 3-14]. Вознаграждение за крещение устанавливалось и государством в размере 7 руб. 15 коп. серебром из государственного казначейства. Такая политика увеличивала количество крещеных башкир. Так, в 1860 г. их насчитывалось 252 человека *[Там же.* Оп. 2. Д. 7893. Л. 2]. Ко всем этим фактам и сюжетам мусульманское духовенство оставалось безгласным, безучастным, поскольку оно было опутано инструкциями губернаторов и законами государства.

Правительство после кровавого подавления пугачевщины не ограничивалось крайними мерами и вышеназванными мероприятиями. Оно искало новые способы и пути для кардинального разрешения башкирского вопроса, чтобы окончательно усмирить этот беспокойный край.

В самый разгар Крестьянской войны в Государственном совете обсуждался вопрос о необходимости превращения башкир в крепостное состояние путем раздачи их помещикам, дабы «пресечь вольность и их всегдашную к возмущению склонность» *[Архив...* 1869. С. 232]. Но этот проект таил в себе большую опасность в том отношении, что освободительная борьба башкир в прошлом была слишком упорной, а ее возникновение в новых условиях — вполне реальным. Тем более Оренбургский военный губернатор О.А.Игельстром в своем представлении Екатерине II писал о башкирах: «Почти ни один год не проходит, чтобы не рождалась искра, стремящаяся воспламенить внутреннее беспокойство»; «лишь бы только явился отважный <...> предводитель», башкиры «готовы тотчас произвести бунт или мятеж» *[Там же.* С. 836].

Между тем башкиры опасались не только утверждения среди них крепостного права, но и перевода в податное состояние, поэтому они и не отказывались нести военную службу, даже если она была для них весьма обременительной. Боязнь податного состояния была вызвана недоверием их к гражданским властям, грабившим народ и вызывавшим вооруженные выступления его в прошлом. То, что башкиры «опасаются податного состояния», было известно органам царской власти *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 47].

Деятели самодержавного государства, отказавшись от планов раздачи башкир помещикам или перевода их в податное состояние, лучше сказать, отложив последний план на будущее время, решили в широких масштабах использовать их как военную силу. Такой выход подсказывался практикой: с 1754 г. башкиры вместо ясака уже несли постоянно военную службу. Охрана юго-восточных рубежей страны нуждалась в усилении: местные власти доносили правительству, что «линия охраняется худо, прорывы и перелазы случаются часто» *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 20. Л. 4].

Возник вопрос: в каком количестве привлечь башкир на военную службу? Если по штату губернатора И.И.Неплюева от 1748 г. нерегулярные войска (казаки, башкиры, мишари и калмыки) на линейно-сторожевой службе составляли 10 800 человек, из которых 5 700 человек (48 %) были башкиры и мишари, то для 1786 г. эти цифры соответствовали 11 523 и 7 447 человек (64,7 %) *[Архив...* 1869. С. 834]. По словам О.А.Игельстрома, в борьбе против набегов восточных степняков «нужна была более конница, нежели пехота» *[Там же.* С. 836].

Игельстром развил самую энергичную деятельность по переводу башкир и мишарей в военно-казачье сословие. 22 апреля 1789 г. он разделил башкир по командам (юртам): 20 908 башкирских дворов были распределены по 103 юртам; последние управлялись назначенными им же юртовыми старшинами и их помощниками (52 чел.). Кроме того, 63 походных старшины и 213 сотников следили за военно-сторожевой службой башкир. В среднем на одного чиновника приходилось 48,5 двора, что и облегчало наблюдение за образом жизни и поведением населения *[Материалы...* 1960. С. 569]. Такой порядок являлся переходным к кантонной системе управления; однако башкиры, неся военную службу, пока что находились не под военным, а гражданским управлением. Только 30 января 1797 г. Игельстром «по службе взял» башкирский народ в военное ведомство, но все же «по домостроительству и. тяжебным делам» оставил в гражданском ведомстве. Последнее разделение управления было узаконено правительством 23 февраля 1797 г. *[Там же].*

И, наконец, Игельстром ордером от 3 января 1798 г. предписал назначаемым им кантонным начальникам ввести кантонную систему управления и новый порядок службы на границе *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 3—6]. Этот ордер был узаконен указом от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских и 5 мещерякских кантонов *[Полное...* I. Т. 25. № 18477]. Одновременно были образованы кантоны у оренбургских и уральских казаков и ставропольских калмыков.

Так завершился перевод башкирского и мишарского населения из гражданского в военное сословие, получившее название кантонной системы управления, которая просуществовала (с некоторыми изменениями) с 1798 по 1865 гг. и в основном оправдала надежду правительства. Напомним, что имелось в виду предупредить башкирские бун-

ты, окончательно умиротворить край и создать плацдарм для дальнейшего наступления на Среднюю Азию.

При переводе башкир в военно-казачье сословие были умело использованы особенности их жизни и быта. Царская администрация отмечала «большую склонность их к воинским упражнениям», способность «приучаться ко всем занятиям, необходимым для войны», они «искусно ездят верхом», «большие мастера управлять пикой, стрелять из ружей и особенно из лука» *[П.Р.,* 1832. С.274—275]; отмечалась «сметливость, привычка к степной местности, неутомимость в степных походах, сносливость и крепость их лошадей» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32].

Военный губернатор В.А.Перовский говорил, что «относительно воинского духа они (башкиры. - *А.А.)* не уступают оренбургским казакам, а в иных отношениях даже превосходят прочие нерегулярные войска» *[Там же.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 45. Л. 5 об.].

Военная служба башкир была выгодна правительству и в финансовом отношении, ибо службу они несли за свой счет. В частности, губернатор А.А.Катенин писал: «Нравственный перевес их (башкир. - *А.А.)* перед прочими казаками в том, что они беззаботны к средствам жизни и не из упадающих духом в затруднительные минуты, что в военное время нет надобности заботиться о снабжении их провиантом в том смысле, как прочие войска, ибо башкирец весьма долго и без вреда для здоровья может питаться болтушкою или кониною и продолжительная бивачная жизнь, столь гибельно действующая на войска, не будет иметь вовсе или будет иметь весьма мало на него влияния <...> Вообще для государства в общем экономическом отношении обязательная служба башкир сопряжена с меньшими финансовыми пожертвованиями, чем служба прочих казачьих войск» *[ЦИА РБ.* Ф.-И-2.”Оп. 1. Д. 10077. Л. 14-14 об.; *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32].

Последнее подтверждают цифры. Башкиры за свою службу получали жалованье по 1 руб. ассигнациями в месяц каждый (но и то при условии, если расстояние между их местом жительства и службой превышало 100 верст), чем собственно и исчерпывались издержки правительства на содержание Башкиро-мещерякского войска. А оренбургские казаки, кроме того, получали еще от казны особое денежное пособие *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.; *НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 94. Л. 225-226; *Сборник...* 1862. С. 139-140].

Со стороны самих башкир реформа 1798 г. не встретила открытого сопротивления. Особенно довольна была феодальная верхушка. По мнению башкирских и мишарских чиновников, правительство обратило их всех «в военное состояние, обычаям и самому образу жизни каждому свойственное» *[ЦИАРБ.* Ф.И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 46 об.]. О том же свидетельствуют прошения от 1, 5, 7, 9-го башкирских и 2-го, 3-го мишарских кантонов, направленные в 1820 г. императору Александру I об их желании остаться в военном сословии; просители выступали против попыток перевода их в податное состояние. В одном из прошений их поверенные писали, что указ 1798 г. составлен «в согласность нравов башкирских, изображенных в наказе, поднесенном в 1767 г. Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения бывшей Исецкой провинции от башкирцев, сартов и калмык депутатом старшиной Бадаргулом Юнаевым» *[Там же.* Л. 52 об.]. Осинские башкиры также просили императора оставить их в прежнем, военном, состоянии.

Кантонная система управления в крае в одинаковой степени отвечала интересам местных феодалов и центральной власти. Упоминавшийся выше И.В.Чернов подтверждает, что «мера эта служила к внутреннему разделению башкир и подчинению их благонадежным лицам, а через последних правительство узнавало нужды народа» *[Чернов,* 1907. С. 19].

Вместе с тем облегчилось продолжение «внутреннего разделения» народов в более широком плане, начатого еще в 30-х гг. XVIII в. политикой натравливания и противопоставления башкирского и казахского народов. Игельстром считал, что «вражду, введенную Неплюевым в башкирах против киргиз (казахов. — *А.А.),* по нынешним обстоятельствам не безнужно удерживать» *[Архив...* 1869. С. 837]. Такими средствами царское правительство добивалось своих целей во внутренней и во внешней политике на юго-востоке империи.

Кантонная система как таковая не была изобретением царя. Она была известна в государствах, где царил военно-феодальный режим: Австро-Венгрии, Пруссии и др. В конце XVIII в. там вводились в отдельных местах кантонное управление и военные поселения.

В России такая система была впервые (если не считать военных поселений трех сербских полков на Украине полвека ранее) *[Попов,* 1870. С. 602] установлена в Оренбургском крае в 1798 г. по проекту Игельстрома, курляндского барона по происхождению, знакомого, очевидно, с такой прусской формой административного управления в других странах. «Успех» оренбургских кантонов не мог не подтолкнуть царских сподвижников к повторению этого опыта полтора десятилетия спустя в грандиозном масштабе аракчеевских военных поселений.

Обращаясь к географии новых административных единиц, заметим, что тептяри с бобылями, не входя до 1855 г. в кантоны, имели свое управление, подчиненное военному и гражданскому губер-

наторам, и что кантоны не имели особых наименований, различаясь только порядковым номером.

Территориально башкирские кантоны были расположены в следующих губерниях: 1-й — в Пермском и Осинском, 2-й — в Шадринском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии, 3-й — в Троицком, 4-й — в Челябинском, 5-й — в Бирском, 6-й—в Верхнеуральском, 7-й—в Уфимском, 8-й - в Стерлитамакском, 9-й - в Оренбургском, 10-й — в Бугульминском и 11-й - в Мензелинском уездах Оренбургской губернии. Мещерякские кантоны находились: 1-й в Троицком и Челябинском, 2-й — в Бирском и Мензелинском, 3-й - в Стерлитамакском, 4-й - в Уфимском и 5-й — в Бугульминском уездах Оренбургской губернии *[Полное...* I. Т. 25. № 18477]. В 1803 г. был образован еще один кантон из башкир только Шадринского уезда, входивших раньше во 2-й башкирский кантон. После этого кантонов насчитывалось 12; 1-й — в Осинском и Пермском, 2-й — в Екатеринбургском и Красноуфимском, 3-й - в Шадринском уездах Пермской губернии; 4-й в Троицком, 5-й в Челябинском, 6-й в Верхнеуральском, 7-й в Стерлитамакском, 8-й в Уфимском, 9-й в Оренбургском, 10-й в Бирском, 11-й в Мензелинском уездах Оренбургской губернии, в Елабужском и Сарапульском уездах Вятской губернии, 12-й в Белебеевском, Бугульминском и Бугурусланском уездах Оренбургской губернии.

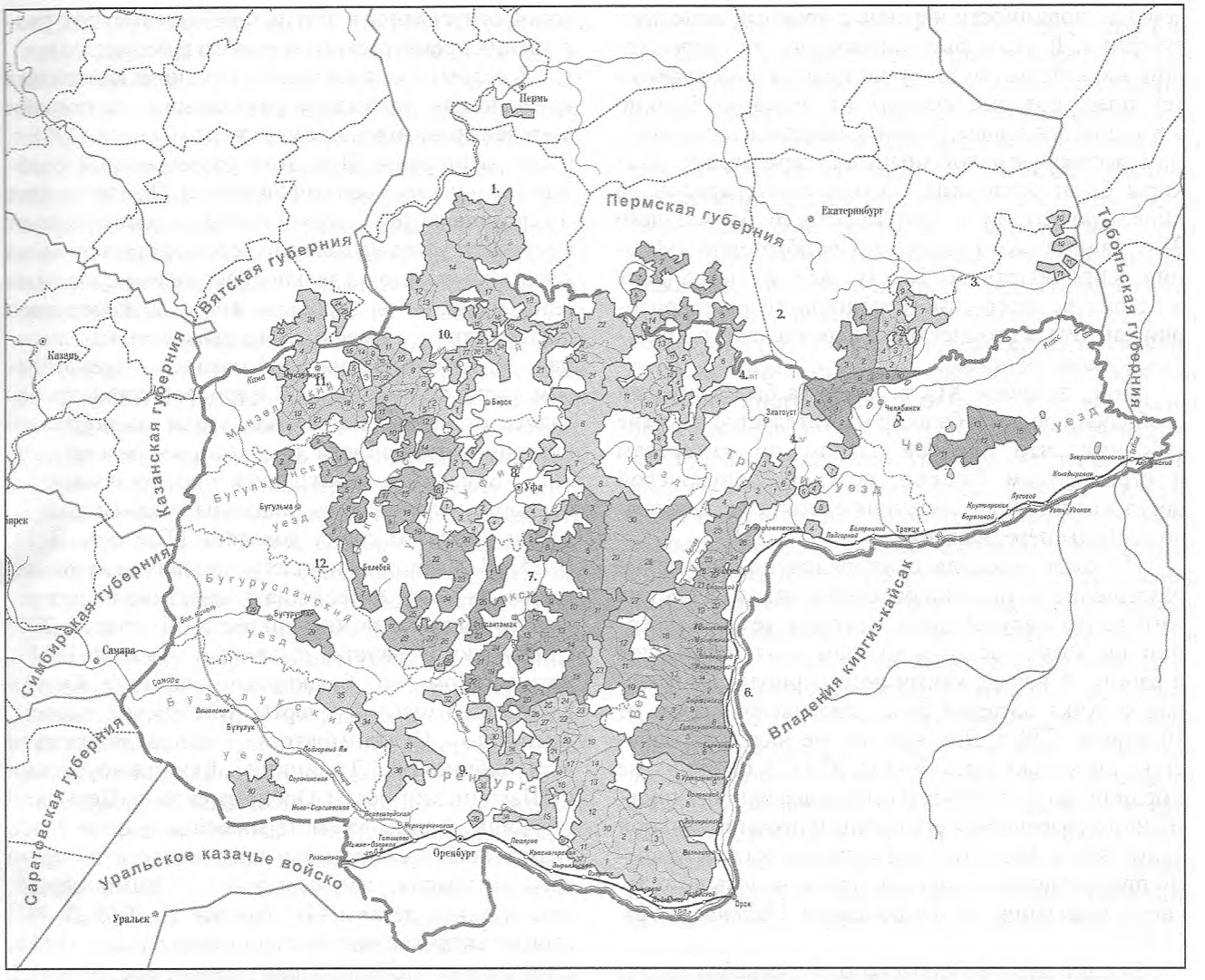
Как видно, кантоны были образованы на основе территориального (уездного), а не родоплеменного (волостного) принципа. Как правило, в состав кантонов входили, полностью или частично, несколько волостей. Например, во 2-й башкирский кантон были включены 15 деревень Балакатайской, 9 деревень Мякотинской, 4 деревни Шуранской, 10 деревень Улукатайской, 2 деревни Карабольской и Мещерякской, 1 деревня Терсятской, 7 деревень Мало-Кушинской, 9 деревень Болыпе-Кущинской, по 5 деревень Сызгинской и Упейской волостей [*РГВИА*. Ф. 414. Оп. 1. Д. 312. Л. 11]. Подобную картину можно было наблюдать и в 6-м башкирском кантоне, в состав которого вошли полностью Бурзянская, частично Карагай-Кипчакская, Тангаурская, Тамьянская, Кубелякская, Телевская, Кара-Табынская, Кудейская и Катайская волости *[Там же.* Д. 314. Л. 162].

Таким образом, одна и та же башкирская волость оказалась разделенной между несколькими кантонами, и тем самым почти нарушался принцип коллективной собственности жителей на волостную землю.

Кантоны не были одинаковыми, включали неравное число жителей и деревень. В 1826 г. 12 башкирских кантонов охватывали 1 804 деревни, состоящие из 47 480 дворов *[Там же.* Д. 312. Л. 10-33]. Распределение деревень по кантонам выглядело таким образом: от 30 до 68 деревень имели 1—3-й кантоны, от 102 до 202 деревень - 4-8, 10, 11-й, от 242 до 284 деревень - 9-й и 12-й кантоны. В каждом башкирском кантоне в 1826 г. насчитывалось от 4 тыс. до 22 тыс. душ м. п. [*Там же.* Л. 10—37].

Неодинаково было и число юрт: 1-й, 2-й башкирские кантоны имели от 7 до 13 юрт; 3—6, 8, 11, 12-й кантоны - от 19 до 31; 7, 9, 10-й кантоны - от 35 до 48 юрт. Общее число юрт в башкирских кантонах равнялось 375. По числу жителей юрты также были неодинаковы: каждая охватывала несколько деревень, объединив от 100 до 1 тыс. душ в одной юрте, что вызывало ряд неудобств при выполнении натуральных и денежных повинностей. Поэтому Перовский 13 августа 1833 г. предписал уравнять число башкир в юртах по усмотрению кантонных начальников таким образом, чтобы каждая из юрт состояла не менее чем из 750 душ м. п. *[ПИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3346. Л. 34]. В результате некоторые юрты были укрупнены, и к 1846 г. оказалось, что их количество в башкирских кантонах было сокращено на 128 (осталось 247) *[Там же.* Д. 4911. Л. 143—143 об.]. Такое количество юрт сохранилось до 1855 г. Теперь в каждой юрте насчитывалось от 700 до 1 тыс. душ м. п. (было и меньше, но это — исключение) *[Там же.* Д. 4873. Л. 139-189 об.].

Вышеназванные мероприятия правительства по окончательному умиротворению башкир усилили контроль над ними вплоть до ограничения свободы передвижения. Известно, что часть полукочевых башкир обитала в Саратовской губернии. К 1803 г. там в 3 уездах проживало 125 семей, которые, по словам военного губернатора Г.С.Волконского, не выполняли ни одной натуральной повинности. Поэтому органы власти решили уравнять их в несении повинностей с другими сословиями, подчинив предварительно этих башкир земской полиции *[Там же.* Д. 153. Л. 16, 21]. Поток переселенцев в эти места продолжался и в последующие годы. Так, в 1804 г. 47 душ из разных деревень 7-го башкирского кантона Стерлитамакского уезда просили губернатора разрешить им переселиться в Вольский уезд Саратовской губернии на свою и «на покупную ими землю». Однако губернатор, посчитав несение линейной службы «затруднительным» для жителей всего кантона, просил Сенат издать указ о запрещении переселения башкир. 24 сентября 1806 г. последовал такой указ, по которому «выход башкирам на жительство в другие губернии из мест, где ныне они обитают, впредь совершенно воспретить и нигде их на сей конец не принимать» *[Полное...* I. Т. 29. № 22284]. Переселившимся в Саратовскую губернию разрешалось или остаться там, или «перейти туда, откуда они вышли». Оставшиеся там подчинялись контролю земской полиции и обязывались выполнять все



Кантонная система управления в первой половине XIX в. (1834 г.)
(реконструкция по В. Д. Таичу)

границы уездов

границы и номера кантонов (на 1834 г.)

границы и номера юрт

земские повинности наравне с прочими жителями губернии. В указе было оговорено, что перешедшие на жительство в другие губернии «лишаются тех прав, которые исходят от перевода башкир в военное сословие». Однако, находясь в подчинении местной земской полиции, саратовские башкиры были оставлены в отношении нарядов на линейную службу в зависимости от ближайшего 9-го башкирского кантона Оренбургской губернии. Они вплоть до 30-х гг. XIX в. находились в ведомстве этого самого обширного по территории кантона, а позднее были перечислены в Уральское казачье войско.

Итак, в начале XIX в. навсегда был запрещен свободный переход башкир на жительство в другие губернии, что явилось ударом по интересам и стремлениям башкир, ведущих полукочевой образ жизни, ибо экстенсивное хозяйство требовало свободы передвижения.

По было несколько упорядочено получение разрешения на поездки башкир-казаков из мест их жительства в другие юрты, кантоны, уезды и губернии по хозяйственным нуждам «для промыслов и работ». В начале кантонного периода самовольная отлучка жителей была запрещена указом от 10 апреля 1798 г. Для них это не являлось новостью, поскольку еще с 30-х гг. XVIII в. башкиры не имели права отлучаться из своей деревни без письменного разрешения старшины и провинциальной канцелярии. Волостным старшинам были в то время предоставлены широкие права, вплоть до телесного наказания провинившихся [*Рязанов*, 1928. С. 62].

Предписанием Перовского от 3 декабря 1835 г. были внесены некоторые изменения в правила увольнения башкир по билетам, установленные бывшим начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса 29 мая 1831 г. Здесь же была разграничена компетенция башкирских чиновников по упомянутому вопросу. Так, например, увольнять башкир в пределах данного уезда сроком на 28 дней разрешалось юртовым старшинам, сроком от одного до 6 месяцев — кантонным начальникам. Увольнением башкир в другие уезды той же губернии сроком на 6 месяцев ведали кантонные начальники. Отпуск их на срок более длительный, чем указанный, а также вопрос о его продлении разрешался ими же, но только с согласия командующего войском *[ЦИА РБ.* Ф. И-1.0п. 1.Д. 8.Л. 1—2; Д. 20. Л. 20-21; Д. 2018. Л. 382]. В 1820-е гг. кантонные начальники могли отпускать просителей и в уезды другой губернии, но теперь это входило в компетенцию командующего войском. Однако исключение составляли смежные уезды Вятской, Пермской и Оренбургской губерний, куда кантонные начальники могли отпускать башкир, не спрашивая согласия вышестоящих властей (до 1834 г. жители кантонов отпускались в другие губернии только с разрешения оренбургского военного губернатора).

В целом, права юртовых старшин и кантонных начальников на выдачу разрешений на поездки жителей сравнительно с указом от 10 апреля 1798 г. были расширены. При этом разрешающий снабжал увольняемых своими билетами. При их выдаче наблюдали за тем, чтобы билеты на расстояние от мест жительства не далее 30 верст оформлялись на простой бумаге, а на дальнее расстояние сроком на один месяц — на гербовом листе 50-копеечного достоинства, на 2 месяца — на рублевом, на 3 месяца - двухрублевом, на 4 и 5 месяцев - трехрублевом листе; на полугодовой и годовой сроки требовались от казначейства «плакатные паспорта» со внесением туда списка лиц, которым они выдавались. Бумаги эти покупались просителями, а за паспорта уплачивались пошлины, «дабы казна не теряла через то своих доходов» *[Там же.* Д. 11. Л. 25]. На паспортах и билетах увольняемых указывались их места жительства и «внешние их приметы». К примеру, можно привести билет за № 2889 сроком до 1 августа, выданный 1 июля 1823 г. начальником 5-го башкирского кантона Кулуем Кучуковым мулле 8-й юрты Чирлинской волости Жиганше Султанмратову, отправлявшемуся в Челябинский, Троицкий, Екатеринбургский и Шадринский уезды Оренбургской и Пермской губерний, «для сыску» потерявшейся лошади. Были указаны особые «приметы» предъявителя, который «ростом высок, волосом рыж, глазами серый, лицом смугл, летами 44» *[Там же.* Д. 2018. Л. 382] (приметы предъявителя стали указываться с 1814 г. с той целью, чтобы государственные преступники, дезертиры, бродяги и тому подобные не могли воспользоваться увольнительными билетами) [*Там же.* Д. 486. Л. 18].

Рост самовольных отлучек из-за высокой цены бумаг способствовал отмене платных листов и паспортов для увольнения. Для этого билеты с 1839 г. оформлялись на простой бумаге *[Полное...* II. Т. 14. № 12444]. Еще указом от 15 октября 1804 г. башкирам, принадлежащим к составу Оренбургского казачьего войска, при увольнении из своих домов «по коммерческим целям» выдавались «увольнительные виды» от своих начальств вместо установленных купеческих паспортов от уездных казначейств *[Там же.* Т. 15. № 13865]. При этом состоящие на очереди к службе, а также находящиеся под судом или следствием не могли претендовать на отпуск по билетам *[ЦИА РБ.* Ф. И-2.0п. 1.Д. 13708. Л. 35].

Возможностью увольнения «для промыслов и работ» могли пользоваться не все. Из 3-го башкирского кантона в 1837 г. из 6 тыс. душ м. п. было отпущено на разные сроки по билетам 200, в 1838 г. 337 человек; это означает, что соответственно 3,3 %

и 5,6 % мужского населения кантона побывало на промыслах, сезонных работах, ярмарках и т. д. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3725. Л. 74-95, 95-142]. Лица, просрочившие свои билеты и паспорта, считались бродягами. С такими людьми обращались со всей строгостью и жестокостью. Через газету «Оренбургские губернские ведомости» местные власти разыскивали таких лиц наравне с самовольно отлучившимися из мест жительства. Утеря документа вызывала тяжкие последствия. Так, в 1822 г. рядовой Кусябай Кильмеков из д. Сибаево 6-го кантона за это просидел в течение трех лет в тюремном замке в уездном городе Верхнеуральске *[Там же.* Д. 1568. Л. 1]. За самовольную отлучку из места жительства наказывали не только виновных, но и жителей тех деревень, куда прибывал отлучившийся. В 1851 г. становой пристав взыскал с жителей д. Кочак 11-го башкирского кантона деньги в размере 50 руб. 75 коп. серебром «за продержательство» в течение трех с половиной месяцев «без письменного вида» башкира д. Илишево Габдуллы Ибатуллина *[Там же.* Д. 1028. Л. 17; Д. 6936. Л. 1]. За отлучки без разрешения юртовых и кантонных чиновников рядовые жители подвергались телесному наказанию до 25—30 ударов казацкой плетью или палками. За такие и другие поступки были наказаны башкиры 3-го кантона с 1799 по 1831 г. в следующем количестве: в юртах и командах Абдулвахита Бикметова — 78, Мухаметвали Бикметова — 45, Абдулхаира Уразымбетова — 32, Марзагулова - 122, Салиха Якупова — 31, Байбулатова — 30, Кагармана Барнашева — 51, Артыкова — 81, Аксулпана Нейбердина - 65, Зейнуллы Бурангулова — 86, Кагармана Бикметова — 59, Абдулменя Алишева — 27, Мухаметкарима Бикметова — 18, Абдулхалима Мансурова - 132, Канафии Зикеева — 97, Ильясова - 25, Акчувашева — 53, Утягула Сутукова — 26, Абдрахмана Резяпова — 91 человек *[Там же.* Д. 2888. Л. 72—167]. Таким образом, только по одному кантону было подвергнуто телесному наказанию 1 149 человек. Палочный режим царской России не мог миновать башкир, находившихся в военно-казачьем сословии.

Самым унизительным и жестоким наказанием для казаков было насильственное изгнание за проступки из обжитых ими родных мест. Рядовые башкиры и мишари за неоднократную отлучку без ведома начальства, за присвоение себе чина, за «грубость» против старшин, за «упуск» колодников и арестантов и за подачу жалобы против кантонных начальников не только подвергались телесному наказанию, но и удалялись из родных мест. Неугодные чиновникам «самые буйные», недовольные военно-административным гнетом рядовые по просьбе «общества» изгонялись из своих деревень. Подвергавшиеся по приговору общества за перечисленные выше «преступления» в продолжении года, двух или трех лет подряд телесному наказанию соответственно три, четыре, пять раз, а также наказанные 2 раза по приговорам судебных органов плетьми и шпицрутенами или пойманные 2 раза за бродяжничество подлежали изгнанию из села *[Там же.* Л. 73—74; Д. 7142. Л. 76 об.]. Военно-феодальные власти удаляли из мест жительства людей на основе указов от 28 апреля 1808 г. и 31 июля 1817 г., согласно которым поведение «опорочиваемого» рассматривалось в присутствии юртовых старшин и чиновников ближайших селений той деревни, к которой принадлежал обвиняемый. В составлении мирских приговоров об удалении того или иного казака участвовали не все члены общества села, а только угодные властям 24 человека «добраго поведения», хотя документы составлялись от имени всего общества *[Там же.* Д. 3346. Л. 4]. В этой связи становится понятным, почему башкирские и мишарские феодалы и чиновники при составлении мирских приговоров ссылались на все сельское или юртовое общество. Вот почему никто из юртовых или кантонных чиновников и вообще из феодалов не оказывался удаленным из села. Так оно должно и было быть, ибо, по словам губернатора П.П.Сухтелена, «неоспоримо и опытом достаточно доказано, что нужды и желания большинства башкирцев отнюдь не сходствуют с видами, желаниями и пользою чиновников сего народа» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 4. Д. 9837. Л. 16 об.]. Таково было еще одно из многих средств, которыми власти усиливали надзор за населением кантонов, чтобы окончательно добиться целей, поставленных царизмом.

Те же цели преследовало уничтожение остатков башкирского самоуправления, в частности йыйынов (съездов). Еще указом от 11 февраля 1736 г. было запрещено «без позволения городовых командиров сборишев делать». Властями было разрешено тогда проведение только «обыкновенного стариннаго мирскаго сбора о семике», который собирался на один день у речки Чесноковки около Уфы, где башкирским старшинам было дозволено «о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом» *[Полное...* I. Т. 9. № 6890; *ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4907. Л. 15 об. - 16]. В документах первой половины XIX в. нами не обнаружено ни одного упоминании о таком собрании старшин. В период кантонного управления, когда башкиры находились в иных, чем в XVIII в., условиях, очевидно, такие собрания и сборы изжили себя. Кроме того, теперь не было и волостных старшин. Зато часто практиковались йыйыны, носившие традиционно-праздничный характер. Башкиры нескольких деревень обычно собирались на большой и ровной местности для общего увеселения. Прибывших угощали местные, затем начинались игры на курае, пение горлом, национальная

борьба, скачки, песни и пляски. В конце дня гости, прибывшие из дальних мест, разъезжались по своим деревням, и через несколько дней они приглашали к себе тех, у кого гостили.

Следует сказать, что йыйын являлся самым любимым башкирским праздником. На него собирались не только башкиры, но и мишари, тептяри и татары и другое население округа. Обычно на него стекалось до 5 тыс. человек. Однако с 30-х гг. XIX в. и такие йыйыны проводились редко, и народу сюда съезжалось намного меньше, так как подобные увеселения были запрещены начальством [*Назаров*, 1863. С. 63]. На йыйынах, хотя и неофициально, представители различных деревень совещались о своем положении, договаривались о формах и способах борьбы с органами власти. Еще военный губернатор П.К.Эссен подверг сомнению необходимость созыва йыйынов и требовал от гражданского губернатора запрещения их. Губернские власти заявили, будто собравшиеся на йыйыны, «упившись горячих напитков, производят разные неистовства: драки, грабежи, насилия». Истинный смысл запрещения заключается в другом: органы власти боялись общения населения нескольких деревень, не предусмотренного регламентом военно-феодального режима. В поисках повода губернское правление потребовало заключение от Оренбургского духовного собрания, в котором заявлялось, что магометанским законом строго запрещаются не только «пиршества» или увеселения с употреблением «горячих напитков», но и «народные сборища» вообще. Затем губернское правление в соответствии с мнением Государственного совета от 29 февраля 1828 г., повелевающим уничтожить «всякие непозволительные и соблазнительные сбориша, под каким бы видом и названием оные не существовали», определило запретить йыйыны. Военный губернатор Сухтелен 17 ноября 1831 г. предписал последнее кантонным начальникам *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 383]. Циркуляр военного губернатора получил законную силу; указом правительства от 9 июня 1837 г. предложено, если не будет присутствовать офицер с солдатами и казаками «на сборище», то его вообще запретить *[Там же.* Д. 4907. Л. 18]. Однако без ведома местных властей в разных концах края продолжалось проведение йыйынов. Так, из рапорта Бирского земского исправника Юферова видно, что башкиры и мишари из 10-го башкирского и 4-го мещерякского кантонов ежегодно собирались на йыйын. В 1840 г. в июне месяце он случайно наехал на множество народа, съехавшегося на йыйын из разных мест в мишарскую деревню Кулаево, который им был разогнан. Пристав 3-го стана Залесов сообщил губернским властям о йыйыне башкир д. Уртаулово 10-го кантона, где были, кроме рядовых, и башкирские старшины 12-й юрты Мухаметвали Карманов и 13-й юрты Абдугафар Дюскеев. Чтобы разогнать народ, Залесовым был послан полицейский сотник из д. Тогаево, но ему было оказано сопротивление и «ослушание». Бывший на йыйыне башкир из д. Сосново Мухаметзян Якупов «кричал, что пристава и знать не хочет» *[Там же.* Д. 5059. Л. 2]. Основываясь на этих фактах, начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Рокосовский предписал командующему Башкиро-мещерякским войском «сделать зависящее распоряжение (кантонным начальникам. — *А.А.) о* недопущении впредь сих сборищ» *[Там же.* Л. 1—1 об.].

Однако правительство и его губернские власти не только стремились воспрепятствовать консолидации каждой народности - процессу, который шел вопреки их желаниям, но и пытались изолировать народы, запретив общение между ними. Последнее можно проследить и на следующих фактах. Запрет брака башкир с казашками сохранял свою силу с 1747 г. до 1846 г. *[Там же.* Д. 3018. Л. 39—39 об.]. Кроме того, циркуляром Перовского от 1853 г. было отменено увольнение башкир в казахскую степь «для отправления богослужения» или даже для обучения казахских детей «татарской грамоте» *[Там же.* Д. 7379. Л. 27].

Таким образом, установление кантонного управления привело к переводу башкир и мишарей в военно-казачье сословие, над которым был установлен жесткий военно-полицейский надзор.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНТОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

В зависимости от проводимой в башкирском крае политики, а также в соответствии с внешнеполитическими задачами, в частности в Казахстане и Средней Азии, правительство вносило определенные изменения в практику кантонного управления.

Как уже отмечалось, войско из башкир было создано еще до указа от 10 апреля 1798 г. В период кантонного управления башкиры и мишари были объединены в одно войско — Башкиро-мещерякское. Хотя башкиры, как и мишари, стремились оставаться самостоятельными, их желание было отвергнуто правительством. Отказ был в 1794 г. уфимским наместником А.Пеутлингом мотивирован следующим образом: «Опытом дознано, что мещеряки на линейной службе одни не с таким успехом употребляемы быть могут, как обще с башкирцами (которые начальничье замечание однако от башкирцев скрывается, дабы оные не слишком

вознеслись в своих о себе понятиях)» [*Материалы,...* 1960. С. 572].

С самого начала Башкиро-мещерякское войско было подчинено непосредственно военному губернатору края. Однако в отличие от других казачьих войск оно не имело ни войскового атамана, ни специальной канцелярии. Просьба башкир об уравнении их с положением Донского казачьего войска в жаловании чинам, в учреждении войскового атамана и его канцелярии была отклонена, поскольку подчинение их непосредственно военному губернатору казалось властям более удобным. Кроме того, по мнению Пеутлинга, уравнение башкир с донскими казаками считалось «роскошью» для них, потому что они, без этого «преизбыточно щедротами е. и. в. награждены» *[Материалы...* 1960. С. 572; *Архив...* 1869. С. 236-237]. По-видимому, имелось в виду то, что башкиры обладали вотчинными правами на землю. Башкирское войско отличалось от других казачьих войск еще тем, что оно несло службу без всякого вознаграждения и не имело сплошной территории.

Обычно все дела башкир и мишарей о наряде на службу, разборе уголовных дел, совершенных на службе и вне ее, о производстве в чины, об утверждении их в должности, об отставке и зачислении на службу, о различных спорах, о злоупотреблениях чиновников рассматривались в корпусном дежурстве Отдельного Оренбургского корпуса, командиром которого являлся военный губернатор. В 1830 г. приказом по корпусу дела башкир, производившиеся «по междуусобным их распрям друг на друга, равно и на своих начальников и все содеянные ими преступления в местах их оседлости», передавались в гражданскую канцелярию военного губернатора, а вопросы, относящиеся к военной части, оставались в корпусном дежурстве *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2396. Л. 128].

В дальнейшем надзор над башкирами все более усиливался. В. А. Перовский, считая двойное, военное и гражданское, управление над башкирским населением малоэффективным, решил вообще «изъять» Башкиро-мещерякское войско из гражданского ведомства и полностью подчинить его военным властям в целях «усиления опеки» *[Там же.* Д. 3532. Л. 33—34, 39]. Вот почему в 1834 г. по его ходатайству были образованы должность командующего войском с его канцелярией и институт попечительства.

2 августа 1834 г. полковник С.Т.Циолковский был назначен командующим Башкиро-мещерякским войском; до этого им был сам губернатор. По штату, утвержденному 30 мая 1836 г., канцелярия командующего имела двух столоначальников с двумя помощниками, одного письмоводителя и восемь служителей канцелярии (в числе последних два писаря на языке «тюрки» и переводчик).

С 1837 г. все дела, касающиеся башкир и мишарей, решались непосредственно через командующего войском и в учрежденной при нем канцелярии. Однако недостаточность штата канцелярии вела к накоплению неразобранных дел; поэтому в 1840 и 1842 г. штат канцелярии был усилен *[Полное...* II. Т. 12. № 9242/а]. Оказались затруднения и у командующего войском, права которого были ограничены до того, что он не мог сам решать даже мелкие дела *«о* краже и мошенничестве», а обязан был во всех случаях представлять свои заключения военному губернатору. Положением от 2 августа 1853 г. командующему Башкиро-мещерякским войском было наконец предоставлено право начальника дивизии, что соответствовало чину наказного атамана Оренбургского казачьего войска *[Там же.* Т. 23. № 27484].

В 50-х гг. XIX в. военное и гражданское управление башкирами находилось в ведении командующего войском. Для гражданского же управления он имел свою особую канцелярию. При нем находились обер-аудитор и шесть аудиторов для рассмотрения и решения военно-судебных дел *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Он. 12. Д. 77. Л. 372; *Полное...* II. Т. 25. № 24649; Т. 27. № 26249; Т. 30. № 30008; Т. 31. №-30129]. Как правило, в канцелярии командующего все должности были заняты исключительно офицерами из Оренбургского казачьего и-регулярных войск.

В целях усиления надзора за образом мыслей и поведением всех лиц войска был учрежден также институт попечительства. Каждое из них возглавлял один из русских армейских штаб-офицеров, к которому прикомандировывались 6 переводчиков и 6 писарей *[Полное...* II. Т. 12. № 9242-а; Т. 15. № 13684]. В своих действиях попечитель руководствовался специальной инструкцией. Перовским перечислены в 20 пунктах их обязанности. Находясь в подчинении командующего войском, они должны были вести «наблюдение за народом как в отношении нравственности, так и равно хозяйственном и полицейском». Как видно, они были наделены большими правами.

В области хозяйства попечители были обязаны прежде всего следить, чтобы все восточные башкиры занимались земледелием. Зажиточных башкир призывали принимать к себе в работники тех жителей, которые не имеют собственного хозяйства. Попечитель должен был прекращать «истребление лесов» и производить торги на отдаваемые в оброк башкирские земельные угодья (мельничные места, рыбные ловли). Наблюдение за исправным выполнением повинностей и за состоянием магазинов для хлебных запасов входило тоже в их обязанность *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11310. Л. 12, 14-15].

В «путевых журналах» попечителей записывалась проделываемая ими работа. По такому доку-

менту попечителя 6-го и 9-го кантонов войскового старшины Н.Н.Филатова за сентябрь 1848 г. видно следующее: он проверил, действительно ли башкиры д. Исмакаево засевают озимый хлеб, «всюду делал внушения к трудолюбию», замечанных же «в явном нерадении к хозяйству и лени» подвергал «в пример прочим» наказанию, «соразмерному вине каждого». Проезжая через юрты, объединившие каждая по нескольку аулов, он проверял в них «устройство башкирских домов по плану» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.Д. 6001. Д. 360,412,417-418]. Не было случая, чтобы по приезде в какой-нибудь аул он не наказал собственноручно кого-либо. Опасаясь внезапного появления Филатова, жители аулов выставляли днем на минаретах мечетей караульных. По его крику, возвещавшему о приближении старшины к аулу, все жители, чтобы избежать наказания, «кидались на работу — во дворы, огороды». Замеченных в нерадении он подвергал «генеральной порке» *[Чурко,* 1927. С. 10].

Самой главной функцией попечителей был, пожалуй, полицейский надзор, «наблюдение за нравственностью и поведением жителей кантонов». За незначительные проступки, такие как «неуместное представление и утруждение начальства» они наказывали чиновников арестом на одну и более недель. За такую же провинность рядовых башкир они наказывали розгами в присутствии жителей аула 50 ударами, но «без жестокости».

По части военной попечители контролировали соблюдение очередности несения службы башкирским населением. В этих целях они проводили инспекторский осмотр при нарядах команд на службу, ежегодно осматривали тех лиц, которые числились отставными или неспособными к службе *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11310. Л. 12-15].

Попечители кантонов вмешивались и в частную жизнь жителей. Так, упомянутый Филатов производил следствие «о подложном составлении» разводного акта между мужем и женой *[Там же.* Д. 6001. Л. 414]. Попечитель майор Добрынин, расследуя жалобу башкирки Сагиды Абдулкаримовой об увозе -без калыма ее дочери Абдулвагаповым, заставил последнего уплатить полагающийся калым «в полной мере» *[Там же.* Д. 4331. Л. 73].

В случае приезда в кантон попечителей кантонные начальники стремились показать свою деятельность в самом выгодном свете. При этом нежелательные люди высылались из той деревни, где была расположена кантонная штаб-квартира. Полиция следила за тем, чтобы в это время был полный порядок и соблюдалось спокойствие. Не допускалась подача жалоб на злоупотребления местных чиновников. А основная масса людей видела, что башкирский чиновник, показывая «свое внешнее преимущество пред другими своими собратьями», оставался «скрытным и низкопоклонным перед старшими, гордым и высокомерным с низшими» *[Назаров,* 1863. С. 69, 70, 73].

Помимо попечителей, в системе управления имелись стряпчие (ходатаи по делам) из гражданских чиновников. Дело в том, что земельные отношения башкир, мишарей и тептярей были чрезвычайно запутаны. Шла беспрерывная тяжба по земельным делам, которая все более разрасталась по мере перехода восточных башкир к полной оседлости и к земледелию.

Издавна башкиры для разбора тяжебных дел избирали из своей среды поверенных и уполномочивали их действовать от своего имени в присутственных органах, но из-за незнания законов и судебных порядков они редко добивались справедливого решения своих исков. Поэтому стряпчие назначались из числа русских чиновников, знающих законоположения *[Полное...* II. Т. 12. № 10281]. Все же поверенные башкир не отстранялись от дел, а действовали под контролем и руководством стряпчих, хотя теперь были ограничены в том отношении, что не могли подавать прошения непосредственно от себя, не показав предварительно стряпчим.

Все-таки стряпчие не оправдали ожидания властей и народа. При рассмотрении дел в присутственных местах они оставались лишь свидетелями. Они не могли переписываться с официальными органами или им не рекомендовалось писать прошения для жалующихся башкир на своих начальников. Из-за беспомощности и бездействия стряпчих число тяжебных дел нисколько не уменьшалось, земельные споры и злоупотребления чиновников не прекращались. Даже сами стряпчие становились вымогателями и разорителями населения *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11310. Л. 5, 11; Д. 6675, Л. 6].

Если институт попечительства был учрежден в целях мелочной опеки и усиления надзора за поведением башкирского населения, а стряпчие назначены для упорядочения башкирских тяжебных дел, то суд был призван поддержать «порядок» и блюсти законы царского правительства.

Все виды уголовных преступлений, а также крупные споры и тяжбы о земле в Башкиро-мещерякском войске относились к компетенции гражданского суда. Однако военные власти губернии постепенно и часто без указа сверху, самолично суживали сферу влияния гражданских властей в области суда. Так повелось с начала XIX в., когда дела судебные прямо шли от уездных судов к военному губернатору для окончательного их решения *[Материалы...* 1960. С. 579—580].

С 1803 г. запрещалось судить кантонных чиновников гражданским судом. Дела о проступках юртовых старшин рассматривались непосредственно военным губернатором *[Тамже.* Д. 75. Л. 28]. Рядовые, совершившие проступки и преступления

во время службы на линии, походах или в военное время, также предавались военному суду, а в обычное время — гражданскому *[ГАОО.* Ф. 2. Оп. 3. Д. 5008. Л. *8', ЦИА РБ.Ф.* И-2.0п. 1.Д. 486.Л. 1-3]. Так, рядовые башкиры за неповиновение кантонному и юртовому начальству подвергались военному суду *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 278. Л. 41].

С начала 30-х гг. XIX в. права общих судебных учреждений все больше суживались. Так, положением от 1 марта 1832 г. башкиры за воровство предавались военному суду[7]. Из числа лиц, которые будут «опорочены в поведении обществом, хотя и не обличены в воровстве», годные к службе отдавались в рекруты в дальние гарнизоны, а неспособные к ней ссылались на поселение в Сибирь. На основании данного положения содержащиеся под стражей 196 башкир и мишарей в 1835 г. были без суда и следствия сосланы в Сибирь *[Полное...* II. Т. 7. № 5201].

Чтобы пресечь «непокорность» башкир, мишарей, калмыков, тептярей и казаков, указом от 26 февраля 1834 г. предусматривался «за все роды преступлений» военный суд [*Там же.* Т. 9. № 6852]. За земской полицией оставалось только производство следствий по преступлениям, совершенным в неслужебное время, а уголовно-следственные дела передавались ею в «военно-судные комиссии», решения которых для утверждения представлялись военному губернатору. Аудиторы *{от лат.* - слушатель, в данном случае — следователь) этих комиссий из офицеров линейных батальонов судили и выносили приговоры. За побеги со службы они наказывали башкир шпицрутенами *(от нем.* — длинные гибкие прутья), проводя сквозь строй в 500—1 500 человек. О том, как совершалось наказание виновных, можно судить по запискам члена Военного совета генерала от инфантерии Н.Г.Залесова, который в 30-х гг. XIX в. работал в военно-судной комиссии в Бугульме. Он пишет: «По окончании чтения (приговора) несчастных раздели, всунули каждому в связанные руки по прикладу ружья, другой конец которого держал унтер-офицер; раздалась команда, в руках солдат появились палки, уныло забил барабан, и осужденные, ведомые на некотором расстоянии один от другого, двинулись по живой улице солдат. Свистнули палки, пронесся крик <...> Как вдруг вблизи раздалось хлоп, хлоп по чьему-то лицу; я взглянул и увидел ротного командира, производившего над одним своеручную расправу. Это за то, что солдат бил не во всю руку, жалея осужденных». Присутствовавшие при экзекуции офицеры наблюдали за тем, чтобы солдаты «хорошенько» били. Во всех комиссиях процветало взяточничество. По словам того же автора, личность аудитора из писарей «до такой степени искусная во взятках, что не было, кажется, того оборванца-голыша из башкир, с которого он не ухитрился бы взять хоть что-нибудь». Следствием такой коррупции было то, что почти всякий «зажиточный башкир выходил прав, а бедняка наказывали» *[Записки...* 1903. С. 58, 59].

На основе приговоров военно-судных комиссий немало башкир были сосланы в Сибирь на поселение. Даже в далекой Якутии возникали башкирские села, жители которых сообразно местным условиям переводились на положение податных и назывались «ясашными башкирами». Некоторые из этих селений сохранились там до начала XX в.

В эти годы была принята новая форма присяги по судебным делам для мусульман. Лица, приводимые к присяге, должны были сначала совершить предписанное законом омовение, затем в присутствии муллы, держа «с почтением» правую руку на Коране, произнести «со вниманием и благоговением» слова присяги, «устремив взор во все это время на священную книгу». «Не только языком, но и сердцем» должны были принимать присягу, которая гласила: «Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь всемогущим богом, над святым его Кораном в том, что по делу, по которому я призван и спрашиваем буду, имею показать по самой сущей правде: “Валлаги, Биллаги, Таллаги” — все, что я видел и слышал, и все, что знаю, не утаивая, не прибавляя и не убавляя ничего и не норовя ни на какую сторону, ни для родства, дружбы, вражды и взяток, ни же страха и угрозы ради; но так как пред всевышним богом и судом его страшным в том ответ дать могу. В заключении же сей моей клятвы я с благоговением прикасаюсь к священному Корану» *[Полное...* II. Т. 25. № 24117].

В 50-е гг. XIX в. по мере уменьшения роли Башкирского войска некоторые виды преступлений изымаются из ведения военного суда.

Если раньше за незаконный провоз соли судили военным судом, то с 1848 г. - гражданским *[Там же.* Т. 23. № 22178; Т. 30. № 29837]. Однако по другим преступлениям башкиры и мишари (также тептяри и бобыли, присоединенные в 1855 г. к Башкирскому войску) вплоть до 1863 г. в ряде случаев подвергались военному суду. Даже жители неслужащих кантонов, которые вместо службы стали платить денежные подати, за все преступления судились военным судом, в то время как чины Донского и Новороссийского казачьих войск предавались ему только за те преступления, которые ими совершались во время непосредственного несения военной службы *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10584. Л. 3]. Только Положением о башкирах от 14 июля 1863 г. судебные дела жителей неслужащих кантонов были переданы гражданскому ведомству, но служащие башкиры по-прежнему оставались в ведении военного суда *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 8. Д. 164. Л. 12; *ПИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13017. Л. 24].

Следует обратить внимание и на те права, какими пользовались кантонные начальники и чины башкирской полиции в судопроизводстве. По указу от 10 апреля 1798 г. ссоры по личным обидам и незначительные проступки относились к кругу вопросов, рассматриваемых кантонными начальниками. Они разбирали дела и наказывали виновных сами без свидетелей, что привело к злоупотреблениям. С 1804 г. было принято за правило наказывать виновных в присутствии «некоторого числа башкирских чиновников и пожилых башкирцев». Кантонный начальник должен был объявлять людям, находящимся под следствием, степень их виновности и меру наказания. Таким же образом обязаны были поступать юртовые старшины и прочие начальники *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 78. Л. 10]. Башкиры могли подавать прошения старшинам и кантонным начальникам, первым — по делам о незначительных имущественных спорах и воровстве, ценность которого не превышала 5 руб., вторым — о взаимных личных обидах, насилии, «самовольном завладении», мелких поземельных спорах, притеснениях старшин и других чиновников. Недовольные решениями кантонных начальников по делам тяжебным могли апеллировать к военному губернатору *[Там* же. Д. 4014. Л. 4].

На первый взгляд кажется, что круг вопросов, рассматриваемых начальниками кантонов в области суда, весьма ограничен, а сами вопросы мелки. Но в действительности дело обстояло иначе. Бывший кантонный начальник И. В.Чернов отмечал, что «башкиры хотя и считались в подчинении земской полиции, но последняя прав своих не могла простирать далее уголовных дел, земские исправники считались не более как номинальными начальниками, а действительная власть над народом сосредотачивалась у кантонных начальников. Одни они направляли действия его и руководили им» *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 32. Л. 5]. Действительно, на деле они чувствовали себя полными хозяевами во вверенных им кантонах. Нередко они занимались следственными делами, их не касающимися. Так, начальник 11-го башкирского кантона запретил своим подчиненным, живущим в Елабужском уезде Вятской губернии, обращаться или подчиняться тамошнему земскому суду *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 30. Л. 30; Д. 34. Л. 1-а]. Компетенция кантонных начальников была расширена только Мнением Государственного совета от 27 октября 1841 г., которое приравнивало права их к правам становых приставов: теперь они могли рассматривать и решать дела о «мошенничестве, всяком обмане» ценою до 10 руб. *[Полное...* II. Т. 16. № 14965].

В 1845 г. по примеру войска Донского были образованы словесные суды, возглавляемые избираемыми обществом стариками, пользовавшимися общим доверием и уважением. Обязанность их заключалась в разборе словесных жалоб башкир и мишарей *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 29].

Для исполнения приказаний станового пристава и непосредственного надзора «за благочинием», а также для сохранения «общего спокойствия, безопасности и порядка» в каждой деревне имелись избираемые односельчанами сотские и десятские, а также деревенский начальник - «ауыл карты». Они же надзирали за противопожарными и санитарными мероприятиями в селениях, а также следили за аккуратным исполнением земских повинностей. Однако В.А.Перовский нашел неприемлемым вмешательство становых приставов в дела кантонов и в 1838 г. упразднил должность десятских и сотских, возложив исполнение полицейских обязанностей последних на деревенских начальников. В дальнейшем становые приставы должны были обращаться к кантонным, юртовым старшинам *[Там же.* Д. 11664. Л. 45—46].

Одним словом, происходит неединовременная трансформация функций разных видов судов. Следует отметить, что и мусульманское духовенство имело значительные права в области суда над прихожанами. Указным муллам было предоставлено решение дел о наследствах, разделе имущества «по правилам Корана», а также по вопросам брака и развода *[Там же.* Д. 4014. Л. 4].

На закате кантонной системы, когда основная часть башкир была переведена в состояние неслужащих и податных, некоторые должности башкирских чиновников стали снова входить в ведение гражданских властей. В 1861 г. должность сотских была восстановлена, а деревенские начальники подчинены ведомству земской полиции. На эти должности выбирали обычно башкир, знающих тюркскую и русскую грамоты, ибо «знание башкирами русского языка делалось постепенно общим» *[Там же.* Д. 11664. Л. 88].

Возвращаясь к обзору административного деления кантонов в середине XIX в., отметим, что происходили некоторые изменения в количестве кантонов. Так, в 1847 г. был упразднен 1-й мишарский кантон. Входившие в него первые четыре юрты с одним кантонным помощником перечислены к 5-му башкирскому, 5-я юрта - к 4-му Загорному, а 6-я юрта — к 4-му Западному кантонам. В результате этой меры сократилась излишняя чересполосность кантонного деления в Башкортостане *[Полное...* II. Т. 22. № 21741]. Из-за трудности управления 4-м башкирским кантоном, рассеченным географически Уральским хребтом на две части, кантон был еще в 1832 г. разделен на два: 4-й Загорный и 4-й Западный, с отдельными кантонными начальниками в каждом. В 1835 г. был назначен один общий кантонный начальник для обоих, однако

с 1847 г. они получили окончательно самостоятельность и собственных кантонных начальников, как и свои порядковые номера (4-й и 5-й). В том же году кантонам была присвоена новая нумерация; первые три башкирских кантона сохранили прежние номера; 4-й Загорный и 4-й Западный имели, как выше было сказано, соответственно номера 4-й и 5-й, прежний 5-й стал 6-м, 6-й — 7-м, 7-й — 8-м и т. д. 2-й мишарский кантон назван 1-м, 3-й — 2-м, 4-й - 3-м, 5-й - 4-м [*Полное...* II. Т. 22. № 21741]. Такая дробность в административном делении облегчала полицейский надзор.

Меры усиления контроля за поведением башкир были проведены и в дальнейшем. Известно, что 7-й (6-й) и 10-й (9-й) кантоны являлись самыми большими и многонаселенными. Войсковые власти не раз заявляли, что местное начальство «не имеет никакой возможности иметь надлежащее наблюдение» за населением из-за обширности территории, простиравшейся до 800 верст, и многочисленности населения этих кантонов, достигавшего 76 294 душ м. п. Поэтому раздробление (которому подлежали в дальнейшем все кантоны) начато было с этих двух: в 1854 г. каждый был разделен на 3 части, названные отделениями; одно отделение включало теперь от 11 до 14 тыс. душ башкир. Управление поручалось начальнику отделения на правах кантонного начальника; каждому начальнику отделения было назначено по три помощника *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7824. Л. 1, 3].

Таким образом, с середины 30-х гг. XIX в. усиливается опека над башкирским и мишарским населением, подчиненным военному губернатору, для чего образуется связующее звено — командующий войском с его канцелярией; были учреждены также попечители и стряпчие. Общий смысл всего этого сводился к насаждению военно-административных порядков среди башкир и к установлению над ними всеобъемлющего полицейского надзора.

Кантонное управление в Башкортостане, форма которого была найдена властями не сразу, служило целям реализации внутренней и внешней политики правительства на юго-востоке Российской империи. В связи с той же задачей царизм провел предварительно ряд мероприятий, направленных на усмирение края.

Население кантонов было подчинено как земской полиции, так и башкирским военным и гражданским чиновникам. Вначале укрупнялись юрты. Затем была ограничена свобода передвижения населения, установлен строгий контроль за образом жизни и поведением жителей. Уничтожались остатки башкирского самоуправления. Самодержавие нашло общий язык с феодальной элитой: в управлении краем участвовали только зажиточные башкиры, а на рядовых башкир, которые имели минимальные права, легла вся тяжесть выполнения неимоверно трудных обязанностей, связанных с нахождением их в военном сословии. Судостроительство и судопроизводство были подчинены задачам и интересам царского правительства, сохраняя в наихудшем виде недостатки сословных екатерининских судов предыдущего столетия.

БАШКИРЫ В УРАЛЬСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

В XIX в. часть башкир, живших в Саратовской губернии, была причислена к Уральскому казачьему войску и несла некоторое время (1832—1865) службу в его составе. Тема военной службы башкир в составе казачьих войск - Оренбургского, Уральского и Сибирского — в историографии в целом исследована слабо.

Первой работой, касающейся службы башкир в Уральском войске, можно назвать обстоятельное описание И.И.Железнова «Башкирцы» в его «Очерках быта уральских казаков» *[Железное,* 1858]. Автор зимой 1852 г. совершил поездку из Уральска в Камелик, где встречался с башкирами-казаками, изучал их быт. Несмотря на ряд интересных наблюдений, Железнов, сам, кстати, казак, оставался в плену общераспространенных в то время стереотипных представлений о башкирах. Так, он бездоказательно утверждает, что башкирам присущи все мыслимые и немыслимые пороки *[Там же.* С. 255].

Во второй половине XIX - начале XX в. о башкирах в составе Уральского казачьего войска писали его историки — казаки Рябинин, Бородин, Карпов *[Рябинин,* 1866; *Бородин,* 1891; *Карпов,* 1911]. В их трудах имеются материалы по демографии, статистике, приведены отдельные интересные факты. Необходимо отметить, что эти работы, представляющие «официальную войсковую» историографию, к которой казаки относились достаточно серьезно, рассматривают башкир в составе войска как один из его компонентов и описывают их объективно, не увлекаясь непроверенными материалами и отжившими стереотипами.

В советской историографии тема была напрочь забыта, возможно, по идеологическим соображениям, поскольку о казаках писать положительно долгое время было запрещено. Когда запреты были сняты, эта тема вновь не получила своего развития, поскольку данная территория находилась в составе Казахской ССР. Но для казахской историографии она была абсолютно неактуальной, ни в советский, ни в постсоветский период. В свою очередь, для башкирской историографии в советский период она тоже была непрофильной, т. к. не относилась к территории БАССР. Лишь в современной историографии появились сведения о башкирах-казаках. Исследуя историю башкирских деревень

Пикет уральских казаков. К. Вагнер по оригиналу Е. М. Карнеева Бумага, офорт, раскрашенный акварелью. 1812 г.

Саратовской и Самарской областей России, А.З.Асфандияров и К.М.Асфандиярова рассмотрели демографические и хозяйственные аспекты жизни башкир в составе Уральского войска *[Асфандияров, Асфандиярова,* 2002]. Некоторая информация о башкирах в составе войска имеется в обширной двухтомной монографии А.М.Дубовикова *[Дубовиков,* 2004. С. 8]. Он обратил внимание на предвзятость И.И.Железнова, указывавшего на отчужденно-неприязненное отношение русского казачества к казачеству башкирскому *[Там же.* С. 9]. В книге А.И.Кортунова, посвященной башкирам в составе казачьих войск, отдельная глава рассматривает историю башкир - уральских и оренбургских казаков *[Кортунов,* 2009а].

Уральское (до 1775 г. Яицкое) казачье войско известно на р. Яик (с 1755 г. Урал) с конца XVI в. Оно несло службу по р. Урал начиная от устья до Илецкого городка, далее шли земли Оренбургского казачьего войска. Первым источником, позволяющим определить количество башкир, находящихся на службе в войске, является перепись И.И.Захарова, проведенная в 1723 г. *[Карпов,* 1911. С. 59]. Эта перепись учла всего 3 196 казаков. В составе казаков числилось 49 человек башкир (1,5 % от всей численности) из числа пленных и беглых, однако их конфессиональная принадлежность в ней не отмечена. В 1747 г. по указу Оренбургской губернской канцелярии в войско было зачислено 29 башкир обоего пола, явившихся в Яицкий городок во время башкирского восстания. Из них 9 человек, принявших по собственному желанию крещение, зачислили в служащие казаки, остальных 20 человек определили на службу в Илецкий городок. Таким же образом по указу Оренбургской губернской канцелярии в Яицкое войско были записаны башкиры в 1753 г. *[Рябинин,* 1866. С. 328]. Попавших в войско башкир было незначительное число, причем большинство из них приняло крещение, а те, кто остался мусульманином, подверг-

Таблица 1

Численность Башкирского отделения Уральского казачьего войска в 1853 г.*

Чины	1 юрта	2 юрта	3 юрта
Мужчины			
Духовного звания	6	4	4
Обер-офицеры	-	2	-
Зауряд-офицеры	2	2	2
Урядники	7	6	1
Казаки	261	285	334
В отставке	57	65	108
Малолетки	414	404	660
Женщины			
Духовного звания	19	10	18
Офицерские	42	38	12
Урядничьи и казачьи	682	737	1087
Итого	1490	1 553	2 226

* Составлена по: Железное, 1858. С. 276-277.

лись ассимиляции казаками-татарами [*Коршунов*, 2009а. С. 61].

В 1832 г. 9-й башкирский кантон, состоявший из башкир, живших в Саратовской губернии, из-за отдаленности в полном составе был причислен к Уральскому казачьему войску под названием Башкирское отделение [*Бородин*, 1891. С. 7]. Это были башкиры, жившие на верховьях рр. Иргиз и Каралыка, всего 762 человека в 1825 г. После присоединения башкир к Уральскому казачьему войску вновь созданное Башкирское отделение было разделено на 3 юрты. В каждой юрте имелся из обер-офицеров юртовый начальник, а всем отделением командовал управляющий, которого башкиры по привычке называли «кантонным». В руках управляющего была сосредоточена вся военная и административная власть, он напрямую подчинялся войсковому атаману. Юртовые начальники назначались из числа башкир или уральских казаков, управляющим был штаб-офицер из числа казаков-уральцев.

Северная часть территории представляла 1-ю юрту (8 деревень и хуторов), средняя - 2-ю (9), южная — 3-ю (12). Центром отделения был Камеликский умет, где проживал управляющий *[Асфандияров, Асфандиярова,* 2002. С. 18]. В каждой деревне в среднем имелось по 30 домов. Большая часть домов была построена из дерна и самана, ввиду отсутствия леса. Конфигурация расположения построек была произвольной.

На территории Саратовской губернии жили чижинские и иргизо-камеликские башкиры. Иргизо-камеликские башкиры в Заволжье были известны с X в., что подтверждается сведениями башкирских шежере, документальными источниками *[Кузеев,* 1974; 1992]. Башкиры-переселенцы появились в конце XVIII в. Иногда переселения были вынужденными. Так, в 1815 г. в низовьях рр. Большая и Малая Узень было построено три форпоста, которые были заселены уральскими казаками. Вскоре после этого между башкирами-вотчинниками и уральскими казаками начались противоречия по землепользованию. Казаки силой начали захватывать пастбища и сенокосные угодья башкир. Все это привело к разорительным набегам казаков на башкирские деревни, сопровождаемые побоями и насилием. В конечном итоге, чижинские башкиры вынуждены были поселиться среди иргизо-камеликских башкир *[Надергулов,* 1996. С. 11-12].

Численность башкир в Уральском казачьем войске в середине XIX в. была самой высокой среди мусульманских народов, входивших в это время в его состав (см. табл. 1).

В Башкирском отделении Уральского казачьего войска общая численность башкир, составляла 5 269 человек об. п. (см. табл. 1). В подсчет не попали те башкиры, которые в прежнее время были зачислены в казаки, приняв крещение, или были ассимилированы. А.З.Асфандияров и К.М.Асфандиярова приводят следующие цифры роста башкирского населения за 20 лет (1832-1853 **гг.):** с 2 466 душ об. п. до 5 269 душ об. п. *[Асфандияров, Асфандиярова,* 2002. С. 19]. Динамику роста в конце 50-х — начале 60-х гг. проследил А.И.Кортунов: 1858 г. - 5 590; 1859 г. - 5 708; 1860 г.- 5 704; 1861 г. - 5 923; 1862 г. - 6 095 душ об. п., причем казаков-башкир все время было больше, нежели

казаков-татар [*Коршунов,* 2009а. С. 62]. Он также указывает, что статистика естественного прироста населения Уральского казачьего войскав50-60-е гг. XIX в. свидетельствует о том, что прирост башкир, в среднем 2,7 %, был одним из самых высоких по войску. К башкирам в 1853 г. были приписаны и несколько семей каракалпаков, переселившихся на линию. В 1860 г. их было 204 чел. обоего пола. В 1862 г. в войске числилось 7,3 % башкир от всего войскового населения.

Входя в состав войска, башкиры не пользовались правами природных уральцев (например, права рыболовства на р. Урал), но и не несли тех служб, которые отправляли уральские казаки. Основная служба башкир заключалась в наряде в г. Уральске по 75—100 человек от отделения для городских работ и для усиления городских казаков, несших полицейскую службу. Наряд имел срок с мая по октябрь *[Железное,* 1858. С. 252]. Башкир-уралец нес такую службу, или, как они ее сами называли, «гулять на службу», только раз за все время. Он, как и остальные казаки войска, мог нанять на службу вместо себя другого. Кроме того, башкиры обязаны были в своем отделении содержать в 3—4 местах круглогодичные пикеты для отправления подводной и почтовой гоньбы, на них несло службу от 5 до 10 человек *[Назаров,* 2003. С. 127—128].

Основу хозяйства башкир Башкирского отделения составляло полукочевое скотоводство *[Железное,* 1858; *Асфандияров, Асфандиярова,* 2002]. Зиму башкиры проводили в зимовках - деревнях, а летом выезжали на летовку-яйляу. На летовку выезжали не все. В 1-й юрте оставалось 28,8 % семей, во 2-й — 28,4 % семей, и в 3-й выезжали практически все *[Асфандияров, Асфандиярова,* 2002. С. 21]. Башкиры-казаки Уральского казачьего войска сеяли яровую пшеницу, овес и просо. Озимые не сеяли, объясняя тем, что рожь имеет плохую в данной местности урожайность. Но, вероятно, отказ ото ржи был связан и с тем, что, в целом, казаки не употребляли ржаной хлеб, называя его мужичьим, а питались исключительно пшеничным. Следовательно, выращенную рожь продать было невозможно. Анализ поголовья скота, проведенный А.З.Асфандияровым и К.М.Асфандияровой, показывает, что оно имело ярко выраженную полукочевую направленность — количество лошадей преобладало над количеством крупного рогатого скота *[Там же.* С. 23].

По указу от 3 мая 1865 г. Башкирское отделение было упразднено, а башкиры переведены в крестьянское сословие. Башкиры были переданы в гражданское ведомство, лишь небольшая их часть — 88 человек неказачьего звания — жила в Илецке. Некоторые башкиры продолжали службу в войске и после 60-х гг. XIX в. Известен хорунжий Ахмет-Фазыл Акиров, имевший в 1876 г. чин сотника *[Коршунов,* 2009а. С. 64]. Но таких башкир были единицы, потеряв свое этническое лицо, они становились частью казачьего сословия и считали себя уральскими казаками.

ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ И БАШКИРЫ

Одной из основных целей внутренней политики России являлась политическая и экономическая интеграции страны, установление ее социальной, правовой и административной однородности. В региональной политике России на окраинах четко прослеживается главная линия: инкорпорация присоединяемых народов и территорий в состав империи как неотъемлемых составных частей с общеимперским законодательством и системой управления. Россия не стремилась сразу же после присоединения новых территорий вводить там общегосударственную систему управления и суда. На окраинах учреждались специфические, характерные для каждого района, органы власти, привлекалась к управлению местная феодальная верхушка. Неуклонно, но постепенно происходил переход на общеимперскую систему законодательства и управления с учетом местных традиций и условий.

К числу таких национальных окраин следует отнести и Оренбургскую губернию. Особенности управления данным краем были связаны с его пограничным положением, наличием линии укрепленных форпостов и крепостей, пересекающими его территорию путями транзитной торговли, значительным количеством нерусского населения.

Историография данного вопроса незначительна. Советские историки, не выделяя отдельно данную тему, рассматривали взаимоотношения башкир и оренбургских военных губернаторов первой половины XIX в. как антагонистические. Последние олицетворялись с феодальным государством, были соответственно проводниками жестокой, антинародной политики *[Нигматуллин,* 1959]. В последнее время в статьях и монографиях А.З.Асфандиярова на основании анализа большого массива источников показано неоднозначное восприятие башкирами оренбургских военных губернаторов эпохи кантонного управления и политики, проводимой ими *[Асфандияров,* 2005; 2006]. Наметились новые подходы к теме, предприняты попытки сделать выводы о характере отношений башкир и представителей власти *[Семенова,* 2000; *Акъюлов,* 2002, *Рахимов,* 2009; *Гвоздикова,* 2010]. Оказалось, некоторые высшие чины военной администрации были настроены «пробашкирски» и имели мужество вступать в конфликт с военным губернатором *[Рахимов,* 2007а. С. 516—519].

Главный начальник Оренбургской губернии - оренбургский военный губернатор — был одновременно главой военного и гражданского управления. Согласно штату Оренбургской губернии, утвержденному 31 декабря 1796 г., местная администрация состояла из военного и гражданского губернаторов. Военный губернатор находился во главе всего Оренбургского края (в который входили собственно Оренбургская губерния, земли уральских казаков, башкирские земли в Пермской, Саратовской губерниях, калмыцкие земли Симбирской губернии - «ставропольские, или крещенные калмыки», приуральские кочевья казахских жузов), а гражданский губернатор ведал делами гражданского управления в пределах собственно Оренбургской губернии. Гражданский губернатор подчинялся военному. Последнего в официальных документах называли также «главным военным начальником края». Однако законодательно предметы ведения военного и гражданского губернатора не были разграничены.

Должность оренбургского военного губернатора существовала с 1796 по 1851 г., когда она стала именоваться оренбургский и самарский генерал-губернатор. Оренбургскими военными губернаторами в разное время были: генерал от инфантерии барон О.А.Игельстром (1796-1798), генерал-майор Н.Н.Бахметьев (1798-1803), генерал от кавалерии князь Г.С.Волконский (1803-1817), генерал-лейтенант П.К.Эссен (1817—1830), генерал-лейтенант граф П.П.Сухтелен (1830-1833), генерал-майор В.А. Перовский (1833—1841), он же как оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851-1857), генерал-лейтенант В.А.Обручев (1842—1851) (чины указаны на момент назначения на должность). Военный губернатор, имея права генерал-губернатора, командовал Отдельным Оренбургским корпусом (официально существовавшим с 1816 по 1864 г.), всеми иррегулярными войсками (четыре войска), в его введении находилась Пограничная комиссия и все пограничные дела. На эту ответственную должность, а губернатор персонально отчитывался перед царем, назначались генералы, некоторые из них были близкими друзьями императора. Для всего местного населения власть военного губернатора была самой высшей инстанцией.

Военные губернаторы руководствовались в своей деятельности распоряжениями верховной власти, именными и сенатскими указами, приказами министров. Они имели огромные полномочия, но назвать их полными и безграничными хозяевами вверенной им территории вряд ли возможно, поскольку любой свой шаг они должны были согласовывать с верховной властью. Должность военного губернатора являлась своеобразным стержнем, на котором держалась вся система управления краем. Он, являясь представителем императора, обеспечивал проведение правительственной политики в крае, олицетворял для всех приезжавших на торги и по делам в Оренбург иностранных купцов и дипломатов политику Российской империи на Востоке.

Одной из главных забот военных губернаторов было состояние военно-политической обстановки в крае. Именно военный губернатор мог выступить инициатором проведения реформ в крае, поскольку он лучше мог оценить ситуацию на месте, и правительство прислушивалось к мнению главных военных начальников.

Под властью Оренбургского военного губернатора находились регулярные войска, башкиры, мишари, уральские и оренбургские казаки. По отношению к ним главный военный начальник края выполнял широкий круг обязанностей — от составления расписания нарядов на службу по укреплениям пограничной линии до обеспечения военных сил края провиантом и продовольствием. Он являлся главным «попечителем» войск в крае и проводил политику, направленную на сохранение иррегулярных войск и увеличение их численности,- чтобы обеспечить охрану Оренбургской пограничной линии. Главная цель внешнеполитической деятельности военного губернатора состояла в том, чтобы добиться укрепления позиций России в регионе и установить экономические связи с Казахстаном и Средней Азией. По отношению к системе гражданского управления функции военного губернатора носили распорядительный и контрольный характер. Политика в отношении башкир определялась стремлением не посягать на их традиционный образ жизни, веротерпимостью.

Практически все военные губернаторы предлагали проведение реформ в отношении военно-служилых сословий края и особенно башкир. Это было связано с его пограничным положением. В журнале Комитета министров от 23 октября 1823 г. эта особенность расположения Башкортостана отмечалась отдельно: «По великому протяжению границы и сообразно образу жизни и нравам сегодняшних жителей, необходима на линии конная стража. Это побудило правительство привлекать башкирцев и мещеряков на охрану линии и на другие повинности в натуре» *[РГИА*. Ф. 1286. Оп. 3.Д. 22. Л. 7 об.-8].

В 1798 г., при оренбургском военном губернаторе бароне О.А.Игельстроме, была введена кантонная система управления, которая перевела башкир в военное сословие. При новом военном губернаторе Н.Н.Бахметеве управление башкирами окончательно перешло в руки местной администрации. Ордер Оренбургского военного губернатора, объявленный в 1799 г., устанавливал порядок отношений кантонных начальников с ним

Генерал от инфантерии граф Петр Эссен. Неизвестный художник. Литография. XIX в.

[ЦИАРБ.Ф. И-2. Оп. 1. Д. 20. Л. 20]. Военному губернатору принадлежало право утверждать в должности чиновников башкирских кантонов. Он принимал жалобы на решения кантонных начальников и рассматривал только самые серьезные судебные дела: о правах на землю, злоупотреблениях чиновников, крупных денежных растратах, наблюдал за прохождением выборов в органы башкирского самоуправления. Кроме того, военный губернатор полностью контролировал порядок несения службы башкирами на Оренбургской пограничной линии. Юртовым старшинам и другим башкирским чиновникам было запрещено отлучаться со своих мест без разрешения военного губернатора.

Производство в звания мусульманского духовенства происходило только после утверждения военного губернатора. Сначала он рассматривал подготовленные представления для назначения, затем документы передавались в губернское правление. После утверждения военным и гражданским губернаторами представление передавалось в Духовное магометанское собрание *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 7]. Таким образом, правительство поставило башкирское население под полный контроль местной администрации в лице военного губернатора.

Контроль устанавливался не только за мусульманским духовенством, но и за рядовыми башкирскими общинниками. 5 июня 1817 г. и 28 апреля 1818 г. были изданы именные указы, предписывавшие юртовым и кантонным начальникам «наблюдать за поведением каждого башкира и мещеряка под ответственностью собственного имущества» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 2. Д. 950. Л. 11]. Власти объясняли этот шаг необходимостью борьбы с «воровством», которое якобы имело значительное распространение среди коренного населения. Кроме того, если «общество» заметило «неблагонадежность одного из жителей кантона», то должно немедленно сообщить об этом письменно военному губернатору. Если человек неоднократно обвинялся в неблагонадежности и в том, что он представляет опасность и вред для общества, то «таких башкир и мещеряков, не предавая суду удалять из жительства по назначению военного губернатора». Закон предписывал, чтобы эти меры осуществлялись негласно. Военный губернатор имел право по своему усмотрению предавать военному суду «башкир и мещеряков, обличенных обществом в поступках хотя бы и в домашнем быту совершенных» [*Там же.* Ф. 167. Оп. 1.Д. 21. Л. 10 об.].

Безусловно, унизительные для башкир указы нельзя считать средством борьбы с воровством и другими существовавшими преступлениями. Они представляют собой один из элементов правительственной политики, направленной на полное подчинение башкирского народа. Можно также считать проявлением беззакония предложения графа П.П.Сухтелена, составленные им в 1831 г., о том, что «башкирцев и мещеряков Челябинского и Троицкого уездов всего 196 человек, как людей, вредных для настоящего их общества, удалить из жительства, отправив в Иркутскую губернию, для причисления к тамошнему иррегулярному войску, где по малому числу магометан и по неимению связей они должны будут прекратить обычное воровство и под строгим надзором смогут сделаться полезными для службы» *[Там же.]*. Кроме того, в начале 30-х гг. XIX в. правительство решило обучать российской грамоте всех мусульман, вступающих в духовные должности, предавать умерших мусульман земле по прошествии трех дней после смерти, отправлять молодых людей в Казанский университет для обучения медицине. Башкиры неоднократно обращались с просьбами об отмене этих постановлений, которые шли вразрез с традициями и религией. Путь прохождения этих просьб был хорошо известен: из Оренбургского духовного магометанского собрания к военному губернатору, далее - в Департамент духовных дел Министерства внутренних дел, а затем - к императору. Просьбы не были удовлетворены. Официальный ответ министра внутренних дел гласил: «Чтобы мелочами не беспокоили» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3587. Л. 8—10]. Эти слова достаточно красноречиво характеризуют отношение правительства к интересам и нуждам народа. Такое пренебрежение вызвало возмущение у башкир и привело к повсеместному распространению слухов о якобы предстоящем насильственном крещении мусульман. В 1835 г. в Оренбургской губернии произошли крупные волнения, в которых участвовали и башкиры, возмущенные слухами о предстоящем изменении их положения. На следующий год правительство было вынуждено принять меры против распространения слухов: в башкирские деревни были посланы муллы, которым поручалось опровергать слухи о крещении мусульман и объявлять о намерении оренбургского военного губернатора построить в городе мечеть.

В 1806 г. было запрещено свободное передвижение башкир из Оренбургской губернии в другие. Этот шаг связывают с ходатайством военного губернатора князя Волконского *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 153]. В своем рапорте в Сенат он докладывал, что переселение башкир в другие губернии затруднит отправление ими службы на пограничной линии и приведет к тому, что они будут приходить на службу с изнуренными лошадьми. Поэтому он предлагал «не раздроблять этот народ, чтобы этот народ составлял из себя некоторый род войск по примеру казаков, и это тем более им прилично, что они не податные и единственно употребляются только на военную службу по Оренбургской линии и там, где государству надобно их востребуют» *[Там же.* Л. 6 об.]. Волконский также указывал, чтобы гражданские власти не употребляли башкир в командировки, разного рода работы без согласования с военным губернатором, поскольку основная задача башкир — нести военную службу на линии. Предложения оренбургского военного губернатора были приняты и обрели силу закона в виде сенатского указа от 24 ноября 1806 г. «О запрещении перехода башкир из Оренбургской губернии».

С военного губернатора П. К.Эссена начинается большая работа по реформированию Башкиромещерякского войска. Необходимость преобразований была связана с его низкой боеспособностью и архаической системой организации. Эссен писал, что многие беды войска происходят от злоупотреблений кантонных начальников, которые заботятся не о благе народа, а о своей выгоде, обогащаются за счет народа при снаряжении на службу. Более богатые башкиры просто откупаются от военной службы, посылая вместо себя бедняков, которые не в состоянии прийти на службу с хорошим вооружением и содержанием и не могут нести службу по охране пограничной линии *[РГИА.* Ф. 1286. Оп. 3. Д. 22. Л. 4]. Губернское начальство и земская полиция не в силах пресечь беспорядки. Кроме того, башкиры проживают в Вятской, Оренбургской и Пермской губерниях, что затрудняет контроль за их внутренним устройством. Александр I разрешил военному губернатору начать разработку проекта создания войска. В 1820 г. проект был представлен на высочайшее рассмотрение. Военный губернатор предлагал соединить башкир и мишарей Оренбургской, Пермской, Вятской губерний в одно особое управление, сосредоточенное в войсковой канцелярии (по примеру других иррегулярных войск). Войско должно иметь своего командующего. Главным попечителем войска являлся оренбургский военный губернатор. Войско должно было образовать и содержать 18 пятисотенных полков, поставлять почтовых лошадей на Оренбургскую пограничную линию, отправлять земскую повинность в денежной и натуральной формах. Командиры назначались из регулярной кавалерии. Срок службы устанавливался 10—15 лет.

Среди башкирского населения по поводу предстоящих преобразований стали распространяться различные слухи, домыслы, грозившие перерасти в беспорядки. В столицу от кантонных начальников поступили многочисленные прошения с просьбами оставить «все как есть». Население опасалось, что новые полки будут уподоблены регулярным. Эссену пришлось обратиться с разъяснениями ко всему башкирскому народу. Он обещал, что полки не будут причислены к регулярным и при их формировании потребуется гораздо меньше людей, чем по нарядам. Башкирам и мишарям назначается 10-летний срок службы, в течение которого воины не будут ни в чем нуждаться. В зимнее время полки предполагалось уводить с линии и размещать на квартирах *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 10. Л. 5-6]. Несмотря на протесты, П. К. Эссен был намерен осуществить свой план. Однако Министерство внутренних дел, опасаясь возмущения и беспокойств, предложило воздержаться от его реализации, были свежи в памяти волнения казаков Уральского войска, происшедшие в связи с введением нового штата в 1803—1804 гг. Император ограничился распоряжением Эссену собрать дополнительные сведения, чтобы убедиться, что «перемены в башкирском народе будут учреждены не раньше, чем выяснится, что они не идут в противовес с нравами народа» *[Там же.* Л. 11]. Вопрос был вновь поднят в 1824 г., но также не решен окончательно.

Новый военный губернатор граф П.П.Сухтелен продолжил разработку реформ регулярных и нерегулярных войск Оренбургского края. Основную ставку в охране пограничной линии он делал на регулярные части, считая, что служба башкир неэффективна. В 1832 г. граф представил на высочайшее рассмотрение свой проект преобразований башкирских и мишарских кантонов. Он предложил из пяти мишарских кантонов составить один регулярный казачий полк или «военно-рабочий батальон». Военный губернатор писал императору: «...всех прочих башкирцев отчислить постепенно из военного звания в податное для поступления в удельное ведомство, начав эту передачу с кантона 1, 2, 3» *[РГИА.* Ф. 383. Оп. 29. Д. 81. Л. 3]. Для осуществления данного проекта Сухтелен предлагал: назначить на первое время для управления Башкиро-мещерякским войском генерала, учредить при нем войсковую канцелярию и отделение военно-судной комиссии. Во-вторых, освободить башкир от обременительного выполнения почтовой повинности и разрешить продавать им свои излишки земли. В-третьих, кантоны, исключенные из военного ведомства, разделить на волости *[Там же.* Л. 4].

Портрет императора Николая I.
Е. И. Ботман. Холст, масло. 1856 г.

В 1832 г. император Николай I принял часть предложений и решил назначить для управления башкирами генерала, учредить при нем канцелярию, из мишарей составить один регулярный полк или «военно-рабочий батальон», три башкирских кантона оставить в виде войска, а остальных башкир обратить в податное состояние. Однако осуществить данное решение не удалось.

В 1833 г. военным губернатором Оренбургской губернии был назначен В.А. Перовский. Основными принципами управления краем новый губернатор считал: во-первых, «не отваживаться» на обширные сомнительные преобразования всего края; во-вторых, устроить управление сословиями в соответствии с их бытом и характером; в-третьих, найти способы привлечь в край способных и грамотных чиновников. Исходя из данных принципов, Перовский считал, что для коренного башкирского народа лучшей и необходимой формой перехода «к гражданственности» является военная организация, которая соответствует не только традициям, особенностям их быта, но и интересам государства в крае [РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146. Л. 6-8].

Перовский признавал боеспособность Башкиро-мещерякского войска, поэтому военный губернатор завершил процесс его образования, начавшийся еще при Эссене. В 1834 г. Николай I подписал указ об учреждении должности командующего войском, в 1836 г. были утверждены штаты по управлению войском. Образование Башкиро-мещерякского войска было продиктовано задачами унификации системы управления иррегулярными войсками как в целом по России, так и в крае.

Сменивший его генерал В.А.Обручев в 1846 г. предложил царю перевести северных башкир в разряд государственных крестьян, а южных причислить к Оренбургскому казачьему войску, так же как в 1842 г. к нему были причислены ставропольские калмыки. Это предложение не нашло поддержки. В 40-е гг., не упраздняя войска, Обручев перенес на него тяжесть военных перевозок и земляных работ при строительстве крепостей в степи, кроме того, башкиры производили по наряду все казенное строительство, вырубку леса и его сплав.

Ни один из этих проектов, включая и проект Перовского, не был реализован в полном объеме. Причин было множество, но одна была практически непреодолима — это вотчинное право на землю, сохранявшееся у башкир с момента их добровольного вхождения в состав России во второй половине XVI в. Оно, с одной стороны, сохраняло спокойствие в крае и обеспечивало башкир всем необходимым для службы, но с другой - тормозило процесс экономического обособления башкирских чиновников, поскольку земля находилась в общинном землевладении. Оно же позволяло собирать с башкир огромные денежные сборы, так называемый башкирский капитал, которым оренбургские военные губернаторы распоряжались самостоятельно.

Деятельность Обручева получила невысокую оценку современников и исследователей. Итогом его управления стало разорение Башкортостана, послужившее впоследствии причиной его удаления из края. Башкирский народ производил за самую низкую плату все казенное строительство в крае. В обязанности башкир входила вырубка леса из казенных башкирских дач, сплав его в Оренбург, выгрузка в сентябре-октябре, когда начинались заморозки.

При таком подходе военная служба становилась делом вторичным. Все это вызывало у башкир недовольство, в результате чего произошел громкий конфликт между командующим Башкиро-мещерякским войском генералом Н.П.Беклемишевым и военным губернатором. Командующий, отстаивая идеи дальнейшего привлечения войска к военной службе, выразил свои сомнения в необходимости насильственного перевода башкир к оседлости и использования их только в качестве

рабочих команд. Причем он опирался на результаты собственного объезда территории войска и мнение самих башкир, высказанного ему во время опроса. Результатом стал «Инспекторский отчет о Башкиро-мещерякском войске за 1850 г.».

В отчете командующий указывал, что башкиры «разорены и раздражены от обременительной службы, от насильственного изменения их образа жизни» *[РГИА.* Ф. 1021. Оп. 1. Д. 100. Л. 1—2]. Он считал, что при новом военном губернаторе произошло усиление нарядов, по сравнению с прежним временем. Весь денежный сбор, который поступал с половины войска взамен службы, шел не на пользу войска, а на степные укрепления. Происходило разорение башкир из-за усиленного распространения хлебопашества, и из-за этого «стеснялось» кочевание, коневодство и скотоводство. Беклемишев считал, что вся политика правительства по распространению среди башкир хлебопашества служит лучшим свидетельством в пользу того, что это нужно делать осторожно и постепенно. В то время Обручев предписывает, чтобы на каждую душу мужского и женского пола высевалось не менее 2-3 пудов озимого хлеба *[Там же.* Л. 10—11]. В апреле 1850 г. появилось новое предписание военного губернатора, по которому приказывалось башкирам только в том случае выходить летом на кочевье, если у каждого из них будет вспахана и засеяна земля. Скандал закончился переводом строптивого командующего с должности, но и Обручев недолго оставался на своем месте *[Рахимов,* 2007а. С. 516—519].

Анализируя деятельность оренбургских военных губернаторов по отношению к башкирам, можно разделить ее на три условные группы. Из семи губернаторов, по крайней мере, двое проводили в отношении башкир жесткую политику, не учитывая особенностей их положения в империи (Бахметев и Обручев). Об итогах губернаторства Н.Н.Бахметева сообщалось, что «инородческое население волновалось и все пришло в расстройство от злоупотреблений местной власти и безнаказанного притеснения народа чиновниками местной администрации» *[НИОРРТБ.* Ф. 18. Картон 17. Д. 13. Л. 2 об.]. В.А.Обручев, как уже указывалось, прославился насильственным насаждением земледелия, запретом на кочевки, строительством деревень по планам, с заменой в домах башкирского чувала голландской печью.

Три военных губернатора (Игельстром, Эссен, Сухтелен - кстати, все «немцы», нерусские) проводили в общем плане нейтральную политику, реально оценивая боевые качества башкирской кавалерии, как положительные, так и отрицательные. О. А. Игельстром и П. П. Сухтелен в силу ряда обстоятельств были небольшой срок на должности (отставка первого и скоропостижная смерть второго), поэтому не успели осуществить многие свои идеи. Эссен, был в целом, равнодушен к иррегулярной кавалерии, включая и казаков, считая своей основной задачей сохранение статус-кво на границе, а лишь затем реформы. Надо отметить, что рациональная деятельность на своем посту каждого из этих военных губернаторов была отмечена наградами.

Портрет генерал-адъютанта, графа Василия Андреевича Перовского. К. П. Брюллов. Холст, масло. 1837 г.

Наибольший интерес вызывают фигуры двух остальных губернаторов. Это Г. С. Волконский и В.А.Перовский, которые проводили более мягкую политику в отношении башкир. Причем их биографии сближают следующие совпадения: оба управляли губернией по времени больше всех, первый 14, второй 16 лет, оба были личными друзьями императоров, оба получили высокие награды за период губернаторства, оба были большие любители кумыса.

Каким образом возможно понять и оценить восприятие башкирами политики и личностей оренбургских военных губернаторов? Ведь башкиры не оставили своих воспоминаний, а документы кантонных начальников выходили из-под пера русских писарей. Для этого периода характерно

создание башкирами большого массива разнородных произведений фольклора. Начинаются они эпохой наполеоновских войн («Кахым-туря», «Вторая армия», «Эскадрон», «Французская», «Иремель», «Ахмет-баик», «Любизар») и продолжаются произведениями о военных губернаторах и их помощниках. Отдельные байты и песни посвящены кантонным начальникам из башкир: «Кулый-кантон», «Кагарман». Сравнение их содержания с архивными документами, в частности с формулярными списками и иными документами, показывает, что они достаточно достоверны, это позволяет считать их в целом репрезентативными. Такой вид источника, дополненный комментариями современников, на наш взгляд, позволяет в какой-то мере увидеть восприятие башкирами военных губернаторов, их политики в отношении народа *[Асфандияров,* 1981. С. 151—136]. Так, например, в башкирском народном творчестве показан как жестокий человек помощник Обручева, кантонный попечитель И. И. Филатов, проводивший «контроль» хозяйства башкир с кулаками и нагайкой.

Рассмотрим имеющиеся свидетельства отношения башкир к Г.С.Волконскому и В.А.Перовскому. Стоит отметить, что вся официальная и частная переписка Волконского указывает на его уважительное отношение к башкирам. Известно, что при нем многие башкиры были награждены зауряд-чинами, появились походные чиновники (походные старшины, дистаночные начальники). Губернатор часто посещал башкирские праздники, так, например, в одном из писем он пишет, что «завтра <...> увижу, при стечении несколько тысяч воинов башкирцев — борцов, бег пеший и скачку на 30 верст», чего не делал ни один губернатор, за исключением Перовского *[Архив...* 1918. С. 31]. Башкирское войско в XIX в. имело единственное жалованное знамя, дарованное царем 9-му башкирскому кантону «за усмирение неповинующихся воли по распоряжению правительства казаков уральского войска» по представлению Волконского *[Ребелинский,* 1898. С. 57]. Поэтому не случайно, что деятельность военного губернатора по формированию и отправке в 1812 г. башкирских полков была успешной. О нем у башкир сохранялась долгая положительная память. Например, в литературе зафиксирован случай, когда много лет спустя при переправе башкирской команды через Волгу ее командир встретился с чиновником, едущим в Петербург, и, узнав об этом, просил кланяться там от его имени: «всем значительным людям, <...> в том числе бывшему Оренбургскому военному губернатору князю Григорию Семеновичу Волконскому; но когда проезжий сказал ему, что князь давно уже скончался, то он возразил: “нужна нет, кланяйся”» *[Казанцев,* 1866. С. 59].

Вторым губернатором, относившимся с большой симпатией к башкирам, был Перовский. Его правление в крае составило целую эпоху. «Новый генерал-губернатор имел многочисленный штаб, составленный из образованных военных и гражданских чиновников, и первый срок его губернаторства в этом крае <...> считался золотым веком Оренбурга» — так писал о нем в своих воспоминаниях генерал И.Ф.Бларамберг *[Бларамберг,* 1978. С. 221].

Перовский создал Башкиро-мещерякское войско как боевую единицу во главе с командующим и Войсковой канцелярией. В 1835 г. им были созданы попечительства. Попечители, русские штабофицеры, должны были наблюдать за нравственным и хозяйственным состоянием башкир, контролировать очередность несения ими службы. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. добился направления башкирских полков на войну.

По инициативе губернатора была проведена мемориализация участия башкир и мишарей в Отечественной войне 1812 г. В Оренбурге по проекту его друга архитектора А.П.Брюллова был выстроен на собранные башкирами и мишарями деньги архитектурный комплекс Караван-сарай с мечетью, ставший местом нахождения командующего Башкиро-мещерякским войском и его служб.

Забота о благосостоянии башкир и мишарей проявилась в именном указе «О возложении на стряпчих ходатайствовать за башкирцев и мещеряков по делам их», подписанном по представлению Перовского. Военный губернатор писал, что по незнанию законов, правил судопроизводства и недобросовестности избираемых «частных поверенных» башкиры часто теряют собственность. Для защиты прав башкир и мещеряков указом предусматривалось в случае отчуждения уездным судом общественной собственности передавать дело в гражданскую палату, решения которой вносятся к военному губернатору и, при его несогласии с решением, дело передается в Сенат *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3788. Л. 5, 78].

Первые действия губернатора свидетельствовали о его внимательном отношении к башкирам и их нуждам. 25 апреля 1832 г. вышло предписание Перовского о запрещении заменять командирующихся на линейную службу другими людьми, чтобы «каждый сам за себя исполнял службу» *[Там же.* Д. 3018. Л. 20]. Это должно было уменьшить число злоупотреблений кантонных начальников. В области здравоохранения в 1832 г. им были предприняты следующие действия: указывая, что до него дошли слухи о том, что большое количество людей в кантонах болеет заразными болезнями, он предложил кантонным начальникам провести совещание со старшинами на предмет того, не будет ли полезным командировать в каждый кантон лекаря

за счет общественных средств и разъяснить башкирам, что это делается только для их пользы и не противоречит их вере *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3018].

Сам Перовский придерживался линии постепенного перехода части башкир на оседлость и к земледелию, резко выступал против насильственных мер в этом вопросе. Он создал общественный башкирский капитал из доходов от продажи и кортома вотчинных земель, от организованных им войсковых конных, поташных заводов и пчелиных заведений для финансирования текущих нужд губернского правления, а также для оказания помощи открываемым учебным заведениям *[Асфандияров,* 2006. С. 96-97].

Необычным для современников было то, что военный губернатор завел собственную «кочевку» в 100 верстах от Оренбурга, где проводил летнее время, сообщаясь с городом через летучую башкирскую почту. Как указывал современник, лично наблюдавший описываемые события, «В.А.Перовский умел поставить себя наилучшим образом в управляемом им крае: все не только любили и уважали его, но и боялись. Между местными башкирским и остальным населением он пользовался особенною популярностью, так что его называли не иначе, как Василий Алексеевич. Он жил роскошно, платил за все с царской щедростью, что также производило впечатление на народ и заставляло смотреть на него как на большого барина. На “кочевке” у В.А.Перовского был выстроен просторный деревянный дом. <...> Вечером играла зорю башкирская стража на особых духовых инструментах» *[Кокшаров,* 1890. С. 249-250].

Для башкир Перовский остался в народной памяти как один из уважаемых персонажей прошлого. В честь него были сочинены наигрыш и танец «Перовский». В народной памяти сохранились различные рассказы и предания о нем и о башкирских кантонных начальниках — его современниках.

Как видим, наибольшим доверием и уважением у башкир пользовались военные губернаторы, проводники активной военной политики, в которой для башкир находилась своя ниша. Это — наполеоновская эпоха и связанная с ней подготовка резервов для армии, проводимая Волконским. Это — экспедиции в степь, включая знаменитый Хивинский поход 1839 г. Перовского, закончившийся неудачно, но потребовавший мобилизации всех сил Оренбургского корпуса. Такое совпадение не случайно. Те губернаторы, которые либо интуитивно, либо осознанно понимали значимость военных институтов, оказались в едином знаковом поле с башкирами, оставаясь в долгой памяти народа как положительные герои.

Необходимо учитывать, что следствием активной военной деятельности военных губернаторов (Волконского и Перовского) были массовые жертвы среди башкир во время военных походов, но такой результат осознавался обществом в то время как неизбежность военной службы.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА БАШКИР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

БАШКИРСКОЕ ВОЙСКО. ПРОЕКТЫ ЕГО РЕФОРМ

Башкиро-мещерякское войско (штаб-квартира в г. Оренбурге) как иррегулярное национальное войско из башкир и мишарей (мещеряков) существовало с 1798 г., с момента введения кантонной системы управления. В 1834 г. войско было образовано официально, а в 1865 г. упразднено. В 1855 г. к нему были причислены тептяри, после чего оно получило новое наименование — Башкирское войско [*Полное...* II. Т. 30. № 29060]. Войско находилось в ведении Оренбургского военного губернатора, командира отдельного Оренбургского корпуса. Во главе войска стоял его командующий, имевший, согласно Высочайшим повелениям от 16 ноября 1850 г. и 2 августа 1853 г., права начальника дивизии, по штату ему полагался помощник на таких же правах, как у начальника штаба Оренбургского казачьего войска.

Командующему подчинялась Канцелярия командующего Башкиро-мещерякским войском, орган управления, существовавший в 1834—1863 гг. На чиновничьих должностях в ней находились армейские офицеры и чиновники, офицеры Оренбургского казачьего войска. На должности переводчиков могли находиться башкиры. По штату от 30 мая 1836 г. канцелярия состояла из двух столоначальников, двух их помощников, письмоводителя, двух писарей, переводчика, пяти служителей. В 1840 г. в связи с ростом числа неразобранных дел штат канцелярии был увеличен. В 1855-1863 гг. канцелярия находилась на временном штате: правитель канцелярии, четыре столоначальника и четыре их помощника, четверо старших писарей, четверо младших писарей, канцелярские служащие, а также архивариус и его помощник, казначей и его помощник, экзекутор, переводчик. Канцелярии войска подчинялись в делопроизводственном отношении попечители, стряпчие, кантонные начальники башкирских кантонов, имевшие собственный штат помощников, переводчиков, писарей. В разное время к канцелярии прикомандировывались чиновники и офицеры для исполнения особых поручений. Канцелярия содержалась за счет войскового капитала.

В 1856 г. в Башкирском войске насчитывались: 1 генерал, 712 штаб- и обер-офицеров, 182 183 нижних чинов (в том числе обязанных службой 38 тыс. чел.), 8 935 малолеток. В сравнении с другими казачьими и национальными войсками XIX в. Башкирое войско было самым многочисленным.

Первым командующим войском был генерал-майор Станислав Тимофеевич Циолковский (1788—1842), руководивший им с 4 декабря 1834 г. по 28 ноября 1840 г. Участник русско-турецкой войны 1806-1812 гг., Отечественной войны 1812 г., степных походов 1825—1826 гг. и Хивинского похода 1839-1840 гг. Циолковский был известен как крайне жестокий и мелочный командир. Башкиры сочинили наигрыш «Циолковский» и песню, в которых он высмеивался как чванливый начальник. Внучатым племянником Циолковского был известный ученый, основоположник космонавтики К. Э. Циолковский.

Следующим командующим был Николай Васильевич Балкашин (1805-1859), трижды находившийся в этой должности. Высочайшим приказом 28 ноября 1840 г. он был назначен подполковником по кавалерии, исправляющим должность командующего Башкиро-мещерякским войском. С 6 декабря 1843 г. произведен в полковники и продолжал командовать войском до 2 апреля 1845 г. Затем он исполнял должность вице-губернатора Саратовской губернии, оренбургского гражданского губернатора. Будучи в чине генерал-майора, с 25 декабря 1851 г. вновь был назначен командующим войском и занимал эту должность до мая 1853 г. *[Список...* 1855]. В феврале 1854 г. снова назначен командующим Башкирским войском,

в мае 1856 г. произведен в генерал-лейтенанты, продолжая командовать войском до мая 1858 г. В 1859 г. он умер, находясь в должности генерала при оренбургском и самарском генерал-губернаторе. В 1846—1848 гг. войском командовал полковник Григорий Васильевич Жуковский (1800-1880), впоследствии наказный атаман Оренбургского казачьего войска, участник Крымской войны, Таврический гражданский губернатор, генерал-лейтенант, член Правительствующего сената [*Василевская*, 1916].

Одним из ярких командующих войском с апреля 1849 г. по 20 декабря 1850 г. был участник Кавказской войны полковник Николай Петрович Беклемишев (1811—1893), ставший впоследствии наказным атаманом Астраханского казачьего войска, генерал-лейтенантом. Беклемишев по приезде в Башкортостан совершил объезд всех кантонов, стараясь встречаться не с кантонными начальниками, а с рядовыми башкирами, причем в архиве до сих пор хранится его рукописный русско-башкирский словарь *[ОПИТИМ.* Ф. 199]. Он подал проект преобразования войска и, отстаивая интересы башкирского народа, вступил в конфликт с оренбургским военным губернатором В.А. Обручевым *[Рахимов,* 2007а]. С апреля 1850 г. Беклемишев уехал в отпуск и войском не командовал.

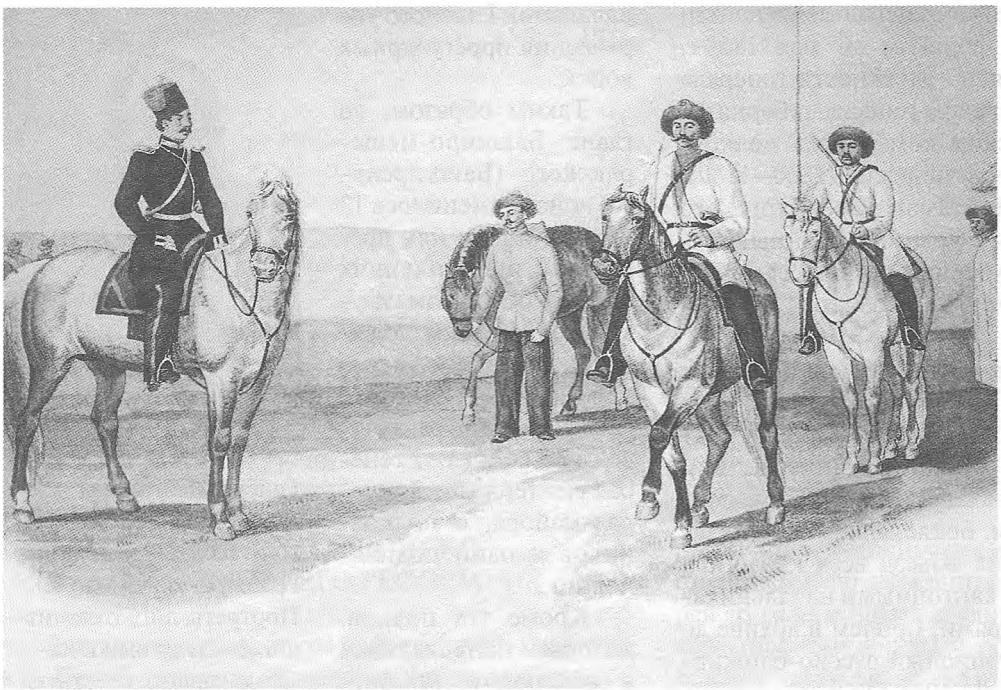
Затем, с апреля 1850 г. по 30 октября 1851 г., во главе войска был генерал-майор Аким Иванович Середа (1797—1851), бывший оренбургский и вятский гражданский губернатор. Срок его командования был коротким. Он умер по возвращении со смотра. С 30 октября 1851 г. по апрель 1852 г. войском командовал временно исполняющий должность полковник граф Илья Андреевич Толстой, впоследствии начальник штаба, наказный атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Он приходился двоюродным дядей писателю Л.Н.Толстому. Также временно исполняющими должность были с мая 1853 по февраль 1854 г. подполковник Александр Афанасьевич Толмачев, с мая 1858 г. по август 1859 г. полковник Христофор Христофорович фон Рейтерн (1824—1859), брат министра финансов. С 12 августа 1859 г. по 1 февраля 1860 г. исправляющим должность командующего был полковник Алексей Михайлович Синбирин.

Командовавший войском с 1 февраля 1860 г. по апрель 1862 г. генерал-лейтенант Николай Кузьмич Тетеревников (1805—1874) был участником русско-персидской 1826-1828 гг., русско-польской 1830-1831 гг. и Крымской войны. 1853-1856 гг. Последним временно исполняющим должность командующего Башкирским войском с мая 1862 г. по 1864 г. был полковник Александр Петрович Богуславский, впоследствии генерал-лейтенант, начальник Главного управления иррегулярных войск.

Таким образом, во главе Башкиро-мещерякского (Башкирского) войска сменилось 13 командующих или временно исполняющих обязанности командующего. На этой должности находились в разное время 11 человек (Балкашин три раза был во главе войска): 2 генерал-лейтенанта, 2 генерал-майора, 6 полковников и один подполковник.

Генерал-лейтенант Н. К. Тетеревников. Неизвестный художник. Гравюра. Из книги: Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями в войне 1853–1856 годов. Т. 1. СПб., 1858

Кроме тех полков, которые направлялись в армию, и команд, несших службу на Оренбургской пограничной линии, в войске в 1852-1860 гг. существовал Учебный башкирский полк по примеру таковых, существовавших в других казачьих войсках. Сформированный в составе 769 человек полк ставил целью обучать военному делу башкир служащих кантонов, а также иметь в запасе готовую военную часть в случае похода в степь. Сам Учебный башкирский полк был расквартирован в д. Аллабердино Оренбургского уезда, а его резервная сотня находилась в форте Перовский. Вооружение — пики, сабли, карабины, пистолеты. В полку проходили обучение трубачи Башкиро-мещерякского войска. Офицеры и унтер-офицеры в учебном полку были прикомандированы из частей регулярной кавалерии, в основном это были гусары и уланы, рядовые (переменный состав) из башкир, которые собирались на срок с 10 мая по 10 октября. Поскольку, кроме полка, башкиры несли службу на линии, набор для них был обременителен, поэтому численность полка была сокращена до 632 человек. Однако оказалось, что за короткий срок (5 месяцев) было невозможно освоить все необходимые военные знания и навыки, они становились ненужными для отслуживших в полку башкир, так как в следующий раз очередь службы могла подойти через несколько лет. Короткий период обучения не давал возможности иметь боеспособную часть в случае похода в степь, а башкир-призывник терял летнее время обеспечения сеном и проведения земледельческих работ. Поэтому генерал-губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса А.П.Безак не



Башкирский учебный полк. Офицер, урядник, рядовой. А. Ф. Чернышев. Акварель. Середина XIX в.

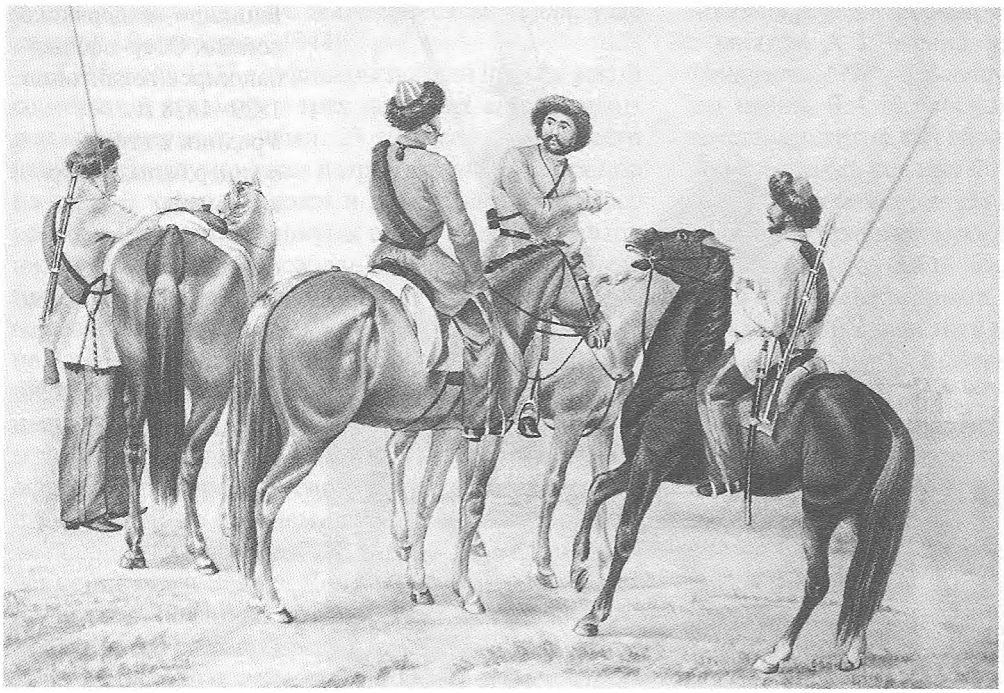
назначил сбора полка на 1861 г., тем самым упразднив его.

В отличие от национальных и казачьих войск России Башкиро-мещерякское войско не имело своих знамен, за исключением одного, жалованного. Это было знамя, дарованное царем 9-му башкирскому кантону «за усмирение неповинующихся воли по распоряжению правительства казаков уральского войска». История награждения им связана с событиями осени и зимы 1804 г. в Оренбургской губернии. В ноябре месяце была предпринята военным губернатором князем Г.С.Волконским военная экспедиция в Уральск с целью введения нового «Положения об Уральском войске», в том числе введения войскового правления, отмены наемки и других новшеств. Зная о противодействии нововведениям уральских казаков, в этот поход он направил значительные силы: Рыльский мушкетерский, два батальона Уфимского мушкетерского, Оренбургские драгунский и казачий полки, три эскадрона тептярей, башкирский полк *[Ребелинский,* 1898. С. 57]. 16 ноября экспедиция завершилась, несмотря на сопротивление казаков. Новое «Положение» было введено силой, зачинщики выступлений арестованы. Башкирский полк, участвовавший и отличившийся в этой экспедиции, был сформирован в 9-м кантоне. Волконский предложил правительству наградить верную службу башкир.

По его представлению военный министр обратился к императору с просьбой о разрешении чиновникам тептярских полков, башкирским и мишарским юртовым старшинам, не имеющим офицерских чинов, но отправляющим должности, носить серебряный темляк на сабле, как в Оренбургском казачьем войске. 1 мая это предложение было утверждено императором Александром I *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 31 и об.]. Одновременно военный губернатор ходатайствовал о награждении башкир императорским знаменем.

31 мая 1805 г. император подписал рескрипт о награждении им 9-го башкирского кантона. «Сообщение оренбургского военного губернатора князя Г. С.Волконского начальнику 11-го башкирского кантона Зубаирову о награждении знаменем 9-го башкирского кантона» от 29 сентября 1805 г. позволяет воссоздать картину награждения *[Там же.* Л. 57 и об.]. В нем указывается, что знамя пожаловано императором по представлению оренбургского военного губернатора «во воздаяние отличнаго усердия и ревности к службе девятого башкирского кантона». Оно было доставлено из Санкт-Петербурга с нарочным фельдъегерем. В Оренбург были вызваны начальник 9-го кантона поручик Б. Куватов со всеми юртовыми и походными старшинами, а также 200 «отборнейших башкирцев». В назначенный день, 24 сентября, «с надлежащей церемонией и с приведением всех чиновников и башкирцев при всемилостивейше пожалованном знамени на верность службы Его Императорскому Величеству к присяге, оное при высочайшем на имя того кантона рескрипте с верноподданническим благоговением ими принято» [*Там же.* Л. 57].

Известно описание этого жалованного знамени. Знамя простое, с коронным вензелем АІ с лучами на шелковой зеленого цвета материи. По четырем углам изображены звезды. Знамя имело сереб-



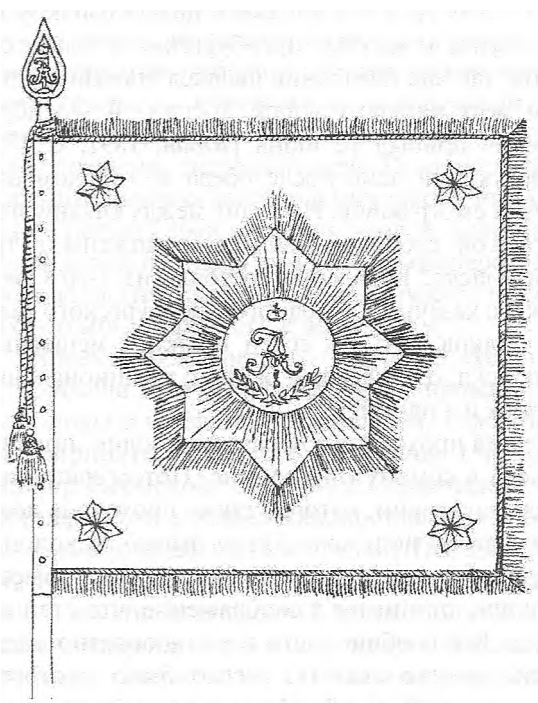
Башкирский учебный полк. Урядник и рядовые. А. Ф. Чернышев. Акварель. Середина XIX в.

ряную позолоченную бахрому, древко темно-зеленого цвета *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5501. Л. 5]. О церемонии награждения было сообщено во все башкирские кантоны: «дабы и оне вкусив сие всемилостивейшее благоволение старались верною и усердною Его Императорскому Величеству и отечеству службою обратить монаршее на них внимание» *[Рахимов,* 2006. С. 87-88].

Важную роль в жизни войска играли смотры, и в первую очередь императорские. Их было два — в 1824 и в 1837 г. В 1824 г. Оренбургскую губернию посетил путешествовавший по России император Александр I. 14 сентября он произвел смотр войск на поле между Оренбургом и Бердской слободой. Войска для него были расположены в три линии: пехота, кавалерия, артиллерия. Участник путешествия, лейб-хирург Д.К.Тарасов оставил свои воспоминания об этом событии.

«Но смотр иррегулярных войск был чрезвычайно любопытен. Этими войсками командовал полковник Тимашев. Все это войско было собрано в степи близ Оренбурга и расположено отрядами на обширном пространстве в некотором порядке. Государь с Эссеном и полковником Тимашевым объехал сначала все эти разнообразные отряды степных войск, потом, остановясь на возвышенном месте, приказал Тимашеву скомандовать, чтоб они прошли церемониальным маршем мимо его величества.

Едва полковник Тимашев успел произнести командование, как все группы этих разнородных войск, на степных конях своих, пустились во весь карьер, без всякого порядка, в разные стороны, с дикими пронзительными криками, так что сначала казалось это его величеству забавным, а потом эти крики усилились до того, что Тимашев никак не мог их остановить, и государь, подозвав Тимашева, приказал остановить эти неистовые эволюции, и заметил притом, что если они не слушают команды, то такие быстрые и беспорядочные движения легко могут произвести опасные последствия. Полковник Тимашев уверил его величество, что их остановить никак нельзя и что они сами



Знамя 9-го кантона. Рисунок

Башкиро-мещерякское войско. Обер-офицер башкирских кантонов. 1829–1838 гг.
Урядник и штаб-офицер башкирских кантонов. 1838–1845 гг.;
Обер-офицер башкирских кантонов. 1845–1855 гг.
А. В. Висковатов.
Литография.
Вторая половина XIX в.

скоро успокоются. Такие неистовые их движения, по уверению Тимашева, означают свойственный им восторг, при виде особы его императорского величества» [*Тарасов*, 1872. С. 358—359].

В 1837 г. наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), выполняя желание своего отца, императора Николая I, предпринял поездку по Европейской России и Сибири. Маршрут путешествия предполагал посещение Оренбурга и Уральска с целью ознакомления с бытом и жизнью оренбургских и уральских казаков, так как наследник являлся Наказным атаманом всех казачьих войск России. В Оренбург цесаревич прибыл 12 июня *[Юдин,* 1891. С. 175]. На следующий день после обеда за городом был проведен смотр войск. На плацу между Оренбургом и Бердской слободой были расположены в три линии войска. Кавалерия состояла из 1-го Оренбургского казачьего, Сводного Оренбургского казачьего полков, четырех сотен Башкиро-мещерякского войска, одной сотни башкир в национальных костюмах и в панцирях.

Пехота проходила три раза повзводно, подивизионно и в сомкнутой колонне. Потом наступила очередь кавалерии, которая также проходила повзводно шагом, полуэскадронно рысью, в колонне рысью и поэскадронно марш-марш: «и точно весьма хорошо, принимая в соображение, что степные лошади. Все вообще чисто и единообразно одеты и точно можно сказать, весело было смотреть» *[Венчание...* 1999. С. 68]. После парада было проведено учение сотен Башкиро-мещерякского войска и конно-артиллерийских батарей.

Форма обмундирования Башкиро-мещерякского войска была установлена 2 октября 1829 г. как форма штаб- и обер-офицеров, урядников и казаков войска. Башкирам полагались: шапка белая суконная, об<u>ттти</u>тая сверху по швам черной тесьмой и подшитая снизу бумажной материей красного цвета; галстук черный шелковый; куртка синего сукна казачьего покроя, на крючках, с алой выпушкой по борту воротника и обшлагов; погоны алого сукна с прорезным номером полка на желтом сукне и белыми пуговицами; шаровары синие суконные казачьего покроя с лампасами алого сукна; кушак бумажной материи светло-синего цвета, сапоги черные. Пистолет на левом боку в черной кожаной ольстреди, прикрепленной к портупее; к нему полагался черный шнур с кистями. Подсумок черной глянцевой кожи на такой же тесьме через левое плечо, без набора, на нем железный прибойник, обвитый черным ремнем. Карабин носился на перевязи черной глянцевой кожи, надетый сверх подсумка. Портупея была черной кожи с двумя медными пряжками. Сабля в железных ножнах, пика на древке черного цвета длиной в 4,5 аршина. У урядников воротник и обшлага на рукавах обшивались серебряным галуном, кисти на шнуре были белого, черного и оранжевого цвета, шапки полагались черные. Офицеров отличал подсумок и портупея на черной кожаной тесьме с серебряным набором; им полагались черные плисовые шапки, обшитые серебряным галуном с черным просветом; эполеты серебряные чешуйчатые. У всех чинов были казачьи седла: вальтрап казачьего покроя синего сукна, обшитый по краям алым сукном сверх подушки; чемодан серо-немецкого

сукна привязывается с шинелью сзади седла; узда казачья [*Висковатов*, 1944].

С 15 июля 1837 г. офицеры носили шарф с узкой серебряной тесьмой о трех полосках светло-оранжевого и черного шелка. 29 апреля 1838 г. вместо лядунки (подсумок) дан патронташ на 40 патронов из черной юфтовой кожи и перевязью из черного ремня. Пистолетные шнуры стали по цвету кантов на мундире, вместо сабель на вооружение была принята шашка в деревянных ножнах, обтянутых черной кожей. Ружья с чехлами носились за спиной на черном ремне через правое плечо. Вальтрапы по цвету мундира были обложены тесьмой лимонного цвета, чемодан из серого сукна с белыми пуговицами с номером полка. 2 января 1844 г. на околыше офицерских фуражек (синяя с красным околышем и выпушкой по верхнему краю) была установлена металлическая кокарда. 27 апреля 1845 г. введены чекмени, как в Войске Донском, офицерам на них полагались петлицы. 12 февраля 1846 г. было установлено, что от башкирских и мещерякских кантонов, обложенных денежным сбором взамен службы, форменного обмундирования и никакого вооружения не требовать и разрешить обыкновенную одежду. Башкирам и мещерякам во время службы на Оренбургской линии дозволить носить национальную одежду, требуя форменное обмундирование только в случае, когда часть войска будет откомандирована на внешнюю службу по направлению к западным и южным границам империи. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. башкиры были обмундированы в униформу Башкирского войска, вооружены карабинами, шашками и пиками, офицеры и урядники, кроме того, пистолетами *[Там же]*.

В течение всего времени существования войска разрабатывались и представлялись различные проекты по его реорганизации. В исторической литературе данная проблема не получила достаточного освещения. В основном рассматривались проекты реформ 20—30-х гг., находившиеся в тесной связи с планами реформ Оренбургского казачьего войска. Это проекты оренбургских военных губернаторов П. К.Эссена, П.П.Сухтелена, начальника Главного штаба графа П.А.Толстого. В них дано краткое содержание предложения, причем более подробно освещены планы преобразования Оренбургского казачьего войска *[Стариков,* 1891а; *Чернов,* 1907; *Ден,* 1902; *Кобзов,* 1996; *Семенов, Семенова,* 1999]. Непосредственно проекты реформ Башкиро-мещерякского войска впервые рассмотрел С.Н.Нигматуллин *[Нигматуллин,* 1959]. Однако в его статье анализу подверглись реформы 20—30-х гг., а в некоторых случаях им давалась неверная оценка. Так, план Эссена, по его мнению, уменьшал роль войска, а предложения Сухтелена усиливали ее, что было как раз наоборот. Хронология реформ расширена с 20-х до 40-х гг. XIX в. в работах А.З.Асфандиярова *[Асфандияров,* 1968; *История...* 1996; *Асфандияров,* 2005]. В них освещены планы В.А.Перовского, В.А.Обручева. В контексте проектов преобразования сословия тептярей и бобылей реформ 20-х гг. коснулся и Б.С.Давлетбаев *[Давлетбаев*, 1984].

Во всех работах проекты реформ Башкиро-мещерякского войска не были увязаны с проблемами реформирования армии, изменившихся требований военной науки того времени. Не были рассмотрены причины, приведшие к провалу планов реформирования войска, не изучены проекты ранние и более поздние. Все это требует дальнейшего изучения данной проблемы.

Первый, почти неизвестный исследователям проект преобразования войска был предложен поручиком квартирмейстерской части свиты Я.П.Гавердовским в 1803 г. *[Водопьянов,* 1897; *Халфин,* 1974]. Анализируя состояние Оренбургской пограничной линии, показывая ее слабую защищенность, он предложил ряд мер по улучшению. В отношении башкир он предполагал следующее: создать в каждом кантоне суд во главе с гражданским чиновником, передав ему полномочия кантонных начальников. После чего приступить к формированию в кантонах 12 пятисотенных полков за счет средств кантонов и из числа их жителей *[ОРРТБ.* Ф. 68. Д. 226. Л. 19 об. - 20 об.]. Службу в полках башкиры должны были нести 15 лет. Командный состав полков назначать из армейских офицеров и донских казаков. В случае отсутствия необходимости нахождения полков на линии часть из них могла нести службу на Сибирской линии и во внутренних губерниях. В отношении мишарей автор предлагал перевести их в подушный оклад. Проект Гавердовского был далек от понимания всей сложности ситуации в крае. Рекрутская повинность превращала башкир в государственных крестьян с потерей ими владения землей, а назначение командиров из числа армейских офицеров вытесняло волостную верхушку башкирского общества. Все это могло привести к волнениям.

Проект оренбургского военного губернатора П.К.Эссена 1818 г. предлагал формирование казачьих полков из башкир и мишарей. Предложение было принято, более того, Александр I предложил башкир Пермской, Вятской и Саратовской губерний перевести в разряд государственных крестьян, что вызвало недоумение Эссена *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 7 об.]. Пересмотренный вариант 1820 г. предполагал ввести в войске должность войскового атамана, с его канцелярией. Войско должно было состоять из 18 пятисотенных полков (15 башкирских и 3 мишарских). В случае же войны требовалось большее количество полков. За войском оставались все земские повинности.

Срок службы определялся в 10—15 лет. Командиры в полках должны были назначаться из регулярной кавалерии и казаков, но в случае открывшихся вакансий их могли заменять чиновники из войска, сдавшие экзамен. Служба полков предполагалась на линии Сибирской и в Казанской губернии *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 17 об.-18]. Проект П. К.Эссена вызвал бурю возмущения в крае. Башкиры жаловались, что «не в состоянии содержать те полки и канцелярию» *[Там же.* Д. 2257. Л. 138 об.]. Министерство внутренних дел, опасаясь возмущения и беспокойств, предложило воздержаться от его реализации. И.В.Чернов отмечал, что реформа не осуществилась «как по политическим, так и по экономическим причинам. Экономические причины были неимение в казне денег, а политические — возможность в народе бунта, если обложить народ особым сбором» *[Чернов,* 1907. С. 42]. Проблема преобразования войска тем не менее стояла остро.

В 1826 г. неизвестный автор, именующий себя бывшим оренбургским гражданским губернатором (предположительно, Г.В.Нелидов), предлагал превратить башкир в военных поселян *[РГВИА.* Ф. 410. Оп. 1. Д. 147. Л. 1 и об.]. Адъютант Эссена В.Готовцев, сочтя «службу башкир и мещеряков на линии ненадежной», предлагал «отменить ее и положить их в подушный оклад, чтобы истребить в них воинский дух» *[Ден,* 1902. С. 285]. В 1827 г. начальник Главного штаба граф П. А.Толстой предлагал создать общие казачьи полки из башкир, мишарей и оренбургских казаков, объединенные в 5 бригад общей численностью 35—40 тыс. человек *[Стариков,* 1891а. С. 98—99]. Граф П.П.Сухтелен предложил собственный проект: в течение 5 лет «пять мещерякских и восемь с половиной башкирских кантонов обратить в казенных поселян *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 8—9 об.]. Проекты Эссена и Сухтелена рассматривались в Особом комитете во главе с князем В.П.Кочубеем. Он определил: «назначить для управления башкирским войском генерала, и учредить при нем канцелярию; три с половиной кантона, находящиеся ближе к кордонной линии, оставить в виде войска; из мещерякских кантонов составить один регулярный полк или военно-рабочий батальон; прочих башкирцев <...> отчислить из военного ведомства и обратить в податное состояние, для поступления в удельное ведомство» [*Там же.* Л. 9 об. — 10]. 17 марта 1832 г. данное положение было утверждено Николаем I, но не было приведено в исполнение из-за строительства Новой Оренбургской линии, к тому же в 1833 г. неожиданно умер Сухтелен.

Новый оренбургский военный губернатор В.А.Перовский, не отменяя проекта перевода башкир в податное состояние, временно оставил их в военном сословии. Более того, им была создана Войсковая канцелярия, введена должность Командующего войском, а в судебном отношении войско перешло из гражданского ведомства в военное. Позже были созданы институты попечительств, стряпчих и т. д. Все это должно было способствовать реализации его планов дальних походов в южные степи. Наличие дополнительного иррегулярного войска, кроме существующих оренбургских и уральских казаков, калмыков, должно было уравнять его положение со статусом Кавказского наместника. Тем не менее действительность заставила его в 1841 г. разработать собственный проект преобразования войска. По сути, это было повторение проекта Сухтелена: перевод большей части башкир в податное состояние, а меньшей — в казачье войско. Проект был утвержден императором, но затем 20 марта 1842 г. последовала резолюция: «Дело сие оставить впредь до времени, без дальнейшего движения» *[Там же.* Л. И].

Сменивший Перовского В.А.Обручев в 1846 г, предложил северных башкир перевести в разряд государственных крестьян, а южных причислить к Оренбургскому казачьему войску. Такое объединение он считал удобным для управления, но местное управление должно было остаться раздельным *[Там же.* Л. 12, 13 об.]. Таким образом, Обручев вернул к жизни идею графа Толстого.

Последний проект реорганизации войска был предложен его командующим Н. П. Беклемишевым в 1850 г. Он предложил иметь в войске Наказного атамана, подчиненного командиру Отдельного Оренбургского корпуса, создать при нем Войсковое дежурство, Атаманскую канцелярию *[ОПИТИМ.* Ф. 199. Д. 8. Л. 45-74 об.]. Несмотря на то, что данный проект вызвал негативную оценку Обручева, он также предполагал преобразование службы башкир по примеру других казачьих войск. План Беклемишева не был реализован, а военный министр предписал прекратить делопроизводство по изданию нового положения о башкирском войске.

Итак, в течение 30 лет было предложено 10 проектов преобразования войска. Их можно разделить на две группы: к первой относятся проекты, предлагавшие создать войско, идентичное казачьему (Эссен, Толстой, Беклемишев, Обручев), вторую составляют проекты, предусматривающие деление его на две части, меньшая из которых оставалась в военном состоянии, а большая передавалась гражданскому ведомству (Сухтелен, Кочубей, Перовский). Подобная противоречивость была связана с отсутствием устойчивой точки зрения на положение башкир у императора. Так, знакомясь в 1832 г. с проектом Сухтелена, он выразил свое мнение: «Не лучше ли башкир обратить в казенных поселян» *[Семенов, Семенова,* 1999. С. 195].

В 1837 г. в письме цесаревичу Александру Николаевичу, путешествующему по России, касаясь башкир, он заметил: «Башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со временем обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой не удобно» *[Венчание...* 1999. С. 143]. В 1850 г., рассматривая проект Обручева, касающийся разделения башкир, который он якобы поддержал, Николай I заявил: «не мог я отдавать такого повеления, потому что я всегда понимал, что Башкирия должна оставаться отдельной самостоятельной частью» *[ОПИ ГИМ.* Ф. 199. Д. 8. Л. 79]. Таким образом, правительство не имело точного представления о дальнейшей судьбе Башкиро-мещерякского войска. Трудности возникали также в связи с сохранившимся вотчинным правом на землю башкир и необычайной запутанностью земельных отношений. Центр прекрасно понимал, что перевод башкир в разряд государственных крестьян вызовет сложные судебные процессы, связанные с землей. В военном же отношении войско с начала XIX в. оказалось неспособным быстро интегрироваться, как другие казачьи войска, в военную структуру России. Сказывались отсутствие подготовленных кадров, вооружение и тактика прошлого времени. Местные особенности, кантонная система довершали его обособленность. Но не только отсутствие подготовленных кадров тормозило проведение реформ. Само войско являлось источником бесплатной рабочей силы в крае, особенно в 30—50-е гг. XIX в. Оно кормило не только башкирских чиновников, но и чиновников губернии. Сама мысль о том, что в подчинении у Оренбургского военного губернатора находятся несколько иррегулярных войск, поднимало его престиж в сравнении с другими губернаторами. И лишь политический кризис конца 50-х гг. XIX в., связанный с Крымской войной, и начало Туркестанских походов, отодвинувших границу далеко на юг, общий дух реформ в стране создали условия для радикального решения проблемы.

СЛУЖБА БАШКИР НА ОРЕНБУРГСКОЙ ЛИНИИ

В первой половине XIX в. основной военной повинностью башкирского народа являлась прежде всего охрана Оренбургской пограничной линии, созданной еще в 30-е гг. XVIII в. Она проходила от р. Тобол вверх по р. Уй и далее вниз по течению р. Урал до Каспийского моря. Линия делилась на пять дистанций: первая включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутоярская, Каракульская, г. Троицк, Степная, Петропавловская, Карагайская крепости), вторая — от г. Верхнеуральска до Орской крепости (г. Верхнеуральск, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыцкая крепости), третья — от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская, г. Оренбург), четвертая — от Оренбурга до Уральска (Чернореченская, Татищева, Нижнеозерная, Рассыпная) и пятая - от г. Уральска до Гурьева городка *[Полное...* I. Т. 25. № 18477; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 3-5].

Башкиры и мишари несли сторожевую службу на всех дистанциях, кроме последней, пятой, вместе с оренбургскими казаками.

Крепости обычно огораживались земляным валом, рвом, а также частоколом. Связь между крепостями поддерживали небольшие промежуточные укрепления — редуты, впереди них на расстоянии 2—7 верст друг от друга стояли форпосты. Между форпостами непрерывной линией тянулись так называемые «симы», сделанные из березовых или таловых прутьев. Те, кто нес пограничную службу, по состоянию «сим» узнавали следы нарушителей.

Срок службы продолжался шесть месяцев с 15 мая по 16 ноября. По истечении этого срока команды возвращались домой, а на смену им приходили другие, но число наряжаемых на зиму было меньше, так как опыт предыдущих лет показал, что стычки на границе зимой бывают гораздо реже, чем летом.

Башкиры, мишари и казаки признавались наиболее способными для несения сторожевой службы на линии и для отражения неожиданных набегов соседних кочевников. Постоянные же гарнизоны крепостей, состоявшие из регулярных команд, охраняли только крепости и в случае прорыва степняков выходили лишь на помощь частям, охранявшим линию.

Если обратиться к общему числу наряжаемых на линейную службу, то нетрудно видеть, какую роль играло Башкиро-мещерякское войско сравнительно с другими казачьими войсками. В 1798—1848 гг. оно ежегодно выставляло на пограничную линию более 65 % всех служащих *[Шукшинцев,* 1907. С. 263].

Кроме того, башкиры направляли с 1745 г. тысячную команду на Сибирскую пограничную линию сроком на один год. Обременительная и продолжительная линейная служба в Сибири была заменена этапной службой по Сибирскому тракту *[Путинцев,* 1891. С. 80; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 20. Л. 47]. С тех пор они конвоировали ссыльных и колодников, следующих по тракту. Команды, находившиеся на этапной службе, обычно следовали от Пермской губернии до Иркутска.

Бывали случаи, когда по требованию сибирского губернатора команды оставлялись на службе и по истечении установленного годового срока. Этапная служба башкир на сибирском тракте продолжалась до конца 40-х гг. XIX в. Затем их заменили гарнизонные команды [*Полное...* I. Т. 29. № 22487; Т. 39. № 29129].

Башкиры участвовали в охране и западных рубежей страны. Башкирские полки, направляемые на западную границу империи, оставались там по нескольку лет *[Там же.* Т. 27. № 26828]. Эта так называемая внешняя служба башкирских полков проходила в Бессарабии. Сформированные в 1828 г. в 6-м и 9-м башкирских кантонах 1-й и 2-й полки стояли на кордоне до 1833 г. *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4020. Л. 31, 32]. 1-й Башкирский полк в 1831г. находился в г. Рени на кордоне по рр. Прут и Дунай, а 2-й полк - в крепости Измаил на кордоне по Дунаю и берегу Черного моря *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 4423. Л. 64].

Башкирские полки привлекались к этапной службе и в западной части России. В период польского восстания 1830-1831 гг. было сформировано пять полков, располагавшихся по этапам для препровождения польских пленных. Так, 3-й полк под командованием войскового старшины Адеева конвоировал их от Бобруйской крепости до земли Войска Донского, 4-й полк есаула Шубина — от Москвы до г. Казани, 5-й полк есаула Савина — от Воронежа до г. Пензы и земли Войска Донского, 6-й полк есаула Альмемева — от Минска до Москвы и 7-й полк есаула Ситникова — от Минска до Воронежа.

Таким образом, эти полки, не принимая непосредственного участия в подавлении польского восстания, несли этапную службу *[Расписание...* 1831. С. 32; *ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3724. Л. 27-29].

Используя казачьи отряды, власти организовывали и проводили карательные операции как внутри губернии, так и в казахских степях.

Такие мероприятия с разрешения губернатора проводились комендантами крепостей и начальниками дистанций. Для этого достаточным был незначительный повод: угон скота прилинейных казаков соседними феодалами, переход казахами р. Урал и линии, раздоры между казахскими родами, старшинами или правителями. В период губернаторства В.А.Перовского был проведен целый ряд операций «летучих отрядов» в казахскую степь под названием «баранты». Строительство укрепления Ново-Александровского и проведение Новой пограничной линии между Орском и Троицком, ущемляющие интересы соседних казахских родов, вызвали с их стороны ответные набеги. Повстанцев наказали в 1837 г. отрядом из 1 тыс. башкир и 30 стрелков при двух орудиях, захватившим «всех главных виновников» и множество скота у мирных жителей, чем были покрыты затем все расходы на снаряжение отряда *[Юдин,* 1896. С. 413-414].

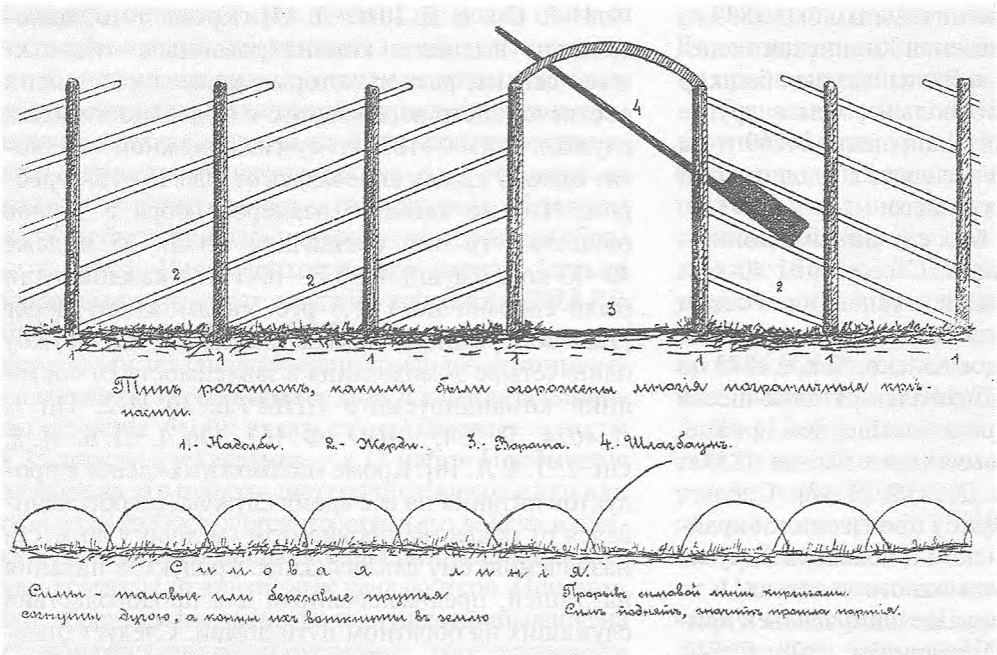
В 1836—1837 гг. в Букеевском ханстве вспыхнуло восстание казахов, направленное против феодального и колониального гнета царизма, во главе с Исатаем Таймановым. Оно было подавлено отрядами, в составе которых было около 900 башкир *[Середа,* 1870. С. 549].

Зимой 1838 г. против Кенисары Касимова, руководившего движением, была направлена на р. Тургай команда из 1 900 казаков и башкир *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6093. Л. 180].

Коменданты крепостей нередко требовали от прилинейных башкирских кантонов людей и оружия для усиления карательных отрядов, направляемых в казахскую степь. Сверх служивших на линии, массу людей отрывали от хозяйства. Например, в 1809 г. из 9-го кантона с мая по июнь «для преследования киргизов» был послан отряд из 300 башкир, а в июне еще из 800 человек. Последняя команда «наказала киргиз» по мере «преступления», отняв у них 406 лошадей, 20 голов рогатого скота *[Там же.* Д. 330. Л. 80 об.]. Каратели нередко скрывали истинное количество угнанных от казахов лошадей и всего скота, и деньги, продавая тайком излишек, присваивали себе *[Там же.* Д. 330. Л. 88 об.]. В 1825—1840 гг. военные власти губернии организовали до 15 крупных набегов на казахскую степь *[Середа,* 1870. С. 556].

Из сказанного видно, что расходы на снаряжение карательных отрядов, как правило, покрывались самими отрядами за счет продажи награбленного у казахов имущества и скота. Таким образом, от операций «летучих отрядов» казахский народ страдал вдвойне, теряя материальные ценности и неся многочисленные людские потери.

Губернские власти активно использовали казачьи войска для подавления волнений крестьян, казаков и башкир в самой Оренбургской губернии. Излюбленную тактику противопоставления и разъединения трудовых масс разных народов царское правительство интенсивно проводило на всем протяжении первой половины XIX в. Вспыхнувшие волнения в различных волостях Оренбургской губернии подавлялись отрядами казачьих войск. Характерно, что в большинстве случаев недовольство, волнения и восстания представителей одной народности подавлялись вооруженной силой другого народа. Так, «бунт» уральских казаков в 1805 г. был подавлен военным губернатором Г.С.Волконским с использованием башкирского полка во главе с Б. Куватовым. «Услуги» полка отмечены пожалованием ему знамени. В 1823 г. отряд башкир из 3-го кантона участвовал «в усмирении» мастеровых на Каслинском и Кыштымском заводах *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3725. Л. 346, 349, 354]. В 1829 г.



Рогатки и симы Оренбургской пограничной линии. Рисунок. XIX в.

восстание заводских крестьян Юрюзань-Ивановского, Усть-Ивановского, Катав-Ивановского заводов подавили отряды из 3-го мишарского и 8-го башкирского кантонов *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4044. Л. 18]. Против волнений крестьян Челябинского уезда 1843 г. тоже были использованы силы башкир и казаков. А выступления башкир, мишарей, тептярей и русских крестьян 1834—1835 гг. усмирялись оренбургскими казаками при участии двух полков из 6-го и 9-го башкирских кантонов.

Башкирские отряды направлялись и на полицейскую службу в гг. Казань, Москву и Петербург, в ярмарочные города, а также для розыска и поимки беглых.

Ежегодно расставлялась «охранительная стража» из 220 башкир постами на Бугульминском тракте для безопасности прибывающих на ярмарку *[Там же.* Д. 3346. Л. 36]. Кроме того, для соблюдения «тишины и спокойствия» и «отвращения всяких беспорядков» во время ярмарки в г. Бугульму командировались башкиры из 3-го кантона *[Там* же. Д. 2046. Л. 17].

По требованию земского суда кантонные начальники должны были оказать содействие в поимке беглых крестьян, солдат, казаков и башкир, создав пикетные команды [*Там же.* Д. 486. Л. 14; Д. 20. Л. 36; Д. 2017. Л. 56]. Таким образом, Башкиро-мещерякское войско использовалось царским правительством не только для обороны рубежей страны, но и для полицейской службы.

По существовавшим правилам, в строевые части направлялись здоровые башкиры и мишари ввозрасте от 20 до 50 лет [Полное...1.Т. 25.№ 18477; *ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 18]. Затем они переводились на внутреннюю службу в качестве писарей, посыльных, сторожей и т. д. *[Никольский,* 1902. С. 306]. Однако возрастной предел часто нарушался. На практике они служили до тех пор, пока имелась на то «физическая способность». Только в 1847 г. отношением Департамента военных поселений был установлен общий для всех казачьих войск 30-летний срок службы, обязательный и для башкир *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6638. Л. 7]. Пополнение состава служащих башкир происходило за счет юношей, которых брали на учет с 17-летнего возраста. С этого времени после осмотра попечителями и медицинского освидетельствования годные к службе зачислялись в списки очередности.

Наряд командируемых на Оренбургскую линию производился в основном в зависимости от количества дворов или от числа служащих людей. В 1798 г. было направлено на линейную службу 5 416 башкир и 1 103 мишаря. Следовательно, снаряжение одного башкира-казака приходилось в среднем на 4—5, а мишаря - на 4 двора *[Полное...* I. Т. 25. № 18477].

Увеличение или уменьшение наряда зависело от внутренней и международной обстановки. Самым тяжелым периодом для Башкиро-мещерякского войска были 1812—1814 гг., когда башкиры выставили 20, а мишари 2 пятисотенных полка для борьбы с нашествием наполеоновских войск *[Усманов,* 1964. С. 58; *ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 47]. Кроме того, в эти же годы на Оренбургской линии служили еще 12 тыс. башкир *[Очерки...* 1959. С. 69]. Это означает, что в то время каждый третий башкир наряжался на службу. В 20-е гг. XIX в. наряд на службу от башкир был несколько мень-

шим. Для них более обременительным был 1839 г., когда состоялась так называемая Хивинская экспедиция. В этот год число мобилизованных башкир и мишарей было намного больше, чем в другие годы: на линейную службу направили 6 769 и на казенную работу — 13 161 человек, т. е. один воин командировался от 5,5 служащего.

Однако этот наряд не был случайным, единичным или экстраординарным. С середины 40-х гг. XIX в. началась усиленная экспансия России в Средней Азии, возложившая большие тяготы и на Башкиро-мещерякское войско. Так, с 1843 по 1850 г. один воин командировался от пяти-шести человек. Это почти в 1,5 раза больше, чем прежде, и достигает уровня чрезвычайного наряда 1839 г. *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2119. Л. 47]. Следует отметить, что наряд на службу производился крайне неравномерно: в Уфимском и некоторых других уездах 5 дворов выставляли одного человека, в то время как в Оренбургском уезде один человек приходился на 3,5 двора *[Тухватуллин,* 1928. С. 74]. Важно установить и то, сколько раз приходилось служащим разных возрастов идти на службу за определенный промежуток времени. Очередь для отправления полугодовой службы доходила служащему в мирное время не через каждые 6 или 7 лет, как пишется в одной заметке *[Замечания...* 1834. С. 310], а приблизительно через 4 или 5 лет *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3725. Л. 248-296].

Регулярная служба башкир и мишарей по Оренбургской линии, начатая еще в 1742—1743 гг. по «Особливому наряду», отправлялась ими «на собственном иждивении», т. е. за свой счет. С 1791 по 1796 гг. они получали на линейной службе по 50 коп. в месяц или провиант *[Материалы...* 1949. С. 515]. По указу 1797 г., находящимся на летней службе казакам выдавали по 1 руб. в месяц каждому, что не покрывало и минимальную часть их расходов. Служащие южных кантонов продовольствовались вместо хлеба и сухарей курутом и вяленой кониной. Команды, выступающие в дальние походы, переходили на содержание казны за 100 верст от сборного пункта. Башкиры, находящиеся на этапной службе, получали от казны провиант и фураж в натуре *[Архив...* 1869. С. 239-240].

Снаряжение башкир на службу производилось в порядке общественной «подмоги». Усиление социального расслоения башкирского общества привело к росту неимущих башкир. Поэтому многие башкиры не могли экипироваться за свой счет. Следовательно, не были в состоянии нести службу. Несостоятельных казаков общества обеспечивали оружием, строевыми и вьючными лошадьми. Оказывалась помощь также продуктами питания. При выезде на линию каждый башкир-казак получал по 8 пудов муки и по 1 пуду крупы *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2046. Л. 13]. Кроме того, односельчане выдавали командированным «подможные» деньги, размер которых зависел от степени обеспеченности наряжаемого и от дальности места службы. В 1800-1820 гг. сумма денежной «подмоги» одному казаку колебалась от 4 до 25 руб. серебром. Что же касается размеров сбора с членов общества, то они составляли по 27—35 и даже 40-75 коп. с души. В 1839-1841 гг. с каждой души было собрано по 1—1,5 руб. «подможных» денег *[Там же]*. Одного казака снаряжали на службу один-четыре домохозяина в зависимости от состояния командируемого *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4024. Л. 254; *ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Оп. 2. Д. 8. Л. 18]. Кроме «подможных» денег и продуктов питания на все время службы, он обеспечивался от общества провиантом на дорогу до места назначения; ему давался запас продуктов питания на 5 дней, предназначенный для продовольствия служащих на обратном пути домой. Следует отметить, что в прочих казачьих войсках продовольствие для таких целей предоставлялось бесплатно от казны *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 46]. По признанию командующего Башкирским войском Н. Беклемишева, полное снаряжение и продовольствие одного воина обходилось в 50-е гг. XIX в. в 49—64 руб. серебром *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 2. Д. 8. Л. 21].

Таким образом, военная служба ложилась тяжелым бременем на плечи всего башкирского и мишарского населения. Особенно сильно страдало их хозяйство при усиленных нарядах (1812—1814, 1839-1853 гг.). Требование от башкир «чрезвычайных усилий» для нужд правительства, писал в 1850 г. Беклемишев, ведет к тому, что «весьма скоро это войско разорится» *[Там же.* Д. 6755. Л. 29].

Для уменьшения лежавшего на обществах бремени были созданы с 1837 г. в командах летней службы так называемые артели, цель которых, по мнению реформаторов, заключалась «в сбережении здоровья башкир и мещеряков доставлением им каждодневно хорошей пищи». Находившиеся на летней линейной службе и в рабочих командах должны были довольствоваться продуктами из казенных магазинов «полною солдатскою дачею»; каждому полагалось муки по 2,5 фунта (1 ф. = 0,410 кг.) в день и крупы удвоенной порции по $^{3}/_{30}$ гарнца (1 гарнц = 3,2 л.) в сутки. Башкиры обязаны были покупать на артельную сумму мясо, полагая по 0,5 фунта на человека в день *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4024. Л. 254—257]. За продовольствие казенными продуктами башкиры платили деньгами из «подможных». Кроме того, удерживали за это с каждого месячное жалование по 1 руб. Нередко случалось так, что к моменту возвращения со службы домой

башкиры оставались ни с чем и не могли обеспечить себя продуктами питания на обратный путь.

Согласно правилам, «прием и отвод» команд, следуемых на линию и домой, производились дистаночными начальниками из башкир. Они назначались кантонными начальниками по 3 человека на кантон и утверждались губернатором. Команды должны были прибыть на заранее намеченный сборный пункт. Неявившихся в свои отряды башкир наказывали «в страх другим» палками *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 78. Л. 23]. Юртовые старшины передавали по спискам свои команды кантонному начальнику. Из ближних к линии кантонов команды должны были являться на сборные пункты к 15 апреля, а из дальних — к 15 марта. Прибывшие заранее на эти пункты дистаночные начальники или офицеры из Оренбургского казачьего войска в присутствии земских исправников принимали по спискам команды от кантонных начальников. При этом они обращали внимание на то, чтобы прибывшие на службу башкиры были очередные, соответствовали установленному возрасту и чтобы каждый был «о дву конь» с «исправным седельным прибором и с крепкой ременной упряжной сбруей». «Все мундирные и амуничные вещи» на людях, а также провиант и «подможные» деньги принимались по описи. «Подможные» деньги передавались тем начальникам, в ведение которых поступали башкиры. Затем наряженные от кантонов команды отправляли с одним из дистаночных начальников, который должен был вести их ближайшим трактом к линии с тем, чтобы прибыть к 13 мая на место и приступить к несению службы с 15 мая *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4024. Л. 255; *Полное...* I. Т. 25. № 18477].

По указу от 19 августа 1807 г., во все крепости для содержания Оренбургской пограничной линии «в добром порядке» были назначены коменданты. В их ведение входили все стороны жизни крепости: административная, военная и хозяйственная; комендант назначался обычно из гарнизонных штаб-офицеров в чине майора или полковника. Главные обязанности их состояли «в соблюдении граничного спокойствия, недреманном смотрении за дистанциями, им вверенными, содержании в неослабном порядке пикетов и разъездов, производимых иррегулярными войсками, предупреждении и отвращении всего того, что вред жителям причинить может», и, наконец, «в управлении по закону полициею» *[Полное...* I. Т. 19. № 22592]. Во время сторожевой службы башкиры, мишари и казаки других войск подчинялись им непосредственно. Походные старшины или дистаночные начальники по прибытии с командой в крепость передавали ее в ведение комендантов или главных дистаночных начальников, подчиненных первым.

Условия службы на линии были тяжелыми и жесткими. За малейшее нарушение порядка башкир-казаков подвергали телесному наказанию. В крепостях находились батальонные суды; при них же происходили наказания «виновных».

Вышеназванные начальники систематически злоупотребляли своей властью. Зимой каждый башкир получал на две лошади в сутки по 20 фунтов сена, им самим заготовленного во время летней службы, получая за это по 1,5 коп. серебром за каждый пуд *[Там же.* Т. 21. № 20098]. Эти деньги часто удерживались комендантами. Они же за большие взятки отпускали башкир домой. Помимо всего прочего, коменданты часто использовали их в личных хозяйствах *[ЦИАРБ.* Ф. И-6. Оп. 1. Д. 102. Л. 29, 117 об.]. Дистаночные начальники не отставали от них. Один из них, Сабит Романов, удержал у себя деньги башкир, служивших в Иркутской губернии, в сумме 3 579 руб. *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1214. Л. 1].

По мере присоединения Казахстана к Российскому государству (Старший жуз окончательно присоединен в 40-е гг. XIX в.) отпадала необходимость в Башкирском войске и правительство решило постепенно и по частям перевести башкир и мишарей в податное сословие. Циркуляром от 1842 г. Башкирское войско было разделено на две части: первая с населением в 200 191 душу по 8-й ревизии была обложена вместо военной службы денежным сбором, вторая, заключающая 101 126 ревизских душ, была оставлена на прежнем положении, т. е. несла службу в натуре. Последнее относилось к четырем прилинейным башкирским кантонам (4, 5, 6 и 9-му). После этого разделения кантонов на служащие (внешние) и резервные (внутренние) вся тяжесть службы и несения повинностей легла на плечи башкир прилинейных служащих кантонов. Сумма денежных сборов, включая и расходы на снаряжение башкир-казаков к службе, составляла в расчете на каждую душу в этих 4 кантонах 4 руб, 20 коп. серебром *[Там же.* Ф. И-6. Оп. 1. Д. 7151. Л. 1, 2]. Размер денежного сбора в резервных кантонах был определен с души для подлежащих службе в 3 руб., для отставных и малолетних — по 1 руб. серебром. Налог этот был уравнен впоследствии, и с каждой души полагалось по 1 руб. 30 коп. серебром. В марте 1852 г. данный налог был объединен с почтовым 23-копеечным сбором, увеличенным до 81,5 коп., в результате чего общая сумма денежного сбора равнялась 2 руб. 11,5 коп. серебром *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5652. Л. 45—46]. Отсюда видно, что башкиры служащих кантонов несли повинности в двойном размере по сравнению с башкирами резервных неслужащих кантонов. Недовольство башкир 4 кантонов, проистекавшее от тяжести службы и расходов, вынудило правительство освободить их с 1852 г. от платежа общественных «подможных» денег и установить вознаграждение за лошадей, павших во время

службы в степи, за счет остатков сумм, полученных от сбора взамен службы в неслужащих кантонах *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7157. Л. 1].

Объединенный налог в 2 руб. 11,5 коп. возмещал правительству потери от отмены натуральной повинности башкир, внутренних резервных кантонов и давал средства на расходы по управлению войском (40 887 руб. серебром) и на строительство и содержание укреплений в казахской степи (210 472 руб. 55 коп. серебром). Вся сумма этого сбора составляла в 1850 г. 243 209 руб. серебром (кроме 1-го башкирского кантона), а в 1854 г. — 405 157 руб. 17 коп. серебром *[Там же.* Д. 6959. Л. 13—14]. От сбора объединенного налога освобождались действительные офицеры, классные чиновники, их помощники, указное духовенство, оспопрививатели, фельдшеры, врачи и писари.

Таким образом, вплоть до разделения кантонов на две части линейная служба по охране юго-восточных границ империи для большинства башкир и мишарей являлась основной обязанностью. Башкиры прилинейных кантонов продолжали нести военную службу вплоть до 1863 г.

ПОХОДЫ В СТЕПЬ. ТРУДОВЫЕ И ДЕНЕЖНЫЕ ПОВИННОСТИ

Башкиры привлекались к участию и в походах в Среднюю Азию. Царское правительство организовало несколько походов с целью ее завоевания. До походов оно разведывало через посольства и делегации внутреннее и внешнее положение среднеазиатских ханств. Для такой миссии привлекались башкиры. Их откомандировывали в канцелярии казахских султанов-правителей для службы письмоводителями, переводчиками или учителями. Поручик 4-го башкирского кантона Адулнасыр Субханкулов часто использовался оренбургскими губернаторами на дипломатической службе. Отправленный в Бухару еще в 1809 г., поручик доставил важные сведения в Оренбург о происках англичан в Средней Азии *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 10. Д. 291. Л. 141—163]. При губернаторе П.К.Эссене в 1818 г. А. Субханкулов побывал в Хиве в связи с просьбой двух купцов, товары которых были разграблены хивинцами. Башкир Мендияр Бекчурин был послан в Хиву с письмом графа Нессельроде и с ходатайством о возмещении ущерба русским купцам, ограбленным недалеко от Хивы *[Попытки...* 1914. С. 123, 125].

Активизация восточной политики Российского государства объясняется проникновением английской агентуры в Среднюю Азию и временным захватом Великобританией Афганистана.

В 1839 г. состоялся хивинский поход В.А.Перовского. Его организацию возглавил сам губернатор. Из казны было отпущено более 1 698 000 руб. и 12 тыс. червонцев *[Иванов,* 1873. С. 70].

Казахская степь к 1839 г. была матоизвестна, поэтому для ее изучения направилась съемочная партия под сильным конвоем. В ее задачу входил выбор мест для укрепления на половине пути в Хиву и для склада продовольственных запасов. Конвойный отряд состоял из 2 рот пехоты и 2 сотен башкир при 4 орудиях.

Башкирское и мишарское население обязывалось выставить для транспортировки грузов в предполагаемые степные укрепления 7 750 троеконных телег и саней с таким же числом возчиков из башкир и мишарей *[Материалы...* 1910. С. 653]. Первый транспорт из 1 200 башкирских телег двинулся с первым отрядом. На пути следования заложено Ак-Булакское укрепление, второе названо Эмбенским. При их постройке земляные работы выполнялись башкирами. Затем двинулись основные силы самого Перовского.

На пути следования с 20 ноября пошел снег, а с 27-го задули бураны при 27-градусном морозе. Выпало много снега. Начались бедствия: обморожения, гололедица, вредившая верблюдам и лошадям. На Эмбе и Чушка-Куле одних только больных башкир из транспортных команд было 2 тыс. человек, которые «сеяли свои кости от Урала до Чушка-Куль» *[Иванов,* 1873. С. 60, 80].

За короткий промежуток времени только отряд Перовского потерял 11 офицеров, до 2 тыс. солдат, казаков, башкир и весь вьючный транспорт *[Рязанов,* 1928. С. 107]. Перовский вынужден был отступить. Хан Хивы отпустил на свободу всех русских пленных и отправил в Санкт-Петербург посольство просить о мире. Тем не менее Перовский был отстранен от губернаторского поста.

За участие в походе командующий Башкиромещерякским войском С.Т. Циолковский был награжден орденом Св. Анны I ст. Во время похода было присвоено звание сотника башкирам Тукумбетову, Кучукову, Мутину, хорунжего — Канчурину, Давлетшину, урядника - Х.Юсупову, Ю.Кашбулатову, А. Обязову.

После первой неудачи правительство изменило тактику продвижения в Среднюю Азию, оно начало последовательную подготовку военного плацдарма в Казахстане путем строительства новых крепостей [Уральское, Раим (Аральское), Оренбургское и форт Карабутак]. Для их строительства были использованы денежные средства, собранные и с башкир, и их труд при земляных работах. После этого Перовский, назначенный губернатором (1852—1857), начал готовиться к походу против Хивы.

По плану намечалось взять все кокандские крепости, расположенные по р. Сыр-Дарье, в том числе и сильную крепость Ак-Мечеть, где жил коканд-

ский бек, собиравший зякет (налог со скота), с каждых 40 голов по одной у казахов. Войска Перовского были трех родов. Башкир в их составе находилось 4 сотни. Для перевозки грузов были отправлены команды башкир, верблюды взяты у казахов.

Из Оренбурга экспедиционный отряд выступил на Сыр-Дарью 4 мая 1853 г. К Ак-Мечети подошли 5 июля. Тут же начались осадные работы. Траншеи, доведенные до крепостного вала, дали возможность взорвать стены. Через образовавшиеся проломы колонны вошли в город. Это произошло 28 июля 1853 г. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10272. Л. 7]. Ак-Мечеть была переименована в форт Перовск, ставший опорным пунктом России на Сыр-Дарье.

Отличившимся при взятии Ак-Мечети роздано

50 Знаков отличия Военного ордена и 12 таких же знаков, установленных для чинов из мусульман. За участие во взятии Ак-Мечети были пожалованы годовые оклады жалованья: четырем зауряд-чиновникам из 6-го кантона по 31 руб. каждому,

20 урядникам — по 4 руб., 404 башкирам — по 3 руб. серебром. Последние происходили из 10-го (9-го до 1847 г.) кантона Оренбургского уезда *[Там же.* Д. 8130. Л. 2; Д. 10272. Л. 7].

Все сказанное выше дает возможность сделать

вывод, что башкирский народ принимал широкое участие в войнах и походах России. Особенно знаменательным было участие его в Отечественной войне 1812 г. Однако башкирские полки участвовали не только в справедливых войнах. Они использовались и в захватнических войнах и походах, а также в карательных экспедициях. Царизм считал, что располагает достаточными средствами, чтобы подавить возможный протест башкир против такого использования.

Участие в войнах и походах дорого обходилось

башкирам. Власти совершенно не заботились об оснащении их современным оружием, обмундированием и т. д. Военные расходы легли тяжелым бременем на плечи народа. Но совместная борьба народов за независимость своей Родины — России обогатила боевые традиции и башкирского народа.

В период кантонного управления внеэкономическая эксплуатация осуществлялась феодальным государством на основе постепенно введенной обязательной тягчайшей трудовой повинности. Для ее выполнения создавались команды, именовавшиеся «рабочими».

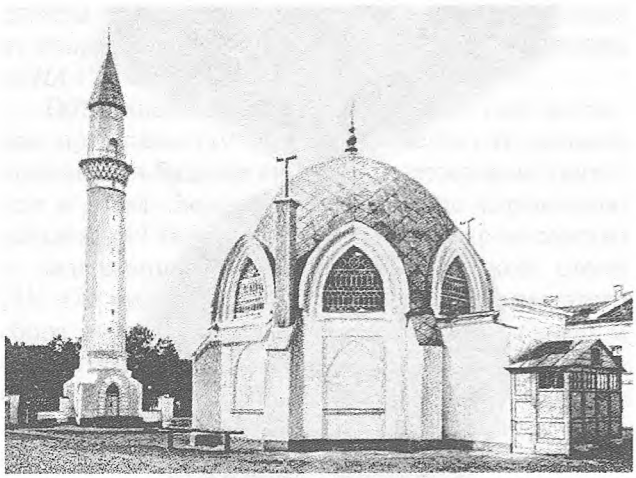
Выполнение различных казенных работ требовало огромных денежных средств и людских ресурсов. По совету местных властей правительство начало расширять использование дарового труда башкир при строительстве сооружений, обеспечивавших операции войск как внутри, так и за пределами Оренбургского края.

Медаль «За походы в Средней Азии. 1853–1895 гг.». Фото (реверс).

До усиления этого вида эксплуатации башкиры являлись преобладающей военной силой среди всех нерегулярных войск края. Поэтому количество снаряжаемых на линейную и этапную службы составляло абсолютное большинство, доходя до 70—90 % всех командируемых по нарядам. С увеличением притока переселенцев на территорию Оренбургского войска и численности последнего военные власти изменили это соотношение: с конца 40-х гг. XIX в. на линейную службу приходилось только 14 %, а на работы и в транспортные команды - 86 % всего наряда *[Там же.* Д. 6755. Л. 50].

Столь резкому изменению способствовало, помимо упомянутых факторов, постепенное превращение Оренбургской губернии из пограничной области во внутреннюю губернию страны, вследствие чего и число кантонов, обязанных нарядом, сократилось. Если прежде башкиры командировались на службу от всех кантонов, то теперь все виды службы и, следовательно, вся тяжесть выполнения казенной работы легли на плечи жителей только 4 прилинейных кантонов. Кроме того, если раньше эти люди обязаны были перевозить грузы только внутри губернии, то отныне большая часть их обозов пошла «по необитаемой, безкормной, маловодной степи» Казахстана, «где дорог вообще не существует» [*Там же].*

В начале 30-х гг. XIX в. развернулось строительство «коммерческого» тракта Верхнеуральск — Стерлитамак. Выполнение работ на всех участках строящейся дороги возлагалось Перовским главным образом на башкир. Необходимые материалы для этих работ доставлялись ими же.



Мечеть Караван-Сарая в г. Оренбурге. Начало XX в. Фото

Рабочей командой башкир, строившей тракт, в 1832—1834 гг. был выполнен огромный объем работ. За это время занято было на работе 207 491 башкир, 2 689 рядовых линейного батальона, надсмотрщиков из числа урядников — 10 790 человек.

Прокладывая эту дорогу, правительство имело в виду и ее политическое значение. Тракт мог облегчить борьбу с беспокойным населением, позволяя быстро перебросить карательные отряды в нужном направлении. В дальнейшем дорога была продолжена от Стерлитамака до Бугульмы и стала важным стратегическим путем сообщения. Проходя посередине горно-лесного Башкортостана, она открывала доступ в отдаленные кантоны *[Оренбургские...* 1860. № 19].

Большой труд лег на плечи башкир и в 1835—1838 гг. Чтобы не допустить близкого общения башкир с казахами, была проведена Новая пограничная линия на участке Орск—Троицк, состоявшая из пяти новых укреплений (Императорское, Наследницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское), между которыми были построены редуты и пикеты. Все земляные работы производились мобилизованными для этой цели башкирами. Для перевозки продовольствия на Новую линию командировались гужевые отряды башкир *[Рязанов,* 1928. С. 106; *Материалы...* 1910. С. 581; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4024. Л. 306-315; Д.4021. Л. 5].

Особенно изнурительным являлся труд в так называемой транспортной команде. Для пополнения провиантских магазинов башкиры и мишари на своих лошадях «безплатежно» возили из разных уездов хлеб в Оренбург и крепости.

В 1845—1847 гг. в степь посылались тысячи башкир для сооружения укреплений. В 1847 г. сверх обычного наряда были посланы транспортные команды с грузами в дальние укрепления: в Сырдарьинское - 1 246, Уральское — 1 020 и Раимское (Аральское) - 1 200 башкир и столько же подвод. Только за одно лето направлялось 3 240 башкирских подвод. После доставки грузов эти же команды заготавляли сено для лошадей казаков *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Он. 1. Д. 5738. Л. 4; Д. 5937. Л. 2-3, И, 13, 14, 17—18]. Количество людей и подвод постепенно увеличивалось. В 1850 г. с транспортом в степные укрепления командировали 4 162 чел. с 4 595 лошадей *[Черемшанский,* 1859. С. 136—137]. Их контролировали надсмотрщики, подготовленные в 1854—1863 гг. в кондукторской школе в Караван-Сарае *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 13. Д. 2723. Л. 1-2]. В 1854 г. из-за недовольства служащих прилинейных кантонов эта повинность была отменена.

Оренбург и Уральск обеспечивались дровами и лесоматериалами, доставленными из лесных уездов Башкортостана. Ежегодно нарядом губернатора направлялось до 1 тыс. башкир на сплав леса по рр. Сакмара и Урал. Заготовка дров и леса производилась также ими. При этом цены за лес назначались самим начальством и столь низкие, что часто не возмещался даже труд башкир за рубку и подвозку леса к берегам сплавных рек, не говоря уж о стоимости самого леса.

В 50-х гг. XIX в. башкиры уже не могли поставлять «толстомерных» бревен из-за «оскудения лесов», особенно по рр. Большой и Малый Ик, Большой и Малый Кизил, где лес был совершенно истреблен в результате 39 казенных сплавов (с 1830-х гг.) *[Там же.* Оп. 8. Д. 139. Л. 45]. От лесного массива, занимающего площадь в 4 млн десятины, к 1861 г., по признанию губернатора, «едва ли осталась и половина» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10092. Л. 32]. Однако заготовка и доставка дров и бревен продолжались.

Немало башкир привлекалось к работе по благоустройству гг. Оренбург, Уфа, Уральск. Башкирская «рабочая» команда в Оренбурге выполняла такие работы, как ремонт и строительство административных и культовых зданий, подготовка строительных материалов, работа на известковом и кирпичном заводах, распиловка дров для казенных учреждений, разведение садов и парков (Губернаторский и Караван-Сарайский сады). В 1849 г. только для выполнения подобного вида работ в Оренбург было направлено 358 конных и 467 пеших башкир *[Там же.* Д. 6285]. Башкирской командой были построены в Оренбурге здания генерал-губернаторской канцелярии (1852), городской водопровод, Николаевские казармы (1838), генерал-губернаторский дом и многое другое *[Юдин,* 1896а. С. 549].

Во второй половине 30-х гг. XIX в. по всему Башкортостану был проведен сбор пожертвований для постройки в Оренбурге Караван-Сарая. Он

строился как гостиница для приезжающих в губернский город башкир, однако занят был под канцелярию Башкиро-мещерякского войска, затем губернатора *[ГАОО. Ф. 6.* Оп. 11. Д. 517. Л. 7-9, 24, 70, 149, 163, 172, 186, 370].

Такого же рода работы выполняли и самаро-саратовские башкиры, отряды которых направляли в г. Уральск. Их называли «уральскими работниками» [*Железное*, 1858. С. 254].

Ежегодно башкирские рабочие команды трудились на пашнях училища лесоводства и земледелия, а также заготовляли сено. Такую же работу выполняли они для девичьего училища, кадетского корпуса и фельдшерской школы при Оренбургском военном госпитале.

Башкир наряжали также в войсковое хозяйство: на поташные, конный и пчелиный заводы, на заготовку золы для производства шадрика на поташных заводах. Они же ее вывозили, получая по 1 руб. ассигн. за 5 пудов золы *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4011. Л. 114]. На заготовку сена для конного завода командировались башкиры из летней кордонной стражи, состоящей при Оренбурге *[Там же.* Д. 3711. Л. 11—13]. Сено для лошадей губернатора тоже заготовляла на губернаторских лугах башкирская команда. Только за 1851—1860 гг. рабочей командой заготовлено сена 10 374 стога по 8 возов каждый, притом по прямому назначению было употреблено лишь 590 стогов, а остальное пошло на вольную продажу по 5—10 руб. серебром каждый; вырученные деньги в сумме 48 920—97 840 руб. поступили в распоряжение военного губернатора *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 14. Д. 155. Л. 69].

Об объеме работ, произведенных «рабочими» командами, можно судить по следующим данным: только за 1850 г. по нарядам губернатора башкиры поставили на казенную работу 35 тыс. чел. и 311 013 лошадей *[Черемшанский,* 1859. С. 136-137]. Каждый из них ежедневно деньгами и продовольствием получал: пеший 9,5 коп., конный 12,5 коп. серебром *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 14. Д. 97. Л. 3, 7-9]. По словам современника событий Н.Г.Залесова, башкирский народ был «обращен в негров-работников, произведя по наряду за самую ничтожную плату все казенные сооружения в крае». Таким образом, в 40-50-е гг. XIX в., по выражению А.А.Катенина, башкиры были превращены в «рабочую силу всего Оренбургского края» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32, 33; *Записки...* 1903. С. 57].

Приведенные факты доказывают, что, испытывая недостаток в денежных средствах для выполнения огромного масштаба земляных работ и для строительства военных сооружений, царское правительство широко использовало даровой труд башкир.

К 1860 г. роль Башкирского войска как военной силы вовсе утратилась. Власти теперь не нуждались в нем. Поэтому на казенную работу направлялось 90 % служащих, командируемых по нарядам, и только 10 % — на линейную и внутреннюю службы *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10181. Л. 68]. С 1863 г. башкиры наряжались исключительно на казенные работы.

Находиться в рабочей команде было гораздо труднее и разорительнее, чем на линейной службе. Это было признано и Перовским, который писал, что линейная служба «как по обязанности, так и по издержкам на снаряжение была всегда самая легкая», а рабочая служба - «напротив, самая трудная и дорогая» *[Там же.* Д. 6755. Л. 49].

В транспортных командах для перевозки грузов в дальние степные укрепления терялось башкирами ежегодно до 500-1 000 лошадей, которые часто падали от непосильной работы *[Там же.* Д. 6638. Л. 2; Д. 6755. Л. 11; Д. 7164. Л. 42]. А убыль в лошадях во время службы и на казенных работах возмещалась самим обществом. После потери коня положение башкира было трагичным: по прибытии его из степи в Орск прекращалось провиантское довольствие, и, по словам Перовского, безлошадный башкир добирался до дома, «питаясь мирским подаянием» *[Там же.* Д. 6755. Л. 52].

Башкиры открыто проявляли недовольство в связи с посылкой их в рабочие команды. Однако, несмотря на ропот, обязательная рабочая служба в командах сохранялась вплоть до отмены кантонного управления в Башкортостане в 1865 г.

Помимо охарактеризованных выше военного характера обязанностей, башкиры выполняли денежные и натуральные повинности. К числу их относились государственные и местные губернские земские сборы. При этом размер земских денежных повинностей был неодинаков в губерниях, где обитало башкирское население.

В Оренбургской губернии он был равен 44 коп., в Вятской - 28, в Пермской — 21 коп. Временами этот сбор доходил до 60—80 коп. *[Там же.* Д. 9631. Л. 20]. Из-за недовольства башкир 4 прилинейных служащих кантонов этот сбор был уменьшен до 20 коп. с души, а с 1857 г. он вообще был отменен *[Там же.* Д. 7888. Л. 1—1 об.]. В течение одного года (1857) башкирами, мишарями и тептярями (с 1855 г. в составе Башкирского войска) была уплачена на земскую повинность огромная сумма в 256 872 руб. 39,5 коп. серебром *[Там же.* Д. 9631. Л. 20 об.].

Поборы следовали по самым разным поводам. В 20-е гг. XIX в. в Оренбурге было развернуто строительство казарм. На основе Положения Комитета Министерств от 11 марта 1819 г. в течение нескольких лет для этой цели производили с башкир сборы по 39,5 коп. с души *[Там же.* Д. 1730. Л. 20, 26].

Для ремонта и содержания больших казенных дорог и мостов в 1817 г. обложили башкир денежным сбором по 25 коп. с каждой ревизской души.

В последующие годы эта повинность выполнялась ими в натуре *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 997. Л. 1]. В 1853 г. было выслано для исправления дорог 162 361 человек, 102 700 голов лошадей *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 377, 434]. Кроме того, везде и всюду по всем трактам кантоны должны были ставить на свои же средства верстовые столбы, каждый из которых стоил 20 руб. ассигнациями. Они же обязаны были красить перила мостов и переправ *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1294. Л. 3].

На башкирах лежала также подводная повинность, которая отправлялась ими наравне с другими сословиями. Подводы, содержавшиеся для земских сообщений, давались без платежа прогонов земским, башкирским и другими чиновникам.

О чрезвычайной обременительности подводной повинности достаточно убедительно свидетельствуют следующие цифры: только в 1853—1855 гг. башкирами и мишарами было выслано 2 298 149 голов лошадей и 1 191 905 проводников *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 377, 434].

Если принять во внимание то, что население Башкиро-мещерякского войска в 1850 г. состояло из 512 116 душ обоего пола, то выходит, что только в 1855 г. все мужское население побывало в качестве проводников более 2 раз в год.

Поскольку тяжесть этой повинности падала на разные кантоны далеко неодинаково, то для уравнивания заменили ее денежным сбором.

Еще одной повинностью являлась почтовая. Почтовую гоньбу отправляли по расписанию губернатора. Жители каждого кантона (кроме 1-го башкирского, занятого сибирскими этапами) возили почту, эстафеты и курьеров. Это делалось в две смены в год: во время летней и зимней службы Башкиро-мещерякского войска. Несущие эту повинность должны были находиться на станциях «безотлучно». Возка почты производилась по Оренбургской линии между крепостями и станциями. Командируемые на возку почты снаряжались от общества, каждый «о двуконь», «с исправной упряжью и повозками», «с принадлежащим оружием», чтобы они «не были в тягость ни себе, ни службе». Кроме того, общество снабжало их продовольствием на все время командировки: каждому по 8 пудов хлеба и фуражом на зимнее время. Посылаемые на эту службу должны были быть «здоровые, средних лет, не старые и не слишком молодые» *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. И. Л. 13; Д. 20. Л. 37; Д. 1863. Л. 15]. Возчиков почты сопровождали специальные вооруженные отряды из башкир.

Длительные командировки отнимали время, необходимое для домашних работ. Поэтому башкиры и мишари, как правило, нанимали за себя прилинейных казаков Оренбургского войска. При этом башкиры отдавали подрядившимся своих лошадей, упряжь, повозку (сани). В 1828 г. военный губернатор был вынужден разрешить башкирам передавать выполнение почтовой гоньбы наемщикам из казаков других войск *[Там же.* Д. 2017. Л. 79].

Для содержания почт по всей Оренбургской линии от башкир требовалось 204 пары лошадей. Каждая пара лошадей обходилась им от 250 до 350 руб. ассигнациями; если учитывать расходы на провиант и фураж в натуре, а также вспомогательные деньги, которыми снабжались отправляющие эту повинность, в итоге всем кантонам отбывание ее обходилось ежегодно в сумму от 80 тыс. до 100 тыс. рублей, что составляет, в зависимости от расстояния — от кантонов до линии, от 30 коп. до 1 руб. 70 коп. с каждой ревизской души.

Как видим, почтовая гоньба тоже была для башкир и мишарей одной из самых обременительных обязанностей.

Поскольку башкиры и мишари отправляли почтовую гоньбу бесплатно, тогда как другие сословия получали прогонные деньги, то в 1834 г. Перовский ходатайствовал перед правительством, чтобы и башкирам перевозка почты оплачивалась. Однако в просьбе башкир было отказано с мотивировкой, что эта повинность отправлялась ими «в виде обязанности службы» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2012. Л. 17, 120—123 об.]. На самом деле она была установлена по линии земства, а не по служебной.

Невыгодные условия найма, значительная потеря лошадей во время возки почты, «расстройство в домашнем быту» башкир из-за длительного их отсутствия и неуравнительность этой повинности для отдаленных кантонов вызывали их недовольство. Поэтому правительство было вынуждено пойти на замену натуральной повинности деньгами.

Указом от 2 апреля 1834 г. башкиры и мишари были обложены ежегодным 80-копеечным почтовым сбором с каждой ревизской души *[Полное...* II. Т. 9. № 6947]. Не все лица в войске платили почтовый сбор. Например, в 1846 г. были освобождены от данного сбора 4 002 чел., а именно 631 чиновник, 3 098 представителей указного духовенства, 239 оспопрививателей и 34 башкира, принявших христианство *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5447. Л. 20].

Из всей собранной суммы в 180 097 руб. 60 коп. ассигнациями почтового сбора всего 47 508 руб. (26,3%) было израсходовано в 1839 г. на оплату содержателей 45 почт Оренбургской, Троицкой, Верхнеуральской почтовых контор и Кизильского станционного смотрителя. Примерно так же обстояло дело и в последующие годы. Оставшаяся крупная сумма ассигновывалась на содержание управления Башкиро-мещерякского войска, канцелярии

командующего войском, на устройство постов и лагерей по Оренбургской линии и строительство дорог между кантонами. Мизерная часть сбора (10 тыс. руб.) шла на обучение башкирских детей в разных учебных заведениях *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 4410. Л. 4, 9; Д. 5447. Л. 19, 23]. Отсюда видно, что только одна треть почтового сбора использовалась по прямому назначению.

Таким образом, замена натуральной почтовой повинности денежным сбором была произведена не с целью облегчения положения башкир, а для мобилизации резервных средств для военного ведомства. Денежный сбор не только возмещал расходы на содержание почт, но и давал возможность иметь «без всяких от казны пожертвований» особый фонд для расходов войск. Кроме того, по словам Перовского, этим налогом «сделан будет первый шаг к обращению башкир и мещеряков в податное состояние».

Но изложенным далеко не исчерпывались поборы с населения. Вплоть до 1834 г. башкиры и мишари платили мирские деньги на содержание письмоводителей или писарей, а также на канцелярские расходы кантонных управлений. Для данной цели с ревизской души полагалось взимать по 4—6 коп. в год. Однако объем этого сбора кантонные начальники зачастую доводили до 20 коп. с души *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2241. Л. 3].

Разорительными для населения войска были и единовременные сборы, например, связанные с оформлением ревизских сказок. Только в 1859 г. при проведении 10-й ревизии обществами башкир и мишарей было израсходовано на наем переписчиков и на гербовую бумагу более 25 тыс. руб. серебром, для чего были собраны деньги по 50 коп. с каждой души *[Там же.* Д. 10618. Л. 4]. Башкиры-хлебопашцы платили переписчикам обычно натурой. Сборы денег на гербовую бумагу при подаче прошений и на оплату различного рода штрафов из случайных превратились в постоянные компоненты фискального гнета. Захваты башкирских земель и угодий, злоупотребления чиновников породили десятки тысяч жалоб со стороны терпевших ущерб башкир, которым за оформление каждой из них на гербовой бумаге приходилось платить до 3 руб. ассигнациями. О количестве различных прошений, оформленных на такой бумаге, можно судить по следующим данным: в 1850 г. поступило к командующему войском, попечителям, стряпчим и кантонным начальникам 251 110 прошений от башкир *[Там же.* Д. 7150. Л. 11—12].

Особо следует сказать о сборе на хлебные магазины. Еще в ноябре 1799 г. было решено создать в Оренбургской губернии сельские запасные магазины, куда должны были делать взносы хлебом русские казаки, калмыки, башкиры и мишари. Собранный хлеб являлся страховкой от голода на случай неурожая. Однако башкиры поначалу не облагались хлебным сбором *[Полное...* I. Т. 40. № 20162-а. С. 10-12 (приложение)]. Но в дальнейшем, указами от 14 апреля 1822 г. и 7 августа 1823 г., они наравне с другими сословиями вместо взносов натурой были обязаны платить по 25 коп. ассигнациями с души. Весь этот сбор составлял большую сумму в 414 150 руб. 33,5 коп. серебром *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7864. Л. 3]. Такие сборы продолжались до 1834 г. Затем они были заменены взносом хлеба в натуре и деньгами по 10 коп. Натуральный сбор должен был продолжаться до тех пор, пока не составится на душу населения хлеба озимого по 1 четверти (210 литров), ярового по получетверти и денег по 1 руб. 60 коп. ассигнациями (48 коп. серебром) *[Там же.* Л. 1]. Ежегодный взнос хлеба с каждой души равнялся получетверику (14 л.) ржи или пшеницы и двум гарнцам (около 7 л.) овса или ячменя *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 2. Д. 8. Л. 19]. В силу неразвитости земледелия башкиры южных кантонов не могли выполнять эту натуральную повинность. Поэтому в 1837 г. взнос хлебом заменили там денежным сбором по 1 руб. ассигнациями (с 1840 г. - по 30 коп. серебром) с башкир 4-го, 7-го кантонов, 22 юрт 8-го кантона, 40 юрт 10-го и 7 юрт 13-го (по нумерации после 1847 г.) кантонов. Этот сбор должен был продолжаться до тех пор, пока не составится сумма на каждую душу в 20 руб. ассигнациями (5 руб. 71,5 коп. серебром) *[Полное...* II. Т. 12. № 9938]. До конца 1854 г. с башкир вышеуказанных южных кантонов было собрано 653 362 руб. 63 коп. Поскольку мужское население этих кантонов по 9-й ревизии составляло 108 513 душ, то это означало, что норма, определенная указом, к этому времени была превзойдена. Поэтому этот сбор был прекращен *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.Д. 7864. Л. 3—4, 15]. В других земледельческих башкирских кантонах взнос хлебом не заменялся денежным.

В кантонах, вносящих хлеб натурой, были заведены запасные хлебные магазины. По IX ревизии (1850) мужское население оседлых кантонов составляло 185 963 души. Эти кантоны ежегодно собирали в магазины 17 500 четвертей хлеба. Во всех магазинах находилось хлеба к 1854 г. свыше 278 944 четвертей *[Там же.* Л. 2]. В этих кантонах было построено 187 новых хлебных магазинов, а общее число их к 1854 г. доходило до 300. Строительство магазинов производилось за счет башкирских обществ (например, для строительства 9 магазинов в 1-м башкирском кантоне было собрано с души по 2 руб. 40 коп. ассигн.) *[Там же.* Д. 4873. Л. 1]. В среднем единовременный сбор на постройку магазинов доходил от 4 до 9 руб. ассигн. с души *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 2. Д. 8. Л. 19]. Постройка одного магазина по плану в 50-е гг. обходилась каждому

сельскому обществу до 150 руб. серебром [*Полное...* II. Т. 17. № 15985].

По мере перехода полукочевых башкир юго-восточных кантонов к земледелию, а также для поощрения такого перехода и выдачи нуждающимся башкирам ссуд с 1842 г. были заведены семенные магазины, каковых было построено 76. Башкиры этих мест охотно брали семена с условием возврата их из нового урожая. Семена в магазинах имелись по два пуда ржи, по одному пуду пшеницы и по полпуду ячменя и овса на ревизскую душу. Семена покупались за счет капитала, составленного со сбора в 30 коп. серебром с башкир для продовольствования в неурожайные годы. Мы видим, что хлебные денежные сборы были значительными и что правительство, организуя магазины, избегало расхода своих средств на подъем хозяйства «инородцев», понимавших выгоды земледелия, но не имевших средств для его развития.

В 40-е гг. XIX в. в 7-м (6-м до 1847 г.) и 10-м (9-м) кантонах многие башкиры засевали хлеба по 1—3 десятины на душу, а часть состоятельных хозяйств сеяла собственный хлеб и в более значительном количестве. Ввиду таких сдвигов в области земледелия власти устроили в этих кантонах, помимо ссудных, магазины для хранения хлебных запасов [*ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 12].

Из остальных тягот, возложенных на массы трудящихся башкир, остановимся на трех. Согласно указу от 10 апреля 1832 г., $У_3$ часть денег, вырученных за проданные или отданные в аренду земли, должна была вноситься башкирами-вотчинниками в общественный капитал. К 1845 г. таким путем собралось 93 тыс. руб. серебром [*НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 291; *Полное...* II. Т. 27. № 20177].

До 40-х гг. XIX в. башкиры несли квартирную повинность [*ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4907. Л. 12]. Она лежала в основном на прилинейных башкирах, в обязанность которых входило строительство на свои же средства лазаретов, конюшен, а также предоставление пастбищ для лошадей расквартированных команд.

Предписанием от 10 марта 1802 г. на башкир была возложена и заготовка дров для военных нужд на Оренбургской линии [*Там же.* Д. 5854. Л. 24].

Изложенные в настоящей главе факты доказывают, что многочисленные денежные и натуральные повинности были не только тяжелыми, но и разорительными для рядовых башкир. В то же время многочисленное чиновничество, пользуясь своими правами и привилегиями, не несло никаких повинностей, от чего рядовые башкиры терпели «ощутительную тягость». Только в 1847 г. от уплаты денежного сбора взамен службы в неслужащих кантонах было освобождено 22 593 души [*Там же.* Д. 6001. Л. 358-359]. Наряду в этим бывали случаи, когда даже 95-летние башкиры не освобождались от платежа денежных сборов и от выполнения натуральных повинностей.

Тяжелое бремя лежало на плечах башкирского населения. Назревало недовольство народа невыносимым военно-административным гнетом.

Итак, царское правительство, исходя из военно-стратегических задач дальнейшего продвижения в Среднюю Азию, переводило в конце XVTII в. в военное сословие башкир и мишарей, основной обязанностью которых стала как в мирное, так и в военное время служба по охране совместно с оренбургскими казаками Оренбургской и Сибирской пограничных линий.

В годы борьбы против иноземных захватчиков башкиры оказывали Родине помощь не только посылкой своих конно-казачьих полков в армию, но и денежными и другими пожертвованиями.

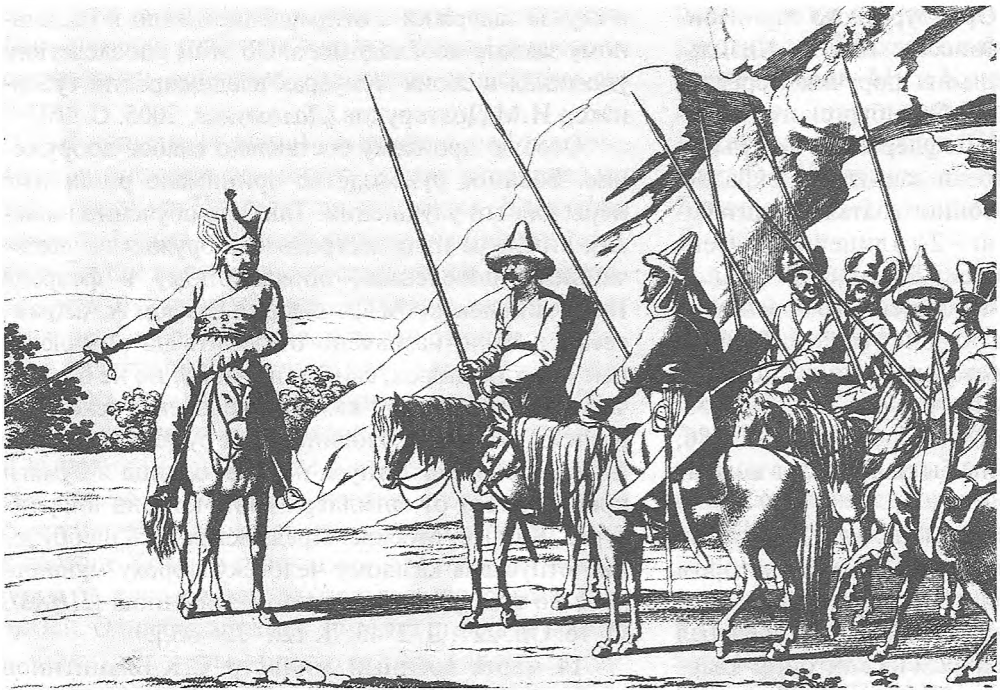
По мере выполнения внешнеполитических задач царское правительство сокращало военную силу башкир и переводило их в гражданское сословие, что заняло около 30 лет времени, в течение которого основной обязанностью башкир становится трудовая повинность — казенные работы не только мирного, но и военно-стратегического характера, исполняемые рабочими командами.

Участие в многочисленных войнах России, охрана Оренбургской и Сибирской линий дорого обходились башкирам; напряжение, которого требует любая война, вело к истощению их сил. Длительное пребывание в военном сословии и жесткий регламент быта связывали их общественно-политическую инициативу и тормозили экономическое развитие.

БАШКИРЫ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ПРУССКИЙ ПОХОД 1807 ГОДА

Ярким примером патриотизма, верности своему долгу, мужества и отваги башкир было их массовое участие в наполеоновских войнах. Башкиры впервые встретились с французами в 1807 г. под Тильзитом во время русско-прусско-французской войны. Затем они защищали Россию во время Отечественной войны 1812 г., а в 1813-1814 гг. прошли через всю Европу в составе российской армии во время Заграничного похода.

Тильзитский мир завершил боевые действия России и Пруссии в войне 1806—1807 гг. против наполеоновской Франции. Несмотря на неудачи, русские войска показали массовый героизм, отвагу и самопожертвование, заслужив уважительное отношение со стороны противника. Для башкир эта война была первой во многих отношениях: пер-



Башкиры в походе. Неизвестный художник. Гравюра. Начало XIX в.

вой в XIX в., на которую они были направлены, первой при императоре Александре I, первой после введения кантонной системы управления, первой в которой предполагалось их массовое участие. Всего на войну было откомандировано 10 тыс. башкир во главе со своими чиновниками. Вооружение было традиционным — лук и стрелы, незначительное число имело сабли и пики, единицы — огнестрельное оружие (ружья и пистолеты). В силу обстоятельств башкирская конница прибыла на театр военных действий поздно, успев принять участие в последних боях лета 1807 г.

Формирование и отправка конницы началась после получения указа Александра I от 9 ноября 1806 г. оренбургскому военному губернатору князю Волконскому предписывалось командировать в армию «из числа обитающего при хребте гор Уральских иррегулярного войска команды» в общем количестве 5 тыс. человек с чиновниками *[ЦИАМ.* Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126-126 об.]. Речь шла о башкирах и пятисотенной команде ставропольских калмыков (560 рядовых, вместе с чиновниками — 600 чел.). Затем 24 января 1807 г. последовал второй указ императора об отправке еще 10 пятисотенных башкирских команд, т. е. 5 тыс. человек, это были так называемые «команды второго наряда». Волконский в качестве сопровождающих прикрепил к командам штаб- и обер-офицеров регулярных частей Оренбургской инспекции.

Формирующиеся и отправляемые к армии башкирские команды получили свои порядковые номера. Первыми в 9-м башкирском кантоне были сформированы две пятисотенные команды, вышедшие в поход 27 декабря 1806 г. В своем рапорте командир этих команд Рыльского мушкетерского полка майор Данисьев указал, что в них «люди молодые и могут быть к службе расторопные, и вооружены по их обыкновению саблями, стрелами и копьями, каждый о дву конь, но лошади весьма посредственны и притом худо кормленные, так как по азиатскому их обыкновению ходят оные лошади лето и зиму в степи и кормются более подножным кормом» *[Там же.* Д. 2185. Л. 103]. Это были 1 -я команда кантонного начальника поручика Бурангула Куватова, состоявшая из кантонного начальника, старшины, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, муллы, 10 пятидесятников, 490 рядовых, 1 004 лошадей; и 2-я старшины Айсувака Узенбаева, состоявшая из старшины, такого же числа чиновников и 469 рядовых на 962 лошадях. 3, 4 и 9-ю возглавил Уфимского мушкетерского полка майор Кандауров. Московский комендант при прохождении их через город произвел им 25 февраля 1807 г. смотр, отметив, что «люди довольно хороши и здоровы, но лошади с форсированных маршей тощи, но впрочем здоровы» *[Там же.* Д. 2858. Л. 33]. 8-ю команду возглавлял капитан Украйнцов, 10-ю - майор Феофилатьев.

Все 10 башкирских команд подчинялись, вместе с калмыками, полковнику князю А.В.Уракову, шефу Ревельского мушкетерского полка, до этого времени служившего в полках Оренбургской инспекции.

Команды «второго наряда» возглавляли: 11-ю — адъютант Оренбургского военного губернатора капитан Н.А.Темиров (Тимиров); 12-ю - Рыльского мушкетерского полка поручик Янышев;

13-ю — 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Моисеев; 14-ю — Кизильского гарнизонного батальона поручик Усревецкий; 15-ю — 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Шефлерев; 16-ю — Рыльского мушкетерского полка капитан Некрасов;
17-ю — Уфимского гарнизонного батальона штабс-капитан Петровский; 18-ю — 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор С.А.Вильчик; 19-ю — 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Руднев; 20-ю — Уфимского мушкетерского полка поручик Мальковский *[ЦИАМ.* Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 33. Д. 2892. Л. 321; Д. 2898. Л. 5, 7, 9, 185, 186, 188]. Все они также должны были явиться в команду князя Уракова.

Командование всеми национальными частями было возложено 14 марта 1807 г. императором Александром I на генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Репина *[Там же.* Д. 2887. Л. 226]. Генерал произвел осмотр находившихся на кантонир-квартирах команд. Его рапорт от 22 апреля 1807 г. показывает, что в 5—10-й командах состояло башкир: штаб-офицеров — 2, обер-офицеров и старшин — 105, пятидесятников — 66, рядовых — 2 866; лошадей строевых — 2 993, вьючных — 2 771. Больных насчитывалось 60 человек рядовых [*Там же.* Л. 300]. Известно, что на 21 января башкирские команды имели свои кантонир-квартиры в Орловской губернии: команда № 1 в Мценске, № 2 в Волхове, № 3 в Карачеве, № 4 в Дешкине, № 5 в Трубичевске, № 6 в Дмитровске, № 7 в Кромах, № 8 в Малоархангельске. В Курской губернии находились команды № 9 (место квартир неизвестно) и № 10 в Дмитриеве. Затем 1—4-я команды были направлены в Вильно.

11—20-я башкирские команды вышли в поход в апреле 1807 г. Каждой из них из Провиантского департамента на провиант было выдано 2 тыс. руб. Продовольствование лошадей определялось еще павловскими нормами от 19 сентября 1797 г. Согласно им, при нахождении иррегулярного войска в походе «от домов своих далее ста верст, то лошади удовольствуются сухим фуражом только зимнее время по климатам, фураж отпускается в натуре единственно на строевых лошадей, а на вьючных платятся деньги по тем ценам, по каким сено и овес заготавливаются, летнее же время они находятся на подножном корме» *[Там же.* Д. 2898. Л. 54 об.].

В процессе марша башкирских команд возникли различные проблемы. Маршруты передвижения, расписанные в штабах, не учитывали реальной пропускной способности дорог и особенно паромных переправ. Отсутствие резервных запасов продовольствия и фуража на местах следования в случае задержки с отправлением вело к насильному захвату необходимого. Об этом впоследствии упоминал в своих мемуарах владимирский губернатор И.М.Долгоруков *[Долгоруков*, 2005. С. 16].

Особую проблему составляло слабое вооружение. Военное руководство принимало различные меры для его улучшения. Так, для обучения навыкам стрельбы из огнестрельного оружия по высочайшему повелению, объявленному в феврале 1807 г. инспектором артиллерии графом А. А. Аракчеевым, было назначено отпустить на комплектные патроны порох, свинец и бумагу, но не больше чем 50 патронов для каждого человека, исходя из расчета, что одна половина будет ружейные, а другая пистолетные. Отпуск пороха, свинца и бумаги производился от артиллерийских команд в Оренбурге, Казани, Москве. Предписывалось на обучение отпускать каждому человеку пороху мушкетного по фунту, а свинца по 24 золотника *[ЦИАМ.* Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126-126 об.].

14 марта военный министр С.К.Вязмитинов сообщил: «Для усиления легкими войсками армии под командованием господина генерала от кавалерии барона Беннингсена действующей, его императорское величество высочайше повелеть соизволил, чтобы <...> из числа прибывающих в определенные по прежнему назначению места пятисотенных Оренбургского войска башкирских команд, тем, которые уже имеют больше времени взять отдохновения и исправиться, и в которых найтиться может более искусных стрелков из ружей, не делая одинакож выбора им из разных, но целыми пятисотными командами с получения сего <...> отправили каждую особо прямейшими путями к городу Вильно в команду генерала от инфантерии Римского-Корсакова» *[Там же.* Д. 2887. Л. 222 и об.]. Кантонир-квартиры, освободившиеся от отправленных к армии команд, по мнению царя, должны были занять команды «второго наряда», а «о фураже и подножном корме распорядиться так, что бы лошади были сыты, но не на словах, а на деле» *[Там же.* Д. 2898. Л. 142]. На фоне военных неудач Александр I стремился использовать все возможные силы для борьбы с противником. «Ведомость о числе дивизий, полков и людей российской императорской армии, состоящей под командованием генерала барона Беннигсена, действующей против французов» показывает, что «следуют к армии башкиры, кои уже находятся поблизости границы», всего 10 тыс. человек *[РТАДА.* Ф. 1261. Оп. 1.Д. 1870. Л. 41].

4 июня 1807 г. две башкирские пятисотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк под общим командованием полковника князя А. В. Уракова соединились с корпусом М. И. Платова. Это были 1-я и 2-я башкирские команды 9-го кантона

поручика Б.Куватова и старшины А.Узенбаева. Они приняли участие в бою под Веллау, о котором сохранилось описание, сделанное свидетелем событий.

«В полдень (4 июня) неприятель под прикрытием артиллерии во многих местах переправился через реку (р. Прегель) по понтонам. Кавалерия правого фланга под командою дивизионного генерала Груши пошла двумя колоннами в верх Прегеля берегом, в намерении атаковать левой фланг казаков. Генерал Платов, уступая рвению кантонных начальников башкирских команд, приказал князю Уракову напасть с ними на французов. Башкирцы чувствительны были к сему назначению и выполнили приказание с отличным мужеством. Несколько охотников, владея ружьем, завели с неприятелем перестрелку, выманивали его, дали к деревне Колм, и разохотили французские ескадроны к преследованию новых невиданных ими людей. Одна башкирская команда стояла за возвышением, за которым трудно ее было видеть, другая, подпустив неприятеля в довольное разстояние, пустила в кавалерию несколько сот стрел, скрытая же команда сделала потом быстрый поворот направо и ударила дротиками во фланг неприятелю, который не мог устоять, будучи изумлен и замешан новостию оружия, с которым против него действовали. Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты, принудив их сильным огнем оставить конницу, которой они не давали пощады» *[НИОР РГБ.* Ф. 68. Д. 83. С. 83-84].

Как видно из описания боя, башкиры применили традиционный прием степной войны, перенятый у кочевников казаками и получивший у них название «вентерь». Характер использования оружия был также традиционным - обстрел стрелами, атака и преследование с использованием пик. Новацией были застрельщики, вооруженные огнестрельным оружием, для башкир редким. Примерно также описывает бой С.И.Ушаков: «Башкирцы встретили первые кавалерийские колонны генерала Груши, опрокинули их, преследовали до самой пехоты» *[Ушаков,* 1822. С. 35]. Другой очевидец боя, капитан 7-го Егерского полка Я.О. Отрощенко сообщает, что «они несколько французских офицеров кавалеристов поймали арканами и взяли в плен» *[Отрощенко,* 2006. С. 36].

После боя, судя по «Журналу», башкиры вместе с казаками занимались маскировочными работами - ночью разводили костры, имитируя лагерь русских войск. Боевые действия с участием казаков шли 5—6 июня, а 7 июня под Тильзитом успешно воевали ставропольские калмыки. На этом собственно боевая служба башкирской и калмыцкой конницы в 1807 г. завершилась. «Формулярный список о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1838 г.» сохранил имена участников Прусского похода 1807 г., доживших до этого времени: Муса Кучербаев, Аислям Тулакаев, Ирназар Давлетчурин, Утяубай Абдулкаримов, Искандер Ярлыкапов, Нигаметьулла Бердыбаев, Кунафия Кутлугильдин из 1-й команды, Буранбай Буракаев из 3-й команды *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14622].

Для национальных войск, как и для всей российской армии, а также французской, начались «представительские функции». Пока шли переговоры, императоры демонстрировали друг другу свои войска. 25 июня (7 июля по нов. ст.) 1807 г. Александр I во время одной из встреч с Наполеоном представил ему свою иррегулярную кавалерию. Сохранилась картина французского художника П.Н.Бержере «Александр I представляет Наполеону калмыков, казаков, башкир 9 июля 1807 года» (дата приведена по новому стилю, работа написана в 1810 г., Музей Версальского дворца), на которой изображен русский император представляющий Наполеону 27 июня командиров иррегулярной конницы. После этого представления башкиры на площади демонстрировали джигитовку, в процессе которой скакали вокруг брошенной в центр круга шапки, стреляя в нее стрелами. В результате образовался своеобразный «еж» из стрел, подаренный ими Наполеону, свой лук подарил ему также и М.И.Платов. Итогом этого знакомства были предложения Наполеона Александру направить казаков в поход на Индию, а также более внимательное отношение его военных агентов к положению казачества в России с расчетом возможного привлечения казаков на свою сторону в случае войны *[Безотосный, Иткина,* 2007. С. 21].

С башкирами познакомились не только Наполеон и его свита. С. Г. Волконский свидетельствует о посещениях бивака башкир французами: «На берегу Немана, против Тильзита, был расположен лагерь вновь пришедших башкирских казачьих полков. Странность наружности и обычаев их весьма занимала посещающих французов и; как эти башкирцы были вооружены, кроме обыкновенного огнестрельного и белаго оружия, луками и стрелами, французов весьма занимали игрища их этим незнакомым для них оружием» *[Волконский,* 1901. С. 54]. 31 июля князю Уракову было дано предписание отправляться с иррегулярной кавалерией наиболее кратчайшим маршрутом к своим жилищам.

Краткий опыт привлечения национальной и иррегулярной конницы был учтен. В апреле 1812 г. свидетель боя башкир под Веллау П.АЛуйкевич подал аналитический проект военных действий под названием «Патриотические мысли или Политические и военныя разсуждения о предстоящей войне

между Россиею и Франциею и предложение средств воздвигнуть в Германии инсуррекцию посредством вооруженной Експедиции». В нем он рекомендовал «вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык <...> уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжении войны» *[Аналитический...* 1996. С. 44-57]. Основное его предложение - поднять в Германии вооруженное восстание путем направления туда «летучих отрядов из легких войск по одной или по две тысячи человек». Они должны, по его мнению, прорывать беспрестанно операционную линию противника и действовать на флангах и в тылу его, истребляя все, включая запасы продовольствия и фуража. В составе легких войск автор видел казаков и национальную конницу, в том числе башкир.

Другой свидетель этого боя, Д.В. Давыдов, в той части своих мемуаров, где он рассуждает о возможной будущей войне, пишет: «При вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей, восторжествовавшей уже несколько раз над войсками этого государства, — я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии» *[Давыдов*, 1893. С. 296]. В 1821 г., развивая теорию партизанского действия, он считал возможным употребление башкирских, калмыцких и татарских полков в наступательных партиях, на аванпостах, в главных и корпусных квартирах, а также в оборонительных партиях *[Давыдов,* 2007. С. 153, 155].

Для башкир и военного командования Прусский поход 1807 г. был и успешной демонстрацией европейскому противнику азиатской силы, и удачно проведенной репетицией будущей войны. Было не столь важно, что национальная конница практически не участвовала в боевых действиях. Она и ее командиры получили бесценный опыт организации быстро проведенной мобилизации и организованного марша к армии большой массы иррегулярной силы. В российской военной истории известны только два случая — 1807 и 1812 г., когда на войну были отправлены более 10 тыс. башкир. В большей мере опыт Прусского похода 1807 г. дал возможность военному командованию оптимизировать маршруты движения и места сосредоточения башкирской конницы.

БАШКИРЫ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: «СЕВЕРНЫЕ АМУРЫ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Прежде чем подойти к истории участия башкирских полков в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг., необходимо сделать несколько предварительных замечаний о штатном составе, особенностях вооружения, военной организации башкирской конницы.

В 1811—1814 гг. башкирский полк насчитывал 500 рядовых, или «башкирцев», по терминологии того времени, 10 пятидесятников («урядников»), 5 хорунжих, 5 сотников, 5 есаулов (обер-офицеры), командира полка и его помощника — старшины (штаб-офицеры). Именно такой штат имели казачьи полки. Из нестроевых чинов в полку были писарь, квартирмейстер и полковой мулла. Итого — 530 человек. Все эти чины были из башкир. Большинство обер- и штаб-офицеров из башкир были зауряд-чинами, т. е. их чины не были уравнены с «Табелью о рангах» и считались таковыми только во время службы. Небольшая часть башкир - командиры полков и их помощники имели действительные армейские чины: прапорщика, поручика. В процессе боевых действий некоторые башкиры, проявляя героизм и отвагу, были награждены орденами, что в то время сразу давало первый офицерский чин и право на дворянство, иные за отличия получали действительный офицерский чин в качестве награды. Возглавлял полк командующий - офицер российской армии, его сопровождали в качестве писаря унтер-офицер или рядовой из его части (гарнизонные батальоны, расположенные на Оренбургской пограничной линии), один-два денщика. В случае назначения нового командующего полком прежний офицер оставался при нем в качестве прикомандированного.

Поскольку полки были конными, никаких повозок в них не полагалось, воины имели лошадь строевую и под вьюком (с имуществом). Вьючная лошадь в случае гибели строевой служила ей временной заменой. Соответственно, никаких юрт и иных тяжестей в башкирских полках не было. Соотношение строевых и вьючных лошадей в 1—6-м башкирских полках по штату было одинаковым, а всего — 1 060, в полках 7—20-м - 780, поскольку здесь вьючных лошадей полагалось 250, т. е. одна на двоих. Сокращение штатного количества лошадей было сделано для быстроты комплектования полков и скорейшей отправки их к армии. Известны по рапортам настоящие данные о количестве лошадей в некоторых полках. В конце 1812 г. во 2-м Башкирском полку было 998 лошадей, 6-м —1 024, 7-м и 9-м по 804, 8-м — 489 (после событий в Самаре), в 10-м 12—14-м, 20-м - по 768, 11-м — 764, в 16, 17, 18-м — по 750, 19-м - 798 лошадей *[РГВИА*.

Ф. 489. Оп. 1. Д. 2982]. Кроме лошадей по штату, чиновники и рядовые башкиры могли на свое усмотрение иметь дополнительных лошадей, но кормить их они должны были за свой счет, поскольку фуражные деньги выделялись исключительно на штатных.

Башкиры были вооружены в основном луками и стрелами, пиками, небольшое количество — саблями, ружьями и пистолетами. Массовое отсутствие огнестрельного оружия связано с последствиями указа от 11 февраля 1736 г., по которому башкирам было запрещено иметь кузни, огнестрельное оружие. Его появление связано с башкирским восстанием, а запрет сохранялся вплоть до введения кантонной системы. Хотя после 1798 г. башкирам разрешалось иметь огнестрельное оружие, однако на протяжении нескольких поколений был утерян навык обращения с ним, и наоборот, искусство стрельбы из лука достигло своего совершенства.

Своеобразным памятником меткости башкирского воина и мощи его лука служит стрела в шаре шпиля кирхи в г. Шварц (Германия). По окончании Заграничного похода, проходя территорию имперского княжества Шварцбург-Рудолыитадт (Тюрингия), 14 апреля 1814 г. в г. Шварц во дворе церкви Св. Лауренция башкиры одного из полков (предположительно, 9-го) показывали искусство стрельбы из лука. Принц Карл Гюнтер, сын правящего князя Фридриха Гюнтера, усомнился в боевых качествах лука и стрел. Возник спор, и по его условию башкирский воин, спешившись, пустил стрелу в шар в шпиле кирхи, находясь на противоположном углу городской площади. Стрела, пронзив шар, застряла в нем, спор был выигран. Жители города сохранили стрелу как память о башкирах, а когда она сгнила, то ее заменили железной копией, существующей до сих пор.

В ходе боевых действий 1812-1814 гг. башкиры вновь обратились к огнестрельному оружию, заимствуя его в качестве трофея. Они хорошо владели карабинами, но наиболее популярными у них, как и у казаков, были кавалерийские пистолеты, которые они носили не в ольстрах (пистолетные кобуры), а заткнутыми за кушак.

О примерном соотношении количества карабинов и пистолетов, например, в 1-м Башкирском полку летом—осенью 1813 г. позволяют судить записи в журнале о выдаче начальником отдельного летучего отряда графом М. С. Волконским свидетельств: «Свидетельство дано Башкирскому 1-му полку, состоящему в вверенном мне отряде в том, что точно в прежде бывших сражениях и авангардах, перестрелках с неприятелем в продолжении настоящей кампании разстрелял ружейных 4 015, пистолетных 2 015 патронов 9 октября 1813 г. Свидетельство казачьему Башкирскому 1 -му полку на разстрелянные в бывших с неприятелем перестрелках 25 и 26 числа сентября при г. Лейпциге ружейных 2 ООО и пистолетных 1 270 боевых патронов» *[РГАДА*. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2025. Л. 317 об., 353 об.]. Можно считать, что соотношение карабинов и пистолетов примерно было 2:1.

Башкир. А. О. Орловский. Рисунок. Первая четверть XIX в.

В целом, можно считать, что военная организация башкир в эпоху наполеоновских войн 1807—1814 гг. в структурном и тактическом отношениях носила европейский характер, но с сохранявшимися элементами степной традиции. Ее отличительными качествами были однородный состав подвижного конного войска, наличие опытных командиров, крепкая дисциплина, достаточная воинская выучка, большой конский резерв. Немаловажную роль играла массовая отвага и самоотверженность башкир, их патриотический настрой. Все это позволяло башкирским воинам с успехом противостоять легкой европейской коннице (польской, немецкой, французской). Отличительными чертами башкирской конницы были неутоми-

М. И. Платов. Неизвестный художник с оригинала А. О. Орловского. Бумага, акварель. 1810-е гг.

мость, храбрость, сплоченность. К числу частных недостатков можно отнести языковой барьер между русскими командирами и башкирами, а также недостаточную обеспеченность холодным и огнестрельным оружием.

Формирование башкирских полков началось в 1811 г. в связи с угрозой новой войны с Францией. 7 апреля было приказано сформировать Ставропольский калмыцкий, 1-й и 2-й Башкирские полки «для усиления армии <...> и чтобы приобучить на будущее время к службе калмык и башкир» *[Полное...* I. Т. 31. № 24583]. Башкиры должны были иметь национальное обмундирование и вооружение, каждому воину полагалось «быть о двуконь». Обмундирование состояло из суконного кафтана синего или белого цвета, широких шаровар такого же цвета с красными широкими лампасами, белой остроконечной войлочной шапки (в виде колпака, разрезанного и загнутого с двух сторон), ременного пояса, кожаных портупеи и сапог.

Командиром 1-го Башкирского полка был назначен майор Звериноголовского гарнизонного батальона В.Ф. Добровольский, с ним откомандирован в качестве писаря унтер-офицер этого батальона. В апреле 1812 г. Добровольского сменил майор Нарвского драгунского полка М.М. Лачин. Полк составляли чиновники и рядовые башкиры в основном 7-го и 9-го башкирских кантонов.

В начале июня 1811 г. полк находился в месте сбора в Симбирске. В этом же месяце он выступил в Муром, куда прибыл в начале июля. Затем полк перешел в Покров Владимирской губернии, после 21 июля совместно со Ставропольским калмыцким полком вышел на Серпухов, куда прибыл 26 июля. Башкиры и калмыки провели зиму 1811—1812 гг. в этом городе. Из-за недостатка фуража и провианта между местным населением, с одной стороны, и калмыками и башкирами, с другой, начались недоразумения. Все это привело к отстранению от командования калмыками их командира Барышевского. Поэтому обоими полками временно командовал майор Добровольский. 27 февраля 1812 г. по приказу военного министра полки должны были выйти на Вильну под команду генерал-лейтенанта Эссена 1-го. 9 марта башкиры вышли из Серпухова на Вильну и по прибытии были оставлены в окрестностях города [*Отечественная...* 1908. С. 220]. В Вильну полк прибыл в апреле *[Акты...* 1909. С. 257].

Приказом от 4 июня 1-й Башкирский полк вошел в состав Летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии М.И. Платова (14 казачьих полков, 12 орудий) и нес кордонную службу на дистанции от Румшишек до Олиты. 9 июня полк был отправлен по распоряжению М. Б. Барклая де Толли к Гродно *[Отечественная...* 1910. С. 89].

С началом Отечественной войны 1812 г. полк впервые принял участие в боевых действиях в составе корпуса Платова под Гродно *[Поликарпов,* 1913. С. 66]. Александр I приказал атаману сосредоточить у Гродно его летучий казачий корпус для действий во фланг и тыл противника. 13 июня Платов прибыл к Гродно, с 14 июня его войска обеспечивали эвакуацию в Минск припасов, оружия, больных. 15 июня находившийся в составе корпуса Платова 1-й Башкирский полк участвовал в бою с польскими частями генерала Ж. Алликаса де Во на подступах к городу. Утром 16 июня противник вступил в Занеманский форштадт (предместье на левом берегу р. Неман). Казаки и башкиры совместно с солдатами Гродненского внутреннего гарнизонного батальона, завязав перестрелку, вели бой с войсками вестфальского корпуса короля Жерома и польского корпуса князя Ю.А.Понятовского. Вечером русские войска сожгли мост через р. Неман. В этом бою отличились рядовые Узбек Акмурзин и Буранбай Чувашбаев, зауряд-хорунжий Гильман Худайбердин.

Затем полк бился с польскими уланами в сражении при Мире (27 и 28 июня). Утром 27 июня передовой отряд казаков был атакован польскими уланами, которые выбили его из д. Мир и начали преследовать. Платов заманил противника в ловушку, так называемый «вентерь», уд. Симаково, окружил его и атаковал. Попытка генерала Турно помочь польским уланам была неудачной, его бригада (15-й и 16-й польские уланские полки) была опрокинута, началось ее преследование. Польские уланы потеряли множество пленными, убитыми

и ранеными. Вечером к Платову подошел армейский отряд И.В.Васильчикова (егеря, гусары, драгуны, уланы), на подходе был отряд генерал-майора Д.Е.Кутейникова *[Донские...* 1954. С. 102].

28 июня польские уланы Рожнецкого заняли Мир и начали движение к Несвижу. У д. Симаково, встретив передовой отряд казаков и опасаясь повторения «вентеря», уланы остановились. Платов решительно атаковал польскую кавалерию, в шестичасовом бою разбил улан, с прибытием к нему отряда Кутейникова уланы обратились в бегство.

Участие башкир в сражении при Мире описал польский офицер К. Турно. «Следуя по дороге на Турце, не видели никого, кроме казаков, башкиров, калмыков, которые обычно двигались галопом, проскальзывая от оврага к оврагу, чтобы стрелять с более близкого расстояния <...> В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Я никогда не слышал воя столь ужасного, чем тот, который поднялся в этот момент <...> Тогда толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом. Три раза они повторяли атаку и три раза разбивались напротив линии, которая их отбрасывала. Более проворные казаки сыпали град пуль, и когда они в течение четырех часов исчерпали свой пыл, бой прекратился и была демаскирована легкая кавалерия. Подготовившись, завывающая ватага, сделав поворот к лесу, который отделял нас от Гордеи, устремилась на левый фланг нашей развернутой линии; охватив этот фланг, она посеяла ужас и смерть в рядах 11-го и 2-го уланских. Генерал Турно истощал себя в тщетных усилиях, чтобы удержать регулярную кавалерию и прикрыть отступление; едва мы вышли из деревни, как ужасный беспорядок охватил все войска, эскадроны левого крыла обратились в бегство» *[Турно,* 2002. С. 47]. В этом бою отличились воины полка У. Акмурзин, Б.Чувашбаев, произведенные в урядники, зауряд-хорунжий Г. Худайбердин, зауряд-есаул Ихсан Абубакиров.

30 июня башкирский полк участвовал в столкновении с противником при м. Несвиж. В этом бою отличился зауряд-хорунжий Г.Худайбердин.

2 июля у м. Романово произошел успешный бой летучего корпуса Платова с кавалерией М.В.Латур-Мобура, в котором участвовал 1-й Башкирский полк. Вначале казаки опрокинули авангард войск противника и преследовали его 10 верст, затем быстро вернулись назад, переправились через р. Морочь и сожгли за собой мосты. Подошедший к реке противник завязал перестрелку. Казаки, переправляясь через реку, неоднократно его беспокоили. 3 июля Платов простоял у Романова день, дав возможность русской армии отступить далее, а затем ночью начал отход *[Харкевич,* 1901]. Поставленная задача задержать противника была выполнена. В этом бою отличились зауряд-хорунжий Г.Худайбердин и урядник Б.Чувашбаев.

27 июля в бою при дд. Лешня и Иньково (Молево Болото) между казаками Платова и французской кавалерией О.Ф.Себастиани в составе казачьего корпуса приняли участие две сотни башкир под командой поручика Павлоградского гусарского полка Жилина, адъютанта Платова. Башкиры успешно атаковали 5-й и 9-й французские гусарские полки из 8-й бригады А.Бюрта. Сохранилось описание атаки башкирами, сделанное врачом французской армии Роосом: «мы совсем вблизи увидели русских, которые гнали впереди себя, в полном беспорядке, французские полки, стоявшие перед этим в Инкове <...> Здесь мы в первый раз подверглись обстрелу стрелами, которые по большей части летят и свищут в воздухе, как пули. Одному польскому офицеру стрела попала в бедро, у другого она застряла в платье; мы потом долгое время возили их обе с собой на память. Кровавой работы для врачей оказалось вдосталь» *[Роос,* 2003. С. 36].

В наградном документе на Жилина сказано: «Командуя 200 отборных башкирцев, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошадьми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к неприятельскому корпусу сближались, то он вместе с другими казачьими полками сделал на оный сильный удар и поступая с отличною храбростию, поощрял башкирцев к поражению, где и получил в правую ногу пулею тяжелую рану» *[РТВИА.* Ф. 29. Оп. 1/153. Св. 5. Д. 8. Л. 137 об.]. Офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Как видно из приведенного документа, полк во второй половине июля разделился как минимум на две части. Двумя сотнями «отборных» башкир командовал поручик Жилин. «Отборность» заключалась в наличии огнестрельного оружия, поскольку они вели с противником перестрелку. Таким образом, в 1-м Башкирском полку на начало войны огнестрельное оружие имели менее половины воинов. В этом сражении отличились зауряд-есаулы Муслим Сиксимбаев и И. Абубакиров, получившие чин есаула, зауряд-сотник Иждавлет Мисареев, зауряд-хорунжие Мурат Куруртинов (Хурурдинов), Яруш (Ерыш) Азаматов, Ян Мурдашкалдеев (Янмурза Шкалдеев), которые «действовали с отличной храбростию и поражали онаго, прогнали до самого подкрепления, подавая тем пример башкирцам», за что были награждены следующим чином *[Там же.* Л. 137; Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 1. Л. 37-40].

В дальнейшем башкирский полк использовался в самых разных назначениях. Кроме несения

дозорной службы в арьергарде русской армии, полк, по распоряжению Платова, до Смоленска возил ранцы и «ослабших» егерей 1-го Егерского полка [*Петров*, 1991. С. 177]. Вероятно, полк по-прежнему был разделен на две или даже три части, поскольку известно, что башкиры составляли конвой сэра Р.-Т. Вильсона, английского генерала и представителя короля при императоре Александре I, прибывшего к армии 14 августа, хорошо знавшего и ценившего башкирских конников по событиям 1807 г. [*Вильсон*, 1995. С. 207].

7 августа произошел бой русского арьергарда у д. Валутина Гора под Смоленском, в котором приняли участие башкиры 1-го полка. Наполеон отправил корпус Нея для захвата перекрестка дорог уд. Лубино, чтобы перерезать коммуникации отходившей к Соловьевой переправе (через р. Днепр) 1-й армии М.Б.Барклая де Толли. У Валутиной Горы путь ему преградил отряд Тучкова, занявший удобную позицию на высотах около Смоленской дороги. Попытки французов с ходу сбить русских с позиции были отбиты. После трех часов дня Тучков отошел на позицию за р. Строгань, где за счет подошедших подкреплений (кавалерийский отряд генерал-адъютанта В.В.Орлова-Денисова, в котором был 1-й Башкирский полк) его отряд увеличился. Бой, в котором принимали участие вместе с казаками башкиры, длился до поздней ночи.

12 августа 1-й Башкирский полк участвовал в бою арьергарда при отступлении от Смоленска. В нем вновь отличился зауряд-хорунжий Г. Худайбердин.

В советской историографии сложилось мнение, опирающееся на работу Усманова, что 1-й Башкирский полк в Бородинском сражении участвовал в рейде в тыл французской армии вместе с казаками Платова *[Усманов,* 1964; *Асфандияров,* 2005. С. 78]. Однако рапорт самого атамана М. И. Кутузову, в котором перечисляются полки, бывшие в рейде показывает, что в число его участников 1-й Башкирский полк не входил *[Бородино...* 2004. С. 248]. О 1-м Башкирском полке как участнике Бородинского сражения писал в 1912 г. такой авторитетный ученый, проработавший большое количество архивных фондов, как полковник Поликарпов *[Поликарпов,* 1912. С. 525-529]. Присутствие башкир в русской армии непосредственно перед сражением подтверждают как русские документы, судя по которым, полк участвовал в арьергардных боях 22, 23 и 24 августа, так и противник. Например, в мемуарах Комба имеется запись: «Русская армия <..,> прикрывала свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир. Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков» *[Французы...* 1912. С. 144]. Кстати, в этих боях также отличился зауряд-хорунжий Худайбердин.

25 августа, перед сражением, 1-й Башкирский полк был направлен на пикет, находившийся на крайнем правом фланге русской армии: «Влево от Уварова Платов с 9 казачьими <...> Остальные 5 полков казаков стояли при соединении рек Колочи и Москвы, наблюдая по их течению» *[Паскевич,* 1995. С. 101]. Таким образом, башкиры 1-го полка являются участниками сражения, они находились на правом фланге русской армии, закрывая направление возможной атаки противником. На следующий день после битвы башкиры прикрывали в составе арьергарда отступление русской армии и вели боевые действия под Можайском.

Лучшие качества башкир как иррегулярной кавалерии обнаружились в ходе «малой войны» осенью 1812 г. В августе партия от полка под командою майора Лачина захватила в окрестностях с. Жохова 22 неприятельских фуражира. 8 сентября башкиры участвовали в арьергардном бою под Москвой. С 8 сентября по 14 октября полк содержал бикет (пост) в с. Молодь на Серпуховской дороге. С его сотней встретился ночью прапорщик Владимирского ополчения И.М.Благовещенский, описавший в своих мемуарах это событие: «Видим - башкирская рота, и их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы. Подъехав к дремлющим, сказал: “Салям маликом”, то башкирец взглянул и в ответ мне: «Маликом салям» *[Благовещенский,* 1991. С. 419]. 14 сентября башкиры в составе отряда донского полковника И. Е. Ефремова совместно с донским полком Андреянова 2-го и Симферопольским конно-татарским полком на Серпуховской дороге, при с. Вышневском, встретив неприятеля, нанесли ему поражение, взяв в плен 500 человек *[Отечественная...* 1911. С. 55].

13 октября полк вошел в отряд полковника князя Н.Д. Кудашева вместе с донским полком Сучилина. В отряде были также донские казаки 7-го полка Жирова, Харитонова. Затем башкирский полк и полк Сучилина были оставлены для прикрытия обозов Главной армии *[Отечественная...* 1911а. С. 95].

Вслед за отступающими французами 10 октября в Москву вступили казаки донского казачьего генерал-майора Иловайского 12-го полка из отряда генерал-адъютанта барона Ф.Ф.Винценгероде. В литературе часто ошибочно указывается, что башкиры 1-го полка первыми ворвались в Москву и даже спасли Кремль от взрыва, потушив фитили от французских зарядов. Однако документы показывают, что полк в это время находился на Старой Калужской дороге в отряде Кудашева и в Москву попасть не мог.

С партизанской войной под Москвой связано появление в 1-м Башкирском полку песни «Люби-

зар», которая сочинялась в течение похода 1812—1814 гг. В качестве припева в ней используются подлинные слова М. И. Кутузова, сказанные им осенью 1812 г. одному из полковых есаулов, прибывшему с донесением от Кудашева о партизанских действиях. Прочитав его, Кутузов сказал есаулу: «Любезные вы мои башкирцы! Хорошо деретесь, молодцы!» Вернувшись в полк, последний рассказал башкирам, что видел самого Кутузова. Все стали спрашивать, что Кутдус (так башкиры произносили его фамилию) сказал о башкирах. Есаул передал его слова, которые довольные башкиры решили запомнить. Затем, видоизменив непроизносимое ими слово «любезные» на свой лад как «любезинький — любезники — любизар», стали петь в качестве припева фразу «любезники, любизар, маладис, маладис», сохранив таким образом подлинные слова Кутузова в песне. Эта песня стала одновременно и своеобразным памятником французской армии, поскольку в ней звучит мотив французского армейского марша.

В ноябре—декабре 1812 г. 1-й Башкирский полк принял участие в преследовании отступающего противника. В марте 1813 г. 1-й Башкирский полк был в корпусе генерал-лейтенанта Л.Г.Т.Вальмодена у генерал-майора В. К. Ф. Дернберга [*Отечественная*... 1912. С. 40]. Во время Отечественной войны 1812 г. полк понес большие потери. При переходе границы в начале 1813 г. в нем насчитывалось 250 башкир *[Там же.* С. 317]. Необходимо учитывать, что эта цифра не окончательная. Команды от полка находились в разного рода конвоях, посылках и т. д. К концу похода, на 28 марта 1814 г., в полку оставалось по 7 штаб- и обер-офицеров, 115 рядовых *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 4137. Л. 456].

2-й Башкирской полк (командир майор Оренбургского гарнизонного полка И. Курбатов) был сформирован в Симбирске в 1811г. На зимних квартирах полк находился в Рыльске. В начале мая 1812 г. 2-й Башкирский полк поступил в состав 3-й Резервной Обсервационной армии генерала от кавалерии А.П.Тормасова и был направлен для несения кордонной службы на границе с герцогством Варшавским. Полк располагался в с. Олеске и входил временно в 1-ю казачью бригаду полковника Иловайского 12-го из 2-й Западной армии, занимая кордон у м. Почекайки. 3 июля в 3-й армии был составлен авангард под начальством генерал-адъютанта графа К. О.Ламберта, в который вошел 2-й полк, несший службу на кордоне от с. Орховки до м. Радзивилова.

15 июля 1812г. башкиры приняли участие в сражении с саксонскими войсками при Кобрине. Утром русская кавалерия, встретив противника перед городом, вступила с ним в перестрелку, затем атаковала саксонских улан и оттеснила стрелков в город. Рус-

М. И. Кутузов. Н. Яш. Холст, масло. 1883 г.

ские егеря при поддержке артиллерии начали атаку города, по приказу Ламберта подполковник В.Г.Мадатов с эскадроном Александрийского гусарского полка, 2-м Башкирским полком и казачьим полком Власова переправился через р. Мухавец и перекрыл дорогу на Пружаны, оттеснив саксонский эскадрон. Затем на подкрепление к русским были посланы эскадроны драгун и гусар, а также эскадрон улан. Город, зажженный артиллерией, горел, с трех сторон его атаковала русская пехота, противник упорно защищался, но, исчерпав боеприпасы, саксонцы прекратили сопротивление и сдались в плен (генерал, 62 офицера, около 2 тыс. солдат, 8 орудий), убитыми противник потерял 109 человек. Штурм Кобрина стал первой крупной победой русского оружия в 1812 г. За отличие в этом сражении орденом Св. Анны 3-й степени были награждены походный старшина Аюп Каипов и старшина Аралбай Акчулпанов *[Усманов,* 1964. С. 121-122; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 523. Л. 27].

7 октября 2-й полк, состоя в отряде генерал-майора Е.И.Чаплица, участвовал в разгроме при г. Слониме 3-го шеволежерского* полка Императорской гвардии генерала Я. Конопки (сформированного по приказу Наполеона из знатной польской молодежи). Узнав о нахождении в городе полка поляков, русское командование выслало отряд Чаплица, в который 6 октября вошел 2-й Башкирский полк. Утром 7 октября Чаплиц окружил Слоним, перед городом его ждал Конопка с полком. Казаки и башкиры атакой сбили пикеты и вытеснили противника из города. Польский полк в беспорядке начал отступать, русская конница преследовала его на протяжении 30 верст. Противник потерял убитыми 14 человек, в плен попали 14 офи-

церов, включая и Конопку и 240 рядовых, была захвачена полковая казна.

Затем 2-й Башкирский полк поступил в авангард под начальством генерал-майора Е.Е.Бампера корпуса генерал-лейтенанта П.К.Эссена 3-го и располагался в м. Высоколитовске, наблюдая за неприятелем, находившимся в окрестностях Дрогичина за р. Западный Буг. В конце октября полк находился в составе отряда под командой генерал-майора А.П.Мелиссино. 28 октября башкиры участвовали в занятии с боем м. Свислочь. 29 октября полк участвовал в бою при м. Мстибов, где потерял 29 человек. В ноябре полк состоял в корпусе левого крыла под начальством генерал-майора М.Л.Булатова Отдельного корпуса генерал-лейтенанта барона Ф.В.Остен-Сакена и участвовал в бою 1 ноября при с. Горностаевцы.

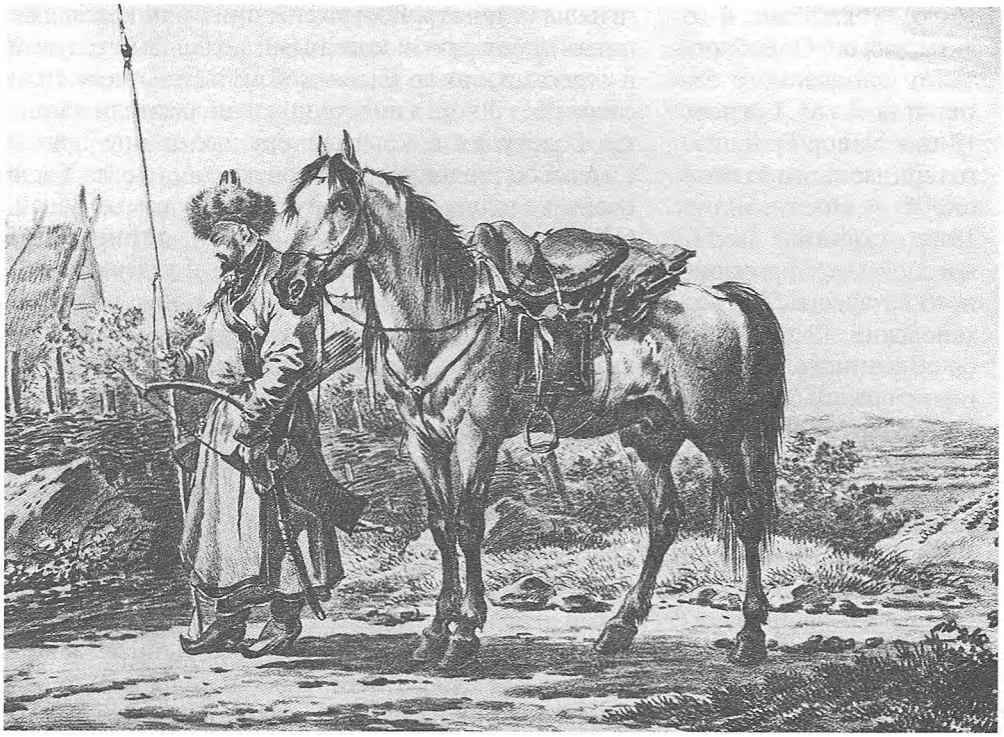
Основным побудительным мотивом, способствовавшим участию башкир в военных походах российской армии, был, несомненно, патриотизм. Но, кроме него, имели место и другие представления о войне. С одной стороны, башкирам было ясно, что чем лучше они будут исполнять воинскую службу, тем дольше государство будет сохранять у них вотчинное право на земли, защищать их интересы, давать всевозможные льготы, как это было видно на примере казаков. Поэтому башкиры были заинтересованы в военной службе в составе российской армии. С другой стороны, одним из побудительных мотивов была возможность получения сэкономленных фуражных и иных выплат по довольствию либо добыча трофеев в бою *[Безотосный,* 1999. С. 110]. Современники сообщают, что после наполеоновских войн многие башкиры вернулись на родину с трофеями [*Казанцев*, 1866. С. 58].

Мотивация к службе в иррегулярном войске была истолкована несколько буквально некоторыми современными исследователями наполеоновских войн. Так, например, Ч.Исдейл бездоказательно считает, что национальные части, в том числе и башкиры, были просто наемниками, «не имевшими никакого чувства солидарности с Россией» *[Исдейл,* 1997. С. 382]. На самом деле основной причиной участия башкир в войне был патриотизм. Об этом говорит та быстрота формирования полков и отправки их на войну. О том, что Отечественная война 1812 г. башкирами воспринималась в целом как патриотическая, а не как поход с целью получения трофеев, говорят зафиксированные факты отказа башкир брать в качестве добычи церковное серебро [*Оленин*, 1869. С. 1995]. Сбор башкир на войну отразился в устном народном творчестве, различных преданиях и исторических песнях. Они свидетельствуют о патриотическом подъеме, царившем среди башкир, их желании сразиться с врагом, проявить отвагу и мужество. Сам Волконский писал в частном письме об этом: «Многочисленные полки иррегулярных войск отправлены в армию. Все идут с охотою на защиту Отечества» *[Честь...* 1988. С. 121].

Другой пример — «Перевод письма с башкирского языка к графу Матвею Ивановичу Платову, от 1-го Башкирского полка старшины Кутлугельдея Темировича», датируемый 8 сентября 1813 г. В нем башкиры просят принять тысячу рублей ассигнациями на восстановление Донского монастыря в Москве, объясняя это тем, что «при всем нашем рвении не могли унять их святотатцев; допустили до Москвы, где ограблены древние чудотворные храмы Божии, в чем считаем себя не менее виноватыми, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить святыню» *[Русский...* Кн. 9. С. 64-66].

Летом и осенью 1812 г. в Оренбургской губернии по распоряжению оренбургского военного губернатора генерала от кавалерии князя Г. С. Волконского были собраны и отправлены в армию 18 башкирских и 2 мишарских конных пятисотенных полков. Местом сбора башкирских полков был назначен Нижний Новгород, откуда они должны были направляться в армию. Известия о начале Отечественной войны были получены в Оренбурге 25 июля 1812 г. Это был Манифест Александра I о сборе ополчения, подписанный им 6 июля *[Народное...* 1962. С. 479]. В тот же день он был переведен на тюрки в Канцелярии Оренбургского военного губернатора и разослан по кантонам, где был зачитан в мечетях муллами. Известно, что в 12-м кантоне его получили 31 июля. Таким образом, большая часть башкирских полков начала формироваться лишь в августе 1812 г. Одновременно с отправкой первых полков полковник Оренбургского казачьего войска В.А.Углецкий предложил сформировать от 10 до 30 новых полков из башкир и мишарей *[РГИА.* Ф. 1286. Оп. 2. Д. 173. Л. 2-5 об.]. Этот план был принят, а 8 августа император его утвердил. Поскольку указ о сформировании полков из башкир и мишарей был подписан императором в августе, то получается, что военный губернатор, не дожидаясь его подписания, самостоятельно начал сбор иррегулярного войска. Кроме того, 3 полка башкир были губернатором сформированы заранее и сразу после получения манифеста, 25 июля 1812г., вышли в поход из сборных мест. Например, 3-й Башкирский полк выступил в поход через крепости Воздвиженскую, Пречистенскую, Ново-Сергиевскую, Самару, Симбирск, Арзамас, прибыл в Нижний Новгород уже 30 сентября *[Там же.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 16853. Л. 1 об.-2].

По документам известны места формирования башкирских полков. 3-й Башкирский полк был сформирован в дд. Сибаево и Ижбулдино близ крепости Зилаирской Верхнеуральского уезда из баш-



Башкир с лошадью.
А. О. Орловский.
Литография. 1809 г.

кир 6-го кантона (Верхнеуральский уезд Оренбургской губ.); 4-й Башкирский полк — в башкирских селениях Челябинского уезда из башкир 4, 5 и 8-го кантонов (Троицкий, Челябинский и Уфимский уезды), в поход выступил из станицы Кундравинской через Уфу, Бугульму, Лаишев, Казань, Чебоксары в Нижний Новгород, куда прибыл 30 сентября. 5-й Башкирский полк формировался в д. Карабаново Бугульминского уезда из башкир 10-12-го башкирских кантонов (Бирский, Мензелинский, Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский уезды), в поход выступил через Чистополь, Казань, Свияжск, Чебоксары, в Нижний Новгород прибыл 29 августа. 6-й Башкирский полк сформирован в башкирских селениях Мензелинского уезда из башкир 11-го кантона (Мензелинскийуезд), выступил в поход через Елабугу, Арск, Казань, Свияжск, Чебоксары на Нижний Новгород, куда прибыл 16 октября. 7, 8,9-й башкирские полки были сформированы близ крепости Нововоздвиженской из башкир 9-го кантона (Оренбургский уезд) и выступили в поход через Самару; 10-й Башкирский полк - в д. Измайлово Бирского уезда из башкир 10-го кантона (Бирский уезд); 11-й Башкирский полк - в д. Салихово Уфимского уезда из башкир 8-го кантона (Уфимский уезд); 12-й Башкирский полк — в д. Куроедово Белебеевского уезда из башкир 7-го и 12-го кантона (Стерлитамакский и Белебеевский уезды); 13-й Башкирский полк — из башкир 12-го кантона (Бугульминский уезд); 14-й, 15-й башкирские полки - в башкирских селениях долины р. Сакмары башкирами 6-го кантона (Верхнеуральский уезд), выступили в поход через Самару; 16-й, 17-й башкирские полки — в д. Кульсарино из башкир 5-го кантона (Челябинский уезд); 18-й Башкирский полк — в Златоусте; 19-й Башкирский полк — в д. Муслюмово из башкир 3-го кантона (Шадринский уезд Пермской губ.); 20-й Башкирский полк - в д. Куяново (Пермский уезд Пермской губ.).

В качестве командующих полками назначались штаб и обер-офицеры гарнизонных частей, расквартированных на Оренбургской пограничной линии. Командиры полков: 3-го — подполковник Оренбургского гарнизонного полка Тихановский; 4-го - подполковник Оренбургского гарнизонного полка П.Тихановский, к полку был прикомандирован сотник Оренбургского казачьего войска А.И.Алабуженин; 5-го - капитан Верхнеуральского гарнизонного батальона И.Г.Тихановский; 6-го — майор Казанского гарнизонного полка Н.Ф.Шайдаров; 7-го — майор Кизильского гарнизонного батальона С.А.Вильчик, с октября — майор 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона Аксенов; 8-го - капитан Оренбургского гарнизонного полка Н.Плешивцев; 9-го — штабс-капитан Верхнеуральского гарнизонного батальона М. С. Попов; 10-го - капитан Казанского гарнизонного полка М.К.Масцепанов; 11-го — майор 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона М.Мальковский; 12-го — майор Казанского гарнизонного полка П.П.Чоков; 13-го — штабс-капитан Казанского гарнизонного полка А.П.Шульгин; 14-го - майор Орского гарнизонного батальона П. Селезнев; 15-го — капитан Орского гарнизонного батальона И.Кондратьев;

П. Х. Витгенштейн. Г. Доу по оригиналу Д. Доу. Гравюра. 1823 г.

16-го — капитан 4-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона М. Трунов;
17-го - майор Троицкого гарнизонного батальона А. Овсянников;
18-го — капитан Звериноголовского гарнизонного батальона Т.Е.Тихановский; 19-го — майор Звериноголовского гарнизонного батальона И. И. Серебренников; 20-го — майор 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона Руднев. С офицерами в полках находились по 2—3 унтер-офицера из своих частей «для исправления письменных дел», а также несколько денщиков. Так, например, к 8-му полку был прикомандирован рядовой Оренбургского гарнизонного полка Иван Осипов «для исправления письменных дел», а к 9-му — рядовой Верхнеуральского гарнизонного батальона Евграф Будрин *[РГВИА.* Ф. 489. Оп. 1. Д. 5706. Л. 170 об.; Д. 5192. Л. 119 об.].

В течение лета и осени 1812 г. полки собирались и по мере готовности отправлялись в армию. Первые (3-5-й) были отправлены 25 июля. 21 сентября — 6-й Башкирский, 5 октября — 11-й, 6 октября — 8-й, 7 октября - 15-й, 8 октября — 14-й, 10 октября - 9-й, 11 октября - 10-й, 12 октября - 7-й, 14 октября - 16, 18, 19-й, 16 октября - 12-й, 19 октября — 17-й, 22 октября — 13-й, 30 октября - 20-й башкирские полки. Большая часть полков, отправляемых к армии, была объединена в бригады, названные по именам командиров: бригада подполковника Тихановского (3, 4, 5-й полки), бригада майора Аксенова (7, 8, 9-й полки), бригада майора М.Мальковского (10-й и 11-й полки), бригада майора П.П.Чокова (12-й и 13-й полки), бригада майора П.Селезнева (14-й и 15-й полки), бригада майора А.Овсянникова (16-й и 17-й полки). Объединение полков в бригады происходило исключительно во время марша от сборных мест до Нижнего Новгорода, откуда должны были быть распределены по армиям.

Во время похода башкир увидел взятый в плен французский лейтенант Рюппель, который оставил интересное описание их: «Несколько дней мимо нас друг за другом шли башкирские полки, которые как кавалерия представляли для меня особый интерес. В таком полку — 400—500 человек: все исключительно сильные, широкоплечие, со смуглыми монголоидными лицами, так что друг от друга их не отличить. Вооружены они были казачьими пиками, большими кожаными колчанами с луком и стрелами, также маленькой саблей. Они носили сапоги без шпор, а вместо них использовали нагайку. Голову их покрывали круглые синие шапки с меховой подбивкой, которую они, когда было очень холодно, могли опустить до самых ушей. Офицеры носили красные шапки, темно-синие меховые кафтаны, перевязь сабли и уздечка у них были украшены серебром, сбруя у них на манер казачьей. Еше я должен заметить, что во всех казацких, калмыцких и башкирских частях знаком высокого ранга является седло, искусно украшенное слоновой костью, перламутром, серебром или золотом. <...> Трубачей в таких полках я не видел. Наверное, они были совсем и не нужны, я наблюдал тогда, как при постое целая сотня, иногда даже целый полк размещались на одном большом подворье, так что отряды не расходились. Я заходил на такой двор и был удивлен, увидев, как лошади толпой, словно овцы, стояли вокруг корыта, лежащего на земле, и ели из него. Даже в сильные морозы многие башкиры разгуливали в одной рубахе. Их бритые головы со свисающим с макушки чубом выглядели очень чудно» *[Ruppel,* 1912. С. 138—139].

Из отправленных в 1812 г. в армию 3-5-й башкирские полки приняли участие в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. 3-й Башкирский конный полк прибыл в Нижний Новгород 30 сентября, имея предписание следовать к Полоцку [*Отечественная....* 1912. С. 123]. В начале ноября он вместе с 4-м и 5-м полками поступил в состав корпуса генерала от кавалерии графа П.Х.Витгенштейна, имея указание двигаться на Витебск *[Народное...* 1962. С. 346]. 13 ноября полки прибыли в Витебск, где 3-й полк был оставлен «для установления порядка в губернии», а 4-й и 5-й в отряде генерал-майора И.И.Новака были направлены к армии *[Там же.* С, 296, 347]. 24 ноября полки вошли в состав корпуса Витгенштейна и приняли участие в боевых действиях *[Там же.* С. 351]. 7 декабря оба полка были оставлены в г. Борисове «на предмет устроения внутреннего порядка и полиции» *[Подробный...* 1912. С. 231].

Во время движения к Нижнему Новгороду в Самаре в 8-м Башкирском полку произошли волнения, причиной которых были различные слухи — о появлении нового Пугачева, нападении казахов на башкирские аулы *[Де-Пуле,* 1875. С. 463—524; *Рахимов,* 2009а. С. 46-54]. В Самаре 25 и 29 октября «за невозможностью переправиться через реку» остановились два башкирских полка — 8-й и 9-й. И ноября прибыл 7-й полк, ставший на постой в д. Нижняя Подавка. В ночь на 18 ноября из 8-го полка сбежали сотник, хорунжий, 3 пятидесятника и 193 рядовых. Также оказалось, что из 9-го полка ушли 6 человек. Розыск, проведенный на следую-

щий день, показал, что главными возмутителями были сотник Смагил Тимирбаев и хорунжий Тигимей Тимирбаев из 8-го полка. В погоню за бежавшими отправился командир полка со 100 чиновниками и рядовыми. 29 ноября 8-й и 9-й башкирские полки переправились через замерзшую Волгу, на следующий день 7-й полк перешел из деревни в Самару. Последующие «Перечневые ведомости» показывают, что в 8-м полку было 321 человек рядовых, а в дальнейшем сохранялся некомплект в 182 рядовых, хорунжего и сотника. Скорее всего, сразу после побега 13 человек рядовых вернулись в часть.

Сами мотивы побега в материалах расследования не были указаны. Случившийся инцидент не был протестным выступлением социального характера или фактом неповиновения командованию. Слухи о падении Москвы, неизвестность о положении армии, миф о новом Пугачеве, о возможном набеге на границу казахов и захвате ими семей, оставленных дома породили желание вернуться на родину.

Инцидент, случившийся 18 ноября, показал, что большая часть рядовых башкир и чиновников трех полков осталась на месте, не поддавшись уговорам зачинщиков, хотя все три полка состояли из башкир одного кантона. Они участвовали в погоне за беглецами, затем организованно выступили в поход к армии на Нижний Новгород, а впоследствии успешно воевали в течение 1813—1814 гг. против общего противника. Тем не менее этот случай позволяет проследить долгую народную память о прошедших башкирских восстаниях, Пугачевских событиях, восстании 1755 г. и о находящихся в плену у казахах родных.

Необходимо отметить, что два других башкирских полка подавляли волнения крестьян и ратников ополчения в этом же году. Так, 6-й Башкирский полк силой оружия усмирял крестьян заводчика А.И.Яковлева, который хотел отправить 220 человек из Череповецкого и Устюжно-Железопольского уездов Новгородской губернии на уральские заводы. 25 октября полк получил приказание двигаться на Устюжну, куда прибыл 24 декабря, приступив к выполнению полицейских функций *[Бабкин,* 1969. С. 349-350]. Затем по Высочайшему повелению полк охранял дорогу из Санкт-Петербурга в Вологду. Впоследствии он был направлен в Витебск, где нес полицейскую службу, а 1 апреля 1814 г. был переведен в Борисов для содержания караулов. По возвращении на родину, на 1 января 1815 г., в полку состояли штаб-офицер, командир полка, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, солдат «для письменных дел», 463 башкира, денщик, 477 лошадей.

В декабре 10-й Башкирский полк участвовал в наведении спокойствия после волнений ратников Пензенского ополчения в Пензе *[Белоусов,* 2007. С. 179]. Вначале по прибытии в Нижний Новгород полк был размещен в уезде, а 16 декабря 1812 г. в связи с волнениями Пензенского ополчения направлен в Саранск, где оставил одну сотню. 22 декабря полк отправлен в Пензу в ведение пензенского гражданского губернатора, он участвовал в подавлении волнений, нес полицейскую службу в Пензенской губернии в 1812— 1813 гг. По документам полк считался в составе корпуса ополчения графа П.А.Толстого и числился в Польской армии барона Л.Л.Беннигсена как откомандированный в Пензу. 7 ноября 1813 г. 10-й Башкирский полк был отправлен к Варшаве. В феврале 1814 г. он находился в Пултуске и содержал «летучие почты» от Варшавы к Понемуню, с 9 марта одна сотня полка стояла в Брест-Литовске в подчинении у генерала от кавалерии А.С.Кологривова. На 1 июля 1814 г. полк состоял из обер-офицера, командира полка, его помощника, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, солдата «для письменных дел», муллы, 10 пятидесятников, 459 башкир, денщика, 472 строевых, 253 вьючных лошадей. 24 декабря 1814 г. полк прибыл в Бутульму, откуда был отправлен в Бирский уезд для роспуска.

Л. Л. Беннигсен. Неизвестный художник. Гравюра. Первая четверть XIX в.

Башкирские полки 7—9-й, 11—20-й были расквартированы в ноябре—декабре 1812 г. в Нижегородской губернии. Затем они были отправлены на Украину. Перемещение было осуществлено по повелению императора Александра I генерал-лейтенанту графу П.А.Толстому: «С вверенным ему ополчением взять направление из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орел и Глухов и расположиться в Малороссийских губерниях, присоеденя ко оному Рязанское и Тульское ополчение. К сему ополчению присоединяются из числа иррегулярных войск от генерала князя Волконского из Оренбургского края в Нижний Новгород выкомандированных 14 башкирских и 2 Мещерякского полка» *[Апухтин,* 19126. С. 115—116]. Расположение башкирских полков на Украине должно было прикрывать южное направление, в случае активных действий австрийской армии. На 7 мая 1813 г. полки

находились в Волынской губернии: 18-й и 19-й расположились в Житомирском и Овручском поветах; 8, 16 и 17-й следовали в Новград-Волынский и Ровенский поветы; 12-й и 13-й — в Заславский и Острогский; 9, 11 и 20-й — в Кременецкий, Острогеной и Дубенской поветы; 14-й и 15-й полки — в Староконстантиновский и Кременецкий [*РГВИА*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2582. Л. 156]. В мае 1813 г. башкирские полки вместе с ополчением были отправлены в герцогство Варшавское, войдя в состав Польской армии генерала от кавалерии барона Л.Л.Беннигсена.

Таким образом, в Отечественной войне 1812 г. приняли непосредственное участие, т.е. находились в составе армии, пять башкирских полков — 1—5-й, из них в боевых действиях участвовали 1, 2, 4 и 5-й полки. Командование стремилось использовать башкирские полки совместно с казаками и легкой кавалерией. Башкиры несли сторожевую службу, находились в арьергарде (прикрывали отход армии) и авангарде во время контрнаступления, были в конвое английского генерала, вели партизанские действия, а в ряде случаев (Мир, Кобрин, Иньково, Валутина Гора) использовались командованием в боях как конница, атакующая основные силы противника. Во всех случаях башкиры проявляли массовое мужество и героизм, что всегда отмечалось командованием. В трудные месяцы отступления российской армии в первый период войны 1812 г. башкиры 1-го и 2-го полков, находясь в арьергарде и участвуя почти ежедневно в боевых столкновениях, покрыли себя славой. Также отважно бились они под Москвой, а позже и преследуя отступающего противника.

БАШКИРЫ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД 1813-1814 ГОДОВ

В Заграничном походе 1813-1814 гг. приняло участие большинство сформированных башкирских полков. Командование активно использовало башкирскую конницу в качестве авангарда наступающих союзных армий. Это вело к потерям, а в некоторых полках — смене командиров. Так, в 1-м Башкирском полку командиром был майор М.М.Лачин, после его смерти, с октября 1813 г., - майор Павлоградского гусарского полка князь Ф.Ф.Гагарин, после его пленения, с 21 февраля 1814 г., — старшина Кутлугильда Темиров, а после его пленения, с 1 марта 1814 г. - есаул Ихсан Абубакиров.

Для 1-го Башкирского полка Заграничный поход начался в январе 1813 г., когда он принял участие в блокаде крепости Данциг, в двух боях (1 и 23 января) в конном строю отбил вылазки французского гарнизона. В феврале полк вошел в состав «летучего отряда» генерал-майора А. Х. Бенкендорфа [*Бенкендорф*, 2001. С. 326-327]. Полк отличился в боях на территории Германии. Так, 10 февраля в бою отличился хорунжий Ярмухамет Азаматов *[РГВИА*. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 49. Д. 1. Л. 231—232 об.]. 20 февраля полк воевал под Берлином, 21-го вошел в город, 22 февраля в бою за городом отличились старшины Кутлугильда Темиров и Абдулла Арганбаев, есаул Кучербай Хусаинов, которые «ходили в атаку с отличною храбростию, которую уже неоднократно оказывали противу неприятеля, поражая врагов своими ударами, чем давали собою пример товарищам и подчиненными». Полковой командир майор Лачин «с начала кампании во все время отличал себя твердым и неустрашимым духом и в сем деле показал свое мужество и храбрость где бросился на пехоту на сильной ружейный огонь и с величайшим успехом разбил и прогнал в деревню» *[Народное...* 1962. С. 480]. В марте полк сражался 2-го числа под Дрезденом, 12-го под Виссенбургом. 21 марта при Люнебурге отличились Исангул Ишгушинов, Узянбай Мактутов, Мырдаш Арапов, Хусаин Абубакиров, Мысин Языбаев, Абдулла Кутмужинов, Ниязгул Юлтыев, Буранбай Чувашбаев, «быв в охотниках при ударе на неприятельскую батарею они, невзирая на сильный огонь из орудий картечью и из ружей на них производимой, первые врезались в кавалерию и пехоту прикрывающую оную батарею, избивая неприятеля пиками, ободрили своих товарищей и поощрили их к таковой же храбрости» *[Там же*. Оп. 1/208в. Св. 47. Д. 4. Л. 103-104]. Далее полк бился 15-16августаподм. Ютербок, 21—22 августа — под Винтербургом.

26 августа 1813 г. при м. Герцберг вновь отличились старшины Кутлугильда Темиров и Абдулла Арганбаев, которые «во время атаки на неприятельские колонны, невзирая на сильной пушечной картечь и ружейный огонь с неустрашимой храбростью врезались в колонны, поражая неприятеля, своеручно подавая пример подчиненным, и тем содействовали к разбитию оного», есаул Хусаин Кучербаев, «командуя сотней ему вверенною во время атаки на неприятеля с неустрашимою храбростью врезался в неприятельские колонны невзирая на сильный ружейный огонь и примером личной своей храбрости поощрил к таковой подчиненных приведя неприятеля в совершенный беспорядок и тем содействовал к совершенному разбитию оного равно неоднократно по отличной своей храбрости делал в партиях и в других местах на неприятеля атаки, всегда успешно поражал и при сих два раза уже были ранены за которое воздаяния никакого не было», а сотник Буранбай Чувашбаев, «будучи в охотниках впереди с неустрашимым мужеством и храбростью сделал на неприятеля удар, в пики збив оных стрелков и тем,

Башкиры в военном походе. А.О.Орловский. Литография. Первая четверть XIX в.

приведя неприятеля в беспорядок, содействовал к разбитию оных» *[РГВИА.* Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 3. Д. 30-32. Л. 5 с об.].

Полк воевал 27—28 августа при м. Мильберг, 16 сентября - при Дессау, 26 сентября - при с. Лейденталь *[Там же.* Д. 26-28. Л. 4-8 об.]. Затем принял участие в Лейпцигском сражении 6-7 октября. Со 2 ноября по 22 декабря 1-й Башкирский полк участвовал в рейде отряда Бенкендорфа в Голландию, где сражался 10 ноября под крепостью Девентер. 7 декабря башкиры ночью атаковали и взяли штурмом крепость Тергейд. Впоследствии Бенкендорф так вспоминал эту атаку: «В это время вернулся князь Гагарин, которого я посылал по правому берегу Мерка с Башкирским полком, эскадроном гусар и двумя орудиями. Не раздумывая над тем, что враг по числу намного превосходит его, ночью князь предпринял атаку, закончившуюся полным успехом: Тергейд был отнят, захвачено 200 пленных, а остальные были обязаны своим спасением лишь покрову ночи и труднопроходимой местности» *[Бенкендорф,* 2001. С. 207-209].

8-9 декабря башкиры сражались под крепостью Бреда. В этот период полк насчитывал 3 штаб-офицера, 17 обер-офицеров, 26 урядников, 365 башкир, всего 411 человек *[РГВИА.* Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 4. Д. 38. Ч. 1. Л. 52]. Военная операция привела к освобождению Нидерландов от наполеоновского владычества и восстановлению власти принца Оранского Вильгельма Фридриха.

27 декабря 1813 г. полк, состоя в отдельном отряде А. Х. Бенкендорфа корпуса генерала от кавалерии барона Ф.Ф.Винцингероде (Северная армия), насчитывал 2 штаб-офицера, 17 обер-офицеров, 25 урядников, 273 башкира. В 1814 г. полк в составе корпуса Винцингероде поступил, в Силезскую армию и принял участие в боевых действиях на территории Франции. Состоя в авангарде под начальством генерал-майора А. И.Чернышева, полк 7 февраля занял Реймс, где его часть (280 чел.) была оставлена в качестве гарнизона. 21 февраля утром горожане открыли ворота и впустили фран-

Портрет барона Ф. Ф. Винцингероде. К. В. Ческий с оригинала неизвестного художника. Гравюра, раскрашенная частично гуашью, акварелью. 1813 г.

цузский отряд, гарнизон во главе с командиром полка попал в плен [*Журнал...* 1837а. С. 90]. Оставшаяся часть полка участвовала в боях и сражениях 21, 24—25 февраля при Лаоне, 1 марта под Реймсом, 14 марта при Сент-Дизе, по окончании военных действий вместе с союзными войсками вошла в Париж. 28 марта 1814 г. по новому «расписанию Российских войск, действующих на левом берегу Рейна» полк состоял во 2-м казачьем отряде 1-го Отдельного корпуса. В полку в это время насчитывалось 7 обер-офицеров, 7 урядников, 115 башкир. 31 марта полк был включен в состав отряда генерал-лейтенанта Г.А. Эммануэля для содержания передовых постов вдоль демаркационной линии по границе департаментов Сены и Уазы от д. Лимец до того места, где она вновь пересекает р. Сену. В 1815 г. полк вернулся в Башкортостан.

Насколько трудно было сражаться башкирам, имевшим архаичное вооруж^жение, против французов, оснащенных современным на тот период вооружением, говорит случай, рассказанный самим башкиром - участником войны. Это записанное позднее В.В.Зефировым воспоминание Джантюри, вместе с которым на войну ходила и его жена. «Не помню, при каком месте, нас, человек с пятьдесят, поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как проглазели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на груди (вероятно, французские латники); мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навылет проколол одного и вынимал уже пику, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел. Когда я очнулся, то увидел, что половина товарищей была перебита, а остальная связана, жены около меня не было, и я подумал, что ее уже нет на свете. Посадив на лошадей, нас повели в плен. Часа через полтора вдруг из-за леса вылетела целая сотня донских казаков и окружила нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и попросили пардону. Жена моя была с донцами, и дело объяснилось: в первой схватке моя баба смекнула, что нашим не устоять, ускользнула с места сражения и дала знать главному отряду» [*Башкирия...* 1989. С. 409—410]. Итог боя легко подвести: на 50 человек башкир нападают 20 французов, в результате 25 башкир убиты, 25 взяты в плен, нападавшие потеряли 8 человек. На каждого убитого француза приходится 3 убитых башкира. Такова кровавая арифметика войны. Но в данном рассказе речь шла о редком случае столкновения французских кирасир, т. е. тяжелой кавалерии, закованной в латы, ездящей на огромных лошадях с башкирами представлявшими легкую кавалерию. Как правило, командование использовало башкир в сторожевом охранении, авангарде, в атаках против равной им по оружию легкой кавалерии - гусар, шеволежеров, улан.

Кроме потерь в боях от оружия противника, башкиры несли серьезный урон из-за болезней. Многоверстные марши, болезни (как тогда писали, «лихорадки», «горячки») выбивали часть воинов в госпитали и больницы. На смертность от болезней влияли климат, вода и пища — необходима была переадаптация. Так, месячные рапорты показывают, что при возвращении башкирских полков из Европы на родину они потеряли много людей умершими во Владимирской и Нижегородской губерниях.

2-й Башкирский полк в 1813 г. участвовал в боевых действиях в герцогстве Варшавском, а в конце июля вошел в состав Силезской армии, в составе которой участвовал в боях: 6—7 августа при м. Лигниц и д. Фелендорф, 23 августа в преследовании до Бауцена, 24 августа — при м. Герлице и Рейхенбахе [*РГВИА.* Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 107. Ч. 49. Л. 7—8]. В сентябре 1813 г. полк был переведен в состав казачьего корпуса Платова в Богемской армии и сражался 6—7 октября при Лейпциге. В конце ноября 2-й Башкирский полк был направлен для несения дорожно-комендантской службы на военных дорогах, ведущих к Главной армии, и конвоирования пленных, где и находился до окончания военных действий. На 2 августа 1814 г. в полку состояли 2 штаб-, 13 обер-офицеров, 8 пятидесятников, 415 башкир, мулла, писарь, солдат «для письменных дел» ,412 строевых и 440 вьючных лошадей.

4-й Башкирский полк находился в Большой армии в неполном составе. Из него была командирована полусотня (1 штаб-, 3 обер-, 3 унтер-офицера, 42 башкира) в конвой генерала от кавалерии графа П.Х.Витгенштейна [*Там же.* Оп. 3. Д. 173. Л. 5 об.]. Во главе этой команды был походный старшина Асылгузя Бакиров, награжденный за «отличную храбрость оказанную в сражениях с 10-го августа по 6-е сентября» орденом Св. Анны 3-й степени [*Усманов,* 1964. С. 126—127]. Полусот-

ня принимала участие в сражении под Дрезденом, в декабре 1813 г. находилась при Главной квартире Богемской армии, в 1814 г. по окончании военных действий вместе с союзными войсками вошла в Париж.

9-й Башкирский полк (башкирский командир Акмамбет Уразгулов), прибыв в армию 19 сентября 1813 г., вошел в отряд генерал-майора К.А.Крейна Польской армии. Полк участвовал в боях 28 сентября при Фрайберге, 4 октября при Мазине, 6-7 октября при Лейпциге. Его командиры есаул Кутлугильда Ишемгулов и сотник Аккусюк Тимербаев за отличия и храбрость были награждены орденом Св. Анны 3-й степени *[Усманов,* 1964. С. 127-128]. 21 октября полк был откомандирован в корпус генерала от кавалерии барона Ф.Ф.Винцингероде Северной армии. 27 декабря 1813 - 15 января 1814 г. 9-й полк состоял в отряде под начальством генерал-лейтенанта П.А.Строганова корпуса Винцингероде и располагался на левом берегу р. Эльбы при блокаде Гарбурга. В полку на декабрь 1813 г. состояли обер-офицер, 8 урядников, 124 башкира. Часть полка находилась в различных командах. В кампании 1814 г. полк участвовал в боях: 18 февраля - при г. Павис, 21 февраля - при с. Элли, 24-26 февраля - при Лаоне, 7 марта - при Реймсе, 13 марта - при м. Дедин, 14 марта - при м. Сен-Дизье. По окончании военных действий вместе с союзными войсками вошел в Париж.

Многие башкирские полки использовались командованием в составе войск, блокировавших французские гарнизоны в крепостях. Эти полки замещали части регулярной армии, продвигавшейся за Наполеоном во Францию, несли аванпостную сторожевую службу, отражали вылазки противника, сопровождали военнопленных и несли комендантскую службу.

«Журнал военных действий Польской армии» и «Квартирные расписания диспозиции и маршруты Польской армии» дают характеристику[7] боевой деятельности частей российской армии, направленных для возобновления блокады крепости Глогау, в том числе башкир *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3416. Д. 3401; *Рахимов,* 2002. С. 174—176]. Согласно «Расписанию», на 20 августа армия имела Главную квартиру в г. Калиш. В составе «Корпуса правого фланга» генерала от инфантерии Д.С.Дохтурова находился 13-й Башкирский в м. Ратцен *[Апухтин,* 1912. С. 24; 1912а. С. 60]. Ожидалось прибытие в м. Равич 4-го Башкирского полка. В составе «Корпуса левого фланга» под командованием генерал-майора Н.С.Муромцева (в 1812 г. — начальник Пензенского и Саратовского ополчений) находился 12-й Башкирский полк в с. Шкирадов, прибывший 18 августа. В корпусе генерал-майора Н.Ф.Титова (в 1812 г. корпусной начальник ополчений III округа) - 9-й Башкирский полк (д. Богдай), прибыл 11 августа; 11-й Башкирский (дд. Богдай, Млиники, Чарки), 14-й Башкирский (д. Чернилак, Скларна), 15-й Башкирский (д. Грановице, Боников) полки, прибывшие 12 августа. В состав Костромского ополчения под командованием генерал-лейтенанта П.Г.Бардакова вошел с 28 августа 8-й Башкирский полк, находившийся в с. Оллабон. В конце августа к армии присоединился и 16-й Башкирский полк, прибывший 31-го числа в Бреславль. Таким образом, в составе Польской армии находились: один полк оренбургских, два полка уральских казаков, один мишарский и восемь (8—16-й; 4-й полк не прибыл из Большой армии) башкирских полков. Это примерно 4 200 башкир, 530 мишарей, 500 оренбургских и 1 100 уральских казаков - всего более 6 тыс. человек.

Анализ данного «Расписания» показывает, что пополнение армии шло до последних дней перед выступлением: 11—12 августа прибыли три полка, 18 августа — два, 28 августа - один, 31 августа - один. В это же время прибывали полки пешие и конные Пензенского, Симбирского, Рязанского, Костромского ополчения. Основным занятием этих частей было боевое охранение и контакт с союзной прусской армией. «Замечания» «Расписания» отмечают, что «5-й Уральский полк содержит сильные бикеты у самой р. Одера против моста Кюбен и д. Цихен, а 12-й Башкирский против д. Белш и Кароу на самой р. Одера. Оба полка посылают сильные партии буде обстоятельства позволят и по той стороне р. Одера, дабы иметь связь с прусскими войсками, содержавшими блокаду при крепости Гросс-Глогау» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3401. Л. 15]. То же самое поручалось 9, 11, 14, 15-му башкирским полкам, конным полкам Пензенского и Симбирского ополчений.

15 августа к крепости Глогау было направлено Костромское ополчение под командованием П.Г.Бардакова. Оно должно было наблюдать за гарнизоном на правом берегу Одера. Гарнизон крепости, состоящий из французов и хорватов (кроатов) численностью около 6—8 (по другим сведениям - 10) тыс. человек возглавлял генерал Д.Лаплан. Ополчение подошло к крепости 18 сентября и расположилось по селениям вокруг нее. Главная квартира ополчения находилась в г. Фрауштате. К ополчению были прикомандированы уже находившиеся около крепости 13-й Башкирский, 2-й Мещерякекий, 3-й Оренбургский казачий полки и рота артиллерии, которые не сидели без дела. Так, в ночь на 22 августа гарнизон крепости сделал вылазку на правый берег Одера отрядом из 1 500 чел. Однако благодаря расторопности оренбургских казаков под командованием майора Белякова эта вылазка была отбита, а французы потеряли 25 убитыми и 3 взяты в плен *[Там же.* Д. 3416. Л. 7—9 об.].

30 августа в наступление пошли авангард и «Корпус правого фланга», 1 сентября выступила Главная квартира армии. Костромское ополчение, башкиры, мишари остались в блокадном корпусе под крепостью Глогау под командованием генерал-лейтенанта барона И.К.Розена, сменив части регулярной армии, направленные в Бунцлау. 7 сентября к этому корпусу присоединились 8, 12, 16-й башкирские полки, Пензенское ополчение. Генерал-лейтенанту графу П.А.Толстому, командовавшему Поволжским ополченческим корпусом, было предписано следовать в Богемию «с теми только ополчениями и иррегулярной кавалерией, которые он <...> по сему предмету способными признали» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3416. Л. 13 об.]. В Богемию выступили 7 казачьих, 4 башкирских полка и регулярная пехота, кавалерия, артиллерия. В составе этих войск были 4-й, 5-й уральские, 3-й Оренбургский казачьи, 9, 11, 14, 15-й башкирские полки, шедшие в авангарде. 21 сентября было получено повеление Александра I командировать в Главную союзную армию для ее усиления артиллерийскую роту № 2,11 -й Башкирский и 3-й Оренбургский казачий полки. Таким образом, с 21 сентября у Толстого остались 9, 14, 15-й башкирские, 4-й, 5-й уральские и 4 других казачьих полка. Корпус перешел в Теплиц, с 25 сентября по 30 октября он блокировал Дрезден.

Обратим внимание на боевой путь башкирских полков, вошедших в осадный корпус Польской армии под командой барона Розена. Это 8, 12, 13, 16-й башкирские полки. Появление башкир в осадном корпусе через некоторое время изменило тактику действия блокированного противника. На правой стороне Одера, где находился корпус Розена, французы не держали по ночам караулов, поскольку на них ночью делали набеги башкиры, уничтожая солдат на постах. Поэтому свои пикеты французы из-за «беспокойных» башкир выставляли только на рассвете на светлое время суток.

В осадном корпусе вместе с башкирами были 4 пеших полка Костромского и 3 пеших полка Симбирского ополчений, некоторое время находились полки Рязанского ополчения, а также в блокаде участвовала одна артиллерийская рота, всего около 15 тыс. человек *[Военский,* 1909. С. 15; *Апухтин,* 1912. С. 11]. На левой стороне Одера находилось примерно столько же прусских войск, которыми командовал полковник Блюменштейн. Для командования проблема с осадой крепостей заключалась в том, что они отвлекали значительное число войск, так необходимых для боевых действий с армией Наполеона, поэтому оно стремилось заменить регулярные войска в осадных корпусах ополчением и национальной конницей. В 1813 г. боевые действия развернулись по всей территории Германии, осажденных крепостей в тылу союзников оставалось много, армия нуждалась в башкирских полках и ополчении. Поэтому командование блокадного корпуса предложило провести штурм крепости Глогау. Однако союзники-пруссаки были категорически против этого, так как штурм означал разрушения, а поскольку крепость должна была возвратиться Пруссии, то они пытались ее сохранить, поэтому настаивали на затяжной блокаде, с тем чтобы вынудить противника сдаться из-за нехватки продовольствия или боеприпасов. Французы не догадывались, что крепость осаждают слабые в военном отношении части. Они считали, что это русские солдаты нарочно оделись мужиками, чтобы выманить французов из крепости в чистое поле и там их разбить *[Военский,* 1909. С. 17].

Лишь 28—29 октября 1813 г. гарнизон предпринял две вылазки против блокадного корпуса. На рассвете 28 октября французы атаковали позиции пруссаков, а против русских войск, опасаясь «переодетых мужиками солдат», сделали лишь диверсию с целью удержать их от участия в бою. Французы смогли одержать в этот день победу и уничтожить роту прусских егерей. 29-го они уже осуществили двухстороннюю вылазку, против русских и пруссаков. В этот день Костромское ополчение впервые приняло участие в бою, для башкир и мишарей свист пуль и ядер был знаком. Французы атаковали русские позиции двумя колоннами по 250 человек каждая. Одна пыталась овладеть шанцами (земляные укрепления, соединяющие осадные аллеи), а другая — сбить передовые пикеты башкир и затем занять шанцы на берегу Одера. Оба русских фланга, находящиеся у дд. Пфердгиммель и Лихенберг, встретили французов ружейным огнем, 400 башкир произвели имитацию атаки, сама крепость была подвергнута обстрелу и покрылась клубами порохового дыма. Русские отразили натиск противника и перешли в наступление, сбив, в свою очередь, два французских пикета и овладев шанцами, потеряв всего 6 человек убитыми и ранеными.

Больше вылазок французы не делали, а в начале марта 1814 г. начались переговоры. Дело в том, что в Глогау находились большие запасы хлеба, но совершенно не было соли и мяса, поэтому гарнизон съел всех лошадей и кошек. Переговоры завершились 30 марта. По условиям сдачи гарнизон в числе 3 тыс. человек складывал оружие и отпускался во Францию с обязательством не воевать против русских и пруссаков год и один день. Сама крепость сдавалась 5 апреля одновременно пруссакам с прусской стороны, а русским - с русской, предместья и передовые укрепления должны были быть сданы накануне.

4 апреля в 3 часа дня русские войска, в их числе ополчение и башкиры, вступили в пределы пред-

Башкиры.
А. И. Зауервейд.
Рисунок.
Начало XIX в.

местья Глогау-Домм. Французский генерал Лаплан и чиновник вручили ключи от крепости коллежскому асессору Назарову, назначенному комендантом предместья. 5 апреля в 6 часов утра войска выстроились для торжественной сдачи крепости. Впереди расположился 2-й Мещерякский, за ним 8, 12, 13 и 16-й башкирские полки, затем прусская артиллерия и кавалерия, далее стояла русская пехота, в конце прусская *[Военский,* 1909. С. 21]. Возглавлявший выход гарнизона Лаплан получил у прусского генерала разрешение не участвовать в параде. Выходившие французы, в отличие от своего генерала, демонстрировали, что сдаются не пруссакам, а русским. Когда кончился парад и безоружный французский гарнизон ушел от крепости, в нее стали торжественно вступать союзники.

Во главе их ехал прусский генерал Таубе, рядом с ним начальник Симбирского ополчения действительный статский советник князь Н.И.Тенишев. За ними ехал начальник 1-й бригады Костромского ополчения действительный камергер С. П.Татищев. Кстати, у Тенишева в конвое находилось 2 пятидесятника и 12 рядовых 15-го Башкирского полка. Союзные войска при входе в крепость встречала арка с надписями на немецком языке: «Идите, идите, избавители!», «Да здравствует Александр I, император всероссийский и Фридрих IV, король Пруссии!», а стоявшие по краям дороги немецкие девушки осыпали ее цветами *[Там же.* С. 27]. Таубе от благодарных горожан получил лавровый венок, но сразу же передал его Тенишеву, желая показать признательность русским освободителям. Жители на площадях читали стихи, выступали с речами, в кирхе прошел молебен. Вошедшие войска были распределены по квартирам. Офицеров пригласили на обед, а солдат угощали жители, разнося по улицам еду и вино. Во всех этих торжествах принимали участие башкиры, проведшие осень и зиму вместе с ополченцами в тяжелых условиях, постоянных разъездах, перестрелках с французскими солдатами на пикетах.

После сдачи крепости башкирские полки несли караульную службу вместе с ополчением до октября 1814 г. 10 октября барон Розен в своем приказе поблагодарил участников блокады крепости за службу. Возвращение домой затянулось, оно пришлось на позднюю осень и зиму. Все башкирские полки, 8, 12, 13, 16-й, вернулись домой в феврале 1815 г. В 8-м Башкирском полку по перекличке, проведенной 1 января 1815 г. были штаб-офицер, командир полка, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, мулла, писарь, солдат «для письменных дел», 284 башкира; 484 лошади *[РТВИА.* Ф. 489. Оп. 1. Д. 2984. Л. 144]. 12-й Башкирский полк на 1 января 1815 г. насчитывал: штаб-офицера, командира полка, его помощника, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, 10 пятидесятников, муллу, писаря, унтер-офицера «для письменных дел», 462 башкира; 471 строевую и 179 вьючных лошадей [*Там же.* Л. 154]. 13-й Башкирский полк на 1 января 1815 г. имел: обер-офицера — командира полка, его помощника, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, 10 пятидесятников, муллу, писаря, солдата «для письменных дел», 481 башкира; 479 строевых и 177 вьючных лошадей *[Там же.* Л. 155]. 16-й Башкирский полк (командир — походный старшина башкир Габидуллин) шел в Троицкий уезд через Бугульму и Уфу. На 1 февраля 1815 г. он насчитывал: обер-офицера, командира полка, его помощника, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, 10 пятидесятников, муллу, писаря, унтер-офицера «для письменных дел», 458 башкир; 496 лошадей *[Там же.* Л. 185].

Несколько башкирских полков приняли участие в осаде Дрездена. Дрезден, столица Саксонии,

был блокирован союзными войсками в сентябре-ноябре 1813 г. До этого, 14 августа, Главная союзная армия блокировала Дрезден и предприняла штурм, отбитый французами во главе с Наполеоном. После разгрома под Дрезденом австрийская армия отступила от города. В этом сражении отличилась часть 4-го Башкирского полка, находившаяся в конвое генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна. 13 сентября под Дрезденом был оставлен 10-тысячный корпус российских войск для его блокады, 30 сентября к нему присоединился корпус генерал-лейтенанта П. А.Толстого, который возглавил блокаду. В это время в Дрездене было 35 тыс. человек (1-й корпус генерала Ж. Мутона, 14-й корпус маршала Г. Сен-Сира, гарнизон), командовал ими Сен-Сир. 14 октября к Дрездену прибыл австрийский корпус во главе с генералом от кавалерии графом И.Кленау (25 тыс. чел.), который возглавил войска союзников. 25 октября французы, у которых заканчивались запасы продовольствия, предприняли попытку прорваться из Дрездена в Торгау, отбитую войсками Толстого. В городе начались голод и эпидемия тифа, после переговоров гарнизон 15 ноября сдался союзникам. В боевых действиях под Дрезденом в сентябре-ноябре принимали участие 14-й и 15-й башкирские полки.

Башкиры участвовали и в блокаде крепости Данциг (совр. Гданьск, Польша), расположенной на побережье Балтийского моря в устье р. Висла. Гарнизон крепости, состоявший из остатков Великой армии, уцелевших в походе на Россию (10-й корпус, 35 тыс. чел.), возглавлял дивизионный генерал граф Ж.Рапп. В январе 1813 г. началась блокада крепости отрядами русской армии Витгенштейна. Блокадой Данцига руководил генерал-лейтенант Ф.Ф.Левиз, в апреле начальство перешло к генералу от кавалерии герцогу Александру Вюртембергскому. С моря крепость была блокирована флотом. В блокадный корпус вошел 5-й Башкирский полк, находившийся в авангарде отряда генерал-майора М.М.Свечина *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3842. Л. 5]. Полк участвовал в боевых действиях, затем был отправлен «для препровождения пленных в Витебск», где был оставлен и числился прикомандированным к земской полиции с октября 1813 г. по апрель 1814 г. Полк был распределен по поветам Минской губернии вместе с частями Владимирского ополчения и сопровождал пленных и рекрутов. На 1 февраля 1815 г. в полку состояли обер-офицер, командир полка, его помощник, 4 есаула, 6 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, мулла, 10 пятидесятников, писарь, солдат «для письменных дел», 405 башкир.

Необходимо отметить, что часть полка с ноября 1812 г. была командирована в армию (ею командовал войсковой старшина И.Бикчурин), в конвой М.Б.Барклая де Толли, в составе которого участвовала в сражении под Лейпцигом, а в марте 1814 г. вступила в Париж. За отличие при Лейпциге Бикчурин был награжден орденом Св. Анны 3-й степени *[Усманов,* 1964. С. 128]. Сотник Суюшев 27 ноября 1813 г. за «особенное усердие» был представлен к следующему чину *[РГВИА.* Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 35. Ч. 2. Л. 119].

В число русских войск, блокировавших Данциг, 18 мая вошли 2-й Тептярский полк и 7-й Башкирский полк, который приступил к блокадным действиям 30 мая *[Штейнгель,* 1815. С. 65]. В бою 21 августа против вышедшего из крепости противника подвиг совершил 7-го Башкирского полка полковой старшина Алтынбай Худайпгукуров, который «личною храбростию ободрял башкир и сам с оными кидался на неприятельских стрелков с успехом, так же и 28-го минувшаго мая храбро отличил себя в атаке на неприятеля и в поражении онаго» *[РГВИА.* Ф. 103. Оп. 208а. Д. 33. Л. 33 об.]. Он был представлен к чину капитана.

В сентябре 1813г. после подвоза осадной артиллерии войска приступили к подготовке штурма, однако гарнизон успешно препятствовал проведению осадных работ, и без того затрудненных погодными условиями и болотистой местностью. Положение блокированной крепости изменилось после разгрома Наполеона под Лейпцигом. Генерал Рапп хотел сдать город на условии ухода гарнизона во Францию, однако эту капитуляцию Александр I не утвердил, потребовав подписать полную капитуляцию и сдачу в плен. В декабре гарнизон сложил оружие. В Данциг вошли союзные войска, в числе которых были и башкиры. 7-й Башкирский полк после сдачи крепости 2 марта 1814 г. выступил в поход на Рейн к Силезской армии под начальством генерала от инфантерии А.С.Феныиа и дошел до Кельна. В полку на 1 апреля 1814 г. состояли штаб-офицер, командир полка, его помощник,
5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, 445 башкир, писарь, мулла, 478 строевых и 34 вьючных лошадей.

Башкиры участвовали в блокаде крепости Магдебург на р. Эльба. В октябре 1813 г. к прусским войскам, блокировавшим крепость, присоединились русские, которым командовал генерал от инфантерии Д.С.Дохтуров. В ноябре к блокаде присоединился отряд генерал-майора К.А.Крейца, в котором был 14-й Башкирский полк (башкирский командир походный старшина Абдулла Сурагулов) *[Гамже.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3915. Л. МО-142 об.]. Гарнизон совершал активные вылазки, отбиваемые союзными войсками. Крепость капитулировала лишь в мае 1814 г. До блокады Магдебурга 14-й Башкирский полк участвовал в боях
26 сентября при д. Гисгибень, 27 сентября, при

м. Дона, 29 сентября и 1 октября, при д. Плауден, при Дрездене.

Полк принял участие в «Битве народов» под Лейпцигом 6—7 октября. Вероятно, именно о башкирах этого полка писал в своих мемуарах французский генерал М.Марбо: «Двигаясь без всякого порядка, используя любые переправы, они непрерывно гарцевали вокруг нас, были похожи на осиный рой, отовсюду ускользали, и нам становилось очень трудно их догонять. русские поддерживали их атаки с помощью гусарских отрядов, чтобы использовать беспорядок, который могли создать башкиры в нескольких пунктах нашей линии» *[Марбо,* 2005. С. 660-661].

21 октября полк выбыл из состава Польской армии в гарнизон Лейпцига, поступив под начальство генерал-майора князя Н. Г.Репнина-Волконского, генерал-губернатора Саксонии. В ноябре 1813 г. полк присоединился к корпусу генерала от инфантерии Д.С.Дохтурова Польской армии и был включен в отряд генерал-майора К.А.Крейца, блокировавший Магдебург. За отличия под Дрезденом орденом Св. Анны 3-й степени были награждены есаулы-башкиры Назирбай Тляпов, Галикей Ташбулатов, Насыр Абдуллин, в следующие чины представлены походный старшина Абдулла Сурагулов, сотники Насыр Наурузов, Кильдияр Байбулдин [*Усманов*, 1964. С. 125].

В Лейпцигском сражении, кроме 14-го Башкирского полка в составе Польской армии приняли участие 11-й и 15-й, Силезской армии 1-й и 2-й, и в Северной армии 9-й башкирские полки, а также отдельные команды 4-го и 5-го полков.

Следует отметить, что в Лейпциге в 2003 г. и Дрездене в 2006 г. открыты памятники башкирским воинам, созданные по проекту Н.А.Юрушбаева и И.Ф.Баишева, башкирами, проживающими в Германии.

В боевых действиях под Гамбургом участвовали 11-й и 15-й башкирские полки *[РГВИА.* Ф. 489. Оп. 1. Д. 5726. Л. 110—111]. 11-й Башкирский конный полк прибыл в мае 1813 г. в герцогство Варшавское, где был включен в состав Польской армии генерала от кавалерии барона Л.Л.Беннигсена.
21 сентября 1813 г. полк перевели в казачий корпус генерала от кавалерии графа М. И. Платова в Богемскую армию. В октябре—ноябре полк участвовал в боевых действиях в составе корпуса Платова. В ноябре 1813 г. полк был командирован в корпус генерал-лейтенанта Е. И. Маркова. В декабре 1813 г. полк находился в Главной армии для препровождения пленных вместе со 2-м Башкирским полком. С 1 января 1814 г. 11-й Башкирский полк участвовал в блокаде и штурме Гамбурга. Часть его чиновников и башкир находились в разных командах при армии. На декабрь 1814 г. по возвращении в Башкортостан в полку состояли штаб-офицер — полковой командир, его помощник, 3 есаула, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, писарь, солдат «для письменных дел», мулла, 7 пятидесятников, 421 башкир, 3 денщика, 576 лошадей.

15-й полк с 1 по 30 октября 1813 г. находился в отряде генерал-майора М.Л.Булатова в составе авангарда Польской армии, которым командовал генерал-лейтенант Е. И. Марков. Вместе с другими башкирскими полками он участвовал в блокаде Дрездена, где находился крупный французский гарнизон. С 24 января 1814 г. полк участвовал в блокаде и штурме Гамбурга, оставаясь там до конца боевых действий. В январе 1813 г. полк насчитывал: 2 штаб-офицера, 16 обер-офицеров, 12 урядников, 500 казаков, 512 строевых лошадей, 256 вьючных лошадей. Башкиры активно использовались командованием в боевых действиях. Они содержали посты блокадного корпуса, атаковали французские посты, в том числе в спешенном виде, отражали вылазки противника, участвовали в ночных атаках *[Там же.* Ф.846. Оп.16. Д.3418. Л.13]. Новизной боевого применения башкир, что показывало возросшее воинское мастерство, были атаки в спешенном виде и участие в ночных боях. Часть полка находилась в конвоях: при генерале от инфантерии Д.С.Дохтурове, при графе П.А.Толстом, при начальнике Симбирского ополчения действительном статском советнике князе Н.И.Тенишеве. В 1812—1814 гг. военные начальники высокого ранга с большой охотой включали в свой конвой башкир за эффектность их внешнего вида и вооружения (М.Б.Барклай де Толли, П.Х. Витгенштейн и т. д.). В некоторых случаях право включения в конвой, или, как тогда называли, в «ординарцы», предоставлялось башкирам, отличившимся в бою и имевшим награду. Тон «восточных конвоев» задавал сам Наполеон, у которого в охране были мамлюки.

1 февраля 1814 г. полк находился под Гамбургом в д. Гросс-Борель. К этому времени полк потерял умершим своего полкового командира — башкирского чиновника, в госпиталях в Дрездене, Бранденбурге, Кремнице, Спремберге оставались 18 больных башкир и чиновников. В мае полк был оправлен из Гамбурга через Варшаву на родину, куда прибыл в декабре. На 1 декабря, при возвращении на сборное место, в полку состояли обер-офицер, помощник командира полка, 5 есаулов,
5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, мулла, писарь, унтер-офицер «для письменных дел», 459 башкир, 411 строевых и 213 вьючных лошадей.

Четыре башкирских полка входили в состав Резервной армии генерала от инфантерии князя Д. И.Лобанова-Ростовского и были расквартированы в Польше (17—20-й). 17-й полк конвоировал транспорты в армию, пленных, осуществлял связь

Портрет князя Д. И. Лобанова-Ростовского. Неизвестный художник. Холст, масло. 1810-е г.

«на летучих почтах», а также между 3-ми 4-м корпусами Резервной армии. На 2 октября 1813 г. в полку состояли штаб-офицер, его помощник, 4 есаула, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, унтер-офицер «для письменных дел», 493 башкира, денщик, 484 строевых и 165 вьючных лошадей. В ходе кампании полк потерял умершими полкового муллу и 7 рядовых.

18-й Башкирский полк с августа 1813 г. подчинялся командиру 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту П.К.Эссену. Штаб-квартира полка была в Кракове. Две трети личного состава полка находилось в командировках: состояли в конвое князя Лобанова-Ростовского, сопровождали в армию транспорты с продовольствием, пленных, осуществляли «летучие почты» в Ковно, Брест-Литовск, Люблин, связь между 3-ми 4-м корпусами Резервной армии *[РГВИА*. Ф. 125. Оп. 1/188а. Д. 129. Л. 542-543]. На 1 января 1814 г. в полку числились командующий полком, полковой командир, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, унтер-офицер «для письменных дел», 473 башкира, 2 денщика; 484 строевые и 172 вьючные лошади. В походе полк потерял муллу и 47 рядовых-башкир.

19-й Башкирский полк (полковой командир — башкир походный старшина Абдулнасыр Абдулгафаров) был включен в состав корпуса генерал-майора князя Горчакова 4-го в Резервной армии. 28 июля 1813 г. полк был направлен в м. Сельцы *[Там же*. Ф. 9194. Оп. 4/1906. Св. 109. Д. 3. Л. 33 об. — 34]. 16 октября на «Ломжинской» (голубого цвета) ленте для сопровождения транспортов в действующую армию. На 2 октября 1813 г. в полку состояли штаб-офицер, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, унтер-офицер «для письменных дел», мулла, 494 башкира, 477 строевых и 207 вьючных лошадей.

20-й Башкирский полк (полковой командир — башкир есаул Райман Кагарманов) был включен в состав корпуса генерал-майора князя Горчакова 4-го в Резервной армии. 27 июля 1813 г. полк был направлен в Плотск, 5 августа командирован в Варшаву «для учреждения посредством летучих почт сообщений 1—3-го корпусов Резервной армии с Главной квартирой» *[Там же*. Ф. 109. Оп. 1/186в. Д. 6. Л. 1 с об.]. Часть полка конвоировала пленных, часть поддерживала внутреннюю связь дивизий в м. Венгров. Главная квартира полка была м. Рава. На 2 октября 1813 г. в полку состояли штаб-офицер, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, унтер-офицер «для письменных дел», мулла, 500 башкир, 512 строевых и 256 вьючных лошадей.

В Белоруссии в 1813—1814 гг. находились 3, 5, 6-й башкирские полки, которые также несли службу на кордонах по р. Неману, содержали караулы, конвоировали пленных, сопровождали рекрутские партии. Таким образом, в Заграничном походе 1813-1814 гг. участвовали 18 башкирских полков: 1, 2, 4-й, команда 5-го, 7—20-й. Непосредственно в боевых действиях в 1813—1814 гг. приняли участие 13 башкирских полков: 1, 2, 4-й, команда 5-го, 7—9-й, 11—16-й. Из них в 1814 г. в Париж в составе союзных войск вступили 1,2, 5, 8, 9, 12—15-й башкирские полки и отдельная команда 4-го полка *[ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2075. Л. 5; Д. 4019. Л. 2, 3; Д. 4020. Л. 4-37; Д. 4021. Л. 33-102; Д. 4022. Л. 2-110].

В ходе боевых действий башкиры совершали подвиги, за что получали награды. В качестве награды мог быть очередной чин или орден. В основном это был орден Св. Анны 3-й степени, который представлял собой красный эмалевый крестик, вставленный в эфес или клинок сабли. На саблю также полагался в этом случае красный «Анненский» темляк. Некоторые башкиры-воины имели почетную солдатскую награду - Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест). Несколько башкир-офицеров были награждены орденом Св. Владимира 4-й степени, который был знаком особого рода, поскольку давал преимущества в получении потомственного дворянства. Многие башкиры получили коллективные награды — серебряные медали. Участники Отечественной войны 1812 г. были награждены серебряной медалью на «Андреевской» (голубого цвета) ленте «В память Отечественной войны 1812 года». Другая коллективная награда, серебряная медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» (дата 19 марта — день вступления союзных войск в столицу Франции, которая была взята 18 марта), была учреждена в 1814 г., но Александр I, жалея самолюбие французов, медаль не вручил. Через 12 лет, после его смерти, новый император Николай I «накануне годовщины вступления русских войск в Париж, 18 марта 1826 года, повелел освятить эту медаль на гробнице своего брата» *[Кузнецов, Чепурнов,* 1992. С. 239]. Выдача этой медали началась в 1826 г. и завершилась, в 1832 г. Поскольку башкирские

полки были распущены в 1814—1815 гг., а полковые списки остались в военном архиве, многие полки в ходе войны были разделены на команды, конвои и т. д., было трудно выявить, кто из башкир непосредственно участвовал во взятии Парижа, а кто нет, имея в виду, что большая часть башкирских полков приняла участие в Заграничном походе. Многие участники похода к этому времени умерли. Поэтому высланное из Петербурга определенное количество медалей раздавалось бессистемно, их получили как участники взятия Парижа, так и те, кто находился в походе во Франции.

В истории участия Башкиро-мещерякского войска в войне с Наполеоном есть один эпизод, который ярко демонстрирует подлинность патриотического порыва народов края в трудное для страны время. Кроме формирования и отправления в армию 20 башкирских конных полков, несения службы на Оренбургской пограничной линии, башкиры и мишари добровольно подарили правительству 4 139 лошадей, предназначенных для нужд армии.

В целом, этот факт известен в исторической литературе *[Усманов,* 1964. С. 56—57, 59—60; *История...* 1996. С. 393; *Рахимов,* 2010. С. 207—213]. Известно, что впервые о желании башкир и мишарей подарить лошадей правительству сообщил Оренбургский военный губернатор Волконский в своем донесении от 14 июля 1813 г. Речь шла о пожертвовании 3 600 лошадей для полков уланских и полевой артиллерии. Затем в процессе сбора добавились еще 539 лошадей. Несмотря на то, что башкиры издавна занимались разведением лошадей и не испытывали в них недостатка, необходимо учитывать, что строевые лошади в то время имели достаточно высокую цену и не все могли иметь их в большом количестве. С 22 полками башкир имишарейв 1811—1812 гг. на войну ушло, по нашим подсчетам, 18 768 лошадей. На Оренбургскую линию было командировано 12 тыс. башкир, что соответствует примерно 20 тыс. лошадей. В лошадях нуждались казаки, башкиры и мишари, направляемые на Оренбургскую линию и в армию. Что же явилось причиной для пожертвования, кстати, оно было добровольным со стороны дарителей, о чем специально упоминает в своем донесении Волконский? На наш взгляд, в данном случае в какой-то мере сыграла свою роль историческая память о покупке драгунских лошадей для армии Петром I и сборах после башкирских восстаний XVIII в. так называемых «штрафных лошадей», т. е. представление о ценности лошади для государства. Для башкир, сохранявших во многом полукочевой уклад и живших в традиции степной культуры, лошадь оставалась самым ценным, что можно было иметь человеку.

Медаль «В память 1812 года». Фото (аверс и реверс)

Вероятно, побудительным мотивом стала массовая закупка лошадей для артиллерии у башкир и мишарей, которую проводили в начале 1813 г. в Оренбурге командир Оренбургского по артиллерии округа генерал-майор Быковский и командир 52-й легкой артиллерийской роты, квартировавшей в городе, подполковник Борисен. За это время они купили 1 тыс. лошадей *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3450. Л. 20 об.], которые были нужны для 52-й легкой артиллерийской роты и 44-й батарейной роты в Казани. В ходе войны Александр I приказал управляющему Военным министерством учредить в Нижнем Новгороде артиллерийское депо, в которое надо было перевести людей и лошадей из 44-й батарейной роты, а из 52-й легкой артиллерийской роты — лошадей *[Сборник...* 1876. С. 57—58]. В Казани надлежало вновь сформировать батарейную роту № 44 взамен поступающей в депо, доукомплектовав ее людьми из рекрутов и лошадьми. В Оренбурге в 52-ю легкую роту на место лошадей, передаваемых в Нижегородское депо, было нужно купить новых, чем и занимались Быковский и Борисен.

Так как подаренные лошади не годились по своему росту в кавалерию, по повелению Александра I они были определены для артиллерии. Лошади были башкирской породы, отличающейся не только неприхотливостью, выносливостью, возможностью пастись зимой на поле (тебеноваться, т. е. разгребать снег копытами в поисках травы), но и невысоким ростом. Большая часть лошадей имела рост не более 1 аршина 14 вершков (132,6 см), а в артиллерию требовались лошади ростом не менее 1 аршина 14,5 вершков (134,8 см), в кавалерию — еще выше. В сентябре 1813 г. Артиллерийский департамент Военного министерства решил перевести подаренных лошадей в Вильно, «где они в разсуждении малого своего роста могут быть достаточным запасом для перволинейных артиллерийских парков» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3450. Л. 19]. Окончательными пунктами прибытия лошадей были назначены Вильно и Бобруйск.

Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.». Фото (аверс и реверс)

Сопровождать лошадей должны были офицеры, казаки Оренбургского казачьего войска и башкиры, причем они должны иметь «вооружение по их обыкновению, которых после можно обратить на укомплектование в армии казачьих и башкирских полков» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3450. Л. 14 об.]. Все лошади были разбиты на двадцать партий по 200 лошадей. Первые десять партий были направлены в Бобруйск. Их сопровождали Оренбургского казачьего войска 3 офицера, 10 урядников, 182 казака, 30 башкирских чиновников, 511 рядовых башкир.

Партии в Вильну сопровождали 3 офицера-казака, 10 урядников, 176 казаков, 30 башкирских чиновников, 521 рядовой башкир. Всего было 20 урядников, 358 казаков, 6 офицеров, 30 башкирских чиновников, 1 032 рядовых башкир | *Там же. Л.* 36—37 об.]. На укомплектование полков, находящихся в армии, казаки предназначались в Атаманский, 1—3-й оренбургские казачьи полки *[Юдин,* 1912. С. 14-17; *РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3450. Л. 39-39 об.].

Отправление транспортов началось 30 ноября и закончилось 27 декабря 1813 г. Насколько строго соблюдались дисциплина и порядок, показывают потери лошадей во время следования их на запад. В Бобруйск прибыло 2 054 лошади, в Вильно 2025. Всего в пути умерло 60 лошадей, это ничтожно малая часть, всего 1,5 %. Вероятно, именно эти партии башкир видел военнопленный Великой армии французский подполковник К. Шенк, находившийся в Саратове и оставивший в своих записках несколько фантастическое описание прохода их через губернию: *«Я* также имел удовольствие увидеть проходящими [через город] несколько башкирских полков» *[Шенк,* 2004. С. 95].

Еще один, анонимный, военнопленный, немец, также находившийся в Саратове и общавшийся с другими своими коллегами по несчастью, оставил редкое описание того, как проходила переправа через Волгу лошадиных табунов: «Прекрасные кони, которые представляют собой украшение русской армии, поставляются по большей части с противоположного берега Волги. Один из моих друзей рассказал мне, как целые табуны коней переправляются через широкую реку. Обычно они сотнями пригоняются небольшим числом калмыков или башкир в расположенный напротив Саратова казачий городок (Kosakenstadt); оттуда весь табун загоняется в реку, которая становится все глубже и глубже. Один из табунщиков скачет верхом впереди, и весь табун следует за ним. Когда становится так глубоко, что продвигаться дальше кони могут только вплавь, табунщики крепко хватаются за длинные гривы коней и прыгают в реку; первый конь обучен плыть точно в то место, где табуны обычно выходят на противоположный берег; за ним следуют все остальные, и лишь изредка такая переправа для кого-то из коней заканчивается неудачей. Как раз при переправе транспорта, за которым наблюдал мой друг, уже недалеко от берега один из коней запутался в корягах, которые здесь и там попадаются в реке, и утонул. Плывшие следом табунщики, прежде чем он полностью ушел под воду, успели набросить ему веревку на шею и, достигнув берега, вытащили его из реки, разожгли костер и во время отдыха после переправы с огромным аппетитом пожирали мясо утонувшего коня» *[Merkwiirdige,* 1817].

Иногда в литературе встречается утверждение, что из 1 062 человек, сопровождавших лошадей, башкиры составляли на самом деле два безномерных полка *[Усманов,* 1964. С. 37]. Можно предположить, что это были два башкирских полка, предназначенных для армии, но не получивших номеров, однако утверждать однозначно об их полковой организации не стоит. В переписке по вопросу о пожертвовании лошадей вообще не упоминается о том, что это были какие-либо башкирские полки, номерные или безномерные, а лишь высказывается предположение, что они могут служить к укомплектованию уже существующих башкирских и казачьих полков. Если же судить по количеству человек, то они составляли как раз два полка.

Прибывшие в Вильно и Бобруйск казаки действительно были частично направлены на пополнение полков Оренбургского войска. Башкиры были расквартированы в Вильно, окрестностях Бобруйской крепости и города Борисова. Здесь они несли караульную службу, сопровождали транспорты с пленными, участвовали в строительстве Бобруйской крепости. Башкиры и казаки находились на довольствии Военного министерства, являясь частью иррегулярных войск, размещенных в западных губерниях и в Польше.

Таким образом, можно считать, что башкиры, сопровождавшие подаренных лошадей, являлись участниками Заграничного похода 1813-1814 гг.,

неся караульную службу в глубине стратегических коммуникаций российской армии. Одновременно с ними в Минской губернии находились части Владимирского ополчения, казачьи и башкирские полки (5-й и 6-й), которые содержали караулы, несли конвойную службу, помогали земской полиции наблюдать за порядком. Эти войска служили резервом как для армии, воевавшей во Франции, так и для местной администрации, для поддержания спокойствия в крае.

После окончания войны башкирские полки, вышедшие на войну, были возвращены в пределы Оренбургской губернии. Вначале о башкирах, сопровождавших подаренных лошадей, командование как будто забыло. Виленский губернатор 12 августа 1814 г. сообщал о том, что «нижние чины в конвойных командах, приведших из Оренбурга в Вильно пожертвованных лошадей для артиллерии, обносились амуницией и терпят в ней нужду, а потому испрашивается разрешение: должны ли те команды остаться в Вильне или отправлены быть к своим местам?» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 3450. Л. 97, 100]. Такое же донесение отправил и Минский военный губернатор 31 июля 1814 г. На оба донесения было дано разрешение отправить башкир на родину. Документы показывают, что из числа башкир, сопровождавших лошадей, имелись заболевшие и умершие.

Какова же была судьба подаренных лошадей? Из общего числа 4 139 до места назначения дошли 4 079 лошадей. Из них в 1814 г. поступили на укомплектование армии: в артиллерийские роты - 628, в подъемные парки — 754, для Польской армии - 257 лошадей. В Волонтерный полк по назначению Литовского военного губернатора Римского-Корсакова были определены 125 лошадей. В Бобруйской крепости при строительных работах пало 379 лошадей. Передано для раздачи бедным жителям в Бобруйский нижний земский суд 34 лошади. Продано с аукциона в два этапа, в начале и в августе - сентябре 1814 г., 1 902 лошади: в Бобруйске - 166 и 705, в Вильне — 461 и 570, на общую сумму 74 891 руб. 12 коп. *[Там же.* Л. 110—110 об.]. Деньги, вырученные от продажи, поступили в артиллерийскую сумму при Виленской и Бобруйской артиллерийских командах. Разрешение на продажу лошадей давал лично император. Итак, поступило на службу 1 764, продано 1 902, роздано бедным 34, пало и пристрелено 439 лошадей. Можно считать, что подаренные башкирами и мишарями лошади были использованы военным командованием по назначению.

Данное пожертвование впоследствии не осталось незамеченным. Вообще, факт дарения такого большого количества лошадей, основной тягловой силы в то время, не имел прецедента, он был необычен. 15 мая 1816 г. Александром I было объявле-

Портрет императора Александра I.
С. С. Щукин. Холст, масло. Начало 1800-х г.

но «Высочайшее благоволение башкирскому и мещерякскому народам за подаренных в 1813 г. 4 139 лошадей». Высочайшее благоволение, объявленное всему народу, — награда высокая. Необходимо отметить, что в наполеоновские войны доблестно и отважно воевали донские, украинские, черноморские, уральские, оренбургские казаки, башкиры, мишари, калмыки ставропольские и астраханские, крымские татары и тептяри. За проявленную самоотверженность и героизм отдельные полки казаков получили наградные знамена. Но только два иррегулярных войска получили коллективную награду за наполеоновскую эпопею. Это Башкиро-мещерякское войско, получившее 15 мая 1816 г. «Высочайшее благоволение», и Донское казачье войско, награжденное 19 ноября 1817 г. Георгиевским знаменем «В ознаменование подвигов, оказанных в последнюю Французскую войну, в 1812, 1813 и 1814 годах» *[Казин,* 1912. С. 57]. Правительство помнило об этом патриотическом поступке башкир и в последующее время. Так, в формулярных списках чиновников, списках рядовых башкир по кантонам факт пожертвования лошади в 1813 г. обязательно фиксировался, как и «Высочайшее благоволение» 1816г. *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3798; Д. 3828].

Таким образом, в 1811—1812 гг. башкирский народ сформировал и отправил на войну с Наполео-

ном 20 пятисотенных конных полков, а в 1813 г. тысячная команда башкир сопровождала подаренных 4 139 лошадей (это соответствует 22 полкам, два из которых несли гарнизонную службу). Всего на войну ушло 11 662 башкира. Среди казачьей и национальной конницы в российской армии эпохи наполеоновских войн башкиры были вторыми по численности после донских казаков. Имея традиционное вооружение и снаряжение, башкиры храбро воевали, стойко переносили тяготы походной жизни. Кроме того, башкиры в 1812 г. отправили усиленный наряд на Оренбургскую пограничную линию в количестве 12 тыс. человек. Замена башкирами казаков и регулярных частей на линии позволила военному командованию направить в армию и на войну так необходимые там оренбургские и уральские казачьи, Оренбургский драгунский, 1-й и 2-й тептярские, Уфимский, Рыльский и Екатеринбургский пехотные полки, несшие до этого службу на границе. Будучи уверенным в надежном прикрытии пограничной линии башкирами, Оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский смог в 1812 г. направить из гарнизонных батальонов в армию дополнительно более 2 200 офицеров, унтер-офицеров и рядовых *[Рахимов,* 20096. С. 186]. Участие башкирского народа в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг. навсегда осталось примером проявления глубокого патриотизма, верности России, мужества и героизма ее воинов.

БАШКИРЫ В РУССКОЙ АРМИИ В ВОЙНАХ 20—50-х ГОДОВ XIX ВЕКА

После Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813—1814 гг. башкирская конница участвовала в трех военных кампаниях в составе российской армии — в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг., Русско-польской войне 1830-1831 гг. и Крымской войне 1853—1856 гг.

Первой войной после наполеоновских, в которой приняли участие башкиры, была Русско-турецкая война 1828—1829 гг., связанная с борьбой России и европейских держав за раздел владений распадающейся Османской империи. В ответ на объявление Турцией «священной войны» российская армия под командованием генерал-фельдмаршала князя П.Х. Витгенштейна (с 1829 г. генерал-фельдмаршала И. И. Дибича) форсировала р. Дунай, осадила крепости Варну, Силистрию, Браилов, Шумлу. В1829 г., разбив турецкие войска, она перешла Балканы и подошла к подступам Константинополя, на Кавказе русские войска находились у Трапезунда. Все это привело к заключению выгодного для России Адрианопольского мира. Боевые действия осложняла эпидемия холеры, от которой потери были выше военных. В войне приняли участие 1-й и 2-й башкирские конные полки, Уральский казачий № 4, Оренбургский сводный казачий № 8, состоявший наполовину из казаков и башкир, и Оренбургский казачий № 9 полки, направленные во 2-ю армию. Все они были пятисотенного состава (19 офицеров, 21 урядник, 550 нижних чинов).

В исторической литературе участие башкир в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. не получило должного освещения. В дореволюционной историографии находим только сообщение В. М.Черемшанского о добровольном выделении башкирами в помощь армии 1 тыс. верблюдов «для перевоза тяжестей через Балканские горы» *[Черемшанский,* 1859. С. 368]. Советская также носит справочный характер. Например, в «Очерках по истории Башкирской АССР» лишь сообщается о 2 башкирских и 2 оренбургских (состоявших наполовину из башкир) полках, направленных в армию *[Очерки...* 1959. С. 71]. Более детальную информацию о несении кордонной службы башкирами в 1828—1830 гг. можно почерпнуть в трудах А.З.Асфандиярова *[История...* 2004. С. 353; *Асфандияров,* 2005. С. 84.]. Сведения о службе оренбургских сводных казачьих полков сообщает В.А.Кузнецов *[Кузнецов,* 2009. С. 63-68].

Для несения кордонной службы в составе 2-й армии в феврале 1828 г. были сформированы из башкир 6-го и 9-го кантонов 1-й и 2-й башкирские полки, направленные из Каргалинской слободы и Оренбургакг. Тирасполю *[Навеки...* 2007. С. 196—197]. В июле 1-й полк нес службу на кордонах на р. Днестр между Ямполем и Григориополем, 2-й — между Григориополем и Днестровским лиманом. В августе в связи с началом войны оба полка были переведены на р. Прут. В октябре - декабре они находились в составе III резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта графа И.О. деВитта. В декабре 1-й Башкирский полк квартировал в крепости Измаил, 2-й - в крепости Килия. По окончании войны в 1830 г. полки вернулись в губернию. Поскольку, как сообщает Черемшанский, башкирский народ предоставил армии более тысячи верблюдов, то, вероятно, их должны были сопровождать около 500 башкир.

Оренбургский сводный казачий № 8 полк пятисотенного состава состоял наполовину из башкир и мишарей, наполовину из казаков, был сформирован в 1827 г. (командир — есаул Ваулин). Он был командирован в Херсонскую губернию для смены Оренбургского казачьего № 6 полка и несения пограничной службы на кордонах и постах на Днестре и Днестровском лимане *[Кузнецов,* 2009. С. 65]. В декабре 1828 г. полк был назначен в состав 2-й армии, воевавшей против Турции, поэтому его перевели в Бессарабию на Прут и Дунай, где по случаю эпидемии чумы он содержал карантинные

кордоны, пикеты, осуществлял летучую почту, конвоировал транспорты [*Надергулов*, 2008. С. 48].

Согласно решению Венского конгресса, бывшее Варшавское герцогство вошло в состав Российской империи под названием Царство Польское. Оно управлялось наместником императора Великим князем Константином Павловичем, имело свою конституцию, административный аппарат, армию, денежную систему. Несмотря на многие привилегии, недоступные для всей России, поляки были недовольны сложившимся положением и 29 ноября 1830 г. подняли восстание. В отечественной историографии данные события получили название «Польское восстание», или «Русско-польская война 1830—1831 гг.». Боевые действия российской армии в Польше в феврале — марте 1831 г. не увенчались успехом, хотя польские войска были разбиты в сражениях при Вавре, Грохуве и отброшены к Варшаве. Не хватало запасов, осадной артиллерии, началась эпидемия холеры. В результате поляки перешли в наступление, Литва, где в это время практически не было войск, кроме одной дивизии, стала неустойчивой. В течение июня - июля были подавлены волнения в Литве, Западной Белоруссии и на Волыни. Российская армия переправилась через Вислу и двинулась к Варшаве, 26 августа 1831 г. взяла ее штурмом. В октябре сдались последние остатки польской армии. Война осложнялась огромной территорией, на которой вспыхнуло восстание, активной поддержкой населением повстанцев — «косинеров», а также эпидемией холеры, унесшей больше жизней, чем боевые столкновения.

В состав российской армии, находившейся в Польше, входили наряду с регулярными и иррегулярные части - донские, черноморские, терской, уральский, оренбургские казачьи полки. Из Оренбургской губернии на войну было командировано 5 башкирских полков и 2-й Тептярский полк *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 3]. Историография участия башкирских частей в польских событиях 1830—1831 гг., как, впрочем, и других иррегулярных подразделений, достаточно скудная. «Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г.» называет фамилии командиров полков и этапы, назначенные для конвоирования пленных поляков *[Расписание...* 1831. С. 31—32]. Автор единственной монографии, непосредственно посвященной этой войне, А.К.Пузыревский описывает ряд сражений, в том числе в которых участвовали тептяри и казачьи полки, состоявшие из казаков и башкир, в приложении приводит информацию о местах их расквартирования, сообщает сведения о численности частей российской армии и повстанцев *[Пузыревский,* 1866]. В справочнике В.Х.Казина информация о башкирских полках на этапной службе отсутствует, однако есть сведения о двух полках оренбургских казаков, имевших смешанный состав с башкирами *[Казин,* 1912. С. 264-265]. В советской историографии тема по понятным причинам стала запретной, и лишь в «Очерках» сообщалось, что «в 1830—1831 гг. два оренбургских и пять башкирских полков были командированы в Белоруссию и Польшу для несения этапной службы и конвоирования военнопленных» *[Очерки...* 1959. С. 71; *История...* 1996. С. 357; *Асфандияров,* 2005]. В последнее время рассматривали службу башкир, тептярей и казаков в 1831 г. Р. Н. Рахимов и В.А. Кузнецов *[Рахимов,* 2007. С. 121-124; 2008а. С. 92-97; *Кузнецов,* 2009. С. 65]. М.Х.Надергуловым выявлены, переведены на русский язык и опубликованы мемуарные записки одного из башкир, участника похода в составе оренбургского казачьего полка *[Надергулов,* 2008. С. 42—51; 2009. С. 216-219; *Нәзерғолов,* 2003. С. 109—119].

Отправление 2-го Тептярского полка последовало вследствие Высочайшего повеления командиру Отдельного Оренбургского корпуса графу П.П.Сухтелену 7 декабря 1830 г. *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 3]. Полк выступил после смотра командиром корпуса из Сеитовской слободы и должен был следовать в Гродно, куда ожидалось его прибытие к 17 апреля 1831 г. Сохранилось «Описание похода 2-го Тептярского полка в 1831 г.», составленное обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса полковником А.А.Жемчужниковым *[Там же.* Ф. 478. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-6 об.]. Выступив в поход 7 декабря 1830 г., тептяри прошли маршем через Оренбург, Симбирск, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Смоленскую и Могилевскую губернии. Через р. Березину полк переправился на пароме в районе д. Березины, далее направился к Минску, но в город не вошел из-за эпидемии холеры. Затем тептяри выступили к г. Вилейке, поскольку имелись сведения о том, что в нем находится польский отряд под командой некоего Болишевского. Из-за темной ночи и «по незнанию проводника» в Вилейку полк вошел лишь с рассветом. Польский отряд был предупрежден о движении полка и ночью покинул город, оставив в нем оружие, хлеб и 30 солдат с офицером. Все они были взяты в плен и вместе с 200 тыс. руб., найденными в городе, доставлены к виленскому военному губернатору. В городе были освобождены священник и городские служители, заключенные поляками в тюрьму. 11 апреля 1831 г. полк переправился через р. Вилию и направился к Сморгони, затем к Солле.

Литовцы втайне поддерживали поляков, поэтому полк решено было не направлять в Действующую армию в Польшу, а оставить в распоряжении виленского военного губернатора генерал-адъютанта М. Е. Храповицкого. Он командировал сотню

№ 1 под командой есаула Леружа в отряд генерал-майора Отрощенко в г. Ошмяны, а сотню № 3 под командой есаула Коитова — в Минскую губернию «для преследования мятежных шаек» *[РГВИА.* Ф. 478. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.]. Оставшиеся сотни № 2, 4, 5 направились из Соллы в Вильно, куда вступили 20 апреля 1831 г. В этот же день был произведен смотр полка виленским военным губернатором, и с его разрешения полку был дан пятидневный отдых. После 25 апреля еще одна сотня, № 2 под командованием есаула Иванова, была командирована в г. Троим для оказания помощи земской полиции в усмирении жителей и преследовании отрядов мятежников. Оставшиеся в Вильно сотни № 4 и 5 производили рекогносцировки в губернии, преследовали отряды мятежников, в районе г. Ошмяны к ним были прикомандированы эскадроны уланского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича полка и одно орудие конной артиллерии. Впоследствии в отряд вошло еще одно орудие пешей артиллерии. Командиром отряда стал подполковник Болценталь, а полком, вернее двумя его эскадронами, командовал майор Ф.Н.Корф. Этот отряд в течение мая делал экспедиции по Виленской и части Минской губерний, потом вернулся в Вильну и стал лагерем рядом с ней.

Командующий польской армией генерал Я.Скржинецкий, спасая свои войска в Польше от полного разгрома, решил провести отвлекающий маневр - атаковать русские войска в Литве и захватить Вильну. 19 июня польская дивизия Гелгуда атаковала Вильну, но была разбита русскими войсками во главе с генерал-фельдмаршалом Ф.В. фон дер Остен-Сакеном. В этом сражении полк (два эскадрона — 234 чел.) находился на Понарских высотах в резерве и в бою непосредственного участия не принимал [*Хронологический*... 1911. С. 114]. С 27 июня некоторая часть полка, в составе которой были зауряд-есаул Б. Курбангалин и зауряд-сотник Ишигулов, была командирована в отряд генерал-лейтенанта В.И.Каблукова (4-я гусарская дивизия). Затем она вошла в отряд генерал-лейтенанта Е.Я.Савоини, преследовавший отступавших поляков *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1276. Л. 22]. Тептяри в его составе участвовали в бою при г. Паневеже 5 июля, а с 16 июля были в «поиске, открытии и преследовании» от «местечка Авант до местечка Мамты». Преследование завершилось упорным боем, закончившимся лишь ночью *[Денисон,* 2001. С. 377].

В течение июня — июля были подавлены волнения в Литве, Западной Белоруссии и на Волыни. Российская армия переправилась через Вислу и двинулась к Варшаве. В январе 1832 г. почти все отдельные части были собраны в Вильно, 1 февраля командиром полка был назначен майор Корф. Сразу после этого назначения полк получил предписание выступить обратно в Оренбургскую губернию. 25 февраля по утвержденному маршруту полк отправился в тяжелый весенний поход. Марш был затруднен еще и тем, что пришлось оставить большое число раненых и больных в разных госпиталях. Тем не менее 20 июня 1832 г. 2-й Тептярский полк прибыл в Бузулук, где был остановлен для отдыха и приведения в порядок амуниции, лошадей, оружия.

Оренбургские сводные казачьи полки № 8 и 11, состоявшие наполовину из оренбургских казаков и башкир и находившиеся на пограничной службе на юге России, были также направлены в Польшу. В 1830 г. четыре сотни 8-го полка были командированы в Польшу в команду начальника казачьих полков генерал-майора М. Г. Власова 1-го, одна сотня находилась в распоряжении Минского губернатора А.Ф. фон Дребуша вместе с сотней 11-го полка, всего 210 человек *[Пузыревский,* 1866. Приложения]. Все сотни полка приняли активное участие в боевых действиях против мятежников в Польше и на Волыни. В феврале—марте сотни полка участвовали в боях при Марионополе, Вильно и Ковно *[Кузнецов,* 2009. С. 65—66]. В 1832 г. полк вернулся в Оренбургскую губернию. За отличия в боях хорунжий Хусаин Агиев был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом *[Никольский, Чернощеков,* 1907. С. 479]. 11-й полк (командир - войсковой старшина П.П.Нагашев) был командирован в Херсонскую губернию для несения карантинной службы на кордонах и постах в г. Тирасполе и на р. Днестре. В декабре 1830 г. он был направлен в Польшу, где принял участие в боевых действиях в Подолии и на Волыни *[Пузыревский,* 1866. Приложения]. «Сведения о казачьих войсках в действующей армии. 1831 г.» показывают, что 8-й Оренбургский сводный казачий полк находился в отряде генерал-майора барона Д.Е. фон дер Остен-Сакена в Загряжье на правом берегу р. Нарев *[Казин,* 1912. С. 264—265]. 11-й Оренбургский сводный казачий полк имел две сотни в распоряжении у временного волынского губернатора А. П. Римского-Корсакова, и две сотни следовали из Дубоссар в армию *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 20]. В 1832 г. полк переведен полностью в Бессарабию, где принял от 9-го Оренбургского казачьего полка карантин нар. Прут и обязанность содержать летучую почту. В феврале 1835 г. полк вернулся в губернию.

Сохранились мемуары башкира Усмана Ишмухаметова, служившего в этом полку, они помогают воссоздать детали боевой и походной жизни башкир и казаков. Вооружение воинов состояло из сабли, ружья и пики, каждая сотня состояла из 110 человек, командиры были из казаков. Вьючные лошади полагались одна на двоих. Башкиры получили обмундирование: синие чекмень и шаровары

с красными лампасами, белая шапка башкирского покроя, седло с суконным вальтрапом. Казаки соединились с башкирами в Самаре. Строй полка на марше состоял из перемежающихся шеренг башкир и казаков. В Тирасполе башкиры вместо национальных головных уборов, пришедших в негодность, надели форменные картузы. В польской местности, опасаясь нападения на квартиры, командование запрещало казакам, башкирам и солдатам ночевать в домах, а только на биваках. Башкиры и казаки занимались поиском бродивших в округе повстанцев, несли сторожевую службу на пикетах, участвовали в полевом сражении против польской армии, завершившемся штурмом города. Во время полевого сражения полком временно командовал гусарский офицер регулярной армии *[Надергулов,* 2008. С. 45-47].

Во время Русско-польской войны 1830—1831 гг. были сформированы 5 башкирских полков, которые конвоировали пленных поляков. 3-й полк (командир - войсковой старшина Адеев) конвоировал по этапам от Бобруйской крепости до Земли Войска Донского; 4-й (есаул Шубин) — от Москвы до Казани; 5-й (есаул Савин) — от Воронежа до Пензы и Земли Войска Донского; 6-й (есаул Альмемев) — от Минска до Москвы; 7-й (есаул Ситников) — от Минска до Воронежа. Срок их службы показывают сведения из формулярного списка М.Уметбаева, служившего в 5-м полку — с 25 июня 1831 по 2 апреля 1832 г. [*Надергулов*, 1995. С. 169—172]. Эти полки, находясь на довольствии Военного министерства и считавшиеся откомандированными на внешнюю службу, в число войск, участвовавших непосредственно в военных действиях, не входили.

Таким образом, в польских событиях 1830—1831 гг. Башкиро-мещерякское войско приняло активное участие, командировав 5 полков для препровождения пленных, а также в боевых действиях непосредственно в составе двух сводных казачьих полков. Как и во время Отечественной войны 1812 г., башкиры выставили наибольшее количество полков среди иррегулярных войск после донских казаков. Всего Башкиро-мещерякское войско в 1830—1832 гг. выставило более 3 тыс. воинов на внешнюю службу, не считая 7 тыс. человек, которые несли службу на Оренбургской пограничной линии и во внутренних губерниях.

Крымская, или как ее называли Восточная, война 1853—1856 гг. была последней войной, в которой приняла участие башкирская конница. Во время этой войны в Башкиро-мещерякском войске было сформировано 4 конных полка, из которых 2 должны были быть направлены в Крым, а 2 полка были направлены для защиты побережья Балтийского моря от возможной высадки противником десанта. В историографии участие башкир в этой войне освещено недостаточно либо

Медаль «За турецкую войну 1828–1829». Фото (аверс и реверс)

вообще отсутствует, как в монографиях А.М.Зайончковского и Е.В.Тарле *[Зайотковский,* 2002; *Тарле,* 2003]. Дореволюционная историография ограничивается отрывочными сведениями [*Башкиры*... 1877. С. 306]. В.Х.Казин упоминает о сформировании «по военным обстоятельствам» четырех полков в 1854 г. *[Казин,* 1912. С. 22]. В статье «Балтийский корпус» энциклопедии И.Д.Сытина кратко описаны боевые действия 1-го полка в 1855 г. *[.Военная...* 1911. С. 371-372]. Советская историография представлена краткой справкой в «Очерках по истории Башкирской АССР» о сформировании четырех башкирских полков, из которых 2 были посланы в состав действующей армии и обороняли побережье Финского залива. Эта информация была более развернута А.З.Асфандияровым [*Очерки...* 1959. С. 71; *История...* 1996. С. 399; *История...* 2004. С. 355]. Он приводит штатную численность полков, направленных на войну, дает оценки современников боевых качеств башкир. Касаясь судьбы других полков, он считает, что «так как правительство Николая I опасалось последствий соприкосновения “единоверцев” - башкир с турками», это привело к тому, что «2-й и 4-й полки были расформированы в июле 1854 г. по мотивам “ненадобности оных”» *[Асфандияров,* 2005. С. 85]. В другой своей работе он отмечает, что именно В.А.Перовский добился участия полков Башкиро-мещерякского войска в Крымской войне *[Асфандияров,* 2006. С. 96]. Обобщил историографию и дополнил новыми сведениями о формировании и участии башкирских полков в войне Р.Н.Рахимов *[Рахимов,* 20086. С. 105-115].

Начавшаяся в 1853 г. война России с Турцией привела к тощ, что на стороне последней выступили Англия, Франция и Сардиния. Австро-Венгрия заняла нейтральную и откровенно недружескую позицию по отношению к Российской империи. Остро встал вопрос, связанный с защитой Балтийского побережья от возможной высадки десанта союзников. Анализ сложившегося положения на

Медаль «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.». Фото (аверс и реверс)

побережье Финского залива показывал, что в отношении обороны Эстляндского побережья, на котором находилось наибольшее количество удобных для высадки десанта мест, каких-либо сильных опорных пунктов не имелось.

Для решения вопросов, связанных с зашитой Балтийского побережья, а также морских крепостей (Свеаборг, Кронштадт) и Санкт-Петербурга, был создан специальный Комитет о защите берегов Балтийского моря, председателем которого стал наследник-цесаревич Александр Николаевич *[НИОР РГБ.* Ф. 169. Картон 21. Д. 8. Л. 1; *Милютин,* 2000. С. 303-306]. Что касалось сухопутной обороны Балтийского побережья, то в основу ее в 1854 г. легло решение оградить по возможности все наиболее населенные пункты побережья от того незначительного десанта, которым союзники могли им угрожать. Поэтому в Эстляндии было сосредоточено под начальством генерал-адъютанта Ф.Ф.Берга 18 батальонов и рота, 20 эскадронов и сотен и 32 орудия, большая часть которых находилась около Ревеля. В Лифляндии и Курляндии, уступное положение которых заставляло менее за них опасаться, находилось 14 батальонов, 22 эскадрона и сотни, 44 орудия. Все эти войска входили в состав Балтийского корпуса, которым командовал генерал от кавалерии В.К.Сивере.

29 сентября 1854 г. военный министр В.А.Долгорукий подготовил проект секретной записки «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря». По его мнению, в остзейских губерниях были два главных пункта: Ревель и Рига. В них имелись следующие силы — в Ревеле 20 тыс. солдат (24,5 батальона пехоты, 12 эскадронов, 4 сотни, 40 орудий); в Риге 10 тыс. солдат (9 батальонов, 2 сотни, 28 орудий) и в Курляндии еще 12 тыс. солдат (9 батальонов, 16 эскадронов, 6 сотен, 32 орудия). Всего получалось 42 тыс. человек, и, по мнению военного командования, они не могли справиться с защитой берегов *[НИОР РГБ.* Ф. 169. Картон 20. Д. 56. Л. 10]. Оно ожидало в следующем году высадки на Балтийском побережье англо-французского десанта в количестве 70—80 тыс. человек. Исходя из такого варианта событий, военный министр предлагал в случае высадки десанта сдать Ригу и Ревель противнику. Однако Николай I, соглашаясь с возможной сдачей Ревеля, Ригу сдавать запрещал. В организационном плане военный министр предлагал создать Отдельный наблюдательный корпус в Эстляндии, имеющий штаб в Ревеле, и Отдельный корпус в Курляндии и Лифляндии со штабом в Риге. Всего, по его мнению, необходимо было 275 тыс. человек для несения службы на берегах Балтики, а в наличии имелось 166 тыс. Для того чтобы увеличить силы, военный министр предлагал дополнительно употребить войска из Ковенской губернии и Литвы (8 батальонов, 16 эскадронов, 48 орудий - 9 тыс. человек), запасную дивизию II пехотного корпуса (24 батальона — 20 тыс. человек) и флотские экипажи, снятые с кораблей *[Там же.* Л. 19—20].

В связи с началом Крымской войны в Башкирском войске началось формирование башкирских конных полков. Хотя войско могло выставить не менее 10 конных полков, был создано четыре. Значительное число башкир находилось в составе транспортных команд в казахской степи, снабжая форт Перовский. Штаты кавалерии в это время представляли следующий состав: строевых нижних чинов в армейских гусарских и уланских полках — 1 620, армейских драгунских полках - 2 020, донском казачьем полку — 872 человека. Башкирские полки были сформированы по штатам донского казачьего полка. В них должно было быть 798 рядовых, 18 музыкантов и 56 урядников, всего строевых нижних чинов 872 человека в шести сотнях. К ним прибавлялись 21 офицер и 2 нижних нестроевых чина, что составляло 895 человек в полку. Формирование частей началось в Оренбурге в апреле, сразу по получении соответствующих указаний из Санкт-Петербурга. В своем рапорте от 4 апреля 1854 г. командующий Башкиро-мещерякским войском генерал-майор Н. В. Балкашин указывал, что «объявление в кантонах Высочайшей воли о сформировании полков, для отправления в действующую армию, было встречено башкирами с искренним восторгом, выразившимся живою, единодушною готовностию их поступать в состав полков. Явилось много охотников поменяться очередями, что было дозволено мне одиноким из очередных...» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7808. Т. 1. Л. 38 об.]. Формированием занимались майоры: попечитель 4-го и 6-го башкирских кантонов К. Булевский и состоящий при командире Отдельного Оренбургского корпуса чиновником по особым поручениям А.Н.Житков *[Там же.* Л. 5; Д. 15218. Л. 120—121]. Полки № 1 и 2 были собраны 13 мая в д. Емангулово

10-го башкирского кантона. К 25 мая в Верхнеуральском уезде был собран полк № 3 из жителей 7-го башкирского кантона. К лету 1854 г. было готово четыре башкирских полка, которые получили порядковую нумерацию № 1, 2, 3 и 4. В них поступили башкиры, предназначенные для наряда очереди 1848—1851 гг., имеющие возраст 25—40 лет, т. е. имевшие опыт военной службы. Офицеры в них были назначенные частично из армейской кавалерии, частично вновь принятые на службу из отставки. В 1-м и 3-м полках из нестроевых чинов имелись писарь и фельдшер.

Башкиры были вооружены карабинами, шашками и пиками, офицеры и урядники, кроме того, пистолетами. Зимние кафтаны предполагались темно-синего сукна, но его заменили белым, приклад был из синей крашенины. К ним полагались синие бешметы с белой тесьмой. Летняя форма представляла чекмень из белого сукна с прикладом пунцового ситца и плечевыми погонами алого сукна с прорезной цифрой и оловянной пуговицей. К ним полагались летние холстяные кители. Шаровары были темно-синего сукна с алыми лампасами. На обшлага и канты полагался красный кумач. Кроме того, полагались манишка из синей китайки, шапка, сапоги, холщевые патронташи. Офицеры имели чекмени белого с погончиками и темно-синего без погончиков цветов, шаровары с алыми лампасами, папаху с серебряным галуном, серебряные: галун, эполеты, кобуру, патронташ, шнур пистолетный, портупею *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7808. Т. 2. Л. 180-180 об., 208, 263]. Шашка с темляком была вызолоченная, с полированным клинком. На каждый полк было изготовлено 25 телег.

Два полка, 1-й и 3-й, по решению военного министра были направлены в Прибалтику «для благовременного открытия и предупреждения покушений неприятельского флота в Балтийском море и Финском заливе» *[Асфандияров,* 2005. С. 84]. Командир 1-го башкирского полка — полковник, затем генерал-майор Белевцов, назначенный на эту должность 8 мая 1854 г. Среди командного состава были: штабс-ротмистр Шапошников, корнеты Миллер, Алексеев, Суханов, Граховский, Балкашин. Из Башкиро-мещерякского войска — зауряд-хорунжий Сеитбурхан Якшигулов (7-й кантон), хорунжий Минхизитдин Габилев, зауряд-хорунжии: Мухаметьян Куватов, Багаутдин Рязбаев, Мухамедсалим Султангулов, Мухаметша Ишимгулов, Лукман Суюнов, Муса Ильясов, Мухаметхаким Куватов (все — 10-й кантон). Сохранилось описание встречи полка во время марша в Самаре: «31 октября 1854 г. жители Самары торжественно встретили полк, который должен был на отдых остановиться в Смышляевке, но губернатор К. К. Грот предложил командиру полка сделать это в Самаре. Купец В.Е.Буреев, "один из самых достойных и полезных членов самарского городского общества"», дал в своем доме обед для офицеров полка. Солдат разместили по квартирам жителей города, которые кормили их совершенно бесплатно. После обеда нижние чины гуляли по городу, иные джигитовали, удивляя обывателей сноровкой и быстротой езды.

На следующий день плац местного гарнизона был заставлен столами с белым хлебом, калачами, пирогами, водкой. По предложению командира полка полковника Белевцова подняли стаканы за здоровье императора, поели щи с говядиной. Распорядителем обеда был исполняющий дела городского головы М. И. Назаров. В три часа дня офицеры батальона, почетные граждане вновь собрались в доме Василия Ефимовича Буреева. Под музыку, постоянно игравшую, поднимали тосты за государя императора, его наследника, государыню императрицу, за весь царствующий дом, хлебосольство самарцев. Обед закончился только в сумерки. От купца Буреева офицеры отправились в дом Дворянского собрания, где в 9 часов начался бал. Он продолжался до двух часов ночи и завершился ужином. 2 ноября полк переправлялся через Волгу. Губернский предводитель дворянства А.Н.Чемодуров и штаб-офицер корпуса жандармов полковник Андреев, узнав накануне, что башкиры любят чай, выставили на берегу котлы с чаем, а офицерам предложили обильный завтрак. Встреча и проводы 1-го Башкирского полка стали для горожан настоящим праздником. И когда 4 ноября в Самару прибыл 3-й Башкирский полк, принятый так же хорошо, в город поспешили приехать из уездов молодые девицы и дамы» *[Рахимов,* 20086. С. 107]. Таким образом, оба полка, 1-й и 3-й, проследовали через Самару и переправились через Волгу в начале ноября 1854 г. Путь к Балтийскому побережью проходил через Санкт-Петербург, где 1-й полк участвовал в императорском смотре, получив благодарность Николая I.

Командир 3-го Башкирского полка — полковник Бутович, назначенный на эту должность 20 мая 1854 г. Среди офицеров были исполняющий должность полкового адъютанта корнет Титов, штабс-ротмистры Зубинский, Сакович, поручики Клюев, Белявский, корнеты Лещинский, Смирианов. Из Башкиро-мещерякского войска — хорунжий Мухамет Мурадымов, зауряд-хорунжии: Салих Мутаев, Абдулкасым Абдуллукминев, Сангыз Суюндуков, Багутдин Кабылов, Бикмурза Ханзаров, Габдулсадык Кусямышев, Сафаргалей Канакбаев, Шагигалям Кутуев (все из 7-го кантона), хорунжий Джангер Ишимгулов. Все нижние чины в полку — башкиры — «мухаметанского вероисповедания», знаков отличия не имели, поступили на службу 13 июня 1854 г., распуще-

ны по расформированию полка после смотра 5 октября 1856 г. Согласно «Формулярному списку о службе казаков Башкирского № 3 полка, 2-го отделения 7-го башкирского кантона», в который вошли сведения о 265 рядовых, полк находился «во второй кампании противу соединенных флотов и войск Англии, Франции» с 16 апреля по 15 ноября 1855 г. в составе войск, назначенных для защиты берегов Эстляндии. В действительных сражениях не был [*ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8945. Л1. 48 об. - 50 об.].

По мнению А.З.Асфандиярова, в апреле 1855 г. 1-й Башкирский полк был включен в Рижский подвижный корпус, а 3-й — в Эстляндский наблюдательный отряд, служивший подкреплением этому корпусу [.*Асфандияров*, 2005. С. 84]. «Журнал заседаний Комитета о защите берегов Балтийского моря» показывает, что уже к 24 ноября 1854 г. в Ревеле находился 1-й Башкирский (в «Журнале» ошибочно назван 4-м) полк, 3-я гвардейская пехотная дивизия, 1 -я бригада 2-й легкой кавалерийской дивизии, Донской казачий № 45 полк [*НИОР РГБ.* Ф. 169. Картон 20. Д. 60. Л. 20].

Более подробную информацию предоставляет «Проект доклада <...> по вопросам обороны отдельных стратегических пунктов и распределения сухопутных и морских сил» *[Там же.* Д. 61]. Согласно ему, в Рижском подвижном корпусе было 25,5 батальона, 32 эскадрона, 12 сотен, 64 орудия, 37 597 человек (из них 31912 нижних чинов и 5 685 нестроевых), в том числе Башкирский полк (6 сотен - 872 чел.) *[Там же.* Л. 8 об.]. В Эстляндский наблюдательный отряд входили 16 батальонов, 8 эскадронов, 12 сотен, 24 орудия, 24 273 человека (18 548 нижних чинов и 5 725 нестроевых), в том числе Башкирский полк (6 сотен - 872 чел.) *[Там* же. Л. 9].

Согласно проекту, в 1855 г. предполагалось добавить в состав Балтийского корпуса два башкирских (12 сотен - 1 500 чел.) и два донских, № 63 и 64, полка (12 сотен, 1 500 чел.). Реально оценивая возможности зимовки в непривычном сыром климате, военное командование резонно предполагало, что в 1855 г. в иррегулярной кавалерии будет иное количество людей: Эстляндский наблюдательный отряд — Башкирский полк (6 сотен — 750 чел.) и Донской казачий № 45 полк (6 сотен - 850 чел.); Рижский корпус - Башкирский полк (6 сотен - 750 чел.), Донской казачий № 44 полк (6 сотен - 870 чел.), т. е. в них произойдет убыль.

В Оренбургской губернии оставались еще два башкирских полка. Командир 2-го Башкирского полка — полковник Баев был назначен на эту должность 7 мая 1854 г. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9616. Л. 1]. Офицеры: ротмистры Шамардин, Кармаров, корнеты Квасников, Ермаковский, Жаров, Сапожников. Корнет, затем поручик Нежинского драгунского полка Шкапский. Из Башкиро-мещерякского войска в нем были зауряд-хорунжии: Хасян Зяналин, Мухаметхасян Бикбов, Гусман Ахмеров (перешел в полк № 1), Мухаметвалей Мухаметшарыпов, Ишмурат Габдуллин, Аллаяр Байкутлин, Ахмет Байкутлин (все из 10-го кантона), хорунжий Мирсаях Маняшев (13-й кантон) и Хазимухамет Аблиев (2-й мишарский кантон).

Командир 4-го Башкирского полка - подполковник Лосский, назначенный 23 мая 1854 г. Впоследствии его сменил полковник Чуйко. Офицеры: поручики Аблов, Чаплин, корнеты Болшик, Дерюгин, Соколов, поручик Яровой-Раевский *[Там же.* Д. 8309. Л. 1]. Из Башкиро-мещерякского войска зауряд-хорунжий Бахтигарей Кадышев (из 2-го кантона), хорунжий Сейфетдин Усманов Сейфетдинов, зауряд-хорунжии Динмухамет Мясогутов, Ураз Мулдакаев (все из 4-го кантона), хорунжий Хасан Кучуков, зауряд-хорунжии Сулейман Кучуков, Фихаргали Нураев, Халимулла Утяганов, Абдулла Бабулатов, Мухаметьяр Каримов (все — из 6-го кантона).

Оба полка должны были быть направлены в Крым. Однако Николай I был против этого решения. Указывая на это обстоятельство, А.З.Асфандияров ссылается на царское предостережение: «Употребить же против турок было бы крайне неосторожно», поэтому 2-й и 4-й башкирские полки были расформированы в июле 1854 г. по мотивам «ненадобности оных» *[Асфандияров,* 2005. С. 85; *НИОР РГБ.* Картон 20. Д. 61. Л. 11]. Отчего вдруг изменилось мнение в отношении башкир у императора? Ведь в 1828 г. он направил два башкирских и два сводных полка, составленных из башкир и оренбургских казаков, на русско-турецкую войну. На наш взгляд, опасения были связаны с неожиданными для русского командования действиями крымских татар, поддержавших высадившиеся в Крыму турецкие войска. Анализ источников показывает, что в 1854 г. полки не были расформированы. Командование всерьез считало возможным в 1855 г. при необходимости отправить их на Балтийское побережье, нижние чины получали жалованье, а делопроизводство при полках велось до 24 июля 1856 г. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7808. Т. 2. Л. 351; Д. 8309. Л. 2; Д. 8937].

Непосредственное участие в боевых действиях принял 1-й Башкирский полк. 5 июля 1855 г. противник предпринял попытку высадить десант у мыса Домеснес. 2 августа эта попытка была повторена. Оба раза начальник Дондангенского участка береговой линии полковник Штакельберг прибывал с конным резервом, состоящим из донских казаков и башкир, и с большим успехом отражал наступление англичан, высадившихся у Шелоя, леса, имевшего тройной перевес в силах. Башкиры, встретив высадившихся англичан, «сразились с ним мужественно и храбро, за что более отличившиеся удосто-

ились получить награды» *[Асфандияров,* 2005. С. 85]. В приказе военного министра по иррегулярным войскам от 14 октября 1855 г. отмечалось, что «Государь император объявляет монаршее свое благоволение Башкирского 1-го полка хорунжему Гусману Ахмерову за отличие, оказанное им против англичан 25 июля и 2 августа сего года» *[Навеки...* 2007. С. 358]. В начале 1856 г. 1-й Башкирский полк находился в составе Балтийского корпуса, а 3-й в нем уже не значился, вероятно, был отправлен обратно в Оренбургскую губернию. 5 октября полк был расформирован.

Боевая деятельность башкирских полков по охране Балтийского побережья получила высокую оценку. В 1856 г. во время коронационных торжеств в Москве император Александр I сказал представителям Башкирского войска: «Башкирцы скоро приготовили свои полки, когда было это им приказано; эти полки хотя и не были в больших делах, но в мелких стычках они не сконфузились» I *Там же.* С. 360]. 6 марта 1856 г. вместо В.К.Сиверса командующим Балтийским корпусом был назначен генерал-адъютант князь Италийский граф А.А.Суворов-Рымникский. А.З.Асфандияров цитирует его приказ от 25 апреля 1856 г., касающийся чинов 1-го полка, где говорится, что они «вполне заслужили истинную похвалу», и объявляется личному составу полка благодарность. А генерал-адъютант П.Х.Грабе, под командованием которого в Эстляндии находился 3-й Башкирский полк, писал в свою очередь В.А.Перовскому, что личный состав его «постоянно отличался доброю нравственностью» и точным исполнением обязанностей, возложенных на него службой по охране берегов моря *[Асфандияров,* 2005. С. 84].

А.З.Асфандияров сообщает сведения о мнениях местных жителей о поведении и нравственности башкир, расквартированных в прибалтийских селениях. Он отмечает, что пастор Кокенгузского пасторства Пахт в выданном 1-му полку от имени прихожан свидетельстве с удовлетворением отметил, что личный его состав, расквартированный в его приходе, вел себя «необыкновенно смирно и порядочно», за что в знак искренней благодарности и выдан вышеупомянутый документ. Об этом же свидетельствуют и мнения командующих, которые отмечали, что «многие из низших чинов, не зная русского языка, а все вообще латышского, сумели сдружиться с жителями, и во все годичное их здесь квартирование <...> не дошло ни одной жалобы на нарушение ими миролюбной стоянки». Общение башкирских воинов с русскими, латышским и эстонским населением способствовало взаимному сближению и укреплению дружбы. Через год все рядовые «почти без исключения» хорошо понимали русский язык, а «многие приучились и говорить» *[Там же.* С. 85—86].

Последним официальным отголоском участия башкир в Крымской войне был указ от 24 декабря 1856 г. «О принятии на счет казны довольствия лошадей башкирских полков, бывших в последнюю войну на внешней службе, и о воспрещении впредь полкам иррегулярной кавалерии, командируемым на службу к армии, брать с собою для перевозки вьюков особыя повозки и лишних лошадей» *[Полное...* II. Т. 31. N9 31308]. Правительство вернуло потраченные на фураж башкирами деньги.

26 августа 1856 г. были учреждены наградные медали «В память Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг.». Они были отчеканены двух разновидностей - из светлой и темной бронзы, диаметром 28 мм. Носили эти награды на четырех видах орденских лент. Медали из светлой бронзы на Георгиевской ленте были выданы всем воевавшим на Кавказе и на дунайском направлении, участникам Синопского сражения, защитникам Петропавловского порта на Камчатке. Такой же медалью на Андреевской ленте были награждены воинские чины — участники военных действий, не получившие медали на Георгиевской ленте, чины государственного подвижного ополчения и малороссийских казачьих полков, принимавших непосредственное участие в боевых сражениях, сестры милосердия, исполнявшие свои обязанности на боевых позициях. Медали из темной бронзы на Владимирской ленте выдавались всем воинским чинам и потомственным дворянам — старшим в роду, но последним — только для хранения в память о войне с последующей передачей потомству. Такой же медалью, но на Анненской ленте награждались купцы и состоятельные почетные граждане, отличившиеся денежными приношениями [*Кузнецов, Чепурнов,* 1992. С. 309—310].

Воины 1-го и 3-го полков получили медали: в 1-м полку — из светлой бронзы на Андреевской ленте, в 3-м - из темной бронзы на Владимирской ленте. К такой же награде должны были быть представлены и башкиры 2-го и 4-го полков. По подсчетам А.З.Асфандиярова, медалью на Владимирской ленте, по неполным данным, было награждено 22 воина из 6-го башкирского кантона, такой же медалью на Андреевской ленте — 7 человек *[Асфандияров,* 2005. С. 86].

Таким образом, башкирская конница в николаевскую эпоху активно привлекалась к участию во внешних войнах в составе российской армии. Опыт наполеоновских войн был учтен. Командование пыталось найти оптимальный вариант формирования башкирских конных полков — как полностью башкирских, так и составленных наполовину из оренбургских казаков и башкир. Башкиры с честью выполняли все возложенные на них поручения, наравне со всеми несли тяготы и лишения походной жизни.

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Основной задачей царского правительства в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. являлось дальнейшее упрочение здесь своих позиций и создание условий для стабильного развития сельского хозяйства и промышленности, резкого расширения земледелия в частности. Начавшаяся массовая крестьянская колонизация края вполне соответствовала этим задачам. Однако значительная часть земель находилась во владении башкир. Крестьяне-переселенцы разными способами, как путем покупки, так и с помощью захватов, приобретали башкирские земли *[РГИА.* Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424. Л. 21].

Участившиеся земельные споры и тенденция потери башкирами своих вотчинных владений создавали напряженную обстановку в крае. Башкиры в это время являлись военным сословием, выполняли важную государственную задачу по охране границ империи с Казахстаном, участвовали во всех войнах России, с наилучшей стороны показали себя в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Они могли продолжать выполнять военную службу за свой счет лишь в случае сохранения своих земель. Последнее обстоятельство обеспокоило многих представителей царской администрации.

В этой обстановке Сенат по представлению оренбургского военного губернатора П. К. Эссена 11 октября 1818 г. принимает указ, временно запрещающий продажу башкирских земель переселенцам *[Там же.* Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 3. Л. 4]. Аналогичным по смыслу является и другой указ Сената от 15 апреля 1824 г., где отмечалось, что границы земельных дач, установленные при Генеральном межевании, являются бесспорными. Межевой департамент Сената рекомендовал прекратить составление арендных договоров между вотчинниками и различными категориями переселенцев. Отчуждение башкирской земли допускалось в исключительных случаях после соответствующего юридического оформления. Местные власти были обязаны остановить движение переселенцев на башкирские вотчины. Однако эти решения не сняли проблему.

10 апреля 1832 г. Сенатом был издан закон, который назывался «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае». Одним из его главных положений явилось подтверждение вотчинного права башкир на землю и недра края. Другим важным моментом нового закона стало восстановление положения о возможности купли-продажи вотчинных угодий. Кроме того, новый закон предусматривал облегченные условия продажи земель: земли могли продаваться при получении согласия $^2/_3$ голосов вотчинников данной волости, а не всех, как было раньше. Башкиры-вотчинники также имели право отдавать свои земли в аренду при получении согласия $^2/_3$ волостных людей на срок до 12 лет.

Обеспокоенность властей перспективой обезземеливания башкир как военно-служилого населения обусловила установление для них размеров неотчуждаемых наделов от 40 до 60 дес. на каждую душу м. п. В случае отсутствия таких наделов земельные сделки могли быть аннулированы. Аналогичным было решение властей и относительно представителей военно-служилого сословия из числа мишарей, тептярей, бобылей, которые были припущенниками-арендаторами на башкирских землях. Для них устанавливались неотчуждаемые наделы по 30 дес. на каждую душу м. п. Наделение припущенников из числа государственных и удельных крестьян означало предоставление им 15-десятинных неотчуждаемых наделов из расчета на каждую душу м. п. Остающиеся затем земли являлись коллективной собственностью башкир-вотчинни-

ков. Практическая реализация данного закона возлагалась на губернскую казенную палату и Межевую контору, которые должны были работать под контролем военного губернатора [*Полное*... II. Т. 7. № 5287]. Важное значение для проведения в жизнь этого закона имели разработанные Сенатом правила от 2 сентября 1833 г., где регламентировался порядок продажи и сдачи в аренду башкирских земель *[Там же.* Т. 8. № 6334]. В указе от 4 апреля 1834 г. Сенат обязал Оренбургскую казенную палату организовать комиссию для организации Специального межевания башкирских земель. Для реализации этих предписаний следовало произвести учет населения внутри башкирских дач и затем осуществить распределение угодий между вотчинниками и припущенниками. Общее руководство процессом практического обеспечения узаконенными земельными наделами осуществлял оренбургский военный губернатор, который для этого должен был организовать комиссию из членов казенной палаты, Межевой конторы и других губернских учреждений *[Там же.* Т. 9. № 6957].

Другим законодательным актом, касающимся проблемы регулирования принципов землепользования, стало появление сенатского указа от 14 ноября 1855 г., где обращалось внимание на проблемы малоземельных башкирских волостей, т. е. тех территорий, где узаконенными наделами невозможно было обеспечить башкир-вотчинников и припущенников. В указе говорилось о необходимости при таких случаях первоначально предоставлять наделы вотчинникам, а затем - припущенникам *[Там же.* Т. 31. № 30035].

Сложность проблемы размежевания башкирских угодий обусловила появление двух законодательных положений - Государственного совета от 10 июня 1857 г. и Комитета министров от 23 июля 1857 г. Первый акт касался общего порядка наделения землей вотчинников и припущенников, второй затрагивал порядок наделения землей припущенников военного ведомства. Следует отметить, что этот указ подтверждал необходимость дифференцированного подхода к башкирским землям при наделении землей припущенников. А именно в многоземельных дачах надел производился по нормам указа от 10 апреля 1832 г. На деле это означало, что здесь башкиры-вотчинники получают неотчуждаемые наделы от 40 до 60 дес. на душу м. п. по данным VII ревизии, военные припущенники - 30-десятинные душевые наделы, а гражданские припущенники - 15-десятинные душевые наделы. Остающиеся затем земельные угодья были коллективной собственностью башкир-вотчинников. В малоземельных дачах следовало разделить имеющиеся угодья пропорционально между вотчинниками и припущенниками с учетом норм указа от 10 апреля 1832 г. В последнем случае вотчинники могли претендовать на обеспечение угодьями из казенного фонда или получали компенсацию по 3 руб. серебром за каждую десятину *[Там же.* Т. 32. № 31968].

В положении Комитета министров от 23 июля 1857 г. регламентировался процесс наделения землей припущенников военного ведомства. В качестве начальной меры предполагалось отмежевать из 10 наиболее крупных башкирских дач, где проживали мишари, тептяри, бобыли, необходимое пространство для наделения таких же припущенников из малоземельных башкирских дач *[Там же.* № 32098].

Большое внимание в законодательной практике на протяжении первой половины XIX в. было уделено регулированию процесса колонизации. При этом выделяются две группы законодательных актов. Часть из них посвящена земельному обеспечению военных и гражданских чиновников, а другая часть законов регулирует приток на территорию края государственных крестьян. Следует указать, что массированная правительственная колонизация берет начало с издания указа от 11 февраля 1736 г. Данный указ символизировал активное вмешательство государства в земельные отношения в связи с башкирскими восстаниями. Здесь проводится мысль о том, что землей обеспечивались в первую очередь гарнизоны крепостей. Новый импульс колонизация получила после появления указа от 10 апреля 1832 г. На этот раз акцент был смещен на земельное обеспечение чиновников различных ведомств и казенных крестьян.

В то же время земельная политика правительства периодически корректировалась. Об этом свидетельствовало появление сенатского указа от 10 июля 1835 г. относительно приостановки переселений казенных крестьян в Оренбургскую губернию и от 18 апреля 1838 г. «о прекращении отвода земель в крае» *[Там же.* Т. 10. № 8302. Т. 13. № 11152]. Однако вскоре указами от 31 января 1839 г. и 28 февраля 1839 г. было возобновлено наделение землей чиновников и государственных крестьян *[Там же.* Т. 14. № 11981, 12059].

В последующее время правительство продолжало корректировать переселенческое движение. Сенатский указ от 10 мая 1840 г. обязывал оренбургского военного губернатора проверять и утверждать содержание заключаемых земельных сделок между башкирами и государственными крестьянами *[Там же.* Т. 15. № 13466].

Некоторые указы касались процессуального порядка отчуждения земли башкирами-вотчинниками. Так, 29 января 1837 г. был издан указ, который позволял башкирам совершать в уездных судах акты на продажу и отдачу в аренду вотчинных земель и других угодий на суммы до 1 тыс. руб. В случае заключения сделки на сумму, превышаю-

щую установленную, ее следовало оформлять уже в губернской гражданской палате [*Полное...* И. Т. 12. № 9906].

Итак, в первой половине XIX в. правительство приняло целый ряд важных указов относительно башкирского землевладения. При этом осуществлялась политика, направленная на сохранение вотчинных земель за башкирами. Однако принятие указа от 10 апреля 1832 г. означало серьезную корректировку прежнего курса. Продолжая официально признавать вотчинное право башкир, правительство берет курс на изъятие части их земель для наделения различных категорий переселенцев.

С 20-х гг. XIX в. активизировался процесс перераспределения земельных угодий на окраинных территориях Башкортостана. К этому времени в Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, Мензелинском и Троицком уездах значительные земельные пространства оказались в руках государства. Этими угодьями отныне распоряжалось Министерство государственных имуществ, которое предоставляло их в первую очередь офицерам и чиновникам. За 20-е гг. XIX в. в перечисленных уездах 82 858 дес. земли пожаловано 35 офицерам и чиновникам. В 30-е гг. XIX в. в тех же уездах 46 представителей военной и гражданской администрации получили 131 633 дес. угодий. Размеры поместий были различными. Так, оренбургскому военному губернатору П.К.Эссену в 1819 г. было пожаловано 10 тыс. дес. из «порожжих земель» Бугульминского, Бузулукского, Мензелинского уездов. Аналогичные по статусу угодья площадью 2 тыс. дес. на территории Троицкого уезда в 1831 г. подарены полковнику С.Т. Циолковскому. Некоторые из этих угодий к моменту раздач числились в казенном фонде, а другие были изъяты у башкир-вотчинников непосредственно перед наделением чиновников. Так, в начале 30-х гг. XIX в. по Бузулукскому уезду были осуществлены изъятия земли у башкир Курпес-Табынской волости — 319 тыс. дес., Бушман-Кипчакской и Сынрянской волостей — 203 тыс. дес. Уже в 1832 г. часть этих угодий пожаловали генерал-майору Глазенапу, вице-губернатору Безобразову, полковнику Бутовину *[РГИА.* Ф. 379. Оп. 1. Д. 148, 257, 258, 260, 326, 327, 328, 329, 330, 431; Оп. 4. Ч. 1. Д. 744, 870, 871].

Часть казенных земель была направлена для обеспечения крестьян-переселенцев. За 20—30-е гг. XIX в., по сведениям Министерства государственных имуществ, на территорию края переселилось свыше 26 тыс. крестьян из Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской губерний. Многие из них устраивались на башкирских землях, переведенных в казенный фонд. Так, за 1832 г. у башкир в Вольском уезде Саратовской губернии было изъято 837 497 дес. земли, в Хвалынском уезде — 55 210 дес. В 1840 г. последовало новое изъятие 300 тыс. дес. у башкир Николаевского уезда Саратовской губернии для Департамента уделов. В последнем случае земли предназначались для переселения 20 тыс. удельных крестьян из центральных губерний *[Там же.* Оп. 1. Д. 469, 503, 556, 581, 592, 597, 600].

В 1805 г. Сенат обязал военного министра и Министерство внутренних дел рассмотреть ситуацию относительно периодических перекочевок башкир из Оренбургской в Саратовскую губернию. Поручение было возложено на эти структуры, поскольку Военное министерство непосредственно руководило жизнью башкирского населения, а Министерство внутренних дел отвечало за обеспечение стабильных экономических отношений и правопорядка среди населения. Практическую работу по сбору сведений обеспечивали оренбургский военный и саратовский гражданский губернаторы.

Исследование положения показало, что к началу XIX в. в Вольском и Хвалынском уездах Саратовской губернии проживало 160 башкирских семей, занимавшихся полукочевым скотоводством. Хотя они пользовались территорией площадью в 619 тыс. дес., но считали себя владельцами в Заволжье нескольких миллионов десятин на основе царских жалованных грамот. Губернаторы констатировали, что статус башкир-вотчинников приравнивается дворянскому сословию. Доказательством этого, по их мнению, являлась возможность покупки земли помещиками у башкирских волостей согласно царским указам от 11 февраля 1736 г. и 10 июля 1742 г. В докладе для Сената царские чиновники отмечали также наличие земельных споров между башкирами-вотчинниками и крестьянами Саратовской губернии. Причина конфликтов здесь, по мнению губернаторов, коренилась и в образе жизни башкир — полукочевом скотоводстве. Так, зимний период времени они проводили в границах Саратовской губернии, а к лету переходили на территорию Оренбургской губернии. Наличие земельных конфликтов привело Сенат к мнению о необходимости ограничить ареал кочевок башкир. На практике же это означало введение требования о необходимости остановить переходы башкир из одной губернии в другую *[Там же.* Ф. 1285. Оп. 1.Д. 48].

В 40-е гг. XIX в. государство вновь стало ограничивать размеры земельных владений у башкир, проживавших на стыке Оренбургской и Саратовской губерний. Поводом к рассмотрению явилось требование башкир о сохранении за ними 1,5 млн дес. земли в Вольском и Хвалынском уездах Саратовской губернии. Это заявление поступило еще в 1806 г. в Сенат для рассмотрения. Изучение дела показало, что Саратовская казенная палата передала в оброчное пользование казенным крестьянам

большие площади по рр. Большой и Малый Иргиз. В том же 1806 г. Сенат, военный министр и Министерство внутренних дел рекомендовали башкирам прекратить тяжбу и переходы из одной губернии в другую. Власти гарантировали обеспечить этих башкир численностью в 259 душ необходимыми угодьями. Однако это не остановило подачу прошений башкир в государственные инстанции. В 1831 г. Межевой департамент Сената распорядился назначить для башкир Саратовской губернии численностью в 762 души м. п. пропорцию по 206 десятин на каждого. Остающиеся угодья свыше 1,3 млн дес., где башкиры вели скотоводческое хозяйство, подлежали передаче в распоряжение Саратовской казенной палаты. Особенность данного указа Сената заключалась в том, что угодья для башкир передавались не в собственность, а в пользование. Таким образом, государство согласилось с игнорированием их вотчинного права на землю. Кроме того, выяснилось, что передаваемые башкирам территории являются непригодными для занятия как скотоводством, так и земледелием. Оренбургский военный губернатор Сухтелен поддержал требование башкир и просил избавить их от разорительного переселения на вышеуказанные участки.

С 1833 г. в конфликт оказались вовлеченными и представители Уральского казачьего войска. В этой обстановке Сенат создал Комиссию по определению земельных прав каждой категории населения. Данная структура распорядилась о временном наделении башкир 158 472 дес., а остальные угодья от имени государства были сданы в оброк различным группам населения. К этому времени башкиры Саратовской губернии проживали между вершин рр. Чалыклы, Камалик, Сестры, Глушицы, Моча.

Практическая реализация наделения землей затянулась, поэтому в 1841 г. представитель Министерства государственных имуществ высказал свои соображения. Поводом стало увеличение притока переселенцев на территорию Саратовской губернии, за устройство которых отвечало данное министерство. Представитель последнего предложил предоставить башкирам, численность которых достигла 1 800 душ м. п., земли площадью 108 тыс. дес., т. е. по 60 дес. на душу м. п. Эта территория располагалась между рр. Моча, Каралык, Большой Иргиз и примыкала к границам Оренбургской губернии. В 1844 г. оренбургский военный губернатор В.А.Обручев, в свою очередь, предложил выяснить возможности для переселения их к основному региону проживания башкирского населения. А при невозможности организации переселения он предложил оставить эту группу башкир на площади в 158 тыс. дес. между вершинами рр. Иргиз и Моча *[РГИА.* Ф. 381. Оп. 2. Д. 269. Л. 3об.— 5, боб.-7 об., 109 об., 110].

В 1863 г. по инициативе оренбургского генерал-губернатора А.П.Безака вновь рассматривался вопрос о земельном обеспечении башкир прежней Саратовской, а ныне Самарской губернии. После изучения обстоятельств дела выяснилось, что башкиры Уральского войска, которых насчитывалось около 3 тыс. душ м. п., проживают на двух участках. В их распоряжении находилось 193 187 дес. земли, при этом расстояние между участками достигало 50 верст. Такая чересполосица вызвала недовольство Министерства государственных имуществ, которое организовывало массовое переселение крестьян в Заволжье.

Первоначально оренбургский генерал-губернатор предложил перевести этих башкир на территорию Оренбургской губернии. Однако скоро решили отказаться от этого варианта, поскольку, по мнению властей, за давностью лет самарские башкиры утеряли юридические права на земли в тех кантонах, где у них были вотчины. Исходя из данной ситуации, Безак предложил оставить башкир на тех же угодьях, обеспечив каждого из 2 996 вотчинников м. п. 40-десятинной пропорцией, т. е. отвести им всего 119 840 дес., а остающиеся свободными 73 160 дес. предоставить в распоряжение Министерства государственных имуществ *[Там же.* Ф. 384. Оп. 11. Д. 1753. Л. 5 об., 7-8 об., 17 об.].

В первой половине XIX в. правительство продолжало активно регулировать земельные отношения на южных окраинах Оренбургской губернии. Так, во второй половине 20-х гг. XIX в. в Оренбурге функционировала комиссия по отмежеванию земли к пограничной линии. Инициатор создания этой комиссии военный губернатор Г. С. Волконский внес предложение в Сенат о необходимости обеспечить крепости большей земельной пропорцией. При этом он ссылался на распоряжение первого губернатора края И.И.Неплюева от 1743 г. относительно организации Оренбургской укрепленной линии.

Тогда, в 40-е гг. XVIII в., следовало передать в распоряжение гарнизонов отдельные участки приграничных башкирских волостей в радиусе от 10 до 30, а в некоторых местах — до 50 верст от каждой крепости. Этот проект не бьпг реализован полностью, что в определенной степени отразилось и на результатах Генерального межевания. Теперь Волконский предлагал установить 15-верстную пропорцию от границы для гарнизонов крепостей за счет башкирских угодий. Для реализации идеи губернатора была создана комиссия, куда входили атаман Оренбургского казачьего войска (председатель комиссии), комендант одной из крепостей, губернский чиновник, землемер, два кантонных начальника от Башкирского и Оренбургского каза-

чьего войск. Сфера деятельности комиссии распространялась на всю Оренбургскую линию вдоль рр. Урал, Уй, т. е. вдоль южных и восточных рубежей края. Таким образом, изъятие земли здесь означало либо переселение башкир и казенных крестьян в глубь Оренбургской губернии, либо включение их в состав казачьего войска. По итогам своей работы комиссия представила обзор хода отмежевания земель к Оренбургской линии.

В 1829 г. рассматривалось состояние земельного обеспечения 25 военных укреплений, где не было надлежащей 15-верстной пропорции от границы. Комиссия согласилась с необходимостью передачи гарнизонам крепостей из владения башкир 267 088 дес., из казенного ведомства — 206 117 дес. Наибольшие изъятия, по мнению комиссии, можно было осуществить из дачи Кизильской и Магнитной крепостей — 64 172 дес., дачи Уртазымской крепости — 53 900 дес. При этом допускалась возможность переселения башкир и казенных крестьян из этих территорий в глубь губернии и наделения казенными землями сопредельных уездов. Однако в 1829 г. против переселений с территории пограничной линии выступил министр финансов Е.Ф.Канкрин. Он полагал, что именно многочисленное население на границах является условием безопасности края и страны в целом. Исходя из этого министр выступал с идеей о необходимости ускорения переселения казенных крестьян, в том числе и на башкирские земли.

Ответ на данное предложение последовал в июне 1833 г., когда Сенат распорядился о нарезке 15-верстной пропорции к приграничным укреплениям. Население этих территорий следовало перевести в подчинение Оренбургского казачьего войска. Башкиры могли либо покинуть эти земли, либо причислиться в состав войска. Вопрос же о компенсации башкирам за изымаемые земли для разрешения передавался оренбургскому военному губернатору *[РГИА*. Ф. 379. Оп. 1. Д. 958. Л. 4-9].

Спорное дело, касающееся принципов башкирского землевладения на юго-западе края, было достаточно продолжительным. В 1828 г. на территории Бузулукского уезда Оренбургской губернии возник конфликт между помещиком Ждановым, казенными крестьянами и башкирами Сынрянской волости. В центре спора оказались два участка общей площадью 523 349 дес., ситуация по которым рассматривалась различными государственными структурами: Оренбургской межевой конторой, губернской казенной палатой, губернатором, Государственным советом, Сенатом, Министерством финансов.

Противостоящие стороны предъявляли различные по значимости документы. Характерно, что детальному рассмотрению подверглись документы и показания башкир. Власти раскритиковали содержание их владельческих документов: грамоты 1793 г. (1685 г.) и указа 1754 г., поскольку в них не были указаны конкретные площади владения. Тем не менее, исходя из факта наличия этих документов, давности владения башкирами и отсутствия в собственности у них других участков, Государственный совет распорядился обеспечить сынрянцев необходимыми угодьями. В данном случае полагалось в 1836 г. предоставить башкирам 60-десятинную пропорцию на каждую душу м. п., учтенную VII ревизией (1816), а все остальные угодья из спорной земли предоставить в пользование казенным крестьянам и помещику Жданову *[Там же*. Ф. 1350. Оп. 59. Ч. 2. Д. 631. Л. 9-9 об.]/

В 1840 г. этот конфликт вновь рассматривался властями. Теперь внимание обращалось на распределение земли уже внутри территории, занимаемой Сынрянской волостью. При обследовании выяснилось, что жители волости (209 душ м. п.) проживают в дд. Красная Мечеть, Кундузлытамак, Хусайново. Кроме того, здесь же находилась д. Ишмурзино, объединившая 39 душ из Уршакминской и 13 душ из Бурзянской волостей.

Значительная часть территории Бузулукского уезда относилась к казенному ведомству, поэтому процесс обеспечения узаконенными наделами земли контролировался Министром государственных имуществ. Министр П.Д.Киселев выступил с инициативой наделения землей только сынрянцев, а других башкир переселить к своим одновотчинникам. Тем не менее Военное министерство, в чьем непосредственном ведении находились башкиры, отстояло земельные права жителей д. Ишмурзино. Сообщением от 2 февраля 1841 г. директор Департамента военных поселений граф П.А.Клейнмихель известил оренбургского губернатора В. А.Перовского о положительном исходе дела. Это означало распространение на последних 60-десятинной душевой пропорции по VIII ревизии (1834) *[Там же*. Ф. 383. Оп. 31. Д. 7. Л. 1, 2].

Однако конфликт осложнился тем, что на спорный участок, где пытались утвердить свои права сынрянцы, стали претендовать другие башкирские волости Бузулукского уезда. Как сообщил в 1841 г. оренбургский военный губернатор, на спорном участке располагались еще дд. Султанмуратово, Субханкулово, Хамитово, Аминево, Хамбилево, Салихово с населением 570 душ м. п. Жители этих деревень были вотчинниками Бушман-, Санким-, Кара-, Суун-Кипчакских, Тамьянской, Бурзянской, Юрматынской волостей, но им принадлежали, по сообщению губернатора, значительные пространства в Оренбургском и Стерлитамакском уездах. Исходя из этого Перовский допустил возможность переселения этой группы башкир из Бузулукского в Оренбургский и Стерлитамакский уезды. Данная рекомендация не затрагивала жителей

Сынрянской волости (дц. Кундузлы-Тамак, Красная Мечеть, Хусайново) и д. Ишмурзино, которых полагалось обеспечить 60-десятинной пропорцией на душу м. п. в Бузулукском уезде. В 1844 г. Сенат распорядился исполнить это решение, что означало предоставление башкирам 13 154 дес. вблизи р. Бузулук.

Определенные параллели с предшествующими спорами присущи конфликту между башкирами семи волостей и казенными крестьянами в Оренбургском уезде. Спор возник в 1842 г. после подачи требования поверенного Б.Тахтарова от жителей д. Муталово 9-го башкирского кантона командующему Башкиро-мещерякским войском подполковнику Н.В.Балкашину.

Суть челобитной заключалась в том, что казенные крестьяне дц. Слоновки и Покровки захватили более 5 тыс. дес. башкирской земли. Для непосредственного разбора конфликта командующий направил стряпчего Миртова. В процессе выяснения обстоятельств дела обнаружилось, что казенные крестьяне были поселены на спорном месте с 1827 г. по указу министра финансов. Оренбургское окружное управление государственных имуществ, в чьем подчинении находились казенные крестьяне, представило документы по спорному участку. В 1835 г. Сенат распорядился разделить данную местность так, чтобы по правой стороне р. Кургаза находились угодья государственных крестьян, а по левой — особый уделок Бурзянской волости (дц. Аксарино, Аллабердино, Бабаларово, Мурапталово и др.).

Управление госимуществ фактически признало, что казенные крестьяне захватили часть башкирской вотчины. Крестьяне, в свою очередь, согласились переселиться со спорного участка на казенную землю. Несмотря на это, Сенат распорядился во избежание расстройства крестьянского хозяйства дц. Слоновки и Покровки (всего 661 цуша м. п.) не переселять их с башкирских угодий. Местной палате госимуществ и оренбургскому военному губернатору рекомендовалось склонить башкир к прекращению иска. При этом следовало дать гарантию башкирам о предоставлении аналогичных угодий из казенного фонда *[РГИА.* Ф. 383. Оп. 6.Д. 5215. Л. 1 об. — 3].

Ряд крупных земельных споров с участием башкир в первой половине XIX в. происходил в северо-восточной части края. Так, в декабре 1832 г. Сенатом были рассмотрены несколько земельных конфликтов на территории Троицкого уезда Оренбургской губернии. Одним из первых был изучен спор между башкирами Кара-Табынской, Барын-Табынской волостей и гарнизоном Уйской крепости за три земельных участка площадью 25 435, 34 165, 41 855 дес. Решение Сената основывалось на результатах Генерального межевания, согласно которым в 1823 г. эти угодья были переданы Оренбургской укрепленной линии. При этом со стороны башкир тогда не последовало апелляции в установленный годовой срок.

Другой спор затрагивал также интересы вышеуказанных башкирских волостей и казенных Златоустовских заводов. Обе стороны претендовали на два участка площадью 87 279 и 83 467 дес. Представитель заводов по первому участку предъявил договорное письмо и решения судебных инстанций относительно их земельного обеспечения. Это стало основанием для признания прав заводов на первый участок. По второму участку Сенат отказался от принятия конкретного решения, поскольку в соответствующей документации не было-оговорено, какие именно угодья являются собственностью заводов. В данном случае было рекомендовано губернской гражданской палате собрать необходимые сведения относительно спорного участка.

Достаточно неожиданный поворот имел спор, начатый в 1836 г. башкирами из дд. Аракаево и Урмекеево Тайнинской волости, проживавшими на вотчине Терсятской и Болыиекущинской волостей. Их представители потребовали прекратить использование их земель жителями Михайловского завода купчихи А. Губиной. В центре конфликта оказались 568 дес. пашенных и сенокосных угодий, находящихся в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Совместный разбор обстоятельств дела произвели по просьбе оренбургского губернатора Уральское горное правление, земский исправник, башкирский стряпчий. Руководство завода поддержало действия своих людей ввиду принадлежности им спорного участка по купчим крепостям 1742, 1745 г. Башкиры, в свою очередь, тоже предъявили владельческие документы XVIII в., согласно которым эти угодья были куплены у жителей Болыиекущинской и Терсятской волостей. В этой ситуации оренбургский губернатор и горное правление пришли в 1847 г. к единому мнению о наделении башкир 30-десятинной пропорцией из расчета на цушу м. п. по VIII ревизии. Данное решение вызвало подачу апелляции от владельца завода — купчихи Губиной. В 1849 г. Сенат принял решение временно разрешить башкирам и заводским людям пользоваться спорным участком [*Там же.* Ф. 37. Оп. 5. Д. 300. Л. 259, 265].

Еще в конце 20-х гг. XIX в. возник спор за земельные участки между башкирами Мякотинской волости Екатеринбургского уезда (дц. Алабуга, Нурушево, Аликаево, Бердениково, Сатлыково) и государственными крестьянами селений Русская Караболка, Верхне-Теченское. Башкиры утверждали, что при межевании из их владения было несправедливо отрезано два участка по 1 238 и 603 дес. в пользу указанных крестьянских общин. Дело долгое время не рассматривалось и только

в 1846 г. было изучено представителем Межевой канцелярии землемером Волосатовым. При разборе обстоятельств дела также работал стряпчий Башкиро-метцерякекого войска поручик Алексеев. Мякотинцы предъявили копии с царских грамот 1700 г. на владение землей, а крестьяне — купчие крепости на спорные угодья. В обоих случаях документы, по мнению башкирского стряпчего, не содержали точного указания на размеры земельных площадей. Однако землемер вынес решение в пользу крестьян, руководствуясь давностью владения последних и показаниями понятых из числа владельцев сопредельных дач. В 1856 г. Межевая канцелярия утвердила это решение *[РГИА*. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3763. Л. 8, 17-18].

Следует указать на другой длительный земельный конфликт между башкирами и заводским населением на территории Пермской губернии. Его рассмотрение началось в Сенате по рапорту военного министра от 7 октября 1854 г. Для упорядочения землепользования ввиду участившихся споров между различными категориями населения Министерство финансов собрало сведения по некоторым горнозаводским округам — Пермскому и Екатеринбургскому. Так, в первом округе на даче Юговского казенного завода находились башкирские дд. Кояново, Култаево Тайнинской волости с населением 842 души м. п.,. а также проживали казенные (4 914 душ м. п.) и удельные (4 915 душ м. п.) крестьяне. В Екатеринбургском округе на даче Артинского казенного завода, по данным VIII ревизии, проживали 418 башкир Большекущинской волости (дд. Уфа-Шигири, Артя-Шигири, Азнагулово, Беткинино, Еманелга). Особенность расположения Юговского и Артинского заводов заключалась в том, что при их основании башкиры продали в середине XVIII в. свои вотчинные угодья. Однако при этом башкиры сохранили себе право пользования проданными участками. Тем не менее в конце XVIII — начале XIX в. между заводами и башкирами появились споры за землю. Исходя из данных обстоятельств Военный совет Российской империи в 1854 г. распорядился обеспечить башкир из земельного фонда заводов необходимой пропорцией согласно указу от 10 апреля 1832 г., т. е. от 40 до 60 дес. на душу м. п. *[Там же*. Ф. 383. Оп. 31. Д. 20. Л. 126-132].

Были довольно крупные споры за землю между жителями различных башкирских волостей. Одним из них являлся спор, возникший еще в 1803 г. при проведении Генерального межевания между жителями Кандинской, Дуванейской и Шамшадинской волостей. Положение осложнялось присутствием на территории этих волостей припущенников из числа казенных и удельных крестьян. По межевой документации, во владении башкир Кандинской волости с припущенниками из казенных и удельных крестьян находилось 10 784 дес., Шамшадинской волости — 61 169 дес., Дуванейской волости с припущенниками из казенных и удельных крестьян — 68 850 дес. В центре конфликта оказались угодья двух последних волостей с общей площадью 130 019 дес. Представители вотчинников всех трех волостей предъявляли владельческие документы различным инстанциям: уездному суду, губернской гражданской палате, Межевому департаменту Сената. Все эти грамоты объединяло отсутствие в них указаний на конкретные меры площади спорных угодий. Поскольку территория вотчины, из-за которой развернулся конфликт, находилась рядом с Бирском, при решении спора было отдано предпочтение представителям канлинцев. В документе от 1675 г. упоминалось о том, что Бирск был основан на их вотчинных землях. Одновременно власти в лице губернской гражданской палаты признавали законность документов на припуск казенных и удельных крестьян в Дуванейской волости. Исходя из вышеизложенного губернская гражданская палата в 1826 г. предложила представителям тяжущихся сторон заключить компромисс. А оренбургский военный губернатор тогда же вынес несколько иное решение, а именно: признать спорные земли собственностью Кандинской волости, всех припущенников наделить 15-десятинной пропорцией на душу м. п. по данным VII ревизии. В то же время он признал необходимым обеспечить землей вотчинников Дуванейской и Шамшадинской волостей, поскольку они издавна использовали данные угодья. В 1830 г. Сенат признал решение губернатора законным *[Там же.* Ф. 515. Оп. 10. Д. 1839. Л. 248—256]. Практическое исполнение этого сенатского вердикта было реализовано в 1837-1838 гг. После проведенных тогда измерений выяснилось, что площадь спорных угодий составляет не 130 019дес., а 206 434 дес. Расчет земельной пропорции губернской администрацией привел к следующим результатам. Для вотчинников Дуванейской и Шамшадинской волостей, полагая по 60 дес. на душу м. п. по VII ревизии, требуется всего 76 980 дес., а для припущенников, исходя из 15-десятинной пропорции на душу м. п., следовало предоставить 106 246 дес. После такого землеустройства здесь осталось еще 23 207 дес. земли, которые были объявлены собственностью Кандинской волости.

Как видно из данного дела, душевой надел вотчинников составил, согласно законодательству, максимум возможного — 60 дес. Однако при высокой плотности населения власти ограничивали неотчуждаемые угодья вотчинников. Так, в 1865 г. на территории Елабужского уезда Вятской губернии после решения спора было произведено наделение землей различных этнических и сословных групп. Для жителей дд. Варзи, Малые Варзи,

Мушино, Рысово (Варзинской дачи), где было 304 души по VII ревизии, отведено 5 156 дес., т. е. душевой надел составил около 17 дес. Вотчинники дд. Большой и Малый Салауши (Салаушской дачи) в количестве 472 душ оказались наделенными 14 160 дес., т. е. душевой надел равнялся 30 дес. Башкиры дц. Тавземаш, Кадряки (Старосальинской дачи) в количестве 87 душ утвердили за собой 2 610 дес., или 30-десятинные душевые наделы [РГИА. Ф. 384. Оп. 10. Д. 1289. Л. 5, 57-60].

Таким образом, за 20-50-е гг. XIX в. представители царской администрации перевели в ведение казны значительные вотчинные угодья, располагавшиеся на окраинах, - это земли северо-западных, северо-восточных, юго-восточных и юго-западных башкирских волостей. После этого многие угодья были предоставлены военным и гражданским чиновникам, казенным и удельным крестьянам. Одновременно власти рассматривали множество земельных споров вотчинников с заводчиками, дворянами и крестьянами-переселенцами. Большинство решений оказалось в пользу последних, и таким путем башкиры-вотчинники потеряли немало земель.

Важной проблемой в сфере земельных отношений оставались на протяжении первой половины XIX в. взаимоотношения вотчинников с припущенниками-арендаторами. Решение вопроса об окончательном земельном обеспечении различных разрядов припущенников началось с 1834 г., когда Оренбургская казенная палата стала собирать информацию. Губернская казенная палата взаимодействовала с другими государственными учреждениями. В частности, сведения по каждой волости относительно численности мишарей, тептярей, бобылей собирали уездные земские суды, а о казенных крестьянах - соответствующие волостные правления. От Оренбургской межевой конторы в казенную палату направлялись сведения о площади удобных и неудобных земель по каждой волости, информация об отмежеванных в отдельные дачи поселениях припущенников. Также межевая контора предоставляла планы каждой башкирской дачи, составленные во время Генерального межевания. Губернская палата гражданского суда была обязана доставить сведения о совершенных башкирами за последние годы актах купли-продажи земли. После сбора всех указанных сведений губернская казенная палата должна была обеспечить реализацию указа от 10 апреля 1832 г., а именно организовать наделение землей по узаконенным нормам башкир-вотчинников и их припущенников. Однако вся эта работа продвигалась медленно ввиду того, что губернские и уездные учреждения не спешили обеспечивать сбор сведений. Кроме того, для практической реализации размежевания башкирских дач между вотчинниками и припущенниками не было необходимого штата землемеров.

Несмотря на столь пристальное внимание к проблеме земельного обеспечения населения, результативность деятельности государственных структур была низкой. Об этом свидетельствовало создание особой Башкирской межевой комиссии, которая начала функционировать вскоре после публикации высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 27 декабря 1848 г. В состав комиссии включили деятелей местной администрации, представителей башкир-вотчинников и припущенников. Представители вотчинников были из числа кантонных чиновников и назначались оренбургским военным губернатором. Представители припущенников из военного сословия (мишари, тептяри) назначались губернской администрацией. Представители гражданских припущенников из числа казенных и удельных крестьян в комиссию определялись по указанию управляющих Оренбургской палаты государственных имуществ и удельной конторы. Общее руководство деятельностью комиссии, находящейся в Уфе, осуществлял оренбургский гражданский губернатор. Ареал деятельности данной государственной структуры распространялся на все административные единицы, где имелись башкирские земли: Оренбургскую, Пермскую, Вятскую, Саратовскую губернии.

Члены комиссии должны были обеспечить сбор сведений о численности башкир-вотчинников и припущенников по каждой волости, площади их земельных угодий. Исходя из этих сведений следовало определить возможность распределения земли для припущенников, а в случае недостатка — рассмотреть варианты переселения припушенников из башкирских дач на казенные угодья. Кроме того, комиссия должна была предусмотреть способы вознаграждения вотчинников. Здесь имелось в виду предоставление припущенникам значительно больших участков, чем это было рекомендовано указом от 10 апреля 1832 г. После проведения этой работы материалы Башкирской межевой комиссии предоставлялись на утверждение заинтересованных ведомств. Так, сведения о башкирах-вотчинниках, военных припущенниках (мишарях, тептярях) следовало направить к военному министру, о гражданских припущенниках (казенные и удельные крестьяне) — в Министерство государственных имуществ и уделов. Важным указанием Государственного совета являлось предписание о том, что башкиры являются земельными собственниками.

Работа Башкирской межевой комиссии активизировалась в конце 40-х - начале 50-х гг. XIX в. К этому времени выяснилось на основе документов Генерального межевания, что обеспечение припущенников землей следует провести в 157 рез

201 башкирской дачи. Большинство дач, подлежащих фактически новому размежеванию, находилось в Оренбургской губернии, но некоторое их количество имелось также в Пермской, Вятской, Саратовской губерниях. Площадь упомянутых 157 башкирских дач, по сведениям комиссии, составляла 11 659 502 дес. 614 саж. По данным VIII ревизии (1834), здесь проживало 171 921 душа м. п. башкир-вотчинников. Численность же припущенников военного и гражданского ведомств комиссия представила по материалам VII ревизии (1816). Так, военных припущенников числилось 90 260 душ м. п., гражданских — 43 106 душ м. п. Комиссия выделила три категории 157 башкирских дач, где следовало решить вопрос о земельном обеспечении припущенников. В первую категорию были включены 84 дачи общей площадью 9 147 736 дес. В них проживало башкир-вотчинников 92 811 душ м. п. по VIII ревизии, военных припущенников — 38 745, гражданских — 27 446 душ м. п. по VII ревизии. По этим дачам после обеспечения соответствующими пропорциями припущенников и вотчинников оставалось, по расчетам комиссии, земли 4 244 451 дес. Во вторую категорию была включена 31 дача общей площадью 1 369 971 дес. В них после наделения 40-десятинными участками 22 497 душ м. п. башкир-вотчинников обнаруживалась нехватка угодий для припущенников — 37 222 души м. п. военного и 13 763 души м. п. гражданского ведомств. Это означало, что обе группы припущенников получат менее 30-десятинного и 15-десятинного наделов из расчета надушу м. п. Третью категорию составляли 42 башкирские дачи общей площадью 1 141 793 дес. В них проживало 56 613 душ м. п. вотчинников по VIII ревизии, военных припущенников — 14 293, гражданских припущенников — 1 897 душ м. п. по VII ревизии. Особенность этих 42 дач состояла в том, что здесь не хватало земли для узаконенного обеспечения наделами всех категорий населения, т. е. вотчинников и припущенников.

Таким образом, для межевой комиссии к концу 40-х.гг. XIX в. открылось весьма обширное поле деятельности. Исходя из этого комиссия, а затем оренбургский генерал-губернатор Перовский в 1849 г. выступили с инициативой запретить на период землеустройства куплю-продажу и арендные сделки по 157 дачам, где проводится подобная работа. В итоге Государственный совет Российской империи распоряжением от 12 марта 1850 г. санкционировал это предложение. Тогда же министр государственных имуществ П.Д.Киселев потребовал наделения землей как вотчинников, так и припущенников по результатам одной ревизии (переписи) населения.

Новый импульс в деятельности межевая комиссия получила с середины 50-х гг. XIX в., когда произошли определенные изменения административной системы края. Башкиро-мещерякское войско было переименовано в 1855 г. в Башкирское, и к нему присоединили две сословные группы: тептярей и бобылей. Большинство их проживало на башкирских земельных дачах в качестве припущенников, подчиненных Военному министерству. Немногочисленность тептярей и бобылей, загруженность Башкирской межевой комиссии способствовали появлению предложения Перовского о корректировке организации землеустройства тептярей и бобылей. Это означало проведение межевых работ за счет Башкирского войска и наделение этих припущенников узаконенными 30-десятинными наделами на душу м. п. Здесь следует отметить, что инициатива губернатора была обусловлена малоземельем тептярей, бобылей. Фактически многие из них пользовались от 0,5 до 2 дес. на душу м. п. Тяжелое положение сложилось в Мензелинском, Бирском уездах, где числились по IX ревизии (1850), 4 801 душа м. п. военных припущенников. В то же время на территории сопредельных уездов (Стерлитамакском и Уфимском) имелось 10 многоземельных башкирских дач. Площадь удобных угодий этих 10 дач составляла 553 094 дес., где проживало, по VII ревизии, 4 480 душ м. п. башкир-вотчинников, 3 140 душ м. п. военных припущенников из числа башкир, мишарей, тептярей. Таким образом, после обеспечения башкир-вотчинников 40-десятинными, военных припущенников — 30-десятинными душевыми наделами в этих 10 дачах оставалось свободной земли 279 694 дес. Из них и предполагалось отвести наделы для 4 801 души м. п. тептярей, бобылей. При этом намеревались предоставить им наделы по 10 дес. на душу м. п. по IX ревизии. На остающиеся угодья допускалась возможность дополнительного переселения других припущенников из малоземельных башкирских дач. Практическая работа по переселению 4 801 души м. п. военных припущенников началась с лета 1858 г.

В качестве примера можно указать на порядок наделения землей припущенников Тельтим-Юрматынской волости Стерлитамакского уезда. Сначала члены комиссии производили сбор материалов Генерального межевания по этой даче. В частности, таковыми являлись сведения о площади удобных и неудобных угодий. Здесь удобных угодий оказалось 61 109 дес. и неудобных - 1 571 дес. После этого производились исследования относительно заключенных актов на продажу вотчинных угодий. В итоге выяснилось, что под выгонные земли Стерлитамака башкиры-вотчинники уступили 1 060 дес. и продали прапорщику Карамзину 40 дес. Затем члены комиссии составляли ведомость о численности каждого населенного пункта дачи. При этом в расчет брались показатели двух

ревизий -VII (1816) и VIII (1834). В даче было расположено 9 населенных пунктов. Из них в дд. Каныкаево (Елимбетово), Кунказиево, Гумерово (Юлдашбаево), Искичаково проживали только башкиры-вотчинники, в остальных пяти населенных пунктах — башкиры-вотчинники и их припугценники. При этом в дд. Ахмерово, Ишеево, Карайганово, Смаково припущенники были из числа только башкир. После сбора и оформления этих сведений была произведена практическая разверстка земли исходя из численности населения по VII ревизии. В данном случае процесс практического землеустройства был немного задержан. Причина заключалась в том, что Башкирская межевая комиссия предложила для данного случая уменьшить надел военных припущенников (мишарей, тептярей) с 30 до 15 дес. на душу м. п. Комиссия полагала, что из угодий этой многоземельной дачи следует предоставить фонд для переселения припущенников из малоземельных дач. Военное министерство одобрило данное решение [*РГИА.* Ф. 383. Оп. 31. Д. 30. Л. 1-3 об.].

Правительство содействовало деятельности губернской администрации и Башкирской межевой комиссии. Так, во второй половине 50-х гг. XIX в. было приостановлено введение поземельного налога с башкирских земель впредь до размежевания вотчинников с припущенниками *[Там же.* Ф. 1152. Оп. 4. Д. 366. Л. 6-6 об.]. Тем не менее результативность деятельности государственных структур, в частности Башкирской межевой комиссии, по землеустройству не удовлетворяла царское правительство. По итогам размежевания башкирских дач Оренбургской губернии за 1858—1860 гг. были предоставлены наделы припущенникам на площади в 1 700 тыс. дес. Кроме того, из малоземельных башкирских дач в многоземельные переселено 1 300 душ м. п. припущенников *[А.В.Д.,* 1861. С. 407].

Во второй половине XVIII - первой половине XIX в. правительство провело Генеральное межевание земель — крупнейшее мероприятие по аграрной политике в стране. Цели, принципы и формы проведения Генерального межевания изложены в «Манифесте о Генеральном размежевании земель по всей империи» от 19 сентября 1765 г., «Инструкции землемерам к генеральному всей империи размежеванию» от 13 февраля 1766 г. и «Инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам» от 25 мая 1766 г. Манифест 1765 г. провозглашал курс на юридическое закрепление фактического землевладения и землепользования. В указах от 13 февраля 1766 г. и 25 мая 1766 г. определялись порядок и последовательность межевых работ, обязанности землемеров и правила оформления документации *[Полное...* I. Т. 17. № 12474, 12570, 12659, 12711].

В 1766—1794 гг. общее руководство межеванием осуществляла Межевая экспедиция Сената, которая являлась также и верховной апелляционной инстанцией в масштабе всей страны. С 1794 г. данная структура, переименованная в Межевой департамент Сената, находилась в Санкт-Петербурге. Одновременно оперативное руководство возлагалось на Межевую канцелярию в Москве, которая подчинялась Межевому департаменту Сената. Основная тяжесть полевых работ ложилась на межевые конторы, расположенные в губерниях. Ежегодно последние направляли в уезды для межевания землемерные команды. Межевой конторой управляло присутствие чиновников из трех членов и прокурора. Им подчинялся штат канцеляристов и землемерных специалистов.

Следует отметить основной принцип Генерального межевания — это земельные измерения по дачам. Дача — это условная территориальная единица, охватывающая один или несколько десятков населенных пунктов. Дачей могли быть как отдельное дворянское поместье, частный завод, так и несколько поместий, заводов. Принцип создания дачи на территории Оренбургского края обычно ограничивался дворянским поместьем, частным заводом или волостью государственных крестьян. На территории края (Оренбургская, Пермская, Саратовская, Вятская губернии в первой половине XIX в.) башкирская волость обычно составляла отдельную дачу Генерального межевания. Однако здесь были и исключения, когда в состав башкирской дачи мог входить отдельный населенный пункт или же группа волостей.

В компетенцию межевых контор наряду с организацией и наблюдением землемерных работ входили и оформление, проверка планов, межевых книг дач и выдача их владельцам. При этом за межевую документацию с населения дачи взыскивалась пошлина. Важной функцией чиновников являлось решение межевых споров в течение шести недель со дня поступления. Полевые измерения проводили землемерные команды. Каждая команда состояла из землемера, помощника землемера, старшего и младшего землемерных учеников, 1—2 канцеляристов и 4 солдат для полевой работы. Владельцы межуемых дач предварительно извещались повестками о начале землемерных работ. Для придания объективности процессу межевания следовало привлечь наряду с владельцами дач и трех понятых (свидетелей) из числа людей, издавна проживающих в близлежащих селениях. Особое внимание уделялось межеванию казенных угодий, поскольку здесь требовалось присутствие особого уполномоченного *[Алеев,* 1824. С. 24].

Важным принципом Генерального межевания являлся курс властей на склонение владельцев дач к принятию компромиссных решений («полюбов-

ному разводу»). Это означало, что межевые органы не будут требовать предъявления документов на право владения при быстром и бесконфликтном определении владельцами сопредельных дач своих границ. А в случае споров персонал межевой конторы должен был проверять подлинность и содержание владельческих документов.

Каждая команда участвовала в составлении следующих документов: полевого журнала (записок), дневного журнала, экономического журнала, специальных геометрических планов с межевыми книгами на обмежеванные земельные дачи, генеральных уездных планов, губернских атласов *[Материалы...* 1868. С. 124]. Полевой журнал, или полевые записки, велся землемерами во время производства практических полевых измерений. В нем давалась характеристика дачи: длина и утлы границ дачи, количество и качество угодий, межевые знаки, естественно-географические ориентиры дачи, названия прилегающих земельных дач с указанием их площади и владельцев. В полевой журнал вносились и сведения о взаимном согласии владельцев сопредельных дач на устанавливаемые границы («полюбовные разводы») или же содержание споров о границах дач между сопредельными владельцами. Ежедневно по окончании полевой работы журнал подписывался землемером и присутствующими при межевании владельцами и понятыми. Кроме полевого журнала, землемер вел дневной журнал, где фиксировались по дням, в какой земельной даче и какие виды межевых работ производились, кто из владельцев дачи был вызван и было ли достигнуто соглашение о границах сопредельных дач между владельцами. В этом же журнале отмечалось поступление документации официальных и частных лиц в связи с межеванием. Важной частью работы межевого персонала было составление экономического журнала (экономических примечаний), где давались хозяйственная характеристика каждого населенного пункта и численность населения по V ревизии (1795), а также их занятия, структура землепользования, количество заводов, фабрик.

Много внимания землемеры уделяли составлению картографической документации. Для каждой земельной дачи следовало составить специальный геометрический план и межевую книгу. В случае бесспорного обмежевания границ дачи землемер составлял план в масштабе 1 дюйм — 100 сажен и межевую книгу дачи - словесное описание границ дачи с указанием географических ориентиров. Специальный план и межевая книга подписывались землемером, владельцами дач и понятыми. После межевания дача получала порядковый номер и наносилась на генеральный план уезда, составляемый в масштабе 500 сажен в 1 дюйме.

Самой сложной частью работы межевой конторы было решение спорных дел о границах дач между их владельцами. Работа с ними производилась уже с первых лет межевания. В случае спора владельцы могли предъявлять на рассмотрение в межевую контору писцовые книги, планы и межевые книги Генерального межевания, всякие крепости, жалованные грамоты, указы на деревни, земли и другие угодья. Кроме того, в качестве доказательства конкретного мнения о границах дачи могло использоваться бесспорное владение до 1765 г., свидетельство понятых людей. В случае недовольства решением спорного дела допускалась возможность апелляции.

Генеральное межевание началось в 1766 г. с центральных губерний империи, и на протяжении 30 лет была обмежевана значительная часть территории европейской части страны. С середины 90-х гг. XVIII в. началась подготовка к межеванию окраин, в том числе Оренбургской губернии. Для этой цели царское правительство издало ряд законодательных актов и распоряжений, касающихся межевания на территории края. Так, 25 июня 1797 г. принят указ об открытии этого мероприятия в Оренбургской губернии с весны 1798 г. *[Полное...* I. Т. 24. №18019]. 14 августа 1798 г. были изданы «Дополнительные статьи и мнение Сената к общей Межевой инструкции, Высочайше конфирмованные для межевания земель в Оренбургской, Саратовской и Симбирской губерниях». Появление этих дополнений объясняется тем, что необходимо было учитывать особенности земельных отношений региона при межевании: обширность края, специфика башкирского землевладения (вотчинное право на землю). Были установлены размеры минимального надела крестьян-переселенцев в 15 дес. на душу м. п. Башкиры-вотчинники сохраняли свои владения без каких-либо ограничений *[Там же.* Т. 25. № 18625].

Для практического осуществления Генерального межевания на территории края весной 1798 г. Нижегородская межевая контора переехала в г. Уфу. Выбор уездного города как местонахождения конторы объясняется тем, что Уфа являлась географическим центром края, что было весьма удобно для руководства процессом межевания. При проведении практических измерений основными фигурами являлись землемеры. Весной 1798 г. в Оренбургской конторе их насчитывалось 22 человека. Большинство из них ранее работали в Нижегородской губернии. Из послужных списков чиновников за 1798 г. можно узнать, что значительное количество землемеров было из числа отставных военнослужащих. В то же время часть землемеров с самого начала своей деятельности работала по линии межевого ведомства, проходя

всю чиновничью иерархию от второклассного ученика или копииста до должности землемера.

Землемеры возглавили 27 межевых команд, в состав которых были также включены их помощники, землемерные ученики первого и второго класса. К весне 1798 г. в Уфу явилось из Нижнего Новгорода 42 землемерных помощника, 14 землемерных учеников первого класса, 13 землемерных учеников второго класса. Для обработки документации межевых команд (планов и межевых книг отдельных дач, полевых журналов землемеров) в штате конторы должны были находиться 20 канцелярских служащих, которые и явились на новое место работы весной 1798 г. Одновременно в Уфу прибыло свыше 100 солдат из местной пехотной дивизии для работы в составе землемерных команд и охраны чертежной мастерской Оренбургской межевой конторы.

К началу лета 1798 г. подготовительная работа завершилась, и руководство конторы 14 июня приняло решение об отправке 17 землемерных команд для полевых измерений. В три уезда (Верхнеуральский, Стерлитамакский, Челябинский) было направлено по одной, а в остальные семь уездов (Оренбургский, Бузулукский, Бугульминский, Мензелинский, Бирский, Уфимский, Троицкий) — по две землемерные команды. Несколько землемеров должны были работать в чертежной мастерской. К оставшимся в конторе чиновникам было прикреплено 14 землемерных помощников, а для ведения повседневной документации конторы, переписки с различными учреждениями привлекли 32 канцелярских служащих и 26 землемерных учеников.

Генеральное межевание Оренбургской губернии, начавшись в 1798 г., продолжалось свыше 40 лет. В нем можно выделить два этапа. В ходе первого этапа (1798—1805) главным направлением работы было межевание земельных угодий. За этот период измерено свыше 90 % территории губернии. Одновременно персонал межевой конторы занимался канцелярской и чертежной работой по оформлению документации на земельные дачи.

На втором этапе (1806—1842), хотя и продолжалось межевание дач, чиновники занимались преимущественно разбором спорных дел. завершением оформления документации, рассылкой готовых документов владельцам и государственным учреждениям. Важным аспектом деятельности на втором этапе была систематизация сведений относительно хозяйственной характеристики уездов и губернии в целом.

Следует отметить отношение Оренбургской межевой конторы к башкирским землям. При их межевании учитывалось вотчинное право башкир. В случае представления ими старинных жалованных грамот чиновники закрепляли за ними всю территорию отмежеванной дачи. Землемеры способствовали укреплению землевладения и военно-служилых людей (солдат, казаков, мишарей). В этой связи следует указать на факт закрепления за крепостями значительных массивов земли, постепенно изъятых у башкир в течение всего XVU-XVIII в. Правительство признало наличие на территории значительного количества крестьян-переселенцев, закрепив за ними утодья, которыми они пользовались. При этом власти придерживались 15-десятинной нормы для всех категорий крестьянства. В случае ее превышения излишние земли обычно изымались в казну.

Итоги Генерального межевания таковы. Общая площадь земельных угодий Оренбургской губернии составила 28 192 667 дес. К башкирским дачам было отведено всего 12 818 468 дес. (45 % территории губернии), но единолично 41 117 душ об. п. пользовались 3 179 661 дес., или 11 % от территории губернии. Остальные 9 638 807 дес. (34 %) находились в совместном владении башкир и припущенников. Здесь проживало 113 724 башкир-вотчинников, 4 336 башкир-припущенников и 144 957 припущенников небашкирского происхождения. Кроме того, около 40 тыс. душ об. п. башкир проживало в сопредельных уездах Пермской, Вятской, Саратовской губерний. Они фактически пользовались угодьями площадью около 1 млн дес. Дворянам (1 399 душ об. п.) и владельцам заводов (1 878 душ об. п.) принадлежало 3 658 272 дес. (12,8 % территории Оренбургской губернии). Здесь же проживали зависимые от них крестьяне численностью 131 154 .ттуттти об. п. Военно-служилым людям (72 897 душ об. п.) принадлежало 3 908 287 дес. (13,9 %), казенным и удельным крестьянам (243 309 душ об. п.) - 6 476 520 дес. (23,5 %). Немало угодий находилось в непосредственном ведении губернских властей — 1 358 191 дес. (4,6 *%) [РГАДА.* Ф. 1355. Оп. 1.Д. 927-941, 1873, 1877-1887].

Изучение документов Генерального межевания по Оренбургской губернии показывает, что его основной целью являлось упорядочение земельных отношений. Эта цель в определенной степени была достигнута путем своеобразного межевания дачи. Внутри дачи находилось одно либо несколько и даже несколько десятков владений. Временно это уменьшило споры между владельцами. Важной задачей межевания также были учет и официальное закрепление границ казенных угодий за государством. Крупным итогом Генерального межевания явилось не только уточнение земельных границ дворянских и заводских владений, но и официальное закрепление за ними новых, не всегда бесспорно приобретенных угодий за счет башкир и казны. Несмотря на всю важность, Генеральное межевание было лишь первым шагом в упорядочении земельных отношений в крае. Следующим этапом стало Специальное межевание, когда про-

исходило землеустройство внутри дач Генерального межевания. Оно развернулось с 30-х гг. XIX в. и продолжалось до 1917 г.

Значение Генерального межевания для дальнейшего развития края состояло и в том, что царское правительство впервые получило реальные и полные сведения о распределении земли между различными категориями населения. Эти материалы впоследствии (во второй половине XIX — начале XX в.) использовались им для продолжения масштабного освоения края.

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР

Башкиры были расселены на огромной территории. При Генеральном межевании в 1797—1824 гг. в Оренбургской губернии оказалось башкирских земель около 13 млн десятин (140 тыс. кв. м), принадлежащих отдельным их обществам в числе 157 дач *[А.В.Д.,* 1863. С. 227].

За 50 лет с 1800 по 1850 г. население Оренбургскойгубернииувеличилосьс884 787до2 393 628чел. обоего пола. Увеличение объясняется как естественным приростом, так и притоком переселенцев. Более половины жителей губернии составляли русские (1306299 чел.), далее следовали башкиры (508 тыс. чел.), тептяри и бобыли (247 тыс. чел.), мишари (98 тыс. чел.) и др. *[Тарасов,* 1984. С. 127].

Надо заметить, что после реформы 1855 г., включившей в Башкирское войско тептярей из безземельных башкир, мари, удмуртов и татар, общая численность его населения превысила 1 млн человек.

В первой половине XIX в. башкирское население разделялось на оседлое и полукочевое (т. е. с летним выездом из деревень на кочевья — яйлэу). Это означало, что тогда уже не было башкир, ведущих кочевой образ жизни в течение целого года *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 13. Д. 2772. Л. 5]. В 1846 г. из общего числа 439 583 башкир оседлых насчитывалось 230 958человек(52,5 %), а полукочевых-208 625человек (47,4 %). Соотношение тех и других в 1846 г. по каждому кантону показано в таблице 2.

Как видно из таблицы, башкирское население 1-го (Осинский и Пермский уезды Пермской губернии), 10-го (Бирский уезд) и 11-го (Мензелинский и Сарапульский уезды) кантонов жило оседло. Усиленная колонизация русскими и нерусскими крестьянами западного и северо-западного Башкортостана намного сокращала пастбищные угодья башкир и под влиянием земледельческих народов последние перешли к оседлости и земледелию еще задолго до начала XIX в.

До 22 % башкирского населения вели полукочевой образ жизни в следующих кантонах: в 4-м Западном (5-й) (Троицкий уезд), 8-м (9-й) (Уфимский уезд) и 12-м (13-й) (Белебеевский, Бугурусланский, Бугульминский уезды). Во 2-м кантоне (Красноуфимский и Екатеринбургский уезды) полукочевое население было малочисленнее оседлого. На кочевку выходили на три месяца жители лишь двух юрт. В 12-м кантоне полукочевой образ жизни вели только башкиры, живущие по р. Деме.

Полукочевое население преобладало в 6-м (в Верхнеуральском уезде), 9-м (в Оренбургском), 7-м (в Стерлитамакском), 4-м Загорном (в Троицком), 5-м (в Челябинском) и в 3-м (в Шадринском уезде) кантонах. Следовательно, основная масса полукочевых башкир проживала на востоке, где их доля составляла 65,1 % против 34,9 % оседлых, а также на юге и юго-востоке Башкортостана, где на полукочевых приходилось 82,1 %, а на оседлых — 17,9 % всего числа башкир этих районов.

Учитывая эти экономические различия, а также наличие переходной между ними зоны, мы видим, что еще до начала XIX в. в размещении хозяйства башкир складываются земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческо-земледельческий районы.

К земледельческому району относились башкиры 1, 10 и 11-го кантонов. Земледельческо-скотоводческий район охватывал 2, 4-й Западный, 8, 12-й кантоны, располагавшиеся между предыдущими и скотоводческо-земледельческими кантонами. В скотоводческо-земледельческом районе проживали башкиры 3, 4-го Загорного, 5-7 и 9-го кантонов.

Анализ состояния скотоводства в этих хозяйственных районах показывает, что занятость скотоводством была неравномерна с общей тенденцией к понижению. Из приводимой ниже таблицы 3 видно, что на душу обоего пола в 1827 г. приходилось от 1 до 2,47 голов лошадей в 9 кантонах (2—9, 12-й), а к 1855 г. более 1 лошади имели башкиры только в 5 кантонах (3, 5—7, 9-й), то есть к середине XIX в. во 2-м, 4-м Западном, 8-м, 12-м кантонах земледелие стало преобладать над скотоводством и количество лошадей у башкир стало там меньше, равно или чуть больше количества коз и овец; причем лошадей стало менее одной головы на душу. Таков был земледельческо-скотоводческий район Башкортостана. Жители же скотоводческо-земледельческого района имели лошадей больше, чем где бы то ни было: свыше одной головы на душу обоего пола.

Как показывает таблица за 28 лет (1827—1855) число лошадей на душу уменьшилось с 1,37 до 0,98, коров с 0,72 до 0,59 и лишь поголовье мелкого скота увеличилось с 0,99 до 1,14 голов.

Сокращение поголовья скота объясняется многими причинами. Одной из них было постоянное сокращение пастбищных угодий из-за изъятия башкирских земель. Из 13 млн десятин, выявлен-

Таблица 2

Соотношение оседлых и полукочевых башкир в 1846 г.
(по кантонам)

Кантоны	Все население	Полукочевое население	Полукочевые башкиры (%)
1-й башкирский	14806	-	-
2-й -" -	11411	5284	46,3
3-й —" —	16000	9683	60,5
4-й Загорный (с 1847 г. 4-й)	10127	9364	92,4
4-й Западный (с 1847 г. 5-й)	9727	1856	19,1
5-й (6-й)	26784	22381	83,5
6-й (7-й)	50609	47361	93,5
7-й (8-й)	45765	36750	80,3
8-й (9-й)	22611	3795	16,7
9-й (10-й)	78233	61045	78,0
10-й (11-й)	52 398	-	-
11-й (12-й)	46469	-	-
12-й (13-й)	54644	11196	22,3
И т о г о	439583	208625	47,4%

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 188-189; Д. 4888. Л. 37-38; Д. 4911. Л. 143.

Таблица 3

Динамика изменений количества скота^у башкир в 1827—1855 гг.
(по кантонам) ’

Хозяйственные районы	Кантоны	Приходилось на душу обоего пола					
		лошадей		коров		овец и коз	
		1827 г.	1855 г.	1827 г.	1855 г.	1827 г.	1855 г.
Земледельческий	1-й	0,38	0,36	0,44	0,20	0,53	0,65
	10-й	0,93	0,54	0,46	0,44	1,76	1,21
	11-й	0,56	0,49	0,36	0,35	0,34	0,92
Земледельческо-скотоводческий	2-й	1,38	0,93	0,64	0,51	1,18	1,12
	4-й Зап.	-	0,76	-	0,54	-	0,57
	8-й	1,48	0,83	0,74	0,67	0,88	0,77
	12-й	1Д1	0,88	0,63	0,66	0,83	1,33
Скотоводческо-земледельческий	3-й	1,12	1,13	0,67	0,67	1,21	1,06
	4-й	1,11	0,97	0,32	0,45	0,66	0,97
	Загорный	2,06	1,11	0,79	0,51	1,45	1,31
	5-й	1,76	1,26	0,92	0,81	1,01	1,53
	6-й	1,55	1,44	0,78	0,68	0,76	0,79
	7-й	2,46	1,26	1,46	0,57	0,57	1,46
	9-й						
По башкирским кантонам И т о г о :		1,37	0,98	0,72	0,59	0,99	1,14

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 166-194; Д. 2251. Л. 118; *РГВИА.* Ф. 414. Д. 312. Л. 10-39; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 381,188.

ных Генеральным межеванием, башкирам-вотчинникам полагалось 4 286 920 десятин земли, т. е. на каждую душу м. п. по 7-й ревизии приходилось по 40 десятин *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1506. Л. 125—127; *А.В.Д.,* 1863. С. 277]. Размер надельной земли к середине XIX в. сократился и по причине прироста населения. К этому обстоятельству следует добавить и тот факт, что многие башкиры по разным причинам потеряли вотчинное право на землю. В 1815—1817 гг. таких башкир было 50 тыс., а в 1857 г. - примерно 135 тыс. человек *[КузеевР. Г., УсмановА.Н., УсмановХ.Ф.,* 1966. С. 77]. Потерявшие вотчинное право башкиры влились в состав припущенников и наделялись наравне с последними землей по 15 десятин на душу м. п. Прямой или косвенный захват башкирских земель помещиками и заводчиками, равно как прирезка прилинейных земель к Оренбургскому казачьему войску[7], приводили к сокращению пастбищных угодий, следовательно, и скота в хозяйствах полукочевых башкир.

Не менее важной причиной сокращения поголовья скота явились принудительные меры властей по переводу башкир полукочевых кантонов на оседлость.

Часть башкир, считавшихся кочевниками, к середине XIX в. не имела скота. Число их к указанному времени доходило до 10% *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10788. Л. 8]. Однако они продолжали выходить на кочевку, но в другом качестве — они обслуживали кочевье баев-башкир и чиновников.

В оседлых кантонах заготовлялось на зиму корма больше, чем в прочих. Полукочевые же жители юга и юго-востока Башкортостана заготовляли его лишь для мелкого, рогатого и рабочего скота, в то время как табуны лошадей и в зимнее время находились на тебеневке. Факт распространения сенокошения у башкир-скотоводов подтверждается рядом источников. Начальник 9-го кантона (в Оренбургском уезде) поручик Б. Куватов в своем рапорте военному губернатору писал в 1805 г., что его подчиненные дд. Биктимирово и Сунарчино «с ногайцами в сенокосных лугах с давних лет имеют тяжбу», и что в 1804 г. ногайцы, перейдя р. Сакмару до 8 верст, перевозили 224 стога сена, накошенного башкирами; ногайцами же перевезено было еше 353 стога. Следствием явился массовый падеж скота у этих башкир *[Там же.* Д. 36. Л. 92]. В 1818 г. в Верхнеуральском уезде луга косили в дачах, принадлежащих крепости Магнитной, служащие полукочевого 6-го кантона | *Там же.* Д. 1099. Л. 1—4]. В 1844 г. в 7-м кантоне Стерлитамакского уезда было заготовлено 3990 стогов сена. В 1862 г. во всем Башкирском войске заготовлено 1393 000 стогов, а в 1863 г. - 1 310 567 стогов сена. Каждый стог весил около 50 пудов (800 кг) *[Там же.* Д. 5176. Л. 20; Д. 13017. Л. 14].

Известны случаи продажи сена башкирами-скотоводами.. В 1862 г. на страницах «Оренбургских губернских ведомостей» отмечалось, что «Сено башкирцы косят издавна, и если нынешней осенью накосили его более обыкновенного, то причиной этому были не настояния начальства, а чрезвычайно высокие цены на сено в Оренбурге и вообще по Оренбургской линии и в соседних с ней местах, чем башкиры и воспользовались» *[Сборник...* 1862. С. 209]. Но, хотя башкиры-скотоводы издавна заготовляли корм, они не могли им обеспечить весь скот на всю зиму. От недостатка корма, непогоды (глубокого снега или гололедицы-джута, сильных буранов) и часто вспыхивавших «заразительных болезней» башкиры полукочевых кантонов ежегодно теряли до 10-15 тыс. голов скота. С 1842 по 1846 г. в Оренбургской губернии пало разного скота до 64 853 гол. *[Штукенберг,* 1858. С. 11]. В 1858 г. из-за непрерывных дождей сгнило сено, а зимой выпал глубокий снег и в результате бескормицы в горных районах Башкортостана погибло 40 тыс. голов скота *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10618. Л. 17; Д. 11099. Л. 33]. Кроме того, у башкир, служивших в транспортных и «рабочих» командах в казахской степи, из-за недостатка корма ежегодно погибало до тысячи лошадей *[Цыпляев,* 1911. С. 168-169].

Падеж скота и уменьшение его поголовья нарастали. К 1850 г. в 6-м (7-м) кантоне Верхнеуральского уезда, который являлся одним из основных скотоводческих районов Башкортостана, резко сократилось поголовье лошадей. В 1—4 юртах этого кантона, расположенных на обоих склонах горы Ирендык и по р. Сакмара, у башкир-скотоводов осталось лошадей от 0,5 до 1,2 головы на душу обоего пола *[РГВИА.* Ф. 414. Д. 314. Л. 162-171]. Если в конце XVIII в. можно было говорить о табунах до 1000 и более голов у башкирских баев, то.в 50—60 гг. XIX в. цифры более скромны: в отчетах командующего Башкирским войском упоминается о чиновниках, которые имели от 50 до 200 лошадей. Во всем Башкортостане к 1864 г. самый большой табун в 700 лошадей имел единственный богач-мулла Аллаберда Джамалин из Оренбургского уезда, живший по р. Ток *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 375; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13017. Л. 39]. Скотоводческое хозяйство у башкир 6-го и 9-го кантонов настолько ослабло, что после очередных нарядов на службу или в рабочую команду третья их часть оставалась безлошадной *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7824. Л. 1].

От количества скота в хозяйстве зависело и фактическое право пользования пастбищными угодьями. Обычно общинники получали сенокосные места вдали от деревень по жребию, но лучшие луга захватывались баями и чиновниками. Командующий Башкирским войском генерал-майор

Н.К.Тетеревников подметил: «Бедность башкир заключается в том, что башкирцы неравномерно пользуются принадлежащими угодьями. Весьма достаточные члены общества пользуются лучшими и в большом количестве угодьями по сравнению с членами менее достаточными. Они запахивают лучшие земли. Имеющие много скота занимают лучшие пастбищные места. В тех местах, где для пастьбы скота принято обычаем загораживать поскотины или выгоны, эти поскотины бывают слишком велики, соразмерно с числом скота, принадлежащего богатым членам общества, а через то остается мало земли для хлебопашества и сенокошения» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11099. Л. 75].

Таким образом, башкиры, считающиеся полукочевниками, не могли существовать за счет одного лишь скотоводства, они занимались и земледелием, правда, в меньшей мере, чем жители земледельческо-скотоводческого района. В результате описанных выше причин скотоводческое хозяйство переживало глубокий кризис. Однако этот упадок на юге и юго-востоке Башкортостана не скоро привел к достаточному развитию земледелия, которое являлось основной отраслью хозяйства для всех оседлых башкир. Теперь ознакомимся ближе с этой отраслью хозяйства.

По данным Оренбургского губернского правления, податным и неподатным населением в 1821 г. было посеяно озимого и ярового хлеба 883 318 четвертей. Хлебопашество было более развито в Белебеевском (2,78 четверти на душу), Мензелинском (1,75), Уфимском (1,71), Бирском (1,49 на душу) уездах. От 1 до 1,13 четверти на душу приходилось в Троицком, Бугульминском и Челябинском уездах. Уровень развития земледелия в Верхнеуральском и Стерлитамакском уездах был низким. Здесь по тем же данным на душу населения посеянного хлеба приходилось: в первом по 0,26, во втором уезде - по 0,47 четвертей *[Там же.* Д. 421. Л. 7, 19—22, 33]. Несмотря на то, что большая часть башкир занималась земледелием, по размеру посевов они занимали последнее место. Так, в 1845 г. на душу об. п. посеяли хлеба: свободные хлебопашцы по 26 пудов, помещичьи крестьяне по 18, государственные крестьяне по 11,3, башкиры по 8,1 и казаки Оренбургского войска по 7 пудов *[ГАОО.* Ф. 167. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

Посев хлеба увеличивался из года в год. Так, если в 1842 г. в целом по всем башкирским кантонам на каждую душу об. п. было посеяно по 0,62 четверти, то в 1845 г. — по 0,8, в 1851 г. - по I,09 четверти.

С 1843 по 1855 г. посев хлеба у башкир увеличился: озимого на 12 611 четвертей, ярового на 95 796 четвертей. За 1850-1859 гг. увеличение посева составило 41,5 % *[Штукенберг,* 1858. С. 15; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7841. Л. 3].

Если анализировать хозяйственные районы Башкортостана в отдельности, то заметим, что в оседлых кантонах (1-й, 10-й, 11-й) за 10 лет (1842—1851) не было заметного роста посева зерновых (исключая 10-й, где засевали хлеба чуть больше, чем в других). Такое явление объясняется, по-видимому, тем, что Мензелинский уезд, в котором был расположен 11-й кантон, по плотности населения к середине XIX в. занимал первое место в губернии (23 души об. п. на кв. версту) и, следовательно, здесь не было «пустопорожних» земель для расширения пашен. Что касается 1-го кантона, то его жители сочетали земледелие с лесным промыслом. Помимо того, землю под пашню добывали с большим трудом, а именно путем выжигания лесных участков (подсечное земледелие). Например, в 1851 г, считалось, что в вотчинных дачах этого кантона добыто 10 020 пудов мочала, 6054 пуда «толченной ивовой коры», 2 278 ильмовых дуг и 141 ведро дегтя, которые сбывались в Осе, Кунгуре и на Тагильских заводах. Однако эти данные не отражали действительную картину. По словам одного из стряпчих, башкиры «взносили пошлину только за самую незначительную часть этих изделий, которые в большем количестве продавали тайно». По другим данным видно, что башкиры одной только Тайнинской волости Осинского уезда ежегодно продавали промышленникам г. Осы более 200 тыс. пудов мочала *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 60. Л. 104, 131, 132]. Следовательно, лесные промыслы у башкир северо-западного Башкортостана являлись не менее важной отраслью хозяйства, чем другие.

Незначительный рост посева зерновых в оседлых кантонах был последствием не только указанных причин. «Попечительная» политика властей в области хозяйства коснулась, в основном, башкир, ведущих полукочевой образ жизни, минуя оседлых. Вот почему заметные сдвиги в росте посевов хлеба наблюдались прежде всего у башкир-скотоводов и земледельцев-скотоводов при минимальном росте у оседлых земледельцев. Подчеркиваем, что речь идет о росте, а не об уровне, так как у башкир-земледельцев посевов было намного больше, чем у жителей других хозяйственных районов.

В кантонах с преобладающим оседлым населением (2-м в Красноуфимском и Екатеринбургском, 4-м Западном в Троицком, 8-м в Уфимском, 12-м в Белебеевском, Бугурусланском и Бугульминском уездах) рост земледелия, хотя и незначительный, следует отнести на счет «попечительной» политики местных властей, а также влияния примера земледельческих небашкирских хозяйств. К середине XIX в. там намного уменьшилось число башкир, ведущих полукочевой образ жизни, и этот земледельческо-скотоводческий район постепенно

превратился в земледельческий с посевом на душу об. п. свыше 1 четверти хлеба (в 1842—1851 гг.).

Башкиры скотоводческо-земледельческого района (3-й, 4-й Загорный, 5-й кантоны) тоже добились заметных успехов в хлебопашестве; на душу об. п. посев здесь составлял свыше 1 четверти. Однако скотоводство все еще играло немаловажную роль в хозяйстве, так что к 60-м гг. XIX в. эти кантоны из скотоводческих становились земледельческо-скотоводческими.

В основном же районе скотоводства (6, 7, 9-й кантоны) хлебопашество внедрялось очень слабо. Ежегодный посев здесь был ничтожен, составляя к середине XIX в. всего от 2 до 5 пудов на душу об. п. В отчетах командующего войском за 40-е годы отмечалось, что полукочевые башкиры «к хлебопашеству не только начинают еще обращаться, а главный промысел их скотоводство и, в особенности, коневодство» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 375]. Губернские власти от безрезультатных призывов начали в 40-х гг. XIX в. прибегать к более действенным мерам. Прежде всего были созданы семенные магазины для беспроцентной ссуды семян, закупленных, как упоминалось, на средства, собранные с населения. В 1843 г. семена для посевов были розданы заимообразно 59 тыс. жителям южных кантонов, которым было «приказано заняться хлебопашеством». Весенние полевые работы проводились под присмотром юртовых старшин и сотских. Взятые ссуды были башкирами возвращены в магазины из нового урожая «бездоимочно» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 3]. Однако магазины не имели достаточных запасов семян для раздачи всем несостоятельным хозяйствам. Между тем, после первого удачного опыта требовалось засевать не по 2, а по 3 пуда на каждую душу об. п. Стараясь в свою очередь угодить начальству, башкирские чиновники, «не взирая ни на какие препятствия, ни на какие нужды, деятельным присмотром, угрозами, даже наказаниями, принуждали башкир к тому, чтобы они во что бы то ни стало приобретали зерна и сеяли» *[Там же.* Д. 6755. Л. 16].

Разумеется, все эти меры в какой-то степени способствовали расширению хлебопашества, но не разрешали проблему развития земледелия. Так, в 6-м кантоне на душу об. п. приходилось посева в 1845 г. - 0,27, а в 1851 г. - 0,29 четвертей, в 7-м кантоне соответственно 0,53 и 0,66 и в 9-м кантоне - 0,42 и 0,55 четвертей. У самарских башкир-скотоводов, причисленных с 1832 г. из 9-го кантона к Уральскому казачьему войску, посев хлеба на душу в 1853 г. составил в юрте № 1 (в которой земледелие было более развито, чем в остальных) — 0,82, а в юртах № 2и№ 3 от 0,18 до 0,22 четвертей *[Железное,* 1858. С. 279].

Следует отметить, что среди полукочевников особенно непопулярным являлся посев озимых зерновых культур. Поэтому органы власти прежде всего старались принудить башкир к посеву озимых. До 1840 г. во 2, 3, 6, 9 и 12-м кантонах последний был «весьма скуден», составляя на душу всего лишь от 7 до 19 фунтов. В 40-х гг. XIX в. посевная площадь под озимое увеличилась до 0,27 четвертей на душу об. п. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5529. Л. 7]. К 1854 г. посев озимых составил уже свыше трети всего посева *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 369].

Чтобы уяснить такую живучесть полукочевого образа жизни у южных башкир, надо, помимо упоминавшейся причины (сокращения к первой четверти XIX в. пригодных для пашни земельных просторов «по случаю отвода самых лучших земель для заводов рудокопных и под поселение государственных крестьян»), учесть также малонаселенность приуральских уездов *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 48]. Так, к середине XIX в. по плотности населения Верхнеуральский уезд занимал среди других 12 уездов губернии последнее место (2 души м. п. на 1 кв. версту), Оренбургский - 7-е (3,3) и Стерлитамакский — 5-е (4,5) *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 2. Д. 94. Л. 219; *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. Д. 13836/6. Л. 5]. Здесь (в 6-м и отчасти 7-м кантонах) русских и других земледельцев было слишком мало (заводские крестьяне, проживающие в этом районе, почти не сеяли), чтобы влиять своим примером на развитие башкирского земледелия.

Большинство башкир засевало в среднем от 1 до 3 десятин на душу об. п. В Верхнеуральском уезде на душу приходилось около 0,4 дес., в Оренбургском — полдесятины. В Екатеринбургском, Красноуфимском и Шадринском уездах в начале XIX в. богатые башкиры засевали до 5 и более десятин, а маломощные от 1 до 3 дес. В Троицком уезде в 30-х гг. XIX в. первые засевали не более 15 дес., а бедные от 1 до 3 дес. Зажиточные и богатые башкиры в оседлых кантонах засевали до 15 и более десятин *[ЦИАРБ.* Ф. И-6. Оп. 1. Д. 207. Л. 16—91; *Попов,* 1813. С. 16; *РГВИА.* Ф. 414. Д. 313. Л. 1]. Однако и в 6-м (Верхнеуральский уезд), 7-м (Стерлитамакский) и 9-м (Оренбургский) кантонах имелись башкиры, у которых было сравнительно крупное земледельческое хозяйство. Они широко пользовались наемным и принудительным трудом. Так, среди засевающих до 100 пудов хлеба к 1864 г. по 6-му кантону оказалось 1204 хозяйства, по 9-му — 4294 хозяйства; а от 100 до 200 и выше пудов засевали: в 6-м кантоне - 106, в 9-м кантоне — 124 хозяйства *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406, Л. 12, 56—65]. Среди самарских башкир засевали большие площади семейства Акировых и Токтаровых *[Железное,* 1858. С. 264]. В докладе военному губернатору А.П.Безаку майор Сапега-Олыневский,

обследовавший в 1865 г. состояние башкир, свидетельствует, что богатые башкиры засевали хлеба от 20 до 50 дес. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13028. *Л.* 448]. Власти поощряли богатых башкир, имевших большие посевы, выдачей «похвальных листов» и кафтанов.

Скажем и о некоторых последствиях перехода значительной части полукочевых башкир на оседлость. Во-первых, улучшились орудия земледельческого труда. Во-вторых, трехпольная система земледелия, распространенная у оседлых башкир, постепенно проникала в хозяйство полукочевых башкир. Войсковое начальство требовало от кантонных начальников упорядочить пахотные участки у полукочевых башкир, так как у них обработка земли производилась «без всякой системы и порядка, а поля разбросаны в удалении от деревень в разных местах небольшими участками». В-третьих, правительство, стремясь в течение первой половины XIX в. урегулировать продовольственное дело у военных поселян, казаков, у некоторых категорий крестьян, попыталось ввести среди башкир общественную запашку — одно из проявлений политики военных поселений.

Обращалось внимание и на выращивание овощей, особенно, картофеля. Губернское и войсковое начальство требовало от башкирских чиновников, чтобы в этом деле последние показывали пример своим подчиненным. В 60-х гг. XIX в. кантонный начальник выпускник Казанского университета Альмухамет Куватов «для примера» завел огород в д. Сарино Стерлитамакского уезда *[Там же.* Д. 11099. *Л.* 51]. Башкиры некоторых кантонов сажали капусту, репу, свеклу и огурцы. В 1855 г. в отчете командующего войском было отмечено, что у башкир 1-го, 11-го, отчасти 12-го кантонов почти при каждом доме «имелся огород, где произрастают разные овощи» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 77. *Л.* 400]. Разведение картофеля в башкирских кантонах началось в 30-40-х гг. XIX в. В 1842 г. было посажено картофеля в кантонах 1-м — 69 четвертей (около 16 тонн), в 3-м — 422, в 11-м — 33, в 12-м - 238 четвертей *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4873. *Л.* 139-140, 158-160, 171-185]. В 1853 г. в 4-м башкирском кантоне посеяно картофеля 700, собран урожай 4200 пудов *[Там же.* Д. 5095. *Л.* 217]. По этим данным видно, что разведение картофеля ограничивалось земледельческим и земледельческо-скотоводческим районами Башкортостана.

Были приняты «попечительные» меры по распространению огородничества и разведению картофеля среди башкир полукочевых кантонов. В этом отношении наиболее характерной является деятельность кантонного попечителя И.И.Филатова, всюду появлявшегося с кнутом или нагайкой; готовясь к севу заранее в зимнее время, он показывал башкирам способы разведения картофеля, зарывая его в снег *[Чурко,* 1927. С. 17]. Методам огородничества и разведения картофеля обучались в Оренбурге башкирские мальчики из южных кантонов *[ГАОО.Ф. 6.* Оп. 6. *Д.* 13762/1. *Л.* 26]. На «продовольственный капитал» башкир-скотоводов в 1861 г. было куплено и роздано им 5294 пуда картофеля и огородных семян. Незначительное количество купленных семян объяснялось тем, что их «негде было приобрести», поскольку в соседних с башкирами русских селах тоже мало еще занимались разведением картофеля и огородных культур *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10788. *Л.* 37, 60].

Немалое хозяйственное значение для башкирского населения имело пчеловодство (бортничество). Им занимались, в основном, лесные башкиры, которые держали диких пчел в дуплах деревьев, где оставляли пчел и на зиму. Некоторые хозяйства имели до 200 бортей, приносящих каждая от 10 до 30 фунтов меда и соответствующее количество воска *[Штукенберг,* 1858. С. 22]. В 4-м Западном кантоне в д. Сагирово по р. Кига 40 домохозяев имели 172 улья. У катайцев 6-го кантона в 7-ми деревнях было 198 ульев, 173 борти. В степной части башкиры по р. Ток почти не имели ульев *[РТВИА.* Ф. 414. *Д.* 314. *Л.* 65-66, 69-70, 91-92, 95-96]. В 6-м кантоне бортничеством, естественно, занимались в тех местах, которые были расположены в лесной зоне. Бурзянцы пасек не имели, а держали пчел только в бортях. На севере, северо-западе и северо-востоке, как видно по исследованию немецкого ученого Ф.Г. Мюллера, некоторые башкиры имели, кроме своих пасек, еще несколько сот, даже до тысячи бортей диких пчел в лесах. В 1834 г. в Пермской губернии насчитывалось до 2 тыс. пасек с общим числом 15 684 улья. Годовая добыча меда составляла 6437 пудов и воска 400 пудов *[ГАОО.* Ф. 168. Оп. 1. *Д.* 63. *Л.* 162-163].

Что касается кузнечного дела и мельниц, то первое стало сравнительно заметным лишь к середине XIX в., по сравнению с концом XVIII в. В 1857 г. в Башкирском войске было 399, а в 1862 г. - 497 кузниц. Увеличению же количества действующих мельниц способствовало развитие башкирского земледелия; в 1862 г. их было: водяных - 1 444, ветряных - 83 *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10077. *Л.* 5; *Д.* 12025. *Л.* 115-116].

В условиях традиционного хозяйства башкирскому населению приходилось домашним способом изготовлять для своих нужд одежду, обувь и инвентарь, хотя среди башкир имелись и обучавшиеся мастерству в разных городах России. Только в 6-м кантоне в 1861 г. занимались портняжным делом - 5, слесарным — 1, некоторые из них имели собственные мастерские, где обучали мальчиков соседних деревень и юрт. Из 300 башкирских мальчиков, направленных в разные города России для обучения различным ремеслам, вернулись из

Москвы в свои кантоны в 1840 г. - 26, в 1842 г. — 123 юноши. Их обучали 30 видам ремесла, необходимого для нужд «народной промышленности», которая находилась в зачаточном состоянии *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1.Д. 11662. *Л. 16; ГАОО.* Ф. 6. Оп. 7. *Д.* 646. *Л.* 6-8, 20-21].

Несколько замечаний о торговле. Для покупки нужного снаряжения и оружия башкиры, готовясь на службу, продавали лошадей, кожу, овчину, собственные свои изделия — сани, кадки, ведра, хомуты, сапоги, платки, а земледельцы — продавали хлеб *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 1151. *Л.* 53]. Кожсырье (сыромять) отвозили на кожевенные заводы, где взамен получали «готовые деланные кожи». На право торговли они получали свидетельства от уездного казначейства. Торговля товарами разрешалась при наличии указанного документа и уплаты пошлины, но лошадей можно было продавать без пошлины. Для башкирского купечества было установлено немало ограничений и препятствий; документы на право торговли они могли получать только по ходатайству кантонных начальников, которых непременно нужно было задаривать взяткой. Паспорта им вообще не выдавали. Большим препятствием на пути башкирского купечества являлось запрещение «выключиться» из своего военного сословия и вписаться в состав купечества. Несение военной службы и других повинностей, а также длительные командировки практически не давали возможности посвящать себя полностью торговой деятельности. Прикрепление к сословию и месту жительства являлось, пожалуй, основным препятствием для пополнения состава башкирского купечества. В Башкиро-мещерякском войске башкир «торгового сословия» в 1850 г. насчитывалось до 25 человек *[Там же.* Д. 6959. *Л.* 33]. Однако следует полагать, что это только те лица, которые сумели выйти из военного сословия и записаться в купечество.

К 1861 г. в деревнях имелось 9 самых больших ярмарок, а крупные базары были только в 25 башкирских аулах (1849 г.) *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 8. *Д.* 139. *Л.* 57; Оп. И. *Д.* 1793. *Л.* 29-35].

В первой половине XIX в. в башкирских кантонах распространялась постоянная торговля в лавках, которых насчитывалось к 1857 г. 654, а к 1862 г. их было 1 281 *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10077. *Л.* 5; *Д.* 12025. *Л.* 115—116]. Она представляла собой более развитую форму торговли сравнительно с ярмарочной и базарной, где зачастую происходил простой товарообмен; для покупок же из лавок нужно было иметь деньги. Но хотя приведенные цифры свидетельствуют о развитии товарно-денежных отношений среди местного населения, однако не следует преувеличивать масштабы этой торговли. По словам командующего войском, «башкиры прибегают к сбыту своих продуктов и произведений, в которых вообще не бывает у них большого избытка, только в таких случаях, когда понудит их к тому крайняя нужда для удовлетворения жизненных потребностей» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 77. *Л.* 290].

Обратимся к обзору экономической деятельности управления башкирами, которому под силу были более крупные начинания, чем отдельным лицам. С 30-х гг. XIX в. в Башкиро-мещерякском войске стало создаваться так называемое «войсковое» хозяйство, которое объединяло «пчелиный», конный, поташные, кожевенный и салотопенные заводы, а также конный рассадник, Петропавловские золотые прииски и «войсковые капиталы».

«Для ознакомления башкир с новыми, улучшенными приемами» пчеловодства и для пополнения доходами войскового капитала, в 1838 г. был создан пчелиный завод, место которому было выбрано на окортомленной у вотчинников земле на левом берегу р. Белой близ д. Куллярово 7-го (8-го) кантона в Дуван-Табынской волости на границе Стерлитамакского и Уфимского уездов.

На удобной местности среди лугов и липовых рощ рабочей командой башкир были построены две избы, сушильня, столярная мастерская, конюшня, амбары для хранения пчел в зимнее время и баня для работников. Всю работу по уходу за пчелами выполняли на заводе башкирские юноши, обученные в Черниговской губернии в единственной тогда в России школе известного пчеловода П.И.Прокоповича. Кроме ухода за 350 ульями, «ученые-пчеловоды» (их было 10) ежегодно обучали 30 мальчиков из всех кантонов, где население занималось пчеловодством. Последние в свою очередь были обязаны распространять полученный на заводе опыт среди жителей своих юрт. В 1839 г. на пчелином заводе получено 129 пудов меда; каждый пуд был продан по 5 руб. 86 коп. серебром. В 1857 г. было создано всего 5 таких заводов. Однако опытное хозяйство по распространению «правильного пчеловодства» не оправдало возлагаемых на него надежд, и в конце 50-х гг. заводы эти были закрыты, как «неокупившие себя» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4269. *Л.* 1-2, 7-8, 31, 63-66-67; *Д.* 7150. *Л.* 15-16; *Д.* 10077. *Л.* 5].

Башкирское войско имело также кожевенный и салотопенные заводы.

В 1836 г. «для восстановления и улучшения коренной породы башкирских лошадей» на территории 9-го кантона в Оренбургском уезде близ д. Исангулово при впадении р. Ташлы в р. Ик был основан за счет войскового капитала конный завод, занимавшийся скрещиванием местных пород лошадей с арабской, английской, датской, персидской, туркменской и турецкой породами. Породистые жеребцы доставлялись из государственных Беловодских заводов на Украине, а матки были подарены богатыми башкирами 4-го - 12-го кан-

тонов. Самыми лучшими были кобылы, полученные от башкир полукочевых кантонов, «у коих лошади больше, крепче и красивее», чем в других кантонах. Лошади с завода не поступали в продажу, а их бесплатно раздавали башкирам в косяки для улучшения породности конского поголовья *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3711. Л. 1-13, 14-22, 38]. Содержание завода обходилось войску до 10 тыс. руб. ассигн. в год.

С той же целью улучшения лошадей местной породы учреждено было в трех кантонах четыре случных пункта. Вся работа на этих пунктах, как и на самом заводе, выполнялась ежегодно командируемой рабочей командой.

Существенная польза конного завода и случных пунктов заключалась в «появлении у поселян войска в немалом числе лошадей с весьма хорошими статями, крепких и ценных» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 403].

Конные заводы существовали до отмены кантонного управления, после чего они были переданы в ведение Главного управления государственного коннозаводства.

В целях сохранения лесных массивов В.А.Перовский издал в 1832-1835 гг. несколько циркулярных предписаний, определивших меру пользования башкирскими лесами. Наблюдение за выполнением циркуляров возложили на кантонных начальников и на местную земскую полицию. Леса разделялись на лесосеки, для охраны назначались лесные надзиратели. Однако хищническое истребление лесов продолжалось и приняло угрожающий характер. Поэтому принимались меры, которые, хотя и не могли прекратить полностью деятельность лесопромышленников, все же ограничили бы ее. Были основаны войсковые поташные заводы и организована скупка на башкирский войсковой капитал лесных изделий у башкир *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4010. Л. 150]. С 1835 г. действовали два войсковых поташных завода на земле, арендованной у башкир-вотчинников. Ежегодно заводы приносили доход до 20 тыс. р. серебром, который целиком и полностью поступал в распоряжение военного губернатора и расходовался преимущественно на пособия чиновникам башкирского управления*[ГАОО.Ф.* б.Оп. 6.Д. 13762/1.Л. 27—28]. Последнее показывает, что циркуляры были направлены не столько на сохранение башкирских лесов, сколько на выгоды чиновничества.

К 1841 г. поташные заводы сократили выработку поташа из-за уменьшения спроса на него. В 1842 г. закрыт один, в 1847 г. - второй завод *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4010. Л. 145; Д. 4012. Л. 38].

В период кантонного управления от различных сборов с населения и от других доходов составился с 1820-х гг. башкирский войсковой капитал, который к 1855 г. достиг 1 400 000 руб. серебром, причем ежегодные доходы войска приблизились к 400 тыс. руб., а расходы - к 350 тыс. руб. серебром. Насколько был значителен этот капитал можно судить по сравнению с соответствующими данными по другим войскам. Так, Сибирское войско имело 350 тыс., Уральское — 800 тыс., Оренбургское - 1,4 млн руб. серебром *[Краткий...* 1856. С. 29, 33, 37, 45]. Размер башкирского войскового капитала продолжал увеличиваться, дойдя к 1862 г. до 3 238 165 руб. серебром. С годового дохода 18 % отчислялось на содержание Управления иррегулярных войск; надо отметить, что другие войска, кроме Донского и Черноморского, отчисляли на это управление гораздо меньше *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 8. Д. 139. Л. 37; *Никольский*, 1902. С. 165].

Рассмотрим ближе вопрос о данном капитале и его частях. Он был составлен от разных сборов с населения. Продовольственный капитал был образован из сборов с башкир и мишарей на основании указов 1822—1823, 1837 гг. для выдачи ссуд при неурожаях. К 1864 г. он достиг 1 227 252 руб. Экономический капитал составился до 1854 г. из остатков почтовых сборов. Хозяйственный капитал, доходивший до 528 731 руб., образовался из отчислений от сумм, поступавших за аренду вотчинных земель и угодий *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13027. Л. 17,18]. Кроме того, в башкирский войсковой капитал входили соединенный сбор с жителей резервных кантонов взамен службы и сбор с тептярей (с 1855 г.) на продовольствие в случае неурожая.

Что касается расходов, то, за исключением незначительных сумм на обучение башкирских малолеток в русских учебных заведениях (26649 руб. серебром), на устройство при кантонных квартирах школ и больниц и на их содержание, войсковой капитал расходовался на предметы совершенно чуждые для тех, с кого он был собран, а по упразднении кантонного управления в 1865 г., весь капитал (около 3 млн руб. серебром) перешел в собственность казны *[Там же.* Д. 13028. Л. 5].

Итак, Башкирское войско не только обходилось казне дешево, но скорее напоминало резервуар, из которого правительство всегда могло пополнить активы казначейства. В то же время Оренбургское казачье войско не только не давало казне дохода (несмотря на огромное количество занимаемых им земель), но требовало особых сверхсметных расходов в сумме 129 917 руб. (по другим данным годовое пособие этому войску доходило до полумиллиона рублей) *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 94. Л. 225-226; *Сборник...* 1862. С. 139-140].

ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА ПОЛУКОЧЕВЫХ БАШКИР К ОСЕДЛОСТИ И ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

В истории башкирского народа и развитии его культуры большой интерес представляет важный этап, связанный с переходом от кочевничества к оседлости и земледелию. Кочевничество *(лат.* nomades - номады, кочевники, кочевой народ, номадизм) — особый вид хозяйственной деятельности и связанных с ним социокультурных характеристик, вытекающих из доминирования экстенсивного кочевого скотоводства в хозяйственно-бытовой деятельности населения. По определению В.И.Даля, слово «кочевать» имеет тюркскую основу и означает «вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую» *[Даль*, 1994. Т. 2. С. 462]. Кочевничество представляет собой особую форму цивилизации (культуры), распространенной среди отдельных групп населения и даже целых народов Евразии, Африки и Америки. Для данной культуры присущи периодическая круглогодичная или сезонная подвижность сопровождавших стада скотоводов, значительная автономия семейно-родственных групп, слабое развитие или отсутствие отлаженной системы централизованной редистрибуции *(от англ.* redistribute — перераспределять, в данном случае — перераспределение доходов общества между его членами, органами государственной или предгосударственной власти), преобладание натуральных форм хозяйства и т. д.

Основной тенденцией развития хозяйства и, соответственно, всей социокультурной системы башкирского общества после присоединения к России является перманентный процесс седентаризации *(от англ.* sedentary - сидячий, sedentary life - сидячий образ жизни) — перехода кочевых и полукочевых башкир к оседлому образу жизни и земледелию. По утверждению ряда исследователей, присоединение башкир к России стало отправной точкой в интенсификации процессов развития земледелия и перехода к оседлости коренного населения *[Кузеев*, 1978. С. 64; *Усманов*, 1982а. С. 42; *Усманов*, 1981. С. 104]. Указанный процесс приобрел необратимый характер под влиянием комплекса внутриэтнических и внешних факторов: а) динамики этнокультурного развития, вызванной расширением оседло-земледельческого пласта культуры; б) существенного изменения экономических и социально-политических условий развития в составе России; в) быстрого расширения культурного взаимодействия с оседло-земледельческими народами; г) политики административного внедрения оседлости и земледелия органами центральной и региональной власти империи.

Глубокая трансформация башкирского общества, произошедшая в составе России и связанная с переходом к оседлости и земледелию, привела к формированию достаточно серьезных социокультурных различий между региональными группами башкир. Уже в XVIII-XIX вв. в различных источниках, научных трудах и публицистике в оценках башкирского общества, хозяйства и занятий коренного населения наблюдается их разделение на «кочевых» (кочевники, номады) и «оседлых» (земледельцы, землепашцы). В частности, данное разделение весьма отчетливо прослеживается в официальном делопроизводстве региональной бюрократии. Сами башкиры проводили достаточно четкую грань между двумя группами: асаба — башкиры-вотчинники (полукочевые и оседлые), «сабаталылар» - только оседлые башкиры.

В трансформации башкирского хозяйства важные изменения произошли в XVII—XIX в., в литературе подразделяемых на два крупных периода: 1) XVII в. - 1730-е гг.; 2) 1730-е - 1860-е гг. *[Очерки...* 1956. С. 142—146]. В XVIII в. на развитие башкирского хозяйства серьезное влияние оказали несколько важнейших социально-политических факторов: 1) реформирование системы административного управления, налоговая и иные реформы, напрямую затронувшие башкирское общество;
2) начало промышленного освоения региона, приведшее к крупным изъятиям башкирских земель;
3) продолжение и существенное расширение миграции в регион оседло-земледельческого населения и его расселение на башкирских землях; 4) крупные антиправительственные восстания и выступления с участием башкир.

Начавшаяся в XVIII в. политика более активной интеграции территории Башкортостана в экономическую и социально-политическую структуру Российской империи обострила проблему контроля ресурсов региона, среди которых главное место занимала земля. Поскольку казенных земель в крае было немного, выход виделся в отчуждении различными способами и вовлечении в экономический оборот вотчинных башкирских земель. Принятие данного решения подталкивалось также относительно быстрым увеличением численности населения края в результате естественного прироста и притоком оседло-земледельческого населения.

Однако рыночный оборот башкирских земель бьш затруднен системой вотчинного права, предоставлявшей каждому вотчиннику равное право пользования и распоряжения общинной землей. Принятие решения о сдаче в аренду, тем более продажи вотчинной земли, находилось в компетенции общины — племени, рода или родового подразделения: оно считалось принятым после получения согласия большинства общины. Поскольку социальная дифференциация башкирского общества

носила ярко выраженный характер, правящая верхушка общины обладала влиянием на принятие коллективного решения о продаже или аренде вотчинной земли. Используя свой более высокий социальный статус, основывавшийся на материальном богатстве, обеспечении контроля над административной системой и этнокультурной традиции чинопочитания, тарханы, баи, старосты, а затем старшины и другие представители социальной верхушки добивались принятия выгодного для себя решения по управлению земельными владениями и биоресурсами (лесом, охотничьими угодьями, рыбными ловлями и др.).

Несмотря на постепенную трансформацию в XVIII в. хозяйства и связанного с ним образа жизни коренного населения, полукочевые скотоводческие традиции долгое время сохраняли свою устойчивость в этнической культуре башкир. Основу башкирского скотоводства составляли пять видов домашних животных — лошади, овцы, козы, крупный рогатый скот и верблюды. В структуре стада по численности поголовья на первом месте находились лошади, второе и третье место занимали овцы и козы, способные к зимней тебеневке в условиях снежного покрова, четвертую позицию занимал крупный рогатый скот, верблюды замыкали структуру стада. Лошади присущ ряд положительных качеств, упрочивших ее лидерство в кочевом скотоводческом хозяйстве: рефлекс стадности, способность к тебеневке, подвижность, сила, выносливость, способность к терморегуляции и самовыпасу, необязательность ночлега и т. д. Кроме того, лошадь давала основную пищу для скотоводов: целебный по своим свойствам кумыс и диетическое мясо — конину.

Даже в условиях кризиса скотоводства башкиры продолжали считать данное занятие более экономически выгодным, а потому престижным, чем земледелие, поскольку в прошлом оно создавало прибавочный продукт, необходимый для этнического воспроизводства и формирования фундаментальных основ культуры этнической группы. Вплоть до своего упадка в середине и второй половине XIX в. скотоводство составляло основу натурального хозяйства башкир, воспроизводя не только ценные продукты питания животного происхождения, но и создавая сырьевую базу для подсобных промыслов — кожевенного, шорного, прядильного, войлочного и т. д. Продукция скотоводческого хозяйства составляла также важную статью торговли башкир: лошади и овцы, крупный рогатый скот, шерсть и войлоки, сбитые животные масла, обработанные шкуры и изделия из них пользовались спросом как внутри, так и за пределами региона.

Исследованиями установлено, что для ведения не только кочевого, но и полукочевого скотоводства необходимы значительные территории, позволяющие создавать основную часть прибавочного продукта скотоводческого хозяйства. Подсчеты П. Небольсина, проведенные в середине XIX в. на основе свидетельств местных башкир, показывают, что для прокорма 4 тыс. лошадей в пойме р. Илек (приток Урала) необходимо «некошенной степи 20 верст в длину и 20 — в ширину» [*Небольсин*, 1852. С. 28]. Кроме того, на данной площади должны кормиться и другие виды домашнего скота, а также обитать дикие парнокопытные животные. Суточная потребность в кормах для одной овцы оценивается в 4—5 кг сухой массы корма, для одной головы крупного рогатого скота превышает данную массу в 4,7 раза, а лошади в 6,1 раза *[Крадин*, 2001. С. 76].

Следовательно, емкость единицы пастбищной площади была невелика и требовала от скотоводов сохранения в своем распоряжении значительных территорий для обеспечения процесса воспроизводства поголовья животных. Хотя значение роли территории в жизни степных номадов в литературе описано неоднократно, обратим внимание на один из последних примеров подобного анализа, принадлежащий И.В.Колеснику: «Гарантии выживания и сохранения суверенитета такие общества [номады] видели в избыточном объеме природных ресурсов, возможности сменить среду обитания, ставшую непригодной по причине природных или социальных катаклизмов, защититься от угрозы нападения соседей расстоянием. Отсюда их всегда болезненная реакция на любое установление границ и уменьшение площади окружающей их территории, которую они привыкли считать своей» *[Колесник*, 2003. С. 153].

С фактором пастбищной территории, ее размерами, расположением, удаленностью либо близостью к населенным пунктам, а также с природно-климатическими условиями региона коррелировались сроки сезонных кочевок, начинавшихся ранней весной и завершавшихся поздней осенью. Природно-климатические условия позволяли находиться на сезонных кочевках с ранней весны до глубокой осени. Ученый-естествоиспытатель Э.А.Эверсманн в качестве наиболее благоприятного времени года для скотоводства называет осень: «Продолжительная и ясная осень, которая вообще составляет лучшее время года в средней и южной полосе Оренбургского края, много благоприятствует скотоводству» *[Эверсманн*, 1840. С. 8]. Почти на всей территории региона, а в юго-восточных и южных районах в особенности, до половины января толщина снежного покрова оставалась незначительной, сохраняя возможности для подснежной тебеневки животных. Затем начинался период снегопада, нередко переходившего в снежные бураны, которые продолжались до марта и даже апреля и существенно ограничивали возможности для естественного прокормления скота.

Сроки выхода башкир на сезонные кочевки несколько различались по уездам, находясь в зависимости от конкретных погодных условий, а также времени вегетации растительного покрова, поспевавшего последовательно с юга на север и с равнинной зоны на горно-лесные районы региона. В частности, одними из первых в начале мая на весенние кочевья выходили полукочевые башкиры южных, юго-западных и юго-восточных районов Башкортостана, вслед за которыми начинали очередной тур сезонных кочевок и другие группы башкир. Процесс сезонного перемещения в конце мая — начале июня замыкали горно-лесные, северо-восточные и восточные зауральские башкиры, вынужденные дожидаться благоприятного времени в условиях более сурового климата *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13068. *Л.* 16-18]. Указанные сроки выхода башкир на летние кочевья установились во время перехода к полукочевой форме скотоводства и стабилизировались на наиболее оптимальном варианте. Поскольку в кочевом скотоводческом хозяйстве изменения происходили достаточно медленно, то можно допустить, что сроки начала и завершения весенне-летне-осенних кочевок были связаны с более древними традициями сезонных перемещений периода полного кочевничества.

Маршруты кочевок башкирских родов и родовых подразделений регламентировались старикáми-аксакалами и традиционными путями передвижений. Даже после перехода к полукочевому скотоводству башкиры во время сезонных кочевок отходили от своих зимников на десятки и сотни верст.

Каждая деревня имела несколько мест для кочевок. Кочевки начинались с наиболее отдаленного от деревни пастбища — весеннего места кочевок (*язлау*), затем башкиры постепенно переходили на летнее пастбище *(йәйләү)*, а уже ближе к концу сезона подбирались к осеннему месту *(көзләү)*, расположенному поближе к деревне *[Асфандияров*, 1990. С. 19].

Как и другие полукочевые скотоводы, башкиры старались приурочить появление молодняка к первой траве, совпадавшей с началом весенних кочевок. Это было связано не только с желанием обеспечить естественный корм животным, но и со стремлением приурочить к началу весенне-летних кочевок лактационный период кобыл, молоко которых использовалось как для молодняка, так и для приготовления кумыса. Такой же принцип использовали башкиры и для овец, чтобы они «ягнились всегда по первой траве; ибо в зимнее время, за стужами и за неприготовлением сена ягнят соблюсти им не можно» *[Рычков*, 1887. С. 148].

Существенное влияние на характер и эволюцию хозяйства оказывала военная служба башкир, начавшаяся вскоре после присоединения к России. Служебная повинность заменяла податную и предусматривала также исполнение целого ряда других видов деятельности: заготовку дров, леса и сена для губернского начальства и армии, сплав леса в пользу государства, возведение укреплений в крепостях и в степи, транспортировку казенных грузов, строительство дорог, мостов и выполнение других работ, куда не находилось рабочих по найму. Финансовое и материальное обеспечение военной службы производилось за счет личных и общинных средств коренного населения. Военная служба башкир, по утверждению представителя оренбургской бюрократии, «была труднее сравнительно со службой казачьих войск Оренбургского округа и имела сильное влияние на расстройство быта башкирского народа» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13931. Л. 167 об.]. Башкиры также выполняли подводную повинность, содержали почтовую службу (гоньбу), несли другие повинности. Служебная повинность сохранилась и в XIX в., но уже на более высоком военно-мобилизационном уровне - она была связана с системой кантонного управления.

Правительство хорошо усвоило уроки башкирских восстаний XVH-XVIII вв., особенно Крестьянской войны 1773—1775 гг., потрясшей основы империи и поставившей перед правящей элитой необходимость основательного реформирования системы административных структур в регионе. Особое внимание уделялось установлению более эффективного контроля над башкирами, наиболее активными участниками, а во многих случаях и инициаторами антиправительственных выступлений.

Политика административных реформ, проводившихся в последней трети XVIII в., и расширения военно-мобилизационного использования башкир в войнах и охране восточных границ привела к созданию на территории их с мишарями расселения системы кантонного управления. Военный губернатор, кантонные начальники и юртовые старшины были обязаны следить за «домостроительством», ведением хозяйства, проведением сенокоса, посева и жатвы. Особенно тщательный контроль предписывался во время нахождения башкир на воинской службе: «Повелевается как вам, так и всем юртовым старшинам входить в состояние каждого башкирца и смотреть накрепко, чтобы всякий старался о приведении в хорошее состояние домостроительства, земледелия и прочей своей экономики» *[Полное...* I. Т. 25. № 18477].

Введение кантонной системы, превращение башкир в военно-служилое сословие и распределение по юртам и кантонам создало стройную военно-иерархическую систему, позволившую использовать ее возможности не только для вмешательства в частную жизнь и общинный порядок организации общества, но и для управления хозяйствен-

ными занятиями коренного населения. В 1800 г. оренбургский гражданский губернатор И.О.Курис воспроизвел инициативы своих предшественников по управлению краем, направленные на ограничение земельных владений башкир, на разрешение продажи излишков земель и заселение территории края земледельческими народами. Чиновник вновь выступил за разрешение продажи земель, что принудит башкир заняться земледелием, будет способствовать заселению края земледельцами, облегчит продовольственное снабжение городов и войска, уменьшит опасность киргизских набегов *[Материалы...* Т. 5. № 450].

Сформировавшаяся в XVII—XVIII вв. тенденция к диверсификации башкирского хозяйства сохранилась и к началу XIX в., позволив исследователям выделить три крупных хозяйственных района: земледельческий (оседлый), скотоводческо-земледельческий и скотоводческий со слабым развитием земледелия. К первому району относились Пермский, Осинский, основная часть Красноуфимского, Бугульминского, Мензелинского и Бирского уездов, т. е. основная часть северо-западной и северной областей расселения башкир. Оседлый скотоводческо-земледельческий район охватывал территории Елдятской, Калнинской, Кубовской, Дуванейской и Кара-Еланской волостей Белебеевского и Дуванской, Малой Кущинской и Большой Кущинской волостей Троицкого уездов. Скотоводческий район со слабым развитием земледелия, подразделялся на два подрайона: оседло-скотоводческий и скотоводческий полукочевого типа. К первому подрайону относились территории Калнинской, Урман-Кудейской, Кудейской, Дуванейской, Мурзаларской, Шайтан-Кудейской и Кыр-Кудейской волостей Уфимского уезда. К скотоводческому подрайону полукочевого типа относились Екатеринбургский, Шадринский, Челябинский, Верхнеуральский, Бугурусланский, Бузулукский, Бутульминский и Стерлитамакский уезды, часть Белебеевского, Троицкого, Уфимского уездов *[Янгузин*, 1989. С. 67, 70—71].

Социокультурная трансформация хозяйства, развитие земледелия и оседлого образа жизни башкир более интенсивно происходили в первом районе, имевшем достаточно прочные и устойчивые земледельческие традиции еще со времен средневековья. Пожалуй, четыре основных фактора оказывали наибольшее влияние на развитие данного процесса: а) относительно быстрое увеличение плотности населения в результате миграции из территории Волго-Камского района; б) исчерпание потенциала экстенсивного скотоводческого хозяйства в результате значительного сокращения земельных ресурсов; в) культурное взаимодействие с оседло-земледельческими группами переселенцев; 4) политика стимулирования земледелия и оседлости со стороны центральных и региональных властей.

Территория северо-западной и северной областей расселения башкир, еще в предыдущие периоды ставшая ареалом расселения мигрантов из числа народов Волго-Камской зоны и русских переселенцев с территории российских губерний, продолжала оставаться одним из основных регионов размещения переселенцев и в XIX в. Воздействие переселенческих групп на хозяйственную деятельность башкир стало еще одним из стимулирующих факторов развития земледелия и перехода к полной оседлости коренного населения, что неоднократно отмечалось в литературе *[Кузеев*, 1978. С. 65; *Акманов*, *Кульшарипов*, 1982. С. 26—36; *Янгузин*, 1989. С. 24].

Во-первых, приток переселенцев способствовал увеличению численности населения региона. По данным Ю.М.Тарасова, в период первой половины XIX в. на территорию Оренбургской губернии переселилось 694 тыс. человек обоего пола *[Тарасов*, 1984. С. 126]. Основная их часть была размешена на башкирских землях, арендованных, приобретенных по низким ценам или присвоенных новыми владельцами при размежевании больших земельных вотчин башкир. Во-вторых, увеличение плотности населения в регионе и сокращение размеров башкирского землевладения препятствовали консервации в неизменном виде экстенсивного полукочевого скотоводства и способствовали его сокращению. В-третьих, оседло-земледельческие переселенцы привносили с собой навыки и приемы земледельческого труда, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, способствуя распространению их среди коренного населения.

Неравномерность развития хозяйства сохранялась и на территории данного хозяйственного района. Так, в начале XIX в. башкир Шадринского, Камышловского, Екатеринбургского, Красноуфимского и Осинского уездов Пермской губернии Н. Попов не рассматривал в качестве истинных земледельцев: «Самые башкирцы, мещеряки, татары, тептяри и черемисы сих уездов почитают скотоводство первою отраслью своего пропитания и богатства потому, что особливо башкирцы еще не совсем оставили кочевой жизни и не могут еще почесться прямыми земледельцами» *[Попов*, 1813. С. 178]. Среди значительной части проживавших в Шадринском уезде башкир скотоводство сохраняло функцию главного направления аграрного хозяйства: «Табуны их состоят из рогатого скота, овец и лошадей. Достаточные имеют рогатого скота от 50 до 100, средние от 20 до 40, бедные от 3 до 15. Овец содержат соразмерное сему количество, но лошадей первые от 300 до 400, вторые от 100 до 200, последние от 10 до 20» *[Попов*, 1813. С. 17].

Одним из первых правовых актов после введения кантонной системы по управлению башкирским хозяйством является указ от 24 сентября 1806 г., который предписывал: «Выход башкирам на жительство в другие губернии из мест, где ныне они обитают, впредь совершенно воспретить и нигде их на сей конец не принимать» [*Полное...* I. Т. 29. № 22284]. Положения данного указа находились в русле политики ограничения общебашкирских йыйынов, кроме всего прочего, введенного знаменитым указом от 11 февраля 1736 г. *[Там же.* Т. 9. № 6890]. Одним из мотивов запрещения народных собраний и сезонных кочевок было также стремление к установлению эффективного контроля над башкирами в целом и этнической элитой, в частности, демонтировав остатки самоуправления и подавив возможные ростки сепаратизма.

Однако ни тогда, ни в начале XIX в. региональные власти не смогли в полной мере реализовать положения указов 1736 г. и 1806 г. Постепенно башкиры вновь стали собираться на йыйыны, проводившиеся в пределах юрты, волости и кантона, и продолжили традиции выезда на сезонные кочевки. Новое запрещение йыйынов было принято в 1831 г. Новое решение, принятое почти через столетие после первого, мотивировалось ссылкой на определение Оренбургского мусульманского духовного управления: «магометанским законом строго воспрещаются и народные сборища, и пиршества или увеселения с употреблением горячих напитков», от которых могут произойти «разные неистовства: драки, грабежи и насилия, чинимые магометанами» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 2815. *Л.* 2].

Генеральное межевание земель, на территории Оренбургской губернии проводившееся в 1798—1742 гг., и регулярные переписи населения также требовали статичного положения башкир. Сезонные перекочевки башкир препятствовали эффективному управлению, сохраняли возможность для консолидации антиправительственных сил, нарушали координацию действий различных управленческих структур, вызывали различные территориальные и имущественные споры, попросту раздражали центральную и региональную бюрократию, поскольку выходили за социокультурные рамки оседло-земледельческого общества и не соответствовали требованиям военно-бюрократического государства, каким была Россия.

Дальние кочевки башкир, сохранявшиеся с прежних времен, в новых условиях очень часто завершались оседанием полукочевников на территории своих кочевий. На это в свое время указывал М.Уметбаев, отмечая отделение большой группы йомран-табынских и бишул-табынских башкир от основной массы и поселение их по рр. Ток и Камелик и даже на землях Уральского казачьего войска *[Уметбаев*, 1984. С. 200]. Часть башкир осталась также в пределах Самарской, Вятской и Пермской губерний. Башкиры, осевшие на территории бывших своих кочевий, получали соответствующее количество земель для хозяйственной деятельности, однако лишались права выхода за пределы своих новых владений *[Полное...* I. Т. 29. № 22284].

В политике ограничения кочевок башкир правительство и местные власти использовали различные средства, в том числе военно-полицейские меры, направленные на ограничение перемещения людей. В 1834 г. решением военного губернатора В.А.Перовского под предлогом того, что башкиры оказываются вне надзора полиции и уклоняются от повинностей, было строго запрещено выезжать на хутора. Со стадами теперь могли находиться одни лишь пастухи *[Янгузин*, 1989. С. 108]. В 1835 г. был введен запрет на пересечение башкирами административных границ уезда проживания. Выезд за его пределы башкирам был разрешен лишь только по экстренным случаям после получения увольнительного билета установленного образца у кантонного начальства *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 11356. *Л.* 1-2].

Административное ограничение сезонных кочевок еще более усилилось при преемнике Перовского военном губернаторе В.А.Обручеве и стало составной частью политики распространения земледелия среди башкир. Распоряжение губернатора, изданное в 1845 г., содержало грозное требование: «Под опасением строжайшего наказания воспрещено башкирам выходить на кочевки во все время посевов, сенокосов и уборки хлебов» *[Там же.* *Д.* 6755. *Л.* 26].

Военное руководство Оренбургской губернии в проведении своей политики в отношении башкир придерживалось разделения их на оседлых и «кочевых» (полукочевых). Наиболее «кочевыми» считались башкиры так называемых «прилинейных» кантонов, расположенных вблизи с крепостной линией. По данным 1846 г., к полностью оседлым были отнесены башкиры только трех кантонов — 1-го (Осинский и Пермский уезды Пермской губернии), 10-го (Бирский уезд Оренбургской губернии) и 11-го (Мензелинский уезд Оренбургской, Сарапульский и Елабужский уезды Вятской губерний). В остальных кантонах доля «кочевых» в общей численности башкирского населения составляла от 16,7 % в 8-м (Уфимский уезд) до 93,5 % в 6-м кантоне (Верхнеуральский уезд). Кроме 6-го кантона, доля «кочевых» в общей численности коренного населения была высока в 4-м Загорном (Троицкий уезд) - 92,4 %, 5-м (Челябинский уезд) - 83,5 %, 7-м (Стерлитамакский уезд) - 80,3 %, 9-м (Оренбургский и Бузулукский уезды) кантонах — 78,0 %. Общая доля «кочевых» башкир в составе Башкиро-мещерякского войска составляла 208 725 чел., или 47,4 % *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 1257. *Л.* 188-189; *Д.* 4888. *Л.* 37-38].

В результате проводимой политики принудительной седентаризации к началу 1850-х гг. доля полукочевых башкир в составе населения несколько сократилась. Полукочевыми продолжали считаться башкиры 4-го Загорного (89,7 % всего башкирского населения кантона), 7-го (100 %), 8-го (78 %), 10-го (98,1 %), 13-го (25,8 %) кантонов [*Там же*. Д. 4911. Л. 143; Д. 7864. Л. 9-13 об.]. Как свидетельствует данный источник, в целом общая доля полукочевых башкир в составе войска составляла 221 788 чел. (42,8 %). Разумеется, при подсчете «оседлых» и «кочевых» башкир могли быть допущены неточности, что может быть объяснено отсутствием строгих критериев отнесения населения к той или иной группе, а также субъективным отношением к данной проблеме военного губернатора и командующего Башкиро-мещерякским войском, к компетенции которых они относились.

В зависимости от оседлого или «кочевого» образа жизни проводилась политика стимулирования земледелия и распространения оседлости. В XVII-XVIII вв. смена форм хозяйственной деятельности, переход от одного вида занятий к другому в течение годичного цикла происходили без регламентации и опеки со стороны органов власти. Башкиры выходили на кочевки после «управления всехдомашних деревенскихнадобностей», или иначе — после посева хлеба, ухода за бортями, валяния войлоков и «кожевничания», что отмечалось, в частности, еще Лепехиным [*Лепехин*, 1802. С. 37].

В период кантонного управления ситуация кардинально изменилась: существенно укрепившаяся административная, политическая и юридико-правовая дееспособность власти позволяла проводить политику вмешательства в устоявшийся уклад жизни башкир, прежде всего направленную против сохранения сезонных кочевок. Неприкрытое администрирование, игнорирование культурных традиций, откровенное насилие стали атрибутами правительственной политики в отношении башкир в кантонный период. Активные меры по ограничению кочевок привели к основательной перестройке образа жизни полукочевых башкир в летнее время, ранее основное время проводивших на кочевьях.

«Теперь башкир почти все лето проводит в смрадной деревне, — писал в своем рапорте командующий Башкиро-мещерякским войском Н.П.Беклемишев. - Никогда башкирцы не держали лошадей на дворах <...> Теперь все лето в деревне стоят множество кобыл, потому что кумыс составляет исключительно пищу всего семейства. Навозу накопляются целые горы. От слепней, от мух деревня делается невыносимой. Не переменяя, как бывало прежде, места для корма, кобылы стоят голодными, жеребята без молока и без травы гибнут или совершенно хилеют. Башкирка не успевает постоянно ездить за травою» [*ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 26 об.].

Результатом ограничительной политики стало не только разрушение устоявшегося образа жизни, но и нарастание морально-психологического дисбаланса у значительной группы башкир-полукочевников. В рапорте военному министру губернатор В.А.Перовский, в 1851 г. повторно прибывший в Оренбург, указывал на недопустимость непомерного вторжения в жизнь башкирского населения: «Порядок кочевания не есть какой-либо навык, основанный на прихоти, отменить его — значит разрушить все народное хозяйство» [*РГИА*. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 100. Л. 13; *ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 61].

Запрещение кочевок приводило к нарушению технологической цепочки скотоводческого хозяйства, установленной прежним многовековым опытом. Сезонная смена мест кочевок была связана с необходимостью рационального использования пастбищных угодий, учета особенностей климата, рельефа местности, наличия водоемов и т. д. Необдуманное вторжение в этот установленный цикл неминуемо вызывало диспропорцию в ведении скотоводческого хозяйства, а нарушение определенного баланса между количеством скота и пастбищ приводило к дополнительным трудовым издержкам, сокращению возможности для воспроизводства основной части прибавочного продукта - скота и сырья животного происхождения. Сенокосные и пастбищные угодья, расположенные вблизи деревни, в результате избыточной нагрузки уничтожались уже в самом начале лета, а на осеннюю и зимнюю тебеневку оставались сбитые пастбища. Вблизи деревни засевались участки под хлеб (как говорил Беклемишев, «для видимости начальства»), требовавшие ограждения для предохранения от потравы скотом [*ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 26]. Само количество скота неминуемо должно было сокращаться, ибо прокормить большие табуны лошадей и другого скота только вручную накошенным сеном практически было невозможно.

О сохранении запрета на кочевки до завершения земледельческих работ в 1850—1860-х гг. нет документальных подтверждений. Видимо, в какой-то мере правила, регламентировавшие кочевки, и тогда сохранялись. Об этом свидетельствуют действия кантонного попечителя подполковника Максимовича во время осмотра хозяйства башкир летом 1862 г. Прибыв в д. Бишаул-Унгарово Уфимского уезда, он был окружен башкирами-вотчинниками, просившими о разрешении выхода на кочевки. Перед этим они предварительно показали попечителю, по его словам, «порядочный посев ярового хлеба, овса, полбы и проса, — есть также у многих посев ржи и у всех — огороды». Несмотря

на это, подполковник Максимович «долго убеждал их отстать от кочевки, но башкиры представляли многие причины необходимости для них кочевки».

«Не могши уговорить их оставить привычку, так вредящую домоводству, — пишет он, — я стал с ними торговаться о времени кочевки; на этот раз башкиры эти будут кочевать только до 5 июля, и с тем, чтобы не оставлять без присмотра своих домов, а потому не выходить целыми семействами: сверх того, они обещались мне во время кочевки приготовить паровое поле и накосить сена, как можно более» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 11425. *Л.* 60 об.-61].

Основным содержанием хозяйственного развития башкир в первой половине XIX в. является тенденция к неизменному сокращению поголовья скота, определившему общий упадок скотоводства. Описанные Н. Поповым в начале XIX в. «кочевые» башкиры Пермской губернии в середине столетия уже перестали быть таковыми: в Шадринском уезде в 1863 г. в среднем на 1 двор, состоявший из 5.5 человека, лошадей насчитывалось 10,3, крупного рогатого скота — 5,6, овец и коз — 9,6 головы *[Там же. Д.* 12635. *Л.* 40,122]. Процесс сокращения поголовья скота происходил и в других уездах края. Подсчеты А.З.Асфандиярова показывают, что в Оренбургском уезде — районе наибольшего развития башкирского скотоводства — в течение второй четверти XIX в. произошло значительное сокращение поголовья скота в пересчете на душу населения. Так, в 1827 г. на душу населения приходилось 2,46 лошади и 1,46 головы крупного рогатого скота, а в 1855 г. поголовье скота уменьшилось уже наполовину: лошадей насчитывалось 1,26, а крупного рогатого скота — 0,75 головы *[Асфандияров*, 1974. С. 35].

Сокращение поголовья скота отмечалось также в восточных и юго-восточных районах. В 1863 г. в Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда на хозяйство приходилось в среднем лошадей — 6, крупного рогатого скота — 4,2, овец и коз — 5.6 головы. В Карагай-Кипчакской волости соответственно лошадей — 1,3, крупного рогатого скота — 1,7, овец и коз - 1,3 головы *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 12635. *Л.* 194-199 об., 212 об.]. В данном уезде в период 1827-1855 гг. сокращение поголовья скота на душу башкирского населения составило: лошадей - с 1,76 до 1,26, крупного рогатого скота — с 0,92 до 0,81 головы *[Асфандияров*, 1974. С. 35].

Таким образом, количество скота в первой половине XIX в. не только не обеспечивало ведение полукочевого скотоводства, но и было недостаточно и для среднего уровня смешанного хозяйства, сочетающего скотоводство с земледелием. Во второй четверти XIX в. в результате административного ограничения кочевок продолжительность кочевого времени сократилась до двух месяцев *[Небольсин*, 1850. С. 3]. Башкиры получили разрешение выходить на летние кочевки только после посевов, сенокосов и уборки хлебов *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 6755. *Л.* 26].

Кризис скотоводства в период кантонной системы происходил также и в результате негативного влияния на хозяйственную жизнь коренного населения военной службы и связанных с ней расходов. Тяжелым бременем на башкирское хозяйство легла обязанность в зависимости от необходимости в среднем от 4—5 дворов снаряжения одного воина в возрасте 20-50 лет и снабжения его от этих дворов строевой и вьючной лошадью, вооружением, обмундированием и провиантом. Указ 1798 г. требовал, чтобы набор рекрутов происходил «систематически, по очереди» и пополнение войска осуществлялось не только за счет самых бедных жителей деревень *[Полное...* I. Т. 25. № 18477]. Срок несения воинской службы по наряду составлял шесть месяцев, однако во время военных походов и в особенности военных действий он растягивался на неопределенное время. Отвлечение трудоспособного здорового мужчины на период службы затрудняло ведение хозяйства его семьей, часто вынужденной обращаться за подмогой к общине или идти на сокращение поголовья скота и посевных площадей.

Не менее тяжким бременем для башкир и их хозяйства являлось выполнение различных повинностей, включая участие в строительных и транспортных командах, работы на войсковом хозяйстве и т. д. Отвлечение на казенные и войсковые работы также подрывало основу башкирского аграрного хозяйства, требовавшего приложения немалых трудовых затрат на получение необходимого прибавочного продукта.

Одним из главных направлений «башкирской» политики руководства Оренбургской губернии были как перевод полукочевых башкир к полной оседлости, так и распространение среди них земледелия. Наиболее энергичные меры по внедрению земледелия относятся ко второй половине 1840-х гг. и связаны с именами губернатора В.А.Обручева и командующего Башкиро-мещерякским войском полковника Г.В.Жуковского. Совершив в апреле-мае 1845 г. инспекторскую поездку по территории войска, Жуковский пришел к выводу, что башкиры 1-го (Осинский и Пермский уезды Пермской губ.), 10-го (Бирский уезд Оренбургской губ.), 11-го (Мензелинский уезд Оренбургской губ., Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губ.) кантонов «имеют домашний быт более или менее в удовлетворительном состоянии и весьма усердно занимаются хлебопашеством» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 5529. *Л.* 2].

У башкир 6-го (Верхнеуральский уезд Оренбургской губ.), 7-го (Стерлитамакский уезд Орен-

бургской губ.) и 9-го (Оренбургский и Бузулукский уезды Оренбургской губ.) кантонов земледелие находилось, по его словам, «еще в крайнем младенчестве». В Верхнеуральском уезде была отмечена наименьшая в составе Башкиро-мещерякского войска величина посева озимого хлеба на одного башкира м. п. - 27 фунтов [*Там же*]. Между указанными кантонами находились башкиры 2-го (Екатеринбургский, Красноуфимский уезды Пермской губ.), 3-го (Шадринский уезд Пермской губ.), 4-го Западного и 4-го Загорного (Троицкий уезд Оренбургской губ.), 5-го (Челябинский уезд Оренбургской губ.) кантонов, «которые, будучи окружены русскими селениями и заводами, гораздо трудолюбивее и обрабатывают свои земли в лучшем виде» *[Там же. Д.* 5406. *Л.* 15 об.]. Однако после дополнительного «ближайшего рассмотрения» Жуковский выяснил, что башкиры 3-го, 6-го, 9-го и 10-го кантонов сделали «весьма скудный посев озимого хлеба» (в представлении властей — показатель уровня развития земледелия). В этих кантонах, по словам командующего войском, «в общей сложности на каждую душу обоего пола причитается с небольшим от 7 до 17 фунтов» посева озимых *[Там же. Д.* 6471. *Л.* 17]. После обследования башкирских кантонов полковник Жуковский в июне 1845 г. предписал кантонным начальникам: «Усилить посев так, чтобы на каждую душу мужского и женского пола приходилось отнюдь не менее двух пудов [зерна]» *[Там же. Л.* 17 об.]. Ответственность за недостаточное развитие земледелия он возложил на юртовых старшин и деревенских начальников.

Для распространения земледелия среди башкир полковник Жуковский обязал кантонных начальников провести ряд мероприятий, особенно в «прилинейных кантонах», в которых кочевые традиции сохранялись наиболее устойчиво. Во-первых, командующий войском предписал завести «соразмерный по числу душ» единый участок пахотной земли для занятия земледелием башкир на своих отрезках или несколько участков для нескольких домохозяев: «Всевозможно стараясь устроить и завести таковые общие поля вблизи самих селений и проезжих дорог, дабы можно было без всякого затруднения обозревать их и видеть, где, с каким успехом и прилежанием занимаются жители хлебопашеством» *[Там оке Д.* 4014. *Л.* 14 об.] . У башкир до этого, по словам военного чиновника, были «поля разбросаны в удалении от деревень, в разных местах небольшими участками по произволу каждого домохозяина» *[Там же. Д.* 5406. *Л.* 13].

Второй пункт плана командующего предполагал разделение участка поля каждого домохозяина на три равные части — «одно под посев ярового, другое для озимого, а третье под пары» *[Там же. Д.* 4014. *Л.* 15]. По сути дела, Жуковский предписывал башкирам введение трехпольной системы земледелия. В декабре того же 1845 г. Жуковский докладывал Обручеву о необходимости составления специальных правил ведения «трехпольного хлебопашества, объясняющие в подробности весь порядок его, как то: способ приготовления полей, время посева и уборки, количество употребляемых к посеву зерен всякого рода и проч., и полагал бы разослать эти правила с переводом на татарский язык, дабы сделать их известными каждому из поселян» *[Там же. Д.* 5406. *Л.* 16-16 об.].

В-третьих, Жуковский предписал кантонному начальству следить за тем, «чтобы одно и то же поле не засевалось по два года сразу одинаковым зерном, как это бывает между некоторыми башкирцами по недостаточному понятию о хлебопашестве, но посев менять ежегодно, оставляя яровое поле под пар, а озимое засевать в следующем году яровым». Жуковский также требовал, чтобы «поля под озимой хлеб пахать непременно в конце июня или в первых числах июля, и около 20 числа бороновать их, потом еще перепахать, проводить посев и снова бороновать». Помимо этого командующий войском требовал почти по-военному единовременного выполнения аграрных работ, «чтобы к распашке и посеву башкирцы каждой деревни приступали в одно время, а не порознь и не тогда, кому как вздумается». В заключение Жуковский строго предупреждал, что готов «подвергнуть строгому взысканию тех чиновников, которые не исполнят его предписания, а усердных, напротив, прилично вознаградить» [*Там же. Д.* 4014. *Л.* 14-15 об.].

Помимо чиновников Башкиро-мещерякского войска, распространением земледелия среди башкир занимались кантонные попечители, появившиеся в штате войска в 1835 г. *[Полное...* II. Т. 12. № 942-а; Т. 15. № 13684]. Согласно инструкции о должностных обязанностях, попечители должны были иметь «наблюдение за народом как в отношении нравственном, так равно хозяйственном и полицейском», а также «стараться приохочивать их приличными способами к земледельческим занятиям и к домоводству» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 11310. *Л.* 12].

Предпринятые губернскими властями меры по распространению земледелия среди башкир дали некоторые результаты. В частности, трехпольная система ранее была распространена только в оседлых кантонах. В частности, в 1845 г. башкиры 1-го кантона (Осинский и Пермский уезды) добились наивысшего показателя в войске по величине посева озимых на одного человека мужского пола — 4 пуда 16,5 фунтов *[Там же. Д.* 5529. *Л.* 2]. Постепенно данная система земледелия стала распространяться и среди «кочевых» башкир, о чем свидетельствует расширение масштабов посева озимого хлеба. По данным канцелярии генерал-губернато-

ра за 1844 г., во всех кантонах было посеяно ярового хлеба 2 869 131 пуд, озимого с осени 1843 г. - 1 074 156 пудов. А в 1845 г. — в год проведения наиболее активной административной кампании — ярового хлеба башкиры с мишарями посеяли 3 187 002 пуда, озимого с осени 1844 г. — 1 156 998 пудов, а с осени 1845 г. - 1 206 044 пуда *[Там же. Д. 5406. Л. 16 об. - 17]*. В целом в 1845 г. посев ярового хлеба увеличился на 317 871, озимого — на 49 046 пудов.

На 1840-е гг. приходится также активизация правительственной политики по распространению картофеля и других овощей. В условиях неурожая хлебов в 1839-1840 гг., а в некоторых губерниях - и в последующие годы правительство стремилось стимулировать разведение картофеля и овощей и превратить их в важную составную часть «продуктовой корзины» населения страны. В 1840 г. Николай I предписал ввести обязательную посадку картофеля во всех селениях, где имелась общественная запашка. Уже в 1842 г. администрация Оренбургской губернии отчиталась о «введении повсеместной посадки картофеля» [*Там же.* Ф. И-350. Оп. 2. Д. 12. Л. 2, 90].

В частности, Обручев писал в рапорте, что «во многих кантонах башкирцы с охотой начали разводить в довольном количестве картофель» *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 17]. Данные Беклемишева свидетельствуют, что башкиры 4-го кантона (Троицкий уезд) «весьма успешно занимаются разными посевами, разводят овощи в значительном количестве, картофель и репу в особенности; так что все соседние заводы — Златоуст, Куса и прочие продовольствуются ими». Источник также приводит данные, что башкиры одной из деревень 5-го кантона (Челябинский уезд) в 1849 г. продали несколько сот возов репы *[Там же. Д. 6755. Л. 32]*.

В отчете военного губернатора за 1857 г. отмечалось, что «башкиры начали заниматься огородничеством и засевать в большем против прежнего размере картофель, капусту, огурцы, свеклу и другие продукты; у башкир же Вятской, Пермской, трех уездов Самарской, Бирского и частью Троицкого уездов Оренбургской губернии повсеместно почти встречаются хорошо обработанные огороды» *[Там же. Д. 9631. Л. 16]*. На средства продовольственного капитала «кочевых» башкир в 1861 г. было приобретено и распределено среди них 5 294 пуда картофеля для посадки и в качестве продовольствия.

Как указывает один источник, и администрация, и сами башкиры, и даже русские и другие группы крестьян сталкивались с большими трудностями при культивировании нового продукта: крайне не хватало семенного фонда, отсутствовали необходимый опыт и навыки и т. д. [*Там же. Д. 10788. Л. 37, 66]*. В случае с русскими крестьянами известный исследователь аграрной истории России Г. Г. Громов объясняет это не только их отсталостью и психологической косностью, а также административной грубостью в условиях феодально-бюрократической монархии, но и тем, что картофель как сельскохозяйственная культура ломал устоявшиеся нормативы распределения времени в традиционном крестьянском хозяйстве, вызывая непосильную нагрузку во время осенней страды и вступая в противоречие с системой зернового хозяйства *[Громов*, 1981. С. 333]. Таким же образом внедрение картофеля в систему хозяйственных занятий башкир создавало сложности с развитием скотоводства, поскольку на тот же период, что и сезонные кочевки, приходились основные работы по посадке, уходу и сбору продукта. Посадка картофеля и разведение других овощей создавали серьезный сдвиг в системе аграрного производства башкир, означали продолжение дальнейшей (после освоения земледелия) диверсификации их хозяйства, что создавало непростые проблемы как экономического, так и социально-психологического характера. В связи с этим, как показывают подсчеты Р.З.Янгузина, доля выращенного башкирами картофеля в общем объеме производства данного продукта на территории Оренбургской губернии в 1845 г. составила 1,7 %, в 1850 г. — 3,9 % и в 1853 г. — 7,7 % *[Янгузин*, 1989. С. 114].

Политика распространения земледелия и огородничества среди башкир продолжалась и в самом начале 1850-х гг. Назначенный в 1850 г. на должность командующего Башкиро-мещерякским войском Н.П. Беклемишев получил от Обручева предписание продолжать распространение земледелия. Новый командующий приказал кантонным начальникам добиться размера посева не менее 3 пудов на каждую душу обоего пола. Инициатива командующего войском получила поддержку генерал-губернатора: «Кочевым башкирам в таком случае выходить на летнее время на кочевку, когда каждым из них будет вспахана и засеяна хлебом земля» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 54 об. - 55 об.].

Мелочная опека и регламентация хозяйственной деятельности требовали напряжения физических и духовных сил башкир для исполнения начальственной воли. Особенно в тяжелом положении оказались полукочевые и горно-лесные башкиры 7-го и 10-го кантонов, где были незначительны масштабы земледелия. В частности, стремясь выполнить предписания региональной власти, башкиры горно-лесных районов Стерлитамакского уезда очистили участки леса под посев озимого хлеба, «запрягая по 20 лошадей для выворачивания из земли одного корня». Для приобретения на каждого члена семьи по 3 пуда установленной нормы зерна они несли серьезные, а в случае с представителями бедных слоев — просто неподъемные, рас-

ходы. «Я сам был свидетель, — писал в 1850 г. Беклемишев, — как башкирцы, снявши с плачущих жен своих ценные кажбовы и с себя свои последние дорогие халаты, отдавали их в залог за самое малое количество ржи приказчикам соседних помещиков, входя таким образом в неоплатные долги» *[Там же. Л*. 16, 17].

После смены власти в Оренбурге и повторного прибытия в регион В.А.Перовского проведение политики неприкрытого администрирования по распространению земледелия среди башкир было приостановлено. Новый военный губернатор, хорошо знакомый с хозяйством и бытом башкир, также как и в случае с административным ограничением сезонных кочевок, действия своего предшественника назвал «легкомысленными» и «недобросовестными». В этой связи он писал: «Генерал Обручев заставляет со дня на день более ста тысяч полукочевых башкирцев, почти не знакомых с земледелием, пахать и сеять, усиливает посевы без всякого расчета и соображения <...> Вся попечительная деятельность военного губернатора ограничивается приказанием: внушить башкирцам
о пользе хлебопашества, а если встретятся трудности, устранять их заблаговременно. Можно себе вообразить, какое бедные башкиры получают понятие о пользе хлебопашества чрез указанные внушения» *[РГИА*. Ф. 1021. Оп. 1. *Д*. 100. *Л*. 12 об; *ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 6755. *Л*. 5606].

Однако есть основания полагать, что политика распространения земледелия среди башкир административными методами по инерции проводилась и при Перовском. Прибывший на его место новый генерал-губернатор А.А. Катенин в ежегодном отчете за 1857 г. представил достаточно объективную картину развития башкирского земледелия: «Хлебопашество распространено преимущественно между башкирами 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го, 21-го, 22-го и 23-го кантонов; владея хлебородными землями и достаточно приучившись к обрабатыванию полей, они с усердием и успехом занимаются и по устройству оного не уступают поселянам других ведомств. Равным образом между башкирами и прочих кантонов заметно старание ознакомиться с земледелием, но, живя на местах каменистых и вообще к возделыванию малоспособных, они не могут без особых усилий развить хлебопашества в надлежащей степени, — это относится в особенности до башкир, живущих по скату Уральского хребта, в верховьях рек Урала, Ика и Белой» *[Там же. Д*. 9631. *Л*. 15 об.].

По данным чиновника, в 1857 г. башкиры, мишари и тептяри в совокупности засеяли 627 194 четверти (1 четверть - 209,91 кг) ярового хлеба, озимого — 332 735, а всего — 989 929 четвертей. В том же году урожай ярового хлеба на землях Башкирского войска составил 3 116 610 четвертей, озимого - 1 288 902, а всего — 4 405 512 четвертей *[Там же. Л А]*. Несложные подсчеты показывают, что средняя урожайность ярового хлеба в 1857 г. составила «сам 4,9», озимого — 3,8, всего урожая - «сам 4,4».

В 1860-е гг. правительство предприняло новые усилия по дальнейшему развитию башкирского земледелия. Новый генерал-губернатор А.П.Безак в 1861 г. выступил с проектом распространения земледелия и «вообще улучшения башкирского хозяйства». Проект представлял собой план ирреальных мероприятий: приобретение башкирами простых и механических земледельческих орудий, произведенных на Оренбургском механическом заводе, увеличение посевов картофеля и других овощей, строительство паточных и крахмальных заводов, разведение тонкорунных овец, улучшение пчеловодства по правилам науки, подписка на сельскохозяйственную газету в целях ознакомления с передовым опытом и, наконец, получение в ссуду денег из сумм башкирского общественного капитала для реализации указанных планов *[Там же. Д*. 11425. *Л*. 4—4 об.].

Инициативы нового губернатора не получили большой поддержки: только в западном регионе губернии (Белебеевский и Мензелинский уезды) башкиры, «если найдут для себя полезным и выгодным», проявили готовность на приобретение сельскохозяйственных орудий и машин, а остальные губернаторские предложения их не заинтересовали. Выписывать сельскохозяйственную газету пожелали 25 человек из Мензелинского уезда *[ЦИАРБ*. Ф. И-2. Он. 1. *Д*. 11425. *Л*. 5-49 об.].

Пассивность башкир не стала открытием для командующего Башкирским войском полковника Богуславского, в рапорте губернатору Безаку в 1864 г. представившему объективный анализ социальных и экономических причин инертности своих подопечных: «Между башкирами есть зажиточные люди, имеющие обширное хозяйство, которых можно сравнить с помещиками средней руки. Остальное население <...> составляет массу малоразвитую, непромышленную, непредприимчивую». «Для зажиточных башкир, — продолжал далее Богуславский, — земледельческие машины могли бы принести большие выгоды, однако препятствием к приобретению ими таких машин служит существование многочисленного слоя бедняков, которые за ничтожную плату работают у богатых башкир. Поэтому им выгоднее использовать дешевый труд бедных, чем тратить деньги на машины». «Введение земледельческих машин начнется именно с зажиточных хозяев, - утверждал чиновник, — но начнется не под влиянием понудительных мер, а по естественному ходу вещей» *[ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 11830. *Л*. 11 об. - 12 об.].

Башкиры так и не приобрели сельскохозяйственные орудия и машины, по числу которых они

даже в начале XX в. уступали другим этническим группам *[Бежкович*, 1973. С. 90].

Одним из направлений административной политики по внедрению земледелия среди башкир было введение так называемой «общественной запашки», идея которой, скорее всего, была заимствована от системы управления удельного крестьянства, в которой общественная запашка была введена в конце 1820-х гг. Впервые с предложением введения среди башкир, начиная с оседлых кантонов, общественной запашки в 1845 г. выступил полковник Жуковский. Под этим видом деятельности он представлял коллективную форму обработки определенных командованием войска посевных площадей: посева, ухода и уборки хлебов. Средства, полученные от хозяйственной деятельности на общественной запашке, предполагалось начислять на специальный финансовый счет в банке. Указанные средства предполагалось превратить в один из источников самофинансирования системы военного управления башкирами, используя их на «содержание исключительно служащих в войске башкирских чиновников, как то: юртовых старшин, кантонных начальников, кантонных помощников в виде награды за успехи в хлебопашестве, улучшении нравственности и домашнего быта между жителями, а также в особенности на общественные надобности самим жителям, нуждающимся в пособии по каким-либо несчастным случаям» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 5406. *Л*. 32 об.].

Однако в 1840-е гг. власти региона не решились на введение общественной запашки, видимо, из-за опасений возникновения антиправительственных выступлений среди башкир *[Асфандияров*, 1975. С. 198]. Власти, видимо, извлекли уроки из неудачной попытки ее введения среди оренбургских казаков, предпринятой в 1835 г. и приведшей к массовым среди них волнениям [*Чернов*, 1907. С. 74].

В середине 1860-х гг. власти вновь предприняли усилия по распространению общественной запашки среди башкир. Актуализация данной идеи была продиктована нарастанием тяжелого социально-экономического кризиса, особенно сильно охватившего башкир в юго-восточных, восточных и южных районах Оренбургской губернии. Поводом для начала кризиса стала мощная засуха, в начале 1860-х гг. охватившая регион Южного Урала с прилегающими территориями и в течение нескольких лет подряд ставшая причиной неурожая зерновых культур и слабого произрастания трав. Разгулявшиеся весной 1862 г. многодневные бураны и холодная переменная погода, сопровождавшаяся обильным снегопадом с дождем, привели к обледенению (образованию наледи, гололедицы) пастбищ и гибели значительного количества башкирского скота, ослабевшего зимой во время скудной тебеневки. Такие падежи скота, в кочевом скотоводстве происходившие регулярно, были известны под названием «джут». Особенно большие потери скота произошли в 4—6-м кантонах (Верхнеуральский уезд), в которых соответственно погибло лошадей 4 541, 7 447, 5 919 голов, рогатого скота - 875, 2 908, 3 563 и овец с козами - 6 429, 9 098, 16 170 голов *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1.*Д*. 11760. *Л*. 13,16-16 об.]. Общие потери башкирского скота на территории уезда в результате джута 1862 г. составили лошадей 17 907 голов, или 5,6 % от их общего количества, крупного рогатого скота — 7 346 (8,4 %), овец и коз — 31 697 (3,9 %) *[Там же*. *Д*. 9631. *Л*. 36].

В летний период того же и следующего года в регионе сохранилась засуха, еще более усугубившая положение. Естествоиспытатель Э.А.Эверсманн так описывал летнее время на территории края: «Лето бывает чрезмерно жарко, особенно в степях, где даже и ночи почти не охлаждаются и где по несколько недель сразу иногда вовсе не бывает росы» *[Эверсманн*, 1840. С. 7].

Подобные кризисы в кочевом скотоводстве происходили и ранее, однако тогда табуны и стада животных в хозяйствах полукочевых башкир были способны к быстрому воспроизводству численности. Так происходило и после их потерь в ходе антиправительственных восстаний. Однако в середине XIX в. положение было иным, чем в XVIII в.: сократившиеся пастбища и ограниченное количество скота не могли обеспечить быстрое воспроизводство понесенных потерь.

В условиях сложившейся ситуации «в целях пропитания себя» башкиры были вынуждены распродавать по низким ценам скот в русских селах и казачьих станицах, взамен приобретая по более высоким ценам зерно, муку, чай и мануфактурные изделия. Еще большее количество животных было пущено на убой на мясо. Вслед за падежом скота и неурожаями хлебов в 1862—1863 гг. население Оренбургского края зимой 1865/1866 г. было охвачено эпидемией «возвратной горячки» (лихорадки), или тифа, возникшей первоначально в Санкт-Петербурге и распространившейся по всей России. Особенно сильно от эпидемии пострадало башкирское население, ослабленное неблагоприятным стечением неурожайных лет и потерей большого количества скота. Эпидемия, особенно сильно поразившая южные Орский и Оренбургский уезды, унесла тысячи жизней. По данным губернатора края, зимой 1865/1866 г. от возвратной горячки умерло в деревнях: в Юзеево — 10,5 % всего населения деревни, Мустафино — 8, Сарманаево — 14,7, Дюсеметово - 10,9, Зилимово - 18, Кинзебулатово - 15,8, Аминево - 17, Сеитбатталово - 22,2 % *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 13931. *Л*. 82]. Медицинский инспектор Оренбургского края доктор В.В.Лотин в некоторых башкирских деревнях установил факт смертности 26—44 % населения от общего числа *[Лотин*, 1866. С. 279]. По официаль-

ным данным, в целом смертность среди башкир Орского и Оренбургского уездов составила 11 % от общей численности коренного населения, тогда как в 1864 г. этот показатель составлял всего 3,5 % *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13931. *Л.* 82].

Для оказания помощи башкирскому населению, пострадавшему от засухи и последовавшей вслед за ней эпидемии тифа был образован Комитет вспомоществования нуждающимся башкирам, составленный из представителей губернской бюрократии. Комитет во главе с генерал-губернатором Н.А.Крыжановским развернул активную деятельность по сбору и раздаче среди башкир пожертвований, распределению хлеба и муки, открытию в губернии приютов и больниц для сирот и больных, координации действий вновь созданных административных органов управления башкирами, распределению семенного зерна для посева и т. д. По ходатайству генерал-губернатора в феврале 1866 г. в Оренбург была переведена часть средств башкирского капитала в размере 601 076 руб., хранившегося в Государственном банке. Из этих средств затем оказывалась помощь особо нуждающимся, число которых в конце января достигло 25 тыс. человек. В целом среди башкирского населения в 1865—1866 гг. было распределено 115 354 четвертей хлеба и денег в сумме 200 тыс. рублей *[Там же. Л.* 92, 27 об., 130].

Помимо оказания материальной помощи Комитет своей важнейшей задачей рассматривал «устройство быта» башкир, под которым подразумевались безотлагательное размежевание земельных владений между членами общины, распространение земледелия, развитие подсобных промыслов, перевод полукочевого башкирского населения к оседлости. Важнейшими причинами обеднения башкир и распространения среди них эпидемии, с точки зрения членов комитета, являлись: «1. Неопределенность поземельного владения, происходящая от не размежевания башкирских дач и не наделения обитающих на башкирских землях припущенников. 2. Стеснительность правил об отдаче в аренду излишних башкирских земель и прочих имуществ, а также продажа их. 3. Значительно высокие подати, платимые башкирским народом по сравнению с податями, вносимыми крестьянами собственниками и с условиями быта башкирского народа. 4. Кочевой быт башкирского народа, обитающего в Оренбургской губернии и малое развитие между ними земледелия. 5. Отсутствие средств к заработкам посредством личного найма и те условия, при коих в настоящее время находится эта отрасль, — приобретение народного благосостояния. 6. Недостаток народного образования между башкирами» *[Там же. Л.* 162].

В целях улучшения жизни башкир губернатор Крыжановский предложил принять специальную программу, охватывающую сферы управления, экономических занятий, образования и культуры. Губернаторская программа включала комплекс мероприятий: «1. Обезземелить башкир настолько, чтоб продолжение кочевой жизни сделать им невозможными. 2. Принять меры, чтобы земли, продаваемые башкирами <...>, заселялись бы русскими крестьянами, имеющими, как опыт показал, столь благодетельное влияние на башкир. 3. С окончанием этого размежевания и с обезземеливанием башкир <...> усилится у них земледелие не по принуждению, а естественно, само собой. 4. Снять с башкир теперь же всякую мелочную опеку начальства, сделать их вотчинниками полноправными и даровать им самоуправление на общинных началах <...> 5. Распространить между ними первоначальное образование и русскую грамотность, вывести школы из-под исключительно ведения духовных лиц и обязательно требовать от мулл, коих число постепенно уменьшать, знание русского языка» *[РГАДА.* Ф. 1263. Оп. 1. *Д.* 3213. *Л.* 8-9].

Основной задачей среди всех мероприятий региональная администрация рассматривала распространение земледелия среди башкир. Уже зимой 1866 г. в разгар голода и эпидемии началась энергичная подготовка к весеннему севу. Помимо денег и хлеба, распределенных среди башкир по составленным мировыми посредниками спискам, по мировым участкам распределялись финансы для закупки зерна из хлебных запасных магазинов, а в семенных магазинах началась подготовка зерна к весеннему севу. Во избежание использования на другие цели, зерно закупалось и распределялось между башкирами непосредственно перед посевом. Закупочная цена пуда зерна составляла, как правило, 50-60 коп. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13931. *Л.* 480].

Мировые посредники по заданию местных властей продумали меры для успешного проведения весеннего сева. Мировой посредник 2-го мирового участка Орского уезда (2, 3 и 4-я Усерганские волости) сотник Оголин среди полукочевых башкир, в последние неурожайные годы вовсе прекративших занятия земледелием, предложил внедрить общественную запашку с обязательным посевом по 1 пуду зерна на душу населения. Запашку, посев и уборку хлеба предполагалось производить под присмотром башкир, имевших земледельческий опыт и способных без помощи властей засеять определенное количество семян. По плану Оголина, после сбора урожая башкиры были обязаны вернуть выданное в ссуду семенное зерно в двойном размере. Власти должны были открыть общественные семенные магазины, куда и предполагалось сдать зерно, возвращаемое башкирами *[Там же. Л.* 109—110].

Аналогичный план разработал также мировой посредник 1-го и 2-го мирового участков (Челябинский уезд) майор Кричинский, однако разме-

ры посева он предлагал довести до 3 пудов на душу населения *[Там же. Л.* 122—123 об.]. Создание сельскохозяйственных артелей из башкир, объединенных по хозяйственным возможностям, предлагал мировой посредник 5-го мирового участка Оренбургской губернии (Бурзянская, Кара-Кипчакская, Бушман-Суун-Кара-Кипчакская волости) Ш. Сыртлановым. В составе артелей под наблюдением мирового посредника башкиры должны были производить обработку почв, посев и уборку хлеба, вернуть в семенной магазин в двойном размере предоставленное в ссуду семенное зерно, а оставшийся хлеб распределить между артельщиками по их трудовому вкладу *[Там же. Л.* 113-117].

Мировой посредник 2-го мирового участка Верхнеуральского уезда (Кубеляк-Телевская, Тамьян-Тангауровская, Катайская волости) подполковник Броссе предложил план предоставления из общественного семенного магазина каждой семье столько семенного зерна, сколько она сможет посеять; после уборки $^2/_3$ собранного урожая башкиры получали право оставить себе, а остальную часть были обязаны вернуть в общественный магазин *[Там же. Л.* 120—121].

Все предложенные мировыми посредниками проекты были рассмотрены и получили поддержку со стороны губернского руководства. Проекты хоть и отличались в деталях, предполагая различные меры по развитию земледелия среди полукочевых башкир, они все обладали общей чертой - содержали идею административного стимулирования, представляя скрытую разновидность вмешательства не только в хозяйственную деятельность, но и в образ жизни населения.

Распространение общественной запашки среди полукочевых башкир в 1860-х гг. напоминает практику введения земледелия среди кочевых калмыков в середине XVIII в. методом администрирования. Однако социальный эксперимент царских властей с полукочевыми башкирами имеет несколько важных отличий от условий столетней давности: во-первых, калмыки тогда находились на стадии кочевничества с полным циклом кочевания, а данная группа башкир уже давно перешла на стадию полукочевого скотоводства; во-вторых, власти без какой-либо подготовки стали насаждать оседлость и земледелие среди калмыков, в то время как на башкир большое воздействие оказал период кантонного управления с жестким администрированием и строгой регламентацией, значительно подорвавший основы полукочевого образа жизни; в-третьих, башкиры были психологически подготовлены к изменению образа жизни, овладели определенными навыками земледелия, в то время как калмыки в XVIII в. такой подготовленности не имели.

В политике распространения оседлости и земледелия среди полукочевых башкир в XIX в. проявились гибкость, активность определенная эффективность власти, предложившей совершенно новые элементы. Сбор денег и хлеба для продовольственного обеспечения в неурожайные годы, использование части денежных налогов для оказания помощи нуждающимся категориям коренного населения, строительство хлебных запасных и семенных магазинов, создание общественного так называемого «хозяйственного капитала», агрономическая, организационная и иная помощь стали составными частями правительственной политики по распространению земледелия среди башкир.

На основании указов 14 апреля 1822 г. и 7 августа 1823 г. башкиры наравне с остальной частью населения были обложены специальным подушевым сбором по 25 коп. ассигнациями для создания фонда запасного хлеба, необходимого на случай неурожаев и неблагоприятных условий для развития земледелия *[Полное...* I. Т. 38. № 29000, № 29571]. Взимание специального сбора продолжалось до 1834 г. С 5 июля 1834 г. вместо 25-копеечного сбора был установлен ежегодный, комбинированный, подушевой налог, состоявший из зерна и денег в размере 10 коп. ассигнациями. Сбор зерна и денег предполагалось осуществлять до тех пор, пока на каждую ревизскую душу не накопится по 1 четверти озимого, пол-четверти - ярового хлеба и денег в размере 1 руб. 60 коп. ассигнациями (48 коп. серебром) *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7864. *Л.* 1-1 об.].

В 1837 г. по инициативе Перовского был принят специальный указ о продовольственном обеспечении башкир, разделявшихся на две группы *[Полное...* И. Т. 12. № 9938]. В первой группе, в которой земледелие было развито «в достаточной степени», устанавливался хлебный сбор, создавались запасные магазины для хранения хлеба. Во второй группе, которую составили преимущественно «кочевые» башкиры, вводился денежный сбор по 1 руб. ассигнациями (по 30 коп. серебром) с ревизской души. Размеры хлебного запаса на одну ревизскую душу сохранялись до установления той суммы, которая была определена в 1834 г.

Задача определения башкир на «кочевых» и оседлых возлагалась на военного губернатора. По решению Перовского сбор денежных средств начался в том же году с полукочевых башкир 4-го Загорного (Троицкий уезд), 6-го (Верхнеуральский уезд), двадцати двух юрт 7-го (Стерлитамакский уезд), сорока юрт 9-го (Оренбургский, Бузулукский уезды) и семи юрт 12-го (Бугульминский, Белебеевский, Бугурусланский уезды) кантонов.

Ко времени издания указа 1837 г. с полукочевых башкир на основании ранее принятых указов 1822-1823 гг. было собрано денежных средств на сумму 132 737 руб. 10 коп. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.

Д. 7864. *Л*. 3]. Денежные сборы с кочевых башкир предполагалось продолжить до тех пор, пока капитализация средств не достигнет суммы 20 руб. ассигнациями на ревизскую душу (5 руб. 71,5 коп. серебром). В последующем в кантонах, где сохранялась воинская служба, по указу 17 июня 1845 г. *[Полное...* II. Т. 20. № 19105] от денежного сбора было освобождено башкирское служилое чиновничество (офицеры, зауряд-офицеры, классные чины) общей численностью 1 069 человек, составлявшее основную часть социальной верхушки общества *[ЦИА РБ*. Ф. И-2.0п. 1.*Д*. 7888.*Л*. 37 об.]. Однако указанный налог продолжал взиматься с лиц, по каким-либо причинам выбывших из места жительства, и даже с умерших, повинности которых равномерно распределялись на оставшееся население до проведения следующей ревизии *[Там же*. *Д*. 4014. *Л*. 49].

В результате денежного сбора (с 1840 г. взимавшихся серебряными деньгами вместо ассигнаций) в 1854 г. была накоплена запланированная сумма — 5 руб. 71,5 коп. (20 руб. ассигнациями) на каждую ревизскую душу полукочевых башкир. Данные средства в сумме составили 653 362 руб. 63 коп. на 108 513 душ по IX ревизии, тогда как требовалось собрать 620 151 руб. 79 коп. *[Там же*. *Д*. 7864. *Л*. 3 об. — 4]. По другим данным, сумма средств «кочевых» башкир в 1854 г. достигла 618 262 руб. 64 коп. *[Там же*. *Д*. 2521. *Л*. 189 об.]. Поэтому со второй половины 1854 г. сбор денег с полукочевых башкир прекратился.

Денежный сбор с оседлых башкир не осуществлялся, поскольку собранные с них в период с 1822—1823 гг. по 1837 г. денежные средства по 25 коп. ассигнациями с души к тому времени уже превысили установленную сумму в размере 1 руб. 60 коп. ассигнациями на человека. К 1854 г. капитализация финансовых средств с начисленными на них банковскими процентами, собранных с оседлых башкир для обеспечения продовольствия, составила на 185 963 души по IX ревизии (1851-1862) 281413 руб. 23,5 коп. Сумма аккумулированного общественного капитала оседлых башкир превысила установленный «план» на 192 151 руб. [*Там же*. *Д*. 7864. *Л*. 3].

Интересна дальнейшая судьба продовольственного капитала кочевых башкир. Распоряжением генерал-губернатора Крыжановского 20 ноября 1865 г. продовольственный капитал «кочевых» и оседлых башкир передавался в распоряжение руководства губерний, в которых проживали их владельцы. На оседлых башкир Оренбургской губернии величина данного капитала составляла 32 987 руб., Уфимской - 277 463, Самарской - 15 050, Пермской — 56 388 и Вятской — 6 676 руб. Общая сумма продовольственного капитала оседлых башкир в год разделения большой Оренбургской губернии составила 388 564 руб. У «кочевых» башкир размер накопленного данного капитала в Оренбургской губернии составил 592 981 руб., Уфимской — 266 768 и Самарской - 19 328 руб. Всего — 879 077 руб. *[Там же*. Ф. И-10. Оп. 1. *Д*. 558. *Л*. 10]. Архивные источники проливают некоторый свет на последующую судьбу части продовольственного капитала полукочевых башкир Уфимской губернии.

По решению правительства в 1879 г. указанный капитал был разделен на две части: а) на средства «кочевых» башкир Уфимской губернии, проживавших в Стерлитамакском и Белебеевском уездах; б) на часть средств «кочевых» башкир Оренбургской губернии. Однако указанные финансовые средства своевременно не дошли до своих адресатов: долгое время они хранились на счетах губернских земских управ и были нередки случаи их нецелевого использования. Так, 51 858 руб., принадлежавших башкирам Уфимской губернии, были переданы Катавскому общественному комитету для проведения лесорубных работ *[Там же*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 2521. *Л*. 375 об.]. Лишь только в 1912 г. решением Уфимского губернского присутствия деньги башкирского продовольственного капитала были перечислены на счета Стерлитамакского и Белебеевского уездных съездов соответственно по 43 340 и 43 169 руб. для образования местных общественных капиталов *[ЦИАРБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 2521. *Л*. 376]. Недостаток информации не позволяет достоверно установить, дошли ли эти средства непосредственно до детей и внуков полукочевых башкир, с которых в период 1822—1854 гг. взимались сборы для обеспечения продовольствием в неурожайные годы. В 1913 г. башкиры А. Абдулвахитов и Х. Тятигачев из д. Табулдино Карагушевской волости Стерлитамакского уезда ходатайствовали о возвращении им денег их отцов и дедов, однако результаты их прошения пока не установлены.

«Водворению домоводства и хлебопашества» среди коренного населения региона также был направлен основанный Перовским в 1841 г. «хозяйственный капитал» башкир. На специальный банковский счет вначале поступали средства, полученные от разных оброчных статей на башкирских землях и прежде всего от продажи и сдачи в оброк вотчинной земли, операции с которой несколько активизировались после указа 10 апреля 1832 г. Две трети средств, полученных от рыночного оборота вотчинных земель, направлялись на распределение среди вотчинников, а оставшаяся треть аккумулировалась на специальном банковском счете *[Там же*. *Д*. 1103. *Л*. 20 об.]. По решению губернских властей средства, полученные от начисленных на «хозяйственный капитал» процентов, направлялись на реализацию социальных проблем и обеспечение системы управления башкирами: «а) на пособие башкирцев, потерпевших разорение

от пожара и других несчастных случаев; б) на образование юношества; в) на устройство общественных зданий; г) на обмундирование совершенно бедным и вооружение; д) на содержание кантонного и местного сельского управления» [*Там же. Л.* 21 об.].

В фонд «хозяйственного капитала» поступали также средства, полученные от продажи поташа основанными Перовским тремя войсковыми поташными заводами, а также доходы конного завода и пчелиной пасеки Башкиро-мещерякского войска. Данный фонд пополняли также средства, полученные от продажи башкирами шадрика (прокаленной золы), лесных изделий и других операций. С 1845 г. на счет «хозяйственного капитала» стали поступать средства в размере 1 руб. с души, взимавшиеся с отставных и негодных к службе больных башкир, а также с «малолетков» (юношей в возрасте 17—20 лет) *[Полное...* II. Т. 20. № 18922]. После ликвидации кантонной системы в «Положении о башкирах» 14 мая 1863 г. в приложении к ст. 17 была подтверждена ранее существовавшая практика перевода на счет башкирского «хозяйственного капитала» средств, полученных от продажи или аренды башкирских земель [Там же. Т. 38. № 39622]. В 1867 г. общая сумма «хозяйственного капитала» башкир составила 194 714 руб. 24,5 коп. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 14477. *Л.* 3].

Непосредственное управление данными средствами было сосредоточено в руках генерал-губернатора, единолично принимавшего решение об их выделении на решение экономических, социальных, управленческих и иных общественных проблем башкир. Значительная часть «хозяйственного капитала», вместо предоставления в виде ссуды социально обездоленным группам башкир чаще использовалась для поощрения чиновников войска или же расхищалась. По сведениям И.В.Чернова, командующие Башкиро-мещерякским войском Циолковский и Балкашин ежегодно из этих сумм присваивали по 10 тыс. руб. *[Чернов*, 1907. С. 80]. Частыми были «пособия» также и другим чиновникам. Только в 1852 г. из прибыли на сумму 8 677 руб., полученной после продажи башкирского шадрика на Нижегородской ярмарке, были произведены выплаты генерал-майору Балкашину в размере 2 500 руб., попечителю Бородовицыну — 600 руб., вдове попечителя Терлецкого — 500 руб. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7146. *Л.* 36].

Несмотря на злоупотребления местной бюрократии, средства «хозяйственного капитала» начиная с 1840-х гг. стали использоваться для стимулирования оседлости и земледелия среди башкир. Данные средства направлялись на закупки семян, рабочего тяглового скота и орудий земледельческого труда, для поощрения трудолюбивых хозяев, на предоставление ссуд бедствующим башкирам, учреждения богаделен и т. д. Важным направлением в этой сфере власти рассматривали «изыскание способов к улучшению сельского хозяйства башкир, произведение разных опытов, до сельского хозяйства относящихся и распространение полезных в сем отношении сведений посредством печатных наставлений» *[Там же. Д.* 14477. *Л.* 1—2]. В представлениях губернского руководства наиболее эффективным средством использования «хозяйственного капитала» башкир являлось предоставление ссуд служащим чиновникам нижнего и среднего звена, а также русским крестьянам и заселение их на башкирских землях, а также учреждение башкирской земледельческой школы и помощь башкирам-погорельцаМ *[Там же. Л.* 18—18 об.]. Разными способами привлекая земледельческое население на башкирские земли, путем сокращения размеров вотчинного землевладения администрация губернии стремилась приобщить башкир к земледелию. Однако в целом «хозяйственный капитал» башкирского народа сыграл позитивную роль в распространении земледелия и оседлости среди башкир.

Другим важным направлением в данной сфере стало внедрение в 1830-е гг. системы хлебных магазинов двух видов: запасных хлебных для хранения продовольственного зерна, необходимого для обеспечения населения в неурожайные годы, и хлебных семенных магазинов. Появление данного плана у губернского руководства стало одним из важных факторов участия башкир в антиправительственном восстании 1834-1835 гг., напуганных слухами о чрезмерной обременительности новой повинности по наполнению хлебных магазинов. После подавления восстания и наказания наиболее активных его участников, губернское руководство вновь вернулось к данному проекту. Строительство запасных хлебных магазинов в оседлых кантонах началось после издания указа 13 февраля 1837 г. *[Полное...* II. Т. 12. № 9938]. Запасные магазины и сбор хлеба вводились в кантонах: 1-м (Осинский, Пермский уезды Пермской губ.), 2-м (Екатеринбургский, Красноуфимский уезды Пермской губ.), 3-м (Шадринский уезд Пермской губ.), 4-м Западном (Троицкий уезд), 5-м (Челябинский уезд), в трех юртах 7-го (Стерлитамакский уезд), одной юрте 9-го, в 10-м (Бирский уезд), 11-м (Мензелинский уезд Оренбургской губ., Елабужский, Сарапульский уезды Вятской губ.) и двадцати двух юртах 12-го кантона (Мензелинский уезд Оренбургской губ.). Позже запасные хлебные магазины были организованы во всех кантонах. В 1845 г. во всем Башкиро-мещерякском войске насчитывалось 187 запасных хлебных магазинов, строительство которых продолжалось и в последующие годы. В 1852 г. количество запасных магазинов достигло 202, в которых было сосредоточено 201 260 четвертей хлеба.

Запасные семенные магазины возводились только в полукочевых кантонах. Их строительство велось подрядным способом преимущественно силами русских крестьян-отходников на средства башкирского хозяйственного капитала, накапливавшегося из отчисленных денег от оброчных статей. Магазины предполагалось построить в каждой юрте. Уже в 1842 г. насчитывалось 76 семенных хлебных магазинов *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10077. *Л.* 3], однако в дальнейшем их количество существенно не изменилось. В 1843-1845 гг. на средства продовольственного капитала, собранного с полукочевых башкир, было приобретено и засыпано в семенные магазины 14 228 четвертей хлеба, в т. ч. 3 927 пудов озимого и 108 897 пудов ярового хлеба *[Там же.* *Д.* 9631. *Л.* 3].

Семенные магазины в «кочевых» кантонах, по словам Обручева, были «нарочито устроены» так, чтобы башкиры «могли бы беспрепятственно получать зерна для посева, не отзываясь неимением и затруднительностью в приобретении их покупкой» *[Там же.* *Д.* 5406. *Л.* 4—4 об.]. В 6-м и 9-м кантонах строительство хлебных семенных магазинов началось в 1842 г. после издания специального указа *[Полное...* II. Т. 17. № 15985]. Организацией строительных работ по возведению хлебных магазинов в 9-м кантоне руководил попечитель войсковой старшина Н.Н.Филатов, в 6-м кантоне — поручик Шотт *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 5406. *Л.* 10].

Сбор хлеба в оседлых кантонах для запасных магазинов продолжался и в последующие годы. В 1857 г. в этих магазинах было сосредоточено 293 766 четвертей ярового и озимого хлеба, кроме того, 7 463 четверти было выдано населению в качестве натуральной ссуды *[Там же.* *Д.* 9631. *Л.* 3]. В 1863 г. на 188 210 душ оседлых башкир в запасных магазинах находилось 232 750 четвертей, значительное количество хлеба было выдано населению *[Там же.* *Д.* 12635. *Л.* 283]. В оседлых кантонах в случае неурожая, голода, дефицита семян на посев башкиры брали зерно в ссуду из запасных семенных магазинов, а полукочевые башкиры почти все количество семенного хлеба весной получали оттуда, осенью возвращая обратно. В целом хлебные запасные и семенные магазины сыграли существенную роль в распространении земледелия среди башкир, особенно в полукочевых кантонах.

Таким образом, в течение длительного времени устремления правительства и региональной власти были направлены на распространение земледелия и оседлости среди башкир. По мнению В.В.Грайворонского, истории известны два пути перехода кочевников к оседлости. Первый путь — относительно быстрый и «болезненный» в социально-психологическом отношении. По этому пути происходило оседание тогда, когда население вынужденно или добровольно переставало заниматься кочевым животноводством и переходило к другим видам хозяйственной деятельности. Второй путь - постепенный переход кочевого населения к полукочевым, полуоседлым и оседлым формам хозяйства и быта при сохранении традиционного вида своей деятельности, но с его модернизацией *[Грайворонский*, 1979. С. 74]. Если использовать данную парадигму, у полукочевых башкир до XIX в. преобладал второй путь, характеризовавшийся проведением осторожной политики по стимулированию земледелия, привлечению на территорию края земледельческого населения с целью использования их также в качестве примера для полукочевых башкир. Однако после введения системы кантонного управления у центральной и региональной властей появились возможности более эффективного воздействия на характер хозяйственной деятельности коренного населения. В 1830—1840-е гг. в политике распространения земледелия и оседлости среди полукочевых башкир власти стали использовать средства и методы административно-принудительного характера, присущие первому пути. Российское правительство было крайне заинтересовано в распространении земледелия как эффективного инструмента для сокращения размеров башкирского вотчинного землевладения с точки зрения властей использовавшегося не рационально. Новая экономическая политика властей, проводившаяся после отмены крепостного права и приведшая к началу масштабных реформ, требовала новых ресурсов — земельных, сырьевых, финансовых, человеческих - для удовлетворения растущих потребностей российской экономики. Территория Южного Урала в пореформенный период стала ареной достаточно быстрого строительства и развития систем коммуникаций посредством парового речного, железнодорожного транспорта и телеграфной связи, связавших регион с центральными губерниями страны; регион неотвратимо и достаточно быстро вовлекался в единую систему общероссийского рынка земли, сырья, товаров, капиталов и рабочей силы, в которой не было места для экстенсивного полукочевого скотоводческого хозяйства.

БАШКИРСКИЙ АУЛ

Аул — традиционный тип поселений башкир. Сам термин «аул» возник еще в глубокой древности: данное слово было широко распространено не только в тюркских, но и в монгольских языках *[Севортян*, 1974. С. 65—66]. В древности у ряда народов «аул» означал кочевую общину. Позже он приобрел более широкое социальное содержание, чем кышлау (зимнее поселение, зимовье), и закрепился в языке некоторых тюркоязычных народов, в том числе и башкир, в значении поселения — «деревня».

Несмотря на то что постоянные населенные пункты у башкир имеют многовековую историю, вопрос об их появлении остается малоизученным. Р.Г.Кузеев, говоря о времени появления башкирских поселений, определяет его XI в., связывая это с началом процесса перехода от кочевого скотоводства к полукочевому «с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте» *[Кузеев*, 1968. С. 280]. Тем не менее наличие более или менее постоянных зимних стоянок по берегам рек у башкир еще в X в. отмечал Ибн Руста *[Хвольсон*, 1868. С. 669].

Археологический материал указывает на то, что поселения на Южном Урале состояли из небольших прямоугольных жилищ полуземляночного типа (площадью 25-30 м²), принадлежавших малым семьям, которые уже в VII—VIII вв. становятся самостоятельной ячейкой общества и хозяйственной единицей.

С началом монгольского нашествия многие башкирские племена вынуждены были покинуть свои старые кочевья и поселения. Значительная часть башкир была оттеснена в малодоступные горно-лесные районы, где процесс оседания и аулообразования стал идти более активно.

На основе анализа работ других исследователей Ф.Г.Хисамитдинова приходит к следующему выводу: «Появление более или менее постоянных стационарных поселений у кочевых народов <...> ученые связывают с переходом к полукочевому скотоводству, т. е. ко второй стадии кочевания. Вторая стадия кочевания подразделяется на два этапа: а) куренной способ кочевания и б) аульное кочевание. При куренном кочевании на ограниченной территории обычно кочует отдельный кровнородственный коллектив — род. На родовой территории появляются более или менее постоянные места для сезонных стойбищ — зимовки и летовки, на которые ежегодно приходит именно эта кровнородственная группа <...> С развитием в башкирском обществе классовых отношений, обнищанием рядовых масс и накоплением богатств в руках отдельных семей происходит распад общин-курений на несколько родственных и неродственных групп <...> В период кочевания родовыми подразделениями часть населения, особенно бедняки, стала заниматься земледелием, сенокошением и оставаться на зимовьях и в летнее время. В связи с этим зимние поселения начинают превращаться в более постоянные аулы. На первых порах эти аулы были небольшие. Как свидетельствуют письменные источники, количество дворов в них доходило до 5—10, позднее до 20» *[Хисамитдинова*, 1991. С. 120—123].

Вхождение Башкортостана в состав России и связанный с ним рост пришлого населения, прежде всего в его западной части, приводили здесь к полному исчезновению возможностей ведения даже полукочевого хозяйства и повсеместному переходу башкир этого региона к оседлой жизни. Значительную роль в процессе перехода башкир к оседлому образу жизни, в особенности в юго-восточном регионе Башкортостана, сыграла административная политика правительства. В целом в западном Башкортостане к XVI—XVII вв. уже давно существовали постоянные аулы.

В восточных и южных районах края в XVI-XVIII вв. процесс аулообразования еще не завершился. Тем не менее, по данным Ф.Г.Хисамитдиновой, башкирские деревни юго-восточных районов нашли свое отражение в документах конца XVI - начала XVII в. *[Там же*. С. 10—11].

Согласно данным за 1743 г., во всех четырех дорогах (без населенных пунктов Исетской провинции и 23 волостей Уфимского уезда) было 1 642 башкирские деревни, из них в Сибирской дороге находилось 219, в Осинской — 216, в Ногайской — 349, в Казанской — 858 башкирских поселений *[Материалы...* 1949. С. 543].

Наиболее полный список башкирских деревень был составлен в конце XVIII в. По данным V ревизии 1795 г. насчитывалось 2 408 башкирских населенных пунктов *[РГАДА*. Ф. 1355. *Д*. 929, 932, 935, 938, 940, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1883, 1886]. В начале XIX в. обнаруживается в основном то же количество деревень, что означает стабилизацию башкирских населенных пунктов к концу XVIII в.

По VII ревизии 1816 г. насчитывалось около 2 тыс. башкирских населенных пунктов. Сокращение количества деревень произошло вследствие принудительного укрупнения населенных пунктов в первой половине XIX в. В 1843 г. военный губернатор подписал типовой план, согласно которому была произведена принудительная перестройка жилищ и деревень башкир. Производилось укрупнение деревень. Вместо 3—10 дворов башкирские аулы должны были иметь, по меньшей мере, 25—30 дворов каждый. По данным А.З.Асфандиярова, если в 1826 г. имелось 1 804 башкирские деревни, то в 1846 г. - 1 777, а в 1853 г. - 1 707 *[Асфандияров*, 1984. С. 352].

Но по другим данным, в 1853 г. башкирских деревень насчитывалось 1886 *[ЦИАРБ*. Ф. И-2. Оп. 1.*Д*. 7841.JI. 15]. Видимо, сюда вошли и мишарские селения. Тип хозяйства, уклад жизни, общественные отношения у восточных и западных башкир, как отмечалось выше, были неодинаковы. Поэтому у башкир существовало, в сущности, 2 типа аула: аулы-аймаки — поселения родовых подразделений и аулы соседской территориальной общины *[Кузеев*, 1957. С. 99-105, 113].

Аулы первой группы на первых порах (до начала XVII в.) были небольшие и представляли собой зимние поселения *[Материалы...* 1936. С. 86]. А в конце XVII в. в документах встречаются деревни и у восточных башкир, где проживали неродственные группы *[Там же*. С. 71, 85-86].

Кроме аулов (деревень) у башкир существовали следующие типы поселений: выселки, хутора, кочевья *[РГАДА*. Ф. 1355. *Д*. 935, 938, 940]. Выселки возникали путем выделения части дворов из деревень и обоснования на принадлежащей к ней земле. С точки зрения размеров и населенности выселки на рубеже XVIII-XIX вв. уже не отличались от аулов *[Там же*. *Д*. 935, 938, 940, 1884]. Например, именно в XIX в. в пределах Кара-Кипчакской волости из родовой деревни Зерикла (Белекей Абызово) отпочковались в выселки Башкирское Беркутово, Нижнее Сазово, Верхнее Сазово, Колшай, которые тогда же стали сравнительно крупными аулами.

По данным «Экономических примечаний», выселки, хутора были характерны в основном для восточной части Башкортостана, где процесс аулообразования к этому времени еще оставался незавершенным. Так, именно в Верхнеуральском и Оренбургском уездах «Экономическими примечаниями» отмечено наибольшее количество выселков и хуторов *[Там же*. *Д*. 935, 938].

Итак, господствующим типом поселения у башкир в конце XVIII - первой половине XIX в. была деревня (аул). Поэтому именно этот тип башкирских поселений имеется в виду при изучении их дворов в кантонный период истории Башкортостана. Всякая деревня, безусловно, представляет собой совокупность дворов вне зависимости от того, имелись в ней улицы или нет. Башкирские деревни конца XVIII - первой половины XIX в. не являлись исключением в этом отношении. Именно в указанный период происходит стабилизация башкирских поселений и завершается формирование их в аулы, имеющие каждый одну, две и более улиц. Аул в этом отношении становится похожим на русскую деревню.

В башкирских аулах дом, усадьба, двор именовались термином «йорт». Этот термин имеет исконно тюркское происхождение. В древнетюркском словаре ему соответствует jurt в значении «дом, владение, земля, страна» *[Древнетюркский*... 1969. С. 282]. В узком значении «йорт» означает дом, усадьбу, хозяйственные постройки, т. е. двор.

Авторы дореволюционных этнографических трудов (*Д*.П.Никольский, *Л*.Бергхольц и другие) старались проводить мысль о неразвитости башкирского двора, малочисленности хозяйственных строений *[Никольский*, 1899. С. 35; *Бергхольц*, 1893. С. 77; *Игнатович*, 1863. С. 60]. В то же время все они подробно перечисляли наряду с домом на усадьбе различные постройки, имевшиеся в крестьянском башкирском дворе — летнюю кухню (аласыҡ), амбар, клеть (келәт), баню (мунса), сарай (һарай), навес (лапаҫ), помещение для молодняка (мал өйө), погреб (баҙ, мөгәрәп), коптильню (ыҫлыҡ), овин (әүен), гумно (гөмнә) и др.

Несомненно, интересным является этнографическое обозрение башкирского двора оседлого населения Пермской губернии Н. С. Поповым на рубеже XVIII-XIX вв. Например, описывая башкир Екатеринбургского уезда, он заметил, что «юрты (избы, дома. - *Ф.С.)* их находятся посреди двора и ограды <...> Против юрты стоят амбар, иные два; скотные дворы отдалены от них на 30 и более сажен» *[Попов*, 1813. С. 17]. Башкиры Шадринского уезда «скотные пригоны делают <...> и содержат в них овец, коров и рабочих лошадей <...> амбары перед лицами юрт (изб, домов. - *Ф.С.)*, бани черные от всех строений особенно» *[Там же*. С. 9].

Кроме обычных изб, справедливо подчеркивал Попов, имеются летние дома для содержания хлеба и имущества, амбары и житницы, стоящие в «довольном отдалении от юрт, а для скота дворы, хлевы и стайки». За хозяйственными постройками находились огороды, а в них бани. «Во дворе, в отдаленности от всего строения» располагались «овины с пристроенным к ним гумном» *[Там же*. С. 10-11].

Асфандияров обнаружил интереснейшие материалы об имущественном состоянии отдельного башкирского двора в д. Шарипово Каршинской волости Бирского уезда, относящиеся к 1818 г. *[Асфандияров*, 1995. С. 28-29].

Этот редчайший документ обратил на себя внимание. Так, бывший кантонный начальник Ахтям Шарипов был обвинен в сокрытии преступников, совершивших кражу казенных денег, и в связи с этим его имение было описано и оценено на 7 655 руб.

Большой интерес представляет опись его имения, всего движимого и недвижимого имущества. Во дворе Шарипова имелись: «дом из пяти капитальных комнат», оцененный в 1 тыс. руб.; перед ним две клети и возле них «в ряд изба с сенями из липы, покрытые полубинами и лубьями (в 200 руб.), две осиновые избы, рядом алачуга» (летник) и «баня пятистенная». Двор имел ограду из липовых и сосновых досок и бревен, а также ворота из сосновых досок.

Из транспортных средств передвижения у него были 3 повозки: первая — «кожаная летняя с откидным верхом и скованными колесами», другая на рессорах «коженая старая», третья — зимняя, «обитая с откидным верхом». Имелись сани, был и легкий экипаж, а также простая «выездная развалинка».

В домах были описаны предметы быта, посуда, мебель. Имелись: 2 ковра, 3 стола, 8 кресел с кожаными подушками, 4 стула, 5 сундуков, 2 самовара, дюжина чайных фарфоровых чашек, 3 китайские чашки, 2 чайника и молочника из фарфора, 2 кумгана, 4 таза, 2 настенных зеркала из красного дерева, а также большой комплект постельной принадлежности. Описали также его мельницу «о дву поставах» на р. Кармасан, а также по 5 кобыл, меринов и коров *[Там же*. С. 29].

Таким образом, эти данные довольно полно раскрывают состояние двора богатого башкира, крупного феодала из рода Мряковых. Двор Шарипова представлял собой большую усадьбу, где находились «дом из пяти капитальных комнат» и еще 3 избы. Кроме жилых помещений имелись все атрибуты крестьянского двора: клети, летник, баня. Двор имел ограду и ворота.

Из-за смерти Ахтяма Шарипова его имение не подлежало конфискации. Но зато описали имущество 11 чиновников и рядовых башкир этого селения, находившихся в его команде *[Асфандияров*, 1995. С. 29-30]. Опись имущества походного старшины и дистаночного начальника Кайсара Алакаева показала следующее: изба, в ней печь голландка, кровать, стол, 2 стула; баня, аласык. Из зернового запаса во дворе Алакаева имелось: пшеница - 117 пудов, овес — 10, просо — 10 пудов. Юртовый сотник Ильяс Чертанов имел избу с голландкой, баню, амбар, где хранилось 4 пуда пшеницы. У юртового есаула Канзафара Чертанова были изба с русской печью, баня, амбар, где хранилось 6 пудов пшеницы. Имущество рядового башкира Ярмухамета Юсупова состояло из 2 изб с русскими печами: одна с одним, вторая с четырьмя окнами. Описали у него 16 пудов ржи. У десятника Аманая Зянзянова была изба с сенями с русской печью, имелся летник. В амбаре хранилось 10 пудов пшеницы, 7 пудов ярицы. Рядовой башкир Ульмаскуль Сабитов имел лишь избу с сенями, одним окном и русской печью. У рядовых Амина Иштекова была изба с русской печью, у Рахматуллы Салимгулова — изба с сыуалом (род камина), клеть, у Фариза Ахмерова — изба с сенями, двумя окнами и с русской печью, а также клеть, у Бахтияра Арсланова — изба с сенями, сыуалом и клетью, у пятидесятника Мухамета Сагитова — лишь изба с сенями и сыуалом.

Итак, из приведенного выше материала явственно видно, что состоятельность двора зависела от социального положения дворовладельцев в обществе. В то же время обнаруживается, что и рядовые башкиры не всегда находились в одинаковом имущественном положении. Так, например, один из них имел во дворе 2 избы с двумя или четырьмя окнами и некоторую мебель (Ярмухамет Юсупов), а другие довольствовались домом с одним окном.

В 1840 г. управляющий 3-го башкирского кантона зауряд-есаул Киримкулов, характеризуя 13 деревень Салютской волости, отошедших из Екатеринбургского в Шадринский уезд Пермской губернии, писал: «Во всех деревнях деревянные мечети <...> дворов башкирских 486 деревянного построения, каменных, намазанных нет» *[РГАДА*. Ф. 1355. Д. 1094. Л. 7].

Таким образом, дворы в аулах оседлых башкир являлись довольно устроенными, в лесных местах дома в основном строились из бревен. Напротив, незастроенность, многовариантность расположения построек были характерны для южных и восточных аулов. В.В.Зефиров, описывая башкирские деревни Стерлитамакского уезда, отмечал, что они напоминают «мудреный лабиринт всех переулков и закоулков» который имеет «беспорядочное расположение улиц». «Смотря на них (деревни), невольно подумаешь, — подчеркивал он, — что набежавший вихрь перевертел, перекрутил все по-своему и оставил деревню в самом хаотическом положении. Едешь, кажется, по улице и вовсе неожиданно встретишь на пути то плетень, то ворота, то амбар или что-нибудь подобное» *[Асфандияров*, 1990. С. 12]. Такую же характеристику давали губернатор и командующий Башкиромещерякским войском домам и аулам башкир Челябинского, Верхнеуральского и Оренбургского уездов: дома «состоят из самых бедных лачуг, большей части без крыш и многие даже без полов», а деревни «не имеют никакого устройства, дома без дворов, разбросаны в совершенном беспорядке и так тесно, что пространство, необходимое для одного домохозяина, занято несколькими лачугами» *[Там же]*. В 40-х гг. XIX в., как указывалось выше, начался новый этап в организации башкирских аулов, связанный с подписанием типового плана башкирского аула. Согласно данному плану, промежуток между дворами должен был составлять не менее 12 сажень, а дома по улицам отстоять один против другого от 10 до 15 сажен. То есть он предусматривал прямые и широкие улицы в башкирских селениях. Бани и кузницы — пожароопасные строения — должны были строить на берегах рек, озер и вблизи оврагов. Каждый дворохозяин получил разрешение на заготовку до 200 бревен для строительства новых домов. Многосемейным дворам предписывалось строить не один, а два дома с сенями. Хозяева новых домов обязывались ставить голландские печи вместо традиционных сыуалов *[Там же*. С. 12—14].

В результате не только значительно обновился жилищный фонд кантонов, но и увеличилось общее количество домов. Если в 1795 г. было 30 514 дворов, то в 1826 г. - 46 795, а в 1853 г. - 74 414 *[Там же*. С. 14]. А по сведениям П. Небольсина, в начале 50-х гг. у башкир и мишарей в совокупности насчитывалось около 90 тыс. домов *[Небольсин*, 1854. С. 248].

Таким образом, в башкирских деревнях в конце XVIII — первой половине XIX в. складываются дворы, характерные для деревень европейского типа и позволяющие вести крестьянское хозяйство. Важными атрибутами башкирского двора, помимо самого дома, стали летние кухни, бани, скотные дворы, сараи, загоны.

О состоянии двора в архивах выявлены ряд материалов. По ним можно получить определенное

представление о состоянии земледелия в башкирских дворах. В 1795 г. в Енейской волости Мензелинского уезда на 1 двор приходилось 27 дес., а на 1 человека — 3,4 дес. пашни; в Саралиминской и Булярской вол. — 21 и 4,0; в Гарейской волости — 9,7 и 1,4 и т. д. В Бирском уезде 1 двору принадлежало 21 дес. пашни, или 3,9 дес. на 1 человека; в Иректинской волости на 1 двор приходилось 15 дес. пашни, готовили сено на площади 7,6 дес. Названные волости и уезды относились к земледельческому району. Род занятий башкир источник определяет так: «промышляют хлебопашеством, скотоводством». Сеяли рожь, овес, ячмень, полбу, пшеницу.

В целом в Мензелинском уезде на 1 двор приходилось 24 дес. пашни. По волостям уезда эта цифра варьировалась от 9,7 до 34,3 дес. Известно трехполье — участки под паром, яровым хлебом и озимыми.

В земледельческо-скотоводческом районе башкиры 8 деревень Троицкого уезда владели 27,6 тыс. дес. земли, в т. ч. 3 600 дес. пашни. Каждый двор в среднем имел 26 дес. пашни, или 4,2 дес. на одного человека. В отчетах землемеров указано, что у них «урожай хлеба добротный», «хлебопашеством упражняются радетельно, кроме того служат». В хозяйстве двора важное значение имели скотоводство, охота, пчеловодство.

В скотоводческом районе со слабым развитием земледелия находились территории к северу, северо-востоку от г. Уфы, юг и юго-запад Оренбургской губернии.

Мурзаларцы Уфимского уезда на 215 дворов и 1 351 башкира имели всего лишь 1,1 дес. пашни на 1 двор. В Шайтан-Кудейской волости того же уезда на 1 двор приходилось 4,3 дес. пашни. Верхнеуральский и Оренбургский уезды, где проживали полукочевые башкиры, являлись регионом скотоводства со слабым развитием земледелия.

В 1842 г. размеры посевов башкирского двора в 4 деревнях Мензелинского уезда равнялись: озимого хлеба - 2,27, ярового - 2,65 четверти. Тогда же в 8 деревнях этого уезда на 1 двор приходилось: лошадей — 4,2 головы, рогатого скота — 3,1, овец — 3,9, коз — 3,3 головы. В 10 деревнях Белебеевского уезда каждый двор в земледельческо-скотоводческом районе располагал 3,83 дес. пашни. Среднее количество скота на 1 двор выглядит следующим образом: рогатый скот — 13,3 головы, лошади — 4,6, овцы — 4,5 и козы — 2,6 головы. В скотоводческом районе со слабым развитием земледелия в 6 деревнях Оренбургского уезда в 1838 г. на 1 двор приходилось: лошадей — 8,1 головы, рогатого скота — 5,8, овец - 3,3 головы. 1 двор сеял в среднем 0,29 четверти озимого и 4,75 четверти ярового хлеба. В 20 деревнях Верхнеуральского уезда во всех 768 дворах насчитывалось 5 179 лошадей (6,72 головы на 1 двор), 3 307 — крупнорогатого скота (4,3 головы на 1 двор), 2 280 - овец (310 голов на 1 двор). Это усредненные цифры. Не все башкиры владели одинаковым количеством скота. В д. Юлдашево Тамьянской волости на каждое хозяйство приходилось по 25 голов лошадей, 12,5 головы крупнорогатого скота. Отдельные дворы имели по 100, 200, 500, 700 голов лошадей *[Сулейманов*, 2003. С. 107—164].

Таким образом, постепенно земледелие проникает в полукочевое общество. В земледельческо-скотоводческом районе башкиры стали засевать хлеба не меньше, чем в земледельческом районе. Изменения произошли, хотя и незначительные, в скотоводческом районе. Если трехполье получает определенную известность в первых двух районах, то в третьем районе оно вводится принудительно. Озимый хлеб с трудом пробивал себе дорогу. Башкиры первых двух районов по ведению хозяйства, строительству домов и устройству улиц становились похожими на русских крестьян. Их общественно-хозяйственную связь укрепляют реформы 60-х гг. XIX в.

БАШКИРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЛАНДШАФТА

К началу XIX в. Оренбургская губерния по размерам своей территории входила в тройку самых крупных губерний России. Ее общая территория составляла 231 100 дес. (40 935 095,00 га = 409 350,95 кв. км).

Главным фактором, определившим особенности территориальной организации уездов, являлся «демографический фактор» (плотность населения), который сформировался как результат миграционного потока на протяжении предыдущего XVIII столетия.

Особенно различались северо-западная и юго-восточная части губернии. На эту особенность повлияло то, что с западной границы к губернии примыкали губернии внутренней территории, а с юго-восточной — приграничные территории, являвшиеся объектом геополитического интереса Российской империи.

Соседство крайних западных уездов - Мензелинского, Бугульминского, Бутурусланского - с более плотно населенными уездами Вятской, Казанской, Саратовской губерний и остальными губерниями России в конечном итоге предопределило, что указанные уезды Оренбургской губернии к началу XIX в. заметно отличались по плотности населения. Эти уезды стали своеобразным фильтром на пути миграционного потока. Наиболее высокой плотность населения была в Мензелинском уезде — 5,21 души об. п. на 1 кв. км. Хотя доля территории этого уезда составляла всего лишь 3,91 %, проживало здесь 11,35 % населения всей губернии (см. табл. 4, карту-схему 1).

Таблица 4

Территории уездов и плотность населения в Оренбургской губернии (1795 г., V ревизия)*

Уезды	Территория				Население		Плотность населения	
	дес.	%	*га*	*кв. км.*	душ об. п.	*%*	на 1 душу об. п. дес	на 1 кв. км душ об. п.
Белебеевский	2 024 220	*7,17*	*2206399,80*	*22064,00*	61607	*8,37*	*32,86*	*2,79*
Бирский	2 235 140	*7,92*	*2436302,60*	*24363,03*	79 928	*10,86*	*27,96*	*3,28*
Бугульминский	1 133 570	*4,02*	*1235591,30*	*12355,91*	59 460	*8,08*	*19,06*	*4,81*
Бугурусланский	1 725 910	*6,11*	*1881241,90*	*18812,42*	76 742	*10,43*	*22,49*	*4,08*
Бузулукский	2 280 920	*8,08*	*2486202,80*	*24862,03*	40 585	*5,51*	*56,20*	*1,63*
Верхнеуральский	3 254 560	*11,53*	*3547470,40*	*35474,70*	29182	*3,97*	*111,53*	*0,82*
Мензелинский	1 105 180	*3,91*	*1204646,20*	*12046,46*	83 532	*11,35*	*13,23*	*6,93*
Оренбургский	4256 250	*15,08*	*4639312,50*	*46393,13*	58 325	*7,92*	*72,97*	*1,26*
Стерлитамакский	1 888 710	*6,69*	*2058693,90*	*20586,94*	57 522	*7,82*	*32,83*	*2,79*
Троицкий	2 816 390	*9,98*	*3069865,10*	*30698,65*	51760	*7,03*	*54,41*	*1,69*
Уфимский	2 123 130	*7,52*	*2314211,70*	*23142,12*	57 080	*7,76*	*37,20*	*2,47*
Челябинский	3 387 120	*12,00*	*3691960,80*	*36919,61*	80244	*10,90*	*42,21*	*2,17*
Всего в губернии	28 231 100	*100,00*	*30 771899,00*	*307718,99*	735 967	*100,00*	*38,36*	*2,39*

* Составлена по: *РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. *Д*. 926. *Л*. 1. Курсивом — подсчеты наши.

Таблица 5

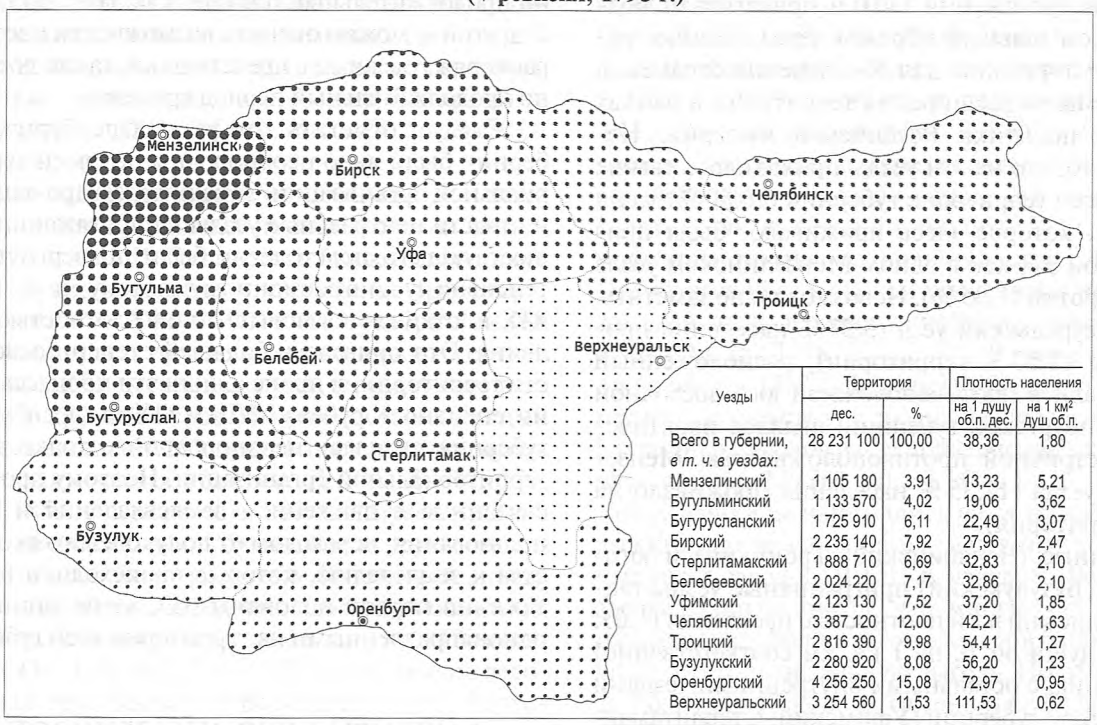
Земельные угодья в Оренбургской губернии (начало XIX в.)*

	Обрабатываемые угодья				Необрабатываемые земли			
	усадьба	пашня	сенокос	итого	степь	лес	неудобья	итого
Белебеевский	0,34	9,83	35,84	*46,01*	10,8	39,99	3,19	*53,98*
Бирский	0,36	9,68	13,16	*23,20*	0,27	74,04	2,48	*76,79*
Бугульминский	0,49	22,57	21,93	*44,99*	15,94	33,87	5,2	*55,01*
Бугурусланский	0,55	21,74	11,53	*33,82*	46,67	11,45	8,06	*66,18*
Бузулукский	0,18	4,68	2,70	*7,56*	77,20	7,84	7,39	*92,43*
Верхнеуральский	0,15	0,68	7,66	*8,49*	25,85	58,39	7,27	*91,51*
Мензелинский	0,63	21,33	11,95	*33,91*	3,47	58,49	4,13	*66,09*
Оренбургский	0,07	2,74	3,96	*6,77*	74,17	16,99	2,08	*93,24*
Стерлитамакский	0,30	6,22	34,98	*41,50*	6,49	49,49	2,52	*58,50*
Троицкий	0,21	4,59	11,74	*16,54*	26,43	51,16	5,87	*83,46*
Уфимский	0,22	7,72	13,59	*21,53*	5,21	70,81	2,45	*78,47*
Челябинский	0,28	5,52	16,56	*22,36*	45,45	17,1	15,09	*77,64*
Итого по губернии	0,26	7,51	13,81	*21,58*	38,84	33,79	5,79	*78,42*

* Составлена по: *РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. *Д*. 926. *Л*. 1. Курсивом - подсчеты наши.

Карта-схема 1

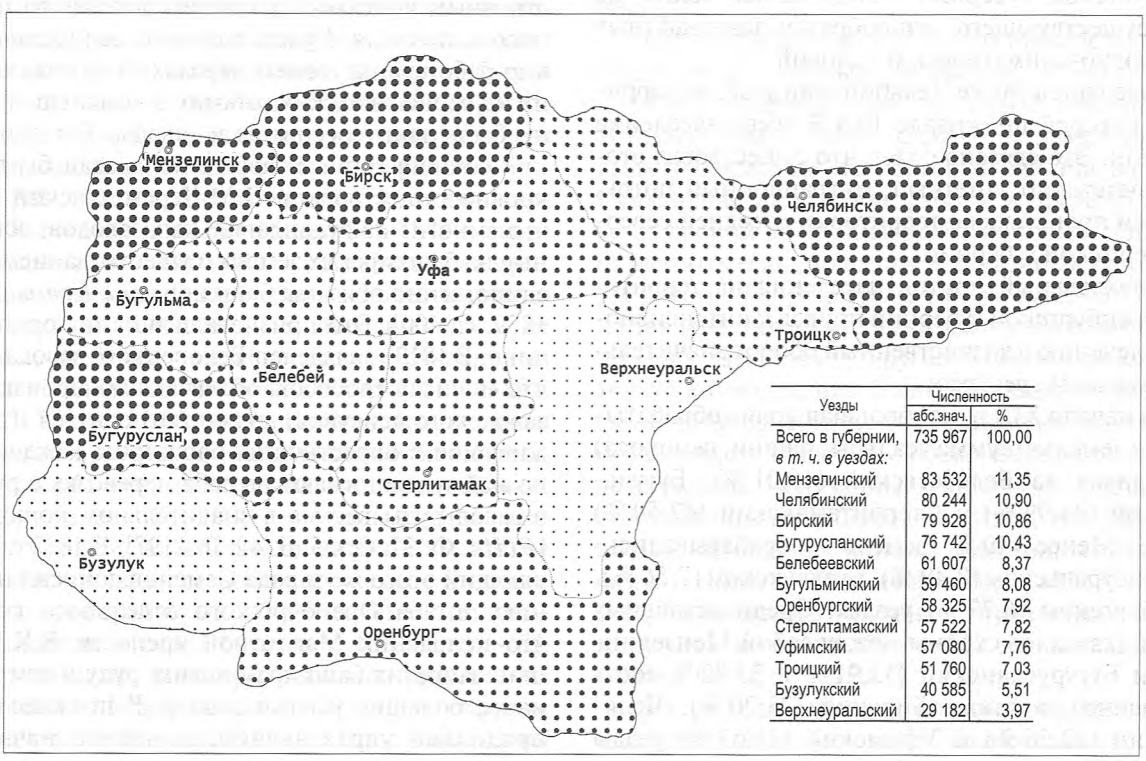
Территории уездов и плотность населения в Оренбургской губернии (V ревизия, 1795 г.)



Уезды	Территория		Плотность населения	
	дес.	%	на 1 душу об.п. дес.	на 1 км² душ об.п.
Всего в губернии, *в т. ч. в уездах:*	28 231 100	100,00	38,36	1,80
Мензелинский	1 105 180	3,91	13,23	5,21
Бугульминский	1 133 570	4,02	19,06	3,62
Бугурусланский	1 725 910	6,11	22,49	3,07
Бирский	2 235 140	7,92	27,96	2,47
Стерлитамакский	1 888 710	6,69	32,83	2,10
Белебеевский	2 024 220	7,17	32,86	2,10
Уфимский	2 123 130	7,52	37,20	1,85
Челябинский	3 387 120	12,00	42,21	1,63
Троицкий	2 816 390	9,98	54,41	1,27
Бузулукский	2 280 920	8,08	56,20	1,23
Оренбургский	4 256 250	15,08	72,97	0,95
Верхнеуральский	3 254 560	11,53	111,53	0,62

Карта-схема 2

Население Оренбургской губернии (душ об. п.) (V ревизия, 1795 г.)



Уезды	Численность	
	абс.знач.	%
Всего в губернии, *в т. ч. в уездах:*	735 967	100,00
Мензелинский	83 532	11,35
Челябинский	80 244	10,90
Бирский	79 928	10,86
Бугурусланский	76 742	10,43
Белебеевский	61 607	8,37
Бугульминский	59 460	8,08
Оренбургский	58 325	7,92
Стерлитамакский	57 522	7,82
Уфимский	57 080	7,76
Троицкий	51 760	7,03
Бузулукский	40 585	5,51
Верхнеуральский	29 182	3,97

Юго-восточные приграничные Верхнеуральский и Оренбургский уезды (плотность населения - 0,62 и 0,95 души об. п. на 1 кв. км соответственно) на протяжении XVIII в. притягивали людские ресурсы главным образом через административное регулирование для обеспечения охранения и в дальнейшем расширения территории в рамках восточной политики Российской империи. Несмотря на то, что на эти уезды приходилось свыше четверти всей территории губернии (26,60 %), доля населения, которое здесь проживало, была примерно такой же, как в одном Мензелинском уезде (11,89 % против 11,35 %). Невозможно не заметить, что Верхнеуральский уезд (3,37 % населения проживало на 11,53 % территории), расположенный по диагонали в противоположной юго-восточной части Оренбургской губернии, являлся практически симметричной противоположностью Мензелинского уезда (11,35 % населения проживало на 3,91 % территории).

Восточные (Челябинский, Троицкий) и юго-западный (Бузулукский) приграничные уезды также отличались низкой плотностью населения (1,63; 1,27; 1,23 души об. п. на 1 кв. км соответственно) по сравнению с остальными внутренними уездами Оренбургской губернии (Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Бугурусланский, Бугульминский), в которых плотность населения была заметно выше — от 1,85 до 3,62 души об. п. на 1 кв. км.

Особенности территориальной организации Оренбургской губернии складывались также на фоне существующего разнообразия ландшафтных и природно-климатических условий.

Выделяется также Челябинский уезд, на территории которой проживало 10,9 % всего населения губернии. Это связано с тем, что существовал второй, достаточно заметный, миграционный поток, который проистекал с территории соседней северной Пермской губернии.

Значительный приток населения на территорию Оренбургской губернии привел к интенсивному вовлечению в хозяйственный оборот значительных земельных ресурсов.

На начало XIX в. наибольшая доля «обрабатываемых земель» (сумма усадьбы, пашни, сенокоса) приходится на Белебеевский (46,01 %), Бугульминский (44,99 %) и Стерлитамакский (42,50 %) уезды. Менее 10 % земель «обрабатывались» в Верхнеуральском (8,49 %), Бузулукском(7,56 %), Оренбургском (6,77 %) уездах. Среди остальных уездов оказались сходны между собой Мензелинский и Бугурусланский (33,91 % и 33,82 % соответственно), а также Бирский (23,20 %), Челябинский (22,36 %) и Уфимский (21,53 %) уезды (см. табл. 5, карту-схему 2).

Эти данные указывают, с одной стороны, на степень освоенности земельных ресурсов и интенсивность этого процесса в предыдущий, достаточно продолжительный (свыше полстолетия) период. С другой — можно оценить возможности населения распоряжаться ими в предстоящий, также достаточно продолжительный период времени.

Следует отметить, что уезды Оренбургской губернии были явно неоднородны по своей территориальной организации. Западные, северо-западные и отчасти центральные уезды на протяжении предшествующего полстолетия были подвергнуты интенсивному миграционному потоку и к началу XIX в. отличались повышенной плотностью населения. Это привело к большей степени освоенности территории, и происходили эти процессы более интенсивно. К рубежу XVIII и XIX вв. Оренбургская губерния являлась неоднородной с точки зрения территориальной организации. Поэтому процессы, связанные с движением землевладения и землепользования, переходом от полукочевого скотоводства к земледелию, которые происходили на протяжении первой половины XIX в., не могли быть однонаправленными на территории всей губернии.

БАШКИРЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРОМЫСЛЫ

Главной повинностью башкир в изучаемое время была линейная служба по охране Оренбургской пограничной линии, которую они отправляли собственным коштом без всякого денежного и хлебного жалования. Нужда в деньгах вынуждала башкир работать на горных заводах. В использовании их на горнозаводских работах в неменьшей степени были заинтересованы и заводы. Без привлечения башкир горные заводы не смогли бы полнокровно существовать. В.М.Черемшанский писал, что «многие из рудоплавильных заводов, основанные на башкирских землях, существованием своим единственно обязаны башкирцам» [*Черемшанский*, 1859. С. 400]. Это признавали и сами горнозаводчики. В 1813 г. владелец Белорецкого завода писал, что «к числу способов, облегчающих производство заводского действия, должно относиться и то, что живущие в окрестностях башкирцы каждую зиму по найму принимают на себя перевозку с рудника в завод руды весьма в значительном количестве» *[РГИА*. Ф. 37. Оп. 5. *Д*. 42. *Л*. 2197]. В 1832 г. управляющий этого же завода Семенов доносил начальнику штаба Оренбургского отдельного корпуса, что исправник Магнитной крепости В.К.Пустоттин запретил башкирам возить руду и тем самым нанес большие убытки заводу. В прежнее время, продолжал управляющий, линейное начальство ежегодно покровительствовало этому промыслу

к обоюдной выгоде башкир и заводчика. Войдя в затруднительное положение завода, вызванное распоряжением исправника Магнитной крепости, начальник штаба Оренбургского отдельного корпуса предписал последнему отменить свое распоряжение и «дозволить башкирцам по прежним приметам заниматься возкою для Белорецкого завода руды» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 3224. *Л.* 1-2 об.].

Владелец Благовещенского завода *Д.* Полторацкий одной из главных причин кризиса производства считал в 1817 г. переход башкир с доставки руд на другие промыслы и увеличение транспортных расходов. В 20-е гг. XIX в. на Преображенский завод башкиры и другие вольные люди ежегодно привозили 250 тыс. пудов руды, преодолевая расстояние в 200—250 верст. Ими же на завод каждый год доставлялось 1 263 пуда флюса, 44 тыс. пудов известкового камня *[Там же. Д.* 128. *Л.* 771, 775, 782]. В 1859 г. за перевозку 380 тыс. пудов руды на Преображенский завод башкирам и другим вольным возчикам было уплачено 40 тыс. руб., тогда как весь заработок заводских рабочих в основном производстве составил лишь 16 тыс. руб. *[Там же.* Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 505. *Л.* 117]. Исключительно весомым был труд башкир в Воскресенском и Верхоторском медеплавильных заводах, куда они ежегодно доставляли до 20 тыс. подвод медной руды *[ГАСО.* Ф. 24. Оп. 32. *Д.* 6786. *Л.* 58 об.]. Широкое распространение среди башкир заводских извозных работ объяснялось наличием у них значительного количества выносливых лошадей местной породы, приспособленных к дальним перевозкам в условиях горнолесной местности. Слабая же крестьянская лошадь, «обращенная в течение 2 или 3 дней на извоз при существующих дорогах, настолько изнуряется даже при ничтожной клади в 10 пуд, что два дня потом требует поправки» *[Руденко*, 1904. С. 14]. Управляющий Симским округом Ф.П.Мевиус доносил 15 декабря 1842 г. заводовладельцу, что он вынужден согласиться на привоз руды в заводы башкирами за более высокую плату, так как «собственные заводские люди не надежны, особенно при дальних перевозках, из-за крайнего изнурения их лошадей» *[РГИА.* Ф. 892. Оп. 1. *Д.* 779. *Л.* 12 об. — 13]. Кроме доставки руды и различных грузов на заводы, башкиры занимались рудодобычей, что требовало от них высокой квалификации. В 1830 г. горный инженер А. И.Антипов писал, что работа на рудниках «такое же мастерство, как слесарное, кузнечное и всякое другое и часто требует от рабочего много сметливости, знания и умения» *[Антипов*, 1860. С. 61—62]. Надо сказать, что башкиры добывали руду весьма значительно. Управляющий Симским округом Мевиус, обследовавший в 1841 г. Каноникольский медеплавильный завод, обнаружил там несколько тысяч пудов руды, заготовленной башкирами. Для Богоявленского завода башкиры вместе с другими вольнонаемными рабочими ежегодно добывали до 500 тыс. пудов медной руды *[РГИА.* Ф. 892. Оп. 1.*Д.* 778.*Л.* *35;ЦИАРБ.Ф.* И-2.0п. 1.*Д.* 11713. *Л.* 505]. Башкиры д. Кояново Пермского уезда с 1771 по 1809 г. добыли и перевезли на заводы 3 682 024 пуда медной руды. В 1810 г. они обратились в Уральское горное правление с просьбой содействовать в освобождении их от линейной службы, так как еще 14 августа 1745 г. за успехи в рудном промысле правительство предписало Оренбургской губернской канцелярии не занимать жителей этой деревни линейной службой *[ГАСО.* Ф. 24. Оп. 25. *Д.* 76. *Л.* 1, 2, 11]. В своем повторном прошении в 1817 г. башкиры обращали внимание горного начальства на значительную нехватку руды для горных заводов из-за привлечения их на линейную службу *[РГИА.* Ф. 37. Оп. 5. *Д.* 126. *Л.* 257 с об.]. Башкиры нанимались на заготовку дров для выжига угля и исполнения различных хозяйственных нужд заводов. В 1813 г. владелец Белорецкого завода Пашков писал, что многие его крестьяне нанимают за себя на заготовку дров башкир и имеют от этого значительную выгоду. Получая от завода по 1 руб. 50 коп. за сажень нарубленных дров, они выплачивали башкирам по 90 коп. за сажень *[Там же. Д.* 29. *Л.* 141 об.]. Извозничеством и другими работами на горных заводах занимались преимущественно башкиры 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 13-го кантонов, расположенных в Оренбургском, Верхнеуральском, Стерлитамакском и Уфимском уездах.

Отпуск башкир на различные промыслы осуществлялся по единым правилам, утвержденным в 1835 г. оренбургским военным губернатором В.А.Перовским. Они строго регламентировали выдачу башкирам паспортов и билетов на отход. Разрешение на отхожие работы в пределах своего уезда сроком до 28 дней давал юртовый старшина, от одного месяца до шести - кантонный начальник. На работы в другие уезды той же губернии сроком на полгода отпускал также кантонный начальник. Уход на заработки в другие губернии разрешался только командующим Башкиро-мещерякским войском по письменному представлению кантонного начальника с подробным объяснением причин ухода на работы. Полученные башкирами билеты регистрировались в специальной книге, которая называлась «Книга на записку билетов, выдаваемых разным лицам». Так, например, в 1836 г. в книге 3-го башкирского кантона отпущенных на один и два месяца насчитывалось 232 человека *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 11356. *Л.* 2 с об.].

На работы башкиры нанимались поодиночке или артелями по условиям, заключенным с заводскими крестьянами, или по контрактам с завод-

скими конторами. Эти договоры утверждались башкирским начальством, которое затем по предъявлении нанимателями контрактов отправляло нанявшихся на промыслы. В случае невыполнения башкирами условий контракта и побега с заводских работ местное башкирское начальство содействовало заводу в их возвращении *[НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 102. Л. 35]*. Следует заметить, что последнее было заинтересовано в заработках своих подчиненных. Горный инженер Ферстер писал, что башкиры командируются своим начальством на рудники для уплаты «состоящих на них» денежных повинностей и недоимок *[Ферстер*, 1868. С. 45]. Действительно, от заработков башкир на горных заводах во многом зависела их платежеспособность. В 1851 г. командующий Башкиро-мещерякским войском докладывал оренбургскому военному губернатору, что башкиры 8-го кантона жаловались на конторы Преображенского и Воскресенского медеплавильных заводов, задерживающих выплату заработанных ими денег, в то время как они имеют крайнюю нужду в деньгах из-за приближения сбора с них повинностей. Башкиры 10-го кантона жаловались на контору Воскресенского завода, которая «не удовлетворяет их по ярлыкам, выданным им за 1847—1850 гг. за привоз руды» *[ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5228. Л. 1-2]*. На Архангельском заводе, где большую часть руды доставляли башкиры, расчеты по выданным вместо денег ярлыкам «задерживались по несколько лет, и зачастую отходники получали только половину следующих им денег» *[Там же*. Оп. 32. Д. 3780. Л. 271, 277 об.].

В целом труд, вольнонаемных рабочих-башкир имел важное значение для горных заводов, особенно медеплавильных, нуждавшихся в добыче и доставке большого количества руды. В то же время значительной была роль горных заводов в экономической жизни башкирского населения.

В XIX в. башкиры были вовлечены в развернувшуюся на территории края золотодобычу. Необходимо иметь в виду, что в Башкортостане золотодобывающая промышленность появилась позднее, чем на Среднем Урале. По территории края проходила южная часть Уральского хребта с его отрогами, золотоносная местность площадью 12 тыс. кв. верст была расположена в Троицком, Челябинском, Верхнеуральском и Орском уездах. На ней золото залегало не сплошь, а лишь оазисами. На этой площади располагались три главные системы рек: р. Урал, вытекающая из отрога Урала Карагаш; р. Уй - из отрога Уйташ; р. Миасс, берущая начало из отрога Аушкуль. Наибольшей золотоносностью отмечались рр. Миасс и Уй с их притоками *[Там же*. Ф. 129. Оп. 1. Д. 71. Л. 2 об.; *Деви*, 1896. С. 247].

Для развития частной золотопромышленности на башкирских землях важное значение имел закон от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае» *[Полное...* II. Т. 7. № 5287]. Закон признавал «башкирцев владельцами всех тех земель, кои ныне безспорно им принадлежат», а также прекращал действие указа от 11 октября 1818 г., «коим воспрещена была продажа башкирских земель». По закону земельные сделки переходили под непосредственный контроль военного губернатора. Он оценивал, выгоден или нет башкирам заключаемый ими контракт об отдаче земли в аренду. Ему также принадлежало последнее слово при его утверждении. Вопрос о том, разрешено ли было башкирам в изучаемое время лично владеть приисками и добывать золото на своих вотчинных землях, законодательно не был урегулирован. Об этом красноречиво свидетельствует дело башкира 18-й юрты 8-го кантона д. Такино Мухаметкарима Мухамаева. В октябре 1857 г. им было найдено золото в землях, принадлежащих башкирам этой юрты около д. Тляшево. Мухамаев изъявил желание начать разработку найденного золота и доложил об этом своему начальству: юртовому старшине Мирасу Хисаметдинову, кантонному начальнику Белякову, попечителю 3-го округа майору Бородовицину, а также в земскую полицию. «Но все его объявления остались без последствий». Между тем открытый им золотой прииск стал «разрабатываться какими-то купцами». Тогда Мухамаев обратился с прошением на имя Александра II выдать ему разрешение на отыскание других месторождений. В прошении он писал: «Я имею непоколебимое желание приискивать и другие золотые пески, которые могут приносить государству пользу» *[ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 9]*. Прошение попало на рассмотрение Главному начальнику горных заводов Уральского хребта генерал-майору Ф.И.Фелькнеру. Последний 3 октября 1859 г. препровождает его оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.А. Катенину, сославшись на то, что Мухамаев «по званию своему принадлежит не горному ведомству и предмет его просьбы относится до земель, находящихся в распоряжении начальства башкирского войска и при том в просьбе этой заключена претензия на то же начальство» *[Там* же. Л. 1]. Началась длительная бюрократическая переписка, в результате которой было выявлено, что ни кантонный начальник, ни попечитель не только не помогали Мухамаеву положительно решить его просьбу, а всячески препятствовали этому. Ему не давали «увольнительные билеты, стращали», несколько раз наказывали розгами, видимо, за его настойчивость.

По существу вопроса, имеют ли право башкиры владеть золотыми приисками и сами разрабатывать их, оренбургским и самарским генерал-губернатором А.П.Безаком в письме министру финан-

сов от 6 февраля 1861 г. было высказано следующее мнение. В гражданском законодательстве было указано, что владеющие землей башкиры-вотчинники «распоряжаются не на одну поверхность, но и на самые ее недра». Горное законодательство также разрешало каждому собственнику «искать, копать, плавить, варить и чистить металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, а также минералы, драгоценные каменья и все то по собственному своему произвольно обрабатывать» *[Свод...* 1857. Т. 7. Ст. 560; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Он. 1. *Д.* 10156. *Л.* 10]. Все те, кто имел право заниматься золотопромышленностью, был строго ограничен. Башкиры в их число не входили. Следовательно, с одной стороны, башкирам, как собственникам земель, не запрещалось самим владеть приисками и добывать золото, но, с другой стороны, по горному уставу они не имели на это право. Поэтому генерал-губернатор просил у министра финансов «отзыва», т. е. разъяснения этого противоречия в законодательстве. Со своей стороны он считал, что «на точном основании» Устава горного башкиры не должны быть лишены права «лично самим заниматься разработкой золота в своих землях, с соблюдением при этом общего правила, обязывающего всякое лицо, вступающее в сделку с башкирами, заключать условие с двумя третьями вотчинников» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10156. *Л.* 10]. В ответе говорилось: он согласен, что «для развития золотопромышленности полезно было бы предоставлять права» разработки золота башкирам. Это явилось бы, по существу, «не дарование нового права башкирам, а лишь согласование разрешения, происшедшая по букве закона» *[Там же. Л.* 12—13].

Таким образом, в исследуемое время башкиры собственными золотыми приисками не владели. Даже в том случае, когда находили золото на своих вотчинных землях, разрешение на его добычу им не давали. Следовательно, они являлись не полными собственниками земли, а ограниченными. Разрешение заниматься золотопромышленностью лицам всех сословий было дано только в 1870 г. с введением Устава о частной золотопромышленности. Поэтому до этого времени башкиры-вотчинники вынуждены были отдавать золотоносные участки в аренду частным лицам, по закону имеющим право на золотодобычу: дворянам, почетным гражданам, купцам 1-й и 2-й гильдий.

Кантонный начальник предоставлял предварительные условия контракта на рассмотрение командующего Башкирским войском. Затем они утверждались военным губернатором, после чего гражданская палата совершала контракт. Губернатор уведомлял горное правление о разрешении на заключение контракта, затем оно «отводило к прииску узаконенную площадь», выдавало промышленнику специальные пронумерованные строгой отчетности «шнуровые книги на записку золота» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 3055. *Л.* 1; *Полное...* II. Т. 7. № 5287; Т. 8. № 6334].

В пользу башкир золотопромышленники платили, в зависимости от взаимной договоренности, 10 % со всего добытого золота или с чистой прибыли. Две трети из этой суммы раздавались вотчинникам, одна треть поступала в общественный башкирский капитал, величина которого к началу 60-х гг. XIX в. достигла заявленной суммы — 420 тыс. руб.

Налог государству с добытого металла на частных золотых промыслах, находящихся на башкирских землях, до 1856 г. взимался натурой по 10 % с пуда *[Свод...* 1857. Т. 7. Ст. № 2420, 2429]. За отходящие под прииски земли промышленники платили башкирам вознаграждение в следующих размерах: за каждую десятину луговой земли по 3 руб. серебром, пашенной, не распаханной под посев — от 1 руб. 30 коп. до 3 руб. серебром и за приготовленную под посев платили единовременно за распашку — от 5 до 6 руб. серебром *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 3095. *Л.* 43].

Башкиры заботились о том, чтобы после окончания срока аренды возвращаемая им земля была пригодна для занятия земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством, т. е. традиционными видами хозяйства, поэтому во всех договорах об отдаче в аренду земли золотопромышленникам обязательно включались условия, запрещавшие им вытаптывать и пахать луга, истреблять леса. Держать лошадей разрешалось только для нужд производства. За нарушение этих условий предусматривались штрафы.

На арендованных землях без согласия вотчинников не разрешалось возводить железоделательные заводы, другие строения, кроме необходимых для добычи и промывки песков и для размещения рабочих. Лес для строительства и отопления временного жилья отпускался по ценам, установленным для башкирских лесов. За поврежденные леса с промышленников взыскивался штраф. Отработанные шурфы во избежание падения в них скота должны были засыпаться. В случае невыполнения этого условия и гибели скота должен был платиться штраф: за лошадь — 15 руб., жеребенка - 5 руб., корову - 10 руб., теленка, барана, козу - по 2 руб. серебром *[Там же. Д.* 6597. *Л.* 41]. Срок аренды определялся в договорах — от 8 до 12 лет. Вотчинники оговаривали право кочевать на своих землях по всем речкам, ключам, озерам, но если где-либо заводился прииск, «то мы, вотчинники, обязуемся немедленно откочевать на другие места на расстояние двух верст от места работ» *[Там же. Д.* 6221. *Л.* 20—25]. В договорах особо оговаривалось положение о том, что аренда земли не дает промышлен-

никам право собственности на нее и с прекращением разработки прииска она возвращается вотчинникам.

Однако как при заключении контрактов, так и их выполнении наблюдались нарушения закона со стороны промышленников. Требование закона о необходимости добровольного согласия двух третей вотчинников на сдачу в аренду земли достигалось зачастую незаконными методами. Золотопромышленники для получения в аренду золотоносной земли подкупали кантонных начальников, юртовых старшин, влиятельных башкир. Последние путем угроз, запугивания, обмана, а иногда силой заставляли рядовых башкир соглашаться сдать землю в аренду. Горный инженер Н. Михайлов, изучавший положение частной горной промышленности на башкирских землях, прямо указывал: «Промышленник должен привлекать на свою сторону не только местное управление, но и влиятельнейших из вотчинников, иначе без содействия последних, он не получит согласия двух третей домохозяев всей волости, заключающейся в одной или нескольких тысячах душ» *[Михайлов*, 1862. С. 480].

Многие башкиры были против отдачи земли в аренду. Бедные старики поставили свои подписи и тамги под договором по принуждению кантонного начальника Лачинова, боясь противиться своему начальству. Часть башкир «руки и тамги прикладывали» к договору по примеру старших, не зная его содержания, так как он был написан на русском языке без перевода, что являлось прямым нарушением закона, в котором говорилось: «При введении контрагента во владение через члена земского суда прочитывать договор всем вотчинникам башкирцам, дабы никто из них впоследствии не мог отозваться неведением», а для наблюдения за исполнением условий договоров копии с них вручаться должны земскому суду и кантонному начальнику с переводом на татарский язык *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 1247. *Л*. 7; *Свод...* 1857. Т. 7. Ст. 443]. Были выявлены факты фальсификации подписей. За башкир, находящихся на военной службе, подписывались подставные люди. Поверенный 21-й юрты д. Абзаково Зюфар Ишмухаметов в своем донесении показал следующее. В 1832 г. кантонный начальник Лачинов, собрав башкир в д. Курманово Телевской волости, объявил им, что их земля сдается в аренду, а кто будет противиться, того отошлет к военному губернатору. Башкиры были против отдачи земли, заявляя, «что у них нет лишней земли для отдачи в кортому, да и самой земли недостаточно» *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 1263. *Л*. 208].

Вместо соблюдения законности, что являлось прямой обязанностью кантонного начальника, Лачинов с зауряд-сотником Унгаровым и юртовыми старшинами «во время холодного зимнего времени» держали башкир 12 часов на морозе, «от чего многие подписались». Закон же прямо указывал, «что отводы площадей к приискам производить без всякого утеснения оседлых обывателей и кочевых инородцев, в смежности обитающих» *[Свод...* 1857. Т. 7. Ст. 2467]. Адъютант военного губернатора П.П.Сухтелена Аничков жалующихся башкир сажал под караул в колодки и возил с собой. Жалобщики были посажены под арест в г. Верхнеуральске. В самой деревне был оставлен караул из 12 человек. Несогласных подписываться под договором «показывали в отлучке и больными, хотя они были здоровы и дома», у многих силой отбирали тамги и ставили подписи. Башкирам, собранным в д. Чугаманово, не давали есть в течение нескольких дней, вынуждая подписать контракт. В 1833 г. из 717 названных в договоре вотчинников-башкир 4-го и 6-го кантонов с компанией Жуковского, по данным чиновника особых поручений при военном губернаторе, при проверке не отказались от своих подписей и тамг только 27 человек (это были юртовые старшины, кантонные начальники и чиновники). Все остальные были вынуждены подписать контракт по принуждению старшин «или рукоприкладствовали во избежание дальнейших притеснений на сборной точке, где их в отделении от семейства держали голодом и холодом десять дней» *[Зобов*, 1974. С. 64-65].

Из сохранившихся архивных документов видно, что на некоторых приисках большая доля рабочих состояла из башкир. На Каменно-Александровском прииске компании Ахматова и Баканина работали постоянно 140 башкир и татар и 80 временных русских рабочих. Исключительно башкирами были укомплектованы Архангельский и Иоаннокрестительный прииски купца Т. Зотова. На первом работали 92, на втором - 50 человек. На Бурзянских промыслах окрестные башкиры-вотчинники нанимались ежегодно на работы по вскрытию торфа. На работы башкиры приходили в мае, перед отправлением на кочевку, и уходили в июне. В сентябре они снова являлись на прииски, но уже в меньшем количестве. На работу приходили обычно со своими лошадьми и упряжью. В мае 1861 г. на прииске работали до 300 башкир. В той же Бурзянской волости на приисках статского советника Шипова работали 71 башкир и 9 русских, на Троицких промыслах Жуковской и К — 603 человека, в основном башкиры из 14-го, 15-го, 16-го кантонов Бирского уезда, а также до 70 русских рабочих *[ГАСО.* Ф. 43. Оп. 2. *Д*. 1895. *Л*. 62, 63, 67, 71, 74; *Михайлов*, 1862. С. 373, 387, 389]. Численность рабочих-башкир на золотых промыслах представлена в таблице 6.

В целом, по нашим подсчетам, в конце 50-х гг. на частных золотых промыслах Южного Урала в среднем ежегодно работали 2 759 рабочих-баш-

Таблица 6

Численность рабочих-башкир на золотых промыслах Южного Урала в конце 50-х гг. XIX в.

Наименование промысла	Владелец	Число рабочих-башкир	Номер кантона, к которому относились рабочие-башкиры
Верхнеуральский уезд			
Архангельский	купец Болотов	300	14, 15
Андреевский	надворный советник Шахурин	119	4
Казанский	купцы Козицын, Болотов	247	8,20
Сергиевский	купец Козицын	61	15
Спасский	статский советник Шипов	147	6
Казанский	статский советник Шипов	56	6
Аннинский	графиня Т олстая	187	5
Бурзянский	генерал-лейтенант Жемчужников и К[0]	196	18
Камелагерский	купец Баканин	66	-
Александровский	помещица Баженова	136	8
Троицкий уезд			
Преображенский	купчиха Татаринова	146	14
Михайловский	чиновник Сасухин	130	7
Каменно-Александровский	купчиха Баканина	190	6
Каменно-Павловский	купец Баканин	324	27
Покровский	купец Козицин	150	15
Мариинский	надворный советник Устинов	187	8
Итого		2759	

* Составлена по: ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 8776. *Л*. 2; *Д*. 9327. *Л*. 18-25, 34, 39, 40, 50; *Д*. 9345. *Л*. 86.

кир, что составляло 23,6 % всех рабочих, занятых в частнокапиталистической золотодобыче, и 749 (6,4 %) разночинцев, в число которых могли входить татары, мишари, тептяри, казаки, казахи.

При найме рабочих на промыслы золотопромышленники часто заключали контракты с ними на невыгодных условиях. Такие факты были нередкостью и при найме рабочих-башкир. Незнание русского языка и законов делало их более уязвимыми перед произволом, чинимым приисковыми администрациями, даже по сравнению с такими же бесправными русскими рабочими.

Сложившаяся ситуация с наймом рабочих вызывала тревогу у командования, так как разорение башкир могло отрицательно сказаться на военном призыве казаков на линейную службу, выполнении ими государственных, земских и других повинностей. Поэтому командованием Башкирского войска был предпринят ряд административных мер, которые должны были, по мнению войскового начальства, защитить экономические интересы их подчиненных при найме на промыслы и другие работы. В ноябре 1856 г. командующий войском генерал Н.В.Балкашин направил циркуляр кантонным начальникам, в котором указывалось, что во многих кантонах башкиры нанимаются партиями, часто весьма значительными, на частные золотые прииски, рудники, сплав леса, на суда бурлаками *[ГАСО.* Ф. 24. Оп. 23. *Д*. 7324. *Л*. 137]. К марту 1857 г. Балкашиным был окончательно доработан и разослан кантонным начальникам проект циркуляра «О найме башкир на золотые промыслы, рудники, для сплава леса, на суда бурлаками». 16 ноября он был утвержден генерал-губернатором. Этот циркуляр был одним из первых опытов законодательного регулирования взаимоотношений между промышленниками и наемными рабочими.

Однако, несмотря на принятые правила об условиях найма башкир, многие из них зачастую не выполнялись. Об этом свидетельствуют факты, изложенные в рапорте от 17 августа 1860 г. нового командующего Башкирским войском генерал-лейтенанта Н.К.Тетеревникова генерал-губернатору А. П. Безаку. Рапорт был написан по сведениям, полученным лично при инспектировании башкирских кантонов летом 1860 г. В нем указывалось, что были получены жалобы башкир на кантонных начальников, которые «отдавали их на работы без их согласия, по принуждению».

В результате проверки жалоб действительно были обнаружены многочисленные нарушения правил найма башкир на работы *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 8776. *Л*. 108 с об.].

Горный инженер Пузанов причину побегов рабочих с золотых приисков видел в «ненормальности найма и худом вознаграждении рабочих: рабочие здешнии, при принятом способе найма, скорее крепостные, чем вольные; добровольные сделки тут только воображаемые. За трех или четырех рублевую плату в месяц более состоятельный башкирец никогда не идет, а потому золотопромышленники прибегают к помощи старшин, старост и прочих властей. Так как время найма рабочих совпадает всегда со временем взноса податей, то власти сельские, на основании закона, понуждают целые партии неплательщиков податей наниматься в работу. При вышеозначенном способе наемный рабочий не есть ли кабальный слуга нанимателя?» *[Поранский*, 1872. С. 349-350]. Для значительной части башкирского общества сложилась кризисная ситуация. Причины ее состояли в том, что из-за постепенного уменьшения земли развивать рентабельно традиционное полукочевое скотоводческое хозяйство с каждым годом становилось все труднее. Работа на промыслах лишь отчасти облегчала их положение, так как требовала больших материальных затрат на питание, одежду, лечение, истощала физически. Постоянные ежегодные отлучки на 6—7 месяцев ослабляли собственное хозяйство нанимавшихся. Названные факторы усиливали материальное и социальное расслоение среди башкир, разрушали у них традиционные патриархальные отношения. Эти тенденции не оставались не замеченными современниками, хорошо знакомыми по долгу службы с жизнью башкир. Так, попечитель 5-го округа в рапорте командующему Башкирским войском в 1861 г. прямо указывал на распространенное в башкирском обществе мнение, особенно среди богатых его членов, согласно которому нанимающиеся на промыслы башкиры считались людьми морально «опустившимися и никчемными». Попечитель писал: «Хорошие зажиточные башкиры принебрегают своими однодеревенцами, которые нанимаются на прииски, и считают их как бы людьми потерянными, вполне сознавая все гибельные последствия найма, не понимая, конечно, и не сочувствуя подобным товарищам своим, что они обрекают себя на тяжелые работы и гибель как бы из угождения своим местным начальникам и соблазняясь обманчивым расчетам, единственно по недоразумению своему и из желания поправить свое состояние, но не имея в том успеха; впоследствии многие удаляются из своих обществ, нанимаясь в городских и русских селениях в различные работы, и остаются совершенно бесприютными» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 9327. *Л*. 56].

В таком же положении находились башкиры, нанимающиеся на сплав леса. Эти люди составляли по существу постоянный контингент наемной рабочей силы. В рапорте попечитель указывал: «Обычай этих людей наниматься на работы установлен временем, и они, привыкнув к такой жалкой жизни, не решаются приниматься за верные средства к жизни, то есть земледелие и домохозяйство, а стараются вовлечь к тому других, особенно молодых людей, развращаясь таким образом нравственно до высочайшей степени» *[Там же. Л*. 56 об.]. Попечитель для снятия остроты ситуации и предотвращения разорения хозяйства башкир предлагал командующему полностью запретить наем башкир или, по крайней мере, ограничить его определенными условиями.

Опираясь на полученные факты, Тетеревников сделал вывод о том, что положение башкир, нанимающихся на золотые промыслы, при существующих ценах за наем на работы «весьма незавидно». По его наблюдениям, «только крайняя нужда башкир, не имеющих собственного хозяйства, и недостаток поблизости других работ, на которые с большею для себя пользою можно было бы употребить труд, заставляет их наниматься на золотые промыслы» *[Там же. Д*. 8776. *Л*. 104]. Особенно обременителен наем на промыслы был для башкир, живущих за 400—600 верст от них, в Бирском, Белебеевском и Стерлитамакском уездах. Они тратили непроизводительно на дорогу туда и обратно около двух месяцев. Но, несмотря на это, запретить и даже ограничить приказом наем башкир на золотые промыслы было бы, по мнению командующего, преждевременно. Это привело бы «к совершенной нищете» многих людей, не имеющих собственного хозяйства и других источников для существования и уплаты налогов.

Указанные обстоятельства вели к росту социальной напряженности, которая в любой момент могла вырваться наружу в форме открытого неповиновения беднейших слоев башкирского общества. Выход из создавшегося положения командующий видел в улучшении их материального положения. С этой целью он предложил генерал-губернатору принять меры для «пробуждения башкир к труду земледельческому и ремесленному, более для них полезному» *[Там же. Д*. 8776. *Л*. 109]. Он считал необходимым привлекать неслужащих башкир на работы в качестве вольнонаемных рабочих на строительство необходимых Башкирскому войску зданий, больниц.

Кроме экономических мер, командующий предлагал также ограничить административные меры воздействия при найме рабочих. В отличие от своего предшественника Балкашина, Тетеревни-

ков предлагал устранить по возможности влияние местных начальников при найме рабочих, более решительно ограждать башкир от произвола промысловых контор и требовать неукоснительного выполнения кантонными начальниками и попечителями правил найма башкир, разработанных его предшественником. За малейшее отступление от этих правил необходимо подвергать виновных строгой ответственности. Он также предложил условия найма башкир на промыслы дополнить и частично изменить.

Итак, попытка ввести законодательно административное регулирование взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, предпринятая местной властью Оренбургской губернии, явилась одним из первых опытов подобного законотворчества в России. В целом следует отметить, что предлагаемые меры по упорядочению найма башкир на промыслы, речные суда и другие работы очень часто не выполнялись как промышленниками, так и местным башкирским начальством. Первые не были заинтересованы в этом, так как первейшей задачей для них являлось получение наивысшей прибыли. Вторые также преследовали свои эгоистические материальные выгоды. К тому же процесс материального и социального расслоения башкирского общества был объективным и исторически обусловленным. Затормозить его на время административными, законодательными мерами было возможно, но нельзя было остановить.

Большое развитие в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. получило поташное производство. Больше всего оно было распространено в уездах с большими массивами леса: Уфимском, Бирском, Мензелинском, Стерлитамакском и Белебеевском. Поташ (углекислый калий) - смесь, состоящая из растворимых солей, содержащихся в золе. Основным сырьем для поташных заводов служила печная зола, которая покупалась у населения или же специально выжигалась заводовладельцами в собственных или арендованных лесах. Поташ широко применялся при изготовлении мыла, хрусталя, зеркал, красок, выделке кож, производстве сукна, пороха. Примечателен тот факт, что среди владельцев заводов было много башкир. К началу XIX в. в Оренбургской губернии из 128 поташных заводов башкирам принадлежали 29 (23 %). Большинство поташных заводов края старалось использовать в первую очередь для поташеварения лес, арендованный у башкир. В документах губернского правления указывалось, что «разного звания люди в разных уездах распространяют поташные заводы, нанимая для того леса у частных владельцев, особливо у башкир, истребляя оный сколько можно» *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 135. *Л.* 13]. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, башкирам принадлежала большая часть лесов губернии. К середине XIX в. в Оренбургской губернии было 10 964 696 дес. леса. Из этого количества башкирам принадлежало 6 142 181 дес. (57 %), помещикам — 1 709 477 (15 %), Министерству государственных имуществ — 1 731 227 (15 %), прочим ведомствам - 135 121 дес. (12%) *[Черемшанский*, 1859. С. 332—333]. Во-вторых, для заводчиков аренда леса у башкир из-за различных злоупотреблений (взятки башкирскому начальству, обман рядовых вотчинников и многие другие нарушения закона) обходилась дешево. Так, Мензелинский земский суд докладывал в 1800 г. оренбургскому гражданскому губернатору, что из 33 заводов, расположенных в уезде, ни один не имел законного права на поташеварение. Поэтому 21 сентября 1800 г. оренбургским военным губернатором Н.Н.Бахметьевым было предписано остановить действие поташных заводов, и чтобы «впредь ни один завод без свидетельств на право пользования башкирскими лесами пущен не был» *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 135. *Л.* 16]. В результате многие заводы, в основном мелкие, прекратили свое действие, так как их владельцы не представили властям документы, разрешающие их устройство. Так, в 1817 г. по сравнению с началом века количество поташных заводов в Оренбургской губернии сократилось со 128 до 74 *[РГИА.* Ф. 18. Оп. 2. *Д.* 223. *Л.* 14-18].

Как видим, поташное производство в Оренбургской губернии во многом зависело от состояния башкирского лесного хозяйства. 10 ноября 1832 г. оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен издал специальный циркуляр «О праве пользования башкирскими вотчинными лесами». Этот и последующие циркуляры, издаваемые губернаторами, по идее авторов должны были «общественное достояние башкирцев и мещеряков сберегать сколь можно <...> и дабы лесные участки, составляющие их неотъемлемую собственность, приносили вотчинникам доход и пользу, но без истребления оных» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 3151. *Л.* 1]. С целью сохранения леса башкиры-вотчинники имели право продавать в год не более 50 бревен и 25 саж. дров. Башкирам повсеместно запрещалось заниматься производством шадрика и жжением золы на поташ, даже в том случае, когда лесные дачи были завалены валежником, мешающим росту молодого леса. Вместо частных заводов учреждались в разных башкирских лесных дачах поташные заводы и пункты приема золы, которые должны были принадлежать Башкирскому войску. В 30-40-е гг. XIX в. было 3 таких завода, которые ежегодно приносили доход в сумме 31 тыс. руб. серебром. В 1861 г. Башкирскому войску принадлежало 9 поташных заводов. Лиц постороннего ведомства было воспрещено допускать в башкирские леса для производства любых работ и т. д.

Нарушителям грозил военный суд, а покупателей предупреждали, что они лишатся приобретенного леса и изделий *[Башкирские...* 1862. С. 6; *Асфандияров*, 1974. С. 47; *Военный...* 1863. С. 553].

Несмотря на принимаемые меры, полицейские, судебные и административные учреждения были буквально завалены производством дел о незаконном приобретении лесных материалов и изделий, а еще больше — о самовольных порубках башкирских лесов. Поэтому каждый последующий циркуляр на право пользования башкирскими лесами начинался с фразы: «Замечено из дел, что вопреки установленных правил» и т. д. Объяснялось это тем, что в указанных циркулярах о башкирских лесах не было и речи о справедливом пользовании, и это явилось главной ошибкой всех распоряжений башкирского начальства. Доказательством служит дозволение каждому вотчиннику срубить на продажу 50 бревен, 25 саж. дров и два сруба без учета количества леса в дачах. Из сотен и даже тысяч вотчинников, в основном из-за экономической маломощности хозяйств, немногие могли воспользоваться этим разрешением. В малоземельных местах для подобной порубки всеми вотчинниками небольших лесных дач не хватило бы и на год. Наживались одни лесопромышленники, в числе которых были также башкирские старшины, кантонные начальники и прочие чиновники, умевшие делиться с кем следует барышами. В течение первой половины XIX в. рядовые башкиры были постепенно вытеснены из числа владельцев поташных заводов. Так, в 1798—1800 гг. в их числе было 18 рядовых башкир, 3 башкирских указных муллы, 5 старшин, 3 прапорщика, 2 сотника и один коллежский советник. В 30-40-е гг. XIX в. из 16 заводов 3 принадлежали потомственным дворянам, 4 — старшинам, 2 — сотникам, 2 — рядовым башкирам и 2 - Башкирскому войску. В 50-е гг. среди владельцев рядовых башкир не было. В числе крупных производителей поташа значились заводы, принадлежащие потомственным дворянам, кантонным начальникам Шагингарею Нагайбакову и Мухаметрахиму Султанову. На 5 их заводах в 1830 г. было выработано 30 450 пудов поташа. Крупными заводами владел начальник 10-го кантона Кутлубаев. В 1844 г. на его 3 заводах вырабатывалось 7 500 пудов поташа *[Асфандияров*, 1974. С. 47].

Оренбургская губерния занимала первое место в России по производству поташа. На его развитие в Башкортостане в первой половине XIX в. благоприятное влияние оказал рост потребления внутри страны, а также увеличение экспорта. Уже в конце первой четверти XIX в. торговля поташом производилась в широком масштабе на Нижегородской ярмарке, открытой в 1817 г. Ежегодно туда доставляли от 102 500 до 125 тыс. пудов поташа. Существовала даже специальная пристань для выгрузки поташа, привозимого из Оренбургской, Казанской и Вятской губерний. Российский поташ покупали Голландия, Англия, Германия, Пруссия, немного Франция *[Лукьянов*, 1949. С. 87, 93, 95]. До учреждения по р. Белой пароходства сбыт был затруднен, так как речные суда до Нижнего Новгорода отправлялись один раз в год — в половодье по большой воде. По этой причине почти все заводы прекращали действие в мае или июне, так как если бы поташ был приготовлен в это время, то лежал бы целый год на заводе, принося убытки. Главной поташной пристанью в Мензелинском уезде являлась Челнинская на Каме, с которой в конце 50-х гг. XIX в. отправлялось до 50 тыс. пудов. С Бирской и Уфимской пристаней отгружалось в среднем по 20—30 тыс. пудов. Кроме того, поташ шел с Кутлубаевской, Ангасякской и Дуванейской пристаней. В торговле поташ был двух сортов: казанский (древесный) и починковский (травяной). Оренбургский поташ был древесным *[Оренбургские...* 1860. № 35]. Многие заводчики продавали поташ на месте в среднем по 1 руб. 50 коп. серебром за пуд крупным оптовикам — купцам Долонаеву, Полежаеву, Плешакову, Малыгину. Последние сбывали его затем в Нижнем Новгороде примерно по 2 руб. серебром за пуд, получая на этой разнице солидный доход в десятки тысяч рублей.

Таким образом, в первой половине XIX в. башкиры были вовлечены в промышленное производство — работы на горных заводах, золотодобыча, поташное производство. Все они имели сезонный характер, башкиры вовлекались в работы и на промыслах в основном в связи с нуждой в деньгах. Военное руководство, стремясь сохранить экономический и военный потенциал Башкирского войска, старалось регулировать отношения между башкирами и владельцами заводов и приисков.

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В КАНТОННЫЙ ПЕРИОД

ДЕМОГРАФИЯ БАШКИР

Изучение истории башкир в первую очередь предполагает демографический анализ развития народа в XIX в. Познать динамику численности населения невозможно без изучения основных параметров естественного воспроизводства, то есть без использования демографических материалов и методов исследования *[Козлов*, 1977. С. 18]. Башкиры — один из немногих этносов, история и демография которого тесно связаны с политическими и военными событиями, имевшими место в различные периоды становления и развития Российского государства.

Первая половина XIX в. наиболее полно охвачена регулярными переписями населения (ревизиями), что дает возможность на основе переписных материалов проследить реальную динамику в изменении демографической структуры этноса. Кроме того, данный период ознаменовался такими крупными событиями в истории башкир, как война 1812 г. , в которой приняло участие почти все взрослое мужское население, и коренная ломка многовекового хозяйственного уклада башкир с изменением системы жизнеобеспечения — насильственный перевод полукочевых башкир-скотоводов к оседло-земледельческому хозяйству.

К первой половине XIX в. относятся материалы ревизий, проведенных в 1811,1816,1834,1850 гг. Материалы VI и IX ревизий (1811 и 1850) в работе не применялись, поскольку сведения по всем волостям полукочевого хозяйственного района в архивах отсутствуют. Частично использованы опубликованные итоговые данные V ревизии (1795) *[Ден*, 1902; *Асфандияров*, *Сулейманов*, 1994; *Кулбахтин*, *Абсалямов*, 1994].

Полукочевой хозяйственный регион Оренбургской губернии охватывал территориально южный и восточный Башкортостан. Башкиры данной территории отмечены в источниковых данных как «скотоводы, выходившие летом на кочевье» *[Ведомости...* 1976]. С целью реконструкции демографической ситуации в башкирском обществе нами были обработаны выборочные данные материалов трех ревизий - VII (1816), VIII (1834) и X (1859) по 150—200 дворам каждого из пяти изучаемых уездов — Верхнеуральского, Оренбургского, Стерлитамакского, Троицкого (Загорная часть), Челябинского. Кроме ревизий были использованы данные о количестве жителей, роде их занятий, владении землей *[ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 431]. Аналогичным образом производилась выборка сравнительного материала по башкирам оседло-земледельческих уездов — Бирского и Мензелинского. Процент выборочного материала по отношению к генеральной совокупности — общему количеству полукочевого башкирского населения изучаемых уездов составил: по VII ревизии — 4,1 %, по VIII ревизии — 2,7 %, по X - 4 %. Эти показатели являются достаточными для составления общего представления о демографической ситуации в изучаемом регионе и, следовательно, отражают реальную динамику ее развития.

Вопросы численности башкир впервые нашли отражение в трудах современников. П.Кеппен в своей работе приводит данные по башкирам на середину XIX в. *[Кеппен*, 1857. С. 274]. В основу его книги были положены «Перечневые ведомости о числе душ и податей». Несмотря на сравнительно большое количество работ со сведениями о численности башкир XVIII-XIX вв., поуездная и покантонная численность населения встречается в них реже. Только в монографии В.М.Черемшанского имеются такие сведения по кантонам на середину XIX в. *[Черемшанский*, 1859]. Интерес представляет работа В. Э. Дена на материалах окладных книг V ревизии *[Ден*, 1902]. Вопросы о численности полукочевых башкир по IX ревизии нашли отражение в работах П. Небольсина и Н.М.Малиева *[Небольсин*, 1850; *Малиев*, 1876. С. 27-28]. Есте-

Таблица 7

Динамика численности башкирского населения (в тыс. чел.) Оренбургской губернии в конце XVIII — середине XIX в. (по данным окладных книг и материалов ревизий)

V ревизия	VI ревизия	VII ревизия	VIII ревизия	IX ревизия	X ревизия
152-160	225,6-226	229,474-229,5	382,872	497,619-500,899	593,173

ственное движение населения, а также возраст вступления женщины в брак и среднее количество детей в семье рассматривались в трудах Н. М. Малиева, Н.В.Малахова, Н.Вечеслава *[Малиев*, 1876; *Малахов*, 1887; *Вечеслав*, 1882]. Немалый интерес представляет в плане сравнительного анализа и выявления общего результата демографического развития башкирского народа на протяжении XIX в. диссертация Д.П. Никольского *[Никольский*, 1899]. Огромный статистический материал, собранный им по различным аспектам жизнедеятельности башкир, вырисовывает общую картину состояния башкирского общества к концу XIX в. Проблема динамики количества и расселения башкир в первой половине XIX в. занимала важное место в исследованиях ученых XX в. Р.Г.Кузеева, А.З.Асфандиярова *[Кузеев*, 1968. С. 350; 1978; *Асфандияров*, 1997. С. 9].

В истории башкирского народа кантонный период характеризуется относительно стабильной системой административного управления. Все это послужило, несмотря на тяжесть военной службы, некоторому численному росту башкир *[Кузеев*, 1978. С. 51]. Так, с V по X ревизии прирост башкирского населения, по данным В.М.Кабузана, составил в целом 213 %, в то время как, например, у татар - 117 %, черемисов - 75 %, русских - 73 % *[Кабузан*, 1992. С. 194]. Высокие темпы роста башкирского населения в первой половине XIX в. объясняются инфильтрацией в башкирскую сословную среду пришлого населения *[Кузеев*, 1968а. С. 347]. По его данным, основанным на переписных материалах, в 1815-1817 гг. башкир насчитывалось 310-320 тыс. человек, в 1834 г.— 329 тыс. человек, в 1851 г. - 508,2 тыс. человек, в 1859 г. - 544,8 тыс. человек *[Кузеев*, 1978. С. 212]. Асфандияров, соглашаясь с тем, что в данный период действительно происходил этот процесс, оговаривает, что ни о каких привилегиях речь тогда не шла, а переход осуществлялся чаще всего по указу правительства *[Асфандияров*, 1997. С. 9]. Тем не менее исследователи соглашаются с тем фактом, что причины высоких темпов роста башкирского населения в период кантонной системы управления в Башкортостане объясняются не только естественным приростом. В пользу этого положения говорит тот факт, что после 1865 г. начался массовый отток небашкир из «башкирского сословия» *[Там же]*. Динамика численности башкирского населения Оренбургской губернии в конце XVIII — середине XIX в. представлена в таблице 7.

В XVIII—XX вв. происходили массовые переселения крестьян центральных губерний России и Среднего Поволжья на Южный Урал, что привело к резкому увеличению пришлого земледельческого населения (с 1719 по 1859 г. все население Башкортостана возросло почти в 12 раз, в то время как по России в целом - в 4 раза) *[Кабузан*, 1971. С. 1]. Так, имеются сведения, что в 1826 г. в сословие башкир были причислены оренбургские татары, ногайские татары (до 2 тыс. душ м. п.). В 7-м и 10-м кантонах находились казахи, которые были зачислены в Башкирское войско *[Черемшанский*, 1859. С. 132]. По мнению Кузеева, отмеченные выше демографические факторы хотя и стимулировали этноконсолидационные процессы среди башкир, но нарушили однолинейный процесс консолидации башкирского этноса, внеся заметные различия в этнокультурное и языковое развитие западных и восточных башкир и тем самым замедлив процесс общенародной консолидации *[Кузеев*, *Моисеева*, *Бабенко*, 1987. С. 37]. Наиболее активно процесс инфильтрации пришлого населения в башкирскую этническую среду происходил в Бирском уезде. Характерной особенностью уезда являлся этнически сильно смешанный состав башкир с тептярями *[Янгузин*, 1979. С. 31].

Несколько меньшим был приток переселенцев в Стерлитамакский и Верхнеуральский уезды. В конце XVIII в. башкиры в Стерлитамакском уезде составляли примерно 49,6 % всего населения. Верхнеуральский уезд из-за своего географического положения мало подвергся колонизации, и доля башкир в общей массе населения уезда оставалась еще высокой — 64,2 %. Башкирское население Оренбургского уезда в конце XVIII в. составляло 32 % всего населения. В Челябинском уезде в начале кантонного периода управления башкиры составляли примерно 14,5 % всего населения. В Троицком уезде в конце XVIII в. доля башкирского населения составляла 23 %. Характерной особенностью уезда являлось то, что он наряду с Челябинским уездом подвергся сильной русской колонизации.

Сведения о расселении башкир по кантонам в 1850 г. приводятся Черемшанским. По его дан-

Таблица 8

Численность башкирского населения в конце XVIII — середине XIX в. (по уездам)

Уезды	V ревизия	VI ревизия	VII ревизия	IX ревизия	X ревизия
Уфимский	11908	13 628	15 501	24 948	
Троицкий	13 824	15 172	14 139	20 966	55 268
Красноуфимский	-	-	-	6 926	
Бирский	19 726	28 072	30 111	59 978	72 277
Стерлитамакский	24 078	20 396	29 084	50 714	58 541
Белебеевский	17 538	23 506	25 342	48 032	57 125
Бугульминский	3 636	5 168	5 051	10 430	18 023
Бугурусланский	552	1048	1267	3 072	
Мензелинский	7 136	22 050	23 701	48 028	56 740
Челябинский	10 526	15 600	15 294	29 738	30 937
Бузулукский	-	-	1 123	614	
Верхнеуральский	21690	30184	27 765	61010	156 138
Оренбургский	24 044	51 216	41 128	91208	
Пермский	-	-	-	2114	19 092
Осинский	-	-	-	15 548	
Екатеринбургский	-	-	-	7 160	14 256
Шадринский	-	-	-	18 800	
Елабужский	-	-	-	-	6 446
Сарапульский	-	-	-	-	
Итого:	154 658	226 040	229 505	504 484	544 843

ным, в период проведения IX ревизии в 13 кантонах башкир насчитывалось всего 497 619 чел. [*Черемшанский*, 1859. С. 131]. Из них в Оренбургской губернии проживало 444 619 человек, или 89,3 %. Как видно, количественные показатели Черемшанского несколько отличаются от аналогичных данных Кеппена (427 233 башкира об. п.).

В пяти рассмотренных нами уездах - Верхнеуральском, Оренбургском, Стерлитамакском, Троицком (Загорная часть), Челябинском — в 1850 г. башкирское население составляло примерно 249 672 человека, или 56,15 % от всего башкирского населения Оренбургской губернии *[Там же.* С. 132]. Прирост населения в исследуемых полукочевых уездах с момента проведения VIII ревизии, то есть за 16 лет, составил около 29 %, или 1,8 % в год.

По материалу оседло-земледельческих уездов (Бирский уезд — 11-й кантон, Мензелинский — 12-й кантон), численность башкирского населения в этот период составила 112 551 чел. Прирост, соответственно, — 35 163 чел., или 45,4 % (2,8 % в год) (см. табл. 8).

Таким образом, прирост башкирского населения в скотоводческих уездах был ниже, чем в оседло-земледельческих. Вероятно, это объясняется тем, что, с одной стороны, именно в этих уездах шел наиболее активный процесс инфильтрации пришлого населения в башкирское сословие, с другой — более высоким естественным приростом населения, связанным с особенностями ведения хозяйства и быта башкир-земледельцев.

В первой половине XIX в. происходит дальнейшее повышение плотности населения в Башкортостане. Так, если в 1800 г. Оренбургскую губернию населяло 740 тыс. человек, то в 1811 г. — 788 тыс. человек, в 1836 г.уже 1771 тыс. человек, ав 1863 г. — 1 843 тыс. человек *[Рашин*, 1956. С. 28]. При этом удельный вес коренного населения в течение того же периода падает с 20,7 %, по V ревизии, до 19,0 %, по X ревизии *[Кабузан*, 1992. С. 195]. Естественно, что эти цифры говорят о значительных темпах переселенческого движения в этот период. Однако, по X ревизии, при общем снижении удельного веса башкир их доля выросла в Бирском, Мензелинском, Челябинском уездах, а в ряде уездов их процент существенно понизился (в Верхнеуральском — на 23,3 %, Троицком - на 16,2 %, Стерлитамакском — на 10,27 *%) [Янгузин*, 1989. С. 64]. Но, несмотря на существенный прирост башкирского населения на протяжении первой половины XIX в., темпы роста к середине века падают с 2,4 % до 1,8 % в год, что, вероятно, прежде всего связано с замедлением темпов естественного прироста.

На формирование демографической структуры башкирского народа влияли не только социально-экономическая ситуация, политические события первой половины XIX в., но и санитарно-гигиеническая и эпидемиологическая обстановка, сложившаяся среди населения Южного Урала в силу ряда климатических, географических, а также этнических особенностей, характерных для условий жизни и быта башкир. В источниках XIX в. отмечается, что большинство болезней, характерных для населения России, имели место и среди башкир. Однако мнения относительно состояния здоровья башкир различались. Часть исследователей считала, что башкиры обладают хорошим здоровьем *[Флоринский*, 1874. С. 739; *Черемшанский*, 1859. С. 107]. Другие же доказывали, что башкиры более чувствительны к болезням, нежели другие народы *[Потин*, 1866]. Заслуживает внимания объяснение Никольским того, что «заболеваемость среди башкир развита сравнительно меньше, чем среди русского населения» [*Никольский*, 1899. С. 343]. Наличие в рационе питания башкир кумыса укрепляло организм, восстанавливало силы, являлось прекрасным фактором, усиливающим иммунитет ко многим заболеваниям. Вероятно, более редкое обращение башкир к врачам объясняется широким распространением среди них народных знахарей и довольно высоким уровнем развития народной медицины *[Гумаров*, 1985. С. 48]. Тем не менее, несмотря на некоторые разногласия по вопросу оценки состояния здоровья башкир, все исследователи XIX в. сходятся в том, что наиболее тяжелые последствия для всего башкирского населения в целом имели эпидемии, уносившие тысячи человеческих жизней.

Прежде чем перейти к анализу половозрастной структуры башкирского населения, обратимся к данным по распределению населения по полу, что является одним из важнейших факторов существования семьи и, следовательно, ее репродуктивной функции. Таблица 3, составленная по выборочным материалам ревизий, дает наглядное представление о соотношении мужского и женского населения всех возрастов у полукочевых башкир на протяжении первой половины XIX в. Как видно из таблицы, число мужчин по выборочным данным всех ревизий было больше количества женщин и составляло в среднем 51,7 % от общего числа населения. Это количественное преобладание мужского населения над женским сохраняется в течение всего исследуемого периода, варьируя в зависимости от военной политики правительства (см. табл. 9).

Этот факт большей доли мужчин и меньшей женщин у всех кочевых и полукочевых народов отмечается в источниках и литературе. Так, например, еще Никольский отмечал, что во второй половине XIX в. у башкир на долю мужчин приходится 53,3 %, женщин-46,8 %,илина 100 мужчин —88,3 женщины *[Никольский*, 1899. С. 23].

Обобщенные данные материалов VII ревизии, представленные в таблице 10, позволяют выявить общую картину половозрастного состава башкирского населения в изучаемом регионе в начале XIX в.

Прежде всего необходимо отметить, что по всему исследуемому материалу наблюдается преобладание мужского населения над женским примерно на 10,2 %. Ближе к 20 годам численность мужчин и женщин примерно выравнивается. Об этом говорят и данные ревизий по убыли мужского населения в период с 1811 по 1816 г.

Изучение цифровых данных по убыли населения в результате смерти в период между VI и VII ревизиями по Стерлитамакскому и Челябинскому уездам приводит к следующим выводам по различным возрастным группам: 1) 0—16 лет — 49 %;
2) 17-50 лет - 27,3 %; 3) старше 50 лет - 23,7 %. Как видно из этих данных, доля детской смертности достигает почти половины всех рассматриваемых случаев. Потери в 1812—1815 гг. не обязательно относятся к военным, но большинство из этого количества действительно погибло в годы войны против Наполеона. Об этом свидетельствует тот факт, что доля умерших мужчин в возрасте 17—50 лет выше аналогичной доли лиц старше 50 лет, то есть выше естественной смертности населения.

Последствия Отечественной войны 1812 г. сказались и в последующем. Так, по VIII ревизии, доля мужчин в возрасте 41—60 лет, то есть участвовавших в свое время в этой войне, составляет 11,9 % к общему количеству мужского населения, в то время как по VII ревизии удельный вес лиц этой возрастной группы был более значителен — 15 % (см. табл. 11).

В общей массе населения эта разница довольно существенна. Так же сокращена, по данным VIII ревизии в сравнении с VII (1816), доля лиц мужского пола в возрастных группах 61—70 лет и старше 70 лет (также участвовавших в войне); в 1816 г. — 3,7 % и 2,5 % соответственно, а в 1834 г. - 2,7 % и 1,7 %. Более того, эти цифры приближаются к данным по женскому населению - 2,4 % и 1,6 % в соответствующих возрастных группах. Все это говорит о том, что Отечественная война 1812 г. в демографическом плане отрицательно повлияла на половозрастную структуру башкирского населения и имела далеко идущие последствия.

Анализируя общую картину детского населения, необходимо отметить, что к понятию «дети» мы относим население в возрастной рамке 0-15 лет. В детской возрастной группе наблюдается явное преобладание мальчиков: в среднем по региону их

Таблица 9

Соотношение мужского и женского населения по выборочным данным VII, VIII и X ревизий (полукочевые башкиры Оренбургской губернии)*

Население / Год ревизии	Мужчины		Женщины		Всего
	абс. знач.	%	абс. знач.	%	
1816 (VII)	2 988	52,4	2 710	47,6	5 698
1834 (VIII)	2 701	51,6	2 532	48,4	5 233
1859 (X)	5 229	51,3	4 963	48,7	10 192

* Составленапо: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 145,146,192-195,205-207, 309, 387-390, 394, 398,430, 430а, 525, 566, 566а, 704-706, 761, 762, 765, 767а, 772.

Таблица 10

Возрастно-половой состав населения Оренбургской губернии (полукочевые башкиры) по выборочным данным VII ревизии (1816 г.)*

~~ Население / Возрастные группы	Мужское		Женское	
	абс. знач.	%	абс. знач.	%
0-10	924	30,9	780	28,8
11-20	647	21,6	554	20,4
21-30	453	15,2	535	19,8
31-40	332	11,1	378	13,9
41-50	267	8,9	217	8,0
51-60	179	6,0	138	5,1
61-70	111	3,7	79	2,9
71 и старше	75	2,5	29	1,1
Всего	2 988	100	2 710	100

* Составленапо: *ЦИАРБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 145, 146,192-195, 205-207, 309, 387-390, 394, 396-398.

Таблица 11

Возрастно-половой состав населения Оренбургской губернии (полукочевые башкиры) по выборочным данным VIII ревизии (1834 г.)*

Население / Возрастные группы^—	Мужское		Женское	
	абс. знач.	%	абс. знач.	%
0-10	947	35	813	32,1
11-20	584	21,6	543	21,5
21-30	447	16,5	456	18
31-40	281	10,4	274	10,8
41-50	185	6,8	217	8,6
51-60	137	5,1	127	5,1
61-70	74	2,7	62	2,4
71 и старше	46	1,7	40	1,6
Всего	2 701	100	2 532	100

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 430, 430а, 525, 566, 566а.

больше, чем девочек, на 19 %. По отношению ко всему населению дети составляют 40,7 %. При этом удельный вес девочек по отношению ко всему женскому населению ниже удельного веса мальчиков по отношению ко всему мужскому населению: 39,1 % и 42,3 % соответственно. Основная детская смертность приходится на возраст до 5 лет: у мальчиков сокращение происходит более чем на 27 %, у девочек — на 26,3 %. В дальнейшем интенсивность детской смертности падает, и в возрастной

группе 6—11 лет сокращение детского населения достигает 12 % и 15 % соответственно.

Преобладание женщин в количественном отношении над мужчинами в возрасте от 20 до 40 лет на 16,3 % не могло не способствовать сохранению такой пережиточной формы брака, как полигамия. Не случайно в этот период доля полигамных браков еще достаточно высока.

В целом, данные показывают, что доля женщин фертильного возраста (от 16 до 45—50 лет) составляет 51,8 %, то есть более половины всего женского населения находится в детородном возрасте, что означает высокую жизнеспособность башкирского общества.

Естественно, что на прирост населения также оказывает влияние брачное состояние женщины в этот период. Анализ материалов ревизий показывает, что основная масса женщин фертильного возраста состояла в браке, и большинство их выходило замуж в возрасте 16—20 лет. Так, процент женщин вне брака в данной возрастной категории составляет: в Оренбургском уезде - 26 % *[ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145-146], в Верхнеуральском - 15,6 % *[Там же.* Д. 192-195, 205-207], в Стерлитамакском — 22,6% *[Там же.* Д. 309], в Челябинском - 26 % *[Там же.* Д. 387—390, 394—398], т. е. в среднем по региону около 20 %, или только каждая пятая женщина от 16 до 20 лет была еще не замужем, и в основном это относится к 16-летним. Таким образом, в начале XIX в. основная масса женщин вступала в брак до 20 лет. Одинокие женщины более старшего возраста встречаются редко,

Переходя к вопросу о среднем количестве детей в башкирских семьях, необходимо учитывать, что большинство башкирок вступало в брак до 20 лет и примерно к 20 годам женщина уже имела первого ребенка.

Нами были проанализированы малые и неразделенные семьи, в которых возраст супругов превышает 45 лет. При этом мы учитывали лишь мужское детское население. Это связано с тем, что, во-первых, женская смертность не фиксировалась, и поэтому трудно определить, скольких дочерей родила та или иная женщина в течение всей своей жизни; и, во-вторых, родители к своим 40—50 годам уже могли успеть выдать взрослую дочь замуж в другую семью, и в данном случае факт ее существования в родной семье также не просматривается по ревизским сказкам.

По Челябинскому уезду в 1816 г. на каждую женщину старше 45 лет приходится 3,9 сына. Учитывая разницу в доле мальчиков и девочек в возрастной группе до 5 лет — 13 %, мы можем примерно вычислить среднее количество дочерей, которых рожала каждая женщина в течение всей своей жизни, - 3,6. То есть башкирская женщина в начале XIX в. рожала в среднем 7,5 раза, или 7—8 живых детей. Учитывая примерно одинаковые бытовые и социально-экономические условия жизни башкирского населения по всему исследуемому региону, этот показатель мы считаем возможным распространить на все изучаемые уезды. Имея в виду тот факт, что младенческая смертность была высокой, мы можем предположить, что в среднем количество рожденных живых детей у каждой женщины было несколько больше.

В литературе XIX в. также встречаются сведения по данному вопросу. Так, Малахов, отмечая высокую смертность в детском возрасте, пишет, что башкиры не отличались плодовитостью, обыкновенно имея 3—4 детей *[Малахов*, 1887. С. 78]. Аналогичного мнения придерживался и другой исследователь жизни башкир Малиев *[Малиев*, 1876. С. 25]. Вечеслав провел сравнительный анализ с другими регионами Европейской России и государствами Западной Европы. Интересны его сведения о том, что рождаемость на территории Башкортостана в тот период была чуть выше средней рождаемости по России *[Вечеслав*, 1882. С. 17].

В возрастных группах старше 40 лет снова наблюдается постепенное возрастающее преобладание мужского населения. Так, если в возрастной группе 40—50 лет преобладание составляет 23 %, то в дальнейшем разрыв между количеством мужского и женского населения увеличивается: 51—60 лет - 29,7 %, 61-70 лет - 40,5 %, старше 70 лет - 158 %. Так, с 30 до 50 лет мужское население сократилось на 5,1 %, в то время как женское — на 8,8 %. Наименьшая женская смертность в этот период приходится на возраст 11—20 лет (убыль — 0,6 %). Вероятно, убыль женского населения после 40 лет связана с тяжелыми бытовыми условиями женского труда, а также с частыми родами, истощавшими раньше времени организм женщины. В целом, в возрасте от 40 лет и старше мужчины преобладают над женщинами в среднем более чем на 36 %. Кроме того, говоря о половозрастной структуре башкирского населения этого периода, необходимо отметить, что доля детского населения и стариков составляет в совокупности 45,6 %, т. е. основная часть населения находится в активном трудоспособном возрасте.

Анализ материалов VIII ревизии показывает следующие результаты при исследовании половозрастной структуры башкирского населения. В целом, по региону преобладает мужское население. Однако это преобладание не столь значительно — 6,6 % (в 1816 г. — 10,2 %). Наиболее существенно эта разница в количественном отношении в пользу мужчин наблюдается в возрастных группах до 20 лет — 13 %, 61—70 лет — 19 % и 71 и старше — 15 %. В зрелом возрасте — от 20 до 40 лет — доли мужчин и женщин в общей массе населения

примерно равны, и разница в ту или иную сторону составляет не более 2 %.

В возрастной группе 41—50 лет неожиданно наблюдается численное превалирование женщин (на 17 %). Кроме того, отмечается достаточно резкое сокращение мужчин в этой возрастной группе - примерно на 3,6 %, в то время как сокращение удельного веса составляет около 2 %. Мы связываем этот факт с участием основной массы мужчин данного возраста в Отечественной войне 1812 г. (так называемые циклические изменения в половозрастной структуре населения). Хотя обычно при демографическом развитии по первому типу после 40 лет наблюдается вполне объяснимое на данный исторический период снижение доли женского населения. По ревизии же 1834 г., это снижение приходится на возраст после 50 лет; разница между количеством мужского и женского населения в возрастной группе 51—60 лет составляет 7,8 %.

Старики (население старше 60 лет), по данным за 1834 г., составляют 4,2% от всего населения. При этом удельный вес женщин старше 60 лет в общей массе женского населения (4 %) ниже удельного веса мужчин старше 60 лет в общей массе мужского населения (4,4 %). Это говорит о том, что средняя продолжительность жизни женщин, по данным VIII ревизии, все же была ниже, чем мужчин.

Из табл. 11 видно, что наиболее высокая смертность наблюдалась в возрастной группе 31-40 лет, сокращение женского населения происходит в среднем на 7,2 %. По-видимому, столь неожиданное повышение смертности женщин в зрелом возрасте было связано прежде всего с условиями семейного быта, большим количеством родов и ослаблением женского организма в результате них. В то же время, несмотря на довольно высокую смертность в зрелом возрасте и более низкую, чем у мужчин, продолжительность жизни, удельный вес женщин фертильного возраста (20—50 лет) по сравнению с долей мужского населения того же возраста был выше на 3,7 %, что также положительно характеризует демографическую ситуацию данного периода.

Переходя к анализу половозрастной структуры детского населения, представленной в таблице 12, необходимо отметить, что количественно мальчики преобладали над девочками в среднем на 17,3 % (см. табл. 12).

По возрастным группам это выглядит так: 0—5 лет - на 15 %, 6—10 лет - на 18,5 %, 11—15 лет - на 20 %. В целом доля мужского детского населения 11-15 лет сократилась на 43,5 %, а доля женского детского населения сократилась на 45,7 %. Данные цифры и увеличивающийся показатель разницы в удельном весе мальчиков и девочек свидетельствуют о более высокой детской смертности среди девочек. В целом, по материалам VIII ревизии, до 11—15 лет доживало чуть больше половины детей. Учитывая повышенную младенческую смертность, часто не зафиксированную в ревизской сказке, можно предположить, что из всех живых родившихся детей доживало до 11—15 лет менее половины. Таким образом, и по данным VIII ревизии детская смертность была еще достаточно высокой.

По исследуемым материалам X ревизии (1859 г.), как и предыдущих ревизий, в целом мужское население преобладало над женским. Эта разница составляла в среднем 5,3 % (см. табл. 13).

По возрастным группам показатель разницы достигал максимальной величины в группах 51—60 лет — 38 %, 61—70 лет — 33 %, 71 и старше — 82 %.

По данным X ревизии, в возрастной группе 21—30 лет на 8,4 % количественно преобладали женщины. В возрастных группах старше 30 лет начинается постепенное возрастающее преобладание мужского населения.

Несмотря на то, что в целом удельный вес женского населения был ниже мужского, женская численность превышала мужскую только в одной возрастной группе (хотя и довольно существенно), именно этот период являлся периодом наиболее активного деторождения. Видимо, не случайно количество женщин фертильного возраста превышало по количеству мужчин в возрастной группе 20—50 лет на 2,1 %, что также являлось показателем жизнеспособности башкирского общества того периода.

Вместе с тем необходимо учитывать и высокую женскую смертность в этом возрасте. Так, по нашим данным, женское население в возрастной группе 21—30 лет сократилось на 4,3 %, а в 31-40 лет — на 4.7 % от общего количества женского населения. То есть в течение 20 лет (с 20 до 40-летнего возраста) женское население сократилось с 17,7 % до 8.7 % - в 2 раза: примерно каждая вторая женщина детородного возраста не доживала и до 40 лет.

Доля пожилых людей, по данным X ревизии, составила 4,5 % всего населения. Однако и в этот период удельный вес женщин старше 60 лет в общей массе женского населения (3,8 %) все же был ниже удельного веса мужчин старше 60 лет в общей массе мужского населения (5,3 %). То есть средняя продолжительность жизни женщин по X ревизии оставалась ниже средней продолжительности жизни мужчин.

Анализ половозрастной структуры детского населения, по данным X ревизии, также показывает численное преобладание мальчиков над девочками (на 6,8 %). По возрастным группам этот показатель разницы варьируется от 5 до 11 %. При этом доля мужского населения к 11—15 годам сократи-

Таблица 12

Возрастно-половой состав детского населения Оренбургской губернии (полукочевые башкиры) по выборочным данным VIII ревизии (1834 г.)*

" — Население	Мужское		Женское	
Возрастные группы (лет)~—	абс. знач.	%	абс. знач.	%
0-5	552	43,8	478	44,5
6-10	395	31,4	335	31,2
11-15	312	24,8	260	24,3
Всего	1259	100,0	1073	100,0

' Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 430, 4320а, 525, 566, 566а.

Таблица 13

Возрастно-половой состав населения Оренбургской губернии (полукочевые башкиры) выборочным данным X ревизии (1859 г.)*

Население	Мужское		Женское	
Возрастные группы (лет)~"'~~~-^__	абс. знач.	%	абс. знач.	%
0-10	1589	30,4	1482	29,8
11-20	1057	20,1	1 046	21,1
21-30	808	15,5	876	17,7
31-40	679	13	669	13,4
41-50	451	8,8	433	8,7
51-60	367	7	266	5,4
61-70	194	3,7	145	2,9
71 и старше	84	1,6	46	0,9
Всего	5 229	100	4 963	100

' Составленапо: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 704—706, 761, 762, 765, 767а, 772.

Таблица 14

Возрастная структура полукочевого башкирского населения Оренбургской губернии (по выборочным данным VII, VIII и X ревизий)*

'^^^^^Цозрастные группы (лет)	0-15 лет		16-60 лет		61 и старше		Всего	
Годы ревизий (номер —	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%
1816 (VI. Г)	2 325	40,7	3 079	54	294	5,3	5 698	100
1834 (VIII)	2 332	44,6	2 679	51,2	222	4,2	5 233	100
1859 (X)	4 204	41,3	5 519	54,2	469	4,5	10 192	100

* Составленапо: *ЦИАРБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 145,146,192-195, 205-207, 309, 387-390, 394, 396,430,430а, 525, 566, 566а, 704-706, 761-762, 765, 767а, 772.

лась на 39,4 % от числа родившихся, а женского за тот же период - на 39,8 %, то есть убыль среди детей обоего пола была примерно одинаковой.

Сравнение данных VIII и X ревизий показывает некоторое сокращение детской смертности: с 44,6 до 39,6 %, то есть на 5 %. Тем не менее это еще достаточно высокий показатель: более одной трети детского населения не доживало до третьей возрастной группы (11—15 лет) и в это число не входили дети, родившиеся и умершие в период между ревизиями и не зафиксированные в ревизских сказках, а наибольший процент детской смертности, как известно, приходился на возраст до 5 лет. По сравнению с другими народностями России детская смертность у башкир была ниже, хотя количественно и оставалась еще достаточно высокой. Такую разницу в смертности детей у башкир и русских Никольский обусловливал различием во времени и в способах прикармливания детей, в различии веками сложившихся привычек и традиционного ухода за детьми, условий труда башкирки и русской [*Никольский*, 1899. С. 193-194]. Наименьший

процент смертности среди детей до 1 года приходится на возраст 1—3 месяца (8,6 %), а наибольший — на возраст 6—12 месяцев (56,1 %) *[Никольский*, 1899. С. 193—194]. Аналогичные данные привел другой исследователь М.В.Птуха. По его данным, в башкирском населении до 5 лет доживало 61,5 % мальчиков и 64,1 % девочек *[Птуха*, 1928. С. 23, 30, 37].

Ко времени X ревизии доля детского населения была достаточно высокой и составляла 41,2 % от всего изучаемого населения, что является показателем как высокой рождаемости в регионе, так и жизнеспособности изучаемого общества. Несколько снизился этот показатель во второй половине XIX в. и составил, по данным Никольского, 40,2 % от общего числа населения, но оставался еще достаточно высоким *[Никольский*, 1899. С. 24].

В целом, исходя из анализа материалов X ревизии, можно констатировать численное преобладание мужского населения над женским, высокий процент женщин фертильного возраста, высокую долю детского населения и низкую пожилого, некоторое снижение общей детской смертности в старших возрастных группах по сравнению с данными VIII ревизии, но увеличение ранней детской смертности; более короткую среднюю продолжительность жизни женщин.

Исходя из данных сводной табл. 14 видно, что, по данным VII, VIII и X ревизий, возрастная структура башкирского народа на протяжении первой половины XIX в. по типологии демографа Г. Зундберга соответствует типу *прогрессивная* (доля молодых превышает 40 % от общего числа населения) (см. табл. 14).

Так, по VII ревизии, эта доля составляет 40,7 %, по VIII — 44,6 %, по X — 41,3 %. То есть структура населения была демографически молодая. Кроме того, сравнительный анализ данных всех рассматриваемых ревизий показывает, что в 1816г. была несколько выше доля стариков - 5,3 % (по другим ревизиям 4,2 % и 4,5 %). Видимо, это также связано с повышенной смертностью в зрелом возрасте среди мужчин в период 1812—1815 гг. и несколько пониженной рождаемостью (доля молодого населения ниже по сравнению со следующими ревизиями - 40,7 %, по ревизии 1816 г., и 44,6 % и 41,3 %, по ревизиям 1834 и 1859 г.

Анализ половозрастной структуры населения на протяжении первой половины XIX в. показывает сохраняющееся численное преобладание мужского населения над женским: в среднем на 5-10 % по всем изучаемым уездам. Это преобладание сохраняется на протяжении всего исследуемого периода. Тем не менее в возрастных группах 20—40 лет обычно наблюдается некоторое количественное преобладание женщин, что, на наш взгляд, способствует сохранению в этот период такой пережиточной формы брака, как полигамия.

Для половозрастного состава характерно некоторое преобладание в детско-юношеском возрасте мужского населения, значительный удельный вес детей и невысокий - стариков. Такой возрастной состав, скорее всего, должен быть характерен для населения с высокой рождаемостью, короткой средней продолжительностью жизни и большой смертностью. Можно предположить, что высокая смертность в активном трудовом возрасте, вытекающая из убывания доли мужского и женского населения начиная уже с 30—40 лет, была обусловлена быстрой изнашиваемостью организма человека, связанной с постоянным недоеданием, антисанитарными условиями жизни, отсутствием медицинской помощи, непосильной работой с раннего детства.

В целом динамика половозрастной структуры башкир на протяжении первой половины XIX в. показывает ухудшение общего положения полукочевого башкирского населения: повышение детской смертности в возрасте до 5 лет, уменьшение общей доли лиц детского возраста; увеличение женской смертности в возрасте 30—40 лет, что, вероятно, также повлияло на несколько пониженную рождаемость и общее снижение доли молодого населения. Таким образом, введение кантонной системы управления и политика правительства по переводу полукочевых башкир к оседлости и земледелию привели к разрушению многовекового хозяйственного уклада и общему ухудшению социально-экономического положения южных и юго-восточных башкир, что непосредственно отразилось на демографическом состоянии изучаемого общества. Необходимо отметить, что по всем ревизиям молодое население (до 20 лет) составляет более 50 %. Этот показатель, а также высокий удельный вес женщин фертильного возраста на протяжении всего изучаемого периода говорят о жизнеспособности башкирского общества.

БАШКИРСКИЕ ЧИНОВНИКИ: ВЕРТИКАЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

В период кантонной системы управления башкирское и мишарское население было разделено на административные единицы - кантоны. Во главе кантонов стояли кантонные начальники, выбираемые из башкирского и мишарского населения. Функцией управляющих кантонами являлось исполнение распоряжений, предписаний и указов вышестоящих властей, для чего они были наделены большими правами в военной, политико-административной, судебно-полицейской и хозяйственной областях. Все распоряжения по военной

Башкир. Неизвестный художник. Рисунок. Начало XIX в.

службе: составление и предоставление губернатору ведомостей о числе чиновников, представителей духовенства, количестве башкирских и мишарских дворов, обеспечение очередного набора служащих на линейную службу, а также назначение соответствующего количества походных чиновников — входили в число их обязанностей. Они же наблюдали за выполнением государственных и земских повинностей, сбором налогов с жителей своего кантона, а также следили за процессом продажи и сдачи в аренду башкирских земель.

Замещение должности кантонного начальника формально проходило внутри кантонов с последующим утверждением оренбургским военным губернатором. Выборы управляющих производились баллотировкой (голосованием) шарами в присутствии представителей земского суда, в обязанности которых входило наблюдение за тем, чтобы к выборам допускались чиновники только «беспорочного поведения, расторопные, знающие русскую и татарскую грамоту». Кроме того, лицам, состоящим под судом, не разрешалось выставлять свою кандидатуру. Следует отметить, что в 1798 г. выборы не практиковались, и первые кантонные начальники были назначены военным губернатором.

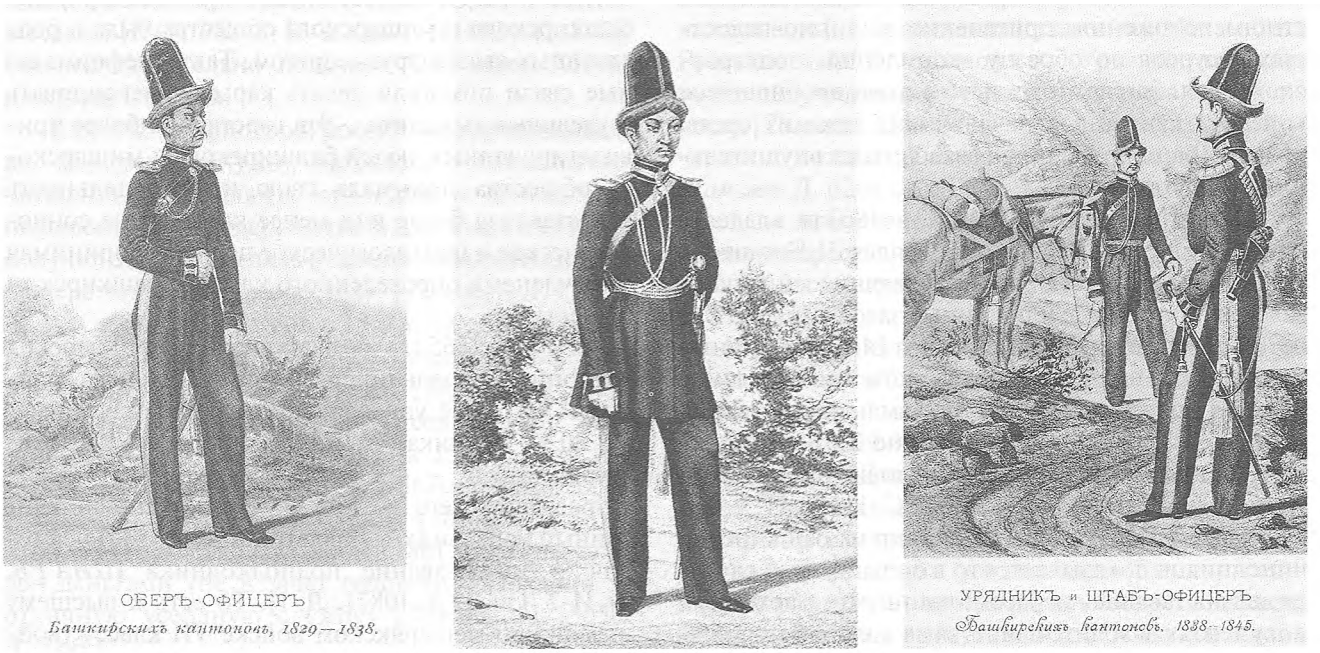
Для производства текущих дел в кантонах были учреждены штаб-квартиры, заведены журналы входящих и исходящих бумаг и шнуровые книги для записи собираемых с народа денежных налогов. По указу 1798 г. кантонным начальникам разрешалось иметь одного-двух помощников, количество которых зависело от территории кантона, и двух чиновников в должности писарей. Сверх того, кантонным начальникам было положено «для посылок по службе» иметь двух вестовых из числа отставных, малоспособных к службе юношей.

Сами кантоны были разделены на юрты, включавшие в себя группы деревень. Во главе юрт стояли юртовые старшины, непосредственно подчиняющиеся кантонному начальнику. Они были назначаемы управляющим кантоном из числа нескольких кандидатур, выбранных чиновниками от каждой юрты. Главной обязанностью юртового старшины была организация и отправка два раза в год команд на линейную службу из числа казаков-очередников подчиненных ему деревень. Кроме того, они руководили сбором налогов, следили за выполнением государственных и денежных повинностей. В целом, на юртовых старшинах лежали те же функции, что и на кантонных начальниках, только в пределах вверенных им юрт.

Кроме чиновников внутреннего управления кантонов, имелись чиновники военной и рабочей службы. При 100 и менее служащих в юрте назначались походный есаул, сотник и хорунжий, при 200 служащих — походный старшина и сотник за квартирмейстера, при 500 служащих — дистаночный начальник [*Навеки*... 2007. С. 182]. В их обязанности входили сопровождение и контроль за наряженными башкирами во время командирования на службу.

Чиновничество в Башкирском войске подразделялось на действительное и внештатное (заурядчиновники). К действительным относились армейские (подпрапорщик, прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник) и казачьи (урядник, хорунжий, сотник, есаул и т. д.) офицеры. Башкирам чаще всего присваивались заурядчины, т. е. они были временно исполняющими обязанности армейских или казачьих чинов (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, заурад-есаул и т. п.).

Введение кантонной системы управления привело к четкому структурированию правящей господствующей элиты у башкир. На смену сложному переплетению формальных (тарханы, бии, старшины) и неформальных (батыры) лидеров, чьи права и обязанности не были четко разграничены, пришла юридически оформленная система местных государственных чиновников. Прежняя родоплеменная башкирская «знать» была либо уничтожена (переведена в состав рядовых общинников), либо вошла в новую кантонную элиту. Но теперь ее благосостояние, права на сохранение должности, перспективы продвижения по служебной лестнице полностью зависели не от традиционной башкирской общины, а от вышестоящей русской администрации. В этом заключалось принципиальное отличие кантонной верхушки от башкирских старшин, назначавшихся властью после 1730-х гг. Последние, хотя и контролировались государст-



Башкиро-мещеряцкое войско. Обер-офицер башкирских кантонов. 1829—1838 гг. Урядник и штаб-офицер башкирских кантонов. 1838—1845 гг.; Обер-офицер башкирских кантонов. 1845—1855 гг. А. В. Висковатов. Литография. Вторая половина XIX в.

венным аппаратом, но по-прежнему являлись частью традиционного общества.

Созданные управленческие структуры башкирских и мишарских кантонов составляли низовое звено единого военного общероссийского чиновничества. Успешная карьера могла привести к получению офицерских званий и даже включению в потомственное дворянство.

При подборе кандидатур на должности кантонных начальников учитывалось происхождение претендентов. Например, все кантонные начальники, назначенные на этот пост в 1798 г., были выбраны из юртовых старшин (кроме начальника 8-го башкирского кантона капитана Аксулпанова, который ранее был полковником 3-го Башкирского полка), власть которых чаще всего носила наследственный характер. Учитывалось материальное положение, грамотность, а также успехи на военной службе претендентов. Например, начальник 5-го башкирского кантона Абдюк Чептаряков еще в 1771—1773 гг. участвовал в Польском походе, где за заслуги был награжден генерал-майором князем Урусовым званием походного старшины и саблей. В апреле 1774 г. Абдюк Чептаряков принимал участие в подавлении Пугачевского движения.

Нередко кантонные начальники выбирались из влиятельных кланов прежней родоплеменной элиты, на деле доказавших преданность царскому правительству во время народных волнений. Так, начальник 7-го башкирского кантона Ишали Якупов во время Пугачевского восстания сражался на стороне правительственных войск и участвовал в обороне Уфы. После подавления восстания он был награжден серебряной медалью [*Таймасов*, 2000. С. 214].

Позже важное значение для успешной карьеры служащего Башкиро-мещерякского войска вплоть до претензии на должность кантонного начальника стало играть официальное (российское) светское или военное образование, как и для всего остального гражданского и военного чиновничества империи. При этом национальная элита оставалась в рамках традиционной мусульманской духовной традиции, выступая своеобразным связующим звеном между культурными «мирами» Запада и Востока.

Жалованье башкирское чиновничество начало получать, скорее всего, после образования Башкиро-мещерякского войска (1834 г.), оно было сравнительно небольшим, например, по сведениям за 1840 г., жалованье кантонных начальников составляло 185 руб. 90 коп. в год [*Законы...* 1999. С. 335].

Хозяйство кантонных начальников держалось на собственном подворье (и предпринимательской деятельности, крайне редко - на труде крепостных), а также за счет небольшого казенного жало-

ванья. Но своеобразным источником «первоначального накопления» для создания крупного хозяйственного комплекса являлось нередко использование (злоупотребление) своего должностного положения, присвоение общинно-волостных ресурсов по образцу «кормления» допетровской Руси. За счет этих источников пробившиеся к власти кантонные начальники, даже из среды рядовых башкир, быстро обзаводились внушительным хозяйством.

По архивным данным, в 1834-1863 гг. владельцами мукомольных мельниц являлся 31 % кантонных начальников. Также управляющие кантонами заводили поташные или конные заводы (около 7 % от общего количества). Около 14 % кантонных начальников имело в собственности землю. Несмотря на запрет дворянам из мусульман обладать крепостными крестьянами, примерно 2% кантонных начальников из дворянского сословия владели ими *[Романович-Славатинский*, 1870. С. 111].

Анализ жалоб рядовых башкир на башкирских чиновников показывает, что в большинстве случаев дела оставались нерассмотренными, в архивных документах находится лишь сама жалоба без каких-либо следственных материалов, нет речи о привлечении виновных к суду. Удельный вес таких дел, по нашим подсчетам, составляет около 73 %. Из рассмотренных судом жалоб виновные были оправданы в 21 % случаев. По всей видимости, виновные откупались от суда и наказаний, многие кантонные начальники и юртовые старшины находились под судом по 10—15 и более раз, но им всегда удавалось избежать наказания.

Если до 1836 г. башкирские и мишарские кантонные начальники подчинялись непосредственно оренбургскому военному губернатору, а их деятельность в кантоне (судебная, хозяйственная, налоговая и пр.) была практически неконтролируемой, то созданные позднее промежуточные звенья в системе управления войском (канцелярия командующего войском, попечители, стряпчие) установили более действенный контроль за башкирским и мишарским чиновничеством, что должно было уменьшить масштаб злоупотреблений кантонных начальников. Более важные дела переходили от них к возникшим новым управленческим звеньям. Например, разбор уголовных дел о краже и мошенничестве в размерах до 15 руб. серебром по указам от 27 октября и 24 декабря 1841 г. относился к компетенции попечителей, и лишь незначительные кражи (в сумме до 5 руб. серебром) остались в ведении кантонных начальников. В остальном же права и обязанности кантонных начальников сохранялись прежними.

Важным показателем формирования устойчивой социальной прослойки национальной элиты являются семейные, родственные связи. С их помощью можно было добиться должности и удержаться у власти. Не случайно, что многие кантонные начальники часто брали себе в жены дочерей чиновников. Практически вся войсковая верхушка башкирского и мишарского общества была в родственных связях друг с другом. Такие неформальные связи помогали делать карьеру, накапливать и увеличивать капитал. Эта горстка наиболее привилегированных людей башкирского и мишарского общества понимала свою исключительность и составляла более или менее компактное социологическое и психологическое целое, воспринимая себя членами определенного класса в башкирском обществе.

В 1798-1865 гг. из башкирских и мишарских кантонных начальников в чине войскового старшины было 9 % управляющих, звание есаула имели 30%, сотника — 16,4%, хорунжего — 15%, зауряд-есаула — 4,5 %, зауряд-сотника — 11 %, зауряд-хорунжего - 13,5 %. Единственный кантонный начальник — Давлетшин Абдулла Давлетович — имел звание подполковника *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 10871. *Л.* 1]. То есть к высшему в Башкиро-мещерякском войске VII классу (войсковой старшина) относилось менее $У_{10}$ части кантонных начальников. Около $У_3$ управляющих кантонами дослужились до есаула или сотника с хорунжим. Обратим внимание, что 29 % кантонных начальников (менее 7_3) носили зауряд-чины (что означало временное исполнение должности). Этническая элита в Башкиро-мещерякском войске на 60 % состояла из младших и зауряд-офицеров, не выше армейского поручика. Лишь меньшая часть кантонных начальников сумела подняться по служебной лестнице достаточно высоко. Внутри башкирского общества эти чины имели определенное значение как показатель значимого социального статуса, но в сравнении с российским чиновничеством (офицерским корпусом, гражданскими служащими), а также знатными помещиками-дворянами они находились в нижней части привилегированных сословий.

Верная, ревностная служба открывала башкирским чиновникам возможности для быстрого карьерного роста и получения чинов. Например, начальник 3-го башкирского кантона Давлетша Бекметьев вступил в службу в 1807 г. Через семь лет, в 1814 г. (10 июня), за «хорошее поведение» его назначают помощником юртового старшины, а спустя всего пять дней (15 июня) он становится юртовым старшиной. В январе 1815 г. «за усердие по службе и хорошее поведение» Бекметьев получает должность помощника кантонного начальника, а в 1818 г. он достигает «вершины» карьеры, становится кантонным начальником. За десять лет Бекметьев проходит путь от рядового до управляющего кантоном и «за усердие по службе» в 1819 г.

получает четырнадцатый классный чин хорунжего. «По высочайшему повелению за отличный подвиг» в преследовании 33 беглых разбойников в 1827 г. Бекметьев был произведен в сотники, а в 1835 г. - в есаулы *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4024. *Л.* 1-3]. Он последовательно получает XTV, затем XII и, наконец, IX чины.

Как и всех офицеров, российское правительство за верную службу награждало башкирских чиновников медалями, орденами и денежными подарками. Например, Абдулла Давлетшин в 1856 г. получил золотую медаль в память «о коронации его императорского высочества» *[Там же.* *Д.* 15023. *Л.* 2], Саитбагал Юнусов в 1853 г. за долговремен-

ную и усердную службу был награжден золотой медалью на Аннинской ленте *[Там же.* *Д.* 4320. *Л.* 2 об.]. В 1858 г. Исматил Гупеев получил Знак отличия беспорочной службы за 15 лет *[Там же.* *Д.* 15005. *Л.* 1 об.], Лукман Ибрагимов имел золотую медаль за усердную службу *[Там же.* *Д.* 4673. *Л.* 1], а Мухамедьяр Султанов в 1861 г. был награжден деньгами «не в зачет годового жалования за отличную усердную службу» *[Там же.* *Д.* 15050. *Л.* 2 об.].

Некоторые из чиновников за ревностную службу удостаивались особо ценных подарков. Так,

Мухаметшариф Султанов в 1839 г. был на военных маневрах близ с. Бородино, где по повелению императора Николая I был награжден золотыми часами *[Там же.* *Д.* 14829. *Л.* 3]. Мухаметрахим Султанов за усердную службу получил бриллиантовый перстень *[Там же.* *Д.* 3726. *Л.* 2].

Часть поощрений военное национальное чиновничество получало за какие-либо конкрет-

ные заслуги, например, за исполнение полицейских функций, розыск бродяг, разбойников или фальшивомонетчиков. Например, Абдулбасыр Сафаров за поимку беглеца Мухтара Мухаметрахимова получил благодарность от генерал-губернатора В.А.Перовского *[Там же.* *Д.* 3726. *Л.* 2]. Мухаметрахим Султанов «за открытие деятелей фальшивых ассигнаций» получил золотую медаль с надписью «Заусердие» *[Там же.* *Д.* 988. *Л.* 1 об.].

Многие из чиновников, как представители военного сословия, принимали участие в войнах,

которые вела Российская империя в XIX в. Например, в Отечественной войне 1812 г. сражался с неприятелем Валит Лачинов, а за взятие Парижа он удостоился серебряной медали *[Там же.* *Д.* 14615. *Л.* 38 об.]. В первом Хивинском походе 1839 г. участвовали кантонные начальники Абдулла Давлетшин («за труды в этом зимнем походе» награжден чином зауряд-хорунжего и 95 руб. серебром) *[Там же.* *Д.* 15023. *Л.* 2], Абдулла Кучуков (получил чин сотника и 35 руб. серебром) *[Там же.* *Д.* 15019. *Л.* 2], Хабибулла Канчурин (повышен до чина хорунжего, ему было выдано 35 руб. серебром) *[Там же.* *Д.* 14852. *Л.* 2].

Нередко башкирская элита принимала активное участие в подавлении внутренних социальных выступлений. Управляющий кантоном Мухаметша Рустанов в 1837 г. усмирял в г. Уральске казаков, за что получил от корпусного командира благодарность *[Там же.* *Д.* 14651. *Л.* 2 об.]. Кутлуахмет Бикчурин и сотенный командир Адулхаир Шаимов *[Там же.* *Д.* 6266. *Л.* 153] в 1843 г. решительно действовали при расправе с бунтующими государственными крестьянами в Челябинском уезде, за что первый был награжден 50 руб. серебром *[Там же.* *Д.* 15165. *Л.* 2].

В 1825 г. на севере и северо-востоке Башкортостана вспыхнули массовые волнения русских крестьян и тептярей, в которых активное участие приняли 2, 4, 8 и 10-й башкирские, 3-й и 4-й мишарские кантоны. Для усмирения восставших губернатором Перовским были собраны 1 тыс. человек из башкир самых многолюдных и воинственных 6-го и 9-го кантонов (южная часть Башкортостана). Эти башкиры, по признанию современников, «оказали против возмутившихся земляков своих презрение и ожесточение, которое не скоро изгладится из памяти народной и надолго останется преградою для взаимного соединения всех башкир в каком либо общем деле» *[РГВИА.* Ф. 405. Оп. 6. *Д.* 694. *Л.* 32 с об.]. А кантонный начальник Хасан Биишев за участие в усмирении этого волнения был награжден 300 руб. серебром *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4672. *Л.* 1 об.]. Участие военных отрядов башкир в подавлении социального протеста в соседних башкирских кантонах являлось своеобразным свидетельством окончательного уничтожения остатков племенной солидарности, несмотря на общие религиозные и национальные признаки.

Вершиной социальных «притязаний» башкирских и мишарских чиновников было получение дворянства и переход в привилегированное, «благородное» сословие Российской империи, что открывало большие возможности для успешной карьеры детей и прочного материального положения.

Общероссийской тенденцией XVIII в. явилось включение в состав российского дворянства так называемых инородцев. Инкорпорация (вхождение) последних в состав привилегированного сословия стала следствием территориального расширения и поступательного развития России. В российское благородное сословие исторически были включены представители или целые группы инородных элит: остзейское рыцарство, польские магнаты и шляхта, украинская казачья старшина, бессарабские бояре, грузинские тавады и азнауры ит. д. *[Корелин*, 1979. С. 44]. Дворянское сословие Российской империи вследствие этого было неод-

нородным по своему национальному составу. Однако вхождение инородцев в высшее сословие происходило разными путями и на различных основаниях.

Ко времени присоединения к России фундамент имущественно и социально дифференцированной пирамиды башкирского общества составляла основная масса рядовых башкир-общинников. На вершине пирамиды располагалась привилегированная родоплеменная знать: бии, баи, батыры, дуваны, князья, мурзы, тарханы и духовенство. Со временем бии пополнили ряды князей имурз *[Акманов*, 1981. С. 42; *История...* 1996. С. 197; *Асфандияров*, 2006а. С. 21—22; *Бикбулатов*, *Юсупов*, *Шитова*, *Фатыхова*, 2002. С. 179]. Последние, в свою очередь, наряду с другими вышеперечисленными высшими социальными слоями в башкирском обществе в конце XVII — первой половине XVIII в. пополнили и развили только тарханскую группу *[Асфандияров*, 2006а. С. 27]. Особую социальную группу составляло зависимое население: байгуши, саунщики, туснаки, ясыри и др. Дворян же «из башкир» в указанный период не было.

История дворян из башкир ведет свой отсчет с последней четверти XVIII в., с жалованной Екатериной II21 апреля 1785 г. «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (далее: Жалованная грамота) *[Полное...!* Т. 22. № 16187].

Если татарские князья и мещерякские мурзы на основании Указа Сената от 22 февраля 1784 г. «О дозволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» *[Там же*. № 15936] вошли в состав российского дворянства, то башкирские тарханы, издавна относившиеся к родовой верхушке и являвшиеся в сложившейся ситуации главными претендентами на дворянство, в новых условиях юридически не были приравнены ни к одному из видов дворянства. На политике правительства сказалось участие башкирских тарханов и старшин в восстаниях башкирского народа и в Крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева *[Кульшарипов*, 2003. С. 43; *Ильясова*, 2010. С. 18]. В связи с отменой уплаты ясака в 1754 г. тарханы потеряли свое былое значение, не получив каких-либо прав и привилегий, а присвоение тарханства с указанного времени было прекращено *[Асфандияров*, 2006а. С. 97-99; 2005. С. 148-149].

Лишившись своих привилегий, тарханы добивались уравнения своего положения с русским дворянством. Об этом свидетельствуют сохранившиеся ходатайства тарханов. Так, в 1824 г. старшины Акбулат Бикбов и Валий Туманчин, урядники Аллаберда Иткустин и Мухаметфаиз Ижбаев, служащие 9-го башкирского кантона Оренбургского уезда, подавали прошения на имя императора с приложением копий документов, в которых, «доказывая происхождение родов своих из князей и тархан», «просили о возведении некоторых из них в дворянское, а других в княжеское достоинство» *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 574. *Л*. 1-2; *Асфандияров*, 2006а. С. 96; *Янгузин*, 1997. С. 69]. Но Сенат отказал: «по Указу 22 февраля 1784 г. повелено только признавать в дворянском достоинстве князей и мурз татарского происхождения, сумевших доказать свое происхождение», что «соровняться российскому дворянству до него, хотя бы он и природовой тархан был, никак не подлежит» и что «права тархан заключаются, что они должны оставаться на правах прежних всебашкирского сословия и службу отправлять наравне с прочими башкирцами» *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 574. *Л*. 8-8 об.]. Еще ранее в 1813 г. Сенат предписал Оренбургскому собранию, что в дворянской грамоте и в других узаконениях нет постановления, чтоб тарханов по доказательствам их вносить в дворянскую родословную книгу, «а только велено указом Сената 1734 г., чтобы тарханы за службы и их детям, кои служить могут, записываться в Уфимской канцелярии в тарханскую книгу» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 5550. *Л*. 7; Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 574. *Л*. 8; *Асфандияров*, 2006а. С. 96]. В 40—50-е гг. XVIII в. в силу объективных причин институт тарханства был ликвидирован *[Асфандияров*, 2006а. С. 97-99; 2005. С. 250]. С 1845 г. потомки наследственных тарханов («тарханские дети») были наряду с рядовыми башкирами обложены налогами, а с 1865 г., с отменой кантонной системы управления, перешли в податное сословие *[Бикбулатов*, *Юсупов*, *Шитова*, *Фатыхова*, 2002. С. 181].

Таким образом, коренным жителям Башкортостана — представителям местной национальной элиты (биям, тарханам, князьям и др.) не было предоставлено Екатериной II права быть уравненными с русскими дворянами, и для них оставался лишь один способ получения дворянства — выслуга.

По действовавшему в Российской империи законодательству все дворянство еще со времен Петра I подразделялось в зависимости от происхождения и степени заслуг на потомственное (передававшееся по наследству) и личное (пожизненное) *[Свод...* 1842. Т. 9. Ст. 15; *Дворянские...* 1993. С. 21; *Корелин*, 1979. С. 24].

Потомственное и личное дворянство в России до начала XX в. приобреталось тремя путями:

1) пожалованием его по особому усмотрению самодержавной власти;

2) достижением определенного чина на действительной службе;

3) в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами.

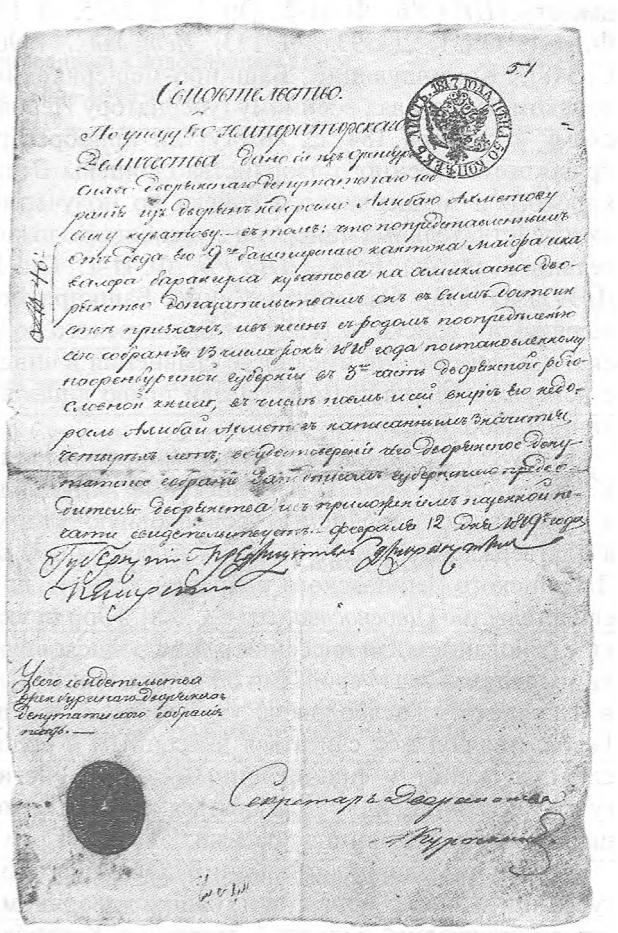
Также в потомственном дворянстве могли быть признаны потомки особо отличившихся личных дворян и именитых граждан (до начала XX в.).

Башкиры могли приобрести дворянство вышеуказанными способами, однако пути получения ими прав высшего состояния были значительно усложнены.

В 1785-1845 гг. в потомственном дворянстве признавались башкиры, получившие действительные армейские чины (прапорщика, корнета, подпоручика и др.) до издания манифеста от И июня 1845 г., с Высочайшего утверждения [*Положение*.... Примеч. к ст. 1; *Свод*... 1857. Т. 9. Ст. 24; *ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 12598. *Л*. 9; *Асфандияров*, 2005. С. 193]. После издания манифеста от 11 июня 1845 г. и до издания указа от 9 декабря 1856 г. — получившие действительный чин войскового старшины (штаб-офицерский чин, приравненный к чину майора регулярных войск) за «военные подвиги» *[Положение*... Примеч. к ст. 1; *Свод*... 1857. Т. 9. Ст. 24; *ЦИАРБ*. Ф, И-2. Оп. 1. *Д*. 12598. J1. 9]. После издания указа от 9 декабря 1856 г. — все, дослужившиеся до чина полковника. Армейские офицерские звания башкирам стали давать сразу после Крестьянской войны *[РГАДА*. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 516. Ч. 3. *Л*. 156; *Гвоздикова*, 1999. С. 189].

На гражданской службе выслужить право на потомственное дворянство башкиры могли на общих основаниях, т. е. до издания Манифеста 11 июня 1845 г. достижением чина VIII класса (коллежского ассесора, так называемое осьмиклассное дворянство), после 11 июня 1845 г. — чина V класса (статского советника), после 9 декабря 1856 г. — чина IV класса (действительного статского советника) *[Жалованная*... Ст. 79; *Полное*... II. Т. 20. № 19086; Т. 30. № 31236; *ГАОО*. Ф. 6. *Д*. 12051. *Л*. 18; *Свод*... 1857. Т. 9. Ст. 19].

В вопросе приобретения башкирами прав потомственного дворянства в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами было установлено ограничение: Указом от 6 мая 1831 г. было запрещено причислять к потомственному дворянству чинов Башкиро-мещерякского войска, награжденных какими-либо орденами. В Указе от 6 мая 1831 г. и в статуте ордена Св. Станислава от 28 мая 1839 г. специально оговаривалось, что «чины Башкиро-мещерякского войска с пожалованием ордена не приобретают права потомственного дворянства», а пользуются лишь правом личного дворянства *[Полное*... II. Т. 6. № 4547; Т. 14. № 12385; *Свод*... 1857. Т. 9. Ст. 49; *ГАОО*. Ф. 6. Оп. 11. *Д*. 800. *Л*. 10]. Более того, указом от 6 мая 1831 г. велено было, «как у башкирцев существует многоженство и законность наследства мало или вовсе не подходит под общие правила, то дабы не подать повода к домогательству на право дворянства детям их, рожденным по получении



Свидетельство на дворянство, выданное Оренбургским дворянским депутатским собранием Алибаю Ахметовичу Куватову 12 февраля 1819 г. Фото.

отцом ордена, грамоты на оные возвращать в Капитул» *[Полное*... II. Т. 6. № 4547; *ЦИАРБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 393а. *Л*. 133; *ГАОО*. Ф. 6. Оп. 11. *Д*. 800. *Л*. 10; *Асфандияров*, 2005. С. 147]. Еще в мае 1808 г. указом Сената было приказано присылать в Военную коллегию грамоты умерших или пропавших без вести личных дворян *[Полное*... II. Т. 30. № 23049; *Асфандияров*, 2005. С. 147].

Личное дворянство присваивалось башкирам, получившим действительные офицерские казачьи (хорунжий, сотник, есаул, урядник) и классные чины (XIV класса), а до 1832 г. и получившим зауряд-чин *[Полное*... II. Т. 14. № 12385. § 79; *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 462. *Л*. 3—3 об., 8]. В Указе Сената от 5 июля 1828 г. за № 4805 констатировалось: «...о отзыву бывшего Военного Министра, находящиеся в казачьих войсках офицеры магометанского исповедания пользуются дворянством только сами, а дети их по общему, издревле существующему порядку записываются наравне с казачьими детьми и начинают службу казаками, и следовательно никаких преимуществ до того времени не

имеют» *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7375. *Л.* 17; Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 393а. *Л.* 133; *История...* 1996. С. 348]. Командующий Башкиро-мещерякским войском рапортовал военному губернатору Перовскому 4 октября 1841 г.: «Могут ли приобретать право потомственного дворянства офицеры Башкирского и Мещерякского войска по получении ими действительных чинов, на то особого положительного закона нет» *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 393а. *Л.* 133]. Офицерские чины Башкиро-мещерякского войска (с 1855 г. — Башкирского войска) как войска, «не имеющего сравнения в чинах с войсками регулярными», давали право лишь на личное дворянство.

С 1785 г. юридическим фактом причисления к дворянству становится внесение индивида в губернскую дворянскую родословную книгу, а подтверждением этого факта — выданная ему из Дворянского депутатского собрания грамота или свидетельство *[Двоеносова*, 2004. С. 88]. Юридическим основанием для внесения рода в родословную книгу являлся указ Герольдии об утверждении рода в дворянстве. Только после утверждения указом Герольдии род мог считаться внесенным в родословную книгу и причисленным к дворянству губернии, а индивид — пользоваться соответствующими званию дворянина правами.

Судя по дворянской книге Оренбургской губернии, в 1793 г. первыми из башкир дворянами зарегистрированы полковой старшина Кучербай Акчулпанов и его сын Аралбай *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7375. *Л.* 3-4]. С этого времени до 40-х гг. XIX в. в книгу регистрации дворянского рода были внесены еще лишь 11 башкир, которые проходили службу в Башкиро-мещерякском войске и принадлежали к высшим чиновничьим слоям, а также кантонным начальникам. Так, в родословную книгу дворян Оренбургской губернии были внесены 13 марта 1796 г. юртовой старшина и поручик Абзелиль Султанов с сыновьями Абдулсатаром и Абдулсафаром *[Там же.* Ф, И-1. Оп. 1. *Д.* 1200. *Л.* 60], 10 июля 1802 г. - кантонный начальник Нигаметулла Кийков (Кииков) с сыновьями *[Там же.* *Д.* 393а. *Л.* 67-67 об.], 13 июня 1818 г. - майор и кавалер Бурангул Куватов с четырьмя женами и сыновьями *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7375. *Л.* 4], 28 января 1823 г. - подпоручик Асылгузя Бакиров с сыновьями *[Там же.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 531. *Л.* 8], 27 февраля 1829 г. - полковой хорунжий и кантонный начальник Давлеткул Мурзаев с четырьмя женами *[Там же.* *Д.* 923. *Л.* 16], 11 декабря 1831 г. - полковой сотник и кантонный начальник Шагингирей Ногайбаков с женой *[Там же.* *Д.* 1097. *Л.* 13], в 1832 г. - майор Баязит Султанов с сыновьями и внуками *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1.*Д.* 7375. *Л.* *ЖРГИА.Ф.* 1343.Оп. 29.*Д.* 7835. *Л.* 3], а также его брат сотник и кантонный начальник Мухаметрахим Абзелилович с женой и детьми *[РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 27; *ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 1200. *Л.* 60], 9 января 1834 г. - отставной подпоручик и кавалер Ибрагим Бекчурин с женами, детьми и внуками *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1.*Д.* 1331. *Л.* 9], а также другие лица, упомянутые в таблице 15.

В 1845—1863 гг. ни один башкирский род не был признан в дворянстве. Связано это было с подготовкой Положения о башкирах. Лишь с изданием Положения о башкирах от 14 мая 1863 г. на его нормативной базе возобновилось признание башкир, выслуживших потомственное и личное дворянство по чинам до издания данного Положения.

Законодательство предоставило «российскому природному обывателю» самому решать вопрос 0 вхождении в «благородное» сословие и выступать с инициативой по возбуждению связанных с ним юридических процедур. И было немало башкир, достигших «приносящих» потомственное дворянство чинов, но по тем или иным причинам не записанных в родословные книги. В их числе У. И. Абдрезяков, И.А.Карачев, Х.К.Кучербаев, А.У.Узенбаев, КИ.Ишимгулов и М.Е.Бузыкаев (см. табл. 16).

Дворяне-башкиры главным образом были представлены личным дворянством. Мы приводим далеко не полный список личных дворян Уфимской и Оренбургской губерний 1785—1917 гг. в таблице 17.

В вопросе численности дворян из башкир источниковая база недостаточно репрезентативна. В 1850 г., согласно «Табели о народонаселении Башкиро-мещерякского войска», в Башкортостане числилось 580 дочерей потомственных дворян из башкир *[Там же.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 6959. *Л.* 19-29]. На основании этого уместно предположить, что число потомственных дворян-башкир со всеми членами их семей в середине XIX в. было порядка 1 тыс.

Основной сословной привилегией дворянина было право владеть поместьями и крепостными крестьянами *[Жалованная...* Ст. 26; *Свод...* 1857. Т. 9. Ст. 208]. Однако вотчинное право башкир на свои земли определило специфику башкирского землевладения и землепользования.

Башкирские дворяне, в отличие от русских и татарских, не жаловались поместьями и могли покупать только незаселенные земли, им запрещалось «иметь в крепостном своем обладании христиан» *[Свод...* 1857. Т. 9. Ст. 215]. Лишь некоторые потомственные дворяне из башкир владели дворовыми людьми, крестьянами-мусульманами. По имеющимся данным, крепостных крестьян имели только Султановы и Шарыповы. Так, Мухаметрахим Абзелилович Султанов, имел в начале XIX в. дворовых людей 12 душ *[РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 34]. Его сын, начальник 11-го кантона Шайхиль-

Таблица 15

Потомственные дворяне-башкиры, записанные в родословные книги Оренбургской губернии в 1785-1840-е гг.*

Дата Определения дворянского депутатского собрания о внесении в родословную книгу	Дата и номер Указа Департамента герольдии Сената об утверждении в дворянстве	Дата и номер грамоты на дворянство	Имя, отчество, фамилия	Часть дворянской родословной книги	Номер внесения
14.02.1793	26.05.1869, № 1792	14.02.1793	Кучербай Уметбаевич Акчулпанов с сыном Аралбаем	2	1
13.03.1796, 11.07.1832, 16.06.1844, 26.05.1849	18.04.1850, № 3004, 22.02.1851, № 1272		Абзелиль Султанов с сыновьями Абдулсатаром, Абдулгафаром, Мухаметрахимом, Абдулгафаром, Мухаметрахимом, Баязитом[1], Мухаметьяном, Мухаметгареем, внуками и правнуками	2	15
10.07.1802	1870, № 6766	25.11.1802, №287	Нигаметулла Шарипович Кийков (Кииков) с сыновьями Габидуллой, Мухаметшой, Мухаметшарифом и Девлетшой	2	7
13.06.1818	14.12.1860, № 10384- Определение не было утверждено	12.02.1819, № 455	Бурангул Куватович Куватов с 4-мя женами Кызбикой, Юлдашбикой, Алданой и Туйбикой, сыновьями Галиахметем, Сахдиваном, Рысмухаметем, Мухаметем, Губейдуллой, Кагарманом, Тагиром и внуками	3	17
28.01.1823			Асылхузя Бакиров с сыновьями Мухаметгареем и Шагингиреем	2	4
20-30-е гг. XIX в.			Абдуллатиф Ганберов	2	5
			Аюп Каюпович Каипов (Каюпов) с сыновьями Гумером, Усманом и Лукманом	2	6
27.02.1829			Давлеткул Юлушевич Мурзаев с 4 женами Вадигой, Барчабигой, Чемжой, Шагидземалой	2	
11.12.1831			Шагингирей Курмекеевич Ногайбаков с женой Шамсиннисой Баязитовной[3]	2	
09.01.1834			Ибрагим Бекчуринович Бекчурин с 4 женами Гульзией, Генберой, Нуубагарой, Муслюмой, дочерьми Фатимой, Бибимутераземаль, Магумен-Емалой, Бибимагаданой, Бибимукатяс-Емалой, сыновьями Габдулкадыром, Габдулмаликом, Габдулфаттахом, Шарафутдином, внуками и внучкой	1	
1818-1845 гг.			Ишкильда Кутлубаев, Бальхим Шангареевна Кутлубаева, Мустафа Вильданович с сыном Мухаметмуртазой; Сулейман, Лукман, Нугуман Мигранович Кутлубаевы	3	
			Яхья Янтеевич Акимбетев с сыновьями и внуками	2	

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 67. Вед, № 19; *Д.* 68. Вед. № 19; *Д.* 393а. *Л.* 62-63, 75, 110, 118; *Д.* 531. *Л.* 6 об. - 8; *Д.* 632. *Л.* 4М2; *Д.* 923. *Л.* 14 об. - 16; *Д.* 1097. *Л.* 1, 11 об. - 13: *Д.* 1114. *Л.* 2-3: *Д.* 1200. *Л.* 57-60: *Д.* 1331. *Л.* 1-10; Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4023. *Л.* 1, 4, 8, 93 об. - 94; *Д.* 7375. *Л.* 3-5, 10-12; Ф. И-10. Оп. 1. *Д.* 2472. *Л.* 65, 80 об., 161, 163; Ф. 334. Оп. 1. *Д.* 1994; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 26. *Д.* 77. *Л.* 1-3 об.; Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 3, 27; *ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1.*Д.* 3.*Л.* 149-150, 218, 221; *Д.* 4. *Л.* 10-11; *Д.* 18. *Л.* 5; *Д.* 31. *Л.* 35; *Д.* 215. *Л.* 2-32 об.; *Д.* 271. *Л.* 10-12, 16. 25: *Д.* 314. *Л.* 1-53: *Д.* 348. *Л.* 11-12. 34-35; *Д.* 356. *Л.* 9-13; *РГВИА.* Ф. 409. Оп. 1. *Д.* 98097. *Л.* 1-4; *Габдуллин,* 2006. С. 109, 115, 173, 201, 203, 228, 230, 238-240; *Новиков,* 1903. С, 37-42.

[1] Первоначально был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги, затем указом Департамента герольдии Правительствующего Сената за № 1272 перенесен во 2-ю ее часть: *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 7375. *Л.* 10-11; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 3.

[2] В связи с тем, что «подлинное» дело о дворянстве рода Куватовых вместе с документами, вошедшими в состав определения Дворянского депутатского собрания от 13 июня 1818 г. в г. Уфе при пожаре в 1821 г. сгорело; *ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1. *Д.* 348. *Л.* 12; Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 14 декабря 1860 г. за № 10384 род Куватовых был исключен из дворянской родословной книги; *Там же. Д.* 4. *Л.* 10.

[3] В 1832 г. он подавал прошение, «желая представить действительное дворянство старшему сыну Ахметгарею (1821 г. р.)». О возведении сына в дворянское достоинство и внесении его в родословную книгу решения нет; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 26. *Д.* 77. *Л.* 1-3 об.

Таблица 16

**Потомственные дворяне-башкиры,
незаписанные в родословные книги Оренбургской губернии***

Имя, отчество, фамилия	Чин	Дата получения чина	Уезд
Айчувак Узенбаевич Узенбаев	Прапорщик	24.10.1808	Оренбургский
Умурзак Иждевлетович Абдрезяков	Прапорщик	11.08.1813	Троицкий
Ихсан Абубакирович Карачев	Прапорщик	22.05.1818	Стерлитамакский
Хусейн Кучербаевич Кучербаев	Прапорщик	22.05.1818	Оренбургский
Кутлугильда Ишимгулович Ишимгулов	Подпоручик	22.05.1818	Оренбургский
Мухаметжан Еражбаевич Бузыкаев	Войсковой старшина	22.09.1855	Троицкий

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 393а; Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4023, 4043, 4670, 4671, 4673, 4674, 4824, 14604, 14607, 14611, 14616, 14622, 14629, 14633, 14637, 14649, 14650, 14793.

Таблица 17

Личные дворяне Уфимской и Оренбургской губерний*

№	Имя, отчество, фамилия	Наименование чина	Дата получения чина	Уезд
1	Гумер Чураманович Абдулвагапов	14 кл.	05.04.1817	Верхнеуральский
2	Абызгильда Абзанов	14 кл.	10.03.1813	Стерлитамакский
3	Каранай Искендерович Авязеев	14 кл.	01.04.1819	Уфимский
4	Муллагалий Уразбахтинович Аднагулов	14 кл.	19.04.1819	Белебеевский
5	Багаутдин Мухаметдиевич Адутов	14 кл.	30.12.1821	Осинский у. Пермская губ.
6	Баязит Ибрагимович Акимбетев	14 кл.	05.04.1817	Белебеевский
7	Абдулхалик Абдулхакимович Амиров	14 кл.	05.04.1817	Бирский
8	Мухамедьяр Мецдиярович Арасланов	14 кл.	29.05.1817	Бирский
9	Кунаккузя Аливбаевич Арасланов	14 кл.	11.03.1821	Оренбургский
10	Давлетша Сеитгоферович Бекметев	14 кл.	12.04.1819	Шадринский
11	Буранбай Буракаевич Буракаев	14 кл.	30.12.1810	Оренбургский
12	Яркинбай Байгазинович Габбясов	14 кл.	21.04.1812	Оренбургский
13	Искендер Ерлыкапович Ерлыкапов	14 кл.	11.05.1821	Оренбургский
14	Темужа Исмагилович Исмагилов	14 кл.	25.01.1822	Оренбургский
15	Бахтияр Бакиевич Ишеев	14 кл.	12.04.1819	Белебеевский
16	Ильяс Юмагузинович Каипов	14 кл.	31.01.1822	Стерлитамакский
17	Исянгул Мамбетевич Каипов	14 кл.	17.04.1811	Оренбургский
18	Байтюря Мамбетгуринович Куватов	14 кл.	25.01.1822	Оренбургский
19	Навруэжан Аргинбаевич Куватов	14 кл.	25.01.1822	Оренбургский
20	Юлкутла Кутлучуринович Куватов	14 кл.	29.05.1819	Оренбургский
21	Хасан Кумаринович Кулбаков	14 кл.	30.01.1812	Троицкий
22	Абдулгафар Мухаметрахимович Кулембетев	14 кл.	18.03.1813	Шадринский
23	Искендер Ермухаметевич Курпечев	14 кл.	31.01.1822	Стерлитамакский
24	Искак Абдиевич Кутуев	14 кл.	03.01.1812	Белебеевский
25	Сагит Кулуевич Кучуков	14 кл.	11.05.1821	Челябинский
26	Калмаккул Исянгулович Мурзашев	14 кл.	15.02.1811	Оренбургский
27	Ахтям Байгильдинович Мутаев	14 кл.	12.04.1819	Верхнеуральский
28	Шафей Мустафинович Мустафин	14 кл.	31.01.1809	Бирский
29	Фейруша Сагитович Нураев	14 кл.	05.04.1817	Бирский
30	Абдулменяф Сарбулатов	14 кл.	27.11.1813	Мензелинский
31	Абдулхалик Альмухаметевич Суяргулов	14 кл.	31.01.1822	Стерлитамакский
32	Байгунда Резяпович Узбеков	14 кл.	12.04.1819	Стерлитамакский
33	Абдулхаир Емагужинович Шаимов	14 кл.	12.04.1819	Челябинский
34	Зейнибашир Шункарович Шункаров	14 кл.	16.05.1821	Елабужский
35	Хайбулла Юллыбаев	14 кл.	05.04.1817	-
36	Давлетбай Юсупович Якупов	14 кл.	17.03.1813	Бирский

№	Имя, отчество, фамилия	Наименование чина	Дата получения чина	Уезд
37	Тилькькабыл Юсупович Якупов	14 кл.	11.05.1821	Бирский
38	Шагимух Метьишалинович Якупов	14 кл.	18.03.1813	Белебеевский
39	Идрис Садыкович Ямметев	14 кл.	13.03.1813	Белебеевский
40	Голай Абдулович Ямметев	14 кл.	18.03.1813	Белебеевский
41	Якшимбет Илишевич Ямметев	14 кл.	12.04.1819	Белебеевский
42	Темиргалий Янтемиров	14 кл.	1816	Оренбургский
43	Хусаин Буранбаевич Агиев	Хорунжий	02.05.1832	Оренбургский
44	Фейзулла Ильякакович Актаев	Хорунжий	02.04.1828	Верхнеуральский
45	Хайсар Байжигитович Акимбетев	Хорунжий	20.02.1839	Челябинский
46	Юсуф Галикеевич Аслаев	Хорунжий	20.02.1835	Оренбургский
47	Асетьулла Абдрахманович Бектемиров	Хорунжий	02.04.1828	Верхнеуральский
48	Мухаметфаиз Акулович Бектемиров	Хорунжий	31.05.1842	Верхнеуральский
49	Мухаметкулуй Мурадымович Бигиняков	Хорунжий	17.05.1838	Оренбургский
50	Хасан Байназарович Биишев	Хорунжий	04.02.1837	Челябинский
51	Абдулнафиг Буляков	Хорунжий	30.01.1853	Троицкий
52	Сейфулмулюк Ишкуватович Жиянбетов	Хорунжий	11.10.1825	Оренбургский
53	Мигран Усманович Ибрагимов	Хорунжий	06.12.1833	Стерлитамакский
54	Мухаметкирей Кутлугильдинович Ишимгулов	Хорунжий	23.09.1825	Оренбургский
55	Ишберда Ишкининович Ишкинин	Хорунжий	17.12.1814	Оренбургский
56	Янмурза Ишкильдинович Ишкильдин	Хорунжий	22.05.1818	Оренбургский
57	Ахметьягари Исянгулович Каипов	Хорунжий	04.02.1837	Оренбургский
58	Ярмухамет Исянгулович Каипов	Хорунжий	31.07.1839	Оренбургский
59	Хабибулла Баймурзинович Канчурин	Хорунжий	18.10.1840	Верхнеуральский
60	Мурат Кулчуринович Китыков	Хорунжий	02.02.1816	Оренбургский
61	Ахтям Кинзекеевич Ксяков	Хорунжий	26.02.1831	Мензелинский
62	Мухаммедбакий Нарынбаевич Куватов	Хорунжий	17.02.1839	Оренбургский
63	Салих Еманаевич Кустугильдинов	Хорунжий	16.09.1827	Екатеренбургский
64	Реян Зюбеирович Кутлубаев	Хорунжий	07.10.1841	Бирский
65	Вильдан Зюбеирович Кутлубаев	Хорунжий	15.02.1836	Бирский
66	Нугуман Зюбеирович Кутлубаев	Хорунжий	08.02.1837	Бирский
67	Ярмухамет Азаматович Кушаев	Хорунжий	20.06.1818	Оренбургский
68	Валит Якшимбетевич Лачинов	Хорунжий	25.02.1835	Верхнеуральский
69	Ермухамет Валитович Лачинов	Хорунжий	04.02.1837	Верхнеуральский
70	Абдулбасыр Абдрешитович Мутин	Хорунжий	15.02.1839	Мензелинский
71	Ахметша Абдрешитович Мутин	Хорунжий	17.05.1838	Мензелинский
72	Сабит Мансурович Суюндуков	Хорунжий	31.05.1842	Верхнеуральский
73	Шарафутдин Кадырович Токумбетев	Хорунжий	15.02.1836	Оренбургский
74	Ирмухамет Узбекович Узбеков	Хорунжий	23.09.1825	Оренбургский
75	Сейфитдин Тулубаевич Усманов	Хорунжий	24.09.1849	Троицкий
76	Алтынбай Худайшукурович Худайшукуров	Хорунжий	30.08.1815	Оренбургский
77	Шагиахмет Батыршинович Шарипов	Хорунжий	04.05.1841	Мензелинский
78	Ямлих Курманаевич Якшигулов	Хорунжий	31.05.1842	Верхнеуральский
79	Хайбулла Зейнебаширович Акманов	Зауряд-есаул	18.04.1814	-
80	Мухаметгалий Мурзабулатович Баишев	Зауряд-есаул	-	-
81	Сайрян Тонгунович Ильясов	Зауряд-есаул	30.06.1814	-
82	Салих Зиянбердинович Касимов	Зауряд-есаул	11.03.1816	-
83	Ахмет Урслановович Киикбаев	Зауряд-есаул	08.08.1815	-
84	Абдулкабир Зюбеирович Кутлубаев	Зауряд-есаул	10.03.1812	-
85	Зюмагильда Кушмамбетов	Зауряд-есаул	-	Орский
86	Габдрахман Суюндуков	Зауряд-есаул	1816	-

* Составлена по: *ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 393а; Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 4023, 4043, 4670, 4671, 4673, 4674, 4824, 14604, 14607, 14611, 14616, 14622, 14629, 14633, 14637, 14649, 14650, 14754, 14793; *ГАОО*. Ф. 11. Оп. 2. *Д*. 3371; Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 462.

ислам Мухаметрахимович Султанов, по данным VIII ревизии (1834), имел дворовых людей 12 душ (родовое) и крестьян 60 душ (благоприобретенное) *[РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 49]. По данным за 1842 г., он в «неразделе» с братом Шайхильмарданом имел 69 дворовых людей *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 14637. *Л.* 340-343, 360-363].

По ревизской сказке 1795 г., за старшиной и подпоручиком Валишой Шарыповым по д. ТТТарыпово Уфимской округи числились 5 крестьян (3 души м. п. и 2 души ж. п.), доставшихся ему по наследству «после смерти брата его старшины Ахмера Шарыпова» *[Там же.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 61. *Л.* 23]. Это были потомки пленных «башкирят» 1735—1740 гг., оказавшихся в свое время в «холопстве» у Шарыпа Мрякова. По ревизским сказкам 1811 г. за начальником 8-го кантона и чиновником XII класса Ахтамом Валишовичем Шарыповым числилась 1 душа м. п. дворовых людей, доставшаяся в наследство от покойного отца, подпоручика Валиши Шарыпова *[Там же. Д.* 124. *Л.* 107].

Некоторые башкирские дворяне являлись крупными землевладельцами. В их числе Нагайбаковы, Султановы, Акчулпановы, Кутлубаевы. Так, Нагайбаковы (Курмекей и Шигингарей — отец и сын - ред.) в Юрминской волости Белебеевского уезда в 1815 г. за 3 010 руб. приобрели огромную площадь земли *[Асфандияров*, 2005. С. 149]. Капитан Кучербай Умитбаевич Акчулпанов приобрел в Юрматынской волости Стерлитамакского уезда в 1801 г. дачу площадью 4 525 дес. 1 544 саж. земли, составившую позже родовое имение *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 5962. *Л.* 75-75 об.; Ф. И-138. Оп. 1. *Д.* 1344. *Л.* 3]. В 1856 г. сотник Шайхильислам Мухаметрахимович Султанов купил у Белебеевского купца 3-й гильдии А.Я.Сазыкина 1 тыс. дес. земли с лесом *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 3069. *Л.* 1—2; *Асфандияров*, 2006. С. 242]. Позже он приобрел еще 605 дес. земли при с. Агардах Уфимского уезда *[РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 45 об- 46]. Действительный статский советник Мирсалих Ми(у)рсалимович Бекчурин в Калининской (Каликинской) волости Оренбургского уезда одноименной губернии имел 1 089 дес. 1 680 саж. - участок под названием «Ивановский» *[ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1. *Д.* 7. *Л.* 7-8; *Д.* 138. *Л.* 1-2; *Д.* 151. *Л.* 8-9, 20-21, 30-31; *Д.* 215. *Л.* 5]. Часть башкирских дворян имений не имела (например, Мутины). К середине XIX в. земельная собственность башкирских дворян составляла 237 512 дес. *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4415. *Л.* 5-6; *Д.* 9721. *Л.* 1; *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 13. *Д.* 3091, 3154; *Асфандияров*, 2005. С. 150].

В то время как многие дворяне-русские владели в крае и за его пределами кирпичными, кожевенными, салотопными, свечосальными, винными заводами и другими крупными предприятиями и жили главным образом в городах в каменных домах, лишь незначительное число дворян-башкир владели мукомольными мельницами, поташными и конными заводиками, родовых имений, как правило, не имели, землю покупали, жили в деревянных домах на селе, занимались лесным и рыбным промыслом, а также пчеловодством (бортничеством).

Выгодным делом было производство поташа. Общий объем промышленной продукции временами был значителен. Так, в 1830 г. 5 заводов выработали 30 450 пудов (494,2 т) поташа *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 1053. *Л.* 84-84 об.; *Асфандияров*, 2006. С. 243]. Из указанных заведений 3 принадлежали начальнику 12-го башкирского кантона Шагингарею Нагайбакову: при д. Азымеево с производительностью 8 тыс. пудов шадрика в год, Костеево — 8 тыс. пудов, Кугарчин-Буляково — 4 тыс. пудов *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 1097. *Л.* 11-13; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 26. *Д.* 77. *Л.* 101, 300], 2 - начальнику 11-го башкирского кантона Мухаметрахиму Султанову: при д. Ташлы — 4 300 пудов, Кадырово — 2 150 пудов *[РГИА.* Ф. 1343. Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 11-12, 21, 27 об]. Они находились в Белебеевском уезде и считались самыми мощными *[Асфандияров*, 2006. С. 244]. В 1850-е гг. действовали 10 поташных заводов, 4 из них принадлежали Султанову (Белебеевский уезд), 3 — Кутлубаевой (Бирский уезд), 2 — Мутину (Бирский уезд), 1 — Ибрагимову (Стерлитамакский уезд). В 1851 г. на 8 заводах (сведения по 2 заводам Мутина отсутствуют) было произведено 30 810 пудов (492,8 т) поташа, на общую сумму в 50 985 руб. *[ЦИА РБ.* Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 174. *Л.* 65, 73, 73 об., 87, 172-173; Оп. 2. *Д.* 63. *Л.* 104-105]. Четыре завода Султанова производили в год 304 т, заводы Кутлубаевой — 160 т, заводы Ибрагимова — 28,8 т *[Асфандияров*, 2006. С. 244].

Некоторые дворяне-башкиры заводили конные и кожевенные заводы. В 1855 г. лучшими конными заводами наряду с заводами помещиков Ляхова (Уфимский уезд), Крашенникова (Оренбургский), Обухова, Сергеева (Мензелинский), Бенадарки, Тевкелевых (Белебеевский), Стрелькова (Стерлитамакский) считались также заводы башкирских кантонных начальников Шайхильислама Султанова (Мензелинский уезд) и Шагимардана Сыртланова (Белебеевский). А кожевенный завод кантонного начальника есаула Мухамеджана Бузыкаева в д. Маломуйнаково Троицкого уезда являлся самым большим из таких заводов с годовым производством на 850 руб. в год *[ЦИАРБ.* Ф. И-1. Оп. 2. *Д.* 64. Вед. № 18; *Д.* 67. Вед. № 18. *Л.* 110; *Асфандияров*, 2006. С. 245]. У других владельцев кожевенных заводов города и деревни объем вырабатываемой продукции не превышал 35—200 руб. в год *[Там же].* Данные поташные и другие предприятия основывались на ручном

труде вольнонаемных рабочих при разделении трудового процесса.

В составленной в 1848 г. описи имущества, оставшегося после смерти походного старшины Абдрешита (Габдулрашида) Аднагуловича Мутина (?—11.04.1847), в д. Верхний Токталачук 11-го (12-го) башкирского кантона числится 3 мукомольные мельницы, 3 поташных завода (Мензелинский уезд), «наличный и долговой капитал (23 тыс. руб. серебром)», «заемные письма и расписки», ассигнациями 1 128 руб., дома, клады и амбары, скот (140 лошадей, 31 корова, несколько овец), пчелы, золотые и серебряные вещи, чугунная и железная посуда (на общую сумму до 30 тыс. руб. серебром) *[ЦИА* РБ. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 5989. *Л*. 1, 3об., 10 об., 18-20].

По российскому законодательству и потомственные, и личные дворяне освобождались от уплаты личных податей [.*Жалованная*... Ст. 36; *Свод*... 1857. Т. 9. Ст. 200]. Этим правом обладали башкирские дворяне до 1845 г. *[ЦИАРБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 5739. *Л*. 1]. С детей классных чиновников, «рожденных в настоящем уже звании их», «ни казенных, ни общественных повинностей не взимается, окромя служебных обязанностей» — констатировалось в рапорте от 1839 г. *[Там же*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 393а. *Л*. 72]. Однако Положением Военного совета от 17 июня 1845 г. все зауряд-чиновники и обер-офицерские дети Башкиро-мещерякского войска, не дослужившиеся до действительного чина, были обязаны, как и рядовые башкиры, платить 23-копеечный почтовый сбор *[Тамже*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 5739. *Л*. 1]. Кроме того, Предписанием от 4 августа 1846 г. за № 1890 они также обязаны были вносить денежные сборы для составления продовольственного капитала на случай неурожая *[Там же*l. Лишь Положением Военного совета от 29 марта 1847 г. зауряд-офицеры освобождались от несения денежных повинностей *[Там же*. *Л*. 9]. Однако Положением Военного совета от 16 марта 1848 г. велено было «освободить от платежа денежных повинностей и взноса хлеба в запасные магазины тех только из башкир и мещеряков, которые признаны в потомственном дворянстве с утверждения Герольдии Правительствующего Сената» *[Там же*. *Л*. 13—13 об., 15 об.]. Но, поскольку многие башкирские дворяне не смогли представить такого подтверждения, они были вынуждены платить денежные повинности *[История*... 1996.
С. 348]. Определенный интерес в этом плане представляет докладная записка есаула Башкиро-мещерякского войска Ибрагимова от 16 ноября 1861 г. оренбургскому генерал-губернатору В.А.Перовскому, в которой констатировалось: «все дети покойного отца моего Лукмана Ибрагимова, рожденные по получении им чина штаб-офицера наравне с простыми башкирскими детьми как с самого рождения, так и доныне платят всякие повинности, как то: государственные и губернские, равно и воинские, за линейную почтовую гоньбу и подможный сбор, собираемый взамен службы.
Об избавлении детей от податей покойный родитель мой Лукман Ибрагимов 20 октября 1854 г. входил с докладом к главнокомандующему башкирским войском, который предписанием от 28 октября того же года за № 1893 объявил, что по существующим правилам по денежному сбору с башкир, избавляются от оного лишь те только дворяне, которые признаны в этом достоинстве департаментом Герольдии Правительствующего Сената, и что на этом основании дети войскового старшины не должны быть исключаемы из этого оклада» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 7375. *Л*. 31-32].

Большинство потомственных дворян имели среднее военное образование. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус окончили М.М.Бикчурин (1838), С.Т.Куватов (1853), М.И.Уметбаев (1860), М.Ш.Султанов (1865), Ш.Ш.Сыртланов (1865), Г.А.Кучуков (1866) и др. *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 393-а; Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 14637, 14793; *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 151. *Л*. 8-9, 20-21, 30-31; *Д*. 138. *Л*. 1-2; *Д*. 348. *Л*. 154; *РГВИА*. *Ф*. 400. Оп. 9. *Д*. 21397. *Л*. 18 об.]. Окончил 1-ю Казанскую гимназию (1844) и отделение словесности философского факультета Казанского университета, получив степень кандидата словесности (1848), А.А.Куватов *[ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 348. *Л*. 180].

Многие дворяне знали 3—4 языка (русский и восточные — татарский, персидский, арабский). Французский знали лишь единицы, в то время как «плохое знание французского языка в среде русского дворянства, особенно высших чинов, в рассматриваемый период было практически недопустимым» *[Шанская*, 2001. С. 196].

В среде дворян-христиан господствовала малая моногамная семья, в то время как у дворян-мусульман — нераздельная полигамная. Все родоначальники башкирских дворянских родов, записанные в родословные книги в изучаемый период, были женатыми. Потомственные дворяне-башкиры имели в среднем две-три жены, личные — одну-две. Так, Д.Мурзаев, И.Бекчурин, Б.Куватов имели по 4 жены, М.Султанов, А.Каипов, Н.Кииков — по 3, Л.Ибрагимов — 2, И.Кутлубаев, Ш.Сыртланов, Ш.Ногайбаков - 1 жену. Анализ характера браков потомственных и личных дворян указывает на преобладание внутрисословных браков. Так, Шагингирей Ногайбаков был женат на дочери майора Б. Султанова — Шамсиннисе Баязитовне, а Хасан Кучуков — на Дине Биктемировой, дочери зауряд-есаула Байжагитова, и Бибигачизе Фархуматовой, дочери зауряд-хорунжего Тюймесева *[ЦИАРБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 1097. *Л*. 13; Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 6266. *Л*. 48, 57; *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 3.

Л. 218; *Д.* 356. *Л.* 9; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 26. *Д.* 77. *Л.* 3]. Семьи, как правило, были многодетными. У А. Каипова было 7 детей, у Н. Киикова и Х. Кучукова - по 8 детей, у И. Бекчурина — 9 [подсчитано по: *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4023. *Л.* 93 об. - 94; *Д.* 6266. *Л.* 48, 57; *Д.* 14637. *Л.* 332; *ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1. *Д.* 3. *Л.* 218; *Д.* 356. *Л.* 9]. Самыми многодетными были семьи *Л.* Ибрагимова и Б. Куватова — по 10 детей [подсчитано по: *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4673. *Л.* 2; *Д.* 14637. *Л.* 107; Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 170. *Л.* 11 06.-12; *ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1. *Д.* 4. *Л.* 10; *Д.* 348. *Л.* 4, 5].

Как видим, в конце XVIII в. в башкирском обществе появляются дворяне из башкир. Дальнейшее формирование башкирского дворянства во второй половине XIX — начале XX в. и его социокультурный портрет были специфичны.

БАШКИРСКАЯ СЕМЬЯ

Специфика материалов ревизских сказок дает возможность более детально рассмотреть вопрос о формах семьи, бытовавших в первой половине XIX в. у башкир, выявить закономерность складывания различных ее типов в ходе исторического процесса, а также исследовать динамику их количества на протяжении изучаемого периода.

Среди исследователей, занимающихся изучением проблемы семейно-брачных отношений эпохи феодализма, общепринято различать две формы семьи — малую и неразделенную. Под малой понимается брачная пара с неженатыми детьми или без них; под сложной (неразделенной) — семья, состоящая из двух и более брачных пар, с детьми или без, находящихся в прямом (отцовская) или боковом (братская, «дядя-племянник») родстве между собой. Часть исследователей выделяет еше более конкретные типы семей в составе малой и неразделенной: например, одиночки, одиночки с детьми или брачная пара с детьми и с одним из родителей ит. д.

Учитывая специфику исследуемого материала, мы считаем целесообразным воспользоваться обобщенной классификацией форм и типов семьи. Изучение вопроса типологии семьи ставит перед исследователями задачу разработки терминологии. В отечественной литературе нет единства в применении термина к сложной семье эпохи феодализма (большая семья, неразделенная, сложная).

Говоря о формах семьи, прежде всего необходимо отметить, что большая патриархальная семья периода разложения родового строя была основана на коллективной собственности рода на средства производства и объединяла большую группу родственников от 100 до 200 человек. Социально-экономическое развитие общества, рост производительных сил привели к зарождению частной собственности и вызреванию в составе большой патриархальной семьи новой общественной формы - малой семьи, состоящей из одной брачной пары и их несовершеннолетних детей.

Вопрос о генетических корнях, происхождении и сущности большой семьи эпохи феодализма рассматривается в работах ряда исследователей, однако мнения различаются. М.О.Косвен в работе «Семейная община и патронимия» затрагивает данную проблему. По его мнению, сложная семья эпохи феодализма последовательно связана с большой патриархальной семьей родового строя. Он полагает, что большая семья сохранялась и в классовом обществе, постепенно приобретая другие формы: отцовская, братская и т. п. Малые семьи возникали из большой. Таким образом, Косвен доказывал идею о длительном сохранении большой семьи в период феодализма, а также преемственность большесемейных форм с эпохи разложения первобытнообщинного строя до XIX в. *[Косвен*, 1969. С. 6-7].

Термин «неразделенная семья» использовался М.С.Бикжановой и О. А. Сухаревой. Под ним понимался переходный тип от большой патриархальной семьи к малой. По их мнению, от большой патриархальной семьи неразделенная семья отличается тем, что состоит не из трех и более поколений, а только из двух, при этом тип семьи чаще всего был отцовским: с отцом и матерью жили женатые сыновья со своими детьми. Женитьба внука вела к выделению новой семьи: отец жениха выделялся со всеми своими детьми из большой семьи, хотя выделившаяся семья также носила уже характер неразделенной.

Экономической основой неразделенной семьи была собственность на землю и другие средства производства, находящиеся полностью в руках главы семьи. Выделение не носило характера полного раздела: выделившегося сына старались снабдить помещением, давали ему домашнюю утварь и часть запасов, но при жизни отца земля не выделялась. Таким образом, уменьшение численности больших семей и сокращение их состава до двух поколений дало основание Бикжановой и Сухаревой выделить особую промежуточную форму — неразделенную. Малая семья, по их мнению, выделяется из большой. При этом указывается два пути образования малой семьи: первый - путем раздела больших неразделенных семей, второй — путем непосредственного сложения малой семьи, то есть молодые после женитьбы сразу начинают жить отдельно *[Бикжанова, Сухарева*, 1955. С. 173—177].

Другой исследователь семьи А.А.Моногарова, исходя именно из того, что экономическая основа большой патриархальной семьи и неразделенной одинаково — коллективная земельная собствен-

ность на средства производства и землю, делает вывод, что неразделенная семья является последней ступенью в развитии большой патриархальной семьи, а не ее новой формой, как это считают Бикжановаи Сухарева *[Моногарова*, 1972. С. 103—105].

В целом, принципиальной разницы между этими двумя точками зрения нет: обе они сходятся на том, что большая патриархальная семья проходит в своем развитии путь через этап неразделенной семьи к малой.

Аналогичная точка зрения по данному вопросу излагается Н.А.Кисляковым в монографии по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. По его мнению, сложная семья эпохи феодализма имела переходный характер и была пережиточной формой большой патриаральной семьи. Исследователь считает, что малая семья образовалась в результате распада большой патриархальной семьи, и в эпоху феодализма эти две формы семьи могут сосуществовать. В другом месте своей работы между двумя указанными формами семей Кисляков ставит еще неразделенную семью. Суть его идей сводится к следующему[7]: большая патриархальная семья распадается на неразделенные, которые в свою очередь разделяются на малые *[Кисляков*, 1969. С. 22—23, 34].

Такой же точки зрения о прямой генетической связи сложной и большой патриархальной семей придерживается ряд авторов, занимающихся проблемами семьи и брака у других народов. С.ШГаджиева считает, что большая патриархальная семья, являвшаяся основной ячейкой патриархально-родового общества, долгое время продолжала сохраняться, но уже в пережиточной форме в рамках классового общества при господстве малой семьи, но «неразделенная семья имеет уже меньший численный состав, иную сущность и структуру» *[Гаджиева*, 1985. С. 34]. О том, что неразделенная семья подразумевает промежуточную форму семьи между большой и патриархальной и малой, состоящую лишь из двух поколений взрослых членов семьи, пишет в своей монографии и А.Т.Бекмуратова *[Бекмуратова*, 1970. С. 15]. Этой же точки зрения придерживается М.Н.Серебрякова, занимающаяся семьей и семейной обрядностью в турецкой деревне *[Серебрякова*, 1979. С. 8].

Вопросу о формах семьи у башкир уделяется внимание в работах некоторых исследователей истории и этнографии башкир. Впервые эта проблема затрагивается в работе С. И. Руденко «Башкиры» *[Руденко*, 1955. С. 253]. Но этот вопрос не входил в задачи исследования, поэтому подробного анализа различных форм семьи в его работе не находим.

В трудах Р.Г.Кузеева нашли отражение вопросы как о формах семьи, так и о степени распространения различных форм по хозяйственным регионам Башкортостана. Автор, говоря о соотношении малой и большой семей, проводит мысль о более частом распространении малой семьи у полукочевников и реже — у оседлого населения *[Кузеев*, 1957. С. 114-117]. По его мнению, в западном Башкортостане, особенно в его северо-западной части, где земледелие в рассматриваемый период сделало заметные успехи и родовое подразделение как единица хозяйства распалось, большая семья была сравнительно устойчивой организацией. В Восточном Башкортостане, где еще господствовало скотоводческое хозяйство и большую роль в общественной жизни продолжало играть родовое подразделение, большая семья была организацией непрочной и непостоянной. Такое различие автор объясняет тем, что сам факт существования у башкир родовых подразделений, члены которых были связаны узами родства и общностью экономических интересов, ослабил роль большой семьи, которая должна была нести почти те же функции. Таким образом, делается вывод о сравнительно большем распространении сложной семьи в XVII—XVIII вв. у западных оседлых башкир, чем у восточных полукочевых.

По мнению Н.В.Бикбулатова, большая семья у башкир Зауралья встречается редко, неразделенная чаще. Он также признает неисследованный характер неразделенной семьи и факт частого присутствия ее у полукочевых башкир. Так, ученый отмечает, что в конце XIX - начале XX в. у башкир современной Челябинской и Курганской областей довольно частым явлением были неразделенные семьи, которые состояли из нескольких брачных пар, связанных помимо родства единым хозяйством. Однако неразделенная семья у башкир, по мнению Бикбулатова, характеризовалась неустойчивостью: после смерти главы семьи она всегда распадалась *[Кузеев*, *Бикбулатов*, *Шитова*, 1962. С. 49, 250]. Исходя из того, что неразделенные семьи в прошлом - очень часто зажиточные семьи, автор высказал предположение, что неразделенные семьи получили среди башкир широкое распространение в связи с проникновением буржуазных отношений в башкирскую деревню, то есть в конце XIX в. Однако следует отметить, что число неразделенных семей, по данным других исследователей, было немалым и в первой половине XIX в.

В целом, оба исследователя сходятся на мнении о преемственности большесемейных форм у башкир XVIII—XIX вв. с большой патриархальной семьей периода разложения первобытнообщинного строя и их значительной роли в социальной жизни башкир.

В 1981 г. В.И.Александровым и М.Б.Свердловым была выдвинута новая концепция о месте и сущности сложной семьи *[Александров*, 1981; *Свердлов*, 1981. С. 105]. По их мнению, большая

патриархальная семья и неразделенная относятся к разным историческим периодам. Большая патриархальная семья была переходной формой от разлагающегося рода к формирующейся малой семье, неразделенная же существовала в период господства малой семьи, периодически восстанавливаясь на ее основе в силу ряда социально-экономических причин. Патриархальная семья была характерна для распадающегося родоплеменного строя и рабовладельческого общества; неразделенная семья — для феодального общества. Патриархальная семья — результат неразвитости производительных сил общества; неразделенная семья вызвана к жизни необходимостью коллективных трудовых затрат или объединения экономических потенциалов хозяйств малых семей в целях экономической стабильности совместного владения.

«Принципиальная разница между большой патриархальной семьей, или семейной общиной, и неразделенной (отцовской, братской) заключается в том, что первая форма в условиях более ранних общественных отношений бытовала постоянно как определенный институт, вторая в эпоху феодализма постоянно регенерировалась на основе малой, но не будучи неизменно существующей, в зависимости от местных обстоятельств, через относительно короткое время распадалась. Так как неразделенная семья была новообразованием, то нет основания видеть в их существовании архаику семейного строя. История неразделенных семей — отцовской и братской — как вторичных образований свидетельствует об их подчиненности малой семье. Именно поэтому сложную семью эпохи феодализма целесообразно называть неразделенной, тем самым генетически, терминологически не связывая ее с большой патриархальной семьей периода разложения родового строя» *[Александров*, 1981. С. 95]. По мнению Александрова, прямой связи большой патриархальной семьи с неразделенной нет, только через малую. Таким образом, согласно прежним концепциям, семья развивалась в направлении от распада большой патриархальной семьи на неразделенные, из которых впоследствии возникали малые.

В соответствии с новой концепцией господство большой патриархальной семьи сменяется господством малой семьи, на основе которой регенерируется неразделенная семья, впоследствии распадающаяся на малые семьи. Для эпохи феодализма более характерны малые индивидуальные семьи, но под влиянием различных факторов социально-экономического характера на основе малой происходит восстановление неразделенной семьи, которая, однако, не является продолжением большой патриархальной семьи эпохи разложения родового строя.

К аналогичной точке зрения на основе анализа архивного материала пришел исследователь семьи и брака у башкир А.З.Асфандияров. В результате изучения ревизских сказок он приходит к выводу, что еще на рубеже XVIII—XEX вв. в Башкортостане господствующей формой семьи была малая. В башкирском обществе не бьшо постоянно функционирующей патриархальной семьи, сосуществующей с малой. После перевода башкир из гражданского сословия в военно-казачье, в котором они находились в 1798—1865 гг., в связи с усилением военно-административного гнета соотношение малых и неразделенных семей резко меняется в пользу последней. Социально-политические и военные условия обусловили увеличение численного состава двора. Двор, состоящий из нескольких малых семей, сравнительно легче справлялся с несением повинностей, чем двор из одной малой семьи. В силу этого в данный период увеличивается количество сложных семей. Сложная семья, по мнению Асфандиярова, значительно чаще была распространена у полукочевых башкир, чем у оседлых. Исследователь объясняет это тем, что раздел скота в случае выделения малой семьи отрицательно сказался бы на дальнейшей судьбе скотоводческого хозяйства. Также необходимо учитывать, что вотчинными правами обладали только главы семейств, то есть главы малых семей, состоящих в одной неразделенной, не считались вотчинниками, так как их семьи не считались объектами феодального фиска. Только после раздела и обзаведения своим домом бывшие неполноправные малые семьи в неразделенной семье приобретали права и обязанности самостоятельных малых семей, что также влияло на господствующее положение малой семьи у земледельцев *[Асфандияров*, 1984. С. 358].

В другой работе этого автора на базе более широкого привлечения архивных материалов подтверждается та же точка зрения: «Неразделенная семья существовала в период господства малой и регенерировалась на основе последней в разных типах — отцовской, братской, дядя-племянник. В XVIII — первой половине XIX в. у башкир не было большой патриархальной семьи, параллельно существовавшей с малой. Место большой семьи еще в далеком прошлом заняла малая индивидуальная» *[Асфандияров*, 1989. С. 13].

Это положение автор подтверждает большим фактическим материалом, сведенным в таблицы, которые дают общее представление об изменении типов семей на протяжении первой половины XIX в. по трем башкирским деревням, полукочевые жители которых в тот период постепенно переходили к земледельческому хозяйству. Таблицы построены на материалах VII—X ревизий. По ней наглядно можно проследить динамику удельного веса малых семей среди общего их количества, а также

Таблица 18

Формы семьи у полукочевых башкир Оренбургской губернии (в процентах)*

Уезд \ Год ревизии	1816г.		1834 г.		1859 г.	
	малая	сложная	малая	сложная	малая	сложная
В ерхнеуральский	45	55	52	48	46	54
Оренбургский	34	66	57	43	44	56
Стерлитамакский	66	34	70	30	53	47
Троицкий	-	-	64	36	58	42
Челябинский	69	31	—	-	33	67
В среднем	53,5	46,5	61	39	47	53

* Составлена по: *ЦИА РБ.* **Ф.** И-138. Оп. 2. *Д.* 192-195, 145-146, 309, 430, 430а, 525, 566, 566а, 704-706, 761-762, 772, 765, 767а.

выявить, как на протяжении полувека менялся тип семьи: малая перерастала в сложную, отцовскую, затем после смерти главы семьи она превращалась в братскую. По данным ученого, в конце XVIII в. господствующее положение занимала малая семья. Однако с усилением военно-административного гнета малая семья постепенно уступает свое место сложной (неразделенной) семье *[Асфандияров*, 1989. С. 14].

Главой семьи, как сложной, так и малой, являлся старший в семье мужчина (отец, старший брат), даже если он был стар и не работал в хозяйстве. Обладая правами вотчинника, он распоряжался имуществом, участвовал в продаже, аренде, а также в принятии решений на сходах. Кроме того, главы семейств имели и большие обязанности перед общиной и государством. Но главы малых семей, входящих в одну неразделенную семью, не считались вотчинниками, не имели таких прав, так как их семьи не являлись объектами феодального фиска *[Асфандияров*, 1984а. С. 153].

Таким образом, дискуссионность вопроса об историческом месте и роли неразделенной семьи в эпоху феодализма ставит перед исследователями задачу изучения данной проблемы по отдельным регионам у населения с различным хозяйственным укладом.

На наш взгляд, кажется вполне приемлемым воспользоваться при обозначении большой семьи эпохи феодализма терминами «неразделенная» или «сложная» семья. Сложные семьи различают в своем составе несколько типов: отцовский (родители и женатые дети), братский (женатые братья с несовершеннолетними детьми) и так называемая семья «дядя-племянник» (родители с детьми и женатые племянники). Развивая далее положение Асфандиярова о последовательности складывания различных типов сложной семьи, мы можем предположить, что семья типа «братской» образуется в процессе дальнейшего развития отцовского типа семьи: после смерти отца остаются его женатые дети. То есть с течением времени при постоянном увеличении доли сложных семей удельный вес семьи типа братской будет более высоким в конце изучаемого хронологического отрезка, чем в его начале. Аналогично складывается семья типа «дядя—племянники» из братской: после смерти одного из братьев остаются его женатые дети.

Каким образом происходило изменение доли сложных и малых семей у полукочевых башкир Оренбургской губернии на протяжении первой половины XIX в., показывает таблица 18.

Как видно из нее, ко времени проведения X ревизии (1859) доля сложных семей возрастает в среднем на 7 % по сравнению с периодом проведения VII ревизии (1816): с 46,5 % до 53 %.

Некоторое снижение доли сложных семей, по данным VIII ревизии (1834), по всем уездам до уровня в среднем 39 % от общего числа изучаемых семей мы связываем с относительным выравниванием демографической структуры башкирского населения к середине 30-х гг. XIX в. и некоторым облегчением социально-экономического положения башкир в связи с этим по сравнению с тяжелым послевоенным периодом. Вероятно, это могло повлиять на складывание различных типов семей ко времени VIII ревизии. Тем не менее в этот период доля сложных семей у башкир-скотоводов остается еще достаточно высокой.

Исследование средней населенности башкирского двора на протяжении первой половины XIX в. показывает увеличение его численности ко времени проведения X ревизии, что также говорит об увеличении количества сложных семей у полукочевых башкир (см. табл. 19).

Так, если в среднем до введения кантонной системы управления в Башкортостане этот показатель составлял 6,3 чел., то к 1859 г. поднялся в среднем

Таблица 19

Средняя населенность двора у полукочевых башкир Оренбургской губернии*

Год ревизии / Уезды	1795 г. (V ревизия)	1816 г. (VII ревизия)	1834 г. (VIII ревизия)	1859 г. (X ревизия)
Верхнеуральский	6,2	6,7	6,9	7,8
Оренбургский	6,2	9,2	7,3	9,5
Стерлитамакский	6,5	5,6	6,5	6,8
Троицкий	6,3	-	6,9	8,2
Челябинский	7,3	7,5	-	13,7
В среднем	6,3	7,25	6,9	9,2

* Составлена по: *Асфандияров, Сулейманов,* 1994. С. 94; *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145,146,192—195, 309, 387—394, 396, 397, 398, 430, 430а, 525, 566, 566а, 704-706, 761, 762, 765, 767а, 772.

Таблица 20

Типы сложной семьи по материалам VII ревизии (1816)*

Тип семьи / Уезды	Всего	Отцовская		Братская		Дядя--плем.		Прочие	
	абс. знач.	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%
Верхнеуральский	89	40	45	34	38	13	15	2	2
Оренбургский	131	46	35	52	40	29	22	4	3
Стерлитамакский	83	52	63	27	32	4	5	-	0
Челябинский	82	69	84	10	2	3	4	-	0
Итого	385	207	54	123	32	49	13	6	1

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145,146, 192-195, 205-207, 309, 387-390, 394, 396-398.

Таблица 21

Типы сложной семьи по материалам VIII ревизии (1834)*

Тип семьи / Уезды	Всего	Отцовская		Братская		Дядя--плем.		Прочие	
	абс. знач.	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%
Верхнеуральский	81	37	45,7	35	43,2	8	9,9	1	1,2
Оренбургский	98	54	55,1	39	39,8	5	5Д	-	0
Стерлитамакский	56	27	48,2	27	48,2	2	3,6	-	0
Троицкий	44	22	50	19	43,2	3	6,8	-	0
Итого	279	140	49,8	120	43,6	18	6,3	1	0,3

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 205-207, 430, 430а, 485а, 525.

по региону до 9,2 чел. Максимального значения данный показатель достигает в Челябинском уезде (13,7 чел.), что также согласуется с данными таблицы 22: наибольший процент неразделенных семей в это время приходится именно на данный уезд.

Мы можем предположить, исходя из числовых данных о средней населенности двора (по таблице 19 - 6,3 чел. на двор), что в конце XVIII в. (т. е. до кантонного периода в истории Башкортостана) малых семей было гораздо больше, и их удельный вес в общем количестве малых семей был более значителен.

Как уже было сказано выше, увеличение доли неразделенных семей связано с социально-экономической политикой царского правительства в период кантонной системы управления в Башкортостане, усилением фискального гнета и общим ухудшением положения населения.

В условиях усиливающегося феодального гнета легче было выжить семьям с большим количеством рабочих рук, то есть в более сложных по составу семьях. Исходя из этого, можно предположить, что более зажиточными были именно неразделенные (сложные) семьи. Однако не стоит понимать объединение экономических ресурсов нескольких дво-

Таблица 22

Типы сложной семьи по материалам X ревизии (1859)*

Уезды / Тип семьи	Всего	Отцовская		Братская		Дядя--плем.		Прочие	
	абс. знач.	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%	абс. знач.	%
Верхнеуральский	103	54	52	44	43	4	4	1	1
Оренбургский	151	38	25	89	59	22	15	2	1
Стерлитамакский	116	41	35	62	53	10	9	3	3
Троицкий	104	47	45	45	43	12	12	-	-
Челябинский	149	35	23	77	52	28	19	9	6
Всего	623	215	34	317	51	76	12	15	3

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 704—706, 761—762, 765, 767а.

Таблица 23

Формы семьи у оседло-земледельческих башкир Оренбургской губернии (в процентах)*

Уезд / Годы ревизии	1816 г.		1834 г.		1859 г.	
	малая	сложная	малая	сложная	малая	сложная
Бирский	82	18	67	33	77	23
Мензелинский	78	22	80	20	81	19
В среднем	80	20	73	27	79	21

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 161, 291, 467, 547, 742, 753.

Таблица 24

Средняя населенность двора у оседло-земледельческих башкир Оренбургской губернии*

Уезд / Год ревизии	1795 г.	1816 г.	1834 г.	1859 г.
Бирский	5,7	5,9	7,3	6,4
Мензелинский	6,8	6,9	5,7	6,1
В среднем	6,25	6,4	6,5	6,25

* Составлена по: *Асфандияров, Сулейманов,* 1994. С. 94; *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 161, 291, 547, 468, 742, 753.

ров в буквальном смысле слова. Хотя, конечно, такие случаи и имели место, но в большинстве своем объединение происходило через «невыделение» женатых детей в отдельные хозяйства.

Как видно из таблицы 24, составленной по данным полукочевых уездов, преобладающие позиции среди сложных семей, по ревизии 1816 г., занимали семьи типа «отцовской»: в среднем 54 % всех исследуемых сложных семей. Максимального значения этот показатель достигает в Стерлитамакском уезде - 63 %.

В дальнейшем наблюдается изменение в структуре типов сложных семей: по данным ревизии 1834 г. (см. табл. 21), доля братских семей возрастает по сравнению с 1816 г. с 32 до 43,6 %, при этом удельный вес отцовских семей падает с 54 до 49,8 %.

К 1859 г. (X ревизия) доля отцовских семей падает в среднем до 34 %, достигая минимального значения в Челябинском уезде (23 %), а доля сложных семей типа «братской» еще более возрастает и начинает преобладать — 51 %. Максимальных значений этот показатель достигает в Оренбургском уезде - 59 % (см. табл. 26). Таким образом, эти данные подтверждают положение о последовательности складывания разных типов сложных семей.

Переходя к вопросу о степени распространения неразделенных семей у полукочевых и оседлых башкир, отметим дискуссионность этого вопроса в литературе.

По изученным нами архивным данным, возрастание общего количества сложных семей у оседлых башкир идет при сохраняющемся господстве малой семьи: по данным таблицы 27, до 75-80 %, у полукочевых же башкир в некоторых уездах наблюдается преобладание сложной семьи — до 60 % (см. табл. 18). И хотя это преобладание не всегда сохраняется в силу различных обстоятельств, налицо факт большего распространения неразделенных семей среди полукочевых башкир, чем среди оседлых.

Данные по средней населенности двора в оседло-земледельческих уездах подтверждают этот вывод и показывают относительно стабильное положение в этом вопросе: изменение показателей средней населенности двора незначительно (см. табл. 24).

Данные результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что в этот период социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Башкортостане, способствовала перестройке семейно-бытовых отношений у полукочевников, то есть кантонная система управления экономически сильнее задела полукочевых башкир, чем оседлых.

Анализ материалов ревизских сказок по полукочевым башкирам первой половины XIX в. подтверждает основные концептуальные положения об историческом месте и роли неразделенной семьи, изложенные у Александрова, Свердлова, Асфандиярова. Увеличение доли неразделенных семей на протяжении первой половины XIX в. у башкир-скотоводов доказывает их вторичность по отношению к малой индивидуальной семье.

Данные материалов ревизских сказок по Оренбургскому, Верхнеуральскому, Троицкому (Заторному), Стерлитамакскому, Челябинскому уездам, а также сравнительный материал по оседло-земледельческим уездам (Бирский и Мензелинский) подтверждают вывод о более широком распространении неразделенных семей у полукочевых башкир, чем у оседлых. Количественное увеличение таких семей в отцовском, братском вариантах, а также «дядя-племянник» в период кантонной системы управления по сравнению с XVIII в. свидетельствует об усилении военно-феодального гнета. В целях сохранения экономической стабильности хозяйства постепенно росла численность двора, на основе малых регенерировались неразделенные семьи.

Материалы ревизий дают возможность не только проследить динамику количества форм семьи у башкир, но и выявить некоторые пережиточные формы брака, бытовавшие в первой половине XIX в., известные и по другим источникам. Статистическая форма ревизских сказок позволяет выявить общие тенденции в развитии определенных форм брака, провести сравнительный анализ степени распространенности той или иной формы брака в зависимости от хозяйственного уклада населения различных регионов, определить зависимость некоторых форм брака от формы семьи, имевшей распространение в данный период.

Одной из известных форм брака, прослеживаемой по ревизским сказкам, является полигамия.

В прошлом полигамные браки имели довольно широкое распространение у многих народов земного шара. В подавляющем большинстве известных науке племенных обществ считалось вполне естественным, что сильный воин или удачливый охотник имел несколько жен, которыхмог содержать. С переходом к земледельчеству и скотоводству процент полигамных браков повышался.

Одной из причин существования полигамии являлась диспропорция полов, значительное численное преобладание женщин детородного возраста над мужчинами. Другой важной причиной часто являлась бездетность первой жены, а у народов с патриархальными традициями — также рождение ею только девочек.

Большое значение имел и экономический стимул, так как женщины выполняли трудоемкие работы в поле и домашнем хозяйстве. Нередко количество жен являлось показателем социального положения или ранга мужчины. Для многих народов, знавших полигамию, было характерно увеличение числа жен с повышением возраста мужчины, что было обусловлено рядом причин (улучшение социально-хозяйственного положения и благосостояния мужчины, увядание и старость первой жены и т. д.).

В первой половине XIX в. большинство башкирских семей были моногамными, но были случаи параллельного существования и полигамных семей. Многоженство было санкционировано Кораном: «Если боитесь, что не соблюдаете справедливость в отношении сирот, то женитесь на тех сиротах женского пола, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех» *[Коран*, 1963. С. 69]. Поэтому башкиры, как и другие мусульманские народы, имели право заключать браки с четырьмя женщинами одновременно. Однако необходимо отметить, что двух, трех, четырех жен имели в основном баи и представители мусульманского духовенства. И связано это было, в первую очередь со степенью зажиточности семьи и с таким атрибутом брака, как калым, о котором речь пойдет ниже.

Исследователь жизни и быта башкир Д. П.Никольский в конце XIX в. отмечал в одной из своих работ, что «муж, приобретая жену, должен обеспечить ее материально; у башкир мулла при свидетелях предъявляет это требование к жениху при заключении брака» *[Никольский*, 1899. С. 112]. То есть муж должен был иметь средства не только

для выкупа невесты, но и для того, чтобы обеспечить ее.

В литературе XVTII—XIX вв. встречаются разногласия, касающиеся вопроса о праве невесты в выборе жениха: одни исследователи полагали, что все зависело от произвола родителей и согласия невесты не требовалось [*Черемшанский*, 1859. С. 160; *Казанцев*, 1866. С. 28], другие же считали, что «требуется неотменно и соизволение детей, а особливо женского полу: почему невестин отец в присутствии многих свидетелей спрашивает у своей дочери: люб ли ей жених и пр. Согласный или отказный ответ решит все дело» *[Лепехин*, 1802. С. 150].

На наш взгляд, имело место и то и другое решение этого вопроса. Вполне возможно, что с мнением девушки, выдаваемой замуж, считались в более зажиточных семьях, где отец был больше заинтересован в счастье дочери, чем в размерах получаемого калыма.

Проблема многоженства на документальной основе впервые привлекла внимание Асфандиярова. Он выявил две точки зрения на этот счет. Согласно одной из них, полигамия в башкирском обществе — явление обычное. Это мнение было высказано в XVIII в. чиновниками-администраторами, которые опасались количественного увеличения башкирского населения вследствие многоженства. Так считал, например, крупный административный деятель кантонного управления и просветитель Альмухамет Куватов *[Асфандияров*, 1989. С. 58], а вслед за ним и ученые-исследователи П.И. Рычков, Н. Попов. Согласно другой точке зрения, многоженство у башкир — явление не столь широко распространенное и имеющее тенденцию к сокращению *[Черемшанский*, 1859. С. 160]. Многие авторы XIX в. ограничивались лишь общей констатацией самого факта наличия полигамных браков *[Никольский*, 1899. С. 115; *Казанцев*, 1866. С. 27].

Проблема влияния многоженства на прирост населения рассматривается и в методико-теоретической литературе. Так, В.И.Козлов в одной из своих работ на примере семейно-брачных отношений у различных народов мира доказывает факт незначительного увеличения рождаемости в обществе, в котором наряду с моногамными браками существуют и полигамные. По его данным, при полигамии средняя плодовитость женщины уменьшается, хотя показатель рождаемости несколько повышается за счет увеличения процента женщин, состоящих в брачных отношениях *[Козлов*, 1969. С. 134-135].

Асфандияров на основании материалов VII, VIII ревизий также выявил степень распространенности полигамных семей у полукочевых и оседлых башкир и проследил зависимость количества детей в семье от наличия полигамии. Автор сделал вывод о незначительном влиянии многоженства в целом на прирост башкирского населения *[Асфандияров*, 1989. С. 31].

Так, по данным автора, по VIII ревизии в Оренбургском уезде полигамные семьи составляли 12,9 % от всех семей, при этом на каждую многобрачную семью приходилось в среднем 3,3 ребенка *[Асфандияров*, 1997. С. 60].

Необходимость изучения динамики полигамных и моногамных браков вытекает из ведущей роли формы брачных отношений в исследовании вопросов рождаемости, их влияния на формирование демографической структуры населения.

При изучении вопроса о среднем количестве детей в моногамной и полигамной семьях необходимо оговорить ряд моментов. Во-первых, специфика переписи населения (в данном случае ревизских сказок) дает статичный материал на определенный момент времени, так называемый моментальный срез структуры населения, то есть в информации, заложенной в ревизской сказке, отсутствуют данные о том, есть ли в данной семье взрослые дочери, уже выданные замуж в другую семью. Если есть, то при подсчете детей, рожденных в полигамных и моногамных браках, будет некоторая неточность. И, во-вторых, в полигамном браке чаще всего одна из жен несколько старше другой и является ровесницей мужа. Другая же жена, еще не вышедшая из детородного возраста, вероятно, будет иметь еще детей в данном браке, что также нами не учитывается. Однако необходимо иметь в виду, что пожилой муж будет, вероятно, реже вступать в брачные отношения со второй женой, и, видимо, детей у нее все же будет меньше, чем у первой жены. Тем не менее, учитывая эти моменты, мы считаем возможным использовать материалы ревизских сказок для сравнительного анализа среднего количества детей в моногамных и полигамных семьях.

Для изучения детности в полигамных и моногамных браках мы отобрали семьи, где возраст супругов составлял 40 лет и старше. При этом необходимым условием выборки было соответствие возраста старшего ребенка возрасту фертильности жены, так как при высокой женской смертности в детородном возрасте были часты случаи, когда вдовец с детьми брал более молодую жену, которая иногда лишь на несколько лет могла быть старше первого ребенка мужа (см. табл. 25).

По данным VII ревизии (1816), на каждую полигамную семью в среднем приходилось 3,45 ребенка, а на моногамную — 3,8. При этом средняя плодовитость женщины в полигамном браке была ниже более чем в два раза — 1,65 и 3,8. Как видно из данных таблицы 25 за 1816 г., в полигамных браках детей было даже меньше, чем в моногамных. Воз-

Таблица 25

Среднее количество детей в полигамных и моногамных браках по выборочным данным VII ревизии (1816)*

Форма брака / Уезд	Моногамный	Полигамный	
		на семью	на женщину
Верхнеуральский	4,2	3,4	1,3
Оренбургский	4,3	4,0	1,8
Стерлитамакский	3,5	3,3	1,8
Челябинский	3,3	3,1	1,7
В среднем	3,8	3,45	1,65

* Составлена по: *ЦИАРБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145-146, 192-195, 309, 387-394; 396-398.

Таблица 26

Среднее количество детей в полигамных и моногамных браках по выборочным данным VIII ревизии (1834)*

Форма брака / Уезд	Моногамный	Полигамный	
		на семью	на женщину
Верхнеуральский	3,8	5,4	2,5
Оренбургский	4,2	3,4	1,6
Стерлитамакский	4,5	4,9	2,3
В среднем	4,2	4,6	2,2

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 430-430а, 525, 566—566а.

можной причиной данного явления мы считаем увеличение доли левиратных браков вследствие Отечественной войны 1812 г. В такой пережиточной форме брака, как левират, общие дети были более редким явлением.

Несколько иное положение сложилось ко времени проведения VIII ревизии (1834). В полигамных браках среднее число детей составляло 4,6 ребенка, а в моногамных — 4,2 ребенка, при этом плодовитость каждой жены в полигамном браке была гораздо ниже и составляла лишь 2,2 ребенка на женщину. То есть наблюдалось незначительное увеличение среднего количества детей в полигамных браках, при этом данное увеличение сохранялось не во всех уездах. В Оренбургском уезде на моногамную семью приходилось в среднем 4,2 ребенка, а на полигамную - 3,4 ребенка (см. табл. 26).

По сравнению с данными 1816 г. наблюдалось общее увеличение рождаемости как в моногамных, так и в полигамных браках, что, вероятно, было связано с выравниванием поло-возрастной структуры насления к середине 30-х годов по сравнению с данными послевоенной ревизии 1816 г.

Аналогичная картина складывается и по данным X ревизии (1859) (см. табл. 27): при общем большем количестве детей в полигамных браках (4,0) среднее количество детей, приходящееся на одну женщину, было более низким, чем в моногамных браках (1,9 и 3,4).

Некоторое снижение рождаемости, наблюдаемое по данным X ревизии по сравнению с VIII (1834), можно увязать с ухудшившимся социально-экономическим положением полукочевых башкир к середине XIX в. и увеличением в связи с этим детской смертности, что подтверждается статистическим материалом (см. табл. 27).

Несмотря на большую теоретическую возможность иметь значительное количество детей в полигамных семьях, наиболее многодетные семьи (8—10 детей) были все же моногамными. Кроме того, имелись случаи и бесплодных браков. При этом нужно учитывать и возможность того, что к возрасту родителей 40—60 лет дети уже могли обзавестись семьями и отделиться от родителей (так называемый в социологии этап «пустое гнездо»). Но так как это характерно для обеих форм брака, то на сравнительный анализ данный момент не оказывает существенного влияния.

Таким образом, материалы ревизий по полукочевым башкирам в первой половине XIX в. свидетельствуют о незначительном влиянии многоженства на общий прирост населения, происходивший в основном за счет увеличения общего количества

Таблица 27

Среднее количество детей в полигамных и моногамных браках по выборочным данным X ревизии (1859 г.)*

Форма брака / Уезд	Моногамный	Полигамный	
		на семью	на женщину
Верхнеуральский	4,3	3,8	1,9
Оренбургский	3,6	3,3	1,6
Стерлитамакский	2,7	3,8	1,8
Троицкий	2,7	4,7	2,25
Челябинский	3,5	4,2	1,9
В среднем	3,4	4,0	1,9

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф И-138. Оп. 2. Д. 704-706, 761-762, 767а, 768, 772.

женщин, состоящих в брачных отношениях. Для выявления общего результата влияния моногамных и полигамных семей на рождаемость в регионе необходимо рассмотреть динамику их количества на протяжении первой половины XIX в. Прежде всего необходимо размежевать такие понятия, используемые в историко-этнографической литературе, как брак и семья. Или же принять понятие «брак» как термин «малая семья». Это связано с тем, что понятие «семья» в узком смысле этого слова означает брачную пару с детьми или без; в широком смысле - группу людей, проживающих в одном дворе, связанных узами родства или браком. В последнем случае семья может включать в свой состав несколько брачных пар (так называемая «неразделенная семья»).

При исследовании вопроса о количестве полигамных браков и их доле в общем количестве изучаемых семей нам представляется необходимым выявить общее количество брачных пар. Выявлять же долю полигамных семей по отношению к общему количеству дворов нецелесообразно, так как иногда в одном дворе существовало несколько полигамных браков.

Данные таблицы 25—27 наглядно демонстрируют динамику доли полигамных браков в изучаемых нами уездах.

В итоге анализа материалов VII, VIII, Хревизий можно отметить факт немассовости этого явления в башкирском обществе: в начале XIX в. около 10 % всех брачных пар были полигамными, к середине века намечается некоторое снижение их доли до 8 %.

В XIX в. среди башкир широко было распространено заключение брака через уплату выкупа (калыма). По всем ревизским сказкам выходит, что по 2—3 жены было у башкирских чиновников, которые имели для этого и возможности, и средства. Например, в д. Утяшево Троицкого уезда в 1816 г. по несколько жен имели сотники и мулла; из рядовых башкир только у одного было три жены *[ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 345].

В источниках XIX — начала XX в. упоминаются различные суммы калыма, который платили женихи за выкуп своих невест их отцам: «от 200—500 до 1 тыс. руб. плюс известное количество скота» до 3 тыс. руб. *[Никольский*, 1899. С. 112; *Шиле*, 1879. С. 71]. Кроме денежной части калым также включал в себя «лошадей, рогатый и мелкий скот по 5—20 голов каждого рода, три рубахи, занавески, пара сапог, платок, женский коралловый головной убор (кашмау), халат (елян)» *[Руденко*, 1925. С. 245]. Все это шло в пользу невесты. Кроме того, будущая теща получала лисью шубу. Все исследователи сходятся во мнении, что размер калыма был достаточно высоким и возможность единовременной его выплаты была не у всех. Часто калым выплачивался в течение некоторого времени, поэтапно; и в этот период жених уже имел право посещать свою невесту, но до полной уплаты выкупа забирать ее из дома родителей не мог. Поэтому в башкирской деревне было не редкостью, когда, уплатив, наконец, весь калым, невесту забирали в дом жениха с несколькими детьми *[Шиле*, 1879. С. 71—72].

О том, что полигамные браки были в основном распространены среди зажиточных башкир, писал Никольский: «нами констатировано, что там, где население зажиточнее, чаще встречается многоженство» *[Никольский*, 1899. С. 115].

Как видим, многоженство было по силам лишь состоятельным мужчинам и полигамные семьи должны были быть обычно более зажиточными. Но наиболее зажиточными являлись неразделенные семьи, то есть многоженство чаще должно было встречаться именно в них.

Это предположение подтверждается на документальном материале: из 189 полигамных браков по Оренбургскому, Троицкому (Загорному), Челябинскому, Стерлитамакскому, Верхнеуральскому уездам, по выборочным данным X ревизии (1859),

Таблица 28

Удельный вес полигамных браков в первой половине XIX в. у полукочевых башкир Оренбургской губернии*

Г од ревизии	1816			1834			1859		
Уезд	всего браков	из них полигамных		всего браков	из них полигамных		всего браков	из них полигамных	
		абс. знач.	%		абс. знач.	%		абс. знач.	%
Верхнеуральский	283	24	8,5	320	36	11,0	308	32	7,3
Оренбургский	359	39	9.8	355	34	9,5	571	37	6,4
Стерлитамакский	352	43	12,2	275	29	9,8	412	31	7,5
Троицкий	-	-	-	190	26	13,7	402	31	7,7
Челябинский	355	41	11,5	-	-	-	406	46	11,0
В среднем	1 385	147	10.6	1 140	125	10,9	2 099	177	8,4

* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145-146, 192-195. 309. 387-394. 6-398, 430—430а, 525, 566—566а, 704—706, 761-762, 765, 767а, 772.

149 случаев подобного брака наблюдается в неразделенной семье, что составляет 79 % всех случаев многоженства *[ЦИАРБ.* Ф. И-138. Оп. 2. Д. 704-706, 761-762, 765, 767а, 772].

Для выявления динамики количества полигамий в общей массе браков на протяжении первой половины XIX в. нами были проанализированы выборочные данные по VII, VIII и X ревизиям (см.: табл. 28).

Из изучаемых нами 1 385 брачных пар, по материалам VII ревизии, 147 были полигамными, что составило 10,6 %. Из них в 132 случаях глава семьи или его сын имели двух (18,9%), в 15 случаях — трех жен (11 %).

Ко времени X ревизии (1859) доля полигамных семей в изучаемом регионе составляла уже 8,4 %. При этом в трех уездах — Стерлитамакском, Троицком, Оренбургском — их доля упала до 6—7 %, а в Челябинском уезде оставалась еще достаточно высокой - 11 %.

Однако необходимо отметить, что именно в Челябинском уезде, по материалам X ревизии, удельный вес неразделенных семей достигал 67 %, в то время как в остальных изучаемых уездах их доля поднималась в среднем до уровня 50 % (см. табл. 28).

Вероятно, уменьшение доли полигамных браков у полукочевых башкир было бы более значительным, если бы не фактическое увеличение количества сложных семей в этот период, что было в первую очередь связано с социально-экономической и политической ситуацией, сложившейся на территории Башкортостана.

Таким образом, подтверждается положение о влиянии изменения количества сложных семей на общую долю полигамных браков в регионе с полукочевым хозяйственным укладом.

Сравнительный анализ материалов по этому вопросу в регионе с оседло-земледельческим башкирским населением также подтверждает это положение. В Бирском и Мензелинском уездах уменьшение удельного веса полигамных браков шло более интенсивно и ко времени X ревизии их доля сократилась почти вдвое: с 10,5 % в 1816 г. до 5,8 % в 1859 г. Отметим, что увеличение доли неразделенных семей в этом регионе было незначительным и достигало максимальных значений в 1834 г. — 27 % (см. табл. 29).

Таким образом, прослеживается прямая взаимосвязь между числом полигамных браков и количеством сложных (неразделенных) семей. Кроме того, имеющееся число полигамных браков в изучаемом регионе, по-видимому, можно объяснить как сохраняющейся силой традиции, так и количественным преобладанием женщин детородного возраста над мужчинами в силу ряда социально-экономических и политических причин в истории Башкортостана.

Иногда полигамия являлась следствием такой пережиточной формы брака, как левират. Левират — языческий институт, по которому после смерти старшего брата младший должен был жениться на его жене, или же вдова должна была выйти замуж за племянника покойного мужа. Левират обусловливался соображениями как гуманно-этическими (воспитание в родной семье детей умершего родственника, брата), так и экономическими. Родовая группа уплачивала другому роду калым и приобретала этим путем в свою среду работницу. Отпуская на свободу вдову, родовая группа несла двойной ущерб: во-первых, теряла работницу, а во-вторых, часть имущества, так как вдова уносила с собой все приданое. Выход замуж по смерти мужа за одного из ближайших родственников раньше был обязателен, но в дальнейшем стал практиковаться лишь при обоюдном согласии брачащихся *[Руденко*, 1955. С. 267]. Если же вдова не желала выходить замуж, она оставалась в семье воспитывать детей. Млад-

Таблица 29

Удельный вес полигамных браков в первой половине XIX в. у оседло-земледельческих башкир Оренбургской губернии*

Год ревизии	1816		1834		1859	
Уезд	числ.	%	числ.	%	числ.	%
Бирский	302/32	10,6	304/17	5,6	367/17	4,6
Мензелинский	354/37	10,4	258/13	5	286/20	6,9
В среднем	656/69	10,5	562/30	5,3	653/37	5,6

* Составлена по: *ЦИА РБ.* **Ф. И-138.** Оп. **2.** *Д.* **161, 291, 468, 547, 742, 753.**

ший брат при вступлении в брак с вдовой уплачивал ей часть калыма. Насколько в данном случае играли роль расходы на выплату калыма, видно еще из того, что в случае смерти жениха старший и младший братья могли иметь право на руку его невесты. Если они оба хотели взять ее за себя, то предпочтение отдавалось не тому, кто старше, а тому, кого выберет сама невеста. Таким образом, левират обусловливал большую экономическую стабильность семьи *[Руденко*, 1955. С. 267].

Д.К.Зеленин отмечал, что, если вдова, отказавшись от брака с родственником мужа, выходила замуж за чужого, то родственники, которым она отказала, имели право взыскать с нового мужа вдовы «полный калым» *[Зеленин*, 1908. С. 81].

Если умирала невеста, то мужчина имел право взять в жены ее сестру, такая форма брака называлась сорорат. Если же умирала жена, то ее сестру брали за уменьшенный калым. Эта форма брака практиковалась значительно реже *[Руденко*, 1955. С. 268]. По материалам ревизских сказок нет возможности проследить наличие сорората, так как в источниках отсутствуют данные об убыли женского населения. Однако левиратные браки наблюдаются довольно часто.

Например, в ревизских сказках Оренбургского уезда за 1834 г. зафиксирован такой случай: старший брат умер, средний 24 лет имеет жену 22 лет и годовалую дочь, а младший брат 18 лет женат на женщине 30 лет. По-видимому, младший брат женился на вдове старшего брата *[ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 430].

Говорить о наличии левиратного брака можно не только в связи с имеющейся записью в ревизской сказке о смерти старшего брата, но и без нее при существенной разнице в возрасте супругов (более 10—20 лет) в пользу жены, так как не всегда факт смерти старшего родственника входит во временной интервал между двумя ревизиями или же в этот промежуток времени мог произойти распад семьи на малые, и, следовательно, информация эта могла относиться уже к переписи другого двора.

Например, по д. Баймурзино Верхнеуральского уезда, по ревизии за 1859 г., имеется такая запись: под номером 38 зафиксирована семья: муж 31 года имеет двух жен 32 и 22 лет, а также сына 2 и дочь 5 лет; брат его умер 37 лет в 1857 г., оставив сына 12 лет. В соседнем дворе (ревизская сказка № 39) живет муж 26 и его жена 39 лет. По данным IX ревизии (1850), обе эти семьи проживали в одном дворе, о чем говорит их общий порядковый номер по предыдущей ревизии — 34. Эта запись дает основание предположить наличие левиратного брака во втором дворе *[ЦИА РБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 758].

Из следующего примера видно, что левират иногда способствовал такой форме брака, как полигамия. В д. Мутаево Оренбургского уезда по VIII ревизии за 1834 г. фиксируется такой случай: младший брат 25 лет после смерти старшего берет в жены его вдову 35 лет с детьми 8 и 4 лет и еще женится на девушке 15 лет *[ЦИА* РБ. Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 430].

По нашим данным за 1859, по всем изучаемым уездам наблюдается 49 случаев левиратного брака, из них 22 — в полигамной семье. Интересно отметить, что почти все случаи левирата выявлены в нераздельных семьях, что, возможно, объясняется тем, что уход вдовы со своим приданым из семьи пагубно сказался бы на состоянии хозяйства.

Как полигамия, так и левират являлись пережиточными формами брака, характерными для всех народов на определенной ступени исторического развития и сохранившимися в отдельных случаях в силу ряда социально-экономических причин на протяжении XIX в. В башкирском обществе изучаемого периода эти пережиточные формы брака не носили массового характера, и наблюдалась явная тенденция к сокращению их количества.

Никольский отмечал в своей работе следующие причины сокращения многоженства среди башкирского населения: с одной стороны, «экономические условия, которые были очень плохи, с другой — семейные, в связи с обеднением трудно было платить калым и за одну жену <...> Башкиры все более убеждаются в том, что присутствие нескольких жен в одном доме ведет к частым семейным ссорам <...> Чаще всего несогласие происходит из-за главы семейства» *[Никольский*, 1899. С. 115].

Башкирки. Неизвестный художник.
Рисунок. Начало XIX в.

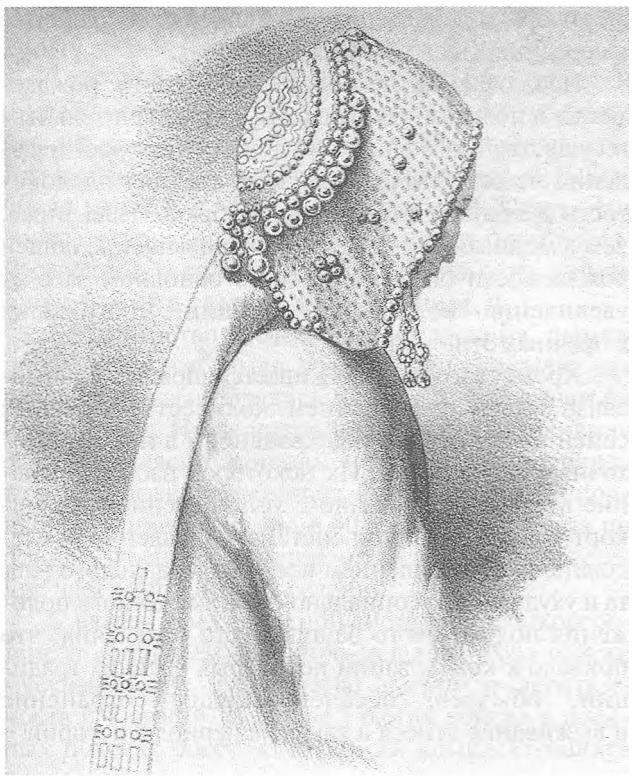
Башкир с чашкой. Неизвестный художник.
Рисунок. Начало XIX в.

Видимо, вследствие таких ссор были часты обращения в Духовное собрание мусульман с тяжбами по различным поводам семейных несогласий, и «муфтий тархан Габдул Валит Сулейманов дал всем муллам строгие предписания не дозволять вообще недостаточным магометанам иметь кроме одной другую жену; без общественного удостоверения, что желающий взять себе еще одну жену имеет достаточное состояние содержать обеих жен, и что от такого брака несогласий ожидать не должно» [*Казанцев*, 1866. С. 27]. Это распоряжение муфтия также сыграло определенную роль в сокращении количества полигамных браков. В литературе XIX в. о башкирах отмечается, что этому предписанию муфтия стали следовать и многие богатые магометане, «особенно молодые чиновники, получившие европейское образование. Вместо платы за жену калыма они заключают с отцами невест своих условия, что они кроме ея одной не будут жениться на другой, и получают за то от отца невесты приданое» [*Там же*].

Полигамия являлась источником глубоких страданий женщины. В целом, произведения народного творчества осуждают многоженство. До наших дней сохранилось много легенд, песен, где говорится о судьбе тех девушек, которых за большой калым отдавали старикам второй или третьей женой. Так, например, в легенде известной народной песни «Зульхизя» девушку насильно выдали за богача Янтея третьей женой [*Башкирское*.... 1987. С. 366].

Переходя к вопросу о возрасте вступающих в брак, необходимо отметить, что этот момент по Корану специально не оговаривался. Исследователи XIX в. отмечают очень раннюю выдачу башкирских девушек замуж. Так, И.М.Казанцев пишет, что «относительно малолетства невест башкирцы говорят, что, если устоит на ногах, когда свалится на нее с головы малахай, то уже может быть невестою» [*Казанцев*, 1866. С. 28]. Тем не менее по закону Российского правительства от 1744 г. для вступления в брак жених должен был достигнуть возраста не менее 15 лет, а невеста — 13 лет. Но впоследствии по закону от 13 июля 1830 г. минимальный возраст жениха и невесты был увеличен до 18 и 16 соответственно. Этот возраст был обязателен и для башкир. Муллы, оформившие ранний брак, подвергались наказаниям [*.Асфандияров*, 1997. С. 53]. Однако архивные материалы показывают, что нарушения все же имели место.

Специфика материалов ревизий не дает возможности точно определить количество браков, заключенных супругами в раннем возрасте. Мы можем выявить количество ранневозрастных браков двумя способами: использовать зафиксированные в переписи данные возраста мужа и жены, уже заключивших ранее (но неизвестно когда) брак, то есть исследовать материал по возрасту уже



Голова башкирки. Неизвестный художник. Рисунок. Начало XIX в.

Башкирка. Неизвестный художник. Рисунок. Начало XIX в.

состоящих в браке именно на момент переписи или же определить возраст вступивших в брак путем вычитания из зафиксированного в ревизской сказке возраста супругов количества лет старшего ребенка плюс один год. Однако второй способ не всегда приемлем из-за частого отсутствия в сказке записи о точной принадлежности того или иного ребенка именно данной матери. Традиционно записывали о принадлежности детей отцу и очень редко матери, если только она вступала в брак, уже имея ребенка, или была не единственной женой своего мужа.

Таким образом, несмотря на недостатки первого способа исследования ранневозрастных браков, мы считаем целесообразным использовать именно эту методику изучения данного вопроса.

К категории ранневозрастных браков мы относим те, в которых хотя бы один из супругов не достиг 17 лет, то есть до 16 лет включительно.

Данные 1816 г. по Верхнеуральскому, Оренбургскому, Челябинскому, Стерлитамакскому уездам выявляют 61 случай раннего брака, из них 17 — шестнадцатилетних, состоящих в тот момент в браке мужчин и женщин, 27 — пятнадцатилетних, 7 — четырнадцатилетних, 4 — тринадцатилетних, 3 - двенадцатилетних, 1 — одиннадцатилетний, и даже 2 случая — десятилетних мальчиков. При этом из 61 случая - 42 среди женщин (это в основном девушки 15-16 лет), но наиболее ранние браки 10—12-летних все же среди юношей *[ЦИАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145-146, 309, 387, 394, 396-398, 192-195]*.

В процентном отношении к числу привлекаемых для исследования брачных пар это выглядит следующим образом: ранневозрастными являлись всего 4,4 % браков, из них 3 % относилось к девушкам, 1,4 % случаев - к юношам.

Анализ половозрастной структуры дворов, в которых были выявлены случаи раннего брака, дает возможность предположить чаще всего наличие экономической необходимости, вынуждающей заключать такой брак.

Так, в д. Байрамгулово Челябинского уезда 10-летний мальчик был женат на 12-летней девочке. Молодые жили в отцовской семье, при этом отцу было уже 83 года. По-видимому, старики-родители торопились устроить судьбу своего сына *[Там же. Д. 390]*. В другом случае, в д. Мавлютово того же уезда, 14-летний глава семьи, имевший престарелую мать и младших братьев и сестер, был женат на женщине старше себя *[Там же. Д. 394]*. Вероятно, это было связано с необходимостью иметь дополнительную пару рабочих рук в хозяйстве.

Сравнительный анализ с данными оседло-земледельческих уездов показывает меньшую распространенность ранневозрастных браков у башкир-земледельцев. Так, по данным VII ревизии (1816),

в Бирском и Мензелинском уездах из 656 исследуемых брачных пар ранние браки наблюдались в 14 случаях, что составило 2,1 %. В 8 случаях в раннем браке состояли девушки, в 6 — юноши. При этом среди 12—13-летних — по одному случаю (юноши), 14-летних — 2 случая, остальные состоящие в браке — 15-16-летние *[ЦИАРБ.* Ф. И-138. Оп. 2. *Д.* 291, 161].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что ранний возраст вступления в брак в начале XIX в. был более характерен для башкир с полукочевым скотоводческим хозяйственным укладом. Изучение более поздних данных показывает, что наметилась явная тенденция к повышению возраста вступающих в брак.

Среди исследуемых 939 брачных пар по Стерлитамакскому, Оренбургскому, Верхнеуральскому уездам, по материалам VIII ревизии (1834) наблюдается 26 случаев раннего брака, или 2,7 %. Из них в 19 случаях в браке состояли юные девушки 15—16 лет *[Там же. Д.* 430, 430а, 525, 565, 566].

Данные по оседло-земледельческим уездам показывают аналогичный прежнему результат: из 565 исследуемых брачных пар 9 случаев раннего брака, что составляет 1,6 *% [Там же. Д.* 468, 547].

Материалы ревизий за 1859 г. практически уже не фиксируют случаи ранневозрастного брака. В исследуемых нами деревнях возраст состоящих в браке составляет 16-17 лет и старше.

Таким образом, налицо повышение возраста вступающих в брак. Как видно, законы Русского государства, сама жизнь и опыт поколений привели к более рациональному возрасту брачащихся.

По данным Асфандиярова, в середине XIX в. основная масса девушек вступала в брак до 20, некоторая их часть — до 25, незначительная часть — до 30 лет. В большинстве своем мужчины обзаводились семьей в 20-25, реже — до 20, менее всего — в 26-30 лет *[Асфандияров,* 1997. С. 54]. По сведениям 1866—1869 гг., в брак вступали в первую очередь молодые жених и невеста, затем вдовцы и вдовы и, наконец, вдовцы и девушки.

Подводя итоги изучения вопроса о прослеживаемых по ревизским сказкам формах брака, мы можем констатировать следующее. В течение первой половины XIX в. в башкирском обществе наблюдаются некоторые пережиточные формы брака, такие как полигамия, левират, а также раннее вступление в брак. Их доля в общем объеме исследуемых брачных пар незначительна, и существовала тенденция к их сокращению.

На протяжении первой половины XIX в. доля полигамных браков сократилась в среднем с 10,6 до 8,4 % от общего числа исследуемых брачных пар. Сравнительный материал по оседло-земледельческому региону показывает меньшую распространенность среди оседлых башкир пережиточных форм брака и более значительное их сокращение к середине XIX в. — с 10,5 до 5,6 %.

Наблюдаемое некоторое повышение рождаемости в полигамных браках было незначительным и существенного влияния на общий прирост населения не оказывало. При этом средняя плодовитость женщины в полигамном браке была ниже, чем в моногамном, и некоторое повышение общей рождаемости обеспечивалось в основном за счет увеличения количества женщин, состоявших в брачных отношениях.

Кроме того, прослеживается прямая взаимосвязь между увеличением количества сложных семей в этот период и сохранением в них пережиточных форм брака. Их некоторое распространение в это время связано с установлением в Башкортостане кантонной системы управления и, следовательно, с усилением военно-феодального гнета и ухудшением социально-экономического положения полукочевого башкирского населения, что привело к консервации некоторых древних традиций, обычаев, обеспечивающих сохранение и выживание этноса в трудные периоды истории.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА

Ислам в Башкортостане в первой половине XIX в. укрепляет свои позиции. Объяснялось это несколькими причинами. Начался быстрый процесс перехода башкир к оседлому образу жизни, и в деревнях стали строить мечети - центры культурно-духовной жизни мусульман. В 1800 г. в Оренбургской губернии действовало 1 147 мечетей, при которых состояло 1 793 духовных служителя. Через тридцать лет в крае насчитывалось уже более 1 660 мечетей и 2 883 религиозных служителя. Увеличение количества мечетей вызывает серьезное беспокойство у правительства и местных властей. Оренбургский военный губернатор В.А.Перовский и управляющий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Д.Блудов выразили взаимное согласие на разработку действенных мероприятий по уменьшению количества мечетей и мулл. Местная администрация осложнила выдачу разрешений на открытие мусульманских приходов. С 1829 г. все претенденты на должность ахуна, имама или муэдзина обязывались сначала являться в губернское правление и только потом в Оренбургское магометанское духовное собрание. Мечети, построенные без разрешения, признавались недействительными и подлежали закрытию. Принятые меры оказались результативными, и уже к 1835 г. количество мусульманских приходов и духовных служителей сократилось соответствен-

но до 1 235 и 2 039. Такая политика ограничений продолжалась и в дальнейшем.

Тем не менее к 1850 г. количество мечетей в крае восстановилось. В Оренбургской губернии насчитывалось 1 663 мечети и 3 955 духовных служителей. Таким образом, по сравнению с 1800 г. число мечетей и мулл увеличилось в 1,5 раза. Это соответствовало росту численности населения. В середине века, как и в начале, на одну мечеть приходилось в среднем по 231 души м. п.

Большинство мечетей строилось на деньги прихода. Те, что были возведены на средства отдельных граждан, брались Духовным собранием на особый учет. Их перестройка, перенос, изменение фасада согласно канонам ислама производились только с согласия владельца. Особенно много спорных ситуаций возникло в 40-х гг. XIX в., когда по приказу военных властей происходило переселение части башкирских селений.

С введением кантонной системы в Башкортостане и созданием Башкиро-мещерякского войска мусульманское духовенство получило легитимность и в армии. В случае участия войска в военных походах российской армии комплектовались пятисотенные полки, в которых по штатному расписанию предусматривался один мулла. Мусульманское духовенство в составе башкирских, мишарских и тептярских полков принимало участие в войнах. Муллы не только поддерживали боевой дух солдат-мусульман, но и способствовали выработке у них сообразного кодекса чести (гуманное отношение к военнопленным, запрет на взятие военных трофеев и разорение культовых учреждений) *[Рахимов*, 2000. С.119].

Во время этих войн Духовное собрание сочиняло патриотические воззвания отправлявшимся на войну, но не все из них признавались властями удачными. Например, в 1812 г. фетва муфтия Мухамеджана Хусайнова показалась правительству слишком воинственной. Посчитав, что наставление главы российских мусульман способно вызвать гнев у среднеазиатских народов, оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский приказал запретить ее распространение *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 2. *Д.* 950. *Л.* 6-7]. Впрочем, подобные фетвы муфтия распространялись в Средней Азии еще в конце XVIII в. *[РГАДА.* Ф. 16. Оп. 1. *Д.* 934. *Л.* 102—104]. Порядок прохождения воинской службы мусульманского духовенства края в мирное время определялся командующим Башкиро-мещерякским войском. В его инструкции начальникам кантонов от 10 апреля 1798 г. имеется пункт об освобождении мусульманского духовенства от командировок на пограничную линию. Однако ввиду многочисленных просьб башкир и мишарей данное предписание было отменено. Первоначально очередностью отправки мулл на пограничную линию занимались начальники кантонов, что вело к злоупотреблениям. Духовное собрание лишь изредка вмешивалось в этот вопрос. В частности, в 1830 г. по представлению религиозного учреждения был лишен религиозного звания А.Тюлькубаев, притворившийся больным и не выехавший в составе 8-го Оренбургского полка в Одессу. По распоряжению Перовского от 5 апреля 1834 г. начальники кантонов лишились права распределять духовных чиновников на военную службу. Эта функция перешла к Духовному собранию, которое теперь ежегодно по графику направляло мулл на пограничную линию.

В соответствии с законодательством высшие духовные лица (муфтии и ахуны) освобождались от рекрутских повинностей. Такую льготу имели также муллы, хатыбы имамы, получившие свои звания до приведения мусульманского духовенства в штатное положение согласно указу Сената от 23 января 1836 г. Впрочем, приходы по добровольным общественным приговорам могли освобождать своих мулл от всех повинностей и податей.

Долгое время назначением на религиозные должности занимались гражданские власти края. Это вызывало недовольство командования Башкиро-мещерякского войска, которое желало взять на себя функции предварительного утверждения кандидатов на должность муэдзина и имама. Перовский в своем указе Духовному собранию отмечал, что «инородцы утверждаются в духовных званиях без ведома своего начальства и происходит то, что способные и зажиточные ищут и получают духовные звания во избежание службы (военной. *-Д. А.)*, на которой они были бы гораздо полезнее». Он предписал Духовному собранию в дальнейшем экзаменовать претендентов только с согласия командующего Башкиро-мещерякским войском или военного губернатора. Государственный совет в 1837 г. юридически закрепил предложения оренбургских властей *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 3939. *Л.* 1-9].

Мусульманское духовенство, находившееся в подчинении командующего Башкиро-мещерякским войском, обладало значительными льготами. В соответствии с приказами военного командования от 12 апреля 1834 г. и 13 февраля 1837 г. оно не платило целый ряд налогов.

В планах военных властей края было введение четкой вертикали среди религиозных служащих. Они начали реализовываться с открытием 30 августа 1846 г. соборной мечети при башкирском Караван-Сарае, красивейшего здания на Российском Востоке. В строительстве комплекса попеременно принимали участие 7 181 башкир, и оно целиком финансировалось из так называемого «башкирского общественного капитала» и добровольных пожертвований мусульман. Церемония открытия

Караван-Сарая вылилась в общественный праздник. На ней присутствовало несколько тысяч мусульман (300 из них получили персональное приглашение от оренбургских властей) во главе с муфтием Габдулвахидом Сулеймановым. Скомкало церемонию то, что включенные в ее программу спортивные состязания — борьба и скачки - проводились во время священного мусульманского месяца рамазана, когда любые развлечения запрещены. Предполагалось сделать мечеть главной для башкир и мишарей, служащих, а ее имама — центральной духовной фигурой для мусульман войска. Конкуренция на должность имама мечети была острой. Заветное место занял Гатаулла Алтынгужин (1802—1865), до этого служивший муллой при мечети д. Аллагуватово Стерлитамакского уезда. С 1848 г. правительством из казны производилась ежегодная выплата жалованья мулле и муэдзину мечети Караван-Сарай по 100 и 50 руб. серебром. С этой целью в войске в 1850 г. была учреждена должность старшего ахуна. Однако создать вертикаль в религиозном управлении внутри Башкиромещерякского войска не удалось. Для этого требовалось изменить законодательство и переподчинить всех имамов в крае старшему ахуну. Фактически действия Алтынгужина в основном сводились к составлению справок для военного командования и переводу инструкций и обращений командующего войском.

В начале XIX в. вопрос о полномочиях Духовного собрания в решении гражданских споров мусульман неоднократно обсуждался центральными властями. В недрах Министерства духовных дел и народного просвещения в 1822 г. был разработан проект о разделении обязанностей и прав мулл, ахунов и членов Духовного собрания. Иерархический принцип устанавливался и в наблюдении за ними.

Оренбургский ахун Габдессалям Габдрахимов и каргалинский имам Габдрахман Мухаметшарифов в письме Министерству внутренних дел от 28 марта 1824 г. отметили, что подобные разбирательства по мусульманским традициям должны производиться исключительно ахунами, а муфтии и члены Духовного собрания имеют право пересматривать их решения.

Окончательную точку в рассмотрении проекта поставило заключение оренбургского гражданского губернатора Р. В.Нелидова, составленное на основе отзывов местных органов власти. В письме от 15 мая 1825 г. губернатор подчеркнул, что «магометанские чиновники, получив новую степень власти, обратятся не на пользу, а к всяческому угнетению своей паствы». Он предложил все брачные и имущественные споры рассматривать только в гражданских судах. В результате «Правила о магометанских супружеских делах» были отклонены, что явилось очередным подтверждением приоритета гражданских властей в решении подобных дел.

Однако через несколько лет ситуация переменилась. Серьезным обстоятельством, способствовавшим росту мечетей и соответственно религиозного сознания, стало принятие правительством в 1828 г. по инициативе оренбургского вице-губернатора Н.Ханыкова «Правил о магометанских метрических книгах». Муллы приобрели статус нотариусов, Духовное собрание — нотариальной конторы, куда граждане и официальные учреждения обращались по всем вышеуказанным вопросам.

К своеобразной элите мусульманского духовенства в России относились ахуны. Выполнение своих обязанностей они совмещали с заведованием приходов. Иногда местные власти ходатайствовали о наделении их другими полномочиями. Например, 22 юртовых старшины и начальник 10-го башкирского кантона Сафаров направили в 1833 г. в Духовное собрание прошение, в котором выражали пожелание, чтобы ахун Усман Абдуллин контролировал все мусульманское духовенство в округе. Религиозное учреждение удовлетворило это ходатайство.

В середине XIX в. количество ахунов в крае резко увеличилось. В 1851 г. в Оренбургской губернии их насчитывалось 25 человек. Растущее число ахунов и связанная с этим девальвация этого звания вынудило Духовное собрание ввести должность старшего ахуна. Против выделения внутри ахунов особой категории духовных служителей выступил муфтий Габдулвахид Сулейманов. В постановлении Духовного собрания от 14 августа 1841 г. было указано, что «этого старшинства в законе магометанском вовсе не положено, и все они носят чины и обязанности равные». Религиозное учреждение возложило ответственность за введение «незаконной должности» на муфтия Габдессаляма Габдрахимова. Правда, при этом оно отметило, что, вероятно, бывший муфтий таким способом выделил особо знающих ахунов. В 1851 г. в Оренбургской губернии титул старшего ахуна носили 5 человек: Сагит Сарараев (Уральск), Гатаулла Алтынгужин (оренбургский Караван-Сарай), Хузян Манасов (Троицк), Абдулгани Амирханов (с. Тавларово Белебеевского уезда), М. Ягудин (д. Поисеево Мензелинского уезда). Кроме них, контроль над приходским духовенством осуществляли в Стерлитамакском уезде 4 ахуна, в Оренбургском, Верхнеуральском, Белебеевском и Мензелинском уездах - по 2 ахуна, в Уфимском,-Челябинском, Троицком, Бирском — по 1 ахуну. Такими же правами обладали ахуны Оренбургской соборной мечети Усман Мусин и Стерлитамакской соборной мечети Камалетдин Нагаев.

В 50-х тт. XIX в. Духовное собрание, видимо, щепетильнее подходило к претендентам на высокое звание. Так, в Стерлитамакском уезде в период с 1847 по 1852 год вместо четырех выбывших старших чиновников не назначили никого. В 1856 г. 60 деревень уезда обслуживали всего 2 ахуна: К. Шамсутдинов и М. Мусин. Приходской ахун избирался вместо выбывшего по тем же правилам, что имамы и муэдзины. Никаких особых требований на экзамене ему не предъявлялось. Весомость претендента на должность старшего ахуна должны были подтвердить большинство духовных служителей, а также старшины команд или сельские начальники. Должность ахуна давала большие права при разбирательстве дел мусульман, и, естественно, к ней стремились многие имамы.

На экзаменах в Духовном собрании присваивались степени, общепринятые в исламском мире. Чтобы избежать путаницы в делопроизводстве, правительство стремилось выделить основные звания. Указами Сената от 9 декабря 1835 г. и от 23 января 1836 г. при соборной мечети разрешалось иметь по одному хатыбу и имаму. Иерархия между имамами и муэдзинами соблюдалась строго. Муэдзинам разрешалось исполнять имамские обязанности только в том случае, если это было особо оговорено в их указе. За присвоение несвойственных своему званию функций 24 декабря 1846 г. муэдзина соборной мечети д. Юмагузино Стерлитамакского уезда Хисматуллу Курмангулова удалили с должности.

Равный статус имамов в мечети приводил к острой конкуренции между ними и даже дракам. Например, в 1849 г. имамы соборной мечети д. Кандрыкулево Белебеевского уезда Хуснутдин Баязитов и Габдулгани Фаткуллин устроили драку прямо в мечети. Духовное собрание признало их виновными и удалило с должности. Исходя из данной, нелицеприятной для мусульман практики, начальник 3-го мишарского кантона А. Валитов предлагал в конце 1852 г. во всех мечетях назначать старших имамов с подчинением им остальных служителей. 19 января 1853 г. Духовное собрание приняло постановление относительно обращения кантонного начальника. В нем говорилось, что муллы обязаны исполнять богослужения по строгой очередности, а светские власти не должны входить в разбирательство духовных дел. При испытании кандидатов на духовные должности религиозное учреждение обязывалось придерживаться возрастного ценза. В ахуны, кадии, мухтасибы и мударрисы разрешалось принимать лиц не моложе 25 лет, в хатыбы, муллы, имамы — не моложе 22 лет, в муэдзины - не моложе 21 года.

Состояние мечетей, их имамов и муэдзинов было различным. Мусульманское духовенство не могло представлять в имущественном плане нечто однородное, хотя бы из-за своей многочисленности. В середине XIX в. в Оренбургской губернии, по сведениям Духовного собрания, к указанному сословию принадлежало 7 143 человека, а по данным губернского правления - 8 044 человека.

Большинство имамов и муэдзинов принадлежали к средним слоям общества. На территории края, особенно в земледельческих районах, значительная часть духовенства получала с прихожан налог закят гушр, представляющий десятую часть с урожая. В исламских странах он шел в пользу бедных, нуждающихся членов общины. В Башкортостане же налог трансформировался в пожертвование, прежде всего имамам и муэдзинам.

Размер получаемого духовенством содержания зависел от состоятельности прихожан. В 1855 г. пристав 3-го стана Белебеевского уезда писал о духовных лицах, что они «от прихожан пользуются хлебом при времени уборки из 10 телег одну телегу и от 10 пудов пудовку, в общем мулла в год получает до 20 руб. серебром». В целом по Белебеевскому уезду средние доходы были гораздо ниже - 3,5 руб. серебром. Несомненно, часть мусульманского духовенства была весьма состоятельной. Например, в 1862 г. самый большой табун в Башкортостане в 700 голов принадлежал мулле Аллаберде Джиналину, кочующему по р. Ток Оренбургского уезда. Крупными табунами лошадей владели также имамы Верхнеуральского уезда Хусейн Кильдыбаев и Ималы Имангулов. Некоторые представители мусульманского духовенства отличались передовыми методами ведения хозяйства. Например, муэдзин д. Кучумово 2-го башкирского кантона Бакий Сейфуллин впервые в округе внедрил искусственное орошение полей, засевал нетрадиционные культуры, за что в 1862 г. был награжден серебряной медалью. В 1863 г. за успехи в огородничестве и пропаганду передовых методов ведения хозяйства был отмечен также имам д. Абзелилово Верхнеуральского уезда Зиятдин Абдулмазитов. Эти факты опровергают утверждения государственных чиновников о том, что именно муллы из-за корыстных целей тормозили экономическое развитие башкир и мишарей.

Имамы и муэдзины получали от прихожан вознаграждение за совершение различных обрядов: за молитву над новорожденным младенцем, наречение имени и совершение бракосочетания, за молитвы во время похорон и после них на 7-й и 40-й день. Размер подношений сильно колебался. В 1-м стане Челябинского уезда в 1854 г. имамы брали за регистрацию бракосочетания с каждого калымного рубля 2 коп. медью. В Уфимском уезде, по данным губернского правления, духовные лица получали «за молитву новорожденным по 3 коп., при погребении умерших вещами и деньгами до 20 коп., за бракосочетание, смотря по калыму,

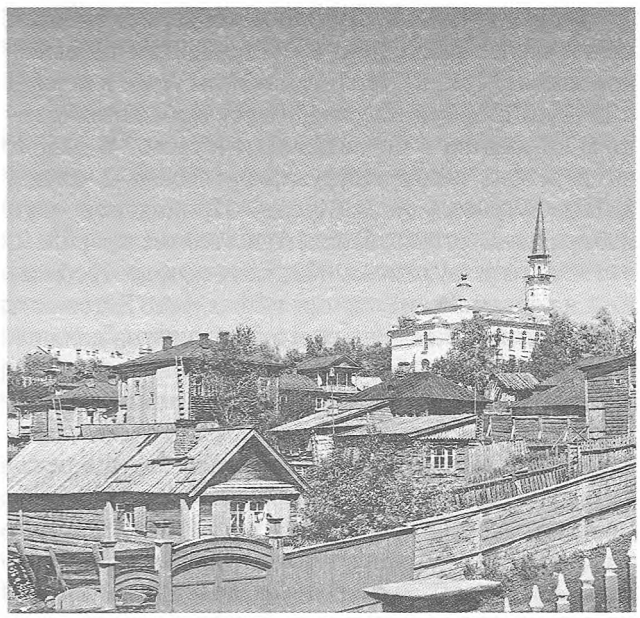
по 1 коп. с рубля серебром». Значительные пожертвования в пользу духовенства поступали в дни мусульманских праздников. В частности, в дни Курбан-байрама духовным лицам отдавали лучшую долю мяса жертвенных животных и их шкуры. В конце XIX в. вошли в практику пожертвования в пользу мечетей и имамов земельных участков.

Передвижения ахунов, имамов и муэдзинов регулировало само религиозное учреждение. Этот вопрос поднял перед властями еще в 1804 г. муфтий Мухамеджан Хусейнов. Но тогда Оренбургское губернское правление, не желая усиливать административные полномочия Духовного собрания, отказало ему. Глава Департамента духовных дел А.Н.Голицын, напротив, одобрил в 1812 г. предложения муфтия и просил всех губернаторов руководствоваться разработанными им положениями. В 1815 г. в своем обращении к министру юстиции Д.П.Трощинскому Хусейнов обвинил оренбургскую администрацию в преднамеренных действиях по отвлечению имамов и муэдзинов из его ведомства. В результате настойчивости муфтия выдача разрешений духовным служителям на поездки полностью перешла в ведение Духовного собрания.

Серьезной проблемой для религиозного учреждения были постоянные выезды башкирских мулл на летние кочевки. Будучи бессильным бороться с этим явлением, оно ограничивалось предупреждением о недопустимости оставления приходов. В 1826 г. был принят закон о запрете мусульманскому духовенству заниматься торговлей. Но религиозные служители старались обойти закон. Этому в какой-то мере способствовало и Духовное собрание. Для удовлетворения духовных запросов мусульман на Нижегородскую, Ирбитскую, Мензелинскую ярмарки ежегодно командировались муллы, которые сами включались в торговлю.

Анализ прошений имамов и муэдзинов показывает, что целью многих поездок были встречи с духовными учителями. Поездки совершались для пополнения знаний, а также с целью переписки книг, которых тогда было явно недостаточно. Своеобразными центрами паломничества в XIX в. являлись Стерлитамак, с. Стерлибашево Стерлитамакского уезда, с. Каргалы Оренбургского уезда. Нередко в эти центры приезжали и важные персоны. Осенью 1826 г. в Стерлибашево находился казахский хан Ширгази Айчуваков, который получил духовное наставление у имама Нигматуллы Биктимирова.

Духовное собрание держало под контролем паломничество ахунов, имамов и муэдзинов в Мекку, Медину и Иерусалим (хадж). Главным критерием при выдаче разрешений на хадж было наличие в приходе имама, способного заменить путешественника. Местная администрация прежде всего обращала внимание на благонадежность



Первая соборная мечеть. Уфа, начало XX в.
С. М. Прокудин-Горский. Фото

путешественника. Из-за больших финансовых затрат число совершающих хадж было невелико. Некоторые из паломников не возвращались. Так, в 1823 г. остался в Стамбуле Мухаметша Кутлуахметов. В своем письме брату он просил оказать материальную помощь и сообщал о нахождении в Турции еще одного башкира-невозвращенца Абдуллы Гаишева.

Духовное собрание принимало самое непосредственное участие в устранении малолетних браков. Шариат устанавливал брачный возраст для юношей с 15 лет. Само Духовное собрание в отношении к оренбургскому губернскому прокурору от 3 января 1861 г. придерживалось мнения, что на основании книг «Тахтава» и «Мухтасаф» у мужчин и женщин «в 15 лет наступают совершенные лета, поэтому в этом возрасте должно быть разрешено им вступать в брак».

По указу императора Николая I от 1 марта 1835 г. возраст полной брачной правоспособности для юношей наступал с 18 лет, для девушек — с 15 лет. А. З. Асфандияров на основе подсчетов по 27 деревням Оренбургского уезда пишет, что «ранний брак зафиксирован в 96 семьях из 1 080, что составляет 8,8 % от всех семей в основном полукочевых башкир. У оседлых башкир-гайнинцев таких семей было лишь 0,5 %». По всей вероятности, ранние браки встречались гораздо чаще. На основе этнографических материалов Н.В.Бикбулатов и Ф.Ф.Фатыхова считают, что муллы всячески избегали записывать в метрических книгах ранние браки, а отмечали их лишь по достижении совершеннолетия по закону жениха и невесты. Это подтверждают и материалы Духовного собрания.

Например, в постановлении религиозного учреждения от 12 февраля 1852 г. указано, что «нередко <...> будущие зятья, условившись с родителями невесты, отдавая калым без венчания, бывают допущаемы последними в свои дома, почему и впадают с будущими женами в блуд, каковыми пользуются до венчания год и более, а местное духовенство, зная это, равнодушно».

Предварительный срок брака, который носил название «ижаб-кабул», гражданским законодательством не признавался. Это приводило к распрям. Так, имамы д. Азнагулово Бушман Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда Мухаметхасан Буляшев и Галиакбер Султангулов в рапорте от 5 июня 1883 г. указывали, что в округе «браки бывают между прихожанами вопреки закона, а именно, усватает жених невесту и выплатит калым до совершения законных лет, а когда должен совершиться законный брак, невеста замуж не выходит». Имамы указывали на то, что они бессильны разобраться в многочисленных тяжбах, затеваемых из-за несоблюдения закона.

Крайне редко имамы, надеясь на невнимательность ревизоров, заносили в метрические книги браки совсем с малолетними детьми. Так, в 1835 г. имам д. Утяшево Западного 4-го башкирского кантона Г.Мурсалимов зарегистрировал брак совершеннолетнего башкира С.Габдулвагапова с 6-летней М.Султанбековой, который был расторгнут через 6 лет, а имам отделался предупреждением. В 1836 г. имам д. Керимово 4-го башкирского кантона Троицкого уезда Биктимир Аминов совершил 3 бракосочетания юношей с невестами от 7 до 11 лет. Он избежал жесткого наказания и в 1840 г. был восстановлен в должности.

21 июня 1849 г. Николай I утвердил решение Государственного совета о наказании мулл за совершение ранних бракосочетаний тюремным заключением до 6 месяцев. Духовное собрание, усердно выполняя данное предписание, в 1852 г. постановило удалить с должности и заключить в тюрьму нарушителя закона муэдзина д. Азикеево Уфимского уезда А. Абдулгафарова. Министерство внутренних дел несколько охладило пыл Духовного собрания, отменив его решение, так как по закону требовалось произвести следствие гражданским судом. В 1861 г. по Башкирскому войску за совершение ранних браков были отстранены 6 имамов.

Инструкция по порядку совершения браков и разводов для приходского духовенства была составлена муфтием Габдулвахидом Сулеймановым. Его фетва от 29 января 1841 г. была обязательна для исполнения всеми ахунами и имамами и сохраняла силу закона до Октября 1917 г. Важным элементом брачного обряда мусульман было взаимное согласие вступающих в брак.

В соответствии с указаниями правительства Духовное собрание в своих постановлениях стремилось убедить имамов не допускать насильственных браков. Валиям запрещалось принуждать к браку несовершеннолетних. В инструкции предписывалось узнавать о желании невесты опосредованно, через вакиля и свидетелей. Духовному лицу разрешалось оформлять свой брак без приглашения другого имама, только с согласия валия невесты (отца или воспитателя) и не иначе, как при свидетелях. В практике государственно-религиозного учреждения разбирательства по насильственным бракам встречались очень часто. Нередко такие браки сопровождались жестокостями. Так, в 1823 г. в д. Яманлич Красноуфимского уезда Пермской губернии Х.Ямансарова была схвачена односельчанином Мухамедьяром Тляккабуловым и Феррахом Губейдуллиным и заперта в хлебную клеть с последним. 12 дней девушку побоями принуждали к браку. В избиении участвовал и ахун Гадилына Ханыбеков. Потерпевшая обратилась с жалобами к царю. Духовное собрание и Красноуфимский земский суд доказали вину ахуна.

В системе Духовного собрания наказания имамов за насильственные браки было минимальными. Например, в 1847 г. за подобный неправомерный поступок Духовное собрание лишило звания ахуна А.Сеитбурханова из д. Учкулево Челябинского уезда. В 1855 г. звание было возвращено, причем указ гласил, что «ахун виновен лишь в насильственном бракосочетании несовершеннолетней девушки».

Лица, выступавшие в качестве свидетелей незаконных браков, несли наказание более серьезное, чем валии и муллы. Например, имам соборной мечети д. Смаково 8-го башкирского кантона Хусейн Исмагилов за регистрацию брака малолетних в 1852 г. был переведен в рядовые башкиры без выслуги лет, а три лжесвидетеля С.Акаев, Л.Алкин и Р. Кувандыков содержались несколько месяцев на хлебе и воде при юртовой квартире.

Очень редко встречались факты продажи женщин. В 1832 г. житель д. Бакаево Белебеевского уезда Хисматулла Файзуллин продал свою жену Шамсубадин из д. Дюсметево Уфимского уезда за 80 руб. подпоручику Башкирского войска Аслаю Бакирову. Муфтий Габдессалям Габдрахимов в донесении военному губернатору писал, что такой поступок «совершенно дерзко противу закона магометанского <...> да и подпоручик Бакиров не вправе был вольную женщину брать в покупку и располагать подобно крепостной». Духовное собрание предписало вернуть Шамсубадин к отцу. В 1881 г. башкир д. Старо-Муйнаково Троицкого уезда Динислам Валишин купил за лошадь у односельчанина Баймухамета Хусейнова 12-летнюю

дочь Мазию, которая утверждала, что отец отдал ее насильно.

Религиозное учреждение в ряде постановлений определило организационную сторону разводов. С 1829 г. имамы обязывались записывать все разводы в метрические книги с взятием подписи от участвующих сторон и свидетелей. Самой первоначальной задачей духовных лиц являлось примирение супругов. Иногда это удавалось. С супругов брали подписку о прекращении взаимных претензий. Муж и жена, свидетели и приходской имам подписывались также в метрических книгах. Аналогично рассматривались жалобы жен на побои мужей. В таких случаях имамы производили разбирательство с привлечением свидетелей. Так, Духовное собрание обязало жителя д. Явлекбердино Уфимского уезда Ф.Бурангулова дать «подписку, дабы впредь жене Гюльбюзиме Кагармановой обид и притеснений не чинил, в противном же случае вольна будет от него в браке быть свободной».

Духовное собрание рассматривало обращения женщин, жалующихся на родителей, принуждавших их к вступлению в брак с нелюбимыми. Конечно же, только малая часть девушек-невест пользовалась правом подачи апелляции в Духовное собрание и добивалась выхода замуж по желанию. Особенно часто встречалась ситуация, когда девушки, просватанные еще в малолетнем возрасте, по достижении брачной правоспособности отказывались выйти замуж. Так, дочь Ахтяма Утаева Зулейха из д. Сибаево Верхнеуральского уезда в 1830 г. была просватана за чиновника 14-го класса Ядмира Чураманова. В своем обращении в религиозное учреждение в 1843 г. Зулейха писала: «Ныне нареченный требует выхода замуж <...>, но он имеет преклонные лета, отчего я могу встретить для себя самое гибельное положение». По предписанию Духовного собрания Зулейха Ахтямова смогла выйти замуж за избранного жениха Хужахмета Галина. Подобно Зулейхе Ахметовой поступила и дочь уфимского мещанина Ушияра Зубаирова Марьям. В 1857 г. она попросила защиты Духовного собрания от отца, пожелавшего выдать ее за нелюбимого человека. Марьям и ее избранник ясачный татарин д. Арасланово Салимгарей Ибрагимов побывали на приеме у муфтия. В соответствии с постановлением Духовного собрания от 29 апреля 1857 г. имам соборной мечети Шарафутдин Сулейманов произвел над ними обряд бракосочетания.

Как известно, шариат разрешает каждому мужчине иметь до 4 жен. Многоженство получило распространение в основном среди состоятельных слоев мусульманского общества. По подсчетам Асфандиярова, в начале XIX в. в скотоводческих районах Башкортостана многобрачные семьи составляли 21,1 %, а в земледельческих районах 10,4 % от общего количества. Многоженство отчасти регулировалось Оренбургским магометанским духовным собранием. В постановлении учреждения от 29 января 1841 г. 18-й пункт содержал следующие требования: «Начальники башкирского или другого казачьего сословия жениху дают удостоверение в том, что он для вступления в брак со второю супругой имеет причины, содержать жен может безукоризненно и справедливо, и что первую жену не обижал. По получении такого удостоверения имамы должны совершать браки запискою в метрики».

Видимо, данное указание исполнялось далеко не всеми имамами и старшинами. В 1847 г. начальник 3-го башкирского кантона Шадринского уезда писал в Духовное собрание, что «башкиры и мещеряки не выполняют предписания властей о повторных браках и между несовершеннолетними из-за тяги к соблюдению старых обычаев браки совершаются вопреки существовавшему порядку без разрешения местной власти, а это может подвергать большую часть башкир в бедность, даже в нищету». В сферу деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания входил разбор дел, касающихся нарушения мусульманских норм морали. В начале функционирования религиозное учреждение полностью придерживалось канонов шариата. Так, в 1833 г. башкир 11-го башкирского кантона Г абдрахим Мендияров и татарка из Казанского уезда Маргавафа Хабибулина за сожительство без оформления брака были приговорены религиозным учреждением к 200 ударам плетьми. Местные органы власти исполнили приговор. Впоследствии практика вынесения телесных наказаний Духовным собранием была отменена.

Большие трудности возникали у Духовного собрания с регулированием межэтнических браков. Долгое время действовал указ от 1747 г. о запрещении взаимных браков между башкирами, татарами и казахами. Местные власти открыто признавали, что данный указ муллами фактически не соблюдался. В 40-х гг. XIX в. ограничения на межэтнические браки внутри мусульманского общества были признаны правительством как утратившие свою силу.

Шариат позволял женщине уйти от мужа в случае его вероотступничества. Так, в 1852 г. по постановлению Духовного собрания башкирка 5-го башкирского кантона Троицкого уезда М. Гайнуллина вместе с детьми покинула своего мужа мишара д. Улькунды Уфимского уезда Магафура Султанова, принявшего православие.

Другой важной проблемой для властей являлись участившиеся случаи браков мусульман с язычницами. Как известно, по шариату они строго запрещены, если жена или муж остаются в прежней вере. В 1848 г. Министерство внутренних дел по частному прошению удмуртки Абдулнасыровой

приняло постановление о допущении браков мусульман с язычницами. Такие браки должны были записываться в метрические книги. В 50-х гг. власти вернулись к обсуждению данного вопроса. Ознакомившись с докладом оренбургского генерал-губернатора Перовского и обер-прокурора Святейшего Синода за 1858 г., в котором поднималась проблема «совращения» язычников в мусульмане, Александр II приказал принять действенные меры. На основе предписании императора оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак издал инструкцию о запрещении браков язычников с мусульманами, но она повсеместно не выполнялась.

Законодательство о применении телесных наказаний в отношении мусульманского духовенства неоднократно менялось. Указами Сената от 9 января 1796 г. и 22 мая 1801 г. оно, как и православное духовенство, освобождалось от телесных наказаний. Постановлением Государственного совета от 25 января 1822 г. муллы лишались этой привилегии. Но до вынесения предписаний судебной власти Духовное собрание обязано было лишить виновных их звания. Государственно-религиозное учреждение тщательно рассматривало послания судебных инстанций с обвинениями против своих подопечных. Духовное собрание, руководствуясь принципом презумпции невиновности, отказывало в просьбах об отстранении подозреваемых прежде вынесения судебного приговора.

После 1865 г., когда все мусульманские духовные служители, состоящие в Башкирском войске, перешли в гражданское ведомство, на них распространились все права и обязанности свободного состояния. Волостным судам запрещалось использовать против имамов и муэдзинов телесные наказания.

Важную роль при проведении расследований по мусульманским делам должны были играть посредники (медиаторы). Они избирались со стороны обеих конфликтующих сторон. Раздел имущества по законам шариата происходил только с согласия спорящих сторон. Они имели право обжаловать приговор духовного лица. В таком случае Духовное собрание принимало решение по своему усмотрению. Например, в 1840 г. башкир д. Кубово Уфимского уезда Ижбулды Урманшин остался недовольным действиями местного муллы и своей мачехи Рабиги Салиховой при разделе имущества. Духовное собрание, посчитав решение имама справедливым, постановило отправить дело в уфимский уездный суд.

Духовное собрание нередко само пересматривало дела по разделу имущества. Обычно в Духовное собрание с просьбами о справедливом разделе обращались женщины. Учреждение часто удовлетворяло их прошения. Так, в 1838 г. после кончины походного старшины д. Баишево Оренбургского уезда Тляма Урмаметова его дочь Мукмина добилась через Духовное собрание передачи братьями части наследуемого имущества. Необходимо заметить, что некоторые имущественные споры тянулись десятилетиями. В частности, дочь умершего в 1851 г. купца Резяпова Гюмаена в течение 17 лет оспаривала у братьев движимое и недвижимое имущество на сумму 300 тыс. руб. Только кончина Гюмаены остановила тяжбу.

В ведении Духовного собрания находились регистрация и приведение в исполнение завещаний (васийат). Духовные завещания делались как устно, так и письменно. Устные завещания практически полностью являлись прерогативой религиозного учреждения. Но их исполнение было сопряжено с многочисленными трудностями. Так, в 1861 г. имам д. Субаево 24-го башкирского кантона Сейфульгалим Фазлыахметов сообщал в Духовное собрание, что односельчанин Мухаметгалий Хисаметдинов поручил своему брату Фахрутдину отдать его дом имаму. Фахрутдин исполнил духовное завещание покойного брата, но местный старшина и жена Мухаметгалия препятствовали духовному лицу занять дом. Религиозное учреждение в 1863 г. обратилось к начальнику 24-го кантона с просьбой защитить права Сейфульгалима Фазлыахметова.

Важное значение со стороны Духовного собрания придавалось соблюдению населением мусульманских обрядов. В этом учреждению в первой половине XIX в. помогали вышестоящие органы. Но когда центральные власти принимали решения, противоречащие нормам шариата, оно как правительственное учреждение послушно разъясняло необходимость непопулярных мер. Так, 9 февраля 1827 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета о погребении умерших через 3 дня после смерти, что вызвало недовольство у части мусульманского духовенства и населения. В 1829 г. казанский старший ахун Габдул сатар Сагитов поднял вопрос о несоответствии этого указа мусульманским законам. Его поддержали 600 башкир 5-го кантона, которые в своем обращении на имя императора заявили, что если «содержать тело умершего по 3 дня, тогда оно, смрадным запахом причиняя иным отвращения, а иным болезни, не может быть омыто, а следовательно, не допущено прочтения отходной». Ходатаи выражали недоумение фетвой муфтия Габдессаляма Габдрахимова, в которой действия правительства признавались согласными с мусульманскими канонами. Обеспокоенные власти искали подстрекателей башкир, подозревая имама-хаджи Утягана Исрафилова. Кроме распространения нескольких фетв, Духовное собрание вызвало 13 имамов в Уфу, где 5 июня 1834 г. взяло с них подписку о беспрекословном исполнении всех законов и предписаний правительства. Они обязывались убедить всех прихожан в правильнос-

ти предпринимаемых местными властями мер по реализации указа от 9 февраля 1827 г. Старший ахун Абдулсатар Сагитов за свое выступление получил от религиозного учреждения строгий выговор. Тем не менее многие имамы продолжали совершать ранние захоронения. Религиозное учреждение следило за правильностью выполнения обряда похорон. Доставалось и некоторым муллам, не желавшим хоронить умерших от холеры. Так, в 1848 г. по его ходатайству имам д. Бикбулатово 20-го башкирского кантона С.Темирбаев две недели содержался на гауптвахте за уклонение от прочтения молитвы над умершим. В 1862 г. Духовное собрание поддержало просьбу мусульман Троицка о запрещении врачам осматривать тела покойников.

Часть мусульманского духовенства убежденно отстаивала мнение о недопустимости вмешательства врачей, к тому же являющихся приверженцами других конфессий, в жизнь людей, которой вольно распоряжаться только высшее существо на свете — Аллах.

Учитывая данные обстоятельства, правительство активно использовало Духовное собрание в борьбе с холерой, оспой и другими эпидемическими болезнями. В начале 30-х гг. религиозному учреждению было поручено провести пропагандистскую работу среди башкир и тептярей с целью убеждения их в необходимости послать детей для обучения медицине в Казань. Это было связано с большим упорством башкир Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов, категорически не желавших отпускать своих детей. В указанном выше прошении башкир 5-го кантона критиковалось не только решение военного губернатора П.Г.Сухтелена от 15 августа 1831 г. о наборе с уездов по 10-20 юношей для отправления в Казань, но и фетва муфтия, в которой поддерживалось это начинание.

В июле 1834 г. Габдессалям Габдрахимов вновь обратился к мусульманам с увещеванием о том, что «медицина благодарная, поощряемая Богом наука, потому что предмет ее есть человеческое тело, которое по природе для нас важно, ибо в целостности и сохранности оного мы больше всего испытываем нужду». На этот раз муфтий подчеркивал, что «наука врачевания» по степени необходимости для человека находится на втором месте, уступая только богословию. Поскольку на тюрки не было книг о врачебном искусстве, муфтий изложил свои мысли под названием «Польза человеческого рода», где дал краткую историю медицины, доказывал ее пользу и необходимость для человечества.

Среди мусульманского населения встречались обряды, видимо, передававшиеся из поколения в поколение и не относящиеся к исламу. В частности, башкиры и тептяри д. Курманаево Мензелинского уезда во главе с имамами С.Абдулзелиловым и М.Махмудовым 11 августа 1848 г. вырыли из могилы труп тептяря Т.Дильмухаметова и сожгли в поле. Он первым заболел холерой и, по мнению духовных лиц, был наказан богом за нехождение в мечеть. Интересно, что после сожжения трупа болезнь в деревне прекратилась. Инициаторы этого поступка (2 имама и 2 старшины) были осуждены к поселению в Сибирь. Император Николай I, «имея в виду, что основанием к приведению в исполнение означенного действия было суеверие религиозное, извлеченное из книг исламизма», снизил наказание. Муллы и старшины отбывали 5-месячное тюремное заключение. Духовное собрание, как предписывалось императором, провело разъяснительную кампанию по предупреждению подобных случаев. Лекари, вернувшиеся после обучения из Казани, выражали сомнение в использовании религиозных обрядов для борьбы с холерой. Так, в 1847 г. лекарь С. Нигматуллин писал командующему Башкиро-мещерякским войском, что в д. Стерлитамаково 12-го башкирского кантона «муллы и другие усердные посетители мечети после вечерней молитвы толпой обходили все дома и пели до полночи на арабском языке гимны богу <...>, производя беспокойство, тоску и уныние». Командующий войском генерал-майор Жуковский просил Духовное собрание запретить подобные обряды в деревнях, где свирепствует холера. Но религиозное учреждение отказалось от подобного шага, ибо, по словам муфтия, «цель гимнов состоит в том, чтобы располагать сердца поющих и слушающих к усердной молитве Богу для умилостивления ею оного и раскания в беззакониях своих».

Недовольство мусульман вызвали мероприятия властей по борьбе с венерическими заболеваниями. В 1846 г. Духовное собрание согласилось с требованием командующего Башкиро-мещерякским войском о том, чтобы имамы до совершения брака брали у жениха и невесты свидетельства фельдшера или врача. В случае наличия признаков заболеваний регистрация браков запрещалась. 23 сентября 1848 г. муфтий Габдулвахид Сулейманов издал соответствующую фетву, которая была неоднозначно встречена властями и населением. Против фетвы выступил Медицинский департамент Министерства внутренних дел. Дело в том, что муфтий считал необходимым осмотр вступающих в брак, но не разъяснил, кто его должен производить. Это привело к злоупотреблениям. В частности, имам д. Иманлыкулево 13-го башкирского кантона К. Сыртланов, приехав в октябре 1848 г. в д. Тлякубово, заявил, что будет лично осматривать жителей, собрал деньги и неожиданно уехал. Отрицательную реакцию населения вызвали обследования женщин в Челябинском уезде Ш.Абдулкагировым

и А.Шамсуновым. Описывая их произвол, мулла д. Муталово Челябинского уезда с горечью писал в Духовное собрание, что, «имея от роду 78 лет, служа имамом уже 35 лет, такового срамления веры своей не видел». Эти и другие факты вынудили командующего Башкиро-мещерякским войском отменить в 1849 г. фетву Габдулвахида Сулейманова. В свою очередь военный губернатор В.А.Обручев распоряжением от 23 марта 1850 г. запретил врачам и фельдшерам самолично осматривать женщин. Освидетельствование подозреваемых в болезни разрешалось только повивальным бабкам. В 1851 г. по заданию генерал-губернатора муфтий сочинил новую фетву. В ней предлагалось родителям вступающих в брак или их валиям в присутствии приходских имамов и свидетелей удостоверять подписями о неимении у молодоженов венерической болезни. В фетве подчеркивалось, что вспышки эпидемии холеры в 1831 и 1848 г. явились посланием Аллаха за недостойное поведение мусульман. Габдулвахид Сулейманов указывал всем мусульманам соблюдать правила личной гигиены, принимать все предписываемые врачами лекарства. Впоследствии регулярно появлялись фетвы муфтиев о борьбе с оспой, холерой, венерическими заболеваниями, а также о необходимости профилактических прививок.

С конца 30-х гг. XIX в. ахуны и имамы по представлению Духовного собрания становились членами уездных оспенных комитетов, где преимущественно занимались документами о смертности мусульман от заразных заболеваний. Приходские имамы ежемесячно направляли уездным властям регистрационные карточки, на основании которых командировались врачи на места для лечения больных. Самоотверженная работа врачей при поддержке местного духовенства давала хорошие результаты. Если в 1848 г. в Оренбургской губернии холерой болело 47 397 человек, из них умерло 27 799 человек, а в 1849 г. скончалось 9 223 человека, то в 1850 г. в результате массовой вакцинации заболеваемость вообще прекратилась.

В первые десятилетия своей деятельности Духовное собрание не раз выносило приговоры о применении телесных наказаний к виновным в нарушении норм шариата и тем самым входило в противоречие с предписаниями вышестоящих инстанций. Большинство духовных лиц считало, что для укрепления позиций религии в народе необходимо официальное разрешение на применение предписываемых Кораном наказаний. Еще в 1833 г. имам и мухтасиб Троицкой соборной мечети М.Абдулжалилов поставил перед Духовным собранием вопрос о телесных наказаниях для всех непосещающих мечети и совершающих законопротивные поступки. Исходя из этого и других обращений, религиозное учреждение разработало проект указа о наложении телесных наказаний духовными лицами. В постановлении Духовного собрания от 7 сентября 1833 г. предлагался следующий порядок. За нарушение мусульманских законов в первый раз ахуны и мухтасибы при собрании общества налагают на провинившихся выговор. За повторное нарушение следует наказание в 3 удара розгами. За третий поступок виновный на сходе получает большее количество ударов. К данному проекту отрицательно отнеслось Оренбургское губернское правление, считая, что его принятие усилит позиции и без того влиятельного мусульманского духовенства.

Но, вероятно, без внимания властей осталось постановление Духовного собрания, принятое в том же 18 3 3 г., по которому все нарушители кано - нов ислама наказывались в первый раз розгами, во второй — палками, в третий — плеткой. Однако постановление действовало недолго. Указом от 8 июня 1837 г. правительство лишило Духовное собрание и подведомственное ему духовенство права наказывать мусульман телесно. Религиозное учреждение могло лишь наложить на виновных духовное покаяние (таубе) и соблюдение поста (ураза).

Строительство мечети в населенном пункте означало появление учебного заведения, так как имам одновременно выполнял функции учителя. ВначалеX1Xв.вкраенасчитывалосьоколо 100 мектебов и медресе. Учительские звания носили 1921 человек, но сколько из них учили детей, сказать трудно. Не все имевшие звания занимались обучением прихожан. В 1856 г. в Оренбургской губернии действовали 418 мектебов и медресе, 88 человек носили высшую педагогическую степень мударриса. На втором месте по числу учебных заведений (125) и мударрисов (88) была Казанская губерния. Всего в ведении Духовного собрания находилось 936 медресе и 260 мударрисов. В 1832 г. Духовное собрание подчинили Министерству внутренних дел. Тем не менее его влияние сохранилось. В руках муфтия и его помощника находился такой мощный инструмент, как определение учительского контингента мусульманских учебных заведений. Путем испытания Духовное собрание присваивало учительские звания. Самым высшим званием считался мударрис - заведующий медресе, старший учитель. Вторым по рангу шел мугаллим — учитель. Наиболее низшим являлось звание мугаллим-сабияна — учителя малолетних детей. Звание мударриса присваивалось только имамам, а мугаллимом и мугаллим-сабияном могли стать и муэдзины. Следует отметить, что на учительские должности назначались и люди, не имевшие духовных должностей.

Таким образом, ислам оказывал определенное влияние на башкирское общество в дореформен-

ный период. В основном это были религиозно-обрядовая, семейно-бытовая, административно-правовая сферы. Серьезное влияние на развитие ислама в Башкортостане оказывало Оренбургское магометанское Духовное собрание, которое пыталось регламентировать все основные сферы жизни мусульманской общины, в том числе и башкир. В этом отношении оно в ряде случаев пыталось заменить местную администрацию и центральную власть, которые ревниво следили за его деятельностью и в свою очередь пытались ее регламентировать. С другой стороны, Духовное собрание по основополагающим установлениям было верным проводником правительственной политики даже в тех случаях, когда она шла в разрез с нормами шариата. В целом, стоит признать, что ислам, хотя и не проник глубоко в силу ряда обстоятельств в башкирское общество, через свои управленческие структуры он объединял башкир и постепенно вовлекал их в единое правовое пространство ислама Российской империи.

БАШКИРЫ И ПРИПУЩЕННИКИ: ТЕПТЯРИ И МИШАРИ

Поскольку владение землей у башкир имело общинный характер, то оно давало возможность существовать известному с давних пор институту припуска. Припуск позволял тем башкирам, которые в силу социально-экономических либо политических причин не могли хозяйствовать на своей земле, входить в чужую общину в качестве припущенника, оставаясь тем не менее в башкирском сословии, т. е. неся ясак и отправляя воинскую службу. Среди башкирских припущенников в XIX в. известны сами башкиры, тептяри и мещеряки (мишари).

Под тептярями В.Н.Витевский понимал «поселенцев», «новопришельцев», а из народов, их составляющих, называл башкир, марийцев, чувашей, татар, удмуртов *[Витевский*, 1889]. В.Э.Ден появление их объяснял бегством в Башкортостан, а соединение в одной группе крестьянства татар, марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, башкир - общностью социального положения *[Ден*, 1902]. Е. С. Филимонов считал тептярей сословием, состоящим из башкир, марийцев, татар, удмуртов, несших воинскую службу и платящих определенные налоги. Трактование термина он выводит как «человека, не платящего подати», «военного человека, казака» [*Филимонов*, 1893].

Г.Н.Ахмаров пытается дать объяснение происхождению тептярей,. самого термина, рассмотреть их этнический состав, религию, охарактеризовать демографию. Происхождение термина автор выводил от искаженного по звучанию персидского слова «дэфтэр» в значении «запись», «список», в который якобы записывали своих припущенников башкиры. Таким образом, по Ахмарову, все припущенники — тептяри, а в их составе он находит татар, марийцев, удмуртов. Он также считал, что тептяри переселились в Башкортостан из бывшего Казанского ханства после его падения [*Ахмаров*, 1907]. П.П.Глезденев, остановившись на версии происхождения термина от «дэфтэр» — «список», сообщал сведения об этническом составе (марийцы, чуваши, татары, мишари) *[Глезденев*, 1923]. Происхождение термина «тептяр» от чувашского «типтер» — «бирка для отметок при сборе податей» вывел Г. Комиссаров [*Комиссаров*, 1926].

Первой специальной работой, посвященной тептярям, была работа С.М.Васильева. Поскольку он отождествлял в целом институт припуска и тептярей в единое целое, он делил их на этой основе на три группы, опираясь на припускные записи. Тептяри первой группы, по его мнению, входили в состав башкирской общины наравне с башкирами; второй группы — получали лишь часть на особых правах; третья группа состояла из оброчных тептярей, несших денежную плату башкирам за землю. Кроме того, он выделяет особую группу тептярей — башкир. Происхождение термина он также выводил из «дэфтэр» — «список, запись», оговаривая, что этот вопрос не является объектом исследования [*Васильев*, 1950; 1958]. А.А.Юлдашев подверг критике теорию происхождения термина «тептяр» от «дэфтэр» — «список». По его справедливому замечанию, многие припущенники составляли договор о припуске с башкирами, но не все именовались тептярями, сам переход, трансформация «дэфтэр» в «тептяр», согласно башкирской и татарской фонетике, не является возможным. Касаясь широко распространенного мнения о преимущественно татарском этническом содержании тептярей, Юлдашев отмечает, что оно, несомненно, имеет место, но тептяри, представители других этносов изучению не подвергались, и общая этническая картина тептярей, таким образом, искажается [*Юлдашев*, 1953].

В «Очерках» тептяри по-прежнему считались пришлым нерусским населением Башкортостана, а происхождение термина велось от персидского «дэфтэр», т. е. во многом повторялись основные положения предыдущей историографии *[Очерки...* 1956].

В трудах Р.Г.Кузеева тептяри рассматривались как сословная группа населения Башкортостана. Автор признает в ее составе татар, башкир, марийцев, мордву, чувашей, выделяет башкирское влияние на тептярей *[Кузеев*, 1978; 1968]. Со временем его точка зрения изменилась, он стал считать их этносословной группой *[Кузеев*, 1987]. По его мнению, это был редкий в истории пример перераста-

ния в XVII—XIX вв. сословности в этничность на протяжении доступного для достоверных источников времени. В целом, по его мнению, в составе тептярей башкиры составляли около 25 %, финно-угорские народы — 20—25 %, татары - около 50 %. Этот этнодемографический фактор, а также другие причины обусловили формирование тептярей как промежуточной, переходной преимущественно между башкирами и татарами, этнографической группы [Кузеев, 1994. С. 71; 1994а].

Одни правильно считают, что тептяри — сословие, имевшее в своем составе представителей различных этносов, включая башкир [Рамазанова, 1978; 1984; 1986]. Другие ошибочно отстаивают монгольское происхождение термина [Ахметьянов, 1988]. Однако сословие тептяри существовало только в Башкортостане, но никак не в других местах.

Вопросы происхождения и этнодемографии тептярей привлекли внимание Д. М. Исхакова. Оставаясь при мнении, что это полиэтническая группа, имеющая социальное происхождение, автор дал свое понимание этнических процессов, проходивших внутри тептярского сословия, считая, что к середине XVIII в. они обособились в особую этническую группу, но не смогли полностью отделиться от татар. В целом, он считает тептярей преимущественно татарами, которые ассимилировали башкир, чувашей, марийцев. Финноязычная часть, которую он ошибочно относит к бобылям (хотя удмурты и мордва были и среди тептярей, как и башкиры и татары среди бобылей), по его мнению, осталась в рамках своего этноса. Исхаков приводит сведения о численности тептярей, их этническом составе, представляет свою модель этнических процессов, протекавших среди них [Исхаков, 1979; 1980].

У.Х.Рахматуллин тептярей рассматривает как пришлое население, но включает в них и башкир. Происхождение тептярей им видится как результат развития феодальных отношений в Башкортостане, однако механизм этого процесса он не объясняет. Происхождение термина автор ведет от «дэфтэр», но не в значении «список», «запись», а в значении «окладная ясачная книга» (что, впрочем, не соответствует исторической реальности, т. к. тептяри существовали задолго до создания таких книг, списков и т. д.) [Рахматуллин, 1974; 1988].

Б. С.Давлетбаев, оставаясь в вопросе происхождения тептярей и термина на общеизвестных положениях, приходит к выводу, что основным эксплуататором их было феодальное государство [Давлетбаев, 1984].

Происхождение тептярей А. З.Асфандияров видит как результат внутреннего развития башкирского общества, объясняя тем самым и башкирское происхождение термина «тептяр» от «типтәр» — «вытесненный», «отвергнутый». Формирование сословия на основе башкирской группы тептярей, существовавшей с XVII в., автор объясняет внешним фактором — крестьянской колонизацией Башкортостана XVIII в. Данная концепция дает возможность связать историю тептярей с историей Башкортостана, вписывая тептярей в общую картину развития социально-экономических отношений в Башкортостане XVII-XVIII вв. [Асфандияров, 1986; 1989].

Впервые история возникновения сословия тептярей и бобылей, его социально-экономическая история была рассмотрена в диссертационном исследовании Р. Н.Рахимова [Рахимов, 1993]. Им же дана этнодемографическая характеристика сословия, показаны обстоятельства приведшие к тому, что небольшая социальная группа башкирского общества в XVIII в. за короткий срок заполнилась припущениками из представителей народов Поволжья и Приуралья, и была зафиксирована правительством в сословных рамках. Рахимов первым осветил военную службу тептярей, выпустив специальную монографию [Рахимов, 2008а].

Проигнорировав исторические источники, современный этнолог Р.И.Якупов в монографии, именуемой «первым комплексным историко-этнологическим исследованием о тептярях», в общих чертах пересказал общеизвестные факты и сделал вывод о том, что в «1790-е — конец 1835 годов тептяри — полувоенное сословие. Они обретают социальную организацию и структуру, которая одновременно была внутригрупповой и государственной» [Якупов, 2001]. В целом, не разобравшись с историей сословия тептярей, автор попытался безуспешно доказать заранее заданный им тезис о том, что тептяри представляют некую этническую общность.

В истории Башкортостана тептяри известны с XVII по первую треть XX в. В XVII в. в силу разного рода причин часть башкир разорялась, беднела и не могла участвовать наравне с другими в уплате ясака, несении «на своем коште» воинской службы. Разорившиеся башкиры вытеснялись не только из общины, но и из сословия. Постепенно образовалась социальная группа, именуемая «тептяри», т. е. «вытесненные, отвергнутые», от «типтәр» — «вытеснять, отвергать». Общее положение башкир не позволяло выделить тептярей в особое сословие, а существовавший институт припуска разрешал им вести хозяйство на правах припущенников.

Первые тептяри известны среди тех башкир, у которых процессы расслоения начались раньше и ускорились в силу более широкого вовлечения в социально-экономические и политические отношения, существовавшие в Российском государстве в XVI—XVII вв. Это были западные и северо-западные башкиры, жившие на Осинской и Казанской

дорогах. Среди башкир южного и юго-восточного Башкортостана тептяри не известны, поскольку у первых тогда были сильны пережитки родовых отношений.

Тесное соседство западных и северо-западных башкир с другими народами Поволжья и Прикамья способствовало расширению у них традиции земледелия. Большая часть башкир-тептярей переходила от полукочевого скотоводства к земледелию, поскольку оно позволяло малосильным в экономическом отношении тептярям вести свое хозяйство, причем на ограниченной припуском земле. Присутствие в социальной группе тептярей для башкир не было постоянным. В любое время экономически окрепший башкир мог вернуться в свое «башкирское звание», чтобы нести ясак и повинности наравне со всеми. Этой возможностью экономически окрепшие тептяри-башкиры не часто желали воспользоваться, и государство, не хотевшее терять ясачников, в 1631—1632 гг. обложило тептярей особым тептярским ясаком.

С XVII в. тептярская группа пополняется не только башкирами, но и представителями народов Поволжья, которые переселялись в Башкортостан. Это марийцы, мордва, татары, чуваши, удмурты. Незначительное число (единицы) получали жалованные от государства земли, подавляющее большинство селилось на правах припущенников. Пришлые нерусские народы стремились записаться в тептяри, поскольку этот институт был известен местной администрации, т. е. существовал де-факто, а его башкирское происхождение давало им возможность закрепляться в Башкортостане более основательно. Считая тептярей башкирской социальной группой, местные власти не регистрировали ее отдельно, и лишь обеспокоившись ростом числа тептярей-небашкир, они стали проводить в 1722-1723 гг. их перепись, выявив 211 тептярских дворов, в числе которых были татары, марийцы, чуваши.

Дальнейший путь развития этой социальной группы должен был, скорее всего, привести ее либо в состав башкир, либо в состав государственных крестьян (при условии преобладания в ней тептярей - небашкир). Однако внешние, преимущественно политические причины привели к тому, что группа была закреплена как сословие, которое просуществовало до 60-х гг. XIX в.

Такое изменение положения тептярей было связано с началом активных интеграционных процессов в крае. Необходимость обеспечения деятельности Оренбургской экспедиции привела местную администрацию к решению о создании своеобразной социально-экономической опоры внутри края.

Процесс становления сословия шел с 30-х гг. по 90-е гг. XVIII в. Будучи результатом своеобразного наложения внешней политики России на местные условия Башкортостана, сословие в своем происхождении имело башкирские корни, а на его развитие оказал влияние внешний фактор, необходимость социально-экономического обеспечения политики царизма на Востоке.

Такой сложный характер происхождения и развития сословия обусловил его своеобразное промежуточное положение в сословной структуре Российской империи — между военно-служилыми народами и государственными крестьянами. Промежуточность сословия тептярей подтверждают следующие положения: административное устройство тептярей было близким башкирскому и мишарскому (команды, во главе которых стояли старшины, сотники), тептяри подчинялись через губернское правление оренбургскому военному губернатору; они несли особую трудовую повинность, а затем, в 90-е гг. XVIII - 40-е гг. XIX в., — воинскую службу в особых полках, которые содержали и комплектовали; подушная подать, которую платили тептяри (что сближало их с государственными крестьянами), была меньше, они не поставляли рекрут; по своему экономическому положению тептяри находились ближе к государственным крестьянам, занимаясь оседлым земледелием, но у них сохранили значение промыслы, связанные с башкирским хозяйством: бортничество, охота, было развито скотоводство.

С момента формирования сословия число башкир-тептярей, не желающих нести тяжелую трудовую повинность, стало уменьшаться за счет перехода в свое сословие, одновременно начала расти доля татар, марийцев, чувашей и удмуртов, пополнявших сословие в течение всего XVIII в. Внутри сословия с середины XVIII в. шли сложные этнические процессы ассимиляции тептярями-татарами части тептярей из башкир, чувашей, марийцев.

Промежуточное положение сословия, закрепленное с самого начала его существования, не устраивало царское правительство. Все время существования сословия им предпринимались неоднократные попытки слить тептярей с государственными крестьянами, что всегда вызывало противодействие со стороны первых, не желавших терять свой особый сословный статус. К середине XIX в. необходимость в таком сословии в связи с укреплением позиций государства в крае и в целом в регионе полностью отпала, однако волнения 1835 г. показали, что перевод тептярей в разряд государственных крестьян может привести к непредсказуемым результатам. Поэтому в 1855 г. тептяри были присоединены к Башкиро-мещерякскому войску, образовав Башкирское войско, и стали военно-служилым сословием. Но в условиях пореформенной России само Башкирское войско стало анахронизмом. С его упразднением и переводом башкир,

мишарей, тептярей в гражданское ведомство в 1866 г. последние и окончили свое существование как сословие, но еще до 30-х гг. XX в. сохраняли свой прежний сословный менталитет.

Бобыльство — явление небашкирского происхождения, принесенное извне. В России бобылем считался тот, кто не имел своего хозяйства или имел его, но нес облегченное тягло или вообще не нес его. Башкирские бобыли существенно отличались от них, опять-таки в силу существовавшего в Башкортостане института припуска: они имели свое хозяйство, землю, на которой жили без оформления арендных отношений, то есть, заселяясь явочным порядком, платили ясак государству. В 1631—1632 гг. тептяри и бобыли, как две группы, близкие по своему социальному положению, были обложены подворным ясаком, который учитывал их земледельческий характер хозяйства. Большинство бобылей составляли представители народов Поволжья и Прикамья, мигрировавшие в XVII в. в Башкортостан, но и среди них были башкиры. Башкиры-бобыли могли свободно перейти в тептяри в случае оформления припуска на землю или вернуться в свой башкирский этнос, восстановив право на общинную землю.

Таким образом, в истории тептярей можно выделить два крупных периода: XVII — 30-е гг. XVIII в., когда тептяри представляли социальную группу и 30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в., когда тептяри переросли в сословие со воими правами и обязанностями. С 60-х гг. XIX в. шел процесс размывания бывшего сословия по этническому признаку.

Росла и численность тептярей. Из таблицы 30 видно, что численность тептярей и бобылей неуклонно возрастала, причем в первой половине XVIII в. за счет вливания в состав сословия новых мигрантов. Таблица 31 показывает поуездное распределение тептярей и бобылей на конец XVIII - первую половину XIX в. В целом, численность тептярей росла в этот период в основном за счет естественного прироста (см. табл. 31).

Кроме представителей татарского, марийского, чувашского, удмуртского этносов в числе тептярей в XVIII — первой половине XIX в. продолжали находиться и башкиры [*Р ГАДА*. Ф. 350. Оп. 1. *Д*. 3806. *Л*. 61; *Д*. 3804. *Л*. 9, 53]. Известны случаи зачисления в тептяри и казахов, в основном, в первой половине XIX в. (в 1807 г. К.Жаикбаев, в 1826 г. Т.Амангильдин) *[ЦИАРБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 683. *Л*. 1; *НИОР РГБ*. Ф. 364. Картон 8. *Д*. 7. *Л*. 79]. К концу XVIII в. волна переселения постепенно стала уменьшаться и Генеральное межевание зафиксировало в этот период следующий этнический состав тептярей: более 20 тыс. душ м. п. татар (40 %), более 19 тыс. душ м. п. марийцев (38 %), более 9 тыс. душ м. п. чувашей (18 %), около 2 тыс. душ м. п. удмуртов, башкир и мордвы (около 4 %) *[Рахматуллин*, 1988. С. 177].

После отмены кантонной системы, во второй половине XIX в. тептяри из социальной категории постепенно перерастают в социально-национальную группу крестьян, т. е. тептяри из татар тяготели к татарам, из марийцев - к марийцам и т. *д*. Большинство тептярей вошло в состав татар, увлекая за собой башкир-тептярей и башкир-вотчинников западного и северо-западного Башкортостана. Это было вызвано сближением башкир и татар и, в конечном счете, ассимиляцией первых последними.

Основным занятием тептярей было земледелие. Источники показывают, что тептяри проживали на башкирских вотчинных землях (64,4 % от всех владеемых ими в середине XIX в.), на казенной (12,1 %) и на собственной, жалованной или купленной (23,5 *%) [Асфандияров*, 1986. С. 63]. Путей приобретения земли в пользование было четыре: припуск на башкирские земли, аренда казенных земель, получение земли в собственность как жалованной, получение земли в собственность при покупке. Рассмотрим механизм получения земли в пользование. Незначительное число тептярей, проживавших на казенных землях, объясняется следующими обстоятельствами. В Башкортостане вследствие вотчинного права башкир на землю свободных, «пустопорожних» земель не существовало, поскольку все они принадлежали тому или иному роду, волости и т. *д*. Появились казенные земли с середины XVIII в., когда после подавления башкирских восстаний значительные массивы земли лишились своих хозяев (были убиты, откочевали ит. *д*.). Увеличению числа казенных земель способствовал и указ 1832 г., ограничивающий размеры земельных наделов башкир до 40 дес. надушу м. п. по VII ревизии. Однако число казенных земель было незначительно, как и заселение тептярей на эти земли, поскольку большинство из них ее уже имело. Воспользоваться казенными землями могли те тептяри, которым не хватало земли на прежнем месте либо у которых земля была непригодной для земледелия. Например, в 1850 г. тептяри *д*. Амирхановой Бузулукского уезда переселились по этой причине в Оренбургский уезд *[ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 4619]. Кроме того, получали землю от государства те тептяри, которые принимали православие, но таких было мало.

Значительно большее число тептярей и бобылей проживало на собственных землях, полученных ими двумя путями: жалование и покупка. Большинство случаев пожалования земель относится к XVII—XVIII вв. Всего, судя по «Ведомостям земских исправников о численности тептярей и бобылей», насчитывается 72 деревни (6,7 % от учтенных 1 075 деревень), которые жили на жало-

Таблица 30

Динамика изменения численности сословия тептярей и бобылей в 1735-1858 гг. по губерниям (в душах м. п.)*

Годы	Всего	Оренбургская и Уфимская губернии	Вятская губерния	Пермская губерния	Иные административные единицы
1735	11 294	11 294	-	-	-
1742	29 545	28 998	-	-	547 (Исетская провинция)
1767	33 656	33 165	-	-	491 (Бугульминская земская контора)
1770	33 747	33 356	-	-	391
1782	42 439	41921	518	-	-
1786	42 619	41939	518	162	-
1793	42 572	41 892	518	162	-
1796	52 193	50 106	652	1435	-
1808	52 768	49 703	1227	1838	-
1814	68 185	64 220	1 685	2 280	-
1834	105 864	99 895	2 672	3 297	-
1851	131 277	108 515	3 570	4 150	15 042 (Самарская губерния)
1858	140 895	110 892	4 201	7 188	18 614 (Самарская губерния)

* Составлена по: *Ден,* 1902; *Кеппен, \%Ы',Лясковский,* 1860*Дебу,* 1837.

Таблица 31

Численность тептярей в Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской губерниях в конце XVIII - первой половине XIX в. (в душах м. п.)*

Губерния	1786 г.	1796 г.	1806 г.	1814г.	1834 г.	1851г.
Вятская губерния	518	652	1227	1685	2 672	3 570
в т. ч. уезды Елабужский	518	652	108	151	2 672	3 570
Сарапульский	-	-	1 119	1 534	-	-
Пермская губерния	162	1435	1 838	2 280	3 297	4 150
в т. ч. уезды Осинский	162	162	-	327	442	577
Красноуфимский	-	1273	252	1953	2 855	3 573
Екатеринбургский	-	-	1 586	-	-	-
Оренбургская губерния	41939	50 106	49 707	64 220	99 895	108 515
в т. ч. уезды Белебеевский	8 727	10 539	11255	14 420	22 534	26 638
Бирский	15 593	19 091	18 296	22 718	34 426	42 336
Верхнеуральский	1097	1449	1455	2 030	3 599	4 685
Мензелинский	5 149	5 597	5 459	7 095	10 917	14 685
Оренбургский	191	263	263	575	583	771
Стерлитамакский	1674	2 358	2 323	3 373	5 395	6 915
Троицкий	-	263	263	444	953	1 176
Уфимский	5 146	5011	4 913	6 141	9 197	11 335
Бугульминский**	3 605	4 500	4 400	5 939	9 496	11 624
Бугурусланский**	757	1069	1 074	1 580	2 546	311
Бузулукский**	-	6	6	105	249	307
Самарская губерния						15 042
Всего	42 619	52 193	52 772	68 185	105 864	131277

* Составлена по: *Ден,* 1902; *Кеппен,* 1857; *Лясковский,* 1860*Дебу,* 1837.

** Бугурусланский, Бугульминский и Бузулукский уезды с 1850 г. входили в состав Самарской губернии.

ванных землях. В основном это деревни, в которых проживали тептяри-марийцы.

Многие тептяри приобретали в свое пользование земли покупкой у башкир-вотчинников. Так, например, в 1763 г. тептяри д. Судашево Бирского уезда купили у башкир Еддяцкой волости Бирского уезда землю *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 2011]. Тептяри д. Базикаево купили землю у башкир Юрматинской волости Стерлитамакского уезда *[Там же.* *Д.* 1189]. Об их праве на купленную землю говорят следующие факты: тептяри д. Баряшево Белебеевского уезда в 1739 г. купили у башкир Каркалинской волости землю, а затем припустили на нее государственных крестьян; тептяри Бузулукского уезда в 1819 г. продали землю удельным крестьянам Бугульминского уезда *[Там же.* *Д.* 1074. JL 5; *Д.* 469.. !. 1]. В случае невозможности покупки земли или припуска они могли необходимые для хозяйства земли арендовать, как это делали тептяри д. Кляшево Уфимского уезда, у которых земли «распахали башкиры, а для посева хлеба и сенокошения нанимают земли по разным селениям за деньги» *[Там же.* *Д.* 1239. *Л.* 2]. Но большая часть тептярей проживала на башкирских вотчинных землях на правах припущенников. Еще раз напомним, что в составе припущенников были не только тептяри, но и башкиры, государственные крестьяне, ясачные татары, мишари и другие категории населения края. Земельные отношения, связанные с припуском, были достаточно сложны хотя бы только потому, что многие из них не были оформлены должным образом. Часто они усугублялись последующими действиями припущенников или вотчинников. Дело в том, что часть припущенников, в данном случае тептярей, оформляла припуск «навечно», т. е. бессрочно, или же оформляла на определенный срок, а затем вовремя его продлевала *[Там же.* *Д.* 724. *Л.* 5]. Но многие из них, не продлив припуск, т. е. фактически потеряв право пользования землей, продолжали жить на ней, считая, что поскольку они живут давно, то такое положение закрепляется за ними навечно. Однако вовсе не так представляли ситуацию вотчинники, которые после окончания срока договора считали, что они вправе поступать с землей по своему усмотрению, отдавая ее в пользование другим крестьянам, припуская их, либо продавая землю. Это вызывало затяжные земельные споры *[Там же.* *Д.* 794, 795, 985, 430; Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 50, 95].

Во многом такое положение было связано и со своеобразным смешением в понимании термина «вотчинник» со стороны припущенников, что заметил в свое время М.К.Любавский: «Земельные тяжбы возникали в связи с тем, что жизнь не всегда проводила резкую разницу между природными вотчинниками-башкирами и принятыми ими в свое сообщество сторонними людьми, которые с течением времени начинали считать себя законными башкирами и законными совладельцами данной земли и угодий» *[НИОР РГБ.* Ф. 364. Картон 6. *Д.* 2. *Л.* 189].

Некоторые припущенники самовольно разрешали другим селиться на башкирской земле, т. е. принимали на себя роль вотчинника, что также приводило к спорам и длительным тяжбам *[РГАДА.* Ф. 452. Оп. 2. *Д.* 13. *Л.* 2].

Усложнились земельные отношения и в результате вмешательства государства. Указ 11 февраля 1736 г. освобождал мишарей, тептярей и бобылей от уплаты башкирам за землю оброка и наделял участников карательных мероприятиях, землей за счет «воровских башкирских земель», т. е. участников восстания. Однако сложность выявления таких земель, посягательства на другие земли привели к тому, что в целом указ не выполнялся. В 1742 г. было дано разрешение башкирам, не участвовавшим в восстаниях, брать вновь оброк с припущенников за землю.

Оренбургский военный губернатор О.А.Игельстром принял решение об отмене действий указа от 11 февраля 1736 г., мотивируя это тем, что указ не выполняется, участники восстания уже умерли, а наказывать наследников таким образом нельзя. В отношении тептярей и бобылей было принято сложное решение, которое разработал гражданский губернатор князь Баратаев в 1798 г.: тех, кто жил на купленных землях, оставить на месте, тех, кто жил на башкирских землях по припуску, на основании документов или без них, при согласии вотчинников также оставить на месте, те, кто не договорился с вотчинниками после генерального межевания, должны быть переселены на казенные земли.

Указ 10 апреля 1832 г. назначал порядок наделения землей в случае спора между припущенниками и вотчинниками: вотчинники-башкиры получали по 40 десятин, припущенники военного ведомства (тептяри, мишари, служилые татары) - по 30 десятин, гражданского — по 15 десятин на душу, по VII ревизии *[Полное...* II. Т. 7. № 3287]. Башкиры-вотчинники получали землю в собственность, припущенники — в пользование.

Политика губернской администрации и российского правительства в целом показывает, что они старались не вмешиваться в существующие земельные споры, оставляя стороны при своем мнении, особенно если ситуацию было трудно прояснить из-за отсутствия соответствующих документов, передавая дело из одного учреждения в другое. Не подтверждается мнение, сложившееся в советской историографии в 30—50-е гг. XX в. и иногда поддерживаемое некоторыми современными авторами, о том, что администрация стара-

лась всячески ограбить башкир, захватить земли или поддерживала помещиков в их спорах с башкирами, тептярями и мишарями из-за земли. Администрация все-таки стояла на страже интересов законных владельцев земли, будь то помещики или башкиры, но при условии документального оформления прав, причем часто принимали во внимание и документы, представленные башкирами, тептярями, которые не были зарегистрированы ранее.

Все вышесказанное дает основание считать земельные отношения в Башкортостане между вотчинниками и тептярями-припущенниками сложными, но отнюдь не запутанными. Припускные записи показывают, что за припуск башкиры брали оброк, который был различным и зависел от условий припуска размеров земли и, вероятно, экономического положения припускаемых. Условия припуска были разными, большинство заключалось либо в помощи платить ясак вотчинникам, либо в уплате денег за припуск. Величина этих платежей была разной: от 10 до 25 коп. в год *[РГАДА*. Ф. 452. Оп. 2. *Д*. 39. *Л*. 1; *ЦИАРБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 450]. Иногда плата была единовременной, иногда - плата за припуск, а затем погодовая плата за землю. В некоторых случаях припускались безоброчно на условиях несения каких-либо повинностей, особенно подводной гоньбы. Степень тяжести оброка за землю была невелика. На это указывает тот факт, что большинство мигрантов оформляли свои отношения как припущенники, т. е. принимали предлагаемые условия. Земледельческое хозяйство, достаточная наделенность землей, конечно же, позволяли платить тептярям как свой ясак в пользу государства, так и оброк башкирам-вотчинникам за пользование землей.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу: наделенность тептяро-бобыльского сословия землей, которая оформлялась несколькими способами (припуск, покупка, пожалование, аренда казенных), была в целом достаточной и позволяла вести земледельческое хозяйство, уплачивая налоги и оброк (в случае припуска) за землю. Это подтверждают данные Оренбургского, Вятского и Пермского губернских правлений; в «пашенной земле и сенных покосах, в строевом и дровяном лесу довольно избыточествуют», «землями изобилуют гораздо с превосходством», «земли недостает у малого числа» *[Полное...* I. Т. 23. № 16825. 1789 год]. О достатке земли свидетельствует и переложная система земледелия, господствовавшая в XVHI в. Серьезные трудности с землей начинаются после Генерального межевания в середине XIX в. Сказались увеличение численности населения за счет естественного прироста и продажа земли башкирами-вотчинниками.

Развитие земледелия, которое становилось основой тептярского хозяйства, продолжалось и в XIX - начале XX в. В своем донесении оренбургский губернатор в 1856 г. писал: «тептяри и бобыли занимались преимущественно хлебопашеством, скотоводство же у них весьма незначительно» *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 77. *Л*. 401].

Климатические условия позволяли сеять разные культуры, но в основном это была рожь из-за ее засухо- и морозоустойчивости. Тептяри Верхнеуральского уезда сеяли в основном ячмень, земледелие у них стояло по важности на втором месте после скотоводства, поскольку хороших, удобных для вспашки земель было мало. Они из-за отсутствия удобных земель занимались полукочевым скотоводством: «в летнее время подражают предкам нашим и башкирскому обыкновению добычи пропитания себе равно и скота, выходят в кочевье» — так они характеризовали свое хозяйство *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1.*Д*. 948. *Л*. 19].

Основные культуры, которые мы встречаем в источниках, - рожь, пшеница, ячмень, полба, овес, гречиха (с XIX в.), горох, просо, мак. Из технических культур выращивали коноплю, лен *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. *Д*. 1871; *РГВИА*. Ф. 414. *Д*. 326, 328, 329, 334; *ЦИАРБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 39. *Л*. 3 об. — 4]. Урожайность была достаточно высокой: рожь, основная культура — сам-3, ячмень — сам-1,9, пшеница — сам-1,7, полба — сам-1,5 *[ЦИА РБ*. Ф. И-1.0п. 1.*Д*. 39. *Л*. Зоб.-4]; для сравнения: в среднем в России в XVIII в. урожайность ржи, основной культуры, достигала 2 - 2,5 сам *[Милов*, 1992. С. 38].

Соотношение озимого (рожь) и ярового хлеба было приблизительно 1:1,2. С XIX в., кроме вышеперечисленных культур, распространение получают овощи: репа, картофель, огурцы, капуста, лук *[РГВИА*. Ф. 414. *Д*. 334. *Л*. 14].

Система земледелия в крае преобладала переложная. В XIX в., когда земли было уже не столь много, она была, скорее всего, исключением, чем правилом, но иногда встречалась. Так, например, в 1840 г. башкиры Бирского уезда жаловались на тептярей, которые в «вотчинных лесах делают в последних для хлебопашества чищобы» *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 1622]. С XVIII в. известно трехполье, которое стало повсеместным в XIX в.

Кроме земледелия и скотоводства, среди тептярей, как и среди других категорий крестьянства Оренбургской губернии, значительное распространение получили различные промыслы и ремесла. Все они связаны в основном с сельским хозяйством и были распространены по всей территории, где проживали тептяри.

Военные топографы, составлявшие описание Оренбургской губернии в 30-е гг. XIX в., также отметили практически повсеместное развитие пчеловодства, причем в некоторых местах мед не только становился продуктом внутреннего потребле-

ния, но и предназначался для продажи, например, в Белебеевском уезде по 16 руб. за пуд *[РГВИА. Ф. 414. Д. 328. Л. 44]*.

Особенно были распространены лесные промыслы среди тептярей Вятской губернии. Тептяри Елабужского уезда в конце XIX в. работали на выгонке дегтя, изготовлении мочальных шлей, хомутов, рубке леса, изготовлении рогож, кулей *[Материалы... 1889. С. 34—35]*.

В начале XIX в. большая часть жителей Верхнеуральского уезда «отлучается по промыслам и на заработки в другие уезды и губернии» *[ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 421. Л. 108 об.]*.

Но, в целом, в XIX в. отходничество распространялось на сельхозработы: косьбу сена, уборку хлеба и т. д. Структуру отходничества тептярей в середине XIX в. показал В.М.Черемшанский: «Тептяри — наемные работники во время полевых работ, они уходят для разработки на заводы, золотые и соляные промыслы» *[Черемшанский, 1859. С. 277, 283]*. В конце XIX в. некоторые статистические комитеты попытались представить такие данные. Например, в Вятской губернии в Елабужском уезде тептяри-отходники составляли 10 % от общей массы крестьянских дворов или 8,7 % от общего числа душ м. п. тептярей *[Материалы... 1890. С. 10]*. Эта цифра меньше, чем у государственных крестьян (24,3 и 22,5 %) и башкир (10,5 и 10,5 %). Такое положение было связано, вероятно, с достаточной обеспеченностью землей и лесом тептярей Елабужского уезда. Вероятно, в Оренбургской, Уфимской, Самарской губерниях число отходников-тептярей было больше, и цифра эта к концу XIX в., в связи с хозяйственным освоением края и приростом населения, росла.

Отходничество тяжело сказывалось на положении населения, поскольку подрывало крестьянское хозяйство. Оторвавшиеся от своего хозяйства отходники часто запускали его, разорялись и пополняли число заводских людей. Отходничество вместе с тем способствовало дифференциации тептярского общества, развитию товарно-денежных отношений в регионе.

В первой половине XIX в. особенно изменился правовой статус мишарей (по официальной терминологии — мещеряки), потомков служилых татар — выходцев с Мещерского края. С 1798 г. они принадлежали к военно-служилому сословию с повинностью за собственный счет защищать южные границы Российской империи по Оренбургской линии и образовывали отдельные мишарские кантоны (их было сначала пять, а с 1847 г. — четыре) *[Законы... 1999. С. 326, 333-357; Усманов, 1981. С. 30; Асфандияров, 2006. С. 24—25, 50]*.

В Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг. приняли участие два мишарских (1-й и 2-й) пятисотенных полка. 1-й Мещерякский полк нес полицейскую службу в Москве с декабря 1812 по 1817 г. 2-й Мещерякский полк участвовал в 1813-1814 гг. в Заграничном походе, находясь при осаде крепости Глогау. Мишари также несли службу на Оренбургской линии и в Сибири в 1812-1814 гг. и участвовали в пожертвовании лошадей правительству.

«Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в.» показывают, что мишари 146 деревень (в Бирском уезде 71, в Белебеевском — 56, в Стерлитамакском — 18, в Челябинском - 2) продолжали оставаться на положении припущенников (кроме того, еще 7 деревень на тептярской земле). Жители 117 деревень приобрели во владение покупную землю; мишари 25 деревень жили на казенной, 8 - на жалованной царями, 6 — на башкирской «бунтовщичьей» земле *[Ведомости... 1976. С. 196-197]*.

Мишари Башкортостана традиционно имели много общего в способах хозяйствования, духовной и материальной культуре с башкирским и татарским народами, с которыми жили чересполосно или в одних и тех же селах, хотя в отдельных районах расселения имелись свои отличия. Они также преимущественно занимались земледелием, были мусульманами-суннитами, разговаривали на схожем с башкирами и татарами языке. Тем не менее долгое время некоторые особенности языка и менталитета, а, главное, юридический статус (военно-служилое сословие) служили достаточной базой для самоидентификации мишарей как отдельного народа, углубления их различий от других тюркских народов. Примечательно и то, что еще в 1783—1784 гг. мишарские мурзы были уравнены в правах с русским дворянством, что положило начало аристократическим династиям Акчуриных, Бигловых, Еникеевых, Кудашевых, Терегуловых, Чанышевых — известных деятелей татарской деловой и духовной элиты в пореформенном Урало-Поволжье.

БАШКИРО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В течение первой половины XIX в. Российское государство осваивало казахские степи. В этом процессе участвовали башкиры. Они командировались в качестве писарей и переводчиков к казахским султанам, участвовали в походах в степь, защищали пограничную линию от набегов казахских отрядов. Все это требует отдельного рассмотрения башкиро-казахских отношений, причем, в какой-то мере нарушая хронологию тома, обра-

щения внимания на некоторые процессы, протекавшие в XVIII в.

Башкиры Ногайской и Сибирской дорог в XVIII — первой половине XIX в. вошли в тесное соприкосновение с казахами Младшего и Среднего жузов. С XVII в. наблюдается продвижение казахов Младшего жуза к границам башкирских кочевий. В начале XVII в. на севере казахских степей появились калмыки, которые, пройдя через их кочевья по верховьям рр. Иртыш, Ишим, Тобол, пересекли р. Яик и в 30-е гг. достигли бассейна р. Волги. На правобережье р. Волги, в степях Волго-Донского междуречья они заселились на новой территории. Появление калмыков способствовало изменению ареала обитания казахов, кочевья которых были оттеснены к северу, где они вошли в тесное взаимодействие с башкирами вышеназванных дорог, кочевавших на Южном Урале и в Западной Сибири.

Вторжение в первой трети XVIII в. джунгаров (как и калмыки, один из западномонгольских союзов) на казахскую степь также способствовало приближению казахов к территориям кочевий южных и зауральских башкир. Широкое наступление джунгарских правителей на казахские земли началось в 1723 г. Застигнутые врасплох казахи отступили, «бросая скот, кибитки, имущество».

Казахи Среднего жуза устремились на север от Сырдарьи на рр. Тургай, Ишим, Тобол и Уй, оттеснив кочевья башкир. Казахи Младшего жуза передвинулись на запад в долину р. Эмбы. 30 тыс. казахов перешли Эмбу и приблизились к Яику, к южным пределам Башкортостана. В результате этих миграций была нарушена исторически сложившаяся система землепользования и смещены традиционные границы и маршруты кочевания не только казахов Младшего и Среднего жузов, но и башкирских племен. Раньше кочевья башкир простиралась до Тобола и Иртыша. Непосредственная близость кочевий башкир и казахов обострила между ними борьбу за пастбища Волго-Яицкого междуречья. Основными территориями, за которые шла борьба между башкирами и казахами, были водные источники и плодородные пастбища по берегам Яика, Иргиза и Тобола. Нередки были случаи, когда казахи переходили на правобережье Яика и углублялись далеко в степи Волго-Яицкого междуречья или предгорья Южного Урала, чтобы отвоевать новые территории для выпаса скота.

Большая часть степных просторов вдоль Уя, Тобола, Тургайских долин пустовала. Между башкирами и казахами была широкая нейтральная полоса, которая в башкирских преданиях называется Диким полем. После разгрома казахов калмыками в приалатауской стороне и Прибалхашье многие казахские роды подались на север и запад. Сами казахи называют те времена «эпохой бедствия», «разором». Казахи, бежавшие от калмыков, заселили Дикое поле. А потом вышли к Яицким берегам. Дело дошло до того, что они стали теснить башкир к Уральским горам. А так как беглые казахи прибывали сюда, побросав свои жилье и скот, а некоторые — даже свои семьи, то есть став настоящими казахами-кайсаками (беглецами), то начали захватывать землю и скот башкир. Отсюда начались и взаимные набеги — барымта и карымта: угон скота, увод людей и кровная месть. Племена Среднего и некоторые роды Младшего жузов дошли в это время до рр. Ори и Уя, вытеснив из своих окрестностей многих башкир, создав тем самым почву для будущих столкновений.

Тем не менее военные набеги хана Абулхаира на башкирские земли и ответные вторжения башкир продолжались. В 1715-1717 гг. Абулхаир совершил разорительные набеги на башкирские волости, расположенные в долине р. Черемшан внутри Казанской губернии, в ходе которых сначала сжег пригород Новошешминск, а затем его захватил. Гарнизонам крепостей все-таки удалось заставить его отступить. Тут же последовали и ответные удары башкир. И в дальнейшем возросли интенсивность и масштабы взаимных стычек, вызвавших недовольство массы разоренных людей обеих сторон. По легенде, батыр Карт Сибирской дороги требовал от казахских правителей прекратить обоюдные ссоры и начать обмен пленными.

О таком развитии событий убедительно свидетельствует письменное обращение к русской императрице самого хана, в котором его желание получить поддержку и покровительство России излагалось в контексте казахско-башкирских отношений и мотивировалось необходимостью урегулирования военных конфликтов казахов не с джунгарами, волжскими калмыками и иными соседями, а именно с башкирами [*История...* 2000. С. 116-117].

Бесконечные кровопролитные с человеческими жертвами стычки и войны заставили казахских правителей начать политические контакты с русскими пограничными властями Казанской губернии, Западной Сибири, а также с центром. Постепенно ослабляется напряжение во взаимоотношениях между двумя народами. Башкирские тарханы не без влияния властей были заинтересованы в мирном сожительстве казахов и башкир, поэтому активно подталкивали своих знакомых из среды ханов на сближение с Россией и принятие ее подданства.

Возникла идея российского протектората для казахских жузов, по-видимому, предложенная тарханом Алдаром Исекеевым Абулхаиру в качестве непременного условия будущего мирного соглашения между казахами и башкирами и последующего возвращения казахских пленных.

Долгое нахождение российской делегации во главе с Тевкелевым у Абулхаир-хана было временем

напряженной работы ее членов: Алдара Исекеева, Таймаса Шаимова со своими сторонниками из казахской элиты. В итоге Анна Иоанновна подписала грамоты Абулхаир-хану, где выразила согласие принять в российское подданство казахов Младшего жуза. Тем самым остановились крупные стычки и войны между башкирами и казахами. Ее правительство пыталось сразу же урегулировать земельные споры между казахами, башкирами и калмыками. В 1734 г. пограничной чертой между землями калмыков, яицких казаков и башкир с одной стороны и казахами Младшего и Среднего жузов — с другой официально была определена р. Яик почти на всем ее протяжении. В беспрепятственное пользование казахам передавались вся левобережная сторона Яика и водный бассейн самой реки в ее верхнем и среднем течениях. В результате разрешения вопросов землепользования кочевых народов в местах их соприкосновения друг с другом их взаимные набеги ослабились.

Большие надежды для прекращения взаимных набегов возлагались на Оренбургскую экспедицию во главе с И.И.Кириловым, подчеркивавшим, что строящийся «город закроет за собою башкирцев, все набеги воровских киргиз-кайсаков, которые теми местами проходили, пересечет» *[Басин*, 1971. С. 139]. Тем не менее в начале 70-х гг. XVTII в. известны два крупных вторжения казахов двух жузов в пределы башкирских волостей будущего Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, когда ханские отряды наголову были разбиты башкирами.

Необходимо отметить, что кровопролитные набеги, опустошительные вторжения и войны с целью захвата башкирских земель и закрепления их за собой организовывались и проводились казахскими правителями нечасто.

Что касается социальных институтов кочевого мира барымты (угон скота, увод людей, захват имущества противника) и карымты (кровная месть), то они представляли обычное явление для представителей двух народов. При этом обе стороны отдавали предпочтение барымте, чем карымте. Документально известна почти последняя карымта, совершенная начальником 9-го кантона в Оренбургском уезде в самом начале XIX в. якобы в целях вызволения на свободу из плена членов семьи своего покойного отца Кувата — старшины Усерганской волости и одного из организаторов восстания 1755 г. За свое деяние официальное должностное лицо Б.Куватов получил от военного губернатора князя Г.С.Волконского лишь порицание.

О барымте писали еще в XIX в. и в последующее время: «Баранта, т. е. отыскивание удовлетворения силою. Тогда он (казах) может набрать дружину, отправиться с нею на поиск и употреблять все средства к нанесению вреда врагам. Барантовщики высматривают стада неприятельския, подкрадываются к ним в ночное время и внезапно, с диким пронзительным визгом, кидаются на табуны и угоняют их в свои жилища. Так барантовали малыя партии; но иногда наездничества составлялись из нескольких сот и даже тысяч человек» *[Очерки...* 1859. С. 38, 39].

Хан Айчувак в письме министру иностранных дел В.П.Кочубею весьма убедительно говорит о барымте как о кровном деле казаха: «Барымта — наша худая слава. Она известна всему нашему роду. Мы растем, впитывая ее в наши кости, и мы одержимы ей с малых лет. Начало свое получила она более 50 лет тому назад от башкирского народа, который донимал тогда ею наших предков» *[ГАОО.* Ф. 222. Оп. 1. *Д.* 42. *Л.* 213]. Неверное представление хана о времени происхождения этого института опровергается словами выдающегося казахского ученого и просветителя Ч.Ч.Валиханова. Вот что он писал: «Баранта существовала у кочевых степняков всегда, для набегов их не было препятствий» *[Валиханов*, 1904. С. 14].

Экономическая выгода барымты привлекала внимание и богатых, и бедных. Большие партии ее участников угоняли у противника тысячи и тысячи лошадей. При этом такое мероприятие организовывалось не без ведома или даже прямого попустительства кантонных начальников. В начале XIX в. подчиненные Бурангула Куватова и Акула Биктимирова создали большую партию угонщиков, захватили и пригоняли к себе по 11,5 тыс. лошадей каждый *[ГАОО.* Ф. 222. Оп. 1. *Д.* 42. *Л.* 213]. И казахи в этом не отставали от своих соседей. В 1804 г. отмечены угоны 400 лошадей казахами-джагалбайлинцами у башкир д. Мурзакаево Бурзянской волости 6-го кантона и 700 лошадей — казахами-байулинцами у башкир в 20 верстах от Кизильской крепости *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 286. *Л.* 7, 62].

Мелкие партии с обеих сторон удовлетворялись сравнительно незначительной добычей, примерно из 30—50 лошадей. Несмотря на наличие построенных десятков крепостей, редутов и форпостов вдоль правого берега Яика (Урала) в течение последних двух третей XVIII в., проходы, перелазы угонщиков продолжались. Но и жалоб на это не убавилось. Они шли и от казахов, и от башкир. Жалобы исчислялись тысячами. Но их львиная доля не рассматривалась из-за нехватки чиновников.

За угон скота и увод людей строго наказывали по циркуляру военного губернатора, кантонные начальники приграничных кантонов (9-го Оренбургского, 6-го Верхнеуральского, 4-го Троицкого уездов) с юртовыми старшинами организовывали поиск виновных, проводили обыск хозяйства и опись всего имущества и скота, в т. ч. угнанного хозяином двора. Дело передавалось в суд, определявший степень виновности подсудного. Решалось в постановлении следующее: возвращение захва-

ченного человека, имущества и угнанных лошадей по поголовьям. Виновного направляли в Сибирь на поселение.

Народная память сохраняет до наших дней места, связанные с казахскими набегами («Яугильде», «Яугаскан», «Казак сапкан»), со стычкой-сражением («Казакорошкан»), с пролитием крови («Канъяткан»), с перевалом, отдыхом («Казаккунган»), с бегством противника («Казаккаскан») [*Башкирское*... 1987. С. 275].

Барымта - еще и захват и увод детей, мужчин и женщин. Их ожидала участь рабов: продажа, обмен, отдача в калым и приданое [*Коншин*, 2005. С. 104; *Асфандияров*, 1998. С. 60]. Известно, что оба общества были с неразвитым рабством. Оно занимало незначительное место в их повседневной жизни. По Н.П. Рычкову, сами казахи рабами у своих соплеменников быть не могли [*Рычков*, 1772. С. 27]. Рабами становились пленные башкиры, калмыки, каракалпаки, захваченные во время барымты. У башкир рабами (ясырами) могли быть задолжавшие общинники, но в основном это были захваченные пленные казахи, редко калмыки. Из их числа малолеток башкиры обычно усыновляли и удочеряли, воспитывая как членов семьи. По совершеннолетию парней женили, дочерей выдавали замуж, выполнив все требования, ритуалы и обязанности. Они становились равноправными членами общины и выполняли все обязанности и повинности, возложенные на коренных башкир. Тем самым происходило языковое, социально-экономическое и культурное сближение бывших рабов с членами башкирского общества. Все это вело к полному растворению казахов среди башкир. Недаром в пограничных волостях среди мелких подразделений башкирских племен встречаются этнонимы «казах», «киргиз-кайсак». Установлено, что этнонимом «казах» названы среди племени бурзян 11 ара (группа семей), усерган — *9*, тамьян - 4, тангаур — 2, кыпсак — 4 *[Камалов*, *Камалова*, 2001. С. 97]. Название «казах» является компонентом ряда башкирских личных имен (Ҡаҙаҡбай, Ҡаҙаҡкол и др.). В Восточном Оренбуржье в современных башкирских деревнях Гайского и Кувандыкского районов имеются семьи, считающие себя произошедшими из казахов.

В ходе больших социально-политических потрясений многие мирные и вооруженные башкиры приграничных волостей по ранее заключенным договоренностям переходили к казахам через Яик (Урал) с просьбой под их защиту. Так было после подавления восстания 1735—1740 гг. Такое в больших масштабах повторилось и в 1755 г. На территории двух жузов оказалось, по мнению историка В.Н.Витевского, около 50 тыс. башкир.

Действительность оказалась куда более жестокой. В ее основе лежала политика правительства, направленная на натравливание одного народа против другого, чтобы между ними согласия, тем более союза против России не было. Эмиссары первого оренбургского губернатора И.И.Неплюева упорно действовали в двух жузах, чтобы разрушить начавшееся сближение между казахами и башкирами и соглашение о приеме бежавших из своих родных мест башкир. При этом губернатор и его люди руководствовались инструкцией, данной еще в 30-е гг. XVIII в. первому командиру Оренбургской экспедиции И.И. Кирилову, которая гласит: «Никогда не следует допускать их (киргиз и башкир) в согласие, а потребном случае надобно нарочно подчинить их друг другу и тем смирять» *[Материалы...* 2002. С. 280]. Султаны и приближенные ханов были подкуплены царскими чиновниками. В итоге десятки тысяч беженцев были встречены выстрелами из огнестрельных оружий и даже орудий. Это облегчило возможность раздела мужчин и раздачи их по состоятельным и богатым семьям. «Заслуги» султанов Айшуака (Айсуака) и Ералы не остались без внимания. 27 марта 1757 г. Коллегия иностранных дел ходатайствовала перед императрицей поощрить их особо. В списке лиц, удостоенных знаков «монаршей милости», значатся ханы Нуралы и Аблай. Как зафиксировано в «протоколе комиссии от 13 декабря 1757 года», хану, а также его воинственным братьям были преподнесены богато инкрустированные сабли стоимостью от 55 до 90 руб. Правительство пыталось возвратить бежавших в ходе восстаний башкир, так как опасалось, что ушедшие в казахскую степь башкиры породнятся с местным населением в степи и совместно выступят против его политики. Были изданы соответствующие указы 1755 (сентябрь) и 1756 (май) гг., предусматривающие: возвращавшихся башкир-рабов «с повинной прощать без всякого истязания и прежния земли возвратить и принадлежности чем они владели возвратить» *[ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. *Д*. 63. *Л*. 77]. Содержание указов доводилось до сведения невольных башкир и казахских правителей. Из плена возвратились в 1761 г. 6 529 человек. По данным П.И.Рычкова, число вернувшихся в верховья Белой составляло 545 человек; 737 человек было выдано казахами А.И.Тевкелеву. Срок выхода продлили до 1763 г. по причине того, что «из допроса беглых там немало еще имеются башкир и, хотя они желают вернуться, их не отпускают казахи или же от дальности» *[Там же*. *Д*. 88. *Л*. 67]. Процесс возвращения беженцев продолжался до начала XIX в. Так, например, в 1804 г. через пограничную линию были пропущены Булат Ракаев с 20 душами членов семьи и родственников, Рахимбика с 21 душой *[Там же*. *Л*. 460], башкир Мярганбаев с 27 душами. В 1808 г., через 53 года, вернулся на родину Минзингулов с родственниками. В двух казахских жузах по разным причинам оставалось

немало беженцев. Их следы в этнонимии сохранились и поныне.

В XIX в. в социально-экономической жизни народов региона получило развитие такое явление, как отходничество — временный уход в прилинейные селения или города соседних губерний, способствовавшее непосредственному сближению башкирского и казахского народов. В первой половине XIX в. был характерен наем на сельскохозяйственные работы в прилинейных селениях, когда обедневшие кочевники-байгуши за неимением или нерентабельностью собственного хозяйства искали заработки, преимущественно состоявшие в сенокошении и жатве хлебов. Особенностью развития отходничества у казахов был наем их на работы в основном к близким им по языку[7] и вере хозяевам, в частности к башкирам *[Султангалиева*, 2000. С. 91]. Отходничеству казахов способствовал указ 1808 г., разрешавший «всем казенным, наипаче магометанского закона селениям, внутри линии расположенным, принимать к себе киргизов по их собственному желанию, обращать в поселения на равных правах и обязанностях со старожилами тех селений» *[ЦГА РК.* Ф. 4. Оп. 1. *Д*. 842. *Л*. 5]. Указ способствовал нередкому переходу через линию казахских семей и причислению их к «башкирцам». Их называли «казахами из башкир». Общавшиеся с башкирами казахи, увидев в наемном труде пользу и выгоду для себя, «снискивая для своих семейств пропитание», перешли в башкиры. Некоторые остались «вечно в родах Башкиро-мещерякского войска». Так было в 1808 г., когда казахи рода жагалбайлы Младшего жуза в количестве 47 человек прибыли в Верхнеуральск для найма в работники. Они были определены в башкирские селения Верхнеуральского уезда на разные сроки. Часть из этих казахских семей впоследствии растворилась среди коренного населения, оставив этноним лишь в названиях родового подразделения ара. Наем башкирами к себе в работники казахов, по мнению оренбургского военного губернатора П.П.Сухтелена, способствовал беспорядкам в губернии. Это выражалось в том, что казахи, пробыв некоторое время в работниках, «приобретают подробные сведения, где, в какое время года пасутся табуны лошадей и имеется ли за оными исправный осмотр, и устанавливают связи с башкирами». Такое случалось нередко с целью угона скота. «Причисленные из киргизцев в башкирское звание» передавались в полное распоряжение земским исправникам «с тем, первое, чтоб они занимались хлебопашеством и другим обзаведением хозяйства, второе, чтобы по истечении назначенной при водворении их льготы отправляли от беспрекословного обязанности по званию башкирского народа, третье, за сими новосельцами иметь бдительное наблюдение, чтобы они без ведома

Башкир и киргиз. И. М. Фольц.
Рисунок. Начало XIX в.

начальства отнюдь никуда не отлучались, а особливо не имели бы сообщения с киргизами» *[Там же].* Поэтому с 1832 г. по предписанию оренбургского военного губернатора казахи «не могли быть допущены до найма в работники к башкирам, так как в этом есть корень всего зла между ними». Казахам было запрещено также приближаться к пограничной линии на расстоянии 70 верст и входить в контакты с башкирами.

Хозяйственная разруха, голод, бескормица скота заставляли обедневших казахов обратить свои взоры на Башкортостан. Об этом писал А.И.Добросмыслов: «киргизцы проявили большое стремление к переходу на жительство в Башкирию; особенно много бежало сюда семейств, членами которых были башкирские женщины, захваченные киргизами в плен в разное время» *[Добросмыслов*, 1901. С. 219].

Н.В.Никольский по этому поводу отметил, что «Киргизы, не находя средства к пропитанию, продавали детей своих в рабство хивинцам. Чтобы пресечь это зло, дозволено было покупать и выменивать у киргизов детей их всем российским подданным свободных состояний с тем, что купленные и выменянные таким образом киргизские дети, по достижении 25-летнего возраста должны были свободны» *[Никольский*, 1919. С. 182]. При этом переселившимся казахам предоставлялась 10-летняя льгота от податей и службы и, кроме того, выдавалось пособие на «обзаведение хозяйством» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 285. *Л*. 84].

Казахи, кочующие около Магнитной, Кизильской, Уртазымской, Орской крепостей, с разрешения Оренбургской пограничной комиссии переходили во внутренние башкирские селения и причислялись к «башкирцам» 6-го (Верхнеуральский уезд), 9-го (Оренбургский уезд), 4-го кантонов (Троицкий уезд). Следует думать, что подавляющее большинство казахов, причисленных к башкирам, было ассимилировано коренным населением с получением права собственности на землю, всех прав и обязанностей башкира-вотчинника, башкира-полуказака, башкира-полукрестьянина. Этот процесс протекал мирно, без насилия, т. е. объективно.

Заключались и брачные союзы между двумя народами. Они были прежде всего насильственными как результат барымты, с похищением девушек, женщин и дальнейшей раздачей их по воле главы угонщика. Брачный союз был и добровольным, о чем изобилуют материалы народного творчества и архивные источники. Правительство дважды, в 1747 и в 1830 гг., попыталось запретить такие смешанные браки, предвидя в этом стремление их к сближению, взаимодействию, взаимопониманию. Следовательно, образ жизни, взаимосвязь и взаимодействие башкирского и казахского народов были почти схожими с обществами других кочевых народов, где законы и принципы кочевничества давали о себе знать.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ

Крупным проявлением социального протеста башкир, направленного против военно-административной политики в Башкортостане, было участие в волнениях 30-х гг. XIX в., охвативших несколько уездов в Оренбургской и Пермской губерниях. Рассматривая волнения 30-х гг. XIX в. и участие в них башкир, следует отметить их стихийный характер — непроверенные слухи выливались в буйные погромы в отношении представителей власти. Власти обвинили крестьян в невежестве за приверженность к ложным слухам. Действительно, поводом явились еще не изданный закон о передаче уральских крестьян в Удел (в 1830 г. он был одобрен лишь в проекте), несуществующий «сенатор-помещик Медведев» и хлебные амбары, отнюдь не предназначенные под церкви. Волнения 1835 г. представляют классический пример привходящих факторов для различных групп населения: в обычном указе о строительстве хлебозапасных амбаров русские государственные крестьяне увидели «дома сенатора Медведева», т. е. помещика-крепостника, а мусульмане, в том числе башкиры, — православные церкви, призванные их крестить. Волнения интересны также тем, что в них, с одной стороны башкиры выступали совместно с представителями других сословий против властей, с другой — часть башкир активно подавляла волнения.

Волнения 1834-1835 гг. в Приуралье изучены академиком Н.М.Дружининым в его монографии *[Дружинин*, 1946. С. 224—244]. Описывая движение башкир и их припущенников, автор отмечает, что оно носило «ярко выраженный национальный характер и развертывалось при участии мусульманского духовенства». Но основное внимание Дружинин сосредоточил на анализе массового возмущения русских государственных крестьян. Применительно к истории Башкортостана волнения обследованы А. П. Чулошниковым *[Очерки...* 1959]. Очерковый характер изложения не дал возможности автору всесторонне описать события 30-х гг. XIX в. в Башкортостане. Между тем документы, извлеченные Чулошниковым из центральных архивохранилищ, наряду с сохранившимися документами местных архивов позволяют более детально проследить истоки движения, его географию, ход событий, место и значение 1835 г. в истории края.

В волнениях 1835 г. в Башкортостане участвовало население Красноуфимского уезда (башкиры 2-го кантона и тептяри, жившие смежно с ними) Пермской губернии, Бирского (тептяри 33 команд, башкиры 10-го и часть мишарей 4-го кантонов), Уфимского (башкиры 8-го кантона, русские казенные крестьяне Сикиязской, Дуванской, Тастубинской волостей, часть мишарей 3-го кантона и тептяри некоторых команд) и Троицкого уездов (башкиры 4-го западного кантона и тептяри) Оренбургской губернии. Все эти уезды непосредственно граничили с Пермской губернией (Красноуфимский уезд входил в ее состав), где началось Приуральское возмущение 1834-1835 гг. и происходили его кульминационные события. По словам В.А. Перовского, в Башкортостане «восстало 40 тысяч душ мужского пола явно против законной власти» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 383].

Основной причиной волнений 1835 г. являлось усиление военно-административной политики правительства в Башкортостане в годы кантонной системы управления. Начиная с 30-х гг. XIX в. принимались меры по переводу башкир, мишарей, тептярей с военно-казачьего сословия в податное крестьянское. Башкирское войско не устраивало правительство, т. к. мешало колонизации вотчинных земель. Боясь распустить войско сразу из-за возможных волнений в народе, правительство решило преобразовать его путем частичных изменений. Военная служба заменялась тяжелыми общественными работами, объем которых не был регламентирован законом, — рубкой и сплавом леса, работами на приисках, рудниках, кирпичных заводах, строительством крепостей и укреплений, военных и коммерческих трактов, мостов, плотин, перевозкой казенных грузов. В 1834 г. были внесены изменения в систему кантонного управления. Для осуществле-

ния строгой хозяйственной и политической опеки были учреждены должности командующего войском, попечителей и стряпчих из русских штаб-офицеров. Для содержания возросшего бюрократического аппарата была основана войсковая казна, заполняемая за счет дарового труда башкир и мишарей на вновь организуемых общественных заводах — поташных, пчельных, конных. Возмущение населения вызвало законоположение, согласно которому погребение умерших совершалось только через три дня после смерти, тогда как по мусульманским обычаям умерший предавался земле в день смерти.

В 1835 г. поднялись и русские казенные крестьяне Уфимского уезда Оренбургской губернии. В результате интенсивного переселенческого движения в конце XVIII — начале XIX в. на башкирских землях образовались десятки крупнейших селений государственных крестьян — Айлино, Дуван, Емаши, Месягутово, Сикияз, Сартово, Озерская, Метели, Тастуба, Ярославка. Однако над относительно благополучной жизнью крестьян нависла серьезная опасность. 16 января 1830 г. был утвержден проект закона о переселении обедневших удельных крестьян центральных губерний на казенные селения многоземельных восточных губерний, в том числе Пермской и Оренбургской [*Полное...* II. Т. 5. № 3427].

В начале 1835 г. начальник 7-го кантона Ибрагимов сообщал о распространении слухов среди башкир Стерлитамакского и Уфимского уездов о переводе их «в другое состояние податное, именно в удельные крестьяне, и что они будут принадлежать казенным поташным заводам». В феврале уфимский земский исправник Тимашев после «секретного разведывания» деревень Бишаул-Табынской волости 8-го башкирского кантона, прилегающей к Кунгурской волости 7-го кантона, сообщат командующему войском С.Т.Циолковскому о том, что башкиры боятся потери личной свободы и вотчинных прав, поскольку их заставляют работать даром или за низшую плату на общественных поташных заводах, обременяют подводами, заставляют покупать сено для лошадей и продовольствие для себя по высокой цене, а хлеб заставляют продавать по заниженной цене. Согласно слухам, на башкирских жен Стерлитамакского уезда был наложен оброк — на каждую по 5 аршин сукна и 10 аршин холста. Башкиры собирались на совещания. От имени 7-го кантона они снарядили в Петербург ахуна Кумрукской волости Караная Курпячева для подачи прошения. С этой же целью в столицу был послан и другой поверенный башкир. По словам Тимашева, к прошению башкир было приложено до 1 тыс. тамг (подписей). Поверенному, снаряженному в Петербург, стерлитамакский купец Абдулхалик дал 1 тыс. руб. денег [*ЦИАРБ.* Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 40-40 об.; Д. 118. Л. 1-11 об.].

Недовольство заменой «службы на коне» тяжелыми казенными работами проявлялось и среди войсковых чиновников. В связи с донесением Белебеевского земского исправника гражданскому губернатору началось следствие, а затем и военно-судебное дело над начальником 12-го башкирского кантона сотником Нагайбаковым. 4 апреля 1835 г. в д. Нижние Бишинды при осмотре командируемых в Сергиевск на Бердянскую линию и в Уфу на земляные работы он «при фронте из 21 чиновника и 650 казаков в кругу юртовых старшин по русски громко говорил, что люди те не на службу, но на каторжную работу командируются <...>, что служба лопатошная есть каторга, башкирцы нынче стали плохи, не умеют от оной избавиться <...> Негодование к командировкам на земляные работы ясно видно было на лице Нагайбакова» [*НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 1-2].

Приуральское возмущение началось с массовых волнений крестьян Пермской губернии осенью 1834 г. Волнения начались в октябре в Красноуфимском уезде. Крестьяне категорически отказывались избирать участковых старост и платить повинности, составляли прошения на царское имя, снаряжали ходоков в Петербург с ходатайством освободить их от удела.

Мощным возбудителем движения явилось распоряжение местных властей о строительстве запасных хлебных магазинов в башкирских и припущенических селениях. 5 июля 1834 г. было утверждено «Положение о запасах для пособия в продовольствии», обязывающее сельское население построить хлебные магазины там, где их до сих пор не было. Строительство амбаров осуществлялось за счет общества, которое должно было обеспечивать жалованьем и смотрителей складов [*Полное...* II. Т. 9. № 7253].

Строительство и заполнение хлебных амбаров явилось нелегкой повинностью для башкир и припущенников, особенно в районах со слабым развитием земледелия. Однако тревогу населения вызвала не только тяжесть новой повинности. Распространились слухи о том, что под видом амбаров власти строят церкви, мусульман насильно обратят в христианство, затем превратят их в крестьян или рабов. Население обратило внимание на то, что в положении 5 июля 1834 г. о запасах «они не поименованы ни башкирцами, ни мещеряками, ни тептярами, а просто названы казенными поселянами». Особенное возбуждение вызвало рассмотрение чертежей запасных хлебных магазинов, которые были разосланы на места. Внимание жителей обращал поперечный разрез магазина, где перекладины и стойки образовывали форму креста. Башкиры Красноуфимского уезда утверждали, что «означенные магазины похожи на церкви, ибо в них имеются окна, двери и ворота» [*НА УНЦ РАН.* Ф. 3.

Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 81, 345; *РГИА*. Ф. 1286. Оп. 6. 1835. *Д*. 387. *Л*. 24].

В июле волнения охватили тептярские селения Бирского уезда. К возмутившимся жителям 14-й и 15-й команд присоединились соседние башкиры, подстрекаемые, по словам исправника, отставным походным старшиной д. Казыльярово Абдулнафиком Хамидуллиным *[Там же. Л*. И об.]. Получив донесение Лепковского, губернатор срочно направил в Бирский уезд чиновника особых поручений Веригина, который 13 июля прибыл в д. Тугаево. Волнения мишарей и тептярей отозвались в башкирских юртах Бирского уезда. Башкиры дд. Кусюково, Янаулово, Варяшево, Артаулово, Кугиманаково, Бикметево призывали тептярей держаться в борьбе и обешали «быть заодно». Как и в других местах, в 10-м башкирском кантоне Бирского уезда активными зачинщиками волнений являлись муллы. Дворянский заседатель Бирского земского суда Друецкий 13 июля сообщал о «превратном толковании» указа о хлебозапасных магазинах муллой д. Сууккулово Фархутдином Фасхутдиновым. Кантонный начальник 10-го башкирского кантона Сафаров «главным зачинщиком» волнений считал указного муллу д. Султеево башкира Абубакира Абдулхаирова. Башкиры 3-й юрты дд. Улуг-Бадрака, Тукрана и других под предводительством указных мулл Хисматуллы Кущугулова, Байгузы Якиева и зауряд-есаула Исмагила Суляй улы Абдыкова отказались от постройки магазинов, категорически запретили юртовому старшине Нугуману Кутлубаеву приезжать к ним и «увещевать» их, пытались избить его, но старшина «спасся побегом» *[Там же. Л*. 236, 261, 297].

Получив донесение о волнениях, С.Т.Циолковский сообщил об этом военному губернатору Перовскому, который приказал ему срочно выехать в Бирский уезд. Опасаясь совместных выступлений мишарей, башкир и тептярей, командующий войском стремился изолировать и потушить волнения в первую очередь в 4-м мишарском и 10-м башкирском кантонах. Совместно с кантонным начальником Максютовым Циолковский объехал неповинующиеся селения мишарей, арестовал и отправил в ножных кандалах в Бирский тюремный замок 14 наиболее активных участников волнений. Остальные «возмутители» были подвергнуты наказанию нагайками. Вслед за тем Циолковский выехал в тептярскую д. Тугаево, где намечалось скопление башкир и тептярей, и оттуда направился в юрты 10-го башкирского кантона. Были взяты и отправлены в Бирский тюремный замок 14 башкир, остальные виновные были подвергнуты порке.

В конце июля - начале августа Циолковский оставил Бирский уезд и выехал навстречу генерал-губернатору Перовскому в Месягутово. После его отъезда волнения резко усилились. Неповиновение властям, сопровождаемое избиениями старшин, сотников и рядовых и другими «буйствами», происходило почти во всех командах *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 299-306.; *ЦИАРБ*. Ф. И-6. Оп. 1. *Д*. 111. *Л*. 163-197].

Острый характер приняли события в казенных селениях Уфимского уезда. В обстановке напряженного ожидания здесь были получены указ Оренбургской казенной палаты и предписание уфимского земского исправника Тимашева о постройке хлебных запасных магазинов. Указ был объявлен на мирской сходке при Сикиязском волостном правлении в с. Месягутово 9 июля 1835 г. Собравшиеся на сходку жители взволновались и заявили, что магазины строить не согласны, так как указ и прочие документы «не сам царь подписал, что общество продано господину Медведеву». На другой день возбужденные жители собрались у мирской избы и продолжали обсуждать создавшееся положение. В тот же день туда прибыл земский исправник Тимашев. Предвидя волнение крестьян, Тимашев вызвал из дц. Шарипово, Мешегарово и Улькунды 75 человек мишарей на помощь. По словам крестьян, были привезены в большом количестве прутья. В ожидании репрессивных мер со стороны исправника крестьяне решили обратиться за помощью к соседним башкирам. Днем в Дуван-Мечетлино отправились посланники месягутовцев, чтобы уговорить башкир выступить совместно. Но башкиры пока не отваживались на открытые действия. Ночью 11 июля в Дуван-Мечетлино вторично поехали представители крестьян Моисей Верздаков, Леонтий Васев и Алексей Крыласов. Крестьяне заключили с башкирами, мишарями и тептярями «условие на общие действия с приложением к оному тамогирук». По свидетельству исправника, «казенные крестьяне посылали на почтовых двух нарочных в Златоуст для покупки оружия и даже самых пушек» *[ЦИА РБ*. Ф. И-6. Оп. 1. *Д*. 111. *Л*. 38-39, 57 об.; *НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 75. 80, 82, 242-244, 289].

Утром 11 июля народ заполнил церковную площадь Месягутово. Здесь собралось около 2 тыс. человек государственных крестьян, башкир, тептярей из окружающих деревень. Над площадью стоял большой шум. Не дождавшись понятых-мишарей, Тимашев послал переводчика зауряд-есаула Абдуллатифа Бикташева, рассыльного Ахметева и Петра Матвеева объявить народу, что «совещаний никаких делать не следует и чтобы все разошлись по домам». Но как только они показались на площади, башкиры, тептяри и крестьяне начали их бить. К бунтующей массе присоединились мишари, приехавшие сюда по требованию исправника. Руководили движением мечетлинцы: разжалованный сотник Абдулкагир Кущутулов, зауряд-есаул Нигаматулла Мещеров, урядник д. Абдрашитово Адначура Султамратов и азанчей д. Улькунды Зейнулла Абдулкадыров *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90.

JI. 117, 309-311]. Башкиры «с диким гиканием» бросились на небунтующих крестьян с. Сикияз и д. Озерской и плетьми погнали их к исправничьей квартире. Последняя оказалась в плотном окружении. Дальше произошло то, что позже Тимашев подробно описал в своем рапорте военному губернатору: «Опасаясь выйти к осиревшему многолюдству, я растворил окно и только лишь начал их увещевать <...>, как башкиры закричали, что магазины строить не хотят, никого не послушают и чтобы русские высадили меня из окошка, а крестьяне кричали, чтобы я выдал им вступивший ко мне рапорт волостного правления о бунте и указ на отчисление в Удел к какому-то Медведеву. Как только я взял со стола этот рапорт, как крестьянин Василей Никитин полез ко мне в окошко и, схватив за ногу с помощью других неизвестных мне крестьян, вытащил меня в народ, который начал бить меня кулаками, а башкирцы плетьми <...> Тут мне связали руки и повели на площадь, а затем заключили в мирскую арестантскую избу, после сего продолжали бить всех несогласных к бунту и били всех, кого только подозревали в знании о небывалом и выдуманном указе на счет обращения якобы в Удел».

Решив, что указ и печать брошены в воду, утром 12 июля крестьяне вместе с тептярями дц. Тоймеево и Алаклов повели губернского секретаря Сергеева и рассыльного Ахметова на р. Ай и, «выпытывая, кто и куда бросил медведевский указ и печать» и «взяв Сергеева и Ахметева за ноги и за руки, намеревались <...> бросить в реку Ай, спуская с яру в воду». Чтобы спасти жизнь, Тимашев раздал крестьянам имевшиеся у него 980 рублей казенных и 370 рублей собственных денег.

Волнения происходили и в других казенных селениях. В с. Дуван крестьянами были избиты и посажены под караул волостной голова и писарь. Как и сартовцы с месягутовцами, жители Дувана ездили на совет с башкирами в Дуван-Мечетлино и сговорились с ними о совместном выступлении. В русские селения большими партиями приезжали башкиры. Они охраняли дороги и призывали крестьян к более активным действиям *[Там же. Л.* 80; *ЦИАРБ.* Ф. И-6. Оп. 1.Д. 111. *Л.* 17-18,41-43,76, 90].

Соседние башкиры также были возбуждены слухами о передаче в Удел. 6 июля жители д. Айдакаево 4-го башкирского кантона оказали неповиновение местному начальству, которое требовало от башкир приговоры о командировании людей на ремонт почтового тракта. Старшинский помощник 6 юрты зауряд-есаул Рахметулла Юлдашев объявлял приговоры ложными, составленными для перевода жителей в удельное ведомство и не разрешал башкирам подписываться. Зауряд-есаул 5 юрты Баймухамет Мендияров «ездил с выдуманным указом о крещении башкирцев в христианскую веру» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 40, 295, 311, 365]. Он распространял слухи о приезде царя в Ключевскую волость Красноуфимского уезда.

8 июля начальник 8-го башкирского кантона Тикеев обязал старшин 8—14 юрт незамедлительно начать заготовку леса для строительства магазинов, взяв предварительно с населения письменное согласие. За невыполнение приказа управляющий кантоном угрожал старшинам «военным судом». Последние не позднее 11 июля должны были собраться в Дуван-Мечетлино, чтобы отчитаться перед Тикеевым о предпринятых мерах.

Дуван-Мечетлино располагалось в 12 верстах от с. Месягутово и находилось недалеко от 2-го и 4-го башкирских и 3-го мишарского кантонов и 9-й тептярской команды. Согласно приказу Тикеева сюда начали собираться юртовые чиновники. Одновременно туда съезжалось многочисленное население с окружающих деревень. Тревожные вести поступали отовсюду. 10 июля приезжали месягутовцы с просьбой поддержать их сопротивление против земского исправника. Но башкиры колебались. Ночью 11 июля посланники крестьян вновь прибыли в Дуван-Мечетлино. Сомнения собравшихся рассеял дважды разжалованный зауряд-офицер д. Абдрешитово 12-й юрты Валиша Аккушев. Пожилых лет башкир красивой наружности, он имел отличный дар слова: «Чего еще дожидаетесь и зачем сомневаетесь в справедливости, что нас всех крестить будут? Я сейчас прибыл из Красноуфимского уезда и сам был свидетелем того, что там уже крестят мусульман и с жен наших снимают порты. Решайтесь защищать нашу веру и свободу! Возьмите пример с русских, коим по единоверчеству дела русского правительства лучше известны: они решились на все, чтобы охранить свою прежнюю независимость» [*Там оке. Л.* 243].

В этот момент показались посланники 2-го башкирского кантона из д. Большая Ока. Они объявили, что «народ 2 кантона требует их совета и единодушия во всеобщем сопротивлении против устройства сельских хлебных магазинов». После краткого совещания отставной старшина д. Маржангулово зауряд-есаул Имай Исякаев написал ответное письмо: «Письмо есть половина свидания <...> Вам 2-го башкирского кантона почтенным мещерякам и башкирцам и всем старшим чиновникам и ученым искренние молитвы посылаем. Будьте каждый из вас и все здоровы и благополучны. Если спросите известия от нас, мы, слава богу, здоровы. Посланных вами людей и письмо мы получили 11 июля. Вы в своем народе усоветовались, мы также в своих волостях старики и молодые согласны с вашими и приняли мы, чтобы быть' в одном условии и его никак не нарушать и сердца наши не отклонять, так как вы готовыми стали и мы также, изъявя наше согласие, подписуемся». Оно было подписано представителями Болыпе-Кущинской,

Мурзаларской, Тырнаклинской, Дуванской и Сартовской волостей *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 346-347]. Такое указание о строительстве хлебозапасных с крестьянами, после чего башкиры устремились в Месягутово.

11 июля многие из собравшихся в Дуван-Мечетлино находились в Месягутово и приняли в событиях этого дня самое активное участие. Они освободили арестантов-башкир д. Сальзегутово братьев Даута, Галиуллу и Агильуллу Темирбаевых. Обострялась обстановка и среди башкир. За согласие строить магазины жестоко был избит старшина 11-й юрты Муса Султамбеков. Однако главной своей задачей повстанцы считали арест кантонного начальника Тикеева, который находился в пути на сборное место. Верховые дд. Буранчино, Мунаево, Сабанаково, Такеево, Марземгулово, Тукбаево и др. встретили его утром 12 июля в д. Сальзегутово. Они арестовали Тикеева и 5 человек, сопровождавших его, причем последние жестоко были избиты. Канцелярия начальника была разграблена, были уничтожены приговоры о строительстве магазинов жителями «по ту сторону Белой и Демы». Арестованных привезли в Дуван-Мечетлино и посадили под стражу. После этого башкиры избрали поверенных — «представителей народных, защитников их прав и свободы» — старшину 13-й юрты Исламгула Клысбаева, зауряд-сотника Ишкиню Ирмакова, Валишу Аккушева и Абдулбасыра Хайбуллина. Составили общественные приговоры — магазины не строить, «стоять против власти» — и закрепили их тамгами жителей и печатью кантонного начальника. Тикеев вынужден был подписать приговоры и дать поверенным билеты для проезда «во все российские губернии» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 115, 294; *ЦИАРБ.* Ф. И-6. Оп. 1. *Д* 111. *Л.* 130-131].

Волнения охватили и Троицкий уезд. Башкиры 4-го кантона собрались в дд. Тогузлы и Самерово. Население не соглашалось строить общественные магазины, намереваясь обороняться «силой оружия», многие готовили стрелы, луки, ружья, а также телеги для отправки семейств с имуществом в леса и горы на случай войны *[Там же.* Л. 28—30]. Почти одновременно с событиями в Уфимском уезде вспыхнули волнения среди башкир, мишарей и тептярей Красноуфимского уезда Пермской губернии. «Второй башкирский кантон виновнее всех прочих, — писал военный губернатор об этом волнении, — здесь не было еще сделано никакого распоряжения по предмету постройки магазинов, но жители, узнав о возмущении 8 кантона, посылали туда осведомиться о происходившем, вызывались быть заодно с бунтовщиками, разъезжали вооруженными толпами и потом отправили возмутительные грамоты в другие кантоны, в особенности стараясь привлечь к себе башкирцев 6 и 9 кантонов» *[РГИА.* Ф. 1286. Оп. 6. 1835. *Д.* 387. *Л.* 22 об.].

Действительно, в Красноуфимский уезд еще не [illegible] магазинов, но население давно уже было встревожено происходящими вокруг событиями. Башкиры, мишари и тептяри уезда одними из первых узнали об июньских событиях в Кунгурском уезде. Они были убеждены, что начальник 2-го башкирского кантона Салих Кустугильдинов, ездивший в Петербург в составе депутации по вопросу о переводе башкир и припущенников Пермской губернии в удельное ведомство, «давно принял русскую веру и <...> продал их в Удел». Один из восставших, башкир д. Озерков Красноуфимского уезда Алиш Абсалямов, «уверял башкирцев, что он видел сам лично, как в деревне Саре того же уезда по воле начальства сняли со всех татар имеющиеся на головах у них аранчины и приводят постепенно в русскую веру, а с жен сняли порты, кои носят они по своему вероисповеданию, и приказали носить русское женское платье» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 335-336].

Во 2-м кантоне выделились селения, которые приобрели руководящую роль в движении: сюда сходились многие тысячи людей из окрестных районов. Одним из таких пунктов являлась д. Большая Ока Кущинской волости, населенная мишарями, тептярями и башкирами. Она располагалась близ большой дороги, связующей восточный Башкортостан с районами проживания нерусского населения Пермской губернии. В начале июля среди окинцев разнеслись слухи о том, что приказано везде строить магазины, крестить всех магометан и записать их в подушный оклад. Была созвана сходка односельчан, где приняли решение «общим советом противиться распоряжениям начальства вооруженною рукою». Затем было написано письмо башкирам 8-го кантона с просьбой заключить союз о взаимной поддержке в предстоящей борьбе. Копии с ответного письма мечетлинцев рассылались в окружающие деревни. Готовясь к «войне», окинцы пытались склонить к восстанию и зауральских башкир. Началось поспешное вооружение, ковалось оружие. Побоям подвергалась зажиточная старшинская верхушка, не согласная участвовать в сопротивлении властям. Жестоко был избит бывший юртовой старшина Канзафар Амиров, который запретил делать копья в его кузнице. Выделились руководители - Абдулвагап Каримов, его сын Абдулмежит Абдулвагапов, урядник Динмухамет Сагадиев, Курбангали Ишменев, Сеитбаттал Абдулгафаров, братья Габделзалил и Габделзабир Аптикаевы и др. Энергичными мерами они мобилизовали население в помощь восставшим. К скорейшему сопротивлению властям призывал народ указной мулла Абдулбахит Бакиев: «Торопитесь <...> разве вам хочется быть крещенными?» *[Там же.* Л. 340—342, 349]. В Оку стекались вооруженные пиками, ружьями и стрелами жители из соседних деревень.

Повстанцы готовились к вооруженной обороне, но арест башкирами 8-го кантона начальника Тикеева подсказал им план более активного действия. Было решено найти и арестовать начальника 2-го башкирского кантона Кустугильдинова и уничтожить его канцелярию с приказом о передаче населения в Удел. Вооруженные Абдулмежит Абдулвагапов и Рахимкул Иманов явились в дом зауряд-есаула Багдасара Канзафарова (сына Канзафара Амирова) и угрозой лишения жизни вынудили написать приказ, «дабы все жители деревни собрались вооруженными, отправились в погоню за кантонным начальником». Узнав о движении начальника кантона, отряд выехал ему навстречу.

Тем временем атака кантонного начальника началась. 11 июля по приказу Кустугильдинова к нему в д. Рахмангулово явился его помощник Хамзин. Очевидно, они намеревались объехать юрты 2-го кантона, расположенные к югу от Красноуфимска. В полдень 12 июля Кустугильдинов и Хамзин выехали в башкирскую д. Озерки, где переночевали у Сапаргалия Юнусова. На другой день башкиры дд. Озерки и Сызги свыше 100 человек окружили дом Юнусова, до смерти избили юртового старшину и писаря, требуя указ о переводе в удел. Кустугильдинов и Хамзин спаслись, закрывшись в доме. Башкиры требовали у них все тот же указ и угрожали поджечь дом. С помощью хозяина дома и его сыновей Кустугильдинову удалось успокоить башкир: он показал все свои бумаги, «обязуясь при том клятвенно перед всею толпою, что не будет доносить начальству о всем случившемся».

Под вечер 13 июля Кустугильдинов, Хамзин, писари Росихин и Щипанов поспешно выехали из деревни и направились в Шокурово, где находился дом Хамзина. По пути в д. Новой им встретился Канзафар Амиров, который донес жалобу на бунтовщиков-односельчан. Прибыв в Шокурово в четвертом часу полудня, Кустугильдинов и Хамзин узнали о приближении вооруженных башкир и мишарей к деревне. Они тотчас отдали приказ Росихину и Щипанову дойти до ближайших русских селений и сообщить начальству о мятеже. Кустугильдинов и Хамзин приготовились выдержать осаду: они закрылись в доме, оставив одно незапертое окно, и зарядили ружья. Вокруг дома был поставлен караул из родственников и преданных Хамзину людей до 20 человек. Повстанцы, съехавшиеся из дд. Большая Ока, Кургат, Озерки, Сызги, Артяшигир, Акбаш и др. в количестве до 800 человек, окружили дом и потребовали указ. Кустугильдинов через посыльных людей ответил, что у него никакого указа нет. Тогда начался обстрел дома. Производя пальбу всю ночь на 16 июля, мятежники тем не менее не были допущены близко к дому. Кустугильдинов решил использовать присутствующего здесь муллу д. Артяшигир Хисаметдина Гаделынина: он принес клятву на Коране об отсутствии у него предписаний о переводе народа в удел и о крещении магометан. Тогда осада дома была снята, и башкиры начали расходиться. Под прикрытием все той же охраны Кустугульдинов через горные заводы отправился домой в д. Юлдашево Екатеринбургского уезда *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 45-47, 334-338].

18 июня взбунтовались тептяри Красноуфимского уезда. Повстанцы повсеместно контролировали положение дел и продолжали мобилизовать силы. Башкиры стремились вовлекать в движение русских крестьян соседних волостей. Голова Емашинской волости Троицкого уезда Пантелей Мусихин просил гражданского губернатора усмирить соседних башкир, которые, «беспрерывно проезжая через русские селения, принуждают примкнуть (их к ним. - *Б.Д.),* возмущая и угрожая». Выборный деревни Устьикинской той же волости Емельян Храмцов доносил в правление о том, что 18 июля до 30 вооруженных пиками, саблями, ружьями башкир д. Малой Оки требовали у устьикинцев «быть вооруженными с ними сообщниками <...> Если никакой помощи он, выборной, не сделает и на сходку в согласие с ними людей не отпустит, то ему, выборному <...> будет смерть, а так равно и прочим жителям, кто согласия не изъявит». Однако казенные крестьяне Троицкого уезда воздержались от участия в восстании, опасаясь за свое пребывание на недавно заселенных землях.

Для подавления восстания начальник края Перовский предпринял самые энергичные меры. 16 июля 1835 г. он впервые сообщил военному министру Чернышеву о волнениях: «Возмущение, которое принимает серьезный характер, только что разразилось одновременно в нескольких местах Оренбургской губернии <...> Народности, совершенно чуждые одна другой, приняли в нем одинаковое участие <...> Все меры почти парализованы по причине большого пространства и недостатка надежных войск. С моей стороны было бы смелостью рассчитывать на башкир, когда зайдет речь действовать против их единоверцев <...> Остаются только уральские и оренбургские казаки, но первым необходимо два месяца, чтобы отправиться на север губернии, а вторых войско слабое в сравнении с башкирцами <...> То, что меня больше всего беспокоит в данный момент — это очаг возмущения вблизи различных заводов <...> Там находятся мятежные элементы, которых одна искра может взорвать» *[Там же. Л.* 48—49]. Не имея возможности сразу двинуться с войском для подавления восставших, Перовский приказал Циолковскому, не ожидая прибытия военных команд, выехать в Бирский уезд. 17 июля он просил пермского гражданского губернатора приостановить строительство хлебозапасных магазинов там, где еще не начато было их строительство. Оренбургскому гражданскому губер-

натору он поручил объявить на местах о том, что «если башкирцам отяготительно строить магазины», то постройка по их просьбе может быть отсрочена, и, наконец, о том, что крестьян в Оренбургской губернии никто в удел не передает, а нерусское население не может подвергаться насильственному крещению *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 53; *ЦИАРБ.* Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 111. *Л.* 113]. Перовский просил оренбургского муфтия Габдусаляма Габдрахимова обратиться к мусульманскому населению края со специальным посланием — фетвой. Этот документ представлял собой ярко выраженное пропагандистское обращение. Перечисляя все царские «милости» в отношении мусульман России, напоминая «тартары вечного огня», муфтий убеждал, что «мятеж — великое зло на земле», а начавшиеся волнения — прямое нарушение присяги башкир и припущенников как военного сословия царю. Однако запоздалое увещание муфтия не было своевременно размножено из-за отсутствия в губернии татарской типографии (фетва была написана на татарском языке), и лишь два ахуна Уфимского уезда получили копии фетвы в рукописи. Такой же характер носило обращение Перовского к башкирам 2-го и 4-го кантонов, переведенное на татарский язык и разосланное 27 июля. Чуть позже Перовский вынужден был признаться, что попытки «действовать убеждением <...> не везде были успешны» *[Там же. Л.* 144 об.; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 67-73, 95-97, 181, 267].

Одним из первых на место волнений выехал оренбургский гражданский губернатор А.П.Гевлич. В ночь на 14 июля к нему явился дворянский заседатель уфимского земского суда Черепанов, спасшийся от преследований, и сообщил о бунте в Месягутово. На другой день, приказав командиру 16-го линейного Оренбургского батальона в Уфе привести солдат в боевую готовность и взяв 6 человек стражи, Гевлич поспешно отправился на место происшествий и, покрыв расстояние в 253 версты, 15 июля прибыл в с. Тастубу *[ЦИА РБ.* Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 111. *Л.* 20, 54, 103]. Утром 16 июля к нему явились исправник Тимашев и заседатель Шлах. При помощи Тимашева и Шлаха губернатор составил список главных участников движения и вызвал 50 казаков из Ельдяцкой станицы. Им и надежным крестьянам было приказано охранять дороги, перевозы, мосты и не допускать башкир в русские селения.

Однако до полного спокойствия было далеко. Башкиры готовились к сопротивлению. Старшинский помощник 6-й юрты 4-го башкирского кантона Рахметулла Юлдашев писал письма башкирам своей юрты с призывом собраться «срочно от каждого дома по одному человеку с вооружениями и мы все <...> отправимся к нему (т. е. губернатору - ред.) *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д.* 90. *Л.* 50].

Тем временем Перовский разработал план военного подавления волнений, полностью поддержанный Чернышевым и самим царем. В случае необходимости Перовскому разрешалось использовать, кроме казаков Оренбургской губернии, другие крупные силы, сосредоточенные в Пермской губернии, во внутренних губерниях России, а также донские казачьи полки. Однако Перовский решил усмирить волнения при помощи собственных — русских и башкирских — казачьих отрядов. Приступая к подавлению восстания, он стремился изолировать от движения 6-й и 9-й кантоны, населенные компактными массами воинственных башкир. С этой целью Перовский отправился в указанные кантоны, заручился полной их поддержкой и добился образования специального добровольческого отряда из 1 тыс. хорошо вооруженных башкир. Затем было образовано еще два карательных отряда — первый из 850 оренбургских казаков, двух рот солдат при двух орудиях под начальством подполковника Геке и второй - из 500 оренбургских казаков, роты солдат при четырех орудиях конной казачьей артиллерии под начальством полковника Мансурова. Командирам было приказано «уничтожать в самом начале всякого рода неблагонамеренные скопища <...> в начале убеждением, затем, в случае упорства, силою оружия». Отряд Мансурова, направившийся из Оренбурга в Уфу, был возвращен обратно вследствие прекращения беспорядков в Уфимском уезде. Отряд Геке, к которому присоединились 1 тыс. башкирских «охотников», выехал из Оренбурга 18 июля и «усиленными маршами» следовал через Верхнеуральск и Троицк на Златоустовский горный завод *[Там же. Л.* 111, 178, 193-194; *ЦИА РБ.* Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 111. *Л.* 140-140 об.]. Пехота перевозилась на подводах. За 6 дней, преодолев 350 верст, команда достигла назначенного места.

Опередив отряд, Перовский прибыл в Златоуст, убедился в том, что завод в безопасности, и через д. Айлино направился в 4-й башкирский кантон. Собрав жителей в д. Кулбаково, он приступил к арестам зачинщиков волнений для предания суду, а менее виновных наказал публично. Башкиры 4-го кантона приступили к заготовке леса для постройки магазинов. Здесь Перовский узнал в подробностях о восстании во 2-м кантоне Красноуфимского уезда. В рапорте Чернышеву от 31 июля из Айлино он отмечал: «Я смог отправиться тотчас и без затруднений во 2-й и 8-й кантоны, где мятеж пустил более глубокие корни, чем в четвертом. Но я нахожу, что необходимо им показать, что правительство имеет в своем распоряжении сильные средства. Я подожду прибытие войска, которое будет через 3 дня» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 1. *Д.* 90. *Л.* ИЗ]. Таким образом, Перовский считал военное подавление крестьян более эффективным, чем успокоение убеждением. После прибытия войска Перовский

произвел экзекуцию крестьян с. Месягутово и окружающих башкирских деревень. 4 августа им было отправлено в Уфимский тюремный замок в ножных кандалах 12 предводителей крестьян. Разделив отряд на две части, военный губернатор окончательное разбирательство в Уфимском и Бирском уездах поручил Циолковскому, предоставив в его распоряжение половину отряда. С другой частью отряда совместно с Геке Перовский отправился в Пермскую губернию.

Перед лицом неминуемых репрессий жители 8-го кантона вынуждены были заявить о своей покорности Циолковскому. Всего по 8-му башкирскому, 3-му мишарскому кантонам и 9-й тептярской команде Циолковский арестовал 43 «зачинщика» и отправил их в Уфимский тюремный замок *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 206-208, 247]. Менее виновные были наказаны казачьими нагайками.

5 августа с командой Геке Перовский вступил в пределы Красноуфимского уезда. Здесь он задержался в связи со значительным числом селений 2-го кантона, участвовавших в возмущении. Отряд расположился рядом с д. Большая Ока. В ходе следствия были опрошены представители старшинской верхушки, подвергавшиеся нападениям повстанцев, - Канзафар Амиров, его сын Багдасар Канзафаров, Рахимкул Сулейманов и др. «Произведенное мною здесь исследование было удачно, — писал Перовский. - Найдены подлинные письма, писавшие их и подписавшие известны и взяты» *[Там же. Л*. 181]. 7 августа 91 человек окинцев, согнанные на мирскую сходку, объявили о своем раскаянии. Подвергнув их жестокой порке, Перовский арестовал зачинщиков. Из остальных деревень Красноуфимского уезда Перовский арестовал 10 башкир и 28 тептярей, признанных наиболее виновными.

В Бирском уезде все еще продолжалось сопротивление тептярей. Еще 5 августа Перовский приказал Циолковскому по окончании разбирательства в Уфимском уезде выехать в Бирский уезд с военным отрядом. 13 августа с вооруженным отрядом из 100 человек пехоты и 500 башкир Циолковский вступил в уезд. Почти одновременно из Пермской губернии прибыл сюда Перовский.

Началось жестокое подавление участников волнений: арест «зачинщиков» и «возмутителей» и порка менее виновных бунтовщиков. «Некоторые деревни явились добровольно с повинною, другие разбежались в лесах, но посредством башкирской команды возвращены в жилища», — писал в том же донесении Перовский *[Там же. Л*. 230; *РТИА*. Ф. 1286. Оп. 6. 1835. *Д*. 387. *Л*. 17].

В течение трех недель Перовский огнем и мечом прошел 1 тыс. верст по волнующимся селениям. Вместе с Циолковским они арестовали для предания суду сотни людей и перепороли тысячи участников волнений. К концу августа наступило успокоение. Пристально следивший за этими событиями, Николай I высоко оценил деятельность Перовского. В благодарственном письме, объявленном 30 августа 1835 г., царь выразил ему «особенную признательность» за его «пламенное отличное усердие <„> в водворении строгой дисциплины и порядка в башкирских кантонах» *[НАУНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 214].

Активные участники волнений были преданы суду. Всего по Оренбургской губернии было осуждено свыше 370 человек. Крестьян, как и башкир, мишарей и тептярей, судили военным судом. Главная военно-судная комиссия работала в Уфимском тюремном замке под руководством Перовского.

Еще в конце августа военный суд в г. Кунгуре вынес приговор 63 участникам байкинского бунта. В начале 1836 г. началось судебное разбирательство над государственными крестьянами Уфимского уезда. Одновременно в военно-судных комиссиях при 7-м и 11-м линейных оренбургских батальонах разбиралось дело башкир и тептярей Красноуфимского уезда. Суд приговорил 10 башкир и 28 тептярей подвергнуть телесному наказанию шпицрутенами и сослать в Сибирь на поселение. 21 января 1836 г. в Кизильской крепости состоялся суд над заключенными из д. Большая Ока. Из 21 осужденного 7 человек после наказания шпицрутенами (через 500 человек) было сослано в Сибирь на поселение, остальные отданы в солдаты *[ЦИА РБ.* Ф. И-б.Оп. 1.*Д*. 111. *Л*. *216 об.; НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 334-357, 372-374]. Спустя 10 лет окинцы получили письмо Абдулбакира Бакиева из Сибири, где он сообщал о недавнем снятии с него кандалов и о своей службе помещику.

Суд над основной массой заключенных — башкир, тептярей и мишарей Уфимского, Бирского и Троицкого уездов состоялся осенью 1836 г. в Уфе. Наиболее виновными были признаны башкиры 8-го и 4-го кантонов, принявшие участие в Месягутовских событиях. Они стойко держались на суде, отказавшись от раскаяния, 18 из них был вынесен приговор — наказав шпицрутенами до 4 раз каждого через 500 человек, сослать на каторгу в Сибирь. На каторжные работы был сослан мулла д. Султеево Бирского уезда Абубакир Абдулхаиров. В декабре 1836 г. в уфимской тюрьме была произведена экзекуция осужденных, в ходе которой скончалось 16 человек. Еще до экзекуции 26 октября умер Абдулгафар Кущугулов *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 90. *Л*. 294, 358-371].

В ноябре 1836 г. были пойманы зауряд-есаул д. Мусино Стерлитамакского уезда Кувандык Кусяшев и башкир д. Искисяково того же уезда Байгильды Кулгильдин. Первый был разжалован в рядовые и сослан в другой кантон, а второй наказан шпицрутенами и отдан в солдаты *[ЦИАРБ.*

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. JL 53]. За возмущение башкир был предан суду начальник 12-го кантона сотник Нагайбаков. 1 мая 1836 г. он был лишен чинов, ордена Св. Станислава 4-й степени, серебряной медали и сослан в другой кантон «в пример всем прочим башкирским чиновникам». Приговор был утвержден царем 18 июня 1836 г. *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 332].

Подавляя движение, Перовский всячески стремился противопоставлять одно население другому. Ему удалось искусным маневром склонить на свою сторону башкир-полукочевников 6-го и 9-го кантонов и использовать их для подавления земледельческого населения Красноуфимского уезда. Перовский писал Чернышеву: «Два башкирские полка, сформированные мною из 6 и 9 кантонов, произвели самое полезное влияние; я употребляю их преимущественно к наказанию виновных башкирцев и совершенно остаюсь доволен оказываемою ими при сем готовностью; были случаи, где надлежало умерять их усердие. Междоусобную ненависть, долженствующую произойти из сего в башкирских кантонах, почитаю я вернейшим залогом будущего спокойствия для здешнего края» *[Там же. Л.* 181]. Разница в социально-экономическом положении башкир-вотчинников и крестьян-припущенников также сказывалась на размахе движения. Земельная неустроенность недавних русских переселенцев, их боязнь обострять отношения с властями в то время, когда истекали сроки аренды башкирских земель, явились причиной воздержания многих крестьян от участия в волнениях.

Сохранившиеся документы показывают, что возглавили волнения мужественные люди, пожертвовавшие личными интересами во имя народа. Многие из них — участники военных кампаний 1805-1814 гг. - награждены знаками отличия. Например, зауряд-есаул Рахметулла Юлдашев в 1812—1815 гг. находился в действующей армии, имел медаль «В память Отечественной войны 1812 года», такая же награда была у башкира д. Бикметево 10-го башкирского кантона Бахтияра Альмухаметова. Урядник д. Четырманово Бирского уезда Сабыт Сартыков за участие «при блокаде и осаде города Данцига, где был неоднократно противу французских войск», был награжден Знаком отличия Военного ордена *[Там же. Л.* 230, 365-367].

Среди осужденных немало было зауряд-чиновников — 29 и духовных лиц — 9 человек. Это свидетельствовало о том, что часть войсковой верхушки башкир и припущенников стала на сторону восставшего народа. Будучи грамотными и обладая более широким по сравнению с рядовыми участниками восстания кругозором, эти люди оказывали на движение большое идеологическое воздействие. Поэтому власти считали их наиболее опасными преступниками. Основная же масса зауряд-чиновников, мулл и ахунов не рисковала своим относительным благополучием и не приняла участия в волнениях.

Несмотря на тяжелые последствия, волнения 1835 г. имели большое историческое значение. Благодаря своей самоотверженной борьбе крестьяне, башкиры и их припущенники сохранили личную свободу и относительно сносные условия существования. Правительству пришлось отказаться от планов передачи жителей Приуралья в удельное ведомство и более осмотрительно проводить внутреннюю политику в отношении нерусского населения края.

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ФОЛЬКЛОР

Дореформенный период истории Башкортостана чрезвычайно богат событиями и явлениями: Отечественная война 1812 г., кантонное управление, военные походы, социальная несправедливость, выражаемая в бегстве подчас незаслуженно пострадавших людей. Многие важные события воспроизведены в разных жанрах башкирского народного творчества. Среди них можно особо выделить исторические песни о героическом 1812 годе, где башкирский народ принимал непосредственное и самое активное участие. Исходя из содержания и названия, можно выстроить следующую тематику народных песен: подготовка воинов-конников к походу против французов со всем необходимым снаряжением, проводы воинов и напутствия им, боевые действия башкирских полков, участие башкирок в войне, взятие Парижа и его оценка народом, разгром французов и возвращение полков с победой, прославление воинов и родины. Большая часть текстов песен вошла в издания «Башкирское народное творчество».

В исторических песнях и легендах нет хронологического изложения событий, в редких случаях в них упоминаются имена героев и место их происхождения. Зато в фольклоре находим художественное, эмоциональное отображение тех или иных эпизодов и безымянных героев войны. Весть о нападении на Россию Наполеона, Манифест царя, предписания военного губернатора Г. С. Волконского с призывом о приготовлении к обороне Отечества, оглашение их в мечетях и сходах, решение совета аксакалов о том, что все, кто захочет воевать, должны при полном снаряжении садиться на коней и выступить в поход (песня «Кахым-туря»), привели народ в особое оживление.

Началась подготовка воинов к войне, об этом говорится во многих песнях и легендах. Башкир должен был иметь двух коней, строевого и вьючного, командиры разных рангов — от 2 до 5 коней каждый. Вооружение конника, по «Рассказам башкирца Джантюри», записанным и опубликованным В.В.Зефировым, состояло, по словам его собеседника, в следующем: «Бывало назначают поход: кольчугу на себя, сверху синий кафтан, на голову белый колпак, за спину колчан со стрелами, к поясу пристегнет саблю, в руки копье — пошел, куда командир велит». Винтовка была не у всех, но все равно она воспевается песней так: «Над нами блещут копья и штыки».

Подготовка к походу шла полным ходом; где-то девушки дарили воинам свои подарки. В песне «Вторая армия» говорится: «...дарим вам на память платки, вы всегда носите их с собой, чтоб во время сражения пот смогли бы утереть вы. Ой, дорогой, вспоминай, родимый, образ мой». «Вот на память кошелек», каждому девушки предлагали «и шарф». Во всю кипела работа: женщины готовили кумыс, сушили курут и вялили мясо.

Настало время напутствия и прощания. Много внимания уделяется в песнях проводам воина с напутствиями: «Храните верность в сердце, светлое желание, верность тем, кто на войне» («Хары сяс»). В песне «Ужель не слышали в чужих краях» выражена твердая уверенность в разгроме врага: «Вернитесь все, разбив в бою врага. Французов опасаться вам не надо», поскольку на «какие бы битвы ни ходили, вы ни разу не вернулись без победы». Матери дают напутствия сыновьям. В песне «Вторая армия» сказано: «Будь, как беркут, ты во время сечи и рази без промаха врага»; «Возвращайтесь все домой живые, разгромив захватчиков в бою».

В ответ на пожелания и напутствия воины давали клятву сестрам и матерям в том, что «родной земле мы верность сохраним, свой край родной врагу не отдадим». Воины обещают, что «врага мы расколотим в пух и прах, домой вернемся с радостью в сердцах». Уходя на битву, еще раз клялись

будущие батыры: «Клянемся: сохраним достоинство и честь. Эй, милый край, прощай! Славу, что батыры завещали, обещаем через кровь пронесть!». И, наконец, в «Прощании башкирца с милой» более убедительно воспринимается клятва башкирского воина: «Я клянусь пророком божьим. Я клянусь священною книгою. И клянусь твоей любовью, если имени батырского ко стыду и к посрамлению я забуду должность батыра, оробею перед злодеями, пусть покроюсь бесславием, не увижу милой Родины». Во всех песнях и преданиях наблюдаем боевой дух народа. В частности, в песне «Ерян-кашка» начальному этапу войны ставится точка с напутствием следующим: «Вот уж и прощаться подоспело время. Возвращайтесь, милые, разгромив врага».

А теперь обратим внимание на театр военных действий, хотя в исторических песнях и легендах крайне мало сведений о местах сражений. В них лишь встречаются упоминания Москвы и Парижа, один раз — Дрездена.

Кахым-туря (Касим Мырзашев из д. Аюсы-Мырзашево), как другие башкирские главы полков, был вторым полковым командиром в чине сотника (другие имели чины есаула, войскового старшины). О боевых операциях и здесь почти ничего нет. Говорится о допросе пленного: «Когда снимал допрос Кахым-туря, душа дрожала у врага-майора». То, что песня о нем стала популярной, можно объяснить трагичностью его судьбы: он был отравлен недругами во Владимирской губернии, по пути возвращения домой после победы. В одном из вариантов песни об этом ясно сказано: «Убили ядом, ой, Кахым-турю, и сердце разрывается, сгорает».

В легенде «Башкиры на войне с французами» сказано, что, «когда войска Наполеона захватили Москву, русский царь написал письмо предводителю башкир Кахым-туре, чтоб тот срочно прибыл с лучшими силами». Кахым-туря не заставил себя долго ждать. И вскоре французы были изгнаны из России. В легенде «Кахым-туря» повествуется о том, что «при виде башкир испугался Наполеон, поджег Москву и увел из нее войска. Кахым-туря стал преследовать Наполеона». В марше «Кутузов» прославляется Родина-мать Россия и ее великие сыновья за изгнание из Москвы и страны врагов, автор, унижая достоинство противника, возвеличивает полководца: «Он наполеоновские войска, словно стада, гнал перед собой». «Был Кутузов славным полководцем. Шел без страха в воду и огонь». Автор «Ахмет-баика» со всеми другими дружно и справедливо славит победителя Кутдуса (т. е. Кутузова).

Далее путь русских войск проходил через австрийскую и германскую земли (жители, которой, оказывается, «давно знали башкир» по тому, что они «едят конину»). Затем добрались башкиры до самого Парижа. В легенде песни «Ахмет-баик» ее автор уверен в том, что «мы первыми вошли в Париж». Он даже заметил, что в столице французов много мостов, к которым «решетки из железа пришили». Недоступные, казалось бы, их ворота взяты башкирами. И тогда, по легенде «Кахым-туря», «Батыр Гариф (башкир из Кубеляк-Телявской волости. - *А.А.)* ловко взобрался на каменную стену, сшиб саблей огромный замок и распахнул настежь городские ворота. Наши войска валом хлынули в ворота, заполнили все улицы Парижа». Эти сведения, как выше говорилось, подтверждаются историческими источниками, по которым 9 башкирских полков в составе русских войск принимали участие во взятии Парижа, все воины впоследствии были награждены серебряной медалью «За взятие Парижа 19 марта 1814 года», а все конники - и медалью «В память 1812 года».

Последнюю серию песен первой половины XIX в. составляют исторические и патриотические произведения, отражающие духовный мир народа. Их много, в них выражается прежде всего любовь к Родине: «Широка, ой, велика Россия, в мире нету краше страны» («Кутузов»), «Хорош тот край, где злато-серебро. Но Родина, она всегда дороже» («Родное становище»). Глубокая тоска воинов по отчему краю пронизывает содержание песни «Абдрахман-батыр»; любовь воина к Отчизне и'вера-в победу ярко воплотились в преданиипесне «Вторая армия».

Вопрос об участии башкирских женщин в войнахРоссиивлитературекакисториками,таки фольклористами не изучен. Отрывочные материалы из преданий и песен свидетельствуют, что в борьбе за социальную справедливость активно участвовали и башкирские женщины. Известен факт о том, что в 1736 г. с оружием в руках оказались в плену у карателей несколько женщин - участниц восстания. Известны фольклорные данные об участии женщин в Отечественной войне 1812 г. Историческая песня «Иремель» повествует: «Узнав о начале войны и готовясь к отправке туда, мужчина обратился к жене со словами: «Ухожу на войну, ухожу на войну. Сиротою останешься, милая, ты». А жена в ответ: «Коли враг посягнул на свободу страны, разве дома мы все оставаться должны?» Так пропев в ответ, она села на коня и с оружием отправилась вместе с мужем на войну с французами. Факты такого рода содержатся в записанном В. В. Зефировым «Рассказе башкирца Джантюри». В нем повествуется о спасении воинов, попавших в плен, женой главного героя: смекнув во время боя, что шла на стороне французов, женщина вовремя обратилась за помощью к казакам.

В песне «Любезники-Любизар» прославляется победоносное завершение войны 1812 г.

Враг Россию взять не смог,
Получил он здесь урок:
Русский и башкир прогнали,
Побежал, не чуя ног.

М.Кудряшов в легенде «Песнь башкирца перед сражением» констатирует:

Мы в поле бранном отличились:
За честь, за веру, за царя
Все грудью постоять умели.
Разя злодея, не робели...
Друзья! Гордитесь: целый мир
Узнает, сколь могуч башкир.

За усердие и доблесть в бою царь не раз награждал башкирских воинов орденами (в основном Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Знаком отличия Военного ордена) и медалями (всех участников Отечественной войны серебряной медалью «В память войны 1812 г.», участников взятия столицы Франции — медалью «За взятие Парижа»). В фольклоре их имена отсутствуют. В легенде «Янхары-батыр» утверждается, что за героизм и отвагу башкирских конников царь приказал отлить из металла статуи некоторых героев башкир, которые были установлены в Петербурге. Таким образом, исторические песни и предания об Отечественной войне 1812 г. проникнуты большим патриотическим духом, составляют ценное богатство народа, играющее важную роль в научно-познавательном процессе и патриотическом воспитании.

Усиление военно-административного гнета в период кантонного управления в Башкортостане ярко проявилось в злоупотреблениях властью кантонными начальниками. Особенно кровавой была «деятельность» начальника 4-го кантона в Троицком уезде Тухвата Утявова. Он служил раньше юртовым старшиной, управлял группой деревень. Чтобы опорочить начальника кантона Муйнакова и самому занять его место, Утявов стал на него доносить губернатору. К тому времени он сам 20 раз находился под судом и следствием из-за злоупотребления властью. Несмотря на это, он добился своей цели: в 1819 г. его сделали кантонным начальником его покровители - уездные начальники и корпусной обер-аудитор Ф.Терентьев, прозванный народом «обер-взяточником». Последний ведал делами по жалобам башкир при военном губернаторе Эссене. Многие кантонные начальники были обязаны Терентьеву своим назначением и местам, которые «ценились весьма дорого». За это он брал взятки вещами и деньгами. Проверяющий из Москвы полковник Прянишников был вынужден признать, что в Оренбургской губернии «злоупотребления велики. Все жалуются и недовольны поведением местных чиновников».

Тесные связи Утявова с губернской и уездной властями способствовали тому, что он сделался самовластным правителем. По словам того же Прянишникова, Утявов был «бичом в своем кантоне». За короткое время он стал «богатейшим человеком» путем введения незаконных поборов. Подчиненные отвечали на его злоупотребления подачей жалоб. Однако «просители сами часто оставались виновными». Например, братья Даировы жаловались на Утявова, что он «хвалится покровительством аудитора Терентьева, через кого он может любого сослать в Сибирь». Тухват узнал об этом и просил своего защитника, чтобы Мухамадияра Даирова предали суду и отправили куда-нибудь подальше от его уезда, ибо он «ему сущий злодей». И вскоре урядник Сураман Даиров был разжалован в рядовые, а его брат подвергнут телесному наказанию. Все 24 юртовых старшины кантона сделали попытку разоблачить Утявова, подав на него жалобу. Однако его покровители из губернии и уезда расправились с жалобщиками: все они были отданы под суд под разными предлогами или разжалованы.

Наконец, в 1820 г. Оренбургская уголовная палата предписала уездным властям отстранить Утявова от должности и предать суду. Но Троицкий земский суд не выполнил ее решение. Все осталось по-прежнему. Недаром осведомленный о преступлениях Утявова и знакомый с его покровителями военный губернатор Сухтелен не совсем был уверен в том, что он будет привлечен к уголовной ответственности. Он даже считал производство следствия над ним вообще бесполезным делом из-за покровительства влиятельных чиновных особ, так что «изобличить его едва ли возможно».

Тем временем росли его злодеяния. Утявов завел тюрьму в подвале своей штаб-квартиры. Через нее он пропустил почти всех мужчин своего кантона. Ни одного из них он не отпускал без выкупа. Во всяком случае до нас дошло около 200 жалоб на него. Этих людей Утявов морил голодом, сек плетьми, надевал им оковы, приковывал их к стене или надевал на шею цепь, прибитую к стулу. Самовластие его доходило до того, что он отнимал жен у мужей и раздавал их другим.

Утявов находился в родственных связях с не менее жестоким, чем сам, начальником 5-го кантона в Челябинском уезде (1800-1825) Кулуем Кучуковым: был женат вторым браком на его дочери. Утявов не выбирал средств для личного обогащения. Воспоминания генерал-майора И.В.Чернова свидетельствуют о том, что Тухват сам «принимал участие и покровительствовал шайке, грабившей проезжающих по тракту на ярмарку сибирских купцов» [*Чернов*, 1907]. В убийстве его сыном Шамратом казанского купца Утявов принимал непосредственное участие. Предварительное следствие показало виновность преступников. Однако тро-

ицкий капитан-исправник, оказавшийся приятелем Тухвата и живший в городе в его доме, не только не довел следствие до конца, но в результате его деятельности «исчезли» работники убитого, единственные свидетели преступления семьи Утяковых. В легенде песни в измененном виде отражается это событие. Наконец, власти были вынуждены пожертвовать этим преступником. В 1832 г. Утявов был лишен чина и звания личного дворянства и сослан в Сибирь на вечное поселение.

Созданная народом песня «Тухват» повествует о Тухвате Утявове, жестком администраторе, вымогателе-взяточнике, притеснителе народа, «в руках держащего розгу и бумагу».

Цепями идут караваны
Из дальних дорог Бухары.
Милостыню — 71 копейку дам,
Если вынесут ему приговор.

Кулуй Кучуков — потомственный дворянин из д. Исянгильдино Барын-Табынской волости Челябинского уезда (совр. Аргаяшский р-н Челябинской области) Оренбургской губернии, в 1800-1825 гг. был начальником 5-го башкирского кантона. В песне «Кулуй-кантон» ее герой показан деспотичным администратором: «Он суд вершит — вся власть в его руках, Никто ему противиться не смеет». Часто осуждал безвинных подчиненных. Со своим писарем он довел страну «до слез кровавых». «Кантон — теперь империя его», и «вытворять он может что угодно».

Кулуй-кантон и злобен и жесток,
Попробуй молвить — саблю он хватает.
О сколько посрубали вы голов,
Кулуй-кантон и писарь Ермолаев.

В тоже время существуют фрагменты другой песни о нем, где он характеризуется положительно. У него от четырех жен было 10 сыновей, из них некоторые служили в чине зауряд-офицеров, сотников, но почти все были начальниками 1, 5, 6, 9-го кантонов.

Почти во всех исторических песнях осуждается деятельность того или иного кантонного начальника. Речь в них шла о чиновниках, лишь редкие из которых проявляли сочувствие, понимание народных судеб. Такова песня «Абдрахман-кантон», где трагический конец его жизни автор песни определяет верно: «Отцовым ты доверился дружкам, Отцовские дружки тебя предали». В песне о молодом начальнике кантона Альмухамете Куватове, из потомственных дворян, выпускнике Казанского университета, стороннике просвещения народа, есть строки, вполне справедливые: «Есть на земле достойные мужи, История горда их именами».

Поскольку песня «Султангарей-кантон» не имеет легенды, фольклористы полагают, что речь идет в ней о неизвестном человеке. Но в тексте песни упоминается о назначении Султангарея начальником башкирского кантона в бассейне р. Демы, о его поездках в Оренбург — резиденцию генерал-губернатора и командующего Башкирским войском, которым подчинялись кантонные начальники. Отец героя Шагингарей тоже назван в песне кантонным начальником. Это — Шагингарей Курмекеевич Нагайбаков, башкир-вотчинник, житель д. Унгаево Белебеевского уезда. В 1820—1836 гг. он был начальником 12-го кантона, расположенного на территории Белебеевского и Бугульминского уездов. После достижения звания сотника Шагингарей получил потомственное дворянство. Он был весьма состоятельным человеком: имел две водяные мельницы, три завода по производству поташа и шадрика-сырья, необходимого для мыловаренной и красильной промышленности.

Султангарей был вторым сыном от брака Шагингарея с дочерью начальника 11-го башкирского кантона в Мензелинском уезде майора Баязита Султанова Шамсинисой. В 1838—1845 гг. Султангарей получил образование в Неплюевском военном училище в г. Оренбурге в счет 20 вакансий для детей башкирских и мишарских чиновников. Затем он служил в Башкиро-мещерякском войске. В 1855 г. в звании сотника Султангарея назначили начальником 22-го кантона в Белебеевском уезде. Штаб-квартира его находилась в д. Чебенле. На территории данного кантона проживали 36 тыс. человек. В песне эта цифра намного изменена: «Султангерей кантон скончался, Оставив триста шестьдесят сирот».

Но в целом народ не был согласен со всем тем, что творилось начальниками кантонов. Поэтому вполне логичный вопрос ставил автор песни «Кулуй-кантон»: «Но почему Россия каждый раз одних злодеев кантонами ставит?».

Башкирский фольклор богат историческими песнями. Многие их них имеют свои легенды, существенно дополняющие тексты песен. Однако по ним не всегда удается установить историческую личность героя песни. Легенды рисуют идеализированные образы. Неизвестным остается, например, прототип героя одной из самых популярных песен «Бииш-батыр». В легенде повествуется, что благородный разбойник Бииш грабил богачей, кантонных начальников, заводчиков, а бедным и неимущим оказывал всяческую помощь. Он «в дружбе лишь с теми, кто страдал; кто жирел - тех он местью — покарал». О ком же конкретно идет речь в этой песне? Нам кажется, что некоторые ориентиры, упоминаемые в вариантах песни (горы Орсок, Ирендык с вершиной Кыркты, рр. Таналык, Кизил и д. Кускар), дают возможность определить личность Биища-батыра. В этом нам помогают архивные материалы.

В первой половине XIX в. тяжесть казачьей службы вынуждала людей к массовому бегству. Обычно после второй поимки беглого казака, пропустив его через строй, отдавали навечно в солдаты. Согласно архивным материалам, Бииш и его соратники были беглыми солдатами. Против Биища были направлены отряды во главе с зауряд-есаулом Мусой Алибяковым и есаулом Актаевым. Несмотря на такие меры властей, Бииш и его товарищи Абубакир Абдаков, Кунакбай Абдрахимов, Рахматулла Бараков, Курман Ильбаков, Котлуша Мурзагулов оставались неуловимыми в течение 10 лет (1838—1848). По рапорту командующего Башкиромещерякским войском С.Т.Циолковского (прототип образа песни «Турэкэй») оренбургскому военному губернатору В.А.Перовскому от 9 августа 1839 г. видно, что Биища часто видели в горах и лесах Бурзянской и Тамьянской волостей (нынешние Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский районы РБ), Кагинского и Авзяно-Петровского заводов Верхнеуральского уезда, где был расположен 6-й башкирский кантон. В 1843 г. начальник этого кантона сотник Хасан Биишев (из д. Хасаново нынешнего Баймакского района РБ) в своем рапорте командующему войском также сообщил, что Биища люди видят на территории 16-й юрты, куда входили деревни Тамьянской волости Равилево, Утяганово, Давлетша, Ерлыкапово, Кулкасово, Тлянчино, Абдулгазино, Кускарово. Показание башкира Мухаметмагасума Дильмухаметова свидетельствует о том, что Бииш Ишкинин — бывший житель д. Кускарово по р. Кизил. Там проживал его брат Абдулбакый Ишкинин. Был у него и другой брат — Бакый, служивший урядником.

На вороном я лихо промчался
По захваченной боярами земле.
Не называйте же ворами
Джигитов-беглых на Ирендыке.

Если бы местное население действительно считало их ворами, оно бы им не сочувствовало. «Ворами» тогда власти называли всех своих противников, активных и пассивных борцов против феодально-крепостнической действительности. Аналогичную оценку народом своих борцов мы видим и в русской исторической песне о Степане Разине:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Мы не воры, не разбойники,
Стеньки Разина мы работнички.

Наконец, в 1848 г. отряд карателей под начальством верхнеуральского исправника Скорятинова напал на след Биища, и после коротких стычек Бииш попал в плен. В перестрелке каратель получил несколько ружейных ран. Поимка Биища считалась настолько важной, что за свои «подвиги» исправник был награжден орденом Св. Владимира 4-й степни.

Дальнейшая судьба беглеца неизвестна: по одной версии легенды песни он умер в тюрьме, по другой — «Биища забили насмерть», по третьей - отправили его в Сибирь, «уже оттуда не вернулся обратно», по четвертой - «его так и не смогли поймать».

История песни «Хажигали» не изучена, неизвестна его биография. Тем не менее можно предположить, что некогда она возникла в Оренбургском уезде, где в д. Верхнеильясово видным советским музыковедом Л.Н.Лебединским в 1938 г. была записана ее мелодия. «Несправедливость, ложь и наговоры» погубили героя песни «Хажигали». Дело в том, что он попал в неволю по злому навету о краже лошадей бая: «...и что же — умножаются ли Ильяса табуны», - спрашивает автор песни после заключения его в тюрьму.

Легенда песни «Гадибак-Насыр» свидетельствует о том, что правым и неправым способом обосновался здесь боярин Тимашев. Из года в год расширял свои земельные владения. С этой целью в башкирской деревне Аллабердино рядом с его имением Ташлы за угощение получил разрешение от вотчинников взять земельный участок, равный двум шкурам быков. Хитрый Тимашев использовал древнейший способ: нарезал из них тонкие ремешки и связал их между собой. И вот, по легенде, тем длиннющим ремешком обхватил он землю в несколько километров в длину и ширину. Узнав его хитрость, башкиры пытались опротестовать эту его проделку. Но было уже поздно: в записи по земельной сделке были проставлены их подписи и тамги. Тимашев продолжал обирать людей, отбирать обманным путем их земли. Это вызвало недовольство людей. Один из них, Насир Хажбеков, не без личных мотивов решил проучить боярина: организовал кражу его лошадей, поджег усадьбу. Герой песни был пойман. Во время проводов он крикнул: «Не клоните головы, будте беспощадны к насильникам», «Коль буду жив, вернусь сюда однажды, боярину Тимашеву отомстить». После этого Насыр как в воду канул. Житель д. Кускарово Бурзянской волости (ныне Баймакский район РБ) Баяс работал «помощником у одного начальника-тури», занимающегося черными делами. Он «нещадно обирал и обижал народ, облагая его непосильным ясаком, тяжелыми поборами, большую часть которых клал себе в карман». Баяс уничтожал ложные доносы своего хозяина с клеветой на простых людей. Узнав о делах своего помощника, начальник добился отправки его в Сибирь.

Таким образом, все основные события дореформенного периода, кантонной эпохи в той или иной степени отражались в исторических песнях и преданиях, которыми чрезвычайно богат башкирский фольклор.

Развитие капиталистического уклада, неизбежно ведущего к новым отношениям, и влияние передовой русской культуры и литературы объективно не могли не способствовать постепенному продвижению вперед культуры башкир и других народов края. В этом направлении шла творческая деятельность педагогов-просветителей М. Иванова (1812-?), С.Кукляшева (1811-1854) и М.Бикчурина (1819—1903), настойчиво высказывавших мнение о необходимости реформирования старого письменного литературного языка тюрки и создания понятного башкирским и татарским народным массам нового литературного языка. Основу создания нового письменного литературного языка они видели в фольклоре и преследовали цель создать именно понятные широким народным массам книги.

В их творчестве шел довольно активный процесс перехода от старого, канонического самосознания к новому художественно-эстетическому, языковому, вообще к новому национальному самосознанию, осуждающему средневековые порядки, патриархально-феодальную идеологию, отсталость в области просвещения, культуры и литературы.

Народно-демократическое направление в башкирском искусстве слова ярко проявлялось в изустной литературе, которая по-прежнему представляла мощный поток в творческом процессе и характеризовалась достаточным разнообразием видов и жанров: еще бытовали эпические поэмы, кубаиры, сильное развитие получили песни, легенды и предания, стали популярными байты, представляющие собой жанр, переходный от фольклора к письменной литературе (бытовавшей в устной и письменной формах). Именно в них подчас более полно и глубоко, чем в письменной литературе этого периода, отразились тяжелая жизнь, думы и чаяния народа, его стремление к свободе и равенству, протест против порабощения, патриотические чувства, вызванные беззаветной преданностью Родине, постоянной заботой о ее защите.

Произведения изустной литературы отличаются ярко выраженным национальным колоритом, идейно-тематической широтой содержания. Авторы многих из них, считая одной из главных причин беспросветной жизни родного народа его инертность, беспечное отношение к своему будущему, потерю чувства гордости за свое героическое прошлое, стали все больше уделять внимание поучительным и познавательным сторонам своих работ, обращаться к историко-героической тематике и настоящей тяжелой жизни своего народа. В своих исканиях они широко использовали традиционные жанровые формы, в том числе формы шежере и тавариха. Яркий пример тому — «Байт о Кинзякае», написанный в традициях башкирского кубаира, стихотворного шежере и мунажата поэтом-сэсэном Мухамадуллой Даутовым (уроженцем д. Исекеево Уфимского уезда) и получивший впоследствии широкое распространение среди населения и в изустной, и в письменной формах. В нем повествуется о конкретных исторических событиях конца XVIII - начала XIX в., связанных с колонизацией Башкортостана царскими властями. В своих творческих исканиях поэт-сэсэн опирается на многовековые поэтические традиции родной литературы и особенно фольклора. Произведение начинается с введения-посвящения, где даются сведения об авторе и указываются поставленные им цель и задачи. Далее описывается история башкирского рода тальтим-юрматы, дается довольно подробная и меткая характеристика его отдельным вожакам и знатным членам. В этой части произведения преобладают патетический тон, приподнятое настроение, панегирические мотивы, воспевающие те времена, когда тальтим-юрматинский род, как и другие башкирские роды, вольготно жил и умножался на своей благодатной земле.

В последней, насыщенной драматизмом, части байта, на фоне описанной в историко-функциональном жанре прошлой «вольной жизни» тальтим-юрматинцев, рассказывается о том, как русские дворяне, подобные Тимашеву, «за шапку, пояс и шинель, за несколько кусков сахару и фунт чаю» *[Башкирское...* 1978. С. 47] навечно прибрали в свои руки сотни тысяч десятин богатейших и плодородных земель башкир-вотчинников деревни Кинзякай и их соседей и как жестоко подавлялось выступление против ненасытных чиновников, колонизаторов и местных поработителей; передаются драматические переживания автора, вызванные социальной несправедливостью. Здесь преобладают пессимистические ноты, стиль мунажата. В конце байта выражается народный гнев и сожаление из-за отсутствия былых самоотверженных батыров, поднимавших народ на справедливую борьбу. В таких местах байт и по содержанию, и по форме становится созвучным с кубаирами: «Если бы вернулись Пугачев и Салават, увидел бы их Кинзякай, как они вихрем бросились бы в бой, освобождая наши зимовки, прогнали бы обжор-дармоедов, подобных пузатым трутням».

Произведения, подобные «Байту о Кинзякае», — настоящие литературные памятники народно-демократического характера тяжелого и унизительного периода в истории башкирского народа.

В создании и распространении среди народа таких произведений большую роль играли сэсэны-импровизаторы, сэсэны-кураисты — представители изустной поэтической культуры, своеобразно синтезирующие в своем творчестве традиции фольклора и письменной литературы.

Одним из наиболее ярких представителей устной литературы второй половины XVIII — начала XIXв. был сэсэн Байк-Айдар (1710—1814). В трех сохранившихся импровизациях автор поднимает проблемы личности и общества, свободы народа и независимости Родины. В одной из них, созданной в 1812 г., сэсэн призывает своих сородичей вместе с русским народом подняться на борьбу против наполеоновских полчищ: «Ведь Москва бросила клич: "Тот, кто царю присягу дал, Пусть немедля берется за меч!"». И его твердое слово таково: «Тот, кто нарушит клятву свою, Лишится опоры в стране!»

На рубеже XVIII—XIX вв. сэсэнов-кубаиристов, прославившихся созданием и рассказом эпических произведений, начинают постепенно заменять сэсэны-певцы, сэсэны-кураисты. В их репертуаре все большее место отводится песням. Многие сэсэны в этот период создают свои произведения, излагая на бумаге. Примечательно в этом отношении творчество сэсэнов Буранбая, Ишмухамета, Конкаса и Багави.

Буранбай Кутдусов (1767-1868), известный в народе под псевдонимом Ялан-Яркей, реализовал свой талант в основном в озон-кюе — долгой, протяжной песне. Появление таких песен, как «Степной Яркей», «Буранбай», «Сырдарья», «Плакучая ива», «Хажгали», «Салимакай» и другие, народная память связывает с его именем. В них ярко выражены его социальная психология, настроения, мечты и чаяния народных масс. В одном из куплетов песни «Степной Яркей» говорится: «Золото ли этот наш мир? Серебро ли этот наш мир? Мужчине с золотыми мыслями Медным кажется этот мир».

Импровизаторская деятельность Ишмухамета Мурзакаева (по ревизским материалам 1799 — ум. 1878), связанная с созданными им песнями «Поющая долина», «Аюкэ», «Нерадивый Нуркай», «Беглец Юлтый», «Бузыкай-кантон» («Бузыкаев») и др., наряду с творчеством Буранбая Кутдусова определяет высокий уровень башкирского музыкально-поэтического искусства XIX в. Песни раскрывают национальный характер башкирского народа, его отношение к жизни, переживания и мечты. В них содержатся мотивы недовольства существующими общественными порядками и протеста против социально-национального гнета; дается реалистическая характеристика местным деспотам-администраторам, кантонным начальникам; передаются гнев и тоска людей, вынужденных не по своей воле скитаться по чужим краям.

В 1812 г. в типографии Казанского университета вышла в свет в переводе Тимофея Беляева «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года». В предисловии Беляев отметил, что он познакомился с оригиналами ее рукописи, что составителем был музыкант, сказитель и историк *[Куз-Курпяч...* 1812. С. 3—4]. Составленное «из песен и устных преданий» произведение во многом отличается от устных вариантов, бытующих среди других тюркоязычных народов. Так, в нем, в отличие от других национальных версий, в том числе башкирских, имеется весьма сложный образ Мяскяй, выступающей в роли не злой колдуньи, как это бывает в мусульманской мифологии, а «волшебницы, знание свое на добро употребляющей». Выполняя волю пророка, она на своей волшебной доске-экране показала Кузыкурпясу батыра Карабая, «все будущее в очарованных видах», которое в свою очередь является историческим прошлым для составителя «башкирской повести». Первой молодой батыр увидел в «очарованной доске» свою суженую, «прекраснейшую девицу» Маян. Затем ее сменяют изображения его будущего сына батыра Барлыбая и его семи сыновей, именуемых Кыпчак, Кара-Кыпчак, Бурзян, Тамьян, Усярган, Бушман и Тенгаур, от которых «произойдут семь колен башкирских». Показывая Кузыкурпясу этих отважных родоначальников башкир и намекая на их кровное родство, Мяскяй как бы утверждает мысль о необходимости объединения башкирских родов.

Мяскяй — доброжелательная и умная старуха. Она осуждает тех, чья слава «в обманах, гордости, корыстолюбии и барымтах». По ее мнению, достойны носить имя батыра только те люди, вся жизнь которых посвящена честному, бескорыстному служению народу. Присоединение Башкортостана к Русскому государству ею считается положительным актом. Всевидящая Мяскяй повествует также об экспансии и хищничестве пришлого купечества и духовенства. Она считает, что именно они повинны в обнищании коренного населения края. В то же время Мяскяй пытается доказать, что спасение от «самого лютого и до того неведомого зла, именуемого бедностью», для башкир придет от «величественного мужа <...> — белого падишы урусов». Одним словом, эпос испытал творческое вмешательство со стороны образованного человека и имеет прямое отношение не только к устной, но и к письменной литературе. Повесть оказала непосредственное влияние на творчество местных русских писателей.

В 1970-е гг. была обнаружена рукопись башкирского эпоса на русском языке под условным названием «Мои вечера. Сказки башкирские» и издана под заглавием «Зухра и Алдар». По мнению исследователей, этот эпос является прямым идейно-тематическим и хронологическим продолжением Куз-Курпяча. В обоих произведениях главное место занимает тема борьбы за объединение башкирских родов и племен в союзы. Если в первом повествуется о времени позднего периода патриархально-родового строя и создания родо-

племенного союза через брачный союз, то во втором борьба их за создание счастливой семейной жизни приводит к сплочению двух родоплеменных союзов эпохи раннего железа.

В произведении «Зухра и Алдар» ярко проявляется индивидуальное творческое начало. Эпос и по структурно-композиционному построению, и по особенностям языка и стиля, и по приемам художественной типизации представляет собой вполне оригинальное литературное произведение широкого историко-этнографического плана. Судя по содержанию произведения, его автор — башкирский сэсэн-кураист и историк. Переводчик называет его имя: Конкас-кураист.

Творчество таких сэсэнов, как Конкас, имеет большое значение для нас, поскольку он сделал смелые шаги для преодоления границ, устоявшихся в течение средних веков литературных традиций. В дальнейшем это его начинание было продолжено поэтом-сэсэном Багави. «Бузъегет» (1842) Багави — возвышенно-героическое и глубоко эмоциональное произведение о верной любви двух юных сердец. В тот тяжелый в истории башкирского общества переходный период от феодализма к капитализму читатели принимали близко к сердцу идеи гуманизма и справедливости, отраженные через образы гордых свободолюбивых людей, людей пылкого сердца, могучей воли, готовых идти даже на смерть за духовную свободу, за чистую любовь, за верность своим взглядам и чувствам.

Произведение «Бузъегет» создал человек, духовно выросший на традициях башкирского фольклора, региональной и восточной письменной литературы. Он выступает прежде всего в роли назириста, т. е. создателя совершенно нового произведения в стихах на основе творческой переработки сюжета и темы другого источника персоязычного «Сборника сказаний» («Мажмаг аль-хикаят»), при этом использует жанрово-стилевые возможности, композиционную структуру башкирского героического эпоса, народной песни и восточного дастана.

Таким образом, изустная литература в первой половине XIX в. составляла неотъемлемую, тесно связанную с историей, жизнью, бытом и художественно-эстетическими традициями народа часть башкирского искусства слова. Но тем не менее в ней еще слабо проявлялся национальный колорит. Авторы продолжали ориентироваться на восточную культуру и литературу.

В это время значительную часть башкирской письменной литературы составляли «заимствованные сюжеты», переводные и адаптированные произведения, а также произведения-назиры. Большой популярностью среди местного населения пользовались такие книги, как «Морад аль-гариф» («Цель ученых») Аллаяра-суфи, «Алты бармак» («Шесть пальцев»), «Энвар аль-гашикин» («Лучи влюбленных»), «Латаифе Хужа Насретдин» («Анекдоты Ходжи Насретдина») и др. Многие из них отличались авантюрным, захватывающим сюжетом, эмоциональностью и актуальностью, а также публицистическим пафосом. Если в одних произведениях различные проблемы человечества, в частности морально-этические проблемы, освещались с религиозно-идеалистических позиций, то в других — с реалистических.

Башкирская письменная литература в какой-то степени сохраняла прежний анонимный и рукописный характер. Большое место в ней занимала поэзия. Наблюдалось определенное развитие прозы. Немаловажную роль в этом сыграла начавшая формироваться просветительская эстетика. Основу популярного тогда произведения «Рисала-и Газиза» («Книга Газизы», 1806) Тажетдина Ялсыгулулы аль-Башкурди (1767-1838) составляют комментарии на языке тюрки к книге известного среднеазиатского суфия XVII в. Аллаяра «Субат аль-Гажизин», где он призывает людей не жаловаться на житейские невзгоды, не сопротивляться злу. Другое же сочинение Ялсыгулова «Тарихнаме-и Булгар» («Книга об истории булгар», 1805) распространялось только в списках. В нем автор опирается на источники разного характера, фольклор и шежере. Его перу принадлежит также шежере рода айлинских башкир, где дана лаконичная характеристика.

К середине века произведения прозы начинают появляться на страницах периодической печати, в хрестоматийных сборниках и издаваться отдельными книгами. Одно из них под названием «Рассказы башкирца Джантюри» было опубликовано в переводе В.В.Зефирова на русский язык в газете [*Оренбургские*... 1847. 22 ноября]. Объектом изображения в нем стали подвиги башкирских воинов в Отечественной войне 1812 г. В произведении созданы колоритные образы бывшего башкирского воина и его жены, дошедшей вместе с мужем до Парижа, которая однажды, проявив находчивость и смелость, спасла окруженный французами отряд конников от неминуемой гибели, за это была награждена боевой медалью.

В 1846 г. в Казани увидела свет «Малика китабы» («Книга о Малике»), Действие произведения происходит в городе Рум. Дочь царя Рума Малика к двадцати годам становится самой красивой и умной девушкой во всем царстве. Отец хочет выдать ее замуж. Тогда Малика ставит перед женихами условие: кто правильно ответит на сто ее вопросов, за того она и выйдет замуж; неудачников ожидает смерть. Победы добивается лишь ученый-богослов Габдулхалим. В сказании «Судья и вор» («Казий ва угры») через диалог-спор казия и вора выясняется, что отвергнутый обществом вор оказывается намного умнее и находчивее казия-богослова, стре-

мявшегося убедить вора в греховности его намерений. Названные произведения расширяли литературные вкусы читателей, будили их воображение и способствовали обогащению национального искусства слова. Вместе с тем еще не было произведений, которые полно и глубоко отразили бы общественную жизнь башкирского народа.

В литературе преобладала поэзия. В стихах переводились или перерабатывались даже прозаические произведения - восточные рассказы и новеллы, составлялись шежере, писались письма и саяхатнаме. Поэтические путевые заметки Абельманиха Габдессалямова-Каргалы «Саяхатнаме» — яркий тому пример. Заметки носят автобиографический характер. В них выясняется, что он уроженец с. Каргалы Саидовского посада, учился в одном из крупных медресе Бухары. В 1816 г. в качестве советника и секретаря посланника бухарского эмира приехал в Стамбул, а затем отправился в «святые места» — в Мекку и Медину. Тема патриотизма — одна из ведущих в «Саяхатнаме». Для автора родина — понятие совершенно определенное. Это не только село Каргалы, где он родился и вырос, а вся обширная Российская земля.

Если значительная часть анонимных стихотворений дидактического, любовного и философского характера отражает светские идеи, то другие пропагандируют религиозные, суфийские взгляды, призывают людей к покорности и смирению: «Мир этот не вечен — в крови не испачкайся. На бегущую воду, на ветер не опирайся».

В башкирской поэзии значительно усилилось личностное начало. На творческой арене появляется целый ряд поэтов, принадлежащих к разным прослойкам общества и придерживающихся различных идейных взглядов. Многие из них получили известность по всему Урало-Поволжью как поэты, продолжающие пропагандировать идеи суфизма. Против утверждения Корана, что Аллах не доступен человеческому взору, не познаваем ни разумом, ни чувствами, они довольно остро ставили проблему «тариката» — возможности «вознесения» и «соединения» человека с Богом и становления его богочеловеком путем мистического озарения. Суфийские идеи поэты часто стремились довести до читателя не столько путем прямолинейных назиданий, сколько через образные иносказания. Так, на первый взгляд может показаться, что в своих стихах из книги «Вакыты эсендя» («На рассвете») сэсэн и поэт Менди Кутуш-Кыпсаки (1763-1849), уроженец д. Бесянсе Оренбургской губернии (совр. Кугарчинский район РБ), призывает людей только к хорошему. Поэт как бы замечает многие стороны действительности, ведет речь о социальных и морально-этических явлениях. Он обеспокоен тем, что мир стал неузнаваем, с людьми творится что-то непонятное. Люди в этом мире и по социальному положению, и по моральному облику неодинаковы. Но, по его мнению, перед смертью все равны, в том мире спрос со всех будет одинаковый. Бичуя порочность поступков, образ жизни власть имущих и духовенства, он не видит основных причин социальной несправедливости, все связывает с волей и могуществом Бога.

Мотивы отречения от мира, религиозного совершенствования занимали большое место и в творчестве поэтов Шамсетдина Губайдуллина-Заки (1823-1865) и Хибатуллы Салихова (1794—1867). Например, книга «Слова-жемчужины» (1856) и стихотворение «Душа в теле» Салихова, уроженца д. Себенле близ Оренбурга, в свое время являлись чуть ли не знаменем суфийской поэзии всего Урало-Поволжья. Они пользовались исключительной популярностью среди правоверных мусульман, незрелой части тогдашних шакирдов. Стихотворение «Душа в теле» вошло в школьные программы. Шакирды должны были знать его наизусть и распевать как гимн.

Стихи в «Словах-жемчужинах» во многом перекликаются с произведениями А. Каргалы, в частности с его стихотворением «Жалоба». Оба поэта изображают жизнь в образе коварной старухи, которая, красуясь и наряжаясь, принимает облик красивой девушки и прельщает людей своей эфемерной красотой, а потом обрекает их на тысячи мук. Они настоятельно учат людей, как жить, что делать в этом коварном, как эта старуха, мире, чтобы после смерти не попасть в ад. А в стихотворении «Душа в теле» Салихов рассказывает уже о большом горе мюрида-мертвеца, попавшего при жизни в «капкан» этой коварной старухи из-за того, что он не выполнял указаний Бога, не совершал молитв, предавался мирским развлечениям.

Пессимистический мотив отречения от мира наблюдается и в творчестве Шамсетдина Заки, уроженца д. Ишмат Оренбургского уезда. Лирический герой ряда его стихотворений тоже горестно переживает, что совершил много грехов перед Богом и свернул с праведного пути, часто забывая о тленности мира («Мое положение было невыносимым», «Я божий странник»), в слезах признается в своей любви к Богу, умоляя его спасти от суетных страстей («Изнемог я, больше нет терпенья», «О боже, я твой беспомощный»), призывает людей не поддаваться соблазнам земной жизни, всегда помнить о бесполезности мирских дел, не гоняться за богатством («Друг, не доверяй этому миру», «Только тот в мире не знает страданий»), бичует тех, кто относится формально к выполнению «указаний» бога, религиозных обрядов, и говорит о своем желании достичь хакиката — последней (четвертой) ступени суфизма («Стремление к богу», «Хочу проснуться от беззаботного сна»). Суфизм Ш.Заки в какой-то мере отличается от взглядов современных ему

поэтов. Если Кутуши-Кыпсаки, Салихов, Каргалы и другие авторы считали, что упование на Бога, выполнение религиозных предписаний способствуют улучшению нравов общества, уменьшению зла и несправедливости, то для Заки стремление к «тарикату», т. е. к слиянию с Богом, означало полный отказ от реальности, от земных благ. Жизнь для поэта — земное заточение, источник страданий. Он хорошо видит всю порочность современного ему общества, где царят жестокость и бездушие. Этот мир зла, выступающий в облике то безобразной старухи, то семиглавого ненасытного змея, беспощаден к каждому, губителен для многих.

Но осуждение поэтом пороков общества не переросло в протест, в желание изменить его. Напротив, лирический герой его произведений стремится «убежать от этого мира», замкнуться в своем внутреннем мире. Только в искренней любви к Богу он видит возможность преодоления жизненных невзгод, противоречий жизни.

Приобщение к литературному процессу в первой половине XIX в. достаточно большого количества представителей различных социальных слоев общества не только способствовало обогащению идейно-тематического содержания башкирской поэзии, усилению ее социальной важности, но и привело к более четкому обозначению в ней контуров противостоящих идейно-эстетических направлений. В это время в башкирской поэзии наряду с произведениями чисто религиозно-мистического содержания появились мадхии (оды), марсии (элегии), поэмы, стихотворные послания и трактаты (рисала), отражающие взгляды высших слоев общества, воспевающие их жизнь. В них отражаются верноподданнические настроения, кротость и послушание.

Одним из ярких представителей антинародной феодально-клерикальной поэзии дореформенного периода является Абухажиб ас-Салими аль-Карани. На первый взгляд кажется, что лирический герой его сочинения «Абухажиб китабы» хорошо видит изменения в быту, хозяйственном укладе башкир, вызванные новыми общественными порядками, беспрестанно повторяя «несчастный башкир, горемыка башкир», тяжело переживает обнищание народа, хищническое разграбление башкирских земель. Но этим трагичным явлениям поэт дает оценку с точки зрения интересов родоплеменной и духовной знати. Беспокоит его прежде всего не тяжелая участь простых башкир, лишенных своих земель, привлеченных к длительной линейной службе и изнурительным военным походам в период кантонного управления в Башкортостане.

Таким образом, в башкирской письменной поэзии первой половины XIX в. идеи суфизма, взгляды родовой и духовной знати нашли довольно широкое отражение. Однако общий ход жизни, эпоха оказали влияние на творческую деятельность башкирских поэтов, поэтому они не могли до конца уйти от реальных жизненных проблем, не заметить ту социальную несправедливость, которая имелась тогда в башкирском обществе. Такое наблюдаем в творчестве Каргалы и Заки, резко осуждающих алчность, жестокость и другие человеческие пороки. Они сочувственно относятся к угнетенным, обездоленным в отличие от своих предшественников, в частности поэта-суфия Ялсыгулова, не только признают роль разума в постижении истины, но и открыто выступают в защиту прогрессивных рационалистических взглядов и призывают людей овладевать знаниями.

Взгляды Каргалы на человеческое общество, государство были утопическими, религиозно-идеалистическими. Но его мысли о порочности современного ему общества, о возможности изменения его порядков были, безусловно, прогрессивными для того времени. Отход Каргалы от суфизма особенно заметен в стихотворениях о явлениях природы, о любви. В них центральное место занимает земной человек со своими земными делами и заботами, радостями и печалями.

Овеяны духом своего времени и многие произведения Заки. В них действительность очень тонко и часто иносказательно воспроизводится через чувства и размышления лирического героя. Чтобы познать жизнь, говорит поэт, не обязательно иметь глаза, важно научиться видеть мир, чувствовать его красоту душой («Эй, мужчины, имейте глаза»), Заки мастерски владеет образным иносказанием. Для передачи своих мыслей он часто обращается к характерным для фольклора поэтическим приемам, деталям и образам, а также крылатым выражениям и фразеологическим оборотам разговорного языка.

Такие же светские идеи присущи творчеству поэта и ученого Габдеррахима Усмана (Утыз Имяни; 1754—1834). Выражая веру в разум, творческую силу человека, он призывает своих соотечественников к овладению знаниями, русским языком, к честности, справедливости, критикует жадность, тупость и жестокость, гневно обрушивается на взяточников, лицемерных и невежественных мулл». Его произведения получили широкое распространение в башкирской среде. Отрывок из стихотворения Усмана записал С. Рыбаков и опубликовал в своей книге *[Рыбаков*, 1897] под названием «Башкирский мунежет»: «Боже, не приведи нас в ворота этих четырех особ: один - судья, другой — начальник, третий — муфти, четвертый — султан (царь)».

В этом отношении особенно примечательно творчество Салихова. В нем чаще и отчетливее, чем в творчестве других поэтов суфийского направления, звучат мотивы недовольства общественной жизнью, построенной на несправедливых нача-

лах. В одной из книг поэт не только учит людей добру, но и открыто критикует пороки классового обществ. Именно эта сторона поэзии привлекала внимание видного башкирского просветителя, поэта и ученого М.И.Уметбаева. В своем очерке «Башкиры» он писал, что среди башкир «много сочинявших стихи и писавших в прозе нравоучения и наставления. Из таких — Хибатулла, который, между прочим, писал в стихах сатиру на современных ему начальников башкирского войска и <...> мулл» *[Уметбаев*, 1984. С. 194].

Салихов с удивительной достоверностью показывает характерные черты представителя власти, порожденного кантонной системой. Он одним из первых в башкирской поэзии XIX в. сделал заметный поворот к реальной жизни, трезво посмотрел на многие социальные явления. В его произведениях, пусть еще не в полную силу, отразилось стремление трудовых масс к справедливости, к правде.

Все вышесказанное свидетельствует, что башкирская письменная литература первой половины XIX в., хотя и медленно, с трудом, начала освобождаться от «пут» религиозной идеологии, от суфийской дидактики, приближаться к реальной действительности. Этот сложный процесс находит свое выражение и в развитии литературного языка. Здесь тоже продолжал существовать язык, специфически «книжный» и до известной степени искусственно культивируемый духовной и феодально-байской знатью. В это же время к середине XIX в. в литературе заметно углубляется процесс формирования «простого» стиля, основанного на нормах частично башкирского и частично близкородственного татарского разговорного языка. Фиксированные на бумаге произведения поэтов-сэсэнов, отдельные стихотворения известных или анонимных авторов, рожденные на основе народной поэзии и прогрессивных книжных традиций, хрестоматийные учебно-популярные книги М. Иванова, С.Кукляшева и особенно М.Бикчурина, нарушающие привычные нормы «книжного» языка, — наиболее яркое воплощение этой тенденции на практике.

Таким образом, сложная социально-экономическая и общественно-политическая обстановка в Башкортостане в первой половине XIX в. оказала влияние на духовную жизнь башкирского народа, обусловила разноликий и противоречивый характер его литературы. С одной стороны, эта литература была тесно связана с предшествующим этапом, в ней все еще цепко держалось запоздалое средневековье; с другой — именно в это время начинают постепенно складываться предпосылки для формирования новой башкирской литературы, все яснее вырисовываться ее основные национальные самобытные черты, сильнее ощущаться стремление к демократизации языка. Постепенно возрастает общественная роль литературы. Безымянное рукописное искусство слова, хотя и продолжает еще существовать, но все более уходит в сторону от столбовой дороги литературного процесса. На творческой арене начинают появляться писатели, выступающие активными борцами за развитие национальной литературы с учетом опыта передовых культур. В их творчестве отчетливо намечаются такие типичные для просветительства черты, как признание просвещения, нравственного воспитания и культурных связей народов в качестве одного из важных путей к совершенствованию человеческих отношений. Эти и другие лучшие черты письменной литературы наряду с высокоразвитым фольклором и изустной литературой стали в дальнейшем основой нового демократического, реалистического башкирского искусства слова просветительского направления, окончательно сложившегося в последней четверти XIX в.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Существенные изменения, происшедшие в жизненном укладе башкир в XIX в., вызвали серьезные изменения и в области их просвещения. С одной стороны, учреждение в 1789 г. в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, начало книгопечатания на восточных языках в Казани, зарождение национальной интеллигенции и буржуазии дали мощный толчок развитию традиционных школ башкир - мектебов. С другой — введение кантонной системы в 1798 г., а затем, после упразднения Башкирского войска в 1863-1865 гг., стремление правительства включить башкир в правительственную систему образования привели к распространению среди них русскоязычных школ и русской грамоты.

Нужно особо подчеркнуть, что несение воинской службы, в том числе за пределами Башкортостана, участие в Заграничных походах российской армии, активизация контактов с представителями других народов, включение в городскую жизнь, а в пореформенный период и в рыночные отношения неуклонно вырывали также башкир из объятия патриархального мира. Башкирская деревня все глубже приобщалась к высокой, книжной культуре. Там, как и в соседних русских и татарских селах, строились школы, открывались библиотеки, с последней четверти XIX в. стали выписываться газеты и журналы. На развитие просвещения, отвечающего вызовам времени и способствующего развитию национальных сил, направлялась вся деятельность демократической интеллигенции, которая хотела сделать из сородичей сознательных и активных граждан.

В рассматриваемый период ведущими башкирскими учебными заведениями оставались мектебы и медресе. За первую четверть XIX в. их численность в крае выросла в полтора раза *[Журнал...* 1837; *Обухов*, 1915. С. 11]. А к отмене крепостного права только в Оренбургской губернии насчитывалось свыше 600 мусульманских школ с 20 тыс. учащихся *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. *Д*. 14000. *Л*. 50 об.; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 13088. *Л*. 25-26]. Содержание и методы обучения в примечетских школах оставались в целом прежними. Тем не менее и в них произошли некоторые качественные сдвиги. Прогрессивные мударрисы и хальфы вносили в учебное дело живую мысль, совершенствовали учебные пособия, активизировали педагогические контакты с остальным исламским миром *[Фәхретдин*, 1904. Б. 456; *Мәрджәни*, 1900. Б. 241-242]. Так, в медресе д. Куганакбаш Стерлитамакского уезда мударрис Тимурбек Вильданов впервые в истории местных школ составил постоянное расписание занятий, ввел классно-урочную систему и начал устраивать экзамены после окончания каждого учебного предмета *[НА УНЦ РАН.* Ф. 7. Оп. 1. *Д*. 12. *Л*. 62]. В том же уезде Харис и Харрас Биктимеровы (Тукаевы), Шамсетдин Заки (д. Стерлибаш), и Хуснутдин Жданов (д. Балыклыкуль), в Бирском уезде Давлетшах Валиев (д. Москово), Хасан Мажитов (д. Иркеево), в Верхнеуральском уезде Зайнулла Ульмаскулов (д. Калкан) и другие мударрисы и хальфы расширили преподавание реальных знаний. Они отстаивали свободомыслие и стремились привить учащимся любовь к знаниям *[Фәхретдин*, 1904. С. 73, 93; 1907. С. 420-421; 1908. С. 471, 480; 1909. С. 504-505].

В 1801 г. при Казанской гимназии, а затем при университете с началом книгопечатания на арабском шрифте стали издаваться некоторые учебники для мусульманских школ, которые распространялись и в Башкортостане. Наряду с богословской литературой в Казани печаталось немало полусветских и светских произведений. Из них среди башкир популярностью пользовались «Мэгърифэтнамэ» («Книга знаний»), «Бадавам китабы» («Книга Бадавам»), «Кисса-и Йософ вэ Золэйха» («Сказ о Йусуфе и Зулейхе») идр. *[Каримуллин*, 1971]. Были изданы также «Русско-татарская азбука» Г.Вагабова (1852), хрестоматия и словарь татарского языка Салихджана Кукляшева (1859), самоучитель арабского, персидского и татарского языков Мирсалиха Бикчурина (1859).

В первой половине XIX в. началось целенаправленное привлечение башкир в правительственные школы, так как для полнокровного существования Башкирского войска требовались грамотные и лояльные специалисты. Так, 2 января 1825 г. в Оренбурге открылось военное училище, которому было присвоено имя первого оренбургского губернатора И.И.Неплюева. Оно должно было, с одной стороны, «доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы», а с другой - «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушить первым любовь и доверие к русскому правительству» *[Краткий...* 1913. С. 5]. Наряду с детьми русских, татарских, мишарских, казахских офицеров и чиновников в училище принимались и дети башкирского кантонного начальства. Для них были выделены 30 вакансий, которые сохранились и после преобразования училища в 1844 г. в кадетский корпус *[РГИА.* Ф. 1284. Оп. 232. *Д*. 100. *Л*. 18 об.; *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 10. *Д*. 6955. *Л*. 10 об.]. Неплюевское училище было оригинальным учебным заведением. Его программа, рассчитанная на шесть лет (три класса по два года), включала широкий набор разнообразных предметов от математики и восточных языков до полевой фортификации и начальных основ артиллерии. В 1840 г., чтобы упорядочить учебный процесс, в училище образовали два отделения: европейское и азиатское. В первом, куда определялись в основном русские дети, наряду с другими общеобразовательными дисциплинами изучались французский и немецкий языки, а также артиллерия и фортификация. Во втором отделении, куда попадали дети башкир и других нерусских народов, военные науки отсутствовали, новые языки заменялись восточными, а также вводились предметы, связанные с земледелием и лесным хозяйством *[Правила...* 1852. С. 215—223; *Митурич*, 1869; *Васильев*, 1896; *Краткий...* 1913; *Фархшатов*, 1994; 1996. С. 431]. В военной школе господствовала суровая военно-воспитательная система, не дающая воспитанникам ни одной свободной минуты для передышки.

Своеобразие внутренней организации училища сохранилось и после его преобразования в кадетский корпус. Только отделения были реорганизованы в восьмилетние эскадроны: Первый и Второй («азиатское» отделение стало Вторым эскадроном), которые размещались в отдельных зданиях. Во Втором эскадроне (состоял из четырех классов: приготовительного, нижнего, среднего и верхнего) ученики из башкир изучали «магометанский» Закон Божий, языки: русский, арабский, персидский и татарский, арифметику, геометрию, зоологию, минералогию, ботанику, земледелие, лесоводство, всеобщую и русскую историю и географию, рисование, «скорописание» и гимнастику *[Там же]*.

Азиатское отделение, а затем Азиатский эскадрон оставили яркий след в культурной жизни башкир. В 1831—1907 гг. его окончили 70 башкир и мишарей *[Асфандияров*, 1996. С. 141—142]. Многие из них выбрали карьеру чиновников и офицеров, а часть пополнила ряды светской национальной интеллигенции. Салихджан Бикташевич Кукляшев (1811—1864), Мирсалих Мурсалимович Бик-

чурин (Бекчурин, 1819-1903), Мартимъян Иванов (1812—?) как первые башкирские просветители сформировались именно в стенах Неплюевского училища и кадетского корпуса. В 1852—1860 гг. во Втором (Азиатском) эскадроне обучался М.Уметбаев — крупный башкирский поэт-просветитель, ученый-энциклопедист. Другой видный башкирский ученый-ориенталист профессор Абубакир Ахмеджанович Диваев (1856—1933) был также выпускником (1875) этого учебного заведения, но уже значительно преобразованного.

На рубеже 50—60-х гг. XIX в. учебный курс Неплюевского кадетского корпуса постепенно стали подтягивать до уровня других кадетских корпусов. Было прекращено обучение лесоводству, земледелию, арабскому языку, началось преподавание физики, математики, законоведения. В Первом эскадроне ввели вместо немецкого языка изучение татарского языка, а во Втором (Азиатском) - вместо минералогии гражданскую архитектуру.

В 1866—1870-х гг. на базе младших классов Неплюевского кадетского корпуса была открыта военная гимназия на общероссийских основаниях. В результате исчезли почти все особенности учебного ьсурса и внутреннего строя этого учебного заведения: из программы были исключены восточные языки, гражданская архитектура и ряд других предметов; башкирские, татарские и казахские вакансии отменялись, все учащиеся стали обучаться по единой программе, и только желающие могли вместо немецкого изучать татарский язык.. Такие порядки сохранились и после преобразования в 1882 г. военной гимназии снова в кадетский корпус.

В 30—50-е гг. с целью подготовки чиновников для Башкирского войска было выделено для башкир 20 вакансий в гимназии и университете Казани, 40 — в Оренбургской фельдшерской школе (открыта в 1841 г.), 32 - в Оренбургском батальоне военных кантонистов (создан в 1827 г.), 10 — в Петербургском повивальном институте [*Полное*... II. Т. И. № 8774; Т. 27. № 26282; Т. 35. № 35485; *ЦИАРБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10097. Л. 10; Д. 10855. Л. 1, 4—9]. Благодаря этому стали появляться первые представители европейски образованной национальной интеллигенции как в гуманитарной, так и естественно-научной сферах. Воспитанниками Казанского университета были кандидаты арабско-персидской словесности А.Куватов и С.Токумбетов. Среди немногочисленных дипломированных медиков края того времени числились и башкиры: доктор медицины Ахметьян Абдеев (он после Казанского университета окончил Петербургскую медико-хирургическую академию), врачи Арслан Субханкулов, Халил Шарипов, Мухаммад Батыршин, Мухаммад-Сафа Юсупов, Загретдин Жданов и Садик Нигматуллин, фельдшер Г.Муллагулов, акушерки Кайдафа Тасигмуллина, Гульгамира Абдуляппарова, Хуснибанат Абдулманафоваидр. *[Асфандияров*, 1967. С. 91-93; *Фархшатов, Халикова*, 1984].

С начала XIX в., когда власти стали серьезное внимание уделять борьбе с широко распространенной повсеместно оспой, из башкир начали готовить оспопрививателей. В 40-е гг. при Отдельном Оренбургском корпусе началась подготовка землемеров из башкир по специальной пятилетней программе, включающей кроме прочего картосъемку и черчение *[Асфандияров*, 1975. С. 228]. В то же время стали обучать 30 башкирских мальчиков из всех кантонов приемам пчеловодства в специально созданном близ д. Куллярово (ныне Кармаскалинский район РБ) «пчелином заводе» *[История...* 2004. С. 359]. В последнее десятилетие существования Башкирского войска в Оренбургской кондукторской школе из башкир готовились «строительные чертежники», столяры и плотники *[Там же]*. На рубеже 30-40-х гг. около 300 башкирских юношей были отправлены в Петербург, Москву, Казань, Ижевск и Оренбург для обучения различным ремеслам, нужным «народной промышленности». Но условия обучения вдали от привычных степных приволий оказались слишком непривычными и тяжелыми. Многие не выдерживали и бежали, а 97 человек даже умерли от «городских» (прежде всего чахотка и туберкулез) болезней *[История...* 2007. С. 359—360;*А.В.Д.*, 1862. С. 54]. В конце 1850-х гг. башкир стали принимать в местные городские приходские и уездные училища, а с 1860 г. для них были открыты особые кантонные школы, работающие по программе русских приходских училищ. В них обучали чтению, письму, арифметике, а в некоторых и мусульманскому вероучению. К моменту упразднения Башкирского войска в 9 городских приходских и уездных училищах Оренбургской губернии, а также 32 кантонных школах (из них 4 женские) обучалось свыше 600 башкирских детей (из них 30 девочек) *[ГАОО. Ф. 6.* Оп. 6. Д. 14000. Л. 50 об.; *ЦИАРБ*. Ф. И-2. Оп. 1.Д. 13088. Л. 25-26].

ОБРАЗ БАШКИР У ЕВРОПЕЙЦЕВ

Первое массовое знакомство европейцев с башкирами в XIX в. относится к эпохе наполеоновских войн. В них башкиры для европейцев стали известны как «северные амуры» [les amours du nord] - исторически сложившееся название, данное им французами и использовавшееся большинством европейцев и россиян в эпоху наполеоновских войн. Оно было связано с традиционным вооружением башкир (лук и стрелы), небольшим ростом башкирской лошади и возникло под влия-

нием господствовавшего в это время в культуре стиля ампир. В данном случае под европейцами мы понимаем не только жителей Европы — французов, англичан, немцев, итальянцев, поляков, голландцев, но и российское дворянство, находившееся в рамках европейской культурной модели, опиравшейся на идеи Просвещения.

Впервые название «северные амуры», или «злые купидоны», появилось в конце русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг., после боя 4 июня 1807 г. при Веллау, а также во время последующих контактов русской и французской армий при Тильзите *[Чуйкевич*, 1810; *Давыдов*, 1893]. Это прозвище имело ироничный характер, но в ходе Отечественной войны 1812 г. приобрело уважительный оттенок. На карикатуре А. Г. Венецианова под названием «Северный амур» реалистично изображен воин-башкир, от которого бежит один француз, а четверо других лежат, пораженные его стрелами *[Венецианов*, 1812]. Заграничные походы 1813-1814 гг. расширили географию использования названия «северные амуры» *[Марбо*, 2005]. Известно также, что в 1814 г. в Париже французы называли башкир «сибирскими амурами» [les amour de Siberie] *[Радожицкий*, 1835]. В русскую литературу понятие «северный амур» вошло через стихотворение К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед», написанное в 1814—1815 гг., и воспоминания Д.В.Давыдова «Тильзит в 1807 году» *[Батюшков*, 1815; *Давыдов*, 1839].

Это прозвище башкир, данное французами, закрепилось за ними надолго, оно было известно и русским, о чем свидетельствует юмористический очерк «Как бы не так», опубликованный через 40 лет после наполеоновских войн в «Оренбургских губернских ведомостях» (газета выходила в Уфе, но поскольку автор скрылся под псевдонимом «40», то нет определенной уверенности в том, что он уфимец): «Вместо лешего вы видите одного из северных амуров, которыми любовались парижанки, гуляя по Елисейским полям, и пока башкирец запрягает лошадей, мы от души хохочем над приключением <...> Мари приехала из Башкирии; Мари вояжировала в чумане» *[Оренбургские...* 1849. 16 апреля; *Родное*, 2009. С. 53].

Рассматривая башкир через призму представлений «свой - чужой», европейцы обратили внимание на различия (внешний вид, одежда, вооружение). Это были традиционные тексты в духе описаний различных народов, создаваемых путешественниками, — этнография, нравы, обычаи. Например, в книге Ж.-Б. Бретона «Россия, или Нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи», вышедшей в 1813 г. в Париже, находим такое подробное описание башкир: «Прекрасные наездники и отменные стрелки. Для этих смелых воинов царская служба не ярмо — это их долг, который они исполняют с радостью. У этого воинственного народа, как и у древних спартанцев, к старикам особое уважение: на всех праздниках старые люди занимают самые почетные места. <...> Башкирские воины вооружены длинной пикой, украшенной флажком, по которому они определяют офицера, саблей, луком и колчаном с двадцатью стрелами. Луки у них небольшие, имеют типичную азиатскую форму и, как правило, грубо выделаны. На наконечниках стрел мало перьев. Однако стреляют они отменно, с удивительной меткостью» *[Воины...* 1992]. Для просвещенного читателя-европейца, чтобы расположить башкир в мысленной классификации народов, в данном тексте предложена параллель с древними спартанцами. Марбо замечает другую параллель — с уже известными французам китайцами: «Эти татары и башкиры выглядели как китайцы и были одеты в очень странные костюмы» *[Марбо*, 2005. С. 661].

Война наложила свой отпечаток на контакты народов. Большая часть описаний башкир, сделанных французами, поляками, т. е. противником, внешне похожи. Позиционируя себя людьми просвещенной Европы, они башкир, так же, как и казаков и калмыков, воспринимают одинаково — это дикари, варвары *[Combe*, 1896. P. 82; *Французы*, 1912. С. 144; *Марбо*, 2005. С. 661].

Польский офицер Турно так вспоминает сражение при Мире в 1812 г.: «Мы не видели никого, кроме казаков, башкиров, калмыков, которые обычно двигались галопом, проскальзывая от оврага к оврагу, чтобы стрелять с более близкого расстояния. <...> В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Я никогда не сльтттал воя столь ужасного, чем тот, который поднялся в этот момент. <...> Тогда толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом» *[Турно*, 2002. С. 47]. Другой поляк, участник этого сражения, в котором польские полки были наголову разгромлены казаками, башкирами и калмыками, в своих мемуарах пишет о якобы огромных потерях русских, по его представлениям, итогом встречи «дикарей» и просвещенных воинов должна была быть именно такая картина: «Все поле было устлано, трупами казаков, калмыков, башкир и татар. Мы же не потеряли ни одного офицера высшего ранга» *[Колачковский*, 1912. С. 216].

В дальнейшем поддерживались такие представления пропагандой, проводимой Наполеоном среди немецкого населения в отношении казаков и башкир в 1813 г. Распространялись намеренные слухи о том, что в российской армии находятся не просто «дикие народы», но существа, похожие на зверей. Поэтому для немцев башкиры представлялись как нечто необычное, ужасное — ожидание, которое было невыносимо. Последующая встреча

Башкир.
И. Г. Шадов
Гравюра. 1813 г.

с ними приносила вместе со вздохом облегчения привкус некоторого разочарования. Так, в своем письме Д.Гензлер Б.-Г.Нибур упомянул как о важном событии факт появления в марте 1813 г. в Берлине калмыков и башкир: «Для детей началась прекрасная пора; казаки балагурят с ними и возят их верхом на лошадях. Прибыли также калмыки и башкиры, однако их осталось здесь немного. Сами казаки показывают их как необыкновенное зрелище» *[Поход...* 1964. С. 91].

В заметках Гусселя «Первые русские в Лейпциге», относящихся к марту 1813 г., упоминаются «страшные» казаки, калмыки и башкиры, которых с ужасом ждут жители города *[Hussell*, 1954. P. 323—331]. «Все сгорали от желания увидеть пользовавшихся дурной славой и внушавших страх казаков, которые по описаниям французов едва ли имели человеческий облик, и, поднявшись на башни, искали невооруженным и вооруженным глазом скачущих всадников. <...> Здесь присутствовали воины народов, никогда более не вступавших на европейскую землю, в чужих, невиданных доселе национальных одеждах и вооружении и с совершенно новыми для нас нравами и обычаями» *[Ibid.* P. 323, 325]. Описав необычность прибывших казаков и калмыков, автор обратил особое внимание на башкир. «Наибольшее волнение у всех вызвали башкиры, о которых можно было услышать самые невероятные вещи и которые по слухам имели только один глаз на лбу, длинные морды и огромные клыки вместо зубов. Простолюдины принимали за чистую монету сказки о том, что в самой России они передвигались не иначе как закованными в цепи и под сильной охраной, чтобы они не могли похищать на улице детей, возбуждавших в них плотоядные желания, и съедать их целиком, без остатка. Было совершенно точно известно, что в России все дома запирались, когда мимо проходила такая колонна <...> Многие действительно не без ужаса восприняли известие о том, что завтра придут баш-

Башкир на коне.
А. Л. Обер. Бронза. 1872 г.

киры. Тем не менее весь город сбежался, чтобы посмотреть на этих странных существ <...>

Каково же было удивление, когда увидели правильные черты лица и совершенно пропорциональное телосложение. На многих физиономиях, имевших большое сходство с китайцами, можно было видеть выражение добродушия <...> Если не считать лука и стрел, смотреть, собственно говоря, было не на что. Выглядят они совершенно так же, как нерегулярные казаки, за исключением их головного убора, высокой шапки в форме сахарной головы, отороченной толстым меховым валиком, который можно было развернуть вниз и тогда он доставал им до плеч. Они проехали через город так спокойно и естественно, словно не заметили вокруг себя ничего нового. Они редко останавливаются на квартирах, а устраиваются чаще всего на биваках. Вскоре мы с ними познакомились и дети вертелись среди них, но ни один из них за это время не пропал» *[Hussell*, 1954. P. 331].

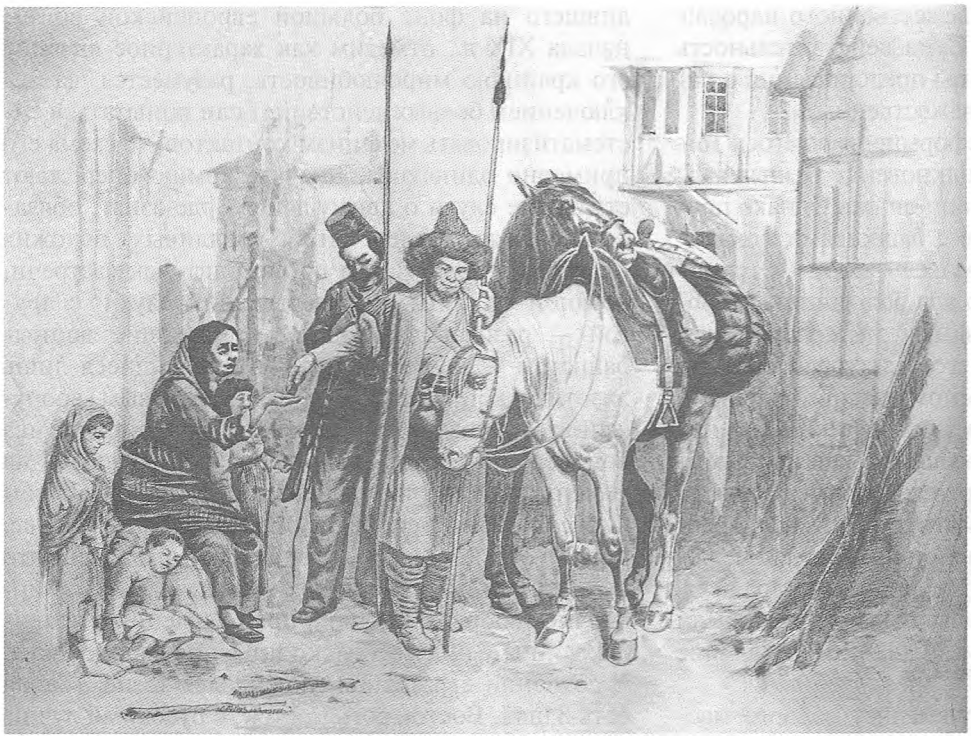
Аналогичные опасения, вероятно, переживал и немецкий поэт Даниил, описавший сцену встречи башкир немецкими женщинами: «Кавалерийская часть состояла из одного офицера и из татар, башкир, вооруженных только луками и стрелами, и нескольких <...> казаков, общей сложностью от двенадцати до двадцати человек. Эти чужие люди внушали настолько большое доверие, что кормилицы и матери давали им поднять детей к себе на лошадь, чтобы поцеловать» *[Daneil*, 1988. S. 119—120].

Немецкий пастор Д.Бауке, пытаясь анализировать происходящий у него на глазах контакт культур, не забывал позиционировать себя как представителя «просвещенного народа»: «Казаки и башкиры привлекли к себе особое внимание своим своеобразием. <...> Они превосходно владели луком, стрелами и копьями <...> скакали на маленьких, по всей видимости, очень выносливых конях, покрытых деревянными седлами, были одеты в лохмотья и постоянно напоминали нам частым повторением обрядов о том, что они были магометанами. У нас возникли обоснованные причины сомневаться в уместности их использования в войнах против благовоспитанных народов. Казалось, что в [армию] Александра, в гуманные устремления которого мы так охотно и твердо верим, они были включены только для того, чтобы мы видели, насколько глубоко в Азию простирается его скипетр, а также для того, чтобы дать этим полулюдям возможность ухватить несколько искр из более освещенных регионов и довезти их на их мрачную родину» *[Ваике*, 1832].

Гораздо глубже и философично воспринял эту ситуацию великий И.В.Гете, который не просто познакомился с башкирами, но и пригласил в театр, способствовал разрешению им отправлять мусульманские обряды в помещении городской гимназии в Веймаре. В знак благодарности башкиры подарили свой лук и стрелы. Немецкий мыслитель и поэт бережно их хранил *[Эккерман*, 1986. С. 490—491].

В 1814 г., когда боевые действия перешли во Францию, там повторилась немецкая ситуация 1813г. Наполеон распространял слухи о «страшных башкирах» в составе российской армии. Об этом свидетельствуют записки адмирала А.С.Шишкова, находившегося в свите императора Александра I и знакомого с французскими газетами того времени. «Между тем, Наполеон <...> распускал, сказывают <...> глупые и смешные лжи. Об нас, русских, разглашал он, что мы варвары, дышущие злобой и мщением; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых ребят, что мы не имеем ни малейшего уважения к женскому полу, и что ежели придем в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью и произведем в отечестве их варварскую породу людей.

<...> Выходцы из Франции уверяют, что француженки не очень баснями их напуганы, и что напротив многие из них любопытствуют увидеть их варваров, и почитают не великою бедою, есть ли чрез несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башкирцы <...> Прочитал я во французских ведомостях следующую небылицу: "что в каждый дом ставят по сороку и по пятидесяти казаков и башкирцов, которым всякой день надобно давать по целой бочке водки и вина!" нелепая ложь разсмешила меня» *[Шишков*, 1831. С. 223, 224, 249].



Эпизод из войны 1813 года. Неизвестный художник с оригинала Б. П. Вилевальде. Рисунок. Конец XIX в.

Когда закончились боевые действия и французы увидели башкир, то эти страхи были ими самими высмеяны, об этом свидетельствует уличная сценка, зафиксированная русским офицером в апреле 1814 г. в Париже: «Проехавший башкирец, в красном кафтане и в желтой ушастой лисьей шапке, с колчаном и стрелами за спиною, среди этого народа наделал много смеха. Французы кричали за ним: Voila un amour de Siberie! (Вот сибирский амур!)» *[Радожицкий*, 1835. С. 153].

Устойчивость стереотипов восприятия национальных войск формировала предвзятое отношение к башкирам даже у тех, кто их никак не мог видеть. В этом отношении интересен текст воспоминаний французского полковника Шенка, который, попав в плен, находился в Саратове. Он зафиксировал в них эти представления-страшилки, которыми с ним, вероятно, охотно делились местные жители, желая попугать француза, поскольку того, что он описал, на самом деле видеть никак не мог — башкирские полки не проходили через Саратов ни в 1812, ни в 1813—1814 гг. Через него могли пройти башкирские команды, сопровождавшие в армию подаренных лошадей. «В последнее время моего пребывания в Саратове я также имел удовольствие увидеть проходящими [через город] несколько башкирских полков.

Если французы и поляки имели одиозное представление о башкирах, и оно в ходе контактов быстро изменялось, то представители союзных стран и «русские» европейцы отмечали иные, более высокие чувства, которые они находили у башкир. Они, оставаясь в системе координат Просвещения, не забывали указывать, что башкиры были «непросвещенными» или «нецивилизованными» с точки зрения европейцев, но отмечали, что те же самые башкиры совершали поступки высоконравственные, патриотические и достойные восхищения. Например, английский генерал Р.-Т.Вильсон в своем письме от 13 октября 1812 г. сообщал о захваченном «одним из татарских полков» церковном золоте и серебре. По обычаям того времени казаки, башкиры, калмыки, татары, т. е. национальная и казачья конница, такого рода трофеи имела право забирать себе. Однако в данном случае мусульмане отказались брать церковное золото, считая это святотатством. Вильсон указывает, что: «Le beau sentiment (возвышенное чувство - *франц.)* еще сохраняется здесь, и я мог бы написать толстую книгу об истинных происшествиях, кои посрамляют скаредность других, более цивилизованных наций» [*Вильсон*, 1995. С. 74—75].

Примерно такой же сюжет сообщает генерал Бороздин: «часто случалось ему видеть башкирца, который к нему на походе принесет целый ком серебра, отбитого у неприятелей, из числа награбленных в церкви образов, и говорит изломанным русским языком: “Вот, бачька, серебра, прикажи взять”. Как взять? Да оно твое, ты его отбил. - “Да, бачька, отбил, но оно твой мечет”. - Что же ты его и возьми, оно тебе теперь принадлежит. “Нет, бачька, Магомет убьет. Вот, видишь, собак француз умирает (показывая тут же на дороге лежащего и умирающего француза, каковой пример на всяком шагу встречался!), видишь, бачька, он умирает за то, что мечет ваш грабил!” Какая противополож-

ность просвещенного и невежественного народа!» *[Оленин*, 1869. Стб. 1995]. Сама действительность заставляла менять стереотипы представлений о народах «просвещенных и невежественных».

Глубинная подоплека сформировавшегося мифа — конфликт культур, столкновение разных картин мира, религий, традиций и опыта. Однако прямое знакомство европейцев с башкирами показывало, что представленная модель «свой — чужой» не работает. Мы видим, что для большинства европейцев башкиры интересны как этнографический феномен, символ Востока, его культуры. Особенно это ярко проявилось в огромном массиве графики и живописных работ немецких, французских, английских художников, изображавших башкир. Стоит отметить, что на башкир тот своеобразный диалог культур, который состоялся во время похода в Европу, не оказал глубокого воздействия. Разница между культурой кочевника и европейского бюргера была огромной, религиозные и языковые барьеры были непреодолимы, иные традиции и миросозерцание исключали всякую попытку к преодолению их.

Подводя итог краткому анализу первого массового контакта культур Европы и Азии, прохо-дившего на фоне большой европейской войны начала XIX в., отметим как характерное явление его крайнюю миролюбивость, разумеется, за исключением боевых действий. Если попытаться систематизировать механизм контактов, то схема его примерно одинакова. Вначале армию опережают страшные слухи о движущейся орде азиат, обязательно пожирателей детей, уродливых, похожих на диких зверей. Затем происходит факт встречи, с одной стороны, опровергающий слухи, с другой - разочаровывающий: пришедшие воины-башкиры — такие же люди, отличающиеся лишь экзотической одеждой и средневековым вооружением. В сознании европейцев доминируют два вопроса: «Вот этих, слабо вооруженных людей на маленьких лошадях мы боялись? И это они, в том числе, разбили непобедимого Наполеона?» Далее, после того как армия уходила, оказывалось, что казаки, калмыки, башкиры имеют не только архаичное вооружение, но и представления о правилах войны у них несколько иные, не европейские. В сознании европейцев укреплялся тезис: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, с русскими лучше не воевать».

БАШКИРСКИЙ НАРОД В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ

БАШКИРЫ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

ОТМЕНА КАНТОННОЙ СИСТЕМЫ. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БАШКИРАХ

Ко времени Великих реформ 1860-х гг. военно-служилая система башкир и их припущенников полностью изжила себя. Настала пора освободить их от военной опеки и уравнять с прочим крестьянским населением страны.

Башкирское войско являлось крупным иррегулярным военным соединением России. На 1 января 1862 г. в поселениях войска проживало 1 008 876 душ, что составляло треть всего казачьего населения страны. За войском числилось 12 млн дес. земли. В 1855 г. к нему было присоединено тептяро-бобыльское население (266 069 душ об. п.) [*Военный...* 1863. С. 540—541, 548]. Однако Башкирское войско отличалось от других казачьих войск, ему не были присущи элементы казачьей демократии. Оно подчинялось земской полиции и гражданским судебным учреждениям. Войско не было увенчано своим старшиной, атаманом. Башкирские служащие имели зауряд-чины (зауряд-хорунжий, зауряд-есаул, зауряд-сотник), перед ними был почти закрыт доступ в дворянство. Но главное отличие башкир от казачьих войск состояло в преобладании трудовых повинностей над военной службой. Трудно перечислить все виды общественных работ (рубка и сплав леса, строительство крепостей, трактов и дорог, перевозка бесчисленных казенных грузов, работа на приисках, рудниках и т. п.), которые выполняли башкиры, мишари и тептяри.

Но и в таком виде военная служба башкир подвергалась острой критике современников. Иноверческое служилое сословие оказалось малосовместимым с национальными и конфессиональными принципами российского самодержавия. Уже в первые десятилетия существования кантонной системы предлагались проекты преобразования Башкиро-мещерякского (с 1855 г. оно называлось Башкирское) войска. Во главу угла этих преобразований ставилась задача постепенной замены башкирских и мишарских служащих Оренбургским казачьим войском с одновременным переводом первых из служилого в податное сословие. Для реализации этих планов много сделали военные губернаторы П.К.Эссен, П.П.Сухтелен, В.А.Обручев и особенно В.А.Перовский, который в отличие от других начальников края избегал крайностей в этой реформе. Хорошо понимая значение башкир и припущенников как воинов и почти неисчерпаемого источника бесплатной рабочей силы, Перовский стремился решать задачи управления губернией последовательно, не допуская ослабления военных ресурсов.

Но спрос на башкирскую военную силу стремительно падал, т. к. к середине XIX в. границы империи выдвинулись далеко за пределы Оренбургской губернии, а новые укрепленные линии были построены на самых подступах к Средней Азии. В 1861 г. была снесена за ненадобностью Оренбургская крепость. Быстро росла численность Оренбургского казачьего войска, насчитывавшего в 60-е гг. XIX в. 237 тыс. человек об. п. *[Машин*, 1976. С. 119]. К этому времени в Башкирском войске службу несли жители лишь 9 юго-восточных кантонов, остальные 19 кантонов вместо службы платили денежные повинности *[Асфандияров*, 2005. С. 185]. Военный министр Н.О.Сухозанет считал необходимым перевести в податное сословие и остальных служащих войска, т. к. они, по его мнению, могли быть «приманкою к <...> независимости», которую «народ этот <...> успел удержать за собою в течение полутораста лет» и преградою на пути превращения всех инородцев в податных крестьян *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.Д. 10077. Л. 22].

Несмотря на то что большинство башкир и припущенников перестали отправлять военную

службу, формально они продолжали оставаться в Башкирском войске. Законы военного времени и регламентация всех сторон жизни по-прежнему продолжали тяготеть над мирным населением. Это объяснялось опасениями народных волнений. В свете этого можно объяснить присоединение в 1855 г. многочисленных тептярей к Башкирскому войску. Войдя в войско, тептяри подпали под действие военных законов, хотя и были отнесены к неслужащим кантонам.

Повинности, которые отправляли накануне освобождения башкиры, мишари и тептяри, свидетельствуют о далеко зашедшем процессе феодализации нерусского населения края. Они вплотную приблизились к объему повинностей государственных крестьян, экономически гораздо более сильных и не страдавших от губительной военной службы. Так, все денежные поборы с башкир и мишарей в 60-е гг. XIX в. составляли 4,25 руб. серебром на душу м. п., с тептярей — 4,32 руб., а у государственных крестьян - 6,33 руб. Но эту сумму жители казенной деревни платили не все. Значительная часть русских государственных крестьян, добившихся права собственности на купленные у башкир земли, платили всего лишь 3,33 руб. *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 13391. *Л.* 139, 180-181].

Отличительной особенностью дореформенных повинностей башкир и припущенников по сравнению с общероссийскими разрядами крестьян являлось отсутствие подушной и оброчной подати, что объяснялось тем, что башкиры и их припущенники пользовались землями, официально признанными государством вотчинной собственностью коренных жителей. Однако правительство, формально признававшее земельные права башкир, отнюдь не собиралось уравнять их с государственными крестьянами-собственниками. Это видно по тому, что крестьяне-собственники освобождались от феодального оброка, а башкиры и припущенники вместо оброка вносили так называемую казенную подать, состоящую из бывших военных повинностей (взамен рекрутских, на военные расходы и т. п.). Фактически казенная подать и являлась основным феодальным оброком в пользу государства. Таким образом, башкиры-припущенники по своему социальному положению мало отличались от жителей казенной деревни.

Переход от старофеодальных форм повинностей, каковой являлась воинская служба, на денежную имел положительное значение в социально-экономической эволюции нерусских жителей края. Но повинности явно опережали экономические возможности местного населения и были разорительны для них. Особенно если учесть, что из собранных с башкир и припущенников денег ни одна копейка не расходовалась на их нужды. Упомянутый выше военный министр Сухозанет отмечал, что славянские казачьи войска употребляют свои доходы «на собственное развитие», а большая часть сборов с башкир идет «на предметы совершенно посторонние». По его данным, накануне реформы из 725 253 руб. серебром, собранных с жителей Башкирского войска, 411 236 руб. (56,7 %) шли на содержание и усиление Оренбургского казачьего войска и Кавказского военного корпуса. Да и остальные деньги шли на нужды чиновников Башкирского войска, на потребности военного министерства, на содержание степных укреплений и т. д.

Упразднение кантонной системы управления в крае во многом связано с именем генерал-губернатора А.П.Безака. Вновь назначенный военным министром генерал-адъютант Д.А.Милютин на официальном уровне поручил ему заняться реформой среди башкир и припущенников. С 1861 г. он постепенно подчинил башкир и их припущенников обшей полиции, отменил назначение башкирских команд на кордонную службу по Оренбургской линии, прекратил командировки военной сотни в Форт-Перовск, запретил ежегодные сборы башкирского учебного полка для лагерных занятий. Он разрешил башкирам, назначенным на казенные работы, являться без форменного обмундирования. Помимо того, Безак представил в Военное министерство предложение о подчинении башкир общей подсудности по делам уголовным, о прекращении производства башкир в урядники и зауряд-офицеры. С 1862 г. три кантона в Стерлитамакском уезде (26, 27 и 28-й) были обращены в неслужащие, а жители их взамен службы обложены денежным сбором. Параллельно с этими мерами служебные наряды башкир шести служащих кантонов производились почти исключительно на работы, не связанные с военной службой. По выражению «башкирца из Белебея», даже те башкиры, которые наряжались на службу, «по неимению с кем воевать сплавляют лес, делают кирпичи и известь, косят сено» *[Башкирец...* 1862. С. 129].

При подготовке реформы решено было руководствоваться основными началами Положения 19 февраля 1861 г. по освобождению крестьян. Проект Безака был рассмотрен Государственным советом, и 14 мая 1863 г. «Положение о башкирах» было подписано императором Александром II. В нем говорилось: «Инородцы, известные под названием башкир, мещеряков, тептярей и бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство как свободные сельские обыватели на основаниях, в сем Положении определенных» *[Полное...* II. Т. 38. № 39622].

Перевод в гражданское состояние коснулся башкир и их военных припущенников (т. е. мишарей и

Коронация императора Александра II в Москве. Башкир на беркутовой охоте 14 сентября 1856 г. В. Ф. Тимм. Гравюра. 1856 г.

тептярей), проживающих в Оренбургской, Пермской, Самарской и Вятской губерниях. Положение 14 мая 1863 г. предоставляло им все права, которые были определены реформой 1861 г. для крестьян: личные права, возможность участия в договорных отношениях, право приобретения в собственность движимого и недвижимого имущества, открытия и содержания промышленных и торговых заведений, занятия ремеслами, перехода в другие сословия, отлучения с мест жительства и т. п. В разделе о личных правах особо оговаривалось право о дворянстве. К потомственным дворянам относились, во-первых, башкиры, утвержденные Герольдией в этом звании еще ранее, а также лица, получившие действительные армейские чины до 1845 г. и утвержденные самим царем; во-вторых, дослужившиеся до чина полковника или получившие до 1856 г. действительные чины войскового старшины за «военные подвиги». Но таких лиц среди башкир и мишарей почти не было. Зато имелось немало людей, достигших чина зауряд-есаула. Они получали личное дворянство, которое не распространялось на их детей. Сохранялась свобода исповедования и отправления обрядов мусульманской религии.

Среди прав по имуществу важное значение имело подтверждение вотчинного права башкир на владеемые ими земли. Из этих угодий они бесплатно получали наделы из расчета 40 дес. на душу м. п., зафиксированного VII ревизией в 1816 г. Припущенники бесплатно получали узаконенные пропорции земель из вотчинных угодий башкир. «Излишние», т. е. сверхдушевые земли, вотчинники могли продать или сдавать в аренду посторонним лицам. Но чиновникам Башкирского войска, а также служащим ведомства Оренбургского генерал-губернаторства и членам их семей категорически запрещалось приобретение башкирских земель. Однако очень скоро положение это будет нарушено самым грубым образом.

Согласно «Положению 14 мая» юртовое полувоенное управление башкир и припущенников ликвидировалось и на его месте создавалось сельское и волостное управление, сходное с крестьянским «самоуправлением» русского населения. К лету 1863 г. было образовано 808 сельских и 130 волостных обществ. Ежегодно из башкир и припущенников избирался волостной суд, который решал дела по маловажным проступкам (споры, тяжбы, ущербы имуществу населения и т. п.).

Необходимо отметить, что указом 14 мая 1863 г. кантонная система управления была упразднена не до конца. Предусматривался двухгодичный переходный период для подготовки окончательного слияния башкир и припущенников с прочим сельским населением империи. Для этого было образовано Особое управление башкирами под непосредственным наблюдением генерал-губернатора. Вместо упраздненных 28 кантонов были созданы 11 новых, совпадавших территориально с уездами: 1-й Оренбургский, 2-й Верхнеуральский, 3-й Троицкий, 4-й Челябинский с уездами Шадринским и Екатеринбургским, 5-й Красноуфимский с уездами Осинским и Пермским, 6-й Бирский, 7-й Мензелинский с уездами Сарапульским и Елабужским,

8-й Бугурусланский с уездами Бугульминским и Бузулукским, 9-й Белебеевский, 10-й Уфимский и 11-й Стерлитамакский. Первые два кантона являлись служащими. Функции кантонных начальников теперь ограничивались правами и обязанностями мировых посредников. После реализации «Положения 14 мая» кантонное управление подлежало окончательной ликвидации.

Губернские власти тщательно подготовились к объявлению «Положения о башкирах». Попечители и кантонные начальники получили подробную инструкцию об установлении строгого надзора над населением. Было составлено «Воззвание к башкирскому народу», сделана краткая выписка из нового закона на татарском языке и разослана в кантоны для обнародования. «Положение о башкирах» было переведено на татарский язык коллежским секретарем Явшиевым (Яушевым. — *Б.Д.)* и коллежским асессором Батыршиным. Объявление «Положения 14 мая» состоялось в августе 1863 г.

В конце августа в Уфу съехались кантонные начальники, которые доложили о ходе реформы среди башкир и припущенников. По их отзывам, закон был встречен населением с одобрением. «Если между башкирами, — докладывал полковник Богуславский оренбургскому генерал-губернатору, — существует некоторая неуверенность и опасения, то они относятся не к вводимому положению, но к тем преобразованиям, которые, по мнению их, могут последовать непосредственно за его введением» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 12598. *Л.* 122 об.].

Опасения у местного населения, действительно, были. Вскоре после объявления закона начали распространяться слухи о том, что правительство собирается лишить башкир вотчинного права на их земли, наделить их угодьями как бывших крепостных, перечислить башкир и припущенников в государственные крестьяне, брать с них рекрут, крестить мусульман. В некоторых местах тревоги башкир раздувались соседними русскими крестьянами, которые по примеру своих священников уверяли башкир и татар в том, что скоро всех мусульман выселят из этого края и оставят только христиан и инородцев, принявших крещение *[Там же.* *Д.* 13022. *Л.* 303 об.].

Вскоре стало известно о готовящемся переселении жителей некоторых деревень Белебеевского и Бугурусланского уездов в Сибирь. Это вызвало серьезное беспокойствие властей, т. к. еще не был забыт массовый уход крымских татар в единоверческую Турцию после окончания Крымской войны. В такой ситуации генерал-губернатор Безак поручил надежным чиновникам произвести осмотр кантонов для выяснения «политических настроений населения». Проверяющим чиновникам вменялось в обязанность выяснить, насколько народ охвачен слухами о лишении башкир-вотчинников их прав, причислении в податное сословие с обязательством ставить рекрутов, переводе мусульман в православную веру и желании башкир и припущенников переселиться в другие места. Начальник губернии настойчиво требовал рассеивать ложные слухи и разъяснять народу то положительное, что несет эта реформа башкирам и припущенникам: упразднение военно-казачьей опеки над ними, учреждение местного самоуправления, сохранение вотчинного права на все владеемые ими земли и разрешение распоряжаться ими по своему усмотрению. Кроме того, чиновники должны были проверить, как реализуется новое Положение, работает ли волостное и сельское самоуправление, благонадежны ли лица, туда избранные, нет ли постороннего влияния на население, как ведется делопроизводство, как обстоит обучение русской грамоте, а также изучить экономическое положение бывшего войскового населения.

Осмотр башкирских кантонов продолжался с весны до осени 1864 г. За это время чиновники собрали богатый материал о положении нерусского населения края и его отношении к реформе. Следует отметить, что слухи о желании переселяться с целью сохранения казачьего статуса оказались сильно преувеличенными. Переселяться собирались лишь единичные деревни. Так, жители д. Гайныямаково Белебеевского уезда в числе 180 душ посылали двух поверенных для приискания места на Сибирской пограничной линии. Такое место было найдено на р. Ишим, после чего гайныямаковцы подали прошение о разрешении перейти на новые земли. Аналогичное прошение поступило от тептярей д. Бакирово Амировской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. Во всех других кантонах о желании переселения за пределы губернии не было слышно. В населении не чувствовалось особых опасений по поводу перевода в христианскую веру. Зато сильно было беспокойство из-за потери войскового статуса, который освобождал их от рекрутской повинности и оберегал от земских (гражданских) властей, отличающихся, как известно, своим корыстолюбием и вымогательством.

Велики были опасения и за земли. Хотя в Положении говорилось о сохранении за башкирами вотчинного права, там же указывались нормы наделов, на которые они могли рассчитывать - 40 дес. на мужскую душу по VII ревизии 1816 г. С тех пор население удвоилось, и реальный душевой надел составлял около половины нормы. Особенно пугала возможность отрезки «сверхдушевых» угодий, как это происходило в частновладельческих и удельных селениях. Слухи подогревали опасения. Так, толчком к переселению из д. Гайныямаково явились

Портрет императора Александра II.
Е. И. Ботман. Холст, масло. 1856 г.

рассказы русского казака о возможной передаче башкирских земель государственным крестьянам. Волнения башкир не переросли в открытый протест благодаря усиленной разъяснительной работе, но общее мнение выразили жители Гайнинско-Бардымской волости Пермской губернии: «Мы видим, что все, таким образом, идет к тому, чтобы башкир сделать государственными крестьянами, а так как у крестьян земля не собственная и с крестьян берут рекруг, то мы опасаемся, чтобы и у нас не отняли земель и не стали брать рекрут» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.*Д.* 13022. *Л.* 76].

Наблюдалось недовольство новой раскладкой повинностей — по наличному числу ревизских душ без учета больных, бедных, отслуживших стариков, многосемейных, уволенных в отставку, всех, ранее освобождавшихся от податей. Тревогой были охвачены и бывшие кантонные начальники. «Лица эти, — говорилось в отчете чиновника особых поручений Рогали-Левицкого, — утратившие бывшее свое значение и лишившиеся при новом управлении некоторых косвенных доходов, почти или совершенно не сочувствуют видам правительства» [*Там же. Л.* 276].

Недовольство жителей вызывала работа вновь учрежденного местного самоуправления. По словам ревизора князя Церетелева, деятельность волостных учреждений сводилась к исполнению официальных предписаний начальства, заботы же о благоустройстве своей волости, о мирских капиталах, запасных магазинах, лесах, оброчных статьях, народной грамотности и т. п. оставались «совершенно чужды обществу». Большинство волостных старшин и сельских старост были непригодны к исполнению своих обязанностей и характеризовались словами: «не способен по непониманию дела», «не способен по нравственным качествам», «малонадежен в отношении честности» и пр. Оказалось, что многими старшинами избирались лица, занимавшие в кантонное время какую-нибудь войсковую должность, а рядовые жители были отданы под власть имущих, продолжавших самоуправство, как и прежде. Башкиры дд. Ялчино и Зиянчурино Оренбургского кантона жаловались на зауряд-чиновников Утяшева и Тутлубаева, которые вели пьяную, «крайне неприличную» жизнь, жестоко избивали односельчан, без общего согласия пускали на зимовку стада, принадлежавшие казахам, а деньги получали сами *[Там же. Л.* 33 об., 47]. Тревожным симптомом будущего разбазаривания вотчинных земель являлись жалобы на действия волостной верхушки, по своему усмотрению распоряжавшейся общинными угодьями. В отчетах чиновников-ревизоров отмечено много злоупотреблений со стороны местной администрации. До полного разорения довел население следователь Крыжановский (Челябинский кантон). Он длительное время держал в заключении невинных людей, требуя за освобождение от 10 до 20 руб., оскорблял молодых женщин, вызванных к допросу, и т. д. *[Там* же. *Л.* 90 об.]. Крайне отрицательно оценивалась деятельность волостных писарей, назначаемых властями из русских. Все они отмечены как «пьяницы». Общий вывод ревизоров был вполне определенным: местные чиновники составляют «зло Башкирии». В кантонный период традиционное народное самоуправление почти полностью было вытеснено башкирским войсковым чиновничеством, являвшимся частью общероссийской бюрократической системы.

Самой тревожной была информация о разорении населения. «Экономический быт башкир вообще крайне плох. Все заботы правительства в этом отношении мало принесли пользы до настоящего времени», — отмечал коллежский советник Плачковский, характеризуя хозяйство башкир Оренбургского кантона. Существенной причиной экономического неблагополучия башкирского населения являлся кризис скотоводческого хозяйства. Ревизовавший волости Бугурусланского, Белебе-

евского и Стерлитамакского кантонов коллежский советник Ротали-Левицкий отмечал, что «большая часть башкирских земель удобна настолько, что могла бы не только с избытком продовольствовать местное население, но и развить хлебную торговлю на значительные суммы».

Наиболее острым вопросом оставалось размежевание земель между башкирами-вотчинниками и припущенниками. По отзывам чиновников, земельные споры были повсеместны. Они, как утверждал начальник Мензелинского кантона Гвоздиков, «заслонили реформу» 14 мая 1863 г. Разверстания земель по душам требовали и сами башкиры, так как богатые хозяева, имевшие большое количество скота, захватывали крупные участки общинных угодий, которые становились их фактической собственностью. Без согласия вотчинников они отдавали землю другим лицам под пастьбу или посев хлеба. Во многих местах, особенно в восточных уездах, общинное владение было причиной больших ссор и опасных столкновений.

В своих донесениях генерал-губернатору чиновники предлагали ограничить деятельность мусульманского духовенства, его участие в шариатском суде, а также ведение делопроизводства в волостных правлениях на тюрко-татарском языке. Одновременно они отмечали, что башкиры и татары активно выступали против открытия винных лавок, рассматривая это как грубое вмешательство в быт мусульманского населения.

Генерал-губернатор Безак считал итоги первого этапа реформы удовлетворительными и в октябре 1864 г. возбудил вопрос об окончательной передаче башкир, мишарей, тептярей в гражданское ведомство. В первую очередь (с января 1865 г.) это затрагивало немногочисленное служилое население Пермской, Вятской и Самарской губерний. Затем военное управление упразднялось в Оренбургской губернии, причем здесь реформа должна была совпасть во времени с разделением края на две губернии - Оренбургскую и Уфимскую, чтобы жители приняли отмену кантонной системы «как необходимое последствие разделения губернии» *[ЦИА* РБ. Ф. И-2. Оп. 1.*Д.* 13028. *Л.* 1 об.].

3 мая 1865 г. было принято утвержденное Мнение Государственного совета «Об устройстве башкир, причисленных к Уральскому войску» *[Полное...* II. Т. 40. № 42052]. Башкирам одной юрты (№ 3), проживающим на земле уральских казаков, было предложено переселиться в Самарскую губернию, где жили башкиры 1-й и 2-й юрт. Этим трем юртам, состоящим из 2 996 душ м. п., отводились земли не в собственность, а в пользование в количестве 119 840 дес., т. е. 40 дес. на душу населения. Сельские и волостные общества и здесь создавались согласно Положению о башкирах от 14 мая 1863 г.

Переселение башкир 3-й юрты было возложено на особую комиссию, но как только она приступила к работе, уральские и самарские башкиры изъявили желание переселиться в Оренбургскую губернию. Данное намерение башкир побудило губернатора остановить действие комиссии. Переход 7 тыс. башкир с их 27 тыс. головами скота на расстояние 800-900 верст был бы сопряжен с большими трудностями. В свою очередь, вотчинники на новом месте не могли припустить к себе столь значительную массу переселенцев. Поэтому последним в просьбе было отказано, и к концу 1865 г. башкиры всех трех юрт были переданы в гражданское ведомство по месту жительства.

На основе утвержденного Мнения Государственного совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» от 2 июля 1865 г. одновременно с оренбургскими должны были быть переданы в гражданское ведомство башкиры других губерний *[Там же.* Т. 40. № 42282]. Кантонные управления и общее управление башкирами упразднялись, а функции их распределялись между общими и уездными по крестьянским делам присутствиям и мировыми посредниками.

К 1 февраля 1866 г. была закончена непосредственная передача в гражданское ведомство башкир и их припущенников, проживающих на территории пяти (Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской) губерний. Тогда же было упразднено особое управление башкирами, дела которого передавались в общие гражданские учреждения. Так завершился перевод населения Башкирского войска из военного сословия в гражданское состояние.

Новая эпоха началась для башкир с тяжелых испытаний. В 1864—1865 гг. разразилась эпидемия тифа, вызванная ежегодно повторяющейся засухой. Особенно пострадали кочующие башкиры южных уездов, где от голодной смерти погибло до 10 % жителей и выше. Вновь назначенный оренбургский и самарский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский организовал обследование причин постигшего бедствия, которое подтвердило ужасающую нищету населения, проявлявшуюся в почти полном отсутствии пищи и одежды, тесных жилищах и т. д. Он выступил перед правительством с рядом предложений с целью разрешить кризис переходного периода в жизни башкир. Генерал-губернатор просил понизить «значительно высокие подати» в сравнении с налогами иных крестьян, принимая во внимание особенности хозяйства башкирского народа.

Башкиры являлись хозяевами своих земельных наделов и, по мнению Крыжановского, «при однородности прав» должны были нести «однородные

подати», как и крестьяне-собственники (не более 3 руб. 87 коп. серебром). Однако башкиры и мишари платили по 4 руб. 25 коп., тептяри — 4 руб. 42 коп. Генерал-губернатор докладывал министру внутренних дел в апреле 1866 г., что раньше «башкиры отправляли службу в пределах Оренбургского края на собственные средства», а самый род службы башкир, использовавшихся и как боевая сила, и как рабочие команды, был труднее сравнительно со службою казачьих войск Оренбургского края, и потому служба «имела сильное влияние на расстройство быта башкирского народа». Опираясь на права казачьих войск, генерал-губернатор ходатайствовал о льготах в платеже податей ряду категорий башкир: выслужившим 25-летний обязательный срок службы; не выслужившим, но уволенным в отставку из-за полученных ран в боевых действиях с неприятелем; детям и сиротам зауряд-чиновников, которые сами избавлены от платежей. В марте 1867 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния разрешил освободить от денежных сборов в казну и государственных земских повинностей (без отнесения платежей на остальных общинников) башкир, имеющих военные ордена или уволенных в отставку по ранению, а также их детей и сирот по достижению 18-летнего возраста. Всем остальным группам в льготах было отказано.

В ходе реформ 1860-х гг. высказывались критические оценки кантонной системы. Так, 14 марта 1867 г. помощник начальника Оренбургского кантона есаул Альмухамет Куватов, дворянин, выпускник Казанского университета, подал в канцелярию генерал-губернатора записку «Причины обеднения башкирского народа» *[Гвоздикова, Асфандияров*, 1989. С. 73-86; *Шаяхметов*, 1992. С. 8—22]. В ней Куватов называет некоторые причины разорения башкир, в их числе кантонная система управления, длительная военная служба, взяточничество чиновников, недостаточность «попечительных» мер властей в области хозяйства и просвещения, полукочевой образ жизни у многих башкир, слаборазвитое земледелие. Но главную причину упадка благосостояния и духа народа он видел в жестоком администрировании всей общественной жизни и быта башкир, нежелании местного начальства понять «характер и внутреннее положение народа». Губернаторы, командующие войском, попечители не знали и не вникали в характер и проблемы управляемого ими населения. «Удивительно, — пишет Куватов, - что народ, приносивший в общей массе верноподданных немаловажную пользу для государства, при последнем падении своем в благосостоянии и когда шел быстрыми шагами на пути к пролетариату, не обратил должного на себя внимания!» С гибелью почти всего скота в голодные годы башкиры оказались не готовыми к переходу к новому укладу жизни, так как высшее начальство управляло народом «без плана и систем так, как заблагорассудится. Принимаемые ими для этого меры были несообразные с положением народа». Русским чиновникам была дана слишком широкая власть, что приводило к злоупотреблениям. Кантонные начальники, назначаемые генерал-губернатором из башкир, если вели себя не «подобострастно», увольнялись. Автор записки не принимал обвинений в том, что мусульманская религия являлась преградой на пути к прогрессу. Он отмечал, что религиозный фанатизм чужд башкирам, предлагал новым гражданским властям энергичнее проводить разумную попечительскую политику? в отношении местного населения с тем, чтобы вывести его из «смрадного положения» переходного времени.

Одновременно в канцелярию генерал-губернатора поступили «Заметки о настоящем положении башкирского народа» майора С.Ольшевского, который считал материальное положение башкир «безвыходным и без последних неурожайных годов». Даже среди оседлых башкир многие живут без куска хлеба, деревни разорены, жители отказались от всякого труда, «о будущем совсем не думают, как будто оно для них не существует». «Было время, когда все жило на счет башкир, все брало взятки: и писаря, и юртовые старшины, и полиция, не отставали пристава по конокрадству, переводчики, помощники кантонных, кантонные, стряпчие, зачастую случалось, что и самые попечители, и даже само центральное управление не было в этом случае безупречно. Народ, видя все это <...> пришел к убеждению, что лучше ничего не делать, ничего не иметь, что как бы ни трудился, исход один - бедность; все, что выработаешь, все заберут чиновники, да еще и в острог посадят». Такая жизнь, по словам автора, развила в башкирах «страсть к чиновничеству», получение власти над другими являлось единственной возможностью поправить свое экономическое положение. Из огромного числа зауряд-чинов лишь пятая часть была получена за действительные заслуги, все остальные куплены за деньги. Став чиновником, бывший «обобранный» драл взятки с «живого и мертвого».

Как и Куватов, Ольшевский причиной кризиса считал некомпетентность управленческого аппарата, правившего населением «без положительно определенной цели», покровительствуя злу'и грабежу вокруг. Автор убежден, что предполагаемая распродажа вотчинных угодий обернется их расхищением за бесценок. В башкирах он видел хороших работников, способных стать неплохими хлебопашцами: «обстоятельствами они поставлены на ту точку, на которой теперь находятся, обстоятель-

ствами и будут сведены с нее» *[ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1.*Д*. 13931. *Л*. 448-449].

Таким образом, кантонная система управления, названная «мрачной эпохой», когда «один из самых беспокойных, энергичных и воинственных народов в древности превратился с течением времени в народ недеятельный», представляла поистине переломный момент в истории башкирского народа *[Филоненко*, 1915. С. 65]. С конца XVIII в. в Башкортостане существовал своеобразный баланс интересов между государством и башкирами, когда официально разрешалось мусульманское вероисповедание, признавалось вотчинное право на землю, а башкиры объявлены военным сословием, что максимально учитывало их прежние повинности и особенности жизненного уклада. Но военно-административный режим, установленный в период кантонного управления в Башкортостане, отрицательно повлиял на развитие хозяйства, резко ухудшил материальное положение рядовых башкир и мишарей. Отдавая их под полный контроль родоплеменной верхушки и администрации Оренбургского генерал-губернаторства, власти сумели ослабить силу сопротивления народных масс социальному и национальному гнету. По оценке современника, генерал-майора И.В.Чернова, произошло «раздвоение» башкир на рядовых и военных чиновников, в результате чего солидарность народа была разрушена и антиправительственные восстания сделались немыслимыми *[Чернов*, 1907. С. 31].

В то же время кантонная система имела и прогрессивные результаты. Она способствовала дальнейшей консолидации башкирского народа, переход к оседлости и земледелию вел к разрушению отживающих форм уклада экономической жизни. Шло повышение хозяйственного и культурного уровня башкирской деревни. Началось систематическое обучение башкирских детей в высших и средних государственных учебных заведениях. В годы войн России и во время постоянной пограничной службы в рядах многонациональной армии башкиры не раз демонстрировали свое воинское умение и мужество *[Асфандияров*, 2005. С. 206—210].

Реформы 1860-х гг. открыли для башкир новую эру, наряду со всеми остальными группами крестьянства они теперь являлись «свободными сельскими обывателями». Освобождение их от военной повинности и ликвидация всей системы кантонного управления развязали хозяйственную инициативу, способствовали общему подъему жизни башкирского народа. Башкиры сохранили свои вотчинные угодья, которые не требовалось выкупать. Перед народом стояли новые задачи, менялись идеалы, наступил век просветительства, быстрой модернизации всех сторон жизни.

ЗЕМСТВО И БАШКИРЫ

«Положение 1 января 1864 г. о земских учреждениях» явилось частью Великих реформ, направленных на формирование новых начал жизни Российского государства, в центре которых лежало обширное понимание «освобождения» народа. Применительно к местному самоуправлению это подразумевало развитие представительности и самостоятельности населения, улучшение местного хозяйства и экономического развития территорий. Земское самоуправление формировалось на основе всесословности, выборности, зависимости избирательного права от имущественного ценза. Для сельских жителей имущественный ценз отсутствовал, но выборы были многоступенчатыми: сельские сходы выдвигали выборщиков, которые избирали гласных уездных земских собраний.

Буржуазная модернизация страны включала масштабные исторические преобразования, рассчитанные главным образом на условия центральных губерний и изменения среди русского населения. Башкирское общество вовлекалось в процесс модернизации опосредованно и специфически переживало его последствия. Реализация «Положения о земских учреждениях» с самого начала выявила разную степень социально-экономической интеграции территорий, особенности сословного состава населения, определяющих формирование избирательных съездов и выполнение земских повинностей. Несмотря на то, что закон провозглашал введение «ныне же в действие» земств в 33 губерниях, в том числе и Оренбургской, в 1865 г. его удалось распространить только на 19 губерний.

Вопрос о распространении земств в Оренбургской и Уфимской губерниях начал разрабатываться в департаментах Государственного совета при участии начальников губерний в 1873 г. Отдельное внимание заслуживал вопрос о статусе башкир в кругу земских избирателей. Наличие у башкирских обществ вотчинных земельных угодий затрагивало главный принцип земского избирательного права - имущественный ценз. По Положению участвовать в избирательных съездах уездных землевладельцев наряду с дворянами, имеющими не менее 200 дес. земли, могли и другие категории земельных собственников: отдельные крестьяне и лица, арендующие участки сроком не менее 6 лет, богоугодные, промышленные учреждения, общества и компании, владеющие земельной собственностью, назначали поверенных. В качестве землевладельцев допускались к выборам и мелкие собственники, владеющие не менее $^{1}/_{20}$ земельного ценза, через предварительно избранных уполномоченных. Как видно, по закону башкирские вотчинники имели возможность выступать как избиратели съезда зем-

левладельцев. В то же время башкирские общества были отнесены к разряду сельских обществ, что оговаривалось в законе «О применении Положения о земских учреждениях к Уфимской губернии» [Ладное... II. Т. 49. С. 737].

Правительство беспокоил также вопрос о возможном численном преобладании мусульман в отдельных уездных земствах, таких, как Бирское, Белебеевское, Стерлитамакское. Однако «опасность» количественного превосходства мусульман в земских собраниях нейтрализовалась разным порядком формирования волостных сходов у крестьян и башкир: первые выдвигали по одному выборщику на каждые 30 дворов, а башкиры — на 75 дворов.

Постановлением Государственного совета от 2 мая 1874 г. «Положение о земских учреждениях» распространилось на Уфимскую губернию. В феврале 1875 г. начали работу первые уездные земские собрания. Благодаря незначительному помещичьему землевладению в крае число гласных от крестьян и дворян было почти равным (117 и 119 чел. соответственно) и мусульманские представители в отдельных уездных земствах составили заметную долю. В Белебеевском уезде башкиры и татары в разные трехлетия (избирательные сроки) составляли от трети до половины состава земского собрания, в Стерлитамакском и Бирском уездах — более или менее трети, меньше мусульман было в Мензелинском, Златоустовском, Уфимском уездах. Власти неоднократно выражали отрицательное отношение к мусульманскому представительству в земствах. В отчете уфимского губернатора П.А.Полторацкого 1883 г. отмечалось, что преобладание мусульман в земских собраниях может иметь «действительно вредное влияние» на решение некоторых вопросов. Губернатор предлагал ввести в земское Положение правило, ограничивающее число гласных из нехристиан в земских собраниях по примеру Городового положения (по ст. 35 Городового положения число гласных из нехристиан не должно превышать $У_3$ общего числа гласных). О необходимости ограничения мусульманских гласных губернатор просил и в конфиденциальном письме от 17 ноября 1888 г. Министерство внутренних дел отреагировало специальным разъяснением от 7 июня 1889 г., которым уфимскому губернатору предписывалось регулировать в земствах число гласных мусульман от сельских обществ [РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1926. Л. 8, 10]. Набыв по обстоятельствам [illegible] городцев» земская контрреформа 1890 г., резко сократившая число сельских избранников. По Уфимской губернии число крестьянских гласных уменьшилось вдвое (58 чел. по губернии). Слабо были представлены башкиры и татары в губернском собрании, которое формировалось путем выбора на уездных собраниях. Из 203 гласных, избранных в губернское собрание за период 1875-1909 гг., было всего 28 мусульман.

Несмотря на то, что в земствах состояли единицы дворян из башкир, многие из них играли видную роль в общественной жизни. От Уфимского уезда избирался М.И.Уметбаев — известный ученый, писатель и публицист, гласный Уфимского уездного (1875-1883) и губернского (1881-1884) собраний. Широкую известность получил его доклад на Уфимском уездном собрании в 1881 г., в котором он выступил с критикой русско-инородческих школ и обозначил перспективы образования мусульман. Гласным уездного (1881—1897) и губернского земств (1884—1887) был и С.И.Уметбаев. От Бирского уезда выбирался М.В.Кутлубаев, уездный и губернский гласный (1881—1915), член губернской земской управы (1898-1903). В Белебеевском и губернском земствах в 1881—1906 гг. видную роль играл Ш.Ш.Сыртланов. В 1888-1892 гг. он являлся председателем Белебеевской уездной управы, в 1879—1884, 1892—1897 гг. — членом губернской земской управы. По инициативе его и других мусульманских гласных губернское земское собрание поднимало вопросы об открытии учительской школы для мусульман, уравнении в правах учителей-мусульман, допущении мусульман в члены училищных советов. В Мензелинское уездное и губернское земские собрания в 1878-1886 гг. выбирался М.М. Султанов, назначенный в 1886 г. оренбургским муфтием. Благодаря его инициативе было введено преподавание вероучения в Уфимской мужской гимназии, приюте башкирских девочек, оплата занятий велась земством. Активность мусульманских гласных Мензелинского собрания способствовала складыванию в уездном земстве традиции финансовой поддержки мектебов.

В земские гласные от крестьян избирались, как правило, представители сельской администрации, зажиточных слоев. Башкирские волостные старшины, близкие к нуждам населения, как гласные собраний служили в качестве связующего звена с земством. Старшины Стерлитамакского уезда М.Т.Кутлуюлов, Л.Тятигачев, С.Токтамышев вели разъяснительную работу о пользе русско-башкирских школ, благодаря чему в дд. Азнаево, Макарово, Табулдино успешно работали училища. Активным выразителем интересов населения того же уезда являлся волостной старшина А.И.Кинзябаев.

В некоторых случаях земская должность могла использоваться с карьерной выгодой. Например, башкир д. Душембеково Тырнаклинской волости Златоустовского уезда А.Б.Басимов с открытия земства выбирался как единственный представитель волостного схода. По мнению выборных, он как человек «одного с ними языка и понятий, мягкий, опытный, да к тому же еще и грамотный

и постоянно живущий в городе, лучше других понимает их нужды, и, следовательно, никто другой не может быть так полезен, как он» *{РГИА.* Ф. 1287. Оп. 27. *Д.* 596. *Л.* 5 об.]. На протяжении шестнадцати лет (1882—1897) Басимов состоял председателем уездной управы. В этот период Златоустовская управа выставила на продажу земли башкир Белокатайской, Большекущинской, Мурзаларской, Дуван-Мечетлинской волостей за неуплату в течение полутора лет земских сборов, по той же причине в казну отошли за бесценок 13 600 десятин леса мурзаларских вотчинников. В 1897 г. выбор Басимова в земские гласные был опротестован губернским по земским делам присутствием. Причиной послужило то, что кандидат явился на съезд в мундире председателя уездной управы и осуществлял фактическое руководство выборами и составлением приговора.

Серьезным препятствием для участия башкирских и татарских гласных в работе земских собраний являлась проблема владения русским языком. Заявление о необходимости печатать доклады управы на двух языках сделал гласный А.Т.Кутлуюлов на Стерлитамакском собрании 1886 г., которое поддержало это предложение. Однако под давлением губернатора уездное собрание отступило от принятого решения печатать доклады управы для мусульманских гласных «на татарском диалекте» *[ЦИАРБ.* Ф. И-11. Оп. 1.*Д.* 1210].

Как свидетельствуют доклады, постановления и журналы земских собраний, общей тенденцией работы земских учреждений являлось то, что в них не рассматривались экономические нужды крестьянского населения, в особенности башкирского. Для населения существование земств чувствовалось по уплате налогов, формирующих бюджет местного самоуправления для выполнения «земских потребностей». В Уфимской губернии основной доход местному самоуправлению — около 80 % всей суммы — приносили земельные угодья *[Азаматова*, 2005. С. 45]. Самыми крупными вкладчиками в земскую казну, как писал уфимский губернатор И.И.Щербатский в 1876 г., являлись «башкиры по состоянию за ними огромного количества земель» *[ЦИАРБ.* Ф. И-11. Оп. 1. *Д.* 110. *Л.* 81]. Поданным межевого отдела Уфимской губернской земской управы, кконцу 1880г. из 10 810 832дес. земельной собственности в губернии 2 493 456 дес., или 23 %, земель состояли в вотчинном владении башкир и 1 908 068 дес., или 18 %, земель были неразмежеваны между башкирами-вотчинниками и припущенниками. Максимум вотчинных земель имелось в Стерлитамакском уезде (896 100 дес., или 47 % земельной собственности уезда), далее шли Белебеевский (502 300 дес., или 24 %), Златоустовский (388 283 дес., или 23 %), Бирский (355 964 дес., или 16 %), Уфимский (266 467 дес., или 13 %) и Мензелинский (84 342 дес., или 7 %) уезды *[Ремезов*, 1889а. С. 138].

Тяжесть земских сборов многократно усугублялась по причине несовершенства их начисления. Обложение налогом земли, находящейся во владении, а не в пользовании, не учитывало распределения земель внутри дач между вотчинниками, припущенниками и переселенцами. Отсутствие в башкирских дачах границ земельных участков приводило к тому, что ни администрация, ни земство не могли точно определить, сколько земли какому селению принадлежит. Это было причиной произвольной раскладки земских и казенных сборов, которые уравнительно распределялись между вотчинниками по числу душ последней ревизии и количеству земли. Экономическое положение отдельных селений, когда одни находились ближе к богатым угодьям, а другие из-за удаленности и чересполосицы испытывали хозяйственные трудности, в расчет не брались.

Противоречивым моментом земского обложения было и то, что земельные владения оценивались исходя из установленной земскими оценщиками доходности, что не всегда совпадало с реальной экономической ситуацией. При слабом развитии земледелия угодья не приносили такого урожая и прибыли, как указывалось в оценке, часто земли (не только башкирские), приписывались к более высокому разряду, чем было в действительности. Распространенной причиной неправильно начисленных сборов являлись документы купчих сделок. Башкирские земли продавались, как правило, без точного разделения границ, а на глаз, по урочищам. Это упрощало процедуру сделки при неразмежеванных владениях и недостатке средств у башкир для судебного межевания. В действительности покупателю отходило всегда больше земли, чем было указано в документе, поэтому налоги за часть земли продолжали платить башкирские общества. Происходили откровенно противозаконные сделки, в которых участвовали и земские гласные *[Ремезов*, 18896. С. 32—51].

Основным способом получения доходов у многоземельных башкир-вотчинников была продажа и сдача земель в аренду, с помощью этого уплачивались и повинности - земские, казенные, мирские. Сборы уплачивались также и за счет «лесного промысла», который заключался в усиленной вырубке и продаже дровяного и строевого леса. Главное внимание земских управ и собраний было сосредоточено на бесперебойном поступлении финансов, поэтому их взимание рассматривалось не с позиции экономического положения населения, а с точки зрения формирования земского бюджета. Закон предоставил органам местного самоуправ-

Уфимская губернская земская управа. Начало XX в. Фото

ления независимость при раскладке налогов, что делало население беззащитным от фискального гнета. Требования государственных чиновников — местных приставов, уездных исправников и податных инспекторов - о снижении сумм, сложении долгов из-за неправильно начисленных земских сборов не имели результата.

Жесткий пресс земских сборов испытывало башкирское население Красноуфимского, Пермского, Осинского уездов Пермской губернии. Башкиры Кочновского сельского общества Пермского уезда для уплаты более 5 тыс. руб. недоимок земского сбора распродали в 1897 г. скот и имущество. Башкиры дц. Сызги и Шокурово в 1890 г. за долги передали в распоряжение Красноуфимской земской управы свои земли сроком на 70 лет. К 1 января 1899 г. за 5 башкирскими волостями Красноуфимского уезда состояло недоимок уездного земского сбора, помимо губернского, 70 726 руб. *[Журналы...* 1899. С. 725-727].

Впервые проблему экономического благосостояния башкирского населения поднял гласный Г.Х.Дашкин в докладе Стерлитамакскому собранию в 1880 г. Он указал, что причиной обеднения края, неудовлетворительного развития земледелия и обнищания населения была неразмежеванность земель. За 30-летний период из 17 дач уезда была разделена только одна. Гласный привел примеры башкир, арендующих для посева и сенокоса земли у скупщиков-кулаков и вотчинников, пополняющих ряды пролетариев *[Вестник...* 1881. С. 78]. В 1884 г. проблема накопления недоимок рассматривалась уездными и губернским собраниями, последнее вынесло постановления о скорейшем размежевании земель и изменении порядка взыскания сборов. Исследование платежей и недоимок населения Уфимской губернии было проведено в начале XX в. земским статистиком М.П.Красильниковым. Касаясь положения вотчинников, он отмечал, что по задолженности они не уступали помещичьим крестьянам, выкупающим наделы, а по сравнению с остальными собственниками земли имели недоимок от 4 до 19 раз больше *[Красильников*, 1902. С. 60]. В Пермской губернии статистик Красноуфимского уездного земства Н.Л.Скалозубов по поручению губернской земской управы в 1893 г. исследовал экономическое положение башкир своего уезда. Автор показал главные причины задолженности жителей: несоответствие платежей доходности земли, несовпадение площади облагаемых земель с действительным размером владений и уравнительное распределение сборов между зажиточными и бедными членами обществ — $^2/_3$ всех платежей собиралось с беднейших хозяев. «Косвенную» причину бедности автор видел в отсутствии со стороны правительства и земства всякой заботы о подъеме хозяйства башкир *[Скалозубов*, 1893]. Попытки анализа экономического положения населения шли вразрез со стремлением земства иметь стабильный доход и растущий бюджет, поэтому сложившаяся политика обложения не менялась. Хозяйства башкир остро нуждались в земледельческих орудиях,

улучшенных семенах, помощи ветеринаров и агрономов, но сельскохозяйственные склады, опытные станции, ветеринарные пункты и другие объекты местного хозяйства земство открывало в крупных культурно-экономических центрах.

Политика периода кантонной системы управления, предусматривающая распространение среди башкир образования, медицинской и продовольственной помощи, не нашла преемственности у органов местного самоуправления. Сформированные за счет сборов с населения башкирские капиталы были переданы земству, но не использовались по назначению. Продовольственный капитал кочевых башкир и тептярей, в 1888 г. достигший 1 416 194 руб., использовался Уфимской губернской земской управой в интересах земского бюджета, несмотря на бедствие населения в голодные годы. Врачебный капитал, выделявшийся ежегодно «на содержание башкирских больниц» в 1876—1888 гг., зачислялся в счет земских сборов с башкир. Подготовка на эти суммы фельдшеров при Оренбургской фельдшерской школе (в 1878 г. ее окончили 7 башкирских мальчиков из Уфимской губернии, которые поступили на службу в Бирское, Белебеевское, Стерлитамакское и Уфимское уездное земства) была прекращена решением уездных земских собраний, которые затруднились найти суммы для обратного проезда выпускников.

Ближе к пониманию нужд населения были земские служащие, работники разных отраслей — врачи, статистики, учителя. По данным санитарного бюро Уфимского земства, мусульманское население губернии гораздо реже обращалось за врачебной помощью, прежде всего по причине ее отсутствия. Доктор В.А.Арнольдов, служивший земским врачом в 1888—1891 гг., так описывал положение народа: «Сложившееся экономическое положение башкира в лесной местности хотя бы при усиленном труде стало в высокой степени грустным и тяжелым; и надеюсь, оно дает мне право выразить, по крайней мере, искреннее пожелание, чтобы на него было обращено внимание лиц, вникающих в судьбы и быт наших народностей» *[Арнольдов*, 1894. С. 227—244]. Врач Стерлитамакского уезда В.Забалуев, опираясь на цифры губернского статистического комитета, приводил данные о снижении прироста населения среди башкир Бушман-Кипчакской, Араслановской, Зиргановской волостей за период 1865—1890 гг. Образцом служения народу была деятельность А. И. Веретенниковой. На службе земского врача в Белебеевском уезде в 1882-1884 гг. ей удалось организовать широкую врачебную помощь населению *[Веретенникова*, 1981]. За короткое время она научилась башкирскому языку, благодаря самоотверженному труду и высоконравственному поведению завоевала уважение местных жителей, популярность в уезде и губернии.

В конце 90-х гг. земские врачи обратили внимание на рост заболеваемости туберкулезом среди башкир, что было связано с кумысным промыслом. Ежегодно в деревни Белебеевского и Уфимского уездов, расположенных вдоль железной дороги, стекалось огромное количество кумысников со всех уголков России. В Уфимском уезде популярными кумысными деревнями были дд. Ябалаклы, Караякупово, Чишмы, Чукраклы, Кучумово, Нижне-Усманово, Средне-Хозятово, в Белебеевском — Давлеканово, Алыпеево, Кидаш, Чуракаево, Чураево. В целях борьбы с распространением туберкулеза земство выработало обязательные санитарные правила для кумысных лечебниц, проводило их ежегодные санитарные обследования, ввело ветеринарный надзор за кобылицами. Этнографическим исследованием традиционного приготовления башкирского напитка можно назвать труд И. М. Кутлубаева *[Кутлубаев*, 1902]. Студент медицинского факультета Казанского университета, сын земского гласного, он был командирован губернским земством для приведения в известность и описания кумысных заведений Уфимского уезда.

Отдельным направлением земской деятельности было образование башкирского населения. На земства возлагались открытие и содержание русско-инородческих училищ по «Правилам 26 марта 1870 г.», однако миссионерская направленность правительственных школ препятствовала их распространению среди мусульман. Сотрудничество земства с лояльными муллами, оплата из земского бюджета уроков мусульманского вероучения, снабжение школ учебниками, в том числе по вероучению, привлечение учителей из башкир и татар приблизило русско-башкирские училища к духовным потребностям населения. В начале XX в. в Уфимской губернии существовало 80 русско-башкирских и русско-татарских школ *[ЦИАРБ.* Ф. И-113. Оп. 1. *Д*. 564. *Л*. 46—72]. В некоторых уездных земствах оформились собственные подходы к просвещению мусульман. В Белебеевском уезде активность «мусульманской партии» в земских собраниях способствовала тому, что количество русско-мусульманских училищ увеличивалось быстрее, чем в остальных уездах губернии. Мензелинское земство отличалось тем, что оказывало финансовую поддержку мектебам и медресе. В удаленном от губернского центра Златоустовском земстве средством популяризации школ стала система земских стипендий. Но в других сферах земство по-прежнему находилось далеко от жизненных проблем населения.

Земское самоуправление имело противоречивое влияние на жизнь башкирского народа. Ограниченное представительство в земских собраниях и управах препятствовало интеграции коренного населения в российское общество, решению его экономических и духовных проблем, а земские сборы вели к обеднению отдельных дворов и обезземеливанию сельских обществ.

МИШАРИ, ТЕПТЯРИ, ТАТАРЫ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С БАШКИРАМИ

Одним из ведущих в этнической карте Башкортостана второй половины XIX - начала XX в. являлся тюркский элемент, представленный, помимо башкир, татарами, чувашами, мишарями и частично тептярями. Этносоциальная история мишарей и тептярей, начавшаяся в крае уже в XVII в., чрезвычайно сложна. До сих пор в литературе нет общепринятых позиций по их формированию, этногенезу, развитию, численности *[Ахмаров*, 1903, 1907; *Васильев*, 1950; *Кузеев*, 1968а, 1974, 1992; *Кузеев*, *УсмановА.Н.*, *УсмановХ.Ф.*, 1966; *Мухамедова*, 1972; *Рахматуллин*, 1988; *Асфандияров*, 1989. С. 33-34; 1994; 2001; 2005; 2006; *Исхаков*, 1979; 1980; 1993; *Рахимов*, 1993, 2008; *История...* 1996. С. 202—203; *Янгузин*, 1996; *Якупов*, 1998; 2001]. Бесспорно только одно, что в XIX в., особенно в пореформенный период, произошли серьезнейшие изменения в направлении и темпах развития указанных этносоциальных групп местного населения, их места и роли в экономике и культуре края, взаимоотношениях с имперской властью и башкирами как обладателями вотчинных прав на обширные земли и т. д. Кардинальные перемены в социально-экономической, политической и культурной сфере, а также прекращение патерналистской опеки со стороны государства усилили также интеграционные процессы в местном тюркоязычном населении, которые серьезно повлияли на его этнический облик.

Одним из характерных явлений в период пика могущества Российской империи и осуществления в стране буржуазных реформ стали заметная нивелировка юридического статуса тюркских народов края и выравнивание ритмов их хозяйственного развития и этнической консолидации. В то же время, несмотря на сохранение известных различий в экономической, социальной и культурной жизни, башкиры, татары, мишари и тептяри-тюрки по многим вопросам выступали как единый «мусульманский народ», особенно в вопросах религии и просвещения. Это затрудняло процесс их самоидентификации, поиска своего места в регионе и стране.

По темпам экономического развития и этнической консолидации среди тюркских народов края ведущую позицию занимали дисперсно размещенные татары. Ведение достаточно развитого сельского хозяйства, активное занятие ремеслами и торговлей, в том числе постоянное проживание в городах, а также отходничество, сравнительно высокий уровень грамотности и образования свидетельствовали, что в XIX в. этот народ находился на подъеме и в одной из последних фаз по пути превращения в современную нацию.

В дореформенный период по закону большинство татарского населения края относилось к государственным крестьянам, некоторые его слои издавна были записаны в сословие «ясачных», «торговых» и «служилых татар», мурз, мещан и купцов *[История...* 1996. С. 200-201]. После вступления страны и региона на путь рыночных отношений официальная сословная структура татар практически не изменилась (юридически подавляющее большинство их относилось к «лицам сельского состояния»), хотя социальная дифференциация среди них стала намного заметней: в деревнях появились зажиточные крестьяне (кулаки), а в городах - пролетарские и предпринимательские слои, формально числившиеся как крестьяне-общинники, мещане, почетные граждане, купцы. Сложилась довольно значительная группа татарской духовной и светской интеллигенции (учителя, муллы, писатели и т.д.), которые в пореформенный период возглавили обновленческое движение (джадидизм) всех местных мусульманских народов края. Татары Урало-Поволжья были из числа народов, наиболее интегрированных в российское общество и государственную жизнь империи *[Татары...* 1967].

Происшедшие в пореформенный период в жизни татар Башкортостана крупные социально-экономические перемены нашли отражение и в демографических данных. Если в конце XVIII в. в Оренбургском крае проживало до 80 тыс. татар, то к 1850 г. их стало свыше 118,4 тыс., а к 1880 г. - около 200 тыс. человек *[Черемшанский*, 1859. С. 118; *Кузеев*, 1978. С. 237,238; *История...* 1996. С. 341]. По переписи населения 1897 г., татар в Уфимской и Оренбургской губерниях насчитывалось, по меньшей мере, 277,7 тыс. человек (соответственно 184,8 тыс. человек, или 16,1 % всего населения, и 92,9 тыс. человек, или 5,8 %) *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 3; Т. 28. С. 3]. Татар-горожан было 33 794 человека. По показателю урбанизации (12,2'%) татары значительно опережали другие тюркские народы края (горожанами были 1,1 % тептярей, 0,9 мишарей и 0,8 башкир) *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 3; Т. 28. С. 3]. Высоким был и показатель грамотности среди татар:

19,1 % в Уфимской и 27,7 % в Оренбургской губерниях *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 61; Т. 28. С. 75; *Фархшатов*, 1994. С. 69]. Рост татарского населения продолжился и в начале XX в. В 1912-1913 гг. в Уфимской губ. его численность составила 210,3 тыс. человек *[Кузеев*, 1978. С. 239; *История...* 2007а. С. 14; *Якупов*, 2010. С. 226; 2002. С. 129].

Мишари и тептяри Башкортостана представляют уникальное явление в российской истории. Этих этноса и тюрков в сословии в таком количестве и с таким развитым национальным самосознанием в других регионах страны попросту никогда не было. Они долгое время находились на стадии генезиса. В пореформенный период продолжилась их этническая консолидация, но на ее пути возникли серьезные трудности, прежде всего юридического характера.

Особенно изменился правовой статус мишарей (по официальной терминологии, мещеряки), потомков служилых татар. В 1855—1865 гг. в ходе преобразований и ликвидации Башкирского войска их наряду с башкирами уравняли в правах с прочими «свободными сельскими обывателями» *[Полное...* II. Т. 38. № 39622; Т. 40. № 42282]. Таким образом, мишари стали обычным податным сословием, после чего исчез один из главных маркеров этнической самоидентификации этой сословной группы. Началось постепенное размывание этнического самосознания и самоидентификации мишарей, они стали причислять себя к башкирам или татарам. Еще в начале 1880-х гг. отдельные местные статистики и краеведы даже утверждали: «Мещеряки, хотя и составляют историко-генетическую особь, но их экономический быт, как старинных уже вотчинников среди башкирских дач, и совершенно отождествленный с башкирами культ дают полное право этнически считать их за одно с башкирами <...> Слитие мещеряков с башкирами в один этнографический элемент, или, пожалуй, даже племя <...> есть этнографически состоявшийся факт, против которого бессильны какие бы то ни были административные или фискальные мотивы разъединения» *[Гурвич*, 1880. С. 7- 8].

Этот процесс затянулся на десятилетия, поскольку сохранились другие доминирующие признаки этноса: территория, этноним, язык, материальная и духовная культура, в том числе собственная идентичность. Мишари как самостоятельный народ окончательно исчезли уже в советское время, когда в ходе переписи 1939 г. они были записаны как башкиры или татары. То есть основным фактором «исчезновения» мишарей выступила политика, которая, кстати, и возродила в некоторой степени мишарское самосознание в постсоветском Башкортостане, Татарстане и некоторых областях Поволжья.

Способы хозяйствования, духовная и материальная культура мишарей Башкортостана традиционно имели много общего с башкирским и татарским народами. Тем не менее долгое время некоторые особенности языка и менталитета, а главное, юридический статус (военно-служилое сословие) являлись достаточной базой для самоидентификации мишарей как отдельного народа, углубления их различий от других тюркских народов. Мишарский народ давно и тесно был включен в хозяйственную и культурную жизнь страны. Достаточно высокий удельный вес мишарей, владеющих русской грамотой (в конце XIX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях 1,08 %), свидетельствовал как раз об этом. Для сравнения: в конце XIX в. в этих губерниях русский алфавит знали 4,09 % татар, 0,87 — тептярей и 0,86 - башкир [*Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 61; Т. 28. С. 75].

Демографическая характеристика мишарей в конце XVIII - начале XX в. отражала все изменения в жизни этого народа. В 1794 г. его численность в Оренбургской губернии составила 46,3 тыс. человек, в 1834 г. — 73,6 тыс., в 1850 г. - 97,7 тыс. человек [*Черемшанский*, 1859. С. 118; *Кузеев*, 1978. С. 237; *Асфандияров*, 2006. С. 255; *Фатыхова*, *Якупов*, 2008. С. 235]. Местные статистики считали, что в 1871 г. в Уфимской губернии проживает 97,2 тыс., а 1879 г. 138,9 тыс. мишарей *[Гурвич*, 1880. С. 10,15]. Однако по переписи 1897 г., в Уфимской и Оренбургской губерниях мишарей насчитывалось соответственно только 20 957 и 4898 человек *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 3; Т. 28. С. 57], так как часть из них из-за нечеткой разработанности методики, народоисчисления была учтена как башкиры *[Кузеев Р.Г.*, *УсмановА.Н.*, *УсмановХ.Ф.*, 1966. С. 77-78; *Кузеев*, 1978. С. 236-247; *Брук*, *Кабузан*, 1980. С. 32; *Томашевская*, 2002. С. 125—126]. Более точные данные зафиксировали в Уфимской губернии спустя полтора десятилетия земские статистики (1912-1913) - 150 975 человек. *[История...* 2006. С. 31]. Устойчивость численного состава мишарского «сословия» продемонстрировали и сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г., проведенная Временным правительством (в Уфимской губернии без Мензелинского уезда было около 190 тыс. человек) *[История...* 2006. С. 32—34], а также первые советские переписи (в Башкирской АССР в 1920 г. 166,2 тыс. ив 1926 г. 136,0 тыс. чел.) *[Кузеев*, 1978, С. 239; *Асфандияров*, 2006. С. 255; *Фатыхова*, *Якупов*, 2008. С. 235; *Давлетшина*, 2001. С. 61—62].

Процессы формирования, этногенеза и развития тептярей, пожалуй, были наиболее сложными среди всех тюркских народов края. Это сословие (или как считает ряд авторов — «этносословная этнографическая группа», «этносословная общ-

ность», «социально-национальная группа», «социальный институт», «полиэтническое сообщество», «социум») [*Кузеев*, 1992. С. 266—267; 2002. С. 30; *Асфандияров*, 2001. С. 20; *Якупов*, 2002. С. 80] включало в себя представителей разных народов, «припущенных» на башкирские вотчинные земли: самих башкир, лишенных или потерявших это вотчинное право, татар, чувашей, а также представителей финно-угорских и других народов. В конце XVIII в., по данным У. Х. Рахматуллина, этнический состав тептярей включал около 40 % татар, 38 — марийцев, 18 - удмуртов, 4 - башкир и мордвы [*Рахматуллин*, 1988. С. 177; *Кабузан*, 1990. С. 101; *Якупов*, 2010а]. Р.Г.Кузеев считал, что в первой трети XIX в. финно-угорские народы составляли среди тептярей не менее 20-25 % их общего числа *[Кузеев*, 1992. С. 268]. В 1855 г. 133 802 тептяря м. п. делились на: 93 985 человек - тептярей без указания этнической принадлежности (70,2%), 23 152 - марийцев (17,3 %), 10 226 — татар (7,7 %) и 6 499 — удмуртов (4,8 %) *[Асфандияров*, 2001. С. 19].

Главным скрепом в их этносоциальном конструкте была сословная принадлежность, которая со временем стала базой для формирования и этнического самосознания. По мнению современного исследователя М.Н. Фархшатова, тептяри были, говоря современным языком, одним из первых и наиболее ярких управляемых проектов конструирования этничности российскими политиками, естественно, на основе определенных объективных данных: характера социально-экономического и политического развития башкирского и всего российского общества, а также языка, религии, традиций, исторической памяти, способов хозяйствования, образа жизни этой категории населения и т. д. Некоторые однако отрицают данное положение. Так, еще в 1880 г. известный уфимский краевед Н.А.Гурвич писал: «Они (тептяри. - *М.Ф.)* ни исторически, ни этнографически, ни, еще менее, генетически никогда не изолировались в отдельное племя, на что решительно нет никаких оснований <...> Как бы тептярей не обособляли юридические, административные и финансовые мотивы, они все-таки генетически никак не могут сплачиваться в отдельное племя, а, напротив того, распадаются на те разноплеменные элементы, из которых составилось это бывшее сословие» *[Гурвич*, 1880. С. 8—9]. Большинство современных историков также считают, что тептяри не сложились в отдельный этнос (А.З.Асфандияров, Р.Н.Рахимов).

Однако в пореформенный период те же российские власти сделали многое для уничтожения самостоятельного статуса сословия тептярей и их инкорпорации в состав других сословий и народов, что в конечном итоге привело к деэтнизации тептярского народа. Хотя в течение всего XIX в. его численность устойчиво росла. По данным 1800 г., в Оренбургской губернии количество тептярей (вместе с бобылями) равнялось 50 тыс. душ м. п. *[Рахматуллин*, 1988. С. 142; *Кузеев*, 1978. С. 237; *Исхаков*, 1979. С. 34; *Асфандияров*, 2006. С. 262]. В 1850 г. там проживало уже 246 753, а на всей территории Башкиро-мещерякского войска — 260 975 человек «тептярского населения» *[Черемшанский*, 1859. С. 118; *Западные...* 2001. С. И]. Если по переписи 1897 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях тептярей насчитывалось соответственно 39 955 и 16 877 человек (часть из них была зафиксирована в составе башкир) *[Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х.Ф.*, 1966. С. 77-78; *Кузеев*, 1978. С. 236-247; *Брук*, *Кабузан*, 1980. С. 32; *Томашевская*, 2002. С. 125-126], то к 1913 г. их число только в Уфимской губернии возросло до 262,7 тыс. чел. *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 40-41; Т. 28. С. 56-57; *История...* 2006. С. 30, 31, 35; *История...* 2007а. С. 14, 15]. Однако перепись 1926 г. зафиксировала в Башкирской АССР всего лишь 23 290 тептярей, в то время как в период предыдущего учета населения в 1920 г. их было 146,6 тыс. человек *[Кузеев*, 1978. С. 239; *Давлетшина*, 2001. С. 54, 61—62; *Якупов*, 2010а]. Последующие советские переписи перестали учитывать тептярей отдельно от башкир и татар.

Хозяйственная и культурная жизнь тептярей Башкортостана проходила в тесном взаимодействии с другими народами региона, поэтому этнический облик этого народа носил синкретический характер, но в нем, несомненно, преобладали тюркские элементы, особенно в сфере языка, традиций, мировоззрения. Тептяри как продукт российского законотворчества и российских реалий с самого начала появления прочно были интегрированы в имперское пространство. В 1855 г. их присоединили к Башкиро-мещерякскому войску, после его упразднения они были переведены снова в гражданское ведомство. С этого времени тептяри юридически как самостоятельное сословие исчезли, став наравне с другим крестьянским населением края «сельскими обывателями». Поэтому в пореформенный период местные статистики стали отказываться отдельно учитывать тептярей как в прежнее время «искусственно сложившуюся сословную и административную особь», как «отжившую свой век этнографическую аномалию» *[Гурвич*, 1880. С. 8-9; *История...* 2006. С. 28].

Таким образом, в XIX столетии в Башкортостане существовал целый и цельный тюркский мир, представленный, кроме самих башкир, татарами, чувашами, мишарями и тюрками-тептярями. Они тесно взаимодействовали между собой с финно-уграми (марийцами, мордвой, удмуртами) и славянами (главным образом русскими). В это время

тюркские этносы Урало-Поволжья поднялись на новый этап своей истории, они из сословий и народностей превращались в нации с соответствующими атрибутами. Характерной особенностью края в XIX в. была особая сложность межэтнических отношений среди местных тюрко-мусульманских народов, обусловленная сословной структурой, наследием прошлых эпох и стиранием сословных перегородок в пореформенный период. Наблюдалась также острая конкуренция башкирского и татарского этносов за промежуточно-пограничные, смешанные группы мишарей и тептярей, в которой после проведения к началу XX в. размежевания земель верх стал брать второй из них, прежде всего в северо-западной части Башкортостана *[Кузеев*, 1978. С. 243-247; *История...* 2006. С. *Ш-Ы*, *Асфандияров*, 2001. С. 24-37; и др.].

Если в первой половине XIX в. имперские власти еще терпимо и даже поощрительно относились к этносоциальной кристаллизации отдельных тюркских народов края, то в период буржуазных реформ они взяли курс на унификацию их правового положения, объединение башкир с другими категориями населения в административном и финансово-хозяйственном отношениях, на создание мононационального государства. Это стало одним из главных причин постепенного угасания темпов и изменения направления этнического развития мишарей и тептярей-тюрков: они вынуждены были подпасть под покровительство башкирского («записаться в башкиры») или татарского народов. Статистические данные более чем убедительно подтверждают этот тезис. Так, к началу 1870-х гг. все мусульманское население Уфимской губернии составляло около 708,2 тыс. человек, из которых башкир было 40,6 % (287 800 чел.), тептярей - 33,0 (233 тыс.), мишарей— 13,7 (97 200) и татар — 12,7 (89 700 чел.) *[Гурвич*, 1880. С. 7—10; *История...* 2006. С. 29]. Первая же Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала среди местных тюрков следующую демографическую ситуацию: башкир — 899 910 чел. (78,4 %), татар - 184 817 (16,1), тептярей - 39 955 (3,5) и мишарей — 20 957 чел. (1,8) *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 3; *История...* 2006. С. 29; *Кузеев*, 1978. С. 239]. В 1912-1913 гг. земская статистика выявила несколько иную картину, но уже со слов глав семей. Тогда в Уфимской губернии численность тюркских народов составляла: башкир 846 413 чел. (57,5 %), татар 210 333 (14,3), тептярей 262 690 (17,9) и мишарей 150 975 чел. (10,3 %) *[Крестьянское...* 1914; *История...* 2006. С. 31].

Поэтому на протяжении XIX и в начале XX в. наблюдалась поразительная неустойчивость самоназваний тептярей и мишарей (а также частично башкир и татар); нередко жители одного и того же селения именовали себя по-разному. М.И.Родонов, иллюстрируя «плывучесть» этнонимов тюркских народов края, приводит такой интересный пример. В 1866 г. жители д. Большое Казакларово (современный Дюртюлинский р-н РБ), основанной в 1713 г. служилыми татарами, записались как «из мещеряков башкиры», в 1870 г. — «мещеряки», в 1890 г. — «башкиры», в 1897 г. - «башкиры (мещеряки) — припущенники» *[История...* 2007. С. 15. См. также: С. 16—17; *История...* 2006. С. 27—28; *Родное*, 2009. С. 22-31]. Таких случаев была масса. Например, д. Карагуш (Стерлибашевский р-н РБ) в различных источниках была определена: в 1795 г. как «башкирско-тептярская», 1834 г. — «мещерякско-тептярская», 1859 г. — «мещерякско-тептярско-татарская», 1870 г. — «татаро-мещерякско-тептярская», 1920 г. — «башкирская» и т. д. *[Населенные...* 2002. С. 378; *Асфандияров*, 2006. С. 442]. Из-за сложности «племенной структуры» населения края в 1890-е гг. местные статистики стали даже объединять все мусульманское население в одну графу «башкиры, татары, мещеряки» *[История...* 2006. С. 29-30]. К. Уйфальви указывал, что уже в конце 1870-х гг. Оренбургский статистический комитет при исчислении численности башкир не делает «никакой разницы между башкирами, мещеряками и тептярями» *[Уйфальви*, 1877. С. 119].

Татары Башкортостана благодаря многочисленности, наличию значительных материальных и интеллектуальных ресурсов сумели сохранить этническое единство как самостоятельная этнографическая группа татарского народа, более или менее интегрироваться в экономические и политические имперские структуры.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА БАШКИР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Эпоха Великих реформ затронула все институты Российского государства, в том числе и армию. В ходе военной реформы, проводимой А.Ф.Редигером и Д.А. Милютиным, территория страны была поделена на военные округа. 1 января 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, по которой воинская служба объявлялась общеобязательной, всесословной и личной. «Устав о воинской повинности 1874 г.» просуществовал с незначительными изменениями до Первой мировой войны. Для реализации его основных положений в губерниях были созданы управления губернских, а в уездных городах — уездных воинских начальников. Кроме того, были созданы управления начальников местных бригад.

Согласно Уставу 1874 г. от воинской службы были освобождены нерусские народы Астраханской губернии, Казахстана, Туркестана, Дальнего

Востока, Сибири, Севера, Кавказа и Закавказья, с 1901 г. — Финляндии. Данное положение подтверждает, что башкиры, как и другие нерусские народы Поволжья и Приуралья, рассматривались наряду со славянскими как вполне интегрировавшиеся в институты Российской империи — правовые, образовательные, культурные, что позволяло им нести воинскую службу на общих основаниях. По Уставу воинская служба сокращалась для лиц, имевших высшее образование, от службы освобождались священники. Существовали и некоторые другие льготы. Ежегодному призыву подлежали все молодые люди, которым к 1 января текущего года исполнилось 20 лет. Все они проходили процедуру жеребьевки, поскольку потребности армии и флота были меньше, чем количество призывников. Вытянувшие жребий зачислялись на действительную службу сроком на 6 лет, затем они находились в запасе 9 лет. Постепенно срок службы сокращался. К 1912 г. он составлял: в пехоте и артиллерии — 3 года, в запасе - 15 лет; кавалерии и конной артиллерии - 4 года, в запасе — 13 лет; на флоте — 5 лет, в запасе — также 5 лет. Все запасные предназначались для укомплектования в случае мобилизации частей армии и флота. В мирное время их могли призывать на учебные сборы. По окончании срока нахождения в запасе они причислялись в государственное ополчение, в котором состояли до 43-летнего возраста. Все остальное мужское население страны от 20 до 40 лет, способное носить оружие, но не числившееся в постоянных войсках, образовывало государственное ополчение. Оно было также разделено на два разряда: в первый входили ополченцы в возрасте от 20 до 23 лет, он был предназначен для формирования ополченских частей и укомплектования армии; во второй — старшего возраста, этот разряд предназначался исключительно для укомплектования ополченских частей в тылу. Вся территория страны разделялась на участки комплектования двух категорий — с русским и с нерусским населением. В каждом полку 75 % некомплекта пополнялось из участков с русским населением *[Ульянов*, 1998. С. 10].

Составной частью военных реформ была реформа системы военного обучения. Прежние кадетские корпуса были разделены на военные гимназии и военные училища. С 1825 г. в Оренбурге готовило офицерские кадры для армии, казачества и Башкирского войска Неплюевское военное училище, в 1845 г. переименованное в Неплюевский кадетский корпус. В конце XIX - начале XX в. в крае существовало несколько военных учебных заведений, все они находились в Оренбурге. Это Оренбургское юнкерское училище, Оренбургская Неплюевская военная гимназия и Оренбургская военная прогимназия.

В военную гимназию зачислялись сыновья потомственных дворян, офицеров и чиновников военного ведомства в возрасте от 10 до 17 лет. Часть воспитанников была определена на «казенные вакансии», часть числилась «своекоштными», т. е. обучавшимися за свой счет. В Оренбургской и Сибирской (в Омске) гимназиях допускались также и «приходящие» воспитанники, после окончания занятий уходившие домой. Курс обучения был рассчитан на 6, позже - на 7 лет. Выпускники гимназий получали общее образование и могли поступать в военные училища. Учитывая местные особенности, в Оренбургской и Сибирской гимназиях вместо немецкого языка изучался татарский. В военные прогимназии, созданные с 1869 г., принимались мальчики в возрасте от 12 лет. В основном это были сыновья офицеров и военных чиновников, но в них могли поступать и представители других сословий. Обучение в них было схожим с гимназическим. Они направляли своих выпускников в юнкерские училища.

В 1882 г. все военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса. Доступ в них был закрыт для детей разночинцев. В них могли обучаться только дети потомственных дворян и офицеров, имевших личное дворянство. Военные прогимназии были также переименованы в кадетские корпуса, некоторые из них ликвидированы. Срок обучения в корпусах по учебному плану 1897 г. оставался 7-летним. К началу XX в. в Оренбурге находились Оренбургский Неплюевский и 2-й Оренбургский кадетские корпуса. Последний был создан специально для детей офицеров, служивших в Туркестане. Кроме этих учебных заведений, существовало Оренбургское юнкерское училище, созданное в 1867 г. для Оренбургского казачьего войска. В нем обучались будущие офицеры-казаки в рамках двухгодичной программы, с 1903 г. ставшей трехлетней. В конце XIX — начале XX в. в Казани находилось пехотное юнкерское училище. Уровень образования в этих учебных заведениях был низким, что являлось препятствием для занятия ими более высоких должностей, чем командир взвода. В 1910 г. все юнкерские училища были преобразованы в военные. В 1894 г. в двух кадетских корпусах насчитывалось 625 кадетов, в том числе 604 русских и 21 из башкир, татар, казахов *[Очерки...* 1959. С. 265]. В юнкерском училище все юнкера были русские.

Военная служба Оренбургского и Уральского казачьих войск определялась особыми «Положениями». Все мужское население казачества разделялось на три разряда: приготовительный, строевой, запасный. В приготовительном разряде казаки состояли три года, начиная с 18 лет. Они обучались в это время военномуделуусебявстанице. С21 года

Портрет императора Александра III.
Н. Г. Шильдер. Холст, масло.

казаки переходили в строевой разряд и служили в полку четыре года, имея собственную лошадь, седло, обмундирование, шашку и пику установленного образца. После службы в полку они увольнялись на льготу и зачислялись в льготные полки 2-й очереди, в которых находились также четыре года. Нахождение в полках 2-й очереди означало ежегодное прохождение лагерных сборов. В возрасте 30 лет казаки зачислялись в полки 3-й очереди также на четыре года. В этом разряде они проходили сборы один раз. В 34 года казак зачислялся в запас на пять лет. Затем он переводился в войсковое ополчение. Так была организована 20-летняя служба казака. Башкиры, вошедшие в казачье сословие, проходили службу наравне со всеми. В Оренбургском казачьем войске, согласно однодневной переписи 31 декабря 1889 г., насчитывалось 3 955 казаков-башкир об. п. (1 %) [*Стариков*, 1891. С. 155]. Это были в основном башкиры Новолинейного района, вошедшие в войско в 40—50-е гг., причем пик прироста башкир пришелся на 70-е гг., когда их насчитывалось более 5 тыс. человек *[Коршунов*, 20096. С. 106-114]. В Уральском казачьем войске после упразднения Башкирского отделения по указу от 3 мая 1865 г. башкир осталось намного меньше. Менее ста человек башкир (неказачьего звания) проживали в Илеке, но были и уральцы-башкиры, несшие службу, например сотник Ахмет Фазыл Акиров *[Коршунов*, 2009а. С. 63—64].

Одновременно с началом реформ юго-восточная граница, бывшая Оренбургская пограничная линия, выдвинулась далеко на юг, к р. Сырдарье. Пограничную линию на ней содержали регулярные войска и казаки. Военная необходимость существования Башкирского войска, таким образом, отпала. По инициативе Оренбургского генерал-губернатора А.П.Безака начался процесс его упразднения. 14 мая 1863 г. было утверждено «Положение о Башкирском войске», переводившее башкир из военно-служилого в гражданское сословие *[Полное...* II. Т. 38. № 39622]. 2 июля 1865 г. войско было передано во введение Министерства внутренних дел *[Там же.* Т. 40. № 42282].

Основной причиной ликвидации войска было отсутствие необходимости их военной службы в условиях обновления структуры российской армии. Сказывались отсутствие подготовленных кадров, вооружение и тактика прошлого времени. Местные особенности, кантонная система довершали его обособленность. На это указывал А.Л.Данзас, в 60-е гг. командующий Сырдарьинской линией: «Без всякой надобности башкиры обращены в военное сословие, подчинены военному суду и центральной опеке в лице командующего войском <...> Проекты и регламентации, возникавшие вследствие несостоятельности основных мер, сменялись другими регламентациями, вызываемыми частными, одиночными случаями и тем усиливали запутанность и беспорядок. Башкир старались поставить в отчужденное от всех сословий положение, размножили непомерно туземное чиновничество, гнетущее народ, расплодили до крайних пределов как бесполезнейшую переписку, так и взяточничество. Неуместная централизация и введенные в1855ив1856 годах новые разделения на кантоны и юрты довершили неустройство, разорили и развратили народ окончательно» *[РГВИА.* Ф. 67. Оп. 1. *Д.* 127. *Л.* 3 об. - 4]. То же самое утверждал Безак: «Явилась целая каста башкирских чиновников, не имеющих общих с народом интересов, коих масса лежит тяжким гнетом на народе <...> Связи родства, дружбы и своекорыстные виды местных начальников, поставленных для суда и расправы, заменили справедливость и беспристрастие в делах сего рода» *[Там же.* Ф. 1284. Оп. 232. *Д.* 135. *Л.* 54, 55].

В целом башкиры с удовлетворением приняли введение всеобщей воинской повинности. Это отметил В.М.Флоринский: «Дух верноподданичества у них развит ничуть не менее чем у коренных русских жителей. Оттого на все государственные повинности, в том числе и на военную, они смотрят, как на дело законное и неизбежное. Я заметил даже, что башкиры гордятся своими военными заслугами, с удовольствием вспоминая те или

иные эпизоды из жизни существовавших прежде башкиро-мещерякских полков» *[Флоринский*, 1874. С. 741]. Его оптимизм поддерживал А.Ф.Риттих, изучавший призывной состав русской армии. Он считал, что башкиры «по характеру услужливы <...> отчаянные всадники <...> пригодны для комплектования легкой кавалерии (гусар)» *[Риттих*, 1875. С. 237, 238].

При подготовке Устава о воинской повинности встал вопрос о порядке военной службы башкир. Здесь особое мнение вдруг возникло у преемника Безака, Н.А.Крыжановского. Он считал, что башкиры должны нести службу на особых условиях. В свою очередь, военное ведомство предполагало службу башкир на общих основаниях. Для изучения данного вопроса в 1873 г. была создана особая комиссия под председательством генерал-майора М.П.Тихменева. Она пришла к мнению о возможности привлечения всех башкир к воинской повинности на общих основаниях. Однако по настоянию оренбургского генерал-губернатора для башкир Челябинского, Верхнеуральского и Оренбургского уездов было сделано исключение.

О настоящих причинах создания Башкирского полка сообщает П.П.Жакмон, живший в это время в Оренбурге и бывший очевидцем событий, связанных с деятельностью Крыжановского *[Жакмон*, 1907. С. 855-874]. Последний, желая дать ход по службе своим сыновьям, Андрею и Михаилу, служившим обер-офицерами в лейб-гвардии Конном полку, сформировал для одного из них полк. Примером для него были существовавшие во время Крымской войны четыре башкирских полка во главе с офицерами армейской кавалерии. «Н.А.Крыжановский ухватился за идею сформирования кавалерии из туземцев и ему удалось испросить разрешение военного министра на сформирование одного конного башкирского полка, командование которым он поручил старшему своему сыну, ротмистру гвардии Андрею Николаевичу Крыжановскому. Таким образом очутившийся во главе башкирского конного полка и переименованный из ротмистров гвардии в полковники А.Н.Крыжановский оказался в двойном выигрыше» *[Жакмон*, 1907. С. 866].

Вначале, 6 июля 1874 г., был сформирован Башкирский эскадрон [*Полное...* II. Т. 49. № 53706]. Эскадрон имел два состава: постоянный и переменный. В постоянном составе находились офицеры, чиновники и нижние чины регулярной кавалерии, в переменном - 250 башкир, набираемых ежегодно. Вооружение и экипировка эскадрона была казачьей. 21 июля 1875 г. он был переформирован в дивизион *[Там же*. Т. 50. № 54927]. Он состоял из двух эскадронов, имевших также постоянный и переменный состав.

Вероятно, в связи с напряженной внешнеполитической обстановкой в Европе, сложившейся сразу после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Башкирский конный дивизион 1 апреля 1878 г. был переформирован в Башкирский конный полк *[Там же*. Т. 53. № 58341]. Ондолжен был содержаться по «Временному положению», утвержденному 30 марта. Согласно ему полк состоял из четырех эскадронов, имевших, как и прежде, постоянный и переменный состав. В постоянный входили офицеры, унтер-офицеры, трубачи и нестроевые чины армейской кавалерии, в переменный — башкиры, желающие отбывать воинскую повинность в полку на собственном коне. Основной задачей полка было обучение башкир-новобранцев военному делу на собственной лошади, а на случай будущей войны он должен был стать основой для формирования башкирских конных частей.

В том же году сформированный полк совершил марш в Одессу, где получил благодарность на смотре от императора. Башкиры-новобранцы служили в полку 1 год и 8 месяцев, после чего увольнялись во временный отпуск с обязательством являться на лагерные сборы в течение двух лет. Служба начиналась в январе и продолжалась до сентября следующего года. На втором году службы наиболее способные поступали на обучение в полковую школу, после окончания которой производились в ефрейторы, а лучшие из них - в унтер-офицеры. Численный состав полка изменялся в течение года. С января до начала лагерных сборов (они проходили с 20 мая по 20 сентября) в полку было около 800 человек - офицеры, кадровый состав, молодые солдаты. Во время сборов в полк прибывали временно-отпускные и состав полка увеличивался до 1 400 человек. После лагерного сбора до января в полку оставались лишь офицеры и кадровый состав — 450 человек. А. Квитка, посетивший полк, отмечал, что «башкиры гордятся своим конным полком и смотрят на него, как на возрождение войска, о существовании которого живы еще предания среди старожилов» *[Квитка*, 1882. С. 316].

Если для башкир полк и был предметом гордости, то его полковой командир занимался пьянством, кутежом и картами. Мало того, что он проиграл в карты несколько тысяч казенных денег, предназначавшихся на продовольствие и фураж, он не контролировал своих офицеров. Как сообщает Жакмон: «Во время лагерной стоянки в башкирских деревнях офицеры этого полка вели тоже очень разсеянную жизнь. Вино и карты были их главными занятиями, и вот однажды после попойки они устроили в деревне нечто вроде похищения сабинянок, и когда девушки стали сопротивляться этой атаке, то гг. офицерами были пущены в ход шашки и одной из башкирок отрубили ухо, а дру-

гой несколько пальцев на руке. Результатом этого скандала была уплата большой суммы денег потерпевшим, чтобы потушить историю. Вскоре от такой жизни у командира башкирского полка Андрея Николаевича Крыжановского оказалось столько долгов, что на покрытие их пошли все деньги, вырученные от продажи десяти тысяч десятин башкирской земли, доставшихся самому генерал-губернатору Н.А.Крыжановскому» *[Жакмон*, 1907. С. 866].

В 1882 г. при новом императоре Александре III вопрос о существовании Башкирского полка стал предметом обсуждения на страницах «Военного сборника». «Отчет по выполнению воинской повинности» за 1880 г. показал, что из Оренбургской губернии из 2 220 новобранцев, принятых на службу, было 700 башкир, или около 31 %. Получалось, что треть всех новобранцев должна была служить всего 20 месяцев в Башкирском полку, тогда как остальные - 6 лет. Таким образом, нарушался принцип всеобщей воинской повинности. Башкиры из Уфимской, Самарской и Пермской губерний призывались и несли службу в армии, как и все мужское население России. К тому же «Отчеты о состоянии Башкирского конного полка» за 1880 и 1881 г. показали, что его нижние чины имели невысокие результаты в стрельбе, знании материальной части оружия, строевой подготовке *[Афанасьев*, 1882. С. 332]. Основной причиной такого состояния дел были незнание русского языка башкирами и короткий срок нахождения их в части.

В 1882 г., учитывая опыт прошедшей войны, была проведена реорганизация армейской кавалерии. Все гусарские и уланские полки стали драгунскими, сокращена казачья конница, в частности упразднена 3-я Кавказская казачья дивизия, и ряд полков. 24 июля 1882 г. Башкирский конный полк был упразднен, а в военное время башкиры должны были формировать Башкирскую конную милицию *[Казин*, 1912. С. 23]. В большей мере упразднение было связано с общей реорганизацией кавалерии. Но в какой-то степени оно было увязано с полной отставкой 30 марта 1881 г. Александром III нелюбимого им Н.А.Крыжановского. Царь был недоволен его деятельностью, в частности, получившим широкую огласку расхищением башкирских земель, отсутствием губернатора в сгоревшем от пожара и голодающем Оренбурге в 1880 г. Вслед за полком были упразднены Оренбургское генерал-губернаторство и Оренбургский военный округ.

Основная часть башкир направлялась на службу в армейские части, а те из них, кто имел начальное светское образование, попадали на флот. География мест несения службы солдатами-башкирами была обширной. Поскольку основная часть армии находилась в Европейской России, новобранцы-башкиры направлялись туда на службу. Значительное число башкир служило в частях, расквартированных на Кавказе, в Туркестане и Польше. Очень малая их часть проходила службу в гвардии. Например, известен А. Ш. Сыртланов, получивший образование в кадетском корпусе, военном училище и служивший в лейб-гвардии Литовском полку *[Сыртланов*, 1912. С. 1128-1129]. Главной проблемой в прохождении воинской службы башкирами была языковая. Командование отмечало в целом хороший нравственный уровень солдат-башкир. С учетом увеличения количества солдат-мусульман, в том числе башкир, в армейских частях была введена должность полкового муллы. В первой половине XEXв. они были в Гвардейском корпусе, иррегулярных казачьих, кавказских, крымско-татарских полках. С введением всеобщей воинской повинности было принято положение о том, что в случае, если в части мусульман более 500 человек, то в ней полагается иметь своего муллу. Полковыми муллами могли быть лица не моложе 22 лет, им как нестроевым не полагалось вооружения, обязанностью было проведение религиозных служб, контроль за соблюдением солдатами-мусульманами норм ислама, выполнением распоряжений командования. Во время походов муллы несли тяготы военной службы наравне со всеми нижними чинами, а на войне также подвергались опасности. Некоторые башкиры в составе частей российской армии приняли участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Незначительная часть башкир-дворян смогла получить высшее военное образование. Основным препятствием для получения высшего военного образования было слабое знание башкирами русского языка, что не позволяло освоить курс гимназии или юнкерского училища. Сословный или конфессиональный аспект не играли какой-либо значимой роли, поскольку в пореформенный период в военных учебных заведениях учились представители разных сословий, а среди высших офицеров российской армии были мусульмане, католики и представители иных религий.

Таким образом, во второй половине XIX в. после отмены кантонной системы и упразднения Башкирского войска башкиры в целом интегрировались в военные структуры империи. Непродолжительное время в крае существовал Башкирский полк, имевший учебные функции, но большая часть башкир несла службу в армейских частях. Введение всеобщей воинской повинности башкирами было повсеместно поддержано, они достойно несли службу в российской армии и на флоте наравне с другими народами империи.

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

С отменой кантонной системы башкиры, мишари, тептяри, бобыли переводились из военного в гражданское сословие, т. е. становились «свободными сельскими обывателями». В административном отношении они отныне подчинялись губернским и уездным присутствиям по крестьянским делам. Вотчинные угодья сохранялись за башкирами. Для них были подтверждены размеры неотчуждаемых наделов в 40 дес. на душу м. п. по материалам VII ревизии (1816). Припущенники из числа мишарей, тептярей, бобылей численностью 425 тыс. душ об. п. могли претендовать на неотчуждаемые участки: военные по 30 и гражданские по 15 дес. на душу м. п. *[Семенов-Тян-Шанский*, 1863. С. 232]. Земли башкирских дач, не вошедшие в состав душевых наделов, оставались в коллективной собственности вотчинников. Последний тип угодий мог быть продан или сдан в аренду с согласия вотчинников-владельцев дачи. Важным новшеством являлось допущение возможности свободы землепользования. Оно могло быть общинного либо частного типа *[Очерки...* 1959. С. 150-151]. Таким образом, башкиры оказались в составе сельского сословия, но вотчинное право было сохранено за ними.

Однако вышеуказанный закон детально не затрагивал сложных проблем, связанных со спорами между башкирами-вотчинниками и припущенниками. В частности, требовалось уточнить принципы купли-продажи и аренды «свободных сверх душевого надела угодий» из башкирских дач. Для решения этих задач правительство разработало новый законодательный акт от 10 февраля 1869 г. Отныне башкирские земельные дачи подразделялись на многоземельные и малоземельные. Многоземельными считались дачи, где земли было достаточно для наделения башкир-вотчинников 40-десятинной нормой на душу м. п (по данным VII ревизии). Припущенников из военного сословия следовало обеспечить 30-десятинной пропорцией на душу м. п., а для гражданских выделить по 15 дес. на душу м. п. Малоземельными являлись дачи, где вотчинники могли быть обеспечены землей по вышеуказанной норме, а припущенники нет. В подобных случаях башкир-вотчинников следовало наделять 15-десятинным наделом на душу м. п. по данным X ревизии (1859). Припущенникам же следовало равномерно отвести полагающуюся им пропорцию, т. е. военным - не более 11 дес., а гражданским — не более 6 дес. Практические работы по разделу территории дачи между вотчинниками и припущенниками организовывал мировой посредник (обычно предводитель уездного дворянства). Землеустройство производилось в присутствии будущих владельцев наделов и представителей заинтересованных ведомств (казна или удел). Для ликвидации чересполосицы допускались взаимный обмен земельными угодьями либо денежная компенсация по цене 3 руб. за 1 дес. удобной земли. Важным моментом окончательного размежевания, по данным властей, являлось наличие на каждом участке всех необходимых для ведения хозяйства угодий. Процесс землеустроительных работ вместе с оценкой предварительной ситуации в конкретной башкирской даче следовало отразить в раздельном акте. Этот документ должны были изучить и подписать представители местной администрации, вотчинники и припущенники. В качестве верховной контрольной инстанции выступало губернское присутствие по крестьянским делам.

В связи с окончательным размежеванием башкир-вотчинников с припущенниками правительство вводит новые правила о порядке купли-продажи и аренды земли. Отныне сделки допускались лишь в тех волостях, где земля была полностью размежевана. Допускалось отчуждение башкирами-вотчинниками практически любого количества угодий, но оставался в неприкосновенности минимальный душевой надел в 15 дес. на каждую душу

м. п., учтенную X переписью (1859). Следует отметить также, что согласие на продажу (аренду) земли следовало оформить в приговоре сельского или же волостного собрания (в зависимости от того, в чьей собственности находится отчуждаемый участок). Для действенности этого акта следовало получить «согласие $^2/_3$ лиц, имеющих право голоса на сходе». Кроме того, приговор должен был содержать подробную информацию об отчуждаемом участке. Вырученные средства от продажи (аренды) следовало распределить следующим образом: $^5/_3$ суммы шла на банковский счет конкретного сельского общества или волости, где состоялась сделка, а $^2/_3$ суммы распределяли между членами общины *[Полное...* II. Т. 44. №46750].

Таким образом, указ от 10 февраля 1869 г. должен был стать заключительным актом по окончательному упорядочению проблем, связанных с башкирским землевладением. Однако вновь развернувшаяся стихийная колонизация края серьезно затрудняет полную реализацию указа. Тем не менее предпринимались меры по воплощению нового закона в жизнь. В частности, вся документация относительно башкирского землевладения с 1869 г. передана из Башкирской межевой комиссии в губернские и уездные присутствия по крестьянским делам *[Ремезов*, 1986. С. 134]. Верховный контроль над землеустройством в башкирских дачах стало осуществлять Министерство внутренних дел. При размежевании ведущая роль отводилась мировым посредникам из дворян. Они составляли раздельные акты на владение землей для вотчинников и припущенников. После этого производилась предварительная нарезка земли для каждого сословия при помощи землемеров из губернского присутствия либо частных землемеров. Мировые посредники и члены уездных присутствий по крестьянским делам должны были присутствовать при совершении этих работ. Однако в действительности во многих случаях нарезка земли производилась только самими землемерами. Все это способствовало тому, что землемеры допускали произвол. В итоге возникала масса споров, жалоб и т. п., что вызывало ремарки, поверки или даже все снова переделывалось *[Там же*. С. 135]. Кроме того, фактическое отсутствие контроля способствовало злоупотреблениям среди членов уездных присутствий при производстве расчетов относительно земельного обеспечения той или иной группы населения. Эти случаи приводили к тому, что часто приходилось составлять заново раздельные акты и затем изменять границы предполагаемых наделов вотчинников и припущенников.

Важным новшеством в ходе реализации указа от 10 февраля 1869 г. стало решение о создании фонда «запасных земель» из части наделов бывших военных припущенников — мишарей, тептярей, бобылей. Как известно, указ от 10 апреля 1832 г. узаконил наделение представителей этого сословия пропорцией в 30 дес. на душу м. п. по данным VII ревизии. Теперь же половину этих душевых наделов (15 дес.) следовало передавать в распоряжение государства. Эти участки получали наименование «запасных угодий» и предназначались для наделения в будущем припущенников из малоземельных башкирских дач. Тем не менее большая часть этих угодий впоследствии была направлена на иные цели.

РАСХИЩЕНИЕ БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Реализация указа от 10 февраля 1869 г. означала придание нового импульса колонизации края. Этому способствовало разделение территории башкирских дач на душевые и «свободные» участки. Фактически правительство предоставило возможность различным ведомствам и переселенцам легально приобретать угодья за счет так называемых «свободных» участков. Поэтому массовая купля земель развернулась после появления этого указа. Многие заключаемые сделки совершались по символическим ценам.

В Златоустовском уезде Уфимской губернии купец Бунаков оформил купчую грамоту на 15 тыс. дес. из дачи Мурзаларской волости за 15 380 руб., но земли на самом деле оказалось 45 тыс. дес. Таким образом, реальная стоимость 1 дес. земли обошлась для купца в 34 коп.

Купцы Волков и Морозов при участии уфимских дворян Гурвича, Бонье, Кроткова, Загорского, Штехера, Шкапской купили в Урман-Кудейской волости участок в 14 тыс. дес. за 25 тыс. рублей. В среднем за 1 дес. ими было уплачено 1 руб. 80 коп. А год спустя в той же волости эти купцы купили новый участок в 15 тыс дес. за 18 тыс. рублей. В действительности же земли здесь оказалось 20 тыс. дес., т. е. стоимость 1 дес. фактически составила 90 коп. *[Ремезов*, 18896. С. 222—226].

Приобретали землю также представители дворянства. Так, предводитель уфимского дворянства Новиков купил 3 тыс. дес. за 3 700 руб. из дачи Бишаул-Табынской волости (д. Утяганово). Мировой посредник Уфимского уезда Сергеев там же купил 3 500 дес. за 6 тыс. руб. В обоих случаях действительная площадь приобретаемого участка оказалась больше, чем по официальным документам. Незаконность подобных сделок обострялась и тем, что во многих дачах владения башкир-вотчинников не были размежеваны с наделами припущенников. Все случаи купли-продажи стали дополнительным фактором напряженности между различными категориями населения.

Царские власти в центре и на местах в 60-е гг. XIX в. были недовольны уровнем колонизации Башкортостана. Они считали, что пожалование и продажа по льготным ценам части земельных угодий края чиновникам ускорит его культурное освоение. В такой обстановке 4 июня 1871г. Комитет министров принимает решение «Об отводе в Оренбургском крае земель как отставным, так и служащим чиновникам», где говорится о необходимости «оживления края и усиления в нем русского влияния». Правительство полагало, что следует наделить земельными участками за счет казны чиновников, поселение «которых будет полезно для края» [*Шпицер*, 1929. С. 5, 7—8]. Решено было для продажи рекомендовать участки трех типов, в зависимости от положения чиновников: отставным — от 150 до 500 дес., служащим — от 500 до 1 тыс. дес., наиболее заслуженным чиновникам — от 1 тыс. до 2 тыс. дес. Эти категории населения имели при покупке существенные льготы.

Процесс практической реализации данного указа начался с середины 70-х гг. XIX в. К этому времени на территории Уфимской и Оренбургской губерний имелось 247 тыс. дес. казенной земли. Для награждаемых чиновников этой площади, по мнению властей, было недостаточно. Все это послужило причиной того, что в продажу были пущены «запасные земли», которые прежде были отделены из наделов для бывших военных припущенников башкирских дач *[Усманов*, 1981. С. 41-42]. Эти угодья первоначально предназначались для наделения малоземельных припущенников.

За 1876—1879 гг. было продано, отдано в аренду и пожаловано от имени царя различным чиновникам 394 участка площадью 503 388 дес. в Уфимской и Оренбургской губерниях. Из этих угодий казенными являлись 124 275 дес., а остальные 379 112 дес. были из фонда запасных земель *[Шпицер*, 1929. С. 6; *Ремезов*, 18896. С. 278]. Общее руководство продажей земли на льготных условиях осуществляли министр Государственных имуществ П.А.Валуев и Оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский. Под их покровительством были осуществлены сделки в пользу 19 тайных советников, 61 действительного статского советника, 30 статских советников, 52 генералов, 29 полковников *[Усманов*, 1981. С. 42].

Первыми покупателями земельных участков стали непосредственные «кураторы» данного мероприятия — управляющий временным отделом Министерства государственных имуществ Климов, управляющий государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губерний Ивашинцев, управляющий канцелярией Оренбургского генерал-губернатора Холодковский. Также приобрели льготные участки уфимский губернатор Левшин, оренбургский губернатор Бембуш. Каждый из перечисленных чиновников приобрел в среднем по 2 тыс. дес. *[Там же*. С. 42-43]. Льготные земельные участки распродавались по низким ценам. В среднем стоимость 1 дес. земли составляла 1 руб. 80 коп., хотя рыночные цены колебались от 7 до 25 руб. *[Там же*. С. 43].

Некоторые из высокопоставленных чиновников приобрели земельные участки бесплатно, на основе пожалований от имени царя. Таких «знатных особ» оказалось 11 человек, которые получили бесплатно 34 594 дес. Наиболее известными среди них являлись оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, товарищ министра Государственных имуществ В.К.Ливен. Они получили участки соответственно 6 293 и 3 584 дес. из лучшей лесной дачи Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Такие последствия реализации указа 1871г. вызвали отрицательный резонанс среди башкир и их припущенников. В этой обстановке правительство было вынуждено вновь вернуться к вопросу о принципах землеустройства башкир-вотчинников. В Высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 9 мая 1878 г. «Об изменении порядка продажи башкирских общественных земель» правительство ставило вопрос о возможности возвращения вотчинникам незаконно отнятых угодий *[Полное...* II. Т. 53. № 58487]. Новый закон должен был проводиться под контролем оренбургского генерал-губернатора. Документация о купле-продаже башкирских земель, где имелись нарушения законодательства, подлежала аннулированию в течение двух лет, но при соблюдении десятилетнего срока давности со времени совершения сделки. Важным новшеством, по мнению властей, должны были стать новые правила о порядке продажи башкирских земель. Вновь подчеркивалась законность сделок только в тех дачах, где произведено окончательное размежевание башкир-вотчинников с припущенниками и обеспечен «отвод в пользование самих вотчинников по 15 десятин удобной земли на душу последней ревизии». В указе весьма подробно регламентируется механизм купли-продажи башкирских угодий. Здесь ключевым документом является приговор «сельских сходов тех сельских обществ, которым принадлежит земля; если же земля принадлежит целой волости, то приговор утверждается на волостном сходе». Для признания действительности приговора об отчуждении того или иного участка было необходимо наличие согласия $^2/_3$ от численности членов сельского общества или волости. Допускалась возможность несогласия отдельных вотчинников с решением общины. В этом случае следовало обеспечить отделение «причитающейся им части в частную собственность, но пока не со-

стоится выдел, приговоры о продаже не получают движения». Много внимания в указе уделено раскрытию содержания общественного приговора.

Отныне надо было учитывать следующие факторы:

«а) из какого числа ревизских душ состоят общества, которым принадлежит отчуждаемая земля;

б) из какого числа домохозяев, имеющих право голоса, состоит общество, продающее землю и сколько из них участвовало в составлении приговора;

в) имеется ли на отчуждаемую землю план и межевая книга или другие законные акты;

г) сверх продаваемой земли остается ли у вотчинников бесспорная 15-десятинная пропорция на душу м. п. по X ревизии;

д) из какого количества всей вотчинной земли, сколько десятин отделяется в продажу;

е) урочища продаваемого участка;

ж) цена за каждую продаваемую десятину;

з) если в даче есть припущенники, то размежеваны ли они с вотчинниками и не заявили ли некоторые вотчинники требования на выдел им земель и состоялось ли по сему предмету соглашение или же такого требования нет».

При наличии подобного приговора все эти данные представлялись для освидетельствования сначала в уездные, а затем в губернские присутствия по крестьянским делам. Непосредственно процесс продажи башкирских угодий должны были осуществлять не сами вотчинники, как прежде, а губернское присутствие по крестьянским делам. Для этого оно производило «деление продаваемой земли на возможно дробные участки, смотря по местной возможности и с тем непременным условием, чтобы в каждом участке было достаточное количество воды для ведения самостоятельного хозяйства». После осуществления этих мероприятий производились публичные торги относительно продаваемых земельных участков. При проведении торга допускалось присутствие представителей башкир-вотчинников, которые продавали эти угодья.

На аукцион допускались как частные лица, так и представители крестьянских обществ, которые хотели купить земли. Денежные средства, вырученные от продажи участков, губернское присутствие распределяло следующим образом: «$У_6$ часть денег обращается в мирской капитал общества, которому принадлежит земля и $^1/_6$ часть причисляется к капиталу, обращающемуся в ссудной кассе означенного общества; остальные же $^2/_3$ препровождаются в местное казначейство для зачисления в депозит общества, которое и распределит деньги сии между своими членами» [*Полное...* II. Т. 53. № 58487].

Таким образом, принятием указа от 9 мая 1878 г. власти пытались упорядочить масштабы и размер колонизации края путем аннулирования незаконных сделок и установления регламентированных правил по продаже башкирских угодий.

Дальнейший шаг в этом направлении был сделан непосредственно местной администрацией. По инициативе Крыжановского были изданы правила от 4 августа 1878 г. Согласно этому распоряжению следовало завершить землеустройство башкир-вотчинников путем выдела для них по 15 дес. на душу м. п. по данным X ревизии. Остающиеся затем «свободные угодья», не вошедшие в состав душевых наделов вотчинников, могли быть проданы переселенцам. Главным основанием для раздела территории башкирской дачи на душевые и свободные участки являлся приговор соединенных сельских сходов. Здесь следует отметить, что в каждой земельной даче находилось обычно несколько, а иногда и несколько десятков населенных пунктов. Жители этих поселений могли в административном отношении принадлежать к различным волостям. Однако при решении вопросов о землевладении и землепользовании все они составляли вместе соединенный сельский сход.

При этом требовалось согласие $^2/_3$ голосов вотчинников по каждому селению башкирской дачи. Затем приговоры освидетельствовались представителями вотчинников, соответствующими волостными правлениями, представителями уездного и губернского присутствий по крестьянским делам.

Практические работы по выделу из башкирских дач душевых наделов осуществляли землемеры из губернских присутствий по крестьянским делам: соответственно Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Вятской губерний. В качестве понятых находились представители вотчинников-владельцев дачи и член уездного присутствия. После полевых работ землемеры оформляли документацию — план и описание границ каждого отграниченного участка. Подлинники подготовленных документов с подписями понятых направлялись для хранения в губернские присутствия по крестьянским делам, а копии выдавались владельцам.

Для правил от 4 августа 1878 г. характерно стремление на ограничение душевого землевладения башкир-вотчинников. Так, «в тех дачах, где в прежнее время отведено вотчинникам в надел по 40 дес. на душу VII ревизии или вследствие ихжелания более 15-десятинной пропорции на душу X ревизии, приговоры об отделении наделов, а равно отграничение их в натуре должны быть составлены и произведены вновь». Кроме того, власти требовали определения точных размеров «свободных угодий» башкир-вотчинников, т. е. тех участков,

Таблица 32

Сословный состав покупателей, площадь и стоимость башкирских земель по Уфимской губернии за 1868-1878 гг.*

Категории населения, купившие участки в башкирских дачах	Количество земельных сделок площади купленных угодий в десятинах	Случаи превышения размеров площадей участков над официально утвержденной при продаже
Дворяне	23 (161303 дес.)	16
Дворяне, купцы, мещане	50 (649 740 дес.)	34
Крестьяне-переселенцы	20 (53 271 дес.)	4
Башкиры	13 (12 386 дес.)	1
Всего	106 (876 700 дес.)	55

* Составленапо: *Ремезов*, 18896. С. 222—226.

которые не вошли в состав душевых наделов. Допускалось в дальнейшем включить их в единый массив площади, принадлежащий одному или нескольким селениям. При этом разрешалось разделить «свободные угодья» между вотчинниками. В последнем случае механизм раздела этих угодий был аналогичен действиям при выделе душевых наделов. Соответственно на «свободные угодья» оформлялась документация (приговоры о разделе участков, их планы, письменное описание границ). Однако имелось и некоторое различие: оренбургский генерал-губернатор лично утверждал приговор о разделе «свободных земель» между селениями вотчинников. После этого подлинники документов сдавались на хранение в губернские присутствия по крестьянским делам, а копии планов выдавались для жителей селений — владельцев этих участков.

В правилах от 4 августа 1878 г. вновь подтверждена возможность выдела земли в частную собственность отдельных домохозяев, как и в положении от 14 мая 1863 г. Выдел производился за счет будущих владельцев участка. Реализация этого мероприятия совершалась на основе сельского общества — коллективного владельца общинной земли. После этого производилось освидетельствование местной администрацией — волостным правлением, членом уездного присутствия по крестьянским делам и утверждение акта оренбургским генерал-губернатором [*Сборник*... 1899. С. 91-99].

Таким образом, правила от 4 августа 1878 г. стали очередной попыткой царской администрации разрешения земельного вопроса в крае. Эта проблема должна была решаться, по мнению властей, по пути установления 15-десятинных душевых норм землевладения и определения четко установленных границ для массива так называемых «свободных сверх душевого надела земель». Кроме того, для упорядочения землевладения допускалось приобретение земельных участков в частную собственность башкирами-вотчинниками.

Мнение Государственного совета и «Правила...» оренбургского генерал-губернатора носили противоречивый характер. С одной стороны, они свидетельствовали о стремлении правительства сохранить часть вотчин за башкирами, оградить их от случаев возможного мошенничества со стороны покупателей (местных и переселенцев), свести к минимуму нарушения закона. С другой стороны, снижение размеров душевого надела с 40 до 15 дес. по сравнению с нормами указа 1832 г. показывало стремление властей отделить эти земли под видом свободных участков. Затем власти устанавливали контроль над ними для последующего водворения здесь переселенцев. Все эти явления показывали увеличение масштабов колонизации в 70-е гг. XIX в.

К 1881г. выяснилось, что «из числа распроданных земель в Уфимской губернии только до 3 тыс. дес. использовались самими владельцами. Остальные же земли сдавались в аренду соседним крестьянам, часто тем же башкирам, из владения которых они отрезаны, или переселенцам, частью остаются втуне лежащими» [*Шпицер*, 1929. С. 27]. Весьма типичными были случаи перепродажи только что приобретенных участков. Например, генерал-майор Гейнс купил в 1876 г. участок в 2 227 дес. стоимостью 7 373 руб., но уже в 1878 г. этот же участок был продан за 56 719 руб. В 1879 г. коллежский советник Страшинский купил участок земли в 665 дес. за 848 рублей, а в 1880 г. перепродал его за 10 тыс. руб. В итоге к началу XX в. из 401 высокопоставленного сановника, купившего землю в Уфимской или Оренбургской губернии, сохранили за собой участки лишь десятая часть *[Шпицер*, 1929. С. 20; *Усманов*, 1981. С. 43-44].

В 1868—1878 гг. в Уфимской губернии было совершено 106 сделок по покупке башкирских земель. В большинстве случаев (55 из 106) реальные площади проданной земли превышали указанные в купчей сведения (см. табл. 32). Не менее важным было и то, что покупки совершались по весьма низ-

кой цене. Кроме того, значительная часть сделок была осуществлена по инициативе купцов, но при содействии дворян, которые занимали влиятельные посты в уездной и губернской администрации. Именно поэтому довольно часто покупателями одного и того же участка являлись и купец, и дворянин. Сделок, Заключенных только дворянами, было 23, при этом в 16 из них зафиксировано превышение фактической площади по сравнению с записью в купчей. Немало сделок осуществлялось крестьянами-переселенцами и башкирами. В первом случае это свидетельствовало об усилении масштабов колонизации края, а во втором — о социальной дифференциации внутри башкирской общины. В ней стали выделяться люди со значительным капиталом. Среди них можно упомянуть покупателей, которые приобретали большие участки: это дворянин Сыртланов в Белебеевском уезде — 2 798 дес., купец Шахмаев в Стерлитамакском уезде — 1 600 дес. *[Ремезов*, 18896. С. 223—225].

Таким образом, в приобретении земель на территории края ведущая роль принадлежала дворянам и купцам. Правительственные учреждения поощряли скупку угодий из башкирских дач. Все это свидетельствовало о совпадении интересов как покупателей, так и представителей царской администрации, которые по своему должностному положению являлись руководителями процесса купли-продажи земли. Определенное значение имела и личная заинтересованность представителей царской администрации в этих сделках.

Всего с 1868 по 1878 г. приобретено дворянами и купцами в башкирских дачах 1 047 469 дес. земли, в т. ч. по Уфимской губернии — 876 700 дес. и Оренбургской — 170 769 дес. Средняя стоимость за десятину в этих сделках составила 2 рубля 66 коп., что в несколько раз было ниже по сравнению с рыночными ценами на аналогичные угодья из дворянских поместий *[Усманов*, 1981. С.47].

Порядок покупки, аренды угодий переселенцами на протяжении 70-х гг. XIX в. неоднократно вызывал недовольство самих башкир. В качестве примера напряженного противостояния можно указать на конфликт, возникший между вотчинниками Урман-Кудейской волости Уфимского уезда и купцом И. Вейнбергом. Последний в 1879 г. заключил сделку лишь с небольшой частью башкир из д. Тикеево на аренду двух участков земли для устройства дегтярного завода. При этом данная дача еще не была размежевана, т. е. угодья находились в совместном владении всех жителей волости (8 населенных пунктов). Группа вотчинников — представителей волости во главе с Н.Качкиновым и З. Суяшевым в марте 1879 г. опротестовала сделку, совершенную жителями д. Тикеево. Челобитчики обратили внимание оренбургского генерал-губернатора, губернского присутствия по крестьянским делам на явное нарушение законодательства. А именно первый арендуемый участок в 50 дес. предполагалось предоставить из территории, предназначенной под душевые наделы. Для второго арендуемого участка определялась плата за каждый год в размере 125 рублей, что по цене в несколько раз было ниже обычно заключаемых сделок. Кроме того, площадь второго участка определялась примерно в 2 тыс. дес. Фактором, обострявшим ситуацию, было то, что сделка была оформлена не на общем собрании (сходе) жителей волости, а путем приглашения только некоторых жителей одной деревни Тикеево. Таким образом, был нарушен общинный принцип распоряжения вотчинными угодьями. При рассмотрении данного конфликта непременный член уфимского уездного присутствия по крестьянским делам Березовский пытался подтвердить правомочность сделки. При этом он как непосредственный контролер составляемого арендного договора даже попытался обосновать выгодность соглашения для башкир. Однако губернское присутствие признало правомочность иска Качкинова и Суяшева. Исходя из этого несостоявшаяся сделка осенью 1879 г. была аннулирована губернскими властями. Вейнберг пытался представить апелляцию в Сенат, но в 1882 г. был вынесен прежний вердикт об отмене арендного договора *[РГИА*. Ф. 1291. Оп. 66. *Д*. 82. *Л*. 45-63 об.].

Вышеуказанный конфликт и другие подобные дела стали основанием для губернских властей, чтобы выступить с законодательной инициативой. Так, Крыжановский обратился в январе 1881г. к министру внутренних дел М.Т.Лорис-Меликову с предложением о возможности досрочного прекращения арендных сделок между частными лицами и башкирами-вотчинниками. Чиновник констатировал, что «в Оренбургской и Уфимской губерниях спекуляторы разобрали в аренду на долгие сроки сотни тысяч десятин башкирской земли». Неограниченное право аренды, по мнению губернатора, могло привести «к истощению и обесценению башкирских земель, а также к нарушению правительственных целей: оно совершенно отвлечет продажу свободных башкирских земель в производительные руки и поселение на башкирских землях русского земледельческого класса». Таким образом, губернские власти выступали за регулируемый приток крестьян-переселенцев на башкирскиеземли.

Следует указать и на другую особенность колонизации в этот период. Кризис башкирского скотоводства к середине XIX в. и переход к оседлой земледельческой жизни сопровождались усилением налогового гнета со стороны правительства.

Достаточно многочисленными становятся случаи, когда башкиры-вотчинники были вынуждены продавать свои угодья в счет накопившихся недоимок казенных и земских сборов. Так, в 1875 г. вотчинники Азнаевской волости Стерлитамакского уезда передали казенному фонду 10 тыс. дес. между рр. Сухайля и Ташлы Яр. Тогда же жители Аразлановской и Бушман-Кипчакской волостей отдали казне 37 тыс. дес. угодий вдоль рр. Нугуш и Урюк. При оформлении сделок власти установили низкие цены в 1 руб. 50 коп. за каждую десятину *[РГИА*. Ф. 573. Оп. 3. *Д*. 4727. *Л*. 1-3, 45-48, 63-67, 77-79, 86-86 об.].

Башкиры сопротивлялись процессу скупки земли, организованной государством. Они саботировали межевые работы. В частности, башкиры препятствовали созданию фонда так называемых «запасных земель», не признавали владельческих прав новых собственников земельных угодий. Подобные действия башкир-вотчинников проявились летом 1879 г. в Зильдяровской, Киргиз-Миякинской, Г айны-Ямакской волостях Белебеевского уезда, а также в Бирском и Стерлитамакском уездах Уфимской губернии *[Очерки...* 1959. С. 222]. Довольно часто башкиры выражали свое несогласие с незаконными земельными сделками, осуществленными волостной администрацией от имени той или иной сельской общины. В некоторых случаях сопротивление башкир принимало крайние формы. Так, весной 1881 г. оказали сопротивление землемерам, приехавшим для обмежевания «купленных» участков жители дд. Седяшево, Турменево, Урюш-Битуллино, Дюртюли Ельдякской волости Бирского уезда. А осенью того же 1881 г. присоединились к ним дд. Азово, Аитмамбетово, Узунларово Кумрык-Табынской волости Стерлитамакского уезда. Только использование полиции способствовало прекращению «бунта» *[Там же*. С. 222—223]. В последующие годы борьба башкир шла в виде погрома дворянских имений, потравы посевов, захвата пахотных, сенокосных угодий, вырубки леса.

Описанные явления, связанные с башкирскими землями, благодаря публикациям П.И.Добротворского и Н.В.Ремезова быстро стали достоянием общественности края и правительства *[Там же*. С. 283; *Ремезов*, 1986; 1889*; Добротворский*, 1964. С. 364—427]. Поэтому при ревизии государственных учреждений Уфимской и Оренбургской губерний в 1880—1881 гг. сенатором М.Е. Ковалевским было обращено внимание и на вопрос относительно законности земельного обеспечения чиновников различных уровней. По итогам ревизии сенатор представил доклад, адресованный лично царю. Здесь было сделано несколько выводов. Главное, на что акцентировал внимание Ковалевский, это «непроизводительное отчуждение казной около полумиллиона десятин земли и лесов и денежный убыток, простирающийся, по самым скромным подсчетам, до 1 079 тыс. рублей». Кроме того, по мнению ревизора, весьма велик был и нравственный ущерб от расхищения угодий. Этот процесс можно было охарактеризовать как «нарушение государственных интересов, совершающееся на глазах всех и к прекращению которого не принималось своевременно никаких мер». Еще один негативный фактор выражался в том, что «льготная продажа земель отождествлялась в глазах народа с наделом известного сословия, т. е. господ, и поддерживает в крестьянах надежду на такой же надел в их пользу» *[Шпицер*, 1929. С. 28, 30]. Все это, по мнению сенатора, являлось предпосылкой для социальных потрясений в обществе. Признавая незаконность сделок, Ковалевский высказался в то же время за сохранение бывших казенных и запасных угодий в пользовании тех лиц, за кем они к моменту ревизии числятся. «Всякая попытка к отобранию этих земель в казну, если бы и была возможна, произвела бы серьезную путаницу в землевладении, понятие о котором в местном населении и без того уже расшатано действовавшими в Оренбургском крае особыми законоположениями». Ковалевский не считал необходимым осуществить судебное расследование и наказание по отношению ко всем должностным лицам, виновным в нарушении своих обязанностей *[Там же*. С. 32].

Тем не менее правительство было вынуждено отреагировать на итоги сенаторской ревизии. Были сняты с должностей крупные царские сановники: оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, управляющий его канцелярией Холодковский, управляющий временным отделом Министерства государственных имуществ Климов, управляющий государственными имуществами Уфимской губернии Ивашинцев. Кроме того, было выражено «высочайшее неодобрение» царя министру государственных имуществ Валуеву, который вскоре был вынужден подать в отставку. Немаловажным итогом ревизии стало прекращение раздачи земли чиновникам в крае. Однако незаконно приобретенные угодья из башкирских дач не были возвращены ни башкирам-вотчинникам, ни их припущенникам *[Ремезов*, 1986. С. 185].

Таким образом, в 60-70-е гг. XIX в. в различных формах продолжалось массовое изъятие земель башкир и их припущенников. Недовольство последних выразили представители русской демократической общественности того времени. Ревизия сенатора Ковалевского подтвердила это беспокойство, вскрыла имевшие место нарушения аграрных законов.

Правительство сделало определенные выводы из всего этого, о чем свидетельствует принятие указа от 15 июня 1882 г. «О порядке продажи свободных башкирских вотчинных земель». Отныне так называемые свободные за душевым наделом вотчинные земли продавались самими башкирами, без торгов, только казне или крестьянским общинам *[Полное...* III. Т.2. № 974]. Значение указа состояло в том, что он создал реальные условия покупки башкирских земель крестьянами. До конца XIX в. ими было приобретено в Оренбургской и Уфимской губерниях 398 770 дес. земли у башкир покупал и Крестьянский поземельный банк. К 1907 г. им было приобретено 130 685 дес. *[Усманов*, 1981. С. 49].

В 80-е гг. XIX в. правительство обратило внимание и на состояние лесного фонда башкирских дач. Так, в указе от 14 марта 1884 г. отмечалась необходимость выкупа наиболее ценных видов леса из состава башкирских угодий. Правительство полагало приобрести в Уфимской губернии 507 392 дес., а в Оренбургской — 772 тыс. дес. Однако из-за нехватки денег было выкуплено по этим губерниям лишь 157 351 дес. *[Сборник...* 1899. С. 114-115]. Тем не менее через некоторое время власти установили контроль над лесами, находившимися на «свободных сверх душевого надела землях» из состава башкирских дач. Согласно указу от 6 июня 1894 г. данный лесной фонд переходил под контроль государства ввиду происходившей бесконтрольной его вырубки. Однако дело заключалось в том, что практически нерегулируемое крестьянское переселение вело к стремительному сокращению пастбищ и к кризису скотоводства у вотчинников. В итоге последние были вынуждены приступить к интенсивной разработке лесных ресурсов. Формально новый закон признавал владение башкирскими общинами этими лесами. Об этом свидетельствует сохранение выплаты налогов с вотчинников за эти леса. Однако фактическое их использование отныне регламентировалось государственными структурами. Отныне в ведение казны по Уфимской губернии отошли 1 606 тыс. дес., по Оренбургской — 1 289 тыс. дес. из «свободных сверх душевого надела земель» *[Полное...* III. Т. 14. № 10784; *Усманов*, 1981. С. 51-52,110].

Политика правительства в отношении башкирского землевладения в последние десятилетия XIX в., как и в предыдущие времена, была тесно связана с переселенческим движением. В первые годы после отмены крепостного права правительство стремилось не лишать помещиков центральных губерний дешевой рабочей силы из числа бывших крепостных крестьян. Однако нарастание социальной напряженности в центральных губерниях ввиду складывающегося здесь аграрного перенаселения заставило власти скорректировать свое отношение к переселенческой политике. Поэтому были изданы указы от 28 января 1876 г., 10 июня 1881г., 13 июля 1889 г., где сняты препятствия для переселения бывших крепостных крестьян в юго-восточные губернии Европейской России. При этом Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ должны были обеспечить контролируемый приток переселенцев на территорию края *[Усманов*, 1981. С. 65—66, 68—71].

За 70—90-е гг. XIX в. появляются новые типы землепользования в крае: 1) переселенцы на казенных угодьях; 2) переселенцы на купленных угодьях; 3) переселенцы на арендованных угодьях. Землю крестьяне-переселенцы покупали обычно либо у башкир, либо у дворян. За этот период в Уфимскую губернию прибыло свыше 190 тыс. переселенцев, а в Оренбургскую - 125 тыс. К 1896 г. по Уфимской губернии 9 % переселенцев проживало на казенных угодьях, 69 % — на купленных землях, 22 % - на арендованных. По Оренбургской губернии к этому времени 13 % переселенческих общин находилось на казенных участках, 15 % - на купленных, 72 % — на арендованных. Нормы земельного обеспечения переселенцев были различными. Так, переселенцы, занявшие казенные угодья Уфимской губернии, имели в среднем 15 дес., на купленных — 21, на арендованных — 15 дес. на двор *[Там же.* С. 72, 77, 101].

Крестьянские общины стремились к заключению сделок преимущественно с вотчинниками из-за дешевизны башкирских угодий. В этом процессе освоения новых угодий переселенцам помогала местная администрация: губернские и уездные присутствия по крестьянским делам. В частности, переселенцам рекомендовалось заключать сделки из «свободных сверх душевого надела земель» башкирских дач. В их руках оказались значительные массивы земельных угодий края. За 70—90-е гг. XIX в. переселенцами куплено значительное количество башкирских угодий в крае: по Уфимской губернии — 1 813 тыс. дес., Оренбургской — 620 тыс. дес. В это время крестьянами-переселенцами было арендовано в башкирских дачах Уфимской губернии 543 тыс. дес., Оренбургской - 2 529 тыс. дес.

При этом следует отметить, что власти издали указ от 21 декабря 1892 г., по которому допускалось постепенное утверждение в собственность за переселенцами арендованных угодий. Здесь условием изменения статуса являлось наличие долговременных построек *[Там же.* С. 54].

В итоге реализации правительственного курса уменьшилась площадь башкирского землевладения. Так, в распоряжении 166 980 дворов вотчинников по Уфимской губернии к концу XIX в. осталось 4 044 395 дес., а 60 238 дворов вотчинников Орен-

бургской губернии - 2 649 371 дес. Всего по обеим губерниям за башкирами сохранилось 6 693 766 дес. земли в виде наделов, а также в коллективной собственности — 1 700 тыс. дес. «свободной за душевыми наделами земли» [*Статистика*... 1905. Вып. 36. С. 22-27; Вып. 45. С. 20-24].

НАЧАЛО АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Башкирское хозяйство пореформенного периода в литературе изучено достаточно хорошо. Уже в трудах дореволюционных авторов был накоплен и в определенной степени систематизирован значительный исторический материал, предпринято довольно подробное описание хозяйства, культуры, быта и образа жизни башкир. В советский период исследования башкирского хозяйства были сделаны важные обобщения и сформулированы определенные концепции. Более подробно отечественная дореволюционная и советская историографии данной проблемы рассмотрены в работах Р.З.Янгузина [*Янгузин*, 1975; 1975а].

Накануне отмены кантонной системы управления сохранялись серьезные региональные различия в системе хозяйственной деятельности башкир. По мнению Р.Г.Кузеева, в середине XIX в. сложились следующие области развития башкирского хозяйства: 1) земледельческая - простиралась от Красноуфимского уезда Пермской губернии до верховьев р. Большой Ик, захватывая весь северо-западный Башкортостан; 2) земледельческо-скотоводческая - занимала северо-восточные районы Башкортостана; 3) скотоводческая — простиралась в пределах южного и юго-восточного Башкортостана *[Кузеев*, 1968. С. 295-310]. Аналогичные выводы были сформулированы А.З.Асфандияровым и Р.З.Янгузиным *[Асфандияров*, 1969. С. 13; *Янгузин*, 1969. С. 8-10].

Отмена крепостного права в России в 1861 г. стала гигантским шагом для модернизации России: трансформации ее отсталой, прежде всего, аграрной экономики и традиционных социальных связей, развития институциональных и инфраструктурных основ российского общества. Следствием этого чрезвычайно важного для России государственно-правового акта следует считать указ от 14 мая 1863 г., утвердивший «Положение о башкирах» и упразднивший кантонную систему управления в Башкортостане. Принятый указ содержал норму уравнения башкир «в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями» *[Полное...* II. Т. 38. № 39622]. Положения данного указа вступили в силу со 2 июля 1865 г. после постановления Государственного совета, гласившего, что «башкиры поступают в заведывание общих губернских, уездных и местных по крестьянским делам присутствий» [*Полное...* II. Т. 38. № 42282].

После отмены крепостного права в России и кантонной системы управления территория Башкортостана достаточно быстро стала втягиваться в процессы модернизации, символами которой выступали развитие инфраструктуры и коммуникаций, интенсификация экономических связей, быстрое увеличение численности населения за счет миграции освободившейся от крепостной зависимости рабочей силы. Модернизационная волна, охватившая Россию в ходе начавшихся реформ, оказала влияние и на башкирское общество, включая развитие хозяйства и занятий коренного населения.

После отмены крепостного права и ликвидации кантонной системы расширение притока переселенческого населения поставило перед региональными властями старую задачу их обеспечения землей в обновленном виде. «Положение о башкирах» не содержало прямых указаний на раздел вотчинных земельных участков между сельскими обществами, которые должны были быть образованы, или ревизскими душами, однако документ не предусматривал и никакого запрета на совершение указанных действий. Напротив, некоторые статьи могли быть истолкованы как разрешительные для перераспределения земельных владений башкир. В частности, статья 18 допускала разделение вотчинной земли между домохозяевами, статья 20 предоставляла право каждому члену общества на владение причитающимся участком земли на правах частной собственности. Для приобретения земельного надела в собственность вотчиннику требовалось получить положительное решение общины, или так называемый «мирской приговор». Основываясь на новой законодательной базе, власти региона стали добиваться размежевания больших вотчинных участков башкир. В это время произошло разграничение земель самой крупной Семиродной вотчины, состоявшей из земель башкир семи волостей - 4 Усерганских, Кара-Кипчакской, Бурзян-Кипчакской, Бушман-Суун-Кара-Кипчакской — общей численностью 29 тыс. душ м. п.

Новым шагом властей по сокращению землевладения башкир с целью распространения среди них земледелия стали «Правила о наделении землей башкир-вотчинников и их припущенников», принятые правительством по указу от 10 февраля 1869 г. Согласно его положениям, вотчинные земли башкир разделялись на три категории: а) душевые наделы вотчинников; б) земли сверх душевого надела вотчинников; в) запасные земли. Вотчинники, учитывавшиеся со времени 7-й ревизии (1816—1817), должны были обеспечиваться 40-десятинным душевым наделом, а родившиеся

позже наделялись 15-десятинным наделом на ревизскую душу [*Полное...* II. Т. 44. № 46750]. После распределения наделов за указанными категориями вотчинников остальная земля, сверх душевого надела, могла быть сдана в аренду, передана в ведение казны или продана.

В целом принятые в пореформенный период законы и другие правовые акты существенно подорвали основу вотчинного землевладения башкир, способствуя вовлечению в рыночный оборот десятков миллионов десятин башкирских земель. Данные Н.В.Ремезова свидетельствуют, что после принятия «Правил о наделении землей башкир-вотчинников и их припущенников» в 1869 г. в последующее десятилетие до 1878 г. в одной только Уфимской губернии у башкир было куплено более 851 988 десятин земли [*Ремезов*, 1889. С. 24]. Из этих земель до 1883 г. было перепродано третьим лицам 121 575 десятин всего за 1 184 036 руб., или около 10 руб. за десятину *[Шпицер*, 1929. С. 5]. По подсчетам Х.Ф.Усманова, в 1870-90 гг. у башкир было куплено и отграничено в запас 2433 тыс. десятин, в т. ч. в Оренбургской губернии — 620 тыс., а в Уфимской — 1 813 тыс. десятин. В это же время 3 072 тыс. десятин было сдано в аренду *[Усманов*, 1981. С. 54]. Как видно, за 20 пореформенных лет степень вовлечения башкирских земель в рыночный оборот возросла примерно в 6 раз.

Российское законодательство, посвященное системе башкирского землевладения, способствовало быстрому сокращению его размеров, но не смогло привести к полному уничтожению института вотчинного землевладения, просуществовавшего до революции 1917 г. Однако система башкирского хозяйства продолжила свою дальнейшую трансформацию, приведя к окончательной смене парадигмы своего развития.

После отмены кантонного управления административные запреты кочевок не применялись, поскольку башкиры с сокращением земель и упадком скотоводства перешли к земледелию, а новая система земско-волостного управления не обладала военно-мобилизационными возможностями. В 1868 г. уфимский губернатор в отчете Александру II представил весьма радужную картину перемен: «С уничтожением у башкир войскового устройства и слиянием их с русским населением в общем составе волостей и мировых участков башкиры стали заметно осваиваться с условиями и потребностями цивилизованного быта и с каждым годом все более привыкают к земледелию, так что в предшествовавшем году запашки <...> сделаны были ими уже в гораздо более значительных против прежнего размерах и к занятиям земледельческим обратилось много и таких из них, которые прежде никогда не обрабатывали своих земель» *[ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 1877. *Л*. 38-39].

Естественно, губернаторский отчет, хотя и представлял собой образец угодливого приукрашивания реальной действительности, в какой-то степени отражал также и истинную картину социокультурной трансформации башкирского общества, ставшей результатом проведения достаточно грубой, но последовательной политики администрирования оседлости и земледелия среди полукочевых башкир в период кантонного управления. В результате такой политики произошла окончательная трансформация полукочевого скотоводства на большей части территории расселения башкир в смешанное оседло-земледельческое хозяйство с переживавшим кризис скотоводством, развивавшимися земледелием и подсобными промыслами.

Эти выводы в основном соотносятся с архивными и статистическими материалами. В частности, источник, относящийся к канцелярии военного губернатора, содержит данные о разделении башкир на кочевых и оседлых. После перевода башкир в ведение гражданского управления в 1865 г. генерал-губернатор Н.А.Крыжановский распорядился передать начальникам губерний продовольственные капиталы, а также запасные и семенные магазины башкир и тептярей «согласно числу народонаселения» с указанием характера их хозяйственной деятельности. Материалы Крыжановского содержат данные по демографии этнических групп, входивших в состав войска, и о хозяйстве башкир по 5 губерниям. Согласно данным генерал-губернатора, в 1865 г. размер продовольственного капитала башкир и тептярей по отдельным губерниям составлял соответственно: в Оренбургской губернии на 18 849 оседлых башкир - 32 987 руб. из расчета на душу по 1 руб. 75 коп., на 81 178 кочевых - 592 981 руб., или по 7 руб. 30 коп. на душу; в Уфимской на 158 549 оседлых башкир - 277 463 руб., на 36 520 кочевых - 266 768 руб.; в Самарской на 8 600 оседлых башкир - 15 050 руб., на 2 646 кочевых - 19 328 руб.; в Пермской на 32 220 башкир - 56 388 руб.; в Вятской на 3 815 башкир — 6 676 руб., в Уфимской губернии на 118 139 тептярей - 444 717 руб.; в Самарской на 18 774 тептяря — 70 672 руб.; в Пермской на 4 685 тептярей - 17 636 руб. и в Вятской на 3 623 тептяря — 13 638 руб. *[Там же*. Ф. И-11. Оп. 1. *Д*. 558. *Л*. 10].

Нетрудно подсчитать, что оседлых башкир по всем губерниям насчитывалось 222 033 человека, а кочевых на территории Оренбургской, Уфимской и Самарской губерний — 140 344 человека. Общее количество башкир, проживавших на территории пяти губерний в составе Оренбургского генерал-губернаторства, по данным губернатора, составляло 362 377, тептярей - 151 405 человек.

Данные Крыжановского более всего полезны для оценки хозяйственной деятельности башкир.

Башкиры на посевной. Начало XX в. Фото

Доля кочевых башкир (выезжающих летом на кочевки) в Оренбургской губернии более чем в четыре раза превышала численность оседлых. А в Уфимской губернии, наоборот, на одного «кочевого» приходились четыре оседлых башкира. В Самарской губернии соотношение оседлых и «кочевых» составляло 3:1. В материалах военного губернатора башкиры, расселенные в Вятской и Пермской губерниях, определены как живущие оседло.

Дальнейшее развитие башкирского хозяйства в рассматриваемое время происходило в непосредственной связи с крестьянской миграцией на территорию края и политикой правительства в отношении вотчинных земель. После отмены крепостного права Башкортостан стал одним из важных центров переселения и размещения переселенческого потока преимущественно крестьянского происхождения. По подсчетам Х.Ф.Усманова, в период с 1861 по 1914 г. в Уфимскую и Оренбургскую губернии переселилось более 430 тыс. крестьян [*Усманов*, 1958. С. 126; 1981. С. 72].

Кардинальная реорганизация управления башкирами, переход значительной части их земель в руки других категорий населения, развитие предкапиталистических и буржуазных отношений в экономике и социальной жизни региона предопределили дальнейшее развитие башкирского хозяйства. По истории хозяйственного развития башкир в пореформенный период хорошим обобщением источников являются «Статистические очерки станов Уфимской губернии», составленные в марте 1881 г. членом-секретарем Уфимского статистического комитета Н.А.Гурвичем. Изложение очерков автор начал с Уфимского уезда, находящегося в центре губернии, затем рассмотрел восточный уезд — Златоустовский, оттуда перешел к Бирскому, Мензелинскому уездам и завершил рассмотрение территории губернии Стерлитамакским и Белебеевским уездами. Данные Гурвича показывают, что в начале 1880-х гг. наиболее успешно земледелием башкиры занимались в Мензелинском, Бирском, западном районе Белебеевского, центральном, южном и северо-западном районах Уфимского, северной части Стерлитамакского, степных районах Златоустовского уездов. Скотоводческие традиции устойчиво сохранялись у башкир южного и восточного районов Белебеевского, западного и южного районов Стерлитамакского, юго-западного района Уфимского уездов. В целом по губернии Гурвич отметил значительное сокращение скотоводства у коренного населения.

Сохраняющиеся в летнее время кочевки Гурвич объяснял «традиционным, полного поэтического обаяния влечением при полном отсутствии экономических причин у большинства выезжающих в летнее время на кочевья башкир». В лесных районах Златоустовского, Бирского, Уфимского и Стерлитамакского уездов Гурвич подробно описал лесные промыслы, заготовку, продажу леса и изделий из него, ставшие одним из главных на-

правлений хозяйственных занятий проживавших на данной территории групп башкир *[ЦИА РБ.* Ф. И-148. Оп. 1. *Д.* 171. *Л.* 5-129].

Сокращение скота в пореформенный период в башкирском хозяйстве подтверждается статистическими данными. Если в 1864 г. на 100 жителей Оренбургской губернии приходилось 120 голов скота, на столько же башкир этой губернии — 172 головы, то в 1897 г. указанное число башкир владело стадом только в 55 голов *[Очерки...* 1959. С. 171—178]. По данным П.М.Юдина за 1890 г., традиционное скотоводческое хозяйство пришло в упадок: «Скотоводство, когда-то составляющее их [башкир] главное богатство и главный предмет быта, теперь находится в самом жалком состоянии. Редко теперь можно найти у одного хозяина сто голов лошадей, не говоря уже о рогатом скоте, которого здесь разводится очень мало» *[Юдин*, 1890. С. 4].

Аналогичные сведения приводит Д.П.Никольский, по данным которого в 1878 г. в Красноуфимском уезде Пермской губернии на один двор вотчинников приходилось по 10,2 головы скота, из них лошадей - 3,2, рогатого скота - 1,4, овец и коз — 2,3—3,3. В среднем эти показатели были меньше, чем в хозяйствах русских крестьян, на 5,3—7,8 головы *[Никольский*, 1899. С. 91]. В дальнейшем поголовье скота у башкир еще более сократилось. В 1878-1890 гг. количество лошадей сократилось до 1,4 головы на хозяйство *[Там же].* Почти то же самое наблюдалось и в Шадринском уезде.

Процессы сокращения скота затронули и другие регионы расселения башкир, в том числе и традиционно скотоводческие районы. По данным 1887 г., в Оренбургском уезде на один башкирский двор приходилось 2,3-8,4 головы лошадей, крупного рогатого скота — 1,3—4,1, овец и коз — 1—7,9 единицы *[Янгузин*, 1989. С. 149]. Результаты подворной переписи 1885 г. показывают, что в Бугурусланском уезде Самарской губернии в одном башкирском хозяйстве среднее количество крупного скота составляло 3,3 головы. У башкир-вотчинников уезда в 15,9 % хозяйств вообще не имелось никакого скота, а у их припущенников этот показатель составлял 21,8 *% [Там же.* С. 92].

В Уфимском уезде в конце XIX в. по поголовью скота башкиры-вотчинники опустились на 5-е место. Здесь в одном хозяйстве в среднем насчитывалось 4,1 головы скота, из которых 1,8 голов составлял рабочий скот, тогда как у крестьян из других этнических групп эти цифры соответственно были равны 5,7 и 2,2 единицы *[Калачев*, 1899. С. 319].

Позиции скотоводческого хозяйства более устойчиво сохранялись у башкир, расселенных в районах Южноуральского хребта. По сведениям Янгузина, в 1887 г. в Верхнеуральском уезде в одном хозяйстве насчитывалось 4-20 голов скота, в Тунгатаровской волости Троицкого уезда — около 10 голов *[Янгузин*, 1989. С. 150]. В Орском уезде по состоянию на 1894 г. в одном хозяйстве имелось в среднем 7—10 голов разных пород скота [*Там же.* С. 149]. В Азнаевской волости Стерлитамакского уезда в 1903 г. на 2 070 дворов приходилось 11311 голов крупного и мелкого скота, или около 5,4 головы на хозяйство; в Гирей-Кипчакской волости того же уезда у 596 башкирских хозяйств имелось 7 292 головы разного скота, или более 12 голов на двор *[Хозяйственно-...* 1904. С. 200—201].

У горнолесных башкир занятие скотоводством сопровождалось развитием лесных промыслов. По утверждению Л.Бергхольца, у этих башкир «главное занятие — это ското-коневодство и лесные промыслы, как то: рубка и вывозка к сгонным речкам бревен, производство мочала и бортевое пчеловодство (вернее, промысел)» *[Бергхольц*, 1893. С. 77].

В пореформенный период в условиях повсеместного сокращения скотоводства хозяйство башкир диверсифицировалось развитием земледелия и других видов занятий. Правда, не следует преувеличивать темпы развития земледелия у башкир. По своему уровню башкирское земледелие намного уступало земледельческой этнокультурной традиции других групп крестьян (русских, украинцев, татар, чувашей, марийцев и др.), однако тенденции распространения земледелия у башкир в рассматриваемое время имели необратимый характер. Статистические данные подтверждают данную гипотезу. В Екатеринбургском уезде, по данным 1887 г., 82,6 % земли, принадлежащей башкирам, находилось под пашней. На одно башкирское хозяйство здесь приходилось 16,04 дес. пашни. Из 100 условных хозяйств 16 % сдавали землю полностью в аренду, а 59 % частично обрабатывали сами, часть сдавали в аренду, 25 % хозяйств обрабатывали свои пашенные участки полностью. Площадь засеваемой земли на одно хозяйство составляла 4,04 дес. *[Никольский*, 1899. С. 87]. В Екатеринбургском уезде 15,61 % башкирских хозяйств обрабатывали и засевали до 5 дес., 6,54 % - до 10 дес., 5,22 %- до 25, а 36 % - свыше 50 дес. земли *[Там же.* С. 88]. В соседнем Красноуфимском уезде одно башкирское хозяйство обрабатывало и засевало 4,1 дес. земли. В этом уезде 27 % хозяйств башкир засевало более 5 дес., 42 % — 2,3 дес. земли *[Скалозубов*, 1893. С. 116]. Анализируя развитие башкирского хозяйства Пермской губернии в конце XIX в., Никольский сделал важный вывод: «более или менее серьезно занимающимися хлебопашеством можно считать только тех башкир, которые распахивают более 5 дес.» *[Никольский*, 1899. С. 87].

В Мензелинском, Бирском, Белебеевском уездах по состоянию на 1899 г. на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем 4 дес. посева, в Стерлитамакском, Златоустовском и Уфимском

уездах — соответственно по 2,7; 3,2 и 3,3 дес. посева *[Сведения...* 1899. С. 2—81].

Меньшее развитие земледелия в конце XIX—начале XX в. наблюдалось в традиционно скотоводческих районах Башкортостана. Подсчеты Усманова показывают почти двукратное отставание башкир от других групп крестьян по размерам пахотных земель. В 1895 г. в Троицком, Оренбургском и Челябинском уездах на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем 2,2-3,4 дес. посева, тогда как в хозяйствах крестьян других групп — 4,5—6,7 дес. *[Усманов*, 1982. С. 81].

В начале XX в. увеличение масштабов земледелия в башкирском хозяйстве хотя и медленно, но продолжалось. Данные подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии показывают, что в 1912—1913 гг. площадь посева одного башкирского хозяйства в Мензелинском, Белебеевском и Златоустовском уездах в среднем составляла 5,4 дес., Уфимском и Бирском — 5,05 дес., Стерлитамакском - 2,63 дес. *[Крестьянское...* 1914. С. 494, 496-497, 504-505, 536-537, 820-821, 828-829, 910-925, 934-949, 1006-1007, 1012-1013, 1036-1037,1060-1061, 1348,1356-1357,1372-1373, 1380-1381, 1389, 1396-1397, 1400-1401]. Для сравнения: на одно крестьянское хозяйство русского населения в среднем по губернии приходилось 7,4 дес. посева.

Естественно, что вышеприведенные показатели отражают лишь наиболее общие тенденции развития хозяйства башкир, никак не отражая процессы внутриобщинного размежевания и расслоения. Между тем подсчеты Усманова свидетельствуют о социальном расслоении некогда сплоченной башкирской общины. В земледельческих районах Уфимской губернии среди башкир-вотчинников состоятельных дворов было 14 %, а бедных — 5,3 % от общего числа хозяйств. Зажиточные хозяева засевали свыше 10 дес., в их руках сосредоточивалось 42 % всехпосевов. Бедные сеялидо 4дес. посева при общем объеме 18 % от всех посевов *[Усманов*, 1982. С. 82—83]. Необходимым условием ведения земледельческого хозяйства было наличие тяглового скота. По данным того же автора, в начале XX в. в Уфимской губернии в земледельческих районах 53 % башкирских хозяйств были безлошадными и однолошадными, а в Оренбургской губернии - 59 % *[Усманов*, 1981. С. 54]. Становление земледелия в башкирском хозяйстве в пореформенный период сопровождалось медленным, но неуклонным процессом социального расслоения коренного населения.

По характеру хозяйственной деятельности и природно-климатических условий территория расселения башкир на рубеже XIX-XX вв. подразделяется на четыре района: 1) район оседло-земледельческого хозяйства — север и северо-запад Башкортостана; 2) район нового оседлого земледельческого хозяйства — северо-восток и юго-запад Башкортостана; 3) район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства — восток и юг Башкортостана; 4) район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства — горно-лесные районы Южного Урала *[Кузеев*, 1968. С. 318; *Усманов*, 1981. С. 138; *Янгузин*, 1989. С. 89, 92, 96, 106, 107].

Данное районирование показывает незавершенность процесса окончательного перехода башкир к земледелию и сохранение многоукладного характера хозяйства. По мнению Кузеева, даже «к началу XX в. башкирское хозяйство не завершило своей многовековой эволюции и не стало полностью оседло-земледельческим» *[Кузеев*, 1968. С. 317].

В целом во второй половине XIX — начале XX в. в башкирском хозяйстве произошел окончательный упадок скотоводства, вызванный всеобщим сокращением пастбищных угодий. В этот период практически прекратились летние выходы на кочевья башкирских семей в большей части территории расселения башкирского народа. Земледелие распространилось не только в земледельческо-скотоводческом районе, к концу XIX в. превратившемся в оседло-земледельческий, но и в скотоводческом районе *[Янгузин*, 1989. С. 164-166]. Однако в некоторых районах проживания башкир, как правило, избежавших потока мигрантских групп земледельческого крестьянства (в южном, юго-восточном Башкортостане), кочевки сохраняли свое значение вплоть до 1930-х гг., т.е. времени коллективизации крестьянских хозяйств. Таким образом, пореформенный период в истории башкирского хозяйства — это период, когда начинают развиваться процессы аграрной модернизации башкир, связанные как с наследием кантонной системы (насильственным переводом башкир к оседлости и земледелию), так и с общими процессами развития капиталистических отношений, протекавших в России.

Основной смысл происходивших в то время процессов вряд ли поддавался осмыслению не только населением, но и элитами русского и башкирского обществ: то было не столько обыденным растворением номадизма в рамках оседло-земледельческой цивилизации, сколько процессом трансформации российской доиндустриальной экономики в экономику и общество прединдустриального, а затем и индустриального типа. В то грандиозное движение российской модернизации оказались вовлечены и так называемые национальные окраины империи, включая Башкортостан с его пограничной кочевническо-земледельческой культурой — скотоводческим хозяйством и развивающимися земледелием и подсобными промыслами, кочевым мен-

талитетом и ставшим уже вполне оседлым образом жизни. Цивилизационные различия в социальной природе русского и башкирского обществ, в XVII—XVIII вв. приводившие к многочисленным вооруженным конфликтам, под влиянием объективных и субъективных факторов в XIX в. стали постепенно стираться, поступательно ускоряя процессы системной интеграции башкир в составе и структурах Российской империи и общества.

ВОВЛЕЧЕНИЕ БАШКИР В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЮ

В пореформенном Башкортостане происходит дальнейшее расширение и качественный рост промышленного производства. Ведущее место в экономической жизни края принадлежало горной промышленности, представленной металлургическими заводами, рудниками, золотыми приисками и соляными копями.

К 1861г. в Башкортостане было сосредоточено 25 металлургических предприятий, в т. ч. 15 чугуноплавильных и железоделательных, 10 медеплавильных, объединенных в 16 горнозаводских округов. По форме собственности Златоустовский горный округ с тремя заводами принадлежал казне, Кагинский и Авзяно-Петровский округа находились в посессионном владении, а остальные были частновладельческими *[РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 614. Л. 16-18]*.

Важные перемены в деятельности металлургических заводов Башкортостана происходили в 90-е гг. XIX в. Они были вызваны общим промышленным подъемом в стране, интенсивным железнодорожным строительством, которое потребовало значительного количества стальных рельсов и тем самым создало большой спрос на продукцию железоделательных заводов на внутреннем рынке. Если в первое пореформенное тридцатилетие (1861-1891) выплавка чугуна на частных заводах края увеличилась в 3,2 раза и достигла 5 405 562 пуд;, то в последующие 9 лет (1891—1900) она удвоилась и достигла к 1900 г. 10 997 тыс. пуд. *[ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 72. Л. 135; Д. 370. Л. 636; Сборник... 1900. С. 294-296]*.

Положительное влияние на экономическую деятельность заводов оказало строительство Самаро-Златоустовской железной дороги (1886-1892). С постройкой основной магистрали горные заводы Южного Урала получили возможность значительно увеличить и ускорить поставки своей продукции в центральные районы страны. Она также способствовала применению в качестве топлива привозных минеральных продуктов: мазута, антрацита, нефти и т д.

В первые пореформенные годы золотодобывающая промышленность края переживала кризисное состояние. С 1860 по 1865 г. добыча золота упала со 174 до 102 пуд., или на 41,4 % *[Хакимов, 1986. С. 38-39]*. Но с 1866 г. добыча драгоценного металла стала увеличиваться и к концу 60-х гг. достигла дореформенного уровня.

В 1860 г. в Оренбургской губернии разрабатывались 223 прииска, из них 49 эксплуатировались Миасской золотопромышленной конторой и до 1877 г. подчинялись казенному ведомству, затем были сданы в аренду частной акционерной компании «Левашов, Дароган и К⁰». 132 прииска находились на землях Оренбургского казачьего войска, 32 — на казенных и тептярских землях, 10 — на землях башкир-вотчинников. Территориально они были сосредоточены в Верхнеуральском, Орском, Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии.

В 90-е гг. XIX в. заметно усилилась концентрация производства в золотодобывающей промышленности, организация компаний и товариществ. В конце XIX в. в пределах Оренбургской губернии насчитывалось 35 золотопромышленных обществ и товариществ. Наиболее крупными из них были «Миасское золотопромышленное товарищество», «Российское золотопромышленное общество», «Братья М.Ш. и М.З.Рамеевы», «Тарасов П.И., Казанцев Г.Г. и К⁰» и др. *[Хакимов, 1992. С. 96]*.

В 1861 г. в Оренбургской губернии действовало 306 фабрично-заводских перерабатывающих заведений, производивших продукцию на сумму 1 817 тыс. руб. Среди них наиболее значительными были винокуренные заводы, где изготовлялись за год напитки на 614,6 тыс. руб. Основными центрами винокурения были Стерлитамакский уезд с 8 заводами и Оренбургский с 4. К концу 70-х гг. в Уфимской и Оренбургской губерниях действовало 25 винокуренных заводов, которые изготовляли продукцию на сумму 1 102 тыс. руб. в год.

Значительное развитие в крае получила переработка продуктов животноводства. В начале 60-х гг. в обрабатывающей промышленности преобладали кожевенные и салотопенные заведения, которых насчитывалось соответственно 80 и 45 предприятий *[РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 48. Л. 110]*. Распространению этих производств способствовала близость к источникам сырья. Крупные партии живого скота пригонялись в меновые дворы Оренбурга, Троицка с казахских степей. С 1865 по 1879 г. численность кожевенных заведений выросла незначительно — с 60 до 70, но сумма производства выросла более чем вдвое — с 182,3 до 377,8 тыс. руб. *[РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 45. Л. 157-159; Обзор... 1880. Ведомость 2]*.

Центрами производства и сбыта изделий из кожи были Стерлитамак, Троицк, Уфа, Оренбург,

Златоустовский, Челябинский и Оренбургский уезды. В с. Нижегородка Осоргинской волости Уфимского уезда действовало 54 кожевенных предприятия *[Сборник...* 1910. С. 343].

В Оренбургской губернии большое развитие получило салотопенно-бойное производство. Оно состояло из предприятий двух типов. Одно специализировалось на забое скота, другое - на обработке мяса и топке сала. Если в 1865 г. здесь насчитывалось 67 салотопенных заведений с производством продукции на 218,3 тыс. руб., то в 1895 г. — соответственно 35 предприятий с продукцией на 1 413 тыс. руб. *[РГИА.* Ф. 1284. Оп. 223. *Д.* 155. *Л.* 98; *Перечень...* 1897. С. 531—532]. Таким образом, в результате конкурентной борьбы между предпринимателями часть мелких заведений закрывалась или поглощалась крупными, шел процесс концентрации производства.

Наиболее значительными по выпуску продукции и числу рабочих были заводы купца Осипова в г. Троицке, где стоимость выпущенной продукции составляла 44,7 тыс. руб. при 87 рабочих, купца Хусайнова в г. Оренбурге (174,3 тыс. руб. при 72 рабочих) *[Перечень...* 1897. С. 531-532]. Характерным для салотопенного производства'было то, что основная масса предприятий принадлежала зарождавшейся национатьной буржуазии из башкир и татар. В 1895 г. им принадлежало 21 предприятие (58 %). Крупными предпринимателями являлись Хусаинов, Габитов, Бурнаев, Менлибаев и другие купцы.

Суконное производство было представлено Нижне-Троицкой фабрикой купца Алафузова в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Предприятие выпускало армейское сукно. В пореформенный период фабрика была реконструирована и значительно расширила свое производство. С 1865 по 1895 г. выпуск продукции здесь увеличился в 4 раза и достиг 272,5 тыс. руб., число рабочих возросло с 175 до 521. Предприятие имело 3 паровые машины мощностью в 75 *л.* с. и 2 турбины в 150 *л.* с. В начале 90-х гг. XIX в. фабрика была преобразована в акционерное «Общество Алафузовской Нижне-Троицкой суконной фабрики» с основным капиталом в 300 тыс. руб.; контора находилась в Казани [*Там же].*

Капиталистические отношения все более проникали в лесоперерабатывающую промышленность края. До конца 70-х гг. отрасль не была представлена ни одним промышленным предприятием. Основной формой производства являлась рубка леса и сплав его на продажу в волжские города Самару, Нижний Новгород, Рыбинск, Астрахань. В 1879 г. из Оренбургской губернии было сплавлено по рр. Урал, Сакмар, Ик 14 тыс. кв. саженей дров и 70 тыс. штук бревен, по Белой — 60 766 штук бревен. Часть леса сплавлялась в виде готовых изделий: плашек, ободьев, клепок и т. д., которые изготовлялись на местах крестьянами прибрежных волостей. В 1874 г. с пристаней Уфимского уезда было сплавлено: мочала — 789,2 тыс. пуд., лубков — 342,1 тыс. штук, лыка — 500 тыс. пуд., дубовых ободьев — 176,6 тыс. штук. Значительное количество древесины сжигалось для получения шадрика и поташа, являвшихся ценным сырьем для химической промышленности. Ежегодно из пределов Уфимской губернии вывозилось до 600 тыс. пуд. шадрика и 93 тыс. - поташа *[РГИА.* Ф. 1284. Оп. 70. *Д.* 254. *Л.* 32 об. - 33; *Новиков,* 1975. С. 17; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1.*Д.* 12603. *Л.* 97].

Рост капиталистической промышленности в целом по стране в 80—90-е гг. XIX в. вызвал все возрастающую потребность в деловой древесине и лесоматериалах для строительства железных дорог, складов и других хозяйственных построек. Усиление торгово-экономических и транспортных связей Башкортостана с центральными районами страны обусловило возникновение паровых лесопильных заводов. Если в 1876 г. в Уфимской губернии действовал 1 завод, то к 1900 г. их уже насчитывалось 18: 13 из них были сосредоточены в г. Уфе и его окрестностях, остальные находились в Бирском уезде. Годовая продукция лесопильных заводов Уфимской губернии с 1879 по 1900 г. увеличилась в 9,7 раза, с 52,5 тыс. до 496 тыс. руб. В общей валовой продукции обрабатывающей промышленности губернии она занимала 10 %. Наиболее крупными и технически оснащенными были в Уфе предприятия купца С. Лаптева (108 тыс. руб., 76 рабочих), И.Кауля (49 тыс. руб., 59 рабочих) и др. Все они были оснащены паровыми двигателями, лесопильными рамами, строгальными станками *[Список...* 1903. С. 234; *Обзор...* 1880. Ведомость о фабриках и заводах].

В 90-е гг. XIX в. ведущее место в фабрично-заводской промышленности занимало мукомольно-крупяное производство, что было связано с быстрым развитием в крае торгового зернового хозяйства. За 60-90-е гг. XIX в. валовые сборы зерна выросли в Уфимской губернии в 2 раза, а в Оренбургской - в 2,3. За период с 1879 по 1895 г. в Оренбургской губернии производительность мукомольно-крупяных предприятий увеличилась в 10 раз, выпуск продукции достиг в 1895 г. 3,9 млн руб. В Оренбурге действовало 8 крупных паровых и 7 вальцевых мельниц, на которых ежедневно перерабатывалось 12 314 пудов зерна *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. *Д.* 1466211. *Л.* 67-70; *РГИА.* Ф. 573. Оп. 25. *Д.* 753. *Л.* 48].

В Уфимской губернии в 1900—1902 гг. действовало 6 паровых, 5 турбинных и 16 водяных крупных мукомольных предприятий. В 1900 г. мукомольно-крупяные предприятия края произвели продукцию на 1 664 тыс. руб., что составляло 35 % валовой сто-

имости продукции фабрично-заводской промышленности губернии *[Хозяйственно-...* 1902. С. 416].

Таким образом, в промышленности Башкортостана пореформенного периода шел необратимый процесс утверждения капиталистических отношений. Особенно быстрыми темпами росло производство черных металлов на акционированных предприятиях, обновлялась их производственно-технологическая база, что несомненно свидетельствовало о вступлении горнозаводской промышленности в конце XIX в. в завершающую стадию промышленного переворота. В золотодобыче наблюдалась концентрация приисков и производства драгоценного металла в руках крупных предпринимателей и фирм. Значительные изменения произошли в развитии промышленности, основанной на переработке сельскохозяйственного сырья. Винокурение и обработка продуктов животноводства все более уступали место крупным мукомольным и лесоперерабатывающим предприятиям, использующим машинную технику.

Процессы модернизации в производстве вовлекали и башкир. Но они имели свои особенности. Башкиры приобщались к промышленной деятельности прежде всего через мелкое производство, связанное с сельским хозяйством *[Юлдашбаев*, 1972. С. 130-131].

Потребности развития российского капитализма вширь - распространение его господства на новые территории — вызвали необходимость строительства новых железных дорог, которые более прочно связали бы Башкортостан с Поволжьем, а также с центральными торгово-промышленными рынками страны.

В 1873 г. началось строительство Самаро-Оренбургской железной дороги на средства частной акционерной компании. 1 января 1877 г. здесь началось движение поездов. По территории Оренбургской губернии железная дорога шла от станции Кинель до г. Оренбурга, но это не сняло остроты транспортной проблемы в регионе.

В 1885 г. начинается сооружение Самаро-Златоустовской железной дороги. Строительные работы производились в основном вручную. Особенно тяжелыми были земляные работы, объем которых на каждую версту дороги составил в среднем около 3 тыс., а на некоторых участках — до 50 тыс. куб. саженей. В сентябре 1888 г. участок железной дороги Самара - Уфа протяженностью в 453 версты сдается в эксплуатацию. В 1890 г. железная дорога достигает города Златоуста, а в 1892 г. — Челябинска и становится начальным пунктом будущей Транссибирской магистрали. За время строительства дороги здесь было возведено 39 железнодорожных станций, 49 путевых казарм, множество мостов и тоннелей *[Исторический...* 1899. С. 319].

С улучшением путей сообщения совершенствовались и средства связи. Росло число почтовых контор и станций. Телеграфное сообщение между городами было установлено в 1862 г. Оно соединило Оренбург, Стерлитамак, Уфу и Мензелинск *[ЦИАРБ.* Ф.'И-б. Оп. 2. *Д.* 71. *Л.* 196].

Вплоть до середины 80-х гг. в крае преобладала ярмарочная торговля, число магазинов было незначительно. В Уфимской губернии крупные ярмарки проходили в Мензелинске, Уфе, Стерлитамаке. В 1871 г. из 99 ярмарок, действовавших в Уфимской губернии, 9 находились в городах, остальные — в сельской местности. На Мензелинскую ярмарку, которая была самой оживленной, в отчетном году было привезено товаров на 7 968 тыс. руб., а продано на 5 892 тыс. Товарооборот Уфимской ярмарки составил свыше 1 млн руб. Основными предметами торговли были одежда, обувь, бумажные и шелковые ткани, кожа, сахар, чай. Торговлей занимались на Мензелинской ярмарке 331 человек, из которых купцов I гильдии было 35, II гильдии —120, крестьян —92, мещан - 58. По местам жительства торгующие лица распределялись следующим образом: из Москвы — 23 чел., Казани — 96, Елабуги — 30, Оренбурга - 6, Уфы — 4 человека *[Гурвич*, 1871. С. 20].

В Оренбургской губернии ярмарочная торговля была сосредоточена преимущественно в Челябинском и Троицком уездах. В 1867 г. на 52 ярмарках было продано различных товаров на 1 390,3 тыс. руб. Наибольшими оборотами отличалась Челябинская ярмарка, где в отчетном году объем обращаемых товаров в стоимостном отношении составил 764 тыс., а проданных — 383 тыс. руб. *[Список...* 1870. С. 42].

Большую роль во внешней торговле России с Казахстаном и Средней Азией играли меновые дворы в Оренбурге, Троицке и Орске. С 1865 по 1879 гг. сумма проданных на них товаров выросла с 3 829,6 тыс. до 12 279, 2 тыс. руб., или в 3,2 раза. Из Бухары, Коканда, Хивы и других мест на Оренбургский рынок привозились большие партии хлопка, шерсти, кожи, фруктов. Важной статьей торговли на меновых дворах являлась торговля скотом. Ежегодно сюда пригонялись значительные гурты казахского скота из Уральской, Тургайской и Акмолинской областей. В 1878—1881 гг. в Оренбурге ежегодно продавалось в среднем по 15 тыс. лошадей, 10 тыс. верблюдов, 39 тыс. голов крупного рогатого скота, 336 тыс. овец *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. *Д.* 14662/1. *Л.* 32; *Канделаки*, 1914. С. 32].

Постоянная торговая сеть, которая была развита почти повсеместно в крупных населенных пунктах, превращала их в относительно большие по местным масштабам торговые центры. В пореформенные годы оживленными центрами торговли, кроме городов, стали Аскарово, Байки, Бакалы, Давлеканово, Темясово и др. Например, в 1901 г.

в Белорецке было 67 различных торговых магазинов и лавок с оборотом 1 005 тыс. руб., в Давлеканово — 44 с оборотом 312 тыс. руб. [*Торговля...* 1909. С. 72, 402].

Развитие постоянных форм торговли сопровождалось увеличением количества торговой буржуазии. Основной контингент лиц, занимающихся торговой и промысловой деятельностью, охватывался гильдейским учетом. По Положению 1865 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов», оставались две купеческие гильдии (вместо прежних трех). Гильдейские свидетельства первого разряда покупались уже не розничными, а оптовыми торговцами, они имели право торговать на всем пространстве России *[Рындзюнский*, 1978. С. 231]. Помимо двух гильдий, имелся разряд «мелочных торг», а также «развозной» и «разносной» торговли. Сюда относились хозяева мелких лавок, торговавших в основном в сельской местности, с оборотом 1—2 тыс. руб. в год. Материалы торговой статистики свидетельствуют о неуклонном росте числа лиц, занимающихся торговлей и промыслами в крае. Если в 1865 г. в Уфимской губернии было выдано 3 611 торговых свидетельств и билетов, то в 1899 г. количество их возросло до 16 811 [*Сборник...* 1900. С. 158; *Обзор...* 1900. С. 39]. В Оренбургской губернии за 1867—1900 гг. число выданных документов на право торговли выросло с 2 562 до 13 436, или более чем в 6 раз *[Список...* 1870. С. 40; *Статистический...* 1901. Ведомость № 8].

Гильдейские купцы-оптовики держали в своих руках львиную долю всего товарооборота и прибылей в торговле края. Многочисленные мелкие торговцы находились в зависимом от них положении и являлись их агентами. В Уфимской и Оренбургской губерниях торговлю мануфактурами и галантерейными товарами сосредоточили торговые дома «Григория Стахеева с сыновьями», Роговых, Хусайновых, Яушевых, Зайковых. Все они имели сеть крупных магазинов. Например, магазины Стахеевых имели ежегодный оборот свыше 1 млн руб. в городах Челябинске и Троицке, в Уфе — 400 тыс., в Миассе - 300 тыс. руб. *[Всероссийский...* 1896. С. 15-18, 142-148].

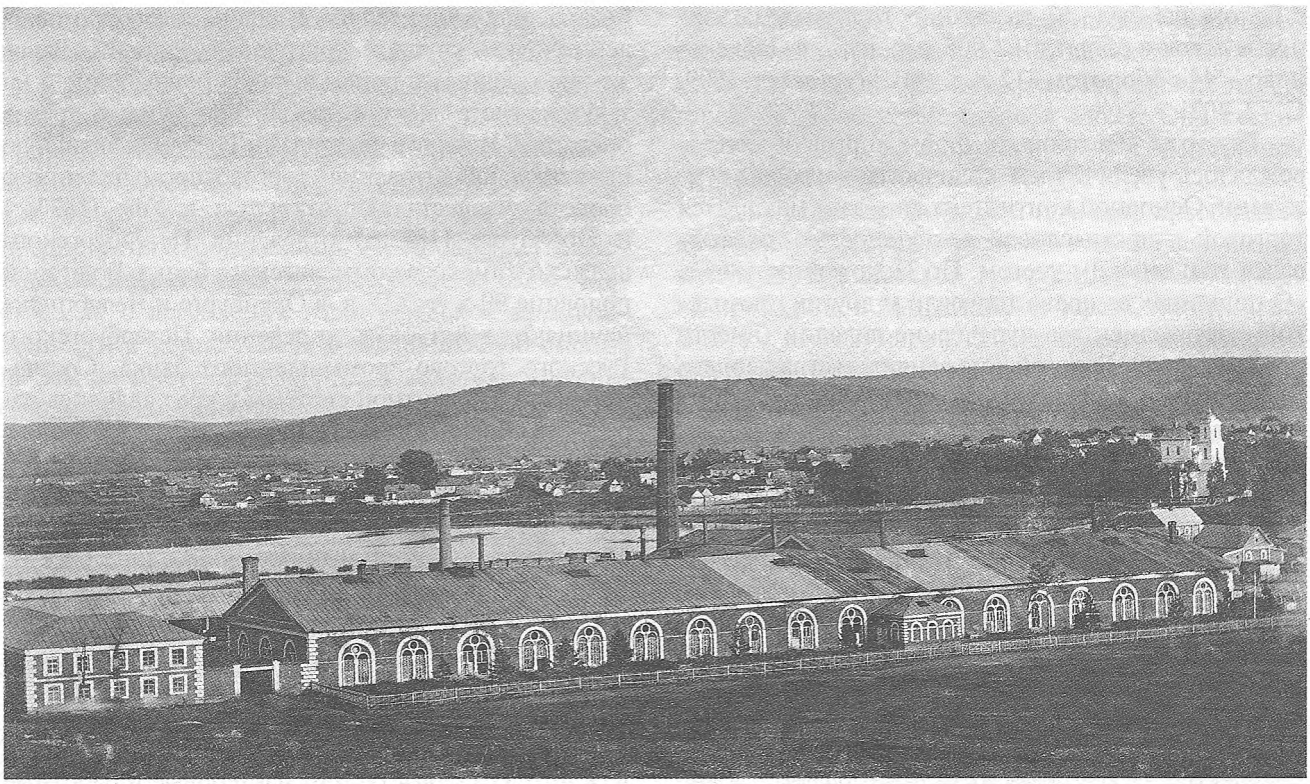
Существенное влияние на развитие капиталистических отношений в экономике Башкортостана оказывала кредитная система. Незадолго до реформы 1861 г. казенные банки в России были упразднены, и в 1860 г. был основан Госбанк, производивший весьма крупные коммерческие кредитные операции.

После настойчивых ходатайств местных торгово-промышленных кругов отделения Госбанка были открыты в 1865—1866 гг. в городах Уфе и Оренбурге, а в 1893 г. - в Челябинске *[Русские...* 1899. С. 5-6]. В пореформенный период их основная деятельность была направлена на вексельное кредитование горнозаводчиков под залог металлов, золотопромышленников и крупной торговой буржуазии. Здесь же производились прием вкладов на хранение и на текущие счета, выпуск процентных бумаг и другие операции. Наряду с филиалами Госбанка активную политику кредитования торгово-промышленного оборота осуществляли открытые в Уфе (1873 г.) и Оренбурге (1883 г.) отделения Петербургского волжско-камского коммерческого банка. Во второй половине 90-х гг. XIX в. в Оренбурге и Челябинске начинают действовать отделения Петербургского Русского торгово-промышленного банка. Составной частью кредитной системы в крае являлись городские общественные банки, общества взаимного кредита и ломбарды. Развитие этих учреждений было обусловлено потребностями растущего товарного производства и обмена. Первые городские общественные банки возникли в середине 60-х гг. XIX в. в Оренбурге, Троицке, Челябинске и Бирске, в 1869—1872 гг. - Мензелинске, Стерлитамаке и Орске, а в 1876 г. - Уфе, Они обслуживали преимущественно мелкие и среднебуржуазные слои городов: купцов, мещан, ремесленников.

Основным источником формирования рабочих Южного Урала выступили мастеровые и работные люди, тесно связанные испокон веков с горнозаводским трудом. Рабочий класс пополнялся за счет заводского сельского населения, которое выполняло на предприятиях различные вспомогательные работы (добыча и перевозка руды, выжег угля и т. д.), а также многонационального местного крестьянства.

В пореформенный период в регионе, как и в стране в целом, шел неуклонный рост численности рабочих. В 1861—1900 гг. их численность на горных заводах Уфимской и Оренбургской губерний выросла с 25 521 до 66 926 человек, т. е. в 2,6 раза, в золотодобывающей промышленности — с 14 111 до 19 229 (в 1,4 раза), на предприятиях фабрично-заводской промышленности — с 1 975 до 6 363 (в 3,3 раза). В крае появились железнодорожники, заметно увеличилось число судорабочих, строителей, лесорабочих. К концу XIX в. на Южном Урале насчитывалось около 135 тыс. рабочих (27 % рабочих Уральского региона), в т. ч. в Уфимской губернии — 61 тыс., в Оренбургской - 74 тыс. Самый крупный отряд промышленных рабочих в 65,9 тыс. чел. (49,5 %) был занят на металлургических и металлообрабатывающих предприятиях. За ними по численности шли приисковые рабочие — 9,2 тыс. (14,3%), строители — 13,6 тыс. (10,1 %), лесные рабочие 16,8 тыс. (12,4%), железнодорожники - 12,0 тыс. (8,8 %), фабрично-заводские рабочие — 6,4 тыс. (4,75 %) *[Хакимов*, 1989. С. 13].

В составе промышленных рабочих края в описываемое время наблюдались и значительные качественные сдвиги. Росла концентрация рабочих



Богоявленский завод. Начало XX в. Фото

на крупных предприятиях. В 1900 г. на заводах с числом рабочих 1 тыс. и более было сосредоточено свыше половины горнозаводского пролетариата (50,8 %), в то время как на заводах со 100 и менее трудилось всего 4,2 % всех рабочих. Самыми крупными в этом отношении были Белорецкий завод — 9 960 человек, Кагинский - 8 660, Златоустовский - 4 489, Тирлянский — 3 тыс. человек *[Хакимов*, 1988. С. 16].

Степень концентрации рабочих на приисках была значительно ниже. Специфика золотодобывающей промышленности, связанная с частой сменой места разработок, разбросанностью приисков на больших расстояниях друг от друга, распыляли рабочих. Относительно крупных приисков с числом рабочих от 100 и больше насчитывалось всего 30 с 9 872 рабочими, или 51 % всего приискового пролетариата края. Остальная часть рабочих была сосредоточена на мелких приисках.

Значительное количество рабочих было сконцентрировано на рудниках по добыче железной руды. На самом крупном из них - Магнитном, расположенном в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, в 1899 г. было занято 2 214 рабочих, на Бакальском руднике Златоустовского горного округа - более 1 тыс. человек *[РГИА*. Ф. 37. Оп. 1. *Д*. 27. *Л*. 121; *Путеводитель...* 1899. С. 59].

С развитием промышленности, усилением капиталистической эксплуатации росло использование низкооплачиваемого женского и детского труда. В условиях преобладания на Южном Урале горнозаводской промышленности, где условия труда были особенно тяжелыми и требовали большого физического напряжения, процент использования женщин и детей был невысоким. В обрабатывающей промышленности получило распространение использование труда женщин и детей, где их удельный вес в среднем по двум губерниям края составлял 18,5 % всех рабочих отрасли, а детей и подростков — 6 %.

Промышленные рабочие Южного Урала составляли часть российского рабочего класса. Наряду с русскими в нее входили башкиры, татары, чуваши и представители других народов. В конце XIX в. общее число рабочих-башкир в Уфимской губернии составляло 12,5 тыс., в Оренбургской — 14,3, а всего 26,8 тыс. чел. Из них на металлургических заводах было занято 4 тыс. человек (3,5 тыс. на вспомогательных и 0,5 тыс. на цеховых работах), в золотодобывающей промышленности — 6 тыс., в лесной — 8,6 тыс., фабрично-заводской — 6,4 тыс., на строительстве и транспорте — 1,8 тыс. человек. Общение башкир с рабочими других народов было прогрессивным явлением.

Значительное количество рабочих-башкир было занято в золотодобывающей промышленности, на железных, медных и марганцевых рудниках края. В горнозаводской промышленности Южно-

Базарная площадь перед Гостинным двором. Уфа, начало XX в. Фото

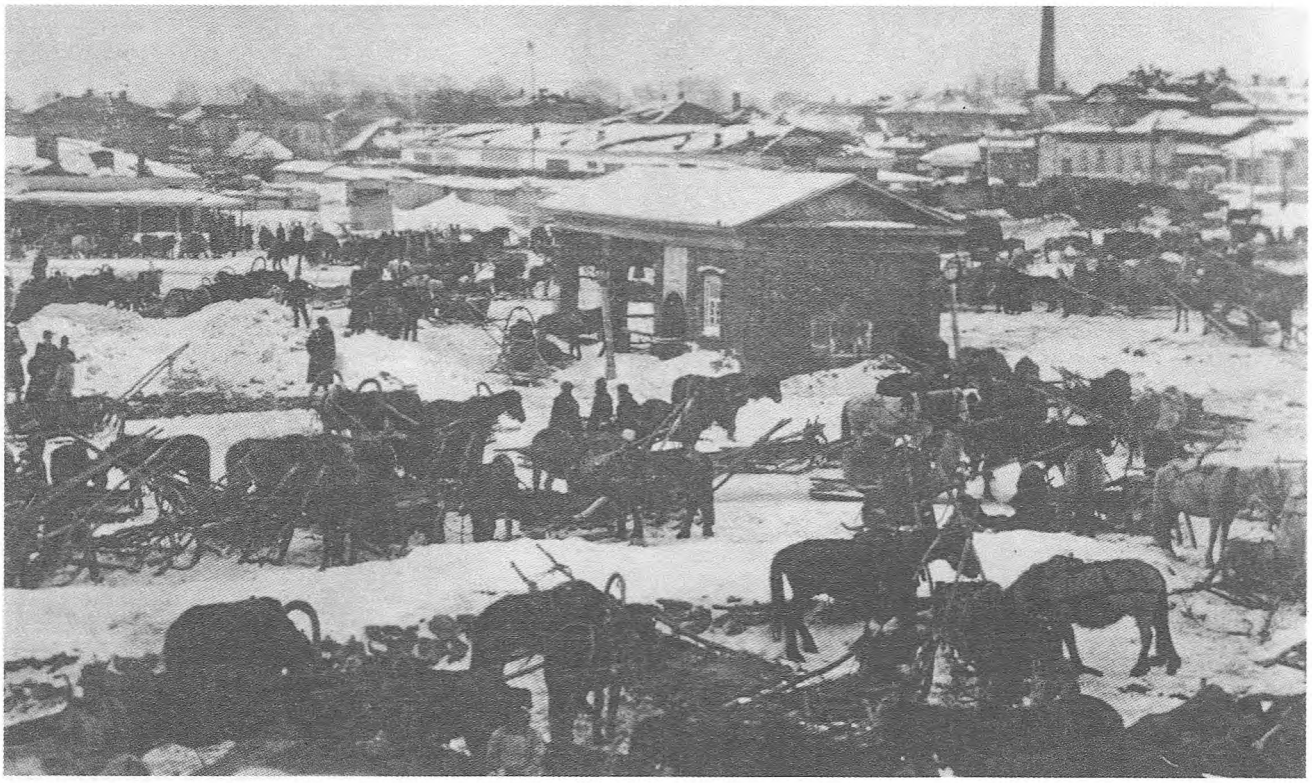
го Урала башкиры работали преимущественно на вспомогательных работах: рубке дров, выжиге угля, гужевых перевозках, сплаве леса.

Итак, с развитием многоотраслевой промышленности в крае шел процесс формирования класса наемных рабочих. В различных отраслях он имел свои особенности. Не одно поколение рабочих трудилось на горных заводах. Здесь основным источником пополнения были местные работные люди. В золотодобывающей промышленности кадры комплектовались из разорившихся крестьян, мещан и горнозаводского населения. В фабрично-заводскую промышленность шли крестьяне, ремесленники и кустари, потерявшие свое хозяйство. Активно вовлекались в производственную деятельность и коренные жители края — башкиры, основная масса которых была занята на добыче и разработке железных и медных руд, золота, на вспомогательных работах при горных заводах и т. д.

Положение рабочего класса России в пореформенное время было более тяжелым, чем в странах Западной Европы, прошедших уже этап буржуазно-демократической революции. Сохранившиеся пережитки феодально-крепостнических отношений отражались как на уровне заработной платы, так и в степени эксплуатации трудящихся. С особой силой они давали о себе знать на Южном Урале, где «оригинальный строй» горнозаводской промышленности наложил значительный отпечаток на жизненный уровень рабочих.

В 60-е гг. XIX в. продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях Южного Урала не ограничивалась и зависела от произвола хозяев, особенно на рудниках и приисках. Так, в 1867 г. на Миасских золотых промыслах рабочий день длился по 15—17 час. в сутки, на Каргалинских медных рудниках - по 13-14 час. *[РГИА. Ф. 37. Оп. 14. Д. 648. Л. 31]; ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. Д. 14369/15. Л. 43]. На металлургических предприятиях существовал 12-часовой рабочий день, а в доменных цехах — 24-часовые смены: рабочие круглые сутки находились на работе, затем 24 часа отдыхали. В кричных, пудлинговых, прокатных цехах работали в две смены по 12 час., но точное время заступления смен на работу обычно не устанавливалось, рабочие вызывались на работу ко времени окончания срока предыдущей смены.

Рост рабочего движения в 80—90-е годы заставил правительство издать 2 июня 1897 г. закон о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности, который впервые в законодательном порядке нормировал в промышленности страны продолжительность рабочего времени всех возрастных категорий. Закон устанавливал на фабрично-заводских, горных, горнозаводских предприятиях, золотых приисках, в железнодорожных мастерских продол-



Мензелинская ярмарка. Мензелинск, начало XX в. Фото

жительность рабочего дня в дневное время не более 11,5 час., в ночное — 10 час.

Реформа 1861 г., предоставив горнозаводскому населению личную свободу, внесла существенные изменения в формы и размеры оплаты труда. Так, если на Кусинском казенном заводе до 1861 г. мастер получал в среднем от 58 до 94 руб. в год, а разнорабочие — по 30—35 руб., то в конце 60-х гг. заработок первых возрос до 120—210 руб. в год, а вторых — до 60—100 руб. На Саткинском заводе за это время зарплата рабочих увеличилась с 37—54 руб. до 75-180 руб. *[Хакимов*, 1989. С. 153].

Для стимулирования труда заводовладельцы стали вводить премирование рабочих за экономию сырья, повышение производительности труда. В 80-е гг. номинальная зарплата рабочих продолжала расти.

Но в целом рабочие трудились и жили в тяжелых условиях. Владельцы заводов, рудников, приисков экономили на всем, прежде всего на оборудовании производственных помещений, не заботились о создании нормальных условий для труда и отдыха рабочих. Довольно часто имели место случаи производственного травматизма. Медицинская помощь находилась на очень низком уровне. В 1900 г. на частных заводах Оренбургской и Уфимской губерний имелось всего 17 больниц и приемных покоев на 235 коек. В них работало только 14 врачей и 13 фельдшеров *[Там же.* С. 15].

Мрачную картину представляли жилищно-бытовые условия рабочих. На металлургических предприятиях работали преимущественно местные жители, имеющие свои дома с усадьбой, что несколько снижало остроту проблемы. Тем не менее говорить об удовлетворительном жилье не приходится. Писатель М.А.Круковский в своих путевых очерках по Южному Уралу писал: «Вокруг завода по берегам пруда обычно располагались жалкие домишки рабочих [...]. В ненастную погоду все имение буквально тонет в непролазной грязи, ночью улицы погружены в темноту. Наиболее худшие жилищные условия были на рудниках, приисках, лесоразработках. Здесь рабочие жили в основном в землянках, казармах. В Златоустовском уезде на Бакальском руднике в 1898 г. были построены 34 летних барака и 7 казарм, в которых рабочие жили и зимой. Помещения темны, грязны [...] тут же рабочие пьют, едят, отдыхают, тут же сушатся их грязные, мокрые лохмотья» *[Круковский*, 1909. С. 109; *Путеводитель...* 1899. С. 59].

Рабочие не могли мириться со своим тяжелым положением. На жестокую эксплуатацию они отвечали протестами и выступлениями, которые вначале были стихийными, но со временем приняли более организованный характер.

В 1881 г. волнения охватили Миасские золотые промыслы, где работали преимущественно контрактные рабочие-башкиры. Причинами, как до-

кладывал начальник Оренбургского губернского жандармского управления в Департамент полиции, были крайне тяжелые условия труда, мизерная зарплата. 22 июня забастовали 200 человек на Мулдакаевской дистанции. Затем волнения охватили соседние Ильинскую и Еремеевскую. Для подавления недовольных власти использовали казаков. Десятки рабочих были арестованы и преданы суду *[Очерки...* 1959. С. 235].

Реформа 1861 г. ускорила формирование буржуазии. Основу последней составляло гильдейское купечество, рекрутировавшееся в основном из зажиточных крестьян, кустарей, мещан. Для получения свидетельства купца I гильдии требовался капитал более 10 тыс. руб., для II гильдии — 1—10 тыс. В 1865 г. в Уфимской губернии было выдано 4 купеческих свидетельства I и 293 II гильдии, в Оренбургской — 17 и 573 соответственно. Капиталы местных купцов составляли 1,9 млн руб., или 28 % от всего капитала уральского купечества. В начале 70-х гг. XIX в., с принятием нового устава о частной золотопромышленности, усиливается приток купеческих капиталов в золотопромышленность края. Крестьянские корни имели известные уфимские лесопромышленники Чижовы, Стуколкины, Лаптевы, Манаевы. Разбогатевшие на подрядах по доставке лесоматериалов, они вскоре сами начинают активную деятельность по строительству лесоперерабатывающих предприятий и от поставок леса-кругляка переходят к производству готовой продукции.

По своему составу местная буржуазия была многонациональной. Ведущее место принадлежало русской, сконцентрировавшей в своих руках наиболее важные отрасли промышленности, торговли, банковские учреждения. Вместе с тем наращивала свою деятельность башкирская и татарская буржуазия.

Крупную оптовую торговлю мануфактурой, тканями, кожей, чаем, с оборотами свыше 100 тыс. руб. в год, вели в г. Оренбурге А.Г.Хусаинов (1 млн руб.), Х.Т.Тенишев (160 тыс.), в Орске - А.Ш.Бурнаев (280 тыс.), А.Ш.Нигматуллин (80 тыс.), М.Ш. и М.З.Яушевы (150 тыс.), в Уфе - С.С.Губайдуллин (600 тыс.), С.Назиров (300 тыс.), М.А.Хакимов (360 тыс.) *[Всероссийский...* 1896. С. 142—144].

Башкирские и татарские предприниматели особенно преуспели в таких отраслях, как переработка продуктов животноводства. В 1900 г. в Оренбургской губернии из 15 шерстомойных заведений им принадлежало 11. В Оренбурге, Троицке, Орске, Стерлитамаке они владели 30 салотопенными и кожевенными предприятиями с годовым оборотом свыше 1 млн руб. *[Список...* 1903. С. 444, 596].

Крупными предпринимателями, известными далеко за пределами края своими торгово-экономическими связями, были торговые дома Яушевых, Хусайновых, Кинзикеевых, Тенишевых. Например, гильдейские купцы Яушевы имели в Троицке паровую крупчатую мельницу с годовой выработкой на сумму 407,3 тыс. руб. Им же принадлежали кожевенные и мясоваренные заводы с производительностью на 281,8 тыс. руб. Кроме промышленного производства, они вели обширную торговлю качественными товарами, мануфактурой, галантереей через разветвленную сеть магазинов в Оренбурге и Троицке, обороты которых составляли 1,4 млн руб. *[Список...* 1903. С. 441-444, 596; *Всероссийский...* 1896. С. 201].

В конце XIX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях на доходы с капитала и недвижимого имущества жили 4 962 хозяйства, в том числе 683 башкирских (14 %) и 563 татарских (11%). Занимались торговлей 22 137 хозяйств, из них 2 676 башкирских (12 %) и 4 299 татарских (19 %). Башкирская буржуазия проявляла большую активность в лесной, золотодобывающей, обрабатывающей промышленности. Наиболее крупными предпринимателями из башкир были Давлетшины, Абдулатыповы, Бахтияровы, Котлубаевы - в лесной промышленности; Арабовы, Кадыровы, Габитовы, Шарыповы, Абубакировы, Адигамовы, Хакбердины, Дашкины — в золотодобывающей; Утямышевы, Валитовы, Усмановы, Ишмухаметовы, Бурнаевы — в обрабатывающей промышленности *[Очерки...* 1959. С. 219, 220].

Значительная часть башкирского населения Бирского, Уфимского, Стерлитамакского уездов была охвачена кустарными промыслами. Наиболее распространенными были промыслы по изготовлению кулей и рогож из мочала в Надеждинской, Архангельской, Нагаевской, Урман-Кудейской волостях Уфимского уезда. В Байкинской, Байкибашевской, Сарсинской и Верхне-Татышлинской волостях Бирского уезда за сезон изготавливали в среднем до 500 тыс. кулей и рогож. В каждой волости было занято этим делом до 70 дворов. Большая часть домохозяев работала с хозяйским мочалом по 30 руб. за 1 тыс. кулей или со своим мочалом по 60 руб. С 15 марта по 1 июля 1889 г. на базарах Бирского уезда было закуплено рогож и кулей 254 800 штук, липовых лубьев - 82 100, шадрика — 1 610 пудов, черемуховых и тальевых прутьев - 84 800, липовых плошек - 43 550, дубовых досок - 257 500 штук *[ЦИА РБ.* Ф. И-132. Оп. 1. *Д.* 51. *Л.* 29-30; Ф. И-10. Оп. 1. *Д.* 1240. *Л.* 26].

Пореформенный период был отмечен оживлением торговой деятельности среди башкир. Во многих башкирских и татарских селах проводились ярмарки, действовали постоянные базары и торжки. В Бирском уезде в 70-е гг. XIX в. из действующих 53 базаров и 31 ярмарки на татаро-башкирские селения приходилось соответственно 33 и 13. В конце XIX — начале XX в. в башкирских селах

заметно расширилась стационарная магазинно-лавочная торговля. В 1913 г. в Бакаевской, Бишаул-Унгаровской, Азнаевской, Арслановской, Гирей-Кыпчакской, Ильчек-Темировской, Макаровской, Болыиекущинской волостях Стерлитамакского уезда Уфимской губернии было сосредоточено 150 торговых заведений. В среднем на одно башкирское селение приходилось 1,5 торгового заведения с оборотом от 2 467 до 3 800 руб. [*Юлдашбаев*, 1972. С. 159, 153].

В середине XIX в. башкиры торговали кожей, воском, но наибольшее место занимала продажа скота, особенно лошадей [*Юлдашбаев*, 1972. С. 149—150]. По мере развития земледелия башкиры включились в хлебную торговлю, но к концу XIX в. основной торговой сферой стала торговля стройматериалами и сельскохозяйственными продуктами *[Первая...* 1904. Т. 28. С. 112,116, 158; Т. 45. Тетрадь 2. С. 96, 101].

Таким образом, в пореформенный период в крае формируются новые социальные группы, прослойки, консолидирующиеся в буржуазный класс. По своей структуре он был неоднородным. Наиболее активной являлась русская буржуазия, сконцентрировавшая в своих руках крупные капиталы в горнозаводской промышленности. Башкирская и татарская буржуазия преимущественно занималась предпринимательством в золотодобывающей, лесной и обрабатывающей промышленности, торговле. Башкирский народ постепенно втягивался в общероссийский процесс капиталистического развития.

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО

ДЕМОГРАФИЯ БАШКИР

Рассматривая демографию башкир порефор-менного периода, необходимо иметь в виду ряд особенностей этого периода. После X ревизии официальный учет населения России был произ-веден лишь в 1897 г. во время Первой всеобщей переписи. В ее программе вопрос о национальной принадлежности отсутствовал. Основным крите-рием этнической идентификации было указание на родной язык. Отмена кантонной системы и упразд-нение Башкирского войска перевели башкир, тептярей, мишарей в разряд «сельских обывателей», т. е. прежнее сословное деление было упразднено. В 1897 г. в Российской империи во время проведе-ния переписи указали башкирский язык в качестве родного 1 321 363 чел., по подсчетам Р.З.Янгузи-на — 1 311 298 чел. *[Янгузин*, 2002. С. 145]. Р.Г. Ку-зеев называет цифру 1 311 017 чел. *[Кузеев*, 1978. С. 260].

По данным Ф.А.Фиельструпа, в 1917 г. башкир было 1 306 тыс. чел. *[Фиельструп*, 1926. С. 8, 36]. С.И.Брук и В.М.Кабузан приводят более значи-тельную цифру о количестве башкир в этот пери-од — 1 732,8 тыс. чел. *[Брук, Кабузан*, 1980. С. 24].

Таким образом, во второй половине XIX в., точ-нее с 1850 по 1897 г., численность башкирского населения Башкортостана увеличилась примерно в 2,5 раза. Если сравнивать башкир в целом с на-селением России, то в 1858-1897 гг. оно увеличи-лось в 1,7 раза, в том числе: русские — в 1,6 раза, удмурты — в 1,7 раза, коми-зыряне — в 1,7 раза, коми-пермяки в - 1,5 раза, мордва — в 1,4 раза, марийцы — в 1,5 раза, чуваши — в 1,6 раза, татары — в 2,0 раза. Таким образом, показатели увеличения башкир в 2,5 раза выше всех приведенных.

В губерниях исторического расселения башкир их проживало 99,2 %: в Уфимской - 899 910, Орен-бургской - 254 561, Пермской - 85 395, Самар-ской - 57 242, Вятской - 13 909 человек *[Первая...* 1904. Т. 2]. В процентном соотношении башкиры были распределены следующим образом: в Уфим-ской губернии - 68,5 %, Оренбургской — 19,4 %, Пермской - 6,5 %, Самарской - 4,4 %, Вятской - 1,1 %, Саратовской — 0,1 %, в Уральской области - 0,05%.

Башкиры в Уфимской губернии занимали пер-вое место по удельному весу населения: 899 910 че-ловек, или 40,98 %, русские были на втором месте: 834 125 чел. — 37,97 %. По западным уездам баш-киры распределились таким образом: в Бирском - 261 855 (29,1 %), Белебеевском - 23 2676 (25,9 %), Мензелинском - 122 678 (13,6 %). Таким образом, большая часть башкир Уфимской губернии про-живала в Бирском и Белебеевском уездах. Террито-рия Уфимской губернии, по состоянию на начало XX в., вместе с Мензелинским уездом на западе, вплоть до Набережных Челнов, и Златоустовским уездом на востоке без какого-либо исключения располагалась в пределах Башкортостана.

В Пермской губернии, по переписи, башкир было всего 85 172 человека. Из них в Екатерин-бургском уезде проживало 8 525 чел., Красноуфим-ском — 21794, Осинском — 34 338, Пермском-3 632, Шадринском - 15 306 чел. Небольшая часть башкир (1 577 чел., 1,8 %) проживала в Верхотор-ском, Ирбитском, Камышловском, Кунгурском, Оханском и Соликамском уездах. Башкиры Вят-ской губернии проживали в основном в Елабуж-ском уезде — 8 783 человек и в Сарапульском - 5 042. В Самарской губернии башкир по переписи было зафиксировано 57 242 человека.

Резкое увеличение численности башкир к концу XIX в. не может быть объяснено только естествен-ным приростом населения. По архивным данным середины XIX в., в результате перевода башкир-скотоводов к оседло-земледельческому хозяйству и последовавшего вслед за этим слома многовеко-вого скотоводческого хозяйственного комплекса в демографическом развитии этноса наблюдаются

деструктивные процессы, в первую очередь проявившиеся резким увеличением женской смертности в репродуктивном возрасте, общим снижением рождаемости и сокращением доли детского населения. Эта же тенденция в естественном движении башкирского населения, по данным Д.П.Никольского, имела место и во второй половине XIX в. В чем же тогда причина столь небывало высокого прироста башкирского населения по переписи 1897 г.?

Необходимо отметить, что, по данным исследователей XIX в., несмотря на негативные последствия процесса смены системы жизнеобеспечения башкир-скотоводов, общая рождаемость в этносе и уровень детской выживаемости были достаточно высокими для простого воспроизводства населения и сохранялись на уровне выше средних показателей по России *[Вечеслав*, 1882; *Никольский*, 1899]. Поэтому есть основания полагать, что наблюдаемая во второй половине XIX в. положительная динамика в численности башкир происходила и за счет естественного прироста населения при некотором снижении ее темпов.

Быстрый рост численности башкир по итогам переписи 1897 г. может быть объяснен тем, что в их составе были учтены тептяри в большей степени и в меньшей — мишари. Заметно усилился процесс перехода мишарей в башкиры после 1855 г., когда был издан указ о переименовании Башкиромещерякского войска в Башкирское. С этого времени большинство статистических описаний включали все население войска в одну группу — башкиры. Объединение в одно войско родственных народов — башкир, мишарей и тептярей с общим названием сыграло существенную роль в смешении у части мишарско-тептярского населения понятий об этнической принадлежности. Это отразилось на содержании первичных ревизских материалов — ревизских сказках, где в графе состава населенных пунктов появляются термины «башкиры из мещеряков», «башкиры из тептярей». Весьма показательным является количество таких деревень в середине XIX в. и их географическое размещение. Деревень, в которых проживали «башкиры из мещеряков», было 52, располагались они 3 — в Челябинском, 3 - Уфимском, 6 — Бирском, 18 — Белебеевском, 5 — Троицком, 1 — Екатеринбургском, 13 — Шадринском, 3 - Красноуфимском уездах. В западном Башкортостане было много деревень с «башкирами из мещеряков» в Бирском и Белебеевском уездах, в восточном - в Шадринском и Красноуфимском. В 12 из 52 деревень «башкиры из мещеряков» проживали совместно с «башкирами из тептярей». Смешанные «мещерякско-тептярские» деревни (кроме деревни Б. Ока Красноуфимского уезда) располагались в западном Башкортостане, в Белебеевском и Бирском уездах. Деревень

Медаль «За труды по Первой всеобщей переписи населения. 1897». Аверс, реверс. Фото

с «башкирами из тептярей» было 137, в том числе 3 — в Уфимском уезде, 11 — Мензелинском, 13 — Бирском, 19 — Белебеевском, 1 — Троицком, 10 — Красноуфимском, 23 - Елабужском уезде Вятской губернии, 37 — Бугульминском уезде Самарской губернии, 6 — Бугурусланском уезде. Как видно, деревни с «башкирами из тептярей» концентрировались главным образом в западном Башкортостане — от Елабужского уезда на севере и до Бугурусланского на юге. В восточном Башкортостане деревни с «башкирами из тептярей» группировались в основном в Красноуфимском уезде.

По неполным данным, в составе башкир в 1870 г. было учтено уже чуть более 100 тыс. тептярей. С учетом достаточно высоких темпов естественного прироста число их составило в конце XIX в. не более 200 тыс. человек. По мнению Р.Г.Кузеева, перепись 1897 г. зафиксировала в составе башкир уже около 300—350 тыс. тептярей и мишарей *[Кузеев*, 1978. С. 268].

В то же время в 1858 г. на территории расселения башкир-тептярей было 298 442 чел., в 1897 г. их стало 117 088 чел., т.е. в целом на 181 354 человека меньше. Динамика численности тептярей по губерниям и уездам была различной. В наибольшем количестве тептяри уменьшились в Уфимской губернии в уездах: Белебеевском (на 541 99 чел.), Бирском (на 91 309 чел.), Мензелинском (на 16 670 чел.), Стерлитамакском (на 12 781 чел.) и Уфимском (на 12 395 чел.), всего на 187 354 человека. В Оренбургской губернии, в Верхнеуральском и Оренбургском уездах, число тептярей, напротив, незначительно, но увеличилось. Численность мишарей в 1859 г. составляла 132 319 чел., в 1897 г. 83 485 чел., т.е. уменьшение составило 48 834 человека. Всего в 1858-1897 гг. численность тептярей и мишарей уменьшилась на 230 188 чел., или в 2,2 раза.

Финноязычная же группа тептярей численно продолжала развиваться. Это подтверждается данными середины XIX в. и Всеобщей переписью

1897 г.: численность марийцев увеличилась на 121 тыс. чел., или в 1,5 раза, удмуртов — соответственно на 170 тыс. чел., или в 1,7 раза, мордвы —на 314 тыс. чел., или в 1,4 раза. Средний показатель прироста по этим народам —1,5 раза — вполне укладывается в средние показатели по всей России — около 1,7. Это же можно отнести и к тюркоязычной группе тептярей из чувашей. Несколько выше показатели естественного прироста у татар (в 2 раза).

Как показал анализ, основным этносом, в состав которого во второй половине XIX в. влились тептяри и мишари, были башкиры. В связи с этим утверждения некоторых исследователей о том, что самая западная группа башкир уже в начале XX в. «полностью потеряла свое этническое самосознание и влилась в состав татарского народа», представляются неверными. Этот вывод противоречит итогам Всеобщей переписи 1897 г. и всем последующим учетам населения в Уфимской губернии. Напротив, отчетливо выраженным и растущим этническим самосознанием собственно башкирского населения, а также большей части тюркоязычной группы тептярского населения, близкой по целому ряду этнокультурных признаков к башкирам, объясняется стремительный рост численности башкир в 1897 г.

В новой социально-экономической и этнополитической ситуации начала XX в. происходит «отток» части тептярей и мишарей в свои этнические группы. Однако это вовсе не означает, что переливы населения закончились без всяких последствий: другая часть тептярей и мишарей растворилась в составе башкир, оказав заметное влияние на формирование этнокультурной характеристики их западных и северных групп. Таким образом, одним из источников увеличения численности башкир к концу XIX в. является включение в их состав тептярей и мишарей, некогда входивших в Башкирское войско *[Томашевская*, 2002].

Кроме естественного прироста и притока тептярей и мишарей в состав башкир, Р.Г.Кузеев называет третий источник быстрого роста численности башкир во второй половине XIX в. — инфильтрацию в башкирскую этническую среду и ассимиляцию в ней тептярей и мишарей [*Кузеев*, 1978. С. 263]. Однако необходимо иметь в виду, что масштабной инфильтрации не произошло. Переписи начала XX в. вновь фиксируют тептярей под своим прежним сословным названием.

Одним из основных факторов, повлиявших на увеличение численности башкир во второй половине XIX в., являлось естественное движение населения: несмотря на снижение темпов естественного прироста сохраняющаяся достаточно высокая рождаемость, наработанные веками система народной медицины башкир, в том числе по выхаживанию детей, и высокий генетический потенциал способствовали выживанию этноса в критические периоды истории.

С другой стороны, динамика численности башкир находит объяснение в социально-экономических и политических процессах жизни общества, а также в специфике этнического развития Башкортостана, в формировании этнического состава ее населения.

Башкиры, несмотря на сложные (кризисные) условия второй половины XIX в., не только сохранили свое этническое самосознание, положительную динамику в естественном движении населения, но и способствовали этнической консолидации и инкорпорации в свой состав различных этнических групп и на рубеже веков являлись одним из многочисленных народов Российской империи, сыгравших значительную роль в дальнейших судьбоносных событиях XX в.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА

Указом от 2 июля 1865 г. был утвержден закон «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство», согласно которому окончательно упразднялась кантонная система управления. В конце 1865 и начале 1866 гг. башкиры, мишари и тептяри перешли в ведение общих губернских и уездных по крестьянским делам присутствий и мировых посредников. Они были освобождены от военной службы и обложены денежными повинностями.

Таким образом, закончилась кантонная эпоха в Башкортостане, которая действительно была переломной в судьбах башкирского народа. В эту эпоху произошло резкое разделение общества на верхи и низы, обеднение значительной части рядовых масс населения, которые были беспомощны перед национальным военным чиновничеством. К тому же над башкирами осуществлялся строгий контроль, затрагивающий все области жизни народа.

Но все же в первой половине XIX в. башкиры юридически оставались свободным населением, сохранившим свой сословно-правовой статус, они сберегли свои земли (вотчинное право), религию, в этот период был разрушен родоплеменной принцип деления башкир, что укрепило единство народа, усилило его интеграционные процессы. В это же время происходила модернизация, европеизация башкирского общества. Появились европейские фамилии, мужское население усвоило русский и другие языки, служба расширила кругозор населения, башкиры начали получать образование в российских (официальных) учебных заведениях,

таких как Неплюевский кадетский корпус, Казанский императорский университет и пр.

Привилегированным сословием у башкир оставалось дворянство. Еще по Жалованной грамоте Екатерины II все разряды дворян имели одинаковые права и преимущества. Тем не менее дворянемусульмане имели меньше прав по сравнению с дворянами-православными. Так, например, по законодательным актам XVII—XVIII вв., дворянам-мусульманам запрещалось покупать и приобретать крепостных крестьян христианской веры *[Габдуллин*, 2006. С. 80]. Кроме этого, дворяне — башкиры и мишари и как представители казачьего сословия должны были служить в войске, т. е. на них не распространялось право российского дворянства на полную свободу при избрании рода службы и вступлении в нее.

По данным переписи 1897 г., в Уфимской губернии насчитывалось 512 потомственных дворян из башкир с семьями и 133 личных дворянина, в Оренбургской губернии — 452 потомственных дворянина и 207 личных, в Пермской губернии — 3 потомственных и 33 личных. Также среди башкир было немало потомственных и личных почетных граждан. В Уфимской губернии их насчитывалось 176 человек с семьями, а в Оренбургской — 1572 чел. *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 170-171; Т. 28. С.158—159; Т. 31. С. 151-152].

Основная масса башкир получила дворянское звание в период кантонной эпохи и занимала высокие посты в управлении Башкирским войском. Однако после реформ 60-х гг. XIX в. большинство башкирских дворян в имущественном плане мало отличалось от рядового населения. Например, при анализе карточек подворной переписи 1917 г. оказалось, что из всех дворян Уметбаевых, проживавших в д. Ибрагимово Бишаул-Унгаровской волости Уфимского уезда, всего лишь один - Абдулла Уметбаев — отличался финансовым благополучием. По документальным данным, на него трудились наемный рабочий, кухарка и горничная, в хозяйстве имелось 19 лошадей, 18 голов крупного рогатого скота, 17 овец и засевалось 35 дес. земли *[ЦИА РБ.* Ф. Р-473. Оп. 1. *Д*. 4576. *Л*. 108/70]. Также не отличались от односельчан особым богатством к 1917 г. проживавшие в д. Бузовьязы Ново-Андреевской волости Стерлитамакского уезда дворяне Резяповы. Они не нанимали рабочих, не было у них большого количества скота или земли. Например, сын бывшего кантонного начальника Мурзагалия Резяпова Саригаскар имел лишь две лошади, шесть голов крупного рогатого скота и пять коз *[ЦИА РБ.* Ф. Р-473. Оп. 1. *Д*. 4288. *Л*. 359/33].

После отмены кантонной системы управления узкий круг низовой местной администрации (волостные старшины, сельские старосты и пр.) в правовом отношении оказался неустойчив, поэтому многие ранее авторитетные башкирские кланы сошли со сцены. Мало кому удалось приспособиться к новым реалиям. Решающую роль в адаптации представителей администрации-прежней кантонной системы к новым условиям пореформенной России играло наличие светского или военного образования, знание русского языка. Одним из типичных представителей прежней властной структуры, который смог удержаться у власти и остаться авторитетным лицом в новую эпоху, был Мухаметсадык Абдрахимович Султанов (1833-1897). Выходец из знатного рода (уроженец д. Мастеево Мензелинского уезда), он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус старшим унтерофицером с похвальным листом. Затем служил в Башкирском войске переводчиком в канцелярии командующего. В чине сотника Султанов получил назначение сначала управляющим 23-м кантоном (в 1859—1861), затем 19-м кантоном (в 1861-1863) в Бугульминском и Мензелинском уездах. После ликвидации Башкирского войска сравнительно молодой образованный офицер не возвращается в родную деревню, а переходит на гражданскую службу. Султанов — мировой посредник в Екатеринбургском уезде, а впоследствии в течение 20 лет являлся мировым судьей в Шадринском уезде Пермской губернии, проживая в Шадринске. После введения в 1895 г. института земских начальников он был бессменным председателем уездного съезда (высший судебный орган) до самой смерти. Активно участвовал в земском самоуправлении, единогласно, что было крайне редко, избирался в губернские и уездные гласные (депутаты).

ТакжеМ. А. Султанов председательствовал в Шадринске в воинском присутствии, комитете общества трезвости, в губернском и уездном земских собраниях, являлся директором тюремного комитета. Дослужился до чина действительного статского советника, имел много орденов и медалей, знак за 40-летнюю беспорочную службу. Пользовался в русском городе Шадринске большим авторитетом и «был известен под именем «Садык-паша»». Умер 1 августа 1897 г. от паралича сердца прямо на службе. По желанию супруги и родственников он был похоронен в Уфе на магометанском кладбище в присутствии самого муфтия. Вся шадринская интеллигенция почтила его память *[Уфимские...* 1897. 13 августа].

Примером успешной адаптации служат также семейства бывших кантонных начальников Шагигардана Сыртланова и Абдуллы Давлетшина, сыновья которых благодаря полученному образованию и накопленному капиталу смогли укрепиться у власти. Например, сын подполковника Абдуллы Давлетшина Абдрахман получил образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В 90-е гг. XIX в., судя по данным дворян-

ской родословной книги Оренбургской губернии за 1893—1898 гг., в чине капитана служил в 164-м пехотном Закатальском полку, жил в г. Витебске. Он имел участок земли с хутором в Имангуловской волости Оренбургского уезда. Другой сын Давлетшина Габдулгазиз Абдуллович дослужился до звания генерал-майора. С января 1915 г. являлся председателем Временного комитета российских мусульманских общественных благотворительных организаций [*Ильясова*, 2006. С. 85].

Сын Шагигардана Сыртланова Шахайдар после окончания Оренбургского кадетского корпуса девять лет служил в Туркестане. Вышел в отставку в чине капитана. Ш.Ш.Сыртланов в разные годы являлся членом по крестьянским делам присутствия, гласным Белебеевского уездного земского собрания *[Ямаева*, 2002. С. 125], почетным мировым судьей, в 1888-1892 гг. председателем уездной управы, членом губернской земской управы, членом попечительного комитета приюта престарелых и мальчиков-мусульман в Уфе. Являлся одним из представителей мусульманского либерализма, политические взгляды которого были сфокусированы в требовании культурно-национальной автономии для российских мусульман. Сыртланов был одним из инициаторов и организаторов общероссийских политических организаций мусульман, партии «Иттифак аль-муслимин» мусульманской фракции Государственной думы. Участвовал во II (Санкт-Петербург, январь 1906 г.) и III (Нижний Новгород, август 1906 г.) съездах мусульман России. В августе 1906 г. был избран в президиум и ЦК партии «Иттифак аль-муслимин». Был депутатом 1-й и 2-й Государственных дум от Уфимской губернии. В думских прениях по аграрному вопросу выступил с речью, где остановился на проблеме землевладения башкирского населения края, указав на угрожающее жизнедеятельности башкир незаконное расхищение их вотчинных земель. Шахайдар Шагигарданович был самым активным депутатом среди членов мусульманской фракции. Всего за весь период работы 1-й Думы он брат слово восемь раз *[Там же.* С. 158].

Старший сын Шахайдара Галиаскар Сыртланов (р. 1875) в 1903 г. окончил Александровскую военно-юридическую академию, после чего служил в Главном военно-судебном управлении Военного министерства, адвокатом в Санкт-Петербургском военном суде. С 1906 г. был помощником военного прокурора в Киеве. Депутат 3-й Государственной думы от Уфимской губернии, член партии «Иттифак аль-муслимин» *[Хусаинов*, 2003. С. 97]. После смерти Галиаскара в 1912 г. деятельное участие в общественной жизни принимала его супруга Амина Сыртланова. После начала Первой мировой войны она стала одним из членов ЦК российских мусульманских общественных организаций, объединивших мусульманские благотворительные общества для помощи фронту *[Ямаева*, 2002. С. 209—210].

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., Шахайдар Сыртланов проживал в своем родовом с. Шланлыкулево. Имел во владении 170 дес. земли, девять рабочих лошадей, восемь коров, четыре железных плуга, сеялку, жнейку, молотилку, веялку, сепаратор. Семья его состояла из супруги, дочери (28 лет, доктор) и сына (37 лет, в армии). Во время переписи, в самый канун Октября 1917 г. Сыртланов предпочел указать сословие не дворянин, а башкир-вотчинник *[Родное*, 2002. С. 176—177] . После 1917 г. судьба Сыртла.нова и его семьи не известна.

Частных землевладельцев среди башкир было неоспоримо меньше, чем среди русского населения края, как было незначительно и количество приобретенных ими земель. Особенно этот момент заметен в период расхищения башкирских земель, когда высокопоставленные чиновники, купцы и дворяне приобретали по несколько десятков тысяч десятин земли практически за бесценок. Так, например, в Уфа-Таныпской волости Бирского уезда купец Уткин в 1874 г. купил 50 тыс. дес. леса за 8 тыс. руб. Вскоре выяснилось, что в действительности площадь купленного участка составила 100 тыс. дес. *[Акманов*, 2007. С. 323]. В тот же период времени по Бирскому уезду из 38 землевладельцев, в собственности которых значилось более 350 десятин, было всего лишь четверо башкир. Это «потомственный дворянин» Мухаметшарип Нигматуллович Кииков, который в 1853 г. приобрел 1 250 десятин земли; сотник Мухаметгарей Кайбышев, владевший 1 627 дес. земли, которая передавалась по наследству с XVII в.; зауряд-хорунжий Мухамедьяр Абдрашитович Мутин, который в 1874 г. приобрел в общем по Бирскому уезду 699 десятин земли; зауряд-хорунжий Суфияр Казбулатов, приобретший в 1870 г. 410 десятин.

Сравнительно мало среди башкир были представлены социальные слои купцов и мещан. Так, по переписи 1897 г., заявили себя выходцами из купеческого сословия в Уфимской губернии 5 человек, Оренбургской - 16, в Пермской - 1 человек. В то же время необходимо отметить, что занятыми в торговле (в основном продуктами сельского хозяйства, строительными материалами, одеждой и т. д.) заявили себя только по Оренбургской губернии 1 886 человек башкир *[История...* 2006. С. 231]. Таким образом, можно отметить то, что торговля среди башкир была распространена, несмотря на ничтожное количество купеческого сословия. Мещан среди башкир насчитывалось по Уфимской губернии 1 187 человек с семьями, по Оренбургской - 725, по Пермской - 179 человек.

Во второй половине XIX в. среди башкир продолжает формироваться национальная интелли-

генция. Можно считать, что процесс ее складывания начался в период кантонной эпохи. Но если тогда появлялось молодое «европеизированное» поколение, получившее светское или военное образование и происходившее из семей чиновников (А.Куватов, М.Уметбаев и пр.), то национальная интеллигенция второй половины XIX в. в основном была представлена выходцами из семей духовенства (З.Валиди, Ш.Манатов, Ш.Бабич).

Также необходимо отметить, что после отмены кантонной системы управления, насильственного внедрения земледелия в традиционно скотоводческих районах, размежевания земель в 70—80-е гг. XIX в. и пр. произошло резкое обеднение основной массы башкир. Этот процесс ярко описал в 1867 г. Альмухамет Куватов, представивший управляющему канцелярией оренбургского генерал-губернатора А.Д.Холодковскому записку «Причины обеднения башкирского народа», где наряду с причинами разорения башкир высказал идеи, близкие к идеям просветительства: о необходимости распространения знаний и просвещения среди башкир, борьбы против невежества, суеверия и вредных обычаев *[ЦИАРБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13931].

К началу XX в. башкиры окончательно переходят к земледельческому хозяйству. Выделялись два района, где сложился слой башкирских сельских предпринимателей, имевших крупные посевы, большое количество рабочего скота, фабричный сельскохозяйственный инвентарь и поставлявших на рынок значительные массы товарной продукции, — это южные волости Уфимского, Белебеевского и Стерлитамакского уездов и северо-восточные волости Златоустовского уезда *[Родное*, 2008. С. 60].

В первом районе концентрация богатых дворов среди башкир была высокой. Например, в 11 волостях Белебеевского и Уфимского уездов в 1917 г. насчитывалось свыше 200 хозяйств на волость. Для сравнения: у татар Уфимской губернии отмечены всего 2 подобных случая (тептяри в Богадинской и Гайныямакской волостях). Для Златоустовского уезда было характерно менее активное развитие пореформенных элементов у башкир *[Родное*, 2002. С. 290—291]. Складывание товарного земледелия на юге и на северо-востоке Башкортостана привело к появлению на селе новых социальных групп. Начал активно формироваться слой «кулаков», постепенно вытеснявший старую сельскую «аристократию».

Таким образом, во второй половине XIX в. у башкир происходил модернизационный переход к индустриальному (капиталистическому) обществу, выразившийся в смене прежних, военно-административных структур и появлении новых. В башкирском обществе начали появляться новые социальные слои, такие как сельские предприниматели (кулаки), фабрично-заводской пролетариат и т. д. Однако они составляли небольшую часть башкирского народа. Абсолютное большинство башкир продолжало оставаться в рамках традиционного общества, сохраняя общинное самосознание, опиравшееся на аграрную экономику.

ДВОРЯНЕ ИЗ БАШКИР

Важным событием в истории башкирского дворянства явилось издание Положения о башкирах от 14 мая 1863 г. Данным актом «те из башкир, которые утверждены Департаментом Герольдии Правительствующего Сената в дворянском звании, стали пользоваться всеми правами и преимуществами, дарованными вообще русскому дворянству, и подчиняться общим, постановленным о дворянам узаконениям» *[Положение...* 1863. Примеч. к ст. 1].

Башкиры по-прежнему могли приобрести потомственное дворянство высочайшим пожалованием, достижением определенного чина на действительной службе и пожалованием ордена. В потомственном дворянстве могли также быть признаны потомки особо отличившихся личных дворян и именитых граждан (до начала XX в.). Для получения потомственного дворянства необходимо было на военной службе дослужиться до чина полковника (VI класса) *[Положение...* 1863; *Свод...* 1857. Т. 9. Ст. 24; *ЦИА РБ.* Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12598. Л. 9; *Асфан* до чина действительного статского советника (IVкласса) *[Полное...* II. Т. 30. № 31236; *Свод...* 1857. Т. 9. Ст. 19] либо получить любой российский орден (Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст. до 1910 г.; после 1910 г. - только первые степени всех орденов, три первые степени ордена Св. Владимира и все четыре степени ордена Св. Георгия) *[Ильясова*, 2010. С. 77]. Личное дворянство приобреталось получением на военной службе чинов с VI (при отставке) по XIV кл., на гражданской — с IV (при отставке) по IX кл. и пожалованием российского ордена Св. Анны 2—4-й ст., Св. Станислава 2—3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. (с 1900 г.) *[Там же.* С. 78]. Личные дворяне, поступавшие как в военную, так и гражданскую службу, достигали потомственного дворянства с получением тех же чинов, что и лица недворянского достоинства, но и в низших чинах продолжали пользоваться правами, принадлежащими им по их званию *[Свод...* 1857. Т. 9. Ст. 19]. Лишь Положением от 14 мая 1863 г. «те из башкир, которые утверждены Департаментом Герольдии Правительствующего Сената в дворянском звании <...> и действительные чиновники с их семействами и зауряд-чиновники лично» освобождались «от платежа денежных сборов, равно от отправления нату-

Таблица 33

Потомственные дворяне-башкиры, записанные в родословные книги Оренбургской и Уфимской губерний в 1860-е - 1917 г.*

Дата определения Дворянского депутатского собрания о внесении в родословную книгу	Дата и номер указа Департамента Герольдии Сената об утверждении в дворянстве	Дата и номер Грамоты на дворянство	Имя, отчество, фамилия	Часть дворянской родословной книги
1865	1865		Шагимардан Ижбулдинович Сыртланов с сыном Шахайдаром, внуками Оскаром, Раулем и Юсуфом (Иосифом)	2
1860-е гг.	20.04.1866		Ишмухамет Ишгулович Уметбаев с сыновьями Фахритдином, Мухаметсалимом, Сулейманом, Асядуллой и внуками	2
08.01.1865	11.02.1865, №657	22.01.1865, № 1094	Хасан Мухаметкулуевич Кучуков с сыновьями Мухаметьюсуфом и Мухаметшарифом	2
10.09.1868	11.11.1868, № 5010		Мирсалих Мурсалимович Бекчурин с женой Бибигафифой Ахмеровной и детьми Мирюсуфом, Мирабубакиром, Мирмахмутом, Мирякупом, Зюлейхой, Хадичей, Фатимой и Зюгрой	3
XIX в.	08.03.1900, №504		Сеитгарей Мутин с сыновьями Батырханом и Арслангареем, внуком Гумером Батырхановичем	2
После 1863 г.	30.02.1871, № 6956		Лукман Усманович Ибрагимов с сыновьями Бикмухамет Курбангалин Джангир Искакович Ижбулатов	2

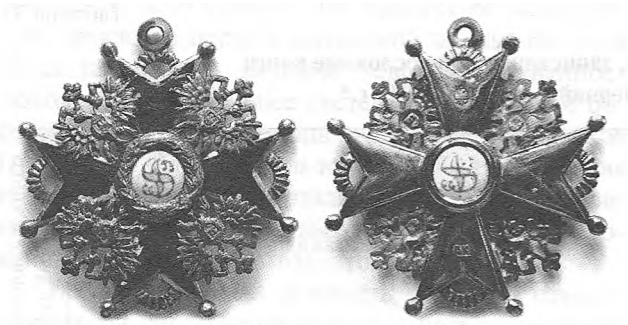
* Составлена по: *ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. *Д.* 67. Вед. № 19; *Д.* 68. Вед. № 19; *Д.* 393а. *Л.* 62-63, 75, 110, 118; *Д.* 531. *Л.* 6 об. - 8; *Д.* 632. *Л.* 41-42; *Д.* 923. *Л.* 14 об. - 16; *Д.* 1097. *Л.* 1, 11 об. - 13; *Д.* 1114. *Л.* 2-3; *Д.* 1200, *Л.* 57-60; *Д.* 1331. *Л.* 1-10; Ф. И-2. Оп. 1. *Д.* 4023. *Л.* 1, 4, 8, 93 об. - 94; *Д.* 7375. *Л.* 3-5, 10-12; Ф. И-10. Оп. 1. *Д.* 2472. *Л.* 65, 80 об., 161, 163; Ф. 334. Оп. 1. *Д.* 1994; *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 26. *Д.* 77. *Л.* 1-3 об.; Оп. 29. *Д.* 7835. *Л.* 3, 27; *ГАОО.* Ф. 38. Оп. 1. *Д.* 3. *Л.* 149-150, 218, 221; *Д.* 4. *Л.* 10-11; *Д.* 18. *Л.* 5; *Д.* 31. *Л.* 35; *Д.* 215. *Л.* 2-32 об.; *Д.* 271. *Л.* 10-12, 16, 25; *Д.* 314. *Л.* 1-53; *Д.* 348. *Л.* 11-12, 34-35; *Д.* 356. *Л.* 9-13; *РГВИА.* Ф. 409. Оп. 1. *Д.* 98097. *Л.* 1-4; *Габдумин,* 2006. С. 109,115,173. 201, 203, 228, 230, 238-240; *Новиков,* 1903. С. 37-42.

ральных повинностей» [*Положение*... 1863. Примеч. к ст. 1., примеч. 3 к ст. 124].

С реформы 1861 г. началось постепенное уравнение сословий в правах. Из личных привилегий дворянства сохранилось лишь исключительное право на учреждение заповедных имений, гербы, ношение особого дворянского губернского мундира, корпоративную организацию. Башкирские дворяне гербов не имели.

С изданием Положения о башкирах возобновилось признание башкир, выслуживших дворянство по чинам до издания данного Положения. По имеющимся данным, в период 1860-е - 1917 г. в родословные книги Оренбургской и Уфимской губерний были внесены только 8 башкирских родов: Сыртлановы, Уметбаевы, Кучуковы, Бекчурины, Мутины, Ибрагимовы, Курбангалины и Ижбулатовы (см. табл. 33).

По нашим подсчетам, численность башкирских дворянских родов, записанных в родословные книги Уфимской и Оренбургской губерний в 1785 — 1917 гг., распределилась по разрядам в следующем соотношении: в 1-ю часть был внесен 1 род (5 %), во 2-ю - 16 (80 %), в 3-ю - 3 (15 %), в 4-ю - 0 (0 %), в 5-ю - 0 (0 %), в 6-ю - 0 (0 %). Следовательно, 100% потомственных дворян-башкир Уфимской и Оренбургской губерний получили дворянство путем выслуги, башкиры не вошли в число титулованных и древних «благородных» дворянских родов. Из 20 башкирских родов потомственного дворянства Уфимской и Оренбургской губерний 12 (60 %) было «открыто» в период с 1785 по 1844, и 8 (40 %) внесено в родословную книгу в период



Орден Св. Станислава 3-й степени.
Аверс, реверс. Фото

с 1864 по 1917 г. Следовательно, большинство башкирских дворянских родов было «открыто» в конце XVIII - 40-х гг. XIX в. и менее четверти — во второй половине XIX - начале XX вв. Из этих данных можно сделать вывод, что реализация взятого правительством с середины XIX в. курса на затруднение доступа в дворянское сословие была успешной.

Военное дворянство, записанное во 2-ю часть родословной книги, составило 80 % (16 родов) от общего числа башкирских дворянских родов двух губерний. Большинство из них (9 родов) было записано в родословную книгу в период с 1785 по 1844 г. В 3-ю часть родословной книги записано 15 % (3 рода) от общей числа дворянских родов губерний. Численность военных чиновников была большей, чем гражданских, и составила 80 % всех родоначальников дворянских родов из башкир, записанных в родословную книгу. Объяснить такое преобладание чиновничества в составе дворянства можно тем, что основной обязанностью башкир с момента присоединения к России была военная служба. В то время как российское потомственное дворянство было представлено всеми шестью разрядами, татарское дворянство - 2-6 разрядами, башкирское дворянство было представлено первыми тремя разрядами. Следует заметить, что первые три разряда составляли дворянские фамилии, получившие права высшего состояния не по праву происхождения, а в результате каких-либо заслуг.

Чины и основание для возведения в дворянство родоначальников потомственных дворян-башкир отражены в таблице 34.

Из всех родоначальников башкирских родов только двое — Н.Кииков и Х.Кучуков — получили дворянство по заслугам отцов, остальные — по собственным. Так, основанием для возведения в дворянство с внесением во 2-ю часть родословной книги для кантонного начальника Нигаметуллы Киикова стало получение его отцом старшиной Шарипом Кииковым 7 января 1776 г. патента на чин прапорщика, для Хасана Кучукова — возведение его отца Кулуя Кучукова 6 апреля 1808 г. в 14-й класс Табели о рангах (см. табл. 34).

Подсчеты показывают, что средний возраст родоначальников башкирских дворянских родов, записанных в родословные книги дворян Уфимской и Оренбургской губерний в период с 1785 по 1840-е гг., составлял 50 лет, в последующее время — 56 лет.

Большая часть родоначальников башкирских дворянских родов Уфимской и Оренбургской губерний указала в формулярных списках свое происхождение «из башкирских детей», т. е. родились в семье рядовых башкир. Вторую по численности социальную группу, из которой пополнялось дворянское сословие из башкир, составили заурядчиновничьи дети. Например, из старшинских детей происходили Ибрагимов Лукман Усманович, Мутин Сеитгарей;

- из заурядчиновничьих детей: Бузыкаев Мухаметжан Еражбаевич, Ишимгулов Кутлугильда Ишимгулович;
- из башкирских детей: Абдрезяков Умурзак Иждевлетович, Акимбетев Яхья Янтеевич, Бакиров Асылгузя, Кийков Нигаметулла Шарипович, Каипов Аюп Каюпович, Нагайбаков Шагингирей Курмекеевич, Сыртланов Шагимардан Ижбулдинович, Уметбаев Ишмухамет Ишгулович, Мурзаев Давлеткул Юлушевич, Курбангалин Бикмухамет, Карачев Ихсан Абубакирович, Узенбаев Айчувак Узенбаевич, Кучербаев Хусейн Кучербаевич;
- из обер-офицерских детей: Кучуков Хасан Мухаметкулуевич, Бекчурин Мирсалих Мурсалимович;
- из мурз - Султанов Абзелиль;
- из башкирских князей и тархан - Куватов Бурангул Куватович.

Как правило, все родоначальники башкирских дворянских родов проживали на селе:

- в Белебеевском уезда: Бакиров Асылгузя (д. Каракучуково), Каипов (Каюпов) Аюп Каюпович (д. Сапяшево), Сыртланов Шагимардан Ижбулдинович (д. Шланлыкулево), Акимбетев Яхья Янтеевич (д. Япарово);
- в Бирском уезде: Кутлубаев Ишкильда (д. Камилево), Кликов (Кийков) Нигаметулла Шарипович (д. Старое Чукурово);
- в Бугульминском уезде: Нагайбаков Шагингирей Курмекеевич (д. Унгаево);
- в Мензелинском уезде: Бекчурин Ибрагим Бекчуринович (д. Зергепять), Султанов Абзелиль (д. Мастеево), Мутин Сеитгарей (д. Такталачук);
- в Оренбургском уезде: Ишимгулов Кутлугильда Ишимгулович (д. Бекечево), Куватов Бурангул Куватович (д. Бикбердино), Кучербаев Хусейн Кучербаевич (д. Бикбердино), Узенбаев Айчувак Узенбаевич (д. Муйнаково);
- в Стерлитамакском уезда: Карачев Ихсан Абубакирович (д. Верхнее Ташевое), Уметбаев Ишмухамет Ишгулович (д. Ибрагимово), Акчулпанов Кучербай Уметбаевич (д. Кучербаево), Ибрагимов Лукман Усманович (д. Мрясово);

Таблица 34

Чины и основание для возведения в дворянство родоначальников потомственных дворян-башкир, записанных в дворянские родословные книги Оренбургской и Уфимской губерний с 1785 по 1917 г.

Чин, имя, отчество, фамилия родоначальника	Основание для возведения в дворянство		Часть родосло! в>К книги
	Выслуга чина на военной или гражданской службе, получение ордена	Законы Российской империи	
Отставной подпоручик и кавалер Ибрагим Бекчуринович Бекчурин	Возведение 04.10.1813 в подпоручики и получение 03.11.1828 ордена Св. Анны 4 ст.	Ст. 77 Жалованной грамоты и Высочайше утвержденное 27.02.1830 мнение Госсовета по Оренбургской губ.	1
Полковой старшина Кучербай Уметбаевич Акчулпанов	Произведение 15.06.1789 в капитаны	Ст. 78 Жалованной грамоты	2
Поручик Абзелиль Султанов	Произведение 20.10.1793 в поручики		
Кантонный начальник Нигаметулла Шарипович Кииков	Возведение его отца старшины Шарила Киикова 07.01.1776 в прапорщики		
Подпоручик Асылгузя Бакиров	Возведение 10.08.1813 в подпоручики		
Прапорщик Абдуллатиф Ганберов	Возведение в прапорщики		
Подпоручик Аюп Каюпович Каипов	Возведение 07.07.1812 в подпоручики		
Полковой хорунжий, кантонный начальник Давлеткул Юлушевич Мурзаев	«Всемилостивейше» пожалован 23.12.1827 в полковые хорунжие		
Полковой сотник, начальник 12 башкирского кантона Шагингирей Курмекеевич Ногайбаков	«Всемилостивейше» пожалован 28.06.1829 в полковые сотники		
Капитан Шагигардан Ижбулдинович Сыртланов	Получение в 1842 г. чина войскового старшины	Ст. 24,37,38, 65, 1644 и 1645 9 т. СЗ (изд. 1857 г.) и примеч. к ст. 65 и 51 Положения о башкирах	
Сотник Ишмухамет Ишгулович Уметбаев	Получение 15.02.1839 чина полкового хорунжего		
Яхья Янтеевич Акимбетев	Возведение 18.03.1814 в 14 кл.		
Сотник Хасан Мухаметкулуевич Кучуков	Возведение 06.04.1808 его отца Кулуя Кучукова в 14 кл.		
Войсковой старшина Лукман Усманович Ибрагимов	Получение 12.04.1846 чина войскового старшины		
9-го башкирского кантона майор и кавалер Бурангул Куватович Куватов	Награжден 05.04.1817 чином майора и в 1807 г. пожалован орденом Св. Анны 3 ст.	Ст. 79 Жалованной грамоты	3
Коллежский советник Мирсалих Мурсалимович Бекчурин	Пожалован 31.08.1866 орденом Св. Владимира 4 ст.	Ст. 17 (прим. 3), 36, 38, 64, 65, 1638,1645 9 т. СЗ (изд. 1857 г.)	

— в Троицком уезде: Абдрезяков Умурзак Иждевлетович (д. Абдразяково), Бузыкаев Мухаметжан Еражбаевич (д. М. Муйнаково);

— в Челябинском уезде: Кучуков Хасан Мухаметкулуевич (д. Исянгильдино);

— в д. Стерлибашево - Бекчурин Мирсалих Мурсалимович.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., 96,88 % потомственных и 90,23 % личных дворян и чиновников из башкир Уфимской губернии были сельскими жителями; в Оренбургской губернии - 99,78 % и 94,2 % соответственно. Уровень урбанизации башкирских дворян (потомственных и личных) был гораздо ниже, чем русских и татар: в Уфимской губернии - башкиры (3,12 % и 9,77 %), татары (5,74 % и 37,61 %), русские (59,22 % и 72,74 %); в Оренбургской губернии — башкиры (0,22 %и5,8 %), татары (38,24 % и 63,77 %), русские (74,11% и 77,9 %) [*Первая...* 1904. Т. 28. С. 158-160; Т. 45. Тетрадь 2. С. 170-172].

Несмотря на то, что Уфа была самым дворянским городом на Урале, очень мало дворян из башкир были уфимцами. Среди уроженцев г. Уфы можно назвать потомственного дворянина Юсуфа Шахайдаровича Сыртланова (22 августа 1879 -?) и потомственную дворянку Зюгру Султанмахмудовну Султанову (1900-?) [*РГВИА*. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35058. Л. 16-21 об.; *ЦИАРБ*. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 935. Л. 54]. Родители последней, Султанмахмуд Шагимратович Султанов и Марьям Ахмадеевна Исламова, являлись потомственными дворянами г. Уфы и проживали в Уфе по ул. Воскресенской, дом № 33 [*ЦИА РБ*. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 935. Л. 54]. В г. Оренбурге во второй половине XIX - начале XX в. проживал действительный статский советник Мирсалих Мирсалимович Бекчурин. Вместе с ним жил его сын сотник Мир-Якуб [*ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 138. Л. 1-2; Д. 151. Л. 8—9, 20—21, 30—31].

Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г., в Уфимской губернии насчитывалось потомственных дворян из башкир с семьями 512 человек, личных дворян и чиновников — 133, в Оренбургской губернии — 452 и 207 соответственно [*Первая...* 1904. Т. 28. С. 158; Т. 45. Тетрадь 2. С. 170]. Дворяне-башкиры, как потомственные, так и личные, составляли значительное меньшинство дворян указанных губерний: 4,9 и 2,4 % - в Уфимской губернии и 8,7 и 3,0 % - в Оренбургской. На численность дворянства в изучаемый период оказывали влияние несколько факторов: демографическая ситуация, политика возведения (контроль за численностью правительством, различные ограничения доступа в потомственное дворянство для лип других сословий), исключение из сословия.

Тенденция к повышению уровня качества образования отчетливо прослеживается в пореформенный период. Часть башкирских дворян окончила Оренбургский Неплюевский кадетский корпус: М. Н. Султанов (1865), Г.А. Кучуков (1869). 2-е Константиновское военное училище в Санкт- Петербурге окончил А. М. Султанов (1894), Александровское военое училище в Москве — А.Ш.Нагайбаков (1874) и Ш.А.Нагайбаков (1903), Михайловское артиллерийское училище — Ю. Ш. Сыртланов, Оренбургское казачье училище — М. М. Бекчурин, Казанское пехотное юнкерское училище — Ш.Ш.Акчулпанов [*РГВИА*. Ф. 400. Оп. 9. Д. 28211. Л. 113 об.; Д. 35058. Л. 20. Д. 32338. Л. 119; Оп. 12. Д. 16140. Л. 3 об.; Ф. 409. Оп. 1. Д. 132775. Л. 119. Л. 35 об.; *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 151. Л. 12-13, 23-24, 33-34, 46-47; Д. 138. Л. 5 об.]. Юридический факультет Казанского университета окончил М.Х. Кучуков, медицинский — И.М.Кутлубаев. Александровскую военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге — А.Ш.Сыртланов (1903), Императорскую Николаевскую военную академию — Р.Ш.Сыртланов (1905) [*РГВИА*. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176902. Л. 2. Д. 180952. Л. 3 об.; Ф. 409. Оп. 1. Д. 32322. Л. 284 об.; *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 об.].

В пореформенный период полигамные браки сохранились, но наблюдается увеличение количества моногамных семей. Число детей в семьях значительно уменьшилось. Браки по-прежнему носили преимущественно внутрисословный характер.

Оформление корпоративных прав дворян-башкир приняло затяжной характер. Почти никто из них не принимал участия в работе дворянских учреждений, выражаясь терминологией тех лет, «по выборам дворянства не служил». Деятельность дворян из башкир в пореформенный период и в начале XX в. выразилась в работе в земствах, судебных и религиозных организациях, в Государственной думе, создании партии «Иттифак-аль-муслимин» (Союз мусульман) и др. Среди дворян-башкир мы встречаем и видных военных, и мировых судей, переводчиков, композиторов, просветителей, преподавателей, религиозных деятелей (муфтий Мухамедьяр Султанов). Многие из них принимали самое активное участие в войнах России, в подготовке и проведении Всероссийской переписи 1897 г., лично встречались с российскими императорами.

Можно считать, что инкорпорация башкир в состав российского дворянства и их социально-экономическое и политико-правовое положение отличались заметным своеобразием. Они сыграли свою, во многом особую, роль в системе государственного управления, политической и военной истории России. Численность дворян-башкир была небольшой, они составляли значительное меньшинство дворян Оренбургской и Уфимской губерний. Тем не менее дворяне-башкиры украсили отличающуюся пестротой этнического состава мозаику российского дворянства.

НАЧАЛО ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ БАШКИР

Одной из сторон истории российской урбанизации является формирование многонациональной структуры городского населения. Особую актуальность эта проблема приобрела в так называемых национальных окраинах, к каким относилась территория Башкортостана, в административном отношении включавшая в себя во второй половине XIX - начале XX в. Уфимскую и Оренбургскую губернии.

Специфика обширного региона заключалась в многонациональном составе населения. Развитие городов и промышленности происходило в результате усилий русского правительства и русских предпринимательских кругов. Первые крупные поселения, такие как Уфа, Мензелинск, Бирск и др., основанные на территории Южного Урала, создавались как административные центры управления регионом. Другим путем возникновения городов являлось строительство горных заводов, при которых затем основывались поселения для мастеровых и работных людей. Из этих поселений затем выросли многие города горно-лесной части Южного Урала.

Сами башкиры были близки по культуре к кочевым народам Евразии (казахам, киргизам), среди которых процессы урбанизации начались только после кризиса традиционного скотоводческого хозяйства. К пореформенной эпохе на территории Южного Урала сформировалась многонациональная структура населения, основные контуры которой с некоторыми изменениями сохранились до конца XIX и даже до середины XX в. В условиях многонационального окружения урбанизация башкир происходила в общей массе населения; в этом процессе безусловное лидерство принадлежало русскому этническому компоненту. Рост городов и городского населения зафиксирован в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Однако во время переписи была учтена не национальная, а языковая принадлежность, что необходимо учитывать. Согласно переписи, башкирское население в городах Уфимской губернии составляло 5 671 человек, или 5,3 %, Оренбургской губернии - 3 382 человека, или 2,2 % всего городского населения. Самую крупную этническую группу городского населения составляли русские: в городах Уфимской губернии - 90 294 человека, или 84,1 %, Оренбургской губернии — 116 003 человека, или 76 % городского населения. За ними шли татары, составляя в городах Уфимской губернии 8 030 человек, или 7,5 % всего городского населения, в Оренбургской губернии численность городских татар была равна 25 764 человекам, или 16,9 % всех горожан губернии. Небольшими группами в городах также проживали мишари, тептяри, евреи, поляки, немцы, мордва, чуваши, латыши и др.

Ко времени переписи 1897 г. горожане пяти уездов Уфимской губернии составляли 5,5 % всех ее жителей [*Первая...* 1904. Т. 45]. В Уфе, Стерлитамаке, Белебее, Бирске, поданным 1865-1869 гг., проживало около 500 башкир*[Сборник...* 1868. С. 16,19, 22, 51, 53; *Памятная...* 1873. С. 8-10, 13-14, 17-18, 21-22, 25-26, 29-30, 33-34]. Это составляло 0,9 % населения этих городов. К началу XX в. в городах Уфимской и Оренбургской губерний проживали 9 053 башкира (0,9 % численности этнической группы) *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 114; Т. 28. С. 128]. По переписи населения 1897 г., в городах Уфимской губернии (без Мензелинска) проживало 13 386 татар и башкир, а в последующие два десятилетия число их нарастало примерно по одной тысяче человек в год. За период между двумя переписями (1897 и 1920 гг.) число русских в городах выросло на 75 %, татар и башкир - на 72 %, причем по Белебеевскому уезду — на 101 %, по Стерлитамакскому — на 35 % *[Юлдашбаев,* 1972. С. 135].

Многоэтничный состав населения был характерен для многих городов, однако наиболее отчетливо этот фактор, по данным переписи 1897 г., проявляется в крупнейших городах региона — Оренбурге и Уфе.

В результате урбанизации прежде преимущественно моноэтнические русские города региона стали постепенно трансформироваться в многонациональные. Однако русские во всех без исключения городах сохраняли большинство населения, занимая приоритетные позиции в структурах управления, экономического, социального и культурного воспроизводства. В Уфимской и Оренбургской губерниях в сфере индустриальной промышленности и кустарно-ремесленных промыслов было занято 333,5 тыс. русских, или 17,0 % всей численности этнической группы, башкир - 75,1 тыс., или 6,5 %, татар — 26,2 тыс., или 10,4 % *[Первая...* 1904. Т. 45. Тетрадь 2. С. 96; Т. 28. С. 112].

Интересно социальное положение той немногочисленной группы башкир, которая расселялась в городах. По данным переписи 1897 г., она состояла преимущественно из служащих, мелких торговцев, ремесленников, приказчиков. По всей видимости, многие из них уже полностью порвали с сельской местностью и общинными традициями. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержат сведения о сословном составе населения Уфимской и Оренбургской губерний. Дворяне, купцы и мещане, имеющие башкирское происхождение, составляли довольно небольшую долю городского населения. К сожалению, материалы переписи 1897 г. не содержат сведений о воз-

растном составе городских башкир. Определенную часть городского населения составляли башкирские крестьяне, численность которых к концу XIX в. составляла 5 548 человек в Уфимской губернии и 3 170 человек в Оренбургской [*Первая*... 1904. Т. 45. Тетрадь 2; Т. 28].

Действительно, вовлечение башкирского населения в сферу торгово-промышленной деятельности и предпринимательства было незначительным. В пропорциональном соотношении с другими народами (русскими, татарами, евреями) из числа башкир вышло наименьшее количество предпринимателей. Причина такой ситуации заключалась в особенностях социально-экономического развития башкирского народа в пореформенное время. Эта эпоха стала драматическим эпизодом в жизни башкир: проведенные в 1860-е гг. ликвидация кантонного управления, отмена военнообязанного состояния, приравнение с «прочими обывателями» страны, казалось бы, создавали благоприятные условия для развития народа. Однако к этому же времени наступил кризис полукочевого скотоводческого хозяйства, а принятые правительством законы в сфере землевладения и землепользования поставили перед экстенсивным скотоводством башкир непреодолимые преграды. Этот процесс усугублялся рядом взаимосвязанных факторов, которые логически были детерминированы характером правительственного курса. К таким факторам прежде всего следует отнести политику расхищения башкирских земель, а также особенности земельной и социальной политики местной администраци в отношении башкирского населения [*Кузеев*, 1968. С. 318—320; *Усманов*, 1973. С. 78].

Материалы первой переписи населения 1897 г. позволяют проследить уровень образования в группах башкир различных возрастов. Она фиксирует низкую грамотность башкир почти во всех возрастных группах. Надо иметь в виду, что в этом случае речь идет об уровне владения башкирами русским языком и письменностью на основе кириллицы. Низкая грамотность по русскому языку среди городского нерусского населения обеих губерний компенсировалась высокими показателями грамотности по другим языкам, главным образом по письменному языку тюрки, общему для тюркоязычных мусульман края. Обращает на себя внимание схожесть показателей грамотности башкир и татар в городах двух губерний, свидетельствующая о высокой значимости образования для башкир того времени [*Киекбаев*, 1998. С. 19].

В конце XIX в. новые экономические отношения, новый образ жизни требовали активности в сфере социальной мобильности и культурного воспроизводства. Под влиянием трансформирующегося российского общества башкиры медленно, но неуклонно приобщались к современным формам общественной жизни. К концу пореформенного периода они были вовлечены в товарное производство в аграрном хозяйстве, в доиндустриальные и индустриальные секторы промышленности, в торговлю, в непроизводственную сферу. Произошли существенные изменения в социальной структуре башкир, которые в значительной степени были вызваны фактором урбанизации. Конечно, по многим показателям развития, в т. ч. по степени урбанизации, башкиры намного уступали русской этнической группе. В этой связи правомерна постановка проблемы не только о значении урбанизации как абсолютного критерия прогресса, но и ее роли в национальной консолидации, социальном и культурном развитии отдельных народов.

Некоторые из народов России, даже восточные, к началу XX в. достигли определенной степени урбанизации и социализации в условиях городской среды. Для большинства нерусских народов России, в т. ч. и башкир, наличие или отсутствие городов как крупных торгово-промышленных центров не имело того значения, какое оно представляло для русской нации, распространившейся по всей обширной стране и действительно нуждавшейся в крупных городах. Для русской нации создаваемые ею города были центрами национального единства, узловыми пунктами экономических и культурных контактов. Малые же народы вовлекались в общий процесс социально-экономического и культурного развития в условиях городской инфраструктуры, созданной русским народом. Это в еще большей степени относилось к таким народам, как башкиры, которые уже не составляли компактного большинства населения на своей этнической территории. Урбанизация таких народов сдерживалась также их хозяйственными и культурными традициями. Однако отсутствие «своих» национальных городов не стало препятствием на пути консолидации башкир на основе этнического самосознания и культурного единства, происходившей в пределах исторической территории.

Значимость городов в развитии этнической культуры башкир проявлялась в том, что именно в городах, в особенности в Оренбурге и Уфе, происходили активные процессы формирования башкирской интеллигенции. Она стала активным носителем идеи национальной консолидации, способствовала пробуждению и развитию национального самосознания башкир.

Ведущие направления социальной жизни городов Уфимской и Оренбургской губерний сдерживались относительной слабостью капиталистического развития в стране, узостью региональной промышленно-производственной базы, неразвитостью инфрастуктуры. Указанные факторы

были причиной социальной раздвоенности многих групп городского населения. Часть мещан лишь формально была приписана к городу, находясь по роду своих занятий в селе. Проживающие в городах крестьяне находились на промежуточной стадии перехода от сельской группы к группе городского населения. Сочетание современной индустриальной промышленности с традиционным сектором, многоукладность экономики находили отражение в процессе социального размежевания городского населения. С нарастающим ускорением подтачивались и рушились унаследованные от старой жизни сословные разграничения, социальная групповая и профессиональная принадлежность, деление по роду занятий, по способу получения жизненных средств и доходов становились главным результатом социального размежевания и критерием социального воспроизводства.

НА ПУТЯХ К КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЖИЗНИ БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА: «ОФИЦИАЛЬНЫЙ» ИСЛАМ И ОРЕНБУРГСКИЙ МУФТИЯТ

В пореформенный период башкирское общество ощущало возрастающее влияние ислама в быту, образовании и духовной жизни. Активизация исламского влияния на башкир была связана с рядом объективных причин, но имелась и региональная - слухи о предполагаемой насильственной христианизации. Появлению слухов способствовала активная миссионерская деятельность Русской православной церкви. Государственные учреждения, как центральные, так и местные, поддерживали усилия церкви по привлечению сторонников из числа язычников и лиц, исповедующих другие религии.

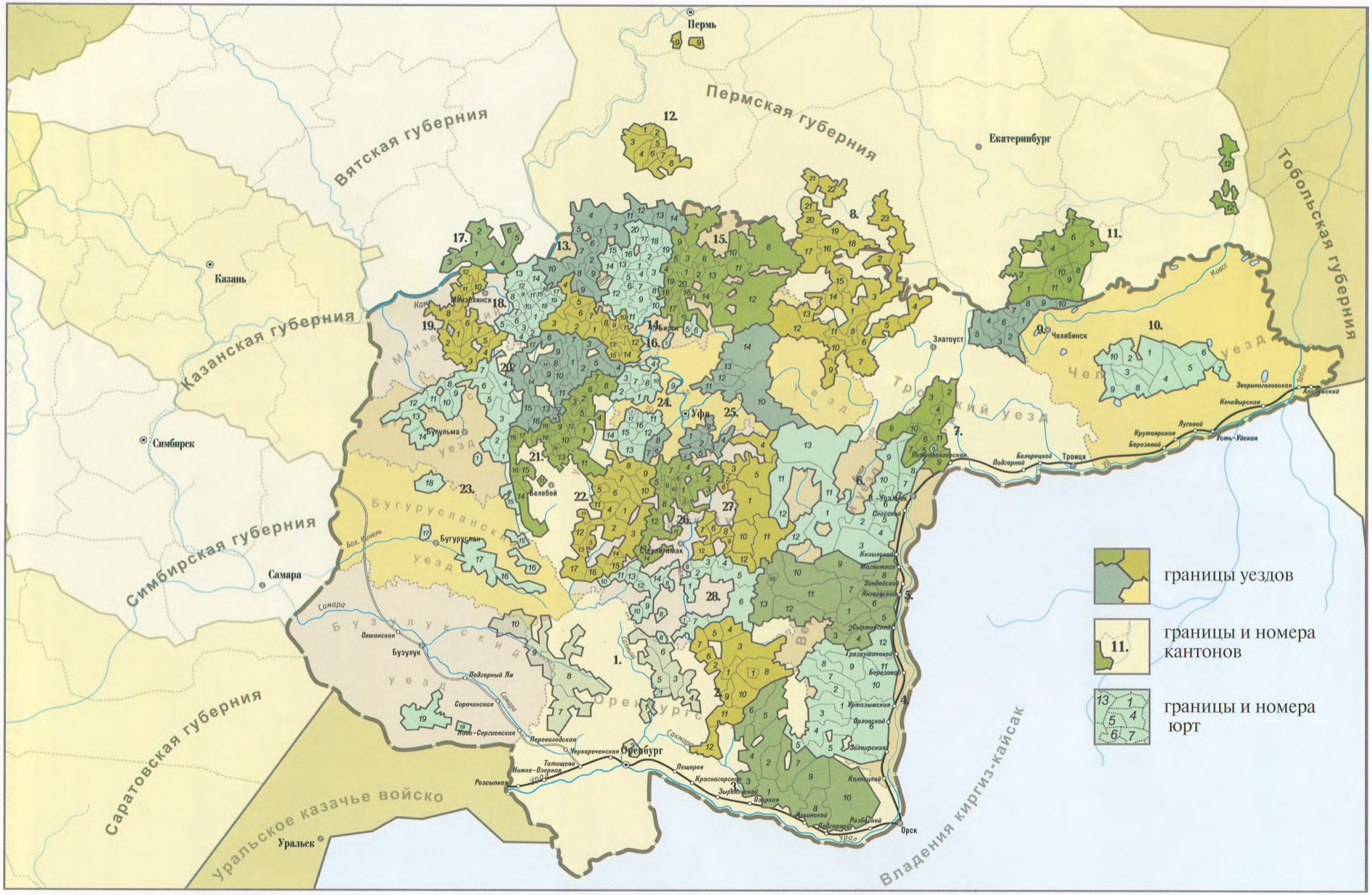
В 1890 г. в Уфимской губернии насчитывалось 120 257 человек крещеных инородцев, в том числе 670 башкир, 31 876 татар, 42 078 чувашей, 22 496 мордвинов, 3 417 марийцев, 1041 удмурти др. Но сказать, что они стали православными, можно только условно. Многие из них соблюдали мусульманские обряды и национальные обычаи *[ЦИА РБ. Личный фонд А.Л.Еникеева. Л. 293]*. К 1905 г. часть новокрещеных татар отпали от православия. Следовательно, православным миссионерам, несмотря на мощную государственную поддержку, не удалось преодолеть влияние ислама в крае.

В последней четверти XIX в. в русском обществе нагнеталась антиисламская истерия. Так, в 1876 г. в газете «Новое время» (№ 253) сообщалось о планировании мусульманами газавата (священной войны) против русских, об огромных запасах оружия у казанских татар. Ходили также слухи о том, что муфтий Салимгарей Тевкелев прячет в Духовном собрании оружие и турецких агентов, готовится массовое выступление башкир. В Бирском уезде в некоторых селениях, опасаясь башкирского восстания, русские начали покидать жилища, зарывать в снег свое имущество. В письме к оренбургскому генерал-губернатору от 8 ноября 1876 г. муфтий просил остановить антиисламскую пропаганду, так как это могло привести к серьезным последствиям. Проведя расследование, Оренбургское жандармское управление установило, что слухи распространяются православными священниками *[ЦИАРБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д.1076. Л. 25-26,60]*.

В 1878-1880 гг. и в 1894 г. в Урало-Поволжском регионе произошли волнения мусульман, вызванные слухами о насильственной христианизации. Часть населения навсегда покинула пределы России. Просьбы о переселении поступали от жителей целых деревень. В таких случаях Духовное собрание выступало в качестве успокоителя общественного мнения. В июне 1894 г. муфтий из башкир Мухамедьяр Султанов совершил поездку по уездам Уфимской губернии, где на встречах с жителями убеждал их в лояльности правительства к исламской религии *[РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 754. Л. 108; Д. 791. Л. 5, 42,51]*.

Длительное время в обществе и органах государственной власти шли дискуссии о выборах муфтия. Кончина муфтия Габдулвахида Сулейманова в 1862 г. пришлась как раз на время начала реформ в стране, в том числе ликвидации кантонного управления. Правительство решило организовать выборы религиозного лидера и предписало губернаторам Оренбургской, Казанской, Самарской губерний внести соответствующие предложения.

Все они были обобщены профессором Санкт-Петербургского университета, одним из основателей российской ориенталистики А.Казим-Беком. Он считал, что «если по шариату в мусульманском государстве правители сами назначают муфтия, то едва ли возможно этим правом пользоваться христианскому правительству без ущерба для значения в глазах магометан духовного авторитета муфтия». По его проекту на общем съезде в Уфе депутаты



Кантонная система управления в середине XIX в. (1855 г.) (реконструкция по В.Д.Таичу А.Г.Кужина. 2010 г.)

Башкиры. П.З.Захаров-Чеченец. Бумага, акварель. Первая половина 1840-х гг. Из книги: Паули Г.Х. Этнографическое описание народов России. СПб., 1862 г.

Башкир. Ф.Дюбуа по оригиналу К.Л.Десре. Раскрашенная гравюра. Первая половина XIX в.

Башкир. И.Каппи. Раскрашенная гравюра. Первая четверть XIX в.

Башкирский генерал.
Р.К.Портер, гравировал
Дж.К.Стадлер.
Раскрашенная гравюра. 1809 г.

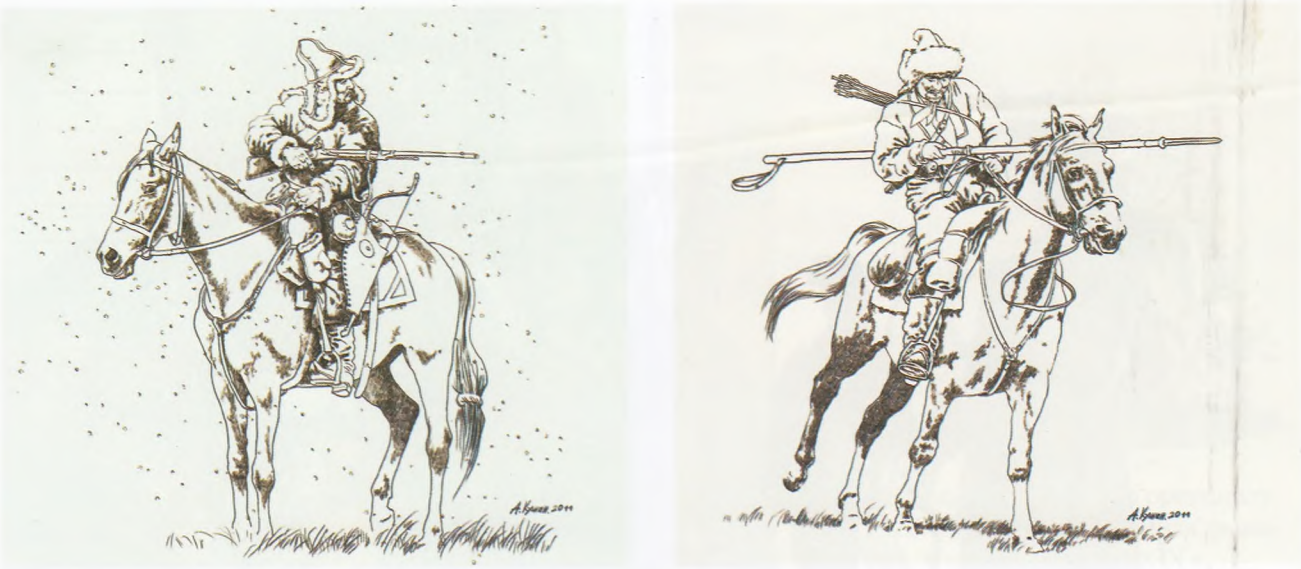
Башкирский офицер.
Р.К.Портер, гравировал
Дж.К.Стадлер.
Раскрашенная гравюра. 1809 г.

Башкир. Адам с оригинала
А.О.Орловского.
Раскрашенная гравюра.
Первая четверть XIX в.

Башкир-казак. Неизвестный художник. Гравюра. Первая четверть XIX в.

Башкир. Унтер ден Линден. 11 марта 1813 г. К.Л.Кубейль. Гравюра. 1813 г.

Преследование казаками отступающих французов. А.О.Дезарно. Холст, масло. 1827 г.

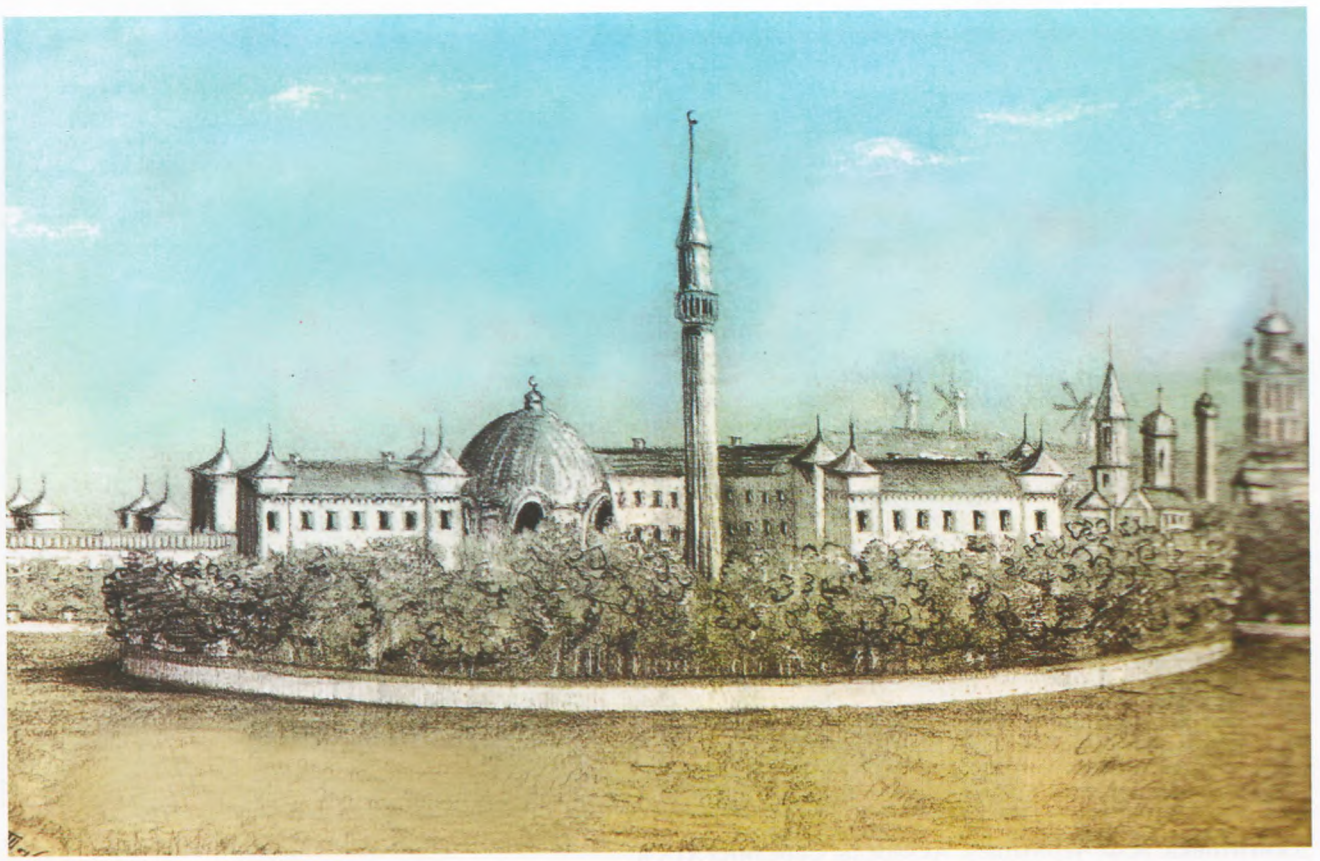


Башкиры в 1812 г. Реконструкция. А.Г.Кужин. Бумага, перо. 2011 г.

Башкиры – потомки участников Отечественной войны 1812 г., награжденные юбилейной медалью «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.». Фото. Оренбург, 1913 г.
Сидят (слева направо): Газизьян Шарипов – из д. Кинзеабыз 1-й, Батур хажи Салтяшев и Фахретдин Салтяшев – из д. Якшимбет, кураист Исмагил Зинбаев – из д. Ниж. Мотал. Стоят: Ахметгариф Салтяшев – из д. Якшимбет, Гиляжетдин Хусаинов – из д. Ялсыкай, кураист Калимулла Ибрагимов – из д. Кутлуюл, Гумер Махмутов и Сайфулла Ибатуллин – из д. Кунакбай, Ахметкирей (ф. н.) – из д. Верх. Бабалар, Галям Исмагилов – из д. Якшимбет

Башкир. 1812 г. Реконструкция. С.С.Петров.
Бумага, гуашь. 2011 г.

Башкиры в Хивинском походе. 1839 г.
Реконструкция. С.С.Петров. Бумага, гуашь. 2011 г.



Караван-Сарай в Оренбурге. Неизвестный художник. Бумага, акварель. Вторая половина XIX в.

Башкирский аул. Неизвестный художник.
Раскрашенная гравюра. Первая половина XIX в.

Башкиры за чаем. А.Ф.Чернышев.
Бумага, акварель. Начало 40-х гг. XIX в.

Джигитовка. А.Ф.Чернышев. Акварель. Середина XIX в.

Внутреннее убранство юрты. А.Ф.Чернышев. Бумага, акварель. Начало 40-х гг. XIX в.

Башкирия. А.Ф.Чернышев.
Бумага, акварель. Середина XIX в.

В степях Башкирии. А.Ф.Чернышев.
Бумага, акварель. Начало 40-х гг. XIX в.

Башкиры возле юрты. Из коллекции С. И. Руденко. Фото. Начало XX в.

Башкирка в национальном костюме.
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г.

Башкир-обходчик.
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г.

должны были избрать 3 кандидатов на должность муфтия. Окончательный выбор муфтия производило Министерство внутренних дел [РГИА. Ф. 821. Оп. 8.Д. 601. Л. 159-163].

Мнения самих мусульман об избрании своего духовного лидера разделились. Например, в обращении белебеевских и стерлитамакских мулл к оренбургскому генерал-губернатору А.П.Безаку от 27 сентября 1862 г. подчеркивалось, что «не добро, если работники будут выбирать хозяина» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1386/4. Л. 11].

Параллельно с дискуссией по избирательной проблеме шло выдвижение кандидатур на почетную должность. В различных списках Министерства внутренних дел фигурировали фамилии сына муфтия, старшего ахуна Уфимской соборной мечети Ш. Сулейманова, ахуна соборной мечети Стерлитамака К. Шарафетдинова (Ногаева), гражданского имама столицы А. Хантемирова, старшего ахуна Петропавловска Г.Яушева, старшего ахуна Башкирского войска Х.Алтынгужина, подполковника Абдуллы Давлетшина. Однако власти сделали выбор в пользу оренбургского помещика Салимгарея Тевкелева. 28 апреля 1865 г. появился указ о его назначении муфтием. В связи с намерением муфтия в 70-х гг. уйти в отставку попытку занять высокую должность предпринял М. Бекчурин.

После кончины Салимгарея Тевкелева в 1885 г. вопрос о выборе главы религиозного учреждения практически не обсуждался. Да и активность самих мусульман была значительно ниже уровня активности избирательной кампании 1862—1865 гг.

В результате предварительного отбора на рассмотрение Министерства внутренних дел были представлены кандидатуры из башкир — Мирсалиха Бекчурина и Мухамедьяра Султанова. Наиболее приемлемой для центральных и местных властей стала кандидатура Султанова, сына бывшего начальника 20-го башкирского кантона. По указу императора Александра III 2 января 1886 г. его назначили главой Оренбургского магометанского духовного собрания [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1068. Л. 19].

Со второй половины XIX в. усилилось внимание государственных учреждений к различным течениям внутри ислама. В начале 70-х гг. XIX в. репрессиям местных властей и «высшего» религиозного учреждения, т. е. Оренбургского муфтията подвергся имам д. Юлдашево (Аккужино) Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии Зайнулла Расулев.

В эти же годы Духовное собрание расследовало действия имама д. Аслыкуль Белоярской волости Челябинского уезда Ильяса Гайнуллина, под воздействием которого часть башкир перестала молиться за императора. Имам полностью доверял только Корану, а известия о пришествии мессии объявлял сказками древних лжецов. За проповедь сектантских взглядов и превратное толкование шариата 27 ноября 1872 г. имам был удален с должности на 2 месяца. Несмотря на неоднократные предупреждения и вызовы в религиозное учреждение, Ильяс Гайнуллин продолжал пропагандировать свои взгляды. 31 июля 1877 г. при дознании жители деревни заявили, что «Гайнуллин сказал, что Иисус с неба не сойдет, потому что после Магомета пророков не будет, а кто говорит о пришествии Иисуса, тот преступник, и что он, Гайнуллин, не откажется от этих слов даже и тогда, когда будут его резать по суставам». 25 ноября 1880 г. Духовное собрание окончательно удалило Гайнуллина с должности [ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 8846. Л. 167, 168].

Слухи же о пришествии мессии, которая восстановит первоначальную чистоту ислама, имели место. Так, в 1888 г. властями были задержаны в Уфе башкиры А.Чувашев и Ф.Абдилов. Они говорили, что приехали к муфтию. При этом Чувашев объявил себя «пророком Махди», а Абдилов представился апостолом. В суде они заявили, что скоро настанет светопреставление и появится Махди, чтобы учить народ правильной жизни. Суд с помощью муфтия Султанова признал этих башкир психическими больными [Климович, 1936. С. 146].

Под подозрение властей попадали и духовные служители, популярность которых выходила за пределы их приходов. Например, в 1879 г. на заметке оренбургских властей оказался имам д. Кусиево Орского уезда Хуснутдин Мухаметгалин, почитавшийся у башкир святым. Обвинения против популярного имама отвел муфтий Салимгарей Тевкелев, отметивший в послании от 19 августа 1881 г. в Оренбургское губернское правление его высокие нравственные качества и отличное знание правил религии [ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 552. Л. 1, 10, 14; ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 393. Л. 115].

Мусульманские духовные лица приняли активное участие в своеобразной акции протеста башкир против призыва их на военную службу на общих основаниях. Выступление началось в марте 1874 г. в Осинском уезде Пермской губернии, а затем распространилось на Шадринский уезд. Башкиры отказывались выполнять предписание о призыве на воинскую службу. Причем большинство мулл не послали в Осу и Шадринск метрические справки о дате рождения призывников. Особое опасение у Министерства внутренних дел вызвало заявление башкир о том, что «они манифесту о воинской повинности будут сопротивляться до последней капли крови» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 754. Л. 33].

В апреле 1874 г. муфтий Салимгарей Тевкелев рекомендовал Осинскому и Шадринскому полицейским управлениям принять по отношению к непокорным имамам решительные меры. В июле по предложению Министерства внутренних дел, оренбургского и пермского губернаторов муфтий

в сопровождении ахуна Шарафутдина Сулейманова и бураевского имама Абдулахата Насретдинова выехал в Осу. Здесь он на собраниях доказывал необходимость проводимых правительством мероприятий, самолично сменил ахуна, отрешил от должностей 4 имамов сроком на год. С согласия муфтия власти ввели в Осинский уезд батальон солдат, чтобы обеспечить призыв новобранцев. 30 августа 1874 г. император объявил Салимгарею Тевкелеву благодарность *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 2. *Д.* 129, 130; И-2. Оп. 1. *Д.* 14566. *Л.* 48-50].

В конце XIX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях функционировало около 1 200 медресе. В Стерлибашевском медресе (Стерлитамакский уезд), которое на протяжении многих десятилетий возглавлял Х. Биктимиров, ежегодно обучалось около 600 шакирдов. Влияние медресе и преподававших там представителей семейства Тукаевых на население было столь велико, что генерал-губернатор Н.А.Крыжановский считал Стерлибашево мусульманским центром края, притягивающим не только башкир и татар, но и казахов и киргизов. Здесь в 1869 г. шакирды одни из первых в крае начали постигать русский язык. Известный поэт и мугаллим Шамсетдин Заки знакомил их с основами философии. В медресе Стерлитамака отец и сын Шарафетдин и Камалетдин Ногаевы также внедрили в учебный процесс светские предметы. В медресе д. Балыклыкулево Стерлитамакского уезда ахун и мударрис Хуснутдин Жданов, негативно относившийся к застывшим формам обучения, знакомил учащихся с богатой поэзией Востока. Были и другие медресе, где преподавание не ограничивалось богословскими дисциплинами *[Фархшатов*, 1994].

С 60-х гг. XIX в. правительство стало уделять большее внимание мусульманским учебным заведениям. Оренбургские власти в 1867 г. предлагали все школы описать и зарегистрировать, наблюдение за ними поручить мировым посредникам, а новые школы открывать только с разрешения губернаторов *[РГИА.* Ф. 821. Оп. 8. *Д.* 594. *Л.* 44-45].

Однако правительство избрало другой путь. Активизация его политики по отношению к мусульманским учебным заведениям началась с принятием 26 марта 1870 г. правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». В них предусматривалось создание государственных «инородческих» школ и открытие при мектебах и медресе русских классов. При реализации данного указа правительственные учреждения натолкнулись на активное сопротивление мусульманского духовенства. Агитация против русско-башкирских и русско-татарских школ была настолько сильна, что в феврале 1873 г. муфтий Тевкелев обратился с фетвой ко всем ахунам и имамам. Он писал о выгоде всякого знания, тем более русского языка, который необходим для всех мусульман. «Как ты попросишь хлеба у русского, если не знаешь по-русски? Как ты попросишь милости, как будешь защищаться в суде, как попросишь снисхожденья во взыскании, внимания к селу, к делу, к земле своей, к податям и повинностям, ежели не знаешь языка, на котором совершается суд», - восклицал муфтий. Он призвал ахунов провести среди мусульман разъяснительную работу в пользу изучения государственного языка *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 3.*Д.* 1800. *Л.* 3].

Фетва Тевкелева вызвала противоречивые чувства среди мусульманского духовенства. Например, 13 апреля 1873 г. имамы Троицка М. Абдуллатифов, М. Мухамметгарифов, Ш. Магадеев и М. Закиров просили муфтия выпустить указ «о непринуждении их к обязательному обучению детей их русскому языку». Объясняя свою позицию по языковому вопросу, муфтий отвечал: «Это мое духовное наставление не заключает в себе ничего обязательного для прихожан, как только разъясняет пользу знания русской грамоты, которая не может служить препятствием к изучению татарской грамоты и догматов религии, что составляет первейшую обязанность для мусульман». В то же время муфтий опубликовал в центральных газетах статьи, призывающие христианские миссии не публиковать в печати, что «обучение русскому языку есть верный путь к обращению магометан в христианство». Он утверждал, что мусульмане достаточно информированы, читают русские газеты, а вышеупомянутые заявления попросту тормозят внедрение русского языка *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 3. *Д.* 1800. *Л.* 1-4]. Духовное собрание стремилось к тому, чтобы во всех учебных заведениях, где обучались дети мусульман, обязательно преподавалось вероучение. Данная практика началась в 50-х гг. XIX в. по инициативе командующего Башкирским войском полковника Е.Синбугина *[Там же.* Оп. 1. *Д.* 9729. *Л.* 26].

Его предложение о выплате штатных пособий мусульманским богословам не получило отклика у генерал-губернатора А. П. Катенина, поэтому оплата производилась самими башкирами и мишарями путем добровольных взносов *[Там же. Д.* 9984. *Л.* 7, 25-26]. Исламское вероучение преподавалось в 9 уездных училищах Оренбургской губернии. С 1865 г. этот предмет был введен также в некоторых начальных училищах Уфимской губернии.

В 50—60-х гг. в крае был открыт ряд мусульманских женских школ с преподаванием русскому языку, арифметике, огородничеству и садоводству. Местная администрация привлекла к агитационной работе самых популярных религиозных служителей: стерлитамакского ахуна К.Шарафетдинова, стерлибашевского ахуна Х.Нигматуллина и сеиткуловского имама Х.Нигматуллина. В башкирских и татарских женских школах в штат обязательно входили муллы-преподаватели богословия

[ЦИАРБ. Ф. И-295. Оп. 1. *Д.* 11139. *Л.* 6; *Д.* 11149. *Л.* 8. 130, 152].

Особым вниманием собрания пользовалась Уфимская татарская учительская школа, открытая в 1872 г. Курс обучения в ней продолжался 4 года и включал мусульманское вероучение, русский язык, арифметику и другие светские предметы. В 1876 г. попечитель Оренбургского учебного округа *Л.*Лавровский, проинспектировав школу, пришел к выводу, что она стала «любимым детищем магометанства», там преподается ислам, ежедневно выполняется 5-разовое богомоление, а выпускники в основном пополняют ряды духовных служителей. Лавровский считал необходимым переименовать школу в башкирскую, так как большинство обучающихся в ней — представители этого народа *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 6. *Д.* 14143. *Л.* 31, 37]. В 1889 г. власти после нескольких попыток изменить систему преподавания закрыли ее.

В последней четверти XIX в. в мусульманском обществе России усилилась тенденция к преобразованиям в сфере образования — движение за джадидистские (новометодные) школы. К их числу относились крупные медресе «Усмания» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Расулия» в Троицке. Реформа школьного образования проходила в острой борьбе с клерикальными силами (кадимистами), отстаивающими старые порядки. Кадимисты объявили школьные нововведения противоречащими исламским традициям и призывали отказаться от них.

Они находили опору и среди мусульманского населения, так как правительство проводило непоследовательную политику по религиозно-школьному вопросу. Так, например, в 70-е гг. XIX в. уфимскими властями было запрещено преподавание ислама в общеобразовательных учреждениях. Император Александр III подписал 16 июля 1888 г. указ о введении образовательного ценза для всех утверждаемых в духовном звании лиц. Согласно указу, при определении высшего приходского духовенства (ахунов и хатыбов) требовалось предъявить свидетельство об успешной сдаче экзаменов по программе одноклассного начального народного училища, а от кандидатов на должность имамов и муэдзинов — свидетельства уездных училищных советов о знании ими русской разговорной речи и чтения.

Новый закон вводился в действие с 1 января 1891 г. Он был встречен мусульманами России неодобрительно. Только в январе 1889 г. в Духовное собрание поступило 100 коллективных прошений от более чем полумиллиона человек об отмене указа. Религиозное учреждение обсудило петиции и пришло к выводу, что все мусульмане считают новый закон «как явно служащий к уничтожению исповедуемой ими веры, стесняющий свободное отправление его, он не может быть исполняем в точном его смысле, так как правила исповедуемой ими религии возлагают на них безусловное слепое следование законам и установлениям властей лишь настолько, насколько они равны религии» *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 2. *Д.* 174]. Башкиры д. Кинзебулатово Азнаевской волости Оренбургского уезда в петиции от 25 февраля 1889 г. в Духовное собрание оценили указ как «казусное событие» и выразили уверенность, что «наша магометанская вера никогда не должна подвергаться каким-либо изменениям, а мы сами незаконным стеснениям» *[Там же.* Оп. 11. *Д.* 523. *Л.* 6].

Само Духовное собрание все же было вынуждено поддержать указ. Заседатели, принимавшие вышеупомянутое постановление, попали в список неблагонадежных и получили выговоры *[РГИА.* Ф. 821. Оп. 8. *Д.* 1075. *Л.* 298].

Ограничение прав мусульман продолжалось и дальше. 10 июля 1892 г. Министерство народного просвещения приняло циркуляр об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и запрещении преподавательской деятельности муллам, получившим образование за рубежом. Иностранные религиозные издания должны были подвергнуться жесткой цензуре. Среди мусульманских духовных лиц распространились слухи о поступлении в Министерство внутренних дел сведений о том, что будто бы «в мусульманских школах обращаются рукописные книги и тетради на татарском языке, в которых оплакивается зависимость татар от Российского государства, восхваляются мусульманские народы Востока, выражается сожаление об участи мусульман, призванных к отбыванию воинской повинности» *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 11. *Д.* 348. *Л.* 62]. Имам 2-й соборной мечети Уфы Мухаметзариф Галикеев был убежден, что такие сведения распространяются людьми, придерживающимися иезуитского принципа «благая цель оправдывает и дурные средства».

В этих условиях положение Духовного собрания оказалось весьма щекотливым. По словам его главы Султанова, из-за последних опрометчивых шагов правительства возникла пропасть между мусульманским духовенством и прихожанами. Вероятно, чтобы показать свою близость к интересам большинства мусульманского населения, Духовное собрание поддержало часть их требований. Так, религиозное учреждение выступило в защиту известных стерлибашевских мударрисов братьев Хабибуллы и Габдулмаджида Тукаевых, стерлитамакского мударриса Габдулмаджида Нагаева, уволенных в 1893 г. по причине обучения за рубежом. Отметив несуразность закона, Султанов писал, что братья Тукаевы с детства обучались в медресе России, а уже потом пополнили свои знания в Бухаре и Самарканде. «Устранение этих лиц ввиду их по-

пулярности произвело удручающее впечатление как на мусульманское население, так и на подведомственное мне духовенство», — подчеркивал муфтий в обращении в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Уволенные мударрисы были восстановлены в своих должностях *[РГИА*. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1075. Л. 298]. Волна недовольства мусульман вынудила правительство в 1894 г. отложить введение в действие циркуляра Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. Впоследствии по рекомендации Министерства внутренних дел он был отменен *[Фархшатов*, 1994. С. 121].

С 1894 г. развернулось цензурование мусульманских книг. За первую половину года Санкт-Петербургский цензурный комитет проверил 64 книги, представленные Оренбургским учебным округом, и 2 из них нашел вредными. На местах имамы отказались давать подписки о том, что не будут пользоваться запрещенными книгами. Например, 9 июля 1894 г. 9 духовных лиц Верхне-Татышлинской волости Бирского уезда во главе с ахуном Кийковым отказались выполнять распоряжение об изъятии книг. Такие имамы в Уфимской губернии, по мнению губернатора, составляли большинство. Нейтральную позицию по изъятию книги занял муфтий Султанов. На предписание уфимского губернатора сделать внушение духовенству муфтий 4 апреля 1895 г. отозвался так: «Фетва может возбудить весьма понятное любопытство и желание ознакомиться с ними в подлиннике и в конце концов путем разъяснения я невольно буду содействовать, хотя и косвенно, распространению запрещенных книг, что крайне нежелательно» *[ЦИАРБ*. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 1274. Л. 17].

Часть мулл достаточно негативно относилась к предписаниям властей. Например, были зафиксированы случаи неприятия форм возношений за царя. В 1869-1875 гг. проводилось разбирательство над ахуном д. Нижние Лемезы Уфимского уезда Ахметзяном Качкиновым. Его в 1875 г. за повторение высказываний в адрес императора удалили с занимаемой должности *[Там же*. Оп. 2. Д. 135]. В 1871 г. в Стерлитамакском уезде башкиры из д. Туимбетово М. Ибрагимов и д. Сарайсино Н.Кучкильдин демонстративно отказались от произнесения молитвы в адрес императора и лишились должности *[Там же*. Д. 121]. В 1881г. башкиры Айлинской волости Уфимского уезда не позволили повесить портрет царя в волостном правлении, ссылаясь на запреты шариата.

В отдельные периоды власти ограничивали совершение хаджа. В 1865-1866 гг. оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский отказывал всем желающим отправиться в путешествие по святым местам ислама, опасаясь, что процесс примет политический характер и большинство духовных служителей обратно в Россию не возвратится. В конце XIX в. правительство часто запрещало совершение хаджа из-за эпидемии чумы в Саудовской Аравии. Духовное собрание брало на себя объяснение мусульманскому обществу данной непопулярной меры.

Порядок представления отпуска мусульманских духовных лиц вновь претерпел изменения. Согласно предписаниям Министерства внутренних дел от 6 февраля 1896 г. и Духовного собрания от 12 марта 1896 г., все отлучки мулл допускались только с разрешения губернских правлений. Это означало, что религиозное учреждение утратило контроль над передвижениями мусульманских духовных служителей.

Мусульманское духовенство активно участвовало в благотворительных акциях. Во время неурожая 1874 г. в некоторых уездах Уфимской и Оренбургской губерний муфтий вновь организовал сбор денег для нуждающихся. Духовное собрание участвовало в общероссийских благотворительных мероприятиях. В частности, в 1877 г. на нужды раненных в русско-турецкой войне оно выделило 12 400 руб.

В крае с трудом выполнялось законодательство о запрете телесных наказаний за нарушение норм шариата. Имамы М.Габдулвагапов, Ю.Габдрахимов, Г. Мухаметситдиков в послании в Духовное собрание считали, что ограничение прав духовенства по наказанию виновных привело к тому, что многие мусульмане чувствуют себя излишне вольготно и предаются пьянству, разврату и другим порокам. Чтобы избежать уголовной ответственности, имамы выносили решения о телесных наказаниях на сельские сходы, которые чаще всего утверждали их. Например, в 1881 г. на сельском сходе д. Сююндуково Бирского уезда жители подтвердили приговор имама Абдулкаюма Султанбекова о телесном наказании башкир Сейфутдинова и Абдулнафигова, виновных в предосудительном поведении. Духовные лица, нарушавшие российское законодательство, подвергались судебному преследованию. Такая участь постигла в 1874 г. имама д. Исламгулово Верхнеуральского уезда М.Базаргулова, в 1888 г. имама д. Абдулкаримово Стерлитамакского уезда Мухаметлатипова, наказавшего Ш.Абдулгафарова за непосещение мечети.

Большинство мусульманского духовенства активно сопротивлялось открытию торговли спиртным. В 1864 г. не без участия имама Абдулкагирова жители д. Чемансарово Мензелинского уезда сожгли винные лавки. В том же уезде в с. Ахмет-Абызово был убит неизвестными владелец кабака Г.С.Горбунов; незадолго до этого башкиры угрожали ему. Имам С. Раимов избил палками Сафиуллу Гаскархузина за допуск в дом торговцев вином. По инициативе имамов жители ряда деревень пода-

вали коллективные прошения о закрытии кабаков и винных лавок *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 2. Д. 104].

Тщетные попытки остановить распространение пагубных явлений в мусульманском обществе путем административного воздействия через государственные структуры оставляли Духовному собранию лишь одну возможность — действовать через подчиненных мулл. 28 августа 1898 г. муфтий Султанов выпустил фетву, где с предельной откровенностью обрисовал положение российских мусульман. Он констатировал тот факт, что мусульмане изо дня в день отстают от других народов и более того повернулись спиной к прогрессу. «Я вижу, — писал муфтий, — что в нашем народе все более и более устанавливается невежество, черствость и грубость нравов, беспечная леность, отсутствие желания заниматься работой, ремеслом и искусством, со всеми влекущими за ними пагубными последствиями, как то чрезмерной бедностью, презренной низостью, воровством, вероломством, плутней, пьянством, распутством, бесчестной торговлей — близкими предвестниками окончательного падения религии, национальности и промышленности» *[Сборник...* 1902]. Вместо овладения знаниями, передовыми методами ведения хозяйства мусульманская молодежь, по мнению Султанова, слепо копирует внешние атрибуты европейской жизни, прежде всего в сфере развлечений (употребление спиртных напитков и посещение публичных домов). Муфтий считал, что главное в жизни человека — это труд ради благополучия себя, семьи и общества.

Реальные, хотя и далекие перспективы выхода из кризиса глава мусульман видел в перестройке воспитательной работы и полагал, что имамы и муэдзины способны «исправиться» сами и начать просвещение масс.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЖИЗНИ БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА: СУФИЗМ И ВЛАСТЬ

Выработка оптимальной модели государственно-исламских отношений имела для поликонфессиональной Российской империи жизненное значение, и она продолжалась в течение всего XIX в. С учреждением в 1789 г. в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания (муфтията) как особого правительственного учреждения в составе Министерства внутренних дел по исламским делам было положено начало становлению на Российском Востоке, в том числе в Оренбургском крае, «официального» ислама с его специфическим институтом правительственных, так называемых «указных», мулл. Толерантная имперская политика открывала дорогу для ускоренного вовлечения мусульманских подданных, в том числе башкир, в отечественную государственную жизнь.

Однако в пореформенный период с вступлением страны в эпоху модернизации правительство сочло темпы интеграции российских мусульман недостаточно быстрыми. Как было показано в предыдущем разделе, с 1870-х гг. в нарушение принципа веротерпимости началось активное вмешательство в жизнедеятельность мусульманских обществ империи. Правительство стремилось к установлению тотального контроля над духовной жизнью и башкир, всячески поддерживало «официальный» ислам в лице Оренбургского муфтията и «указных» мулл, отвергало любые попытки религиозно-культурного обновления местных мусульманских общин, что постоянно усиливало этноконфессиональную напряженность в крае, подпитывало так называемый народный ислам и особенно суфизм.

Суфизм представляет собой особую мистико-аскетическуютеориюилирелигиозно-философско-правовое учение, а также хорошо разработанную и отточенную практику в рамках ислама, цель которых дать избранному кругу правоверных мусульман возможность «познания и прямого общения с Аллахом». Ему в известной степени свойственен аскетизм, то есть суровое упражнение воли на пути духовного самосовершенствования для «очистки сердца от зла». Но главная характерная черта суфизма — это мистицизм, который вместе с аскетизмом имеет целью мысленное «единение» с Создателем, «погружение» в Него и уничтожение собственной личности путем полного подчинения собственного «Я» воле наставника.

Приверженцы суфизма ведут особый, скрытый от посторонних глаз образ жизни, основанный преимущественно на весьма неясных и неопределенных чувствах и ощущениях *[Schimmel,* 1995; *Кныш,* 2004].

Центральным элементом на этом пути является тандем ученик — наставник. Последний именуется шейх или ишан, а реже муршид, или ходжа. В XVIII - начале XX в. среди башкир ишаны считались обладателями божественной благодати и пользовались громадным влиянием, а некоторые из них почитались как святые.

Суфизм как эзотерическое учение, «открывающее путь» к Богу, практиковалось, как правило, среди мусульманской элиты. Для большинства же населения он создавал прежде всего «моральные ориентиры для богоугодной жизни внутри общества». Кроме того, у дореволюционных башкир общий набор суфийских символов поддерживал их мусульманскую идентичность «в противовес Российской, немусульманской, империи». В более широком, международном плане «суфийские сети связывали также мусульманские регионы Российской империи не только друг с другом, но и

с традиционными мусульманскими центрами, как Стамбул и Каир» *[Кемпер*, 2005. С. 5].

Среди башкир и татар пореформенного Урало-Поволжья преобладали сторонники братства Накшбандийа - одного из 12 главных материнских суннитских суфийских братств, получившее название по имени крупнейшего представителя туркестанского мусульманского мистицизма в эпоху Тимура Багаутдина Накшбанда.

Классическое накшбандийское учение опиралось также на идеи крупнейшего среднеазиатского поэта-мистика Ахмада ал-Йасави. Оно отрицало «показную набожность и обрядность, уводящие в сторону истинного мистика: сорокодневные посты, бродяжничество, нищенство, публичные радения с музыкой, пением и танцами, громкий (*джахр*) *зикр» [Акимушкин*, 1991. С. 186; 2006. С. 299—301; *Algar*, 1995. P. 938]. Накшбандийа было единственным братством, не только разрешающим, но и обязывающим своих последователей вступать в контакты с властями, чтобы, «завоевав их души», направлять официальную политику в нужное русло.

Теоретические основы постепенно развивались, так как многие суфии в соответствии с пророческой традицией мусульман связывали начало каждого столетия с приходом очередного «обновителя» сунны *[Ktigelgen*, 1998]. Наиболее почитаемым таким «обновителем» считается индийский шейх Ахмад Фаруки Сирхинди *[Триминггэм*, 1989. С. 82—85]. Генеалогическая цепь, или цепь духовной преемственности, многих башкирских и татарских ишанов XIX в. восходила также к нему через его сына и семь других посредников. Следует отметить, что некоторые шейхи Урало-Поволжья доводили свою силу до самого пророка Мухаммада *[Башкирский...* 2001. С. 33—34].

На рубеже XVT-XVII вв. от ордена отпочковалось самостоятельное ответвление Накшбандийа-Муджаддидийа, которое со временем затмило материнское братство. В Башкортостан оно проникло через Вухаіру и Самарканд и стало господствующим со второй половины XVIII в. Его сторонники выступали за соблюдение строгого морального кодекса и чистоты в вопросах веры на основе первоисточников ислама. В сфере ритуала они пропагандировали « сближение с Богом» внутри общества, в мирной повседневной жизни.

В течение столетий Накшбандийа-Муджаддидийа разв! свало «целый ряд воспитательных методов, с помощью которых сердце ученика-мюрида связывается *с* сердцем мастера — муршида» *[Кемпер*, 2005. С. 6—7]. Но по идейно-политическому направлению и социальной принадлежности Накшбандийа. была чрезвычайно пестрой группой. Например, в Урало-Поволжье видными суфиями-муджаддици были первый оренбургский муфтий Мухаммад-Джан Хусаинов, а также такие ярые противники муфтията и интеграции мусульман в Российскую империю, как шейхи Габдрахим Утыз-Имяни и Багаутдин Ваисов *[Kemper*, 1998; *Адыгамов*, 2006; *Усманова*, 2009].

Как и другие суфийские братства, Накшбандийа-Муджаддидийа имело несколько крупных идейно-организационных ответвлений или локальных групп. Наиболее распространенным и влиятельным ответвлением среди них было Халидийа. Оно практиковало, например, громкий зикр и празднование дня рождения пророка Мухаммада, а также воинственно выступало в защиту шариата и за модернизацию некоторых сфер общественной жизни мусульман *[Algar*, 1992. P. 117-118; *Кемпер*, 2008. 148-150].

И в других регионах исламского мира Халидийа вела активную борьбу за влияние, нередко возглавляя движения за национальную независимость. В середине XIX в. на Северном Кавказе горцы — члены ордена выступили под руководством имама Шамиля *[Шамиль*, 1995; *Gammer*, 1994]. В отличие от Османской империи и Кавказа, в Средней Азии халидийский толк Накшбандийа-Муджадцидийа не получил развития. В Урало-Поволжье он утвердился к концу XIX в. *[Кемпер*, 2005. С. 6]. Братство Накшбандийа вкупе с Йасавийа, Кадирийа, Кубравийа сыграло большую роль в распространении и укреплении суннитского ислама среди кочевых и полуоседлых тюркских племен *[Бартольд*, 1968. С. 432].

Одним из видных представителей суфийского учения Накшбандийа-Муджадцидийа-Халидийа в пореформенном Башкортостане Зайнулла Расулев. В некоторых официальных документах второй половины XIX — начала XX в. Зайнулла-ишан упоминался под фамилией Хабибуллин, а иногда Хайруллин или Хайбуллин. Его полное имя на восточный манер было Зайнулла бин Хабибулла бин Расул аш-Шарифи ат-Троицки ан-Накшбанди ал-Муджаддиди ал-Халиди.

Шейх Зайнулла прожил долгую, полную значимыми для всех российских мусульман событиями жизнь. Родился он 25 (или 20) марта 1833 г. в маленькой д. Шарипово (Шарип, или Шариф) Тунгатаровской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии, скончался 2 февраля 1917 г. в г. Троицке. Его отец, вероятно, служил муллой, мать была одной из ближайших родственниц знаменитого Азначуры-ишана.

В 1859 г. после получения традиционного мусульманского образования в медресе д. Ахуново Верхнеуральского уезда и при Второй соборной мечети г. Троицка Зайнулла Расулев занял должность имама соборной мечети д. Аккужа (другое название - Юлдашево, или Юлдаш) Тептярско-Учалинской волости Верхнеуральского уезда. К этому времени он уже увлекался суфизмом

и успел получить от своего шейха, то есть религиозного наставника, Габдулхакима бин Курбангали ал-Чардаклы (Курбангалиев; он же Курмангалин) особый документ на право самостоятельно набирать и наставлять своих послушников. С этого времени начинается совершенно новый этап в жизни Зайнуллы-ишана, тесно связанный с суфизмом, то есть с исламским мистицизмом.

В начале 1870-х гг. шейх Зайнулла ввел в религиозную практику местных мусульман ряд новшеств, воспринятых им самим во время паломничества у стамбульских сторонников халидийской ветви братства Накшбандийа-Муджаддидийа. Как видно из архивных документов и свидетельств современников, этих новшеств было немало *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 3. *Д.* 8027. *Л.* 1-4; Ф. И-9. Оп. 1. *Д.* 298. *Л.* 2-4; *ГАОО.* Ф. 10. Оп. 7. *Д.* 598. *Л.* 36-40, 48—49; *Асылбаев*, 1917. С. 61—62].

Первым и, пожалуй, центральным из них была пропаганда и применение коллективного и публичного зикра, причем громкого, а также рецитации формул зикра на открытом воздухе в определенных священных местах (например, на горе близ д. Аккужа), то есть вне мечети, при стечении многотысячного населения.

Поясним, что зикр *(араб.* — поминание) представляет собой совершаемый по особой форме и сопровождаемый определенными телодвижениями сложный мистический ритуальный обряд многократного упоминания вслух или про себя сакральных арабоязычных формул, содержащих в себе самые прекрасные имена-эпитеты Аллаха. Иногда он сопровождается ритуальным танцем и распеванием сакральных текстов и мистических стихов. Целью является достижение дервишем духовной сосредоточенности и состояния экстатического транса для ощущения внутри себя «божественного присутствия», а в конечном счете «приближения» к Аллаху, «постижения» Его и даже «слияния» с Ним *[Бабаджанов, Мухаммадаминов*, 2008. С. 24].

Как уже упоминалось, для суфийской практики членов братства обычно свойственен тихий зикр, то есть мысленное («сердцем») поминание имени Аллаха про себя *[Algar*, 1976. S. 39—46]. Вопрос о том, какой зикр, тихий или громкий, более «богоугоден», постоянно дебатировался в суфийских кругах и остается дискуссионным. Даже внутри Накшбандийа-Муджаддидийа в различных регионах практикуются как тихое, так и громкое богопоминание *[Кюгельген*, 2001. С. 325—326; *Бабаджанов, Мухаммадаминов*, 2008. С. 27—28].

Члены некоторых суфийских братств проводят коллективный зикр вне мечети на лоне природы. Произношение богопоминания открыто в голос и при стечении сотен и даже тысяч людей, в большинстве своем не посвященных во все тонкости теоретических доктрин суфийского учения, оказывало на присутствующих неизгладимое впечатление. Поэтому оно являлось действенным средством вербовки новых адептов в братства. Для некоторых не лишенных земных интересов и особо предприимчивых шейхов коллективный зикр на открытом воздухе нередко служил надежным способом сбора подношений со своих последователей и почитателей. Судя по косвенным данным, не избежал соблазна капитализировать свой религиозный авторитет и Зайнулла-ишан. Такая практика неуклонно вела к профанации самого сакрального ритуала зикра и всего суфизма в целом. Но наиболее дальновидные шейхи, в том числе и Зайнулла Расулев, тратили значительную часть своих немалых доходов на благотворительные цели, нивелируя, таким образом, все усугубляющееся в местных обществах мусульман социальное неравенство и одновременно зарабатывая себе весьма солидный «социальный капитал» *[Бабаджанов, Мухаммадаминов*, 2008. С. 30].

Вторым новшеством Зайнуллы Расулева было введение им обычая совместного празднования прихожанами маулида, или мавлида. Поясним также, что мусульмане под маулидом *(араб. -* день рождения вообще) понимают, как правило, литургию в честь пророка Мухаммада в день его смерти (приходится на 12-е число месяца рабигу-л-аввал — третьего месяца мусульманского лунного календаря), который торжественно отмечается как дата рождения «последнего посланника Аллаха» для «вечного мира» *[Schimmel*, 1995. S. 124]. Когда утвердилось его празднование среди башкир и татар - точно неизвестно *[Акбулатов, Булгаков*, 1992. С. 23].

В день маулида в мечетях читаются отдельные стихи Корана, общая молитва и проповеди в честь Мухаммада, произносятся славословия Всевышнему и его избраннику, раздаются милостыни бедным. Некоторые мусульманские теологи-«ортодоксы» выступали с острой критикой празднования маулида, считая его непозволительным новшеством в религиозной практике. Но многие умеренные представители религиозных авторитетов, стоящие близко к суфийским кругам, а также к «народному» исламу, допускали чествование дня рождения пророка, но без особых торжеств, преимущественно чтением Корана и пением религиозных песен.

Поэтому маулид стал неизменной составной частью религиозной жизни у многих мусульманских народов, в том числе башкир, причем при самом активном участии суфиев. В иерархии исламских праздников он является третьим после двух канонических праздников - праздника разговения по случаю окончания священного месяца рамазан, а также трехдневного праздника жертвоприношения *(Корбан байрамы).*

Третьим новшеством Зайнуллы Расулева в местной религиозной практике было введение среди местных мусульман обычая ношения и употребления четок. Четки представляли собой нанизанные на нить 99, по числу эпитетов Аллаха, и сделанные из дерева или драгоценных камней бусинки для подсчета произносимых в честь Создателя хвалебных слов, прочитанных молитв, совершенных поклонов и других ритуальных действий. А сам исламский термин тасбих означает произнесение арабоязычной молитвенной формулы «Субхан Аллах!» (Слава или хвала Аллаху!) как основной части молитвы.

У башкир слово «тасбих» обозначало, как и у других мусульманских народов, еще и четки, которые употреблялись во время молитвы и зикра. Передвигая бусинки, они вели, например, счет произнесенным формулам единобожия.

Есть сведения, что четки некоторых мюридов Зайнуллы-ишана имели до 1 тыс. бусинок *[Бабич*, 1994. Б. 490], наверное, для точного исполнения одного из обязательных для суфиев предписаний - ежедневного повторения по сто одному или тысяча одному разу тахлила и других сакральных формул. Поэтому народные предания о том, что иногда четки, употребляемые в кругу башкирского шейха, были двухметровой длины *[Хусайнова*, 2008. С. 172-173], видимо, имеют некоторое реальное основание.

Четвертый обычай, введенный Зайнуллой-ишаном, состоял в вывешивании внутри мечетей и домов местных мусульман «красивых грамот», то есть шамаилов «для изгнания нечистого духа».

Шамаилы — это обычно написанные каллиграфическим почерком на бумаге и стекле, а также вышитые на ткани айаты или суры из Корана, определенные молитвы, имена-эпитеты Аллаха, пророка Мухаммада, некоторых «святых» и т. д. На фоне святых мест и мечетей они оформлялись в форме настенного панно интерьерного назначения. В случае с Зайнуллой Расулевым на шамаилах были изображены в числе прочих имена «Бухарского святого» ходжи Багаутдина Накшбанди, «самого старшего муллы турецкого» шейха Ахмеда Зияэтдина Гюмюшханавия и т. д.

Долгое время на Российском Востоке в условиях давления на ислам со стороны имперских властей и политики христианизации башкиры отрицательно относились к изобразительному искусству вообще, особенно к изображению живых существ. В этом, видимо, лежит главная причина первоначального неприятия некоторыми мусульманами внутренней России «сакральной иконографии» в виде каллиграфических надписей, практиковавшейся Зайнуллой-ишаном в начале 1870-х гг. Подлинный расцвет искусства шамаил среди мусульман края произошел только на рубеже XIX-XX вв. уже в условиях городской культуры. Именно тогда в Урало-Поволжье высокохудожественные шамаилы стали подлинным религиозно-мифологическим символом ислама *[Шамсутов*, 2002. С. 386—387; 2006. С. 457—458; *Червонная*, 1987. С. 270; *Виноградова*, *Каптерова*', *Стародуб*, 1997. С. 332].

И, наконец, пятым пунктом в списке нововведений шейха Зайнуллы значилось использование им и его последователями «целительных» и благоухающих масел в быту, а также, видимо, во время моления и коллективного зикра для ускорения впадения в состояние транса.

Введение Зайнуллой Расулевым в быт и суфийскую практику местных мусульман применения различных благовоний, видимо, последовало согласно известному хадису о том, что пророк Мухаммад был наделен особой любовью к трем земным вещам: приятным ароматам, прекрасным женщинам и обретению душевного спокойствия в молитве *[Wensinck*, 1976. S. 643—644].

Нетрудно заметить, что в письменных документах, исходящих, как правило, из лагеря противников шейха Зайнуллы, перечислены лишь «вредные новшества», носившие внешний, ритуально-обрядовый характер. Истинный смысл суфийского учения ветви Халидийа ордена Накшбандийа-Муджадцидийа, который состоял прежде всего в пропаганде и практике активной жизненной позиции, а также в минимализации связей с официальными властями (политическое отчуждение) остался недоступным осведомителям оренбургского муфтия и властей *[Paul*, 1991; *Algar*, 1976. P. 127—128; *Бабаджанов*, *Мухаммадаминов*, 2008. С. 32].

По большому счету, шейхи-конкуренты не поняли и действительные причины притягательной силы большинства ритуальных нововведений Зайнуллы Расулева. Не четки и благоухающие мази в первую очередь манили людей к нему, а организуемые им коллективные собрания, которые обычно дают «так необходимое простому человеку чувство социальной интеграции, буквально физическое ощущение плеча и дыхание собрата по ордену, особенно во время коллективных ритуалов» *[Бабаджанов*, *Мухаммадаминов*, 2008. С. 34].

Участие в суфийских ритуалах давало мюридам также чувство душевного равновесия, а также ощущения социального единения на фоне растущего индивидуализма (обязательного социального продукта капитализма), удивительной гармонии национального и мусульманского, наличия достаточно эффективного механизма противостояния вызовам российской модернизации, подспудно угрожающим местной тюрко-мусульманской культуре *[Там же*. С. 42, 54, 56, 58].

На завистников-современников произвело ошеломляющее впечатление огромное («до семи тысяч человек»), к тому же «неудержимо» растущее

количество последователей (мюридов) Зайнуллы Расулева. Хотя, скорее всего, цифры в донесениях «указных» мулл - «народу более пяти тысяч» или даже «до семи тысяч человек» — не отражают реальную картину. Она, несомненно, включала в себя всех башкир, татар и казахов, так или иначе тянувшихся в условиях коренной трансформации пореформенного тюрко-мусульманского общества к новоявленному харизматическому шейху в поисках моральной поддержки, социальной справедливости и стабильности без знакомства со всеми тонкостями его суфийских воззрений.

Тем не менее следует признать, что популярность Зайнуллы-ишана уже в 1870-е гг. была поистине огромной. Для сравнения укажем, что в начале 1880-х гг. суфийско-«сектантская» община упомянутого выше татарского шейха Багаутдина Ваисова насчитывала около 2 тыс. членов *[Усманова*, 2009. С. 9].

Причина зависти конкурентов Зайнуллы-ишана понятна. Они прекрасно понимали, что такого социального успеха им никогда не достичь. Поразительными для них были размеры доходов шейха от продажи четок («по пяти и более рублей» за штуку) и «благоухающих мазей». Полученные Зайнуллой Расулевым от своих мюридов пожертвования и милостыни, составлявшие, например, в дни маулида с участием до трех тысяч человек не менее одного рубля с каждого присутствующего, также неприятно удивляли местных указных мулл и традиционных шейхов.

Видимо, именно на основании таких потрясений один из главных недоброжелателей Зайнуллы-ишана имам д. Мулдакаевой Троицкого уезда Оренбургской губернии Афтах Исхаков сделал вывод, рассчитанный на государственных чиновников. В своих донесениях он отмечал, что «противозаконные» действия шейха Зайнуллы будоражат население, вносят разлад в среду мусульман. Мулдакаевский мулла писал, что это отвлекает башкир «от истинной веры», «отчего и нравственность народа портится» *[ЦИАРБ*. Ф. И-295. Оп. 3. *Д*. 8027. *Л*. 2 об., 4 об.]. Еловым *[Насыров*, 2008. С. 45]. Он предупреждение о том, что если не остановить развитие «заблужденной секты» Зайнуллы Расулева, то могут произойти «худые последствия и бунт» *[Там же. Л*. 4 об.]. Не без наущения таких представителей официального мусульманского духовенства, как А. Исхаков, губернские и столичные чиновники действительно восприняли новации Зайнуллы-ишана как попытку создания им «ложного учения», несоответствующего «видам правительства». В середине 1872 г. шейх-новатор вместе с одним из своих сподвижников был подвергнут аресту. В начале 1873 г. его в административном порядке (то есть без суда, только по распоряжению министра внутренних дел А.Е.Тимашева от 11 ноября 1872 г.) сослали без определения конкретного срока под гласный надзор полиции в северные губернии (Вологодская, а затем Костромская) империи. Там Зайнулла Расулев пробыл почти восемь лет *[Фархшатов*, 2009. С. 52-76; 2011].

История высылки Зайнуллы-ишана царскими властями в начале 1870-х гг. за пределы Башкортостана освещена в исторической литературе лишь очень кратко и на ограниченной документальной основе. Поэтому многое из разыгравшихся тогда вокруг башкирского ишана событий остается малоизвестным или не совсем ясным. Например, до сих пор в соответствующей литературе нет убедительного ответа на вопрос, почему Зайнулла Расулев вообще был удален из Уфимско-Оренбургского края. В.В.Бартольд, например, писал, что власти вменяли ему в вину совершение хаджа без официального разрешения, а также введение в религиозную практику мусульман непозволительных новшеств *[Бартольд*, 1917. С. 73]. *Л*.И.Климович же полагал: «Власти не хотели в этом частном случае терпеть внутренние раздоры среди мусульманских священников или не хотели назначить на должность агента-шейха человека, который не был должным образом проверен. Когда Зайнулла Расулев был проверен, его назначили имамом» *[Климович*, 1936. С. 130].

Американский профессор Х.Алгар исключает, что Зайнулла-ишан был выслан лишь из-за внутренней конкуренции между башкирскими и татарскими шейхами и был завербован полицией во время ссылки. Он усматривает причину конфликта в том, что власти увидели в деятельности ишана «потенциальный источник для политических беспорядков» *[Algar*, 1992. P. 130]. И. Р.Насыров пишет лишь очень обобщенно, что шейх Зайнулла как представитель «третьей силы» (между кадимистами-традиционалистами и джадидистами-модернистами) подвергся административным преследованиям «за свои убеждения и действия» *[Насыров*, 2008. С. 45].

Известный татарский исследователь А.Ю.Хабутдинов утверждает, что Зайнуллу Расулева сослали «по обвинению в протурецкой пропаганде в период Крымской войны 1853—1856 гг.» *[Хабутдинов*, 2007. С. 20]. Существуют и более экзотические версии. Так, один из современных татарстанских идеологов «необулгаризма» Фаргат Нурутдин ал-Булгари уверен, что башкирский шейх попал в опалу из-за намерения созвать тайное совещание «лучших булгарских мулл, учителей и купцов» по вопросу «о восстановлении Булгарского государства» *[Фархшатов*, 2009. С. 41].

Заслуживает внимания объяснение причин административной высылки Зайнуллы Расулева, предложенное Р.М.Булгаковым. По его мне-

нию, в начале 1870-х гг. деятельность Зайнуллы-ишана и его сподвижника Гатауллы Абдулмаликова во многом противоречила государственной социально-экономической политике в пореформенном Башкортостане. Они были сосланы за пределы края прежде всего потому, что их активная религиозно-проповедническая деятельность могла помешать мероприятиям по размежеванию и продаже башкирских земель, задуманным и даже частично осуществленным в пореформенный период *[Булгаков*, 2008. С. 193-196].

Жестко привязывая политику властей по отношению к «башкирскому» суфизму с экономикой (со ссылкой, в том числе на известный афоризм В.И.Ленина «Политика есть концентрированное выражение экономики...»), Р.М.Булгаков делает вывод: «Высылая Зайнуллу [Расулева] и Гатауллу [Абдулмаликова], [оренбургский генерал-губернатор Н.А.] Крыжановский преследовал цели не конкурентов-доносчиков, а цели тех, кто разными способами стремился завладеть башкирскими землями» и выбросить их «на рынок» *[Там же.* С. 196].

Аргументы Р.М.Булгакова можно усилить. Например, в ходе расхищения земель в пореформенном Башкортостане нажились не только крупные сановники, но и некоторые чиновники, непосредственно участвовавшие в разборе «дела» Зайнуллы-ишана. Так, в 1876 г. чиновник особых поручений VI класса при генерал-губернаторе статский советник Н.И.Жоховский стал обладателем 1 100,3 десятины башкирских земель в Орском уезде Оренбургской губернии *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 13. *Д.* 4748/5. *Л.* 98 об.-99].

В числе «особенных по службе деяний или отличий» в послужном списке Жоховского особо отмечалось, что ему предписанием оренбургского генерал-губернатора от 19 мая 1872 г. было поручено «произвести секретное дознание о мулле д. Аккужино Верхнеуральского уезда Зайнулле Хабибуллине, проповедовавшем ложное учение о Магомеде и выдававшем себя за Магомеда Третьего, исполнительное донесение по этому предмету последовало 5 июля 1872 г. за № 82» [*Там же.* *Л.* 105 об. - 106; Ф. 10. Оп. 7. *Д.* 598. *Л.* 23].

Подобное узаконенное беззаконие вокруг башкирских земель могло произойти лишь при молчаливом согласии высшей башкирской элиты, жестко привязанной к имперской власти. И совсем не случайно на рубеже 1860-1870-х гг. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский целенаправленно содействовал консолидации влиятельных представителей башкирского духовенства, солидарных с действиями правительства при реформировании земельных отношений в крае.

Так, в 1868 г. местные власти отказали пятерым мусульманам Уфимской губернии, в том числе старшему ахуну и имаму соборной мечети г. Уфы тархану Шарафутдину Сулейманову, в просьбе разрешить им совершить паломничество. Сама мотивировка решения Крыжановского в его отношении уфимскому губернатору от 4 декабря 1868 г. говорит о многом: «Имею честь покорнейше просить Вас <...> отклонить ходатайство просителей, разъяснив им, что ввиду имеющего в скором времени последовать разрешения башкирского поземельного вопроса лучшие люди в обществах будут нужны на месте, а потому отсутствие их в это время было бы нежелательно» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 18. *Д.* 625. *Л.* 5].

Совершенно очевидно, что при высылке Зайнуллы Расулева немаловажную роль сыграли и историко-политические мотивы. Можно с уверенностью сказать, например, что при выработке отношения к суфизму и новым его проявлениям в Волго-Уральском регионе на позиции властей повлияли как свежее еще в памяти многих имперских чиновников уже упомянутое многолетнее сопротивление российским войскам кавказских горцев, так и восстания башкир XVII—XVIII вв.

«Тень» имама Шамиля, муллы Батырши, идейного вдохновителя башкирского восстания 1755 г., или муллы Мурата, прославившегося в конце 1760-х — начале 1770-х гг. в Урало-Поволжском регионе как «новый мусульманский пророк» и «великий святой шейх» *[Гвоздикова*, *Хусаинов*, 1996; *Гвоздикова*, 1999. С. 238 -244], закономерно порождала у чиновников страх появления «башкирского» религиозного лидера.

Поэтому власти всегда, особенно в пореформенный период, принимали различные административные меры против политизации российских мусульман. Например, в 1865—1866 гг. Крыжановский отклонил все ходатайства башкир о поездке в Мекку, Медину и Иерусалим. Он опасался, что процесс примет политический характер *[Азаматов*, 1999. С. 113]. Весной 1874 г. решительные меры были приняты в отношении мулл Осинского и Шадринского уездов Пермской губернии, которые поддержали выступления башкир против призыва их в армию на общих основаниях *[Там же.* С. 175-176].

В 1870-1880-е гг. местные власти особое внимание стали уделять суфизму, стараясь искоренить его среди башкир, татар и казахов. В это время в канцеляриях только оренбургского генерал-губернатора и гражданского губернатора, кроме «дела» Зайнуллы Расулева, в производстве находились еще несколько подобных «дел» *[ГАОО.* Ф. 6. Оп. 18. *Д.* 671; Ф. 10. Оп.7. *Д.* 552]. Документальные источники свидетельствуют, что в 1873—1875 гг. различным наказаниям, от временного удаления от мечетской должности до лишения духовного звания, подверглись и многие башкирские и татарские муллы, последователи Зайнуллы Расулева *[ГАОО.* Ф. 10.

Оп. 7. Д. 598. Л. 79-82, 87-88; *ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 2. Д. 132. Л. 374-375 об.; Оп. 3. Д. 8027. Л. 45-46]. «Новое магометанское учение» чиновники однозначно приравнивали идеологии джихада. Политические пристрастия затмевали перед ними то обстоятельство, что «истинные» суфии отдают предпочтение Большому джихаду (борьба за духовное самосовершенствование) перед Малым джихадом. К «священной войне» против «неверных», т. е. к борьбе с оружием в руках, они прибегают лишь в исключительных случаях, отдавая предпочтение пассивным формам протеста [*Бабаджанов*, *Мухаммадаминов*, 1998. С. 40—42].

Однако высокопоставленные правительственные чиновники вынесли решение по делу Зайнуллы Расулева лишь на основе внешних, обрядовых нововведений башкирского шейха в суфийскую практику. Они голословно обвинили его в «лжеучительстве» и антиправительственных действиях. Фактом ссылки Зайнуллы-ишана местным мусульманам было ясно дано понять, что власть намерена терпеть лишь «официальный» ислам, что любые отклонения от «правоверия», в том числе учение суфиев как «противогосударственное явление», будут жестко подавлены. Исходным базисом для репрессивного отношения к суфизму как опасной «ереси» или «секте» служило чиновничье представление о существовании в исламе, как, например, в христианстве, «ортодоксального» течения или «правоверия», что совершенно не соответствовало действительности.

Исламской религии вообще не свойственна нормативная, официально-церковная канонизация священных текстов, идей, учений или «святых» [*Гордлевский*, 1962. С. 369-388; *Хисматуллин*, 2003. С. 87-88, 139; *Аликберов*, 2003. С. 27; *Прозоров*, 2004. С. 7—22]. В каждом регионе, где проживают мусульмане, сложился и практикуется свой, местный вариант ислама, в котором основанный на Коране и сунне «нормативный» ислам довольно мирно уживается с положениями тариката и народных, доисламских верований. Поэтому как в прошлом, так и сейчас своеобразный и многоуровневый урало-поволжский ислам невозможно делить на «чистый» (канонический) и «сектантский» (оппозиционный к основному, в данном случае суннитско-ханафитскому, религиозному стволу и принципиально отличающийся от него).

А вот опасения властей, что суфийская этика легко может превратиться в политический фактор, а суфийские братства могут быть вовлечены в «политику», имели некоторое реальное основание. Явный или скрытый протест суфиев против указных мулл, огосударствления ислама, наступления властей на законные права мусульманских народов империи таил потенциальную опасность для сложившихся во внутренней России государственно-исламских отношений. Поэтому в империи делигитимизация суфизма как явления «средневековой архаичности» и фактора политической нестабильности в виде ограничений в обрядности и практике ритуально-общинных коммуникаций, а то и жестких гонений на руководителей суфийских братств практиковались повсеместно как в XVIII—XIX вв., так и в начале XX в. *[Юнусова*, 1999. С. 75—76; *Усманова*, 2009].

Действия правительства по пресечению некоторых экстремальных проявлений суфийской практики в пореформенном Башкортостане: коллективное впадение в состояние экстаза во время зикра, чрезмерное задабривание мюридами своих шейхов в ущерб своему бюджету и т. д. — несомненно, спо^ собствовали сохранению общественного спокойствия в крае и стабилизации благосостояния местного населения. Однако способы их осуществления не только загоняли суфизм как одно из проявлений «народного» ислама в подполье, но и подавляли его склонность к религиозной и этнической толерантности, приверженности к национальной (башкирской и в целом к тюркской) культуре.

Репрессивные действия властей против суфиев сужали поле религиозного плюрализма в стране, духовных исканий и деятельности по модернизации общественной жизни башкир и татар, задерживали подлинную интеграцию их в состав Российской империи. Они также способствовали как скрытой политизации ислама, так и активизации радикальных сил мусульманских народов от традиционалистов, поборников «чистого» ислама до национал-революционеров, бездумно отвергавших буквально все устои «старого» мира.

Абсолютно правы те исследователи, которые утверждают, что игнорирование российскими государственными органами вековой лояльности и политического конформизма суфизма постепенно размывало в исламских регионах страны надежный барьер на пути агрессии экстремистов всех мастей, а подавление важных функций шейхов как признанных религиозных лидеров — действенного социального регулятора, нравственного очистителя и генератора подлинных духовных ориентиров — необратимо вело в числе прочего к перерастанию неудовлетворенности мусульманских масс в «бессмысленную и беспощадную» смуту *[Бабаджанов*, *Мухаммадаминов*, 2008. С. 33, 40—44, 46, 51].

В мае 18 84 г., через четыре года после возвращения на родину, Зайнуллу-ишана избрали имамом новой, Пятой соборной мечети г. Троицка, при которой он открыл медресе, получившее название «Расулийа» и превратившееся вскоре в одно из ведущих новометодных (джадидистских) учебных заведений Российского Востока, куда стремилась жаждущая знаний молодежь не только Южного Урала, но и всего Поволжья и Казахстана. Парал-

лельно с преподаванием и культовыми занятиями Зайнулла Расулев вел активную деятельность по духовному наставничеству мюридов. На этой стезе он заслужил почетное прозвище «кутб-и заман» (араб. — столп, или полюс времени), то есть высшего суфийского авторитета своей эпохи [*Насыров*, 2008. С. 16-17; *DeJong*, 1986. P. 543-546].

Практически каждый день в дообеденное время в гостином доме, построенном при медресе, проходили ученые беседы шейха со своими последователями: шакирдами, хальфами, приезжими издалека простолюдинами и духовными лицами. В них затрагивались самые различные научно-богословские и житейские вопросы. В частности, в меджлисах Зайнулла-ишан постоянно подчеркивал, что главная миссия ислама, в рамках которого действует и суфизм, состоит в духовной поддержке человека, а не в угнетении его и ограничении поля его деятельности. Поэтому-то на основании шариата он старался найти, причем совместно со своими слушателями, рациональный ответ на каждый серьезный вызов времени.

Не случайно на рубеже XIX — XX вв. во всем Урало-Поволжье и Казахстане считалось большой честью быть послушником знаменитого шейха. Авторитет его был настолько велик, что многие крупные начинания в крае проходили при непосредственной его поддержке и участии. В числе благих дел Зайнуллы Расулева, например, числится популяризация среди местных мусульман здорового образа жизни. На этом пути им были исцелены, причем без особых шарлатанских трюков и «чудес», сотни людей от пристрастия к алкогольным напиткам и табакокурению. Он одним из первых среди местных мусульман поддержал идеи страхования имущества от пожаров.

В целом на рубеже XIX-XX вв. Зайнулла Расулев находился в первых рядах местных национальных интеллектуальных сил. Не без основания в некоторых некрологах, появившихся после его смерти, он был назван «духовным королем» российских мусульман. И это не было преувеличением. Многие суждения троицкого ишана имели для дореволюционных башкир, татар и казахов, в том числе и для их «староверческой» части (кадимистов), силу фетвы, то есть закона.

Однако отметим и то, что некоторые современники относились к его деятельности и к суфизму в целом критически. Можно упомянуть, например, очень эмоциональные сочинения знаменитых татарских и башкирских поэтов и писателей Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Мажита Гафури [*Тукай*, 1985. С. 66-67; *Исхаки*, 1904; *Гафури*, 1979. С. 443—449, 455—459]. В них остро разоблачались прежде всего деяния так называемых «черных», или «лживых», ишанов-шарлатанов в условиях явного кризиса местного суфизма на рубеже XIX—XX вв.

Антисуфийские произведения Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Мажита Гафури и других получили в свое время большой общественный резонанс. В дальнейшем они на долгие годы предопределили однозначно негативное отношение многих отечественных исследователей к мистико-аскетическому течению в исламе и его последователям, в том числе к шейху Зайнулле Расулеву.

ДЖАДИДИЗМ КАК МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ

Коренные сдвиги в социально-экономической сфере в пореформенный период, а также усиление государственно-православного вмешательства в культурную жизнь страны привели к появлению общемусульманского реформизма XIX в. Его наиболее видными представителями были Джамалутдин Афгани (1849-1896) и Мухаммад Абдо (1849—1905). Характерно, что в 1888 г. во время пребывания в Петербурге один из видных религиозных и общественных деятелей Башкортостана Риза Фахретдинов, будучи еще учащимся (шакирдом) сельского медресе, встретился с Афгани и провел полуторачасовую беседу. После смерти Мухаммада Абдо он очень сожалел, что не пришлось переписываться с ним [*Фахретдинов*, 1999. С. 109]. На рубеже XIX—XX вв. в Каирском «Аль-Азхаре», возглавляемом Абдо, обучалась целая плеяда башкирской и татарской интеллектуальной элиты нового поколения, в том числе Муса Бигиев, Зия Камали, Закир Кадыри и др., внесшие весомый вклад в духовное обновление своих народов, положившие в башкирском обществе начало кардинальным мировоззренческим, идеологическим и ментальным переменам. Сначала узкий круг привилегированных и образованных людей, а затем так или иначе и все остальные слои постепенно стали усваивать ценности и поведенческие установки рыночного, капиталистического уклада хозяйствования, втягиваться в орбиту городского образа жизни и культуры, выходить из идейно-философской изоляции, еще теснее интегрироваться в экономические и политические структуры Российской империи.

Развернувшееся в конце XIX в. среди тюрков-мусульман Урало-Поволжья обновленческое движение представляло единое целое, несмотря на заметные различия и асинхронность развития отдельных народов. Оно вошло в историю под названием джадидизма, поскольку началось в области школьного дела внедрением нового метода (*араб.*: усул-и джадид) обучения грамоте: на смену буквослогательному пришел звуковой метод (*араб.*: усул-и саутийа). Очень часто в литературе в качестве синонима к понятию «джадидизм» употребляются термины «просветительство», «реформаторство», «на-

циональное возрождение», «нациестроительство», «модернизация» и т. д. Сторонников реформ именовали джадидистами, а их оппонентов и противников — кадимистами (от *араб*, кадим - старый, т. е. условно «староверами») [*Фархшатов*, 2007]. Начавшийся в области педагогики элитарный джадидизм быстро обрел в крае характер широкого религиозно-культурного и социально-политического движения и оказал революционизирующее воздействие на общественную мысль и башкир, ускорив ее, говоря современным языком, переформатирование на буржуазный лад.

Практическая реализация религиозно-церковных-и культурных реформ началась в Башкортостане в 1880-е гг., получила большой общественный резонанс и продолжалась вплоть до падения династии Романовых, йройдя несколько этапов. В первый период, охватывавший 1880-е —1904 г., лозунги светской национальной школы, издательского дела и периодики, «очищения» ислама, европеизации быта, эмансипации женщины и т. д. стали единым и цельным призывом борьбы передовых сил против идеологии и учреждений отжившей свое феодальной, доиндустриальной эпохи. Борьба за массовое просвещение на родном языке, новую культуру, проявлявшаяся с разной интенсивностью во всех уголках края, приобрела в жизни башкир особое значение и потому, что она в условиях имперского пространства, вне всякого сомнения, выступала одной из форм национально-освободительного движения, важной сферой проявления жизнедеятельности нарождающейся нации.

Наибольшего же успеха джадидизм в Башкортостане добился на следующем этапе развития обновленческого движения — в период Первой русской революции 1905-1907 гг. Затем произошел его спад: многие реформаторы пошли на идейный компромисс с кадимистами и государственными органами, со временем в их учениях и действиях усилились догматические элементы, возросла нетерпимость к инакомыслящим, угасли антиклерикальная направленность и критическое отношение к существующим общественным порядкам, наметился отход от «обожествления» человека как настоящего «микрокосмоса», а не «греховного сосуда», обреченного в жизни на страдания, и т. д., что поставило под сомнение осуществимость многих гуманистических идеалов. Так, в 1905 г. Р. Фахретдинов утверждал: «Аллах создал человека из горестей и печали, поэтому его жизнь проходит в мучениях. Доля его такова <...> он бессилен что-нибудь изменить» *[Фахретдинов*, 1999. С. 105]. Таким образом, в Урало-Поволжье началась своеобразная и весьма краткосрочная мусульманская Контрреформация. Датировка реформаторского движения среди тюрков-мусульман Урало-Поволжья остается в историографии дискуссионным вопросом *[Валидов*, 1923. С. 32—77; *Абдуллин*, 1979. С. 104, 114—116; *Вильданов*, *Кунафин*, 1981. С. 15-107; *Исхаков*, 1997. С. 9-11; *Валеев*, 2001. С. 116]. Некоторые исследователи выделяют не только хронологические, но и проблемно-содержательные этапы в становлении и развитии джадидизма: религиозный (теологический), культурный и политический, которые хотя и следовали в основном друг за другом, но обычно взаимно переплетались *[Бенигсен*, 1983. С. 79; *Исхаков*, 1997. С. 9].

В пореформенный период в Башкортостане зародилось и развивалось движение за европеизированную культуру в башкирском обществе. Его поддерживала башкирская буржуазия, также нуждавшаяся в передовых учебных заведениях для оттеснения феодально-клерикальных сил и подготовки нужных ей в конкурентной борьбе национальных кадров (учителей, бухгалтеров, приказчиков и т. д.). Узкоклассовые интересы торгово-промышленных кругов в сфере просвещения тюрков-мусульман проявлялись довольно отчетливо. Но они в условиях восходящего буржуазного общества отражали в известной степени и интересы всей нации.

Главными идеологами и участниками обновленческого движения были башкирские учителя (мударрисы и мугаллимы мектебов и медресе), писатели, общественные и религиозные деятели (ахуны, имамы, или муллы). Их объединяли стремление к свободомыслию, приверженность к гуманизму, нетерпимость к средневековой религиозной схоластике, вера в культурологическую миссию возрожденного ислама и его институтов, просвещение и силу знаний, осуждение национальной ограниченности и религиозной отчужденности, пропаганда широких культурных контактов с другими народами без различия их веры и национальной принадлежности, но преобладающая ориентация на Восток.

Однако по степени критики старых мировоззренческих установок, равно как и по предлагаемым программам преобразований в духовной сфере, башкирские реформаторы не представляли единого целого, хотя и были объединены общими идейно-теоретическими установками. В зависимости от трактовки задач обновленческого движения среди них постепенно наметилась тенденция деления на демократов и либералов (при всей условности определений). Имеют право на существование и другие мнения. Например, один из первых исследователей джадидизма Дж. Валидов достаточно обоснованно указывал, что «новое умственное движение» среди российских мусульман развивалось «в двух направлениях - религиозно-реформаторском и гуманитарно-просветительном» *[Валидов*, 1923. С. 77]. Объективно и те и другие выступали как выразители интересов формирующейся нации, водораздел между ними был весьма нечетким, завуа-

лированным. Ни демократы, ни либералы не относили себя к защитникам интересов какого-либо одного класса и действовали до поры до времени единым фронтом от имени «всего народа», в интересах «всей нации». Глубокие различия между ними обнаружились лишь по мере дальнейшего утверждения рыночных отношений и углубления социальных антагонизмов в местном обществе.

Демократический лагерь просветителей в Башкортостане возглавляли М. Акмулла и М.Уметбаев, выражавшие наиболее радикальные настроения крестьянских масс.

Мифтахетдин Акмулла был выдающимся поэтом и педагогом-подвижником. В своих произведениях и практической деятельности он подвергал острой критике средневековый застой и полное господство религии в общественной и культурной жизни мусульманских народов, отстаивал прогресс и свободу человеческого разума. Акмулла верил в силу знаний, выступал за изменение системы образования и призывал молодежь к изучению светских предметов. Поэт страстно пропагандировал новаторские идеи татарского богослова ШигабутдинаМарджани *[Акмулла*, 1986. С. 124—145; *Шакур*, 2006. С. 122-124].

Акмулла отвергал узкий национализм и религиозную ограниченность народов, настаивал на мировом диалоге культур, пропагандировал изучение русского и иностранных языков. Он был сторонником введения в школах изучения родного языка и упорядочивания учебного дела, призывал к гуманному отношению к детям в школе и одним из первых в крае начал строить свою педагогическую деятельность на основе человечности и рационализма.

За чистоту помыслов и деяний благодарное население прозвало Мифтахетдина Акмуллой *(букв.:* белый мулла, «ак» на тюркских языках означает белый), то есть благочестивым наставником.

Известный ученый, писатель и общественный деятель Мухаметсалим Уметбаев также посвятил свою жизнь просвещению народа, включению его в экономическую и культурную жизнь страны, борьбе против умственного застоя и религиозной схоластики, хозяйственной отсталости и бедности, социального угнетения и несправедливости. Будущее башкир он связывал с распространением знаний и активно пропагандировал идею приобщения к европейским ценностям, изучение светских наук и русского языка.

Продолжая традиции башкирских и татарских просветителей первого поколения И.Халфина, С.Кукляшева, М.Бекчурина, Мухаметсалим Уметбаев активно занимался разработкой рациональной методики обучения и составлением учебников.

Стремлением служить народу, просветить его прежде всего на основе своих этнокультурных корней была проникнута деятельность многих рядовых учителей, а также мулл, которые и стали главными проводниками культурного обновления в жизнь. Многие из них были последователями, а некоторые в свое время обучались в русскоязычных государственных учебных заведениях, были знакомы с достижениями культур народов России и мира. Подвижнически трудясь на ниве просвещения и образования, сохранения этнической и конфессиональной идентичности, развития и модернизации народной культуры, демократическая интеллигенция выступала подлинным выразителем интересов широких народных масс. Она, хотя и не вышла в своем мироощущении за рамки идеализма и религии, возлагала чрезмерную надежду в прогрессе человечества на просвещение, проявляла политическую робость, своей научно-педагогической и практической деятельностью сумела донести до сознания народных масс главное — необходимость отказа от диктатуры мусульманской церкви и всей отжившей феодально-религиозной идеологии и социальных отношений, перехода к активной жизненной позиции и служения общему благу, мирного сосуществования и взаимного духовного обогащения всех народов страны. Пожалуй, самым слабым местом в идеологии просветителей-демократов было то, что они мечтали шагнуть из существующего несправедливого социально-политического порядка в грядущий строй гармонии («золотой век») исключительно путем распространения просвещения и с помощью моральных проповедей.

Видными представителями умеренного, мелкобуржуазного, крыла обновленческого движения среди башкир были Р.Фахретдинов, З.Расулев, Х.Усманов и другие интеллектуалы.

Крупныйисламскийбогослов,ученый-историк, писатель и общественный деятель Ризаитдин Фахретдинов, или Риза-кази, еще в школьные годы увидел недостатки бухарской системы школьного образования и, став в 1886 г. учителем, попытался изменить содержание и направление учебного процесса *[Фахретдинов*, 1999. С. 89—102]. Он в 1889 г. составил свой проект реформы мечетских школ *[РГИА*. Ф. 777. Оп. 4. 1889 г. *Д*. 8. *Л*. 116-152], также оставшийся на бумаге из-за противодействия центральных властей. В своих литературных и научных трудах мыслитель критиковал погрязшие в схоластике традиционные учебные заведения мусульман, выступал против «порчи» нравов, невежества мулл, слепой веры любым духовным авторитетам, доказывал познаваемость окружающего мира, выступал за изучение естественных наук, русского языка, эмансипацию и просвещение женщин *[НА УНЦ РАН*. Ф. 7. Оп. 1. *Д*. 9 (с. а.). *Л*. 403-406; *Баишев*, 1996; *Хусаинов*, 1997].

Риза-кази сделал многое для кристаллизации одного из основных положений джадидизма —

признанию Корана и хадисов единственным источником в области религиозной истины и призывал к использованию рационалистических методов при их изучении. Любопытно, что в 1910-е гг. именно ученики и единомышленники Ризы-казия Муса Бигиев и Зия Камали с целью сделать Священное писание доступным простому народу предприняли первые, правда пресеченные духовными и светскими властями, попытки перевода Корана на язык тюрки, который в ту пору был общим литературным языком многих тюркских народов. Это обесценивало один из главных утверждений кадимистов, что врата самостоятельных познаний для мусульман давно закрыты (араб.: *иджтихад мункариз)*, влекло за собой отказ от следования (*таклид)* мнениям вековых авторитетов мусульманских теологов и открывало возможность для более свободной и рационалистической трактовки вопросов религии. Несомненна его заслуга и в пропаганде идей самоуправления, примененных в период раннего ислама, в противовес бюрократизированной после учреждения Оренбургского муфтията мусульманской церковной организации во внутренней России. Последовательное применение новых принципов служило обоснованию более демократического устройства махаллы (религиозной общины),, ее права самой выбрать своих духовных пастырей, выйти из изолированного состояния в этом меняющемся мире.

Автодидакт и ученый-энциклопедист Фахретдинов оставил след во многих отраслях знания. Так, он одним из первых на Российском Востоке начал глубокое, документальное изучение истории и культуры местных тюркоязычных народов. Им был собран и систематизирован огромный фактический материал по истории религиозно-просветительских учреждений, о выдающихся и рядовых деятелях национальной культуры, государственно-исламских отношениях. Материал был частично опубликован в одном из главных трудов историка — «Асаре» («Предания»), первая книга которого вышла в 1900 г. в Казани, в других публикациях, но большая его часть осталась в рукописи по вине цензоров или из-за нехватки средств для издания [*Рахимкулова*, 1988; *Библиография...* 1999. С. 193—209; *Ризаэтдин*, 2003. С. 47—83; *Фахретдин*, 2008]. Исторические и другие труды Ризы-казия были значительным шагом в нелегком пути самопознания башкирского и татарского народов, в формировании у них новых культурных интересов и направлений, интеграции в российское общество, не теряя своего этнического облика.

Имамы и мударрисы З.Расулев, Х.Усманов, Х.Утяки и др. первыми осуществили на практике реформу своих медресе, которые стали одними из опорных пунктов всего обновленческого движения в крае. Многие выпускники этих медресе становились учителями и распространяли среди народа новые идеи. Мударрисы-реформаторы проявляли также заботу о составлении учебников, отвечающих требованиям дидактики и времени, публично выступали в защиту перестройки медресе и других культурных учреждений. Хотя пути идейного прозрения и духовного развития каждого из них были своеобразными, о чем красноречиво свидетельствует судьба и деятельность, например, З.Расулева.

Расулев, будучи приверженцем «неортодоксальной» мистики, выступал за развитие просвещения, не противопоставлял науку религии, веру разуму, ислам православию, интересовался новыми книгами, собрал богатую библиотеку. Известно, что он запрещал своим шакирдам (учащимся) медитировать, внушал окружающим мысль о пользе ремесел, промышленности и необходимости овладения ими путем обучения в правительственных учебных заведениях *[Зайнулла...* 1917; *Фархшатов*, 1996. С. 84; 2009. С. 22-27].

Троицкий ишан был горячим поклонником поэтического таланта М.Акмуллы, оказывал ему материальную и моральную поддержку в его подвижнической деятельности. До конца своей жизни он оставался одним из идеологов и практиков обновленческого движения среди башкир, татар и казахов и внес ощутимый вклад в утверждение нового религиозно-бытового мышления среди местного мусульманского населения. Авторитет и влияние на российском Востоке Расулева были поистине огромными. На него ссылался в споре с ортодоксами Исмаил Гаспринский — «отец» духовного возрождения российских мусульман, чья издававшаяся с 1883 г. в г. Бахчисарае газета «Терджиман» («Переводчик») доходила и до отдаленных башкирских деревень *[ГАОО.* Ф. 10. Оп. 2. *Д.* 114. *Л.* 33; *Фархшатов*, 1996. С. 86]. А Галимджан Баруди, другой известный реформатор из Казани, для успеха своего обновленного медресе предоставил в 1901 г. шейху из Троицка честь закладки первого камня под фундамент его здания.

Теоретическая и практическая работа реформаторов-либералов носила противоречивый характер, что отражало сложность самой переходной эпохи, в которой жили эти деятели. С одной стороны, они были последовательными гуманистами, убежденными сторонниками прогресса, расширения просвещения народных масс с целью построения цивилизованного общества, резко критиковали религиозный фанатизм и схоластику, категорически требовали жесткого разграничения областей знания и веры, отстаивали независимость разума от внешних авторитетов, свободный научный поиск, в том числе на базе эксперимента. Пропагандируя и претворяя в жизнь идеи обновления и национального возрождения, представители умеренного крыла просветительства показали способность ислама

соответствовать многим потребностям общественного развития, подготавливали постепенный разрыв башкир с традиционной логикой религиозно-мифологического сознания, изменения их вековых культурно-ценностных ориентаций и в целом ускорили национальную консолидацию своего народа и его интеграцию в российское общество.

Но, с другой стороны, либералы выступали решительными противниками полной секуляризации и демократизации башкирского общества, задерживая тем самым темпы его буржуазной эволюции. Как идеологи привилегированных слоев, они отстаивали полное «единство нации» и отрицали право народа силой бороться против угнетателей и несправедливого государственного строя. «У народа, исповедующего общую религию, разговаривающего на одном языке и имеющего единое происхождение, не должно быть спора ни по какому вопросу», — писал, например, Расулев *[Мусульманские...* 1908. С. 3-4]. В некоторых своих трудах Фахретдинов призывал идти не вперед, а назад - к временам пророка, а также «чистого ислама», которого он идеализировал, чрезмерно выпячивая его социокультурные возможности. Будучи глубоко верующими людьми, Расулев, Фахретдинов и другие умы во многом выступали как религиозные реформаторы, стремившиеся в первую очередь «обновить» ислам и его учреждения, приспособить их к изменившимся условиям жизни, сохранить принадлежность башкир и других тюркских народов Российской империи к мусульманскому миру. Троицкий ишан-просветитель к тому же поразительно сочетал в себе рационализм и мистику, некоторые темные предрассудки и свободомыслие.

Власти отреагировали на обновленческое движение своих мусульманских подданных с заметным опозданием, они оказались мало информированными о жизни и чаяниях башкир и других тюркских народов, исповедующих ислам. Российское государство, придавшее ранее в Урало-Поволжье исламу и его институтам публично-правовой характер, стремилось сохранить их и законсервировать: ведь именно на их базе уже десятилетиями формировалась лояльная во всех отношениях империи духовная элита. Появление новой, альтернативной, в том числе светской, башкирской интеллигенции было воспринято чиновниками не без влияния православных миссионеров как настоящая угроза, могущая перерасти со временем в «пантюркизм», «панисламизм» и даже «племенной» сепаратизм. Поэтому с 1900 г. правительство начало широкомасштабную кампанию против джадидистов, нередко опираясь на полицию [*Фархшатов*, 1994. С. 47-52; 2000]. Так в стране, раздираемой острыми социальными и национальными проблемами, возник еще и «мусульманский вопрос», на решение которого в предреволюционный период были брошены крупные людские и материальные ресурсы.

Переход от средневековых порядков и идеологии к реалиям буржуазного мира был насыщен и другими драматическими событиями и крайне болезненными процессами, характерными для периода первоначального накопления капитала, массового и насильственного отрыва непосредственного производителя от средств производства и вытеснения его на рынок труда, также внутри самого башкирского общества. Тем не менее интеллектуально и материально слабо подкрепленный, а также предельно сжатый во времени (практически всего лишь два десятилетия XIX в. плюс еще два десятилетия XX в.), к тому же прерванный большевистской революцией 1917 г. джадидизм составил без преувеличения целую культурно-историческую эпоху в истории башкирского народа, отчасти сопоставимую с вместе взятыми эпохами Возрождения, Реформации и Просвещения, которые пережила Европа поэтапно в течение целых четырех столетий в XV-XVIII вв. Столь своеобразный характер, невероятная противоречивость, динамизм, масштабность и глубина преобразований в идеологической и духовной сфере башкир, как и других тюрко-мусульманских народов пореформенного Российского Востока, до сих пор широко дискутируются в исторической литературе, порой с противоположных позиций *[Валидов*, 1923; *Аршаруни*, *Габидуллин*, 1931; *Исмагилов*, 1969; *Юлдашбаев*, 1972; *Харисов*, 1973а; *Абдуллин*, 1976, 1998; *Азаматов*, 1979,1984; *Вильданов*, *Кунафин*, 1981; *Бенигсен*, 1983; *Ланда*, 1995; *Фаизов*, 1995; *Фархшатов*, 1996; *Исхаков*, 1997; *Юнусова*, 1999; *Валеев*, 2001; *Рахматуллина*, 2002; *Ямаева*, 2002; *Gomez*, 1994; *Frank*, 1998; *Noack*, 2000; *Магаз*, 2002 и мн. др.].

Появившись в период глубоких перемен в социально-экономической, политической и культурных сферах пореформенного Башкортостана, джадидизм стал для башкирского общества одновременно преддверием и нового, и новейшего времени. Несмотря на ожесточенное сопротивление старых, феодально-клерикальных, социальных сил, а также консервативных властных структур, в результате подвижнической деятельности лучших интеллектуальных сил духовная диктатура религии в значительной степени была демонтирована, ислам и его институты начали приспосабливаться к буржуазным порядкам, хотя и своеобразно. В результате кругозор башкир невиданно расширился, изменилось их мироощущение: оно начало секуляризоваться, «обмирщаться», что вело кроме прочего также к утверждению идеи ответственности человека перед обществом, светского видения мира, противостоящего церковно-схоластическому мышлению, становлению национальной культуры. Темпы исторического развития башкирского обще-

ства заметно убыстрились, характерная прежде ему патриархальная медлительность стала отступать. Башкирский народ необратимо вступал в новый мир, мир новых возможностей и задач.

Коренные изменения коснулись всех сфер жизни башкир. Но наиболее заметными они были в школьной сфере и педагогике, где на смену конфессиональной школе начали приходить учебные заведения европейского (национального) типа с преподаванием на родном языке [*Обухов*, 1915; *Фархшатов*, 1994. С. 77-95], ставшие вкупе с правительственными русскоязычными русско-башкирскими школами той основой, на которой выросла современная (национальная) интеллигенция и вся новая культура. Они пробили первую брешь в традиционной замкнутости и кастовости мусульманской схоластической науки, начали утверждать принципы гуманизма в области обучения и воспитания, направленные на формирование не только самодостаточной гармонично развитой личности, но и достойного гражданина и патриота. Поистине революционные новшества наблюдались также в бытовом укладе, одежде, понимании устройства вселенной, языке и литературе, изучении истории и народной культуры, уровне информированности населения о событиях в стране и за рубежом. Не остались не тронутыми даже модели брака, семейные и сексуальные отношения, этика труда, жизненные ориентации; началось преодоление традиционного массового сознания о греховности богатства и формирование предпринимательской психологии с ее безудержной погоней за прибылью.

В целом к началу XX в. башкирский народ даже в очень неблагоприятных условиях существования (расхищение вотчинных земель, принадлежность большинства населения к сельскому миру и пауперизация его части, религиозно-культурные притеснения местной и центральной администрации и т. д.) значительно продвинулся вместе с другими тюрко-мусульманскими народами страны по пути выхода из хозяйственной замкнутости, религиозной, региональной и национальной скорлупы, приобщения к массовому машинному производству и урбанизации, социальной реструктуризации и вертикальной мобильности, а также национальной консолидации, интеграции в общероссийскую хозяйственную систему и государственную жизнь. Он начал открывать себя и открылся миру, «чужим» культурам и идеям, несмотря на сохранившиеся многие церковно-феодальные и даже патриархальные институты и установления в различных областях жизни — от отношений собственности до социальной психологии.

Коренные сдвиги произошли и в политическом сознании и культуре башкир, из подданных они начали превращаться в граждан России, которую воспринимали как свою отчизну и стремились преобразовать ее также на новых началах. Эту задачу начало решать в 1917 г. уже новое поколение башкирской элиты во главе с З.Валиди, выросшее на идеях джадидизма. Национально-политические аспекты «башкирского» джадидизма выражались также в стремлении башкир сохранить вотчинные права на землю и родной язык как главные гаранты их национального бытия. Поэтому трудно полностью согласиться с мнением Д.Ж. Валеева о том, что «башкирское просветительство выделяется своей слабой обращенностью к политическим проблемам, в нем почти не затрагиваются национальный вопрос, национальное самоопределение и национальный суверенитет» *[Валеев*, 2001. С. 116].

БАШКИРСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

В истории народов мира просветительство занимает целую эпоху. Как сложное идеологическое явление переходного от феодализма к капитализму периода оно не могло формироваться и развиваться единовременно и идентично у всех народов. Например, в России оно возникло в начале XVIII в. и развивалось в течение полутора веков. В отличие от просветительской идеологии Западной Европы, выступающей против абсолютной монархии, ратовавшей за буржуазно-демократические революции и завершившей свою миссию закреплением их завоеваний, русское просветительство выдвинуло «главным своим лозунгом искоренение крепостного права и проведение демократических преобразований в стране», породило «впоследствии революционно-демократическое движение...» *[Вильданов, Кунафин*, 1981. С. 4].

Что касается башкирского просветительства, то в Башкортостане оно как идейное оружие зарождающейся буржуазной нации начало формироваться в 40-50-х гг. XIX в. и охватило почти вековой период, что объясняется затяжным характером процесса формирования башкирской буржуазии. Оно представляло собой довольно сложное, многогранное и противоречивое явление: с одной стороны, формировалось и росло под влиянием русского и западного Просвещения, ратовало за установление европейских форм жизни, с другой — противостояло беспощадному проникновению русского и западного капитала, боролось за независимость, самосохранение и развитие своих национальных культурных традиций. Башкирские просветители с ненавистью относились к национальной политике царизма, выступали против ограбления башкирских земель, в отличие от просветителей Запада, начисто отрицающих и беспощадно критикующих религию, стремились использовать гуманистическую суть некоторых положений ислама в целях воспитания у людей высокой нравственности

и критиковали не самую суть религии, а невежественных мулл, неспособных просвещать и воспитывать своих сородичей.

Башкирское просветительство как оружие борьбы против патриархально-феодальных порядков, стоящих на пути установления более прогрессивных общественных отношений, против средневековой идеологии, застоя общественной мысли и отсталости в области просвещения, культуры и литературы, против национально-колониального гнета прошло сложный путь развития, в котором можно выделить три этапа. Первый этап в хронологическом плане охватывает 40—70-е гг. XIX в. Проявившись сперва в творческой деятельности отдельных представителей башкирской интеллигенции, к 80—90-м гг. оно переросло в идеологическое явление, противостоящее феодальной косности и религиозному фанатизму, фактически определяющее развитие общественно-политической, нравственно-этической, художественно-эстетической мысли своего времени, способствующее приближению их к реальной действительности, усилению процесса демократизации в надстроечных сферах общественной жизни. В начале XX в. башкирские просветители могли уже поднимать жизненно важные социально-политические проблемы. Таковыми явились, например, колониальная политика царизма, земельный вопрос, социальное неравенство в обществе, нашедшие свое широкое отражение в творчестве М.Уметбаева, С.Якшигулова, Ш.Аминева-Тамьяни, М.Гафури и др. Все это вплотную приблизило башкирское общество к восприятию революционно-демократических идей, явилось необходимой предпосылкой для зарождения качественно нового творческого метода в литературе — критического реализма.

Исторические факты говорят, что представители творческой интеллигенции первой половины XIX в. направили свое внимание прежде всего на вопрос реформирования старого письменного литературного языка. Они хорошо понимали, что без сближения письменного литературного языка тюрки с разговорным языком народа невозможно поставить на новую основу систему образования и воспитания, превратить ее в настоящий очаг, способствующий быстрому развитию интеллектуально-культурного уровня народа, формировать у него новый, реалистический взгляд на мир, национальное самосознание, художественно-эстетическое мышление, что консерватизм в старом письменном языке сдерживает естественное развитие национальной культуры и литературы. При этом многие башкирские творческие деятели в своих поисках ориентировались на русскую и европейскую культуру, стремились к развитию на ее примере своей национальной культуры, ее прогрессивных научных и гуманистических традиций. Они воспринимали не только художественно-эстетический опыт русской культуры, но и ее историко-философские и просветительские идеи, мечтали о преобразовании религиозно-схоластических мектебов и медресе в светские; делали первые шаги по разработке проблем, связанных с историей, языком, литературой и фольклором родного народа, что в определенной мере подготовило благоприятную почву и дало ощутимый толчок для развития просветительских идей в общественной жизни и литературе башкир. В этом отношении заслуживает внимания творческая деятельность просветителей-ученых и писателей М.Иванова, С.Кукляшева и М.Бикчурина.

В 1842 г. преподаватель восточных языков в Оренбургском Неплюевском военном училище Мартиниан Иванов составил и издал в Казани грамматику татарского языка и литературный сборник под названием «Татарская хрестоматия». В них автор весьма настойчиво высказал мнение о необходимости понятного башкирским и татарским народным массам письменного литературного языка. Так называемый язык тюрки он считал «книжным», сложным и непонятным для представителей «оренбургского наречия», то есть башкирского, татарского и казахского языков. Видя основу изучения народного языка в фольклоре, Иванов глубоко интересовался устным творчеством башкир и, преследуя цель создать именно понятную широким народным массам книгу, включил многие его образцы в свою хрестоматию.

Стремление башкирских деятелей культуры усовершенствовать письменный язык тюрки, приблизить его к общенародному разговорному языку, осуществить качественные изменения в литературе привели их к широкому обращению к достижениям не только устного творчества родного народа, но и искусства слова других народов, в первую очередь реалистической русской литературы. Свои взгляды на литературу и язык многие из них стремились выразить путем перевода написанных доступным языком и реалистическим методом произведений именно таких прогрессивных литератур, как русская.

Иванов перевел и поместил в свою хрестоматию рассказы «Орант» и «Вольдемар», а также 17 басен И.А.Крылова (большая часть), И.Дмитриева, И.Хемницера и др. Причину своего обращения к русской литературе он объясняет тем, что не нашел ни в творчестве восточных писателей, ни в башкирских и татарских письменных литературах таких произведений, язык которых был бы так понятен простым людям.

Разумеется, в своей переводческой деятельности Иванов не имел в виду лишь вопросы языковой культуры. Для него была важной и идея, заложенная в содержании произведения. Как педагог и по-

борник просвещения, он особое значение придавал проблемам нравственного воспитания.

В 50-е гг. XIX в. был подготовлен еще один учебно-популярный сборник — «Диван хикаяте татар» («Татарская хрестоматия», Казань, 1859)со словарем. В предисловии к нему автор, преподаватель восточных языков Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Салихьян Кукляшев, дает классификацию тюркских языков, общую оценку состоянию языковой культуры жителей тюркоязычного Оренбуржья. Тюрки того времени, выполняющий и для башкир функцию письменно-литературного языка, он делит на простой, канцелярский (деловой) и научный (книжный) стили и богатые литературные материалы в своей хрестоматии располагает в соответствии с этим делением. В первую очередь он помещает примеры из фольклора — пословицы и поговорки, байты и сказы, а также отрывки из историко-литературных сочинений, возникших на основе шежере. В качестве примеров канцелярского (делового) стиля Кукляшев дает образцы разных писем и купеческих расписок. Примеры так называемого «научного» (книжного) стиля представлены стихотворениями поэтов-суфиев Х. Салихова, А. Каргалы и др. С. Кукляшев приводит также отрывки из поэмы А. Фирдоуси «Шахнаме», воспевающие идеи справедливости и гуманизма, басни И. Крылова и И.Дмитриева, рассказы и новеллы в собственном переводе с русского и восточных языков и тем самым выступает в роли активного пропагандиста идей дружбы народов, укрепления их культурных и литературных связей.

Материалы хрестоматии отличаются разнообразием тематики, привлекательностью сюжета. Главный герой многих из помещенных в ней произведений — простой народ. Их идейное содержание направлено на воспитание у читателя высоких моральных качеств, любви к знаниям, человечности. Как видно из сказанного, в своей творческой деятельности Кукляшев во многом следует идейным устремлениям раннего российского просвещения. В частности, опираясь на теорию «трех штилей» М.В.Ломоносова, он также, как-и русский ученый, фактически разрушив основы старой эстетики, перешагнул рамки канонической поэтики.

К середине XIX в. среди башкирских писателей и ученых начинают выделяться такие представители, у которых четче проявляются национальные черты. Яркое свидетельство тому — творчество преподавателя восточных языков того же Неплюевского кадетского корпуса, сотрудника Русского географического общества и действительного члена его Оренбургского отделения генерала Мирсалиха Бикчурина. В его книге «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов (казахов. - *Г.К.)»* (Казань, 1859; 2-е издание - 1869) впервые на башкирском языке под названием «Сказка о смелом царе» печатается один из эпизодов распространенного в свое время среди русских сказания о Петре I. В 1861 г. в «Ученых записках Казанского университета» (кн. 3) при содействии Бикчурина на башкирском языке публикуется уже башкирская сказка «Три сына». Все эти работы — первые попытки создания башкирского национального литературного языка на основе общенародного разговорного языка. Не случайно еще в то время к ним обращались видные российские востоковеды. Так, «Сказка о смелом царе» была включена в «Турецкую хрестоматию» (Казань, 1876) И.Березина. Значение изданных Бикчуриным произведений как источника по изучению разговорного языка башкир в середине XIX в. отметил известный тюрколог Н.Ильминский.

Бикчурин стремился подойти к произведениям башкирской письменной и устной литературы дифференцированно, исходя из их жанрово-стилевой природы. В своей книге он располагал их по отдельным группам. Стихотворения-баиты (двустишия), сказания и новеллы представлены им как произведения письменной литературы, а сказки, пословицы и поговорки - как образцы фольклора.

Бикчурин был не только широкоэрудированным лингвистом, фольклористом и педагогом, но и талантливым публицистом. В своем сборнике статей и очерков «Туркестанский край» (Казань, 1872) он критикует религиозный фанатизм, схоластическую систему обучения, считая их главным злом на пути общественного развития, ратует за обучение мусульманских девочек наравне с мальчиками, за распространение среди народных масс светских знаний, выступает за внедрение достижений науки в промышленность и сельское хозяйство. Развитие торговли, укрепление и расширение экономических и культурных связей между народами, по его мнению, являются одним из главных факторов в повышении уровня их культуры и благосостояния. Бикчурин поднялся до понимания обусловленности общественных отношений социально-экономическим развитием общества. Он выступает за капиталистическое развитие, призывает подготовить народ к восприятию новых общественных отношений, для чего необходимо усилить культурно-просветительскую работу, пропаганду светских знаний.

Таким образом, творческие поиски М. Иванова, С. Кукляшева и М. Бикчурина по своей идейной направленности носят просветительский характер. Их труды ярко свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. в Башкортостане интенсивно шел процесс перехода от старого, канонического самосознания к новому .философскому, этическому,

художественно-эстетическому, языковому самосознанию.

В превращении просветительских идей в системное идеологическое явление большую роль сыграли творческие поиски представителей башкирской культуры и литературы второй половины Х1Хв. М.Акмуллы, М.УметбаевиР.Фахретдинова. В своих художественных и публицистических произведениях и научно-популярных трудах они наиболее полно отразили философские, общественно-политические, эстетические, морально-этические и педагогические взгляды своего времени. Их творческая деятельность явилась для башкирского просветительства периодом расцвета.

Вся сознательная жизнь М.Акмуллы неразрывно связана с народом. В отличие от религиозно-мистических поэтов он создал реалистические, жизнеутверждающие произведения, в них выражал именно земные стремления и чувства, нужды и чаяния простых смертных. Его творчество пронизано идеями просветительстваистинно демократического характера.

Мифтахетдин Акмулла родился 14 (27) декабря 1831 г. в д. Туксанбаево Кульиль-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии (ныне Миякинский район РБ) в семье будущего муллы Камалетдина Ишкужина. Начальное образование получил в родной деревне и в медресе муллы Лукмана в одной из соседних деревень, продолжил учебу в медресе сс. Менеузтамак и Асян. Некоторое время был шакирдом известного далеко за пределами Башкортостана Стерлибашевского медресе. Здесь он сдружился со своим учителем, поэтом суфийского толка Шамсетдином Заки и под его влиянием пристрастился к поэзии. Вскоре в поисках знаний отправляется в Оренбург, а оттуда — в Троицк, становится шакирдом известного во всем Урало-Поволжье медресе Ахметшаха аль-Менгирея. После завершения этого учебного заведения в 1859 г. Акмулла приезжает в Уфу, успешно сдав экзамен на должность имам-хатиба в Духовном собрании мусульман России, возвращается в родную деревню. Но отец Камалетдин-хазрет и мачеха встретили его холодно, недружелюбно. Мифтахетдину было тесно в отцовском доме. К тому же, оставаясь в родной деревне, он должен был отбывать службу в составе Башкирского войска. Вскоре Мифтахетдин снимается с учета и уезжает из родной деревни. С тех пор начинается его скитальческая жизнь. Поэт в течение многих лет свои силы и знания отдает просвещению и воспитанию молодого поколения. Его душа была полна болью и страданиями простых людей и столь же жгучей ненавистью к богачам, невежественным муллам и царским чиновникам. Находчивый и острый на язык поэт не раз подвергался гонениям и преследованиям со стороны власть имущих. Один из них — казахский бай Исянгильде Батуч засадил его в Троицкую тюрьму.

Пока рассматривалось «дело» Акмуллы, ему пришлось четыре долгих года сидеть в тюрьме. Суд приговорил его к 2,5 годам службы в так называемой арестантской роте. Тут некий Ахметбай Бакиров берет Акмуллу на поруки. Затем поэт в 1872 г. едет в Петербург и там реабилитируется. По пути из Санкт-Петербурга, через 13 лет после ухода, возвращается в родную деревню. Но здесь его не ждут. Акмулла, окончательно поссорившись с отцом, навсегда покидает родную деревню. Он на некоторое время останавливается в Оренбурге. Оренбургский генерал-губернатор даже предложил ему место преподавателя в любом из медресе города. Но Акмулла отказался и уехал на прежнее место к казахам.

В 1894 г. Акмулла приезжает в Уфу. Здесь он встречается с видными представителями башкирской интеллигенции Р.Фахретдиновым и М.Уметбаевым. По инициативе Фахретдинова муфтий устраивает меджлис в честь поэта, на котором состоялось поэтическое состязание (айтыш) между Акмуллой и Уметбаевым.

Смерть Акмуллы была трагической. Мир богачей рассчитался с ним самым безжалостным образом: 8 октября 1895 г. он был убит по пути из Миасса в Уфу наемными убийцами. Поэт был похоронен на мусульманском кладбище г. Миасса.

Акмулла фактически был первым крупным поэтом после Салавата Юлаева, обратившимся к родному народу со словами «мои башкиры» и показавшим в своем творчестве его мирские интересы, нужды и чаяния. Считая невежество корнем всего зла, источником всего плохого, безобразного в обществе, он страстно призывает свой народ к просвещению, к знаниям. При этом поэт удачно прибегает к форме поэтического обращения к народу — к хитапу, уходящему корнями к древним традициям сэсэнов. Прекрасным образцом поэтического воззвания является его произведение «Мои башкиры, надобно учиться!»:

Башкиры, всем нам нужно просвещенье!
Невежд немало, редкость — обученье.
Страшней медведя-шатуна незнанье,
Усилим, братья, к знанию влеченье!
Вот истина: ты можешь при старанье
Подняться в небо, плавать в океане.
Уменьем наделяет нас и силой
Не дух святой, не волшебство, а знанье...

Следует отметить, что поэтическое творчество Акмуллы пронизано идеями просветительства демократического характера, базирующимися на лучших традициях не только фольклора башкир и казахов, но и восточной классической поэзии. Если его современник Уметбаев воспитывался и вырос под

непосредственным влиянием передовой русской культуры, на которую и ориентирована вся его просветительская деятельность, то на Акмуллу оказали влияние восточная культура и литература, прежде всего творчество татарского просветителя Ш.Марджани, выдвинувшего такие реформаторские требования, как отказ от религизоного фанатизма и ограничения общественной мысли его рамками, преподавание в медресе и мектебах наряду с богословием и светских наук, изучение русского языка и др. Акмулла был активным поборником и продолжателем этих идей. Его просветительские взгляды наиболее ярко и системно проявились в произведении «Ода в честь Шигабетдина Марджани» (1889). В образе Марджани поэт сконцентрировал все лучшее и передовое, самые яркие и прекрасные нравственные качества, которые выработало человечество.

В поэзии Акмуллы широко отразились социальные мотивы. Невежество и духовную обездоленность своего народа поэт объясняет бедностью, из-за которой просвещение, приобщение к культурному движению остаются ему недоступными и поэтому увядают многие таланты, не успев раскрыться. Он остро чувствует социальную несправедливость. Яркое доказательство тому — его произведения «К ученым-современникам», «Не кланяйся скупцу», «Благочестие», «Не возгордись богатством отца», «Проклятьем и мольбою не проймешь», «Вопрос», «Кровоточащую читаю книгу бытия», «То, что назначено богом» и др. Поэт всей душой на стороне обездоленных, но трудолюбивых и честных людей:

Так и сгинет бедный малый в униженьи,
Будь он трижды и талантливый, и смелый.
(«Ода в честь Шигабетдина Марджани»)

Бедняку во дворец нет проходу, пусть даже
Он богаче душой тех, кто златом украшен.
(«Проклятьем и мольбою не проймешь»).

Не странно ли: коль ты бедняк,
тебя на свете нет,
Разбогател — будь ты дурак —
прими хвалу, привет.
(«Кто есть кто»)

Акмулла беспощадно критикует алчных, бесчеловечных баев, жажда наживы которых напоминает ему мешок с прогрызенным мышами дном («Кученым-современникам»). Он призывает своих сородичей «не ходить к богачу с поклоном низким», «не ломать перед ним шапку», «не просить подаяния», а «быть всегда самим собой, трудиться неустанно» и «просвещения открыть двери настежь» («Не ходите к богачу», «Благочестие», «Певец»). Поэт решительно отвергает привычку судить о людях по богатству, пренебрежительно относиться к неимущим. Понятие «богатство» у него отчетливо разделяется на материальную и духовную ценности. По его мнению, только духовное богатство облагораживает человека и достойно стремления к нему. Он призывает людей не соблазняться материальной роскошью бренного мира сего, а стремиться к просвещению, воспитывать в себе чистые, бескорыстные моральные качества и искренне верит, что таким путем можно избавиться от социальной несправедливости и достичь всеобщего благоденствия. Именно невежество, духовную убогость людей он считает корнями всего зла, источниками всего плохого, безобразного в обществе. Поэтому поэт беспощадно критикует феодальную отсталость, религиозные пережитки, средневековую схоластику, высмеивает алчность, самонадеянность, невежество власть имущих с «хваткими губами» и «черными мыслями». По убеждению поэта, расцвет и благополучие в обществе возможны лишь при торжестве разума, справедливости, честности и гуманности («Пробуждение», «Разум», «Эй, джигиты!», «В человеке просвещенном», «Вооружись ремеслами, джигит!», «Если совесть — овца» и др.). И поныне свежи и актуальны следующие его строки:

Историю познать нелишне нам,
Во всех науках проявить себя...
Не только знать по-русски и писать,
Неплохо бы французский понимать.
(«Обращение к друзьям»)

Ратуя за торжество разума, за образованность людей, Акмулла особо подчеркивает важнейшую роль нравственности в развитии общества. Для него высшая ценность — это чистота души и помыслов человека. Не случайно он в своем большом дидактическом произведении «Назиданья» прямо обращается к своим современникам с такими словами:

О нутре ты сначала своем беспокойся,
Чтоб не вонь шла оттуда — сияло бы солнце!
Пусть душа будет чистой.
Стремись к очищенью.
Нет без этого пользы в твоем просвещеньи.

Поэта более всего волнует нравственное несовершенство власть имущих. Если простые люди невоспитанны — это еще полбеды, а если невоспитанны люди, призванные обучать и воспитывать народ, управлять страной, бороться за развитие общества, — это уже трагедия всенародная. Вот почему он с особой остротой критикует пороки сильных мира сего.

В поэзии Акмуллы просветительские идеи тесно сочетаются с социальными мотивами. Пассивное сострадание к неимущим, пессимистические мотивы, вызванные разочарованиями в жизни, то и дело упование на религию, отдельные личности («Прошение султану Габидулле», «Бикмухамету, сыну Карыя», «Исянгильде Батучу», «Карагыз Барлыбаю» и др.), голые дидактические назидания постепенно сменялись в его поэзии трезвым взглядом на жизнь, стремлением к философскому осмыслению общественных явлений («В тюрьме», «Вопрос», «К ученым-современникам» и др.). Определяющими идейную направленность всего творчества Акмуллы стали такие строки:

Быть попранною правде и в грядущем?
Иль чем-то жизнь порадует нас лучшим —
Разбив, сметает осколки «белой кости»,
Хоть раз да улыбнется неимущим?

(«Вопрос»)

Искренняя любовь к народу, ненависть к власть имущим определили эстетические воззрения поэта, придали его поэзии сатирическую направленность, которая стала качественно новым явлением в башкирской литературе. Ни у кого из башкирских поэтов ни до, ни после него вплоть до Ш. Бабича сатира не могла достичь такого совершенства, такой высокой художественности, как у Акмуллы. Поэт безжалостно бичует невежество, верхоглядство мулл, баев и чиновников, которые вместо того, чтобы способствовать развитию просвещения и культуры, воспитанию у людей высоких моральных качеств, наоборот, морочат им головы разным вздором, канонами ислама, истолковывая их, кстати, в свою пользу:

Знаю мулл я таких, что тупицы и сами,
Шарлатаны, дубины с пустыми глазами.

(«Назиданья»)

Зовут у нас муллою лгуна любого...
Какой ужасный вздор нередко мелет
Почтенный человек с большой чалмою!
У них чрева, словно у коров,
А языки — как пламя преисподней.
Как индюки, беснуются на всех...

(«К ученым-современникам»)

Поднимая прогрессивные для своего времени просветительские идеи, утверждая такие важные морально-этические проблемы, как ответственность человека перед своим народом и родиной, Акмулла часто выступает в роли поэта-философа. Многие его произведения отличаются искренностью чувств, широтой и тонкостью мысли, значительностью философских обобщений, смысл которых в целом можно было бы обозначить одной емкой фразой древних философов: «Все течет, все меняется». Поэт очень тонко чувствует диалектическую взаимосвязанность и взаимообусловленность явлений действительности. Интересен в этом отношении цикл мадхий и китг о явлениях природы, о временах года («Пробуждение», «Земля», «Вода», «Ветер» и «Огонь», «Голубизна», «Весна», «Ночь и день», «Осень» и др.). В них он выступает в роли не только радостного певца красоты родной природы, но и мудреца-философа, размышляющего о смысле человеческого бытия, проблемах общественной жизни, судьбе родного народа. Окрыленные и раскованные мысли, радостные чувства и глубокие раздумья, восхищенный и изумленный взгляд поэта на мир природы, многообразие ее красок и музыка звуков переданы в китгах и мадхиях с той мерой художественного совершенства, которая ставит их на уровень классических достижений башкирской поэзии XIX в.

В целом творчество Акмуллы отличается чрезвычайно богатой и разнообразной поэтической палитрой. Поэт воистину неисчерпаем в полете афористической мысли. Его произведения сплошь усеяны идиоматическими выражениями, меткими афоризмами, пословицами и поговорками. Именно глубокомысленная иносказательность, образная выразительность и многомерность каждой мысли, метафоричность языка, легкое и раскрепощенное звучание строк придают его поэтике особую силу и общественно-политическое звучание, делают ее общеизвестной и любимой. «Булатный меч — и тот не сможет вечность обрести», «Не станешь бием оттого, что пояс твой широк», «К маралу белому не льнет кабанья чернота», «Коль доброго имени нет при жизни — не будет и после», «Ливень к камню не пристанет, хоть стучи он без конца», «О слово! В нем и сладкий мед, и яд, Им могут ранить, им же исцелять», «Соловей не запоет, когда он с садом разлучен», «Умный враг ценней приятеля дурного», «Кто раздает, тому и воздается, Вода в колодце тем свежей и чище, Чем больше из него людей напьется» — в такого рода сотнях и сотнях поучительных изречений, фразеологических оборотов воплощена мудрость жизни, навеянная реальными картинами бытия.

Творчески осваивая многовековые поэтические традиции башкирского и казахского фольклора, Акмулла мастерски соединил их с художественными традициями тюркоязычной письменной поэзии Урало-Поволжья и поэтической классики Востока. Большинство его произведений отличаются совершенством поэтической формы, отточенным ритмическим и звуковым строем, благозвучностью стихотворных строк и стройностью внутренней рифмы.

Мастерство и изобразительность проявляет Акмулла, работая в таких жанрах, как хитап, мактуб,

мадхия (ода), марсия (элегия), кубаир, китга, творчески используя жанровые формы газели, маснави и рубаи. Он не ограничивает себя ни строгой логической сюжетной структурой, ни композиционными рамками. Строфы в его произведениях отличаются многозначностью и в большинстве своем носят автономный характер. Их можно легко убрать из одного стихотворения и внести в ткань другого без особого ущерба для их поэтической структуры.

Огромна роль Акмуллы в демократизации литературного языка. Сильно тюркизированному, сплошь усеянному арабизмами, фарсизмами письменному языку того времени поэт предпочитал живую разговорную речь народа. Он рассматривал поэзию как средство просвещения и воспитания народа, непосредственного общения с ним.

Акмулла был поистине народным поэтом. Его творчество, воплотившее в себе наиболее передовые, демократические идеи своего времени, опиралось на классические традиции народного творчества, на лучшие достижения всей тюркской и восточной письменной поэзии. Он привнес в башкирскую поэзию и в другие тюркские литературы народную образность, высокий пафос гражданственности, мотивы патриотизма, любви к простому народу. Его самобытная поэзия, полная сарказма, проникнутая просветительскими идеями, высокими гуманистическими идеалами, заботой о будущем своего народа, о чистоте его души, оставила глубокий след в истории башкирской литературы, по сути, была целой поэтической школой.

Полнотой и многогранностью в башкирском просветительстве отличается творческая деятельность М.Уметбаева, пронизанная духом своего времени, своего народа. Его имя по праву можно поставить в один ряд с именами таких выдающихся мыслителей братских народов, как К.Насыри, Ч.Валиханов, И.Алтынсарин, А. Кунанбаев, И.Кануков, Т.Асири, Г.Зардаби, А.Дониш, С.Михайлов, И.Яковлев и др. На протяжении четырех десятилетий он боролся за общественный прогресс, весь свой талант отдал делу просвещения сородичей, приобщения их к европейской, особенно к передовой русской, культуре, делу укрепления дружбы между башкирским и другими народами России.

Мухаметсалим Уметбаев — башкирский поэт-просветитель, публицист, переводчик, ученый-энциклопедист и общественный деятель, родился 22 августа 1841г. в д. Юмран-Ибрагим Юмран-Табынской волости Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне Кармаскалинский район РБ) в семье кантонного начальника Ишмухамета. Начальное образование он получил в своей деревне, в 1852 г. поступил в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, где овладел русским, арабским, персидским, тюркским и французским языками, изучал историю, географию, математику, русскую и восточную литературу, искусство, каллиграфию, архитектуру и военное дело. В 1860 г. поступил в Башкирское войсковое управление Юмран-Табынского кантона переводчиком. В 1864 г. был назначен писарем мирового посредника Кармаскалинской волости, 1869 г. избран старшиной этой волости, где работал до 1879 г. В 1879—1880 гг. преподавал русский язык и математику в медресе г. Стерлитамака. В 1880 г. поступил на службу в Духовное собрание мусульман в Уфе, где работал переводчиком до отставки в 1899 г. Одновременно был преподавателем в Уфимском детском приюте. В 1887-1889 гг. занимался делами вакуфа (имущества) в Крыму. Вел общественную работу в Уфимском земстве как гласный, в 1883 г. избран членом Оренбургского отдела Русского географического общества, был членом комиссии по празднованию 300-летия Уфы, столетия со дня рождения А.С.Пушкина. В 1884 г. М.Уметбаев становится коллежским секретарем, а в 1892 г. - титулярным советником. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. , двумя серебряными и одной бронзовой медалями. В 1899 г. он по состоянию здоровья подает в отставку. Болезнь и тяжелые условия жизни постепенно подтачивают здоровье М.Уметбаева.
28 июля 1907 г. перестало биться сердце видного ученого-просветителя и писателя.

Еще при жизни М.Уметбаев получил всеобщее признание как ученый, знаток восточных языков, истории башкирского народа, как неутомимый труженик на ниве просвещения, публицист и поэт.

Творческая деятельность Уметбаева приходится на 80—90-е гг. XIX в. Он оставил богатое и многогранное научно-литературное наследие. Значительную часть его составляют труды, посвященные истории и этнографии башкир и родного края с древнейших времен и до конца XIX в. («Башкиры», «Светлые и мрачные дни башкирского народа», «Родословная Кесе-Табынского рода», «Несколько слов о башкирах и торгаутских калмыках», «О башкирском восстании 1755 года», «Башкирский курут», «Башкирский курмач» и др.). Они включают в себя довольно широкий круг проблем, отличаются глубиной мысли, научной выверенностью. В них отчетливо заметно стремление ученого-писателя изучать историю, материальную и духовную культуру родного народа на строго научной основе, освещать такие сложные вопросы, как этногенез, этнонимия, территория расселения, язык, родоплеменной состав башкир, их хозяйство, социально-экономические отношения в средние века. Ученый-просветитель особенно большое внимание уделил освещению решающих этапов в истории развития родного народа. Так, одним из первых среди башкирских историков он более детально разработал вопрос о присоединении Башкортостана к Русскому государству, считал его актом добро-

вольным, прогрессивным и назвал «светлым днем» в истории башкирского народа. Основу разработки истории Башкортостана и башкир Уметбаев видел только в синтезе и координации многочисленных и даже весьма различных по характеру восточных, западных и русских источников с данными местных материалов.

Уметбаев старался по мере возможности охватить различные отрасли науки и культуры. Он выступал с призывом перестроить школьное дело, быт народа на европейский лад, в условиях господства над умами людей религиозного мусульманского мировоззрения обращался к различным светским наукам и старался дать ответы на вопросы, диктуемые самой жизнью. В его книге «Ядкяр» («Памятки») и неопубликованных записях можно встретить методические рекомендации по преподаванию языка, литературы, истории и математики, много наблюдений и теоретических мыслей, объясняющих содержание не только этих, но и ряда других отраслей знаний, в частности философии, географии, астрономии, медицины. И всегда Уметбаев выступает за знание, обогащенное практикой.

Особенно заметный след оставил Уметбаев в области филологии, прежде всего языкознания. Он последовательно выступал за демократизацию малодоступного простому народу письменного литературного языка (тюрки) того времени и отдал много сил для создания и разработки теоретических основ понятного башкирам литературного языка. В 1901 г. вышла его «Краткая татарская грамматика», к созданию которой он пришел, имея довольно богатый опыт и как лексикограф («Персидско-русский словарь», «Персидско-татарско-русский словарь»), и как грамматист («Персидская грамматика», записи по русской грамматике), и как фонетист («Символы веры и правила быстрого обучения чтению»), и как лексиколог («Из Бабурнаме», «Об историческом происхождении имени Диларач бике» и др.). Грамматика Уметбаева явилась одним из первых образцов систематического изложения фактов конкретного языка в истории башкирского языкознания.

Значительны заслуги Уметбаева в развитии фольклористики и башкирской литературно-критической мысли. Фольклор ученый считал зеркалом народной души, неиссякаемым источником изучения истории и духовной культуры народа, просвещения и воспитания молодого поколения, усердно собирал эпические сказания, легенды, образцы обрядовой поэзии, пословицы, поговорки и загадки, идейно-эстетическое содержание которых направлено на восхваление гуманизма, патриотизма, просвещенности, трудолюбия, бескорыстия и других основ нравственного совершенства человека («Идукай и Мурадым» (отрывки), «Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан Уфимской губернии», «Таинственное озеро», «Кровавое озеро», «Абдрахман Акъегетов» и др.).

В своих работах «Башкиры» и «Материалы к истории г. Уфы», уделяя внимание изучению истории башкирской словесности, он дает довольно подробную характеристику некоторых традиционных форм народной поэзии — кубаиров и исторических песен, высоко оценивает значение института сэсэнов в истории башкирской художественной культуры. В истории башкирского искусства слова он выделяет два направления — изустную поэзию, представленную творчеством йырау и сэсэнов, и письменную литературу, включающую произведения светского и религиозно-дидактического характера («Тахир и Зухра», «Книга о Малике», «Сейфуль-Мулюк», «Юсуф и Зулейха» и др.). Как библиограф Уметбаев оставил ценные сведения о жизни и творчестве поэтов и ученых Т.Ялсыгулова, А.Каргалы, Х. Салихова, Х.Жданова, М.Акмуллы. Он интересовался и творчеством великих писателей мира. В этом отношении примечательна его статья «Великий поэт Александр Пушкин». В творчестве Пушкина его привлекало человеколюбие, отсутствие национальной ограниченности, глубина мыслей и высокая художественность.

В истории башкирской национальной культуры Уметбаев оставил глубокий след не только как ученый-энциклопедист, но и как поэт, публицист и переводчик. Его стихотворения и публицистические статьи были близки башкирскому народу своим жизненным материалом. Они проникнуты демократическими, просветительскими идеями, чувством горячей любви к родной земле, к своему народу и ненависти к его угнетателям. В них нашли отражение насущные и жизненно важные стороны башкирской действительности второй половины XIX в., думы и чаяния народа, злободневные проблемы всенародного значения. Судьба народа, природа и человек, смысл его жизни, воспевание любви, облагораживающих человека высоких моральных качеств, и, наоборот, критика нравственной нечистоплотности, раздумья о просвещении и воспитании, об общественно-политической жизни своего времени — вот основные мотивы поэзии и публицистики Уметбаева. Исходя из мысли о том, что место человека в обществе и его достоинство не определяются богатством, поэт страстно призывает свой народ к просвещению, трудолюбию, воспитанию в себе чистых, бескорыстных моральных качеств.

Моя душа никогда не останется
нераскрытым бутоном,
Пока не перестанет течь кровь в моих жилах;
Моя душа никогда не отвыкнет
от бренной жизни.
Пока не увижу конца невежеству.

С такими словами он и сам вступает в борьбу против неграмотности и бескультурья. Защищая идею примата народного интереса над личным, идею бескорыстного служения народу, поэт хочет, чтобы каждый человек, имеющий хотя бы малейшее образование, в своей личной жизни, деятельности и поступках был примером для других. Расцвет культуры родного народа, его будущее он тесно связывает с деятельностью отдельных образованных личностей («Моему учителю Мирсалиху Бикчурину»).

Поэзия Уметбаева разнообразна по темам и жанрам: лирические стихи, басни, элегии, стихотворные послания, китги-миниатюры. В ряде его стихотворений тесно переплетаются философские, этические и религиозные воззрения, монархические взгляды («Благоденствие», «Завещание и назидание», «Назидание», «Плачущий ребенок», «В день коронации», «Площадь Ходынское поле в Москве» и др.). В них поэт надеется на помощь обездоленным со стороны Бога и каких-то благородных «сильных, богатых» людей, на царя — посланника бога, призванного установить между народами благополучие и справедливость.

Однако сущность поэзии Уметбаева определяется стихотворениями, проникнутыми демократическими идеями, духом патриотизма, чувством горячей любви к родной земле и своему народу. В них нашли отражение реальная жизнь народа, его прошлое и настоящее. Их лирический герой — гуманная личность, делящая горести и радости своего народа, заботящаяся о его судьбе. Главная особенность стихотворений Уметбаева заключается в том, что они вошли в национальную литературу с башкирской тематикой. В них Уметбаев выступает прежде всего поэтом-историком, поэтом-этнографом, рассказывающим об истории, общественном положении, обычаях, материальной и духовной культуре своего народа. Поэтому многие его стихотворные произведения скорее несут познавательную, нежели художественно-эстетическую нагрузку («Лесник», «Прошедшая жизнь», «Как в старину провожали девушек-башкирок», «Путешествие в Крым», «Правда о земле башкирской» и др.).

Мадхией «Юмранский род», марсиями «Жалоба», «У двери» и басней «Ремень и Лыко» начинается другая, особенно тесно связанная с жизнью и судьбой башкирского народа страница поэзии Уметбаева. В сущности, они были первыми яркими образцами гражданского проникновения башкирской поэзии прошлого столетия в народную жизнь, в социально-политическую атмосферу своего времени с подлинно демократической позиции. В них поэт, с одной стороны, с душевной теплотой и гордостью живописует чудесные места родной природы, с другой — критикует хищническое разграбление колонизаторами природных богатств края. Видя это, он не может не беспокоиться и не тревожиться за судьбу своего народа. «Будешь горевать, если ты мужчина», — пишет он.

В страну, когда-то обильной
Скотом, пчелами и лесами,
Под охраной армии и закона
Водворились промышленники и купцы,
Когда же не стало башкирских лесов,
Подчалки и баржи опустели,
Однако додумались и принялись
Закупать уже корье, птиц да яиц...
(«Жалоба». Перевод М.Уметбаева)

Произведением «Ремень и Лыко» Уметбаев показал себя зачинателем басенной традиции в башкирской литературе. Эзоповская форма позволила ему еще более заострить и развить те социальные и политические мотивы, которые дали о себе знать уже в его произведениях «Жалоба», «Юмранский род», обобщить их в виде двух противостоящих друг другу сил общества и правдиво показать социальное положение, классовую природу этих сил — угнетателей и угнетенных.

Значительную часть поэзии Уметбаева составляет интимная лирика, отличающаяся от абстрактно-идеалистической любовной лирики поэтов-суфистов реальным содержанием, утверждающим земную любовь и глубоко волнующим читателя («Другу», «И еще», «В одном городе видел я красавицу» и др.). Поэт стремился решить тему любви в философском плане, связывая ее с концепцией личности вообще. Для него понятия «любовь», «гуманность», «доброта» — неотделимые друг от друга категории. И это поднимает любовную лирику Уметбаева по сравнению с интимной лирикой его предшественников на более высокую ступень общественной значимости.

Страстный гуманизм, широкая эрудиция Уметбаева особенно ярко раскрывалась в публицистике. Стоя на позициях передового демократа-просветителя, он смело выступил в защиту родного народа, подверг уничтожающей критике недостатки в законе о продаже башкирских земель, административный бюрократизм, измышления идеологов царизма о том, будто башкирский народ «по своей природе ленив и не способен к интеллектуальной деятельности», последовательно выступил против шовинистической, дискриминационной политики царизма, за свободное и всестороннее развитие культур всех народов и народностей, населяющих Россию, на основе равноправия и братского содружества. Уметбаев был сторонником всего нового, ясно сознавал преимущества капитализма перед феодально-патриархальными устоями общества. Он искренне верил в способность родного народа перейти на более высокую ступень социально-

экономического и культурного развития («Уршакский мост», «Богатеет или разоряется народ?», «В российском цирке», «Первое товарищество» и др.). Разрабатывая в своих публицистических произведениях («Общественные порядки», «Развивать народное просвещение и др.) теоретические и практические предложения для подъема его жизненного уровня и культуры, он пришел к глубокому убеждению, что возможности достижения этой цели тесно связаны с укреплением русско-башкирского содружества, приобщением башкир к передовой европейской культуре и науке («Впечатления от Москвы», «Впечатления от Петербурга», «Удивительные вещи в Петербурге», «О философии», «Упорядочить народное образование» и др.).

Неотъемлемую часть научного и литературного наследия Уметбаева составляют переводы. Его переводческая деятельность является самой яркой страницей в истории связи башкирской культуры и литературы с восточной и западной культурами. Им переведены с русского и восточных языков на понятный башкирскому читателю татарский язык, выполняющий в данное время роль письменного литературного языка и для башкир, ряд популярных брошюр, различные научные статьи, сказка «О трубе, паласе и яблоке» из «Тысячи и одной ночи». И, наоборот, на русский язык переведены многочисленные образцы башкирского, татарского, арабского, турецкого фольклора, свои научные труды, стихотворные и публицистические произведения, а также та часть периодической дидактической поэмы «Анваре Сухейли» (XV в.), где речь идет о творчестве великого Фирдоуси.

Особенно большой вклад внес Уметбаев в укрепление и развитие русско-башкирских литературных связей. Его переводы поэтических произведений гения мировой поэзии А. С. Пушкина «Романс», «Наслаждение», «Делибаш» и поэмы «Бахчисарайский фонтан» явились смелым и значительным шагом вперед в башкирской переводной литературе XIX в. Они были первыми образцами стихотворного перевода из русской классической поэзии в истории башкирского перевода.

Творческая деятельность М.Уметбаева оставила глубокий след в истории башкирской общественной мысли, культуры и литературы. Весь свой многогранный талант он посвятил служению родному народу. Страстный поборник всего нового, он призывал свой народ к просвещению, усвоению культурных достижений народов Запада и Востока и на их примере к развитию своей национальной культуры, ратовал за установление европейских форм жизни. Особенно большой вклад внес он в изучение истории, языка, фольклора и литературы родного народа. Велика его роль в демократизации литературы и письменного литературного языка. Эти его усилия во многом помогли башкирскому народу обрести свое национальное лицо, увидеть себя, познать свое историческое прошлое и почувствовать свои потенциальные возможности. В этом — в демократизации общественной научной и литературно-художественной мысли в крае — его огромная заслуга перед родным народом. Многогранное научное и литературное творчество Уметбаева явилось основной отправной точкой для дальнейшего развития башкирской национальной культуры и литературы.

Продолжателем идей Уметбаева, его единомышленником был Ризаитдин Фахретдинов — один из широко эрудированных ученых и писателей, довольно полно отобразивших в своем творчестве башкирскую общественную мысль, особенности культурного и литературного движения в Башкортостане, да и во всем Урало-Поволжском регионе на стыке XIX—XX вв.

Ризаитдин Фахретдинов родился 4 января 1859 г. в д. Кичучат Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне Альметьевский район РТ) в семье башкирского муллы Фахретдина. Начальное образование получил в своей семье и медресе соседних деревень, продолжил учебу в медресе д. Нижние Шыршыли, где проучился десять лет. В последние годы учебы он начинает изучать русский язык. Способному и старательному шакирду поручали и преподавание в нижних классах. В то же время он с вдохновением начинает заниматься творчеством. В 1887 г. друг за другом были изданы его труды «Подарок близким друзьям» («Аль-тухват аль-анисия»), «Книга о склонениях по падежам. Морфология» («Китабе ат-тасриф. Гилме сарыф»), А через год издаются его популярные книги «Вводная книга в мусульманскую юриспруденцию» («Китабе мукаддима. Ат-тахрир аль-мосфа») о делении наследства по законам шариата, а также «Книга, достойная внимания» («Китабе аль-ипгибар»), сразу ставшая популярной среди общественности.

В 1889 г. Фахретдинов отправляет свой новый труд в Петербург с просьбой о его издании, но рукопись из 152 страниц остается без движения в архиве цензуры. В нем автор поднимает вопросы реформирования системы образования. По его мнению, чтобы поднять культуру, образованность народа, помимо законов шариата дети должны обучаться алгебре, геометрии, химии, астрономии, ботанике, философии, географии и другим наукам. Особо подчеркивает, что дети должны изучать литературу, что нужно открывать библиотеки, издавать газету для тюркских народов Урало-Поволжья.

В 1891 г. Фахретдинов в качестве казия (судьи) начинает работать в Духовном управлении мусульман в Уфе. Здесь для него открылись большие возможности для занятий научной и творческой деятельностью. Он начинает писать одно из самых объемных и значимых своих произведений -

«Асар». Первая часть этого биобиблиографического сборника печатается в 1900 г. в Казани, вторая — в 1901 г.,третья — в 1903 г., четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая части — в 1904 г. в Оренбурге. За очень короткое время Фахретдинов, литературно обработав, выпускает с комментариями книги «Путешествие Марджани» и «Путешествие Исмагила», создает учебники, научно-методические труды, популярные брошюры («Мышление», «Саидовский посад», «Воспитанная мать», «Воспитанный отец», «Воспитанный ребенок», «Воспитанная женщина», «Этика студенчества» , «Наука о морали», «Семья», «Наставления I. Мальчикам», «Наставления II. Девочкам», «Наставления III. Взрослым», «Знаменитые женщины» др.), проникнутые идеями просветительства, реформирования системы образования и воспитания. Он подходит к этой проблеме как к важной, социально значимой и требующей участия не только учителей, членов семьи, но и всего общества.

Фахретдинов возлагал большие надежды на знание, науку, мораль и культуру, ошибочно предполагал, что, развивая и совершенствуя их, можно построить справедливое и счастливое общество. Исходя из таких принципов, он призывал соотечественников овладевать знаниями, перенимать лучшие традиции и обычаи других народов, бороться против безнравственности, воспитывать детей на принципах честности и справедливости, давал много советов в этом направлении. Имя Фахретдинова становится известным во всей Восточной России, он считается очень авторитетным ученым. Но религиозным деятелям со старыми взглядами не нравятся его творческие искания, критические, рациональные мысли, направленные на развитие просвещения, пропаганда изучать светские науки. И они начинают писать жалобы на него в органы власти. Все это и старые порядки, господствующие в управлении, очень утомляют Фахретдинова. И он после Первой российской революции, как только начинаются буржуазные реформы в стране, без всякого сожаления официально отказывается от своего высокого сана и делает большой шаг в сторону светских, мирских дел: 20 мая 1906 г. оставляет Уфу и начинает работать в качестве второго редактора газеты «Вакыт» («Время») в Оренбурге. Здесь он полностью погружается в творчество, показывает себя способным организатором, талантливым журналистом. Его вскоре приглашают на работу главным редактором в открывающийся журнал «Шура» («Совет»), На этой должности он проработал десять лет — с начала 1908 до конца 1917 г. За это время журнал «Шура» завоевывает популярность в восточных областях России, в нем находят отражение сложные общественно-политические, культурные и научно-литературные стороны жизни того времени. Благодаря Фахретдинову «Шура» становится авторитетным органом печати культурно-просветительского, научного, научно-педагогического и методического направления. Например, в нем увидели свет более 550 материалов по вопросам воспитания и образования. Журнал также внес большую лепту в развитие башкирской и татарской литератур. В нем активно печатались М.Гафури и Г.Тукай. Впервые увидели свет произведения будущих видных писателей Дардманда (З.Рамиева), Ш.Бабича, Г.Ибрагимова, Ш.Камала, М. Файзи и др. В течение 1912,1913и1917 г. главный редактор издает рукописи знаменитого башкирского поэта-просветителя М.Акмуллы. Он много сил приложил и к пропаганде русской литературы. В рубрике «Русская литература» увидели свет статьи о М.В.Ломоносове, Н.В.Гоголе, Л.Н.Толстом, А.С.Пушкине, М.Ю.Лермонтове и др., переводы на татарский язык их произведений.

В Оренбурге Фахретдинов находит время и для работы над своим главным произведением - «Асар». В 1918 г. он сумел издать II том этого труда, а III и IVтома остались в рукописном виде.

Начало XX в. в России ознаменовалось революционными событиями. Но многогранное творчество Фахретдинова оставалось в рамках просветительства. Причины жизненных неурядиц, отсталость народа он по-прежнему видит лишь в необразованности, некультурности населения. Просветитель не представляет, что жизнь народа можно изменить революционным путем. Мало того, он думает, что «исправив нарушенные основы ислама», приспособив их к новым условиям жизни, можно заставить религию «служить нации», поэтому резко критикует фанатизм, клерикалистические учения. Он уже опирается на научно-технические достижения, призывает людей верить не в темные силы природы, а в науку и знания.

Такие взгляды Фахретдинова не нравились духовенству, догматикам. На него пишутся жалобы в Духовное управление, даже в Москву П.А. Столыпину, вешается ярлык «известного в губернии панисламиста и пантюркиста». Он попадает под надзор полиции.

Февральские и Октябрьские события ученый принял, с некоторой опаской, но и с радостью. В своей статье «Правительство сменилось» *[«Шура»*, 1917, № 9] он подчеркивает, что «вчерашние рабы и слуги сегодня равноправные люди, делающие свои дела по своим желаниям», что «знамя народного правительства — свобода, равенство, справедливость, забота о народе», а в конце статьи восклицает: «В добрый час!» Позднее, в годы ожесточенной борьбы за советскую власть, в своей объемной рукописи «Утешение» он заявляет, что большевизм порожден именно по вине алчных и порочных богачей.

В 1917 г. на мусульманском съезде в Москве Фахретдинова вновь назначают казием в Духовное управление, а в 1922 г. — муфтием этого управления. Несмотря на это, он продолжает заниматься литературным творчеством, общественной работой, поддерживает связь со многими научными организациями, видными учеными страны. Осенью 1925 г. его как авторитетного ученого, специалиста в области культур Востока приглашают в Ленинград на 200-летний юбилей Академии наук СССР. Там он встречается с академиком И.Крачковским, другими учеными-ориенталистами из Индии, Швеции, арабских стран, посещает музеи и архивы, научные библиотеки. Через пять лет к нему обращается с письмом академик А.Самойлович с просьбой, чтобы Фахретдинов предоставил материалы из своего личного архива в Академию наук. В ответ на эту просьбу ученый часть своих рукописных трудов отправляет в Академию. К нему подходили даже с просьбой о том, чтобы он продал свои рукописи для Венской академии наук. Но он не поступился совестью и до конца остался патриотом своей Отчизны, сыном своего народа. Умер ученый и писатель в Уфе 12 апреля 1936 г.

В истории башкирской общественной мысли и культуры Фахретдинов оставил глубокий след не только как журналист, педагог и моралист, но и как ученый-энциклопедист широкого профиля, изучающий многие отрасли науки: историю, этнографию, эпиграфику, археологию, нумизматику, географию, медицину, философию, юриспруденцию, искусство, языки, литературу. Прежде всего его интересует состояние исторической науки в Башкортостане. Его тревожит равнодушное отношение сородичей к изучению своей истории, языка и духовной культуры, он печалится, что в родном крае очень медленно развиваются науки, а некоторые отрасли вовсе не сформированы, пишет об этом с волнением и тревогой в своих трудах, особо останавливаясь на проблемах истории, археографии, текстологии, биобиблиографии, литературы и фольклористики.

В изучении прошлого народа ученый видит источник роста самосознания, развития народа по пути прогресса, освобождения его от пут застоя, старых порядков, стереотипного мышления. Он отдал много сил и времени для сбора и изучения местного фольклора и письменных памятников старины и других материалов, способствующих объективному освещению социально-экономического, материального и духовно-культурного положения народа в различные периоды его истории.

Ради справедливости надо сказать, что Фахретдинов в своей научно-литературной деятельности былдалекотпониманияисториииспозицийсоциальных и национальных противоречий, общественно-политического неравенства. Хотя он ратовал за то, что должна быть написана объективная гражданская история народа, но в своих трудах дает очень поверхностные, без всестороннего анализа описательные сведения по социально-экономическому положению родного края и других стран. Повествуя о жизни многочисленных личностей, оставивших след в истории народов, он увлекается описанием их биографий и деятельности, делая основной упор на освещение роли этих деятелей в развитии литературы, науки и просвещения. Как он писал, «несчастлив тот народ, у которого нет писателей и ученых; беззащитен тот народ, который забыл о своих знаменитых личностях; бездуховен тот народ, у которого нет своей литературы». В своей многогранной деятельности он старался дать историческую оценку жизни и трудам сотен общественных, научных, религиозных деятелей, поэтов и писателей прошлых веков — выходцев из тюркского мира, особенно из Урало-Поволжского региона: Якуба бин Нугумана, Алдара Исекеева, Тажетдина Ялсыгулова, Габденнасыра Курсави, Шамсетдина Заки, Утыза Имяни (Г.Усманова), Хибатуллы Салихова, Абельманиха Каргалы, Менди Кутуша-Кипчаки, Мифтахетдина Акмуллы, Шигабетдина Марджани и др. Кроме этого, ученый-энциклопедист занимается сбором и изучением рукописных памятников, дает советы по их сбору и изучению, текстологической обработке, говорит о роли библиотек в их хранении, делится мыслями о состоянии в крае песенно-музыкальной культуры, об особенностях башкирских песен и мелодий, башкирской кухни и одежды, о деятельности мектебов и медресе. Эти материалы и сегодня имеют большое значение, так как в них накоплены бесценные материалы по истории башкирской общественной мысли, культуры, просвещения, науки и литературы.

Особую страницу в творчестве Фахретдинова занимают его мысли о проблемах формирования национального письменного литературного языка. В то время, когда одни предлагали принять литературным языком для тюркских народов России язык османских турков, другие - общий искусственный язык, созданный на основе слияния нескольких тюркских языков, третьи — татарский язык, четвертые, твердившие, что «они не татары и не башкиры, а мусульмане», — арабский язык, Фахретдинов организовал в 1910 г. на страницах «Шуры» своеобразное «языковое соревнование», где на суд читателей были вынесены взгляды и суждения представителей каждого направления. Из этого «языкового соревнования» он делает определенные выводы и приходит к такой мысли, что литературный язык каждого народа должен основываться на своем территориальном национальном языке, который постоянно обогащается за счет лексики тех народов, с которыми он общается. Он прямо подчеркивает, что «народы, у которых нет своего особого

языка, самостоятельными народами не считаются. Беречь родной язык — святая обязанность каждого человека». Он ратует за бережное отношение к национальному достоинству, языку, культуре каждого народа. Печатая богатый материал в сборнике «Асар» и журнале «Шура» по истории, культуре, быту, языкам и литературе, обычаям народов России, зарубежных стран, особенно Востока, знакомит читателей с их экономическими, культурными, научно-техническими достижениями, тем самым вносит большой вклад в развитие в Башкортостане, и вообще в Урало-Поволжском регионе, научной и художественно-эстетической мысли, прогрессивных культурных традиций. Ученый написал и опубликовал около 1 500 научно-популярных очерков и статей о великих философах и теологах, ученых и писателях, государственных и военных деятелях, изобретателях и путешественниках, живших в разное время в разных уголках земного шара и оставивших глубокий след в истории общественной, художественно-эстетической, научной мысли всего мира.

Тот факт, что в «Шуре» наряду с материалами о передовых нациях печатались статьи об истории, этногенезе, быте, обычаях и традициях, языке и литературе таких малочисленных народов и народностей, как чуваши, булгары, караимы, буряты, удмурты, мари, мордва, латыши, эстонцы, показывает, что Фахретдинов в национальном вопросе стоял на объективной исторической позиции, был широко образованным интеллигентом-гуманистом и интернационалистом, высоко ценившим дружбу между народами и немало сделавшим для этого.

Фахретдинов оставил заметный след в истории башкирской общественной мысли и культуры не только своими обширными научными исследованиями, публицистическими статьями, но и художественными произведениями, которые дали мощный стимул для формирования в нашей литературе широкомасштабных эпических жанров, для поднятия ее прозы на профессиональную высоту и развития в ней реалистических творческих принципов. Писатель добивается в своей прозе довольно полного освещения жизни родного народа, существующих порядков, положительных и негативных общественных явлений на высоком художественном уровне. Через своих героев он стремится поставить и решить такие важные проблемы своего времени, как приобщение народа к передовой европейской культуре, распространение светских знаний, воспитание высоких моральных качеств, эмансипация женщины, установление справедливости и равенства между людьми. Но он не поднимается до показа жизни героев через общественно-исторические, социально-экономические обстоятельства, до глубокого проникновения в социальную суть жизненных явлений и широкого их обобщения.

Литературная деятельность Фахретдинова стала школой на пути развития башкирской прозы. Своими произведениями, освещающими на довольно высоком художественном уровне общественные порядки, феодально-религиозные предрассудки, духовный застой, царившие тогда в Башкортостане, поднимавшими во всей остроте проблемы женской эмансипации, свободной любви и брака, прославившими труд, просвещение и нравственное совершенство, прозаик вносит весомую лепту в развитие башкирской общественной и художественной мысли. Многогранная научная, литературная и журналистская деятельность Р. Фахретдинова дала мощный импульс для развития общественных, научных, этических и эстетических взглядов башкир и других тюркских народов в конце XIX и начале XX в.

ОБРАЗ БАШКИР У ЕВРОПЕЙЦЕВ И В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Во второй половине XIX в. в России осуществлялись Великие реформы, в стране развивались буржуазные отношения, происходило становление новых наук — социологии, психологии — все это повышало интерес общества к другим странам, народам. В это время представление о башкирах у европейцев и русских интеллектуалов, находившихся в системе ценностей европейской культурной традиции, имело свои особенности.

Необходимо отметить, что в это время еще сохранялись прежние образы эпохи наполеоновских войн, сохранившие за башкирами прозвище «северных амуров», некогда данное им французами. Этому также способствовало развитие периодической печати в пореформенной России, когда на страницах различных толстых журналов начали публиковаться мемуары участников событий 1812—1814 гг., где упоминались в том числе и башкиры.

Период существования Башкиро-мещерякского войска привел к тому, что значительное число русских офицеров и чиновников, несших службу с башкирами или среди них, имели возможность сформировать собственные образы, которые были запечатлены в научной и мемуарной литературе.

Изменение земельного законодательства привело к массовому расхищению башкирских земель. На защиту башкир встали представители демократической общественности, писатели, публицисты, добившиеся прекращения беззакония. Этот процесс, выплеснувшийся на страницы российской периодической печати, привел к созданию новых образов башкир.

Развитие коммуникационных систем, в первую очередь железнодорожного и речного транспорта, почты и телеграфа сделали возможность путеше-

ствий на большие расстояния более доступными. Башкортостан становится одним из мест, посещаемых путешественниками, как раз именно в это время начинает формироваться образ Башкортостана как санаторного края России, особенно быстро этот процесс пошел в связи с открытием целебных свойств башкирского кумыса для туберкулезных больных и создания лечебниц.

Трансформация образа башкир во второй половине XIX в. нашла свое отражение в ряде исследовательских работ *[Рахимкулов*, 1988; 1990; *Кульшарипов*, 1988; *Буканова*, *Фешкин*, 2007; *Родное*, 2009]. Однако данные труды имели в основном справочный характер, были в большей степени описательными, отсутствовали попытки теоретического осмысления этого опыта.

Процесс формирования образа башкир имел свои особенности. Примером наследия наполеоновской эпохи и устойчивого сохранения образа «северных амуров» в общественном сознании россиян служит текст «живописного», т. е. иллюстрированного альбома, посвященного народам России, в основе своей пересказывающего работу В.М.Флоринского *[Флоринский*, 1874]. В главе о башкирах помимо всего прочего сообщается о том, что «от прежней воинской славы осталось за башкирами только прозвище «северных амуров», данное им французами, за особенность их вооружения, состоявшего, между прочим, из лука и колчана со стрелами» [*Народы...* 1877. С. 306]. А.Н.Оленин, археолог, искусствовед, собравший коллекцию луков, в своей работе, перечисляя азиатские народы, использовавшие приемы лучного боя, называя в том числе башкир, поясняет: «...башкиры, или северные амуры, как называли их французы в 1812, 1813 и 1814 годах» [*Оленин*, 1882. С. 61].

Создание и существование Башкиро-мещерякского войска, а также совместная служба на Оренбургской линии предоставили значительный опыт знакомства офицеров и чиновников российской армии с башкирами. Многие из них во второй половине XIX — начале XX в. публиковали свои воспоминания, литературные произведения, в которых так или иначе был представлен образ воинов-башкир. Например, сразу после отмены кантонной системы и упразднения Башкирского войска И.М.Казанцев, живший и служивший в Башкортостане, в 1866 г. в Петербурге опубликовал свое «Описание башкир». Подробно рассматривая военные аспекты жизни башкирского общества, Казанцев обращает внимание на «склонность башкир к военному званию», и то, что они «к обязанности службы заботливы, послушны и покорны, а в военном действии нередко оказывают неустрашимость» [*Казанцев*, 1866. С. 17—18].

В 1879 г. вышли в свет воспоминания участника Хивинского похода 1839—1840 гг. Д.И.Минаева *[Минаев*, 1879]. В них имеется ряд эпизодов, в которых основным персонажем является башкир. Так, приводится диалог с башкиром-фельдъегерем, доставившим в одиночку почту из Оренбурга в степь, где находились войска, во время многодневного бурана. Восхищаясь его знанием природы, невозмутимостью и отвагой, автор видит в нем живое воплощение древних славян, отмечая таким образом единство исторического процесса развития русских и башкир: «Я с благоговейной благодарностью смотрел на дары природы, данные организму первобытного человека. Вот та великанская необоримая мощь, которая невредимо повела наших диких предков сквозь строй всех варварских веков к настоящим дням светлой цивилизации» *[Там же*. С. 36]. Далее Минаев приводит обширный монолог казачьего майора, хвалившего башкир: «...славный у нас народ эти башкирцы: сносливый, тягучий, терпеливый <...> и умно-сообразительный», кроме того, «башкир — верный слуга царю» *[Там же*. С. 24, 26]. Майор, рассказывая о тяжелом, или, как он говорит, «мученическом», труде башкир, разбирающих в Оренбурге плоты, стоя по пояс в ледяной воде, пересказывает слова сатирической песни, сочиненной башкирами о своей судьбе и о жестоком Циолковском. Симпатии и офицера, прослезившегося во время рассказа, и автора - на стороне башкир. Следует обратить внимание на немаловажную деталь - казак-майор, т. е. офицер, дворянин специально запомнил песню, сочиненную рядовыми башкирами. Затем диалог переходит уже в другую плоскость, Минаев сам просит казака рассказать о башкирах, поскольку считает, что «знание народа и тем более башкирского, этих прописных душ в нашей истории, очень важно для науки» [*Там же*. С. 27]. В таком же сочувственном духе описывает башкир и высказывает свои наблюдения о них Н. Г. Залесов, долгое время служивший в Отдельном Оренбургском корпусе *[Записки...* 1903].

Расхищение башкирских земель, при оренбургскомгенерал-губернаторе Н. А. Крыжановском приведшее к необычайному разорению народа, подверглось разоблачению на страницах периодической печати в книгах представителями русской интеллигенции, писателями, публицистами. Это были работы М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И.Успенского, Д.Н.Мамина-Сибиряка, Ф.Д.Нефедова, П.И.Добротворского, Н.В.Ремезова, ставшие классикой русской литературы. В их произведениях мы видим башкир как детей природы, нравственно не испорченных и простых в общении, доверчивость которых ведет к тяжелым последствиям. Народ страдает из-за повсеместного обнищания, результатом которого становится голод и массовая гибель людей. Не случайно, что именно в это время возникает интеллектуальная дискуссия, пролонгированная в последующее столетие и поддержанная впослед-

ствии представителями национальной интеллигенции, увязанная с тезисом, однажды высказанным в отчаянии Успенским: «Пропадет башкир, пропадет!» Отметим, что в произведениях публицистов-демократов и писателей в большей степени упор делался на страдания башкирского народа, поэтому формировался несколько однобокий образ задавленного наступающей цивилизацией со всеми присущими ей пороками беззащитного и открытого человека. Таким образом, в русской культуре был впервые сформирован коллективный образ башкир. Он не отличался от предшествовавшего трагического образа, созданного А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке».

В пореформенную эпоху тема «дикой, первобытной Башкирии» — любимый штамп многих авторов, и тема башкир, ее олицетворявших, продолжила свое развитие в путевых заметках и описаниях. Традиция эпохи Просвещения, больших академических экспедиций XVIII в. была подхвачена шотландцем Меккензи Уоллесом, автором пространного многотомного нарратива «Россия» *[Уоллес*, 1880]. В нем автор, побывавший во многих уголках империи, описывает башкир Самарской губернии, находившихся на летовке, у которых некоторое время жил. Путешествие к башкирам было организовано летом 1874 г. с помощью служившего в Самаре А. Н. Гончарова — племянника писателя И.А.Гончарова *[Гончаров*, 1908]. Британский путешественник описал быт, пишу, музыку, историю, нравы башкир, особо отметив их добродушие и гостеприимство. Уоллес заметил внутреннюю стратификацию башкирского общества и то, что симпатии народа были не на стороне богатых, а также обратил внимание на стремление башкир к знаниям. Интересно, что все то, что шотландец видел у башкир, он пытался сравнить со знакомыми явлениями своего мира. Так, звуки курая напоминали ему шотландский марш, башкирские танцы — ирландскую джигу, он сравнивал и считал прямо противоположным поведение русских крестьян в отношении башкир и поведение англичан в колониях.

Сочинение Уоллеса было опубликовано в 70-е гг. XIX в. и знакомило английского читателя с башкирами. В начале 80-х гг. его перевели на русский язык и издали в России, где оно было весьма тепло встречено читающей публикой.

Немецкий же читатель мог узнать о башкирах из воспоминаний, опубликованных в Берлине в 1870—1872 гг. немецким инженером на русской службе генерал-лейтенантом И.Ф.Бларамбергом, служившим в 40—50-е гг. в Оренбурге и хорошо знавшим башкир по службе. Рассказывая о них, он с немецкой педантичностью вначале обращает внимание на конфессиональный аспект, указывая, что «башкиры исповедуют мусульманскую религию <...> однако они не имеют правильного понятия о догмах» *[Бларамберг*, 1978. С. 209]. Далее он пытается выделить черты национального характера башкир, причем здесь противоречиво переплетаются как мифы, которые он мог слышать, находясь в Оренбурге, так и собственные объективные наблюдения над башкирами, с которыми он находился в степных походах. Так, например, Бларамберг, явно пересказывая где-то слышанный рассказ, заявляет, что башкиры легковерны, но одновременно хитры и мстительны. А вот уже из личных впечатлений вдруг справедливо отмечает, что они «кротки и послушны своему начальству и выполняют все его приказы» *[Там же]*. Бларамберг, так же как и Уоллес, сообщает интересные сведения о хозяйстве и быте башкир. Рассказывая о летней кочевке, он рисует идиллию летнего времяпровождения: «Здесь башкир предается сладостному безделью: пьет свое вкусное и питательное кобылье молоко (кумыс), участвует в скачках, ходит в гости, ибо башкиры не только очень гостеприимны, но и сами любят, чтобы их хорошо принимали. Так он проводит лето, принимая этот отдых как вознаграждение за зимние лишения» *[Там же*. С. 210]. Разумеется, данная картина связана с внешним восприятием жизни башкир офицером-немцем, который аккуратно запомнил рассказы русских офицеров, не вникавших в суть видимых явлений, и поэтому она страдает заметными искажениями. Напротив, Уоллес, внимательно наблюдавший жизнь башкир и живший среди них, таких выводов не делал. Стоит обратить внимание на то, что оба иностранца, Бларамберг и Уоллес, отметили одно общее у башкир качество — гостеприимство и доброжелательность.

Можно согласиться, что знакомство с башкирами, т. е. «Российским Востоком», для британцев или немцев (в целом европейцев) имело актуальность для формирования собственной идентичности через образ «другого» *[Нойманн*, 2004].

С замечаниями Уоллеса перекликается образ самарских башкир у Л.Н.Толстого, который в это время у них гостил. Великим писателем башкиры представлены как в его переписке, так и в прозаических произведениях — «Ильяс» и «Много ли человеку земли нужно». По мнению Толстого, башкиры — «простой и неиспорченный народ», отличающийся своим гостеприимством *[Башкирия...* 1990. С. 5-6].

Весьма обстоятельно описал башкир в своих путевых заметках врач и публицист В. М. Флоринский, побывавший в крае в 1873 г. Целью путешествия было изучение им в Башкортостане вопросов ассимиляции рас и племен. Его работа касается истории, этнографии, археологии, антропологии, физиологии, психологии, хозяйства башкир *[Флоринский*, 1874. С. 725-764]. Автор специально поднимает вопрос о «предубеждениях», «ходячих

баснях» относительно башкир и последовательно их опровергает. Особенной критике им подвергается стереотип, касающийся нравственности *[Флоринский*, 1874. С. 740]. Флоринский указывал, что все это крайности. Он пишет о «духе верноподданичества, подчинении русскому царю», замечает, что башкиры «гордятся своими военными заслугами» *[Там же*. С. 741—742]. Образ башкира у него — это образ человека находчивого, понятливого, способного. Он отмечает, что «в приемах башкир виден не только здравый смысл, но даже некоторый род изобретательности. Вообще, ум их отличается живостью и подвижностью, как и вообще весь характер» *[Там же*. С. 742]. Далее автор делает предположение, что из башкир могли бы выйти хорошие скотоводы, ремесленники, фабриканты, купцы. Отвечая на поставленный перед собой вопрос об ассимиляции, Флоринский пришел к выводу, что «ассимиляция башкир и татар вообще для господствующей русской народности не только не вредна, но может быть даже полезна» *[Там же*. С. 744]. Примечательно, что этот труд был опубликован в журнале «Вестник Европы», предназначенном для достаточно образованного читателя.

В духе Флоринского рассуждал полковник Генерального штаба А.Ф.Риттих, исследовавший в начале 70-х гг. XIX в. различные народы империи с целью определения их возможностей для формирования армии, сделал собственные наблюдения о башкирах *[Риттих*, 1875. С. 237]. Примерно так же характер и психологические черты народа описывались в популярных изданиях: «Ум башкир отличается живостью и подвижностью, как и вообще весь характер <...> нельзя отказать им в природной силе, находчивости и понятливости» *[Живописная...* 1901]. Башкир отличает «гостеприимство, добродушие и простота» *[Дьячков*, 1901].

Как видим, два образа присутствуют повсеместно: башкиры — дети природы, простые и наивные; башкиры - открытый, гостеприимный народ. Два других противоречат друг другу. С одной стороны, они хитры, скрытны, подозрительны, мстительны, праздны, ленивы, с другой - умны, находчивы, добродушны, имеющие высокие представления о нравственности.

Это противоречие отметил Д.П.Никольский, врач, работавший в Екатеринбургском уезде, написавший ряд работ и защитивший диссертацию, посвященную санитарно-антропологическому обследованию башкир *[Никольский*, 1899]. Рассуждая об образе башкир у русских — представителях европейской культуры, мы подвергали анализу мнение прежде всего тех из них, кто жил за пределами края и видел Башкортостан и башкир во время кратковременных поездок. Обращение к Никольскому, жившему среди башкир и изучавшему их, позволяет нам разобраться в данном вопросе. Он справедливо указывает на трудности в связи с разными точками зрения: «Ознакомившись с мнениями различных авторов о нравственности башкир, положительных и отрицательных сторонах характера этого народа, трудно согласовать имеющиеся данные по этому вопросу. Одни считают башкир народом диким, не имеющим никакого понятия о нравственных началах, свойственных культурному человеку; другие, напротив, находят в башкирах много симпатичных черт» *[Там же]*. Затем автор делает вывод о том, что «правда, как всегда, лежит посередине». «Плохие черты» (хитрость, недоверчивость, подозрительность) он считает результатом влияния других народов. Из положительных черт, непосредственно присущих башкирам, им выделяются гостеприимство (но «без низкопоклонства и заискивания»), доброта, приветливость, мягкость характера *[Там же]*. Таким образом, характеризуя черты народа, Никольский очень четко отделяет заимствования, или, как он пишет, «плохие черты», привнесенные в результате контактов, от архетипа, имеющего глубинное, народное происхождение.

Следует отметить, что все, кто писал в это время о башкирах, будь то европейцы или представители русской интеллектуальной среды, рассматривали их как часть населения империи и относились к ним сочувственно.

Рассматривая процесс формирования образа башкир у европейцев в первой половине XIX в., мы отмечали, что он был напрямую связан с наполеоновскими войнами. Конфликт культур, европейский опыт эпохи Просвещения формировал модель «свой — чужой», но непосредственное знакомство европейцев с башкирами показало, что они, возможно, «другие», но не «чужие». Башкиры олицетворяли Восток, его культуру и, как мы видим на примере Уоллеса и Бларамберга, способствовали процессу формирования собственной европейской идентичности.

Касаясь второй половины XIX — начала XX в., можно отметить, что прежние стереотипы восприятия исчезали, а в общественном сознании формировались и стремительно сменяли друг друга, иногда смешиваясь, новые образы башкир: от прежнего представителя «диких народов», «северного амура» — к «нашим башкирцам», «прописным душам нашей истории», с «духом верноподданничества» и далее к «простому и неиспорченному народу», открытому и гостеприимному, страдавшему от расхищения земли. Образ башкира стал разноплановым. В сознании европейского и российского общества башкиры стали частью России.

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА

ФОЛЬКЛОР

Башкирский фольклор состоит из исторических песен и преданий, легенд и байтов, кубаиров и поговорок, пословиц и загадок. В данный момент автором обращено внимание только на основные формы фольклорного материала, его содержания. Это песни и легенды.

Исследований по теме крайне мало. О фольклоре 1812 года, о песнях тех лет писал С.А.Галин, о легендах и преданиях Ф.А.Надыршина и другие. Недостаток в литературе весьма чувствителен. Отсутствуют работы по байтам, кубаирам и поговоркам. Такое положение объясняется, по-видимому, тем, что исследователи еще не проникли до глубин содержания форм фольклора в сравнении с другими произведениями других народов. Что касается источниковедческих работ, то дело обстоит точно также. Поэтому автору настоящих строк о фольклоре XIX в. пришлось использовать лишь тексты произведений самого фольклора как источник.

Во второй половине XIX в. остро стоял вопрос о судьбе башкирских вотчинных земель. Не считая аренды и продажи их влиятельными людьми общин, наблюдается массовый их захват заводами, приисками и другими. Ниже только отдельные штрихи об этом.

В легенде «Как богатеи раздавали заводчикам народную землю» сказано, что хозяин Узянского чугунолитейного завода жил постоянно в Москве — а на заводе управляющий. Последний расширял заводские владения, занимаясь скупкой земель у башкир. Землю продавали кудашмановские богатеи Байсара, Кулсара и Ишкужа. Они, прошедшие огонь и воду, служили в армии и знали русский язык. Постепенно сужались границы общинных земель. А у народа и общины оставались земли все меньше и меньше. А тут участившиеся неурожаи и их спутник голод. Заводской управляющий время от времени раздавал башкирам деньги от 10 до 20 руб. Люди расписывались в получении денег, а заводчик представил потом эту бумагу царю как договор о купле-продаже земель. Царь утверждал договора, а народ лишился большей части своих земельных угодий. Но не смирился с этим и стал готовиться к ответному шагу.

В легенде «Царский генерал Коршин» говорится о том, что раньше у калмаковцев (деревня в современном Салаватском р-не РБ) земли было вдоволь. Затем поселился генерал, считавший, что башкирскую землю ему подарил сам царь за то, что в войне с турками отличился. Ему достались лучшие земли по правую сторону реки Юрюзани. «Тогда предки наши: так и быть, по указу занимай нашу землю, но воду в реке не мути! Ему пришлось согласиться. Правда, пытался он всяко к воде подобраться да не вышло». Даже глубокие колодцы, пробитые им по всей округе, оказались безводными. Так и уехал ни с чем. Вот что значит «народная воля», по мнению автора предания.

В «Бунте» речь идет о попытке приобрести башкирские земели даже иностранцами, вызвавшей протесты общинников. По легенде французы хотели купить землю у башкирских общинников. Власти обратились к волостям, старостам и домовитым хозяевам, стали их одаривать, народ был возмущен, начался бунт. Люди, вооружившись, стали «дубинками бить-колотить баев и старшин». Изрядно досталось тогда начальству. Грязное дело местных богачей с попыткой продажи земли без участия простых людей провалилось. Это — тот самый случай, когда, по автору легенды, подходит поговорка — «В единстве сила».

В легенде «Исякай и Денкэ-Кашка» речь идет о скупке баем из татар Акайкулем из д. Акайкуль земли за бесценок по озеру Аслыкуль и реке Деме. Батыр Исякай из д. Суракаево, собрав вооруженных людей, выступил против Акая, утонувшего во время сражения.

Отдельные факты требуют уточнения. Здесь ошибочно указана национальность Акая. Он башкир Тамьянской волости, один из руководителей восстания 1735-1740 гг. Сын Кусюма Тюлекеева, известного предводителя восстания начала XVIII в. Жил в Енейской волости Казанской дороги на основе припуска. Был арестован, в 1738 г. отправлен в Санкт-Петербург. Дальнейшая судьба его неизвестна.

В легенде «И чай имеем, и землю не продали» говорится об угнетении работных людей, сезонников, на приисках Рамеевых «Султан», «Восьмое», «Юлалы», о незаконном расширении ими территории приисков. Старосты четырех башкирских волостей согласились продать прииски за несколько ящиков чая. Когда же возник спор между продавцами, тогда другие обратились к знакомому питерскому рабочему, который прислал посылку с чаем, а «деньги на нее были собраны рабочими вскладчину». В письме они посоветовали башкирам не отдавать чужим земли. Хозяева земли вернули рабочим свой долг. «А найдутся насильники да грабители», - предложили питерцы — «гоните их взашей». Так с помощью питерских рабочих башкирские крестьяне заимели и чай, и землю.

Ишмурза башкир из д. Ишмурзино был человеком общительным, справедливым, грамотным, постоянно избирался доверенным лицом общины по земельным вопросам. Земель четырех волостей было предостаточно. При регулировании споров поступал справедливо. Не было конфликтов между вотчинниками и припущенниками. С появлением заводчиков многое менялось, начинают открытый захват земель: лугов, сенокосных мест. От вожака сельчан постепенно уходили бунтари. Ишмурза остался один в положении бунтаря-изгоя, грабившего баев один, защищавшего бедняков один. Власти не смогли его взять под стражу. Ишмурза сам сдался властям. Люди со слезами провожали его. Потом сочинили такую песню.

Ишмурза вскочил в седло — конь
Под ним взметнулся, словно пламя.
То копье вздымает, то стрелой
На куски дробит он черный камень.

Ишмурза оставил в своей песне глубоко патриотичные строки:

Не пройдет на землю нашу враг.
Так живи на этом свете, чтобы
Не прожить впустую, просто так.
Загнанный скакун вновь не поскачет,
Жизнь на свете дважды не прожить.
Только дураки и сумасброды
Юностью не станет дорожить.

Событие в предании «Беглый бунтарь Саляй» произошло неподалеку от Кунашака. Против налагавшихся непомерных налогов выступил Саляй, бежал от властей, прятался в болотах, поросших камышом. Проворного, отважного, рискового Саляя долго искали. Однажды урядник наткнулся прямо на самого обросшего Саляя, но не узнал его, направившего его по другому пути болота. Сам Саляй нырнул в камыши, где перебил людей урядника и бежал в другие края.

В предании «Гадибак-Насыр» (Хажибекова) рассказывается собственная история героя. Попав в западню, он был заточен в каземат, отправлен в Сибирь на поселение. «Насыр потряс кандалами и крикнул во весь голос: «не клоните головы, будьте беспощадны к насильникам».

Предательство байским холуем — родного человека-изгоя описано в легенде «Истем», где излагается жизнь Истема, жителя д. Табылды. Баи его ненавидели. По неизвестным нам причинам богатыря Исмагила (другое его имя) отправили на каторгу. Откуда он бежал, вновь вернулся в свою деревню. На обратном пути где-то раздобыл коня-акбузата. В аул его не пустили. Тогда он забрался на вершину горы и запел задушевным голосом песню. Так началась его жизнь беглого. У аульного богача был отменный конь, опасаясь за его сохранность, тот двум своим людям приказал убить Истема.

Проезжая через мост, нога акбузата, провалилась, сломалась. Тогда вынужден был идти к брату и сказать, чтобы его коня зарезали. Но брат Истема с его приятелем были людьми бая. Они-то и ударили топором по затылку Истема. Тело бросили в озеро, привязав камень. Всплывшее через год тело похоронили на кладбище.

Разные формы борьбы вызывались к жизни угнетением простых людей, захватом их земель. Об освобождении пленных башкир-повстанцев необычным образом в песне «Карат» (Вороной конь) говорится следующее. После подавления сооруженного выступления в одной из деревень табынцев 120 его участников оказались в руках карателей. «Односельчане решили выкупить своих сородичей, отдав начальнику карательного отряда прославленного во всей округе вороно скакуна - Карата. Но у начальника и свой конь быль не менее славен. И вот он пустил состязаться этих коней по кругу, обещав при этом, что если Карат опередит его коня и придет первым после тринадцати кругов, то освободит башкир». Карат победил, первым пробежав условленные круги. Тем самым его победа спасла 120 пленных.

В песне есть такие строки:

Лети вперед, лети наш вороной,
Ты ветром мог бы облететь весь мир.
Ужель ты жизнь жалеешь, вороной.
За жизнь и кровь сто двадцати башкир.

«Находчивость казнимого» — легенда относится ко времени подавления восстания Пугачева и говорит о находчивости участников движения. После поражения бунта наказывались его участники. В частности, в дер. Казангулово после поимки повстанца, приговорили к страшному наказанию - отрезанию носа. По предложению снохи, передали палачу золотую монету и тем самым благодаря ее сообразительности была смягчена участь башкира (палачом была отрезана «совсем маленькая часть носа»),

В башкирском устном народном творчестве имеются отдельные оригинальные фольклорные произведения о взаимоотношениях между башкирами и казахами. Великий поэт башкирского народа Акмулла благодаря своему самоотверженному труду стал классиком народов трех литератур. Еще совсем молодым, оказавшись в казахских степях, он обучал детей грамоте. В легенде «Акмулла» сказано, что Казахский бай, увидев в застолье начальников волостей Акмуллу, сделал ему свое язвительно-злобное замечание: «Погляди-ка, истяк (так казахи называли башкир), как ты разжирел. На травяных выпасах жиреет бык, в скандальных местах жиреет мулла». Акмулла ответил ему, не раздумывая: «Там, где много травы, бык жиреет, где много ссор и тяжб, правители жиреют. Когда нет ученых людей, нам подобных, что скитаются по пустынным степям, голову подобных тебе дураков собаки сгрызают. *[Башкирское...* 1987. С. 340].

«Аман» - легенда повествует о мятеже казахов на Актюбинской земле. После ожесточенных сражений между повстанцами и армейскими частями казахи потерпели поражение. Оставшиеся в живых участники укрылись подальше от родных мест. Башкиры радушно приняли казахов, нашедших у них приют, прежде всего у башкира-старика Хажи из Усерганского рода, у жителей аулов Средний Муйнак, Акбашево и Кыргызбаево.

В легенде «Сафа и Иван Подцубный» речь идет о дружбе спортсменов: украинца и башкира. Борец по имени Сафа из Архангельска (центр одноименного района в РБ) поборол всех местных батыров. Подался он в другие края, чтобы там испытать свою силу. Однажды Сафа узнал о всемирно известном борце по имени Иван Поддубный. Захотелось ему встретиться с этим силачом. Если даже не одолею, то хоть схвачусь разок! — сказал он, несмотря на уговоры друзей, отговоры. Сафа все-таки встретился с Иваном. Башкир выразил свое желание испытать свою силу. Иван согласился, лишь спросил его, как будем бороться - по-вашему, или по-нашему? Ты — по-своему,' а я — по-своему. — был ответ! Взялся было за ремень, его остановили, сказав, что здесь борются только силой рук. Сафа согласился с мнением Ивана, условились бороться до трех раз. И начался борцовский поединок. Иван выиграл два раза. Изловчившись, Сафа бросил Ивана через голову. Встал Иван, поблагодарил Сафу, что он истинный борец, есть, оказывается у башкир свой беркут. Пожал ему обе руки Иван, похлопал по спине и подарил Сафе свой шелковый халат.

В опубликованных фольклорных сборниках немало место уделено службе башкирских казаков и солдат. В песнях о службе и военных походах в разделе «Армия» речь идет как будто об Иване Грозном, «человеке диком и своенравном». Кто не слушался его, того ожидала лютая казнь. Когда он стал царем, начал забирать башкир для службы в армию, а срок службы был очень большим — 12—15 лет. Рассказал ему солдат о житье и бытье, о тяжелой военной службе (12 лет). Поднимал серьезный вопрос о состоянии прироста населения России: большой срок службы, по мнению солдата, не давал возможности решить эту проблему. Внимательно выслушав солдата о защите границ государства. Иван Грозный решил отпустить его домой, а срок службы как-будто определил в 4-5 лет. А песня, которая была спета солдатом на карауле, стала песней всей армии. Заодно отметим, что в тексте относительно срока службы солдата немало изъянов, то там, то тут встречаем ошибки.

Армейская служба отражена во многих песнях «Траншейная», «Окопная», «Песня пленного», где события разворачиваются на Кавказе; на Карпатах; «Азамат», «Армия», «Трехлетняя служба», «Колыбельная», «Песня солдата Нуримана», «Оренбургская дорога», «Первый эскадрон», «Песня пожелтевшего старика», «Сизый сокол», «Эскадрон», «Песня солдата», «Имангул», «Сим», «Шарак», где повествуется о нелегкой службе, о тоске по родине и родителям. Солдата в мыслях всегда сопровождала забота о домашних делах, детях, членах семьи, хозяйственных проблемах («Мой дом совсем обветшал», «его бы починить», «да лесу нету»).

В «Неволе» события происходили во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в «чужедальней стране», «на Балканах», около «Мраморного моря» видим любовь к стране, родине, тоску по родине; «истомилось мое сердце»; «тоскую по родимой стороне: и с гордостью заявляет: «Да разве есть земля прекрасней нашей! «Там зелены луга, вкусна вода, на свете нет земли счастливей, краше». Вместе с тем автору «не нужна чужая сторона». Находясь в тяжелых условиях вдалеке от родной земли, солдат желает своей родной сторонушке «процветания, долгих лет жизни и прощения».

Песни о солдатской службе, военных походах и войнах свидетельствуют о постепенном включении башкир во всероссийскую систему подготовки военнослужащих и в прохождении службы. Срок службы в армии и на флоте 3—4 года. Это после реформы второй половины XIX в. Солдаты заметили и другие перемены, «как зеленая шапка», «черкес-

ская форма одежды». Трехлетняя служба — ожидаемый срок службы солдат. Этой реформой происходит полная интеграция башкирских национальных частей в составе российской армии с ликвидацией первых.

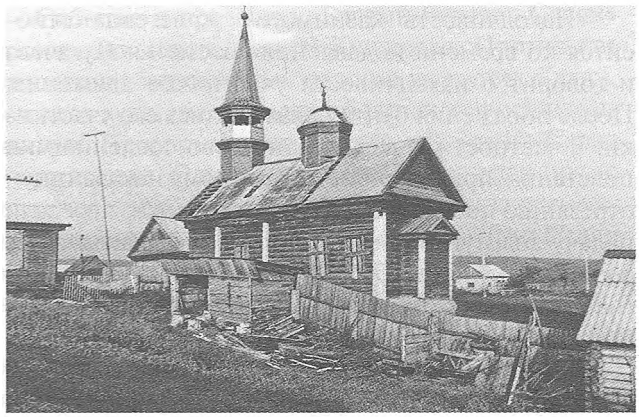
Таким образом, в фольклоре осуждается деятельность волостных губернских властей и деспотизм. С развитием капитализма усиливается борьба за землю, ее захват, вызвавший бунты общинников; угнетение золотодобытчиков, сплавщиков, торфоразработчиков приводили к бунтам. Все же у народа сохраняются царистские иллюзии, вера о защите их интересов и прав российским царем.

БАШКИРСКАЯ МЕЧЕТЬ

В ряде башкирских аулов Республики Башкортстан, Курганской и Свердловской областей выявлено существование в досоветский период практики строительства оригинальных деревянных мечетей с минаретом и куполом. Отсутствие композиций подобного типа на территории современного Татарстана, а также этническая принадлежность жителей населенных пунктов, в которых данные постройки известны, позволяет констатировать их возникновение именно в среде башкирских зодчих. Один из таких памятников находится в д. Нижний Яикбай Баймакского района РБ (см. фото). Традиционный по форме восьмигранный минарет смешен в этой мечети к северному торцу основного объема и расположен над входом. Возникшая при этом асимметрия продольных фасадов уравновешивается главным новшеством композиций подобного рода — небольшой восьмигранной башенкой с выпуклым покрытием. Безупречная выверенность пропорций, удачно найденное соотношение масс двух главных силуэтных составляющих композиции — минарета и башенки (гумбез) — придают небольшой по габаритам постройке подлинное изящество и завершенность. За счет ступенчатого нарастания объемов (от кровли к башенке и от него — к минарету) композиция приобретает динамизм, несколько отличный от устремленности к небу минаретов, расположенных в центре кровли.

Вероятнее всего, мечеть была построена до 1890 г. По сообщениям информаторов, в 1890 г. производился ремонт здания; упоминание об этом ремонте было высечено на чердаке мечети на тыльной стороне досок *[ПЗ А.Р.Ширгазина*, 1990]. В 1903 г. было обновлено тесовое покрытие здания, которое в 1964 г. заменили шифером *[АМКРБ.* № 1272].

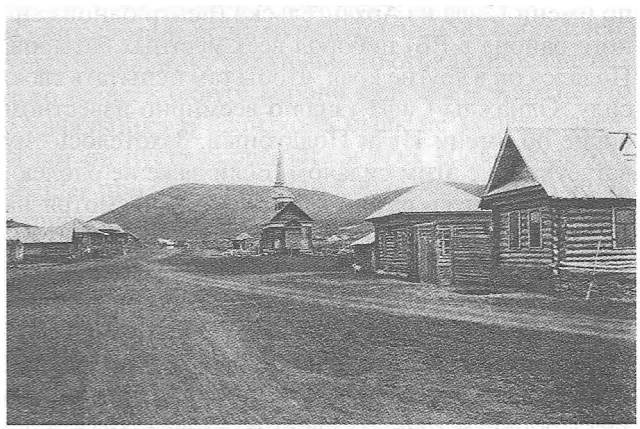
Неожиданной, на первый взгляд, кажется почти абсолютная геометрическая идентичность первого яруса минарета и восьмигранного основания башенки. Гумбез, при его небольшой высоте и равной с минаретом ширине, не получает, с позиций стандартной композиционной логики, возможности «уравновесить» вертикаль минарета. Однако в действительности постройка народных мастеров не вызывает чувства «визуального дискомфорта»; напротив, мечеть представляется вполне завершенным произведением — немногословным и убедительным. Тождественность форм основания башенки и минарета создает своеобразную «игру» этих объемов, подчеркивая их семантическую близость друг другу. Контрастное противопоставление стремительному завершению минарета невысокого купольного силуэта башенки, расположенной в центре кровли, усиливает ее значимость в композиции.



Мечеть в ауле Нижний Яикбай Баймакского района. Конец XIX — начало XX в. Фото автора. 1990 г.

Как было отмечено, мечети с подобным построением венчающих объемов достоверно зафиксированы еще в ряде башкирских населенных пунктов, однако, до настоящего времени не выделены в отдельный тип и не подвергались научному анализу.

В работе С.И.Руденко приведено фото д. Усть-Бугалыш, заселенной башкирами-айлинцами. На втором плане фотографии, в ряду жилой улицы видна мечеть с минаретом и куполом. Анализ этого изо-



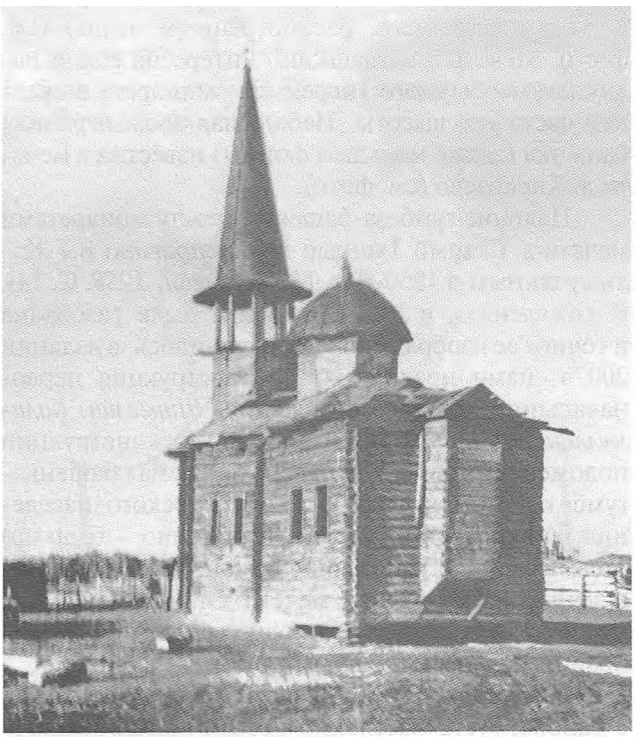
Мечеть в ауле Усть-Бугалыш.
Фото С.И.Руденко. Начало XX в.

бражения обнаруживает необыкновенную близость архитектурных типов мечетей в Усть-Бугалыше и Нижнем Яикбае (см. фото). В 1959 г. фольклорная экспедиция ИИЯЛ БФАН СССР работала в Сафакулевском и Альменевском районах Курганской области, заселенных башкирами. Участник экспедиции Н.Д. Шункаров сделал два снимка мечетей в башкирских аулах западной Сибири: Кулсары и Латкай Альменевского района Курганской области (см. фото). Аналогия приводимых изображений с рассмотренными выше, как думается, не нуждается в комментариях. К сожалению, Шункаров, фольклорист по специальности, не ввел выявленные памятники в научный оборот, предоставив эту возможность своим последователям. В данном издании снимки публикуются впервые.

Отмечаемое во всех выявленных памятниках сходство, идентичность геометрии первого яруса минарета и основания башенки может быть объяснено наличием некоего «зодческого модуля», единого конструктивного принципа возведения гумбеза и минарета. План основания стропильной системы (план чердака), составленный нами в 1990 г. при обследовании здания, быстро выявил наличие в горизонтальной плоскости восемнадцати хорошо различимых квадратных ячеек с размерами сторон 2х2 м; к двум из них, расположенным в среднем «нефе», привязано размещение минарета и башенки-гумбеза. Основу пространственного остова минарета и башенки составляют восемь вертикально установленных бревен, перевязанных в нижней их части горизонтально уложенными бревнами, образующими сруб основания минарета и вспомогательный «конструктивный» сруб-основание башенки, помещающийся в пространстве чердака. Подобная конструктивная преемственность в устройстве минарета и башенки нашла отражение и в сфере народной лексики. Информаторы, носители башкирского языка, называли в 1990 г. башенку «бялякяй манара», т. е. малый минарет, а мечеть — двухминаретной.

Наличие близких по композиционному и конструктивному решению памятников рассмотренного типа, выявленных нами на обширных пространствах Предуралья, башкирского Зауралья и Западной Сибири, позволяют, как было отмечено, констатировать их территориальную привязку к ареалам расселения башкир. Вместе с тем напрашивается вывод о глубокой исторической преемственности данного типа мечети, возможно, длительном эволюционировании архитектурной композиции до получения «эталонной» формы, наблюдаемой нами в рассмотренных памятниках. В самом деле, трудно предположить, что все'названные мечети, разделенные сотнями километров, были возведены в краткий исторический отрезок одним зодчим (зодческой артелью). Вероят-

Мечеть в башкирском ауле Кулсары
Альменевского района Курганской области.
Фото Н. Шункарова. 1959 г.



Мечеть в башкирском ауле Латкай (Казаккул)
Альменевского района Курганской области.
Фото Н. Шункарова. 1959 г.

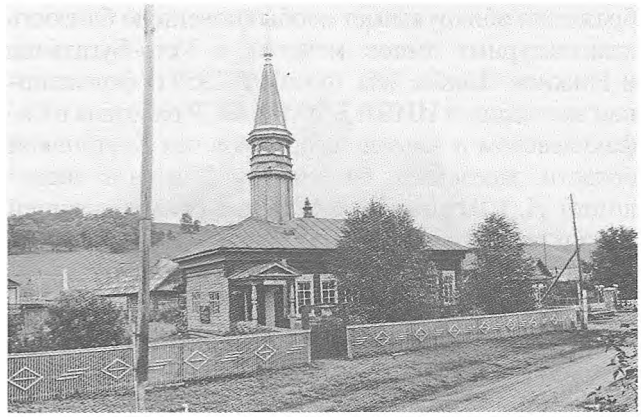
нее всего, к моменту строительства рассмотренных памятников данный тип композиции, с вполне отработанными пропорциональными соотношениями и конструктивными решениями, широко бытовал в среде народных мастеров в качестве своеобразного архитектурного канона, зодческого «ордера».

Свидетельства нарративных источников подтверждают некоторые из сделанных выводов. Так, в очерке П.Л.Юдина содержится описание мечети: «На переднем, т. е. западном конце [ее] на крыше устраивается <...> очень высокий минарет <...> кругом минарета устраивается выступом небольшая площадка <...> С этой площадки, обращаясь лицом к западу, муэдзин утром, в полдень и вечером призывает правоверных к молитве» *[Юдин, 1890]*. В данном отрывке находит подтверждение смещение минарета башкирских мечетей на «передний» (т. е. расположенный над входом. *– А.Ш.)* конец мечети. Автор очерка, вероятнее всего, допускает неточность, называя эту часть здания «западной»; в действительности, при ориентации на кыблу в географических условиях Башкортостана входной узел мечети и минарет, расположенный над ним, оказывались с северной стороны здания.

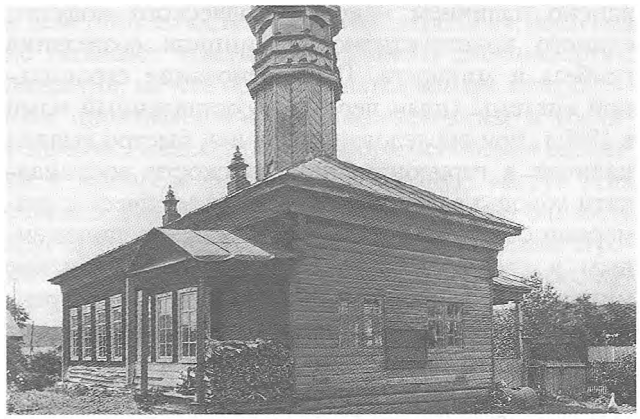
Смещение деревянного минарета с центра кровли к входу можно наблюдать в деревянной мечети д. Багдашкино (см. фото). Возникшая в результате этого асимметрия фасадов «компенсируется» двумя ажурными декоративным надставками на коньке кровли (по размеру они значительно уступают башенкам, рассмотренным выше) (см. фото). Мечеть в Багдашкино интересна еще и наличием необычного «перехвата» минарета в средней части его высоты. Небольшая восьмигранная башенка (также меньшей формы) известна в мечети д. Киекбаево (см. фото).

Наличие гумбеза-башенки между минаретами мечети д. Старый Тушкыр зафиксировано Б.Г.Калимуллиным в 1950-е гг. *[Калимуллин, 1958.* С. 14]. К сожалению, в 1941 г. башенка была разобрана и точное ее изображение не сохранилось; в издании 2007 г. нами предпринята реконструкция первоначального облика этого здания *[Ширгазин, Калимуллина, 2007]* (см. рис.). В основу реконструкции положена гипотеза, что рассматриваемая башенка-гумбез являлась в среде мусульманского населения Башкортостана (преимущественно - башкир) весьма распространенной формой. Ее присутствие в венчающих объемах мечети Старого Тушкыра представляется поэтому вполне вероятным и композиционно убедительным.

На территории Месягутовской лесостепи, в районе, густо населенном старинными башкирскими аулами, в татарском с. Лаклы известна оригинальная восьмигранная постройка с купольным завершением, именуемая «библиотека муллы»



Мечеть в ауле Богдашкино Кугарчинского района. Смещение минарета с центра кровли к северному торцу задания. Фото автора 1990 г.



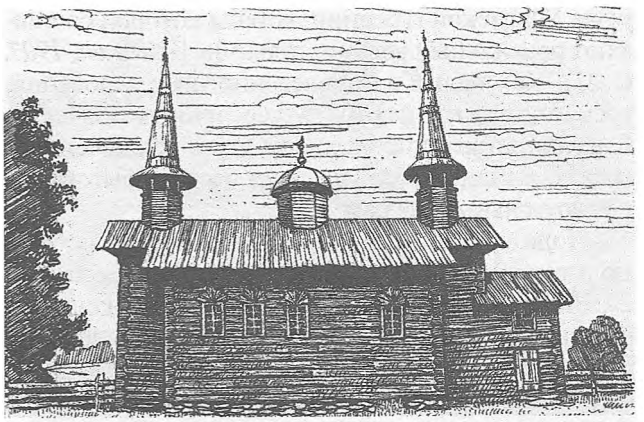
Мечеть в ауле Богдашкино Кугарчинского района РБ. Две ажурные башенки, композиционно компенсирующие смещение минарета с центра кровли. Фото автора 1990 г.

Мечеть в д.Киекбаево Бурзянского района РБ. Фотоархив Отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН

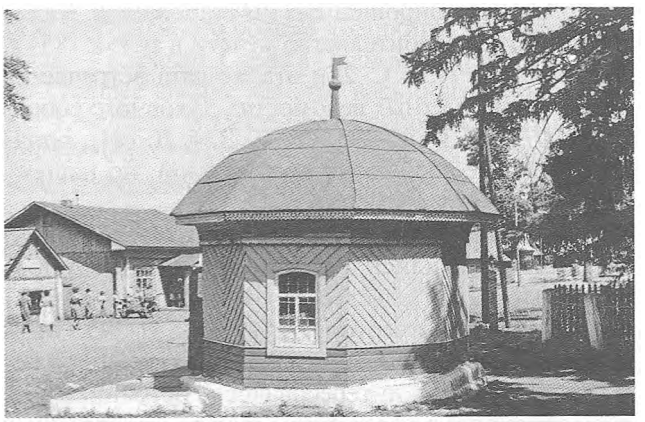
(см. фото). Впервые на нее обратил внимание Калимуллин в 1950-е гг., причем исследователь напрямую связывал происхождение восьмиугольной формы плана подобных построек с традициями мобильной архитектуры. «Они (постройки с многоугольными и круглыми планами. - *А.Ш.)* не привнесены со стороны, и генезис их уходит в далекое прошлое, к формам плана старинных народных жилищ. <...> По рассказам стариков, строения с многоугольными планами до конца XIX в. встречались в крае почти повсеместно». Говоря об архитектуре библиотеки муллы, Калимуллин справедливо замечает: «Восьмиугольная в плане она живо напоминает войлочные кибитки на просторах башкирских летовок» *[Калимуллин, 1958.* С. 22—23]. От себя нам остается только обратить внимание на общую схожесть пропорционального строя и абриса кровли библиотеки с рассмотренными выше башенками на кровле мечетей.

Следует отметить, что круглые в плане войлочные юрты использовались башкирами не только для проживания; в условиях кочевого быта в них могли размещаться и импровизированные мечети. В описаниях XVIII в. мечеть предстает именно в виде юрты «без минаретов и шпицев». Таким образом, для башкир «образ мечети» мог ассоциироваться не столько с минаретом, шпилем, сколько с круглой куполообразной формой. Именно эта форма, по нашей гипотезе, могла быть впоследствии перенесена в восьмиугольный «гумбез», располагавшийся над деревянными мечетями. Характерно, что требования мусульманского ритуала оказывали влияние на ориентацию юрты и на организацию ее внутреннего пространства. Влияние ислама на ориентацию башкирского жилища отметил и Руденко. На кочевках, сообщает исследователь, двери жилища старались ориентировать на восточную сторону и лишь в исключительных случаях на юг. Объяснение этому явлению исследователь находил в следующем: «Намаз (повседневное моление) религиозные башкиры как мусульмане совершали обратившись лицом в сторону Мекки, в данном случае на юг. Поэтому молиться в жилище, будь то кибитка, шалаш или сруб, дверь которого обращена на юг, представлялось весьма неудобным, почему и избегали ставить временные жилища дверями на южную сторону» *[Руденко, 1955].*

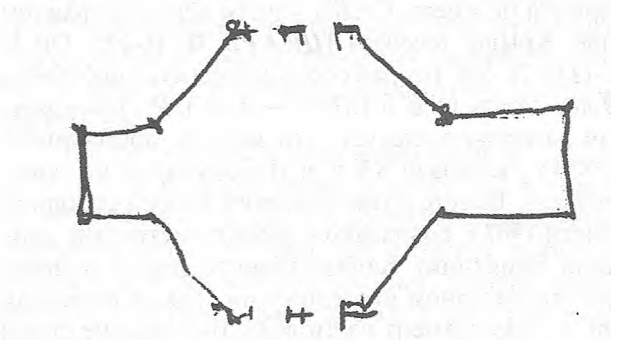
Восьмигранную форму иногда придавали и объему мечети в целом. Подобный пример зафиксирован в 1961 г. в деревне башкир рода кайпан (совр. д. Старый Кайпан Татышлинского района РБ). Калимуллин, сделавший беглый набросок плана мечети (см. рис.), посетил Татышлинский район БАССР не случайно. Исследователю была известна статья А.Н.Абрамова (1907 г.), представившего в качестве «редкого исключения в архитектуре мечетей» постройку в д. Старый Кайпан Бирского



Мечеть в ауле Старый Тушкыр Балтачевского района. XIX в. Реконструкция А.Р.Ширгазина



Бибилиотека муллы. С.Лаклы Салаватского раойна РБ. Фото автора. 1990 г.



Восьмигранный план мечети
в ауле Старый Кайпан Татышлинского района РБ.
Рисунок Б.Г.Калимуллина. 1961 г.

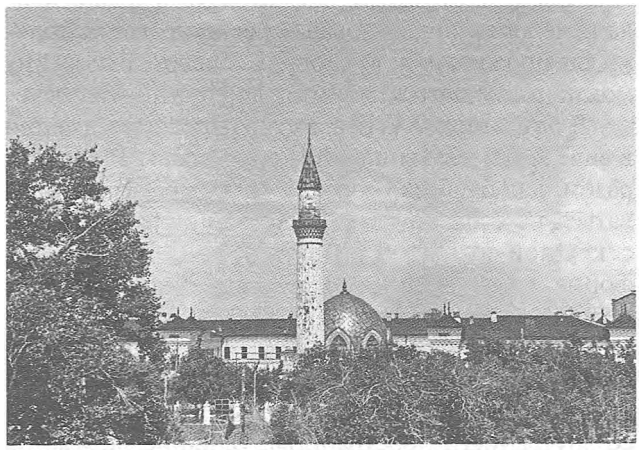
уезда Уфимской губернии, «стены которой составляют правильный восьмиугольник» *[Абрамов, 1907.* С. 21]. Как видно из проведенного исследования, восьмиугольные формы в деревянном зодчестве Башкортостана в прошлом не были исключением, хотя, очевидно, и уступали по частоте бытования прямоугольным срубам.

Еще одна мечеть с восьмиугольной формой молитвенного зала и одновременным смещением минарета к входной части была зафиксирована Калимуллиным в д. Новый Муслим (совр. Мечетлинский р-н РБ) (см фото). Деревня основана в XVIII в. на землях башкир Дуванской волости. В 1722 г. мишари-переселенцы заключили с башкирами Дуванской волости договор о припуске сроком на 25 лет *[Асфандияров, 2001а\ Ведомости... 1976.* С. 324]; первыми насельниками аула были выходцы из д. Муслюмово Шадринского уезда Пермской губернии *[Асфандияров, 2001а].* Ссылаясь на воспоминания опрошенных им старожилов, Калимуллин отнес строительство мечети в ауле к 1854 г. *[Калимуллин, 1958.* С. 22]; эта же дата встречается в некоторых учетных ведомостях Духовного собрания *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 2. Д. 4. Л. 194], однако считать ее абсолютно достоверной, по нашему мнению, преждевременно.

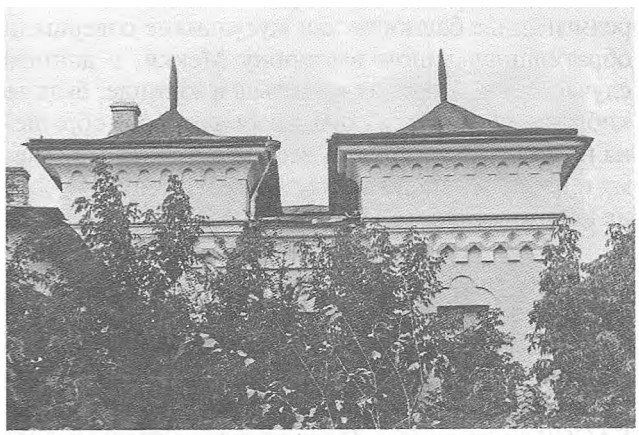
В начале XX в. (1906 г.) прихожане Нового Муслима обратились в Духовное собрание с прошением о строительстве сразу двух новых мечетей — третьей и четвертой *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4255. Л. 2]. В подобных ситуациях духовное ведомство зачастую интересовалось состоянием уже существующих в населенном пункте молитвенных зданий. Это делалось для того, чтобы не допустить нового строительства в случае ненадлежащего содержания уже имеющихся построек. Таким образом, в нашем распоряжении имеется описание обеих новомуслимовских мечетей, существовавших в селе к 1907 г.

Первая соборная мечеть. «Построена назад тому уже более 100 лет. Фундамента из камня или кирпича не имеет. Стены мечети еще в исправном виде. Крыша тесовая» *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4255. Л. 53]. Вторая соборная мечеть «построена 29 лет назад» (т. е. в 1878 г. - *А.Ш.).* Из приведенной датировки следует, что мечети, построенной в 1854 г., к началу XX в. в Новомуслиме не существовало. Вместе с тем описания Второй соборной мечети 1907 г. совпадают с характеристиками, данными памятнику Калимуллиным спустя полвека при его натурном исследовании. Так, в описании 1907 г.: «Фундамент на столбах. Внутренние стены и потолок в одном помещении [о]штукатурены. Крыша тесовая» *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4255. Л. 53], у Калимуллина: «...здание покоится на очень толстых стульях из лиственницы, поставленных по углам <...>. Стены внутри оштукатурены и победе-

Мечеть с восьмигранной формой молитвенного зала. XIX в. С. Новый Муслим Мечетлинского района РБ. Реконструкция Б.Г.Калимуллина



Восьмиугольная мечеть Караван-Сарая в Оренбурге. Архитектор А.П.Брюллов. Фото



Караван-сарай в Оренбурге. Угловые башенки стилизуют формы лубкового аласык или походных шатров башкирской конницы

ны <...>. Крыша над зданием тесовая» [*Калимуллин, 1958*. С. 21].

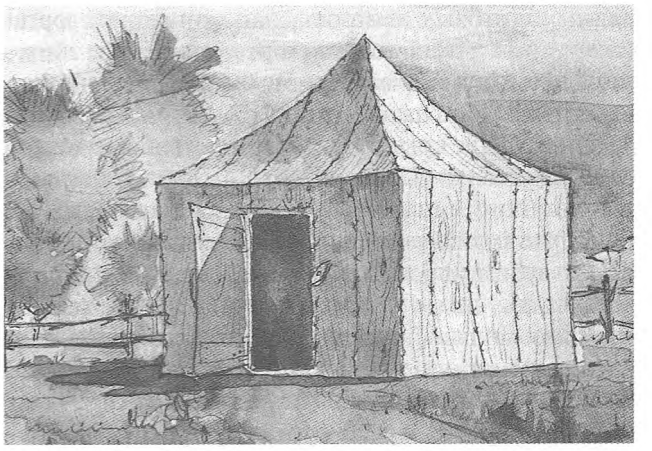
В документах начала XX в. не содержится графических материалов (чертежей) либо упоминания о необычности экстерьера мечети (прежде всего — восьмигранной формы главного объема). Это объясняется тем, что главная цель предпринятого в 1907 г. осмотра заключалась в определении эксплуатационной пригодности здания, износа конструкций. Нас же данное сооружение интересует, прежде всего, как памятник архитектуры, в связи с чем и возникает вопрос о его точной датировке.

Важно установить, какое из двух приведенных зданий исследовал в 1950-е гг. Калимуллин. Прямые указания на это в авторском тексте отсутствуют. Наличие тесовой кровли или фундаментных столбов — «стульев» не является, на наш взгляд, надежным признаком идентификации: эти элементы, широко распространенные в народном зодчестве, присутствовали в большинстве мечетных зданий. Иное — встречающееся в описании 1907 г. упоминание штукатурки внутренних стен и потолка в одном из помещений *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 6. *Д.* 4255. *Л.* 53]. Оштукатуривание как способ отделки интерьера в сельских мечетях встречается крайне редко. Калимуллин также указывает на наличие в интерьере штукатурки стен и «тянутых круглых розеток» на потолке *[Калимуллин, 1958.* С. 21]. Это позволяет нам с большой долей вероятности предположить, что исследователь осматривал в 1950-е гг. здание бывшей Второй мечети, построенной в 1878 г.

В 1877 г. прихожане второй общины, располагавшие к этому времени «пришедшим в ветхость» зданием мечети (постройка 1836 г.), просили разрешения на ее ремонт *[ЦИА РБ.* Ф. И-295. Оп. 3. *Д.* 9438]. Возможно, это послужило поводом к строительству нового здания (взамен старого), завершенному на следующий год (1878г.) *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 6. *Д.* 4255. *Л.* 53].

В предложенную выше реконструкцию строительной хронологии (основанную на архивных материалах) не вписывается вероятная дата строительства Второй мечети - 1854г., приводимая Калимуллиным *[Калимуллин, 1958.* С. 22], и также имеющая свое документальное подтверждение *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 2. *Д.* 4. *Л.* 194]. Нет в ней и информации о пожаре, уничтожившем, по одной из версий, мечеть восьмиугольной формы, взамен которой (и копируя ее формы) было построено здание, дошедшее до середины XX в. *[Калимуллин, 1958.* С. 22]. Последнее обстоятельство (если оно верно) удревняет появление (или существование) восьмиугольника в плане мечети по меньшей мере на несколько десятилетий.

О широком распространении среди башкир многоугольных деревянных построек в первой половине XIX в. может свидетельствовать и следующий факт. Столичный архитектор А.П.Брюллов в качестве центрального объема «Башкирского народного дома» - Караван-Сарая в Оренбурге принял отдельно стоящее здание мечети, восьмиугольное в плане. Комплекс проектировался по заказу близкого приятеля архитектора - оренбургского губернатора В.А. Перовского, большого знатока и приверженца традиционной культуры башкир. Губернатор близко общался с башкирами, ратовал за сохранение ими исконных обычаев; в летние месяцы нередко выезжал в пределы башкирских кочевий. Не исключено, что эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе главной архитектурной идеи Караван-Сарая (см. фото).



Лубковый прямоугольный аласык.
Рисунок Б.Г.Калимуллина

Брюллов использовал и еще одну национальную башкирскую тему в убранстве здания. Согласно гипотезе, сформулированной Р.Н.Рахимовым, Караван-Сарай (неофициально) мыслился Перовским как своеобразный памятник башкирам, геройски сражавшимся в Отечественной войне 1812 г. Монументальность и торжественность архитектуры комплекса являются косвенными подтверждениями этого тезиса, а сдвоенные башенки, расположенные по углам основного корпуса, имеют покрытие в виде «провисающих» кровель походных шатров башкирской конницы или лубковых прямоугольных аласыков (см. рис.).

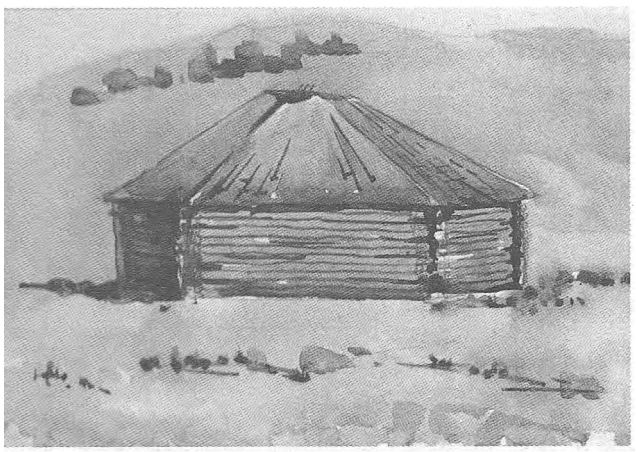
В летнем кочевом поселении башкир д. Ниязуглово С. И. Руденко увидел в начале XX в. совершенно разные по характеру постройки: две крытые войлоком юрты, три срубные избушки, корьевой балаганчик и два конусообразных, крытых корой шалаша. Это показывает, что круглые в плане сооружения (юрта, конусообразный шалаш) и прямоугольные срубы длительное время сосуществовали в среде башкирского населения. В Зауралье С. И. Руденко отметил существование у башкир шести-, восьмиугольных сборно-разборных дере-

вянных щитовых построек, напоминающих юрты (ағас тирмә — «деревянная юрта»); в центре пирамидальной по форме крыши было оставлено отверстие для выхода дыма (см фото). При сборке отдельные грани крыши и стены скреплялись между собой железными крючками. Возможно, не имея достаточного числа образцов подобных построек, С.И.Руденко недооценил вероятную историческую глубину происхождения этой формы, сообщив лишь, что подобная «юрта» «изготовлялась <...> по большей части русскими плотниками, которыми, по-видимому, и изобретена» [*Руденко*, 2006. С. 175]. Несмотря на известные случаи соучастия башкирских и русских мастеров в составе объединенных зодческих артелей [*Калимуллин, 1958*. С. 6], трудно вообразить возведение целой летовки исключительно русскими плотниками. Да и сама идея создания щитового подобия традиционного народного жилища вряд ли могла зародиться вне башкирского социума. У башкир известна похожая восьмиугольная постройка - бурама (летний домик, летняя кухня), возводившаяся в срубной технике (см. рис.).

На Южном Урале, в Приуралье и Зауралье происходила адаптация восточной исламской культуры к условиям патриархального полукочевого быта башкир. С одной стороны, это вносило изменения в сложившиеся устои башкирского общества, входило в качестве нового компонента в ментальность народа, его привычки и обыкновения; с другой — этническая традиционность накладывала свой отпечаток на конкретные проявления исламской культуры в среде башкир, в том числе и на архитектуру мечетей. Так, по свидетельству С.Г.Рыбакова, «выселяясь летом на кочевки в горы, [башкиры] берут с собой муллу смуэдзином, и крик последнего раздается каждый день и в кочевках с высоты отведенного для молитвы коша» *[Рыбаков, 1895*. С. 283]. Судя по приведенному описанию, отведенное для молитвы сооружение (кош) было стационарной постройкой — деревянной либо каменной; трудно вообразить произнесение азана «с высоты» войлочной юрты. При этом можно предположить, что «кош», используемый для произнесения азана, был схож по форме с другими существующими на летовке сооружениями — а именно юртами (т. е. был восьмиугольным в плане). В противном случае Рыбаков не использовал бы весьма специфический термин «кош» применительно к стандартной прямоугольной мечети в виде бревенчатого сруба.

Описание сезоннообитаемых мечетей содержится и в дневниковых записях Р.Г.Кузеева. «В нижнем течении Сакмары при впадении в нее р. Касмарки на сравнительно небольшом пространстве располагались летовки семи деревень: Абзаново, Юлдыбаево, Ниязгулово, Иткулово, Сунарчи, Рыскулово, Тирекле. Расселялись у подно-

Восьмиугольные дощатые постройки башкир в Зауралье. Начало XX в. Фото С.И.Руденко



Восьмиугольная бурама.
Рисунок Б.Г.Калимуллина

Каменная мечеть аула Кулгана Абзелиловского района. Рисунок 1937 г. из книги [*Кириков*, 1989. С.13]

жия холмов и гор, вдоль реки, сохраняя деление по деревням, а внутри них - по семейно-родственным группам. На территории становища находились две деревянные мечети; в зимнее время они пустовали. В верхнем течении Демы в местности Чатра была летовка семи азнай-илькульминских деревень: Азнаево, Биккулово, Каскиново и др. Здесь стояла каменная мечеть» *[Кузеев, 1957]*. Каменная мечеть была сооружена башкирами и вскоре после основания д. Якшимбетово (современный Куюргазинский район РБ) в первой половине XVII в. *[Кузеев, 1957]*.

В 1937 г. в башкирской д. Кулгана (современный Абзелиловский район РБ), расположенный между уральских хребтов, увидел каменную мечеть биолог С.В.Кириков. Выполненный сопровождавшим ученого художником набросок дает общее представление об архитектуре мечети *[Кириков, 1989.* С. 13]. На рисунке представлено здание с минаретом, смещенным к входу, и куполом, расположенным над молитвенным залом (см. рис.).

Таким образом, исследование массива выявленных к настоящему времени памятников исламского зодчества на территории расселения башкир приводит к выводу об определенном влиянии традиционной культуры народа на формирование облика стационарных мечетей.

РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Период XIX — началаXX в. является связующим мостом двух крупных эпох (донациональной и национальной) в истории башкирского литературного языка. Этот период по сравнению с предыдущими характеризуется богатством источников. Многие литературные тексты написаны от руки, наряду с этим имеется значительное количество печатных изданий. В первой половине XIX в. в языковой коммуникации башкиры между собой использовали следующие языковые образования: 1). башкирский народно-разговорный язык с многочисленными говорами во всех его диалектных проявлениях (специалисты выделяют в башкирском языке три основных диалекта: южный, восточный и западный, или северо-западный); 2) язык башкирского фольклора, который представлял собой в какой-то мере наддиалектный (или междиалектный) вариант языка и вобрал в себя основные черты вышеназванных диалектов; 3) письменно-литературный язык тюрки Урало-Поволжья *[Баишев*, 1955; *Максютова*, 1976; *Миржанова*, 1979; 1990].

Кроме того, среди образованных башкир были люди, отлично знающие арабский, персидский и русский языки. В мусульманских медресе язык обучения богословию был арабский, а по другим дисциплинам - языки тюрки и фарси. Средством устного общения тюрки не служил, сфера его употребления была ограниченной: книжно-литературный язык, письменный язык канцелярии, официально-деловых бумаг и т. п. Первая половина XIX в. в истории башкирского литературного языка характеризуется как период, органически связанный с предшествующим, с одной стороны, и проложивший путь к литературному языку на народной основе — с другой. Традиционный литературный язык тюрки Урало-Поволжья сперва был насыщен старыми грамматическими и стилистическими нормами, арабизмами и фарсизмами. Если в ранние периоды слабо проявлялось стремление к синтезу письменно-литературного, народно-разговорного и устно-поэтического языков, то в XIX в. появляются опыты нормализации и демократизации литературного языка, ибо форма и содержание письменно-литературного языка тюрки Урало-Поволжья не соответствовали новым потребностям общества.

В первой половине XIX в. усиливается процесс взаимодействия литературного языка тюрки Урало-Поволжья с башкирским народно-разговорным языком и языком фольклора, что явно отражается в произведениях суфийской литературы. В текстах суфийской поэзии, наряду с традиционными книжными формами, употреблялись и новые. Это касается и грамматического строя, и лексического состава языка памятников. Поэты и переписчики не всегда последовательно придерживались традиций тюрки: следуя в целом нормам литературного языка, они не могли не отразить некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности родной речи.

Известными представителями суфийской поэзии Урало-Поволжья были Манди Кутуш Кыпсаки (1763-1849), Таджетдин Ялсыгулов (1767-1838), Абульманих Каргалы (1782—1833), Хибатулла Салихов (1794-1867), Шамсетдин Заки (1821—1865), Гали Сокорый (1826-1889) и др. Они писали свои произведения на общем для башкир и татар литературном языке тюрки Урало-Поволжья, отличавшемся от среднеазиатского варианта. Особенно ярко представлен тюрки в произведениях Абульманиха Каргалы - поэта-суфия, близко знакомого с классической литературой Востока. Книга «Переводы хаджия Абульманиха из Сагитовского посада» вышла в свет в Казани после смерти поэта в 1845 г. Она состоит из поэтических переводов на тюрки ряда рассказов и преданий из арабских книг «Толкование Корана», «Источник лучей» и оригинальных стихотворений самого поэта. Язык поэтических переводов и собственных стихотворений Абульманиха Каргалы полон традиционными грамматическими формами, арабскими словами, фарсизмами, книжными стилистическими средствами.

Противоречие между традиционностью и новаторством начинает ярко прослеживаться в языке произведений Шамсетдина Заки — поэта, оказавшего определенное влияние на развитие философской и эстетической мысли среди башкир и татар в XIX в. «Каждое стихотворение Ш.Заки, - писал А.И.Харисов, — таит философскую мысль. Богат и разнообразен его язык. Достоинство стихотворений Ш. Заки — в поэтической образности. Заки, в отличие от многих мистиков-назидателей, умеет воспроизводить действительность, хотя преимущественно в суфийской трактовке, через ее частные проявления и в конкретной чувственно-наглядной форме, сохраняя достоверность предметов, которые выступают в качестве художественных образов» [*Харисов*, 1973. С. 260]. В произведениях Заки наряду с традиционными средствами, использованы разговорные и фольклорные элементы. Однако они составляют не просто набор слов и форм, а органически переплетаются в тексте. Стихотворения-газели Заки состоят из 4—18 бейтов, зарифмованных монорифмой. Поэт широко употребляет редиф — повторение слов и словосочетаний после рифмы в конце каждой строки. Язык произведений Заки насыщен меткими народными словами и образными выражениями. В них часты поговорки и пословицы.

Постепенное освобождение от книжных традиций и ориентация на народно-разговорный язык наблюдается в языке произведений Хибатуллы Салихова. Поэтические произведения «Сборник правил поведения», «Слова — жемчужины» были опубликованы в Казани в 1856 г. при жизни поэта. Особой популярностью пользовалась книга «Сборник правил поведения», которая переиздавалась десять раз. Многие его произведения распространялись в рукописях: только в Фонде рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ УНЦ РАН собрано 6 полных и 8 неполных списков «Сборника правил поведения», 6 списков «Подарка детям», 23 списка стихотворения «Танда джаним», 6 списков стихотворения «Сколько невежд», 14 списков стихотворения «С небрежностью» и ранее неизвестное стихотворение «Назидание».

Сравнительное лингвистическое изучение суфийских произведений первой половины XIX в. показывает, что язык поэзии неоднороден. Одни чрезвычайно богаты традиционными языковыми средствами, другие больше включают языковые элементы народного происхождения.

Первая половина XIX в. характеризуется активным проникновением в башкирский край русской национальной культуры, которой принадлежит ведущая роль в развитии прогрессивной общественной мысли и просветительства среди башкир. Большой вклад в зарождение башкирского просветительства внесли преподаватели Неплюевского военного училища М. Иванов, М.Бикчурин и С.Кукляшев. Так, Иванов одним из первых поставил вопрос о необходимости создания литературного языка, понятного широким народным массам. Книжному языку тюрки он противопоставил письменные образцы народно-разговорного языка и устного народного творчества. Основная заслуга Бикчурина в истории башкирского литературного языка состоит в попытке создания современного башкирского национального литературного языка, на примере изданного им текста «Сказка о храбром царе». Кукляшеву принадлежит раскрытие письменно-литературного языка тюрки Урало-Поволжья первой половины XIX в. как стилистической системы, состоящей из трех разновидностей языка: простого, делового и научного.

Таким образом, тенденция сближения литературного языка с живой разговорной речью и языком фольклора в первой половине XIX в. тесно связана с возникновением просветительского движения в Башкортостане. В этот период впервые публикуются образцы башкирского фольклора и народно-разговорного языка, которые послужили благоприятной почвой для дальнейшей демократизации литературного языка тюрки Урало-Поволжья.

Во второй половине XIX в. на развитие башкирского литературного языка сильнейшее влияние оказывала просветительская литература, которая лингвистически заметно отличалась от других памятников. Увеличивались собственно башкирские языковые элементы; формируются новые стили как в поэзии и художественной прозе, так и в публицистике и научной литературе. Своей народностью и приближенностью к разговорной речи, языку фольклора особенно отличались произведения башкирских просветителей — М.Акмуллы и М.Уметбаева.

Акмулла писал свои стихи на тюрки, однако его язык уже значительно отличался от языка суфийских поэтов, структурно меняясь в зависимости от жанра. В творчестве Акмуллы заметное место занимали мадхия (ода), марсия (элегия), насихат (назидание), шикаят (жалоба, стенание), хитап (поэтическое обращение к народу), мактуб (стихотворное письмо), газель, улэн (народный стих), кубаир (эпос), айтеш (словесное состязание) и загадка. Обилие разрабатываемых жанров вело к расширению словаря и грамматических норм. В стихотворениях поэта впервые наглядно и ярко начинают выступать элементы живой разговорной речи; наряду со старыми нормами словесности, не нарушая нормативности письменно-литературного языка, вводятся новые правила художественной речи [*Шакур*, 1981. С. 62-68].

Акмулла органично сочетал в своих экспромтах народный стих с выразительными средствами книжной поэзии. Тем самым он дал толчок плодот-

ворному взаимодействию в башкирской словесности нормативного книжного стиля со свободными установками устно-поэтического творчества народа на всем пространстве художественной речи. А показательные образцы такого сплава дал он сам. Например, знаменитое стихотворение Акмуллы «Башкиры мои, ученье нужно!» и по форме, и по содержанию напоминает кубаир, где почти каждая строка состоит из народного изречения (әйтем). Другое популярное стихотворение поэта «Назревшее слово» вовсе напоминает ожерелье, составленное из народных пословиц и афоризмов.

В поэзии Акмуллы особое место занимает сатирический стиль. Поэт использовал различные народные эпитеты, сравнения, метафоры и иные выражения саркастического характера: «Подойдешь ближе, он [мулла], как горн кузнечный, / Облить тебя грязью может, очистить — нет. / Коснешься невзначай — будто бочка с дегтем, / Лишь очернить он может, обелить - нет». Эпистолярное творчество Акмуллы (стихотворные письма — мактубы), хотя и было адресовано отдельным людям, обращено к широким массам и передавалось из поколения в поколение *[Ахмадиев*, 1984. С. 60—67].

Таким образом, Акмулла своей прекрасной и честной поэзией показал, что книжный литературный язык может быть по-народному богатым и выразительным. Язык поэта вобрал в себя все достижения предшествующей письменно-литературной традиции и объединил их с выразительными средствами разговорной речи в одно неразрывное целое.

Такой же синтез живой народной речи с письменными традициями языка тюрки в публицистике, научной и переводческой литературе осуществил Уметбаев. Разностороннее творчество писателя испытало сильное влияние русской и западноевропейской культуры. Но решающее влияние на его поэтическое творчество оказала классическая поэзия Востока. Уметбаев часто использовал традиции древней тюркоязычной поэзии, арабизмы, фарсизмы, османо-турецкие заимствования. В то же время он умело применяет образы и сравнения бытовой речи. Особенно много слов и выражений из башкирского разговорного языка и фольклора Уметбаев включает в произведения историко-этнографического характера, как, например, стихотворение «Как в старину провожали башкирских девушек» (1897).

Уметбаев, свободно говоривший по-русски, внес большой вклад в обогащение башкирского языка заимствованиями из русского и европейских языков. Только в стихотворении «Жизнь прошла — осталась память» (1897) поэт использовал более 20 слов: старшина, кантон, начальник, пасон (фасон), солдат, телеграф, пароход, холера, тиф, санитар, мастер, микроб и др. В творчестве Уметбаева представлены уже закрепившиеся к концу XIX в. в бытовой речи башкир русские заимствования, ставшие собственными выражениями и грамматическими конструкциями. На понятном и доступном для башкир языке создавал Уметбаев путевые заметки. Его многочисленные переводы отражали влияние башкирского фольклора: так, стихотворения А. С. Пушкина он переводил в духе башкирских кубаиров и протяжных песен. Уметбаевым заложены основы башкирской научной терминологии, сформированы стили изложения такого материала. Его историко-этнографические записи коренным образом отличались от традиционной для башкирской и татарской литературы генеалогической и хронологической формы. В своей беллетристике Уметбаев использовал уникальные формы народных диалога (әйтеш) и монолога (әйтем), включал в текст образцы национального фольклора - сказания, легенды, пословицы и поговорки, тем самым заложил основы башкирской прозы.

Большой вклад Уметбаев внес в тюркское языкознание. Он написал «Краткую татарскую грамматику» (Казань, 1901), которая сыграла конструктивную роль в обстановке острых споров о литературном языке. Ряд авторов (А.Максютов, М.Бигиев, И.Гаспринский) требовали принять турецкий язык в качестве литературного для всех тюркских народов России; религиозные деятели выступали за арабский; выдвигались также идеи общетюркского языка и, конечно, татарского. Уметбаев выступил с собственной концепцией, отстаивал идею насыщения письменного литературного языка общенародным разговорным (в Башкортостане — башкирским), стремился придать своим произведениям «башкирское звучание».

Уметбаев и Акмулла создали литературно-художественные предпосылки для окончательного выделения башкирского письменного языка из общетюркской словесности. Их творчество оказалось чрезвычайно актуальным, общественно востребованным. На рубеже XIX-XX вв. на Южном Урале в крестьянской среде образуется значительный слой сельских предпринимателей; в городах складывается прослойка башкирской гуманитарной интеллигенции; на местах формируется национальный административный аппарат (особенно массовый на уровне волости). В башкирском обществе растет удельный вес грамотного населения, в том числе людей, получивших образование в русскоязычных учебных заведениях. Образованные, достигшие сравнительно высокого уровня жизни слои башкирского общества — представители так называемого «среднего класса», начинают сознавать свою индивидуальность в тюркском мире, преследовать свои национальные интересы в экономике, политике и культуре. Именно в этот период предпринимаются попытки использования русского алфавита

вместо арабского. В 1892 г. в Оренбурге выходит первый букварь башкирского языка на кириллице (переиздан в 1898 и 1908 г.), созданный В.В.Катаринским с помощью учителя Серменевской русско-башкирской школы М.-Г.Куватова. Также на основе кириллицы Катаринский в 1893 г. издает «Краткий русско-башкирский словарь». Букварь Катаринского был первым опытом создания современной башкирской письменности. Русский алфавит с небольшими изменениями букв имел ряд преимуществ перед арабским. Он позволял отразить на письме специфические фонетические особенности народно-разговорного языка. В 1907 г. в Казани был напечатан второй «Букварь для башкир», автором которого является А. Г.Бессонов. Он предлагал башкирский алфавит из 41 буквы русской графики. Материалом служил разговорный язык северо-восточных и юго-восточных башкир.

В начале XX в. в языке башкирских шежере, деловых документов, частной переписки, мунажатов и байтов арабизированный тюрки суфийских писателей постепенно вытеснялся формировавшимся татарским литературным языком, более близким к башкирскому и легко воспринимавшимся башкирской интеллигенцией. Язык татарской периодической печати и литературы сочетал традиции письменного языка с богатством народной речи. Происходит интенсивное обновление тюркотатарского языка на всех уровнях — лексическом, фонетическом, грамматическом, а стиль литературных произведений все более приобретал народный характер. Тот же путь должен был пройти и башкирский язык.

Башкирский язык существовал главным образом в форме народно-разговорного языка как средство общения в семье, деревне, волости при обсуждении частных хозяйственных и социальных вопросов. Он включал в себя множество говоров и три основных диалекта: восточный (горный, куваканский), на котором говорили на востоке, юго-востоке и северо-востоке Башкортостана, на территории современных Челябинской и Курганской областей [*Максютова*, 1976; 1996]; южный (луговой, степной, юрматинский) — язык южных и центральных башкир *[Миржанова*, 1979. С. 6]; северо-западный, на котором говорило население северо-западного и западного Башкортостана, находившееся в состоянии постоянного интенсивного взаимодействия с татарским и другими народами *[Миржанова*, 1990]. Уже в конце XIX - начале XX в. восточные и южные говоры начинают использоваться в переводной религиозной литературе и учебниках, в том числе «Башкирско-русском словаре» Катаринского *[Юлдашев*, 1959. С. 100, 114]. Народная словесность в наибольшей степени проявлялась в языке башкирского поэтического фольклора. Однако из-за разговорной формы бытования она не могла выполнять функцию литературного языка, а выступала лишь в качестве одного из его источников. Тем не менее в литературе постепенно уменьшается использование арабо-персидской лексики, связанной преимущественно с общественно-политической сферой языка.

Постепенный переход от традиционных языковых средств к современным происходит и в грамматическом строе. Расширяют функционально-семантические границы такие части речи, как прилагательные, наречия, служебные слова и др., употребляемые в башкирском языке. Идет совершенствование в синтаксическом строе: устраняются архаичные и стабилизируются жизнеспособные конструкции. Процессы, развернувшиеся в башкирском национальном языке, собственно языке произведений башкирских поэтов и писателей второй половины XIX — начала XX в., были началом функционирования современного башкирского национального литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Развитие башкирской литературы во второй половине XIX в. неразрывно связано с социально-экономическими процессами, вызванными к жизни Великими реформами в России. Литература той поры отличалась сложностью содержания и многообразием форм, обилием творческих направлений и течений. Заметное влияние на литературу оказывали вековые традиции фольклора. Особенно широкое распространение получали байты, близкие по стилистике к произведениям письменной литературы. В байтах о земле ощутимо влияние социально-экономической жизни; солдатские байты нередко выливаются в протест против неравенства и суровых порядков в армии, в осуждение бессмысленной муштры; в байтах о войне господствуют дух патриотизма и мысли о неразрывности судеб башкирского и русского народов. Отдельную группу составляют байты религиозно-дидактического характера.

Неотъемлемой частью башкирской литературы этого времени являются произведения устной поэзии. Традиции сэсэнов XV—XVIII вв. продолжил Буранбай-Яркей (1781—1868). Многие эпические памятники, кубаиры и созданные в период кантонного правления исторические песни башкирского народа дошли до наших дней именно благодаря его творчеству. Народная память связывает с его именем рождение таких классических образцов исторических песен, как «Ялан Яркей», «Буранбай», «Сыр», «Сырдарья», «Тафтиляу», «Салимакай», «Иркутск», «Шахибарак» и др. С большим уважением и трепетным вниманием относился к эпическим традициям и сэсэн Ишмухамет, собравший множество рукописных документов и художествен-

ных произведений. Все это бесценное наследие он передал Габиту-сэсэну (1856-1921), знаменитому кураисту и певцу своего времени, которого выдающийся фольклорист М.Бурангулов называл «вместилищем всего башкирского фольклора». Он записал от сэсэна Габита крупные эпические произведения «Урал-батыр», «Акбузат», «Идель и Яик», «Кусяк-бий», «Салават», «Карасакал», «Тамъян», а также большое количество песен, кубаиров и легенд.

В XIX в., особенно во второй его половине, наблюдается процесс слияния устной литературы с письменной, что приводит к рождению обновленной художественной словесности, богатой по содержанию и оригинальной по формам. Огромную роль в этом процессе сыграли Габит-сэсэн и Мухамметша Бурангулов, а также М.Уметбаев и знаменитый поэт-сэсэн М. Акмулла.

Вторая половина XIX в. - период рождения и становления просветительского реализма, В 60—80-е гг. XIX в. старая традиционная поэзия еще сохраняет свои позиции. В ней еще устойчивы религиозная суфийская идея, средневековая абстрактность, традиционные жанровые системы, традиционная поэтика. Об этом говорят сочиненные или переписанные в Башкортостане поэтические книги, стихотворения, мунаджаты, оды и элегии. Основной репертуар тетрадей шакирдов состоит из традиционных поэтических образцов, и в печатных книгах преобладает это направление. Типично средневековое направление консервативного характера ярко представлено в поэзии юмранского имама Нугмана. Собрав все свои стихи, в 1909 г. в Уфе он опубликовал сборник «Стихотворные послания». Смысл жизни человека в этом бренном мире автор видит в исправном исполнении закона шариата и в поклонении Богу, к этому он призывает всех верующих. Одно особенное разветвление поэзии прошлых веков наблюдается в сочинениях Хуснияра из д. Старый Кускильди Бирского уезда. В его мунажатах, стихотворениях и назиданиях суфийские мотивы звучат сильнее. У Хуснияра привлекает внимание стихотворное описание его путешествий. Оно начинается с солдатской службы в Средней Азии и знакомит с жизнью казахского, узбекского и киргизского народов. Будучи мусульманином, Хуснияр оценивает все окружающее в связи с миром ислама или неверных. В целом в стихах Хуснияра, несмотря на присутствие суфийских настроений, преобладают земные мотивы и реалистические картины. В этот период встречаются и самобытные поэты, названные в народе «дивана», т. е. не от мира сего. Один из них — Муллагул-дивана (умер в 1905 г.). Этот башкир из племени сэнкем-кыпчак учился в г. Туркестане и воспитывался в духе суфийской поэзии. Он знал наизусть стихи Ахмеда Яссави, Сулеймана Бакыргани, Фаридадцина Аттара и других суфиев. Следуя арабским, персидским и тюркским классикам, он и сам сочинял стихотворения, дастаны и афоризмы. Муллагул-дивана критиковал невежественных мулл, сочинял о них острые эпиграммы и хорошо играл на курае. Сохранились произведения поэта Абульхайра из Стерлитамака. Его книга «На память друзьям» (1882) привлекает внимание описанием событий в башкирском обществе XIX в., с показом некоторых известных личностей и простых жителей Стерлитамака. Автор строго порицает отрицательные явления своего времени и жестоких чиновников, сравнивает богачей с ядовитыми змеями.

Своей значительной ролью в истории тюркской поэзии Урало-Поволжья выделяется башкир ирэктинского рода Гали Сокорой. Его поэзия, отражающая разные идейно-эстетические тенденции XIX в. в условиях Башкортостана, своим тематическим разнообразием и жанровым богатством является весьма сложным творческим явлением. С одной стороны, он продолжает суфийское течение и традиционное направление поэзии Г.Усмана, А.Каргалы, Ш.Заки. В некоторых своих стихотворениях, элегиях и мунажатах он оперировал религиозно-мистическими мотивами и обращаясь к произведениям Бакыргани, написал «Добавление сходного» и стихотворный комментарий «Введение для Фаиза» к книге Аллаяра Суфи «Укрепление слабых». С другой стороны, Сокорой был писателем своего времени, начавшим в большей степени следовать реалистическим принципам и в какой-то мере предчувствовавшим новое направление в литературе. В его одах и элегиях отражаются и просветительские взгляды. Сказать точнее, Сокорой был одним из тех литераторов, кто сделал серьезную попытку реалистически отразить состояние просвещения в Башкортостане, показать роль известных личностей своего времени, историю башкир, быт народа, его духовную жизнь в конкретной исторической и национальной обстановке.

Рождение и укрепление просветительского реализма, нового этапа в башкирской поэзии в первую очередь связано с именем М.Акмуллы, который являет собой пример поэта, изобразившего отчаянные, драматические и даже трагические стороны борьбы старого и нового, поворотные моменты перехода своей поэзии от средневековой традиционной литературы к новой литературе и начало смелого новаторства. В поэзии он основал реалистическое, народно-демократическое направление, мастерски соединил традиции письменности и устной литературы, внес много новшеств в поэтику. Творческая деятельность Акмуллы характерна тем, что большую часть своих произведений он произносил экспромтом и состязался в красноречии с сэсэнами и акынами. В этом смысле его поэзия обогащена импровизаторским духом, традицией сэсэнов-

поэтов. Его просветительское кредо — поэтическое обращение: «Если хочешь найти источник счастья и богатства, то надейся только на то, что знаешь, и на то, что умеешь», прозвучавшее в стихотворении «Мои башкиры, надобно учиться!», проходит путеводной нитью через все его творчество. Стоя на этой позиции, поэт восхваляет положительные поступки человека, хорошие его стороны, душевность, образованность, призывает людей к знанию, ремеслу, но беспощадно критикует невежественных, злобных людей, жестоких начальников, необразованных служителей культа.

Поэт, безусловно, был сыном своего времени. Какими бы ни были прогрессивными его просветительские взгляды, он не был свободен от некоторых слабостей и ограниченности представлений, характерных для развития башкирской общественной мысли второй половины XIX в. Способ достижения прогресса он видел лишь в просвещении и образовании. Поэтому его критика деспотизма, социальной несправедливости велась в основном с этой точки зрения. С одной стороны, он отвергал не только старую традиционную письменную литературу, особенно консервативное идейно-эстетическое направление суфийской поэзии, ее мистический пессимистический дух, но и многие застывшие поэтические правила. В то же время воспринял соответствующие его взглядам традиционные мотивы своего учителя Ш.Заки и Х. Салихова, поэтику, подходящую его поэзии, и пытался развить их по-новому. Это - традиционная, однако во многом прогрессивная сторона его творчества. С другой стороны, Акмулла — крупный поэт, который приблизил поэзию к жизни, придал невиданный ранее широкий размах и силу народному, демократическому направлению, идущему от сәсәнов и Салавата Юлаева и состоящему в переходе от абстракции к реальности, и тем самым участвовал в заложении основ новой литературы. Его величие состоит в том, что литературу он поднял на уровень высокого народного искусства слова, наполнил поэтическую сатиру острым социальным содержанием, удачно соединяя лучшие традиции устной и письменной поэзии.

Второй крупной фигурой башкирской просветительской литературы является М.Уметбаев. Во многих своих стихотворениях он оставался просветителем. Большинство из 44 стихотворений, вошедших в книгу «Ядкяр», содержит сведения из истории, этнографии и быте людей, они насыщены размышлениями о природе, родной земле и об истории и судьбе своего народа. В стихотворении «Юмранский край» автор восхищается красотой родного края, но произведение выходит за рамки традиционной пейзажной лирики. В него проникают тревожная экологическая проблема и социальные мотивы. В стихотворении же «Жалоба» этот мотив становится основным, в нем открыто звучит протест против разграбления башкирских земель. Такое же содержание имеет стихотворение «Прожитая жизнь, оставшаяся память». В стихотворениях «Рев осла», «Сердце мое не станет розовым бутоном», «Заинтересованность», «Байт», «Серьезность», «Каждый оставляет после себя память», «Назидание», «Отчего», «К другу», «Самокритика» можно увидеть свойственные поэзии Акмуллы остроумие, народную образность, традиции импровизаторства. Силою национального самосознания и вниманием к национально-исторической тематике Уметбаев внес много новшеств в башкирскую просветительскую литературу. В этом принципиальная новизна и ценность его творческой деятельности. Его переводы с русского языка, особенно произведений А. С. Пушкина, дословные переводы собственных стихотворений на русский язык еще больше расширили горизонты башкирской поэзии и эстетики.

В 60—80-е гг. XIX в. в башкирской прозе еще господствовал традиционализм. Средневековые мусульманские идеи, абстракционизм, дидактизм, синкретические повествовательные жанры, архаические черты языка и стиля — все эти факторы препятствовали упрочению новой литературы. В тот период еще пользуются большим спросом традиционные сюжеты рукописной литературы первой половины XIX столетия и даже XVII—XVIII вв. В 80—90-е гг. увидели свет переводы, пересказы и переложения образцов классической восточной литературы — книг «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна», «Книга попугая» и другие. Появились и новые произведения, созданные на основе уже известных сюжетов: более десятка кысса Ш.Мензелеви, дастан «Абугалисина» Я.Илсебая, сборник «Хикаят Нуретдина» и др. Таким образом, наметились некоторые новшества в освоении традиционных восточных жанров. Однако в формах этих жанров еще были сильны консервативные элементы, в них трудно ощутить национальный колорит и конкретную историческую основу. Произведением прозы этого типа стал сборник «Перевод Навадира» Хабибназара Утяки. Книгу поучительных и удивительных рассказов Ахмеда аль-Мисри Утяки перевел с арабского языка на язык своего народа для того, чтобы он извлек из нее пользу и назидание. Этот сборник воспринимается как завершение в башкирской литературе конца XIX в. старого традиционного течения, идущего от восточной классической прозы.

Характерной особенностью развития башкирской литературы второй половины XIX в. является начало становления реалистической прозы. Если прежде реалистические тенденции проявлялись лишь в виде отдельных элементов, то в этот период они складываются как творческий метод и откры-

вают новый этап эволюции литературы. Зарождение нового типа башкирской прозы напрямую связано с просветительским движением, просветительскими идеями. Поэтому ее обычно называют просветительской литературой, а ее творческий метод — просветительским реализмом. В просветительской литературе разрабатывается тематика семьи, родителей, женщины, школы, медресе, возникают новые системы образов, укрепляется конкретный реалистический фундамент творчества. Рост национальной тематики, воспроизведение живых реалистических образов, лирические, публицистические и драматические приемы описаний, активизация различных стилистических средств, демократизация литературного языка — таковы важнейшие художественно-эстетические черты новой башкирской прозы и просветительского реализма.

Типические черты просветительской литературы особенно ярко отразились в прозе Р. Фахретдинова. Свою творческую деятельность он вел в двух направлениях. С одной стороны, писал научно-педагогические трактаты, формулируя в них свои взгляды и принципы, с другой — стремился показать их через поступки и деяния персонажей и героев произведений. Основной смысл просветительских взглядов Фахретдинова сводится к тому, что человек - продукт окружающей среды, результат семейного и школьного воспитания, а поскольку опорой семейного воспитания является мать, то судьба личности, всего общества и нации находится в руках женщины. Писатель надеялся улучшить общество и обеспечить его прогресс не изменением социально-экономических и политических условий, а воспитанием личности и общества.

В своей повести «Салима, или Целомудрие» (1899) Фахретдинов попытался представить художественно-эстетическую программу поглощавших его просветительских идей. Устами героев произведения автор излагает свои взгляды на все аспекты общественной жизни. Другая повесть — «Асма, или Проступок и наказание» (1903) тоже иллюстрирует просветительские взгляды автора на судьбы людей, получивших различное воспитание. В данном произведении автор шагнул от простого описания чередующихся событий к художественному изображению, от полуабстрактных образов к воспроизведению конкретных жизненных явлений, индивидуализации речи героев и персонажей, к разнообразию языка и стиля повествования. Так, повесть «Асма, или Проступок и наказание» стала первым и самым значительным произведением башкирской прозы нового типа. Чуть позднее одним из успешных продолжателей творческой эстафеты стал Закир Хади. Его проницательный взгляд был направлен в глубины внутреннего мира деревенских жителей: богатеев и бедняков, темных мулл и современно мыслящих педагогов.

Рождение и становление башкирской драматургии как самостоятельного рода литературы относится к последней четверти XIX в., когда начинают появляться рукописные и изданные в виде книг анонимные одноактные пьесы. Таково, например, увидевшее свет в 1898 г. произведение неизвестного автора «Как свободная девушка потеряла свободу». В основе пьесы — история любви и приключений славного богатыря по имени Сиям и царевны Нэркэс. Как и в восточных дастанах и европейских авантюрных романах, сюжет пьесы носит приключенческий характер и выдержан в героико-романтическом духе. Манера повествования тяготеет к стилю дастанов, остросюжетных волшебных хикаятов и сказок. Вместе с тем это не дастан и не хикаят, а драматургическое произведение. События в нем, как и в пьесах, разбиты на действия и явления, герои часто произносят длинные монологи, а основные части состоят из диалогов. «Деревенская жизнь, или Литературный вечер» — так называется еще одна пьеса, которая, по всей вероятности, входила в репертуар самодеятельных актеров медресе. Жанр ее обозначен как комедия, и в 1911 г. она была издана в Уфе. В пьесе высмеивается чванливый, своенравный и невежественный богач. Диалоги в ней перемежаются внутренними монологами персонажей и песнями. Вместе с тем и в этой пьесе еще сильна повествовательная стихия, а действиям недостает динамичности. В последней четверти XIX — начале XX вв. в Уфе, Казани, Оренбурге и Стерлитамаке были изданы такие пьесы, как «Знакомство, или Горе от указа» (1906), «Поиски жениха, или Горе от объявления» (1907), «Шакирд и молодежь» (1908), «Повелел голод» (1908) и др. По ним можно судить о постепенном обособлении драматургии как самостоятельного рода литературы, о ее жанровых особенностях и эволюции.

Прежде чем стать основой театра, башкирская и татарская драматургия прошла своеобразную подготовительную стадию, когда пьесы были рассчитаны лишь на чтение. Эту функцию они сохраняют и позже. В начале XX в. в уфимских и оренбургских медресе входят в моду литературные и музыкальные вечера, на которых иногда ставились одно- и двухактные пьесы. Большой интерес у молодежи вызывали гастроли русских театров в Уфе и Оренбурге, по образцам этих постановок ставились и национальные пьесы.

Талантливый режиссер и артист, выходец из Башкортостана Ильяс Кудашев-Ашкадарский поставил в 1905 г. в Оренбурге спектакль по пьесе «Невежество и ученость». Местные богачи и религиозные деятели помешали его выходу на сцену, и только 16 апреля 1906 г. этот спектакль был по-

казан зрителям в Уфе. Он и стал первым образцом национального официально признанного сценического зрелища. «Невежество и ученость» — вольный перевод драмы А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье». Организованный в 1907 г. Кудашевым-Ашкадарским на базе национальных трупп Уфы и Оренбурга театр «Саяр» открывал первые страницы истории башкирского национального театра. Основу его репертуара составляли произведения русских и татарских авторов. Если драмы Г. Ильяси, Ф.Халиди, Г. Камала сыграли огромную роль в рождении и развитии татарской драматургии, то пьесы Р. Фахретдинова можно считать первыми ласточками собственно башкирской драматургии. Как известно, Фахретдинов вел записи о событиях общественной жизни конца XIX — начала XX в., причем часто в виде диалога и спора. «Персонажами» этих записей выступали известные среди башкир и татар богачи, учителя, религиозные деятели. Участником беседы оказывался нередко и сам автор. В диалоге «Я и Гусман» (июль 1899 г.) Ризаитдин спрашивает преподавателя Уфимской татарской учительской школы Гусмана: «Где мне учить своих детей, в медресе или в школе?» Гусман советует ему дать детям начальное образование в медресе, а потом перевести их в русскую школу. Далее в таких же диалогах, состоявшихся в Уфе, — «Хасан и Хусаин», «Сагит, Сулейман, Салим», «Закир и Шакир», «Мулла Бикбулат и Гусман», «Вильдан и я» — обсуждаются преимущества и недостатки светского и религиозного образования. География таких встреч и бесед (автор определил их жанр как «меджлис») простирается до Оренбурга, Каргалов и Казани, и в спор вступают богачи Хусайновы, Рамиевы, а также богослов Зайнулла Расулев, казанские купцы. Споры касаются тех же вопросов образования и просвещения, религии, светских наук. Иногда дискуссия касается и острых социальных проблем. По форме эти меджлисы представляют собой небольшие по объему драматические картины, своего рода наброски фрагментов будущих пьес. Они уже выделились из прозы, но еще не успели оформиться как большие и цельные драматические произведения и находились в стадии становления.

Можно констатировать, что в последней четверти XIX в. начинается формирование башкирской драматургии, обозначаются ее жанровые формы и структурные особенности. Монологи и диалоги, зрелищные средства и круг действующих лиц — все это получает законченный вид. Вместе с тем она еще сохраняет некоторые черты повествовательной литературы, что говорит о том, что пьесы были рассчитаны не только на сценическое воплощение, но и на чтение. Жанровый синкретизм мешает утверждению театральности. Решение этих проблем связано уже с рождением башкирского национального театра в начале XX в.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Привлечение башкир в государственную школу особенно возросло во второй половине XIX в., когда была создана единая и довольно стройная система отечественного народного образования. Уже сразу после отмены кантонной системы управления в башкирских деревнях по просьбе самих жителей были открыты шесть новых школ. После принятия в 1870 г. правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» учреждение русско-башкирских школ приобрело уже планомерный характер. Сначала башкиры отнеслись к правительственным школам с большим недоверием, так как весь курс обучения в них определялся имперской политикой царизма. «Конечною целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, — указывалось в Правилах 1870 г., - бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» *[Журнал...* 1870. С. 53]. В русско-башкирских школах учили русскому языку, арифметике, чистописанию и вероучению. По предложению известного востоковеда и миссионера профессора Казанского университета и духовной академии Н.И.Ильминского (1822—1891) все преподавание велось в них на русском языке (родной язык учащихся при этом не применялся) и по учебникам, специально изданным русским шрифтом, «дабы совершенно отторгнуть татар, киргиз (казахов. — *М.Ф.*) и башкир от мусульманской письменности» *[НА РТ.* Ф. 92. Оп. 1. *Д.* 9940. *Л.* 93]. Русско-башкирские школы были поставлены под полный контроль правительства. В 1874—1875 гг. были образованы Уфимская и Оренбургская дирекции народных училищ и самостоятельный Оренбургский учебный округ, куда вошли Уфимская, Оренбургская и Пермская губернии, а также Уральская и Тургайская области. Одной из главных задач новообразованной школьной администрации в крае выдвигалось усиление «христианизаторско-цивилизаторской» роли империи среди местных народов путем увеличения «прочно организованных» русско-«инородческих» школ *[РГИА.* Ф. 1149. Оп. 8. 1874 г. *Д.* 30. *Л.* 1—4, 48-49; *Циркуляр...* 1875. С. 9—13].

В те же годы для устройства образования коренных жителей «в том же духе и направлении, которое требуется государственным интересам», все русско-башкирские школы вместе с мектебами и медресе были переданы в ведение Министерства народного просвещения *[РГИА.* Ф. 733. Оп. 204. *Д.* 1436. *Л.* 8; Ф. 1149. 1874 г. *Д.* 30. *Л.* 4, 7, 37]. Для контроля над ними в Оренбургском учебном округе вводилась особая должность инспектора башкирских татарских и казахских школ. Ее занял В.В. Катаринский, оставивший заметный след в истории местного просвещения.

Рост культурных потребностей башкирского народа, деятельность прогрессивных русских работников народного образования и педагогов (Катаринский, А. Г. Бессонов - автор «Букваря для башкир», изданного в 1898 г. на кириллице и др.) нейтрализовали многие русификаторские начинания властей. Само население все осознаннее стало брать на себя часть расходов по содержанию русско-башкирских школ. Поэтому в 80—90-е гг. сеть этих учебных заведений расширялась значительно быстрее, чем раньше. В 1894 г. в крае было уже 42 русско-башкирские школы, а в 1900 г. — 93 (в т. ч. 15 русских классов при медресе) *[РГИА*. Ф. 733. Оп. 203. *Д*. 1455. *Л*. 95; *Фархшатов*, 1994. С. 110, 111].

Русско-национальные школы, ежегодно обучая сотни детей башкир, превратились в существенную культурно-просветительскую силу. Цели столичных и местных чиновников превратить их в орудие русификации и христианизации не всегда достигались. Учащиеся русско-башкирских школ, овладевая русской грамотой, получали ключи к передовым достижениям русской, а через нее и мировой культуры. Это расширяло их кругозор, пробуждало у них национальные чувства, стремление служить своему народу. Однако в целом русско-башкирских школ было немного. В конце XIX в. в них обучалось лишь 3—4 % башкирских детей младшего школьного возраста (8—11 лет). Тем более малодоступной для башкир оставалась правительственная повышенная школа. Открытость гимназического образования осталась лишь декларацией. Обучение в средних учебных заведениях Уфимской и Оренбургской губерний велось, как и прежде, исключительно на русском языке, что фактически закрывало их двери для местного населения. Лишь изредка в среднюю школу попадали дети состоятельных башкир, для которых в Уфимской мужской гимназии было введено даже преподавание «татарского языка» (1853 г.) и «магометанского вероучения» (1869 г.). В конце 1870-х гг. в трех мужских гимназиях края обучалось не многим более 40 башкир и татар (менее 5 % всех учащихся) *[РГИА*. Ф. 733. Оп. 203. *Д*. 1227. *Л*. 23].

В правительственную профессиональную школу башкиры не попадали также по указанной причине. Существующие башкирские вакансии в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе в пореформенный период были отменены. Некоторые местные профессиональные учебные заведения носили открыто антиисламский характер. Так, в Оренбургской духовной семинарии, основанной в 1884 г., началось изучение «истории и обличения магометанства с целью подготовки православных священнослужителей к «сознательной борьбе» с другими конфессиями. В Уфимской духовной семинарии в миссионерских целях еще с 1830 г. велось обучение наряду с татарским и чувашским и башкирскому языку.

На таком фоне исключением выглядело открытие в 1872 г. в Уфе специальной башкирско-татарской учительской школы. Она должна была готовить педагогические кадры, способные внести в среду своих народов «государственные начала», прежде всего русский язык и православие. В учительской школе был установлен четырехлетний срок обучения. Специальную и практическую подготовку она давала примерно на уровне учительских семинарий и институтов для «коренного народа» империи, то есть для русских. Преподавание же общеобразовательных дисциплин было поставлено хуже. В цели царизма не входила подготовка высокообразованных учителей из местных народов. Учебное начальство прямо предписывало инспекторам учительских школ избегать углубленного изучения истории, географии, математики и других предметов *[Циркуляр...* 1902. С. 34.]. Обучение велось исключительно на русском языке. Родной язык учащихся не изучался и не применялся при преподавании других предметов.

Тем не менее создание первого светского педагогического учебного заведения было значительным событием в культурной жизни башкир. Из его стен начали выходить подлинные педагоги, вооруженные передовыми педагогическими идеями. Это встревожило властей. Поэтому в 1889 г. под предлогом «невыполнения» возложенной на нее задачи «способствоватьраспространению между татарами-мусульманами образования в русском духе и сближать их с русской народностью» учительская школа была закрыта *[Сборник...* 1894. С. 801—802]. Правительство не хотело мириться с тем, что она вопреки их воле стала кузницей подготовки из башкир и татар национальной интеллигенции. Все же Уфимскую учительскую школу успели окончить 88 человек *[Фархшатов*, 1994. С. 133, 135].

И в пореформенный период основная масса башкир продолжала обучаться в мусульманских школах. Буржуазные реформы 60-х гг. не коснулись напрямую этих учебных заведений. Они как частные вероисповеднические школы, как и прежде, развивались на старой, феодально-схоластической основе. По-прежнему социально-культурная функция их сводилась к религиозному воспитанию подрастающего поколения и подготовке духовных кадров. Экономический аспект образования в примечетских школах почти полностью отсутствовал, так как в глазах башкир-мусульман главным достоинством грамоты оставалась возможность приобщения к священному Корану. Словом, мектебы и медресе функционировали почти в полном отрыве от изменившихся условиий жизни.

Консервации средневековых порядков в мусульманских школах способствовала также велико-

державная политика царского правительства, направленная на вытравливание из школ всего национального. С 1870 г. власти начали насильственно вводить в мектебах и медресе преподавание русского языка, что объективно было явлением прогрессивным. Для этого при них учреждались русские классы с особым учителем. Открытие новых мектебов и медресе без русских классов запрещалось. Кроме того, лицам, желающим занять духовные или общественные должности, вводился экзамен по русскому языку. Все это вызывало у башкир обоснованное недовольство, которое умело подогревалось консервативно настроенной частью мусульманского духовенства. Муллы-ретрограды, играя на религиозных чувствах населения, восстанавливали его против всего русского, а также против светского образования вообще. Тем не менее русские классы открывались, особенно там, где жители были прочно втянуты в товарно-денежные отношения. К концу 70-х гг. преподавание русского языка осуществлялось при 20 медресе края. Конечно, этого было явно недостаточно, чтобы изменить общее направление традиционных мусульманских школ, которых к тому времени насчитывалось свыше 800 [*Фархшатов*, 1994. С. 58].

Тем не менее Башкортостан и в пореформенное время продолжал оставаться значительным центром мусульманского просвещения. В Уфимской губернии самым знаменитым медресе попрежнему было Стерлибашевское. Его мударрисы Харис и Харрас Биктимеровы (Тукаевы), а затем сын Хариса мударрис Хабибулла Тукаев (1856—1897) поддерживали высокий по тем временам стандарт образования. В 1869 г. Харис Биктимеров ввел в учебный курс преподавание русского языка, так как считал, что «знание русского языка, являющегося государственным, для мусульман России обязательно» *[Фәхретдин*, 1909. Б. 506]. Для шакирдов (учащихся), изучающих русский язык, им же выписывалась столичная газета «Голос». Стерлибашевские мударрисы были знакомы с новаторскими трудами мыслителей Абдуннасыра Курсави и Шигабутдина Марджани и разделяли некоторые их просветительские устремления. Они, как выпускники среднеазиатских медресе, были в курсе интеллектуальной жизни многих исламских стран. Известно, что Хабибулла Тукаев уже критически относился к традиционной системе образования на мусульманском Востоке *[НА УНЦ РАН.* Ф. 7. Оп. 1. *Д*. 12 (старый акт). *Л*. 196]. В 70-80-е гг. в Стерлибаше преподавал один из представителей знаменитой татарской династии учителей Бубиев из Вятской губернии — Габидулла Буби (1833—1883) *[НА УНЦ РАН.* Ф. 7. Оп. 1. *Д*. 12 (старый акт). *Л*. 94].

Исключительная популярность притягивала в Стерлибашевское медресе молодежь со всего Российского Востока. По некоторым сведениям, среди обучающихся там шакирдов иногда встречались даже жители самой Бухары — признанного центра высшего богословского образования мусульман *[Рыбаков*, 1876]. В 60—80-е гг. число шакирдов было стабильным — около 600 человек. Роль Стерлибашевского медресе в культурной жизни края была весьма заметной. После посещения в начале XX в. этого учебного заведения академик В.В.Бартольд назвал его «одним из живых центров мусульманской науки в России» *[СПб ФА РАН.* Ф. 68. Оп. 1. *Д*. 379. *Л*. 1]. По мнению Ильминского, пореформенное Стерлибашевское медресе, «как сильный подземный корень», давало «опору и силу различным магометанским движениям» во всем Российском Востоке *[Письма...* 1895. С. 142].

В пореформенное время возвысилось Стерлитамакское медресе. Его подъем был связан с именами высокообразованных мударрисов Камалетдина Ногаева (1808—1890) и Хайруллы Хабирова (1819—1905), которые также прислушивались к запросам времени. Хабиров обладал богатой библиотекой, сам занимался переписыванием книг и переводами, хорошо знал историю, в учебной деятельности не замыкался только в богословии. Еще в 1869 г. в его медресе начали обучать и русскому языку. За 70-80-е годы в Стерлитамаке число шакирдов выросло с 200 до 600 *[РГИА.* Ф. 733. Оп. 170. *Д*. 263. *Л*. 629; Ф. 821. Оп. 8. *Д*. 816. *Л*. 24 об.].

В 1864 г. мударрис Мирсаяф Камалетдинов (1830-1904) открыл медресе в д. Киишки Уфимского уезда *[Мирхәйдәр*, 1911. Б. 23]. Благодаря обширным познаниям основателя в области мусульманского богословия и права, а также врачевания оно быстро приобрело известность. В 1867 г. в нем обучалось уже около 200 юношей *[ЦИА РБ.* Ф. И-11. Оп. 1. *Д*. 959. *Л*. 34.]. Впоследствии число учащихся возросло до 500—550 *[Мирхәйдәр*, 1911. Б. 23]. Школа размещалась в пяти деревянных зданиях. К концу XIX в. Киишкинское медресе превратилось в заметный образовательный центр края. В 60-80-е гг. в Уфимской губернии успешно работали и другие повышенные медресе: в Уфимском уезде — в дц. Арслан (в 1879 г. около 150 шакирдов), Биштяка (115), Красный Яр (100), Чишмы (60) и др.; в Белебеевском уезде - в дд. Каран (100), Сарсаз (150), Слаково (110) и др.; в Бирском уезде — в дд. Бурай (435), Богдан (200), Тазлар (450) и др.; в Златоустовском уезде - в дд. Верхние Киги (в 1891 г. 50 учащихся), Нижние Киги (в 1879 г. 80 учащихся), Утяш (50) и др.; в Мензелинском уезде — в дд. Бикляш (в 1870 г. 270 учащихся), Большой Чекмак (300), Илыпат-Муллино (в 1879 г. 205 учащихся), Сарман (240) и др.; в Стерлитамакском уезде — в дд. Адзитарово (в 1875 г. 150 учащихся), Бузовьязы (в 1879 г. 100 учащихся), Куганакбаш (100), Утяк (50) и др. *[Фархшатов*, 1994. С. 60].

В пореформенной Оренбургской губернии, бесспорно, ведущими были медресе в Сеитовом посаде (Каргалы). Их было девять, в них в 1869 г. обучалось 496 башкир, татар и казахов *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 3. *Д.* 806]. К концу века число шакирдов возросло до 700 *[ГАОО.* Ф. 11. Оп. 2. *Д.* 3366. *Л.* 7]. Наиболее образованным и авторитетным карагалинским мударрисом того времени был Хайрулла Габдрахманов (1866—1915). Посетив в 1904 г. Сеитов посад, высокопоставленный царский чиновник А. С. Будилович назвал местные медресе одним из «главных сосредоточий татарской учености <...> в России» *[Отчет...* 1905. С. 120]. В пореформенное время в Оренбургском уезде устойчиво работали также и другие медресе: в г. Оренбурге и в дд. Биккул (в 1868 г. 96 учащихся), Сарманай (97), Мусино (в 1872 г. 160 учащихся) и др.; а в Верхнеуральском уезде - в г. Верхнеуральске (в 1869 г. 150 учащихся), в д. Ахун (в 1900 г. 90 учащихся) и др.; в Орском уезде — в г. Орске (в 1872 г. 49 учащихся), в дд. Идрис (в 1868 г. 60 учащихся), Султантемир (72) и др.; в Троицком уезде - в г. Троицке (в 1869 г. 85 учащихся); в Челябинском уезде — в дд. Альмен (в 1868 г. 90 учащихся), Новобухарово (65), Саакуль (52), Медиакидр. *[Фархшатов*, 1994. С. 61].

В конце XIX в. открылась новая страница в истории мектебов и медресе края. Под влиянием развития рыночных отношений и формирования башкирской нации они стали преобразовываться на новых началах. Менялись их цель, внутренняя организация, методы и содержание образования и приемы воспитания в них. Преобразование традиционных религиозных школ вызвало широкий общественный резонанс и положило среди башкир начало целому общественно-политическому движению за европеизацию идеологии, культуры, быта и нравов. Основными идеологами и участниками реформы мектебов и медресе были простые башкирские учителя, писатели, общественные деятели и прогрессивные представители мусульманского духовенства. Их объединяла непримиримая борьба против искаженных толкований фанатиками священных книг ислама, горячая вера в просвещение и силу знания, осуждение национальной ограниченности и религиозной отчужденности, пропаганда широких культурных контактов с другими народами без различия веры и национальной принадлежности, более тесной интеграции в общественно-политическое и культурное пространство страны.

Но по своим идейно-теоретическим позициям реформаторы не представляли единого целого. Демократическое крыло участников обновленческого движения, представленное в Башкортостане именами Акмуллы, Уметбаева и др., видело в новых школах прежде всего средство подлинного просвещения народа, национального возрождения и социального освобождения народа. Просветители либерального толка Р.Фахретдинов, Х.Усманов, З.Расулев выступали за школу, построенную на основе «обновленного ислама» и способную «объединить нацию».

Реформа мусульманских школ начиналась с замены буквослагательного метода обучения грамоте звуковым, известным в народе под названием «усул-и джадид», то есть новый метод. Отсюда все движение за школьную реформу получило название джадидизма, а реформированные мектебы и медресе стали известны как джадидистские (новометодные). Но более существенным новшеством было введение в учебный курс традиционных башкирских школ преподавания светских дисциплин: математики, физики, географии, гражданской истории, родного и русского языков. В джадидистских школах вводилась также классно-урочная система обучения, годовые и выпускные экзамены, появились наглядные пособия, парты, классные доски, стали соблюдаться санитарно-гигиенические условия. На место учителя-муллы или хальфы (помощник учителя муллы по школе) пришел профессиональный учитель — мугаллим, который впервые стал уважительно относиться к личности ученика, ввел гуманные способы поддержания дисциплины, поощрял сознательное усвоение материала и любознательность, создавая тем самым совершенно новый нравственный климат в мектебе или медресе. Поэтому выпускники реформированных школ были умственно развитее, обладали устойчивым интересом к печатному слову и способностью к самообразованию, имели более активную жизненную и гражданскую позицию. Последнее особенно тревожило властей и мулл старого закала.

Первые джадидистские школы возникли в городах. 1 января 1891 г. новометодное медресе открылось в Оренбурге. В честь своих покровителей Ахмеда, Махмуда и Гания Хусайновых оно называлось «Хусаиния». В тот же год на средства Хусайновых новометодный мектеб был организован в Сеитовом посаде. В 1893 г. звуковой метод обучения и преподавание светских дисциплин были введены в медресе «Расулия» г. Троицка, основанного шейхом Зайнуллой Расулевым в 1884 г. *[Зәйнулла...* 1908]. В начале 90-х гг. джадидистским стало и медресе «Усмания», существовавшее в Уфе с 1888 г. *[НА УНЦ РАН.* Ф. 14. Акт 15. *Л.* 1].

В джадидистских школах светские дисциплины значительно притеснили богословие, и такие медресе уже стояли на пути к превращению в светские учебные заведения. Самые передовые, реформированные медресе работали по программе полной или неполной средней общеобразовательной или специальной школы, но выдаваемые ими свидетельства официально не признавались. Тем

не менее они стали существенным фактором культурной жизни края и сыграли значительную роль в распространении научных знаний и вхождении башкир в сферу культуры Нового времени.

Из городских медресе новый метод распространился в сельские мектебы, но это произошло лишь в самом конце XIX в. Даже более консервативное сельское население не могло не заметить большую эффективность новометодной школы, которая давала твердые навыки чтения и письма за несколько месяцев, для чего раньше требовались годы. Однако для широкого внедрения прогрессивных методов обучения и воспитания в деревне не хватало учителей, учебников и учебных пособий. Здесь отсутствовали также богатые покровители просвещения, а жители были более привержены к учреждениям старины.

Но главным препятствием на пути реформы башкирского деревенского мектеба было сопротивление клерикальных сил. Муллы-консерваторы, баи, фанатичные завсегдатаи мечетей, опасаясь утраты своего влияния на массы, прежде всего на молодежь, всячески цеплялись за старую школу. Они распространяли слухи, что новометодисты — «безверники», что они действуют по указке миссионеров, и натравливали наиболее отсталые элементы деревни на новые школы. Были случаи настоящего разгрома джадидистских мектебов *[Габдулгани...* 1913. Б. 89]. Муталлимам и их сторонникам часто угрожали физической расправой. С тревогой следило за развивающимся движением реформы мусульманских школ в крае царское правительство. После недолгого колебания оно однозначно встало на сторону кадимистов. В новых школах власти узрели силу, способную просветить башкир, татар и других, поднять их на национально-освободительную борьбу. С конца 90-х гг. джадидисты стали подвергаться преследованиям властей.

Растущая тяга башкир к знаниям, помноженная на борьбу национально-патриотических сил за обновленную школу, привела к росту численности мектебов и медресе. В 1894 г. в Башкортостане их насчитывалось уже 986 (из них 780 в Уфимской и 206 в Оренбургской губерниях) *[Начальное...* 1900. С. 356]. В них обучалось 41739 учащихся (35 Шм.п. и 6 628 ж. п.). Со второй половины же 90-х гг. сеть мусульманских школ стала расширяться небывалыми темпами. К 1900 г. в крае численность мектебов достигла 1 200 (свыше 900 в Уфимской и около 300 в Оренбургской губерниях) *[Фархшатов*, 1994. С. 94—95]. Тем не менее школы, как и раньше, не могли вместить всех детей школьного возраста (7—14 лет). К началу XX в. организованным обучением было охвачено лишь примерно 15—20 % мусульманских детей края *(1/3* часть мальчиков и $У_{15}$ часть девочек).

В пореформенный период открытие русско-башкирских школ и коренные сдвиги в организации традиционного образования башкир на частной основе явились важной предпосылкой роста грамотности (правда, не всегда качественной) и образовательного уровня местного населения. Так, по переписи 1897 г., в Уфимской губернии умеющих читать было среди башкир 18,5 % (21,5 % мужчин и 15,5 % женщин), а в Оренбургской губернии - 18,0 % (22,7 % мужчин и 12,8 % женщин) *[Первая...* 1904. Т. 28. С. 61. Т. 45. Тетрадь 2. С. 45]. На фоне других местных народов это были неплохие показатели. Так, грамотных татар в указанных губерниях было соответственно 19,1 % (21,3 % мужчин и 16,7 % женщин) и 27,7 % (32,8 % мужчин и 21,1 % женщин) *[Первая...* 1904. Т. 28. С. 61. Т. 45. Тетрадь 2. С. 45; *Фархшатов*, 1994. С. 69]. Но доля знающих русскую грамоту среди башкир была мала: в Уфимской губернии 0,6 %, а в Оренбургской - 1,8 %.

Развитие народного образования сопровождалось также ростом числа читателей. Увеличилось количество подписчиков на газеты и журналы. Совершенно новым явлением было проникновение «повременной печати» в мусульманскую среду. С 80-х гг. среди башкир начали распространять газету «Тарджиман» («Переводчик»), издаваемую с 1881 г. в г. Бахчисарае выдающимся крымско-татарским просветителем и зачинателем джадидистского движения Исмаилом Гаспринским, а также некоторые газеты и журналы из Турции и Египта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1798 г. правительство по инициативе оренбургского военного губернатора О.А.Игельстрома ввело кантонное управление в крае, которое в первую очередь коснулось башкир. Составившие вместе с мишарями Башкиро-мещерякское войско (преобразованное в 1855 г. в Башкирское войско), башкиры были переведены в военно-казачье сословие, над которым был установлен жесткий надзор. Кантонное управление в Башкортостане, форма которого была найдена властями не сразу, служило целям реализации внутренней и внешней политики правительства на юго-востоке Российской империи. Население 11 башкирских и 5 мишарских кантонов было подчинено как гражданским властям, так и оренбургскому военному губернатору, башкирским военным и гражданским чиновникам. Была ограничена свобода передвижения населения, устанавлен строгий контроль за образом жизни и поведением, уничтожены остатки башкирского самоуправления.

Самодержавие нашло общий язык с национальной элитой: в управлении краем активно участвовали чиновники войска, а на рядовых башкир, которые имели минимальные права, легла вся тяжесть выполнения неимоверно трудных обязанностей, связанных с нахождением в военном сословии. В конце XVIII в. в башкирском обществе появились дворяне из башкир. В кантонный период в связи с участием башкир в военных походах продолжился процесс дальнейшего формирования башкирского дворянства. В течение первой половины XIX в. постепенно, но неуклонно происходил переход на общеимперскую систему законодательства и управления с учетом местных традиций и условий.

Кантонная система затронула уральских и оренбургских казаков, ставропольских калмыков, башкир и мишарей. Но к началу 40-х гг. она была отменена у казаков в связи с введением Положений о службе. Ставропольское калмыцкое войско было упразднено, калмыки вошли в состав оренбургского казачества. Лишь у башкир и мишарей кантонная система просуществовала до 1865 г.

В 1834 г. было официально создано Башкиро-мещерякское войско, назначен его командующий (как правило, в чине генерал-майора или генерал-лейтенанта), созданы структуры управления. В 40-50-е гг. правительство трансформировало систему: произошло увеличение числа кантонов, был создан институт попечителей. В 1855 г. после присоединения тептярей к Башкиро-мещерякскому войску оно стало называться Башкирским войском.

Основной задачей башкир было несение военной службы на Оренбургской пограничной линии, участие в походах в степь, строительство новых укреплений. Эту службу башкиры осуществляли совместно с мишарями, оренбургскими и уральскими казаками, солдатами оренбургских линейных батальонов. Наиболее массовым было участие башкир во время подготовки и проведения Хивинской экспедиции 1839—1840 гг., строительства степных укреплений в 40-е гг., кокандских походов 1852-1853 гг. Вплоть до разделения кантонов на две части линейная служба по охране юго-восточных границ империи для большинства башкир являлась основной обязанностью, а жители прилинейных кантонов продолжали ее нести вплоть до 1863 г.

Кроме несения линейной службы, башкиры привлекались к участию в войнах, которые вела Россия в первой половине XIX в., на правах национального войска — составной части иррегулярных войск империи. В связи с началом русско-французского противостояния в 1806—1807 гг. на войну были отправлены 20 пятисотенных команд, всего 10 тыс. башкир. Из них две команды успели присоединиться к армии и участвовали в боевых действиях под Тильзитом, отличившись в бою при Велау. В 1811-1812 гг. башкирский народ сформировал и отправил на войну с Наполеоном 20 пятисотенных конных полков, а в 1813-1814 гг. тысяч-

ная команда башкир сопровождала подаренных правительству башкирами и мишарями 4 139 лошадей. Таким образом, всего на войну ушло 11 662 башкира. Непосредственно в Отечественной войне 1812 г. в составе армии было пять башкирских полков - 1—5-й, из них в боевых действиях участвовали 1, 2, 4 и 5-й.

В Заграничном походе 1813—1814 гг. в составе армий союзников находились все 20 башкирских полков, которые приняли участие во многих сражениях в Германии, Нидерландах и во Франции. Во время похода 1813—1814 гг. впервые произошел массовый контакт европейцев и воинов-башкир, имевший в основе своей мирный характер, что привело к началу процесса формирования образа башкир как представителей Российского Востока.

Среди казачьей и национальной конницы в российской армии эпохи наполеоновских войн башкиры были вторыми по численности после донских казаков. Имея традиционное вооружение и снаряжение, башкиры храбро воевали, стойко переносили тяготы походной жизни. Кроме того, башкиры в 1812 г. отправили усиленный наряд на Оренбургскую пограничную линию в количестве 12 тыс. человек. Участие башкирского народа в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг. навсегда осталось примером глубокого патриотизма, верности России, героизма и отваги ее воинов.

В николаевскую эпоху башкирская конница активно привлекалась к участию во внешних войнах в составе российской армии. 2 башкирских и 2 смешанных полка участвовали в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а один из последних - в Русско-польской войне 1830—1831 гг. В этой войне дополнительно участвовали 5 башкирских полков. Башкиры с честью выполняли все возложенные на них поручения, наравне со всеми несли тяготы и лишения походной жизни. В Крымскую войну были сформированы 4 башкирских полка, из которых 2 были отправлены на защиту Балтийского побережья от возможной высадки десанта противника.

Участие в многочисленных войнах России, охрана Оренбургской линии дорого обходились башкирам. Напряжение, которого требует любая война, вело к истощению их сил. Длительное пребывание в военном сословии и жесткий регламент быта связывали их общественно-политическую инициативу и тормозили экономическое развитие.

Кантонная система управления как оптимальная модель интеграции башкир через военную службу в административные, юридические, сословные институты Российской империи в основном завершила этот процесс. Если для государства кантонная система решала двоякую военно-политическую задачу - защиты юго-восточной границы империи и вовлечения башкирского народа в общеимперские процессы, то для башкир она была сопряжена с рядом крупных явлений, связанных с трансформацией землевладении и землепользования.

Значимым событием первой трети XIX в. было проведение Генерального межевания по Оренбургской губернии. Его основной целью являлось упорядочение земельных отношений. Важной задачей межевания также были учет и официальное закрепление казенных угодий за государством. Крупным итогом межевания явилось не только уточнение земельных границ дворянских и заводских владений, но и официальное закрепление за ними новых, не всегда бесспорно приобретенных угодий за счет башкир и казны. Несмотря на всю важность, Генеральное межевание было лишь первым шагом в упорядочении земельных отношений в крае. Следующим этапом стало Специальное межевание, когда происходило землеустройство внутри дач определенных Генеральным межеванием. Оно развернулось с 30-х гг. XIX в. и продолжалось до 1917 г.

Значение Генерального межевания для дальнейшего развития края состояло и в том, что правительство впервые получило реальные и полные сведения о распределении земли между различными категориями населения. Эти материалы впоследствии (во второй половине XIX — начале XX в.) использовались им для продолжения масштабного освоения края.

Само правительство в лице оренбургских военных губернаторов в течение длительного времени проводило политику, направленную на распространение земледелия и оседлости среди башкирского народа. В 1830-1840-е гг. политика властей, направленная на распространение земледелия и оседлости у полукочевых башкир, приобрела административно-принудительный характер. Российское правительство было крайне заинтересовано в распространении земледелия у башкир, рассчитывая таким образом высвободить огромное количество земель, занятых под пастбища и, с точки зрения властей, используемых неэффективно. Введение кантонной системы управления и политика правительства по переводу полукочевых башкир к оседлости и земледелию привели к разрушению многовекового хозяйственного уклада и общему ухудшению социально-экономического положения южных и юго-восточных башкир, что непосредственно отразилось на их демографическом состоянии. Однако необходимо отметить, что по всем ревизиям молодое население (до 20 лет) составляло более 50 %. Этот показатель, как и высокий удельный вес женщин, способных производить потомство, на протяжении всего изучаемого периода, говорит о жизнеспособности башкирского общества.

В первой половине XIX в. башкиры были вовлечены в промышленное производство - в работы на горных заводах, золотодобычу, поташное производство, которые имели сезонный характер.

Башкиры вовлекались в работы и на промыслы, в основном в связи с их нуждой в деньгах. Военное руководство, стремясь сохранить экономический и военный потенциал Башкирского войска, старалось регулировать отношения между башкирами и владельцами заводов и приисков.

Определенное влияние на башкирское общество в дореформенный период оказывал ислам. В основном это были религиозно-обрядовая, семейно-бытовая, административно-правовая сферы. Это влияние определялось деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания, которое пыталось регламентировать все основные сферы жизни мусульманской общины, в том числе и башкир. В этом отношении оно в ряде случаев пыталось заменить местную администрацию и центральную власть, которые ревниво следили за его деятельностью и, в свою очередь, пытались ее регламентировать. При этом Духовное собрание по основополагающим установлениям было верным проводником правительственной политики даже в тех случаях, когда она шла вразрез с нормами шариата.

Кантонная система имела двойственную природу. С одной стороны, она ущемляла народ, лишала его деловой инициативы и активности, вводила жесткие рамки жизнедеятельности, с другой — структурировала общество, способствовала началу проникновения в башкирский социум светского образования, инкорпорировала башкирскую элиту в дворянскую среду, а главное, помогла сохранить башкирам этническое самосознание. Следует признать, что в исторически обозримом времени, вплоть до сегодняшнего дня, только во времена кантонной системы все башкиры, независимо от того в какой губернии или местности они жили, имели одно общее управление, представляли себя как единое целое, что способствовало консолидации башкирского народа, развитию его самосознания. В связи с активным использованием башкир в войнах, которые вела страна, а также в процессе освоения степи у них формировалось сознание человека империи, участника процесса ее становления.

Таким образом, кантонная система выполнила свою основную задачу по завершению процесса интеграции башкир в российское имперское пространство и, несмотря на отдельные отрицательные явления, объективно представляла собой этап поступательного развития в истории башкирского народа.

Наиболее четкими маркерами завершившейся интеграции были административный, сословный, военный, социальный. В административном отношении это выделение из Оренбургской губернии Самарской и Уфимской, упразднение Башкирского войска и замена кантонного деления волостным. В сословном - все башкиры перешли в разряд «сельских обывателей», что вело к унификации их положения, а небольшая часть национальной элиты инкорпорировалась в дворянское сословие.

Отношение к воинской обязанности башкир после кантонной системы представляет собой наиболее весомый довод в подтверждение тезиса о завершенности процесса интеграции. Если согласно уставу 1874 г. от воинской службы были освобождены нерусские народы Казахстана, Туркестана, Дальнего Востока, Сибири, Севера, Кавказа и Закавказья, впоследствии Финляндии, то башкиры, как и другие нерусские народы Поволжья и Приуралья, рассматривались, наряду со славянскими, подлежащими призыву на общих основаниях. В течение первой половины XIX в. наблюдается процесс постепенного формирования национальной интеллигенции, в основном военной и медицинской. В этот период среди башкир появляются рабочие; идет Медленный процесс расслоения общей массы рядовых башкир.

Реформы 1860-х гг. открыли для башкир новую эру, развязали хозяйственную инициативу, способствовали общему подъему жизни башкирского народа. Башкиры сохранили свои вотчинные угодья, которые не требовалось выкупать. Перед народом стояли новые задачи, менялись ценности, наступил век просветительства, быстрой модернизации всех сторон жизни. Здесь необходимо учитывать, что менялась сама Россия, Башкортостан в частности.

В 60—70-е гг. XIX в. в различных формах происходило массовое изъятие башкирских земель. В итоге реализации правительственного курса уменьшилась площадь башкирского землевладения. К концу XIX в. в распоряжении башкир-вотчинников Уфимской и Оренбургской губерний сохранилось около 6,7 млн десятин земли в виде наделов, а также в коллективной собственности 1,7 млн десятин «свободной за душевыми наделами земли». В это время в башкирском хозяйстве произошел окончательный упадок скотоводства, вызванный всеобщим сокращением пастбищных угодий. Практически прекратились летние выходы на кочевья башкирских семей в большей части территории расселения башкирского народа. Земледелие распространилось не только в земледельческо-скотоводческом районе, к концу XIX в. превратившемся в оседло-земледельческий, но и в скотоводческом. Таким образом, пореформенное время в истории башкирского хозяйства — это период, когда начинают развиваться процессы аграрной модернизации, связанные как с наследием кантонной системы (насильственный перевод к оседлости и земледелию), так и с общими процессами развития капиталистических отношений, протекавших в России. Модернизация в сельском хозяйстве сопровождалась процессами социального расслоения башкирского общества.

В башкирском обществе начали появляться новые социальные слои — сельские предприниматели

(кулаки), фабрично-заводской пролетариат и т. д. Однако они составляли небольшую часть башкирского народа. Абсолютное большинство башкир продолжало оставаться в рамках традиционного общества, сохраняя общинное самосознание, опиравшееся на аграрную экономику.

Коренные изменения коснулись всех сфер жизни башкир. Но наиболее заметными они были в педагогике, где на смену конфессиональной школе начали приходить учебные заведения европейского (национального) типа с преподаванием на родном языке, ставшие вкупе с правительственными русско-башкирскими школами той основой, на которой выросла национальная интеллигенция и новая культура.

Ко второй половине XIX в. завершился процесс формирования традиции воинской службы в общественном сознании башкир. Она рассматривалась как почетная обязанность мужчины и сыграла впоследствии значительную роль в процессе создания и боевой деятельности башкирских частей в ходе национально-государственного строительства и Гражданской войны.

На башкирское общество серьезное влияние оказывали религиозные институты — как традиционные в виде деятельности оренбургского «муфтията», так и широко распространившийся суфизм. Самым значимым фактором исламской интеграции башкир был джадидизм. Появившись в период глубоких перемен в социально-экономической, политической и культурной сферах пореформенного Башкортостана, он стал для башкирского общества одновременно преддверием Нового и Новейшего времени. Несмотря на ожесточенное сопротивление старых, феодально-клерикальных сил, а также консервативных властных структур, в результате подвижнической деятельности образованной части общества духовная диктатура религии в значительной степени была демонтирована, ислам и его институты начали приспосабливаться к буржуазным порядкам, хотя и своеобразно. В результате кругозор башкир существенно расширился, изменилось их мироощущение: оно начало секуляризоваться, «обмирщаться», что вело, кроме прочего, также к утверждению идеи ответственности человека перед обществом, светского видения мира, противостоящего церковно-схоластическому мышлению, становлению национальной культуры. В целом, реформаторское движение заложило в дальнейшем основы подъема национального самосознания башкир, подготовило основы борьбы за создание своей автономной государственности.

GENERAL SUMMARY

The fourth volume of the 7 volume History of the Bashkir People is dedicated to the history of the Bashkirs in the XlXth century. Its chronological frame covers the period from 1798 when the cantonal system of government was introduced within the realm till 1903, *i. e.* the beginning of the XXth century - the period when processes associated with the most modem history of Russia started to develop. From territorial viewpoint the volume considers history of the Bashkirs residing in the Orenburg Government. Subsequently this history concerns the pristine lands where the Bashkirs used to settle, namely the Governments (*goubernias*) of Orenburg, Ufa, also partly the Saratov, Perm and Vyatka Governments.

In 1798 on the initiative of the Orenburg military governor O.Itelstrom the Czar's government had introduced the cantonal system of management in Bashkiria. The Bashkirs having formed the Baskir-Mishar military corps had been transferred to the military-cossack estate which was kept under a strict supervision. The cantonal management in Baskiria served the aims of realizing the home and foreign policy of the Government in the south-east of the Russian Empire. The population of 11 Bashkir and 5 Mishar cantons was put both under the civilian authorities and the Orenburg military governor and it was also subject to Bashkir military and civil functionaries. Freedom of the population's movement had been restricted and its mode of life and behaviour were put under strict surveillance, the remnants of Bashkir self-government were being done with.

The autocracy has found a common language with the national elite. The military corps functionaries were active in the management affairs of the realm. The rank-and-file Bashkirs having minimal rights bore all the burden of carrying exceedingly heavy duties linked with their entering the military estate. At the end of the XVIIIth century nobility was known to be appearing in the Bashkir society. Further formation processes of the Bashkir nobility continued in the cantonal period associated with Bashkirs' involvement in military campaigns. It ought to be noted that generally during the 1st half of the XlXth century there went a gradual but steady transfer to the general imperial system of legislation and governing with account being taken of the local customs and traditions.

The cantonal system affected the Ural and Orenburg Cossacks, the Stavropol Kalmyks, Bashkirs and Mishars. Yet that system had been dismantled among the Cossacks by the early 40s of the XlXth century with new Rules of military service having been endorsed. The Stavropol Kalmyk corps, the Kalmyks entering the body of the Orenburg Cossacks were dismantled, too. It was among the Bashkirs and the Mishars that the cantons survived up to the year of 1865.

In 1834 they officially created the Bashkir-Mishar military corps and its commander was appointed (as a rule it being a General-major or general-lieutenant) and governing structures were formed. The government transformed the system in the 40s-50s, the number of cantons was increased, a body of trustees was created.

In 1855 the Bashkir-Mishar military corps came to be called the Bashkir one upon the Teptyars joining it that year.

The chief task of Bashkirs was doing military duty on the Orenburg border line, participation in raiding the steppe and construction of military encampments (fortifications). This service was effected by Bashkirs together with the Orenburg and Ural Cossacks and with soldiers of the Orenburg line's battalions.

Bashkirs took the most massive part in preparing and conducting of the steppe campaign during the Khiva expedition of 1839—1840, also in the construction of steppe fortifications in the 40-ies and during the Kokand campaigns of 1852—1853. The line service of guarding the south-east frontiers of the Empire used to be the chief duty for most of the Bashkirs up to separating cantons into two groupings (the servicemen's one and that of the taxpayers' instead of doing service). The line service of Bashkirs in the borderline cantons continued up to 1863.

Apart from performing the line service Bashkirs were recruited in the wars waged by Russia in the 1st half of the XlXth century as a part of the national troops, the latter being a component part of the Empire's irregular army. Because of the Russo-French political tension during 1806—1807 20 five-hundred men strong teams totalling 10,000 Bashkirs had been sent to war. Two teams of that number had time to join the army and took part in action near Tilsit displaying valour in the Welau battle. Since that time the Bashkirs came to be known in Europe under the name of «The Northern amours» after a nickname coined by the French. The Prussian campaign of 1807 contributed to developing skills for rapid mobilization and those for organizing large cavalry units on the march.

In 1811—1812 the Bashkir people formed and sent to fight Napoleon 20 five-hundred men strong mounted regiments. In 1813—1814 a thousand men strong Bashkir military team accompanied 4,139 horses donated by Bashkirs and Mishars to the Government. So the number of Bashkirs who went to the war totalled 11,662. In the Patriotic war of 1812 there were five Bashkir regiments in the army, viz. from one to five, the 1st, 2nd , 4th and the 5th of them taking direct part in military actions. The Bashkirs of the 1st regiment covered themselves with an unfading glory. Being in the rear covering the Russian army's retreat they took part in battles, skirmishes and shoot-outs with the enemy almost daily.

The first regiment took part in the Borodino battle subsequently battling heroically in the guerilla detachments near Moscow. The 2nd Bashkir regiment was prominent in taking Kobrin by storm, later on fighting successfully in Belorussia.

All twenty Bashkir regiments were in the allied armies' numbers during the foreign military campaign of 1813—1814. They participated in many battles (those of Leipzig, Laon, Paris), took part in the siege of enemy fortresses in Dresden, Danzig, Glogau, Maudlin, Hamburg. Also they accompanied prisoners-of-war and performed duties of an express mail. The first — ever mass contact of Europeans and Bashkir warriors occurred during the 1813-1814 campaign which was mainly of peaceful nature. This led to the start of a process which shaped the image of Bashkirs as representatives of the Russia's Orient.

The Bashkirs ranked second in number after the Don Cossacks among the Cossack and national cavalry in the Russian army of the Napoleon wars period. Possessing traditional weapons and equipment Bashkirs fought valiantly staunchly bearing hardships of military campaign life. Besides, in 1812 Bashkirs dispatched a reinforced outfit to the Orenburg frontier line to the tune of 12,000 men; Bashkirs replacing Cossacks and the regular units on the line enabled the military command to send to the army at war the badly needed there Orenburg and Urals Cossack army and infantry regiments. Being sure of the Bashkirs' safely guarding the frontier line the Orenburg military governor was able to send to the army over 2,000 extra officers and men from the battalions in the rear in 1812. This was a substantial contribution to the common victory in the Patriotic war of 1812. Bashkirs themselves had voluntarily donated in 18134,139 horses that were accompanied to the army by over a thousand combattants.

Bashkir people's part in the 1812 Patriotic war and in the Foreign campaign of 1813—1814 has forever become an example of profound patriotism, fidelity to Russia, a paragon of heroism and its warriors' valour.

In the Napoleon epoch the Bashkir cavalry was active in the foreign wars as a part of Russia's army. The military command sought to find an optimal variant of forming Bashkir mounted regiments by forming completely Bashkir regiments or making them half the Orenburg Cossacks, the other half being Bashkir. Two Bashkir and two mixed regiments took part in the Russo-Turkish war of 1818-1829. One of their last regiments went to war in the Russian-Polish campaign of 1830-1831. Five Bashkir regiments were additionally drawn into that war. Bashkirs executed all their duties with honour bearing every hardship of the campaign life along with everybody else. Four Bashkir regiments have been formed during the Crimean war, two of them being dispatched to defend the Baltic coast in case of a possible enemy invasion.

Participation in the numerous wars fought by Russia and the defense of the Orenburg line cost Bashkirs dearly; meeting of any war demands lead to a depletion of their forces. The prolonged stay in the military estate and tough regulation of everyday life bound their social and political initiative and was a brake on their economic development.

The cantonal system of government as the optimal model of Bashkirs' integration *via* military service into the legal **(judicial)** institutions of the Russian Empire mainly completed that process. For the State the cantonal system resolved a two-fold military-political task of defending the south-eastern frontier of the Empire and that of integrating the Bashkir nation.

For Bashkirs it was fraught with a number of major *phenomena* connected with transforming Bashkir land use and land tenure.

The decimal event for the early XlXth century was conducting a General survey of the Orenburg government (*goubernia*). Its chief purpose was putting land relations into order. An important task of the survey was taking records and official fixation of the state's public land borders. A major outcome of the survey was to clarify the particular delineation of the terrain in nobility's (allotments) manors and in the factory possessions. The other point was the official assignment to them of the new lands owned by Bashkirs and the Treasury. In spite of all its importance the general Survey was but the first step in regulating land relations in the region. The next stage was the Special land survey aimed at regulating land management within the manors (allotments) specified in the General survey. It was conducted since the 30ies of the XlXth century and lasted till 1917.

The importance of the General survey for the region's further development consisted also in the fact that for the first time the Government has received real and full data on the distribution of land amongst various categories of the population. Subsequently this information (in late XEXth — early XXth centuries) was used by the government to continue the large-scale development of the region.

The government itself *via* the Orenburg military governors has been continuously conducting a policy aimed at the spread of agriculture and the settled mode of life among the Bashkir people. In 1830—1840 the authorities' policy to disseminate those features among the semi-nomadic Bashkirs took an administrative and compulsory nature. The government of Russia was keenly interested in the spread of agriculture among Bashkirs. Thereby it meant to release vast amount of land used for pastures that were exploited with little effect according to the authorities' viewpoint. The introduction of the cantonal system of management and the government's policy to render the semi-nomadic Bashkirs settled and make them go into farming had lead to a disruption of the ages-long mode of economy. It also led to a general deterioration of the social and economic state of the southern and south-eastern Bashkirs, this directly affecting the demographic situation of the society under study. Yet it has to be noted that the young population under 20 totalled over 50 per cent after each census. This indicator and also high share of women of reproductive age throughout the period investigated bespeaks of the viability of the Bashkir society.

In the first half of the XIIIh century Bashkirs were engaged in the industrial production — be it in mines, gold mining or manufacture of potassium. Ah these were of seasonal nature, the Bashkirs being involved there chiefly for want of money. The military command seeking to upkeep the economic and military potential of the Bashkir corps strove to regulate relations between Bashkirs and the owners of factories and gold fields.

Islam exercised certain influence upon the Bashkir society in the post-reform period. Generally these were spheres of religion, everyday life and the administrative field. This influence was determined by activities of the Orenburg Mohammedan Ecclesiastical Assembly which attempted to frame all chief spheres of life in the Moslem communities, Bashkirs included. In this respect, in certain cases it tried to replace the local administration and the central bodies of power which kept a keen eye on its activity, attempting to regulate it in their turn. On the other hand the Ecclesiastical Assembly used to be a true translator of the government pohcy in the main even when that policy was at odds with the *shariah's* dogmas. It is to be admitted in general that Islam failing as it did to imbue deeply the Bashkir society, exercised yet a positive influence on processes of Bashkirs' integration into the Empire.

The canton system had a dual nature. On the one hand it depressed people and deprived them of their business initiatives and activities, imposing a strict frame on all aspects of life. On the other hand it structured the society; it also promoted introduction of secular education into Bashkir society. The system incorporated the Bashkir elite into the nobility *stratum*, and what is foremost, it assisted Bashkirs in preserving their ethnic self-consciousness. It should be admitted that in the historically foreseeable time until the present day, it was only during the cantonal system that all the Bashkirs had a unified management irrespective of places of their habitation and they represented themselves as a single unit which contributed to consolidating the Bashkir people and to the development of their self-consciousness.

Thus the cantonal system fulfilled its primary task of finalizing the integration of Bashkirs into Russia's imperial space, and nothwithstanding some negative *phenomena*, it represented a stage of sustained development in the history of the Bashkir people. The cantonal system yielded more positive results than the negative ones.

The administrative, military, and social markers stood clear in the integration completed. From the administrative standpoint, it was secession of the Samara and Ufa provinces from the Orenburg province, abolishing the Bashkir military corps and the substitution of the *volost* division for the cantonal one. In terms of social *strata*, all Bashkirs joined the ranks of "rural dwellers" which led to a unification of their position, a small part of the national elite having been incorporated into the nobility layer.

The most weighty argument to confirm the point on the integrative processes being completed is the Bashkirs' attitude to the military service after the cantonal system was introduced. According to the 1874 statutes all non-Russian peoples of Kazakhstan, Turkestan, the Far East, Siberia, the North, the Caucasus, and Transcaucasia followed by Finland later on were exempt from conscription, but the Bashkirs and other non-Russian peoples of the Volga region along with the Slavonic peoples were subject to conscription on general terms.

The social aspect concerns the events of the first half of the XlXth century when one observed a gradual process of shaping the national intellectuals' layer — mainly the military and men of medicine. Among Bashkirs there also appeared factory workers; a slow process of stratification of the rank-and-file was going on; in the cultural area written works meant for the informed reader complemented the folklore.

The reforms of the 60s — 70s of the XlXth century opened a new era for Bashkirs; they set economic initiatives free contributing to the general rise in the life of the Bashkir people. The Bashkirs preserved their land tenure which was not meant for purchase. The people faced new tasks, the ideals changed, the age of Enlightenment set in; all aspects of life were undergoing a rapid modernization. It should be taken into account that Russia herself was undergoing changes and Bashkiria-followed suit simultaneously.

A massive withdrawal of Bashkir lands in various forms took place in the 60s and the 70s of the XlXth cen-

tury. The area of Bashkir landownership decreased by virtue of the government course being realised. By the end of the XlXth century the Bashkir landowners of the Ufa and Orenburg provinces had retained about 6.7 million *desiatinas* of land in the form of plots (allotments) as well as 1.7 million *desiatinas* in the collective ownership which was free on "a *per capita* land" basis. At that time in the Bashkir economy there occurred the final decay of cattle-breeding caused by an overall reduction of pasture lands. In the greater part of the areas the Bashkir people used to settle, summer outings of the Bashkir families with herds of cattle had practically ceased. Farming spread everywhere. All this testifies to the following. The post-reform period in the history of Bashkir economy is the one when processes of agrarian modernisation started to develop. The latter were associated both with the heritage of the cantonal system (/. *e.* forceful transfer to the sedentary mode of life and to farming) and with general processes of the development of capitalist relations occurring in Russia. They were accompanied by processes of social stratification of the Bashkir society.

Novel social *strata* commenced to appear in the Bashkir society, namely rural entrepreneurs *(kulaks),* factory workmen and so forth. Yet they constituted but a small portion of the Bashkir people. However the absolute majority of Bashkirs continued to remain within the framework of the traditional society while preserving community self-consciousness propped by the agrarian economy.

Fundamental changes have affected all spheres of Bashkirs' life. They were most conspicuous in pedagogics. Here the European type schools of learning made their advent with teaching conducted in the mother tongue. The latter, alongside with the governmental Russian-Bashkir schools with Russian-language schooling became the very foundation which had reared modern national *intelligentsia* and fostered all modern culture.

The process of forming the military service tradition in Bashkirs' public consciousness was over by the second half of the XlXth century; it was viewed as men's honourable duty and subsequently it played a considerable role in processes of forming of the Bashkir corps and its combat activities in the course of the Civil war.

Religious institutions exercised a serious influence on the Bashkir society. They were both traditional - in the shape of the Orenburg *mufti's* office and in the form of sufism which spread unexpectedly. Jadidism was the most significant factor of Islamic integration the Bashkirs. Having appeared at the time of profound changes in the socio-economic, political and cultural spheres of the post-reform Bashkiria, it became the forerunner of the New and Modern times for the Bashkir society. The spiritual dictatorship of religion was largely dismantled, Islam and other institutions started to adapt themselves to the bourgeois order in their peculiar ways. This took place in spite of a fierce resistance of the old feudal and clirical forces and that of conservative bodies of power. This was the outcome of the best intellectuals' selfless activities. It resulted in an unheard-of widening of Bashkirs' outlook, and their vision of the world has altered. It was on the way to becoming secular. This circumstance also led to the idea of man's responsibility before society gaining its ground. The result also included a secular vision of the world *vis-a-vis* the church's scholastic thinking. It contributed to the formation of the national culture as well. Generally speaking, the Reformist movement has laid the foundation for a further rise of Bashkir national self-consciousness and it has prepared the basics for the establishment of the Bashkirs' autonomous statehood.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдаков Абубакир, 225
Абдеев Ахметьян, 233
Абдилов Ф., 297
Абдо Мухаммад, 308
Абдрахимов Кунакбай, 225
Абдрахман-батыр, 222
Абдрезяков Умурзак Иждевлетович, 170,172, 290, 292
Абдулатыпов, 281
Абдулвагапов, 38
Абдулвагапов Абдулмежит, 216, 217
Абдулвагапов Гумер Чураманович, 172
Абдулвахитов А., 137
Абдулгафаров А., 195
Абдулгафаров Абдулнасыр, 92
Абдулгафаров Сеитбаттал, 216
Абдулгафаров Ш., 300
Абдулжалилов М., 199
Абдулзелилов С., 198
Абдулкагиров Ш., 198
Абдулкадыров Зейнулла, 214
Абдулкаримов Утяубай, 73
Абдулкаримова Сагида, 38
Абдуллатифов М., 298
Абдуллин Насыр, 91
Абдуллин Усман, 192
Абдуллукминев Абдулкасым, 101
Абдулмазитов Зиятдин, 193
Абдулманафова Хуснибанат, 233
Абдулнасырова, 196
Абдулхаиров Абубакир, 214, 219
Абдулхалик, 213
Абдуляппарова Гульгамира, 233
Абдыков Исмагил Суляй улы, 214
Абзанов Абызгильда, 172
Аблай-хан, 210
Аблиев Хазимухамет, 102
Аблов, 102
Абрамов А. Н., 335
Абсалямов Алиш, 216
Абубакиров Ихсан, 77, 84
Абубакиров Хусаин, 84
Абубакировы, 281
Абулхаир-хан, 208, 209
Абульхайр, 343
Авязеев Каранай Искендерович, 172
Агаев Хусаин, 98
Агаев Хусаин Буранбаевич, 173
Адам В., 25
Адеев, 60, 99
Адигамовы, 281
Аднагул ов Муллагалий Уразбахтинович, 172
Адутов Багаутдин Мухаметдиевич, 172
Азаматов Д.Д., 20
Азаматов Ярмухамет, 84
Азаматов Яруш (Ерыш), 77
Азаматова Г.Б., 20
Азначура-ишан, 302
Айсуак-хан, 209, 210
Айчуваков Ширгази, 194
Акаев С., 195
Акай, 329, 330
Акимбетев Баязит Ибрагимович, 172
Акимбетев Хайсар Байжигитович, 173
Акимбетев Яхья Янтеевич, 171,290, 291
Акиров Ахмет Фазыл[ович], 44, 258
Акировы, 120
Аккушев Валиша, 215, 216
Акманов А.И., 19
Акманов И.Г., 29
Акманов Хайбулла Зейнебаширович, 173
Акмулла Мифтахетдин, 310, 311, 316, 317,318,319,320, 323,324,331, 340, 341, 343, 344, 349
Акмурзин Узбек, 76,77
Аксенов, 81, 82
Актаев, 225
Актаев Фейзулла Ильякакович, 173
Акчувашев, 35
Акчулпанов Аралбай Кучерба[евич], 79,170,171
Акчулпанов Кучербай Уметбаевич, 170,171,174, 290, 291
Акчулпанов Ш.Ш., 292
Акчулпановы, 174
Акчурины, 207
Акъегетов Абдрахман, 320
Алабуженин А. И., 81
Алакаев Кайсар, 142
Алангува-ханым, 27
Алафузов, 275
Алгар Х., 305
Алдар, 227,228
Александр 1,47, 54, 55, 57, 71, 72, 73, 76, 78, 80, 83, 88, 89, 90, 92, 93, 95, 103,148,197,236
Александр II, 56,59,100,148,197, 242,270
Александр III, 260, 297, 299
Александр Вюртембергский, 90
Александров В.И., 177,178,182
Алексеев, 101,110
Алекторов А.Е., 12
Алибяков Муса, 225
Алиев Батырша (Галеев Габдулла), 306
Алишев Абдулмен, 35
Алкин JL, 195
Аллаяр Суфи, 228, 343
Алликас де Во Ж., 76
Алтынгужин Гатаулла, 192
Алтынгужин Х., 297
Алтынсарин И., 319
Альмемев, 60,99
Альмухаметов Бахтияр, 220
Амангильдин Т., 203
Аминева-Тамьяни Ш., 314
Аминов Биктимир, 195
Амиров Абдулхалик Абдулхакимович, 172
Амиров Канзафар, 216,217,219
Амирханов Абдулгани, 192
Андреев, 101
Андреянов 2-й, 78
Аничков, 150
Анна Иоанновна, 209
Антипов А.И., 147
Аптикаев Габделзабир, 216
Арабовы, 281
Аракчеев А.А., 72
Арапов Мырдаш, 84
Арасланов Кунаккузя Аливбаевич, 172

Арасланов Мухамедьяр Мендиярович,172
Арганбаев Абдулла, 84
Арнольдов В.А., 252
Арсланов Бахтияр, 142
Артыков, 35
АсириТ., 319
Аслаев Юсуф Галикеевич, 173
Асфандияров А.З., 16,17,18,19,29, 42, 43,44, 57, 96, 99,102,103,130, 140,141,156,178,179,180,181, 182,183,190,194,196,201,255, 269
Асфандиярова К.М., 42,43,44
Атгара Фаридаддина, 343
Афгани *Джамалутдин*, 308
Ахмаров Г.Н., 200
Ахматов, 150
Ахмеров Гусман, 102,103
Ахмерова Фариза, 142
Ахмет-баик, 222
Ахметев, 214, 215
Ахтямова Зулейха, 196

Б

Бабич Ш., 288, 318, 323
Бабулатов Абдулла, 102
Багави, 227, 228
Баев, 102
Баженова, 151
Базаргулов М., 300
Баик-Айдар, 227
Баишев И.Ф., 91
Баишев Мухаметгалий Мурзабулатович, 173
Байбулатов, 35
Байбулдин Кильдияр, 91
Байжагитов, 175
Байкутлин Аллаяр, 102
Байкутлин Ахмет, 102
Баймухаметова Мазия Хусейновна, 196
Баканин, 150,151
Бакиев Абдулбакир, 219
Бакиев Абдулбахит, 216
Бакиров Аслай, 195
Бакиров Асылгузя, 86,170,171, 290, 291
Бакиров Ахметбай, 316
Бакиров Мухаметтирей, 171
Бакиров Шагингирей, 171
Бакыргани Сулейман, 343
Балкашин Николай Васильевич, 52, 53,100,101,109,138,151
Бараков Рахматулла, 225
Бардаков П.Г., 87
Барклая де Толли М.Б., 76, 78, 90, 91
Барлыбай, 227
Барнашев Кагарман, 35
Бартольд В.В., 305, 348
Баруди Галимджан, 311
Барышевский, 76
Басимов А.Б., 249, 250
Батуч Исянгильде, 316, 318
Батыршин, 244
Батыршин Мухаммад, 233
Батюшков К.Н., 234
Бауке *Д*., 236
Бахметьев Н.Н., 45,49,153
Бахтияровы, 281
Баязитов Хуснутдин, 193
Баяс, 225
Безак А.П., 53,107,120,133,148, 151, 197, 242, 244, 246, 258, 259, 297
Безобразов, 106
Беклемишев Николай Петрович, 48, 49, 53, 58, 62,129,132,133
Бекметев *Давлетша* Сеитгоферович, 172
Бекметьев, 166,167
Бекметьев *Давлетша*, 166,167
БекмуратоваА.Т., 177
Бектемиров Асетьулла Абдрахманович, 173
Бектемиров Мухаметфаиз Акулович, 173
Бекчурин Габдулкадыр, 171
Бекчурин Габдулмалик, 171
Бекчурин Габдулфаттах, 171
Бекчурин Ибрагим Бекчуринович, 170,171,175,290, 291
Бекчурин Кутлуахмет, 167
Бекчурин Мирабубакир, 289
Бекчурин Мирмахмут, 289
Бекчурин Мирсалих Мирсалимович, 90,174,175, 226, 231, 232, 233, 289, 290, 291,292, 297,310,314,315, 321,340
Бекчурин Мирюсуф, 289
Бекчурин Мирякуп, 289
Бекчурин Мендияр, 64
Бекчурин Шарафутдин, 171
Бекчурина Бибигафифа Ахмеровна, 289
Бекчурина Бибимагадана, 171
Бекчурина Бибимукатяс-Емала, 171
Бекчурина Бибимутераземаль, ,171
Бекчурина Генбера, 171
Бекчурина Гульзия, 171
Бекчурина Зюгра, 289
Бекчурина Зюлейха, 289
Бекчурина Магумен-Емала, 171
Бекчурина Муслюма, 171
Бекчурина Нуубагара, 171
Бекчурина Фатима, 171,289
Бекчурина Хадича, 289
Бе(и)кчурины, 289
Белевцов, 101
Белявский, 101
Беляев Тимофей, 227
Беляков, 148
Бембуш, 263
Бенадарки, 174
Бенкендорф А.Х., 84, 85
Беннигсен JI.JL, 83, 84, 91
Берг Ф.Ф., 100
Бергхольц *Л*., 141, 272
Бердигул, 27
Бердыбаев Нигаметьулла, 73
Березин И., 315
Бержере П.Н., 25, 73
Бескровный *Л*.Г., 15
Бессонов А.Г., 342, 347
Бигиев Муса, 308, 311, 341
Бигиняков Мухаметкулуй Мурадымович, 173
Бигловы, 207
Бииш-батыр, 224, 225
Биишев Хасан Байназарович, 167, 173, 225
Бикбай Б., 14
Бикбов Акбулат, 168
Бикбов Мухаметхасян, 102
Бикбулат, 346
Бикбулатов Н.В., 177,194
Бикжанова М.С., 176,177
Бикметов Абдулвахит, 35
Бикметов Кагарман, 35
Бикметов Мухаметвали, 35
Бикметов Мухаметкарим, 35
Бикмухамет Курбангалин, 290
Бикташев Абдуллатиф, 214
Биктемирова *Дина*, 175
Биктимеров (Тукаев) Хабибулла, 348
Биктимеров (Тукаев) Харис, 232, 348
Биктимеров (Тукаев) Харрас, 232, 348
Биктимиров Акул, 209
Биктимиров Нигматулла, 194
Биктимиров Х., 298
Благовещенский И.М., 78
Бланшар А., 25
Бларамберг И.Ф., 50, 327, 328
Блудов *Д*., 190
Блюменштейн, 88
Богуславский Александр Петрович, 53,133,244
Болотов, 151
Болценталь, 98
Болшик, 102
Бонье, 262
Борисен, 93
Бородовицын, 138,148
Бороздин, 237
Бретон Ж.-Б., 234
Брук С.И., 283
Брюллов А.П., 50,337
Буби Габидулла, 348
Бубиев, 348
Будилович А.С., 349
Будрин Евграф, 82
Бузыкаев Мухаметжан Еражбаевич, 170,174,172,290, 292
Булатов М.*Л*., 80, 91
Булгаков Р.М., 305, 306
ал-Булгари Фаргат Нурутдин, 305
Булевский К., 100
Буляков Абдулнафиг, 173
Буляшев Мухаметхасан, 195
Бунаков, 262
Буракаев Буранбай, 73
Буракаев Буранбай Буракаевич, 172
Буранбай,*221*
Буранбай-Яркей, 342
Бурангулов Зейнулла, 35
Бурангулов М., 14, 343
Бурангулов Мухамметша, 343
Бурангулов Ф., 196
Буреев В.Е., 101
Буреев Василий Ефимович, 101
Бурзян,227
Бурнаев А.Ш., 275, 281
Бурнаевы, 281
Бутовин, 106
Бушман, 106,108,195, 227, 252
Быковский, 93
Бюрт А., 77

В

Вагабов Г., 232
Ваисов Багаутдин, 302, 305

Валеев Д.Ж., 18, 313
ВалидиЗ., 15,20, 288, 313
Валидов Дж, 309
Валитов А., 193
Валитовы, 281
Валиханов Ч.Ч., 209, 319
Валишин Динислам, 195
Валуев П.А., 263, 267
Вальмоден Л.Г.Т., 79
Васев Леонтий, 214
Васильев С.М., 200
Васильчиков И.В., 77
Вейнберг И., 266
Венецианов А.Г., 234
Веницианов А.Г., 25
Веретенникова А.И., 252
Верздаков Моисей, 214
Вечеслав Н., 156
Вильдан, 346
Вильданов Тимурбек, 232
Вильсон Р.-Т., 12,24,78, 237
Вильчик С.А., 72, 81
Винценгероде Ф.Ф., 78, 85, 87
Витгенштейн П.Х., 82, 86,90,91, 96
Витевский В.Н., 200, 210
де Витта И.О., 96
Власов, 79
Власов М.Г., 98
Волков, 262
Волконский Григорий Семенович, 32,45,47,49, 50,51,54, 60,71,73, 80, 83,93,96,107,191,209,221
Волконский М.С., 74
Волконский П.М., 15,16
Вязмитинов С. К., 72

Г

Габбас, 27
Габбясов Яркинбай Байгазинович, 172
Г абдессалямов-Каргалы Абельманих, 194, 229, 230, 315, 320, 324, 339, 343
Габдрахимов Габдессалям, 192,195, 197,198,218
Габдрахимов Ю., 300
Габдрахманов Хайрулла, 349
Габдулвагапов М., 300
Габдулвагапов С., 195
Габдуллин Ишмурат, 102
Габдулхалим, 228
Габидуллин, 89
Габилев Минхизитдин, 101
Габитов, 275
Габитовы, 281
Габит-сэсэн, 343
ГавердовскийЯ.П., 57
Гагарин Ф.Ф., 84, 85
Гаделынин Хисаметдин, 217
ГаджиеваС.Ш., 177
Гаишев Абдулла, 194
Гайнуллин Ильяс, 297
Гайнуллина М., 196
Галикеев Мухаметзариф, 299
Галин С.А., 329
Галин Хужахмет, 196
Гампер Е.Е., 80
Ганберов Абдуллатиф, 171,291
Гариф Батыр, 222
Гаскархузин Сафиулла, 300
Гаспринский Исмаил, 311, 341, 350
Гафури Мажит, 308, 314, 323
Гвоздиков, 246
ГевличАП., 218
Геке, 218, 219
Гелгуд, 98
Гензлер Д., 235
Гете И.В., 25,236
Глазенап, 106
Глезденев П.П., 200
Гоголь Н.В., 323
Голицын А. Н., 194
Гончаров А.Н., 327
Гончаров И.А., 327
Горбунов Г.С., 300
Горчаков 4-й, 92
Готовцев В., 58
Грабе П.Х., 103
Грайворонский В.В., 139
Граховский, 101
Громов Г.Г., 132
Грот К.К., 101
Груши, 73
Губайдуллин С.С., 281
Губайдуллин-Заки Шамсетдин, 229
Губейдуллин Феррах, 195
Губина А., 109
Гурвич Н.А., 255, 262, 271
Гусман, 346
Гуссель, 235
Гюмюшханавия Ахмед Зияэтдин, 304
Гюнтер Карл, 74
Гюнтер Фридрих, 74

Д

Давлетбаев Б.С., 18, 20, 57, 201
Давлетчурин Ирназар, 73
Давлетшин, 64
Давлетшин Абдулла Давлетович, 166, 167, 286, 297
Давлетшин Габдулгазиз Абдуллович, 287
Давлетшины, 281
Давыдов Д.В., 12,19,74, 234
Даиров Мухамадияр, 223
Даиров Сураман, 223
Даль В.И., 124
Дамам-Демартрэ М.Ф., 25
Данзас А.Л., 258
Даниил, 236
Данисьев, 71
Дардманд (З.Рамиев), 323
Дароган, 274
Даутов Мухамадулла, 226
Дашкин Г.Х., 251
Дашкины, 281
Ден В.Э., 155,200
Дернберг В.К.Ф., 79
Дерюгин, 102
Джамалин Аллаберда, 118
Джантюри, 25, 86, 221, 222, 228
Джиналин Аллаберда, 193
ДибичИ.И., 96
Диваев Абубакир Ахмеджанович, 233
Дильмухаметов Мухаметмагасум, 225
Дильмухаметов Т., 198
Дмитриев И., 314, 315
Добровольский В.Ф., 76
Добросмыслов А. И., 211
Добротворский П.И., 267, 326
Добрынин, 38
Долгорукий В.А., 100
Долгоруков И.М., 72
Долонаев, 154
Дониш А., 319
Дохтуров Д.С., 87,90, 91
фон Дребуш А.Ф., 98
Друецкий, 214
Дружинин Н.М., 212
Дубовиков А.М., 42
Дюбуа Ф., 25
Дюскеев Абдугафар, 36

Е

Екатерина И, 26, 30, 168, 286
Еникеевы, 207
Еникеевы З.И., А.З., 18
Ералы-хан, 210
Ерлыкапов Искендер Ерлыкапович, 172
Ермаковский, 102
Ефремов И.Е., 78

Ж

Жаикбаев К., 203
Жакмон П.П., 259
Жаров, 102
Жданов, 108
Жданов Загретдин, 233
Жданов Хуснутдин, 232,298, 320
Железнов ИИ, 41,42
Жемчужников А.А., 97,151
Жером, 76
Жибарев П., 13
Жилин, 77
Жиров, 78
Житков А.Н., 100
Жиянбетов Сейфулмулюк Ишкуватович, 173
Жоховский И.И., 306
Жуковский Григорий Васильевич, 53,130,131,134,150,198

З

Забалуев В., 252
Загорский, 262
Зайковы, 277
Зайончковский А.М., 99
Заки Шамсетдин, 229, 230,232, 298, 316, 324, 339, 340, 343,344
Закир, 308, 346
Закиров М., 298
Залесов Н.Г., 36, 39,67, 326
Зардаби Г., 319
Захаров И.И., 42
Зеленин Д.К., 187
Зефиров В.В., 25, 86,142, 221,222, 228
Зикеев Канафи, 35
Зотов Т., 150
Зубаиров, 54
Зубаиров Ушияр, 196
Зубаирова Марьям Ушияровна, 196
Зубинский, 101
Зулейха, 320
ЗундбергГ., 163
Зур (братья), 25
Зухра, 227, 228, 320
Зяналин Хасян, 102
Зянзянов Аманай, 142

И

Ибатуллина Габдуллы, 35
Ибрагимов, 174,213
Ибрагимов Г., 323
Ибрагимов Лукман Усманович, 167, 175, 289, 290, 291
Ибрагимов Мигран Усманович, 173, 300
Ибрагимов Салимгарей, 196
Ибрагимовы, 289
Иван Васильевич (Грозный), 27
Иванов, 98
Иванов Мартиниан, 226, 231, 233, 314,315,340
Ивашинцев, 263,267
Игельстром О.А., 30, 31,45,49, 205, 351
Идукай, 320
Ижбаев Мухаметфаиз, 168
Ижбулатов Джангир Искакович, 289
Ижбулатовы, 289
Иловайский 12-й, 78, 79
ИлсебаяЯ., 344
Ильбаков Курман, 225
Ильминский Н.И., 315, 346
Ильяси Г., 346
Ильясов, 35
Ильясов Муса, 101
Ильясов Сайрян Тонгунович, 173
Имангулов Ималы, 193
Иманов Рахимкул, 217
Ирмаков Ишкиня, 216
Исдейл Ч., 80
Исекеев Алдар, 208, 209, 324
Исенгул сын Каипкула, 26
Исламова Марьям Ахмадеевна, 292
Исмагил, 214, 323, 330
Исмагилов Темужа Исмагилович, 172
Исмагилов Хусейн, 195
Исрафилов Утяган, 197
Исхаки Гаяз, 308
Исхаков А., 305
Исхаков Афтах, 305
Исхаков Д.М., 201
Исякаев Имай, 215
Иткустин Аллаберда, 168
Ишгушинов Исангул, 84
Ишеев Бахтияр Бакиевич, 172
Ишемгулов Кутлугильда, 87
Ишигулов, 98
Ишимгулов Джангер, 101
Ишимгулов Кутлугильда Ишимгулович, 170,172, 290
Ишимгулов Мухаметкирей Кутлугильдинович, 173
Ишимгулов Мухаметша, 101
Ишкильда Кутлубаев, 290
Ишкильдин Янмурза Ишкильдинович,173
Ишкинин Абдулбакый, 225
Ишкинин Бакый, 225
Ишкинин Биишь, 225
Ишкинин Ишберда Ишкининович, 173
Ишкужина Камалетдина, 316
Ишкулов Ф.А., 20
Ишменев Курбангали, 216
Ишмурза, 330
Ишмухамет, 227,342
Ишмухаметов Зюфар, 150
Ишмухаметов Усман, 98
Ишмухаметовы, 281
Иштеков Амин, 142

К

Каблуков В.И., 98
Кабузан В.М., 156, 283
Кабылов Багутдин, 101
Кагарманов Райман, 92
Кагарманова Гюльбюзима, 196
Кадыри Закир, 308
Кадыровы, 281
Кадышев Бахтигарей, 102
Казанцев Г.Г., 274
Казанцев И.М., 15,188, 326
Казбулатов Суфияр, 287
Казим-Беком А., 296
Казин В.Х., 97, 99
Каипов (Каюпов) Аюп Каюпович, 79,171,175,290,291
Каипов (Каюпов) Гумер, 171
Каипов (Каюпов) Лукман, 171
Каипов (Каюпов) Усман, 171
Каипов Ахметьягари Исянгулович, 173
Каипов Ильяс Юмагузинович, 172
Каипов Исянгул Мамбетевич, 172
Каипов Ярмухамет Исянгулович, 173
Кайбышев Мухаметгарей, 287
Калимуллин Б.Г., 334
Камала Г., 346
Камала Ш., 323
Камалетдинов Мирсаяф, 348
Камали Зия, 308, 311
Канакбаев Сафаргалей, 101
Кандауров, 71
Канзафаров Багдасар, 217, 219
Канкрин Е.Ф., 108
Кануков И., 319
Канчурин Хабибулла Баймурзинович, 64,167,173
Капли И., 25
Карабай, 227
Кара-Кыпчак, 227
Карамзин, 112
аль-Карани Абухажиб ас-Салими, 230
Карачев Ихсан Абубакирович, 170, 172, 290
Каримов Абдулвагап, 216
Каримов Мухаметьяр, 102
Карманов Мухаметвали, 36
Касимов Кенисар, 60
Касимов Салих Зиянбердинович, 173
Катаринский В.В., 342, 346, 347
Катенин А.А., 31, 67,133,148, 298
Кауля И., 275
Кахым-туря, 14, 50, 221,222
Качкинов Ахметзян, 300
Качкинов Н., 266
Кашбулатов Ю., 64
Квасников, 102
Квитка А., 259
Кеппен П., 155,157
Киикбаев Ахмет Урслановович, 173
Кийков (Кииков) Габидулла, 27,171
Кийков (Кииков) Девлетша, 171
Кийков (Кииков) Мухаметшарип Нигматуллович, 171,287
Кийков (Кииков) Нигаметулла Шарипович, 170,171,175, 290,291
Кийков (Кииков) Шарип, 290,291
Кильдыбаев Хусейн, 193
Кильмеков Кусябай, 35
Кинзебаев А.И., 249
Кинзикеевы, 281
Кинзякай, 226
Кириков С.В., 339
Кирилов И.И., 209, 210
Киримкулов, 142
Киселев П.Д., 108,112
Кисляков Н.А., 177
Китыков Мурат Кулчуринович, 173
Клейнмихель П.А., 108
Кленау И., 90
Климов, 263, 267
Климович Л.И., 305
Клысбаев Исламгул, 216
Клюев, 101
Ковалевский М.Е., 267
Козицын, 151
Козлов В.И., 183
Коитов, 98
Колесник И.В., 125
Кологривов А. С., 83
Комба, 78
Комиссаров Г., 200
Кондратьев И., 81
Конкас, 227
Конкас-кураист, 228
КонопкаЯ, 79
Константин Павлович, 97
Кортунов А.И., 19, 42, 43
Корф Ф.Н.,98
Косвен М.О., 175
Котлубаевы, 281
Кочубей В.П., 58, 209
Крамаров, 102
Красильников М.П., 251
Крачковский И., 324
Крашенников, 174
Крейц К.А., 87, 90,91
Кричинский, 135
Кротков, 262
Круковский М.А., 280
Крыжановский, 245, 266
Крыжановский Андрей Николаевич, 259,260
Крыжановский Михаил Николаевич, 259
Крыжановский Николай Андреевич, 135, 137, 246, 259, 260, 263, 264, 266, 267, 270, 298, 300, 306, 326
Крыласов Алексей, 214
Крылов И.А., 314, 315
Ксяков Ахтям Кинзекеевич, 173
Кувандыков Р., 195
Куватов Альмухамет, 121,175,183, 224, 233,247, 288, 290
Куватов Б., 175
Куватов Байтюря Мамбетгуринович, 172
Куватов Бурангул Куватович, 54, 60, 71,73,118,170,171,175,209, 290, 291
Куватов Галиахмет, 171
Куватов Губейдулла, 171
Куватов Кагарман, 171
Куватов М.-Г, 342

Куватов Мухамет, 171
Куватов Мухаметхаким, 101
Куватов Мухаметьян, 101
Куватов Мухаммедбакий Нарынбаевич, 173
Куватов Наврузжан Аргинбаевич, 172
Куватов Рысмухамет, 171
Куватов С.Т., 175
Куватов Сахдиван, 171
Куватов Тагир, 171
Куватов Юлкутла Кутлучуринович, 172
Куватова Алдана, 171
Куватова Кызбика, 171
Куватова Туйбика, 171
Куватова Юлдашбика, 171
Кудашев Н.Д., 78, 79
Кудашев-Ашкадарский Ильяс, 345, 346
Кудашевы, 207
Кудряшов М., 223
Кузеев Р.Г., 17,140,156,177,200, 255, 269, 273, 283, 284, 285, 338
Куз-Курпяч (Кузыкурпяс), 227
Кузнецов В.А., 19, 96,97
Кукляшев С., 226, 231, 310,314, 315, 340
Кулбаков Хасан Кумаринович, 172
Кулгильдин Байгильды, 219
Кулембетев Абдулгафар Мухаметрахимович, 172
Кунанбаев А., 319
Курбангалиев Габдулхаким, 303
Курбангалин Б., 98
Курбангалин Бикмухамет, 289
Курбангалины, 289
Курис И.О., 127
Курмангулов Хисматулл, 193
Курпечев Искендер Ермухаметевич, 172
Курпячев Каранай, 213
Курсави Абдуннасыр, 348
Курсави Габденнасыр, 324
Куруртинов (Хурурдинов) Мурат, 77
Кустугильдинов Салих Еманаевич, 173,216,217
Кусямышев Габдулсадык, 101
Кусяшев Кувандык, 219
Кутдус, 79
Кутдусов Буранбай, 227
Кутейников Д.Е., 77
Кутлуахметов Мухаметша, 194
Кутлубаев Абдулкабир Зюбеирович, 173
Кутлубаев Вильдан Зюбеирович, 173
Кутлубаев И.М., 175, 252,292
Кутлубаев Ишкильда, 171
Кутлубаев Лукман, ,171
Кутлубаев Мустафа Вильданович, 171,249
Кутлубаев Мухаметмуртаза, 171
Кутлубаев Нугуман, 214
Кутлубаев Нугуман Зюбеирович, 173
Кутлубаев Нугуман Мигранович, 171
Кутлубаев Реян Зюбеирович, 173
Кутлубаев Сулейман,, 171
Кутлубаева, 174
Кутлубаева Бальхим Шангареевна, 171
Кутлубаевы, 174
Кутлугильди Кунафия, 73
Кутлуюлов А.Т., 250
Кутлуюлов М.Т., 249
Кутмужинов Абдулла, 84
Кутуев Искак Абдиевич, 172
Кутуев Шагигалям, 101
Кутузов М.И., 78,79, 222
Кутуш-Кыпчаки Менди, 229,230, 324,339
Кучербаев Муса, 73
Кучербаев Хусейн Кучербаевич, 84, 170,172, 290
Кучкильдин Н., 300
Кучуков, 64
Кучуков Абдулла, 167
Кучуков Г.А., 175,292
Кучуков Кулуй, 34, 223,224,290,291
Кучуков М.Х., 292
Кучуков Мухаметшариф, 289
Кучуков Мухаметьюсуф, 289
Кучуков Сагит Кулуевич, 172
Кучуков Сулейман, 102
Кучуков Хасан Мухаметкулуевич, 102,175,289, 290,291,292
Кучуковы, 289
Кушаев Ярмухамет Азаматович, 173
Кушмамбетов Зюмагильда, 173
Кущугулов Абдулгафар, 219
Кущугулов Абдулкагир, 214
Кущугулов Хисматулла, 214
Кыпчак, 227

Л

Лавровский Л., 299
Ламберт К.О., 79
Лаплан Д., 87, 89
Лаптев С., 275
Лаптевы, 281
Латур-Мобур М.В., 77
Лачин М.М., 76, 78, 84
Лачинов, 150
Лачинов Валит Якшимбетевич, 167, 173
Лачинов Ермухамет Валитович, 173
Лебединский Л.Н., 225
Левашов, 274
Левиз Ф.Ф., 90
Левшин, 263
Ленин В.И., 306
Лепковский, 214
Лермонтов М.Ю., 323
Леруж, 98
Лесин В.И., 19
Лещинский, 101
Ливен В.К, 263
Лобанова-Ростовский Д.И., 91, 92
Ломоносов М.В., 315, 323
Лорис-Меликов М.Т., 266
Лосский, 102
Лотин В.В., 134
Лукман, 316
Любавский М.К, 205
Ляхов, 174

М

Магадеев Ш., 298
Мадатов В. Г., 79
Майкы-бий, 27
Максимович, 129,130
Максютов, 214
Максютов А., 341
Мактутов Узянбай, 84
Малахов Н.В., 156,160
Малиев Н.М., 155,156,160
Малика, 228, 320
Малыгин, 154
Мальковский М., 72, 81, 82
Мамин-СибирякД.Н., 326
Манаевы, 281
Манасов Хузян, 192
Манатов Ш., 288
Мансуров, 218
Мансуров Абдулхалим, 35
Маняшев Мирсаях, 102
Марбо М., 91, 234
Марджани Шигабетдин, 310, 317, 323, 324, 348
Марзагулов, 35
Марков Е.И., 91
Мартине, 25
Масцепанов М.К., 81
Матвеев Петр, 214
Матвиевский П.Е., 16
Махмутов М., 198
Маян, 227
Мевиус Ф.П., 147
Медведев, 212, 214, 215
Мелиссино А.П., 80
аль-Менгирей Ахметшах, 316
Мендияров Баймухамет, 215
Мендияров Габдрахим, 196
Мензелеви Ш, 344
Менлибаев, 275
Мещеров Нигаматулла, 214
Миллер, 101
Милютин Д.А., 242, 256
Минаев Д.И., 326
Минзингулов, 210
Миртов, 109
Мир-Якуб, 292
Мисареев Иждавлет, 77
аль-МисриУтяки Ахмед, 344
Михаил Павлович, 98
Михайлов Н., 150
Михайлов С., 319
Михайловский-Данилевский А.И., 12
Моисеев, 72
Моногарова А.А., 176
Морозов, 262
Мряков Шарып, 174
Мряковы, 142
Мударисов Р.З., 18,19
Муйнаков, 223
Мулдакаев Ураз, 102
Муллагул-дивана, 343
Муллагулов Г., 233
Мурадым, 320
Мурадымов Мухамет, 101
Мурат-мулла, 306
Мурдашкалдеев Ян (Шкалдеев Ян-мурза), 77
Мурзагулов Котлуша, 225
Мурзаев Давлеткул, 170,175
Мурзаев Давлеткул Юлушевич, 171, 290,291
Мурзаева Барчабига, 171
Мурзаева Вадига, 171
Мурзаева Чемжа, 171
Мурзаева Шагидземала, 171

Мурзакаев Ишмухамет, 227
Мурзашев Калмаккул Исянгулович, 172
Муромцев Н.С., 87
Мурсалимов Г., 195
Муртазин М.Л., 13,15
Мусин М., 193
Мусин Усман, 192
Мусихин Пантелей, 217
Мустафин Шафей Мустафинович, 172
Мутаев Ахтям Байгильдинович, 172
Мутаев Салих, 101
Мутин, 64,174
Мутин Абдрешит (Габдулрашид) Аднагулович, 175
Мутин Абдулбасыр Абдрешитович, 173
Мутин Арслангарей, 289
Мутин Ахметша Абдрешитович, 173
Мутин Батырхан, 289
Мутин Гумер Батырханович, 289
Мутин Мухамедьяр Абдрашитович, 287
Мутин Сеитгарей, 289, 290
Мутины, 174, 289
МутонЖ, 90
Мухамаев Мухаметкарим, 148
Мухаметлатипов, 300
Мухаметрахимов Мухтар, 167
Мухаметситдиков Г., 300
Мухаметшарифов Габдрахман, 192
Мухаметшарыпов Мухаметвалей, 102
Мухаммад пророк, 302, 303, 304
Мухамметгарифов М., 298
Мырзашев Касим, 222
Мюллер Ф.Г., 121
Мярганбаев, 210
Мяскяй, 227
Мясогутов Динмухамет, 102

Н

Нагаев Камалетдин Шарафетдин[ович], 192, 298, 348
Нагаев Шарафетдин, 298
Нагаева Габдулмаджида, 299
Нагайбаков А. Ш., 292
Нагайбаков Курмекей, 174
Нагайбаков Султангарей Шагингиреевич, 224
Нагайбаков Ш.А., 292
Нагайбаков Шагингарей Курмекеевич, 154, 170,171,174, 175,213, 220,224,290, 291
Нагайбакова (Султанова) Шамсинниса Баязитовна, 171,175
Нагайбаковы, 174
Нагашев П.П., 98
Надергулов М.Х., 19,97
Надыршина Ф.А., 329
Назаров, 89
Назаров М.И., 101
Назиров С., 281
Накшбанди Багаутдин, 302, 304
Наполеон, 13,15,19, 73, 74,78,79, 87, 88,90, 91, 93,158, 221, 222, 234, 236, 238,351
Насретдин ходжа, 228
Насретдинов Абдулахат, 298
Насыри К., 319
Насыров И.Р., 305
Наурузов Насыр, 91
Небольсин П., 125,142,155
Нейбердин Аксулпан, 35
Некрасов, 72
Нелидов Г.В., 58,192
Нешпоев ИИ, 30,107, 210,232
Нессельроде, 64
Нефедов Ф.Д., 326
Нибур Г., 235
Нигматуллин А.Ш., 281
Нигматуллин С.Н., 16, 57
Нигматуллин Садик, 198, 233
Нигматуллин Х., 298
Никитин Василей, 215
Николай 1,48, 56, 59,92, 99,100,101, 102,132,167,194,195,197,198, 219
Никольский Д.П., 11,12,13,141, 156,158,162,163,182,185,187, 272, 284, 328
Никольский Н.В.. 211
Новак И.И, 82
Новиков, 171, 262
Нугман, 343
бин-Нугуман Якуб, #324
Нураев Фейруша Сагитович, 172
Нураев Фихаргали, 102
Нуралы-хан, 210
Нэркэс, 345

О

Обручев В.А., 45, 48,49, 50, 53, 57, 58,59,107,128,130,131,132,133, 139,199,241
Обухов, 174
Обязов А., 64
ОвсянниковА., 82
Оленин А. Н., 326
Ольшевский С., 247
Оранский Вильгельм Фридрих, 85
Орлов-Денисов В.В., 78
Орловский А.О., 25
Осипов Иван, 82
фон дер Остен-Сакен Ф.В., 80,98
фон дер Остен-СакенаД.Е., 98
Островский А.Н., 346
Отрощенко Я.О., 73,98

П

Пахт, 103
Пашков, 147
Перовский В.А., 12,20, 31, 32, 34, 36, 37,40,45,48,49, 50,51,53,57, 58, 60, 64, 65, 67, 68, 69, 99,100,103, 108,112,123,128,129,133,136, 137,138,147,167,170,175,190, 191,197,212,214,217,218,219, 220, 225,241,337
Петр 1,93,168
Петровский, 72
ПеутлингА., 36
Платов Матвей Иванович, 12,72, 73, 76,77, 78, 80, 86, 91
Плачковский, 245
Плешаков, 154
Плешивцев Н., 81
Поддубный Иван, 331
Подпрятов Н.В., 19
Полежаев, 154
Поликарпов, 78
Полторацкий Д., 147
Полторацкий П.А., 249
Понятовский Ю.А., 76
Попов, 141
Попов М.С., 81
Попов Н.С., 127,130,141, 183
Портер Р.Кер, 25
Прокопович П.И., 122
Прокудин-Горский С.М., 26
Прянишников, 223
ПтухаМ.В., 163
Пугачев Е., 13,14, 82, 83,168, 226
Пузанов, 152
Пузыревский А.К., 97
Пустошин В.К., 146
Пушкин А.С., 319, 322, 323, 327, 341, 344

Р

Рабинович М.Д., 15
Разин Степан, 225
Раимов Р.М., 13,15
Раимов С., 300
Ракаев Булат, 210
Рамеев М.З., 274
Рамеев М.Ш., 274
Рамеевы, 330, 346
Рапп Ж., 90
Расулев Зайнулла, 297, 302, 303, 304, 305,306,307,308,310,311,312, 346, 349
Рахимбика, 210
Рахимов Р.Н., 19, 97, 99, 201, 255, 337
Рахматуллин У.Х., 201, 255
Редигер А.Ф., 256
Резяпов Абдрахман, 35
Резяпов С.М., 286
Резяпова Гюмаена, 197
Резяповы, 286
фон Рейтерн Христофор Христофорович, 53
Ремезов Н.В., 267, 270, 326
Репин Иван Иванович, 72
Репнин-Волконский Н.Г., 91
Ризаитдин, 310, 346
Риза-казы, 310, 311
Римский-Корсаков А.П., 72, 95, 98
Риттих А.Ф., 259, 328
Рогали-Левицкий, 245,246
Роговы, 277
Роднов М.И., 19, 256
Розен И.К, 88, 89
Рокосовский, 36
Роос, 77
Росихин, 217
Руденко С.И., 13,177, 332, 335, 337, 338
Руднев, 72, 82
ибн-Руста, #140
Рустанов Мухаметша, 167
Рыбаков С.Г., 230, 338
Рычков Н.П., 210
Рычков П.И., 183, 210
Рюппель, 82
Рязбаев Багаутдин, 101

С

Сабитов Ульмаскуль, 142
Савин, 60, 99

СавоиниЕ.Я., 98
Сагадиев Динмухамет, 216
Сагит, 346
Сагитов Габдулсатар, 197,198
СазыкинА.Я., 174
Сакович, 101
Салават, 343
Салим, 346
Салимакай, 227
Салимгулов Рахматулла, 142
Салихов, 229,230, 231
Салихов Хибатулла, 229, 315, 320, 324, 339, 340, 344
Салихова Рабига, 197
Салихова Хибатулла, 229
Салтыков-Щедрин М.Е., 326
Саляй,330
Самойлович А., 324
Самородов Д.П., 20
Сапега-Олыдевский, 120
Сапожников, 102
Сарараев Сагит, 192
Сарбулатов Абдулменяф, 172
Сартыков Сабыт, 220
Сасухин, 151
Сафа, 331
Сафаров, 192, 214
Сафаров Абдулбасыр, 167
Свердлов М.Б., 177,182
Свечин М.М., 90
Себастиани О.Ф., 77
Сеитбурханов А., 195
Сейфуллин Бакий, 193
Сейфуль-Мулюк, 320
Селезнев П., 81, 82
Семенова Н.Л., 20
Сен-Сира Г., 90
Сергеев, 174,215, 262
Серебренников И.И., 82
Серебряков М.Н., 177
Середа Аким Иванович, 53
Сиверс В.К., 100,103
Сиксимбаев Муслим, 77
Синбирин Алексей Михайлович, 53
Синбугин Е., 298
Сирхинди Ахмад Фаруки, 302
Ситников, 60, 99
Сиям, 345
Скалозубов Н.Л., 251
Скржинецкий Я., 98
Смирианов, 101
Соколов, 102
Сокорой Гали, 339, 343
Столыпин П.А., 323
Стрельков, 174
Строганов П.А., 87
Стуколкины, 281
Субханкулов Адулнасыр, 64
Субханкулов Арслан, 233
Суворов-Рымникский А.А., 103
Сулейман, 346
Сулейманов Габдулвахид, 188,192, 195,198,199,296
Сулейманов Рахимкул, 219
Сулейманов Ф.М., 181
Сулейманов Шарафутдин, 196, 297, 298, 306
Султамбеков Муса, 216
Султамратов Адначура, 214
Султанбеков Абдулкаюм, 300
Султанбекова М., 195
Султангулов Галиакбер, 195
Султангулов Мухамедсалим, 101
Султанмратов Жиганша, 34
Султанов, 174
Султанов А.М., 292
Султанов Абдулгафар, 171
Султанов Абдулсатар Абзелилович, 170,171
Султанов Абдулсафар Абзелилович, 170
Султанов Абзелиль, 170,171,290, 291
Султанов Баязит, 170,171,175, 224
Султанов М., 175
Султанов М.А., 286
Султанов М.М., 249
Султанов М.Н., 292
Султанов М.Ш., 175
Султанов Мухамедьяр, 167, 292, 296, 297, 299, 300, 301
Султанов Мухаметгарей, 171
Султанов Мухаметрахим Абзелилович, 154,167,170,171, 174, 297, 299, 301
Султанов Мухаметсадык Абдрахимович, 174,286, 299
Султанов Мухаметшариф, 167
Султанов Мухаметьян, 171
Султанов Султанмахмуд Шагимратович,292
Султанов Шайхильислам Мухаметрахимович, 174
Султанов Шайхильмарданом Мухаметрахимович, 174
Султанова Зюгра Султанмахмудовна, 292
Султанова Магафура, 196
Султанова Шамсиниса Баязитовна, 224
Султановы, 170,174
Сурагулов Абдулла, 90, 91
Сутукова Утягула, 35
Суханов, 101
Сухарева О.А., 176,177
Сухозанет Н.О., 241,242
Сухтелен П. Г., 198
Сухтелен П.П., 35, 36,45,46,47,49, 57, 58,97,107,150,153,211,223, 241
Сучилин, 78
Суюндуков Габдрахман, 173
Суюндуков Сабит Мансурович, 173
Суюндуков Сангыз, 101
Суюнов Лукман, 101
Суюшев, 90
Суяргулов Абдулхалик Альмухаметевич, 172
Суяшев З., 266
Сыртланов А. Ш., 260, 266, 292
Сыртланов Галиаскар Шахайдар[ович], 287
Сыртланов и Юсуф (Иосиф), 289
Сыртланов К., 198
Сыртланов Оскар, 289
Сыртланов Р.Ш., 289, 292
Сыртланов Шагимардан Ижбулдинович, 174, 286, 287, 289, 290, 291
Сыртланов Шахайдар Шагигарданович, 136,175, 249, 287, 289
Сыртланов Юсуф Шахайдарович, 292
Сыртланова Амина, 287
Сыртлановы, 289
Сытин И.Д., 15, 99

Т

Тагирова Л.Ф., 20
Тайманов Исатай, 60
Тамьян, 136, 227
Тарасов Д. К., 55
Тарасов П.И., 274
Тарасов Ю.М., 127
Тарле Е.В., 99
Тасигмуллин Кайдафа, 233
Татаринова, 151
Татищев С.П., 89
Таубе, 89
Тахир, 320
Тахтаров Б., 109
Ташбулатов Галикей, 91
Тевкелев А.И., 210
Тевкелев Салимгарей, 296,297,298
Тевкелевы, 174, 208
Темирбаев Агильулла, 216
Темирбаев Галиулла, 216
Темирбаев Даут, 216
Темирбаев С., 198
Темиров (Тимиров) Н.А., 71
Темиров Кутлугильда, 80, 84
Тенгаур, 227
Тенишев Н.И., 89, 91
Тенишев Х.Т., 281
Тенишевы, 281
Терегуловы, 207
Терентьев Ф., 223
Терлецкий, 138
Тетеревников Николай Кузьмич, 53, 119,151,152
Тикеев, 215,216, 217
Тимашев, 55, 56, 213, 214, 215, 218, 225,226
Тимашев А.Е., 305
Тимербаев Аккусюк, 87
Тимирбаев Смагил, 83
Тимирбаев Тигимей, 83
Тимм В.Ф., 25
ТипеевШ.И., 13
Титов, 101
Титов Н.Ф., 87
Тихановский И.Г., 81
Тихановский П., 81
Тихановский Т.Е., 82
Тихменев М. П., 259
Тляккабулов Мухамедьяр, 195
Тляпов Назирбай, 91
Токтамышев С., 249
Токгаровы, 120
Токумбетев Шарафутдин Кадырович, 173
Токумбетов С., 233
Толмачев Александр Афанасьевич, 53
Толстая, 151
Толстой Илья Андреевич, 53
Толстой Л.Н., 53, 323, 327 •
Толстой П.А., 57, 58, 83, 88, 90,91, 327
Тормасов А.П., 79
Трощинский Д.П., 194
Трунов М., 82

Тукаев, 299
Тукаев Габдулмаджид, 299
Тукаев Хабибулла, 299
Тукай Габдулла, 308, 323
Тукумбетов, 64
Тулакаев Аислям, 73
Туманчин Валий, 168
Тупеев Исмагил, 167
Турно К., 76, 77, 234
Турусов В.П., 15
Тутлубаев, 245
Тухват, 223, 224
Тучков, 78
Тюймесев, 175
Тюлекеев Кусюм, 330
Тюлькубаев А., 191
Тятигачев JI., 249
ТятигачевХ., 137

У

Уваров, 78
Углецкий В.А., 22, 80
Узбеков Байгунда Резяпович, 172
Узбеков Ирмухамет Узбекович, 173
Узенбаев Айчувак Узенбаевич, 71, 73,170,172, 290
Уйфальви К., 256
Уметбаев Абдулла, 286
Уметбаев Асядулла, 289
Уметбаев Ишмухамет Ишгулович, 289,290, 291,319
Уметбаев Мухаметсалим, 26, 99,128, 175,231,233,249,288, 289,310, 314,316,319, 320, 321,322, 340, 341, 343, 344, 349
Уметбаев С.И., 249
Уметбаев Сулейман, 289
Уметбаев Фахритдин, 289
Уметбаевы, 286, 289
Уоллес, 327, 328
Уразымбетов Абдулхаир, 35
Ураков А.В., 71, 72, 73
Урмаметов Тлям, 197
Урмаметова Мукмина Тлямовна, 197
Урманшин Ижбулды, 197
Урусов, 165
Усман Г., 343
Усманов А.Н., 14,16
Усманов Сейфитдин Тулубаевич, 102,173
Усманов Х., 310, 311, 349
Усманов Х.Ф., 17,18, 29, 270, 271
Усмановы, 281
Успенский Г.И., 12, 326
Усревецкий, 72
Устинов, 151
Усярган, 227
Утаев Ахтям, 196
Уткин, 287
Утыз Имяни (Усманов Габдрахим), 230, 302, 304
Утявов Тухват, 223, 224
Утяганов Халимулла, 102
Утяки Хабибназар, 311, 344
Утямышевы, 281
Утяшев, 245
Ушаков С.И., 73

Ф

Фазлыахметов Сейфульгалим, 197
ФайзиМ., 323
Файзуллин Хисматулла, 195
Фархуматова Бибигачиза, 175
Фархшатов М.Н., 255
Фасхутдинов Фархутдин, 214
Фаткуллин Габдулгани, 193
Фатыхова Ф.Ф., 194
Фахретдин, 322
Фахретдинов Ризаитдин, 308, 309, 310,311,312,316, 322, 323,324, 325, 345, 346, 349
Фелькнер Ф.И., 148
Феныд А.С., 90
Феофилатьев, 71
Ферстер, 148
Фиедьструп Ф.А., 283
Филатов И.И., 50,121
Филатов Н.Н., 38,139
Филимонов Е.С., 200
Филоненко В. И., 12
Фирдоуси, 322
Фирдоуси А., 315
Флоринский В.М., 258, 326, 327, 328
Фридрих IV, 89
Фрош, 25

Х

Хабибулин Маргавафа, 196
Хабибуллин Зайнулла, 306
Хабиров Хайрулла, 348
Хабутдинов А. Ю., 3 0 5
Хади Закир, 345
Хажбеков Насир, 225
Хажгали, 227
Хажибеков, 330
Хайбуллин Абдулбасыр, 216
Хакбердины, 281
Хакимов М.А., 281
Халиди Ф., 346
Халфин И., 310
Хамзин, 217
Хамидуллин Абдулнафик, 214
Ханзаров Бикмурза, 101
Хантемиров А., 297
Ханыбеков Гадилына, 195
Ханыков Н., 192
Харисов А.И, 340
Харитонов, 78
Хасан, 225,232, 346
Хемницер И., 314
Хибатулла, 231
Хисаметдинов Мирас, 148
Хисаметдинов Мухаметгалий, 197
Хисаметдинов Фахрутдин, 197
Хисамитдинова Ф.Г., 140
Холодковский А.Д., 263, 267,288
Храмцов Емельян, 217
Храповицкий М.Е., 97
Худайбердин Гильман, 76,77,78
Худайшукуров Алтынбай Худайшукурович, 90,173
Хусаин, 84, 98, 346
Хусаинов А.Г., 275, 281
Хусаинов Ахмед, 349
Хусаинов Кучербай, 84
Хусаинов Махмуд, 349
Хусаинова Гания, 349
Хусайновы, 277, 281, 346, 349
Хусейнов Баймухамет, 195
Хусейнов Мухамеджан, 191,194, 302
Хуснияр, 343

Ц

Церетелев, 245
Циолковский Станислав Тимофеевич, 37, 52, 64,106,138, 213, 214, 217,219, 225

Ч

Чанышевы, 207
Чаплин, 102
ЧаплицЕ.И., 79
Чемодуров А.Н., 101
Чептаряков Абдюк, 165
Черемшанский В.М., 11, 96,146,155, 207
Черепанов, 218
Чернецовы Г.Г., Н.Г., 25
Чернов И.В., 15, 31,40, 58,138, 223, 248
Чернышев А.И., 85, 217,218, 220
Чернышев А. Ф., 25
Чертанов Ильяс, 142
Чижовы, 281
Чингиз-хан, 27
Чоков П.П., 81, 82
Чувашбаев Буранбай, 76, 77, 84
Чувашев А., 297
Чуйкевич П.А., 12, 73
Чуйко, 102
Чулошников А. П., 212
Чураманов Ядмира, 196
Чурко М.Ф., 13

Ш

Шагингарей, 224
Шадов И., 25
Шаимов Абдулхаир Емагужинович, 167,172
Шаимов Таймас, 209
Шайдаров Н.Ф., 81
Шакир, 346
Шакурова Ф.А., 18
Шамардин, 102
Шамиль (имам), 302, 306
Шамрат, 223
Шамсубадин, 195
Шамсунов А., 199
Шамсутдинов К., 193
Шапошников, 101
Шарафетдинов (Ногаев) К., 297, 298
Шарипов Ахтям, 141,142
Шарипов Халил, 233
Шарипов Шагиахмет Батыршинович,173
Шарыпов Ахмер, 174
Шарыпов Ахтам Валишович, 174
Шарыпов Валиша, 174
Шарыповы, 170, 281
Шахмаев, 266
Шахурин, 151
Шведов С.В., 15
ШенкК.,94
Шефлерев, 72
Шиканов В.Н., 19
Шипов, 150,151
Шишков А.С., 236
Шкапский, 102,262
Шлах, 218Шотт, 139
Штакельберг, 102
Штехер, 262

Шубин, 60, 99
Шукшинцев И.С., 12
Шульгин А.П., 81
Шункаров Зейнибашир Шункарович, 172
Шункаров Н.Д., 333

Щ

Щербатский И.И., 250
Щипанов, 217

Э

Эверсманн Э.А., 125,134
Эммануэль Г.А., 86
Эпштейн Д., 13
Эссен П.К., 15, 36, 45,47,48,49, 55, 57, 58, 64,76, 80, 92,104,106,223, 241

Ю

Югель Ф., 25
Юдин М.JL, 12,15
Юдин П.Л., 12, 334
Юдин П.М., 272
Юлаев Салават, 14,226, 316, 344
Юлдашбаев Б.Х., 17
Юлдашев А.А., 200
Юлдашев Рахметулла, 215,218,220
Юллыбаев Хайбулла, 172
Юлтыев Ниязгул, 84
Юнаев Бадаргул, 31
Юнусов Саитбатал, 167
Юнусов Сапаргали, 217
Юнусова А.Б., 20
Юрушбаев Н.А., 91
Юсупов Мухаммад-Сафа, 233
Юсупов Х., 64
Юсупов Ярмухамет, 142
Юсуф, 320
Юферов, 36

Я

Явшиев (Яушев), 244
Ягудин М., 192
Языбаев Мысин, 84
Якиев Байгуза, 214
Яковлев А.И., 83
Яковлев И., 319
Якупов Давлетбай Юсупович, 172
Якупов Ишали, 165
Якупов Мухаметзян, 36
Якупов Р.И., 201
Якупов Салих, 35
Якупов Тилькькабыл Юсупович, 173
Якупов Шагамух Метьишалинович, 173
Якшигулов С., 314
Якшигулов Сеитбурхан, 101
Якшигулов Ямлих Курманаевич, 173
Ялан-Яркей, 227
Ялсыгулов Та(д)жетдин, 228, 320, 324,339
Ямансарова Х., 195
Ямметев Голай Абдулович, 173
Ямметев Идрис Садыкович, 173
Ямметев Якшимбет Илишевич, 173
Янгузин Р.З., 17,132, 269, 272, 283
Янтей, 188
Янтемиров Темиргалий, 173
Янышев, 71
Ярлыкапов Искандер, 73
Яровой-Раевский, 102
Яссави Ахмед (ал-Йасави Ахмад), 302, 343
Яушев Г., 297
Яушевы, 277, 281
Яушевы М.Ш., М.З., 274, 281

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдразяково, *д.*, 292
Абдрешитово, *д.*, 215
Абдулгазино, *д.*, 225
Абдулкаримово, *д.*, 300
Абзаново, *д.*, 338
Абзелилово, *д.*, 193
Абзелиловский р-н, 225,339
Авант, м., 98
Австро-Венгрия, 31, 99
Адзитарово, *д.*, 348
Азикеево, *д.*, 195
Азия, 64, 236,238
Азнагулово, *д.*, 110,195
Азнаево, *д.*, 339
Азнаевская вол., 267, 272,282, 299
Азово, *д.*, 267
Азымеево, *д.*, 174
Аитмамбетово, *д.*, 267
Ай, р., 215
Айлино, *д.*, 213,218
Айлинская вол., 300
Акайкуль, *д.*, 329
Акбаш, *д.*, 217
Аккужа (Юлдашево), *д.*, 302
Аккужа, *д.*, 303
Акмолинская обл., 276
Аксарино, *д.*, 109
Адабуга, *д.*, 109
Адаклы, *д.*, 215
Аликаево, *д.*, 109
Аллабердино, *д.*, 53,109, 225
Аллагуватово, *д.*, 192
Альмен, *д.*, 349
Альменевский р-н, 333
Алынеево, *д.*, 252
Америка, 124
Аминево, *д.*, 108,134
Амировская вол., 244
Амирханово, *д.*, 203
Англия, 99,102,154
Аракаево, *д.*, 109
Арасланово, *д.*, 196
Аргаяшский р-н, 224
Арзамас, г., 80
Арск, г., 81
Арслан, *д.*, 348
Арслановская вол., 282
Артаулово, *д.*, 214
Артяшигар, *д.*, 217
Артя-Шигири, *д.*, 110
Архангельская вол., 281
Аскарово, *д.*, 276
Аслыкуль, *д.*, 297
Аслыкуль, оз., 329
Астраханская губ., 256
Астрахань, г., 275
Асян, с., 316
Аушкуль, р., 148
Афганистан, 64
Африка, 124
Ахмерово, *д.*, 113
Ахмет-Абызово, с., 300
Ахуново, *д.*, 302, 349
Аюсы-Мырзашево, *д.*, 222

Б

Бабаларово, *д.*, 109
Багдашкино, *д.*, 334
Базикаево, *д.*, 205
Баишево, *д.*, 197
Байки, *д.*, 276
Байкибашевская вол., 281
Байкинская вол., 281
Баймакский р-н, 225, 332
Баймурзино, *д.*, 187
Байрамгулово, *д.*, 189
Бакаевской вол., 282
Бакалы, *д.*, 276
Балакатайскаявол., 32
Балканские горы, 96
Балканы, 96
Балтийское море, 90,99,100,101, 102,103, 352
Балыклыкулево, *д.*, 298
Балыклыкуль, *д.*, 232
Барын-Табынская вол., 109,224
Баряшево, *д.*, 205
Бахчисарай, г., 311, 350
Башкортостан (Башкирия), 5,6,11, 12,13,14,15,16,17,18,19, 20,21, 22,23, 26,27, 28,29,40,41,45,48, 53,59, 66, 67, 79,86,91,96, 99,106, 116,118,119,121,124,126,140, 141,148,154, 155,156,157,160, 167, 168, 170,177, 178,179,180, 182,186,190,191,193,196, 200, 201,202, 203, 206,207, 208,211, 212.216, 221, 223, 226, 227, 230, 231,232,234,245,248,253,254, 255,256, 262, 263,269,271,273, 274, 275, 276, 277,283, 284, 285, 288, 293, 302, 305, 306, 308, 309, 310,312,313,315,316,319, 320, 322, 324, 325, 326, 327, 328, 334, 335,336,340, 341,342, 343,345, 348,349,350, 351,353,354
Бекечево, *д.*, 290
Белая (Агидель), р., 122,133,154, 210.216, 275
Белебеевский у., 32, 81,116,119,127, 133.136.137.143.144.146.152, 153,157,172,173,174,192,193, 195,204, 205, 207, 224, 244, 249, 250,252, 266, 267, 271,272,273, 275,283,284, 288,290, 293,316, 348
Белебей, г., 242, 293
Белокатайская вол., 250
Белорецк, г., 277
Белоруссия, 92,97, 98
Белоярская вол., 297
Белш, *д.*, 87
Бердениково, *д.*, 109
Бердская слобода, 55, 56
Березина, *д.*, 97
Березина, р., 97
Берлин, г., 25, 84, 235, 327
Бессарабия, 60, 96, 98
Бесянсе, *д.*, 229
Беткинино, *д.*, 110
Бикбердино, *д.*, 290
Бикбулатово, *д.*, 198
Биккул, *д.*, 349
Биккулово, *д.*, 339
Бикляш, *д.*, 348
Бикметево, *д.*, 214
Биктимирово, *д.*, 118
Бирск, г., 110,277,293
Бирскийу., 32, 81, 83,110,112,115, 116,119,127,128,130,132,138, 141.143.144.146.150.152.153, 155,156,157,172,173,174,181,

182,186,187,190,192,204,205, 206, 207,212,214, 217, 219, 220, 232, 243,249,250, 267,271,272, 273, 275,281,283, 284, 287, 290, 296, 300, 335, 343, 348
Бишаул-Табынская вол., 213, 262, 282, 286
Бишаул-Унгарово, д., 129
Биштяки, д., 348
Бобруйск, г., 93, 94, 95, 99
Богадинская вол., 288
Богдай, д., 87
Богдан, г., 348
Богемия, 88
Волхов, г., 72
Больше-Кущинская вол., 32,109, 110,127,215,250,282
Боников, д., 87
Борисов, г., 83, 94
Бородино, с., 167
Браилы, креп., 96
Бранденбург, г., 91
Бреда, креп., 85
Брест-Литовск, г., 83, 92
Бугульма, г., 39,61,66, 81, 83, 89
Бугульминский у., 32, 61, 81,106, 115,116,119,127,136,143,144, 146.157, 204, 205, 224, 244, 284, 286, 290, 322
Бугурусланский у., 32, 81,106,116, 119,127,136,143, 144, 146,157, 204, 244, 245, 272, 284
Бузовьязы, д., 286, 348
Бузулук, г., 98
Бузулук, р., 109
Бузулукский у., 106,108,109,115, 127.128.131.136.144.146.157, 203, 204, 205,244
Бунцлау, г., 88
Бурай, д., 348
Бурзянская вол., 32,108,109,136, 150,209,225
Бурзянский р-н, 225
Бухара, г., 64, 224, 229, 276, 299, 302, 348
Бушман-Кипчакскаявол., 106,252, 267
Бушман-Суун-Каракипчакская вол., 136,195

В

Валутина Гора, д., 78, 84
Варзи Малые, д., 110
Варна, креп., 96
Варшава, г., 83, 91, 92, 97, 98
Варяшево, д., 214
Веймар, г., 236
Великобритания, 64
Веллау, м., 73, 234
Венгров, м., 92
Верхнеильясово, д., 225
Верхнеозерная, креп., 59
Верхне-Татышлинская вол., 281, 300
Верхне-Теченская, д., 109
Верхнеуральск, г., 35, 59, 65,150,211, 218, 349
Верхнеуральский у., 15, 32, 80, 81, 101,115,116,118,119,120,127, 128,130,131,134,136,141,142, 143,144,146,147,148,151,155, 156,157,160,172,173,179,180, 181,182,184,185,186,187,189, 190,192,193,196,198,204, 206, 207, 209,211,212,225,232, 243, 259, 272, 274,278, 284, 297, 300, 302, 349
Вилейка, г., 97
Вилия, р., 97
Вильно, г., 72,76, 93,94, 95, 98
Висла, р., 90,97,98
Виссенбург, г., 84
Витебск, г., 82, 83, 90,287
Владимирская губ., 76, 86,103,222
Волга, р., 50, 83,94,101,208
Волго-Донского междуречье, 208
Волго-Камского р-н, 127
Волго-Уральский регион, 306
Волго-Яицкое междуречье, 208
Вологда, г., 83
Волынская губ., 84
Волынь, 97, 98
Вольский у., 32,106
Воронеж, г., 60, 99
Воронежская губ., 106
Высоколитовск, м., 80
Вышневское, с., 78
Вятская губ., 5, 32, 34,40,47, 57, 67, 110,111,112,113,115,128,130, 132,137,138,143,154, 204, 207, 243, 246, 264,270, 271, 283,284, 348

Г

Тайнинская вол., 109,110,119
Гайныямак, д., 244
Гайныямакскаявол., 267, 288
Гамбург, г., 25, 87, 91
Гданьск, г., 90
Герлице, м., 86
Германия, 74, 84, 88, 91,154, 352
Герцберг, м., 84
Гирей-Кипчакская вол., 272, 282
Гисгибень, д., 90
Глогау, креп., 87, 88
Глогау, креп., 87, 88,207
Глогау-Домм, предместье, 89
Глухов, г., 83
Глушицы, р., 107
Голландия, 85,154
Горностаевцы, с., 80
Грановице, д., 87
Григориополь, 96
Гродно, г., 76, 97
Гросс-Борель, д., 91
Гросс-Глогау, креп., 87
Губерлинская, креп., 59
Гумерово (Юлдашбаево), д., 113
Гурьев, г., 59

Д

Давлеканово, д., 252, 276,277
Давлетша, д., 166,172, 225
Дальний Восток, 5, 353
Данциг, г., 84, 90, 220
Девентер, г., 85
Дедин, м., 87
Дема, р., 216, 224, 329, 339
Дессау, г., 85
Дешкине, с., 72
Дмитриев, г., 72
Дмитровск, 72
Днепр, р., 78
Днестр, р., 96, 98
Днестровский лиман, 96
Домеснес, мыс, 102
Дрезден, г., 84, 87, 88, 89, 90, 91, 222
Дрогичина, м., 80
Дубенской повет, 84
Дубоссары, 98
Дуван, с., 213, 215
Дуванейская вол., 110,127
Дуван-Мечетлино, д., 214, 215, 216
Дуван-Мечетлинская вол., 250
Дуванскаявол., 127, 212, 216, 336
Дуван-Табынскаявол., 122
Дунай, р., 60, 96
Душембеково, д., 249
Дюртюли, д., 267
Дюртюлинский р-н, 256
Дюсметево, д., 134,195

Е

Евразия, 124, 293
Европа, 7, 25,70, 86, 234, 238, 259, 312
Египет, 350
Едцяцкая вол., 205
Екатеринбург, г., 21
Екатеринбургский у., 32, 34,109,110, 116,119,120,127,131,138,141, 142,157,173, 204, 217, 243,272, 283,284, 286, 328
Елабуга, г., 81, 276
Елабужскийу., 32,40,110,128,130, 138,157,172, 204, 207,243, 283, 284
Елдятская вол., 127,267
Елдяцкая станица, 218
Еманелга, д., 110
Емаши, д., 213
Емашинская вол., 217
Енейскаявол., 143, 330
Ерлыкапово, д., 225

Ж

Житомирский повет, 84
Жохово, с., 78

З

Заволжье, 43,106,107
Закавказье, 257, 353
Западная Европа, 160, 279, 313
Западной Сибирь, 208, 333
Западный Буг, р., 80
Заславский повет, 84
Зауралье, 17,177, 333, 337, 338
Звериноголовская, креп., 59
Зергепять, д., 290
Зилимово, д., 134
Зильдяровская вол., 267
Зирганов скаявол., 252
Зиянчурино, д., 245
Златоуст, г., 81,132, 214, 218, 276
Златоустовский у., 218, 249,250,252, 262, 271, 272, 273, 274, 275, 278, 280, 283, 288, 348

И

Ибрагимово, д., 286, 290
Идрис, д., 349
Иерусалим, г., 194, 306
Ижевск, г., 233

Измаил, креп., 60
Измайлово, д., 81
Ик Большой, р., 66, 269
Ик Малый, р., 66
Ик, р., 122,133,275
Илек, р., 125
Илецкий городок, 42,44
Илишево, д., 35
Ильинская, креп., 59
Ильчек-Темировская вол., 282
Ильинат-Муллино, д., 348
Иманлыкулево, д., 198
Индия, 73, 324
Иньково, д., 77, 84
Иргиз Большой, р., 107
Иргиз Малый, р., 107
Иргиз, р., 208
Ирендык, горный хребет, 224
Иркеево, д., 232
Иркутск, г., 59
Иркутская губ., 46, 63
Иртыш, р., 208
Исангулово, д., 122
Исекеево, д., 226
Исетская провинция, 31,140,204
Искисяково, д., 113, 219
Исламгулово, д., 300
Исмакаево, д., 38
Исянгильдино, д., 224,292
Иткулово, д., 338
Ишеево, д., 113
Ишим, р., 208,244
Ишмат, д., 229
Ишмурзино, д., 108,109, 330

К

Кавказ, 5,19, 96,103, 257, 260, 302, 331,353
Кадряки, д., 111
Кадырово, д., 174
Казакларово Большое, д., 256
Казангулово, д., 331
Казанская губ., 58,140,143,154,199, 208, 296
Казанская дорога, 201, 330
Казанский у., 196
Казань, г., 21,26,27, 60, 61,72, 81, 93,99,198,228, 231,232, 233,257, 275,276,311,314,315,323,339, 340, 341, 342, 345, 346
Казахстан, 29, 36,41,45, 63, 64, 65, 104,177,256,276, 307, 308, 353
Казыльярово, д., 214
Каир, г., 302
Кайпан Старый, д., 335
Калиш, г., 87
Калкан, д., 232
Калнинская (Каликинская) вол., 127,174
Калужская губ., 97
Камелик, р., 107,128
Камелик, с., 41
Камилево, д., 290
Камчатка, п-ов, 103
Камышловскийу., 127
Кандрыкулево, д., 193
Канлинская вол., 110
Каныкаево (Елимбетово), д., 113
Карабаново, д., 81
Карабольская вол., 32
Карагай-Кипчакская вол., 32,130
Карагайская, креп., 59
Карагуш, д., 256
Карагушевскаявол., 137
Кара-Еланская вол., 127
Карайганово, д., 113
Кара-Кипчакскаявол., 136,141
Каракульская, креп., 59
Каракучуково, д., 290
Каралык, р., 107
Каран, д., 348
Кара-Табынскаявол., 32,109
Караташ, р., 148
Карачев, г., 72
Караякупово, д., 252
Кармаскалинскаявол., 319
Кармаскалинский р-н, 233, 319
Кароу, д., 87
Карпатаы, горы, 331
Каршинскаявол., 141
Каскиново, д., 339
Касмарка, р., 338
Каспийское море, 59
Катайская волости, 32,136
Кельн, г., 90
Керимово, д., 195
Киги Верхние, д., 348
Киги Нижние, д., 348
Киги, р., 121
Кидаш, д., 252
Киев, г., 287
Кизил Большой, р., 66
Кизил Малый, р., 66
Кизил, р., 224, 225
Кизильская, креп., 59,108, 209,212, 219
Киишки, д., 348
Килия, креп., 96
Кинель, станция, 276
Кинзебулатово, д., 134, 299
Кинзякай, д., 226
Киргиз-Миякинская вол., 267
Кичучат, д., 322
Ключевская вол., 215
Кляшево, д., 205
Кобрин, г., 79, 84
Ковенская губ., 100
Ковно, г., 92,98
Коканд, г., 276
Колм, д., 73
Колочь, р., 78
Костеево, д., 174
Кочак, д., 35
Кояново, д., 110,147
Краков, г., 92
Красная Мечеть, д., 108,109
Красногорская, креп., 59
Красноуфимск, г., 217
Красноуфимский у., 32,109,116,119, 120,127,131,138,157,195,204, 212,213,215,216,217,218,219, 220, 243, 251, 269, 272, 283, 284
Красный Яр, 348
Кременецкий повет, 84
Кремница, 91
Кромы, м., 72
Кронштадт, г., 100
Крутоярская, креп., 59
Крым, п-ов, 99,102, 319, 321
Кубелякскаявол., 32
Кубеляк-Телевская вол., 130,136
Кубово, д., 197
Кубовская вол., 127
Куганакбаш, д., 232, 348
Кугарчин-Буляково, д., 174
Кугарчинский р-н, 229
Кугиманаково, д., 214
Кудейская вол., 32,127
Кулаево, д., 36
Кулбаково, д., 218
Кулгана, д., 339
Кулкасово, д., 225
Куллярово, д., 122, 233
Кулсары, д., 333
Култаево, д., 110
Кульиль-Минская вол., 316
Кульсарино, д., 81
Кумрукская вол., 213
Кумрык-Табынская вол., 267
Кунгур, г., 119
Кунгурская вол., 213
Кунгурский у., 216
Кундравинская, станица, 81
Кундузлытамак, д., 108,109
Кунказиево, д., 113
Кургаза, р., 109
Курганская обл., 177, 332, 333, 342
Кургат, д., 217
Курляндия, 100
Курманаево, д., 198
Курманово, д., 150
Куроедово, д., 81
Курпес-Табынская вол., 106
Курская губ., 72,106
Кусиево, д., 297
Кускарово, д., 224, 225
Кускильды Старые, д., 343
Кусюково, д., 214
Кучербаево, д., 290
Кучумово, д., 193, 252
Кущинская вол., 216
Куюргазинский р-н, 339
Куяново, д., 81
Кыр-Еланская вол., 27
Кыркты, горный хребет, 224
Кыр-Кудейскаявол., 127

Л

Лаишев, г., 81
Лаон, г., 86, 87
Латкай, д., 333
Лейденталь, с., 85
Лейпциг, г., 74, 86, 87,90, 91, 235
Лемезы Нижние, д., 300
Ленинград, г., 324
Лешня, д., 77
Лигниц, м., 86
Лимец, д., 86
Литва, 19,97, 98,100
Лифляндия, 100
Лихенберг, д., 88
Люблин, г., 92
Люнебург, г., 84

М

Мавлютово, д., 189
Магдебург, креп., 90,91
Магнитная, креп., 59,108,118,146, 147,212
Мазино, м., 87
Макарово, д., 249
Макаровская вол., 282
Малоархангельск, г., 72
Мало-Кущинскаявол., 32,127

Мамты, м., 98
Маржангулово, д., 215
Мариинополь, г., 98
Мастеево, д., 286, 290
Медиак, д., 349
Медина, г., 194, 229, 306
Мекка, г., 194, 229, 306
Менеузтамак, с., 316
Мензелинск, г., 276, 277, 293
Мензелинский у., 32, 81,106,112, 115,116,119,127,128,130,133, 138,143,144,146,153,154,155, 157, 172, 173, 174, 175, 181, 182, 186,187,190,192,198, 204, 224, 243, 249, 250, 254, 263, 271, 272, 273, 283, 284, 286, 290, 300, 348
Мерка, р., 85
Месягутово, с., 213, 214, 215, 216, 218,219
Метели, д., 213
Мечетлинский р-н, 336
Мешегарово, д., 214
Мещерякская вол., 32
Миасс, г., 277, 316
Миасс, р., 148
Минск, г., 60,76, 97, 99
Минская губ., 90, 95, 98
Мир, м., 24, 76, 77, 84, 229, 234
Миякинский р-н, 316
Млиники, д., 87
Могилевская губ., 97
Можайск, г., 78
Молодь, с., 78
Морочь, р., 77
Москва, г., 15, 60, 61, 72, 78, 80. 84, 103,113,207,222, 227,233,292, 321 323 324 329
Москва, р.' 21, 78, 80, 83, 99,122, 222, 223, 276, 322
Москово, д., 232
Моча, р., 107
Мрясово, д., 290
Мстибов, м., 80
Муйнаково М., д., 292
Муйнаково, д., 290
Мулдакаево, д., 305
Мураптал ово, д., 109
Мурзакаево, д., 209
Мурзаларская вол., 127, 216, 250, 262
Муром, г., 76, 83
Мусино, д., 219, 349
Муслим Новый, д., 336
Муслюмово, д., 81, 336
Мустафино, д., 134
Мутаево, д., 187
Муталово, д., 199
Мухавец, р., 79
Мушино, д., 111
Мценск, г., 72
Мякотинскаявол., 32,109

Н

Набережные Челны, с., пристань, 154, 283
Нагаевская вол., 281
Надеждинская вол., 281
Нарев, р., 98
Неман, р., 73, 76, 92
Несвиж, м., 77
Нидерланды, 85, 352
Нижегородка, с., 275
Нижегородская губ., 83, 86,114, 154
Нижнеозерная, креп., 59
Нижне-Усманово, д., 252
Нижний Новгород, г., 25, 80, 81, 82, 83,93,115,154, 275,287
Николаевский у., 106
Ниязгулово, д., 338
Новгородская губ., 83
Новград-Волынский повет, 84
Ново-Андреевская вол., 286
Новобухарово, 349
Нововоздвиженская, креп., 81
Новошешминск, пригород, 208
Ногайская дорога, 140,208
Нугуш, р., 267
Нурушево, д., 109

О

Овручский повет, 84
Одер, р., 87, 88
Одесса, г., 191, 259
Озерки, д., 216, 217
Озерская, д., 213, 215
Ока Большая, д., 215, 216, 219
Ока Малая, д., 217
Олеско, с., 79
Оллабон, с., 87
Омск, г., 257
Орел, г., 83
Оренбург, г.. 21, 23, 45, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 59. 64, 65, 66, 67, 72, 80, 93,95,96,97,100,107,118,121, 129, 133, 135, 218, 223. 224, 229, 232, 233, 241, 257, 259, 260, 274, 275,276, 277, 281,292,293,294, 299. 316, 323. 326, 327, 337, 342, 345, 346, 349
Оренбургская губ., 5,15,19, 20, 32, 34, 44, 45, 46, 47, 48, 54, 60, 65, 67, 69,71,74, 80,81,95,97,98,99,102, 103,104,105,106,107,108,109, 111,112,113,114,115,116,118, 127.128.130, 131,132, 134,135, 136, 137, 138, 143. 144,146, 153, 154,155,156, 157,159,162,170, 171,172,179.180,181,186,187, 190,191,192,193,199,202, 204, 206, 207, 209,210,212,213,217, 218, 219, 223, 224, 229, 232, 233, 241, 243, 246, 248,253, 254, 255, 260, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270,271,272, 273,274, 275,276, 277, 278, 280, 281, 283, 284, 286, 287, 289,290, 291,292, 293,294, 296, 297, 298, 300, 302, 305, 306, 316, 319, 326, 346, 347, 349, 350, 352,353
Оренбургский край, 31,45,47, 65, 67, 83,104,113,125,134,148, 247, 253, 263,267, 301,315
Оренбургский у., 22, 32, 34, 37, 53, 54, 62, 65,71,81,107,108,109,115, 116.118.119.120.122.128.130, 131,133,134,135,136,141,142, 143.144,146, 147, 155, 156,157, 160,168,172, 173,174, 175,179, 180,181,182,183,184,185,186, 187,189,190,192,193,194,195, 197,203,204, 209,212, 217, 218, 225, 229, 241,243, 259, 270, 272, 273,274,275,281,284, 286,287, 290, 299,316,346, 349
Орловская губ., 72, 97
Орск, г., 60, 66, 276,277, 281, 349
Орская, креп., 59, 212
Орский у., 134,135,148,173, 272, 274, 297, 306, 349
Орсок, гора, 224
Орховка, с., 79
Оса, г., 119, 297, 298
Осинская дорога, 201
Осинскийу., 32,116, 119,127,128, 130, 131, 138, 140,157,172, 204, 243,251,283,297,298,306
Осоргинскаявол., 275
Острогеной повет, 84
Ошмяны, г., 98

П

Павис, г., 87
Паневеже, г., 98
Париж, г., 7,15, 86, 87, 90, 92, 93, 167, 221, 222, 223, 228, 234, 237
Пенза, г., 60, 83, 99
Пензенская губ., 83
Пермская губ., 5, 32, 34, 45,47, 57, 59,67,81,109,110,111,112,113, 115, 116,121, 127, 128, 130,131, 132,137,138,141,142,146,172, 195,204,212,213,216,218,219, 243,245,246, 251,260, 264, 269, 270, 271,272, 283,286, 287,297, 306, 336, 346
Пермский у., 32, 81,116,127,128, 130, 131, 138,147,157,243,251
Пермь, г., 21
Перовск, форт (Ак-Мечеть), 53, 65, 242
Петербург, г., 26, 50, 61, 93, 213, 216, 223,233,292, 308,316,322, 326
Петропавловск, г., 297
Петропавловск, порт., 103
Петропавловская, креп., 59
Плауден, д., 91
Поволжье, 201, 202, 203, 254, 257, 276, 307, 309, 339, 353
Подавка Нижняя, д., 82
Подолия, 98
Поисеево, д., 192
Покров, г., 76
Покровка, д., 109
Полоцк, г., 82
Польша, 19, 90, 91, 94, 97, 98, 260
Понемунь, д., 83
Почекайки, м., 79
Прегель, р., 73
Предуралье, 333
Прибалхашье, 208
Прикамье, 203
Приуралье, 201, 220, 257, 338, 353
Пружаны, г., 79
Пруссия, 19, 31, 70, 88, 89,154
Прут, р., 60, 96, 98
Пултуск, г., 83
Пфердгиммель, д., 88

Р

Рава, м., 92
Равилево, д., 225
Равич, м., 87
Радзивилово, м., 79
Рассыпная, креп., 59

Ратцен, м., 87
Ревель, г., креп., 100,102
Реймс, г., 85, 86, 87
Рейн, р., 90
Рейхенбах, г., 86
Рени, г., 60
Рига, г., 100
Ровенский повет, 84
Россия (Российская империя), 5,6, 7,12,13,18,19, 20,21,22, 23,25, 27,31,35,41,42,44,45,48,54, 55, 56, 59, 60, 62, 65,70, 73,74, 80, 90, 96, 97, 98,99,104,110,112,121, 122.124.126.128.132.134, 140, 143, 146,153,154, 156,158,160, 162,167,168,192, 200, 202,203, 206, 207, 208,210,218,221,222, 223,224, 234, 235,239, 241,248, 252, 253, 257, 260, 268, 269, 273, 274, 276, 277, 279, 283, 284, 285, 286, 287, 290, 292, 294, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 306, 307, 308,310,311,312,313,316,319, 321,323,324, 325,326, 327,328, 331,341,342, 346, 348,349, 351, 352, 353
Рум, г., 228
Русская Караболка, *д.*, 109
Рыбинск, г., 275
Рыльск, г., 79
Рыскулово, *д.*, 338
Рысово, *д.*, 111
Рязанская губ., 97,106
Рязань, г., 83

С

Саакуль, *д.*, 349
Сагирово, *д.*, 121
Сакмар, р., 81,118,275, 338
Саксония, 89, 91
Салаватский р-н, 329
Салауш Большой и Малый, *д.*, 111
Салихово, *д.*, 81,108
Сальзегутово, *д.*, 216
Самара, г., 21,25,74,80,81, 82, 83, 99,101,275,276, 327
Самарканд, г., 299, 302
Самарская губ., 107,128,132,137, 204,207, 243, 244, 246, 260, 264, 270, 271,272, 283,284, 296, 322, 327,353
Самарская обл., 42
Самерово, *д.*, 216
Санкт-Петербург, г., 21,54,64, 83, 100.101.113.134, 287,292, 296, 316,330
Сапяшево, *д.*, 290
Сарайсино, *д.*, 300
Саранск, г., 83
Сарапульскийу., 32, 116, 128,130, 138,157, 204, 243
Саратов, г., 13,25, 94, 237
Саратовская губ., 5,32,41,43,45, 52, 57,106,107,111,112,113,114,115, 143,283
Саратовская обл., 42
Сардиния, 99
Сарино, *д.*, 121
Сарман, *д.*, 348
Сарманаево, *д.*, 134, 349
Саре, *д.*, 216
Сарсаз, *д.*, 348
Сарсинскаявол., 281
Сартово, *д.*, 213
Сартовскаявол., 216
Сатлыково, *д.*, 109
Саудовская Аравия, 300
Сафакулевский р-н, 333
Свеаборг, г., креп., 100
Свердловская обл., 332
Свислочь, м., 80
Свияжск, г., 81
Себенле, *д.*, 229
Север, 257, 353
Северный Кавказ, 302
Сеитбатталово, *д.*, 134
Сеитовский посад (Каргалы), 96, 194, 229, 349
Сельцы, м., 92
Сена, р., 86
Сен-Дизье, м., 86, 87
Сергиевск, г., 213
Серпухов, г., 76
Сестры, р., 107
Сибаево, *д.*, 35, 80,196
Сибирская дорога, 58,140, 208,244
Сибирь, 5, 39, 56, 59,198, 207, 210, 219, 223,224, 225, 244, 257, 330, 333, 353
Сикияз, с., 213, 215
Сикиязскаявол., 212
Силистрия, креп., 96
Симаково, *д.*, 76,77, 234
Симбирск, г., 76,79, 80, 97
Симбирская губ., 45,114
Скларна, *д.*, 87
Слаково, *д.*, 348
Слоним, г., 79
Слоновка, *д.*, 109
Смаково, *д.*, 113,195
Смоленск, г., 78
Смоленская губ., 97
Сморгони, г., 97
Солле, *д.*, 97, 98
Сосново, *д.*, 36
Спремберг, г., 91
Среднее Поволжье, 156
Средне-Хозятово, *д.*, 252
Средний Урал, 148
Средняя Азия, 29, 31, 36,45, 62, 64, 70,177,191,241,276, 302, 343
Стамбул, г., 194, 229, 302
Старо-Муйнаково, *д.*, 195
Степная, креп., 59
Стерлибашево, с., 194, 232,292,298, 348
Стерлибашевский р-н, 256
Стерлитамак, г., 65,66,112,194,274, 276,277, 281,293,297,298,319, 343, 345, 348
Стерлитамаково, *д.*, 198
Стерлитамакский у., 32, 81,108,112, 115,116,118,119,120,121,122, 127,128,130,132,136,137,138, 142, 144, 146, 147,152, 153, 155, 156,157,158,160,172,173,174, 179, 180,181,182,184,185,186, 189, 190,192,193,194, 204, 205, 207,213,219,232,242, 244, 249, 250, 252, 266, 267, 271,272,273, 274, 281,282, 284, 286,288,290, 293,298, 300, 348
Строгань, р., 78
Субаево, *д.*, 197
Субханкулово, *д.*, 108
Судашево, *д.*, 205
Султанмуратово, *д.*, 108
Султантемирово, *д.*, 349
Султеево, *д.*, 214,219
Сунарчино, *д.*, 118, 338
Суракаево, *д.*, 329
Сууккулово, *д.*, 214
Сухайля, р., 267
Сызги, *д.*, 217, 251
Сызгинскаявол., 32
Сынрянскаявол., 106,108,109
Сыр-Дарья, р., 64, 65,208
Сюндуково, *д.*, 300

Т

Табулдино, *д.*, 137,249
Табылды, *д.*, 330
Тавземаш, *д.*, 111
Тавларово, с., 192
Тазларово, *д.*, 348
Такино, *д.*, 148
Такталачук, *д.*, 290
Тамбовская губ., 97,106
Тамьянская вол., 32,143, 225, 330
Тамьян-Тангауровскаявол., 136
Таналык, р., 224
Таналыцкая, креп., 59
Тангаурская вол., 32
Тастуба, с., 213, 218
Тастубинская вол., 212
Татарстан (Татария), 14,254, 332
Татищева, креп., 59
Ташевое Верхнее, *д.*, 290
ТашлыЯр, р., 267
Ташлы, *д.*, 174
Ташлы, р., 122
Телевская вол., 32,150
Тельтим-Юрматынская вол., 112
Темясово, с., 276
Теплице, г., 88
Тептярско-Учалинскаявол., 302
Тергейд, креп., 85
Терсятскаявол., 32,109
Тикеево, *д.*, 266
Тильзит, г., 12,19, 70, 73,234, 351
Тирасполь, г., 96,98, 99
Тирекле, *д.*, 338
Тлякубово, *д.*, 198
Тлянчино, *д.*, 225
Тляшево, *д.*, 148
Тобол, р., 59, 208
Тогаево, *д.*, 36
Тогузлы, *д.*, 216
Тоймеево, *д.*, 215
Ток, р., 118,121,128,193
Торгау, г., 90
Торн, креп., 92
Трапезунд, г., 96
Троим, г., 98
Троицк, г., 59,60, 66,192,198,218, 274, 275,276,277,281,298,299, 302, 307,311,316, 349
Троицкий у., 32, 34,46, 81, 89,106, 109,115,116,119,120,127,128, 131,132,136,138,143,144,146, 148,151,155,156,157,172,173,

174,179,180,181,185,186,192, 195,196,198, 204, 209, 212, 216, 217, 219,223, 243,272, 273, 274, 276, 284,292, 302, 305,311,312, 349
Трубичевск, г., 72
Тугаево, д., 214
Туимбетово, д., 300
Тукран, д., 214
Туксанбаево, д., 316
Тульская губ., 97
Тунгатаровская вол., 272, 302
Тургай, р., 60, 208
Тургайская долина, 208
Тургайская обл., 276, 346
Туркестан, 12,256,257, 260,287, 343, 353
Турменево, д., 267
Турция, 96, 99,194,244, 350
Тушкыр Старый, д., 334
Тырнаклинская вол., 216,249
Тюрингия, 74

У

Уазы, департамент во Франции, 86
Узень Большая, р., 43
Узень Малая, р., 43
Узунларово, д., 267
Уй, р., 59,108,148,208
Уйская крепость, 109
Уйташ, р., 148
Украина, 31,83,122
Улуг-Бадрак, д., 214
Улукатайская вол., 32
Улькунды, д., 196,214
Унгаево, д., 224,290
Упейская вол., 32
Урал, р., 42,44, 59, 60, 64,66,108, 125,133,148, 275, 279, 343
Урало-Поволжье, 207, 229, 253, 256, 292, 302, 304, 308,309,312,316, 318,322, 325,339, 340, 343
Уральск, г., 41,44, 54, 56, 59,66, 67, 167,192
Уральская обл., 276, 283, 346
Уральский хребет, 133,148, 208
Урман-Кудейская вол., 127,262,266, 281
Урмекеево, д., 109
Уртазымская, креп., 59,108, 212
Уртаулово, д., 36
Уршакминскаявол., 108
Урюк, р., 267
Урюш-Битуллино, д., 267
Усерганскаявол., 135
Усть-Бугалыш, д., 332, 333
Устьикинская, д., 217
Усть-Уйская, креп., 59
Устюжна, г., 83
Устюжно-Железопольскийу., 83
Утяганово, д., 225, 262
Утяково, д., 348
Утяшево, д., 185,195, 348
Уфа, г., 17, 21, 26, 29, 35, 66, 81, 89, 111,114,115,143,165,171,197, 213,218, 219,231, 234, 244, 274, 275,276,277,281,286, 287,292, 293, 294,296, 297,299, 301, 306, 316,319, 320, 322, 323,324, 343, 345, 346, 347, 349
Уфа-Таныпская вол., 287
Уфа-Шигири, д., 110
Уфимская губ., 5, 32,112,119,137, 147,153,170,172,174,192,193, 204, 207, 218, 219,246,248, 249, 250,251,252, 253,254, 255,256, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268,270,271,273,274, 275,276, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285,286,287, 288, 289,290, 291, 292, 293,294, 296, 298, 300, 306, 319, 320,336, 346,347, 348,350, 353
Уфимскийу., 54,62,71, 81,115,116, 122,127,128,129,140,143, 144, 146,157,172,174,193,195,196, 197,204, 205,212,213,214,216, 218, 219,226,244, 249,250,252, 262, 266, 271,272,273,275,281, 284,286, 288,300,319, 348
Уфимско-Оренбургский край, 305
Учкулево, д., 195

Ф

Финляндия, 257,353
Финский залив, 99,100,101
Фрайберг, г., 87
Франция, 70,74,76, 85, 87,88, 90, 92, 93,95,99,102,154,223, 236, 352
Фрауштат, г., 87

Х

Хамбилево, д., 108
Хамитово; д., 108
Хасаново, д., 225
Хвалынский у., 106
Херсонская губ., 96,98
Хива, г., 64,276
Хусайново, д., 108,109

Ц

Цихен, д., 87

Ч

Чалыклы, р., 107
Чарки, д., 87
Чебенле, д., 224
Чебоксары, г., 81
Чекмак Большой, д., 348
Челябинск, г., 276, 277
Челябинская обл., 177, 224
Челябинский у., 32, 34,46, 61, 81, 115,116,119,127,128,131, 132, 135,138,142,144.146,148,155, 156,157,158, 160,167,172,173, 179,180,181,182,184,185,186, 189,192,193,195,198,199,207, 223, 224,243, 259, 273,274,275, 276, 284, 292, 297, 342, 349
Чемансарово, д., 300
Черемшан, р., 208
Череповецкий у., 83
Чернилак, д., 87
Черное море, 60
Чернореченская, креп., 59
Чесноковка, р., 35
Четырманово, д., 220
Чирлинская вол., 34
Чистополь, г., 81
Чишмы, д., 252, 348
Чугаманово, д., 150
Чукраклы, д., 252
Чукурово Старое, д., 290
Чураево, д., 252
Чуракаево, д., 252
Чушка-Куль, оз., 64

Ш

Шадринск, г., 286, 297
Шадринскийу., 32, 34, 81,116,120, 127,130,131,138,141,142,157, 172,196, 243, 272, 283, 284,286, 297, 306,336
Шайтан-Кудейская вол., 127,143
Шамшадинская вол., 110
Шарипово, д., 141, 214, 302
Шарыпово, д., 174
Шварц, г., 74
Шварцбург-Рудольштадт, княжество, 74
Швеция, 324
Шкирадов, с., 87
Шланлыкулево, с., 287, 290
Шокурово, д., 217, 251
Шумла, креп., 96
Шуранскаявол., 32
Шыршыли Нижние, д., 322

Э

Элли, с., 87
Эльба, р., 87, 90
Эмба, р., 208
Эстляндия, 100,102,103

Ю

Южноуральский хребет, 272
Южный Урал, 14,19, 20,134,139, 140,150, 151,156,158,208,273, 274,277, 278, 279, 280, 293, 307, 338, 341
Юзеево, д., 134
Юлдашево (Аккужино), д., 297
Юлдашево, д., 143,217
Юлдыбаево, д., 338
Юмагузино, д., 193
Юмран-Ибрагим, д., 319
Юмран-Табынскаявол., 174, 319
Юрматинская вол., 205
Юрминская вол., 174
Юрюзань, р., 329
Ютербок, м, 84

Я

Ябалаклы, д., 252
Явлекбердино, д., 196
Яик (Урал), р., 42, 208, 209, 210
Яикбай Нижний, д., 332, 333
Якутия, 39
Якшимбетово, д., 339
Яманлич, д., 195
Ямполь, г., 96
Янаулово, д., 214
Япарово, д., 290
Ярославка, д., 213

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алф. - алфавит
АМК РБ - Архив Министерства культуры Республики Башкортостан
англ. - английский
араб. - арабский
ассигн. — ассигнация
башк. - башкирский
БАССР — Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
букв. - буквально
в. — век
вв. — века
ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВУА - Военно-ученый архив
вып. — выпуск
г. — год, город
гг. - годы, города
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГИМ - Государственный исторический музей
губ. — губерния
Д. - дело
д. - деревня
дд. - деревни
дес. — десятина
док. — документ
ж. п. — женский пол
ЗФ ГАЧО - Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области
ИИЯЛ УНЦ РАН- Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ист. — исторический
кв. — квадратный
кн. — книга
коммент. — комментарий
коп. - копейка
КПСС — Коммунистическая Партия Советского Союза
креп. - крепость
куб. — кубический
Л. - лист, Ленинград
л. с. - лошадиная сила
М. — Москва
м. - местечко
мм — миллиметр
МВД - Министерство внутренних дел
м. п. — мужской пол
млн — миллион
НА УНЦ РАН - Научный архив Уфимского научного центра РАН
НА РТ - Научный архив Республики Татарстан
нем. — немецкий
НИОР РГБ - Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
об. п. — оба пола
об. - оборот
Оп. - опись
ОПИ ГИМ - Отдел письменных источников Государственного исторического музея
отв. — ответственный
Пг. - Петроград
ПЗ — Полевые записи
пер. - перевод
перс. - персидский
предисл. — предисловие
р. - река
РАН - Российская Академия наук
РБ — Республика Башкортостан
РГАДА - Российский государственный архив древних актов
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РГИА - Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
ред. — редактор
р-н - район
РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТ - Республика Татарстан
руб. — рубль
рус. — русский
С. — страница
с. — село
саж. — сажень
сб. — сборник
Св. — святой, связка
СЗ — Свод законов
совр. — современный
сост. — составитель, составление
СПб. - Санкт-Петербург

СПб ФА РАН - Санкт-Петербургский филиал архива РАН

СССР - Союз Советских Социалистических Республик

ст. — степень, статья

Т. - том

т. е. — то есть

турец. — турецкий

тыс. — тысяча

Ф. - фонд

ф. — фунт

ЦГА РК - Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЦИА РБ — Центральный исторический архив Республики Башкортостан

ЦИАМ - Центральный исторический архив Москвы

ЦК - Центральный Комитет

Ч. - часть

чел.— человек

яз. - язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 516.
РГАДА. Ф. 16. Оп. 1.*Д*. 943.
РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. *Д*. 3804, 3806.
РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. *Д*. 13, 39.
РГАДА. Ф. 1261. On. 1. *Д*. 1870, 2025.
РГАДА. Ф. 1263. On. 1. *Д*. 3213.
РГАДА. Ф. 1355. On. 1. *Д*. 929, 927-941,1094, 1871,1873, 1874,1876-1887.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
РГВИА. Ф. l.Оп. 1. *Д*. 2582.
РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153. Св. 5. *Д*. 8.
РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. *Д*. 127.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. *Д*. 107.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. *Д*. 1, 33, 35.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 47. *Д*. 4.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 3. *Д*. 26-28, 30-32.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 4. *Д*. 38.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 49. *Д*. 1.
РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. *Д*. 173.
РГВИА. Ф. 109. Оп. 1/186в. *Д*. 6.
РГВИА. Ф. 125. Оп. 1/188а. *Д*. 129.
РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. *Д*. 21397, 28211, 32338, 35058.
РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. *Д*. 16140.
РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. *Д*. 162, 694.
РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. *Д*. 32322, 98097, 132775, 176902,180952.
РГВИА. Ф. 410. Оп. 1.*Д*.147.
РГВИА. Ф. 414. On. 1. *Д*. 312, 313, 314, 326, 328, 329,334.
РГВИА. Ф. 478. On. 1. *Д*. 31.
РГВИА. Ф. 489. On. 1. *Д*. 2982, 2984, 5191, 5192, 5427, 5706, 5726.
РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. *Д*. 3401, 3416, 3418, 3450, 3842, 3915, 4137, 4423, 5089,16853.
РГВИА. Ф. 9194. Оп. 4/1906. Св. 109. *Д*. 3.

Российский государственный исторический архив (РГИА)
РГИА. Ф. 18. Оп. 2. *Д*. 223.
РГИА. Ф. 37. Оп. 1. *Д*. 27.
РГИА. Ф. 37. Оп. 2. *Д*. 203.
РГИА. Ф. 37. Оп. 4. *Д*. 614.
РГИА. Ф. 37. Оп. 5. *Д*. 29, 42,126, 300.
РГИА. Ф. 37. Оп. 14. *Д*. 648.
РГИА. Ф. 37. Оп. 67. *Д*. 66.
РГИА. Ф. 379. Оп. 1. *Д*. 148,257, 258, 260, 326-330, 431,468, 503, 556, 581, 592, 597, 600, 958.
РГИА. Ф. 379. Оп. 4. *Д*. 744, 870, 871.
РГИА. Ф. 381. Оп. 2. *Д*. 269.
РГИА. Ф. 381. Оп. 8. *Д*. 3763.

РГИА. Ф. 383. Оп. 6. *Д*. 5215.
РГИА. Ф. 383.0п. 29. *Д*. 81.
РГИА. Ф. 383. Оп. 31. *Д*. 7, 20, 30.
РГИА. Ф. 384. Оп. 10. *Д*. 1289.
РГИА. Ф. 384. Оп. 11. *Д*. 1753.
РГИА. Ф. 515. Оп. 10. *Д*. 1839.
РГИА. Ф. 573. Оп. 3. *Д*. 4727.
РГИА. Ф. 573. Оп. 25. *Д*. 753.
РГИА. Ф. 733. Оп. 170. *Д*. 263.
РГИА. Ф. 733. Оп. 203. *Д*. 1455.
РГИА. Ф. 733. Оп. 204. *Д*. 1436.
РГИА. Ф. 777. Оп. 4. 1889 г. *Д*.8.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. *Д*. 594, 754, 756, 601, 791, 816, 1075.
РГИА. Ф. 892. Оп. 1. *Д*. 778, 779.
РГИА. Ф. 1021. Оп. 1.*Д*. 100.
РГИА. Ф. 1149. Оп. 8. 1874 г. *Д*. 30.
РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. *Д*. 366.
РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. *Д*. 146.
РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. *Д*. 45, 48.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. *Д*. 254.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. *Д*. 155.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 232. *Д*. 100,135.
РГИА. Ф. 1285. Оп.1. *Д*. 48.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. *Д*. 173.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. *Д*. 22.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835. *Д*. 387.
РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. *Д*. 596, 1926.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. *Д*. 82.
РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. *Д*. 77.
РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. *Д*. 7835.
РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. *Д*. 563.
РГИА. Ф. 1350. Оп. 59. Ч. 2. *Д*. 631.
РГИА. Ф. 1398. Оп. 1.*Д*. 424.

Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ)
ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. *Д*. 39, 67, 68, 135, 393а, 421, 430, 450, 531, 574, 632, 683, 794, 795, 923, 948, 985, 1027, 1053, 1074, 1097, 1114, 1189, 1200, 1239, 1247,1263, 1276,1331, 1622, 2011, 3069, 4410, 5447.
ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 2. *Д*. 64, 67.
ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. *Д*. 8, И, 20, 30, 34. 36, 50, 60, 78, 95,128, 153, 167. 278, 285, 286, 330, 421, 483, 486, 988, 997, 1028, 1099,1151,1214,1294,1463,1506,1568,1730,1863.1877.2012,2017.2018,2046,2119,2241,2251,2257, 2396,2521,2815,2888, 3016, 3018, 3055,3095,3151, 3224,3346, 3532, 3587, 3588, 3711,3724,3725, 3726, 3798, 3828, 3939,4010,4011,4012,4014,4020, 4021,4023,4024,4044,4269,4299,4320,4331,4415,4619,4672,4673,4873,4888,4907,4911, 5095, 5176, 5406, 5480, 5501, 5529, 5550, 5652, 5738, 5739, 5854, 5937, 5962, 5989,6001,6093, 6221,6266, 6285, 6471, 6597,6638, 6675, 6755, 6936, 6959,7146, 7150, 7151, 7157, 7164, 7375, 7379, 7808, 7824, 7841, 7864, 7888, 8309, 8776, 8945, 9327, 9345, 9616. 9631, 9721, 10077, 10092, 10097, 10156, 10181, 10272, 10584, 10618, 10788, 10855. 10871, 11099, 11310, 11356, 11425. 11664, 11713,11760, 11830, 12025, 12598, 12603, 12635, 13017, 13027, 13028, 13068, 13088, 13391, 13708, 13931, 14566, 14615, 14622, 14637,14651, 14477, 14793, 14829, 14852,15019, 15023, 15050, 15165, 15218,15232.
ЦИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. *Д*. 3, 102, 111,118, 174, 207, 505.
ЦИАРБ. Ф. И-6. Оп. 2. *Д*. 63.
ЦИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. *Д*. 298,459.
ЦИАРБ. Ф. И-10. Оп. 1.*Д*. 558, 1103,2472, 2521.
ЦИАРБ. Ф. И-ll.Оп. 1. *Д*. 110, 558, 959,1076. 1210.
ЦИАРБ. Ф. И-113. Оп. 1.*Д*. 564.
ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. *Д*. 51, 1633.
ЦИАРБ. Ф. И-138. Оп. 1. *Д*. 1344.
ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. *Д*. 61,124, 145, 146,161, 170, 192-195, 205-207, 291, 309, 345, 387-390, 394, 396-398, 430, 430а, 431, 468, 525, 547, 565, 566, 566а, 704-706, 758, 761, 762. 765, 767а, 772.
ЦИАРБ. Ф. И-295. Оп. 1.*Д*. 9729, 9984, 11139, 11149.
ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. *Д*. 4, 104, 121, 129, 130,132, 135, 174.
ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. *Д*. 806,1800, 8027, 8846,9438.
ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. *Д*. 393.
ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. *Д*. 4255.
ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. И. *Д*. 348, 523, 935, 1274.
ЦИА РБ. Ф. И-350. Оп. 2. *Д*. 12.
ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. *Д*. 4288, 4576.
ЦИА РБ. *Л*ичный фонд А.JI. Еникеева.

Научный архив Республики Татарстан (НА РТ)
НАРТ. Ф. 92. Оп. 1.'*Д*. 9940.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)
ГАОО. Ф. 2. Оп. 3. *Д*. 5008.
ГАОО. Ф. 3.Оп. 1.*Д*. 63, 88.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 198/4.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. *Д*. 950.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. *Д*. 9827.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. *Д*. 13762/1, 1386/4, 14000, 14143,14369/15,12662/1.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. *Д*. 649.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. *Д*. 139, 164.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. *Д*. 291, 6955.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. *Д*. 517, 800, 1793.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. *Д*. 2723, 2772, 3091, 3154, 4748/5.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 14. *Д*. 97,155.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. *Д*. 370, 625, 671.
ГАОО. Ф. 10. Оп. 2.*Д*. 114.
ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. *Д*. 552, 598.
ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. *Д*. 3366.
ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. *Д*. 3-5, 7, 31,138,151, 215, 271, *Д*. 314, 348, 356, 462.
ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. *Д*. 5, 6, 9, 10,19, 20, 21, 32, 45.
ГАОО. Ф. 167. Оп. 2. *Д*. 8.
ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. *Д*. 63.
ГАОО. Ф. 222. Оп. 1.*Д*. 42.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)
ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. *Д*. 72, 370.
ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. *Д*. 5228, 7324.
ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. *Д*. 76.
ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. *Д*. 3780, 6786.
ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. *Д*. 1895.
ГАСО. Ф. 129. Оп. 1.*Д*. 71.

Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области (ЗФ ГАЧО).
ЗФГАЧО. Ф. 19. Оп. 55. *Д*. 18.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)
ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. *Д*. 2185, 2846,2858, 2887, 2892, 2898.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПб ФА РАН)
СПб ФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. *Д*. 379.

Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН)
НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. *Д*. 77, 90, 94,102,164.
НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. *Д*. 9,12 (старый акт).
НА УНЦ РАН. Ф. 14. Акт 15.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)
НИОР РГБ. Ф. 18. Картон 17. *Д*. 23.
НИОР РГБ. Ф. 68. *Д*. 83, 226.
НИОР РГБ. Ф. 169. Картон 20. *Д*. 56, 60, 61.
НИОР РГБ. Ф. 169. Картон 21. *Д*. 8.
НИОР РГБ. Ф. 364. Картон 6. *Д*. 2.
НИОР РГБ. Ф. 364. Картон 8. *Д*. 7.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)
ОПИГИМ. Ф. 199. *Д*. 8.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)
ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1.*Д*. 842.

Архив Отдела по сохранению недвижимого культурного наследия Министерства культуры РБ (АМК РБ)
АМК РБ. №1272. Паспорт памятника. 1991 г.

Полевые записи А. Р. Ширгазина (ПЗ А. Р. Ширгазина)
ПЗ А. Р. Ширгазина, 1990 г.

Акмулла, 1986-*Акмулла М.* Стихи / Пер. с башк. Уфа, 1986.

Акты... 1909 - Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1. // Сборник Русского исторического общества. 1909. Т. 128.

Аналитический... 1996 - Аналитический проект военных действий в 1812 г. П. А. Чуйкевича / Публ. В. М. Безотосного // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М., 1996. Т. VII.

Архив... 1869 - Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I.

Архив... 1918 - Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918. Т. 1. До Сибири. Ч. I.

Башкирия... 1989 - Башкирия в русской литературе. В 6 т. Уфа, 1989. Т. 1.

Башкирия... 1990 - Башкирия в русской литературе. В 6 т. Уфа, 1990. Т. 2.

Башкирские... 1960 - Башкирские шежере /' Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

Башкирские... 2002 - Башкирские родословные / Сост., пер. на рус. яз., Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова. Уфа, 2002. Вып. 1: Издание на русском языке.

Башкирское... 1987 - Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 2.

Башкирский... 2001 - Башкирский шейх Зейнулла ибн Хабибулла ан-Накшбанди аш-Шарифи (Расулев). Божественные истины, постижение которых необходимо для мюридов суфийского братства Накшбандийа, славословия [Аллаху] и молитвы - «салауат» // Шейх Зейнулла Расули (Расулев) ан-Накшбанди. Избранные произведения / Сост., пер. с араб. И. Р. Насырова. Уфа, 2001.

Бенкендорф, 2001 - *Бенкендорф А.Х.* Записки. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001.

Благовещенский, 1991 - *Благовещенский И.М.* Из воспоминаний. 1859 г. //1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991.

Бларамберг, 1978 - *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М., 1978.

Бородино... 2004 - Бородино: Документальная хроника. М., 2004.

Валиди, 1994 - *Валиди Тоган З.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. В 2 кн. Уфа, 1994. Кн. 1.

Ведомости... 1976 - Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2.

Венецианов, 1812 - *Венецианов А.Г.* Северный амур. После 1812 г. Карандашная манера, акварель по собственному рисунку.

Венчание... 1999 - Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999.

Веретенникова, 1981 - *Веретенникова А.И.* Записки земского врача. Уфа, 1981.

Вестник... 1881 - Вестник Уфимского земства. 1881 г. Уфа,1881. Вып. 1.

Вильсон, 1995 - *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма. 1812-1813. СПб., 1995.

Волконский, 1901 - *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб, 1901.

Всероссийский... 1896 - Всероссийский адрес-указатель мануфактурно-галантерейных торговых домов. М., 1896.

Гвоздикова, 2010а - *Гвоздикова И.М.* Отчет Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского по управлению краем (1833-1842). Документальная публикация. Уфа, 2010.

Давыдов, 1839 -*Давыдов Д.В.* Тильзит в 1807 году // Сто русских литераторов. СПб., 1839. Т. 1.

Давыдов, 1893 -*Давыдов Д.В.* Тильзитв 1807 году// Сочинения в трех томах. СПб., 1893. Т. 1.

Дворянские... 1993 - Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1.

Долгоруков, 2005 - *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение. СПб., 2005. Т. 2.

Донские... 1954 - Донские казаки в 1812 году. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1954.

Журнал... 1807 - Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, то есть с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб, 1807.

Журнал... 1837 - Журнал Министерства внутренних дел. 1837. № 8. Ведомость 15.

Журнал... 1837а - Журнал военных действий союзных армий, со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. СПб., 1837. Ч. 2.

Журнал... 1870 - Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 3-4. Отд. 1.

Журналы... 1899 - Журналы Красноуфимского земского собрания XXIX очередной, XXIII и XXIV чрезвычайных сессий с докладами управы, комиссий и другими приложениями 1898-1899 гг. Красноуфимск, 1899.

Законы... 1999 - Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник документов и материалов. Уфа, 1999.

Западные... 2001 - Западные башкиры по переписям 1795-1917 гг. Сб. док. и материалов. Уфа, 2001.

Записки... 1903 - Записки Н.Г. Залесова // Русская старина. 1903. № 4.

Заявление... 1882 - Заявление гласного М. Уметбаева в Уфимское VII очередное уездное земское собрание // Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 4.

Честь... 1988 - К чести России. Из частной переписки 1812 года М., 1988.

Кокшаров, 1890 - *Кокшаров Н.И* Воспоминания академика Николая Ивановича Кокшарова. 1818-1859 гг. // Русская.старина. 1890. № 5.

Колачковскт, 1912 - *Колачковский К.Е.* Воспоминания польского офицера о кампании 1812 года // Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 года. СПб, 1912.

Коран... 1963 - Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. JL, 1963.

Крестьянское... 1914 - Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912-1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2.

Куз-Курпяч... 1812 -Куз-Курпяч, башкирская повесть. СПб., 1812.

Марбо, 2005 - *Марбо М.* Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005.

Материалы... 1889 - Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI. Вып. 2. Вятка, 1889.

Материалы... 1890 - Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI. Вып. 1. Вятка, 1890.

Материалы... 1910 - Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910. Вып. IX-X.

Материалы... 1936 - Материалы по истории Башкирской АССР. М.; *Л.*, 1936. Ч. 1.

Материалы... 1949 - Материалы по истории Башкирской АССР. М.; *Л.*, 1949. Т. 3.

Материалы... 1960 - Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5.

Материалы... 2002 - Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 6.

Милютин, 2000 - *Милютин Д. А.* Воспоминания 1843-1856. М., 2000.

Навеки... 2007 - Навеки с Россией. Сборник документов и материалов. Уфа, 2007. Ч. 1.

Народное... 1962 - Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. М., 1962.

Населенные... 1905 - Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб. 1905.

Населенные... 2002 - Населенные пункты Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 1: Уфимская губерния, 1877 г.

Начальное... 1900 - Начальное народное образование в России / Под ред. Г. Фармаковского и В. Чарнолусского. СПб., 1900. Т. 1.

Новые... 1991 - Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1991. № 1.

Обзор... 1880 - Обзор Уфимской губернии за 1879 г. Уфа, 1880.

Образ... 2007 - Образ башкир в изобразительном искусстве XVIII - начала XX веков. Альбом. Уфа, 2007.

Оленин, 1869 - *Оленин А.Н.* Собрание разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами и кампании, со вступления их в пределы Российские, т. е. с июня 1812 по декабрь того же года // Русский архив. 1868. М., 1869.

Оренбургский... 1999 - Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999.

Отечественная... 1908 - Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1908. Т. X.

Отечественная... 1910 - Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. XIII.

Отечественная... 1911 - Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XV.

Отечественная... 1911а- Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVIII.

Отечественная... 1912 - Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. XIX.

Отрощенко, 2006 - *Отрощенко Я. О.* Записки генерала Отрощенко (1800-1830 гг.). М., 2006.

Отчет... 1905 - Отчет о командировочной поездке тайного советника А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. СПб., 1905.

Памятная... 1863 - Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г. СПб., 1863.

Памятная... 1873 - Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 1.

Паскевич, 1995-*Паскевич И.Ф.* Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Первая... 1904. Т. 2. - Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 2.

Первая... 1904. Т. 28. - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 28. Оренбургская губерния.

Первая... 1904. Т. 31. - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 31. Пермская губерния.

Первая... 1904. Т. 45. - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 45. Уфимская губерния.

Первая... 1904. Т. 45. Тетрадь 2. - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 45. Уфимская губерния. Тетрадь 2.

Перечень... 1897 - Перечень фабрик и заводов России. СПб., 1897.

Перечень... 1903 - Перечень и справочная книжка горнопромышленных товариществ и фирм. СПб., 1903.

Петров, 1991 - *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года//1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991.

Письма... 1895 - Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.

Подробный... 1912 - Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего соединенными силами генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году // Труды Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. М., 1912. Т. II. Материалы по Отечественной войне.

Полное... I. Т. 9. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 9.

Полное... I. Т. 13. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 13.

Полное... I. Т. 17. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 17.

Полное... I. Т. 19. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 19.

Полное... I. Т. 20. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 20.

Полное... I. Т. 22. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 22.
Полное... I. Т. 23. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 23.
Полное... I. Т. 24. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 24.
Полное... I. Т. 25. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 25.
Полное... I. Т. 29. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 29.
Полное... I. Т. 31. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 31.
Полное... I. Т. 38. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 38.
Полное... I. Т. 39. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 39.
Полное... I. Т. 40. - Полное собрание законов Российской империи. I-е собрание. СПб., 1830. Т. 40.
Полное... И. Т. 5. - Полное собрание законов Российской империи. И-е собрание. СПб., 1830. Т.5.
Полное... II. Т. 6. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1831. Т.6.
Полное... II. Т. 7. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1832. Т.7.
Полное... И. Т. 8. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1833. Т.8.
Полное... II. Т. 9. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1834. Т.9.
Полное... II. Т. 10. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1835. Т. 10.
Полное... II. Т. 11.-Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1836. Т. 11.
Полное... II. Т. 12. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1837. Т. 12.
Полное... II. Т. 14. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1839. Т. 14.
Полное... II. Т. 15. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1840. Т. 15.
Полное... II. Т. 16. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1841. Т. 16.
Полное... II. Т. 17. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1842. Т. 17.
Полное... II. Т. 20. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1845. Т. 20.
Полное... II. Т. 21. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1846. Т. 21.
Полное... II. Т. 22. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1847. Т. 22.
Полное... II. Т. 23. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1848. Т. 23.
Полное... II. Т. 25. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1850. Т. 25.
Полное... II. Т. 27. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1852. Т. 27.
Полное... II. Т. 30. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1855. Т. 30.
Полное... II. Т. 31. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1856. Т. 31.
Полное... II. Т. 32. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1857. Т. 32.
Полное... II. Т. 35. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1860. Т. 35.
Полное... II. Т. 38. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1863. Т. 38.
Полное... II. Т. 40. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1865. Т. 40.
Полное... II. Т. 44. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1869. Т. 44.
Полное... II. Т. 49. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1874. Т. 49.
Полное... II. Т. 50. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1875. Т. 50.
Полное... II. Т. 53. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1878. Т. 53.
Полное... III. Т. 2. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1882. Т. 2.
Полное... III. Т. 14. - Полное собрание законов Российской империи. П-е собрание. СПб., 1894. Т. 14.

Положение... 1863 - Высочайше утвержденное 14 мая 1863 года, Положение о башкирах, дополненное Оренбургским генерал-губернатором, на основании Высочайше утвержденного, 2 июля 1865 года, мнения Государственного Совета» // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник документов и материалов. Уфа, 1999.

Постановление... 1971 - Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6.

Постановление... 1985 - Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации». 27 января 1945 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7.

Поход... 1964 - Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964.

Правила... 1852 - Правила установленные для Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и о порядке приема и выпуска воспитанников сего заведения // Адрес-календарь Оренбургского края с добавлением на 1852 год. Оренбург, б. г.

Радожицкий, 1835 - *Радожицкий ИТ*. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 3. 1814-й год. Война во Франции.

Расписание... 1831 - Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831.

Ребелинский, 1898 - *Ребелинский М. С.* Из дневников // Русский архив. 1898. №3.

Роос, 2003 - *Роос Г.* С Наполеоном в Россию (Записки врача Великой армии). М., 2003.

Русские... 1899 - Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. СПб., 1899.

Сборник... 1867 - Сборник статистических сведений по горной части на 1867 г. СПб., 1867.

Сборник... 1868 - Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868. Отд. 1.

Сборник... 1876 - Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1.

Сборник... 1894 - Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 11.

Сборник... 1899 - Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач. СПб., 1899.

Сборник... 1900 - Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1900.
Сборник... 1900а - Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1900. Т. 7. Ч. 3.
Сборник... 1902 - Сборник циркуляров по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, Уфа, 1902.
Сборник... 1910 - Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1910. Т. 10. Ч. 2.
Сведения... 1899 - Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899.
Свод... 1842. Т. 9 - Свод Законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 9.
Свод... 1857. Т. 7 - Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 7.
Свод... 1857. Т. 8 - Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 8,
Свод... 1857. Т. 9 - Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9.
Список... 1855 - Список генералам по старшинству. Исправлено по 5 февраля. СПб., 1855.
Список... 1870 - Список населенных мест Оренбургской губернии. СПб., 1870.
Список... 1903 - Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.
Статистика... 1905. Вып. 36 - Статистика землевладения 1905. СПб., 1906. Вып. 36.
Статистика... 1905. Вып. 45 - Статистика землевладения 1905. СПб., 1906. Вып. 45.
Статистический... 1872 - Статистический временник Российской империи. СПб., 1872. Серия 2. Вып. 6.
Статистический... 1900. - Статистический обзор Оренбургской губернии за 1899 г. Оренбург. 1900.
Статистический... 1901 - Статистический обзор Оренбургской губернии за 1900 г. Оренбург, 1901.
Тарасов, 1872 - *Тарасов Д.К.* Воспоминания моей жизни, записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, 1792-1866. // Русская старина. 1872. Т. 5.
Торговля... 1909 - Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1909. Вып. 5.
Турно, 2002 - *Турно К.* Воспоминания польского офицера // Воин. 2002. № 10.
Тухватуллин, 1928 - *Тухватуллин Ф.* Материалы к истории башкир. Уфа, 1928.
Уоллес, 1880 - *Уоллес М.* Россия. СПб., 1880. Т. I.
Фархшатов, 2009 - *Фархшатов М.Н.* «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872-1917 гг.): Власть и суфизм в пореформенной Башкирии. Сб. док. Уфа, 2009.
Французы... 1912 - Французы в России, 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. I.
Хозяйственно-статистический... 1902 - Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900-1901 гг. Уфа, 1902.
Хозяйственно-статистический... 1904 - Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1903 год. Уфа, 1904.
Циркуляр... 1875 - Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1875. № 1-3.
Циркуляр... 1902 - Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1902. № 9-10.
Чернов, 1907 - *Чернов И.В.* Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18.
Чернов, 2007 - *Чернов И.В.* Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И. В. Чернова. Оренбург, 2007.
Шамиль... 1995 - Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889 (Репринт, изд.: М., 1995).
Шенк, 2004 - *Шенк К.Хр. Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Доклады Академии военных наук. 2004. № 12.
Штейнгель, 1815 - *Штейнгель В.И.* Записки, касательно похода Санктпетербургского ополчения. М., 1815. Ч. 2.
Эккерман, 1986 - *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986.
Бабич, 1994 - *Бабич LU.* Ишан үлгәс // Шул ук автор. Без үзебез башкорттар. Шигырзар, поэмалар, фельетондар, мәкәләләр, хатгар, көндәлектәр / Төҙөүсе, баш һүз, аңлатмалар авторы Р. Т. Бикбаев. Өфө, 1994.
Башкирское... 1978 — Башкирское народное творчество. Байты. Уфа, 1978. (на башк. яз.).
Гафури, 1979 - *Гафури М.* Баштан үткәндәр//Әҫәрҙәр. 4 томда. Өфө, 1979.
Исхаки, 1904 - *Исхаки Г.* 200 елдан соң инкираз. Казан,1904. (араб. алф.).
Тукай, 1985 - *Тукай Г.* Мөридләр каберстанындин бер аваз // Әсәрләр. 5 томда. Казан, 1985. Т.@1: Шигырьләр, поэмалар (1901-1908).
Уметбаев, 1984 - *Уметбаев М.* Ядкяр (Памятки). Уфа, 1984. (на башк. яз.)
Фәхретдин, 1904 - *Ризаэтдин бин Фәхретдин.* Асар. 2 жилдтэ. Оренбург, 1904. Җилд 1. (араб. алф.).
Фәхретдин, 1907 - *Ризаэтдин бин Фәхретдин.* Асар. 2 жилдтэ. Оренбург, 1907. Җилд 2. Жозьэ 13. (араб. алф.).
Фәхретдин, 1908 - *Ризаэтдин бин Фәхретдин.* Асар. 2 жилдтэ. Оренбург, 1908. Җилд 2. Жозьэ 14. (араб. алф.).
Фәхретдин, 1909 - *Ризаэтдин бин Фәхретдин.* Асар. 2 жилдтэ. Оренбург, 1909. Җилд 2. Жозьэ 15. (араб. алф.).
Фахретдин, 2008 - *Фахретдин Р.* Наши предки и наша краткая история: Сб. тр. и материалов. Казань, 2008 (на тат. яз.).
Шейх... 1917 - Шәйех Зәйнулла хәзрәтнең тәржемә-и хәле / Төзүче Ризаэтдин бин Фәхретдин. Оренбург, 1917 (на яз. тюрки; араб. алф.).
Combe, 1896 - *Combe M.* Memoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. Paris, 1896.
Bauke, 1832 - *Bauke D.* Mittheilungen tiber die Stadt und den Landraethlichen Kreis Gardelegen. Stendal, 1832.
Daneil, 1988 - *Daneil J. F.* Die ersten Kosaken in Salzwedel // Die Altmark. Ein Lesebuch. Rostock, 1988.
Hussell, 1954 - *Hussell.* Die ersten russen in Leipzig // Kampf um freiheit. Dokumente zur zeit der nationalen erhebung. 1789—1815. Berlin, 1954.
Merkwurdige... 1817 - Merkwurdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegs-Gefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Officiers. Stuttgart, 1817. Достопамятные дни моей жизни: Поход и плен в России. Из дневника одного немецкого офицера / Перевод с немецкого А. Н. Галямичева, комментарии В. П. Тотфалушина.
Ruppel, 1912 -*RuppelE.* Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912.

Оренбургские губернские ведомости. 1847. 22 ноября.
Оренбургские губернские ведомости. 1849. 16 апреля.
Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 19.
Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 35.
Оренбургские губернские ведомости. 1897. 2 мая.
Оренбургский листок. 1887. № 25.
Русский вестник на 1814 г. Кн. 9.
Уфимские губернские ведомости. 1897. 13 августа.
Шура. 1917. №9.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин, 1976 - *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль: Социальная природа и основные проблемы. Казань, 1976.

Абдуллин, 1979 - *Абдуллин Я.Г.* Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. Абдуллин, 1998 - Абдуллин Я. Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казань, 1998.

Абрамов, 1907 -*Абрамов А.Н.* Башкиры // Русский антропологический журнал. 1907. № 3-4.

А.В.Д., 1861 -*А.В.Д.* Башкирские земли // Указатель экономический, политической, промышленный, издаваемый под ред. И. Вернадского. СПб., 1861. № 252.

А.В.Д., 1862- *А.В.Д.* Образование в Башкирии //.Экономист. 1862. Кн. 9.

А.В.Д., 1863 - *А.В.Д.* О башкирах // Сборник статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1863 год. Уфа, б/г. (1863).

Адыгамов, 2006 - *Адыгамов Р.К.* Габдрахман Утыз-Имяни. Казань, 2006.

Азаматов, 1979 - *Азаматов Д.Д.* Из истории развития передовой общественно-политической и философской мысли Башкирии. Пермь, 1979.

Азаматов, 1999 - *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. Уфа, 1999.

Азаматова, 2005-*Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874-1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005.

Акбулатов, Булгаков, 1992 - *Акбулатов И.* М., Булгаков Р. М. Праздники в исламе: Религиозные и народные праздники башкир. Уфа, 1992.

Акимушкин, 1991 - *Акимушкин О.Ф.* Накшбанд, Баха' ад-дин Мухаммад б. Бурхан ад-дин Мухаммад ал-Бухари // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

Акимушкин, 2006 - *Акимушкин О. Ф.* Накшбанд, Баха' ад-дин Мухаммад б. Бурхан ад-дин Мухаммад ал-Бухари // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1.

Акманов, 1981 - *Акманов И.Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI - первой половине XVIII вв. Уфа, 1981.

Акманов, Кульшарипов, 1982 - *Акманов И.Г., Кульшарипов М. М.* Социально-экономические последствия присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Акманов, 2007 - *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI - начале XX в. Уфа, 2007.

Акъюлов, 2002 -*Акъюлов А. С.* В. А.Перовский - губернатор Оренбургского края. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Уфа, 2002.

Алеев, 1824 - *Алеев В. С.* Теория межевых законов, сочиненная для преподавания при Межевом Корпусе Константиновском училище, учителем онаго титулярным советником Алеевым. М., 1824.

Александров, 1981 - *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. №3.

Алекторов, 1883 - *Алекторов А.* История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

Аликберов, 2003 - *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ал-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М., 2003.

Антипов, 1860 - *Антипов А.И.* (2-й). Характер рудоносности и современное положение горного, т. е. горнорудного дела на Урале // Горный журнал. 1860. № 1.

Апухтин, 1912 -*Апухтин В.Р.* Симбирское дворянское ополчение 1812-1814 гг. Юбилейное издание Симбирского дворянства. М., 1912.

Апухтин, 1912а-*Апухтин В. Р.* Нижегородское дворянское ополчение 1812-1814 гг. Краткий очерк и материалы о сформировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границею. М., 1912.

Апухтин, 19126 - *Апухтин В.Р.* Народная военная сила. Дворянское ополчение в Отечественную войну. М., 1912. Ч. II.

Аристов, 1896 - *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Вып. Ill—IV

Арнольдов, 1894 - *Арнольдов В.А.* Санитарно-бытовой очерк о жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник общества врачей при Казанском университете. Казань, 1894.

Аршаруни, Габидуллин, 1931 - *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

Асфандияров, 1968 - *Асфандияров А. З.* Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968.

Асфандияров, 1969 - *Асфандияров А. З.* Башкирия в период кантонного управления. Дис... канд. ист. наук. М., 1969.

Асфандияров, 1974 - *Асфандияров А. З.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

Асфандияров, 1975 - *Асфандияров А. З.* Башкирия в период кантонного управления: Дис... канд. ист. наук. М., 1975.

Асфандияров, 1981 - *Асфандияров А.З.* Прототипы образов трех башкирских исторических песен-// Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1981.

Асфандияров, 1984 - *Асфандияров А.З.* Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984.

Асфандияров, 1984а- *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в конце XVIII-начале XIX в. // История СССР. 1984. № 4.

Асфандияров, 1986 - *Асфандияров А.З.* Тептяри (социально-экономическое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа, 1986.

Асфандияров, 1988 - *Асфандияров А.З.* Башкирские полки в Париже (К истории Отечественной войны 1812 года) // Сохраним выцветшие строки... Уфа, 1988.

Асфандияров, 1989 - *Асфандияров А.З.* Семья и браку башкир в XVIII-первой половине XIX в. Уфа, 1989.

Асфандияров, 1990 - *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкирской АССР. Справочная книга. Уфа, 1990. Кн. 1.

Асфандияров, 1992 - *Асфандияров А.З.* Народы Башкирии в Отечественной войне 1812 года// Любезные вы мои... Уфа, 1992.

Асфандияров, 1994 - *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Уфа, 1994. Кн. 5.

Асфандияров, 1995 - *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Справочное издание. Уфа, 1995. Кн. 6.

Асфандияров, 1997 - Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997.

Асфандияров, 1998 - *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в XVIII-первой половине XIX в. Уфа, 1998.

Асфандияров, 2001 - *Асфандияров А.З.* Вступительная статья // Западные башкиры по переписям 1795-1917 гг. Сб. док. и материалов. Уфа, 2001.

Асфандияров, 2001а - *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Уфа, 2001. Кн. 9.

Асфандияров, 2005 - *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии. (1798-1865 гг.). Уфа, 2005.

Асфандияров, 2006 - *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI - первая половина XIX в.). Уфа, 2006.

Асфандияров, 2006а - *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006.

Асфандияров, Асфандиярова, 2002 -*Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М.* История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Уфа, 2002. Кн. 10.

Асфандияров, Сулейманов, 1994 - *Асфандияров А.З., Сулейманов Ф.М.* Ревизские сказки как источник по истории башкирского двора// Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI-XX вв. Уфа, 1994.

Афанасьев, 1882-*Афанасьев В.* По поводу заметки: «О Башкирском конном полку»//Военный сборник. 1882.№8.

Ахмадиев, 1984-*Ахмадиев В. И.* Эпистолярная поэзия Акмуллы //Акмулле- 150 лет. Уфа, 1984.

Ахмаров, 1903 -*Ахмаров Г. Н.* О языке и народности мишарей. Казань, 1903.

Ахмаров, 1907 -*Ахмаров Г.Н.* Тептяри и их происхождение. Казань, 1907.

Ахметьянов, 1988 - *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1988.

Ацаркина, 1971 - *Ацаркина Э.Н.* А. О. Орловский. 1777-1832. М., 1971.

Бабкин, 1969 - *Бабкин В.И.* Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969.

Баишев, 1955-*Баишев Т.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.

Баишев, 1996 - *Баишев Ф. Н.* Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996.

Байрау, 1997 - *Байрау Д.* Империя и ее армия // Новый часовой. Военно-исторический журнал. 1997. №. 5.

Бартольд, 1968 - *Бартольд В.В.* Обзор истории тюркских народов // Сочинения: В 9 т. М., 1968. Т. 5.

Бартольд, 1917 - *Б[артольд] В.* Шейх Зайнулла Расулев // Пг., Мусульманский мир. 1917. Вып. 1.

Басин, 1971 - *Басин В.Я.* Россия и Казахские ханства (Казахстан в системе внешней политике Российской империи). Алма-Ата, 1971.

Батюшков, 1815 - *Батюшков К.Н.* Странствователь и домосед//Амфион. 1815.№6.

Бауманн, 1992 - *Бауманн Р. Ф.* Подвластные народы на военной службе Российской империи: на примере башкир // Любезные вы мои... Уфа, 1992.

Башкирец... 1862 - Башкирец из Белебея. О земледелии в Башкирии // Сборник статей, помещенных в Оренбургских губернских ведомостях 1862 г. Уфа, 1862.

Башкирские, 1862 - Башкирские леса // Экономист. СПб., 1862. Кн. 12.

Башкиры, 1877 - Башкиры // Народы России. Живописный альбом. СПб., 1877.

Безотосный, 1999 - *Безотосныш В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999.

Безотосный, Иткина, 2007 — *Безотосный В.М., Иткина Е.И.* Казаки в Париже в 1814 году. М., 2007.

Белоусов, 2007 - *Белоусов С. В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.

Бенигсен, 1983 - *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. Париж, 1983.

Бежкович, 1973 - *Бежкович А. С.* Этнические особенности земледелия у народов Башкирии: (XIX - начало XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5.

Бекмуратова, 1970 - *Бекмуратова А. Т.* Быт и семья у каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970.

Бергхольц, 1893 - *Бергхольц Л.* Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. Вып. 3.

Бикбулатов, 2002 - *Бикбулатов Н.В.* Башкиры // Народы Башкортостана: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.

Бикбулатов, Мурзабулатов, 1976 - *Бикбулатов Н.В., Мурзабулатов М.В.* Земледелие зауральских башкир в XIX - начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976.

Бикбулатов, Юсупов, Шитова, Фатыхова, 2002 — *Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.* Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

Бикжанова, Сухарева, 1955 -*Бикжанова М.С., Сухарева О.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.

Бородин, 1891 - *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Статистическое описание. Уральск, 1891. Т. 1.

Брук, Кабузан, 1980 -*Брук С.И., Кабузан В.М.* Этнический состав населения России (1719-1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6.

Буканова, Фешкин, 2007 -*Буканова Р.Г., Фешкин В.Н.* Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. Уфа, 2007.

Букреева, Рахимов, 2011 - *Букреева Е. М., Рахимов Р.Н.* «Башкиры в Гамбурге» Кристофа Зура // Отечественная война 1812 года: источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011.

Булгаков, 2008 - *Булгаков Р.М.* Кто был заинтересован в высылке «лжеучителя» Зайнуллы? // Зайнулла Расулев - выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Уфа, 2008.

Валеев, 2001 - *Валеев Д.Ж.* История башкирской философской и общественно-политической мысли: Основные тенденции развития. Уфа, 2001.

Валиди, 2010 - *Валиди Тоган А.* История башкир. Уфа, 2010.

Валидов, 1923 - *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар (До революции 1917 г.). М.; Пг., 1923.

Валиханов, 1904 -*Валиханов Ч. Ч.* Следы шаманства у киргизов // Записки РГО. СПб., 1904. Т. 29.

Василевская, 1916 - *Василевская М.* Жуковский Григорий Васильевич // Русский биографический словарь. Петроград, 1916.

Васильев, 1896 - *Васильев А.В.* Исторический очерк развития русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896.

Васильев, 1950 - *Васильев С.М.* Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в. (Тептяро-бобыльское население): Дис... канд. ист. наук. М., 1950.

Васильев, 1958 - *Васильев С. М.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII - начале XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Вечеслав, 1882 - *Вечеслав Н.Н.* Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью европейской России и государств Западной Европы. Казань, 1882.

Вильданов, Кунафин, 1981 - *Вильданов А.Х, Кунафин Г. С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981.

Виноградова, Каптерова, Стародуб, 1997 - *Виноградова Н.А., Каптерова Т.П., Стародуб Т.Х.* Традиционное искусство Востока: Терминологический словарь: А-Я. М., 1997.

Висковатов, 1944-*Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружение Российских войск. Новосибирск, 1944. Т. 27.

Витевский, 1889 - *Витевский В.Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1.

Военная... 1911 - Военная энциклопедия. М., 1911. Т. 4.

Военный... 1863 - Военный сборник. СПб., 1863. Т. 34.

Военный... 1986 - Военный энциклопедический словарь. М., 1986.

Военный... 2001 - Военный энциклопедический словарь: В 2 т. М., 2001. Т. I.

Военский, 1909 - *Военский К.А.* Костромское ополчение в 1812 году. СПб., 1909.

Водопьянов, 1897 - *Водопьянов В.* Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 году // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3.

Воины... 1992 - Воины Российской империи. Комплект открыток. М., 1992.

Воинская... 2007 - Воинская слава башкирского народа. Уфа, 2007.

Габдуллин, 2006 - *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

Гаджиева, 1985 -*Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985.

Галкин, 1868 - *Галкин (Враской) М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

Гвоздикова, Асфандияров, 1989 - *Гвоздикова И. М., Асфандияров А.З.* Публицистические работы Михаила Михайлова и Альмухамета Куватова о башкирах // Из истории башкирской литературы XIX в. Уфа, 1989.

Гвоздикова, Хусаинов, 1996 - *Гвоздикова ИМ., Хусаинов Г.Б.* История одного проповедника // Ватандаш. 1996. № 2.

Гвоздикова, 1999 - *Гвоздикова ИМ.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999.

Гвоздикова, 2010 - *Гвоздикова И.М.* Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801—1855 гг.). Уфа, 2010.

Глезденев, 1923 - *Глезденев П.П.* К вопросу о тептярях//Вятская жизнь. 1923.№2.

Голосов, 1863-*Голосов Д.* Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск, под начальством генерал-адъютанта Перовского // Военный сборник. 1863. № 1-3.

Гончаров, 1908-*Ив.Ал.* Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. 1908. №11.

Гордлевский, 1962 - *Гордлевский В.А.* Бахаудцин Накшбанд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе) // Избранные сочинения В 3 т. М., 1962. Т. 3.

Гр айворонский, 1979 - *Грайворонский В.В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

Громов, 1981 - *Громов Г.Г.* Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа (Исторические этапы и формы взаимодействия). М., 1981.

Гумаров, 1985 -*Гумаров В.З.* Башкирская народная медицина. Уфа, 1985.

Гурвич, 1871 -*ГурвичН.А.* Взгляд на статистику ярмарок и статистическая перепись Уфимской ярмарки 1871 т.// Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 г. СПб., 1871.

Гурвич, 1880 - *Гурвич Н.А.* Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 году. Уфа, [1880].

Давлетбаев, 1984 - *Давлетбаев Б. С.* К эволюции социально-политического положения тептярей в первой половине XIX века // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984.

Давлетбаев, 1984а - *Давлетбаев Б. С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1984.

Давлетбаев, 1992 - *Давлетбаев Б. С.* Жалобы башкир и припущенников как форма антифеодального протеста // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI - начале XX в. Уфа, 1992.

Давлетбаев, 1994 - *Давлетбаев Б. С.* Восстание крестьян 1835 года//Башкирский край. Уфа, 1994. Вып. 4.

Давлетшина, 2001 - *Давлетшина З.М.* Татарское население Башкортостана: Этнодемографическое исследование. Уфа, 2001.

Давыдов, 2007-*Давыдов Д.В.* Опыт теории партизанского действия // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007.

Даль, 1994 -*Даль В.И.* Толковый словарь великорусского языка: М., 1994. Т. 2.

Двоеносова, 2004 - *Двоеносова Г.А.* Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785-1917 гг.: реконструкция и источниковедческий анализ. Казань, 2004.

Де, 1875 -*Де-Пуле М.Ф.* (Второв И. А.) Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. №. 6.

Дебу, 1837 -*Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.

Деви, 1896 -*Деви И.* Краткий исторический очерк развития разработки коренных месторождений золота на приисках Кочкарской системы в Оренбургской губернии по 1895 г. // Горный журнал 1896. Т. 1. № 2.

Ден, 1902 -*Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М, 1902. Т. 2. Ч. 2.

Денисон, 2001 - *Денисон Дж.* История конницы. М., 2001. Кн. 1.

Добросмыслов, 1901 - *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1901.

Добротворский, 1964 -*Добротворский П.И* В глуши Башкирии // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. 2.

Древнетюркский, 1969-Древнетюркский словарь. JI., 1969.

Дружинин, 1946 - *Дружинин. Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.

Дубовиков, 2004 -*Дубовиков А. М.* Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России. Тольятти, 2004. Ч. И.

Дьячков, 1901 -*Дьячков Н.А.* Южный Урал и горные башкиры // Приуральский край, его население и минеральные богатства. М., 1901.

Еникеев, 2007 -*Еникеев З.И., Еникеев А.З.* История государства и права Башкортостана. Уфа, 2007.

Жакмон, 1907 - *Жакмон П.П.* Хищение башкирских земель. (Из воспоминаний оренбургского старожила). // Исторический вестник. 1907. № 3.

Железное, 1858 - *Железное И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858. Ч. 1.

Жибарев, Эпштейн, 1941 - *Жибарев П., Эпштейн Д.* Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1941.

Живописная, 1901 - Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1901. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 2. Приуральский край.

Жуковский, 1832 - *Жуковский И.* Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Оренбург, 1832.

Зайончковский, 2002 - *Зайончковскиц А. М.* Восточная война, 1853-1856. СПб., 2002. Т. I.

Замечания, 1834 - «Замечания о башкирцах» // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. Ч. XIII. № 7-8.

Захарьин, 1901 - *Захарьин (Якунин) КН.* Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901.

Зеленин, 1908 - *Зеленин Д.К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. 1908. №3.

Зобов, 1974 - *Зобов Ю.С.* Проникновение товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство Оренбургской губернии в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии: Уфа, 1974.

Зыков, 1862 - *Зыков С.* Экспедиция в Хиву Перовского. 1839-1840 // Русское слово. 1862. № 3.

Иванов, 1873 - *Иванов Н.П.* Хивинская экспедиция 1839-1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873.

Иванин, 1874 - *Иванин М.Г.* Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840. Выступление из Оренбурга отряда в ноябре 1839 года. СПб., 1874.

Игнатович, 1863 - *Игнатович А.Л.* Башкирская Бурзянская волость / Архив исторических и практических сведений. 1863. 4.V.

Ильясова, 2006 - *Ильясова А.Я.* Получение прав потомственного дворянства подполковником Абдуллой Давлетшиным // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность: информационно-аналитический бюллетень. Уфа, 2006. № 4.

Ильясова, 2010 - *Ильясова А.Я.* История башкирского дворянства. Дис.... канд. ист. наук. Уфа, 2010.

Исдейл, \991 -*Исдейл Ч.Д.* Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.

Исмагилов, 1969 - *Исмагилов Г. С.* К вопросу об оценке буржуазной философской и общественной мысли в Башкирии начала XX века // Вопросы марксистско-ленинской философии. Уфа, 1969.

Исторический... 1899 - Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 год. СПб., 1899. Вып. 2.

История... 1996 - История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996.

История... 2000 - История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3.

История... 2004 - История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004. Т. 1.

История... 2006 - История Башкортостана во второй половине XIX - начале XX века. В 2 т. Уфа, 2006. Т. I.

История... 2007 - История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Уфа, 2007. Т. 1.

История... 2007а - История Башкортостана в XX веке. Уфа, 2007.

Исхаков, 1979 - *Исхаков Д. М.* Тептяри: Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4.

Исхаков, 1980 - *Исхаков Д. М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII-XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4.

Исхаков, 1993 - *Исхаков Д. М.* Историческая демография татарского народа (XVIII- начало XX вв.). Казань, 1993.

Исхаков, 1997 - *Исхаков ДМ.* Феномен татарского джадидизма: Введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997.

Ишкулов, 1994 - *Ишкулов Ф.А.* Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994.

Кабузан, 1971 - *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971.

Кабузан, 1990-*Кабузан В.М.* Народы России в XVIII в.: Численность и расселение. М., 1990.

Кабузан, 1992 -*Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Казанцев, 1866 - *Казанцев ИМ.* Описание башкирцев. СПб., 1866.

Казин, 1912 -*Козин В.Х.* Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры. СПб., 1912.

Калачев, 1899 - *Калачев А.* Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии // Живая старина. 1899. №3.

Калимуллин, 1958 - *Калимуллин Б.Г.* Архитектурные памятники Башкирии. Уфа, 1958. Вып. III: культовые сооружения.

Камалов, Камалова, 2001 - *Камалов А.А., Камалова Ф. У.* Атайсал. Уфа, 2001.

Канделаки, 1914 - *Канделаки И.* Роль ярмарок в русской торговле. М., 1914.

Каппилер, 2000 - *Каппилер А.* Россия - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.

Каримуллин, 1971 - *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги. Казань, 1971.

Карпов, 1911 - *Карпов А. Б.* Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. Ч. 1.

Квитка, 1882 - *Квитка А.* Заметки о башкирском конном полку // Военный сборник. 1882. № 6.

Кемпер, 2005 - *Кемпер М.* История суфизма в Поволжье и Приуралье // Мир ислама. 2005. № 1 (3).

Кеппен, 1857 -*Кеппен П.* Девятая ревизия. СПб., 1857.

Киекбаев, 1998 - *Киекбаев Д.М.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциального исследования). Уфа, 1998.

Кириков, 1989 - *Кириков С.В.* По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989.

Климович, 1936 - *Климович Л.* Ислам в царской России. М., 1936.

Кисляков, 1969 -*Кисляков И.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. JL, 1969.

Кобзов, 1996 - *Кобзов В. С.* Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII - первой половине XIX века. Челябинск, 1996.

Козлов, 1969 - *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

Козлов, 1977 - *Козлов В.И.* Этническая демография. М.,1977.

Колесник, 2003 - *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

Комиссаров, 1926 - *Комиссаров Г.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926.

Коншин, 2005 -*Коншин И.* Труды по казахской этнографии. Павлодар, 2005.

Корелин, 1979 - *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Коршунов, 2009а - *Коршунов А.И* Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII-XIX вв.). Монография. Уфа, 2009.

Коршунов, 20096 - *Коршунов А.И.* Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII-XIX вв.). Монография. Уфа, 2009.

Коршунов, Рахимов, 2009 - *Коршунов А.И, Рахимов Р.И.* Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI-XIX вв. Уфа, 2009.

Косвен, 1969 - *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1969.

Костенко, 1871 - *Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871.

Кныш, 2004 - *Кныш АД.* Мусульманский мистицизм: Краткая история / Пер. с англ. М. Г. Романова. М.; СПб., 2004.

Крадин, 2001 - *Крадин Н.Н.* Империя хунну. М., 2001.

Красильников, 1902 - *Красильников М.П.* Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902.

Краснов, Дайнес, 2002 - *Краснов В.Г., Дайнес В. О.* Русский военно-исторический словарь. М., 2002.

Краткий... 1856 - Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи. СПб., 1856.

Краткий... 1913 - Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913.

Кривощеков, 1914 - *Кривощеков А.* На Оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. Вып. 1.

Круковский, 1909 - *Круковский М.А.* Южный Урал (Путевые заметки). М., 1909.

Кузеев, 1957 - *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Ч. 1.

Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х.Ф., 1966 - *Кузеев Р. Г., Усманов А.Н., Усманов Х.Ф.* Новые сведения о численности башкир в XVIII-XIX вв. // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год (Тезисы докладов). Уфа, 1966.

Кузеев, 1968 - *Кузеев Р.Г.* Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв.: К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.

Кузеев, 1968а - *Кузеев Р.Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.

Кузеев, 1974-*Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1978 - *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев, 1987 - *Кузеев Р.Г.* Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987.

Кузеев, 1992 - *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев, 1994 -*Кузеев Р.Г. О* характере присоединения народов Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы их средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994.

Кузеев, 1994а - *Кузеев Р.Г.* Миграции в Среднем Поволжье и на Южном Урале в XVI-XIX вв. и их влияние на расселение, численность, этнический состав и этнографическую структуру населения региона // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994.

Кузеев, 2002 - *Кузеев Р.Г.* Введение. Народы Башкортостана: история, современность, взгляд в будущее // Народы Башкортостана: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.

Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962 - *Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н.* Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Ч. 1.

Кузеев, Моисеева, Бабенко, 1987 - *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н., Бабенко В.Я.* Этнические процессы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время Уфа, 1987.

Кузнецов, 2008 -*Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008.

Кузнецов, 2009 - *Кузнецов В.А.* Военная служба полков Оренбургского и Уральского казачьих войск после Отечественной войны 1812 года // Вестник Челябинского государственного университета / История. Вып. 31. 2009. № 12 (150).

Кузнецов, Чепурнов, 1992-Кузнецов А.А., ЧепурновН.И. Наградная медаль. М., 1992. Т. Г: 1701-1917.

Кулбахтин, Абсалямов, 1994 - *Кулбахтин Н.М., Абсалямов Ю.М.* Численность, этносословный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII - начале XIX в. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала. Уфа, 1994.

Кульшарипов, 1988 -*Кульшарипов М.М.* Меккензи Уоллес среди башкир // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988.

Кульшарипов, 2003 - *Кульшарипов М.М.* Политика царизма в Башкортостане (1775-1800 гг.). Уфа, 2003.

Кутлубаев, 1902 - *Кутлубаев М.И.* Отчет студента-медика И. Кутлубаева командированного Уфимскою губернскою земскою управою для надзора за исполнением обязательных постановлений на кумысных и кумысно-лечебных заведениях в Уфимском уезде летом 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и врачебно-санитарной деятельности в Уфимской губернии. 1902. № 9.

Кутушев, 2007 -*Кутушев Р.Р.* Введение *II* Навеки с Россией. Сборник документов и материалов. Уфа, 2007. Ч. 1.

Ланда, 1995 - *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995.

Лепехин, 1802 - *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства (1786—1772 гг.). СПб, 1802.

Лесин, 2007 - *Лесин В.И.* «Ваше величество, это казаки...» М, 2007.

Литуновский, 1878 - *Литуновский Н.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М, 1878.

Лоранский, 1872 -*Лоранский А.* Наши законы о золотопромышленности//Горный журнал. 1872. Кн. 7. 8.

Лотин, 1866 - *Лотин В.В.* Возвратная горячка в Оренбургском крае и врачебные учреждения этого края // Медицинский вестник. 1866. № 24.

Лукьянов, 1949 - *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. М, 1949. Т. 2.

Любезные, 1992-Любезные вы мои... Уфа, 1992.

Лясковский, 1860 - *Лясковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии. СПб, 1860.

Максютова, 1976 - *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка. М, 1976.

Максютова, 1996 - *Максютова Н.Х.* Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996.

Макшеев, 1890 - *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб, 1890.

Малахов, 1887 - *Малахов М.В.* Башкиры//Записки Уральского общества любителей естествознания. 1887. Т. 11. Вып. 1.

Малиев, 1876 - *Малиев Н.М.* Антропологический очерк башкир // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Казань, 1876. Т. V. Вып. 5.

Мамонов, Форстман, 1991 - *Мамонов В. Ф., Форстман Г. В.* Гроза Двенадцатого года: Казаки Урала в Отечественной войне 1812 года. Челябинск, 1991.

Материалы... 1868 - Материалы для преобразования межевой части в России. СПб, 1868.

Матвиевский, 1962 - *Матвиевский П.Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург, 1962.

Машин, 1976 - *Машин М.Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск. 1976.

Милов, 1992 - *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4 - 5.

Минаев, 1879 - *Минаев Д.И.* Рассказ пленника // Историческая библиотека. СПб, 1879. № 10.

Миржанова, 1979 - *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

Миржанова, 1990 - *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (Формирование, современное состояние). Уфа, 1990.

Мирхайдарова, 2011 - *Мирхайдарова М. Р.* История этенокультурных контактов башкир и казахов в XVIII - I половине XIX вв. Уфа, 2011.

Митурич, 1869 - *Митурич П. В.* Очерк истории Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от основания их до последних преобразований // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1869.

Михайлов, 1862 - *Михайлов Н.* Заметки о современном положении частной горной промышленности на вотчинных башкирских землях Оренбургского края и о мерах, предпринимаемых к развитию ея // Горный журнал. 1862. № 3.

Михайловский-Данилевский, 1846 - *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806-1807 гг. СПб., 1846.

Моногарова, 1972 - *Моногарова А. А.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972.

Мударисов, 1988 - *Мударисов Р3.* Развитие горнозаводской промышленности Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 1988.

Мударисов, 2000 - *Мударисов Р3.* Становление золотодобывающей промышленности на Южном Урале в первой половине XIX века // Река времени. 2000. Уфа, 2000.

Мурзабулатов, 1979 - *Мурзабулатов М.В.* Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX - начале XX в..// Хозяйство и культура башкир в XIX - начале XX вв. Уфа, 1979.

Муртазин, 2007 - *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 2007.

Мухамедова, 1972 - *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

Надергулов, 1995 - *Надергулов М.Х.* Из архива Мухаметсалима Уметбаева // Ядкарь. Вестник АН РБ. Уфа, 1995. Гуманитарные науки. № 1.

Надергулов, 1996 - *Надергулов У.Ф.* Иргизо-камеликские башкиры (лингвистическое исследование). Уфа, 1996.

Надергулов, 2008 - *Надергулов М.Х.* Образец башкирской войсковой мемуаристики XIX века // Ватандаш. 2008. № 8.

Надергулов, 2009 - *Надергулов М.Х.* Ценный источник из башкирской мемуарной литературы XIX века // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа-Сибай, 2009.

Назаров, 1863 - *Назаров П. С.* Заметки башкира о башкирах// Современник. СПб., 1863. №11.

Назаров, 1890 - *Назаров П.С.* К этнографии башкир//Этнографическое обозрение. 1890. № 11.

Назаров, 2003 - *Назаров А.И.* Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы, 2003.

Народы... 1877 - Народы России. Живописный альбом. СПб., 1877.

Насыров, 2008 - *Насыров И. Р.* Духовное наследие башкирского религиозного мыслителя и суфийского шейха Зайн Аллаха ар-Расули в диалоге прошлого и настоящего // Зайнулла Расулев - выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира.

Небольсин, 1850 - *Небольсин П.* Заметки о башкирах // Отечественные записки. СПб., 1850. Т. 23.

Небольсин, 1852 - *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края. СПб., 1852.

Небольсин, 1854 - *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854.

Нигматуллин, 1959 - *Нигматуллин С.Н.* О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20-х и 30-х годах XIX века // Из истории Башкирской АССР. Сборник статей. Уфа, 1959.

Нигматуллин, 1968 - *Нигматуллин С.Н. О* социальном строе башкирского общества в первой половине XIX в. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

Нигматуллин, 1975-*Нигматуллин С.Н.* О характере восстания 1835 г. в Башкирии // Очерки по истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. II.

Никольский, 1899 - *Никольский Д.П.* Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

Никольский, 1902 - *Никольский А.И.* Столетие военного министерства. 1802-1902. СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1.

Никольский, 1919 - *Никольский Н.В.* Сборник исторических материалов о народах Поволжья. Казань, 1919.

Никольский, Чернощеков, 1907 - *Никольский А.И., Чернощеков Н.А.* Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк//Столетие военного министерства. 1802-1902. СПб., 1907. Т. 11. Ч. 3.

Новиков, 1903 -*НовиковВ.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 г. включительно депутатом уфимского дворянства Н. А. Гурвичем. Уфа, 1903.

Новиков, 1975 - *Новиков В.А.* О лесной промышленности в Уфимском уезде // Уфимский календарь на 1876 г. Уфа, 1975. Вып. 3.

Нойманн, 2004 - *Нойманн И.Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Обзор... 1900 - Обзор Уфимской губернии за 1899 г. Уфа, 1900.

Обухов, 1915 - *Обухов М.И.* Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы 1912-1913 года. Уфа, 1915.

Оленин, 1882 - *Оленин А.Н.* Археологические труды. СПб., 1882. Т. II.

Отечественная... 2004 - Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Очерки... 1859 - Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской Орды. М., 1859.

Очерки... 1956 - Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1.

Очерки... 1959 - Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2.

Поликарпов, 1912-*Поликарпов Н.П.* Роспись войсковых частей, участвовавших в сражении 26 августа (7 сентября) 1812 г. при селе Бородине Можайского уезда Московской губернии //1812 год. 1912. № 15-16.

Поликарпов, 1913 - *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. М., 1913.

П. Р., 1832 - *П.Р.-Н.* [П. Е. Размахнин] Сведения о башкирцах // Московский телеграф. М., 1832. Ч. 48. № 22.

Подпрятов, 1997 - *Подпрятое Н.В.* Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целость России...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 1.

Подпрятов, 2001 - *Подпрятов Н.В.* Опыт создания национальных частей в русской армии в первой половине XIX в. // Актуальные вопросы российской военной истории. СПб., 2001.

Попов, 1813 - *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. СПб., 1813. Ч. 2.

Попов, 1811 - *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. СПб, 1813. Ч. 3.

Попов, 1870 - *Попов Н.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. СПб., 1870. Кн. 6.

Попытки... 1914 - Попытки сближения с Хивой // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 30.

Порталь, 2005 - *Порталь Р.* Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа, 2005.

Прозоров, 2004 - *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Птуха, 1928 -*Птуха М.В.* Смертность И народов Европейской России в конце XIX в. Киев, 1928.

Пузыревски, 1866 - *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1866.

Путеводитель, 1899 - Путеводитель по Уралу. Екатеринбург. 1899.

Путинцев, 1891 - *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891.

Раимов, 1943 -*Раимов Р.М.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1943.

Рамазанова, 1978 - *Рамазанова Д.Б.* К вопросу о бобылях Башкирии XVII в. // Исследование по историографии Татарии. Казань, 1978.

Рамазанова, 1984 - *Рамазанова Д. Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984.

Рамазанова, 1986 - *Рамазанова Д. Б.* К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань, 1986.

Рахимкулов, 1988 - *Рахимкулов М.Г.* Великий сатирик о Башкирии // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988.

Рахимкулов, 1990 - *Рахимкулов М.Г.* Предисловие // Башкирия в русской литературе: в 6 т. Уфа, 1990. Т. 2.

Рахимкулова, 1988-*Рахимкулова М. Ф.* Библиография книг и статей Ризы Фахретдинова // Творчество Ризы Фахретдинова: Исследования и материалы. Уфа, 1988.

Рахимов, 1993 -*Рахимов Р.Н.* Тептяри Башкирии в XVII - 60-х гг. XIX в. (Социально-экономическое развитие): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1993.

Рахимов, 2000 -*Рахимов РН.* Ислам под российским мундиром: правовое положение мусульман в Российской имперской армии // Шариат: теория и практика. Уфа, 2000.

Рахимов, 2002 - *Рахимов Р.Н.* Башкиры и казаки Урала в «Польской армии» (август - сентябрь 1813 г.) // Археография Южного Урала. Уфа, 2002.

Рахимов, 2005 - *Рахимов Р. Н.* Башкиры в 1813 году в мемуарах Марселена де Марбо // Modem history. У фа, 2005. Вып. V.

Рахимов, 2006 - *Рахимов Р.Н.* О надписи на «Башкирском знамени 1813 года» // Археография Южного Урала: Изучение документальных источников по истории развития языков народов Южного Урала: Уфа, 2006.

Рахимов, 2007 - *Рахимов Р.Н.* Башкирские полки в Русско-польской войне 1830-1831 гг. // Истоки российского федерализма в свете провозглашения автономии Башкортостана: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию провозглашения территориальной автономии Башкортостана. Уфа, 2007.

Рахимов, 2007а - *Рахимов Р.Н.* Хозяйство башкир в николаевское время: «Скандальный» отчет 1850 года // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XX веках: проблемы источников и историографии. Сборник статей. Оренбург, 2007.

Рахимов, 20076-*РахимовР.Н.* Назад в будущее, или «Тильзит в 1807 году»: текстологический анализ одной публикации// Modem history: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Уфа, 2007. Вып. VIII.

Рахимов, 2007в - *Рахимов Р.Н.* Башкиры в наполеоновской Европе // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2007. Т. IV.

Рахимов, 2008а - *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков. 1790-1845 гг. Уфа, 2008.

Рахимов, 20086 - *Рахимов Р.Н.* Башкирская конница в Крымской войне 1853-1856 гг. // Южный Урал: история, историография, источники. Уфа, 2008. Вып. 1.

Рахимов, 2008в - *Рахимов Р.Н.* 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Можайск, 2008.

Рахимов, 2008г - *Рахимов Р.Н.* Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча - долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора).

Рахимов, 2009 - *Рахимов Р.Н.* Оренбургские военные губернаторы в восприятии башкир: власть империи и империя власти // Империи и империализм нового и новейшего времени. Сборник статей. СПб., 2009.

Рахимов, 2009а - *Рахимов Р.Н.* Волнения Восьмого Башкирского полка осенью 1812 года // Археография Южного Урала: Материалы IX Межрегиональной конференции. Уфа, 2009.

Рахимов, 20096 - *Рахимов Р.Н.* Подготовка резервов для русской армии в 1812 году оренбургским военным губернатором Г. С. Волконским // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2009. Вып. XVII.

Рахимов, 2010 - *Рахимов Р. Н.* Подарок Башкиро-мещерякского войска: степные лошади для русской армии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183.

Рахматуллин, 1974 - *Рахматуллин У.Х.* К вопросу о припуске на башкирские земли в I пол. XVIII в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

Рахматуллин, 1988 - *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

Рахматуллина, 2002 - *Рахматуллина З.Я.* Башкирский национальный дух (Социально-философский очерк). Уфа, 2002.

Рашин, 1956 - *Рашин Г.А.* Население России за 100 лет (1811 - 1913г.). М., 1956.

Ремезов, 1889 - *Ремезов Н.В.* Переселенческая эпопея. М., 1889.

Ремезов, 1889а - *Ремезов Н.В.* Землевладение в Уфимской губернии. Краткий исторический обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности // Записки Императорского русского географического общества. Отдел статистики. СПб., 1889. Т. VI.

Ремезов, 18896-*Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889.

Ремезов, 1986 - *Ремезов Н.В.* Быль в сказочной стране. Уфа, 1986.

Ризаэтдин, 2003 - Ризаэтдин Фахретдин: Биобиблиографический указатель / Сост. Р. Ф. Марданов. Казань, 2003.

Риттих, 1875 -*Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов Русской армии и мужское население Европейской России. СПб., 1875.

Родное, 2002 - *Родное М.И* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.

Родное, 2008 - *Родное М.И.* Предпринимательское хозяйство башкир Зауралья в начале XX в. // Проблемы и перспективы конкурентоспособного воспроизводства в Башкирском Зауралье. Уфа, 2008. Ч. II.

Родное, 2009 - *Родное М. И. У* истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

Романович-Слаеатинскт, 1870 - *Романович-Слаеатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.

Руденко, 1925 -*Руденко С.И.* Башкиры. JL, 1925. Ч. II.

Руденко, 1955 - *Руденко С.И.* Башкиры. М.; JL, 1955.

Руденко, 2006 - *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Рудченко, 1904 - *Рудченко П.И.* Гужевые и водные пути. СПб., 1904.

Русский... - Русский вестник на 1814 г. Кн. 9. С. 64-66.

Рыбаков, 1876 - *Рыбаков Г.* Просковьинское инородческое училище Стерлитамакского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1876. 26 марта.

Рыбаков, 1895 -*Рыбаков С.Г.* Очерк быта и современного состояния инородцев Урала//Наблюдатель. 1895. № 7.

Рыбаков, 1897 - *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.

Рындзюнский, 1978 - *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978.

Рычков, 1772-*Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772.

Рычков, 1887 - *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рябинин, 1866 -*Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1.

Рязанов, 1928 - *Рязанов П. А.* Оренбургский край. 1928.

Самородов, 1999 - *Самородов Д.П.* Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. Вторая половина XIX - начало XX вв. Стерлитамак, 1999.

Сахаров, 1866 - *Сахаров Я.* Заметки относительно земледелия в Башкирии и пожаров в Оренбурге // Вестник промышленности. 1866. Т. 11. № 1.

Сборник... 1862 - Сборник статей, помещенных в Оренбургских губернских ведомостях за 1862 г. Уфа, 1862.

Свердлов, 1981 - *Свердлов М.Б.* Семья и семейная община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3.

Севортян, 1974 - *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Севастьянов, 1906 - *Севастьянов С.Н.* События в Оренбургском крае подготовившие экспедицию в Хиву 1839-1840 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1906. Вып. XVI.

Семенов, Семенова, 1999 - *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

Семенов-Тян-Шанский, 1863 - *Семенов-Тян-Шанский П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1.

Семенова, 2000 - *Семенова Н.Л.* Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII - первой половине XIX в. Стерлитамак, 2000.

Серебрякова, 1979 - *Серебрякова М.Н.* Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М., 1979.

Середа, 1870 - *Середа Н.* Бунт киргизского Султана Кенисары Касимова (1838-1847 гг.) // Вестник Европы. 1870. Т. IV.

Скалозубов, 1893 - *Скалозубов Н.Л.* Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893.

Советская... 1990 - Советская военная энциклопедия: В 8 т. М., 1990. Т. 1: «А» - Бюлов.

Стариков, 1891 - *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

Стариков, 1891а - *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.

Стейнведел, 2004 - *Стейнведел Ч.* Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань, 2004.

Стейнведел, 2011 - *Стейнведел Ч.* Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552-1917) // Волго-Уральский регион а имперском пространстве: XVIII-XX вв. М., 2011.

Сулейманов, 2003 - *Сулейманов Ф.М.* Башкирский двор (конец XVIII - первая половина XIX века). Уфа, 2003.

Султангалиева, 2000 - *Султангалиева Г. С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных взаимодействий. Уфа, 2000.

Сыртланов, 1912 - *Сыртланов А.А.* Некролог//Исторический вестник. 1912. №9.

Тагирова, 2011 - *Тагирова Л. Ф.* Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины века. Уфа, 2011.

Таймасов, 2000 - *Таймасов С. У.* Восстание 1773-1774 гг. в Башкортостане. Уфа, 2000.

Тарасов, 1984 - *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М, 1984.

Тарле, 2003 - *ТарлеЕ.В.* Крымская война. М, 2003. Т. II.

Татары... 1967 - Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М, 1967.

Терентьев, 1906 - *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб, 1906. Т. 1-3.

Типеев, 1930 - *Типеев Ш.И* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.

Томашевская, 2002 - *Томашевская Н.Н.* От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002.

Тримингэм, 1989 - *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставинской, под. ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М, 1989.

Уйфальви, 1877 - *Уйфалъви К.* Башкиры, мещеряки и тептяри //.Известия имп. Русского географического общества. 1877. Т. 13. Вып. 2.

Ульянов, 1998 - *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота. 1855-1918. М, 1998.

Усманов, 1944 - *Усманов А.Н.* Башкирские всадники в Отечественной войне 1812 года. Сборник легенд и песен. Уфа, 1944.

Усманов, 1958 - *Усманов Х.Ф.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958.

Усманов, 1964 - *Усманов А.Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964.

Усманов, 1971 - *Усманов А.Н.* Развитие земледелия в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Усманов, 1973 - *Усманов Х.Ф.* Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVII-XIX вв. Уфа, 1973.

Усманов, 1981 - *Усманов Х. Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60-90-е гг. XIX в. М, 1981.

Усманов, 1982 - *Усманов Х.Ф.* Развитие российского капитализма вширь и социальная эволюция башкирского крестьянства // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманов, 1982а - *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманова, 2009 - *Усманова Д. М.* Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман» (1862-1916 гг.). Казань, 2009.

Ушаков, 1822 - *Ушаков С. И.* Деяния российских полководцев и генералов ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812,1813,1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. СПб, 1822. Ч. 2.

Фаизов, 1995 - *Фаизов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.

Фархшатов, 1994 - *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период (1860-1870-е годы XIX в.). М,, 1994.

Фархшатов, 1996 - *Фархшатов М.Н.* Неплюевское военное училище // Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Фархшатов, 2007 - *Фархшатов М.Н.* Кадимизм // Башкирская энциклопедия: В 7 т. Уфа, 2007. Т. 3.

Фархшатов, 2000 - *Фархшатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900—1917 гг.). Уфа, 2000.

Фархшатов, 2011 - *Фархшатов М.Н.* Операция «ссылка»: Шейх Зайнулла Расулев и имперские власти (70-е годы XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII-XIX вв. М, 2011.

Фатыхова, Якупов, 2008 - *Фатыхова Ф. Ф., Якупов Р.И.* Мишари // Башкирская энциклопедия: В 7 т. Уфа, 2008. Т. 4.

Ферстер, 1868 - *Ферстер Б. К.* Заметки о разработке медных руд в Каргалинской степи в Оренбургской губернии // Горный журнал. 1868. Ч. 3. № 7.

Фиельструп, 1926 - *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней // Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР. JI, 1926. Т. 2.

Филимонов, 1893 - *Филимонов Е. С.* Что такое тептяри? // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893.

Филоненко, 1915 — *Фшоненко В.И.* Башкиры. Уфа, 1915.

Флоринский, 1874 - *Флоринский В.М.* Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. № 12.

Хабутдинов, 2007 - *Хабутдинов А.Ю.* Суфизм у татар как социальный институт // Суфизм как социокультурное явление в Российской умме. Нижний Новгород, 2007.

Хакимов, 1986 -*Хакимов С.Х.* Развитие золотодобывающей промышленности Южного Урала в 60-е гг. XIX в. // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986.

Хакимов, 1988 - *Хакимов С.Х.* Численность, состав и положение Башкирии первой российской революции // Башкирия в революции 1905-1907 гг. Уфа, 1988.

Хакимов, 1989 -*Хакимов С.Х.* Промышленность и рабочий класс Южного Урала в пореформенный период (1861-1900 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

Хакимов, 1992 - *Хакимов С.Х.* Развитие золотодобывающей промышленности на Южном Урале в период домонополистического капитализма (1861-1900 гг.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI - начале XX в. Уфа, 1992.

Халфин, 1974-*Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии. Первая половина XIX века. М, 1974.

Харисов, 1973 -*Харисов А.Н* Коллекция рукописей Ризаэтдина Фахретдинова в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1.

Харисов, 1973а-*Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX века). Уфа, 1973.

Харкевич, 1901 -*Харкевич В.* Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901.

Хвольсон, 1868 -*Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах и русах // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. № 12.

Хисамитдинова, 1991 - *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа, 1991.

Хисматуллин, 2003 - *Хисматуллин А. А.* Суфизм. СПб., 2003.

Хронологический... 1911 - Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб., 1911. Т. III. 1826—1854.

Хусаинов, 2003 - *Хусаинов Г.Б.* Духовный мир башкирского народа. Уфа, 2003.

Хусайнова, 2008-*Хусаинова Г.Р.* Память народа // Насыров Р. Шейх Зайнулла Расулев. Уфа, 2008.

Цыпляев, 1911 - *Цыпляев П.* Письма гр. В.А.Перовского к Н.В.Балкашину // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. 23.

Червонная, 1987 - *Червонная С.М.* Искусство Татарии. М., 1987.

Черемшанский, 1859 - *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Чуйкевич, 1810 - *Чуйкевич П. А.* Подвиги казаков в Пруссии. СПб, 1810.

Чурко, 1927 - *Чурко М. Ф.* Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона АБССР. Уфа, 1927.

Шакур, 1981 - *Шакур Р.* Звезда поэзии Мифтахетдина Акмуллы (Жизнь. Творчество. Мировоззрение). Уфа, 1981.

Шакуров, 2006 - *Шакуров Р.З.* Звезда поэзии: Башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла. Уфа, 2006.

Шакурова, 1988 - *Шакурова Ф.А.* Правовой статус башкирских земель в период позднего феодализма (методологический аспект проблемы) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988.

Шамсутов, 2002 - *Шамсутов Р. И.* Искусство татарского шамаиля // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: Очерки. Казань, 2002.

Шамсутов, 2006 - *Шамсутов Р.И.* Шамаил // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1.

Шанская, 2001 - *Шанская Т.А.* Восприятие французской культуры русским дворянством (первая четверть XIX в.): Дис.... канд. ист. наук. Казань, 2001.

Шаяхметов, 1992 - *Шаяхметов Ф. Ф.* А. А. Куватов о причинах социально-экономического кризиса башкирского общества в середине XIX в. //Актуальные проблемы отечественной истории и современность. Уфа, 1992.

Шаяхметов, 2005 - *Шаяхметов Ф. Ф.* Между Великой Степью и оседлостью: Процессы седентаризации башкир и распространение земледелия в XVII-XIX веках. Уфа, 2005.

Шаяхметов, 2008 - *Шаяхметов Ф. Ф.* Болезненный переход башкир от военного сословия к гражданскому статусу // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII-XX веках: пороги безопасности: сб. статей. Оренбург, 2008.

Шаяхметов, 2009 - *Шаяхметов Ф. Ф.* Развитие военно-служилого сословно-правового статуса башкир и мишарей в период кантонной системы управления (1798-1865 гг.) // Военный фактор в российской истории в XVIII-XX веках: сб. статей. Тамбов, 2009.

Шиканов, 2002 - *Шиканов В.Н.* Первая Польская кампания. 1806-1807. М., 2002.

Шиле, 1879-*ШилеК.Л.* Башкиры. Этнографический очерк. // Природа и люди. 1879. Март.

Ширгазин, Калимуллина, 2007 - *Ширгазин А. Р., Калимуллина Д. Б.* Двухминаретная мечеть в деревне Тушкыр Балтачевского района - памятник исламского зодчества в Башкортостане // Архитектурное наследство. М., 2007.

Шишков, 1831 - *Шишков А. С.* Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденныя им во время пребывания его при блаженной памяти при государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831.

Шпицер, 1929 -*Шпицер С.М.* Из прошлого башкирского народа. Уфа, 1929.

Штукенберг, 1858 - *Штукенберг ИФ.* Статистические труды. СПб., 1858. Т. 1.

Шукштцев, 1903 - *Шукшищев И. С.* Волнения в Башкирии в 1835 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. XI.

Шукишнцев, 1907 - *Шукшищев И.С.* Описи казачьи 1795-1800 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 19.

Эверсманн, 1840 - *Эверсманн Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Казань, 1840. Ч. 1.

Юдин, 1890 -*Юдин П.Л.* Башкиры (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 35.

Юдин, 1891 - *Юдин П.Л.* Цесаревич Александр Николаевич в Оренбургском крае в 1837 году // Исторический вестник. 1891. № 10.

Юдин, 1896 - *Юдин П.Л.* Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. СПб., 1896. Кн. V.

Юдин, 1896а - *Юдин П.Л.* Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. Кн. VI.

Юдин, 1912 - *Юдин М.Л.* Оренбуржцы в войнах 1812-1814 годов. Ташкент, 1912.

Юлдашбаев, 1972 - *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (Дооктябрьский период). Уфа, 1972.

Юлдашев, 1953 - *Юлдашев А. А.* Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953.

Юлдашев, 1959 - *Юлдашев А.А.* К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959.

Юнусова, 1999 - *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

Якупов, 1998 - *Якупов Р.И.* Тептяри: Этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа, 1998.

Якупов, 2001 - *Якупов Р.И.* Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2001.

Якупов, 2002 -*Якупов Р.И.* Татары // Народы Башкортостана: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.

Якупов, 2010-*Якупов Р.И.* Татары // Башкирская энциклопедия: В 7 т. Уфа, 2010. Т. 6.

Якупов, 2010а - *Якупов Р.И.* Тептяри // Башкирская энциклопедия: В 7 т. Уфа, 2010. Т. 6.

Ямаева, 2002 - *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002.

Янгузин, 1968 - *Янгузин Р.З.* Земледелие зауральских башкир в первой половине XIX в. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

Янгузин, 1969 -*Янгузин Р.З.* История земледелия на территории Башкирии (II тыс. до н. э. - начало XX в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969,

Янгузин, 1973 -*Янгузин Р.З.* Земледелие башкир в 30-40 годы XIX в. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5.

Янгузин, 1975 -*Янгузин Р.З.* Хозяйство башкир (1798-1917 гг.) в дореволюционной историко-этнографической литературе // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 3.

Янгузин, 1975а - *Янгузин Р.З.* Дореволюционное хозяйство башкир в советской историко-этнографической литературе // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Уфа, 1975. Вып. 86.

Янгузин, 1979-*Янгузин Р.З.* Традиционный хозяйственный уклад башкир до сер. 60-х гг. прошлого столетия. Уфа, 1979.

Янгузин, 1989-*Янгузин Р.З.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.

Янгузин, 1996 - *Янгузин Р.З.* Об этнической принадлежности мишарей // Башкиры и Оренбуржье: История и современность. Уфа; Оренбург, 1996.

Янгузин, 1997 -*Янгузин Р.З.* Социальная структура башкирского общества в XVIII-XIX вв. Уфа, 1997.

Янгузин, 2002 - *Янгузин Р.З.* Отражение национального самосознания северо-западных башкир в материалах переписей XVIII-XIX вв. // Демография башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 2002.

Янгузин, 2002а - *Янгузин Р. З.* Этнокультурное взаимодействие башкир с народами Урало-Поволжья // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002.

Әсфәндияров, 1967 - *Әсфәндияров Ә.З.* Башҡорттарҙан беренсе медиктар //Ағиҙел. 1967. № 4.

Әсфәндияров, 1996 - *Әсфәндияров Ә.* Олатайҙарҙың бар тарихы... Өфө, 1996.

Библиография... 1999 — Библиография опубликованных трудов и сочинений Ризаэтдина Фахретдинова / Сост. Р. Ма
данов//Ризаэтдин Фахретдинов: Научно-биографический сб. Казань, 1999. (натат. яз.).

Габдулгани... 1913 - *Гани бай* (Габдулгани Хөсәйеновныц тәржемәи хәле, хатлары вә аның хакында хәтирәләр) /
Төзучесе Б.Шәриф. Оренбург, 1913. (араб. алф.).

Вильданов, 1981 — *ВильдановА.* Акмулла — певец света и разума. Уфа, 1981 (на башк.яз.).

Зәйнулла... 1908 - Зәйнулла бин Хәбибулла ән-Нәкшбәнди, Әхмәдҗан бин Габдул-Заһир Рәхманкули, Мөхәммәд
бин Мәхәммәд-Зариф Бикмәтов. Троицк гөләмәсе вә ысул җәдидә. (Троицкие духовные ученые и новый метод [обуче
ния грамоте].). Оренбург, 1908.

Кунафин, 1991 — *Кунафин Г.С.* Просветитель и писатель.Мухаметсалим Уметбаев: Жизнь. Мировоззрение. Творчество. Уфа, 1991 (набашк. яз.).

Мирхәйдәр, 1911 - *Мутаһар ибн мулла Мирхәйдәр.* Иске Кыешкы тарихы. Оренбург, 1911. (араб.алф.).

Мусулманские... 1908 — Мусульманские ученые г.Троицка и новый метод.Оренбург, 1908 (наяз.тюрки; араб.графика)

Мәрджәни, 1900 - *Шигабутдин Мәрджәни.* Мостәфәд Эл-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар. 2 жилдтә. Казан, 1900.
Жилд 2. (араб. алф.).

Нәҙерголов, 2003 - *Нәҙерголов М.Х.* Киммәтле хәтирәләр // Ағиҙел.2003. № 12.

Фархшатов, Халикова, 1984 — *Фархшатов М.Н., Халикова Р.Х.* XIX быуатта башкорттарзы укытыуза рус интеллигенцияһенен роле // Ағиҙел. 1984. № 4.

Фахрутдинов, 1925 - *Фахрутдинов Г.* Башкорт тарихы. Уфа, 1925. (набашк. яз.).

Хусаинов, 1991 - *Хусаинов Г. Б.* Мухамметсалим Уметбаев: Историко-биографическая книга. Уфа, 1991. (набашк. яз.).

Хусаинов, 1997 - *Хусаинов Т.Б.* Ризаитдин бин Фахретдин: Историко-биографическая книга. Уфа, 1997. (на башк. яз.).

Algar, 1974 - *Algar, Hamid:* Silent and vocal dhikr in the Naqshbandi order // Dietrich A. (Hrsg.) Akten des VII. Kongresses fur Arabistik und Islamwissenschaft. Gottingen, 15-22. August 1974. Gottingen, 1976.

Algar, 1976 -*Algar, Hamid:* The Naqshbandi Order. A Preliminary Survey of its History and Significance // Studia Islamica. 1976. Vol. 44.

Algar, 1992 - *Algar, Hamid:* Shaykh Zaynullah Rasulev: The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region // Gross, Jo-Ann (Ed.) Muslims in Central Asia. Expressions of Identity and Change. Durham; London, 1992. Пер. на рус. яз.: Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев - последний Великий Шейх суфийского братства Накшбандия в Волго-Уральском регионе / Пер. с англ. И. Р. Насырова // Ватандаш. 1998. № 9.

Algar, 1995 - *Algar, Hamid:* Naqshbandiyya // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London 1995. Vol. 8.

DeJong, 1986 - *De Jong F.* Al-Kutb // The Encyclopedia of Islam. New ed. Leiden; London, 1986. Vol. 5.

Frank, 1998 - *Frank A. J.* Islamic historiography and «Bulgar» identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden; Boston; Koln, 1998 Пер. на рус. яз.: Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. с англ. И.Хайбутдинова. Казань, 2008.

Gaborieau, Popovic, Zarcone, 1990 - *Gaborieau M., Popovic A., Zarcone Th. (Eds.)* Naqshbandis. Chimenements et situation actuelle d'un ordre mystique musulman. Istanbul; Paris, 1990.

Gammer, 1994 - *Gammer, Moshe:* Muslim Resistance to the Tsar - Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994. Пер. на рус. яз.: ГаммерМ. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Пер. с англ. В.Симакова. М., 1998.

Gormez, 1994 - *Gormez M.* Musa Carullah Bigief. Ankara, 1994.

Kemper, 1998 - *Kemper M.* Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998. Пер. на рус. яз.: Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане, 1789-1889: Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И.Гилязов. Казань, 2008.

Kugelgen, 1998 -*Kiigelgen, Ankevon:* Die Entfaltung derNaqsbandiyamujaddidiya im Mittleren Transoxanien vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts: Ein Stuck Detektivarbeit // Kugelgen von A, Kemper M, Frank A. (Hrsg.) Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1998. Bd. 2. Пер. на рус яз.: Кюгельген А. Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII до начала XIX в.: Опыт детективного расследования 7/ Суфизм в Центральной Азии (Зарубежные исследования): Сб. статей памяти Фритца Майера (1912-1998) / Сост. и отв. ред. А.А.Хисматуллин. СПб, 2001.

Maza§, 2002 -*Mazщ* /. Turk Diinyasmda Dini YenШşte (1850-1917). Istanbul, 2002. Пер. на рус. яз.: Религиозное обновление в тюркском мире (1850-1917) / Пер. с турец. З. Сахаутдинова и *Л.* Гаффарова. Казань, 2005.

Meier, 1994 - *Meier, Fritz:* Zwei Abhandlungen fiber die Nak§bandiyya. Istanbul; Stuttgart, 1994.

Meier, 1995 - *Meier, Fritz:* Meister und Schiller im Orden der Naqsbandiyya. Heidelberg, 1995.

Noack, 2000 - *Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917. Stuttgart, 2000.

Paul, 1991 - *Paul, Jurgen:* Die politische und soziale Bedeutung der Naqsbandiyya in Mittelasien im 15. Jahrhundert. Walter de Gruyter; Berlin; New York, 1991.

Schimmel, 1995 -*Schimmel, Annemarie:* Und Muhammad ist Sein Prophet: Die Verehrung des Propheten in der islamischen Frommigkeit. 3. Aufl. Mtinchen, 1995.

Schimmel, 1995a - *Schimmel, Annemarie:* Mystische Dimensionen des Islam: Die Geschichte des Sufismus. 3. Aufl. Mtinchen, 1995. Пер. на рус яз.: Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной и А. С. Раппорта. М, 1999.

Smith, 2008 - *Smith D.* An illustrated encyclopedia of uniforms of the Napoleonic wars. London: Lorenz books, 2008.

Spring, 2002 - *Spring L.* The Cossacks. 1799-1815. London: Ospray, 2002.

Wensinck, 1976- *WensinckA. J.* Salat //Handworterbuch des Islam/Hrsg. vonA.J.Wensinckund J.H.Kramers. 2, unverand. Aufl. Leiden, 1976.

Wilson, 1810 - *Wilson R.* Brief remarks on the character and composition of Russian army and sketch of the compaigns in Poland in the years 1806 and 1807. By sir Robert Wilson. London, 1810.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Р. *Н. Рахимов)*.....5

ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ БАШКИР В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВУЮ СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. КАНТОННАЯ СИСТЕМА

БАШКИРЫ В XIX ВЕКЕ. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Историография *(Р. Н. Рахимов)* 11
Источники *(Р. Н. Рахимов)* 21
Источники на тюрки *(Р. М. Булгаков, Р. Р. Кутушев)*..... 26

КАНТОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Введение кантонной системы управления *(А. З. Асфандияров)* 29
Трансформация кантонной системы управления *(А. З. Асфандияров)*..... 36
Башкиры в Уральском казачьем войске *(Р. Н. Рахимов)* 41
Военные губернаторы и башкиры *(Н. Л. Семенова)* 44

ВОЕННАЯ СЛУЖБА БАШКИР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Башкирское войско. Проекты его реформ *(Р. Н. Рахимов)* 52
Служба башкир на Оренбургской линии *(А. З. Асфандияров)* 59
Походы в степь. Трудовые и денежные повинности *(А. З. Асфандияров)*..... 64
Башкиры в наполеоновских войнах: Прусский поход 1807 года *(Р. Н. Рахимов)*..... 70
Башкиры в наполеоновских войнах: «Северные амуры» в Отечественной войне 1812 года (Р. *Н. Рахимов)* .. .74
Башкиры в наполеоновских войнах: Заграничный поход 1813-1814 годов *(Р. Н. Рахимов)*..... 84
Башкиры в русской армии в войнах 20-50-х годов XIX века (Р. *Н. Рахимов)*..... 96

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Земельное законодательство. Генеральное межевание и его последствия *(А. И. Акманов)*..... 104
Хозяйство башкир *(А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов)* 116
Процесс перевода полукочевых башкир к оседлости и земледелию (Ф. *Ф. Шаяхметов)*..... 124
Башкирский аул (Ф. *М. Сулейманов)*..... 139
Башкиры в пространстве хозяйственного ландшафта *(Ю. М. Абсалямов)* 143
Башкиры в промышленности. Промыслы *[Р. З. Мударисов)*..... 146

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В КАНТОННЫЙ ПЕРИОД

Демография башкир *(Г. А. Киньябаева)*..... 155
Башкирские чиновники: вертикаль социальной лестницы *(А. З. Асфандияров, Л. Ф. Тагирова, А. Я. Ильясова)*..... 163
Башкирская семья *(Г. А. Киньябаева)* 176
Исламский фактор в жизни башкирского общества *(Д. Д. Азаматов)*..... 190
Башкиры и припущенники: тептяри и мишари (Р. *Н. Рахимов)*..... 200
Башкиро-казахские отношения *(М. Р. Мирхайдарова)*..... 207
Социальный протест (Б[1]. *С. Давлетбаев)*..... 212

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Фольклор *(А. З. Асфандияров)* 221
Письменность и литература (*Г. С. Кунафин)*..... 226
Просвещение (М *Н. Фархшатов)* 231
Образ башкир у европейцев (Р. *Н. Рахимов)*..... 233

БАШКИРСКИЙ НАРОД
В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ

БАШКИРЫ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Отмена кантонной системы. Законодательство о башкирах *(Б. С. Давлетбаев)*....241
Земство и башкиры *(Г. Б. Азаматова)*....248
Мишари, тептяри, татары и их взаимоотношения с башкирами (М *Н. Фархшатов)*....253
Военная служба башкир во второй половине XIX века *(Р. Н. Рахимов)*....256

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР

Земельное законодательство *(А. И. Акманов)*....261
Расхищение башкирских земель *(А. И. Акманов)*....262
Начало аграрной модернизации (Ф. *Ф. Шаяхметов)*....269
Вовлечение башкир в промышленность и торговлю (С. *Х. Хакимов)*....274

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО

Демография башкир *(Г. А. Киньябаева)*....283
Социальная стратификация башкирского общества (Л. *Ф. Тагирова)*....285
Дворяне из башкир *(А. Я. Ильясова)*....288
Начало процесса урбанизации башкир *(А. И. Уразова)*....293

НА ПУТЯХ К КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият *(Д. Д. Азаматов)*....296
Религиозные институты в жизни башкирского общества: суфизм и власть (М *Н. Фархшатов)*....301
Джадидизм как мусульманский фактор интеграции (М *Н. Фархшатов)*....308
Башкирские просветители (*Г. С. Кунафин)*....313
Образ башкир у европейцев и в российской культуре *(Р. Н. Рахимов)*....325

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Фольклор *(А. З. Асфандияров)*....329
Башкирская мечеть *(А. Р. Ширгазин)*....332
Развитие башкирского литературного языка *(И. Г. Галяутдинов)*....339
Литература (М *Х. Надергулов)*....342
Просвещение (М *Н. Фархшатов)*....346

ЗАКЛЮЧЕНИЕ *(Р. Н. Рахимов)*....351

SUMMARY....355
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ....359
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ....368
СОКРАЩЕНИЯ....374
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА....376

CONTENTS

INTRODUCTION *(R. N. Rakhimov)*.....5

COMPLETION OF THE PROCESS OF BASHKIRS' INTEGRATION INTO THE ADMINISTRATIV AND LEGAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN STATE. THE CANTONAL SYSTEM

BASHKIRS IN THE XlXth CENTURY. HISTORIOGRAPHY AND SOURCES

Historiography *(R. N. Rakhimov)*..... 11
Sources *(R. N. Rakhimov)*.....21
Sources in Turkic *(R. M. Bulgakov, R. R. Kutushev)*.....26

CANTONAL MANAGEMENT SYSTEM

Introduction of the cantonal management system *(A. Z. Asfandiyarov)*.....29
Transformation of the cantonal management system *(A. Z. Asfandiyarov)*.....36
Bashkirs in the Urals Cossack troops *(R. N. Rakhimov)*.....41
Military governors and Bashkirs *(N. L. Semyonova)*.....44

BASHKIRS' MILITARY SERVICE IN THE FIRST HALF OF THE XlXth CENTURY

The Bashkir corps. Projects of its reformation (*R. N. Rakhimov)*.....52
Bashkir's service on the Orenburg line *(A. Z. Asfandiyarov)*.....59
Raids to the steppes. Labour and monetary obligations *(A. Z. Asfandiyarov)*.....64
Bashkirs in the Napoleonic wars: the Prussian campaign of 1807 *(R. N. Rakhimov)*.....70
Bashkirs in the Napoleonic wars: the «Northern Amours» in the 1812 Patriotic war *(R. N. Rakhimov)*.....74
Bashkirs in the Napoleonic wars: The foreign campaign of 1813-1814 *(R. N. Rakhimov)*.....84
Bashkirs in the Napoleonic wars in the 20-50s of the XlXth century *(R. N. Rakhimov)*.....96

BASHKIR ECONOMY IN THE FIRST HALF OF THE XlXth CENTURY

Agrarian legislation. The General survey and its consequences *(A. I. Akmanov)*.....104
Bashkir economy *(A. Z. Asfandiyarov, R. N. Rakhimov)*.....116
The process of transfer of half-nomadic Bashkirs to the settled way of life and farming *(F. F. Shayakhmetov)*... 124
The Bashkir village *(F. M. Suleimanov)*.....139
Bashkirs in the space of economic landscape *(Yu. M. Absalyamov)*.....143
Bashkirs in industry. Crafts *(R. Z. Mudarisov)*.....146

BASHKIR SOCIETY IN THE CANTONAL PERIOD

Demography of the Bashkirs *(G. A. Kinyabaeva)*.....155
Bashkir officials: the vertical of the social ladder *(A. Z. Asfandiyarov, L. F. Tagirova, A. Ya. Ilyasova)*.....163
The Bashkir family *(G. A. Kinyabayeva)*.....176
The Islamic factor in the life of Bashkir society *(D. D. Azamatov)*.....190
Bashkirs and the new settlers: Teptyars and Mishars *(R. N. Rakhimov)*.....200
Bashkir-Kazakh relations (M *P. Mirkhaidarova)*.....207
Social protest *(B. S. Davletbayev)*.....212

CULTURE OF THE BASHKIR PEOPLE IN THE FIRST HALF OF THE XlXth CENTURY

Folklore *(A. Z. Asfandiyarov)*.....221
Writing and literature *(G. S. Kunafn)*..... 226
Education *(M. N. Farkhshatov)*.....231
Image of Bashkirs among the Europeans *(R. N. Rakhimov)*.....233

BASHKIR PEOPLE IN MODERNIZING RUSSIA

BASHKIRS IN THE IMPERIAL SPACE OF RUSSIA
OF THE SECOND HALF OF THE XlXth - EARLY XXth CENTURIES

Abolition of cantonal system. Legislation on the Bashkirs *(B. S. Davletbaev*) 241
Zemstvo and the Bashkirs *(G. B. Azamatova)* ..... • • • 248
Mishars, Teptyars, Tatars and their interrelations with the Bashkirs (M *N.Farkhshatov)* 253
Bashkirs' military service in the second part of the XlXth century (*R. N. Rakhimov)* 256

ECONOMY OF THE BASHKIRS

Agrarian legislation *(A. I. Akmanov)* 261
Plunder of Bashkir lands *(A. I. Akmanov)* 262
The beginning of agrarian modernization (*F. F. Shayakhmetov)* 269
Involvement of Bashkirs into industry and trade *(S. Kh. Khakimov)* 274

THE BASHKIR SOCIETY

Demography of Bashkirs (*G. A. Kinyabayeva)* 283
Social stratification of the Bashkir society (*L. F. Tagirova)* 285
Bashkir nobility *(A. Ya. Ilyasova)* 288
Beginnings of Bashkir urbanization *(A. I. Urazova)* 293

ON THE WAYS OF CULTURAL AND SOCIAL INTEGRATION

Religious institutions in Bashkir society: «official» Islam and the Orenburg *muftiyat (D. D. Azamatov)* 296
Religious institutions in Bashkir society: sufism and power *(M. N. Farkhshatov)* 301
Jadidism as the Muslim factor of integration *(M. N. Farkhshatov)* 308
Bashkir Enlighteners (G. *S. Kunafiri)* 313
Image of Bashkirs among the Europeans and in the Russian culture (*R.N.Rakhimov)* 325

BASHKIR PEOPLE'S CULTURE

Folklore *(A. Z. Asfandiyarov)* 329
The Bashkir mosque *(A. R. Shirgazin)* 332
Development of Bashkir literary language *(I. G. Galyautdinov)* 339
Literature (M *Kh. Nadergulov)* 342
Education (M *N. Farkhshatov)* 346

CONCLUSION *(R. N. Rakhimov)* 351

SUMMARY 355
INDEX OF PROPER NAMES 359
INDEX OF PLACE NAMES 368
ABBREVIATIONS 374
SOURCES AND LITERATURE 376

История башкирского народа : в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. - СПб.: Наука, 2011. - 400 с.: ил. - ISBN 978-5-02-037008-1.
Т. IV. - 2011. - ISBN 978-5-02-038276-3 (т. 4) (в пер.)

Четвертый том «Истории башкирского народа» охватывает XIX в. В нем на основе анализа широкого круга источников и литературы освещаются процессы, связанные с интеграцией башкир в административно-правовую структуру российского имперского пространства и последующим развитием: кантонная система, Башкирское войско, участие в наполеоновских войнах, трансформация хозяйства, социальные отношения, культура.

Научное издание

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

В семи томах
Том IV

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук

Зав. редакцией *Л.Н. Ларионова*
Редакторы*Г.А. Альбова, Л. Р. Габитова,*
И.С. Сырлыбаева
Оформление и верстка *С. М. Ефименко, А. Г. Кужин*

Подписано в печать 14.12.2011. Формат 60x84 */8- Бумага офсетная.
Гарнитура BTBachkort. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,5 + вкл. 0,93. Тираж 10000 экз. Заказ № 2.0164.11.

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано с готовых файлов на Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан Уфимский полиграфкомбинат.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.